

500 ВЕЛИКИХ ПУТЕШЕСТВИЙ

Annotation

Стремление к поиску неведомых земель и исследованию дальних стран, наверное, присуще человечеству со времен его зарождения. Во все времена находились люди, бросавшие вызов неизведанному и смело отправлявшиеся навстречу приключениям и опасностям. Книга, продолжающая популярную серию «500 великих», рассказывает об удивительных судьбах и открытиях великих путешественников и землепроходцев – от древности до наших дней. Читатель встретит среди героев книги Марко Поло и Ибн-Баттуту, Афанасия Никитина и Эрнана Кортеса, Витуса Беринга и Семенова-Тян-Шанского, Николая Пржевальского и Миклухо-Маклая, Роберта Пири и Руала Амундсена.

- [Андрей Низовский](#)
 -
 - [Легенды, ставшие реальностью...](#)
 - [Вслед за аргонавтами](#)
 - [По следам Одиссея](#)
 - [Дорогой Энея](#)
 - [Вокруг «Ливии»](#)
 - [Через Атлантику со Святым Бренданом](#)
 - [Восьмое путешествие Синдбада](#)
 - [«Хокулеа» идет по следам предков](#)
 - [...И реальность, ставшая легендой](#)
 - [Хирхуф открывает Нубию](#)
 - [Корабли идут в Пунт](#)
 - [Странный отчет царевича Сатаспа](#)
 - [За Геркулесовыми Столбами](#)
 - [Аристей у исседонов](#)
 - [Загадочный Эвтимен](#)
 - [Плавание Ганнона к «Колеснице богов»](#)
 - [Гимилькон в Атлантике](#)
 - [Путешествие Пифея-лжеца](#)
 - [«Оранг малайу» – морские кочевники](#)
 - [Павлины в Вавилоне, или Древние индийские мореходы на Великой муссонной дороге](#)

- [«Карийский капитан» Скилак](#)
- [Неарх идет на запад](#)
- [Плавание Евдокса](#)
- [Путешествие в страну Агасимба](#)
- [«И Туле не будет пределом земли...»](#)
- [Открытие Эллады](#)
- [По поверхности плоской земли](#)
- [Путешественники из поднебесной](#)
 - [Кенгуру при дворе китайского императора](#)
 - [Плавание к острову Бессмертных](#)
 - [Странствия Сыма Цяня](#)
 - [Тридцатилетняя одиссея Бань Чао](#)
 - [Китайский Колумб](#)
 - [Странствия Фа Сяня](#)
 - [Сюаньцзан в «странах Запада»](#)
 - [Через Гоби и Тянь-Шань](#)
 - [Удивительные путешествия адмирала Чжэн Хэ](#)
 - [Горы и реки](#)
- [Путешественники арабского Востока](#)
 - [Путешествие к «стене Гога и Магога»](#)
 - [По следам Сулеймана из Басры](#)
 - [Аль-Якуби в стране золота](#)
 - [«Арабский Геродот»](#)
 - [Ибн Фадлан в стране болгар](#)
 - [Ибн Хаукал: купец или разведчик?](#)
 - [Ал-Усвани за порогами Нила](#)
 - [У врат Тропической Африки](#)
 - [«Слоновый лекарь» исследует мир](#)
 - [Арабские моряки в Атлантическом океане](#)
 - [Ибн-Баттута: по заветам Корана и по зову сердца](#)
- [Путешественники Средневековья](#)
 - [За тридевять земель с Вениамином Тудельским](#)
 - [Необыкновенное странствие бродячего миннезингера](#)
 - [Путешествие монаха Юлиана В поисках «Великой Венгрии»](#)
 - [Путешествие Плано Карпини в страну монголов](#)
 - [Андре Лонжюмо идет в «монгольские страны»](#)

- [Миссия Гильома Рубрука](#)
- [Джованни Монтекорвино, архиепископ Китая](#)
- [«Марко-миллионе»](#)
- [Путешествие Гильома Адана](#)
- [От Падуи до Пекина](#)
- [В гостях у великого хана](#)
- [Скитания Иоганна Шильтбергера](#)
- [Жильбер де Ланнуа: полвека в дороге](#)
- [Николо Конти: четверть века на Востоке](#)
- [«За три моря» с Афанасием Никитиным](#)
- [Приключения Лодовико ди Вартема](#)
- [Олай Магнус открывает Скандинавию](#)
- [Поход на Север](#)
- [Открытие Востока](#)
 - [Из Голштинии в Персию и обратно](#)
 - [Карстен Нибур в Йемене](#)
 - [Путешествие Али-бея по Аравии](#)
 - [Ульрих Гаспар Зетцен: приключение с трагическим финалом](#)
 - [Шейх Иоганн](#)
 - [Опасный путь в Персию](#)
 - [Марш через Аравийский полуостров](#)
 - [Барон Вреде в песках Хадрамаута](#)
 - [Георг Валлин в Аравии](#)
 - [Карло Гуармани в городе «темнокожих иудеев»](#)
 - [Азиатские странствия Арминия Вамбери](#)
- [Вокруг света](#)
 - [«Ты первый обошел вокруг меня»](#)
 - [Первое плавание русских кораблей вокруг света](#)
 - [Плавание «Урании»](#)
 - [Отто Коцебу: три витка вокруг планеты](#)
 - [Экспедиция на «Бигле»](#)
 - [Семилетняя одиссея «Сплендидо»](#)
- [Долгий путь к Америке](#)
 - [Сага об Ари, сыне Марса, доблестном викинге](#)
 - [Путешествие в страну Винланд](#)
 - [Загадка принца Мадога](#)

- [Фантастическое плавание братьев Дзено](#)
- [Открытие Индии, которая оказалась Америкой](#)
- [Золотой мираж Индии](#)
- [Пинсон идет по следам Колумба](#)
- [Три плавания Алонсо де Охеды](#)
- [Несчастье Америго Веспуччи](#)
- [Наперегонки с Колумбом](#)
- [Джованни да Вераццано в устье Гудзона](#)
- [Жак Картье открывает Канаду](#)
- [Дорогами великих конкистадоров](#)
 - [Бальбоа открывает Тихий океан](#)
 - [Путешествие В поисках источника вечной молодости](#)
 - [Хуан Солис в устье Ла-Платы](#)
 - [Поход в страну Белого короля](#)
 - [Упрямый Себастьян Кабот](#)
 - [Франсиско Эрнандес де Кордоба в стране майя](#)
 - [Открытие Мексики](#)
 - [Дети Кецалькоатля](#)
 - [Педро де Альварадо: бросок на юг](#)
 - [Франсиско де Монтехо в джунглях Юкатана](#)
 - [Писарро и Альмагро ищут страну Биру](#)
 - [Звездный час Франсиско Писарро](#)
 - [На поиски легендарной Сиволы](#)
 - [Кабеса де Вака: семь лет среди индейцев](#)
 - [Путешествие Франсиско Коронадо](#)
 - [Эрнандо де Сото в погоне за миражом](#)
 - [Открытие Калифорнии](#)
 - [Через Анды в Чили](#)
 - [Борьба за Буэнос-Айрес](#)
 - [От Аргентины до Перу](#)
 - [Кабеса де Вака в Парагвае](#)
 - [Эрнандо Сааведра ищет город Цезарей](#)
- [Легенда о стране Эльдорадо](#)
 - [На штурм Эльдорадо: с юга...](#)
 - [С севера...](#)
 - [...И с востока](#)
 - [Открытие и закрытие Эльдорадо](#)

- [Неугомонный немец](#)
- [В Эльдorado по Амазонке](#)
- [Лопе де Агирре, «князь Свободы»](#)
- [Загадка страны Маноа](#)
- [Авантюрист Ее величества](#)
- [Вслед за Конкистадорами](#)
 - [Вверх по Амазонке](#)
 - [Вокруг Бразилии](#)
 - [Хорватский барон в Мексике](#)
 - [Снега Чимборасо](#)
 - [Александр Гумбольдт: новое открытие Америки](#)
 - [Путешествие зоолога и ботаника по Бразилии](#)
 - [Русские в Бразилии](#)
 - [Тайна, скрытая сельвой](#)
 - [В дебрях Гвианы](#)
 - [По рекам Бразилии](#)
 - [В Патагонии как дома](#)
 - [У подножия великого ледника](#)
 - [От Анд до Атлантики](#)
 - [Жюль Крево: шесть лет в дебрях Амазонии](#)
 - [Восхождение на Аконкагуа](#)
 - [Дороги братьев Селян](#)
 - [На «ты» с индейцами майя](#)
 - [Затерянный в мире](#)
 - [К истоку Ориноко](#)
 - [В поисках истоков Амазонки](#)
- [Северная Америка](#)
 - [Плавание к «Тресковой земле»](#)
 - [На берегах Онтарио](#)
 - [Этьен Брюле: друг индейцев, враг индейцев](#)
 - [За грядой Аппалачских гор](#)
 - [Вниз по великой реке](#)
 - [Смерть на Миссисипи](#)
 - [Генри Келси, «секретный» путешественник](#)
 - [По тундре в «чудесную страну»](#)
 - [Пьер Верандри и «белые индейцы»](#)
 - [В стране «черноногих»](#)

- [К океану по «медной реке»](#)
- [Питер Понд в стране пушнины](#)
- [Два путешествия Александра Маккензи](#)
- [Через два океана на Дальний Запад](#)
- [Конец легендам: третье кругосветное плавание Джорджа Ванкувера](#)
- [Через весь континент](#)
- [Зебулон Пайк: через плен к успеху](#)
- [Десять тысяч километров по Америке](#)
- [По просторам Дальнего Запада](#)
- [Пихты и золото](#)
- [По следам Джона Фримонта](#)
- [Майкл Владимиров путешествует по Америке](#)
- [Герцог Аbruццкий на горе Святого Ильи](#)
- [Неизведанная Аляска](#)
 - [Смерть подштурмана Федорова](#)
 - [Последнее открытие Америки](#)
 - [Плавание лейтенанта Чирикова](#)
 - [К берегам «острова Алякса»](#)
 - [В устье Медной реки](#)
 - [Америка Григория Шелехова](#)
 - [Начальник Аляски](#)
 - [«Русские креолы» исследуют Аляску](#)
 - [Путешествие Лаврентия Загоскина по рекам Аляски](#)
 - [Вниз по Юкону](#)
 - [Через Аляску с юга на север](#)
- [Гренландия](#)
 - [Эйрик Рыжий на побережье Гренландии](#)
 - [Шаг к Америке](#)
 - [«Апостол эскимосов»](#)
 - [Через Гренландию к полюсу](#)
 - [Гибель во льдах](#)
 - [Гренландские дороги Кнуда Расмуссена](#)
- [Поиски Северо-Западного прохода](#)
 - [Мартин Фробишер и черные камни](#)
 - [«Существование прохода в высшей степени вероятно...»](#)
 - [Имя на карте](#)

- [На поиски Гудзона и... Северо-Западного прохода](#)
- [«Фантастические» открытия Роберта Байлота](#)
- [Уильям Баффин закрывает Северо-Западный проход](#)
- [Последние тайны Гудзонова залива](#)
- [Пессимисты и оптимисты](#)
- [Джон Росс в проливе Ланкастер](#)
- [В шаге от успеха](#)
- [К Атлантике через Берингов пролив](#)
- [«Господь ввел их в тихую пристань»](#)
- [Последние километры](#)
- [В поисках пропавшей экспедиции](#)
- [Драма «Полариса»](#)
- [Четыре зимы на острове Элсмир](#)
- [«Йоа» идет на запад](#)
- [В годы войны](#)
- [Поиски Северо-Восточного прохода](#)
 - [Путешествие в Биармию](#)
 - [Экспедиция Уиллоуби и Ченслера](#)
 - [Барроу и Лошак](#)
 - [«История Китая» в Ледяной гавани](#)
 - [Путешествие к северным народам](#)
 - [Трудный путь к Оби](#)
 - [От Оби до Енисея](#)
 - [Семейный подвиг Прончищевых](#)
 - [На краю континента](#)
 - [Хартион Лаптев на Таймыре](#)
 - [Тысячи миль Дмитрия Лаптева](#)
 - [Отчаянная попытка Никиты Шалаурова](#)
 - [Несостоявшаяся встреча](#)
 - [Тайна острова Котельный](#)
 - [Через Берингов пролив](#)
 - [Четыре плавания Федора Литке](#)
 - [На горизонте – Земля Санникова](#)
 - [Мираж «матерой земли»](#)
 - [«Вега» идет на восток](#)
 - [«Мы можем ждать спасения лишь от чуда...»](#)
 - [В поисках Земли Санникова](#)

- [«Таймыр» и «Вайгач»: точка поставлена](#)
- [В дело вступает Амундсен](#)
- [Эпопея «Челюскина»](#)
- [В Арктике](#)
 - [На земле Франца-Иосифа](#)
 - [Во льдах на «Фраме»](#)
 - [Тысяча дней в Арктике](#)
 - [Вильяльмур Стефансон покоряет Арктику](#)
 - [Северный полюс: незаконченный спор](#)
 - [Отчаянная попытка Георгия Седова](#)
 - [Дрейф папанинцев](#)
- [По просторам России](#)
 - [Ермак в Сибири](#)
 - [Русские знакомятся с Китаем](#)
 - [Вверх по Угрюм-реке](#)
 - [На берегу Тихого океана](#)
 - [Закрытое открытие Василия Пояркова](#)
 - [Беспокойный Амур](#)
 - [Федор Байков в Ханбалыке](#)
 - [Забайкальские приключения Петра Бекетова](#)
 - [Путешествие ученого грека в Китай](#)
 - [Открытие Владимира Атласова](#)
 - [Мессершмидт в Сибири](#)
 - [«Колумб» Камчатки](#)
 - [Герхард Миллер, «отец этнографии»](#)
 - [Академик Паллас пересекает Россию](#)
 - [Иван Лепехин на Урале и Белом море](#)
 - [На подступах к Уралу](#)
 - [«Минералогические путешествия» Эрика Лаксмана](#)
 - [По морю и посуху](#)
 - [Первый русский китаист](#)
 - [Через тундру](#)
 - [Тридцать тысяч километров по Сибири](#)
 - [В горах Западного Саяна](#)
 - [Русский флаг в устье Амура](#)
 - [Тайны якутской равнины](#)
 - [С геологическим молотком по Сибири](#)

- [Ян Черский и тайна Байкала](#)
- [«Кавказ подо мною. Один в вышине...»](#)
- [В дебрях Уссурийского края](#)
- [На Дальнем Востоке](#)
 - [От Китая к «островам Армянина»](#)
 - [Голландцы на Сахалине](#)
 - [Японский вояж Энгельберта Кемпфера](#)
 - [Злоключения Василия Головнина](#)
 - [«Шпион» открывает Японию](#)
 - [Последнее открытие Японии](#)
 - [«Паллада», «Диана», «Хэда»...](#)
 - [Обретение «матрешки»](#)
- [От Амударьи до Новой Гвинеи](#)
 - [От Каспия до Хивы: трагедия князя Черкасского](#)
 - [Иван Унковский в сердце Азии](#)
 - [На плоскогорье Декан](#)
 - [В предгорьях Гималаев](#)
 - [Джордж Эверест и «третий полюс»](#)
 - [Каменное чудо в джунглях](#)
 - [Через Восточный Саян](#)
 - [Открытие Тянь-Шаня](#)
 - [Через Каракорум навстречу смерти](#)
 - [Купец Алихан в Восточном Туркестане](#)
 - [В горах Памира](#)
 - [Четыре похода Николая Пржевальского](#)
 - [Монголия, Китай, Тибет...](#)
 - [Барон Рихтгофен в Китае](#)
 - [Монгольские дороги Григория Потанина](#)
 - [У Больших озер и в Туве](#)
 - [Поход в страну тангутов](#)
 - [Через пустыни и горы](#)
 - [Покорение «властелина неба»](#)
 - [Открытие Тибета](#)
 - [За стенами Лхасы](#)
 - [Мертвый город и гробница Чингисхана](#)
 - [Двести тысяч километров Владимира Обручева](#)
 - [Тейяр де Шарден и загадка происхождения человека](#)

- [Джузеппе Туччи в Тибете](#)
- [Топографы у пика Победы](#)
- [Высоты братьев Абалаковых](#)
- [На штурм Чогори](#)
- [О муравьях, добывающих золото](#)
- [Вокруг Африки в Индию](#)
 - [«Сколь необычное дело им предстояло совершить...»](#)
 - [Мираж Золотой реки](#)
 - [Жил Эанниш огибает мыс Бохадор](#)
 - [Африка открывает первые тайны](#)
 - [Вверх по Гамбии](#)
 - [От Гвинеи до Намибии](#)
 - [Добрая надежда](#)
 - [Из Европы в Индию и обратно](#)
 - [Из Португалии в Индию через... Америку](#)
- [Африка](#)
 - [Ансельм д'Изальгие на Нигере](#)
 - [В сердце Сахары](#)
 - [Инок Варсонофий открывает Египет](#)
 - [Тимбукту – таинственный город в песках](#)
 - [Долгая дорога Педру ди Ковильяна](#)
 - [Антониу Фернандиш в «стране золота»](#)
 - [Мавр сделал свое дело...](#)
 - [Радзивилл спускается в гробницу](#)
 - [«Лютый зверь коркодил»](#)
 - [Арсений Суханов в Александрии и Каире](#)
 - [От Латвии до Гамбии](#)
 - [Армянские путешественники пересекают Африку](#)
 - [Василий Григорович-Барский в «граде Александрии»](#)
 - [Петер Кольб в стране готтентотов](#)
 - [В поисках «длинноволосых людей»](#)
 - [Андреас Спаррман: жизнь среди бушменов](#)
 - [Романтическое путешествие Джеймса Брюса в Эфиопию](#)
 - [За птицами](#)
 - [Фридрих Хорнеман в стране пустынь](#)
 - [«Бедный белый человек...»](#)
 - [Смерть на озере Мофо](#)

- [Генрих Лихтенштейн, „друг бечуанов](#)
- [У порогов Конго](#)
- [Барон Брамбеус в Нубии](#)
- [Трудный путь к Нигеру](#)
- [Цена открытия – жизнь](#)
- [Александр Гордон Ленг: подвиг и гибель](#)
- [Рене Кайе в Тимбукту](#)
- [С астролябией по Эфиопскому нагорью](#)
- [Снега Килиманджаро](#)
- [Егор Ковалевский: за золотом во Внутреннюю Африку](#)
- [Генрих Барт: десять тысяч километров по Сахаре](#)
- [По рекам Южного Судана](#)
- [Путешествие в страну людоедов](#)
- [Цель – озеро Нгами](#)
- [Бертон и Спик в области Великих озер](#)
- [«С Нилом все в порядке»](#)
- [Сэмюэл Бейкер открывает озеро Альберт](#)
- [Ботаник в стране каннибалов](#)
- [Карл Маух в долине Замбези](#)
- [Тропой Ливингстона](#)
- [Тысячи африканских дней Генри Стэнли](#)
- [Поперек Африки](#)
- [Путешествия венгерского моряка по Анголе](#)
- [Среди горилл и пигмеев](#)
- [Лимпопо, Лимпопо, Лимпопо...](#)
- [Русский в Магрибе](#)
- [Пятнадцать лет в Сахаре](#)
- [Густав Нахтигаль в глубинах Африки](#)
- [К истокам Белого Нила](#)
- [Русский путешественник у людоедов ньям-ньям](#)
- [В стране великих озер](#)
- [В дебрях Анголы и Конго](#)
- [В лабиринте рек](#)
- [К вершине горы Камерун](#)
- [Странствия Эмиля Голуба](#)
- [Походы Оскара Ленца](#)
- [От Килиманджаро к озеру Рудольфа](#)

- [Покорить Килиманджаро!](#)
- [Драгутин Лерман – губернатор Конго](#)
- [Через страну масаев к истокам Нила](#)
- [Приключения гусара-схимника](#)
- [В поисках затерянного города](#)
- [У истоков Белого Нила](#)
- [Мадагаскар](#)
 - [Луиш Мариану: с крестом и с записной книжкой](#)
 - [Этьен де Флакур на «Великом острове Мадагаскар»](#)
 - [Роберт Друри: пятнадцать лет в плену.](#)
 - [Никола Мэер в дебрях Мадагаскара](#)
 - [В поисках яйца эпиорниса](#)
- [На Зеленом континенте и вокруг него](#)
 - [Секретное открытие Австралии](#)
 - [Виллем Янсзон делает первый шаг](#)
 - [Плоская земля на горизонте](#)
 - [Открытие Арнхемленда](#)
 - [От Австралии до Явы на шлюпке](#)
 - [Плавание Тасмана: новые открытия и новые загадки](#)
 - [Ученый пират у берегов Австралии](#)
 - [Кто назвал Австралию Австралией?](#)
 - [Крестный путь капитана Бодена](#)
 - [Два путешествия Чарлза Стёрта](#)
 - [Счастливая Австралия Томаса Митчелла](#)
 - [На вершине Зеленого континента](#)
 - [Путешествие овцевода Эйра](#)
 - [Где-то в Австралии...](#)
 - [В поисках пропавшей экспедиции](#)
 - [Цена жизни – девять часов](#)
 - [Трудный путь на север](#)
- [Океания](#)
 - [Полинезийские экспедиции](#)
 - [«Теперь я отбываю и никогда не вернусь!»](#)
 - [Кто открыл Новую Зеландию?](#)
 - [Португальцы встречаются с папуасами](#)
 - [Тихоокеанское плавание Андреса Урданеты](#)
 - [Путешествие в страну Офир](#)

- [У врат Нового Иерусалима](#)
- [Бегство навстречу славе](#)
- [Голландский путь в Ост-Индию](#)
- [Вокруг мыса Горн](#)
- [Стычка в Заливе Убийц](#)
- [Здравствуй, Робинзон!](#)
- [Встреча с каменными истуканами](#)
- [Приключения Джона Байрона](#)
- [С астролябией и картой](#)
- [Путешествие через водную пустыню](#)
- [Новые старые дороги Луи Бугенвиля](#)
- [Навстречу смерти](#)
- [Три плавания Джеймса Кука](#)
- [«Нет ли вестей от Лаперуза?»](#)
- [По следам пропавшей экспедиции](#)
- [За бобрами](#)
- [Трижды вокруг света](#)
- [С острова на остров](#)
- [«Человек с Луны»](#)
- [Морскими дорогами Кука](#)
- [Антарктика](#)
 - [Земля в океане](#)
 - [Таинственный Южный материк](#)
 - [Открытие Антарктиды](#)
 - [На горизонте – неведомая земля](#)
 - [Перед ледяным барьером](#)
 - [Пятнадцать месяцев в Антарктике](#)
 - [Борьба за Южный полюс](#)
 - [Зимовка в «снежной дыре»](#)
 - [Неудача Эрнста Шеклтона](#)
 - [Пешком через ледяную пустыню](#)
 - [Ричард Бэрд в Антарктиде](#)
 - [Над Антарктидой](#)
 - [Две зимы на Земле Грэма](#)
 - [Под крылом – Ледовый континент](#)
- [Дорогами легендарных авантюристов](#)
 - [Плавание «Золотой лани»](#)

- [Одиссея большеперечского острожника](#)
- [Мятеж на «Баунти»](#)
- [Мореплаватели-одиночки](#)
 - [Один через Атлантику](#)
 - [На грани жизни и смерти](#)
 - [Кругосветное плавание Джошуа Слокама](#)
 - [Через Атлантический океан... без пальцев](#)
 - [Пешком вокруг света](#)
 - [На «железном олене» через вечную мерзлоту](#)
 - [В одиночку по Южным морям](#)
 - [Навстречу рекорду](#)
 - [На плоту через Тихий океан](#)
 - [Ален Бомбар: за бортом по доброй воле](#)
 - [В одиночку вокруг света](#)
 - [На всех полюсах мира](#)
 - [Через два полюса](#)
- [Путешественники поневоле](#)
 - [Спасительный плот](#)
 - [Сорок девять дней на «Т-36»](#)
 - [Затерянный в океане](#)
 - [Десятимесячный дрейф мексиканских рыбаков](#)
- [Точки экстрима](#)
 - [Подводная одиссея Жака-Ива Кусто](#)
 - [Вокруг света на грузовике](#)
 - [Восхождение на Эверест](#)
 - [В бездне](#)
 - [Плавание «Кон-Тики»](#)
 - [«Ра» пересекает Атлантику](#)
 - [Тысячи километров «Тигрису»](#)
 - [Исчезновение Майкла Рокфеллера](#)
 - [Юлия и Дончо Папазовы: две души в одной лодке](#)
- [В небесах](#)
 - [Гибель «Орла»](#)
 - [Перелет через Атлантику Чарлза Линдберга](#)
 - [К Северному полюсу на дирижабле\[2\]](#)
 - [С Чкаловым через полюс](#)
 - [Тайна арктической катастрофы](#)

- [Амелия Эрхарт: воздушная одиссея с трагическим финалом](#)
- [Заблудившийся Корригэн](#)
- [Элджин Лонг: история человека, одержимого мечтой](#)
- [Воздушная кругосветка Стива Фоссета](#)
- [Литературные путешествия](#)
 - [Поэт-скиталец](#)
 - [Дорогами Дон Кихота](#)
 - [Французский драматург в Лапландии](#)
 - [Даниель Дефо и Робинзон Крузо](#)
 - [Рассказы о далеких островах](#)
 - [Путешествие из Петербурга в Москву](#)
 - [Искания Шатобриана](#)
 - [Смерть «Чайльд Гарольда»](#)
 - [Путешествия Анри Стендаля, солдата и туриста](#)
 - [Пушкин на Кавказе](#)
 - [Сфинксы и «Ветка Палестины»](#)
 - [«Черкес» Александр Дюма](#)
 - [С Жюлем Верном вокруг света](#)
 - [Томас Майн Рид: между правдой и вымыслом](#)
 - [Герман Мелвилл в южных морях](#)
 - [Марк Твен: «Путешествия гибельны для предрассудков...»](#)
 - [Остров сокровищ Роберта Льюиса Стивенсона](#)
 - [Жизнь среди индейцев](#)
 - [Бегство Артюра Рембо](#)
 - [«Сквозь Черчерские дикие горы...»](#)
 - [Снежная тропа Джека Лондона](#)
 - [Эрнест Хемингуэй: на войне и без войны](#)
 - [В Стамбул пешком](#)
 - [Уилфред Тесиджер, король пустыни](#)
 - [Приключения Эрика Ньюби](#)
 - [Маленькая женщина в большом мире](#)
 - [Русский дневник Джона Стейнбека](#)
 - [Человек «Оленьего края»](#)
- [notes](#)
 - 1

o 2

Андрей Низовский

500 великих путешествий

©Низовский А.Ю., 2013

©ООО «Издательский дом «Вече», 2013

©ООО «Издательство «Вече», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

©Электронная версия книги подготовлена компанией ЛитРес (www.litres.ru)

Легенды, ставшие реальностью...

Вслед за аргонавтами

...Отправляя в далекое и опасное путешествие отважного Ясона, жестокий узурпатор Пелий рассчитывал таким образом избавиться от опасного соперника: Ясон, законный наследник царя Эсона, пользовался поддержкой граждан греческого города Иolk. Пелий поставил условие: прежде чем занять трон, Ясон должен был отправиться в далекую Колхиду и завладеть золотым руном. Это путешествие обещало быть очень опасным, и узурпатор в глубине души надеялся, что Ясон сгинет где-нибудь в пути. Но судьба распорядилась иначе.

Вокруг Ясона собралось множество героев – знаменитый Тесей, победитель Минотавра; неразлучные братья Кастор и Полидевк; легендарный охотник Мелеагр из Калидона; крылатые Калаид и Зет – сыновья бога ветров Борея; могучие богатыри Анкей, Адмет, Теламон, великий певец Орфей. Даже величайший из греческих героев, Геракл, согласился принять участие в походе. А опытный и умелый кораблестроитель Арг построил для Ясона и его спутников корабль. Корабль получил название «Арго», а герои, принявшие участие в походе, по его имени стали зваться аргонавтами.

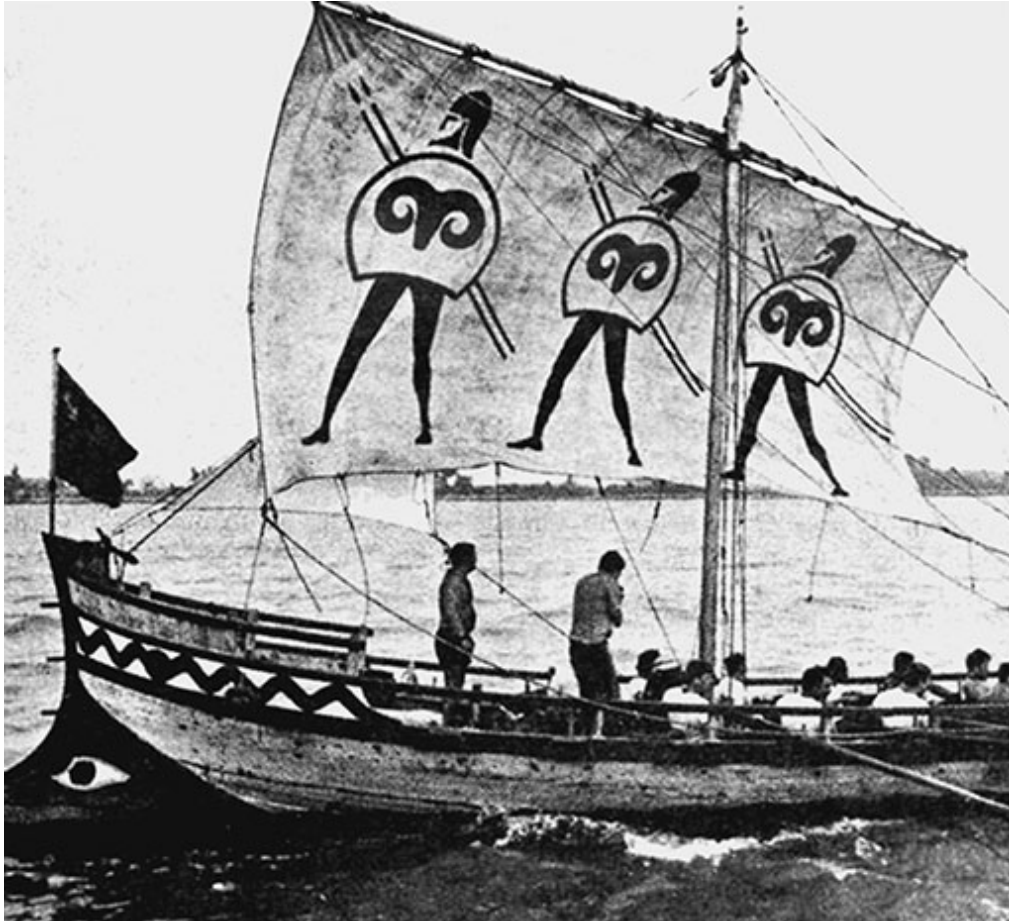
Ясон и аргонавты

На пути к Колхиде Ясон и его товарищи преодолели множество препятствий. На побережье Малой Азии им встретились шестирукие великаны, бросавшие в корабль огромные камни, а для того, чтобы попасть в Черное море, аргонавтам пришлось миновать опасные скалы Симплегады. Они находились в постоянном движении – то расходились, то сходились вновь, ударяясь друг о друга со страшным грохотом. Но «Арго» благополучно миновал и это препятствие, лишь конец руля раздробили сомкнувшиеся за его кормой скалы...

Достигнув Колхиды, аргонавты при помощи царевны Медеи, полюбившей Ясона, завладели золотым руном. Назад они возвращались через Дунай, поднявшись вверх по течению великой реки и там по

одному из ее рукавов спустившись в Адриатическое море. Огибая Балканский полуостров, аргонавты побывали на острове волшебницы Цирцеи, благополучно прошли между Сциллой и Харибдой, миновали остров сирен, чары которых преодолел своей песней Орфей, проплыли через узкий пролив Планкты, под сводами огромных утесов, где волны кружились в исполинском водовороте, порой вздымаясь до верхушек скал... Когда вдали уже показались берега Пелопоннеса, «Арго» подхватил небывалой силы вихрь. Он долго нес корабль по безбрежному морю и наконец выбросил его на побережье жаркой Ливии (так в древности именовалось побережье Северной Африки к западу от Египта). Двенадцать дней на своих плечах несли аргонавты корабль через знойную пустыню, изнемогая от жары и жажды. Наконец они достигли страны гесперид. Здесь герои запаслись водой, провизией и вышли в открытое море. Пережив еще ряд приключений, они в итоге благополучно дошли до гавани Иолка...

Ирландец Тим Северин многие годы занимался историческими реконструкциями древних морских путей различных народов. Одним из его предприятий стало путешествие в 1984–1985 гг. на точной копии древнегреческого судна по маршруту аргонавтов. Тим Северин назвал свой корабль «Арго» – точно так же, как назывался корабль Ясона и его друзей.

«Арго» Тима Северина

Ученые уже давно рассматривают миф об аргонавтах как вполне достоверный рассказ о греческих путешественниках – скорее всего, о тех, кто впервые вышел в Черное море. С течением времени легенда о Ясоне обросла различными подробностями и претерпела множество трансформаций, в нее вплелись и мотивы, связанные со странствиями Одиссея, и сюжеты, повествующие о подвигах других мореплавателей древности, ходивших и к берегам Северной Африки, и в Адриатику. Таким образом, повесть об аргонавтах стала своеобразным сводом легенд о первых мореходах, отправившихся покорять далекие моря, а корабль Ясона «Арго» вплоть до конца античных времен считался «первым плавающим кораблем» в мире. Сегодня исследователи склоняются к мысли, что он принадлежал к типу 20-весельной эйкосоры. Это было быстроходное и довольно вместительное судно: кроме полусотни воинов (они же были и гребцами) корабли подобного типа были способны перевозить пассажиров, съестные припасы,

вооружение и даже жертвенных быков. Приспособленность эйкосоры к дальним плаваниям подтвердила экспедиция Тима Северина: его «Арго» с интернациональным экипажем продемонстрировал отличные мореходные данные и достиг берегов Колхиды – современной Грузии. Именно здесь, в бассейне реки Риони (Фазиса), в древности был распространен необычный метод промывки золота: бараньи шкуры погружали в проточную воду, чтобы несомые течением крупинки золота застревали в густой шерсти. Из этого обычая, по-видимому, и родился миф о золотом руне. И даже в кажущемся совсем уж фантастическим рассказе о пути, которым Ясон возвращался домой, очевидно, тоже есть доля истины. Чуть ли не со времен каменного века существовала торговая дорога, которая через Дунай и Саву вела к Адриатическому побережью. Тот, кто побывает в этих краях, может воочию увидеть остатки доисторического колесного волока на последнем отрезке пути – близ побережья Адриатики.

По следам Одиссея

Знаменитая «Одиссея», созданная около VII в. до н. э., считается одним из первых приключенческих романов в истории человечества. Ее автор, слепой певец Гомер, не только имел дар стихосложения, но и прекрасно разбирался в искусстве кораблевождения. Правда, некоторые исторические факты, приведенные в поэме, сомнительны, географические сведения – туманны. Тем не менее «Одиссея» является настоящей энциклопедией географических представлений древних греков.

Где побывал Одиссей во время своих странствований? Есть все основания предполагать, что в поэме описано реальное путешествие – одно или несколько – древних мореплавателей по Средиземному и Черному морям. Многие исследователи пытались вычертить его маршрут. Одной из наиболее разработанных и даже проверенных на собственном опыте является гипотеза известного ирландского путешественника и исследователя Тима Северина. Он попытался воспроизвести путешествие Одиссея, отправившись в плавание с командой из 13 человек на 18-метровой галере «Арго» – точной копии древнегреческого судна. По мнению Северина, Одиссей, отойдя от берегов Малой Азии, повел свои корабли на северо-запад вдоль побережья Фракии. Беды начались за мысом Малея, юго-восточным «клыком» Пелопоннеса – это последняя точка, до которой можно проследить его путь, опираясь на географические реалии, содержащиеся в тексте Гомера. От Малеи штормовые ветры помчали Одиссея на юг: «Девять дней гнали меня проклятые ветры через море, кишущее рыбой. Но на десятый день прибыли мы в страну лотофагов». Десять дней – вполне реальный срок для того, чтобы при скорости от 1,5 до 2 узлов в час добраться от Пелопоннеса до побережья Киренаики, где большинство современных исследователей помещают страну лотофагов.

Штормовые ветры сбили Одиссея с курса, но при этом солнце, звезды и волнение на море указывали опытным мореплавателям направление дрейфа. Как только улучшилась погода, они могли проследовать тем же путем обратно до мыса Малея, как поступали позднее греческие мореплаватели, возвращаясь из Киренаики. Их путь

лежал через остров Крит. Где-то на его побережье Одиссей и его спутники встретились с циклопами: в местном фольклоре до сих пор важное место занимают истории о великанах-людоедах. Впрочем, привязка к Криту вовсе не окончательна: по свидетельству Тима Северина, во многих уголках Эгейского моря и даже у берегов моря Черного местные жители, указывая на огромные валуны возле берега, говорили путешественнику: «Эти камни бросали циклопы в Одиссея». В Сугие, на южном берегу Крита, Тиму Северину показывали пещеру, связанную с легендами о циклопах. Она так и называется – пещера Циклопов. По преданию, великаны держали в ее подземных залах свои стада, насчитывавшие тысячи овец. Сходство пещеры с описанной Гомером поразило путешественника: «Огромный скальный обломок почти прикрывал вход. Сводчатая крыша высоко над головой была закопчена дымом бесчисленных пастушьих костров. Свежая вода капала с потолка в емкость, выдолбленную из полена, здесь также был выложенный из грубых камней загон, где доили овец».

Следующая остановка Одиссея была на острове Эола, повелителя ветров. По мнению Тима Северина, гомеровскому описанию этого острова более всего соответствует остров Грабуза в северо-западной оконечности Крита. Скалы здесь будто сложены человеческими руками, а лучи заходящего в море солнца придают им такой характерный сочный красно-коричневый оттенок, что можно вспомнить о бронзовой стене, опоясывающей остров, которую описывал Гомер. Древние греки называли этот остров Корикосом, что в переводе означает «кожаный мешок» – напоминание о подаренном Эолом Одиссею кожаном мешке с запакованными в него бурями.

Если, отправляясь отсюда, Одиссей избрал кратчайший путь домой, то он мог пойти только на север. Взяв курс к северу от Грабузы, «Арго» Тима Северина отыскал «бухту лестригонов». Как повествует Гомер, она представляла собой залив, закрытый со всех сторон сплошным кольцом обрывистых скал, а «при входе стояли друг против друга два утеса, оставляя лишь узкий пролив». Невдалеке от полуострова Мани команда Тима Северина обнаружила удивительный залив Мехапос. «Два скальных массива закрывали вход в округлый водоем, достаточно обширный, чтобы там поместились галеры Одиссея. Утесы метров 30 высотой зловеще нависали над ним... В

самой бухте, казалось, не хватало воздуха – она была замкнутой, воздух над ней – душным и каким-то безжизненным...»

Вырвавшись из этой бухты, единственный корабль Одиссея, спасшийся от нападения лестригонов, достиг острова Эя, где обитала волшебница Цирцея. Ключом к разгадке тайны этого острова Северин считает эпизод, когда Цирцея посылает Одиссея и его товарищей в царство мертвых, к слепому прорицателю Тиресию. После дня плавания они попали в устье реки Ахерон. Там они высадились на берег и поднялись вверх по реке до ее слияния с реками Пирифлегетон – Рекой Пылающего Огня и Коцитом – Рекой Плача. Здесь у подножия огромной скалы Одиссей совершил жертвоприношение и беседовал с тенью Тиресия.

Цирцея указала Одиссею путь домой: вначале он должен был плыть до острова сирен, а затем либо идти через сходящиеся скалы, либо проскочить по узкому проливу между Сциллой и Харибдой. Говоря современным языком, волшебница давала указания Одиссею, как добраться до Итаки, минуя остров Лефкас, находящийся в 24 милях к югу от реки Ахерон. Первый вариант – плыть открытым морем мимо островка Сесула, который действительно напоминает сходящиеся скалы: он представляет собой утес, разделенный надвое вертикальной трещиной шириной примерно метра три, плоские стенки которой уходят под воду на глубину около 30 метров. Второй вариант пути – пробираться по узкому проливу между островом Лефкас и материком, мимо мыса Сцилла. Над проливом возвышается гора Лемия, что в переводе означает «чудовище», в ней же есть упомянутая в поэме пещера. Харибдой же может быть отмель с выходом скальных пород на поверхность, окруженная пенящимися бурунами.

Но где же тогда обитали сирены? По мнению Тима Северина – на северной оконечности острова Лефкас, там, где сейчас стоит небольшой городок Гирапетра («Вращающиеся скалы»). На картах здесь обозначены три древних могильных холма, которые вполне можно ассоциировать со скопищем скелетов, описанным Гомером.

Далее Одиссей высадился на острове Тринакрия. Прототипом его мог послужить остров Меганизис: если приближаться к нему с севера, то можно увидеть три возвышенности, стоящие одна за другой. Где-то в этих местах корабль Одиссея разбило бурей, а самого путешественника течение выбросило на остров Огигия, где он семь лет провел в плену у

нимфы Калипсо. Но на современных картах тоже существует остров Огигия, и, как считает Северин, нет никаких оснований отказывать ему в праве считаться тем самым «гомеровским» островом!

Одиссей на своём корабле

Царством феакийцев, являющимся следующим пунктом путешествия Одиссея, традиционно считается остров Корфу, и здесь Тим Северин не видит никаких других вариантов. А вот царство Одиссея, по его мнению, находилось не на Итаке, а на юго-западном побережье острова Корфу. Со всеми этими вводами можно соглашаться или не соглашаться, но как бы то ни было, реконструкция Тима

Северина не просто создана умом ученого или прочувствована сердцем романтика, но и пройдена физически в условиях, приближенных к тем, в которые был поставлен Одиссей...

Дорогой Энея

Со Средиземным морем связаны многие морские эпопеи древности, как полуфантастические, так и вполне реальные. Великое путешествие совершил и Эней, один из главных защитников Трои, легендарный родоначальник Рима, которому посвящена «Энеида» Вергилия.

Вергилий начал свою «Энеиду» там, где Гомер закончил «Илиаду». В «Илиаде» Гомер называет Энея в числе славнейших троянских героев. Когда греки ворвались в Трою, Эней решил сражаться до последнего вздоха, но боги приказали ему покинуть обреченный город, чтобы отправиться на поиски новой родины, где Энею суждено стать основателем нового великого государства. Эней подчинился воле богов. Он собрал несколько десятков уцелевших троянцев, спешно снарядил двадцать кораблей и вышел в открытое море, не забыв в суматохе прихватить священные реликвии Трои. Согласно римской традиции это произошло в 1198 г. до н. э.

Эней решил довериться воле судьбы и плыть туда, куда несет их попутный ветер. Сперва они пристали к берегам Фракии, затем остановились у острова Делос, где находился оракул Аполлона. Эней обратился к оракулу с вопросом: «О, мудрый Аполлон! Куда нам плыть? Где обретем мы приют?» Ответ оракула недвусмысленно указывал на необходимость вернуться на землю далеких предков троянцев. Но где же ее искать? Старый Анхис, отец Энея, сказал: «Послушайте меня, благородные троянцы! Слышал я от своего деда, что наши далекие предки в те незапамятные времена, когда на месте Трои еще была пустынная долина, прибыли туда с острова Крит. Направим же на Крит наши корабли!»

Карта части Средиземного моря, в которой бывал Эней

Исполненные надежды троянцы пустились в путь. На рассвете третьего дня пути они уже были у берегов Крита. Казалось, они достигли цели своих странствий. Остров был красив, земля плодородна. Троянцы построили город, распахали поля и засеяли их зерном. Но неожиданно наступила засуха, а потом началась чума. Иссохли едва взошедшие посевы, люди стали умирать от страшной болезни. Эней был в отчаянии. Он хотел вернуться на Делос и молить Аполлона об избавлении от бедствия, но тут во сне ему явились пенаты – боги его домашнего очага – и сказали: «Вы неверно поняли слова оракула. Твоя прародина, благородный Эней, не остров Крит, а Итальянская земля, которую иначе называют Гесперией. Там родился твой далекий предок – сын Зевса Дардан». Столь ясное указание обрадовало Энея, и троянцы снова отправились в путь. Вскоре началась буря. Впрочем, ветер оказался попутным, и спустя трое суток штормовое море принесло корабли Энея к берегам Строфадских островов, на которых обитали чудовищные гарпии – хищные птицы с

женскими головами. Отсюда Эней направил свои корабли к побережью Эпира, где жил мудрый прорицатель Гелен. Он предрек, что после многих испытаний Эней достигнет Италийской земли и обретет там родину, счастье и славу. Вдохновленные этим предсказанием, троянцы двинулись на запад. Но по просьбе коварной богини Юноны (Геры) бог ветров Эол устроил на море ураган, унесший корабли Энея далеко на юг. Лишь помощь бога морей Нептуна спасла их от гибели. В итоге изрядно потрепанный флот троянцев оказался в гавани Карфагена. Из двадцати кораблей, вышедших из Трои, уцелело только семь.

В Карфагене правила прекрасная царица Дидона. Она была вдовой, но продолжала хранить верность умершему супругу. Эней и его спутники предстали перед царицей. И тут мать Энея, Венера, окружила его ярким сиянием и наделила такой блистающей красотой, что Дидона, раз взглянув на него, уже не могла отвести глаз. Полгода провел Эней в Карфагене, наслаждаясь любовью прекрасной царицы. Дидона предложила ему стать ее мужем и царем Карфагена. Но боги прислали к Энею своего крылатого вестника Меркурия (Гермеса), который сказал: «Увы, Эней! Ты позабыл свое назначение. Но если ты готов отказаться от собственной славы, то подумай о своем сыне Аскании. Ему в наследство должен ты оставить итальянские земли, его потомкам суждено стать царями великого государства!»

Эней начал собираться в дорогу. Дидона просила его повременить хоть немного, и мягкосердечный Эней уже готов был уступить, но боги укрепили его дух. Наконец настал день разлуки. Едва рассвело, троянцы отплыли от Карфагена. Возмущенная и оскорбленная Дидона прокляла Энея и его потомков и объявила им вечную войну. Много веков спустя, во время Пунических войн, римляне ссылались на то, что это царица Карфагена первая объявила им войну, да еще вечную...

Покинув Карфаген, троянцы благополучно достигли берегов Италии и вошли на веслах в устье Тибра, на берегах которого через несколько веков был построен Рим. Италийскими землями в те времена правил сын бога лесов Фавна, царь по имени Латин. У него была дочь Лавиния. Однажды ночью Латину явился во сне его отец Фавн и повелел выдать Лавинию замуж за чужестранца, который вскоре прибудет на Италийскую землю. Этим чужестранцем оказался Эней. Латин выдал за него дочь, и Эней стал управлять Италией вместе с Латинцем. Наследником Энея стал его сын Асканий. Он основал город

Альба-Лонга, ставший столицей Италии. Потомки Энея правили там на протяжении многих веков. Позже славу Альба-Лонги унаследовал великий Рим. Считалось, что некоторые из наиболее знатных римских родов происходили от троянцев, бежавших из Малой Азии на запад после разграбления Трои ахейцами.

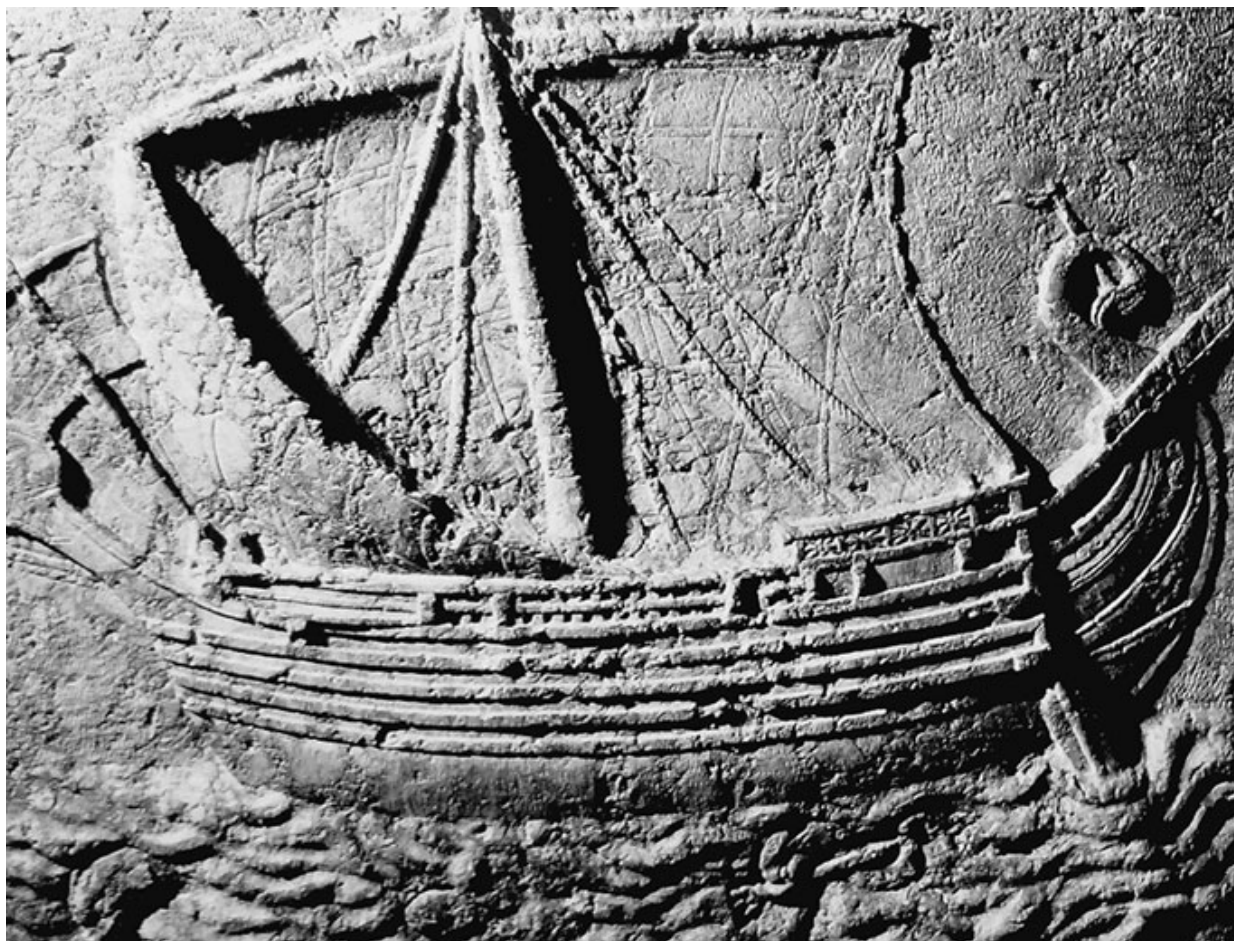
Вокруг «Ливии»

Во второй половине XX столетия исследователи все чаще начали прибегать к историческому моделированию, то есть, опираясь на имеющиеся данные, пытаться реконструировать древние орудия труда, объекты и технологии. Это неоднократно делали Т. Северин, Т. Хейердал, этим занимались многие другие энтузиасты. А два французских путешественника – Анри Жиль-Артаньян и Рене де Торлак – построили 24-метровое судно – реконструкцию финикийской парусной галеры. И повторили на нем плавание, которое, как полагают, было совершено еще в VI в. до н. э...

Около 596–594 гг. до н. э. фараон Нехо, пытавшийся поднять утраченный престиж страны, приказал финикийским мореходам, находящимся у него на службе, обогнуть Африку с юга. Это было крупнейшим географическим предприятием древности. «Ливия, оказывается, кругом омывается водою, за исключением той части, где граничит с Азией. Первым доказал это, насколько мы знаем, египетский царь Нехо. Приостановив рытье канала из Нила в Аравийский залив, он отправил финикийян на судах в море с приказанием приплыть обратно через Геркулесовы Столбы... Финикийяне отплыли из Эритрейского моря и вошли в Южное море. При наступлении осени они приставали к берегу и, в каком бы месте Ливии ни высаживались, засекали землю и дожидались жатвы. После уборки хлеба плыли дальше. Так прошло в плавании два года, и только на третий год они обогнули Геркулесовы Столбы и вернулись в Египет. Рассказывали также – чему я не верю, – что во время плавания вокруг Ливии финикийяне имели солнце с правой стороны».

Так рассказывает Геродот об этом удивительном плавании вокруг Африки, совершенном в VI в. до н. э. Но «отец истории» записал все это спустя полтора века, да и то со слов древнеегипетских жрецов. Больше о плавании не упоминал никто. Сообщение Геродота вызывало сомнения в истинности изложенного уже в греко-римскую эпоху. Античные авторы оспаривали его, так как, по их убеждению, Африка смыкалась где-то на юге с Азией. Кроме того, они считали наименее вероятной именно ту часть рассказа, которую современные исследователи считают доказательством подлинности плавания.

Имеется в виду сообщение о том, что путешественники, плывущие на запад, видели солнце справа, то есть на севере. Придумать такое нельзя – следовательно, корабли Нехо зашли далеко на юг. Некоторых исследователей, правда, смущало пройденное финикийскими кораблями расстояние – чтобы обогнуть Африку по морю, надо преодолеть 25 тысяч километров. Но почему бы не предположить, что суда постоянно держались вблизи берегов? К этому можно добавить, что плавание протекало в целом благоприятных для судоходства водах, чего не скажешь, например, о плаваниях полинезийцев, преодолевавших на своих каноэ огромные пространства открытого океана, который по чистому недоразумению называется Тихим.

Финикийское судно. Барельеф саркофага

Попытаемся приблизительно восстановить маршрут финикийских моряков. Они могли отплыть осенью из района современного Суэца. Вскоре они достигли мыса Гвардафуй. Течения и ветры этого района

африканского побережья помогли мореходам – им даже не понадобились весла. Ветер ударил в паруса и погнал корабли на юг. Приближаясь к экватору, они некоторое время сопротивлялись северо-восточному пассату, а потом их подхватило Мозамбикское течение и донесло до юга Африки. К большому удивлению моряков, солнце здесь было видно справа, то есть на севере. Поздней весной они прибыли в район бухты Святой Елены и первый раз за много месяцев ступили на твердую землю. Вырастив урожай пшеницы (в субтропическом климате этих мест он созрел к ноябрю), они отплыли от берега и тут же попали в Бенгальское течение, которое донесло корабли до устья Нигера в Гвинейском заливе. В конце марта в районе этой реки они вновь увидели в зените полуденное солнце. Работая веслами – здесь им встретилось противотечение, – путешественники обогнули мыс Пальмас (современная Либерия). Следующий этап пути был нелегким, так как пришлось бороться с пассатом и Канарским течением. Но солнце, сиявшее так, как оно светило на родине, вселяло в путешественников надежду на скорый конец плавания. В ноябре они достигли берегов Марокко и здесь снова сделали долгую остановку, чтобы посеять хлеб и запастись провизией. В июне следующего года урожай был собран, и корабли двинулись дальше на север. Вскоре они миновали Гибралтарский пролив и вошли в Средиземное море. Экспедиция вернулась в Египет, когда Нехо уже не было в живых и некому было оставить на стене храма традиционную надпись, повествующую о содеянном...

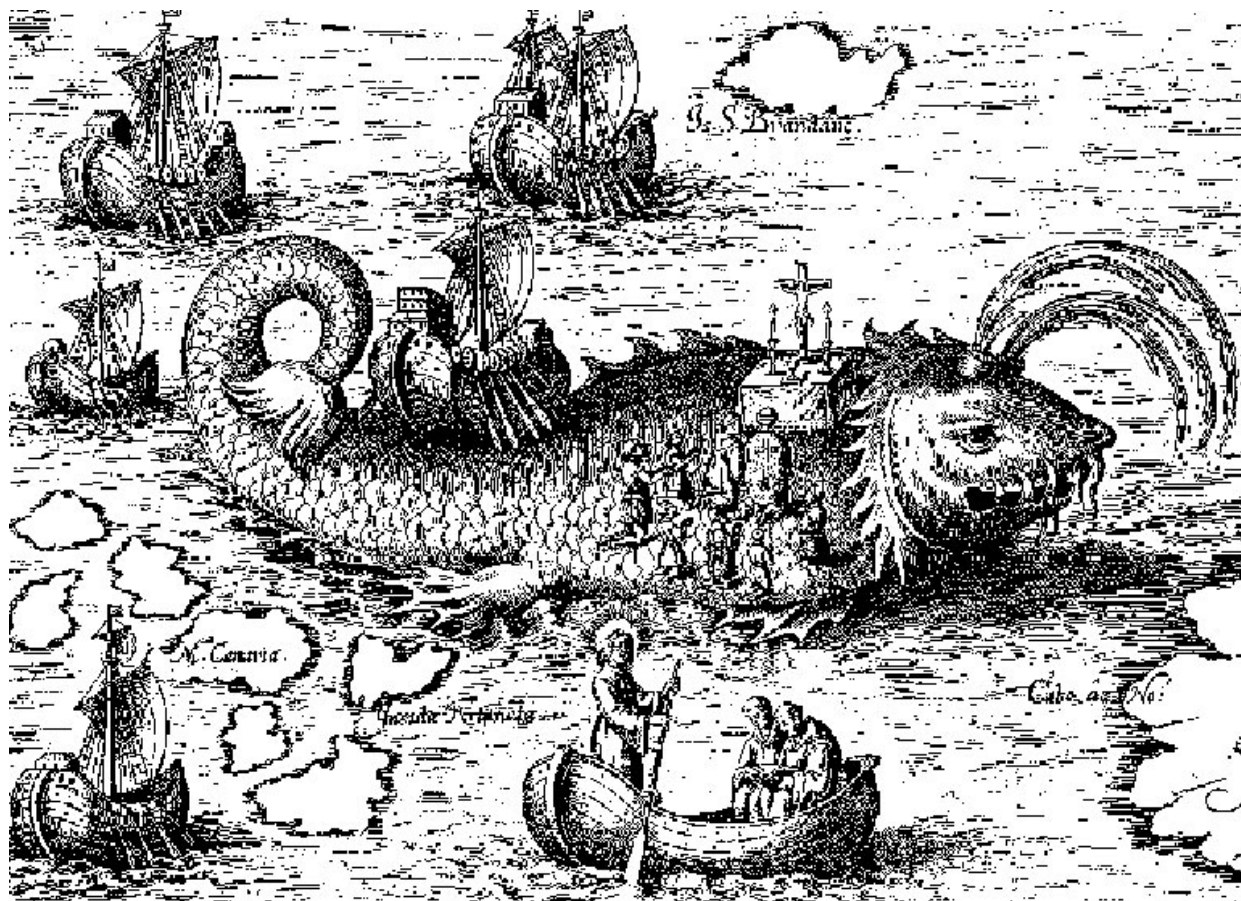
Через Атлантику со Святым Бренданом

Среди ирландских эпических сказаний о мореплавателях, совершавших далекие, полные приключений путешествия, наибольшую популярность приобрел рассказ о плавании святого Брендана. Это повествование сложилось в VI–VII вв. и, как считают современные исследователи, основано на вполне реальных событиях. Вполне реален и его главный герой: святой Брендан, аббат монастыря в Клонферте (Ирландия). Он родился в 484 г. в графстве Керри; в юности много учился, овладел основами математики, астрономии и навигации. Став взрослым, Брендан решил посвятить себя Богу. Много лет спустя Брендан стал настоятелем большого монастыря, возглавив общину из 3000 монахов. Однажды его посетил монах Барринд и рассказал о своем плавании к «земле обетованной». Плывая на запад, монахи прошли сквозь полосу густого тумана и достигли земли, изобилующей плодами и цветами. Пятнадцать дней бродили они по этой земле, пока не достигли большой реки, текущей с востока на запад...

Выслушав Барринда, Брендан сказал, что страстно желает посетить «землю обетованную». Участвовать в путешествии вызвались еще 14 монахов. Они построили лодку, обтянув деревянный остов бычьими кожами, продубленными настоем дубовой коры, и промазав все швы жиром, установили мачту, натянули паруса, поставили руль, погрузили припасы на 40 дней и отправились в далекое, полное опасностей путешествие.

Плавание было долгим и тяжелым. Первой встреченной землей стал маленький остров с «потоками воды, низвергающейся с обрывов». К этому описанию подходит остров Святой Килды из числа Гебридских островов (известно, что там было древнее ирландское монашеское поселение). Здесь странники нашли жилье и пищу. Отправившись далее, они не раз встречали в море другие острова: на одном были «стада белоснежных овец и реки, полные рыбы», на другом – «травы и белые птицы». По мнению некоторых исследователей, эти детали дают основание полагать, что Брендан и его спутники достигли Фарерских островов. На третьем острове, расположенном где-то в Северной Атлантике, они обнаружили монастырь с ирландскими монахами, давшими обет молчания.

Сильные штормы увлекли кожаную лодку Брендана дальше на север, где монахи увидели «море, как скисшее молоко» и «огромный кристалл» (по-видимому, путешественникам повстречались айсберги и битый лед). Вскоре судно пришло к «горам, извергающим пламя», и «красным скалам». Несомненно, это была Исландия. Затем шторм отнес мореплавателей еще дальше, на пустынное побережье, где они жили некоторое время «во чреве кита», то есть укрывшись за ребрами китового скелета (полагают, что этим побережьем, усеянным останками китов, была Гренландия). Наконец, после длительного плавания отважные путешественники оказались «в стране с лесами и большой рекой, уходящей внутрь страны». Такой землей, лежащей где-то поблизости от Гренландии, могла быть только Америка, а точнее – побережье полуострова Лабрадор с рекой Святого Лаврентия...

Святой Брендан и монахи в своем странствии. Средневековая гравюра

Как считают ученые, путешествуя по северным водам в поисках «обетованной земли», ирландские монахи открыли Оркнейские, Гебридские, Фарерские и Шетландские острова, Исландию, Гренландию и, возможно, достигли берегов Северной Америки. Во всяком случае, американский исследователь Л. Спайнс еще в 1925 г. доказал, что ирландские суда раннего Средневековья имели достаточный тоннаж, чтобы успешно совершить путешествие от берегов Ирландии до полуострова Ньюфаундленд. Они были даже лучше приспособлены для дальнего плавания под парусами, чем каравеллы Колумба!

Мысль о том, что в Америке какое-то время (по-видимому, непродолжительное) существовала ирландская христианская колония, обсуждается учеными вот уже более ста лет. Скорее всего, страна Хвитрамманланд располагалась на побережье Лабрадора или Ньюфаундленда. Известно, что в 1970-х гг. на побережье Ньюфаундленда, в бухте Сент-Лунэр, археологи обнаружили загадочные знаки, процарапанные металлическим предметом на валуне. Эти знаки напоминали буквы письма, которым пользовались древние ирландцы.

Весомый вклад в разрешение загадки внес знаменитый ирландский путешественник Тим Северин. В 1975 г. он спроектировал и построил в точном соответствии с кораблями древних ирландцев кожаную карру «Брендан», водоизмещением около 5 тонн. Предполагалось, что с такой лодкой легко управится экипаж из четырех-пяти человек. Паруса, как и в далеком прошлом, были изготовлены из льна. Управление осуществлялось широколопастным веслом, закрепленным по правому борту; узкие гребные весла достигали в длину 3,5 метра. Планширы были изготовлены из дуба, стрингеры, мачты и шпангоуты – из ясеня, мачтовые опоры – из дуба. Остов лодки был связан кожаными ремнями без применения металлических гвоздей или деревянных шипов, а затем обтянут 49 кожами. Строго следуя старинным рецептам, кожи обработали дубовым экстрактом и пропитали животным воском, а ремни – тресковым жиром. Последние были к тому же вымочены в растворе квасцов. При сшивании кож применили льняные нитки; для такелажа использовали тросы из того же материала и не ошиблись: лен прекрасно зарекомендовал себя в плавании.

В 1976 г. «Брендан» вышел в море. Даже специалисты кожевенного дела сомневались в прочности и долговечности бычьих кож при постоянном соприкосновении с морской водой. Однако кожаное судно отлично выдержало многодневное плавание в холодных водах Атлантики. Но сколько мужества, хладнокровия и находчивости пришлось проявить Тиму Северину и его товарищам! Сколько критических ситуаций встретилось мореплавателям на их пути!

Надо заметить, что подвиг Северина и его спутников был во многом и труднее, и значительнее, чем путешествие кельтских монахов. Современным людям было нелегко «врастать в шкуру» средневековых мореходов, закаленных и неприхотливых, как мало кто из землян XX в.! К тому же, согласно выводам ученых, гидрометеорологические условия во времена святого Брендана были более щадящими, а климат – мягче и теплее. Паковых льдов в летние месяцы древние ирландцы наверняка не встречали. И прошли они маршрут от Ирландии до «Страны белых людей» за семь лет, переживая на суше непогоду, а экипаж «Брендана» преодолел тот же путь всего за два сезона!

Успешное плавание через Атлантику, предпринятое в 1976–1977 гг. Тимом Северином, показало, что неказистым кожаным каррам было вполне по плечу преодолевать большие расстояния. Так что вполне возможно, что в VI в. ирландские монахи действительно высадились на побережье Северной Америки – за 900 с лишним лет до Колумба! А подспорьем для них в этом далеком и опасном путешествии стал кожаный мешок, натянутый на деревянный каркас...

Восьмое путешествие Синдбада

Плавание на парусном корабле «Сохар», построенном по образцу тех, на которых плавал легендарный арабский мореплаватель Синдбад, Тим Северин задумал почти сразу же после успешного похода на «Брендане». Известно, что средневековые арабские мореплаватели уходили в морские просторы примерно в ту же эпоху, что и современники святого Брендана. Экзотические страны и народы, встреченные Синдбадом, являли удивительное сходство с реально существовавшими землями, описанными арабскими географами.

Чем глубже проникался Тим Северин легендой о Синдбаде, тем больше убеждался, что это не просто герой сказок. Несомненно, Синдбад – это собирательный образ арабских моряков и купцов, затевавших дерзкие, полные опасностей предприятия в VIII–XI столетиях, в пору золотого века арабского мореплавания. В ту эпоху арабские морские торговые пути охватывали значительную часть Индийского океана. Уже в VIII в. арабские купцы появились в Китае, на Яве, на восточном берегу Африки, на Мадагаскаре. Несколько позже параллельно со знаменитым сухопутным Шелковым путем, связывающим Ближний и Дальний Восток, арабами был проложен и морской «шелковый путь» от Персидского залива до Южного Китая. Историки полагают, что плавания по этому второму «шелковому пути» нашли отражения в сказках «Тысячи и одной ночи», составной частью которых являются сказки о семи путешествиях Синдбада. Эти семь путешествий в мифологизированной форме отразили реальные плавания, которые совершали арабские мореходы. При внимательном чтении «Тысячи и одной ночи» в стране Серендиб угадывается остров Шри-Ланка, в стране Забаг – остров Суматра, в Чампе – побережье Вьетнама, в островах Михраджан – Малайский архипелаг. Названия Хинд и Син обозначали Индию и Китай.

«Путешествия Синдбада», основанные на рассказах арабских моряков и купцов, существовали самостоятельно, до того, как вошли в состав «Тысячи и одной ночи». Тим Северин нашел глубокие связи сказок о Синдбаде с реальными событиями, происходившими тысячелетие назад. «И, мечтая воссоздать путешествие Синдбада, я решил построить копию арабского торгового судна тех времен и

пустить на нем по маршруту, который был высшим достижением арабского мореходства, – по маршруту длиной шесть тысяч миль из Омана к берегам Китая, – пишет Северин. – Я надеялся, что этот опыт – шаг в прошлое на тысячу лет назад – поможет нам понять, как древние арабы строили свои корабли и плавали на них, как они ориентировались в море и как возникли сказки о приключениях Синдбада».

Для того чтобы повторить плавание Синдбада, Тиму Северину предстояло построить копию арабского купеческого судна того времени и проплыть на нем по 10 000-километровому пути по морю, идя по следам Синдбада. Завершить маршрут предполагалось в китайском городе Гуанчжоу, в устье реки Сицзян.

Арабские корабельщики не использовали никаких рисунков или планов. Они строили суда исключительно «на глазок», руководствуясь лишь вековым опытом. В распоряжении Тима Северина имелись только рисунки арабских кораблей, приведенные на португальской морской карте Индийского океана, датированной 1521 г. Детали и подробности о размерах и мощности, скорости и особенностях конструкции можно было уточнить с помощью средневековых арабских текстов.

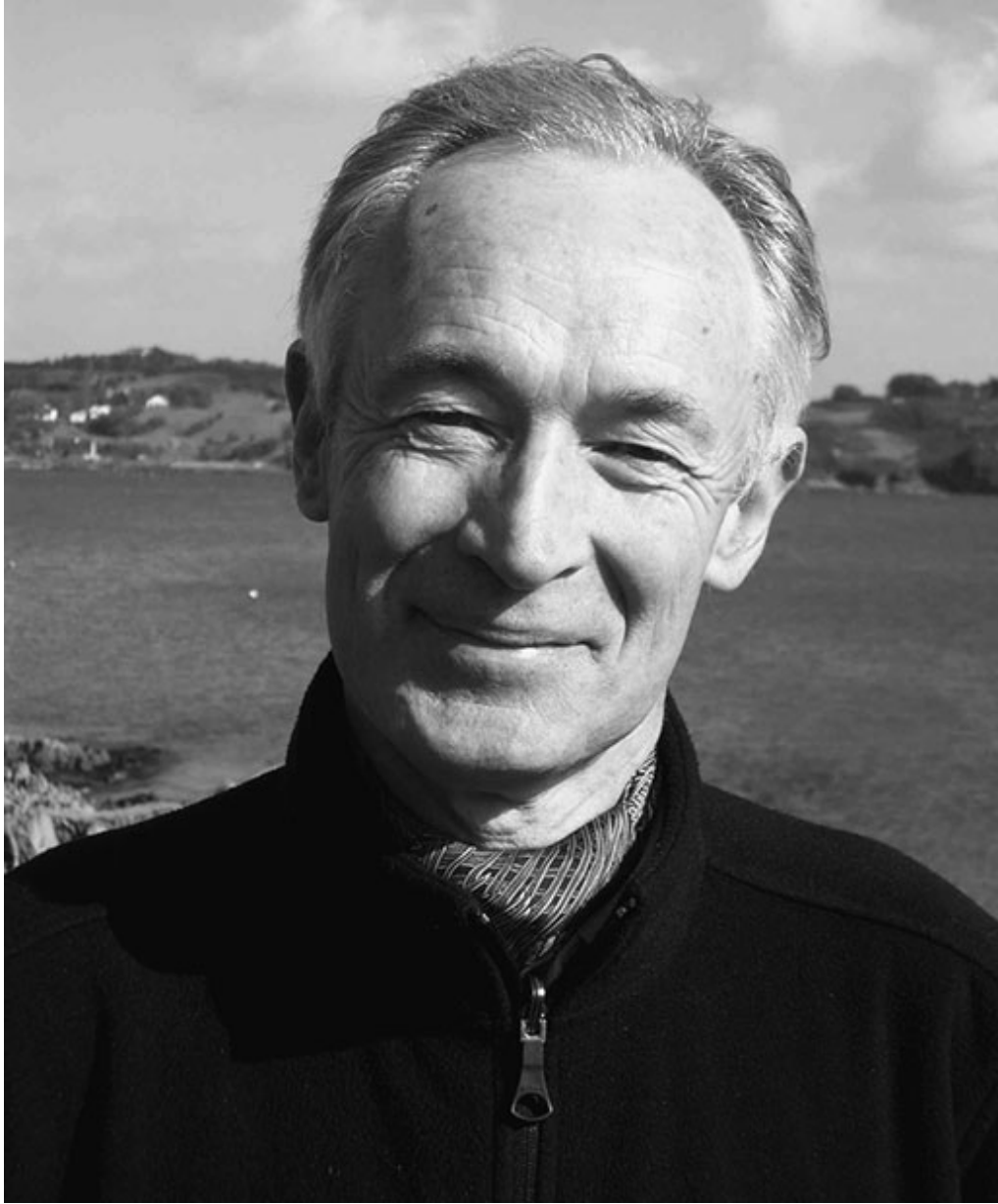
В поисках сведений об арабском судостроении Тим Северин посетил султанат Оман. Здесь, на побережье Аравии, он встретил нужные ему виды традиционных арабских кораблей и познакомился с местной судостроительной техникой. Здесь в течение столетий арабские корабельщики изготавливали суда, которые плавали от Занзибара на юге до Индии и Шри-Ланки на востоке в поисках древесины, специй и слоновой кости. Строить корабль Северин решил в городе Сур. Судно, названное «Сохар» – в честь города, где родился Синдбад, было заложено 1 января 1980 г. Длину корпуса определили в 26,5 метра. Двухмачтовый корабль с латинским парусным вооружением должен был нести три паруса: грот, бизань и кливер.

Корабль был построен за 165 дней. В состав его экипажа вошли восемь оманцев, повар-белудж и 10 европейцев. 23 ноября 1980 г. «Сохар» поднял паруса и вышел в открытое море, держа курс на юго-восток.

Управлять парусником оказалось очень легко, и корабль буквально летел по волнам, проходя более 100 километров в день. В середине декабря мореплаватели впервые высадились на берег – на крошечном

острове Четлат в Лаккадивском архипелаге. Рождество моряки встретили в Каликуте – древнем центре торговли пряностями, а уже 21 января приблизились к гостеприимному берегу Шри-Ланки, или Серендибу, как называли этот остров арабы. Согласно сказкам «Тысячи и одной ночи», Синдбад дважды посещал Серендиб. А во время седьмого путешествия Синдбад видел, как здешнего короля сопровождала величественная процессия, а сам он восседал на огромном слоне. До сих пор на Шри-Ланке сохраняется ежегодная традиция проведения пышных парадов, когда циркачи и танцоры с факелами проходят по улицам. Шествие слонов, затянутых в парчу, становится кульминацией всего представления.

Остров Шри-Ланка был известен также своей долиной алмазов и драгоценных камней. Во время второго путешествия Синдбаду удалось избежать целого клубка змей, охранявших эту долину, и набить карманы драгоценностями. Хотя никаких алмазов на Шри-Ланке сейчас нет, местные драгоценные и полудрагоценные камни знают во всем мире – рубины, топазы, сапфиры. Как и во времена Синдбада, драгоценные камни добывают в речных отложениях. Интересно, что торговля драгоценными камнями по-прежнему находится в руках мусульман, а на здешних мусульманских кладбищах встречаются могилы арабских моряков, принесших эту религию на Шри-Ланку в VII столетии.

Ирландский исследователь Тим Северин

Спустя несколько дней «Сохар» двинулся дальше. Необходимо было поймать юго-западный муссон, который доставил бы путешественников к восточному побережью Суматры. Но муссон был уже на исходе, и это грозило всяческими неприятностями: спустя три недели «Сохар» от Суматры еще отделяли 1000 километров! Запасы пресной воды подходили к концу. Однако в первую неделю марта мореходам повезло – прошел ливень, и, расстелив брезент, им удалось собрать пресную воду и слить ее в баки.

5 апреля, спустя два месяца после того, как «Сохар» покинул Шри-Ланку, штиль наконец ослабил свою мертвую хватку. Первые же порывы юго-западного муссона натянули паруса «Сохара», и корабль начал продвигаться к Суматре.

Остров Суматра была издавна известен как Страна золота. Однако древние арабы боялись его и считали населяющих его жителей свирепыми людоедами. Синдбад, судя по всему, побывал здесь дважды, во время своего четвертого и пятого путешествий, едва не став жертвой каннибалов...

В первой половине мая «Сохар» двинулся дальше по Малаккскому проливу, держа курс Сингапур. Когда парусник торжественно входил в порт, толпа, собравшаяся в порту, приветствовала его китайскими и малайскими песнями и танцами. Впереди был завершающий этап плавания – переход от Сингапура через Южно-Китайское море до порта Гуанчжоу (Кантона) в Китае.

Покинув Сингапур, «Сохар» отправился в моря, известные арабским путешественникам как море Кундранг и море Канхай. Из семи морей на пути к Китаю, как писалось в старых книгах, эти были наиболее опасными. Первые четыре дня по выходе из Сингапура были спокойными. А перед рассветом пятого дня внезапно налетел шквал, быстро превратившийся в настоящий шторм. Оснастка «Сохара» скрипела под сильным ветром, и опасный треск раздавался по всему кораблю. В какой-то момент морякам показалось, что корабль может перевернуться. А с запада уже надвигалась стена грозных штормовых облаков, клубящихся, как дым огромного пожара...

Три раза шквал обрушивался на «Сохар». Наконец, на горизонте показался китайский берег. Вход в устье Жемчужной реки (Сицзян) отмечала гора Дауаншан. Столетиями эта вершина служила арабам маяком на пути к большому речному порту, известному ныне как Гуанчжоу, а раньше называемому арабами Ханфу. Арабы и другие чужестранцы прибывали сюда за фарфором и шелком в таком количестве, что китайцы вынуждены были для присмотра за ними назначать специальных таможенных чиновников.

11 июля 1981 г. «Сохар», поднявшись по Жемчужной реке, бросил якорь в порту Гуанчжоу. Плавание, длившееся семь с половиной месяцев, закончилось. За кормой «Сохара» осталось 6000 миль.

«Хокулеа» идет по следам предков

Вопрос о том, каким образом полинезийцы преодолевали огромные океанские пространства долгое время оставался неразрешенным. Ведь для этого требовались немалые познания в области навигации! Первые европейские исследователи категорически отвергали саму возможность того, что полинезийцы были способны совершать дальние морские плавания. По мнению некоторых ученых, полинезийские каноэ были слишком хрупки и немореходны, их навигационные методы – слишком неточны, а их навыки судовождения – слишком элементарны для такой сложной задачи. Значительное число сторонников нашла теория о «случайном» заселении тихоокеанских островов: оно-де стало результатом «безвозвратных» плаваний моряков, заблудившихся в океане.

Те, кто пытался опровергнуть теорию «случайного заселения», сами испытывали недостаток информации относительно мореходных способностей каноэ полинезийцев, точности их навигационной системы и качества их судовождения. Споры быстро зашли в тупик. Решающий прорыв сделал новозеландец Дэвид Льюис. В 1965 г. он во время своего собственного плавания на катамаране от острова Таити к Новой Зеландии на практике проверил полинезийские легенды с их ссылками на звезды, сезоны плаваний и погодные условия. Впоследствии он предпринял обширное исследование традиционных методов навигации у полинезийцев. Результат исследования Льюиса был более чем убедителен: навигационные методы «мореплавателей солнечного восхода» позволяли им совершать рейсы практически любой степени сложности, открывать новые земли, возвращаться домой, а затем снова безошибочно находить в океане открытые ими острова. В плавании полинезийцы ориентировались по запахам, цвету воды, отблескам на небе, облакам над островами, лежащими еще за горизонтом, и т. д. У них имелись и «карты», изготовленные из веревок и раковин, различные навигационные приспособления.

Так выглядели полинезийские каноэ

Эстафету от Льюиса подхватило Общество полинезийских путешествий, созданное в 1973 г. на Гавайских островах американским ученым-антропологом Беном Финни. Он и его коллеги предприняли ряд масштабных экспериментов по компьютерному моделированию, пытаясь понять, могут ли преобладающие в Тихом океане ветры и течения способствовать заселению островов Полинезии пассажирами свободно дрейфующих каноэ. Результаты моделирования показали, что подобное попросту невозможно.

Оставалась последняя и, пожалуй, самая трудная задача: практически доказать, что каноэ древних полинезийцев могли совершать дальние океанские плавания. И тогда Бен Финни предложил

дерзкий план: изготовить точную копию 40-футового двойного гавайского каноэ и проплыть на нем от Гавайев до острова Таити и обратно. Причем этот путь предстояло проделать не в один, а в оба конца, то есть протяженность маршрута удваивалась. Вдобавок группа Финни планировала использовать только традиционные, неинструментальные полинезийские методы навигации, в то время как Хейердал во время рейса на «Кон-Тики» в 1947 г. пользовался магнитным компасом и другими современными техническими средствами и, кроме того, совершил плавание лишь в один конец, оставив вопрос о возвращении к берегам Южной Америки открытым.

Еще одной проблемой для Финни и его коллег являлось практически полное отсутствие сохранившихся образцов океанских каноэ. Тем самым нарушался базовый принцип экспериментальной археологии: отсутствовал прототип, который следовало копировать, используя современные ему инструменты и материалы. В распоряжении ученых были только несколько фрагментов древних каноэ, найденных в болотах и пещерах, где совершались погребения, и изобилующие неточностями рисунки и описания европейских исследователей XVIII–XIX вв. Все это предстояло подвести под некий «общий знаменатель» и построить пригодное для дальних плаваний каноэ, в основном соответствующее старинным образцам.

Конечно, современные «каноэстроители» не могли во всех деталях соблюсти древние традиции – ну, хотя бы потому, что на Гавайских островах не осталось деревьев-гигантов, пригодных для изготовления 60-футовых корпусов. Часть материалов пришлось заменить современными, например фанерой. Однако форму и вес судна удалось соблюсти достаточно точно. На некоторых отдаленных атоллах старики все еще помнили, как надо делать паруса из волокон пандануса и плести нехитрый такелаж, и экспедиция Финни охотно воспользовалась их помощью. Косые треугольные паруса, такелаж, палуба-платформа с небольшим шалашом – хале, крытым листьями панданусов, пагайе – весла с широкими лопастями и даже тики – резные фигурки богов-покровителей мореплавателей – все это ничем не отличалось от древних ваа каулуа.

Законченное судно было спущено на воду в 1975 г. Его окрестили «Хокулеа» – так гавайцы именуют звезду Арктур. 1 мая 1976 г. Бен Финни и его команда отправились в свое без преувеличения

историческое плавание к берегам Таити. Исходной точкой послужила бухта Гонолуа, на северо-западном побережье острова Мауи. Подгоняемая легким ветром, лодка вышла из бухты и взяла курс на северо-восток в открытый океан. Теперь многое, если не все, зависело от искусства «звездного штурмана» Мау Пиайлуга и приглашенного ему в помощь новозеландца Дэвида Льюиса, ветерана одиночных океанских плаваний.

Первые три дня экспедиция плыла на северо-восток, чтобы обогнуть Мауи и Гавайи, а затем взяла курс на этак Тумур – звезду Антарес в созвездии Скорпион. Как объяснил Пиайлуг, только таким образом «Хокулеа» сможет выдерживать общее направление на Таити, несмотря на сильное западное течение. И все-таки именно в эти первые дни произошел единственный случай, когда авторитет «звездного штурмана» был поставлен под сомнение. Вахтенный рулевой заметил на рассвете несколько коричневых олушей. Поскольку он знал, что эти птицы никогда не залетают от земли дальше 50 миль, то решил, что Пиайлуг ошибся в вычислениях, и самовольно изменил курс. К счастью, проснувшийся вскоре штурман сразу же заметил это и исправил положение.

13 мая, когда «Хокулеа», по расчетам Пиайлуга и Льюиса, находилась на 6° с. ш. (фактически, как потом показали данные «Меотая», она была на 60 миль южнее), наступил полный штиль. Изнемогая от жары, мореплаватели гребли с восхода до заката, делая перерывы только для купаний да в самые тяжелые полуденные часы, когда даже под тентом было буквально нечем дышать, но за сутки каноэ проходило от силы 20–30 миль. Не помогли и ночные вахты: изнемогшие за день люди засыпали с веслами в руках, рискуя свалиться за борт.

Судно «Хокулеа»

Эта мучительная пытка продолжалась целую неделю. И лишь на 2° с. ш. каноэ вновь попало в полосу постоянных пассатов. Две трети пути остались позади, и команда могла позволить себе немного передохнуть. Зато для Мау Пиайлуга наступил самый ответственный этап: вывести «Хокулеа» к Таити. К концу четвертой недели плавания он считал, что каноэ находится в 180 милях к северу от архипелага Туамоту и в 350 от Таити. Но вот западнее или восточнее этих островов, штурман точно сказать не мог. Поэтому он решил применить тактику широкого поиска.

– Нам нужно четыре дня плыть на юго-запад, – предложил Пиайлуг. – Если за это время мы не увидим земли, значит, Таити

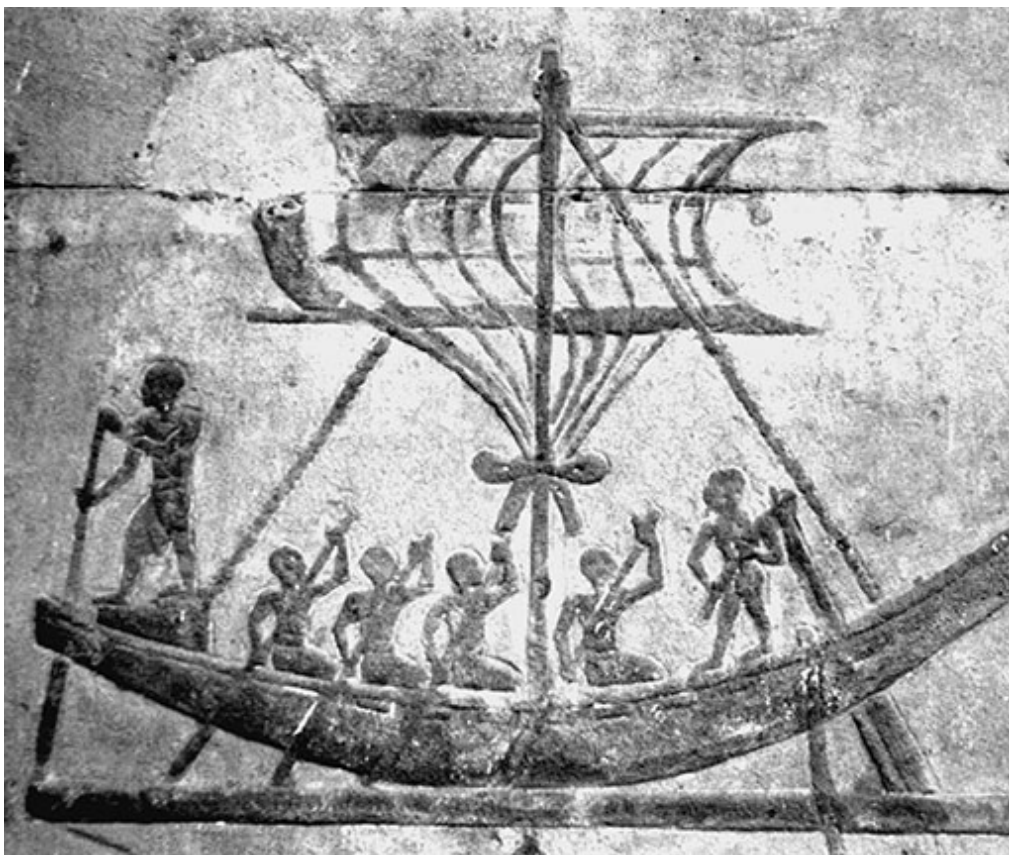
остался позади. Тогда следует повернуть на северо-восток, и в конце концов мы обязательно наткнемся на этот остров или на Туамоту.

Дэвид Льюис поддержал этот план. Однако цель была найдена, как говорится, с первого захода. Вечером на следующий день Пиаилуг обратил внимание на то, что привычная зыбь с юго-востока внезапно стихла. Это могло означать только одно: «Хокулеа» вошла под прикрытие островов Туамоту. Когда первые лучи солнца скользнули по водной глади, столпившаяся на носу команда увидела впереди небольшой зеленый остров Матаива из группы Туамоту. А через сутки каноэ торжественно вошло в гавань Папеэте, административного центра Таити. Потомки отважных «мореплавателей солнечного восхода» доказали, что они достойны своих предков...

...И реальность, ставшая легендой

Хирхуф открывает Нубию

В период VI династии (XXVI–XXV вв. до н. э.) египетских фараонов в Северной Нубии возникли первые крупные межплеменные объединения, ставшие прообразами будущих государств. Древнеегипетские тексты сообщают, что один из нубийских вождей объединил под своей властью племена ирчет и сечу, а затем присоединил к ним племя вават, земли которого лежали по обоим берегам Нила и изобиловали золотом. Египетские фараоны внимательно следили за происходящим на южных границах, время от времени посылая в Нубию своих торговых и дипломатических агентов. Одним из таких агентов стал чиновник по имени Хирхуф, или Хуэфхор. Он служил фараонам Меренра I и Пиопи II и по их приказам трижды совершил далекие путешествия в Нубию. Возможно, он был первым египтянином, сумевшим проникнуть далеко на юг, выше Второго порога, в страну Нам.

Первый раз он был послан сюда по приказу фараона Меренра, «чтобы открыть эту страну». Путешествие Хирхуфа длилось 7 месяцев; из своего странствия чиновник принес правителю драгоценные дары вождей Нубии. Во время второго путешествия, которое заняло 8 месяцев, Хирхуф собирал дань с племен Северной Нубии и снова посетил Нам. Во время третьего путешествия, уже при Пиопи II, Хирхуф собирал в Северной Нубии дань скотом, затем отправился в Нам и вместе с царем этой страны принял участие в военном походе против ливийцев, «чтобы поразить ливийцев до западного края горизонта». Хирхуф сопровождал царя Нама в этом походе, а затем привел его войско в Северную Нубию. Хирхуф не только установил и закрепил союз Египта с Намом, но и заодно запугал правителя Северной Нубии мощью союзных сил. Тот увидел «силу и многочисленность войск Иама, спускавшихся со мной ко двору [царя], и [египетских] воинов, посланных со мной». После этого нубийский вождь пригнал Хирхуфу причитающуюся ему дань: крупный и мелкий рогатый скот. Кроме того, Хирхуф доставил из Нама и Северной Нубии драгоценные дары: шкуры пантер, слоновую кость, эбеновое дерево. Самым же ценным подарком оказался живой пигмей, привезенный откуда-то с юга Нубии. Фараон Пиопи II, который в ту пору был еще мальчиком, несказанно обрадовался живой игрушке. Он особенно просил Хирхуфа о том, чтобы тот позаботился о карлике и доставил его в Египет здоровым и невредимым: «Сторожи его, чтобы не упал он в воду. Когда он будет спать ночью, поставь надежных людей, чтобы спали они позади него в палатке. Проверь по десять раз ночью...»

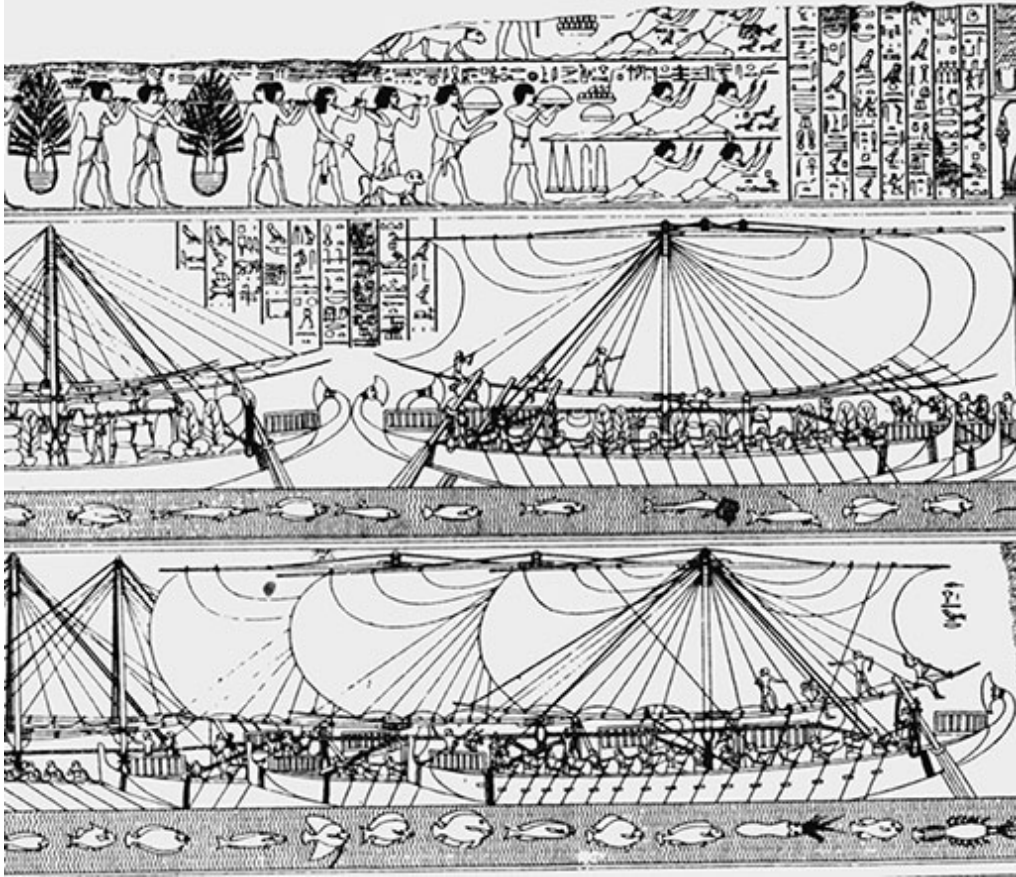
Корабли идут в Пунт

О жизни знаменитой женщины-фараона Хатшепсут (правила в 1501–1484 гг. до н. э.) ходили легенды. Ее называют «египетской Семирамидой», «первой великой женщиной в истории». Одним из выдающихся деяний этой правительницы стала отправка морской экспедиции к берегам далекой страны Пунт в 1482–1481 гг. до н. э. Об этом плавании рассказывают рельефы заупокойного храма Хатшепсут, изображающие возвращение кораблей из плавания в Пунт. Эти рельефы дополнены иероглифическими надписями, из которых можно узнать много интересных подробностей.

«Счастливым было отплытие воинов правителей обеих стран (то есть Верхнего и Нижнего Египта. – *Примеч. авт.*). Счастливым было их прибытие в страну Пунт. По повелению бога богов Амона они должны были доставить разнообразные ценности из различных районов этой страны. Это осуществила царица Хатшепсут. Ни разу подобное этому не случилось при других царях, издавна живших в этой земле. В Пунте можно запастись благовониями в любом количестве и загрузить ими корабли к взаимному удовлетворению.

Целое поле палаток воинов, присланных из Египта, было разбито там, где на ступенчатых террасах растут благовонные деревья страны Пунт, расположенной по обе стороны моря. Сделано это было для того, чтобы достойно встретить правителей этой страны. Для них были привезены хлеб, пиво, вино, мясо, сушеные фрукты и множество других товаров из Египта, как повелели советники фараона. Правитель Пунта прибыл на берег и привез дары.

Когда повелители страны Пунт появились на берегу, они низко поклонились воинам царицы, приветствуя их... Корабли были полностью загружены дорогими изделиями, а также множеством ценных сортов деревьев страны Пунт. Кроме того, было взято много благовонной смолы и свежей мирры, большое количество эбенового дерева, слоновой кости и чистого золота из страны Аму, а также краска для глаз, обезьяны с песьими головами и длиннохвостые обезьяны, “ветровые” собаки, шкуры леопардов и к тому же местные жители с детьми.

Прорисовка фрагмента рельефа из гробницы Хатшепсут

Воины разместились на кораблях, благополучно вернулись по морю назад и с легким сердцем отправились в Фивы».

На одном из рельефов храма Хатшепсут изображена страна Пунт – вся в буйной зелени деревьев, в ветвях которых гнездятся диковинные птицы. Под деревьями приютились свайные постройки местных жителей, похожие на плетеные корзины-ульи с лестницами у входа; вокруг спокойно пасется скот.

Но где же находилась эта страна? Бесспорно, место, расположенное по «обе стороны моря» и наиболее благоприятное для произрастания деревьев, содержащих благовонные смолы, – это южноаравийский Хадрамаут и побережье Сомали. Обезьяны с «песыми головами» (павианы) и леопарды некогда обитали по обе стороны Аденского залива. Тем не менее, как считает большинство исследователей, под страной Пунт следует понимать восточное побережье Африки. Рельефы храма Хатшепсут изображают обезьян, пантер, жирафов, хижины на сваях – типично африканские сюжеты.

Согласно одной довольно привлекательной гипотезе, страна Пунт находилась в Северном Сомали и простиралась до мыса Гвардафуй. Это гористая местность с посадками, заложенными на террасах и похожими на изображенные в Дейр-эль-Бахри. На этих террасах растет много деревьев, в том числе ладанное дерево (босвеллия), из которого получают ладан.

Несколько вводит в заблуждение фреска, на которой изображена толстая повелительница Пунта, выступающая рядом с супругом навстречу египтянам. Нижняя часть ее тела приземиста и толста, особенно пышны ягодицы, что типично для представительниц женского пола бушменов и готтентотов. В наше время готтентоты и бушмены населяют Южную Африку, поэтому некоторые исследователи предполагают, что египетские моряки достигли именно Южной Африки. Разные варианты прочтения надписей, не всегда определенное и четкое их содержание оставляют простор для всевозможных толкований, тем более что нигде не упоминается продолжительность плавания. Однако нельзя не признать, что наши сегодняшние знания о передвижениях африканских кочевых народов далеки от совершенства. Готтентоты, по-видимому, в древности обитали на территориях, расположенных гораздо ближе к северу. Само собой разумеется, этот аргумент не разубедит тех, кто считает, что Пунт находился в Южной Африке.

Новое доказательство для продолжения спора было найдено в одной из древнеегипетских гробниц – в шкатулке, сопровождавшей в последний путь знатную египтянку. Грим, обнаруженный в шкатулке, содержит сурьму, однако ее месторождения в те времена еще не были обнаружены ни в Персии, ни в Малой Азии, ни в Северной, ни в Западной Африке. Сурьма могла быть доставлена только из Южной Африки, скорее всего из района нижнего течения Замбези. Именно там, по предположениям некоторых ученых, и располагалась страна Пунт. Вероятно, эта же страна была в древности известна жителям Ближнего Востока под именем Офир.

Странный отчет царевича Сатаспа

«Сатасп овладел насильно дочерью Зомира, за какое преступление Ксеркс решил было распять его, однако мать Сатаспа, сестра Дария, испросила ему помилование и обещала сама наложить на него кару... Именно он обязан будет объехать кругом Ливию, пока не войдет в Аравийский залив. На таком условии Ксеркс сделал уступку...»

Вокруг этого рассказа Геродота разразилась целая буря.

Уже в приказе, данном Сатаспу, содержится сенсационная информация: ему велели объехать по морю вокруг Ливии – так тогда называли Африку – и прийти в «Аравийский залив». Откуда мог знать Ксеркс о возможности подобного плавания? Но самое сенсационное – это то, что Сатасп, по крайней мере частично, выполнил данное ему поручение!

«Сатасп прибыл в Египет, получил здесь корабль и египетских матросов и поплыл к Геракловым Столбам». Современные противники путешествия Сатаспа оспаривают утверждение Геродота: Гибралтарский пролив в те годы был блокирован карфагенянами, и путь в Атлантику закрыт. Один из крупнейших специалистов по истории географических открытий древности, доктор Р. Хенниг, считает «совершенно невероятным, что не искушенный в мореплавании перс, ни в коей мере не обладавший качествами отважного искателя приключений», прошел через блокированный пролив. Но, возражает другой исследователь, А. Клотц, гибралтарская «улица» была закрыта только для торговых судов, являвшихся конкурентами Карфагену, но никак не для одиночного судна, посланного, кроме того, по приказу самого Ксеркса, имевшего среди карфагенян большое влияние: именно он помог им в борьбе против Греции. Пролив был закрыт для греков, для Сатаспа же – открыт...

Вернувшись, Сатасп рассказал царю Ксерксу удивительные вещи: они прошли очень далеко вдоль африканского побережья, им пришлось плыть мимо страны, населенной людьми маленького роста, прикрывавшими наготу пальмовыми листьями, и каждый раз, когда египтяне приближались на корабле к берегу, маленькие люди покидали свои города и убегали в горы... Однако путешественникам не удалось

обойти кругом всю «Ливию»: судно не могло идти дальше, так как на пути его появились мели.

Царь Ксеркс не поверил путешественнику: он счел, что Сатасп просто уклонился от исполнения данного ему поручения, понапридумывав разных небылиц, и велел казнить его.

Между тем в рассказе Сатаспа нет ничего необычного, за исключением даты его путешествия. «Маленькие люди» в одежде из пальмовых листьев – это, несомненно, пигмеи. Они живут в Экваториальной Африке, а если говорить о западной части континента, то никак не севернее Гвинейского залива. Но могли ли мореплаватели VI в. до н. э. забираться так далеко?

В рассказе Сатаспа речь идет о многомесячном плавании, так что за это время судно могло уйти далеко на юг, возможно, даже до берегов современного Камеруна. И пигмеи в древности занимали территорию гораздо большую, чем теперь, лишь в нашем тысячелетии под давлением соседей они начали постепенно смещаться к югу континента. Удивляет, правда, то обстоятельство, что Сатасп видел пигмеев с корабля: по его словам, «маленькие люди» якобы даже жили в каких-то «городах» на побережье. Р. Хенниг утверждает, что это невозможно. И уж конечно, пигмеи не строили никогда никаких «городов»! Может быть, Сатаспу рассказали о пигмеях карфагеняне, которым, несомненно, было кое-что известно об обитателях лесов Западной Африки? И царевич счел это вполне убедительным аргументом, с помощью которого он сможет заморочить головы слушателям по возвращении домой?

Кстати, а что за мель заставила его повернуть свой корабль? По мнению Р. Хеннига, эта мель могла встретиться Сатаспу только у мыса Бохадор в Марокко, и, следовательно, царевич не пересек в своем плавании даже Северный тропик, не говоря уж об экваторе. А если пересек? Тогда он мог бы дойти как минимум до побережья Намибии, до легендарного Берега Скелетов...

Предполагаемый портрет персидского царя Ксеркса

Но есть ли веские аргументы в пользу плавания Сатаспа? Известно, что еще в VI в. до н. э. финикийские мореплаватели по поручению египетского фараона Нехо, по-видимому, сумели обойти Африку и вернуться в Египет через Красное море. Весть о том, что «Ливию» можно обогнуть морем, очевидно, дошла до Ксеркса, и тот поручил Сатаспу повторить опыт древних мореходов. Однако в полной мере осуществить этот замысел Сатаспу не удалось. Между тем, если бы известие о том, что «Африка на юге закругляется с востока на запад», распространилось в древнем мире, то, наверное, можно было бы избежать загадок и заблуждений более поздних времен. Но понадобилось еще два тысячелетия, прежде чем Бартоломеу Диаш вновь открыл морской путь через южную оконечность Африки.

За Геркулесовыми Столбами

Долгое время считалось, что географические познания современников Гомера не простирались на западе дальше острова Корфу или, в крайнем случае, Сицилии. Такое представление, само по себе маловероятное, к настоящему времени давно стало анахронизмом. Доказано, что уже в микенскую эпоху (1650–1200 гг. до н. э.), то есть за много столетий до Гомера, греки установили прочные культурные и торговые связи не только с Сицилией, но и с Западной Италией и Сардинией. Более того, влияние микенской культуры можно проследить вплоть до современной Португалии! Возможно, однако, что в древнейшие века сами эллины еще не плавали в западной части Средиземного моря, иначе географические представления Гомера об этом районе и прилегающих к нему водах Атлантики не были бы до такой степени искажены фантазией. Греки, очевидно, долгое время вели торговлю с названными странами при посредничестве критян или финикийцев. Положение изменилось лишь после одного примечательного события, случившегося в VII в. до н. э.

...Затяжной шторм и восточные ветры вынесли корабль самосца Колея через Гибралтарский пролив в океан. Так первым из греков Колей оказался в открытом океане. Благодаря этой случайности он стал инициатором важнейших торговых сношений эллинов с изобиловавшим металлами Тартессом (Южная Испания); рассказывают, что из этого своего во многом случайного путешествия Колей привез ни много ни мало – 30 центнеров серебра! Сказочные богатства Тартесса, о которых греки до этого слышали только от финикийцев, в одночасье стали явью. До этого греческие полисы вели торговлю с Тартессом через Гадес, пользуясь посредничеством финикийцев. После же путешествия Колея греки напрямую установили довольно оживленные торговые отношения с Тартессом, сохранявшиеся в течение 120 лет. Греков принимали здесь весьма приветливо. Царь Тартесса Арганфоний, правивший чрезвычайно долго – около 80 лет (ок. 630–550 гг. до н. э.), богато одаривал греческих купцов, стараясь, чтобы они почаще гостили в Тартессе. Найденный в районе устья Гвадалквивира греческий шлем, датированный примерно 625 г. до н. э., относится, возможно, уже к началу царствования

Арганфония. В торговых связях этот правитель отдавал предпочтение эллинам перед финикийцами, опасаясь захватнического нападения карфагенян и надеясь на военную поддержку греков.

Точная дата путешествия Колея до нас не дошла, но ее можно вычислить: известно, что уже во время 33-й олимпиады (648–645 гг. до н. э.) сикионский тиран Мирон преподнес для сокровищницы в Олимпии ценные дары из «тартесской руды», то есть из бронзы. Отсюда следует вывод, что греки уже в VII в. до н. э. установили непосредственную связь с Тартессом, освободившись от посредничества финикийцев. Поэтому самой вероятной датой плавания Колея следует считать 700 г. до н. э. После захвата Тира Навуходносором (568 г.) греки вообще освободились от финикийского соперничества на море и в течение полувека были почти монополистами в средиземноморской морской торговле, пока Карфагенская держава не преградила им доступ в богатые металлами иберийские страны. Лишь легендарная память об исчезнувшем с лица земли великолепии этих стран и об окружающих их морях, «переставших быть судоходными», сохранились, очевидно, в известном мифе Платона об Атлантиде.

Аристей у исседонов

К северу от причерноморских греческих колоний простирались бескрайние земли, населенным самыми разными племенами. И если о своих ближайших соседях – скифах, владения которых простирались от Дуная до Дона, греческие колонисты все же имели более или менее достоверные представления, то страны, расположенные к северу и востоку от скифских кочевий, оставались для них огромным белым пятном. А между тем именно из этих стран к берегам Черного моря привозили множество драгоценных товаров...

В VII в. до н. э. в эти далекие, неизведанные земли отправился человек, которого греческая традиция знает под именем Аристей из Проконесса (возможно, в реальности речь идет о двух разных людях, один из которых жил около 800 г. до н. э., а другой – на 340 лет позже). Вернувшись из своего долгого, полного опасностей путешествия, Аристей сложил о своих приключениях целую поэму под названием «Аримаспея». После этого он пропал – возможно, ушел в новое путешествие, из которого уже не вернулся. А его поэма со временем была утрачена, лишь немногие ее отрывки дошли до нас в изложении греческих авторов.

Аристей. Бронзовая статуя

По мнению современных ученых, несмотря на стихотворную форму и отчасти легендарный характер, поэма Аристея основана на вполне надежных географических и исторических фактах. Даже несмотря на утрату значительных фрагментов текста, можно с достаточной легкостью восстановить маршрут, которым прошел

древний землепроходец. Отправившись от берегов Понта, он по древнему торговому пути через владения скифов добрался до устья Дона. Затем, идя вверх по Дону, через перешеек у излучины Дона вышел на Волгу и поднялся по этой реке до устья Камы, где уже около 1000 г. до н. э. располагался крупный торговый и культурный центр. Затем, следуя вдоль Камы (или по ней), Аристей достиг удобного перевала через Уральский хребет (близ современного Екатеринбурга) и оказался в районе Исети. Здесь обитало племя длинноволосых кочевников-исседонов, среди которых Аристей прожил некоторое время. Исседоны сообщили ему множество сведений о соседних народах и землях, расположенных к северу и востоку от их кочевий. Правда, эти сведения оказались расцвечены вымыслами – порой забавными, порой страшноватыми. Так, исседоны рассказали ему об одноглазых аримаспах, о хищных грифах, стерегущих золото, о расположенных на севере горах, с которых постоянно дует холодный ветер и никогда не сходит снег, о землях, окутанных тьмой и покрытых льдом...

За исключением этих сказочных сообщений исседонов, рассказ Аристея не содержит каких-либо неправдоподобных сведений, поэтому современные исследователи всегда относились к нему с большим интересом. Вопрос о том, куда привело Аристея его путешествие, спорен. Несомненно, однако, что он сумел достичь Приуралья, а возможно, даже и Зауралья. Ряд исследователей находят в рассказе Аристея первые сведения о Сибири. А. Гумбольдт отождествлял посещаемую аримаспами Страну золота, где якобы обитали стерегущие этот металл грифы, с Алтаем. Другие ученые предполагали, что речь идет об Урале. Страну аримаспов некоторые помещали на берега Енисея, что же касается исседонов, выступавших, согласно рассказу Аристея, посредниками в торговле золотом, то еще в XIX столетии большинство ученых было склонно видеть в них жителей Урала. В последующие годы эта гипотеза получила веские подтверждения.

Какова была цель путешествия Аристея, можно лишь предполагать. Вероятно, он, по собственному почину или по поручению эллинских купцов, решил лично познакомиться с прибыльными для торговли областями. Если это верно, то греческие торговые связи с Уралом начали развиваться уже около 700 г. до н. э., хотя греческих колоний на северном берегу Понта тогда еще не

существовало. Скифские и греческие купцы, очевидно, не проникали дальше западного склона Уральских гор, поскольку главный центр торговли сибирскими товарами исторически всегда находился к западу от Уральских гор (в устье Камы или на берегах Волги). Также, видимо, обстояло дело и в древности, поскольку трудный путь через Уральские горы отнюдь не привлекал чужеземных купцов. Лишь один отважный Аристей сумел проникнуть далеко на восток, став первооткрывателем Сибири.

Загадочный Эвтимен

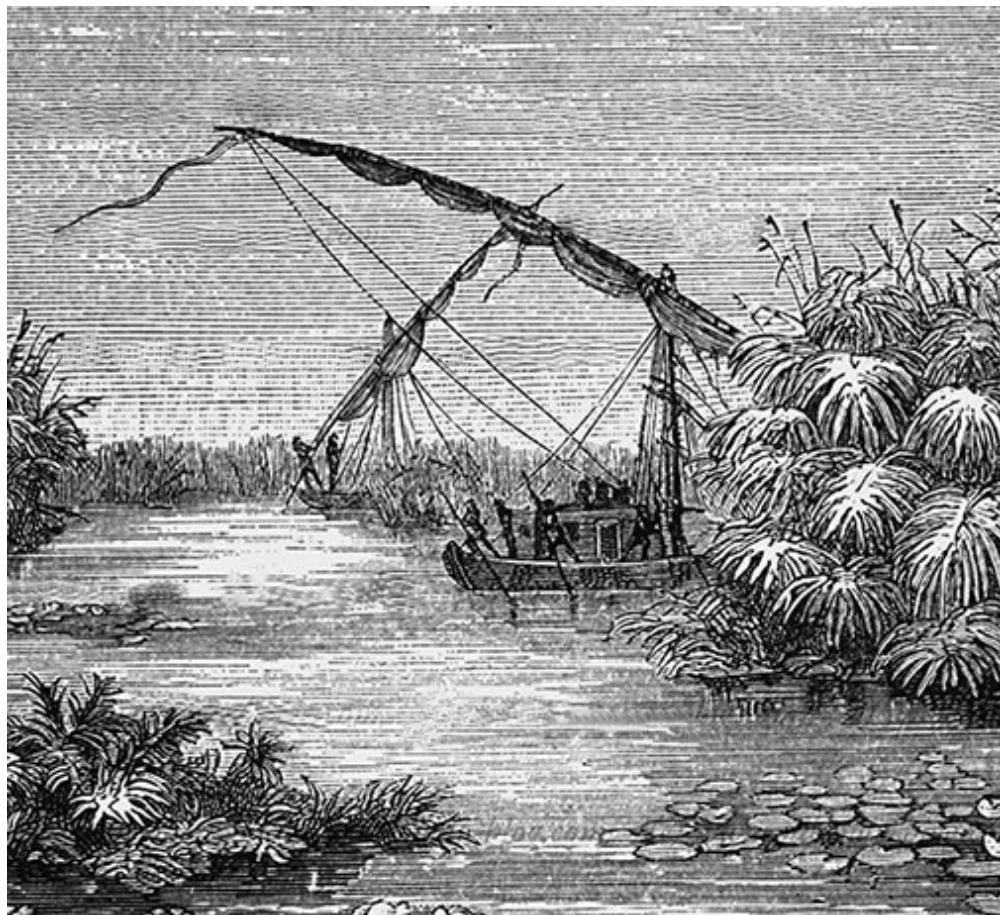
Эвтимен из Массилии предпринял морское путешествие в исследовательских целях вдоль побережья Северной Африки и, возможно, побывал в других водах Атлантического океана. Его отчет о плавании не сохранился. Мы узнаем о нем лишь из одного источника. Живший во II в. н. э. Марциан Гераклеяский упоминает Эвтимена среди авторов, составивших периплы (описания морских плаваний): «Одни – для некоторых областей, другие – для всего Средиземного моря, третьи – для внешнего океана». Однако перипл – это руководство для мореплавателей, и написать его мог только человек, прекрасно знающий все особенности описываемого моря.

Вопрос о том, в какую эпоху жил Эвтимен, остается спорным; неизвестны и цели его путешествия. Исследователи предполагают, что Эвтимен был современником Пифея, то есть жил в IV в. до н. э., другие относят его к концу VI в. Если действительно речь идет, по словам Р. Хеннига, немецкого историка открытий, о «попытке жителей Массилии поселиться на побережье Африки, попытке, которой вскоре воспротивились карфагеняне», то правильной может быть лишь более ранняя дата.

Эвтимен, видимо, плывал довольно далеко на юг, хотя вряд ли достиг Сенегала. Правда, Марциан указывает, будто Эвтимен открыл реку, в которой водились крокодилы и бегемоты. Если исходить из современных условий, то такой рекой мог быть только Сенегал. Но 2500 лет назад крокодилы и бегемоты водились во многих других, а возможно, и во всех реках Северной Африки, так как всю эту часть материка, и особенно горы, покрывали тогда густые леса. Например, стекающая с Атласских гор Уэд-Дра, русло которой в наши дни только изредка наполняется водой, некогда, по-видимому, была постоянной полноводной рекой, и в ней водились бегемоты.

Обнаружение крокодилов в какой-то западноафриканской реке неизбежно должно было вызвать предположение, что она связана с Нилом. Ведь еще во времена Александра Македонского считалось, что крокодилы водятся только в Ниле. Принял же Александр реку Инд, в которой тоже обитают крокодилы, за верхнее течение Нила. Поэтому вполне вероятно, что именно Эвтимен был автором остроумной, хотя и

ошибочной гипотезы о причинах загадочного летнего паводка на Ниле. Согласно этой гипотезе, о которой упоминает Геродот, паводок вызывается пассатами, которые гонят огромные массы морской воды в мифический рукав Нила, впадающий в Атлантический океан. Убеждение в том, что Нил направляет свои воды в Атлантический океан через какой-то рукав, сохранялось до позднего Средневековья; еще арабы предполагали, что Нигер – это «Нил негров».

Парусная лодка на Ниле. Гравюра XIX в.

Упомянутую гипотезу о паводке на Ниле, по-видимому, развил Гекатей, основываясь на открытиях Эвтимена. Еще Геродот был знаком с этой теорией. Следовательно, вопрос о том, действительно ли Эвтимен жил раньше Геродота, лишен всякого основания. Напротив, следует согласиться с предположением, что Эвтимен жил в VI в. до н. э. Важнейшее плавание Эвтимена при всех обстоятельствах могло состояться только до того, как карфагеняне на целых 300 лет закрыли

чужеземным кораблям доступ в Гибралтарский пролив. Позже греки уже были лишены возможности плавать в тех водах, в которых господствовал Карфаген. Мы не знаем, когда был закрыт Гибралтарский пролив. Самой ранней датой могло быть морское сражение при Алалии (ок. 537 г. до н. э.), в результате которого карфагеняне завоевали господство над Западным Средиземноморьем и Испанией, самой поздней – договор о мореплавании 509 г. до н. э. между Карфагеном и Римом, по которому последний признал закрытие Гибралтара. Весьма обоснованно предположение, что Эвтимен совершил свое путешествие около 530 г. до н. э.

Плавание Ганнона к «Колеснице богов»

«Карфаген должен быть разрушен»... Руководствуясь этой максимой, римские легионеры буквально стерли с лица земли огромный город, столицу великой морской державы, корабли которой на протяжении веков бороздили воды Средиземного моря и отваживались выходить далеко в Атлантический океан. В огне пожарища погиб и храм Баал-Хаммона, в котором хранились удивительные трофеи – шкуры горилл, привезенные карфагенским мореплавателем Ганноном откуда-то с побережья Экваториальной Африки, а также каменная стела с текстом «Перипла Ганнона», где описывалось одно из самых захватывающих путешествий, совершенных древними мореплавателями...

В отличие от Карфагена, текст «Перипла Ганнона» не погиб. Он дошел до нас в греческом переводе, сделанном, по-видимому, еще в V в. до н. э. Этот памятник сильно отличается от обычных греческих периплов. Начинаясь как довольно сухой, прозаический отчет, он постепенно превращается в яркое художественное повествование, напоминающее авантюрный роман. Здесь нет точных географических координат, и он почти бесполезен для идентификации мест, где побывали карфагенские моряки, но зато «Перипл» содержит массу живописных, порой даже устрашающих подробностей...

«Перипл царя карфагенян Ганнона о Ливийских землях, лежащих по ту сторону Геракловых столбов... И решили карфагеняне послать Ганнона в плавание за Столбы Геракла, чтобы основать ливийско-финикийские поселения. И он отправился в сопровождении шестидесяти пятидесятивесельных кораблей, с 30 000 мужчин и женщин, съестными и прочими припасами».

Тридцать тысяч человек на шестидесяти кораблях – какие гигантские масштабы! И пусть эта цифра, как считают некоторые исследователи, преувеличена; все равно нельзя отрицать того, что экспедиция Ганнона действительно была выдающимся предприятием. Она преследовала прежде всего политическую цель: укрепиться на океанском побережье Африки. Для этого Ганнону было поручено основать колонии по ту сторону Геракловых столбов. Карфагеняне стремились опередить своих конкурентов на море. В те времена

главным соперником Карфагена в Западном Средиземноморье являлась Массалия (ныне Марсель), греческая колония на южном побережье современной Франции. Незадолго до плавания Ганнона массалиотский мореплаватель Эвтимен прошел вдоль атлантического побережья Африки и достиг большой реки, кишасей крокодилами, которую он принял за исток Нила (как полагают современные исследователи, речь идет о реке Сенегал). Теперь Ганнону предстояло не только побить рекорд соперника, но и закрепить за Карфагеном право контроля над морскими путями вдоль Западной Африки. В разных точках побережья Ганнон основывал новые колонии, и в каждой оставлял часть людей и кораблей, так что, когда он дошел до крайней южной точки своего пути, число тех и других значительно уменьшилось.

Побережье Африки за Геракловыми столбами было карфагенянам хорошо известно на протяжении нескольких сот километров. Выйдя в Атлантику, они через два дня пути заложили на берегу первый город – Тимиатерий (там, где ныне находится марокканский город Мехдия). Основав на побережье еще пять колоний, экспедиция Ганнона достигла реки Ликсус (Уэд-Дра), где путешественников встретили дружелюбно настроенные племена ликситов. Пробыв у них некоторое время и взяв с собой на борт нескольких проводников, карфагеняне снова двинулись на юг, вдоль пустынных берегов Сахары.

В устье большой реки, которую местные жители называли Хрета, располагалось большое озеро с островами. Возле его южной оконечности высились горы, населенные дикими людьми, одетыми в звериные шкуры. Высадиться здесь не удалось: дикари, бросая камни, отгоняли карфагенян от берега. Далее на пути кораблей Ганнона лежала еще одна большая река, большая и широкая, кишущая крокодилами и гиппопотамами (несомненно, речь идет о Сенегале). Отсюда карфагеняне шли по морю двенадцать дней, огибая материк, пока не прибыли в землю «эфиопов» (то есть негров), язык которых был непонятен даже проводникам-ликситам. «Эфиопы» оказались очень боязливы. Завидев корабли, они убегали в леса. Карфагеняне высадились у подножия больших лесистых гор, с интересом рассматривая диковинные деревья с душистыми стволами. Вновь подняв якоря, экспедиция спустя два дня оказалась в огромном заливе с плоскими равнинными берегами. Ночью с кораблей были видны огни на обоих берегах. Запасшись здесь пресной водой, Ганнон повел свои корабли дальше.

Через пять дней экспедиция достигла большого залива. Проводники объяснили, что он называется Западный Рог. В этом заливе было несколько островов, и на каждом – соленые озера. Острова густо поросли лесом, и увидеть что-либо в этой чаще днем было невозможно. Однако когда спустилась ночь, джунгли озарились десятками огней. Откуда-то раздались звуки флейт, кимвалов и тимпанов и громкие крики. Возможно, это просто было какое-то африканское празднество, однако обилие огней и странная музыка в ночи напугали карфагенян; они немедленно оставили остров.

Далее их путь лежал мимо страны, изобилующей благовониями. Однако высадиться здесь не было никакой возможности: стояла страшная жара, берег полыхал огнем, огромные огненные потоки изливались прямо в море. Зрелище огненной стихии повергло карфагенян в трепет. Спустя четыре дня они попали в настоящий ад: ночью с кораблей увидели пылающую землю. Над бушующими языками пламени поднимался высокий огненный столб – казалось, что он достигает звезд...

Когда рассвело, огненные призраки отступили, и то, что ночью выглядело огненным столбом, при свете дня оказалось высочайшей горой, изрыгающей пламя и дым. Проводники-ликситы пояснили, что она называется Феон-Охема – Колесница Богов.

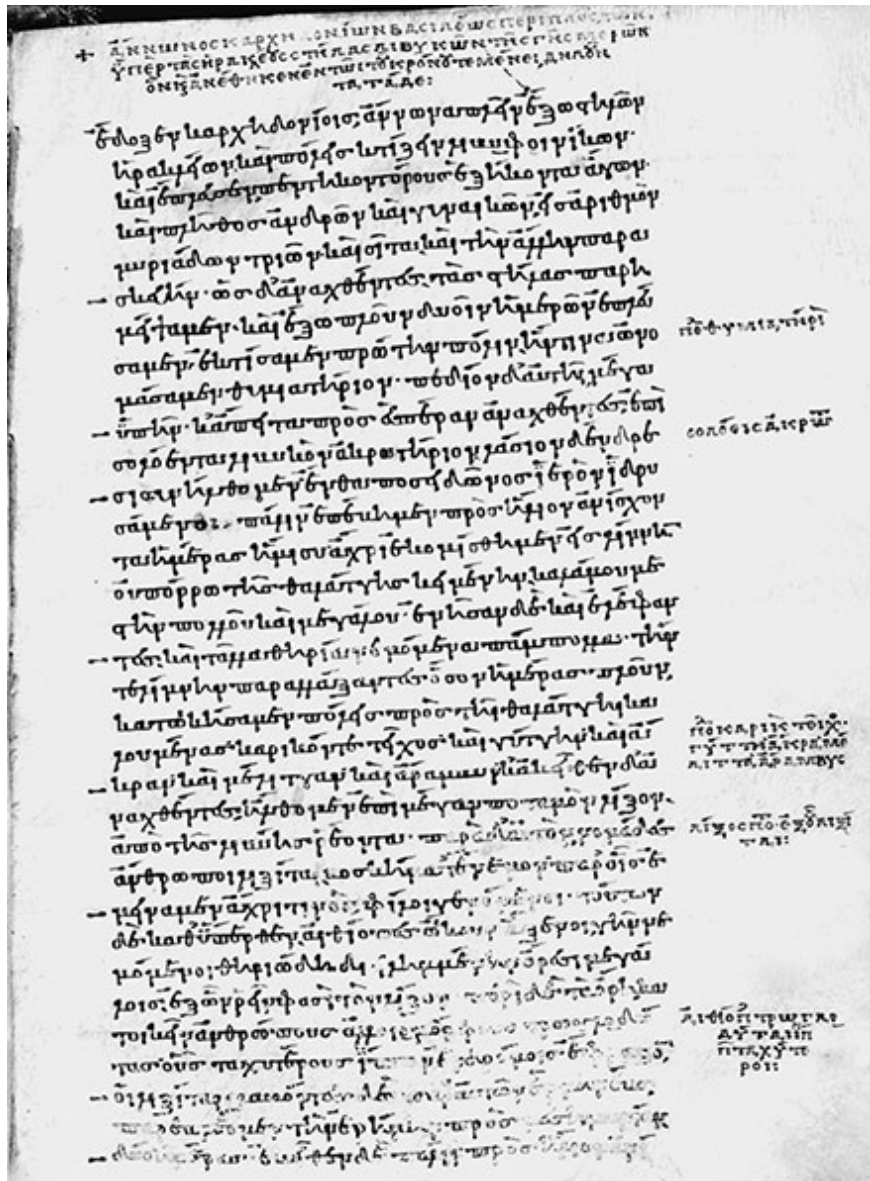
Через три дня корабли Ганнона прибыли в залив, называемый Южным Рогом. В его глубине был остров, населенный дикими людьми, с телами, покрытыми шерстью. Проводники называли их гориллами. Карфагенянам удалось поймать трех «женщин»-горилл, но они отчаянно кусались и царапались, так что доставить их на корабли не было никакой возможности. Пришлось их убить. С них сняли шкуры – позже участники экспедиции демонстрировали их в Карфагене. От берегов острова горилл Ганнон повернул назад. «Дальше мы не плавали. У нас не хватило припасов», – заключает он.

«Перипл Ганнона» вызвал в современной науке обширную дискуссию, в том числе и об его подлинности. Говорили, что перипл представляет собой не подлинный отчет карфагенского мореплавателя, а фальшивку, сочиненную еще в древности неким греческим автором, использовавшим для своего чисто литературного сочинения имя Ганнона. Сторонники этой теории считали, что язык перипла слишком правилен и поэтичен, он выдает руку эллинского писателя. Кроме того, нет никаких реальных археологических свидетельств проникновения карфагенян на побережье Африки южнее острова Могадор, говорили они, и Ганнон попросту не мог вернуться назад из-за мыса Бохадор, так как преодолеть встречные ветры без соответствующих мореходных инструментов и при наличии прямого латинского паруса было в то время невозможно. Однако эти возражения оказались несостоятельными. Известно, что для дальних заморских экспедиций карфагеняне пользовались пентеконтерами – большими 50-весельными кораблями, построенными из дерева и изнутри обшитыми листьями

свинца. Эти корабли были гребными и, следовательно, не зависели (или зависели в очень небольшой степени) от направления ветров. На них можно было плыть вдоль побережья Африки сколь угодно долго и в любом направлении: и на юг, и на север. А филологический анализ текста «Перипла» показал, что многие «греческие» обороты оказались всего-навсего переводом с финикийского (пунического). Сведения «Перипла Ганнона» о флоре и фауне африканского побережья в целом соответствуют реальным условиям и отличаются от обычных греческих представлений о невозможности жизни в этих районах Африки.

Другой спорный вопрос – дата плавания Ганнона. Некоторые исследователи полагали, что это произошло во второй половине VI в. или даже в конце VII – начале V вв. Однако современные данные археологии свидетельствуют, что первые следы карфагенского присутствия в Северо-Западной Африке появляются на рубеже VI–V вв. и трудно не связать это с деятельностью Ганнона.

Самый дискуссионный вопрос: пределы плавания Ганнона. Сам мореплаватель в своем отчете после довольно четкого описания начального этапа пути о дальнейшем путешествии рассказывает довольно неясно – кажется, даже нарочито неясно, указывая только, что достиг горы, называемой Колесница Богов, и залива Южный Рог. «Колесницу Богов» связывали и с Зеленым Мысом, и с горой Какулима в Гвинее, и с вулканом Камерун. Как бы то ни было, все эти пункты находятся южнее устья Сенегала, достигнутого ранее массалиотским моряком Эвтименом. По-видимому, этим и объясняется ясность первой части перипла: так как путь до устья Сенегала был уже известен, скрывать его не было необходимости. А вот дальнейший путь – очень даже имело!

Одна из страниц рукописи

Не вызывает сомнений и историчность самого Ганнона: он был одним из представителей правящей в Карфагене династии Магонидов, возможно – старшим из братьев-внуков легендарного Магона, которым в первой половине V в. принадлежала власть в Карфагене. Именно поэтому «Перипл» называет его «царем карфагенян». И конечно, лишь очень высокопоставленное лицо могло встать во главе столь масштабного предприятия, в котором участвовало 30 тысяч человек. Фактически это было целое переселение части карфагенских граждан!

Доверие к рассказу Ганнона росло по мере того, как в распоряжении ученых накапливалось все больше сведений о Западной Африке. В середине XIX в. в Габоне был обнаружен неизвестный до сих пор вид человекообразных обезьян – гориллы. Но ведь именно о них рассказывает карфагенский моряк, дошедший, судя по всему, до Гвинейского залива («Южного Рога»)! А на роль «Колесницы Богов» вполне может претендовать вулкан Камерун (его высота – 4 км). Долгое время он считался потухшим, однако когда в 1909 г. его жерло неожиданно разверзлось и все побережье запылало огнем, многие ученые безоговорочно приняли «показания» Ганнона. Следующее извержение Камеруна в 1922 г. было еще более грандиозным.

Если эта версия верна, то Ганнона следует признать одним из величайших мореплавателей древности. Он стал первым представителем средиземноморских народов, который проник в тропическую Африку с запада. Можно предположить, что, пройдя в глубь Гвинейского залива и увидев, что берег поворачивает на юг, руководитель экспедиции решил завершить маршрут и возвращаться: Африканский континент оказался значительно более обширным, чем он предполагал...

Спустя два тысячелетия португальские моряки преодолевали путь, пройденный Ганноном, на протяжении целых 70 лет!

Гимилькон в Атлантике

Почти одновременно с плаванием Ганнона другой карфагенский мореплаватель, Гимилькон, возглавил морскую исследовательскую экспедицию к берегам Англии и Ирландии. Очевидно, он также выполнял государственное поручение. Известный римский историк Плиний, который, возможно, располагал подлинником отчета Гимилькона, указывает, что этот флотоводец был послан Карфагеном исследовать «внешние границы Европы». Отсюда можно предположить, что Гимилькон должен был отыскать, во-первых, полулегендарную Страну олова (Британию), а во-вторых, другие важные для торговли области – например, Страну янтаря. Но никаких сообщений об успехах его экспедиции не сохранилось, а подлинник отчета о плавании Гимилькона, к сожалению, до наших дней не дошел, хотя, несомненно, существовал. Сохранились лишь весьма скудные его фрагменты, так что мы очень плохо осведомлены о ходе этого первого плавания карфагенян к Оловянным островам. А между тем в поэме Руфа Авиена «Морские берега», относящейся к позднеримской эпохе (ок. 400 г. н. э.), несколько раз приводятся ссылки на сведения Гимилькона, и это свидетельствует о том, что отчет карфагенского путешественника сохранял свою важность даже спустя 900 лет!

Гимилькон и его спутники достигли, видимо, Южной Англии и Ирландии. Как далеко они зашли и чего добились, остается неясным. Известно только, что плавание проходило в сложных условиях и заняло необычайно много времени, поскольку из-за неблагоприятной погоды, многочисленных штилей, туманов и плохой видимости корабли шли по незнакомым водам очень медленно. В каком-то неизвестном месте мореходы имели хотя и не причинившую им вреда, но все же очень опасную встречу с мелями, скоплениями водорослей и многочисленными морскими животными. Погодные условия также были самыми ужасными: участники экспедиции донесли до своих соотечественников рассказы о том, что в северных морях «мрак одеваает воздух, как будто какое одеяние, всегда густой туман нависает над пучиною и сумрачные дни не разгоняют туч над ним». Надо полагать также, что именно из уст Гимилькона жители Средиземноморья впервые услышали легенду о «застывшем море». Впрочем, не

исключено, что все эти подробности были попросту придуманы хитрыми карфагенянами, чтобы отбить у своих торговых конкурентов всякую охоту плавать к Оловянным островам.

Приключения Гимилькона, видимо, привели к тому, что неблагоприятные для судоходства особенности условия плавания от Пиренейского полуострова к Оловянным островам, с которыми якобы столкнулся флотоводец, стали рассматриваться как обычные для этого океана. Это очень напоминает историю Магеллана, который пересек Великий океан и назвал его «Тихим», так как за четыре месяца плавания случайно не разразилось ни одного шторма. Как бы то ни было, карфагеняне всячески использовали описания Гимилькона, чтобы распространить среди других народов мнение, будто судоходство в западных морях невозможно или, во всяком случае, сопряжено с большими опасностями.

Путешествие Пифея-лжеца

Две тысячи триста лет Пифей ждал признания правдивости своих рассказов. Современники не верили ему. Лишь в наше время ученые, тщательно изучив обрывки записей Пифея, сохранившиеся в пересказах других авторов, заключили, что нет оснований сомневаться в их правдивости.

«Варвары показали нам то место, где Солнце отправляется на покой. Ибо случилось как раз, что ночь в этих областях была очень короткой и продолжалась в некоторых местах два, в других – три часа, так что через очень короткое время после захода солнце снова поднималось...»

«Самой далекой из всех известных земель является Туле, где во время солнцеворота нет ночей, но очень мало дневного света в зимнее время... это продолжается без перерыва 6 месяцев подряд... Наиболее северная область Британии, лежащая около Туле, составляет последний предел обитаемой земли. Севернее Британии лежат еще другие острова: Скандия, Думна, Берги и величайший из всех Беррике, с которого обычно плавают на Туле. На расстоянии одного дня морского пути от Туле находится застывшее море, называемое Кронийским».

«Германское племя гуйонов обитает на отмели моря, называемого Метуонис... Отсюда один день плавания на парусниках до острова Абалус. На этот остров волны весной выбрасывают янтарь. Жители применяют его в качестве топлива вместо дров и продают соседним им тевтонам...»

Путешествие Пифея поражает куда сильнее, чем «Одиссея» Гомера. Сохранись до наших дней его книга «Об океане», она бы считалась классикой приключенческого жанра. Утрату этой книги, в которой Пифей рассказал о своем долгом путешествии, известный историк Р. Хенниг назвал «самой тяжелой из всех утрат, понесенной географической литературой древности». Плавание Пифея стало самым значительным достижением моряков Античности. Оно настолько переворачивало все представления жителей Средиземноморья об окружающем их мире, что позднейшие греческие и римские авторы попросту отказались верить путешественнику. В античную литературу Пифей вошел с клеймом «лжеца», а почти все собранные им сведения

были единодушно сочтены «вымыслом». Сегодня же Пифея называют «ученым в самом высоком значении этого слова».

Пифей жил в IV в. до н. э. в Массалии (ныне Марсель, Франция). Некоторые авторы даже называют точную дату его рождения: 315 г. до н. э. Массалия тех лет была одним из крупнейших торговых городов Западного Средиземноморья. Его основали около 600 г. до н. э. греки – выходцы из малоазийского города Фокеи. Фокейцы были одним из наиболее отважных народов-колонизаторов древности. «Жители этой Фокеи, – сообщает Геродот, – первыми среди эллинов пустились в далекие морские путешествия. Они открыли Адриатическое море, Тирсению, Иберию и Тартесс». Вероятно, от своих фокейских предков Пифей унаследовал их беспокойный характер и неистребимую тягу к дальним путешествиям.

Пифей не был купцом. Он был ученым и располагал весьма скромными средствами. В неведомые земли он отправился, скорее всего, при поддержке крупных массалиотских купцов, наживших огромные состояния на торговле оловом и стремившихся получить надежные сведения о лежащих на севере странах. Олово было необходимо жителям Средиземноморья для выплавки бронзы, а основным поставщиком олова в те времена служил полуостров Корнуолл (Британия). Путь туда лежал либо по морю, в обход Пиренейского полуострова, либо – что было более безопасно и удобно – по суше, через Галлию. Этот последний путь и контролировала богатая Массалия. И именно этим путем отправился в страны олова и янтаря «лжец» Пифей...

Скульптура Пифея на фасаде здания биржи в Марселе

Историки и географы Античности оставили достаточное количество свидетельств, чтобы восстановить его маршрут: от нынешнего Марселя вверх по реке Роне, далее по Сене или Луаре – к побережью Атлантики, оттуда морем в Британию. Это была древнейшая дорога через континент, пройти которую можно было за 30 дней (на всем протяжении этого Великого оловянного пути археологи находят слитки олова, вывезенные из английских рудников). В устье Луары лежал кельтский торговый город Корбилон, разбогатевший на торговле оловом (позднее он исчез без следа). Отправившись отсюда на корабле, через три дня Пифей достиг острова Уэссан – важного перевалочного пункта на Оловянном пути. Далее ему предстояло идти к Британским островам. В те времена жителям Средиземноморья был

известен только крайний юг Британии, да и то поверхностно, и, по-видимому, массалиотские торговцы поставили перед Пифеем задачу исследовать эту землю, столь богатую оловом, выяснить, является ли она частью материка или только островом, и, конечно, в полной мере оценить ее коммерческие перспективы.

На корабле, нанятом в Корбилоне, Пифей отправился в долгий путь вокруг Британии. Сорок дней понадобилось ему на то, чтобы обойти весь остров. Он высаживался на берег, встречался и разговаривал с местными жителями. В Корнуолле он изучал залегание слоев оловянной руды и способ прокладки штолен в пустой породе, разделяющей рудные жилы, наблюдал, как туземцы плавят руду и отливают ее в слитки. В своих записях Пифей отмечал, что рудокопы дружелюбны, приветливы и умны, потому что им постоянно приходится соприкасаться с другими народами (эти, как и другие сведения, дошли до нас только со слов других авторов). Описывая свою поездку в глубь Британии, Пифей говорит, что эта страна населена земледельцами, живущими по большей части в мире друг с другом.

Пифей был внимательным наблюдателем и хорошим астрономом. Он обнаружил, что Полярная звезда находится не точно в полюсе мира. Он наблюдал приливы в северных морях и впоследствии рассказал о них. Британию Пифей описал в виде треугольного острова и приблизительно подсчитал размеры каждой стороны треугольника. При этом он значительно преувеличил размеры острова, но определил правильные пропорции.

В одном месте Пифей уверяет, что во время бури видел волны высотой в 60 локтей, то есть 27 метров! Многим это казалось баснословным. Однако есть все основания полагать, что Пифей был свидетелем бури в проливе Пентленд-Ферс, у северной оконечности Шотландии. Здесь, когда шторм совпадает с приливом, образуются волны высотой до 18 метров, а столбы брызг поднимаются еще выше.

В Шотландии Пифею рассказали, что в шести днях пути к северу от Британии находится остров Туле. Его название вошло в литературу как символ крайней точки известного мира, и с тех пор «ульtima туле» означает «край света». Одни географы думают, что этим именем называлась Исландия, другие – что это часть Норвегии, третьи – что речь идет о Гренландии. Весьма интересен факт, что уже в те

отдаленные времена существовало морское сообщение между Британией и далекими землями, лежащими на севере.

Во время своего плавания Пифей зашел на север дальше, чем кто бы то ни было до него – за 60° с. ш. (сегодня его иногда называют «первым полярным исследователем») и в поисках легендарной страны Туле, возможно, достиг побережья Норвегии в районе Тронхейма.

Пифей не удовольствовался плаванием вокруг Британии. Он вторично пересек Ла-Манш и направился на северо-восток вдоль берега Европы, «за реку Рейн в Скифию». Он побывал в устье Эльбы, где слышал рассказы про остров, богатый янтарем, – возможно, Гельголанд. В Балтийское море Пифей не попал: скорее всего, он достиг лишь западного побережья современной Дании, откуда повернул в обратный путь. Из дальних странствий он привез с собой книгу, полную удивительных, даже «диких» – с точки зрения его современников – сведений: о замерзающих морях и густых туманах, о том, что приливы и отливы связаны с луной, о том, что обитаемые земли простираются далеко на север, туда, где лежат снега и холодное зимнее солнце встает над горизонтом всего на два-три часа...

Пифею не поверили. Для просвещенного жителя античного Средиземноморья не было сомнений в том, что человек не может жить в сумрачной и нестерпимо холодной северной стране. Полибий и Страбон приводили в своих трудах сообщения Пифея лишь для того, чтобы высмеять их как вымысел, лишенный какого бы то ни было правдоподобия. «Лжец» – с этим клеймом Пифей вошел в историю античной науки. И смыто это клеймо было лишь спустя две тысячи лет. Когда описаниями Полибия и Страбона заинтересовались ученые нашего времени, оказалось, что как раз те факты из сообщений Пифея, которые казались древним географам наиболее неправдоподобными, и являются самыми достоверными! Они неоспоримо свидетельствуют о том, что отважный массалиот на самом деле побывал в далеких северных морях, достигнув «ульtima туле» – края земли...

«Оранг малайу» – морские кочевники

В 1970-х гг. девять индонезийцев с острова Дамар, расположенного в море Банда, совершили любопытное плавание к берегам Австралии. Собственно, Австралия не являлась их целью: на парусной лодке-прау они отправились за кокосовыми орехами на островок Нила, лежащий в 75 милях от Дамара. Когда мореходы уже возвращались домой, внезапно налетел жестокий шторм. Бурей сорвало парус, затем переломилась мачта. Оказавшаяся полностью во власти стихии, лодка начала дрейфовать по воле ветра и волн. Господствующий в это время года муссон неуклонно относил небольшое суденышко на юго-восток. Вскоре лодку вынесло в Арафурское море, где людям уже не приходилось ждать встреч с какими-либо островами. Потянулись томительные дни и ночи. К счастью, моряки не испытывали нужды в пище и питье: то и другое им давали кокосовые орехи. А спустя три недели на горизонте показались берега Австралии...

Не является ли этот трехсотмильный дрейф моделью событий глубокой древности?

Имеются доказательства, что путешественники с островов Индонезии посещали северные области Австралии в очень ранние времена. А другие многочисленные свидетельства подтверждают, что уже на рубеже эр между Юго-Восточной Азией и Китаем и Средиземноморьем существовали развитые торговые связи. Но моря, омывающие берега Малакки и Зондских островов, в те годы бороздили не только корабли купцов из Египта и Индии. Местные жители – малайцы – к тому времени уже пользовались репутацией отличных мореплавателей.

Название малайцев происходит от «оранг малайу» – «бродячие люди». Это удивительное племя «морских кочевников» распространилось на невероятно огромной территории. Народы малайско-полинезийской языковой группы сегодня расселены на самой большой в мире географической территории: от острова Пасхи и Гавайских островов на востоке до Мадагаскара на западе и от Тайваня на севере до Новой Зеландии на юге. Этим людям были не нужны «сухопутные мосты» и «затонувшие материки», изобретаемые кабинетными учеными, чтобы объяснить удивительный феномен

трансокеанских миграций в древности. Используя Индокитайский полуостров как трамплин, они колонизовали Индонезию, Меланезию, Микронезию, Полинезию, Мадагаскар и Новую Зеландию. На заре мореплавания они выходили в открытое море, если видели на горизонте землю. Шли века, и «бродячие люди» стали предпринимать намеренные плавания для поиска новых земель. Большинство сделанных ими географических открытий произошли в историческое время, но не нашли отражения в письменной истории. Сегодняшние исследователи называют прошлое малайцев «черной дырой» в истории Юго-Восточной Азии.

Коренные жители острова Пасхи

На своих лодках-прау, обладавших хорошей мореходностью и использовавших большие паруса, сплетенные из волокон пандануса, малайские моряки отваживались уходить в море на огромные расстояния. Начиная по крайней мере с IV в. до н. э. малайцы являлись посредниками в морской торговле между Китаем и Индией. Уже около 300 г. до н. э. индийцы получали через малайцев шелк из Китая. Китайские суда и в это время, и позже, еще не плавали дальше Явы и Малакки.

Само название Китая в европейских языках – China происходит от малайского Cin (Cina, Thin, Thinae). Малайские мореплаватели первоначально называли так южнокитайское побережье. Они же познакомили с этим названием индийцев, от которых имя China перекочевало во все языки мира.

Ученые располагают массой этнографических и лингвистических фактов, свидетельствующих о том, что к 150 г. н. э. полуостров Малакка («Золотой Херсонес» греческих авторов), Зондские острова, Филиппины и побережье Южного Китая входили в сферу влияния малайцев. Например, у Клавдия Птолемея в описании Юго-Восточной Азии встречается множество явно малайских названий. Имеются сведения (увы, не очень надежные) о более поздних плаваниях малайцев к острову Святой Елены, расположенному в центре Атлантического океана. Но самым поразительным достижением древних малайских мореплавателей стала колонизация острова Мадагаскар, расположенного у побережья Восточной Африки.

Колонизация Мадагаскара малайцами по дальности плавания и масштабам иммиграции не имеет себе равных в мировой истории. До сих пор не удалось точно установить, когда это произошло, и совершенно непонятно, что заставило этих морских кочевников уйти за тысячи миль от своей родины. Ответ на этот вопрос не найден до сих пор.

Расселение малайцев из Индокитая началось около 500 г. до н. э. Плаванию на запад благоприятствовали попутные муссоны. Малайские мореплаватели из Центральной Индонезии побывали на Маврикии, на Мальдивских островах. По всей вероятности, Мадагаскар был обнаружен ими в первые годы нашей эры, тогда же сюда прибыли первые малайские колонисты. В дальнейшем сюда пришло еще

несколько волн переселенцев с Явы и Суматры. Так, арабская «Книга чудес» описывает рейс трехсот малайских судов к Мадагаскару, имевший место в 945 г.

Древние малайцы

Средневековые арабские историки и географы сохранили подробные рассказы об этом великом переселении. Все они сходятся в том, что мадагаскарские малайцы жили прежде в центре Юго-Восточной Азии, переселились оттуда на Зондские острова и значительно позже постепенно перебрались на Мадагаскар. Они принесли с собой традиционные зерновые культуры Юго-Восточной Азии, и сегодня, глядя на засеянные рисом мадагаскарские поля, можно подумать, что вы находитесь в Азии, а не в Африке.

Без сомнения, мореплаватели из Юго-Восточной Азии первыми увидели австралийские берега. Самыми ранними посетителями

Австралии были жители восточных островов Индонезийского архипелага – рыбаки, приходившие к побережью Северной Австралии для ловли трепангов (индонезийцы называют их «дудонг»). Этот морской моллюск чрезвычайно популярен в Китае, где он считается деликатесом, и торговля им была прибыльным делом. Трепангов, пойманных у берегов Австралии, высушивали и продавали китайским торговцам, которые переправляли товар в Кантон (Гуанчжоу).

Базой для флота малайских прау, ежегодно отправлявшегося на юг для лова трепангов, служила юго-западная часть острова Сулавеси (Целебес) с портом Макасар (Уджунгпанданг), который с очень давних времен являлся важным центром морской торговли. С попутным северо-западным муссоном моряки с Целебеса отправлялись на юго-восток, через море Банда, и возвращались с юго-восточными ветрами. Помимо трепангов, торговцы с Целебеса обменивались товарами с австралийскими аборигенами.

То, что ловцы трепангов появились у берегов Австралии в очень давние времена, свидетельствуют мифы и легенды австралийских аборигенов, живущих в Арnhemленде. Известно, что рыбаки из Макасара в XVI столетии посещали побережье Северной Австралии и Квинсленда. В начале XIX столетия английский мореплаватель Мэтью Флиндерс, исследуя австралийские прибрежные воды, сделал запись о посещениях ловцами трепангов с Целебеса северных областей Австралии, особенно залива Карпентария и северо-восточной части Арnhemленда. Вплоть до начала Второй мировой войны индонезийские рыбаки приходили к берегам Австралии ловить трепангов. Между тем австралийские аборигены решительно утверждают, что морякам с Целебеса предшествовали какие-то другие люди, которых они называют «байджини» (baijini). Что же это за загадочный народ?

Скорее всего, речь идет о коренных обитателях Целебеса – бугах. Этот народ, как и его соотечественники и близкие родственники макасары, по прямой линии происходит от древних жителей Юго-Восточной Азии, поселившихся здесь задолго до прихода монголоидов, и все еще сохраняет признаки той загадочной светлокожей расы, к которой принадлежали предки современных айнов и следы которой сегодня можно встретить на всем огромном пространстве Тихого океана, вплоть до Америки. В легендах Полинезии эти рыжеволосые и светлокожие люди называются «уру-кеу».

Рейсы светлокожих жителей Целебеса к Австралии, вероятно, начались в глубокой древности, задолго до появления на островах Индонезии монголоидных племен дейтеро-малайцев. Лодка-долбленка, найденная археологами в одной из пещер на Борнео, имеет возраст в несколько тысяч лет. Этот экспонат относится к самому началу освоения человеком южных морей. А следовательно, и Зеленого континента – ведь Австралия не такая уж маленькая цель, чтобы проплыть мимо нее...

Павлины в Вавилоне, или Древние индийские мореходы на Великой муссонной дороге

Многочисленные свидетельства о развитии индийского мореходства появляются уже в древних санскритских текстах. В «Ригведе» – древнейшем письменном источнике, созданном в XI – X вв. до н. э. и записанном позднее, в VII в. до н. э., – упоминаются стовесельные суда. Для того чтобы разместить по борту 50 гребцов, длина такого судна должна была составлять не менее 40–50 метров! Даже если считать, что наличие 50 гребных весел с каждого борта являлось поэтическим преувеличением, можно заключить, что создатели «Ригведы» были знакомы с длинными многovesельными судами.

О заморских плаваниях говорится и в эпической поэме «Махабхарата». В «Дхарма-сутре» для брахманов устанавливается суровый запрет на плавание в заморские страны. При этом автор (видимо, уроженец Южной Индии) указывает, что в северных районах такие плавания часты и не являются чем-то из ряда вон выходящим. Некоторые сведения о морских плаваниях древних индийцев приведены в «Пуранах» («Книгах древности») – канонических текстах индуизма, созданных, как и «Махабхарата», в последних столетиях до нашей эры.

В Древней Индии мореплавание развивалось, вероятнее всего, на основе традиций речного судоходства. Известно, что государство Косала еще в VI в. до н. э. утвердило свой контроль над Гангом, захватив порт Каши (Бенарес). В то время наиболее предприимчивые и отважные из купцов Каши плавали на своих судах с грузом хлопчатых тканей и других текстильных изделий, а также соли до устья Ганга и затем выходили в море, идя вдоль берега на юго-восток и юго-запад.

Примерно с VIII–VII вв. до н. э. индийские моряки стали активными участниками освоения морского пути, связывавшего древнейшие очаги цивилизации в Египте, Аравии, Месопотамии с азиатским Юго-Востоком – с Бирмой, Камбоджей, Вьетнамом, Суматрой и Явой, а затем и с Южным Китаем. Этот древний торговый путь советский историк Я.М. Свет назвал «великой южноазиатской

муссонной дорогой». Главным связующим звеном этой цепи была Индия, родина отважных и предприимчивых мореплавателей, которые освоили колоссальные водные пространства Индийского океана и его западных и восточных морей.

В IV–III вв. до н. э. индийские купцы совершали плавания вдоль всего побережья Индокитая. Они проникли на Суматру и обследовали ее вплоть до южной оконечности. Затем они появились на острове Ява, ходили по Яванскому морю. Впоследствии индийцы открыли Камфарный остров (Калимантан), проследили его северное побережье на протяжении более 600 миль и достигли острова Лусон, крупнейшего в Филиппинском архипелаге. При археологических раскопках здесь обнаружены ножи, топоры, дротики, бусы из стекла и полудрагоценных камней явно индийского происхождения, датируемые концом I тысячелетия до н. э. Все это подтверждает, что торговые контакты между Северными Филиппинами и Южной Индией начались в глубокой древности.

Установлено, что в IV–III вв. до н. э. индийские купцы плавали к берегам Южной Аравии, а во II в. до н. э. совершали регулярные морские путешествия в Египет и Восточную Африку (в Эфиопию и Мозамбик). Я.М. Свет считает, что индийские кормчие за два, а может быть, и за три века до грека Гиппала (конец II или начало I в. до н. э.) научились использовать сезонные муссонные ветры при плавании в открытом море. Это позволило им проложить торговый путь из Индии в гавани Южной Аравии и в египетские порты на Красном море Миос-Хормос (Мышиная гавань) и Беренику напрямик через океан. Вероятно, уже в VIII–VII вв. до н. э. индийские суда заходили в порты Красного моря, а в VI–IV вв. до н. э., когда властители Персидской державы Ахемениды владели всем Ближним Востоком и Египтом, индийские купцы регулярно плавали в Вавилон. Именно об этих плаваниях рассказывается в буддийском сказании «Вавилон джатака», где описано, как индийские купцы привезли в Вавилон (Баверу) павлинов. Очень вероятно, что индийцы плавали и вдоль сомалийского побережья на юг, к Софале и Мозамбику.

Во II в. до н. э. основными гаванями на северо-западном побережье Индии были Бахардипур (Барбарикон античных авторов), расположенный в устье Инда, и Бхарукачкха (Баругази, или Баругасы, в античных источниках) в Камбейском заливе. Через эти гавани

осуществлялась торговля Индии с Аравией, греко-римским Египтом и – через последний – со всеми странами Средиземноморья. Плавания на запад выполнялись обычно в декабре, когда устойчиво дул северо-восточный муссон. Из гаваней Южной Индии при следовании в Египет суда шли прямо на остров Сокотру – Диоскороду античных источников, Сукхаджарадвипу (Счастливым остров) в индийских рукописях. Переход из Южной Аравии к портам западного побережья Индии продолжался обычно 30–40 суток.

Античный автор, вероятнее всего греческий купец из Александрии, которого в исторической литературе называют Псевдо-Арриан (по имени древнегреческого историка II в. н. э. Арриана, которому ранее приписывали цитируемое далее сочинение), в I в. н. э. довольно красочно описал кипучую торговую деятельность в индийском порту Бхарукачкха: «В этот торговый пункт ввозится вино, особенно италийское, лаодикийское и арабское, затем медь, олово, свинец, кораллы, хризолиты, одежда простая и всякого рода поддельная, разноцветные пояса в локоть шириной, грубое стекло, сурьма, золотые и серебряные денарии, выгодно обмениваемые на местную монету, не очень ценное и не очень пахучее мирро. Для царя же в эти места ввозятся ценные серебряные сосуды, знающие музыку мальчики, красивые девушки в гарем, отборные вина, обычные ценные одежды и отличные мази. Из этих мест вывозятся нард, пряности, благовония, слоновая кость, изделия из оникса и муррина, всякие вещи из хлопка, материи шелковые и хлопчатобумажные, длинный перец и все то, что привозится из других торговых пунктов. Приезжающие на этот рынок купцы из Египта отплывают, чтобы попасть вовремя, около июля месяца». Об интенсивности торговых связей Индии с греко-римским миром в I–II вв. н. э. свидетельствуют многочисленные клады римских и египетских монет, обнаруженные на территории Южноазиатского субконтинента.

«Карийский капитан» Скилак

Как рассказывают древние авторы, некий Скилак из Карианды (Малая Азия) в 518–516 гг. до н. э. по приказанию персидского царя Дария I совершил плавание по Индийскому океану. Этот поход сегодня принято считать первой попыткой исследовать географические условия в западной части Индийского океана. Правда, судоходство в Индийском океане было развито еще задолго до Скилака. Однако народы Передней Азии до Дария, а европейские – даже до Александра Македонского имели весьма смутное представление об Индии и Индийском океане. Последний в древности называли Красным морем, а современное Красное море именовалось Аравийским заливом. Гекатею Милетскому, великому географу и современнику Дария, река Инд была известна как последняя река на востоке.

Захватив часть Египта, Дарий возымел намерение завоевать Северо-Западную Индию. Чтобы полнее использовать могущество персидского флота, ему нужны были точные сведения о южных морях. Поэтому Дарий поручил проведение экспедиции опытному моряку из карийцев, которые издавна славились как искусные мореходы. Выбор пал на Скилака, «карийского капитана». Скилак прекрасно выполнил поставленную перед ним задачу, и Дарий, видимо, высоко оценил и богато наградил его. Об этом рассказывает Геродот. Если его сведения верны, то данные, добытые Скилаком, в значительной мере обусловили успех индийского похода Дария. В то же время оригинал отчета Скилака, предназначавшийся для Дария, вряд ли был известен Геродоту, ибо в противном случае последний сообщил бы больше подробностей и не допустил бы слишком грубых ошибок.

По предположениям историков, это путешествие состоялось, видимо, между 516 и 512 гг., а по некоторым данным – между 519 и 516 гг. до н. э. Достоверность факта плавания Скилака – этой грандиозной для того времени экспедиции неопровержимо доказана памятниками, найденными у Суэцкого канала. В надписях на этих памятниках, воздвигнутых, возможно, еще при Дарии, к сожалению, имеются пробелы, но в них подтверждается, что через Нил и современное Красное море можно попасть на судах в «море, которое идет из Персии». В главной части текстов речь говорится об удачном

плавании из канала Нила «в Персию», то есть в Персидский залив. Отсюда можно предположить, что Дарий послал две морские экспедиции: одну из Инда к Персидскому заливу и другую туда же из Суэцкого залива.

Задачей Скилака было обследовать течение Инда, а также побережье от устья этой реки до Персидского залива или Красного моря. Скилак, видимо, отнесся к своей задаче добросовестно. Он не только собрал много ценных сведений о самой Индии, что потребовало длительного пребывания в этой стране, но и все путешествие в целом заняло много времени. Это тоже указывает на тщательность проведенных исследований. Плавания торговых судов от Инда к Красному морю продолжались обычно, когда они следовали вдоль берега, менее года, а позднее, когда научились использовать муссоны, время сократилось примерно в три раза. Между тем Скилак находился в плавании два с половиной года, хотя возможно, что в этот отрезок времени входит его продолжительное пребывание в Индии и Персии.

Пунктом отправления Скилака в плавание Геродот считает город Каспатир (Гекатей, который, очевидно, еще мог пользоваться оригиналом отчета Скилака, называет этот город Каспапиром). Местоположение этого города точно не установлено. Прежде его отождествляли с Кабулом, так как у этого города приток Инда Кабул (Кофен) поворачивает на восток. Однако Кабул находится на 1917 метрах над уровнем моря и сильное падение реки выше Джелалабада исключает возможность судоходства. Лишь на Гандахарской равнине у Пешавара Кабул становится судоходным, сохраняя свое направление на восток. Поэтому весьма вероятно, что плавание началось именно в этом месте, самом удобном с точки зрения географии путей сообщения. Во всяком случае, плавание Скилака могло начаться лишь вблизи места впадения Кабула в Инд. Оттуда «карийский капитан» отправился по неизведанному потоку к морю, а затем и далее. Трудно сказать, знали ли Скилак о том, что идет по пути, проложенному и освоенному за много столетий до него? Ведь судоходство между Индией и Южной Аравией было развито уже с середины II тысячелетия до н. э. В шумерских надписях последнего периода государства Ур якобы упоминается уже Саба под названием «Сабу». Однако обо всем этом персам времен Дария и грекам эпохи Александра Македонского, по-видимому, ничего не было известно.

Неарх идет на запад

Подробности походов Александра Македонского сравнительно хорошо освещены его современниками и позднейшими авторами. Менее известна другая сторона завоеваний этого великого полководца. Еще А. Гумбольдт отмечал, что начиная с 330 г. до н. э. Александр намеренно поставил свои походы на службу географическим открытиям и для этой цели содержал при себе большой штат ученых – естествоиспытателей, землемеров, историков, философов и художников. Безусловно, в то время они не могли в полной мере развеять мрак неизвестности, окутавший границы Ойкумены, и не в состоянии были собрать воедино и подытожить все сделанное ими и до них. Однако благодаря им античная географическая наука все же существенно продвинулась вперед.

В Пенджабе Александру рассказали о сказочных землях на Востоке. Ему говорили, что по ту сторону степи, в 12 днях пути, на берегах огромной реки стоят города и живут люди, ему рассказывали об огромном острове на юге. «Значит, это еще не край света? Но где же он тогда? Если правильны выводы моих географов, что океан омывает весь населенный нами мир, то, наверное, можно достигнуть края света на кораблях, переплыв океан?» Вероятно, так мог размышлять Александр Македонский.

Реконструкция древнегреческого корабля

У стен Вавилона Александр построил огромный флот. По словам Арриана, царь долго не мог найти подходящей кандидатуры на должность начальника флота: «Александр вспоминал то одного, то другого и отказывался от них, так как они не желают подвергаться такой опасности, от других, так как они не обладают достаточной смелостью, от третьих, так как они как будто охвачены тоской по родной земле. В одних он находил одни, в других другие недостатки. Тогда Неарх, предложив свои услуги, сказал: “О царь! Я принимаю на себя начальство над этим флотом, и да поможет мне бог в этом деле...” Восхищенный Александр обнял Неарха и назначил его командовать всем флотом».

В 325 г. до н. э. Александр, пришедший во главе своей армии к Инду, дал Неарху следующее поручение: «Открой морской путь от этой реки к Евфрату. Я пойду назад по суше, а ты плыви по морю. У тебя

будет 150 кораблей и около 5 тысяч человек. Плыти на запад, а когда кончится провизия, причаливай к берегу и ищи встречи с моей армией, которая пойдет берегом. Армия будет добывать снабжение для флота».

Неарх отплыл в сентябре. Его экспедиция растянулась почти на шесть месяцев. Когда он проходил Крокалу (Карачи), муссон начал менять свое направление, и ему пришлось 24 дня дожидаться попутного ветра. Через 5 дней после возобновления плавания разыгралась буря, во время которой 3 корабля погибли. Вопреки обещанию Александра, армия помогла флоту только один раз. Большую часть пропитания Неарху приходилось добывать грабежом прибрежных городов. Но даже после удачных набегов продуктов не хватало для такой массы людей, и они почти все время голодали.

Однажды греки причалили к острову, который теперь называется Асталу. В то время существовала легенда, что на этом острове живут сирены и что ни один странник, ступивший на него, не возвращался назад. Неарх высадился на этот остров, но его ждало разочарование: никаких сирен там не было.

Наконец пустынные берега кончились. Флот обошел мыс Джаск и приблизился к нынешней провинции Кирман. Здесь была плодородная почва, и грекам удалось достать зерна и свежих овощей. Около Ормуза экспедиция расположилась на отдых. Через некоторое время Неарх двинулся дальше, отряжая во все стороны разведывательные экспедиции. Капитан Бахиас открыл Бахрейнские острова, назвав их Тилос. Андросфен доплыл до Абу-Даби (современная столица ОАЭ) и сообщил о торговле жемчугом на Аравийском побережье. Гиерон обогнул по морю Аравию, но вынужден был преждевременно вернуться, поскольку моряки пришли в ужас от увиденных ими бескрайних пустынь, подступающих к морю. Еще одна экспедиция достигла района современного Южного Йемена, но также вернулась раньше срока из-за того, что людям не хватило продовольствия и главное – воды; песчаные берега были безжизненны.

Таким образом, во время своего плавания от устья Инда корабли Неарха исследовали почти все побережье Персидского залива. Очевидно, это была только первая географическая экспедиция, за которой должны были последовать многие другие. Ранняя смерть Александра помешала осуществлению этих планов.

Плавание Евдокса

«Некто Евдокс во времена наших дедов бежал от египетского царя Сатира и добрался до Аравийского залива через море до Гадеса».

Римский писатель Помпоний Мела уместил всю захватывающую историю о путешествиях Евдокса в две строчки. Его соотечественник, географ и историк Страбон, был более словоохотлив. Правда, Страбон страдал необъективностью в описании дел своих предшественников, обвиняя всех (кроме себя) в недостоверности, лжи, выдумках и тому подобных грехах. Не поверил он и рассказу о плавании Евдокса. Но тем не менее он привел его целиком – со ссылкой на рассказ другого ученого Античности, Посидония, известного своей сдержанностью и взвешенностью в оценках.

Евдокс был родом из малоазийского города Кизика. Он появился в Египте около 116–115 гг. до н. э., в годы царствования царя Птолемея Эвергета. Египтяне отметили, что пришлый грек, вероятно, опытный моряк или, во всяком случае, «не без сведений в этом предмете». Спустя некоторое время к царскому двору был доставлен некий загадочный человек, которого стража полумертвым подобрала на берегу Красного моря. Царь распорядился обучить пришельца греческому языку и, когда тот уже смог связно разговаривать, с интересом выслушал его историю. Человек оказался индийцем; по его словам, он и его товарищи плыли на корабле из Индии, однако заблудились в море. Припасы на борту закончились. Все его спутники умерли от голода, и лишь его судьба пощадила, выбросив на египетский берег вместе с полуразвалившимся кораблем. В благодарность за свое спасение индеец брался показать слугам царя дорогу в богатую Индию...

Предложение выглядело заманчивым, и царь поручил это опасное предприятие Евдоксу. К удивлению всех, грек блестяще справился с заданием. Он вернулся из Индии с грузом благовоний и драгоценных камней, а также с завораживающими рассказами о богатстве далеких земель и том, как индусы добывают самоцветы: одни из них приносятся реками вместе с обычной галькой, а другие выкапывают из земли, так как они «затвердели из жидкого состояния подобно нашим

кристаллам». Однако надежды Евдокса на заслуженную награду не оправдались, потому что царь Эвергет отнял у него все товары.

После смерти Птолемея Эвергета власть наследовала его супруга Клеопатра. Она вновь отправила Евдокса в Индию. При возвращении корабль отнесло ветрами в некую «страну, находящуюся выше Эфиопии» (речь идет о побережье Восточной Африки). Евдокс – как, по-видимому, и его спутники – впервые оказался в этих водах. Идя вдоль берега на юг, он бросал якорь в разных местах и везде старался завязать дружеские отношения с местными жителями. Моряки оделяли туземцев хлебом, вином, сушеным инжиром, а взамен получали пресную воду и проводников. С помощью последних Евдокс даже составил небольшой список слов местного наречия.

Однажды, высадившись на берег, моряки сделали совершенно неожиданную находку: деревянный обломок носа какого-то погибшего корабля с вырезанным на нем изображением коня. Откуда взялся этот странный предмет? Ведь никто из местных жителей не строит подобных кораблей и не плавает на них! Расспрашивая туземцев, Евдокс узнал, что однажды возле этих берегов потерпело крушение большое судно с незнакомыми людьми. Но более всего грека поразило то, что, по словам аборигенов, это судно пришло... с запада!

Неужели «Ливию» (Африку) можно обойти с запада? Эта мысль не давала Евдоксу покоя вплоть до возвращения к родным берегам. В Египте его встретили, как и в прошлый раз, неприветливо: обобрав путешественника до нитки, царские слуги отправили его восвояси. Евдокс, прихватив с собой найденный на далеком африканском берегу обломок корабельного носа, отправился в гавань. Здесь, переходя от лавки к лавке и от таверны к таверне и расспрашивая купцов и моряков, он наконец смог установить принадлежность находки: опытные люди опознали в ней фрагмент гадитанского корабля. Только жители Гадеса украшают свои суда подобными деревянными конями. Богатые гадитанские купцы снаряжают большие корабли, бедные же посылают маленькие суда, которые так и называются – «конями», по изображению на носах кораблей. На таких «конях» гадитанцы ходят на рыбную ловлю у берегов Западной Африки вплоть до реки Ликс.

Гадес (ныне Кадис) – древняя финикийская колония на юго-западном, атлантическом побережье Испании, основанная в незапамятные времена. Как, каким образом моряки из Гадеса могли

оказаться на восточном берегу Африки? Одним-единственным путем: обогнув континент с запада. Ведь рассказывали же туземцы, что загадочный корабль пришел с запада...

Собрав пожитки, Евдокс сел на первое же попутное судно и отправился на запад Средиземноморья. Его путь лежал через Дикеархию и Массалию в Гадес. Добравшись до желанной цели, он рассказал гадитанским купцам о своей находке, из которой следовал неоспоримый вывод: Африку можно обогнуть по морю! А если от побережья Эфиопии взять курс на восток, то можно дойти и до сказочно богатой Индии, куда он, Евдокс, дважды самолично водил корабли египетского царя... Трудно избавиться от ощущения, что именно из этих рассказов много лет спустя родилась уверенность в том, что Индию можно попасть, обогнув Африканский континент. Во всяком случае, в эпоху Великих географических открытий португальские моряки будут упорно стремиться сделать именно это!

Но этих событий придется ждать еще полторы тысячи лет. А пока Евдокс, получивший полную поддержку гадитанцев, снаряжает большой корабль, готовясь пройти морским путем вдоль побережья «Ливии». Вместе с ним в море должны были выйти и две большие лодки, «похожие на пиратские». Экспедиция затевалась многолюдная: помимо экипажей кораблей, в ее состав входили разного рода ремесленники, врачи и даже музыканты. Возможно, речь даже шла о предстоящей колонизации новооткрытых земель. Несомненно, что конечной целью экспедиции должна была стать Индия – рассказывая об отплытии, Посидоний неожиданно обмолвился: по его словам, Евдокс «поплыл в открытое Индийское море, сопровождаемый попутным ветром». Но из Гадеса при всем желании нельзя сразу попасть в «Индийское море» – только в Атлантический океан или, на худой конец, в море Средиземное. Так что «Индийское море», по-видимому, являлось лишь отдаленной целью Евдокса...

Корабль и лодки шли вдоль побережья «Ливии» до тех пор, пока экипажи и пассажиры не выбились из сил. Все чувствовали себя крайне утомленными, и Евдокс распорядился причалить к берегу, чтобы люди после долгого плавания смогли наконец отдохнуть и почувствовать твердую землю под ногами. Однако при подходе к берегу корабль сел на мель. Впрочем, катастрофы не произошло, берег был близко, и морякам удалось сперва перегрузить с него все запасы и товары, а затем

и разобрать корпус на бревна и доски. Из них путешественники построили другое судно – «почти равное по силе пятидесятивесельному кораблю» (корабли подобного рода использовались карфагенянами для дальних плаваний). На этом судне Евдокс и его спутники снова вышли в море.

После долгих дней плавания Евдокс встретил где-то на побережье «Ливии» людей, говоривших на знакомом ему наречии: словарик именно этого языка он наскоро составил во время своего давнего путешествия к берегам Восточной Африки! Как оказалось, «живущие здесь люди принадлежат к одному племени с эфиопами».

Далее Посидоний (рассказ которого приводит Страбон) произносит совсем удивительную фразу: «Окончивши путь в Индию, он возвратился домой». Неужели от берегов «страны эфиопов» Евдокс прямехонько отправился в Индию? И достиг ее? И благополучно вернулся домой, на Пиренейский полуостров? И сделал это за 1700 лет до Васко да Гамы?

Не верится. Но как тогда можно толковать слова Посидония? То, что «страна эфиопов» – не Индия, Евдокс прекрасно знал. Следовательно, не здесь окончился его путь. И не отсюда он возвращался домой...

«На обратном пути он увидел остров, пустынный, хорошо снабженный водой, покрытый деревьями, и заметил его положение» (речь идет о Мадагаскаре?). Благополучно достигнув северо-западного побережья Африки, Евдокс продал свои корабли и отправился ко двору местного царька Бага. Он предложил африканцам предпринять морскую экспедицию, однако придворные отговорили царя от этой затеи. Тогда Евдокс бежал в римские владения, а оттуда вновь перебрался в Иберию. Здесь он построил два больших корабля, взял на борт земледельческие орудия, семена и плотников и опять вышел в море, по уже знакомому маршруту. В случае задержки в пути он намеревался высадиться на открытом им острове (Мадагаскаре?), посеять семена, собрать урожай, а на следующий год отплыть отсюда к берегам Индии...

Греческий географ и историк Страбон

«До этого момента известна мне история Евдокса, – заключает Посидоний, – что случилось с ним после, то, вероятно, знают жители Гадеса и Иберии». О человеке, который «проделал путь из Испании в Эфиопию», действительно упоминает ряд античных авторов. «Не следует отвергать теоретическую возможность того, что после экспедиции фараона Нехо еще одно средиземноморское судно дошло до мыса Доброй Надежды и обогнуло Африку, – считает Р. Хенниг. – Однако никаких достоверных доказательств того, что нечто подобное действительно было, совершенно не сохранилось».

Путешествие в страну Агасимба

Вскоре после 100 г. н. э. римлянин Юлий Матерн, которого историки отождествляют с наместником Нумидии, известным по другим источникам, предпринял смелую экспедицию в Юго-Западную Сахару. В результате похода, продолжавшегося четыре с половиной месяца, римляне прошли через всю область пустынь и добрались до страны под названием Агасимба – вытянутой в длину, гористой и кишасей дикими зверями...

Вопрос о местоположении Агасимбы до сих пор остается предметом споров. Свидетельство Птолемея (II в.) о том, что там во множестве обитали носороги, указывает на область, богатую реками и водоемами; по его же словам, жителями Агасимбы были «эфиопы», то есть чернокожие. Много столетий спустя французский ученый Вивьен де Сен-Мартен пытался отождествить Агасимбу с сахарским оазисом Асбен, но там едва ли могли водиться носороги. Страна, изобилующая водой и населенная неграми, должна была находиться лишь к югу от великой пустыни. Некоторые исследователи даже отождествляли ее с Зимбабве!

Скорее всего, Агасимбу следует искать на богатых водой низменностях вокруг озера Чад. Таким образом, наместник Нумидии Юлий Матерн и его люди совершили одно из величайших достижений в истории географических открытий: ведь в следующий раз европейцы сумели добраться до озера Чад только в 1823 г.! Впрочем, бесспорных доказательств пребывания римлян на берегах Чада нет, хотя сообщение Птолемея об этом походе большинство ученых признает «вероятным». В любом случае «страну Агасимба» следует считать самым южным пунктом, которого достигли путешественники Античности.

«И Туле не будет пределом земли...»

«Лжец» Пифей доставил жителям Средиземноморья невероятно ценные, но настолько непривычные сведения о странах Северной Европы, что им отказались верить. Вплоть до 84 г. н. э. вопрос о том, является ли «открытая» Юлием Цезарем Британия островом, оставался предметом дискуссий. Впрочем, многие географы того времени (Плиний, Помпоний Мела), твердо знали, что Британия – это остров, но и располагали сведениями об островах и землях, лежащих далеко к северу, – Оркнейских и Шетландских островах, о загадочной «ультима туле» (Норвегия, или, что менее вероятно, Исландия). Однако окончательно все точки над «i» расставила морская экспедиция Юлия Агриколы, римского наместника в Британии.

Статуя Агриколы

Это путешествие было связано с военно-морской операцией, проведенной Агриколой во время войны с каледонцами. Одержав ряд побед на суше, Агрикола, стремившийся завершить покорение страны, захотел выяснить, как далеко она простирается на север и насколько заслуживают доверия сведения о северных морях, полученные в свое время от Пифея (над которыми тогда смеялся весь научный мир). Римский флот отправился вдоль побережья Шотландии на север. Мореходам удалось обогнуть Британию с севера и окончательно установить островной характер этой земли. На севере, в туманной дымке, вырисовывались очертания других островов, которые моряки приняли за легендарную землю Туле (в реальности это были Оркнейские острова), однако экспедиция была предпринята в неудобное для плавания время года, так что римский флот не отважился приблизиться к далекой суше. Агрикола лишь ограничился кратким сообщением о том, что Туле «была усмотрена издали, но приказ был ехать лишь до этих мест, да и зима приближалась». Кроме того, по сообщению римского наместника, море на севере Шотландии «малоподвижно и тяжело для гребцов; оно даже и ветрами не поднимается значительно...».

Плавание римского флота вокруг Британии в 84 г. стало лишь частичным повторением подвига Пифея, хотя подготовлено оно было со значительно большим размахом. И хотя многого добиться не удалось, достижения Агриколы все же заслуживают признания. Это, видимо, была первая после Пифея попытка проникнуть в области, лежащие к северу от Британии; с 84 г. островная природа Британии уже никогда больше не оспаривалась.

Открытие Эллады

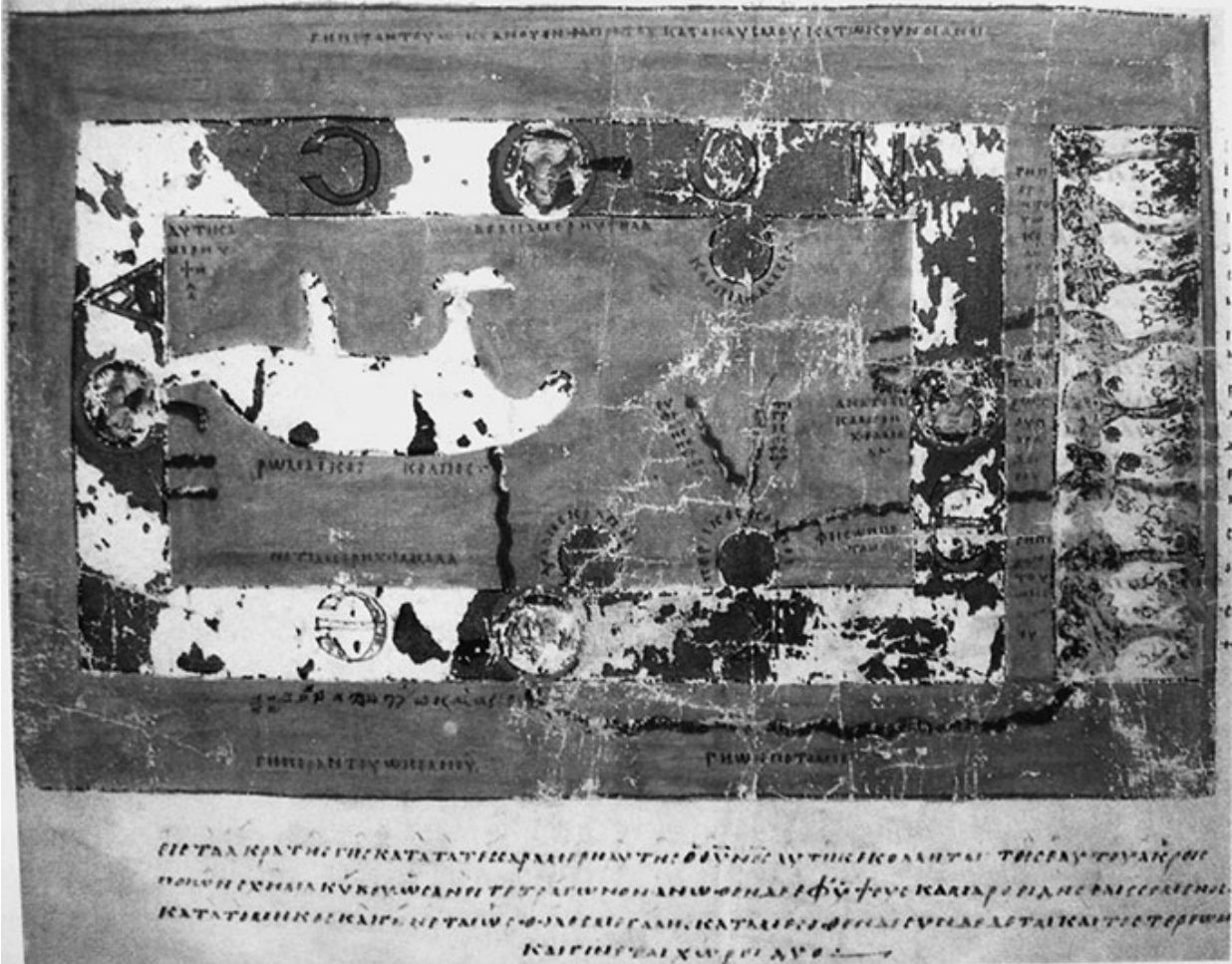
Имя древнегреческого путешественника и географа Павсания вернулось из долгого забвения в 1516 г., когда в Венеции был издан его фундаментальный труд «Описание Эллады», во многом не утративший своей актуальности вплоть до сегодняшнего дня. О личности его автора мы сегодня знаем преимущественно только из того, что он сам мимоходом сообщает о себе на страницах своего объемистого сочинения. Павсаний родился около 115 г. н. э. в Лидии (Малая Азия). Он много путешествовал, побывал во всех главнейших областях материковой Греции: Аттике, Лаконии, Мессении, Элиде, Ахайе, Аркадии, Беотии и Фокиде; по всей видимости, совершал он и более далекие путешествия, побывал в Риме и Палестине. Великие памятники античной Греции к тому времени уже большей частью находились в упадке, Павсаний видел и описал их уже на закате великой культуры. Он побывал в Микенах и запечатлел на страницах своей книги величественные руины этого древнего города. Циклопические стены Тиринфа – города, считавшегося родиной Геракла, – восхищенный Павсаний сравнил с египетскими пирамидами. Он оставил подробное описание афинского Акрополя: «Весь Акрополь – отвесная скала, и обнесен он крепкой стеной. Пропилеи имеют крышу из белого мрамора, и по красоте и размерам камня до сих пор нет ничего лучшего...» О знаменитом театре в Эпидавре Павсаний отзывается как о примере несравненной гармонии и красоты.

На страницах своей книги Павсаний описывает лишь то, что видел своими глазами и слышал от местных жителей, а если добавляет что-то от себя, то указывает на это. Именно в этой бесхитрости и беспристрастности заключается главная ценность его труда, который сегодня принято называть «путеводителем по Древней Греции». Ценнейшие исторические сведения, приводимые Павсанием, нередко заменяют собой утраченные первоисточники. Знаменитый археолог Генрих Шлиман, открывший царские гробницы в Микенах руководствовался указаниями Павсания. Он писал: «Я нисколько не сомневаюсь, что мне удалось найти те самые гробницы, о которых Павсаний пишет, что в них похоронены Атрей, царь эллинов Агамемнон, его возница Эвримедон, Кассандра и их спутники». Книга

Павсания представляет особую ценность и для историков искусства, поскольку путешественник привел в ней точное и подробное описание многих шедевров скульптуры, архитектуры, живописи, включая утраченные.

По поверхности плоской земли

Уроженец Александрии Козьма Индикоплов завоевал в эпоху раннего Средневековья широкую известность благодаря своей книге «Христианская топография» (ок. 547 г.). В ней он, пытаясь привлечь на свою сторону авторитет Библии и начисто отвергая все достижения географов и путешественников прошлого, утверждал, что земля плоская, что она стоит на четырех столбах, а центром ее является Иерусалим и что она, как крышей, покрыта небесами, которые, в свою очередь, рассечены надвое небесным сводом, отделяющим старую землю от новой... Парадоксально, однако, что наряду со всеми этими глупостями (которых, к слову сказать, в Библии нет) в книге Козьмы Индикоплова содержится масса чрезвычайно важных географических, культурно– и естественно-исторических сведений, которые придают этому сочинению огромную ценность. Несомненно, что все эти сведения получены как в результате личных наблюдений Козьмы Индикоплова, так и из рассказов очевидцев. Все это, а также прозвище Козьмы – Индикоплов, то есть «плававший в Индию», – указывает на то, что перед нами не просто собрание досужих вымыслов, а записки человека, лично побывавшего во многих дальних странах.

Картина мира по Козьме Индикоплову

О самом Козьме известно мало. Он происходил, как считается, из семьи александрийских купцов, в первой половине VI в. совершил далекие морские плавания по странам Индийского океана, а на склоне лет постригся в монахи и остаток жизни, видимо, провел в одном из монастырей на Синайском полуострове. Во время своих путешествий (их дата устанавливается на основе книги Козьмы – между 520 и 530 гг.) он побывал в Индии, на Цейлоне, в Абиссинии и даже, возможно, достиг истоков Нила (маршруты его путешествий не совсем ясны). Особое место, которое занял Козьма среди путешественников своей эпохи, объясняется не только тем, что человек из раннехристианского мира сумел побывать в «стране чудес» – Индии; в ту эпоху это было хотя и редким, но не единичным явлением. Любопытно другое: именно Козьма Индикоплов одним из первых упоминает о загадочной terra ultra Oceanum – «земле за океаном». Это

туманное сообщение оставалось нерасшифрованным вплоть до эпохи Колумба. Одни видели в нем намек на то, что за Атлантическим океаном лежат неведомые земли, другие считали их доказательством того, что Атлантический океан простирается на западе вплоть до берегов Китая и Индии. Последнее все же очень сомнительно: Козьме Индикоплову, при его нелепом представлении о «плоской земле», и в голову не могло прийти, что, следуя на Запад, можно добраться до Азии...

Путешественники из поднебесной

Кенгуру при дворе китайского императора

«Фан» – «парус». Иероглиф с этим значением появился в Китае около 1000 г. до н. э. Первые китайские паруса очень напоминали плетенные из тростника циновки. А тип классической китайской джонки – с плоским дном и почти вертикальными носом и кормой – окончательно сформировался лишь к началу нашей эры.

Дошедшие до наших дней свидетельства ранних китайских морских плаваний отрывочны (или малоизвестны). Известно, что уже в 221 г. до н. э. жители города Цюаньчжоу (провинция Фуцзянь) вели оживленную морскую торговлю. Из далеких стран, лежащих к югу и юго-западу от Китая, они получали носорожьи рога, слоновую кость и драгоценные камни. Вполне возможно, что китайские купцы сами ходили за этими товарами к побережью Вьетнама или Малакки: как свидетельствуют археологические раскопки, в 221–207 гг. до н. э. на древних верфях в Чжуншаньсилу близ Гуаньчжоу строились суда грузоподъемностью 25–30 тонн.

Древние китайские судостроители использовали железные гвозди, составы для конопачения, бамбуковые доски. В I в. до н. э. они изобрели руль. Спустя еще 100 лет китайцы стали строить многомачтовые корабли. Между V и VIII столетиями китайцы изобрели суда с гребными колесами, приводимыми в действие рабами. К XII в. они уже строили огромные военные корабли, насчитывающие до 23 гребных колес на каждом судне. 15-метровый руль одного из таких кораблей недавно был обнаружен археологами на побережье Южного Китая. Теперь он хранится в Пекинском музее.

В VII–VIII вв. китайские торговые суда из Цюаньчжоу регулярно посещали порт Софалу на восточноафриканском побережье, минуя арабских посредников. В 863 г. китайский географ Дуан Чэньши описал торговлю рабами и производство слоновой кости и серой амбры в стране Бобали – считают, что речь идет о Сомали. Начиная с IX столетия китайские источники начинают сообщать надежные и достаточно подробные сведения об Африке.

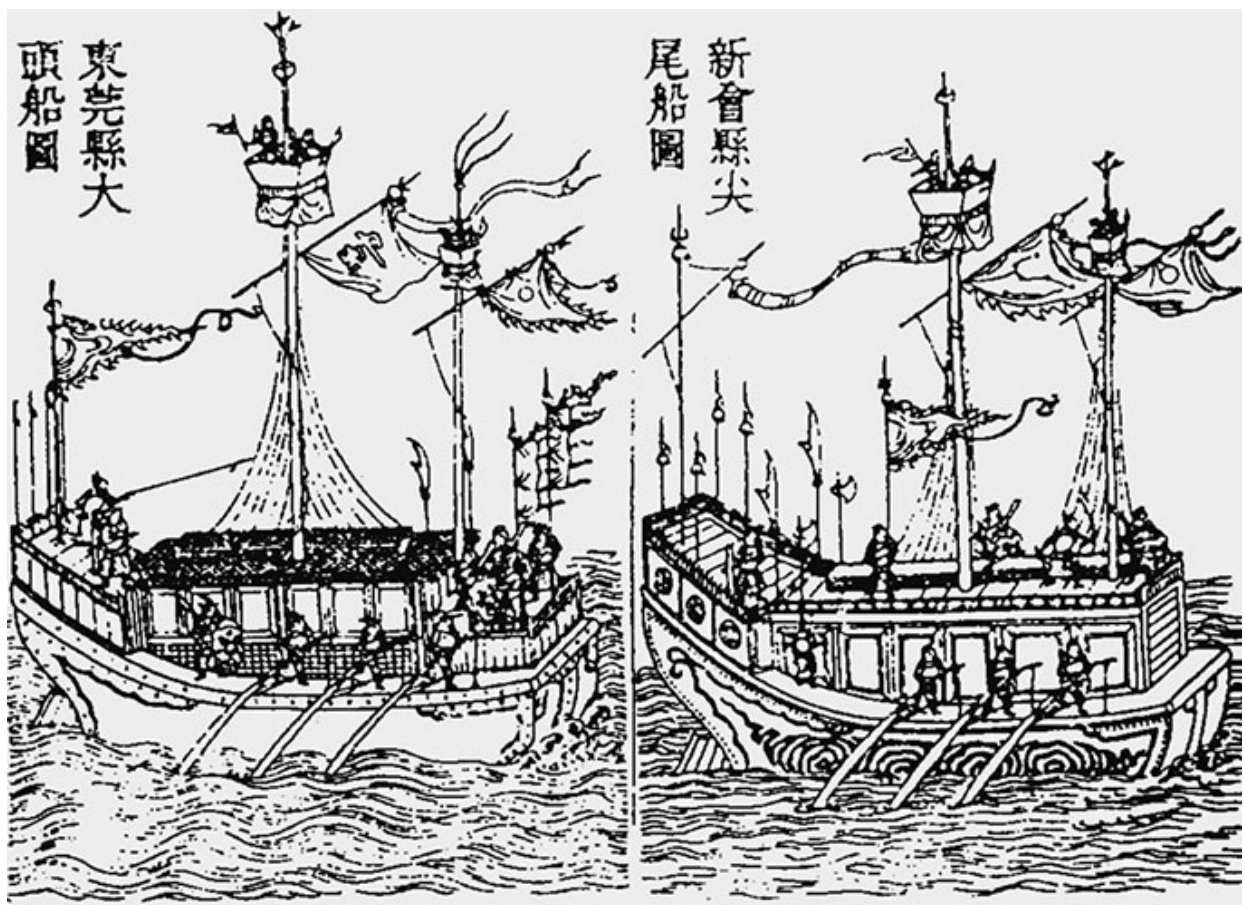
Китайские императоры целенаправленно отправляли в море целые экспедиции, имеющие своей целью «высматривать неведомые страны». Во время одного из таких плаваний (605 г.) экспедиция военного

советника Чу Гуаня открыла некое «царство Люцю» – возможно, речь идет об островах Рюкю или Тайване, а может быть, и о Филиппинах. Экспедиция была в целом неудачной: после нескольких вооруженных столкновений с аборигенами «всякие связи со страной Люцю прекратились».

Бурное развитие китайского мореплавания начинается на эпоху династии Сун (960—1279 гг.). Многочисленные археологические свидетельства, прежде всего находки фарфора и следов кораблекрушений, указывают на присутствие китайских мореходов во всей Юго-Восточной Азии. С конца X в. китайцы завязали тесные сношения с жителями острова Борнео, проникли на Малые Зондские острова, установили прочные контакты с Явой, Суматрой, Цейлоном и Индией, встретились с арабскими купцами («да-ши»). В XI–XII вв. укрепленные китайские торговые фактории были основаны на Филиппинах. Китайские морские торговые маршруты достигали на севере – Кореи и Японии, на юге – Австралии. В 1178 г. таможенный чиновник из Цюаньчжоу Чжоу Цюфэй описал далекие острова на западе (Мадагаскар?), жители которых – «черные, как лак», со вьющимися волосами – были захвачены и проданы в рабство арабским купцам.

Арабский Восток был одним из главных направлений китайской морской торговли. Фустат (Старый Каир) на протяжении 500 лет, начиная с эпохи династии Тан, являлся главным потребителем китайского фарфора. Большие количества фарфора обнаружены в Омане – порты на побережье Аравии играли важную роль в торговле с Китаем. Помимо фарфора на арабском рынке были весьма желанны китайские шелк, хлопчатобумажные ткани, лаковые изделия, медные деньги, красители и бумага.

В начале XIII столетия флот Сунов владел морями от побережья Камбоджи до Японии и Кореи. Общее количество одних только военных судов достигало 600. Арабский путешественник Ибн-Баттута, побывавший в 1340-х гг. в Китае, видел колоссальные корабли, которые строились на верфях Зайтуна (Цюаньчжоу) специально для дальних плаваний в океане. «Каждый из них, – пишет Ибн-Баттута, – имеет на борту 1000 человек: 600 моряков и 400 солдат, и сопровождают его три посыльных судна».

Китайская флотилия на старом рисунке

Компас («югоуказующая игла») появился у китайцев в III в. до н. э., однако лишь с IX в. его стали использовать в мореходстве. Тем не менее еще в начале нашей эры китайские мореплаватели совершали регулярные рейсы на юг, к Зондским островам, — это доказано археологическими находками. Есть все основания полагать, что средневековым китайским мореходам были известны многие острова Тихого океана, лежащие на юге и юго-востоке. Еще в III в. н. э. китайская хроника «Вэйши» сообщала что острова Тихого океана тянутся на 5000 миль и что кораблю нужен год, чтобы достичь самых отдаленных из них. В некоторых китайских текстах можно встретить описания заморских животных, напоминающих... кенгуру! Самое раннее подобное свидетельство встречается в хронике Ши Цзу (338 г. до н. э.), где речь идет о кенгуру (?), привезенных для императорского зверинца. Подобные сообщения появлялись и в нескольких более поздних источниках. А в одной из китайских книг, написанной до 338 г.

до н. э., как считают, описаны австралийские аборигены и использование ими бумеранга.

Плавание к острову Бессмертных

Памятник Сю Фу в Вэйхае, Китай

Древние китайцы верили в существование «Великого острова Бессмертных», расположенного где-то в Восточном море. По преданию, на этом острове росла трава, дающая бессмертие. Император Цинь Шихуанди отправил некоего Сю Фу в далекую морскую экспедицию на поиски чудесного эликсира бессмертия. Для Сю Фу собрали большой

флот из джонок и плотов и в сопровождение предоставили около 3000 девственных и «с хорошим характером» юношей и девушек, а также рабочих и воинов. Суда нагрузили большим количеством денег, продовольствия и различных материалов, взяты были также домашний скот, зерно и семена растений. В 219 г. Сю Фу и его спутники вышли из гавани на южном берегу Шаньдунского полуострова в Восточный (то есть Тихий) океан и взяли курс на восток. Экспедиция достигла какого-то острова, где обнаружила несколько больших озер. В 210 г. до н. э. Сю Фу вернулся в Китай с просьбой выделить ему в помощь искусных стрелков и изготовить специальные луки для охоты на тюленей. Император удовлетворил просьбу, и Сю Фу вновь отбыл за море. Позже появилась легенда, что он благополучно добрался до Японии и стал первым японским императором. Действительно, из островов Тихого океана к берегам Китая на востоке ближе всего расположены Японские острова, причем на самом ближнем из них, Хонсю, обнаружена китайская керамика времен династии Цинь. Скорее всего, Сю Фу имел точную информацию о положении Хонсю. Древнекитайские моряки открыли и, видимо, много раз посещали не только этот остров, но другие острова Японии. Иначе трудно объяснить, почему экспедиция Сю Фу была столь многочисленной.

Странствия Сыма Цяня

Великому китайскому историку Сыма Цяню (145 или 135 – ок. 86 до н. э.), автору «Ши цзи» («Исторических записок») – первой истории Китая с древнейших времен, – в Китае даже посвящен храм. Все поколения средневековых китайских историков считали себя последователями Сыма Цяня, а стиль и манера изложения великого историка стали для них каноном.

Сыма Цянь рано стал обучаться книжной премудрости. Однако, усердно занимаясь науками, Сыма Цянь вовсе не стал сухим книгоедом. Ему хотелось самому поглядеть на места, где происходили события, о которых он читал, посмотреть на мир, познакомиться с нравами и обычаями разных районов империи, поговорить с людьми. 20-летним юношей Сыма Цянь отправился странствовать. Сначала путешественник поехал на восток от столицы, затем повернул на юг и, переправившись через Янцзы, пришел в земли бывшего княжества Чу (нынешние провинции Хунань и Хубэй). Перед юношей предстала гора Девяти Сомнений (провинция Хунань), где, по преданию, был похоронен добродетельный император Шунь. Девять вершин этой горы были так похожи друг на друга, что их постоянно путали. Отсюда и произошло ее название.

После долгого пути по реке Янцзы молодой путешественник совершил восхождения на знаменитые горы Китая. Одна из них, Гуйцзи (провинция Чжэцзян), была связана с именем легендарного императора Великого Юйя. Здесь он умер, удалившись в пещеру. Сыма Цянь осмотрел ее. Поднявшись еще на одну знаменитую гору – Гусу (провинция Цзянсу), Сыма Цянь увидел на горизонте множество озер, соединенных протоками и сливавшихся в сплошную серебристую равнину. На этой равнине высились укрепления и дворцы, воздвигнутые правителями княжества Чу. Сыма Цяня поразила величественность этих памятников.

Переправившись на северный берег Янцзы, путешественник оказался в уезде Хуайинь, на родине Хань Синя, знаменитого полководца. Сыма Цянь беседовал со стариками, знавшими подробности жизни этого выдающегося человека. Отправившись отсюда на север, Сыма Цянь прибыл в столицу княжества Лу

(провинция Шаньдун) – родины Конфуция. Сыма Цянь приехал сюда для того, чтобы как можно лучше и полнее ознакомиться с конфуцианством, влияние которого на китайскую культуру было очень велико. Поэтому он много дней уделил усердным занятиям в столицах княжеств Лу и Ци.

Сыма Цянь

Отсюда путешественник двинулся на юг. В провинции Цзянсу еще были живы старики, помнившие молодого Лю Бана – основателя династии Хань. Бахвал и гуляка, он неоднократно пускался в сомнительные проделки. Когда в 209 г. до н. э. вспыхнуло восстание против династии Цинь, Лю Бан примкнул к народному движению. Местные жители избрали его своим начальником и поставили во главе повстанческой армии. Так началась карьера первого ханьского императора. Сыма Цянь долго беседовал с местными стариками,

выясняя подробности восстания, и посетил семьи сподвижников Лю Бана.

Город Далян (ныне Кайфэн) был последним важным пунктом на пути следования Сыма Цяня. Он приехал домой, обогащенный огромными материалами по истории, литературе, философии, географии и хозяйственной жизни Китая.

Тридцатилетняя одиссея Бань Чао

В 73 г. главнокомандующий китайской армией отправил одного из своих офицеров по имени Бань Чао с посольством в западные княжества, чтобы восстановить с ними связи и убедить их признать над собой власть Китая. Во главе отряда из 36 человек Бань Чао сперва отправился в княжество Шэньшэнь (около озера Лобнор) и повел переговоры с тамошним князем. Вначале эти переговоры были безрезультатны, потому что сюда же, как оказалось, приехал посланец хана кочевников-сюнну и со своей стороны тоже вел переговоры с князем. Бань Чао устранил препятствие, действуя весьма решительно: он убил ханского посланца, перерезал его свиту и, устранив князя Шэньшэни решительностью своих действий, заставил его стать вассалом Китая.

Затем Бань Чао направился дальше на запад. Посещая одно княжество за другим и действуя различными методами, он везде с неизменным успехом добивался признания власти китайского императора. Таким образом он добрался до Кашгара.

Путешествие Бань Чао продолжалось 3 года. За это время при китайском дворе взяла верх группировка, которая считала, что продвижение Китая на запад связано с очень большими, не оправдывавшими себя расходами. Бань Чао был отозван в Китай. Однако он сумел убедить императора не отказываться от политики продвижения на запад. Бань Чао пообещал, что добьется успеха на западе без затраты средств и без посылки армий. План его заключался в том, чтобы подчинять еще непокоренные государства воинскими силами княжеств, уже покорившихся Китаю. Бань Чао заявил, что если в его распоряжение дадут несколько сот опытных солдат и офицеров, то он сумеет сформировать на западе достаточно сильную армию, которая поможет осуществить его планы.

Император дал свое согласие, и Бань Чао в продолжение 17 лет с неизменным успехом осуществлял покорение запада. В 97 г. он перевалил через горы Тяньшань и с 70-тысячной армией подошел к берегам Каспийского моря. Отсюда Бань Чао отправил одного из своих подчиненных по имени Гань Ин на запад, чтобы найти путь в богатое и сильное государство Дацинь (Римская империя).

Бань Чао в камне. Кашгар, Китай

Гань Ин сперва добрался до государства Аньси (Парфия). Отсюда он проехал в страну Тяочжи (Месопотамия), но парфяне, вместо того чтобы объяснить ему, что река Евфрат является восточной границей Римской империи, направили его к Персидскому заливу, через который тогда лежал обычный путь купеческих судов, торговавших с Римом. Когда Гань Ин добрался до берегов «Великого моря» (Персидский залив), корабельщики устроили его рассказами о трудностях морского пути. В итоге Гань Ин отказался от поездки в Римскую империю. По-

видимому, парфяне нарочно умолчали о существовании сухопутной дороги и до предела сгустили краски, рассказывая об ужасах морского пути, – они боялись установления непосредственной связи между Китаем и Римом.

В 102 г. Бань Чао после 30 лет своей деятельности на Западе вернулся, наконец, в Китай. Прямая связь между Китаем и Римом так никогда и не наладилась. Но за это время китайцы многое узнали о Римской империи от торговавших с ними купцов и от народов западных стран.

Китайский Колумб

На рубеже III–II вв. до н. э. ослабленный Китай не раз подвергался набегам кочевников с севера. Самым опасным врагом Поднебесной был союз племен хунну. Для борьбы с этим воинственным народом китайские императоры начали искать союзников среди враждебных хунну кочевников. Ими могли оказаться юэчжи, некогда владевшие огромными степными пространствами к западу от излучины Хуанхэ. Но в 177 г. до н. э., потерпев поражение от хунну, юэчжи ушли в междуречье Сырдарьи и Амударьи. На поиски предполагаемого союзника император У Ди в 138 г. до н. э. направил своего посла Чжан Цяня.

Посольство отбыло на запад из Лунси, пограничного поста к северу от современного города Ланьчжоу. Приключения начались сразу же, едва Чжан Цянь пересек границу. В предгорьях Наньшаня, вступив во владения хунну, китайский посол был схвачен. Почти 10 лет пробыл Чжан Цянь в плену. Лишь в 128 г. до н. э. ему удалось бежать на запад. Сохраняло ли актуальность данное ему поручение после 10 лет плена? Он не знал, но упорно стремился выполнить однажды данное ему поручение. Через высокогорные перевалы Центрального Тянь-Шаня Чжан Цянь вышел к южному берегу озера Жехай (Иссык-Куль), к городу Чигу – ставке вождя усуней. Здесь ему стало известно, что юэчжи ушли дальше на юго-восток, в район Ферганы. Через горные перевалы и по долине Нарына китайский посол спустился в Ферганскую долину, в страну Давань, и пришел в ее столицу Гуйшань (Кассан). Правитель Давани гостеприимно принял Чжан Цяня, так как рассчитывал с его помощью завязать торговые сношения с Китаем. Он дал Чжан Цяню проводников к племени кангюй, кочевавшему в присырдарьинских степях, а кангюйцы помогли Чжан Цяню отыскать, наконец, юэчжи, обитавших к югу от них, за пустыней Кызылкум. Главная ставка вождя юэчжи располагалась в долине среднего Зарафшана. Однако вождь юэчжи отверг союз с Китаем. В то время юэчжи (в Европе они более известны как кушаны) покорили Греко-Бактрийское царство, расположенное в восточной части Иранского нагорья, обосновались там и вовсе не собирались воевать с хунну. Чжан Цянь прожил в Бактрии (он называет эту страну Дася) почти год, и в

127 г. до н. э. отправился на родину. Он обогнул с севера Памир, который называет Цунлин («Луковые горы»), через Алайскую долину и бассейн верхнего Яркенда вышел к верхнему Хотану (правый приток Тарима), а затем, идя вдоль южной окраины пустыни Такла-Макан и переходя от одного оазиса к другому, добрался до огромной плоской впадины, в которой расположено бессточное блуждающее озеро Лобнор. В тот год вода в нем была соленой, и Чжан Цянь назвал это озеро Соляным.

К востоку от Лобнора уже начинались владения хунну. Чжан Цянь снова оказался у них в плену. Только через год ему удалось бежать, и в 126 г. до н. э. вернуться в Китай. Из всех его спутников в живых остался только один. В своих 12-летних скитаниях Чжан Цянь прошел, по его собственным подсчетам, около 25 тысяч ли (14,2 тысячи км). От него китайцы получили первые достоверные сведения о степях и пустынях Центральной Азии, о великих центральноазиатских горных системах – Тянь-Шане и Памире, о больших реках, берущих начало в этих горах, – Сырдарье и Амударье, текущих в «Западное море» (он смешивал Аральское море с Каспийским) и о Тариме, впадающем в Лобнор. С именем Чжан Цяня связывается появление в Китае люцерны, винограда, граната, огурцов, грецкого ореха и фигового дерева. По своим последствиям для Китая миссия Чжан Цяня сравнима со знаменитым путешествием Колумба к берегам Нового Света. По проложенному им маршруту на рубеже II–I вв. до н. э. пролегла южная ветвь Великого шелкового пути из Восточного Китая в страны Средней и Западной Азии.

Посольство Чжан Цяня. Фреска из Храма тысячи будд. Провинция Ганьсу, Китай

Странствия Фа Сяня

В I столетии н. э. в Китай из соседней Индии проник буддизм, а в IV веке новая религия уже переживала в Поднебесной невиданный расцвет. Оживились культурные и религиозные связи Китая с Индией, чему немало способствовали сотни паломников, прокладывавших пути через пустыни и высокогорные перевалы Центральной Азии. Одним из первых таких паломников был Фа Сянь, один из самых известных путешественников китайской древности. Он же стал вторым китайским паломником, добравшимся до Индии и исходившим эту страну почти во всех направлениях, пробыв в пути целых 15 лет – с 399 по 414 г.

В 399 г. с группой паломников Фа Сянь отправился из родного города Сиань (Чань-ань) на северо-запад через Лёссовое плато. Пройдя по маршруту Великого шелкового пути до горы Босянцзы, паломники свернули на запад и после семнадцатидневного путешествия достигли озера Лобнор. Отсюда путешественники проследовали через неизвестную страну Ву-и в Турфан и достигли северных склонов хребта Куньлунь. Каракорум они преодолели через перевал Янги-Давань. За горами уже начинались северные земли Индии. Перейдя Инд в средней части его течения, Фа Сянь пришел в Пенджаб. Он пересек северную часть Индийского полуострова и, пройдя через большую солончаковую пустыню, лежащую к востоку от Инда, достиг области, которую Фа Сянь называет «Центральным царством».

Фа Сянь посетил буддийские святыни в долине Ганга, изучая и переписывая священные рукописи, хранившиеся в здешних монастырях. Для этого ему потребовалось несколько лет. В 411 г. Фа Сянь решает идти дальше. Сев на корабль в Тамлуке, в устье Ганга, он отплывает на Цейлон. Пробыв здесь еще два года, в 413 г. путешественник отправляется на торговом судне на Яву. На этом острове он провел 5 месяцев, пока, наконец, не решил вернуться на родину. Обратный путь оказался самым опасным. Фа Сянь покинул Яву в мае 414 г., поднявшись на борт торгового судна, идущего в Гуанчжоу (Кантон). В пути разразился шторм, и корабль, сбившись с курса, целый месяц бесцельно блуждал по морю. Среди пассажиров и части команды поднялся ропот. Кто-то пустил суеверный слух, что виной всему присутствие духовного лица на борту. Поднялось волнение;

звучали призывы сбросить Фа Сяня за борт или, по крайней мере, высадить его на каком-нибудь пустынном острове. В конце концов кормчий, изменив курс, взял направление на северо-запад и спустя еще 12 дней благополучно привел корабль и пассажиров в Китай – правда не в Гуанчжоу, а в Лаушань, расположенный на полуострове Шаньдун.

Памятник Фа Сяню

Вернувшись из своего грандиозного путешествия на родину, Фа Сянь с горечью обнаружил, что в Китае буддийская религия начала подвергаться гонениям и привезенные им обширные познания – как религиозные, так и географические – никому не нужны. Тем не менее его путешествие все же побудило китайские власти возобновить дипломатические сношения с Индией. Благодаря путешествию Фа Сяня участились также и паломничества буддистов из Китая в Индию. А

спустя несколько лет путешественник опубликовал свои записки под названием «Описание буддийских государств» («Фогоцзи»). В этом сочинении наряду с основным содержанием религиозного характера дается весьма выразительное описание около 30 областей Центральной Азии и Индии, приводится множество ценных исторических, географических и этнографических сведений.

Сюаньцзан в «странах Запада»

Среди многочисленных китайских пилигримов-буддистов, совершавших паломничества в Индию, Сюаньцзан занимает одно из самых первых мест. И не только потому, что, интересуясь географией, он совершил путешествие значительно большего размаха, чем все его предшественники и последователи, но прежде всего благодаря оставленному им труду. Составленные им «Записки о странах Запада» сегодня причисляют к величайшим шедеврам географической литературы раннего Средневековья.

Путешествие Сюаньцзана длилось около 16 лет. Началось оно в августе 629 г. Выйдя из города Сиань (Чань-ань), расположенного в Северо-Западном Китае, 26-летний Сюаньцзан направился через пустыню Гоби и Кашгарию к реке Чу и, перевалив через Тянь-Шань, достиг озера Иссык-Куль. Отсюда он повернул на юго-запад, пройдя через Ташкент и Самарканд до берегов Амударьи. Переправившись через эту великую среднеазиатскую реку возле Термеза, он добрался до Балха (Афганистан), где пробыл довольно долго, неоднократно совершая поездки в соседние области. Вновь отправившись в путешествие, он миновал Хайберский перевал и попал в долину Инда, а оттуда в Кашмир, где снова сделал долгую остановку. В Кашмире, а точнее, в его столице – городе Сринагаре, Сюаньцзан прожил два года. Дальнейший его маршрут не вполне ясен, однако в итоге путешественник оказывается уже в долине Ганга, в Кашмире, в «обетованной земле» паломников-буддистов. Сюаньцзан обошел эту землю во всех направлениях, добрался до самых истоков Ганга и, наконец, достиг Непала, где надолго задержался в Магадхе – центре буддийского паломничества. В большом и богатом монастыре Наланда Сюаньцзан провел целых пять лет. В течение следующих семи лет он путешествовал по Индии, побывал на берегах Брахмапутры и в Западном Ассаме, пересек Деканское плоскогорье, достиг самой южной оконечности Индии, вышел к Малабарскому побережью, затем снова поднялся на север к устью Инда. Отсюда китайский путешественник отправился через Газну, Кабул и Хавакский перевал в сторону Памира, миновал озеро Сарыколь, Кашгар, Яркенд, Хотан, Таримскую впадину и область пустынь в 645 г. возвратился в Китай.

Сюань Цзян. Картина китайского художника

Хотя Сюаньцзан не побывал ни в одной неведомой стране, его 16-летнее странствование все же принадлежит к числу величайших достижений Средневековья, и прежде всего потому, что паломник, проявляя подлинный интерес к географии, внимательно изучал все пройденные им «138 царств». По материалам, собранным за время путешествия, Сюаньцзан написал свои «Записки о странах Запада», завоевавшие огромную популярность в Средние века.

Через Гоби и Тянь-Шань

Слава об обширных знаниях алхимика и поэта Чан Чуня распространялась далеко за пределы Китая. Неудивительно, что сам великий завоеватель Чингисхан пожелал познакомиться с ним и пригласил мудреца в свою ставку, находившуюся в ту пору в Самарканде. 73-летний Чан Чунь скрепя сердце вынужден был принять предложение. В дальнюю дорогу он взял 19 своих учеников, в том числе Ли Чжичана, которому поручил вести дневник. Все комментаторы этого путешествия считают, что краткие и в большинстве случаев верные характеристики местности по пути следования, которыми изобилует дневник, принадлежат Чан Чуню. Но очевидно, что автором многих наблюдений является Ли Чжичан. Иными словами, заслуга первого описания восточной части пустыни Гоби, степей и гор Монголии и Тянь-Шаня должна быть поделена между главой миссии и ее «историографом».

Чан Чунь и его спутники вышли из Пекина в марте 1221 г. Перевалив горы, ограничивающие с севера Великую Китайскую равнину, путешественники двинулись на север по обширной степи, обильной травой и водой. Вскоре началась местность, где «нет рек, а население пробавляется колодцами, вырытыми в песке. С юга на север на пространство несколько тысяч ли... нет больших гор. Дорога шла по холмистой полосе... на земле не растут деревья, а только дикая трава, небо произвело здесь только холмы...» Севернее отряд вступил «в огромную полосу песка». Чан Чунь обратил внимание на обилие солончаков и небольших соленых озер. Путешественники достигли реки Халхин-Гол и, проследив ее до устья, 15 мая вышли в низовья реки Керулен, «воды которого образуют здесь озеро».

За рекой Тола (система Селенги) началась «равнина, на окраинах ее и горы и долины прекрасны, трава тучная и вода добрая...». 4 июля Чан Чунь остановился на отдых у южных отрогов нагорья Хангай. «Сосны и ели растут [здесь] густо... большей частью на северной стороне гор». Затем отряд двинулся на запад и шел вдоль северных склонов Монгольского Алтая. «Горы эти высоки и велики, с глубокими ущельями и длинными скатами». Чан Чунь пересек этот хребет. «Находясь еще в северной стороне песчаной полосы [Джунгарская

Гоби], мы заметили на юге как будто серебристую зарю». Это был Восточный Тянь-Шань, как верно определил Чан Чунь, давший ему такую поэтическую характеристику: «Высоки как облака, белы как песок...»

Одноименный храм, связанный с именем Чан Чуня. Ухань, Китай

Войдя в долину реки Или, отряд переправился и 14 октября достиг города Алима (Алма-Ата). По наблюдениям Чан Чуня, хребты Средней Азии гораздо выше гор Северного Китая; на южных склонах значительно теплее, чем на северных. Двигаясь в том же западном направлении, путешественники прибыли в реку Талас, которая течет «на северо-запад, глубока и широка». К северу, по сообщению Чан

Чуня, «весьма много равнин... целое лето и осень не бывает дождя...». Отряд обогнул передовые хребты Западного Тянь-Шаня и 3 декабря 1221 г. вступил в город Самарканд, пройдя вдоль северных склонов этой горной системы около 2 тыс. км, т. е. почти по всей ее длине (2450 км).

В 1222 г. Чан Чунь сопровождал двор Чингисхана на юг, в город Балх, а уже в начале 1223 г. двинулся домой. В Пекин он прибыл в феврале 1224 г.

Удивительные путешествия адмирала Чжэн Хэ

Что за красочное зрелище! Сотни кораблей с поднятыми парусами медленно отходят от берега – величайшая флотилия всех времен. На носу каждого корабля сверкают глаза дракона, вселяющие ужас в души врагов и отгоняющие злых духов. Вокруг – множество мелких грузовых суденышек, призванных сопровождать экспедицию. Они везут тысячи тонн продовольствия и воды. Тысячи человек, отправившихся в далекий путь, не должны были ни в чем испытывать недостатка...

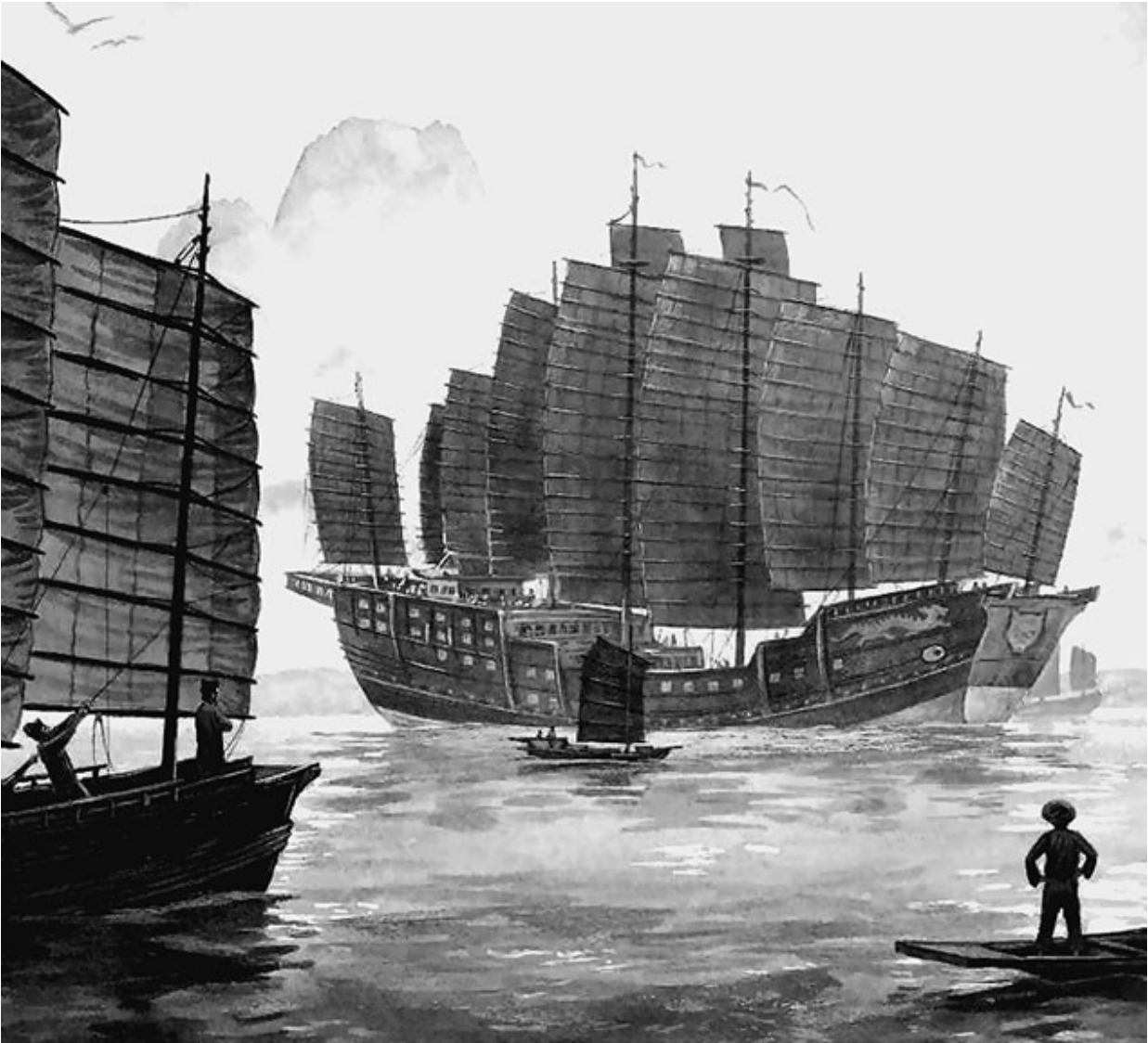
Бурное развитие китайского мореплавания начинается на эпоху династии Сун (960—1279 гг.). А в первой трети XV столетия китайцы буквально потрясли мир своими гигантскими по масштабам морскими экспедициями под руководством выдающегося китайского флотоводца Чжэн Хэ. Во время семи плаваний, совершенных в 1405–1433 гг., китайские моряки посетили Зондские острова, Малакку, Таиланд, Шри-Ланку, Индию, Мальдивские острова, страны Персидского залива, Аден, Сомали, Малинди (Кения). Некоторые участники экспедиции побывали даже в священном городе мусульман Мекке. Плаванья Чжэн Хэ остались непревзойденными по числу кораблей и людей, участвовавших в них: так, в первой экспедиции приняло участие 317 кораблей с 27 870 людьми на борту, во второй – 249 кораблей, в третьей – 48 кораблей и 30 тысяч человек, в четвертой – 63 корабля и 28 560 человек, в седьмой – более 100 кораблей и 27 550 человек. На фоне этих астрономических цифр даже как-то неприлично вспоминать о трех каравеллах Колумба и всего-навсего сотне членов их экипажей...

Великий евнух императорского двора Чжэн Хэ был мусульманином, уроженцем южнокитайской провинции Юньнань. За 30 лет своей службы Чжэн Хэ не менее семи раз отправлялся в далекие морские экспедиции – то в качестве посла, то в качестве командующего флотом. Впервые он вышел в море в 1405 г.: император повелел ему разыскать своего беглого племянника, претендовавшего на трон. По слухам, он скрылся «где-то за морем». Вышедшая на его поиски эскадра Чжэн Хэ явно была несоразмерна поставленной задаче: в нее входили 62 больших корабля, каждый длиной 440 футов и шириной 180 футов, а на их борту находилось 17 800 человек. И это – не считая большого числа вспомогательных судов, которые везли запасы

продовольствия, пресную воду, товары для торговли с туземцами, подарки иноземным правителям. С летним муссоном флот Чжэн Хэ двинулся на юго-запад: в Индокитай, на Яву, Суматру, Шри-Ланку (Цейлон), в Каликут. Послов китайского императора ждал самый теплый прием в странах, куда они прибывали. «Все без исключения иноземцы соперничали, кто опередит других в преподношении чудесных вещей, хранящихся в горах или скрытых в море, и редкостных сокровищ, находящихся в водной шире, на суше и песках», – сообщает китайская хроника. Так, правитель Тьямпы, государства в Южном Вьетнаме, выехал встречать Чжэн Хэ на слоне. За ним на лошадях ехали самые знатные придворные и шли парадом сотни солдат. Гремели барабаны, пели флейты. Казалось, вся держава готова была славить великого гостя.

За два года китайцы посетили около 30 стран и островов. «В девятом месяце 1407 года Чжэн Хэ и остальные возвратились. Послы от всех стран прибыли с ними и предстали перед императором... Император был очень доволен, наградив всех титулами в соответствии с заслугами», – сообщает «История династии Мин».

Вновь и вновь отправлял император Чжэн Хэ в дальние моря. Его корабли причаливали к побережью Никобарских и Мальдивских островов, стран Персидского залива, побывали в Адене, Могадишо (Сомали), Малинди, на Занзибаре. Эскадра Чжэн Хэ посетила острова Рюкю, лежавшие близ Японии, Филиппины, Борнео и Тимор. Из дальних плаваний Чжэн Хэ доставлял к императорскому двору бесчисленные сокровища. «Приобретенные ими неопишуемые сокровища и товары трудно сосчитать», – говорится в «Истории династии Мин». Лишь с острова Ява китайский адмирал привез «рог носорога, панцири черепах, орлиное дерево, укроп, голубую соль, сандаловое дерево, стручковый перец, древесную тыкву, борнеоскую камфару, бананы, бетелевые орехи, серу, красильный сафлор, сапановое дерево, молуккскую сахарную пальму, парадные мечи, плетеные циновки, бело-серых попугаев, обезьян». «Знаменем счастья», «знаком совершенного порядка и гармонии, утвердившихся в мире и империи» китайские хронисты сочли... живого жирафа, привезенного из Африки. В Китае увидели этого диковинного зверя впервые.

Флот Чжэн Хэ уходит в плавание

2 февраля 1421 г. корабли Чжэн Хэ вышли в пятое плавание – к берегам Аравии. В источниках оно задокументировано довольно точно: корабли достигли Адена, заходили в африканскую гавань Могадишо (Сомали). Плавание продолжалось полтора года. По его возвращении в 1423 г. ко двору императора были доставлены подарки из 15 стран, где побывала экспедиция.

Отважный мореплаватель в дальнейшем совершил еще несколько плаваний – правда, уже не таких масштабных (впрочем, существует гипотеза, что Чжэн Хэ сумел добраться до берегов Америки!). Между тем в 1424 г. император Чэнцзу, покровитель прославленного флотоводца, умер. Когда в 1433 г. Чжэн Хэ в последний раз возвратился

в Китай, это уже была другая страна – страна, отгородившаяся от всего внешнего мира. Почти пять столетий Китай оставался в изоляции. За это время его хозяйство пришло в упадок. Обветшавшая, разворованная собственными чиновниками страна стала легкой добычей других держав. Лишь к концу XX в. Китай начал понемногу приближаться к ведущим государствам мира.

Горы и реки

Для Сюй Сякэ путешествием стала вся его жизнь. Еще десятилетним мальчиком он мечтал увидеть пять священных гор Китая, расположенных в разных концах огромной страны. Став взрослым, он, без преувеличения, исколесил весь Китай, став самым известным китайским путешественником Нового времени.

Памятник Сюй Сякэ

В 1607 г. Сюй Сякэ отправляется в свое первое путешествие на озеро Тайху, южнее устья Янцзы. Так начались его без малого 30-летние странствия. Спустя два года он предпринял более длительное путешествие, с юга на север пройдя приморские провинции Цзянсу и Шаньдун и добравшись до священной горы Тайшань. В 1613 г. Сюй Сякэ вновь отправляется в дорогу. На этот раз от устья Янцзы он идет

на юг через Ханчжоу, Шаосин в Нинбо, откуда вдоль побережья добирается до Лэцина. По пути он взбирается на горы При Тяньтайшань и Янданшань. Пробыв какое-то время в Нанкине, Сюй Сякэ в 1616 г. направился вверх по Янцзы до города Цзюцзян, отсюда повернул на юг, побывал на озере Поянху в Центральном Китае, а затем, пройдя многокилометровый путь, достиг горного массива Уишань. На обратном пути он поднялся на горный хребет Хуаншань, расположенный в южной части провинции Аньхой.

Горы и реки неустанно манили его. В 1618 г., повторив предыдущий маршрут через долину Янцзы, Сюй Сякэ от Цзюцзяна направился к горному хребту Лушань, а на обратном пути еще раз побывал в горах Хуаншань. Описанию этих гор посвящено немало страниц в «Записках» Сюй Сякэ. В 1623 г. путешественник посещает горные массивы Суншань, Тайхэшань и Хуашань, расположенные в бассейне Хуанхэ и нижнего течения Янцзы, а в 1628 г. отправляется в большое странствие в Южно-Китайские горы. Пройдя от Наньпина в юго-западном направлении до истоков реки Цзюлунцзян, он спустился по долине этой реки до Лунци и далее вдоль берега моря, преодолевая горные отроги с трудными перевалами, глубокими ущельями и бурными потоками, добрался до Хойяна, расположенного восточнее Гуанчжоу (Кантон). Недолго отдохнув после утомительного путешествия, Сюй Сякэ в следующем, 1629 г. отправляется в новый поход – на этот раз на север...

Последнее путешествие Сюя Сякэ стало самым долгим – оно продолжалось почти четыре года, с 1636 по 1640 г., – и самым масштабным. Путешественник обошел весь Южный Китай, по долине реки Люцзян спустился на юг провинции Гуанси, достиг границы Вьетнама, затем вернулся на север, дойдя до города Гуйян, нынешней столицы провинции Гуйчжоу, и оттуда вновь пошел на юг. Впереди его ждала самая трудная часть путешествия. Несколько недель Сюй Сякэ пробирался на запад через высокие горные хребты к границам Бирмы. Здесь, в верхнем течении великой реки Меконг, располагалась конечная цель его путешествия – гора Цзицзюшань, расположенная вблизи бирманской границы...

Сюй Сякэ был не просто романтиком, но и дотошным исследователем. Его «Записки о путешествиях» стали настольной книгой для нескольких поколений китайских картографов и географов;

эти записки были использованы также при составлении известного картографического и географического труда Мартини «Новый атлас Китая», изданного в Амстердаме в 1655 г.

Путешественники арабского Востока

Путешествие к «стене Гога и Магога»

Однажды халиф Васик увидел зловещий сон: далеко на севере, в стене, построенной для защиты от Гога и Магога, образовался пролом. Судьба цивилизованного мира повисла на волоске... Проснувшись, халиф в страшной тревоге принялся искать отважного человека, который бы отправился в дальнейшее путешествие, чтобы посмотреть, в каком состоянии находится стена. Его выбор пал на Саллама Переводчика, владевшего 30 языками. В помощь ему халиф дал 50 юношей и, щедро снабдив деньгами, отправил в далекий, полный опасностей путь. Два года и четыре месяца продолжалось путешествие. Тридцать шесть из 50 спутников Саллама погибли. И все же отважный путешественник выполнил поручение халифа и благополучно вернулся в Самарру, привезя с собой железную полосу от ворот, надежно запиравших оборонительную стену...

Это описание удивительного путешествия Саллама Переводчика можно было бы принять за сказку. Однако оно имело место в реальности! Владевший 30 языками толмач Саллам Алтарджеман около 844–846 гг. по приказу халифа Васи́ка (842–847) действительно предпринял дальнейшее путешествие, пройдя, судя по всему, путь от Самарры (Ирак) до дальних пределов Китая. Отчет о его странствиях был в 846 г. записан знаменитым географом Ибн-Хордадбе́хом, занимавшим в те времена должность главного почтмейстера халифата. Можно утверждать с почти полной уверенностью, что он получил все сведения лично от Саллама.

Несколько странный, но в целом вполне правдоподобный рассказ Саллама давно стал объектом научных споров. О целях и значении этого путешествия высказывались самые различные мнения. Нет среди ученых и единого мнения относительно того, где побывал Саллам за два года странствий. Однако великий путешественник Ибн-Баттута еще в XIV в. утверждал, что Саллам, безусловно, достиг Великой Китайской стены. К аналогичным выводам приходят и многие современные исследователи.

Рассказ Саллама выдержан в сдержанном тоне, в нем нет ни одного «увлекательного» приключения и нет никаких столь популярных в те времена легенд. Ни разу в нем не преувеличиваются

тяготы и страдания, не превозносятся героические подвиги путешественников. Зато в нем содержится ряд деталей, которые не могли быть придуманы.

Из рассказа следует, что путешественники, выйдя из Самарры, отправились на север. Через Армению и Грузию они дошли до устья Волги, затем повернули на восток и двинулись через солончаки и пустыни в сторону Аральского моря. По караванному пути от Сырдарьи Салам прошел вдоль северных отрогов Тянь-Шаня, миновал главный перевал Восточного Тянь-Шаня и вскоре вступил в Аньси. Именно здесь располагается крайний восточный участок Великой Китайской стены. Обратный путь Саллама из района Аньси примерно до Таласса совпадал с маршрутом его путешествия к стене. Затем он, видимо, свернул на юго-запад и, миновав Самарканд, достиг исходной точки своего путешествия – Самарры. Поскольку путешествие через устье Волги отняло 16 месяцев, а обратный путь через Хорасан и Самарканд – лишь 12 месяцев, можно утверждать, что до стены Саллам добирался окольными путями, а возвращался более прямой дорогой.

Изображение судна на арабской миниатюре

К сожалению, целиком маршрут Саллама можно восстановить лишь гипотетически. Однако не подлежит сомнению, что он и его спутники все же достигли восточных границ Китая. Из путевых записей Саллама с очевидностью вытекает, что стена, у которой он побывал, принадлежала сильному в военном отношении и, видимо, богатому государству с четкой организацией управления и хорошим административным аппаратом. Эта стена явно служила для защиты от набегов кочевников. Другого аналогичного сооружения, подобного

Великой Китайской стене, не было во всем мире. В годы правления халифа Васика и арабам могли быть известны отрывки старинных преданий о Китае и о чудесной стене огромных размеров, предназначенной для защиты от набегов варваров. Рассказы о том, что где-то в дальних странах стоит диковинная «стена Гога и Магога», о которой говорится в Коране, вероятно, стали известны халифу, и он пожелал получить более точные сведения о ней. Характерно, что спустя сто лет после путешествия Саллама арабский географ и путешественник Аль-Масуди уже совершенно недвусмысленно говорит о Великой Китайской стене, называя ее «стеной Гога и Магога». Другой известный путешественник, Ибн-Баттута, также именует Великую Китайскую стену «стеной Гога и Магога», считая ее, впрочем, творением Александра Македонского. После всего сказанного можно не сомневаться, где побывал Саллам, не говоря уже о том, что во всей Азии не было другого столь же важного и известного сооружения для защиты от воинственных кочевников, которое могло бы потревожить сон могущественного халифа.

По следам Сулеймана из Басры

У Сулеймана, богатого купца из Басры, не было недостатка в слушателях. Вернувшись из далекого плавания, он рассказывал такие чудесные вещи, что походили они на басни и сказки. Еще в IX в. Сулейман одним из первых совершил путешествие далеко на восток, в загадочную страну Китай. Чтобы добраться туда, ему пришлось посетить многие гавани и города, познакомиться с жизнью незнакомых племен и народов. Повествование было настолько занимательно, что запомнилось многим. Нашелся соотечественник, горожанин из Басры, который со временем, не надеясь только на память, записал эти рассказы. Рукопись переписывалась из века в век и в единственном экземпляре, счастливо сохранилась для потомков. Эту традицию продолжил в X в. другой хронист, перс Бузург ибн Шахрияр. Собранный им сборник не зря назывался «Чудеса Индии»: столько было в повествованиях необычайных приключений! Да и охватывал он не одну Индию, но и Китай, Индонезийский архипелаг, Восточную Африку. Особое место уделялось прославленным арабским морским портам и городам – Басре, Сирафе, Убулле, Багдаду. А рассказы о дальних плаваниях простирались не только на Индийский, но даже на часть Тихого океана!

На основании этой рукописи потомки зачислили отважного купца Сулеймана из Басры в число величайших путешественников периода раннего халифата. К тому времени принадлежит и повествование о семи путешествиях знаменитого Синдбада-морехода. Вероятно, Сулейман стал одним из прототипов этого героя из «Тысячи и одной ночи».

Аль-Якуби в стране золота

Знаменитый арабский историк и географ Абу-ль-Аббас Ахмед аль-Якуби родился в Багдаде, но свои молодые годы провел в Армении. Потом будущий ученый поступил на службу к правителям Хорасана. В 873 г. аль-Якуби отправился в большое путешествие по Индии. Вернувшись, он поселился в Египте и совершил несколько путешествий по Северной Африке. Он побывал в Нубии, в дельте Нила, на побережье Средиземного моря. Около 891 г. аль-Якуби завершил работу над обширным географическим сочинением «Книга стран», в которое вошли подробные сведения о путевых маршрутах, расстояниях между различными областями и городами, о полезных ископаемых и их добыче. Главное место в книге аль-Якуби отводится Египту и странам Северной Африки, а также Нубии. В своей книге путешественник рассказывает о золотых рудниках в Нубии, где ему удалось побывать: «Долина ал-Аллаки подобна большому городу. В ней смешанное население из арабов и неарабов – золотоискателей... Большинство составляют... люди племени раба... Долина ал-Аллаки и все ее окрестности – это рудники самородков. В любом месте, которое прилегает к ней, работают промышленники всех [арабских] племен, а кроме промышленников – черные рабы, которые занимаются рытьем земли, затем извлекают самородки, подобно желтому мышьяку, а затем плавят...» Аль-Якуби перечисляет несколько важнейших рудников Нубийской пустыни, некоторые из них находились на расстоянии 10– и даже 30-дневных переходов от ал-Аллаки, служившей центром «республики золотоискателей». Путешественник подробно рассказывает о землях в верховьях Нила, руководствуясь при этом как различного рода документами и работами предшественников, так и личными впечатлениями.

«Арабский Геродот»

Уроженец Багдада, историк, географ и путешественник Абу аль-Хасан Али аль-Масуди провел в дальних странствиях большую часть своей жизни. Еще в юношеском возрасте (ок. 915 г.), он, влекомый любознательностью и страстью к приключениям, предпринял ряд далеких путешествий, побывал в Индии, на Цейлоне, в Китайском море, на Занзибаре и на восточном побережье Африки. Потом путешественник побывал в различных провинциях Арабского халифата – Сирии, Аравии, Египте, Тунисе, посетил Кавказ и области, прилегающие к Каспийскому морю. Не ограничиваясь собственными впечатлениями, Масуди, расспрашивая купцов, моряков и жителей разных стран и областей, собрал большое количество устных рассказов о дальних странах, правда, без критической оценки принимая на веру все, что ему приходилось слышать. Собранные сведения аль-Масуди изложил в своих многочисленных трудах, охватывающих самые разнообразные отрасли знания. Как первый арабский автор, объединивший разрозненные прежде исторические и географические наблюдения в объемистое сочинение энциклопедического характера, Масуди заслужил прозвание «арабского Геродота». Однако из всего богатого литературного наследия аль-Масуди до нас дошли только 4 сочинения, да и то не полностью.

Абу аль-Хасан Али аль-Масуди

В одной из работ Масуди, «Промывальни золота и рудники самоцветов», особенно интересны сведения о странах и жителях Восточной Европы, в том числе о славянах: «В их стране много рек, текущих с севера. Ни одно из озер их не солоно... Страна, которая далее за ними к северу, необитаема по причине холода и множества воды. Большая часть их племен язычники... у них много городов, имеются церкви, где висят колокола...» Масуди привел первые, но очень неясные сведения о пути с Волги к Черному морю. Сам он, правда, не ходил этим путем и поэтому ошибся: слушая рассказы бывалых людей, он принял реальный волок за мнимую протоку, связывающую Волгу с Доном или прямо с Азовским морем.

Ибн Фадлан в стране болгар

Ахмед Ибн Фадлан был чиновником среднего ранга и в качестве секретаря посольства аббасидского халифа Муктадира в 921–922 гг. совершил путешествие в страну волжских болгар, пройдя из Багдада через Бухару и Хорезм в Волжскую Булгарию. По возвращении он составил записку о своем путешествии – один из важнейших источников по средневековой истории Поволжья, Заволжья и Средней Азии.

Развалины Булгара на старой фотографии

Посольство отправилось из Багдада 21 июня 921 г. Путь его лежал через Рей и Нишапур в Бухару, оттуда к Амударье и вниз по реке до столицы Хорезма Кяс. Перезимовав в стране хазар (близ устья Волги), 4 марта 922 г. послы халифа двинулись далее на север. Однако многие участники экспедиции отказались идти в далекую малоизвестную страну и повернули назад. С этого момента Ибн Фадлан становится фактическим руководителем посольства.

В марте 922 г. посланники халифа вступили в страну огузов (гузов), находившуюся где-то в Западном Казахстане. Огузские вожди встретили арабских путешественников с большой настороженностью. И хотя Этрэк, начальник войска, получив дорогие подарки от Ибн Фадлана, отнесся к послам халифа вполне благосклонно, другие вожди оказались менее стоворчивы. Судьба посольства повисла на волоске. Собравшись на совет, огузские военачальники решали вопрос: как поступить с иноземцами? Звучали предложения изрубить их, отдать их хазарам в обмен на пленных огузов, но предварительно, конечно же, ограбить... Ибн Фадлан и его спутники были несказанно рады, когда наконец унесли ноги из «гостеприимной» страны огузов.

Оставшуюся часть пути арабы, очевидно, – хотя об этом в записках Ибн Фадлана нет определенных свидетельств – проплыли на судах вверх по Волге. 12 мая 922 г. посольство халифа прибыло в государство болгар. Ибн Фадлан пробыл здесь довольно долго, так как в противном случае не мог бы приобрести то поистине удивительно точное знание крайнего севера Европы и Западной Сибири, а также всех подробностей торговли северной пушниной, которым поражают его сообщения.

О маршруте, ходе и длительности обратного путешествия в «Записках» Ибн Фадлана ничего не сообщается. Известно только, что весной 923 г. посольство возвратилось в Багдад. Ибн Фадлан подробно описал все, «что он видел собственными глазами со времени своего выезда из Багдада и до того, как он возвратился в него». Его географический труд стал настоящей классикой и сыграл важную роль в ознакомлении и расширении торговых связей арабов с северными землями. «Записки» Фадлана не только свидетельствуют о поразительном умении автора отобрать важнейший материал, но и отличаются удивительно малым количеством более или менее

серьезных ошибок. По научно-критическому подходу к излагаемым сведениям они напоминают современные научные труды. Ибн Фадлан, конечно, не был первооткрывателем, так как шел торговым путем, по которому доставлялись из Ирака, Ирана и Хорезма в бассейн нижней и средней Волги арабские и персидские изделия в обмен на драгоценную северную пушнину. Но он был первым путешественником, чьи сообщения о северных прикаспийских областях и Заволжье дошли до нас.

كلاما وطبعها كلامهم اشبه شئ صالح الذر از روبرو بقرة على يوم يقال لها اردكوا اهلا
يقال لهم الكرهلية ككلامهم اشبه شئ نفيق الضفادع وهم سبرون من اسر اللومين على
اي طالب رضي الله عنه في دبر كل صلون فاقنا بلجوجانية اياما وجد نهر حصون من اوله
الى اخره وكان سمل الجمد سبعة عشر شبرا وكات الخيل والبغال والحمير والعجل الخناز
عليه كالجناز على الطرق وهو ثابت لا يحطل فاقم على ذلك تلك اشهر فرانا بلد ا
ماظننا الا ان بابا من الزهر بر قد فتح علينا منه ولا يسقط فيه الثلج الومعه ربيع
عاصف شديدة واذا الخف الرجل من اهله صاحبه واراد به قال له يقال اليه حتى
يحدث فان عدى نار اظبية هذا اذا بلغ في بر وصلته الا ان الله تعالى قد لطف
بهم في الخطب وارخصه عليهم حمل عجلة من حطب الطالع بدرهمين من درهم تكون زها
ثلثة الف رطل ورسم سوالهم ان لا يقف السائل على الباب بل يدخل الى الدار او الطريق
فيقعد ساعة عندنا ان تصطلي ثم يقول بكندي يعني الخبز ونطاول مقامنا بلجوجانية
وذاك انا اقمنا بها اياما من رجب وشعبان وشهر رمضان وشوال وكان طول اقمنا
من جهة البرد وشدته ولقد بلغني اني اثناعشر رجلا ليحلا عليها حطبا من بعض
الغياض ننسها ان ياخذنا معها قداحة وحرارة وانها بانا بعير نار فاصبحنا والجمال
موت لشدة البرد ولقد رأيت لها بردها وان السوق بها والشوارع يحطوا حتى
يعطوف الانسان اكثر الشوارع والاسواق فلا يجد لها ولا يستقبله انسان ولقد
كنت اخرج من الخيام ناذا دخلت الى البيت نظرت الى جيتي وهي قطعة واحدة
من الفلج حتى كنت اذ منها الى النار ولقد كنت ايام في بيت جوف بيت وفيه قبة
لبود تركية وانامدثر بالاكسية والفرى فرما التصو حتى على الخدة ولقد رأت

Ибн Хаукал: купец или разведчик?

Абуль-Касим Мухаммед ибн Хаукал ибн-Насиби родился, вероятно, в городе Насибин в Верхней Месопотамии. Почти всю свою жизнь он провел в путешествиях, объехав и пройдя пешком весь тогдашний мусульманский мир: Месопотамию, Сирию, Палестину, Северную Африку от Египта до Марокко, арабские владения в Европе – Сицилию, Южную Италию и Испанию, а также Иран, Индию, Сахару и страны Африки южнее Сахары: Нижнюю Нубию, Нубийскую пустыню и часть Северной Эфиопии.

Свое путешествие он начал в мае 943 г., отбыв из Багдада на запад. В том же году он посетил Египет, Нубию и страну беджа. Во время своих путешествий он, видимо, торговал: с большим знанием дела ибн Хаукал повествует в своих записках об условиях торговли в разных странах, о местных товарах, спросе на иностранные товары, торговых операциях. Человека, заразившего его страстью к описанию увиденных стран, ибн Хаукал встретил в 952 г. Это был арабский географ ал-Истахри, автор «Книги путей и царств». Ибн Хаукал переписал сочинение ал-Истахри, но чем больше путешествовал сам, тем более критически к нему относился. Сначала он вносил в путеводитель отдельные исправления и дополнения, однако нового материала оказалось столь много, что ибн Хаукал решил написать собственную книгу.

Он умел видеть и запоминать. В Нубии, в оазисах Сиджильмаса и Аудагост, в резиденциях местных правителей ибн Хаукал собрал ценнейшие и разнообразнейшие сведения о странах, расположенных далее на юге. Являлась ли торговля единственной целью ибн Хаукала? Многие европейские исследователи сегодня сомневаются в этом. Они указывают на то, что основные маршруты путешествий этого «землепроходца» подозрительно совпадают с направлениями будущих завоеваний арабских правителей из династии Фатимидов. Очень может быть, что ибн Хаукал выполнял наряду с торговыми делами (или под прикрытием их) разведывательные задания...

Ал-Усвани за порогами Нила

Абдаллах ибн-Ахмед ибн-Сулейм ал-Усвани, образованный араб из Асуана, занимал у себя на родине пост кадия. В 969 г. он в качестве посла Джавхара – правителя Египта, – совершил путешествие в Нубию (Судан), где в то время большинство населения составляли христиане. Миссия ал-Усвани носила в первую очередь дипломатический характер: он должен был доставить в Донголу письмо Джавхара, адресованное царю Нубии Георгию II. В этом письме Джавхар дружески предлагал этому представителю древней династии, могущественному и законному правителю независимой страны, принять ислам, оставив религию своих отцов. Надо сказать, что Георгий II по достоинству оценил послание соседа и в ответном письме предложил ему креститься.

Отправившись от границ Египта на юг, путешественник через 6 дней достиг области Второго порога, суровость которой поразила даже асуанца, хорошо знакомого с течением Нила. «Это сплошные пороги и худшая из виденных мною областей, – пишет ал-Усвани, – пороги и горы препятствуют течению, так что Нил низвергается с рифов и стеснен в своем русле, пока не становится ширина его между берегами равной 50 локтям, а береговая полоса его – такой узкой, горы – так высоки и дороги – так трудны, что всадник не может подняться по ним, а слабый пешеход не в силах следовать ими. Пески простираются на запад и на восток...»

Выше Второго порога долина Нила напомнила ал-Усвани его родные места. Здесь раскинулись рощи финиковых пальм, маслин, посева зерновых и хлопка. Вся область между Вторым и лежащим дальше к югу Третьим порогами была разделена на множество феодальных владений. Духовную власть осуществлял местный епископ. Жители этой области говорили на диалектах средневекового нубийского языка, с которым ал-Усвани был в какой-то мере знаком.

Лодки нубийцев

И вот наконец путешественник достиг Третьего порога. «Этот порог – самый трудный (для прохождения судов), – отмечает он, – ибо он представляет собой гору, пересекающую Нил с востока на запад. Вода низвергается через три прохода, а при низком уровне Нила – только через два прохода. Сильный шум, удивительный вид! Течение воды сильнейшее, и Нил к югу от порогов усеян камнями...»

Двигаясь далее к югу по правому берегу Нила, ал-Усвани вступил в густонаселенную область Сафад-Бакл: «Здесь за два дневных перехода встречается около тридцати деревень, с добрыми строениями, церквами и монастырями и многочисленными финиковыми пальмами, виноградниками, огородами, посевами и лугами. В этом краю имеются крупные верблюды...» Ал-Усвани интересуется всем: методами земледелия нубийцев, культурными растениями, которые они возделывают, правилами наследования земли. Его внимание

привлекали встречающиеся по дороге крепости, города, руины древних построек.

Переправившись на левый берег Нила, ал-Усвани прибыл в Старую Донголу, крупнейший город средневековой Нубии, опоясанный несколькими кольцами крепостных стен. Путешественник был поражен тем, что дома жителей Донголы были построены с использованием ценных тропических пород деревьев: акации и тика; у него на родине это считалось невиданной роскошью.

Из Донголы арабский путешественник направился дальше на юг, в царство Алва. Излучины среднего Нила поразили ал-Усвани своей большой протяженностью, суровой природой, резкими поворотами. Здесь ал-Усвани впервые в жизни увидел гиппопотамов; в Египте и Нижней Нубии эти животные были к X в. уже давно истреблены.

Наконец путешественник прибыл в селение ал-Абваб, расположенное на границе между двумя нубийскими царствами: Мукуррой и Алвой, в районе Пятого порога. Впервые ал-Усвани попал в страну, где выпадают тропические дожди, а в Нил впадают текущие с гор притоки. Из книг арабский путешественник знал, что число этих притоков – семь, включая главное русло Нила. Одним из них он считал реку Гаш. Второй из этих семи рек была Атбара, третьей – Голубой Нил, четвертой – Белый Нил. Трех остальных рек ал-Усвани не довелось увидеть, но он расспрашивал о них жителей Алвы (при этом оказалось, что притоков как Белого, так и Голубого Нила гораздо больше!).

Старая карта Нила с его истоком

Город Соба, столица Алвы, расположенный в нескольких километрах южнее слияния Белого и Голубого Нила, был конечной целью путешествия ал-Усвани. Жадно всматривался путешественник в огромные пространства, лежащие на юге и юго-востоке: где-то там находятся истоки Нила...

Ал-Усвани не решился на экспедицию к истокам великой реки, уstraшенный рассказами нубийцев о постоянной войне обитавших там племен друг с другом. Кроме того, он должен был вернуться в Египет с ответными письмами нубийских царей. До открытия истоков Нила оставалась еще почти 1000 лет...

У врат Тропической Африки

Уроженец Хорасана (северо-восток Персии), Насир-и Хусрау прославился не только как поэт, но и как знаменитый путешественник. Большую часть своей жизни провел в Мерве (Туркменистан), а в возрасте 40 с лишним лет отправился в путешествие, во время которого посетил Иран, арабские страны, Египет и даже добрался до стран Тропической Африки.

В Египет Насир-и Хусрау прибыл в 1046 г. Здесь он прожил почти пять лет. Из Египта путешественник совершил четыре паломничества в Мекку: трижды через египетский порт Кульзум на Красном море, а последний раз – через Асуан и восточную пустыню. Во время этого путешествия он познакомился с темнокожими кочевниками-беджа.

Последние годы своей жизни Насир-и Хусрау прожил в горах Памира, занимаясь литературной деятельностью. Его книга о путешествиях «Сафарнаме», написанная на персидском языке, содержит не имеющее себе равных по яркости и глубине описание Египта и других стран. В ней содержатся интересные сведения о торговле в районе Асуана и Айзаба, о передвижении верблюжьих караванов, о жителях разных африканских стран.

«Слоновий лекарь» исследует мир

Тахир ал-Марвази, уроженец Мерва, большую часть своей долгой жизни (а прожил он около 100 лет) провел в своем родном городе. Он был врачом и зоологом, лечил людей и животных и долгое время служил при дворе сельджукского султана в Мерве. В 1085 г. он даже вылечил любимого султанского слона, чем снискал особую милость повелителя.

Несмотря на эту привязанность к родному городу, ал-Марвази много путешествовал, желая расширить свои познания. Этого наблюдательного ученого-натуралиста иногда называют «предтечей Гумбольдта». Свое главное и единственное дошедшее до нас сочинение – «Природа животных» – ал-Марвази посвятил зоологии.

Ал-Марвази побывал в Иране, в странах арабского Востока, в Северной Африке. Ссылаясь на свидетельства очевидцев, он пишет в своих записках о том, что в стране Канем (Северная Нигерия и Чад) якобы растут столь огромные деревья, что каждое из них может укрыть в своей тени 10 тысяч всадников. На вершине одного из таких деревьев-гигантов устроено жилище тамошнего царя, «и к его жилищу с поверхности земли ведет тысяча ступеней. На обоих деревьях сделаны деревянные жилища, и в них живут слуги царя, его жены, приближенные в количестве 10 тысяч человек...». Впрочем, наряду с фантастическими рассказами об африканских странах в книге Тахира ал-Марвази имеется и немало полезной информации, например о жителях Сомали. Ал-Марвази с интересом наблюдал за антропологическими различиями различных народов. Подобно современным антропологам, он считал негроидов и монголоидов наиболее разошедшимися расами; по его мнению, тюрки и чернокожие африканцы полностью противоположны друг другу, а другие народы и расы составляют переходные звенья между теми и другими: «Эфиопы – это раса людей, в которую входят такие виды, как нубийцы, зинджи, и другие... Так как их земли удалены от умеренных областей, внешний вид их изменился: из-за чрезмерной жары черный цвет кожи стал у них преобладать...» Эти выводы среднеазиатского ученого во многом опередили свое время.

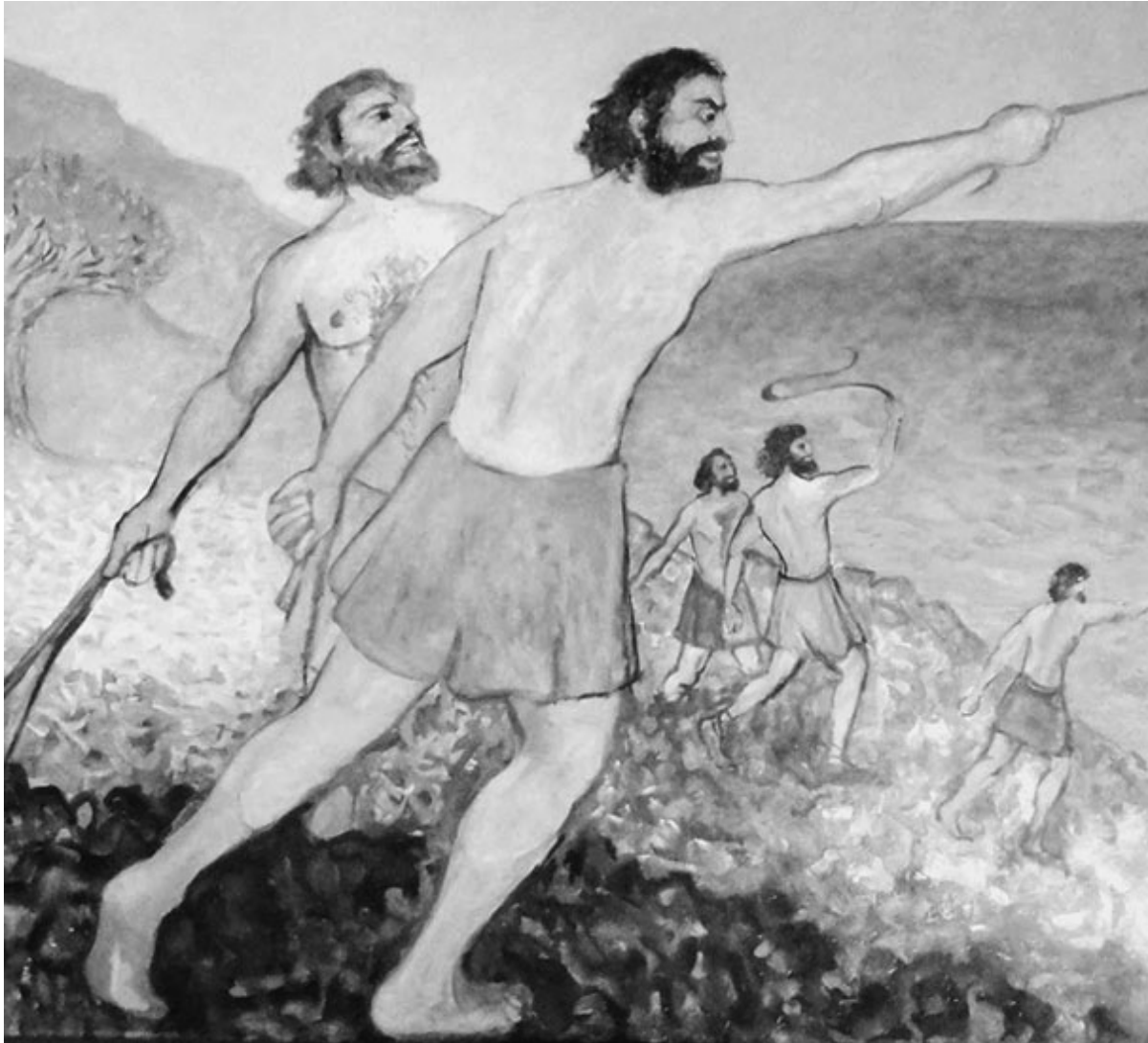

Африканцы возле хижины

Арабские моряки в Атлантическом океане

В Средние века арабы были известны как страстные мореплаватели. Арабские капитаны изобороздили весь Индийский океан, добираясь до отдаленных берегов Южной Африки, Индонезии и даже до Китая. Хорошо знали они и Средиземное море. Однако выходить в Атлантический океан они категорически избегали, испытывая перед ним какой-то поистине суеверный страх. За этим океаном в арабском мире закрепились зловещие наименования «Море тьмы», «Океан мрака». Известен только один-единственный случай, когда группа арабских моряков, преодолев страх, вышла в Атлантику и, пережив немало приключений, благополучно вернулась к родным берегам.

Их было всего-навсего восемь. Выйдя из Лиссабона (до 1147 г. этот город принадлежал арабам), моряки отважно двинулись на запад, прямо в открытый океан. Спустя 11 дней плавания им встретилось огромное скопление саргассовых водорослей, среди которых скрывались многочисленные, трудно различимые рифы. Моряки были вынуждены повернуть на юг. Идя этим курсом в течение 12 дней, они встретили остров, по которому бродили стада диких коз. Мясо их, однако, оказалось несъедобным. Моряки опять вышли в море и через 12 дней, идя прежним курсом, увидели еще один остров. Его населяли длинноволосые и почти безбородые краснокожие люди. Здесь же нашелся человек, говорящий по-арабски, с помощью которого моряки сумели объясниться с королем острова. В итоге король отпустил арабов, и спустя три дня они, следуя на запад, высадились на побережье Марокко, где встретили людей из какого-то берберского племени. Так завершилась единственная засвидетельствованная в источниках попытка арабов пересечь Атлантику...

Так выглядели гуанчи – коренные жители Канарских островов. Картина из музея Гуимара, о. Тенерифе, Испания

Много позже некоторые исследователи утверждали, что в своем плавании восемь храбрецов все же смогли достичь Америки. Встретившееся им «застывшее море», наполненное зловонными водорослями, было истолковано как Саргассово, а далекие страны, до которых добрались мореходы, – как Центральная Америка или острова Вест-Индии. Однако если мореплаватели рассказывали, что они видели «краснокожих людей», то это отнюдь еще не означает, что они встретились с американскими индейцами. Вероятнее всего, они сумели достичь только Канарских островов, где в те времена жили светлокожие гуанчи. Характерно, что в самой отдаленной из увиденных ими стран

мореходы нашли переводчика, говорившего по-арабски, а потом через три дня на одном из берегов наткнулись на берберов, знавших, сколько продолжается плавание до Португалии. Что касается острова, населенного дикими козами (в другом варианте перевода – овцами), то речь может идти об острове Фуэртевентура (который в древности называли Капрария – «Козий остров») из группы Канарских островов. На эти острова прежде всего указывает и направление, которого придерживались арабские моряки. Что касается скопления водорослей, то они попадаются уже поблизости от Гибралтарского пролива, и для этого вовсе нет необходимости плыть до самого Саргассова моря. Как бы то ни было, несмотря на скромные результаты, попытка восьми арабских моряков совершить разведывательное плавание по Атлантике все же стала определенной вехой на долгом пути к открытию Америки.

Ибн-Баттута: по заветам Корана и по зову сердца

«Во имя Аллаха милостивого, милосердного...» – мертвую тишину Сахары пронизывает певучий голос муэдзина. Вдоль прочерченной на песке линии стоят неровным строем мужчины и юноши, обратившиеся лицом в сторону Мекки. «Направь нас по верной дороге, которой идут благословенные тобой... и не дай сбиться с пути», – заканчивает муэдзин молитву словами из Корана. Люди опускаются на колени, кланяются, вдавливая лбы в песок. В утренней прохладе караван вытягивается в цепочку. Верблюды, связанные в линию, ждут сигнала к движению. Вот предводитель дергает за недоуздок главного верблюда, и караван длиной в полмили, раскачиваясь, будто с неохотой, выступает в путь...

Особые чувства охватывают сегодняшнего человека, идущего с караваном верблюдов к пустынному горизонту, соединяющему пески и небо. Здесь все осталось так, как во времена странствий великого путешественника Ибн-Баттута. За 29 лет своих скитаний Баттута – пилигрим, дипломат, придворный, юрист – пересек два континента, прошел 75 тысяч миль (втрое больше, чем Марко Поло!) по территории 44 современных стран. Его дневники, проникнутые духом своего времени, повествуют о трудностях пути, обычаях далеких стран и опасных приключениях. А началось все еще в Марокко, когда ему было всего лишь 21 год...

Его отец, известный в Танжере человек, шейх и судья, дал сыну прекрасное образование. Ибн-Баттута знал наизусть Коран, в совершенстве овладел искусством каллиграфии, провел годы учебы в медресе, где преподавались грамматика, риторика, стихосложение, логика и право, принимал участие в богословских диспутах, ночами просиживал над рукописями мудрейших мужей. Отец видел его уже облаченным в черное платье кади – судьи. Но судьба распорядилась иначе.

В своих записках Ибн-Баттута признается, что какое-то сверхъестественное чувство звало его в дорогу. Учеба уже подходила к концу, когда он решил отправиться в 3000-мильный путь в Мекку через

Северную Африку. Пройдя с караванами за десять месяцев Алжир, Тунис и Ливию, он достиг Александрии. Путь от Александрии до Каира показался Ибн-Баттуте нескончаемым рынком – люди жили вдоль оросительных каналов тесно и скученно. Каир был сказочно богат. «Кто не видел Каир, тот не видел мира», – говорили в те времена. Ибн-Баттута пишет о толпах народа, «двигающихся по узким улочкам Каира, как морские волны», о «12 тысячах разносчиков воды», «30 тысячах грузчиков», «36 тысячах лодок, бороздящих воды Нила».

На такой же фелуке, какие сейчас под треугольными парусами перевозят глиняные горшки и известняк вдоль нильских берегов, Ибн-Баттута отправился в Верхний Египет, пересек пустыню и вышел к Красному морю. Но пересечь его и попасть в Мекку не удалось: началось восстание. Пришлось присоединиться к каравану паломников, идущему в Дамаск. Баттута пересек Синай и вошел в Палестину, в лежащую у моря Газу.

Далее его маршрут пролегал через Акру и Тир. Из Триполи Баттута повернул на восток и пошел в Хаму, один из прекраснейших городов Сирии, «окруженный садами и огородами, которые орошались с помощью водяных колес». Эти древние водоподъемные устройства работают до сих пор, со скрипом поднимая воду на 25 метров от реки Оронт... Отсюда Баттута проследовал через Латакию и Ливанские горы, чтобы присоединиться в Дамаске к каравану, идущему в Мекку.

За 55 дней караван миновал Аравийскую пустыню, лишь на несколько дней остановившись передохнуть у полуразрушенного замка крестоносцев Аль-Карак («Вороний замок»). Жажда и банды разбойников были главными опасностями на этом пути. Из-за нехватки воды паломников не могли сопровождать вооруженные наездники, обычно охранявшие караваны.

Пустыню Нефуд, по которой проходил Ибн-Баттута, арабы называют «Бахр била ма», «безводное море». Песок пышет жаром, от вязкого воздуха трудно дышать, пересыхают нос, горло, рот. В таких местах, как писал Ибн-Баттута, «теряет дорогу проводник и товарищ забывает о товарище». Одно спасение – вода. До сих пор остатки караван-сарая и сухие резервуары для воды напоминают о том изнурительном и трудном маршруте паломников. Можно только представить себе радость караванщиков, когда их в пути встречали водоносы, вышедшие от ближайшего оазиса...

Наконец Ибн-Баттута добрался до священной Мекки. Здесь он встретил людей со всего мира и был заворожен их рассказами о диковинных странах. Вспомнив старинную арабскую поговорку «Кто отправляется в путешествие ради знаний, тому Бог облегчит путь в рай», он внезапно услышал властный зов дороги. Паломничество закончилось. Начинались странствия...

Ибн-Баттута

«По милости Аллаха, я осуществил свою цель в жизни, и эта цель – путешествия по земле, и в этом я достиг того, чего не удалось достигнуть никому, кроме меня», – писал Ибн-Баттута на склоне лет. В этих словах – весь смысл его жизни. До него в странствия отправлялись лишь купцы и миссионеры. Баттута же поставил перед собой задачу познания мира.

Он побывал в Малой Азии и Константинополе. Далее Ибн-Баттута последовал в Крым, затем в Астрахань и по льду Волги – в монгольскую резиденцию Сарай, проплыл вверх по Волге до Булгар. Свой замысел проникнуть оттуда до богатой пушниной области Печоры на Крайнем Севере, которую уже посещали арабские купцы, он не

осуществил. Через нижнюю Волгу он направился вдоль северного побережья Каспийского моря в Хиву, Фергану и Бухару, далее в Афганистан и Индию, находившуюся тогда под мусульманским господством. Несколько лет пробыл в Дели в должности кади – судьи, потом был направлен султаном послом в Китай. Пережив кораблекрушение, после долгих скитаний Ибн-Баттута на полтора года задержался на Мальдивских островах.

Будучи на Цейлоне, Ибн-Баттута восхождением на Адамов пик увенчал список мусульманских святынь, к которым совершал паломничество во время скитаний. Потом были Суматра и Ява. В китайский город Цюаньчжоу он прибыл в 1346 г. «Китай – одна из безопаснейших стран для путников», – записал он. Но здесь же, как нигде, путешественник почувствовал, как далек он от дома. Три года он добирался на родину, в Марокко.

Недолго пробыл Ибн-Баттута в родных местах. Его натура жаждала новых впечатлений – и вот он уже на юге Испании, с отрядом марокканских добровольцев, защищающих Гибралтар от крестоносцев; потом были Малага и Гранада. А три года спустя – изнурительное путешествие на верблюдах по Сахаре. 1500 миль через пески, в «землю негров», в западноафриканскую империю Мали. Наконец, на два года он осел в Фесе, работая над книгой о своих странствиях. Умер Ибн-Баттута в возрасте 64 лет. Местонахождение его могилы неизвестно: «Когда мы мертвы, ищите наши могилы не на земле, а в сердцах людей...»

Путешественники Средневековья

За тридевять земель с Вениамином Тудельским

Вениамин (Бен-Иона) Тудельский, уроженец города Тудела, что в Наваррском королевстве, вошел в историю как один из величайших путешественников Средневековья. За 13 лет (1160–1173 гг.) он объехал почти весь известный тогда мир и описал свое путешествие.

В 1160 г. Вениамин Тудельский отплыл из Барселоны в Марсель, затем отправился в Геную, побывал в Риме, посетил Неаполь и другие южные города. Из Италии путешественник переправился в Грецию, а оттуда в Константинополь. В то время императором Византии был Мануил Комнин, проживавший в роскошном дворце на берегу моря. «Там возвышались, – пишет Вениамин, – колонны из чистого золота и серебра... золотой трон, усыпанный драгоценными камнями, над которым золотая корона, свешивающаяся на золотых цепях, оказывалась как раз на голове императора, когда он садился на престол». Из памятников Константинополя Вениамин упоминает о храме Святой Софии, а кроме того, он дает описание ипподрома, в котором для забавы народа показывают борьбу «львов, медведей, тигров, а также диких гусей и многих других птиц».

Из Константинополя Вениамин Тудельский переправился в Малую Азию, где посетил города Триполи, Бейрут, Тир, Сидон, Акку. Отсюда путь его лежал через Иерусалим, Вифлеем и Хеврон в Дамаск, бывший в то время столицей «турецкого царства». Дамаск произвел на путешественника сильное впечатление своей роскошью и благоустройством.

Покинув Дамаск, Вениамин Тудельский посетил Баальбек-Небек – Гелиополис греков и римлян, построенный Соломоном; затем он приехал в Пальмиру, потом в Газу, сильно разрушенную землетрясением. После этого путешественник отправился в Месопотамию, посетил Мосул на Тигре, Ниневию и Багдад – столицу и резиденцию арабских калифов, поразившую его своей красотой. Он совершил поездку и к развалинам Вавилона, побывав на месте, где, по преданию, возвышалась некогда Вавилонская башня, «построенная народами до потопа». Посетив много других городов, путешественник попал в город Басру, лежащий у оконечности Персидского залива.

Оттуда он отправился в Персию и объехал почти всю страну, включая Исфахан – столицу страны.

Далее рассказ Вениамина утрачивает определенность: мы видим его то в Ширазе, то в Самарканде, то у подножия Тибета. Известно, что после долгого странствия Вениамин возвратился в Хузестан на берегах Тигра, а затем, после двухдневного плавания, достиг Эль-Катифа – арабского города у Персидского залива, где добывают жемчуг. Затем, переправившись через море, Вениамин прибыл в Хулан (Куилон) на малабарском берегу Индостана, о котором сообщает, что «в этой стране хорошо произрастают перец, корица, имбирь и другие пряности». После посещения острова Цейлон, жители которого «фанатически поклоняются огню», путешественник переправился через Красное море и приехал в Абиссинию. Спустившись вниз по течению Нила, он достигает местечка Холван, а оттуда, через пустыню Сахара, приезжает в Каир.

Вениамин Тудельский в пустыне Сахара

Из Египта Вениамин направился в Италию, а оттуда – через Германию – в Париж. Описанием Парижа он заканчивает повествование о своих путешествиях. Несмотря на некоторую сбивчивость изложения, его труд представляет собой важный памятник географических знаний середины XII столетия. Вениамин Тудельский считается первым европейским путешественником, побывавшим в странах Востока.

Необыкновенное странствие бродячего миннезингера

Генрих фон Морунген был поэтом и музыкантом – миннезингером. Маркграф Дитрих Мейсенский высоко ценил его талант. Несколько лет прослужил Морунген при дворе, пока маркграф не взял его с собой в поход в Святую землю: тюрингские и саксонские рыцари шли на помощь своим братьям-крестоносцам, теснимым сарацинами. Они выступили в январе 1197 г. Однако графу пришлось возвращаться домой с полпути: умер его тесть, и сразу появилась куча проблем, которые надо было решать. Но Генрих фон Морунген на родину не вернулся – его ждал Восток...

Оказаться христианину-одиночке на мусульманском Востоке времен крестовых походов в 99,9 процентах случаев означало неминуемую смерть, в лучшем случае – рабство. Генрих фон Морунген чудесным образом избежал и того и другого. Его неудержимо манила к себе далекая Индия. Он знал, что где-то там живут христиане, предки которых были обращены в истинную веру самим апостолом Фомой. Генрих с молодых лет чтит этого святого. Путь миннезингера через далекие восточные страны был полон трудностей и лишений. Точный маршрут его странствий неизвестен. По-видимому, сперва он побывал в Эдессе, где молва указывала могилу святого Фомы. Убедившись, что это не так, Морунген продолжил свой путь. По древнему караванному пути через Сирийскую пустыню он добрался до Ктесифона – древнего города на реке Тигр. Спустившись вниз по реке до самого устья, он сел в Басре на корабль, идущий в Индию.

Генрих фон Морунген

Индийский город Майлапур – современный Мадрас – считался городом святого Фомы. По преданию, в его окрестностях апостол принял смерть от копья какого-то брахмана. По-видимому, именно Майлапур-Мадрас и являлся целью Морунгена. Он прибыл сюда в 1200 или 1201 г. То, что Морунген побывал в Индии, несомненно. Но как он вернулся назад, не знает никто. Позже жители Лейпцига сложили легенду о том, что сам дьявол поднял миннезингера в воздух и за ночь перенес его из Индии в Германию. На рассвете Морунген уже оказался на собственном дворе... По другой версии, злой дух доставил

миннезингера в Лейпциг вместе со львом, с которым Морунген подружился в Индии. Изображение миннезингера со львом позже было высечено из камня в лейпцигской церкви Святого Фомы.

Как бы то ни было, спустя 5 (по другой версии – 7) лет отсутствия Генриха фон Морунген объявился в Лейпциге. Его появление произвело настоящую сенсацию и стало предметом пересудов. Из дальних странствий миннезингер привез реликвии святого Фомы и разные удивительные вещи. Для их хранения и в память о необыкновенном путешествии маркграф Дитрих основал в Лейпциге августинский монастырь Святого Фомы. Вплоть до Второй мировой войны здесь хранились привезенные Морунгеном реликвии: «часть ризы святого Фомы, круглый прозрачный камень, на котором изображена голова женщины, кусочек жемчужной раковины, свинцовое зеркальце с двумя стеклами». Три последних предмета вряд ли могли иметь какое-либо отношение к апостолу Фоме, но, несомненно, принадлежали самому миннезингеру.

Путешествие монаха Юлиана В поисках «Великой Венгрии»

Венгерские (мадьярские) племена пришли в Карпатский бассейн в 896 г., став одной из последних волн Великого переселения народов. В последующие 300 лет они вполне усвоили социальную модель и систему ценностей, принятые в средневековой Западной Европе. Но в памяти венгров, поселившихся на Дунае, жило предание о том, что далеко на востоке остались их соплеменники. Эту историческую прародину называли «Великой Венгрией» – *Hungaria Magna*.

...В 1234 г. из дальнего путешествия в венгерскую столицу Эстергом вернулся доминиканец брат Отто, 3 года назад ушедший на поиски *Hungaria Magna*. Он был крайне изможден и уже умирал. Перед смертью он успел рассказать, что встретил на Волге людей, говорящих по-венгерски. Но сама Великая Венгрия лежала где-то на востоке...

Майским утром 1235 г. из ворот Эстергома выехали 4 всадника. Прохожие с удивлением взирали на бородатые лица путников и их длинные, непривычного вида одеяния. Узнать в этом «языческом» обличье доминиканских монахов Юлиана, Герарда, Иоанна и Якова мог только очень опытный глаз.

Экспедицию возглавил Юлиан. Он получил два задания, каждое из которых имело государственную важность. Первое – найти «Великую Венгрию». Второе – узнать как можно больше о монголах, пришедших из глубин Азии.

Переправившись через Дунай, монахи вошли в пределы Болгарского царства. В Константинополе несколько недель пришлось ждать попутный корабль. Наконец, пришла венецианская галера, направлявшаяся в Боспор. Вечером того же дня Юлиан и его спутники уже были на корабле.

Галера шла на восток вдоль малоазийского берега: в те времена редко кто отваживался пересекать Черное море напрямик. Лишь спустя 33 дня она добралась до города Матрика на Таманском полуострове. Здесь Юлиан получил первые известия о монголах.

21 августа небольшой караван вышел из Матрики. Проводник вел монахов вдоль высокого правого берега Кубани. На 13-й день они

добрались до земли аланов. Далее их путь лежал через обширную полупустыню, которая тянулась до самой реки Итиль (Волги). Неподалеку от устья Итиля, на краю пустыни, лежал город Торчикан. Здесь решено было перезимовать. Монахи сильно бедствовали, и с наступлением весны Юлиан велел двум своим спутникам возвращаться в Венгрию, а сам в середине марта с первым же караваном в сопровождении брата Герарда покинул Торчикан. Спустя 37 дней Юлиан и Герард добрались до страны, которую местные жители называли Вела (где-то между реками Яик и Эмба). Здесь Герард умер. Юлиан остался один. Он присоединился к каравану, направлявшемуся в Волжскую Булгарию.

В большом болгарском городе Юлиан расстался со своими спутниками. Он бродил по улицам, смотрел, слушал. И вдруг... услышал в толпе венгерскую речь! Неподалеку стояла женщина в длинном широком платье, украшенном цветными лентами, в кожаной безрукавке. Она по-венгерски называла лежащие на прилавке товары и переводила смысл слов стоящему рядом мужчине – по-видимому, мужу. Юлиан приветствовал женщину по-венгерски. Удивленная женщина ответила на его родном языке. И тогда Юлиан заплакал от счастья...

Памятник Юлиану и Герарду. Будапешт, Венгрия

Женщина оказалась мадьяркой из «Великой Венгрии», выданной замуж за болгарского купца. Она рассказала Юлиану, что земля ее народа лежит в 2 днях пути отсюда, возле реки Этиль (по-башкирски – Ак-Идель, Белая). Здесь, у края степи, Юлиан увидел первое селение венгров – несколько деревянных домов с плоскими крышами в окружении покрытых бурым войлоком юрт...

Венгры с большой радостью встретили Юлиана. Они помнили, что много лет назад часть их народа ушла на запад. Юлиан получил от них много важных сведений о монголах, и понимал, что обязан предупредить короля. Пора было возвращаться...

Юлиан покинул «Великую Венгрию» 21 июня 1236 г. 15 сентября он проехал Рязань, 22 октября – Чернигов, 5 ноября – Галич. 27 декабря Юлиан перевалил Карпаты, а 8 января 1237 г. уже был в Эстергоме. Он вовремя предупредил Европу об опасности. И не его вина в том, что добытые им знания не пошли на пользу его современникам. Весной

1241 г. монголы ворвались в пределы Венгрии, Польши и Чехии, но ни король Бела, ни правители других стран не смогли организовать отпор завоевателям.

Путешествие Плано Карпини в страну МОНГОЛОВ

Первые обстоятельные сведения о странах и народах Центральной Азии начали поступать в Европу лишь в эпоху монгольских завоеваний. Эти сведения приносили купцы, миссионеры и послы, по поручению папы римского отправлявшиеся в ставку монгольских ханов или к императорскому двору в Пекине.

В апреле 1245 г. в далекий Каракорум – ханскую ставку на реке Орхон, у северных границ Китая, – отправилось посольство папы римский Иннокентия IV, которое возглавил 64-летний францисканец Джованни дель Плано Карпини. Он должен был установить дипломатические отношения с монгольскими ханами, орды которых в 1241 г. вторглись в Европу и продвинулись до Легницы (Польша). 16 апреля 1245 г. Карпини покинул Лион и направился через Богемию (Чехия) и Силезию в Киев, оттуда по покрытому еще льдом Днепру – к Черному морю и затем вдоль его северного побережья к Дону и дальше к Волге. 4 апреля 1246 г. прибыли в Сарай. Здесь находилась резиденция хана Батыея – второго лица после великого хана, находящегося в Каракоруме. «Прежде чем нас повели к хану, – рассказывает Карпини, – нас предупредили, что мы должны будем пройти между двух огней, так как сила огня очистит нас от дурных намерений и от яда, если мы имеем какой-нибудь злой умысел против хана, на что мы и согласились, дабы снять с себя всякое подозрение». На другой день Батый призвал к себе послов и дал им провожатых в стан великого хана. За три с половиной месяца послы проехали громадное расстояние – от Сарая до летней резиденции Великого хана Сыр-Орды (к западу от нынешнего Улан-Батора). Путь посольства пролегал по древнему торговому пути, мимо Аральского моря к нижнему течению Сырдарьи и Или и оттуда через Джунгарские ворота в Монголию.

Монголка в традиционном праздничном одеянии

22 июля 1246 г. Карпини прибыл в Сыр-Орду. Ему довелось стать свидетелем избрания нового великого хана: преемником Угедея, умершего весной того же года, стал Гуюк. Несколько дней спустя хан принял послов и вручил им ответное письмо хана к папе римскому, которое кончалось словами: «Мы поклоняемся своему богу и с его помощью разрушим весь мир от Востока до Запада». Таким образом, миссия Карпини не удалась.

Обратное заняло более 2 лет. 9 июня 1247 г. посольство снова было в Киеве, а в ноябре того же года – в Лионе. Плано Карпини привез с собой подробный отчет обо всем, что видел (в русском переводе – «История монголов»), подробно рассказав о нравах монголов, их

жизни, религии и государственном устройстве. Путешествие Карпини открыло список великих путешествий европейцев в Азию, а его отчет о путешествии впервые познакомил Европу с миром Востока тех лет.

Андре Лонжюмо идет в «монгольские страны»

В начале 1245 г. доминиканец Андре Лонжюмо отправился из Лиона в страны Востока. Через Акку (Акру), Антиохию, Алеппо (Халеб) и Мосул он добрался до какого-то малоизвестного города в Персии, расположенного в 17 днях пути от Мосула. Лонжюмо провел здесь полтора года, изучая персидский язык. Во время пребывания в Персии путешественник случайно встретил некоего важного монгольского правителя, в свите которого находился сановник по имени Симеон, христианин несторианского толка. Симеон встретил Лонжюмо приветливо, отнесся к нему с глубоким почтением и выразил желание написать папе римскому письмо, в котором напыщенно называл себя «викарием Востока».

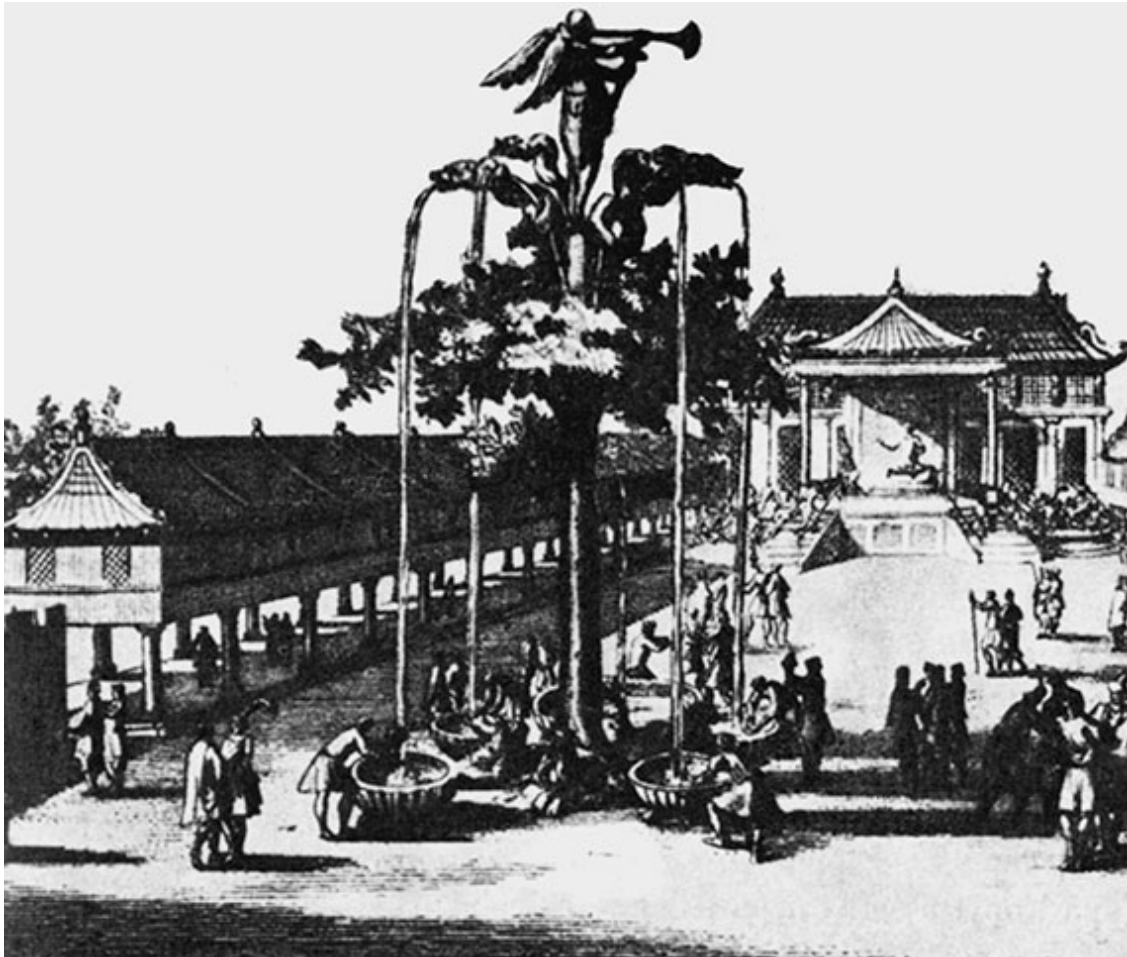

Схватка монголов с европейскими рыцарями

После того как Лонжюмо весной 1247 г. вернулся в Лион, король Людовик IX попросил его, как знатока страны и языка, сопровождать его в Седьмом крестовом походе. Лонжюмо принял это предложение, отправился к королю и в его свите 17 сентября 1248 г. прибыл на Кипр. С Кипра король послал доминиканца «в монгольские страны», чтобы склонить их к союзу с Францией. Высадившись в Антиохии, Лонжюмо направился Персию, а затем через всю Центральную Азию прошел к реке Талас (Киргизия) и прибыл в монгольскую столицу Каракорум. Как и несколько ранее во время приезда Карпини, там после смерти великого хана Гуюка господствовало междуцарствие. Поэтому Лонжюмо должен был возвратиться, ничего не добившись. В начале апреля 1251 г. он прибыл к королю Людовику, который находился в то время в Кайсери в Малой Азии. Путешествие Лонжюмо, несмотря на дипломатическую неудачу, стало одним из самых дальних среди всех путешествий, предпринятых европейцами в XIII в.

Миссия Гильома Рубрука

Весной 1252 г. Гильом (Вильгельм) Рубрук, фламандский монах-францисканец, по поручению французского короля Людовика IX отправился с дипломатической миссией в ставку монгольского правителя Мункэ в Каракоруме. Рубрук и его спутники вышли в путь из города Акка (Акра) – морского порта в Палестине. Добравшись до Константинополя, они пересекли на корабле Черное море и высадились в порту Салдайя (Судак) на южном берегу Крыма. Отсюда в мае 1253 г. посольство двинулось к низовьям Волги в Сарай – ставку хана Батия. Могущественный правитель Золотой Орды не захотел вступить в переговоры с посланниками французского короля, но дал им провожатых к хану Мункэ. Маршрут Рубрука примерно совпадал с маршрутом Карпини: выйдя в путь от берегов Итиля (Волги), в августе 1253 г. посольство спустя 34 дня оказалось в бассейне реки Сырдарья, откуда повернул на юго-восток. 8 ноября Рубрук достиг долины реки Талас. На горизонте отчетливо вырисовывались вершины гор. Перевалив через горный хребет, Рубрук и его спутники двинулись «прекрасной равниной, имея по правую руку высокие горы, а по левую – море или озеро; чтобы объехать его кругом, нужно 15 дней». Это было озеро Балхаш. Через монгольские степи послы добрались до Каракорума. Этот город, по словам Рубрука, был обнесен земляными стенами, с воротами на каждой из четырех сторон. Дворец великого хана Мункэ, две мусульманские мечети и один христианский храм составляли главные здания города. Великого хана в это время не было в столице, и Рубрук вместе со своими спутниками должен был отправиться в летнюю резиденцию, находившуюся в северной части страны. Несколько недель Рубрук провел при дворе Мункэ, встретив здесь много немецких и французских пленников. Хан передал послу письмо французскому королю: он называл себя владыкой мира и требовал от французов присяги на верность. 6 июня 1254 г. Рубрук покинул монгольскую столицу.

Двор хана Мункэ в Каракоруме

Обратный путь пролегал севернее озера Балхаш. От устья Волги Рубрук повернул на юг, проследовал по западному берегу Каспийского моря и через Армению, Каппадокию и Антиохию 12 августа 1255 г. вернулся в Акку. В дипломатическом отношении миссия Рубрука не имела никакой пользы, но принесла важные географические сведения. Рубрук окончательно подтвердил утверждение Геродота о том, что Каспийское море является внутренним озером, первым из европейцев сообщил о существовании Центрально-Азиатского нагорья, описал ряд стран Центральной и Восточной Азии. В его записках содержатся важные сведения о монголах, маньчжурах, корейцах и других народах.

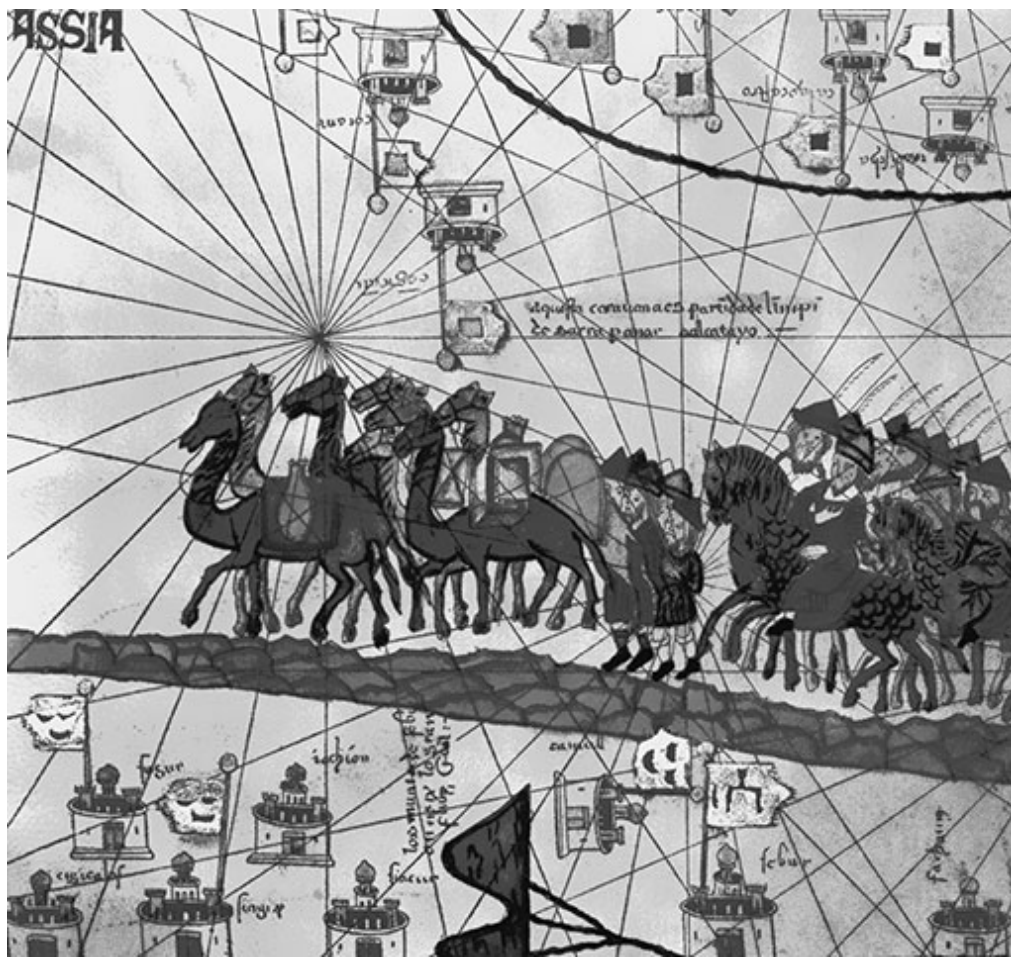
Джованни Монтекорвино, архиепископ Китая

В 1288 г. 36-летний францисканец Джованни Монтекорвино был послан папой Николаем IV к монгольскому правителю Персии Аргуну, племяннику Хубилая. Тот был весьма заинтересован в установлении хороших отношений с христианскими государствами, поскольку намеревался покорить Палестину и Сирию и потому хотел завоевать благосклонность христианских правителей. Около года Монтекорвино пробыл в Тебризе, после чего вернулся в Рим. А в следующем году францисканец отправился в новое, гораздо более далекое путешествие – в Пекин (Ханбалык).

Через земли, подвластные Аргуну (оказавшему путешественнику полное содействие), через города Тебриз и Ормуз, Монтекорвино проследовал в Индию, где 13 месяцев провел на Коромандельском берегу среди местных христиан-фомистов. В своих письмах Монтекорвино дал подробное описание Южной Индии, быта ее населения, торговли и мореходства. В 1293 г. путешественник морем отправился в Китай. Он прожил в этой стране (главным образом в Северном Китае) около 35 лет – до самой своей смерти, проповедуя христианство среди китайцев. В течение 11 лет Монтекорвино был, по-видимому, единственным европейцем в Пекине, лишь потом к нему присоединился брат Пьетро из Лукалонго. Монтекорвино построил в Пекине церковь с колокольной, совершал поездки по стране, подвергался гонениям от несториан, которые его «многократно волокли к суду, позорили и смертью». В итоге, однако, хан принял сторону Монтекорвино, а несториан «выслал вместе с женами и детьми». В 1307 г. папа назначил Монтекорвино архиепископом Китая. Последние годы жизни францисканец безвыездно прожил в Пекине, где и скончался в преклонном возрасте.

«Марко-миллионе»

В XIII – начале XIV в. торговля с Востоком из рук персов и арабов переходит к итальянским городам-республикам, в первую очередь к Венеции. Среди предприимчивых венецианских купцов были два брата Поло – Маттео и Никколо. В 1254 г. они нагрузили товарами галеру и отплыли в Константинополь. Оттуда братья отправились в Крым, потом на Волгу, с Волги в Бухару, потом поехали в Китай и достигли Ханбалыка – столицы монгольского императора Хубилая. Только в 1269 г. венецианцы вернулись в родной город. Спустя 3 года Никколо и Маттео вновь отправились в Китай. На этот раз они взяли с собой 17-летнего Марко, сына Никколо. Долгое путешествие через равнины, горы и пустыни Азии заняло 3,5 года.

Караван Марко Поло на пути в Азию

Хан Хубилай хорошо принял купцов. Трое венецианцев 17 лет пробыли у него на службе. Марко Поло освоился в новой для него стране, научился говорить на чужих языках и завоевал доверие Хубилая. Хан давал ему важные поручения, требовавшие разъездов по стране. Так Марко Поло смог постепенно объехать почти все провинции Китая. В течение 3 лет он был даже губернатором одной из южных областей. Таким образом, Марко Поло получил возможность глубоко ознакомиться с жизнью страны. Его интересовали не только вопросы, связанные с торговлей, но и география Китая, его природные богатства, государственное устройство, быт китайцев.

В 1295 г. Марко Поло, его отец и дядя возвратились в Венецию, но не сухим путем, а морем, обогнув Юго-Восточную Азию. Венецианцы миновали Острова пряностей, побывали на острове Суматра. Пройдя полмира, они вернулись в Венецию. Рассказывают, что, когда три путника в странных одеждах, обветренные и загорелые, подошли к фамильному дому, их поначалу отказались принять: давно уже прошел слух, что они погибли на чужбине...

Марко Поло в татарском одеянии

Во время этого путешествия не было открыто ни одной неизвестной страны. Был пройден только тот путь, которым десятки раз пользовались как безымянные, так и известные по имени купцы и послы. И все же это путешествие, затянувшееся более чем на 24 года, было выдающимся событием, чему немало способствовала замечательная книга Марко Поло. Она открыла людям того времени широкие горизонты, показав дотоле закрытый для них мир.

Современники с недоверием отнеслись к рассказам Марко Поло о необычайных богатствах Китая, о пышности и роскоши

императорского двора, о миллионных доходах китайского императора... Путешественник даже получил насмешливое прозвище «Марко-миллионе». Но время все расставило на свои места. Сегодня Марко Поло называют «Колумбом Востока».

Путешествие Гильома Адана

В 1332 г. в руки французского короля Филиппа IV попал увлекательный и почти что сенсационный документ – отчет о далеких путешествиях, предпринятых монахом-доминиканцем Гильомом Аданом. В 1313–1314 гг. Адан в качестве миссионера странствовал по Персии, затем отправился в Индию, а оттуда – в Восточную Африку. 20 месяцев провел он в плаваниях в различных районах западной части Индийского океана, обошел Персидский залив и Красное море, побывал в Адене, на острове Сокотра, в Эфиопии и Египте. Во время путешествий Адан вел астрономические наблюдения. И хотя на приведенные Аданом сведения о географических широтах в полной мере полагаться нельзя, во всем остальном его отчет был чрезвычайно зрелым и объективным для путешественника XIII в. и стоял на высоком научном уровне; усердие и мужество французского монаха заслуживают самой высокой оценки. Результаты наблюдений, приведенные в отчете о его путешествии, позволяют сделать вывод, что Адан посетил побережье Восточной Африки южнее экватора. Современные исследователи полагают, что Гильом Адан первым из европейцев добрался до Мозамбика и, может быть, даже до Софалы.

О жизни этого выдающегося путешественника мы знаем очень мало. В 1318 г. он находился в Авиньоне при папе Иоанне XXII и, возможно, встречался с великим Данте. Не исключено, что именно от Адана (ведь других путешественников, которые в это время побывали в странах Тропической Африки, история не знает) Данте узнал о созвездии Южный Крест, о чем и написал в своей «Божественной комедии». Эта поэма не только открыла новую главу в истории европейской культуры, но и отразила возраставший в то время интерес к Африке и восточным странам.

Софала и окрестности на более поздней карте

От Падуи до Пекина

Францисканец Одорико Маттиусси ди Порденоне отправился миссионером в Азию в апреле 1318 г. Пройдя через Константинополь, Трапезунд (Трабзон) и Эрзерум, он добрался до города Кашан в центральной части Ирана, где изготавливались удивительные по красоте изразцы, которыми до сих пор блистают иранские, афганские и узбекские мечети. Из Кашана путешественник направился на юг, в древнюю персидскую столицу Персеполь (этот город будет повторно открыт европейцами только в XIX в.). Дальнейший путь его лежал в морской порт Ормуз – главный пункт торговых связей стран Среднего и Ближнего Востока с Индией. Здесь Порденоне поднялся на борт корабля, идущего к берегам Индии. Конструкция судна немало заинтересовала путешественника: все его детали были скреплены только бечевками: «Я не мог найти ни кусочка железа!»

Весной 1321 г. Порденоне уже был в Бомбее. Отправившись отсюда вдоль Малабарского берега, он обогнул южную оконечность Индостана на большом корабле, вмещавшем 700 человек. Побывав на Цейлоне (Шри-Ланка), путешественник направился в Мадрас, где, по слухам, покоился прах апостола Фомы, которому он хотел поклониться.

Из Мадраса после 50-дневного плавания Порденоне прибыл на Суматру, став первым европейцем, описавшим этот остров. Затем он посетил Яву, Борнео (Калимантан) – крупнейший из островов Большого Зондского архипелага. Рассказывая о нем, Порденоне, в частности, впервые подробно описывает саговую пальму. С Борнео Порденоне направляется в Индокитай, но долго там не задерживается и, после еще одного морского перехода, высаживается, наконец, в Китае. По реке Жемчужной он поднимается к Кантону (Гуанчжоу), размеры которого поразили его – этот город был в 3 раза больше Венеции! «Во всей Италии нет такого количества кораблей, сколько их в одном этом городе». Порденоне посетил ряд других городов Южного Китая, в том числе Нанкин. Отсюда по Великому каналу он добирается до реки Хуанхэ и прибывает в конечный пункт своего путешествия – Пекин, в котором прожил 3 года.

Одорико ди Порденоне

Целых 5 лет затратил Порденоне на обратное путешествие (1325–1330 гг.). Первым из европейцев он посетил Лхасу – столицу Тибета и оставил описание этого священного города, доступ в который был запрещен иноземцам вплоть до 1904 г. В Венецию Порденоне вернулся уже изнуренным и больным. Он успел продиктовать одному из своих братьев рассказ о своих путевых наблюдениях и приключениях и 14 января 1331 г. скончался. Его сочинение «О чудесах мира» наряду с книгой Марко Поло долгое время являлось главным источником сведений о далеких странах на Востоке.

В гостях у великого хана

После смерти Джованни Монтекорвино китайские христиане обеспокоились и в июле 1336 г. написали папе о том, что уже 8 лет живут без епископа и просят его о помощи. Это письмо пришло в Авиньон, где в то время находился папский престол, в начале 1338 г. Оно было доставлено папе китайским посольством, состоявшим из 15 человек.

В июле 1338 г. китайское посольство тронулось в обратный путь. Вместе с ним в Пекин (Ханбалык) отправился и францисканец Джованни Мариньоле, получивший статус папского легата (посла), но, однако, не епископа. Поездка Мариньоле в Китай стала одним из самых продолжительных дипломатических путешествий, известных в истории. Началось оно в 1338 г. в Авиньоне и закончилось возвращением в этот же город в 1353 г.

Дорога в Китай заняла у посла более 3 лет. Зимовал Мариньоле сперва в Сарае, а потом в Армалеке. Пребывание в Пекине длилось также около 3 лет. Появление папского легата показалось китайским хронистам событием достаточно важным для того, чтобы внести его в свои летописи. Среди папских даров великому хану особенное внимание привлек к себе европейский боевой конь, сильно поразивший китайцев, так как он по своим размерам значительно превосходил мелких лошадей Центральной Азии. Этому коню поэты посвятили несколько хвалебных од, а придворный живописец Чжоу Лан написал с него картину.

Обратно Мариньоле возвращался морем, и этот путь занял у него очень много времени. 26 декабря 1346 г. он отплыл из Зайтуна и в марте 1347 г. прибыл в Индию. От Индии до Неаполя путешествие продолжалось целых 6 лет. Больших успехов в Китае папский легат не добился. Несомненно, Джованни Мариньоле нельзя отказать в мужестве, ибо не так-то легко провести более 14 лет среди совершенно чуждых народностей и смотреть в лицо различным опасностям. Но в остальном он проявил какие угодно качества, кроме дипломатического такта. Даже составленное им описание его путешествия выглядит довольно сиротски по сравнению с рассказами Рубрука или Марко Поло.

Скитания Иоганна Шильтбергера

Баварец Иоганн Шильтбергер, уроженец Фрейзинга, был человеком неученым. Проведя более 30 лет в далеких странах, он, вернувшись на родину, оставил своим потомкам записки – такие же бесхитростные, как и он сам, написанные простым лаконичным языком...

Перед битвой при Никополе. Слева – европейские рыцари, справа – турки

В 1394 г., отправляясь на войну с турками, его сеньор Линхарт Рейхартингер взял 14-летнего Шильтбергера с собой в качестве оруженосца. Армию европейских рыцарей возглавил венгерский король Сигизмунд. Но 28 сентября 1396 г. в битве у Никополя (в современной Болгарии) турецкий султан Баязид наголову разгромил крестоносцев. На поле боя остался лежать цвет европейского рыцарства. Погиб и Линхарт Рейхартингер. Его оруженосец попал в плен. Султан распорядился умертвить всех пленников, но Шильтбергер чудом остался жив: его и других юношей, которым еще не исполнилось 20 лет, пощадили и отправили в Галлиполи. В пути Шильтбергер, получивший в битве три раны, едва не расстался с жизнью. Выздоровев, он служил у султана Баязида скороходом, потом фореитором.

Султан Баязид мечтал овладеть Константинополем. Византийцы, с трудом сдерживавшие натиск турок, призвали на помощь Железного хромца Тимура. В битве при Ангоре 20 июля 1402 г. Тимур разбил турок. Как переменчиво военное счастье! Теперь уже султан Баязид попадает в плен. А вместе с ним – и его раб Ганс Шильтбергер. Пройдя тысячи верст, баварец оказался в столице Тимура – Самарканде. Отсюда Шильтбергер сопровождал своего нового господина в походе в Палестину. После смерти Тимура он достался сыну Железного хромца, Шахруху, и отправился в Герат. Отсюда Шильтбергера забрал внук Тимура – Абубекр, владевший Персией и Арменией. При его дворе жил беглый ордынский царевич Чекре. Спустя 4 года всемогущий временщик Едигей позвал Чекре к себе, предложив занять освободившийся трон в Сарае. С отрядом Чекре Шильтбергер прошел через Железные ворота и достиг Астрахани, разрушенной Тамерланом. В Сарае, столице Золотой Орды, тоже были видны повсюду следы разрушений. Отсюда дорога Чекре и Шильтбергера лежала на Яик, а затем через казахские степи в Ургенч. Они отыскивали Едигея где-то «в полях». В это время тот готовился «к походу в страну, именуемую Виссибур [Сибирь]», и Чекре со своим отрядом присоединился к нему. Так Шильтбергер оказался на Урале, а затем в Сибири...

Когда Чекре погиб в борьбе с одним из сыновей Тохтамыша, баварец попал в руки Маншука, недавнего советника Чекре. Изгнанный с Волги, Маншук пытался пробраться в Крым. Вместе с ним Шильтбергер добрался до Кафы (ныне Феодосия). Но спустя всего 5

месяцев ему вновь пришлось отправиться в дальний путь: опасаясь бушевавших в Крыму междоусобиц, хозяин Шильтбергера бежит через Керченский пролив на восток, в страну черкесов. Отсюда вдоль Черноморского побережья, через «страну Абаса» (Абхазию) они добираются в Мингрелию. Здесь Шильтбергер и четверо его спутников-христиан решаются бежать. В Батуми их приняло на борт византийское судно, и спустя несколько дней они уже были в Константинополе. Беглецов удостоил аудиенции сам византийский император, немало дивясь их рассказам. Через 3 месяца Шильтбергер и его товарищи морем отправляются в Валахию. Оттуда через Львов, Краков и Бреслау (Вроцлав) Шильтбергер добрался до родного Фрейзинга, проведя в скитаниях 32 года.

Жильбер де Ланнуа: полвека в дороге

Рыцарь Жильбер де Ланнуа, уроженец Фландрии, неутомимый путешественник, дипломат и искатель приключений, объездил, кажется, всю Европу и Ближний Восток. Девиз «Для спасения души», начертанный на его гербе, не раз побуждал его отправляться в дальние паломнические поездки: в 1403–1404, 1422 и 1446 гг. – в Святую землю, в 1416 и 1430 гг. – в Ирландию к святому Патрику, дважды в Сантьяго-де-Компостела, в 1450 г. – в Рим. В 1407–1410 гг. де Ланнуа воевал вместе с испанскими христианами против мусульман Гранады. В 1413 г. он отправился в поисках новых подвигов в далекий путь к берегам Балтики. Добравшись до Мариенбурга, резиденции великого магистра Тевтонского ордена, де Ланнуа предложил крестоносцам свою помощь. Однако орден имел мирный договор с поляками, и, убедившись, что войны здесь не предвидится, де Ланнуа отправился дальше – в Ригу. Магистр Ливонского ордена также не планировал никаких военных походов. В качестве утешения он предложил де Ланнуа ограничиться ознакомительным путешествием в Новгород и Псков.

Зимой 1413 г. де Ланнуа двинулся в дорогу – на санях, «по причине великого снега и холода», рыцарь добрался до Новгорода. Встретили его с большим почетом, городские власти задали в его честь пир. Спустя 9 дней рыцарь отправился в Псков. Стояли сильные морозы, от которых трескались деревья. Серебряные чаши, которыми де Ланнуа набирал воду из озера, примерзали к пальцам.

Из Пскова путь Ланнуа лежал по льду реки Великой. Проехали через занесенный снегом, замерзший Динабург. Отсюда дорога вела на Вильно, где располагался двор Великого князя Литовского Витовта. Здесь де Ланнуа впервые увидел татар: плененные Витовтом в далеких степях, они были поселены в окрестностях Вильно, занимались земледелием, жили в особых селах и совершали свои «сарацинские обряды».

Довмонтов город во Пскове. XV в.

Жильбер де Ланнуа в рыцарском облачении

Вернувшись из далекой «Сарматии», рыцарь сразу попал в пекло войны. В октябре 1415 г. он сражался с англичанами при Азенкуре и вместе с остатками разгромленной французской армии попал в плен. Спустя год его выкупили за 1200 золотых дукатов. В благодарность за избавление де Ланнуа поспешил отправиться в Ирландию, на поклонение мощам святого Патрика. А в 1421 г. рыцарь вновь собрался в далекий путь. Ему предстояло объехать без малого полмира – Пруссию, Литву, Польшу, Молдавию, Крым, Константинополь, Египет, Сирию, Палестину, – оповещая всех о мирном договоре между Францией и Англией. На то, чтобы выполнить поручение, рыцарю потребовалось 2 года. Он побывал на Святой земле, потом через пески Синайского полуострова отправился в Египет. Из Александрии в 1423 г. де Ланнуа отправляется на родину. Его миссия «посла мира» завершена. Но не завершены путешествия! В 1429 и 1442 гг. он вновь в

Германии, в 1430 г. отправляется в Шотландию, спустя год уезжает на церковный собор в Базеле, в 1446 г. путешествует по странам Средиземного моря... «Via est vita» – «Дорога – это жизнь», – говорили древние. Жизнь беспокойного рыцаря де Ланнуа действительно стала бесконечной дорогой...

Николо Конти: четверть века на Востоке

Венецианский купец Николо Конти вошел в историю как один из немногих европейцев, сумевших в XV в. побывать в Южной Азии. Отправившись в путь в 1419 г. из Дамаска, Конти прошел через Сирийскую пустыню к Евфрату, посетил Багдад, Басру и Ормуз, откуда через Оман направился в Индию. Он странствовал во внутренних районах Индостана, с Коромандельского берега по морю достиг Цейлона. 20 дней длился его морской переход от Цейлона к островам Индонезии. Оставив справа по борту Андаманские острова («...они таят в себе золото и достигают 800 миль в окружности. Жители их – людоеды...»), Конти высадился на побережье Бирма (Мьянма). После нескольких переходов по суше и воде он вошел в устье Ганга и поднялся вверх по этой великой индийской реке до города Раджмахал. Затем Конти вернулся в Бирму, совершил путешествие по реке Иравади и побывал в городе Ава, где после Марко Поло вряд ли был еще хоть один европеец. Поднимаясь вверх по Иравади и потом следуя сухопутной дорогой, Конти пришел в Китай. Он побывал в Нанкине, где в то времена располагалась императорская резиденция. Затем Конти посетил острова Калимантан (Борнео), Ява и Банда и через Сокотру, Аден, Джидду и Каир отправился в обратный путь.

Вид на Ормузский пролив и одноименный остров в Персидском заливе. Рисунок 1572 г.

По продолжительности, масштабности и смелости странствия Конти не уступают путешествию Марко Поло. Конти не открыл никаких новых земель, путешествовал он в уже известных областях Азии, однако это были времена, когда исламский барьер на Ближнем Востоке был почти непреодолимым для путешественников-христиан, а Китай после падения монгольской династии (1368 г.) практически отгородился от внешнего мира. Таким образом, ему было гораздо тяжелее, чем другим путешественникам Средневековья. Успех путешествия Конти во многом был связан с его блестящим знанием арабского и персидского языков. Первым из европейцев он познакомился с внутренней Индией и проник далеко в глубь Малайского архипелага. Вернувшись после 25-летнего путешествия домой, Конти написал объемистый труд о своих приключениях под названием «Четыре книги истории об изменчивости судьбы». Таким образом, Конти наряду с Марко Поло и Никитиным – один из немногих

путешественников Средневековья, сочинения которых дошли до нашего времени. Правда, описание путешествия Конти сохранилось не полностью.

«За три моря» с Афанасием Никитиным

5 ноября 1472 г. на берегу Черного моря, в городе Кафа – ныне Феодосия, – появился загадочный странник. Прибыл он издалека, называл себя – купец Ходжа Юсуф Хоросани, но по-русски говорил чисто, да и сам – вылитый русский, только смуглый от загара. Самое дорогое, что было при нем, – это листки с таинственными записями, где русские слова идут попеременно с арабскими и какими-то криптограммами, понятными лишь ему одному...

Неожиданная смерть обрывает путь загадочного странника. А таинственные листки попадают в Москву. Много позже монахи Троице-Сергиева монастыря включили их текст в состав одной из летописей. И только в начале XIX в. благодаря Н.М. Карамзину «Хождение» Афанасия Никитина стало известно всему миру.

Год 1466-й. «В те же лета некто именем Афанасий Никитин сын Тверитин ходил за море», – сообщает летопись. Купеческий караван отправился вниз по Волге, но в Астрахани был разграблен татарами. Ограбленные купцы разошлись кто куда. Афанасий Никитин решает идти дальше: в Дербент, оттуда в Баку, а из Баку – за море. Непонятно, правда, зачем – ведь ему нечем было торговать. С какой же целью все-таки ходил в Индию Афанасий Никитин?

Весной 1468 г. Никитин появляется в Персии. Здесь он провел 2 года, потом на небольшом купеческом судне отправился в Индию. 5 лет он путешествует по далекой стране, странствуя из города в город и скрупулезно ведя путевые записи. Все без исключения исследователи «Хождения за три моря» отмечают «поразительную точность собираемых сведений, отличную от всех трудов европейских путешественников». Весной 1471 г., после пяти лет «хождения», Никитин отправляется в обратный путь. Но возвращается он не знакомым уже путем, а вслед за войском Делийского султаната идет в соседнее княжество Виджаянагар, которое ведет войну против мусульман. Он побывал в Голконде – знаменитом центре добычи алмазов, на западном побережье Индийского океана сел на корабль и весной 1472 г. высадился в Ормузе. В пути шторм отнес судно к берегам Сомали, где кораблю пришлось сделать вынужденную остановку, и таким образом Афанасий Никитин стал – хотя и невольно

– первым русским путешественником, побывавшим в Африке южнее Сахары!

Афанасий Никитин покидает Тверь. Художник Д. Буторин

К осени 1472 г. Никитин добрался до Трапезунда на южном побережье Черного моря. Отсюда «Божией милостью пришел я в Кафу», – записывает путешественник. Все, что мы знаем о его дальнейшей судьбе, взято из скупых строк единственного источника – Софийской летописи: «Сказывают, что-де и Смоленска не дошед, умер. А писание то своею рукою написал, иже его руки тетради и привезли гости Мамыреву Василью к дьяку великого князя в Москву».

Приключения Лодовико ди Вартема

О происхождении итальянского путешественника Лодовико ди Вартема известно мало. Его называют то болонцем, то римлянином. Отправившись из Венеции в 1503 г., Лодовико добрался до Каира, потом посетил Бейрут, Триполи, Хaleb и, наконец, Дамаск, где остался, чтобы освоить арабский язык. Движимый желанием побывать в священных городах ислама и увидеть могилу пророка Мухаммеда, он хитростью «с помощью денег и других вещей» добился расположения капитана мамлюков, который должен был во главе отряда в 60 человек сопровождать в Мекку караван паломников. Вместе с караваном ди Вартема направился в сердце Аравии.

Караван шел через пустыню Нефуд. Множество раз приходилось давать отпор бедуинам, которые нападали на караван. Ди Вартема не называет мест, через которые шел караван, кроме исходного пункта (Мезериб) и конечных (Медина и Мекка). Путешественник составил первое описание Мекки. Кааба, святая святых мекканского храма, была полностью перестроена в 1627 г. Ди Вартема же видел ее в первоначальном виде.

Караван паломников вступает в Мекку

Лодовико ди Вартема

Он не собирался возвращаться с караваном назад в Дамаск. Присоединившись к каравану, идущему в Египет через Джидду, ди Вартема дошел до побережья Красного моря и там, договорившись с капитаном, сел на судно, отплывающее в Персию. В своих записках он пишет о рифах Красного моря, о трудностях навигации и приключениях в пути. Пройдя Баб-эль-Мандебский пролив, корабль прибыл в Аден. В ту пору португальские корабли постоянно крейсировали в океане в виду Адена, и всех жителей города занимала мысль о португальской опасности. В Лодовико ди Вартема тотчас же заподозрили шпиона и в тот же день доставили во дворец султана, чтобы предать смерти. Только отсутствие султана отсрочило казнь. Его и еще трех пленников бросили в тюрьму, надев на ноги кандалы. Узники договорились, что тот, на кого падет жребий, должен будет изображать помешательство, чтобы дать возможность бежать остальным. Жребий пал на ди Вартема. Он успешно справился с ролью

помешанного, и ему снова улыбнулось счастье: жена султана окружила его заботами. Вырвавшись с ее помощью из тюрьмы, ди Вартема попросил разрешения отправиться в Аден полечиться у «святого человека». В Адене он, притворяясь больным, скрывался в мечети до тех пор, пока не отыскал владельца судна, согласившегося его увезти отсюда. Вместе с ним путешественник отправился в Персию, а оттуда – в Индию. Находясь в Калькутте, он узнал, что португальцы, укрепившись в Каноноре, строят там флот. 3 декабря 1505 г. ди Вартема явился к вице-королю Португалии и предупредил его о том, что индусы готовят нападение. За этот поступок и мужественное поведение в последующих боях путешественник был посвящен в рыцари. Возвратившись в Венецию, ди Вартема написал свои «Записки», которые в течение почти полувека пользовались огромным успехом. Около 30 лет переиздания и переводы следовали один за другим без перерыва, некоторые вышли уже в XVII в.

Олай Магнус открывает Скандинавию

В 1518 г. 28-летний шведский священник Олаф Менсон, известный под латинизированным именем Олай Магнус (Олаф Великий), по собственной просьбе был послан в 1518 г. из Рима на север Скандинавии для сбора «лепты святого Петра» – подати в пользу Святого Престола. Он побывал в северных областях Швеции, Финляндии и Норвегии, дойдя до берегов Северного Ледовитого океана, пересек Скандинавские горы в центральной части и добрался до Тронхейма. Магнус был наблюдательным и любознательным путешественником и прекрасным художником: он интересовался географией, собирал сведения о разных местностях – как тех, где он побывал сам, так и тех, о которых ему рассказывали местные жители, делал очень реалистичные зарисовки северных зверей и птиц (в частности, он дал первое описание росомахи). В 1518 г. Олай Магнус вернулся в Стокгольм. Это путешествие заложило основы последующих географических исследований Скандинавии.

В 1527 г. Олай Магнус навсегда оставил Швецию. Путешествуя по Европе и встречаясь со многими образованными людьми, он с горечью убеждался, что в Центральной и Южной Европе очень мало знают о Скандинавии. Многие из его собеседников были убеждены, что Норвегия, Швеция и Финляндия – это острова в Северном океане, населенные смелыми, но умственно отсталыми людьми. И тогда путешественник задумал представить ученому миру правдивую и полную картину Скандинавии, описать ее природу и жителей. Более 10 лет он собирал сведения о Северной Европе, беседовал с моряками, ходившими по Балтийскому и Северному морям, изучал старые рукописи, карты и лоции. В результате в 1539 г. на свет появилась «Морская карта и описание северных стран и диковинок в них и на соседнем океане». На ней впервые Скандинавия представлена как полуостров Европы, с севера омываемый океаном. Вполне достоверно изображены на этой карте южные берега Балтийского моря побережье Ютландии, Датские острова, острова Северной Атлантики. Однако главная заслуга Олая Магнуса состояла в первом подробном и довольно верном изображении внутренних пространств Скандинавии: гор на крайнем севере и в центральной части полуострова, горных проходов,

многочисленных рек – они даны без названий, а также крупнейших озер Швеции – Венерн, Веттерн, Меларен, Сильян и ряда меньших.

Поход на Север

В 1603 г. шведский король поручил астроному и математику Андерсу Буре провести топографическую съемку северной части Скандинавии. За 8 лет экспедиция Буре нанесла на карту северные берега Скандинавии на протяжении более 1,8 тысячи километров с многочисленными полуостровами, в том числе Рыбачьим, Варангер, Нордкин с одноименным мысом. Были засняты отделяющие их от основного массива Скандинавии и друг от друга фьорды, в том числе Мотовский залив и Тронхеймс-фьорд. Были положены на карту шведские и финские берега Ботнического залива на протяжении около 900 километров и ряд мелких островов на нем.

Карта Скандинавии по Андерсу Буре, 1635 г.

Основная работа пришлась на съемку рек и озер полуострова. На крайнем севере Буре заснял с небольшими ошибками 16 рек, среди них только одну сравнительно крупную. На карте был показан самый северный водоем Европы – озеро Инари, со многими островами и стоками рек. В 1611 г. по материалам съемки Буре составил «Новый чертеж» северных провинций «государства Швеции, Лаппонии, Ботнии и Каянии». Это была первая достоверная карта Северной Скандинавии; она охватывала также и часть России. Вероятно, сведения о России Буре получил от шведских дипломатов, видевших составленный в

Московском государстве «Большой чертеж» или даже снимавших с него копии – нанесенное на карте Белое море с многочисленными островами у западного берега и в Кандалакшской губе имеет точные очертания. Кроме того, там четко обозначены Онежская, Двинская и Мезенская губы. За Каниным Носом, показанным как остров, к востоку нанесен остров Колгуев. На материке довольно верно изображены озера Ладожское, Онежское с Повенецкой губой, Ильмень, Белое и Чудское.

Открытие Востока

Из Голштинии в Персию и обратно

В 1633 г. уроженец Саксонии Адам Олеарий поступил на службу к голштинскому герцогу Фридриху III и вошел в состав снаряженного им спустя 2 года посольства в Персию. Путь голштинских послов лежал через Балтийское море до Нарвы, потом сушей до Москвы, затем вниз по Волге и через Каспийское море до Дербента, оттуда снова по суше через Шемаху, Ардебиль, Казвин и Кашан в тогдашнюю персидскую столицу Исфахан. Цель этой экспедиции состояла в том, чтобы установить непосредственные торговые отношения с южноазиатскими странами в обход морского пути, которым в начале XVII в. завладели португальцы и голландцы. Но она таки и не была достигнута. Тем большее значение приобрели географические и культурно-исторические сведения о путешествии, предоставленные в подробных и достоверных описаниях Олеария. Труд Олеария «Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно» стал одним из ценнейших источников о Персии (Иране) и России XVII в. Кроме того, в 1654 г. Олеарий опубликовал перевод произведения «Гюлистан» великого персидского поэта Саади.

Вид Исфахана. Изображение из книги Адама Олеария

Когда Олеарий возвращался в 1639 г., московский царь пригласил его к себе на службу в качестве астронома, но Олеарий, недовольный тем, что в России его суеверно считали волшебником и звездочетом, отказался. В 1643 г., когда Олеарий вновь был в Москве, он снова отказался от подобного же предложения. Он так и остался верным слугой герцога Фридриха и его преемника Христиана-Альбрехта до самой своей смерти.

Карстен Нибур в Йемене

В 1761 г. молодой немецкий ученый Карстен Нибур возглавил датскую научную экспедицию, отправившуюся на Ближний Восток. 29 октября 1762 г. отряд высадился в порту Джидда, что на восточном берегу Красного моря. Отсюда начинался путь в глубины Аравии – огромной неведомой страны. Арабы называют ее Джазират-аль-Араб, что означает «Остров арабов». Она и есть почти что остров. Красное море, Индийский океан, Персидский залив омывают ее с трех сторон и лишь на севере полоса Сирийской пустыни соединяет Аравийский полуостров с материком. Европейские географы делили Аравийский полуостров на три области: песчаную равнинную полосу побережья Красного моря – жаркую Тихаму; гористый Хиджаз, лежащий к востоку от Тихамы, и Неджд – плоскогорье между Хиджазом и побережьем Персидского залива. В Хиджазе расположены священные города ислама Мекка и Медина. На юге Аравии, в Йемене, в 1633 г. было создано независимое государство – имамат. В южные районы Йемена никогда не проникали ни турки, ни персы, здесь всегда жили независимые племена и властвовали шейхи – мелкие феодалы, беспрестанно вступавшие друг с другом в междоусобные войны. Территория Йемена, впрочем, как и других районов Аравийского полуострова, для Европы была загадкой. Туда, к Йемену, и надлежало следовать экспедиции.

Нибур и его спутники не стали задерживаться в Джидде. В декабре 1762 г. они погрузились на маленькое оманское судно-самбуку и двинулись вдоль побережья Аравии на юго-восток. У путешественников были рекомендательные письма от купцов из Джидды и Каира, а также от губернатора Джидды. Они были облачены в традиционные раабские одежды, но не скрывали, что они христиане и путешествуют с научными целями. У жителей Йемена это вызывало интерес и одобрение. Путешественники побывали в торговых городах Лохейя и Бейт-эль-Факих, в воспетой арабскими поэтами Сане, в «городе-саде» Таиззе – гора Сабер, у подножия которой он стоит, до высоты 2000–3000 метров покрыта самой пышной растительностью во всей Аравии; в Забиде, где располагался крупнейший во всей Аравии мусульманский университет, и, наконец, в Дамаре, где разводили самых

лучших йеменских лошадей знаменитой арабской породы. Впервые в истории Нибур сумел выполнить точные астрономические определения многих пунктов Аравийского полуострова, составил планы посещенных им крупных городов и карты приморских областей, в частности первые точные карты красноморского побережья Аравии и всего Йемена.

Памятник Карстену Нибуру в Людингворте, Германия

Несмотря на содействие местных властей и английских купцов, живших в Мохе, условия путешествия были столь тяжелы, что спутники Нибура скончались один за другим от разных болезней. Он тоже много болел, но чудом остался жив. В августе 1763 г. Нибур отплывает на английском судне в Бомбей, но спустя несколько месяцев вновь отправляется оттуда в Аравию – в Оман. Отсюда Нибур перебирается на остров Бахрейн, прославленный центр добычи

жемчуга. Отсюда его путь вновь лежит в пески Аравии – в Хиджаз, в прибрежную область Красного моря и в область священных городов Мекки и Медины. В Аравии и Иране, на южное побережье которого Нибур прибыл в январе 1765 г., путешественник особое внимание уделял развалинам древних городов, в том числе Персеполя, где точно скопировал ряд клинописных надписей. Рисунками Нибура в дальнейшем воспользовался Георг Гротефенд – немецкий ученый, положивший начало дешифровке древнеперсидской клинописи.

Через Сирию, Палестину и Кипр Карстен Нибур в 1767 г. вернулся в Данию. Его труд «Описание Аравии» был впервые опубликован в 1772 г.

Путешествие Али-бея по Аравии

В январе 1807 г. в Джидду в сопровождении многочисленных слуг прибыл весьма знатный паломник по имени Али-бей. Даже склонный к подозрениям местный шериф счел его арабский язык и манеры безупречными. В действительности путешественника звали Доминго Бадья-и-Леблих, и был он уроженцем Барселоны. Еще в 1801 г., получив тайное задание от испанского правительства, Бадья-и-Леблих предпринял путешествие в Северо-Западную Африку, где должен был подготовить переворот против султана Марокко. Собственноручно совершив над собой обряд обрезания и изготовив родословные грамоты на имя Али-бея, снабженные всеми необходимыми печатями и подписями, он высадился в Танжере. Султан встретил его как друга и брата; испанский король Карл IV отказался платить за доверие неблагодарностью и отозвал Али-бея – переворот не состоялся. Теперь путешественнику предстояло совершить дальнюю и опасную поездку в Мекку.

Доминго Бадья-и-Леблих

Первый визит в этот священный город потряс Али-бея до глубины души. Первым из европейских путешественников он подробно рассказал Западу о паломничестве в Мекку, которое он увидел глазами мусульманина. Единственному из европейцев, посетившему Мекку, ему удалось увидеть внутреннюю часть Каабы и участвовать в уборке храма – честь, которая предоставлялась лишь шерифу и немногим другим знатым лицам, им приглашенным. Судя по описаниям Бадья-и-Леблиха, мечеть и ее главная часть – Кааба находились там же, где и сейчас. Даже электрические фонари, пришедшие на смену прежним стеклянным зеленым колпакам, подвешенным к перекладинам, опирающимся на тонкие стойки, расположены в точности так же.

Путешественник не успел пробыть в священном городе и нескольких дней, как в Мекку вошла армия ваххабитов, чтобы

«исполнить обряд паломничества и завладеть этим священным городом». По дороге Али-бей встретил караван служителей, изгнанных ваххабитами из святого места. Служители сообщили ему, что ваххабиты разрушили все украшения гробницы пророка, закрыли и опечатали все двери храма и что эмир Сауд завладел несметными богатствами, накапливавшимися там на протяжении многих веков. Путешественнику лично пришлось столкнуться с новыми порядками: отправившись в Медину с караваном, он был остановлен новыми хозяевами святых мест в нескольких лье от священного города. И пока патрульные были поглощены тем, что делили между собой его деньги и часы, он уничтожил свою коллекцию насекомых и растений, собранную за все время пути, так как она могла его скомпрометировать. Путешественнику ничего не оставалось, как отправиться в обратный путь. В 1807 г. Бадья-и-Леблих вернулся в Испанию.

Ульрих Гаспар Зетцен: приключение с трагическим финалом

В 1802 г. Ульрих Гаспар Зетцен, выпускник Гёттингена, отправился в далекое путешествие в Сирию. Прибыв в мае 1804 г. в Халеб (Алеппо), он занимался изучением арабского языка, делал выписки из трудов восточных географов и историков, а весной 1805 г. совершил поездку по центральным районам Сирии, посетив попутно Дамаск. В этой области сохранилось много памятников Античности. Путешественника манили малоизученные пространства на восточном берегу Иордана и Мертвого моря. С большим трудом ему удалось найти проводника. 19 января 1806 г. они выехали из Дамаска. Вместе со своим проводником Зетцен прошел все земли, лежащие за Мертвым морем до самых границ Аравии, в поисках следов древнего города Петра. Он собрал ценные сведения о свойствах воды Мертвого моря, исправил ошибки на картах, отыскал и описал развалины многочисленных древних городов, свидетельствовавших о былом процветании этих мест в эпоху Римской империи. Спустя 9 месяцев Зетцен вторично объехал Асфальтовое озеро (Мертвое море), уточнив и пополнив свои первоначальные наблюдения. Затем путешественник перебрался в Каир, где провел 2 года, собирая сведения о внутренних областях Египта и Аравии.

Вид на Халеб. Гравюра XVIII в.

В апреле 1809 г. Зетцен покинул Каир и через Суэц направился в Аравию. Для того чтобы получить возможность увидеть священные города ислама, Зетцен выдал себя за мусульманина-прозелита, желающего завершить свое обращение путешествием в святые места. 10 октября он с караваном паломников прибыл в Мекку. Стараясь не привлекать к себе внимания, путешественник занимался составлением плана города, а также астрономическими наблюдениями, давшими возможность определить его географические координаты. После Мекки Зетцен смог попасть в Медину, куда паломники отправлялись тайком, так как захватившие город ваххабиты запрещали «правоверным посещение всех мест паломничества, за исключением Мекки». В Медине Зетцен начертил план города и сделал несколько рисунков.

23 марта 1810 г. Зетцен отплыл из Джидды в Ходейду, один из главных портов Йемена. Незадолго до этого по этой стране прокатилась междоусобная война, многие города были разрушены. 2 июня Зетцен

приезжает в Сану, столицу Йемена, которую он назвал прекраснейшим из городов Востока. Отсюда путешественник отправился на поиски древних надписей, о которых было известно еще Нибуру. В своих поисках Зетцен добирается до Зафара (Дофара) – согласно греческим авторам, это древняя столица химьяритских царей. Здесь Зетцен впервые находит остатки надписей на камнях. Сделанные им копии и зарисовки он отправляет в Европу – так наука впервые познакомилась с химьяритской письменностью.

В старой Джидде. Неизвестный художник

По дорогам внутреннего Йемена Зетцен намеревался пройти до Персидского залива, однако местные жители заподозрили в нем шпиона и волшебника, отобрали и уничтожили собранные ученым естественно-научные коллекции под тем предлогом, что он пользуется трупами животных для совершения магических обрядов. Зетцен поспешил в

Сану, чтобы пожаловаться имаму, но в декабре 1811 г. неожиданно скончался в Таиззе. Полагают, что он был отравлен.

Шейх Иоганн

Иоганн Людвиг Буркхардт с детства мечтал о далеких путешествиях. Его неудержимо манили таинственные страны арабского Востока, о которых в начале XIX в. в Европе рассказывали небывлицы, в которых вымысла было больше, чем правды. Однако, когда в 1809 г. Буркхардт отправился на Восток, перед ним сразу встала проблема: кем он должен выглядеть в глазах местного населения? Выдать себя за араба? Остаться европейцем? И то и другое рискованно. Он придумывает себе имя и биографию: отныне он – Ибрагим ибн Абдалла, индийский купец, мусульманин... Правда, для этого следовало еще знать и Индию, но ведь не зря же Буркхардт столько лет учился – и в родной Швейцарии, и в Лейпциге, и в Геттингене, и в Кембридже! И вот купец Ибрагим ибн Абдалла уже рассказывает своим новым сирийским знакомым в Алеппо о том, какой прекрасный жемчуг добывается в океане недалеко от Бомбея... Он осваивает разговорный арабский язык и его диалекты, изучает турецкий язык. Много месяцев отнимает у него доскональное изучение Корана и комментариев к нему. Он старается узнать обряды, быт и нравы арабов.

В сентябре 1810 г. Буркхардт покинул Алеппо и в одиночку отправился в далекое путешествие. С вершин Ливана он спустился к истокам Иордана, побывал в Сирии и Палестине, посетил развалины античных городов Пальмиры и Апамеи. Иоганн Буркхардт первым из европейцев увидел Петру – легендарный скальный город, о котором писали древние географы – Диодор, Эратосфен, Страбон, Плиний, Птолемей. В наше время тысячи туристов приезжают сюда на автобусах и автомобилях. Они спешат увидеть сказочный город, вырубленный в розовых скалах, и мало кто знает, что открыл его для всего мира швейцарский путешественник Иоганн Людвиг Буркхардт...

В марте 1813 г. Буркхардт отправляется к верховьям Нила. В Фивах, где сосредоточено наибольшее количество памятников древнеегипетского искусства, Буркхардт обнаружил остатки храмов, засыпанных землей и песком, огромную гранитную голову, торчащую среди руин. Он назвал ее головой Мемнона – легендарного сына богини утренней зари Эос и нубийского царя. Следующее открытие необыкновенной важности было сделано им у самой границы Судана.

От случайного попутчика он услышал однажды странное название Ибсамбал: так арабы именовали загадочный древний храм с фигурами богов. Вместе со слугой Буркхардт отправился в указанное ему место. Изучая западный берег Нила, он вдруг увидел словно выросшие из-под земли огромные пилоны, между которыми возвышались огромные статуи. Позади – странное сооружение вроде украшенного нишами фасада, прилепленное к скале, а может быть, высеченное в ней. Вокруг – пустыня. И фигуры, и скала, и вход в нее – все засыпано толстым слоем песка... Пройдет немного времени, и археологи раскроют тайны этого величественного сооружения. Сейчас невозможно представить себе историю Египта без открытого Буркхардтом всемирно известного храмового комплекса Абу-Симбел.

Легендарная Петра, какой ее увидел Буркхардт

Весной 1814 г. Буркхардт отправляется в Нубийскую пустыню. До Красного моря он дошел с караваном, которые вез в порт Суакин табак, ткани и рабов. После 10-дневного плавания по Красному морю путешественник высадился в Джидде. Отсюда Буркхардт рассчитывал отправиться в священный город мусульман Мекку, однако «индийского купца» приняли за английского шпиона. Ученый кади Садык-эфенди устроил Буркхардту настоящий экзамен по исламской теологии, после чего объявил, что это самый лучший знаток Корана и шариата, какого он когда-либо встречал, – настоящий шейх!

7 сентября Буркхардт, погрузив вещи на осла, отправился в Мекку. Он вел себя свободно, как прирожденный мусульманин. Едва ли кто-нибудь из европейцев осматривал Мекку столь же тщательно, как Буркхардт. Он изучил все улицы и переулки, обошел все кварталы, вычертил подробный план города. Его переполняли впечатления. Позднее все они войдут в его книгу «Путешествия по Аравии», которая выйдет в свет в 1830 г. К этой книге – 704 страницы! – приложены планы, карты, рисунки, ноты арабских песен. Никогда ни до Буркхардта, ни после него Европа не получала столь подробных сведений о священной земле ислама.

Иоганн Людвиг Буркхардт

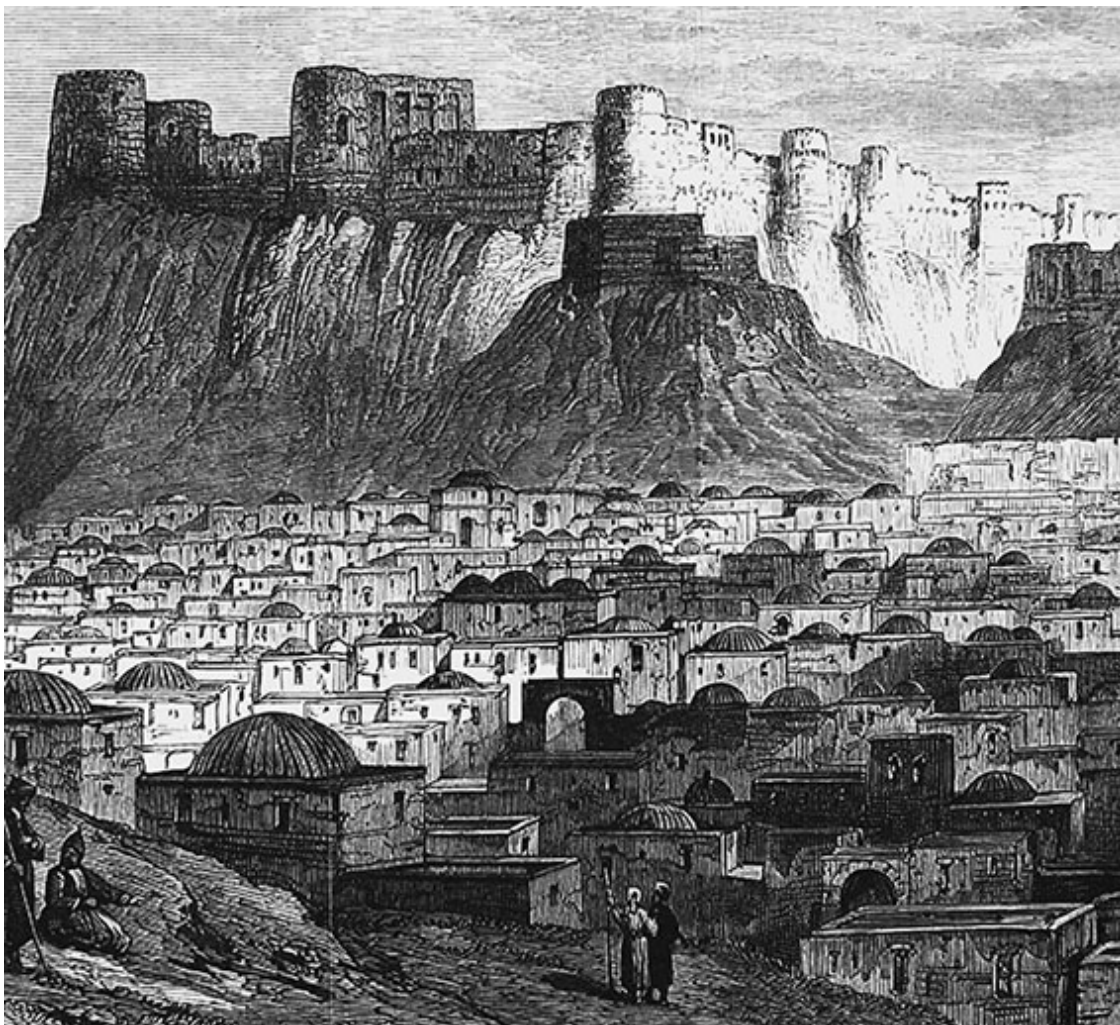
24 июня 1815 г. путешественник вернулся в Каир. Трудности, лишения, болезни подорвали его здоровье, опустошили физически и духовно. И все же в апреле 1816 г. он снова отправляется в путь – на этот раз в пески Синайского полуострова, к племенам бедуинов. Он подробно описал их жизнь, занятия, привычки, одежду, оружие... После этого Буркхардту предстояла дорога на юг, в глубь Сахары, к Нигеру и Тимбукту, однако в октябре 1817 г., путешественник заболел тяжелой формой дизентерии. Болезнь длилась всего 5 дней...

Тело Иоганна Буркхардта было погребено на мусульманском кладбище в северо-восточной части Каира, со всеми почестями, положенными шейху и хаджи. Он прожил всего 33 года. При жизни Буркхардта ничего из написанного им опубликовано не было. Лишь с 1819 г. начали выходить его обширные труды «Путешествие в Нубию», «Путешествие в Аравию», «Путешествие по Сирии и Палестине», «О бедуинах и ваххабитах», «Арабские пословицы и поговорки»... «Мало кто из путешественников был наделен такой тонкой наблюдательностью, – писал о Буркхардте один из современников. – Он

обладал особым чутьем, помогавшим ему распознавать истину даже в тех случаях, когда он не мог руководствоваться личными наблюдениями... Его всегда трезвые рассказы насыщены фактами, и тем не менее они читаются с бесконечным наслаждением. Он заставляет в них любить себя и как человека, и как ученого, и как превосходного наблюдателя».

Опасный путь в Персию

В январе 1810 г. два британских офицера, Чарлз Кристи и Генри Поттинжер, высадились в небольшом портовом городке неподалеку от Карачи и под видом торговцев лошадьми направились на север. Целью их опасного путешествия являлось топографическое и географическое исследование глубинных районов Персии и Афганистана. Пройдя через заболоченную низменность Ласбела, путешественники поднялись в горы и, сильно страдая от холода, добрались до Калата, тогдашней столицы Белуджистана. После короткой остановки в городе Кристи и Поттинжер пошли на запад, через бесплодный унылый край, и в марте прибыли в Нушки (современный Пакистан), где разделились, чтобы собрать больше сведений о стране. Кристи двинулся на запад и вышел к реке Гильменд. Переправившись через нее, он пошел на север через Систанскую равнину, усеянную руинами древних городов, и в августе прибыл в Герат. Проведя в этом городе около месяца, Кристи вновь отправился в путь – на этот раз на запад. По большой караванной дороге он добрался до Исфахана, столицы Персии, пройдя по совершенно неисследованным землям восточной части Иранского нагорья более 1600 километров.

Герат, Афганистан. Середина XIX в.

Между тем Поттинжер, оставшийся в Нушки, получил в конце марта 1810 г. тревожные вести: английских офицеров разыскивают местные власти. Поттинжер поспешил покинуть город. Следуя долиной пересыхающей реки Баддо, он оказался среди красных песков Белуджистанской пустыни, подобно огромному морю тянущейся с востока на запад. Поттинжер отыскал в этом неприветливом краю высохшее русло какой-то речки. Решив, что она должна впадать в океан, путешественник пошел вдоль русла, но в итоге заблудился в пустыне. Ему пришлось пережить страшную песчаную бурю – самом, сменившую сильным дождем, и все же благополучно достичь цветущей зеленой долины у подножия Иранского нагорья. Отсюда Поттинжер направился на запад и вышел на караванную дорогу, по которой в мае 1810 г. добрался до Йезда. Он в одиночку прошел вдоль южной

окраины Иранского нагорья, о которой географы той поры не имели никакого представления, более 1500 километров. Вернувшись на родину, Поттинжер опубликовал книгу «Путешествия в Белуджистан и Синд», включив туда дневник Чарлза Кристи, который, как оказалось, был убит в Исфахане в 1812 г.

Марш через Аравийский полуостров

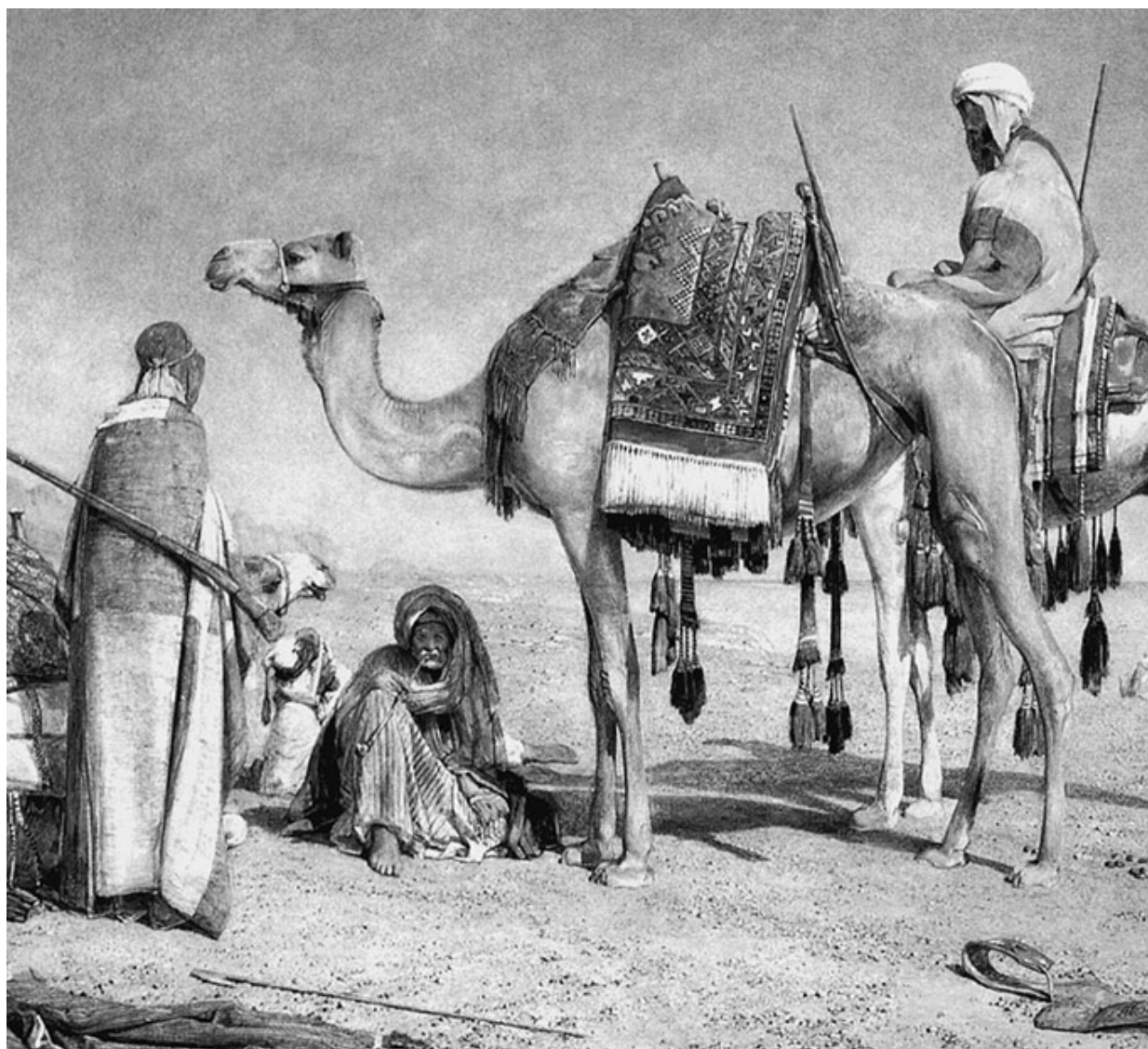
В египетской армии, прошедшей в 1818 г. с запада на восток через всю Аравию, находилось несколько военных советников и врачей из Европы, но никто из них не оставил записок об этом походе. Так что вся слава первооткрывателя центральных областей Аравии досталась английскому офицеру Джону Форстеру Сэдлиеру. Вице-губернатор Индии направил его с поручением к египетскому командующему. В июне 1819 г. Сэдлиер высадился в Эль-Катифе на побережье Персидского залива, где находился один из египетских отрядов, и узнал, что армия уже начала отступление из Аравии. Сэдлиер принял решение идти в сопровождении охраны через полуостров, рассчитывая нагнать командующего. Почти 3 месяца он шел по Аравии, постепенно поднимаясь от приморской низменности на востоке через пустынную равнину, центральное плато и плоскогорье до Янбо (побережье Красного моря). С помощью компаса определял направление дороги и отмечал расстояния между всеми пунктами маршрута. Из дневника Сэдлиера, опубликованного в 1866 г., европейцы получили первые достоверные (пусть и очень скудные) данные о центральной полосе Аравийского полуострова протяженностью более 1200 километров, до того времени совершенно неизвестной географам.

Барон Вреде в песках Хадрамаута

Барон Адольф Густав фон Вреде, уроженец Баварии, отправился на Восток в поисках неизведанных тайн. Он стремился проникнуть в такие районы, куда европейцев, как иноверцев, не пускали. Для этого нередко переодевался, перевоплощался, выдавал себя за мусульманина. В 1826 г. Вреде высадился на побережье Малой Азии, в Смирне (Измир), и в сопровождении одного турецкого купца отправился в путешествие в Багдад. Во время Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. Вреде служил военным советником в турецкой армии, потом ненадолго вернулся на родину. Однако Восток неудержимо манил его, и барон снова отправился в путешествие. Находясь на турецкой службе, он немало поездил по Египту и Малой Азии, а в 1843 г. вознамерился пройти древним караванным путем через Хадрамаут в Южной Аравии. До него здесь не бывал еще ни один европеец.

Вреде отправился в этот дальний и опасный путь из Эль-Мукаллы, маленького портового города на южном берегу Аравии. В своих записках он описывает трудности пути по пустынному плоскогорью, где ничто – ни деревья, ни кусты – не нарушало однообразия необъятной равнины. Однако даже по сыпучим пескам, которые ветер нагоняет на караванную тропу, образуя местами целые барханы, выносливый верблюд способен передвигаться с хорошей скоростью: с поклажей 300–450 килограммов он преодолевает 30–35 километров в сутки. А верховой верблюд пробегает с седоком без остановки и до 130 километров. Есть за что любить бедуину своего друга! Быстроходные отряды бедуинов нападали на путешественников, не забывая «гуманно» оставить обобранным до нитки купцам несколько верблюдов и указать путь до ближайшего оазиса. Барон Вреде миновал подобной участи. У него был верный и надежный проводник. Путешественник благополучно достиг Эль-Хурайбы, откуда двинулся на юго-запад до побережья и далее до Джауль-эш-Шайха. Он выдавал себя за египтянина по имени Абд эль-Худ, совершающего паломничество к могиле знаменитого пророка Худа. Однако даже безупречное знание языка не спасло его от подозрений. Дважды ему угрожали возмущенные толпы, а в Сифе он был пленен и ограблен тамошним султаном. Только благодаря заступничеству одного ученого араба

путешественника не казнили, а выслали обратно в Эль-Мукаллу. Отсюда Вреде добрался до Адена и морским путем через Красное море вернулся в Египет. Его рассказы наделали в Европе много шума. Некоторые авторитетные ученые скептически отнеслись к сообщению Вреде, но, как оказалось, зря. Однако потребовалось 130 лет, чтобы с барона сняли последние обвинения в хвастовстве и лжи.

Бедуины на привале

Георг Валлин в Аравии

Заветным желанием финского ориенталиста Георга Августа Валлина было проникнуть туда, где не бывал еще ни один европейский ученый, – в самое сердце Аравии. Между тем путешествие по Аравии в первой половине XIX в. было делом чрезвычайно опасным: любому иностранцу здесь грозила неминуемая смерть. Надеяться на защиту охранных грамот от турецких властей не приходилось: подавляющее большинство местного населения читать не умело.

Мечта Валлина исполнилась в 1843 г. Получив в Хельсинкском университете стипендию, он приехал в Каир и до весны 1845 г. совершенствовался в языке. Наконец, Валлин под видом мусульманина Абд-уль-Вали отправился в путешествие. Его путь лежал на север и затем на восток через земли кочевых племен хувейтат, шарарат и аназа. Более 3 недель продолжался этот этап путешествия, закончившийся в Эль-Джауфе, многолюдном оазисе в глубине Сирийской пустыни. Валлин провел здесь около 4 месяцев. К югу от Эль-Джауфа лежала вторая, самая трудная часть пути – через песчаную пустыню Нефуд во внутреннюю Аравию. В летние месяцы отсюда уходят даже бедуины, караван же из-за жары может идти только ночью. Только через 5 дней пути маленький караван добрался до первого селения Центральной Аравии – Джуббы. В его окрестностях Валлин посетил гору Джебель-Муслиман и нашел здесь много древних надписей и наскальных рисунков – верблюдов, всадников, вооруженных длинными копьями, диких животных. Еще несколько дней пути, и путешественник вступил в Хаиль – столицу эмирата Джебель-Шаммара. Валлин стал первым европейцем, попавшим в эту страну.

Георг Август Валлин в арабской одежде

Из Хаиля путешественник намеревался двинуться на юго-восток, в столицу Недждского эмирата Эр-Рияд, чтобы оттуда добраться до Йемена. Но длительное путешествие и двухмесячное пребывание в столице Джебель-Шаммара полностью истощили его кошелек. Пришлось возвращаться в Каир. С одним из караванов, шедшим через Медину в Мекку, Валлин в конце ноября покинул Хаиль. Весной 1846 г., пробыв в Аравии почти год, он благополучно добрался до побережья Красного моря и через Джидду отплыл в Египет.

Второе путешествие по Аравии Валлин предпринял в 1848 г. На этот раз исследователь избрал другой путь. На картах того времени белым пятном оставалась часть Северо-Западной Аравии – Мадиян древних географов. Чтобы собрать сведения об этом районе, Валлин решил пройти в Неджд с запада, из порта Мувайла на побережье

Красного моря. Он пересек и описал горный массив эш-Шефа; потом, продолжая идти на восток, миновал обширное пространство, покрытое застывшими потоками лавы, и первым из европейцев вышел к большому селению Тайма, упоминаемому еще античными географами. К концу весны путешественник во второй раз добирается до Хаиля, намереваясь идти отсюда в южный Неджд. Однако местные жители узнали о его европейском происхождении. После этого идти дальше было уже нельзя. Так Валлин вторично должен был остановиться на полпути к цели...

Из Хаиля путешественник направился в Багдад, а затем еще целый год путешествует по Ираку, Ирану и Сирии, покуда отсутствие средств не заставляет его осенью 1849 г. оставить Восток и вернуться на родину.

Валлин стал первым исследователем Северной Аравии, описавшим пустыню Большой Нефуд, хребты на северо-западе и центральное плато. По неизученной территории прошел более 1300 километров. По его данным и при его непосредственном участии в Лондоне была составлена лучшая по тем временам карта северных и центральных районов Аравийского полуострова.

Карло Гуармани в городе «темнокожих иудеев»

Итальянец Карло Гуармани отправился в Аравию, идя по стопам своего предшественника, финна Георга Валлина. Он вышел в путь 26 января 1864 г. в костюме бедуина, выдавая себя за торговца лошадьми; его сопровождали шейх одного из бедуинских племен и два всадника-араба. У Гуармани были с собой два рекомендательных письма к вождям местных племен, в которых он представлялся как закупщик лошадей, посланный турецким правительством, однако это была слабая защита: если бы путешественника разоблачили, его не спасли бы никакие письма.

Как настоящий бедуин, не имея при себе ничего, кроме изношенной одежды, теплого плаща из кожи ягненка и меха с водой, Гуармани приехал в селение Тайма, где до него уже побывал Валлин. Отсюда его путь лежал в Хайбар, город, расположенный неподалеку от караванной дороги на Медину. Об этом городе сообщал еще средневековый путешественник Лодовико ди Вартема; он писал, что его населяют 4–5 тысяч «обрезанных иудеев, темнокожих и ненавидящих мавров». Местный губернатор гостеприимно встретил «турецкого» эмиссара, так что Гуармани смог осматривать город столько, сколько хотел. Население его в действительности составляли не «темнокожие иудеи», а потомки эфиопских рабов; их отношения с бедуинами («маврами») оставались сложными и во времена Гуармани. Темнокожие жители города ежегодно должны были выплачивать своим соседям чувствительную дань.

Дальше на восток Гуармани намеревался идти с кочевым бедуинским племенем атайба, к которому путешественник присоединился, оставив Хайбар. Но это племя в то время находилось в состоянии войны с саудовским эмиром Фейсалом ибн Саудом. Гуармани, однако, стремился увидеть Неджд и встретиться с эмиром Фейсалом и его сыном. Однако неподалеку от резиденции эмира его остановил отряд бедуинов. Рекомендательные письма не помогли: путешественнику пришлось поворачивать назад. Гуармани направляется по маршруту, уже пройденному Валлином, но в обратном направлении...

Конный караван бедуинов

Из Дамаска он возвратился в Иерусалим. Опубликованная им по результатам путешествия книга содержала интересные подробности о жизни бедуинских племен и изобиловала новыми сведениями о ранее неизвестных районах Центральной Аравии.

Азиатские странствия Арминия Вамбери

Арминий Вамбери, журналист и профессор Будапештского университета, был убежден, что корни венгров следует искать в Азии. Первой его целью стал Стамбул. Он прибыл сюда в 1857 г. и сразу окупился в стихию турецкого языка, который до этого был ему знаком лишь по книгам. Вскоре по всей турецкой столице разнеслась молва о чужеземце, который читает в кофейнях «Ашик Кериб» совсем как настоящий турок! Единственный из европейцев, он получил разрешение учиться в медресе – мусульманской школе – и вскоре мог на равных с исламскими богословами участвовать в религиозных диспутах.

Арминий Вамбери в облачении дервиша

При близком знакомстве с турецким языком Вамбери нашел в нем, особенно в его восточном, хангатайском, диалекте много общего с венгерским. Может быть, древние мадьяры действительно были связаны родственными узами с турками? В поисках ответа на загадку нужно было идти дальше на восток – в Персию, в Афганистан, в степи Туркменистана... Вамбери решил, что второе путешествие он совершит именно туда.

В 1861 г. Вамбери возвращается в Венгрию. Будапештская академия наук дает добро на новое путешествие в Азию, но средств выделяет, увы, до обидного мало. Для того чтобы отправиться на Восток, Вамбери пришлось надеть личину странствующего дервиша. В таком виде он под именем Решид-эфенди отправился в путь из турецкого порта Трапезунд (теперешний Трабзон) вместе с небольшим караваном. В Тебризе Вамбери был представлен персидскому шаху и получил от него грамоту, скрепленную печатью, что было весьма важно для дальнейшего путешествия: к шахской грамоте с почтением относились вожди туркестанских племен. И снова дервиш Решид-эфенди отправляется в путь верхом на осле... Путешественник вскоре привык к жаре, дождям и ветру, научился спать в седле и ездить на любом вьючном животном. Он учил новые языки, наблюдал нравы и обычаи местных жителей. Одним из первых европейцев Вамбери посетил Герат, Мешхед, Шираз, Бухару и Хиву. Пребывание в Бухаре осталось памятно для него сердечными встречами с ученым и поэтом Рахим-беем – они по очереди читали друг другу стихи персидских поэтов... Свои путешествия Вамбери описал в книгах «Путешествия по Средней Азии», «Сцены из жизни Средней Азии», вызвавших живой отклик читающей публики и ученых.

Старая Хива

Вокруг света

«Ты первый обошел вокруг меня»

К 37 годам португалец Фернан Магальяниш (испанцы называли его на свой лад – Фернандо Магеллан) уже имел за плечами богатую биографию. Вместе с эскадрой адмирала д'Алмейды он побывал в Индии, на далеких Молукках – Островах пряностей. Португальцы ходили в Индию путем, открытым Васко да Гаммой, в обход Африки. Магеллан, побывав на Молукках и вспомнив все, что до сих пор говорили об этих землях европейские картографы, задумал пройти иным путем, отправившись от берегов Пиренейского полуострова на запад. По существу, его идея возрождала давний проект западного морского пути в Индию, которым пытался пройти Колумб, открывший вместо Индии Америку. Разница была в том, что Магеллан уже знал, что Америка существует. Он был уверен, что океан, омывающий Молуккские острова с запада, а Америку с востока – один и тот же. И вероятно, он не настолько велик, чтобы его нельзя было пересечь...

10 августа 1519 г. от причалов Севильи в далекий путь вышли 5 кораблей, ведомых Магелланом. Экспедиция шла вдоль берегов Западной Африки. На широте Зеленого Мыса началась полоса штормов и встречных ветров. Шестьдесят дней подряд хлестал дождь. Густая серая пелена накрыла корабли. Однако наконец погода прояснилась. Корабли быстро шли на юго-запад. 23 ноября вдали показался бразильский берег...

Идя вдоль побережья Южной Америки, в конце марта 1520 г. корабли Магеллана достигли 45° ю. ш. Здесь, в небольшой, укрытой от ветров бухте, остановились на очередную стоянку. Недовольство начальником экспедиции, зревшее среди командиров кораблей и части команды, прорвалось: в ночь на 1 апреля вспыхнул бунт. Экипажи трех кораблей – «Виктория», «Консепсьон» и «Сан-Антонио», возглавляемые своими капитанами, – отказались подчиняться Магеллану. Моряки, оставшиеся верные начальнику экспедиции, частью были заколоты, частью закованы в цепи. Ночью мятежники пытались покинуть бухту. Началось настоящее сражение...

Утром Магеллан послал на мятежную «Викторию» верных ему людей. Капитан судна отказался подчиняться приказам начальника экспедиции и был убит. Два других мятежных корабля тоже вынуждены

были сдать. Порядок был восстановлен. Магеллан горел нетерпением обогнуть Америку и наконец выйти в Великое Южное море. В конце апреля корабль «Сант-Яго» получил приказ разведать дорогу на юг. Его возвращения ждали долго. Наконец, на берегу появились два человека – усталые, замерзшие, голодные. Это были матросы с «Сант-Яго». Они принесли дурные новости: корабль разбился на скалах...

Фернан Магеллан

Наступил май, а за ним июнь – в Южном полушарии это начало зимы. Эскадра осталась на зимовку у побережья Патагонии. 24 августа корабли Магеллана, наконец, вышли из бухты Сан-Хулиан и двинулись на юг. 21 сентября обогнули мыс, который моряки называли мысом Одиннадцати Тысяч Дев. За ним среди мрачных утесов виднелся узкий извилистый проход, который мог быть или устьем реки, или проливом. Попробовали воду: она оказалась соленой. Очевидно, это и есть долгожданный проход в Великое Южное море...

Вдоль берегов тянулась цепочка заснеженных горных вершин. Ночью в глубине неведомой земли пылали огни множества костров, разожженных туземцами. Испанцы назвали ее «Тьерра-дель-Фуэго» – «Огненная Земля». В этом узком и мрачном проливе эскадра Магеллана лишилась еще одного корабля: под покровом ночи исчез «Сан-Антонио». Позже выяснилось, что его команда попросту повернула назад и вернулась в Испанию.

18 ноября 1520 г. три оставшихся корабля вышли в океан. Стояло время штилей, и, очарованный его спокойной гладью, Магеллан назвал этот океан Тихим. Переход через него оказался самым тяжелым испытанием для моряков.

Тихий океан в своей центральной и западной частях буквально кишит островами, однако волею судьбы корабли Магеллана почти за 4 месяца так и не встретили суши. Запасы воды и провизии таяли с каждым днем. Моряки питались кожей, древесными опилками, корабельными крысами. Наконец, 6 марта на горизонте показалась земля. Это был один из островов Микронезии, затерянный в океане. Туземцы встретили пришельцев недружелюбно: произошла стычка. Пополнить припасы практически не удалось. Моряки снова снялись с якоря и вышли в море.

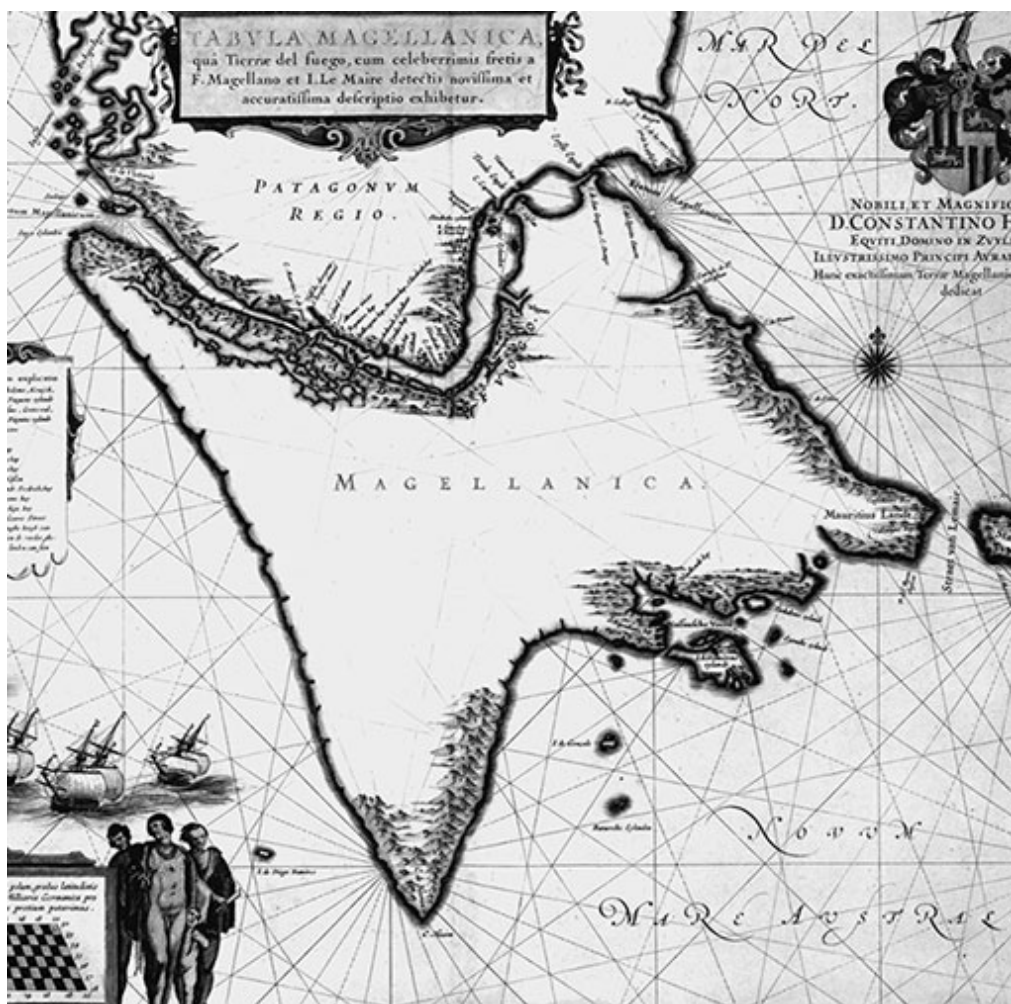
16 марта путешественники подошли к острову Самар (в группе Филиппинских островов). Его жители оказались гораздо более гостеприимными. Здесь моряки получили вволю продуктов и пресной воды. На следующем филиппинском острове, Себу, Магеллан понял, что цель его путешествия уже где-то близко: один встретившийся им туземец знал язык слуги Магеллана, вывезенного им с Малакки. Однако добраться до желанной цели мореплавателю было не суждено: 27 апреля 1521 г., вмешавшись в межплеменные распри жителей острова, он был убит.

Эскадра, лишившаяся своего адмирала, двинулась дальше. Командование принял Эль-Кано, капитан «Консепсьона». Людей оставалось слишком мало. Один корабль – «Консепсьон» – пришлось сжечь. Изрядно обветшавший «Тринидад» давал сильную течь. «Виктория» под командованием Эль-Кано ушла далеко вперед. Командир «Тринидада» Эспиноса сделал было попытку вернуться в Америку, но раздумал, повернул назад и кое-как сумел добраться до Молуккских островов.

Гибель Магеллана

«Виктория», имея на борту 47 испанцев и 13 туземцев, шла через Индийский океан. Потрепанный корабль давал течь, провизии не хватало. В пути часть экипажа умерла от болезней, некоторые были казнены за провинности, другие убиты в стычках. Несколько раз корабль подвергался нападениям португальцев. Когда «Виктория» зашла за припасами на острова Зеленого Мыса, португальцы хотели задержать ее. Тогда Эль-Кано, подняв паруса, бежал из гавани, оставив часть своих людей на берегу.

Древняя карта Магелланова пролива. 1635 г.

8 сентября 1522 г., после трехлетнего отсутствия, «Виктория» причалила к набережной Севильи. Из 256 человек, ушедших с Магелланом, на берег сошли всего 18, причем все они были измучены до крайности. Встречали их как истинных героев. Действительно, это были герои: нужно было обладать исключительным мужеством и настойчивостью, чтобы довести это беспрецедентное плавание до логического финала. Два имени руководителей экспедиции – Магеллана и Эль-Кано – следует поставить рядом друг с другом. Магеллан задумал и добился осуществления экспедиции, он только благодаря его настойчивости был открыт пролив, который по праву носит его имя, и именно он впервые пересек океан, который называют Великим. Однако первое кругосветное плавание совершил все же Хуан-Себастьян Эль-Кано. После возвращения король возвел его в рыцарское достоинство, а

на гербе Эль-Кано появилось изображение земного шара, окруженное надписью: «Ты первый обошел вокруг меня».

Первое плавание русских кораблей вокруг света

В июле 1803 г. из Кронштадта в первое в истории русского флота кругосветное плавание отправились шлюпы «Надежда» и «Нева». Это предприятие совместно финансировалось Российско-Американской компанией и русским правительством. Начальником экспедиции и капитаном «Надежды» был назначен Адам (в России его называли Иваном) Крузенштерн, «Невой» командовал Юрий Лисянский.

Плавание к берегам Бразилии, длившееся почти 2 месяца, было очень изнурительным. 14 ноября 1803 г. русские корабли впервые в истории отечественного флота пересекли экватор. В феврале 1804 г. экспедиция обогнула мыс Горн, вышла в Тихий океан и направилась к Гавайским островам, где их пути должны были разойтись: «Неве» предстояло идти к острову Кадык за грузом пушнины, а «Надежде» – в Японию, чтобы доставить туда русское посольство, а затем на Камчатку, также за пушниной. Однако из-за густого тумана и шторма, разыгравшегося у мыса Горн, «Надежда» и «Нева» потеряли друг друга гораздо раньше. Крузенштерн взял курс к берегам Японии. Лисянский, не зная об этом решении, направился к острову Пасхи, где была условлена встреча обоих кораблей в случае, если они потеряют друг друга. Не найдя здесь «Надежды», «Нева» направилась к Маркизским островам, и 29 апреля встретила с «Надеждой» у острова Нука-Хива. 13 мая русские корабли вновь пересекли экватор, только теперь уже с юга на север. Дальнейший их путь лежал через Гавайские острова. Здесь мореплаватели расстались: Крузенштерн пошел на запад, к Японии, а Лисянский – на северо-восток, к берегам Северной Америки.

На пути к Нагасаки «Надежда» попала в страшный шторм. Буря несла корабль прямо на прибрежные скалы, и только изменившееся в последнее мгновение направление ветра спасло корабль от гибели. Пройдя вдоль западного побережья Японии, Крузенштерн добрался до Сахалина и отсюда взял курс на Камчатку. Из гавани Петропавловска «Надежда» совершила короткий рейс к берегам Сахалина, который Крузенштерн ошибочно считал полуостровом. В середине августа

1805 г. «Надежда» возвратилась на Камчатку, откуда вышла в Кантон (Гуанчжоу) для встречи с «Невой».

Между тем «Нева», покинув Гавайские острова, направилась к острову Кадьяк, куда пришла 1 июля 1804 г. Во владениях Российско-Американской компании «Нева» пробыла более года. За это время Лисянский обследовал остров Кадьяк и восточное побережье Аляски. В августе 1805 г. «Нева», приняв на борт груз пушнины, направилась в Кантон. Более месяца шлюп шел через Тихий океан, не встречая никаких признаков земли, но поздним вечером 3 октября 1805 г. корабль неожиданно сел на рифы близ неизвестного необитаемого острова; чтобы снять его с мели, потребовалось приложить немало усилий. А 10 ноября, когда «Нева» уже миновала Марианские острова, началась сильнейшая буря, которая буквально положила корабль на бок. Невероятными усилиями команды судно удалось спасти. 22 ноября «Нева» прибыла на рейд Макао, где в это время уже находилась «Надежда». В феврале 1806 г. оба корабля отправились в дальнейший путь через Южно-Китайское море и Индийский океан в Европу. В середине апреля у мыса Доброй Надежды корабли в тумане опять потеряли друг друга из виду, и дальнейший путь уже прошли по отдельности. 22 июля 1806 г. «Нева» бросила якорь на Кронштадтском рейде, а две недели спустя сюда пришла и «Надежда». Первое плавание русских кораблей вокруг света завершилось.

«Нева» в гавани Св. Павла на острове Кадьяк. Гравюра по рисунку Лисянского

Плавание «Урании»

Экспедиция Луи-Клода де Фрейсине стала первым после падения Наполеона масштабным французским исследовательским предприятием. Она носила подчеркнуто научный характер. Главная цель плавания заключалась в изучении явлений земного магнетизма, а также природы дальних стран и туземных народов.

17 сентября 1815 г. корвет «Урания» под началом Фрейсине вышел из Тулона; на его борту находилась и жена капитана, не испугавшаяся трудностей длительного плавания. 6 декабря «Урания» вошла в гавань Рио-де-Жанейро. Отсюда путешественники повернули на восток и 7 марта 1816 г. уже были в Кейптауне. Дальнейший маршрут «Урании» пролегал к острову Маврикий, бывшей французской колонии, которая по условиям мирного договора 1815 г. оказалась в руках англичан. Впрочем, путешественников здесь приняли доброжелательно, и Фрейсине задержался здесь гораздо дольше, чем первоначально рассчитывал. Затем «Урания» направилась к острову Реюньон. После падения Маврикия он стал главной базой французского флота в Индийском океане, здесь путешественники рассчитывали пополнить запасы провизии. И именно отсюда им предстояло отправиться в далекое плавание к берегам Австралии...

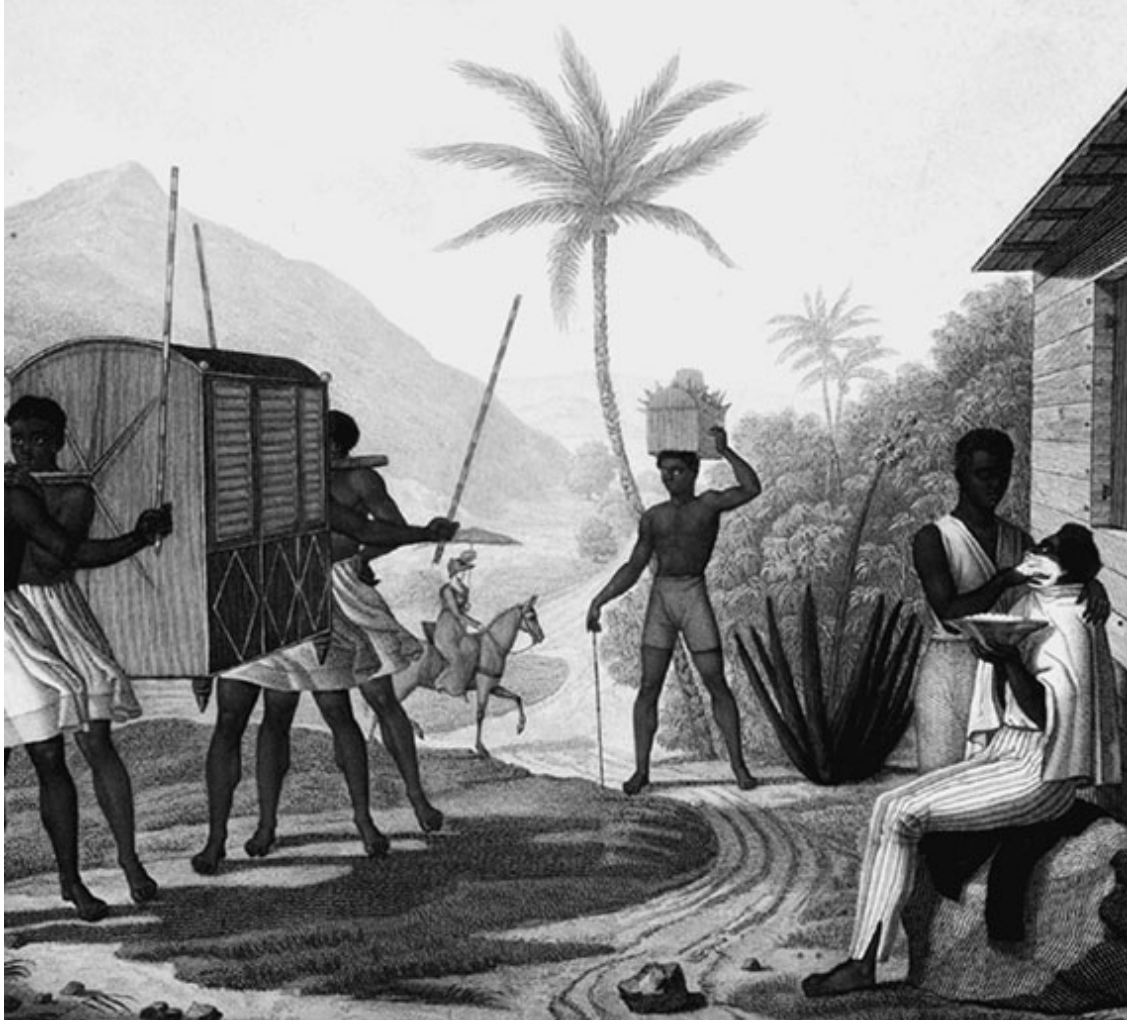
12 сентября «Урания» бросила якорь у входа в залив Шарк на западном побережье Зеленого континента. Высадившийся на берег отряд имел несколько встреч с аборигенами, державшимися, впрочем, крайне боязливо. Не найдя пресной воды, французские моряки пошли по пути, уже проложенному их предшественниками: подняв паруса, они покинули берега Австралии и двинулись к острову Тимор. Отсюда корвет, держась вблизи малоизученных островов, продолжал свой путь к островам Адмиралтейства, а отсюда – к Каролинскому архипелагу. 17 марта 1819 г. Фрейсине бросил якорь у побережья Гуама, а в начале августа уже огибал с юга Гавайские острова. Прибыв на Оаху (Гавайи), Фрейсине стал на якорь в гавани Гонолулу. Теплый прием, оказанный жителями, заставил французов пожалеть, что они не направились прямо сюда.

7 октября «Урания» пересекла экватор. К востоку от архипелага Самоа был открыт островок, не указанный на карте, который назвали

островом Роза, по имени жены Фрейсине. Кстати сказать, это стало единственным открытием за все путешествие. 13 ноября были замечены огни, указывавшие вход в Порт-Джексон, или Сидней. Вид европейского города, процветающего среди почти дикой природы, глубоко поразил французских путешественников.

25 декабря 1819 г., после длительной стоянки в бухте Сиднея, «Урания» снова вышла в море и взяла курс на восток, намереваясь достичь мыса Горн. Плавание до берегов Огненной Земли прошло без всяких приключений. Беспрепятственно обогнув мыс Горн, «Урания» стала на якорь в бухте Буэн-Сусесо. Впрочем, стоянка была непродолжительной, и корвет, двинувшись снова в путь, вскоре вошел среди густого тумана в пролив Ле-Мер. На третий день погода прояснилась. Требовалось пополнить запасы пресной воды, так что командиру пришлось выбирать между заходом в какую-нибудь бухту на побережье Аргентины или на Фолклендских островах. Фрейсине решил идти к островам. Все уже радовались тому, что плавание прошло без всяких приключений. Но мореплавателей ждало тяжелое испытание.

Во время входа в залив Франсез впередсмотрящие заметили скалы. В это время судно находилось на расстоянии всего полулье от берега. Осторожный Фрейсине приказал отклониться на 2 румба, но его предусмотрительность оказалась роковой: корвет неожиданно ударился о подводную скалу. Обломки дерева, всплывшие на поверхность, сразу же внушили опасение, что повреждение серьезно. Вода с силой врывалась в трюм. Нужно было выбрасываться на берег, однако его повсюду опоясывали скалы, и лишь в самой глубине залива находился песчаный пляж, пригодный для посадки судна на мель. Между тем дул встречный ветер, наступала ночь, а «Урания» была до половины наполнена водой. Можно представить себе отчаяние командира! И все же корабль удалось посадить на мель.

Один из рисунков, выполненных во время плавания «Урании». Маврикий, 1818 г.

Когда при свете наступившего дня моряки увидели окружающий их ландшафт, ими овладело глубокое уныние: ни одного дерева, ни травинки на этих пустынных берегах! С помощью тех ничтожных средств, какие имелись в их распоряжении, исправить полученные корветом повреждения было невозможно. Однако уцелел большой баркас. Фрейсине решил добраться на нем до Монтевидео и привести оттуда спасательное судно. Но когда баркас был уже готов к отплытию, у входа в залив неожиданно показался парусник... Пока шли переговоры с его капитаном, в залив вошло еще одно судно – «Меркурий».

8 мая 1820 г. путешественники прибыли в Монтевидео. Здесь Фрейсине купил «Меркурий» и, переименовав его в «Физисьен», взял курс к берегам Франции. 13 ноября 1820 г. судно бросило якорь в Гавре.

За время кругосветного плавания, продолжавшегося 2 года и 2 месяца, путешественниками было пройдено 18 862 морских лье. Многие материалы экспедиции погибли во время кораблекрушения, но тем не менее естественно-научные коллекции, переданные Фрейсине Французской академии, представляли собой значительную ценность.

Отто Коцебу: три витка вокруг планеты

Отто Коцебу, уроженцу Таллина (Ревель), посчастливилось трижды обогнуть земной шар. В свое первое путешествие (1803–1806 гг.) он отправился еще совсем юным гардемаринном, вместе с экспедицией Крузенштерна. Второе путешествие, совершенное им на небольшом двухмачтовом бриге «Рюрик» уже в качестве командира корабля, принесло мореплавателю широкую известность.

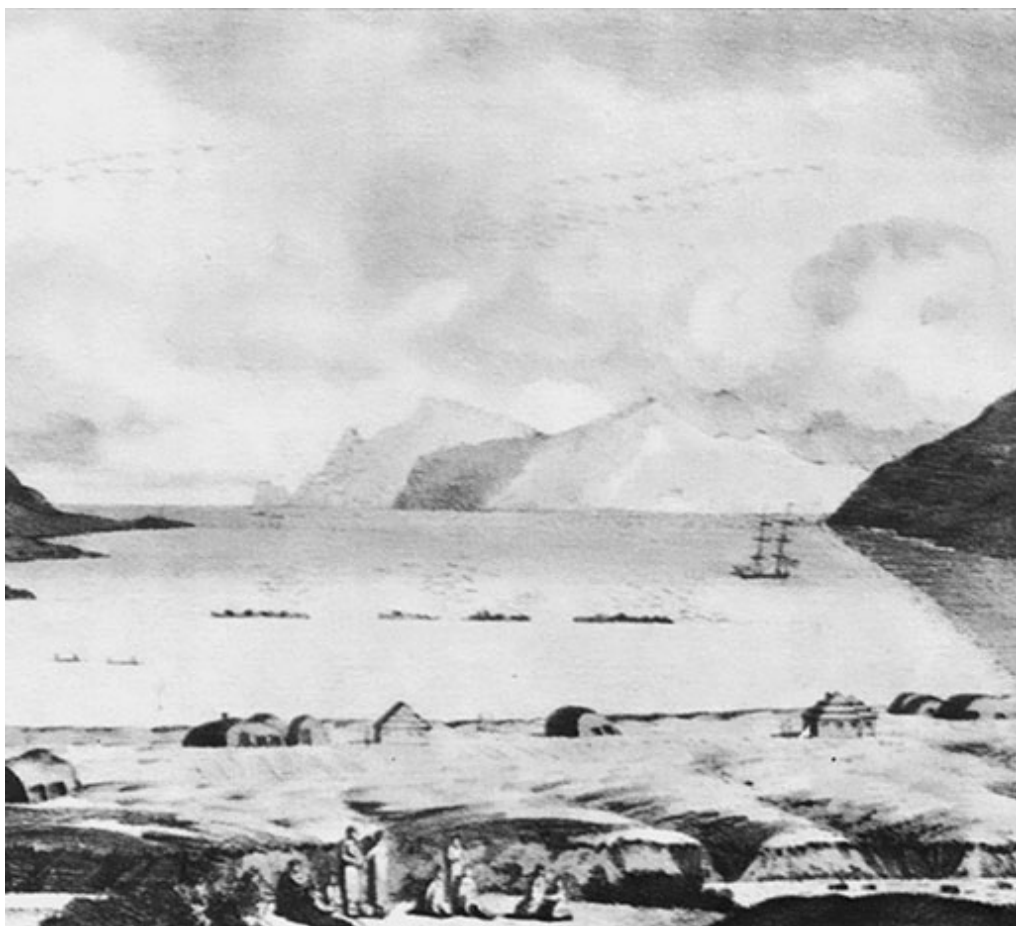
«Рюрик» отправился в кругосветное плавание с научными целями, на средства государственного канцлера графа Н.Н. Румянцева, известного мецената. На борту судна находилось несколько ученых-естествоиспытателей, но в программу исследований входили главным образом гидрографические работы. Кроме того, Коцебу было предписано, «следуя из Берингова пролива по северной стороне Америки, искать соединения Великого океана с Атлантическим», то есть попытаться отыскать Северо-Западный проход.

Экспедиция начала свой путь из Кронштадта 30 июля 1815 г. После захода в Копенгаген и Плимут «Рюрик» вышел в Атлантический океан и направился к проливу Дрейка. 23 января путешественники миновали мыс Горн, а 13 февраля судно бросило якорь в заливе Консепсьон на чилийском побережье. Здесь Коцебу пробыл около месяца, готовясь к трудному переходу через Тихий океан, и 9 марта покинул Чили. Первой остановкой стал остров Пасхи, население которого встретило моряков очень враждебно. Коцебу пробыл здесь недолго, и вскоре «Рюрик» уже шел курсом на Камчатку. 19 июня экспедиция была в Петропавловской гавани. Предстоял самый ответственный этап маршрута – плавание по Северному Ледовитому океану.

В начале июля «Рюрик» вышел из Авачинской губы и направился на север. Обойдя с запада остров Святого Лаврентия, лежащий в северной части Берингова моря, «Рюрик» подошел к мысу Принца Уэльского – крайней западной точке американского побережья. Отсюда Коцебу повел бриг вдоль берега, пытаясь найти проход в Атлантический океан. Вскоре, однако, выяснилось, что судно находится в глубоко вдающемся в сушу заливе, который был назван заливом Коцебу. Отсюда экспедиция повернула назад. 19 сентября «Рюрик» был

уже у острова Уналяска. Поскольку в условиях надвигавшейся зимы продолжать плавание в высоких широтах было невозможно, Коцебу отправился далеко на юг, в экваториальную зону Тихого океана. В этом плавании экспедиция подробно обследовала Маршалловы острова (группы Ралик и Ратак), острова Крузенштерна и группу Гавайских островов.

В середине марта «Рюрик» вновь направился в северную часть Тихого океана на поиски Северо-Западного прохода. После посещения острова Святого Павла (в группе островов Прибыловых) Коцебу повел корабль на север, но вскоре встретил тяжелые льды. Это непреодолимое для маленького судна препятствие заставило моряков повернуть назад. На обратном пути «Рюрик» прошел через Индийский океан вокруг мыса Доброй Надежды, потом через Атлантический океан и 13 августа 1818 г. вошел в устье Невы. Научные результаты плавания были весьма значительны. Коцебу был произведен в капитан-лейтенанты и награжден орденом, а в 1823 г. ему вновь было поручено командовать кораблем, отправлявшимся в кругосветное плавание, – шлюпом «Предприятие».

Порт на острове Уналайска, каким увидели его русские моряки. Рисунок 1816 г.

9 августа 1823 г. экспедиция покинула Кронштадт и отправилась западным путем к русским владениям в Северной Америке. Оказавшись снова в Тихом океане, Коцебу продолжил ранее начатые здесь исследования. Побывав на Таити, мореплаватели отправились к островам Самоа, где Коцебу удалось открыть новую группу островов, названных островами Беллинсгаузена. 19 апреля 1824 г. судно направилось к берегам Камчатки. Выполнив необходимые для Российско-Американской компании работы, Коцебу 23 августа 1825 г. повел шлюп в обратный путь. На пути между Гавайскими и Марианскими островами экспедиция открыла несколько небольших коралловых островов, в том числе атолл Бикини. Всего же за время плавания на «Рюрик» и «Предприятии» было открыто 399 новых островов. О своих кругосветных путешествиях Коцебу написал несколько книг, которые принадлежат к числу лучших произведений географической литературы XIX столетия.

Экспедиция на «Бигле»

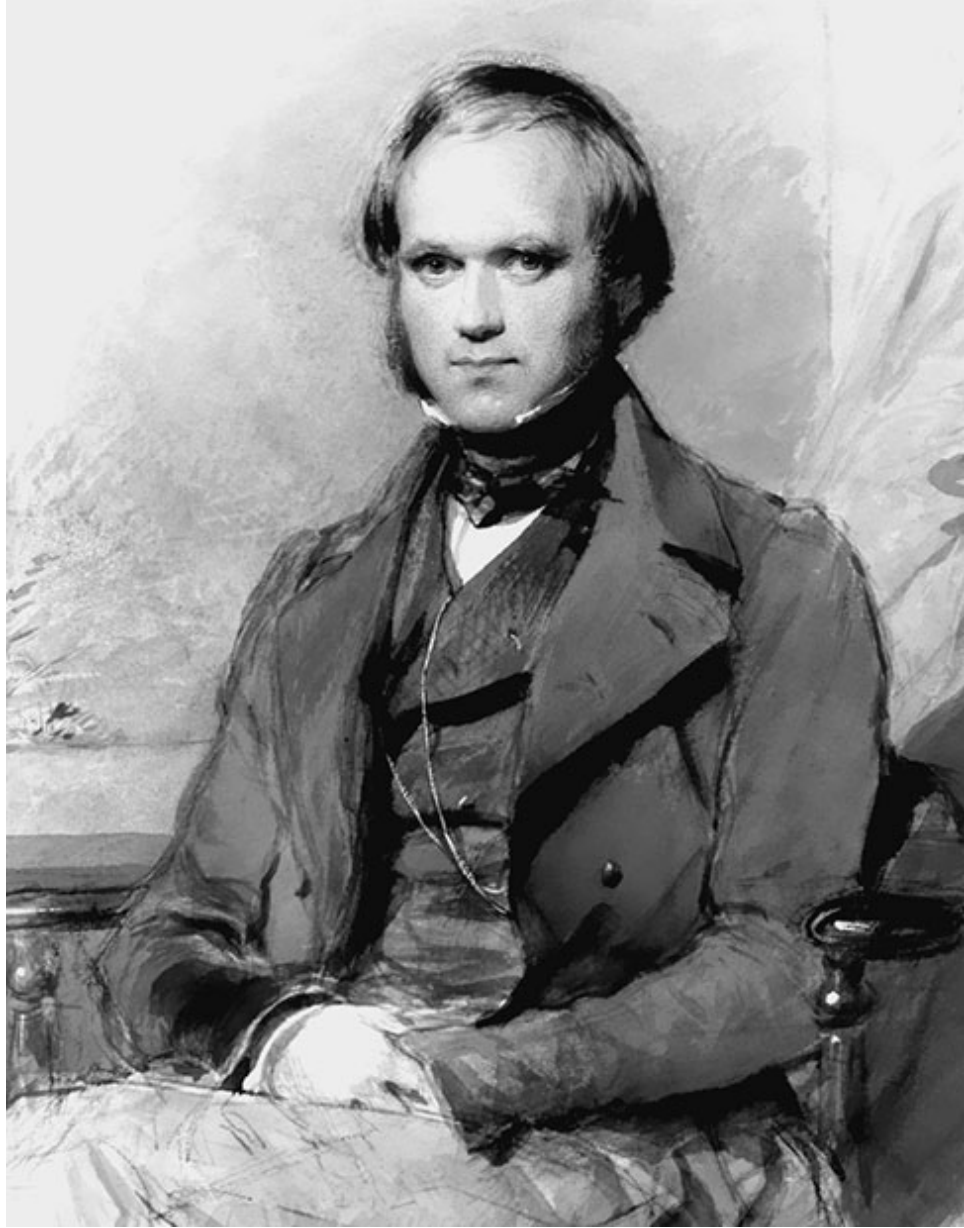
27 декабря 1831 г. из Девонпорта (Англия) в кругосветное плавание на судне «Бигль» отправилась экспедиция капитана Роберта Фиц-Роя. Фиц-Рой был известен как крупный гидрограф и метеоролог. Это был его второй рейс на «Бигле». Основной задачей экспедиции являлась съемка побережья Южной Америки и прилегающих островов в целях составления подробных морских карт, а также проведение серии хронометрических измерений в разных точках планеты. В качестве натуралиста на борту «Бигля» отправился в кругосветное путешествие никому не известный в ту пору Чарлз Дарвин.

17 января «Бигль» пересек экватор и 4 апреля прибыл в Рио-де-Жанейро. Следуя вдоль восточного побережья Южной Америки, экспедиция миновала Монтевидео и дошла до Байя-Бланки. С согласия Фиц-Роя Дарвин от Байя-Бланки до Буэнос-Айреса проехал сухим путем.

До 10 июня 1834 г. «Бигль» оставался у восточных берегов Южной Америки. За это время путешественники дважды побывали на Фолклендских островах и на Огненной Земле, произвели съемку восточных берегов Патагонии, а Дарвин совершил ряд пеших походов по Аргентине и Уругваю, изучая здешнюю природу. Пройдя через Магелланов пролив, «Бигль» 28 июня бросил якорь в порту Сан-Карлос на острове Чилоэ у побережья Чили. На картографирование берегов Южной Америки от полуострова Трес-Монтес на юге до Кальяо (Перу) на севере ушло более года. Лишь 7 сентября 1835 г. «Бигль» оставил берега Южной Америки и направился к Галапагосским островам. Этот архипелаг, состоящий из десяти больших островов и еще нескольких мелких, расположен вблизи экватора. Все острова образованы вулканическими породами. Во время стоянки Дарвин очень подробно изучил крайне своеобразную флору и фауну этих островов. Взяв отсюда курс на острова Общества (Товарищества), «Бигль» 15 ноября достиг острова Таити, а отсюда еще около месяца шел к Новой Зеландии. Стоянка здесь была очень короткой: уже спустя 10 дней «Бигль» шел в Сидней (Австралия), куда прибыл 12 января 1836 г.

Обогнув Австралию с юга, путешественники побывали на Тасмании, после чего, пройдя мимо южных берегов Австралии и сделав

остановку в заливе Короля Георга (юго-западная Австралия), вышли в Индийский океан. 1 апреля 1836 г. на горизонте показались острова Киллинг (Кокосовые), расположенные на расстоянии 600 миль от Суматры. Эта группа островов привлекла особое внимание Дарвина, так как они все состоят исключительно из кораллов и в прошедшие времена представляли собой подводные рифы. Изучение этих островов позволило Дарвину позднее создать первую теорию происхождения и развития коралловых рифов. 29 апреля 1836 г. «Бигль» был уже у острова Маврикий. Пройдя в виду южной оконечности Мадагаскара, путешественники достигли Кейптауна, потом побывали на острове Святой Елены, а 1 августа «Бигль» вновь бросил якорь у побережья Бразилии, завершив, таким образом, кругосветное плавание. Наконец, 6 августа 1836 г. «Бигль» взял путь на северо-восток к берегам Англии. Все путешествие продолжалось 5 лет и 136 дней – срок необычайно долгий. За это время Фиц-Рой и его помощники провели обширные работы по нанесению на карту берегов Южной Америки. Осуществляя эти исследования, Фиц-Рой затратил крупные личные средства; навигационные карты, созданные на основе его съемки, сохраняли свою актуальность вплоть до Второй мировой войны.

Чарльз Дарвин

Семилетняя одиссея «Сплендидо»

Город и порт Дубровник, ныне известный туристический центр на Адриатическом побережье, в Средние века славился как один из крупнейших центров морской торговли. К началу XVI в. дубровницкий морской флот по количеству был третьим в мире. Великие географические открытия и открытие новых мировых рынков повлекли за собой кардинальные изменения. Морская торговля переместилась из Средиземноморья в Атлантический океан. В XVII в. корабли дубровницкого флота плавали в основном уже только в порты Адриатики, а спустя 100 лет морская мощь Дубровника вообще сошла на нет. Однако морские традиции в одночасье не умирают, и в XIX в. капитан Иво Висин, уроженец Боки-Которской, стал первым моряком с Балканского полуострова, совершившим путешествие вокруг света.

Бюст во славу Иво Висина

Иво Висин родился в 1806 г. в семье со старыми морскими традициями. Еще в юности он мечтал побывать в дальних странах, однако в то время парусные суда из Дубровника и Боки-Которской уже ходили только на короткие расстояния. В 1850 г. Висин заказал в Риеке постройку брига. Судно было названо «Сплендидо» и имело водоизмещение 311 тонн и 11 человек экипажа. Под командованием Висина оно отправилось в путешествие вокруг света 11 февраля 1852 г., выйдя из Антверпена с грузом тканей для Вальпараисо. Обогнув мыс Горн и благополучно добравшись до порта назначения, «Сплендидо» затем с грузом продовольствия направилось в Сан-Франциско и далее

через Тихий океан в Гонолулу. В 1853–1859 гг. «Сплендидо» плавал в водах Китайского моря и дошел до Австралии. Во время этого плавания Висину пришлось пережить немало опасностей: борьбу с разъяренной стихией, нападения пиратов, бунты экипажа (который он, кстати сказать, несколько раз менял). В феврале 1859 г. Висин решил возвратиться домой. Выйдя из Сингапура, пройдя через Индийский океан и обогнув мыс Доброй Надежды, «Сплендидо» направился в Триест, куда прибыл 30 июля 1859 г. Это путешествие вокруг света продолжалось 7 лет 6 месяцев и 19 дней. После прибытия в Триест капитану Иво Висину был вручен почетный флаг за заслуги в области мореплавания.

Долгий путь к Америке

Сага об Ари, сыне Марса, доблестном викинге

«Морское течение отнесло Ари в Страну белых людей – Хвитрамманналанд, которую многие называют Большой Ирландией. Эта страна находится в море на западе близ Славного Винланда... Из этой страны Ари не смог вернуться и был там крещен. Впервые об этом рассказал лимерикский мореплаватель Храфн, долгое время живший в Лимерике, в Ирландии. Как сообщил Торкель, сын Геллирса, люди из Исландии говорили, со слов ярла Торфина с Оркнейских островов, что Ари опознали в Стране белых людей и уехать оттуда он не мог, но пользовался там большим уважением».

Так знаменитый исландский историк и поэт Снорри Стурлусон, автор «Круга земного», повествует о плавании викинга по имени Ари, сын Марса. Дальнейшая судьба этого мореплавателя осталась неизвестной, но известия о сделанном им открытии далеко перешагнули пределы Скандинавии и до сих пор доставляют головную боль историкам: что за страну открыл Ари?

О стране Хвитрамманналанд (Большая Ирландия) писали средневековые европейские и арабские авторы. О ней упоминает один из крупнейших арабских географов того времени Идриси. Сами ирландцы называли эту страну Тир-на-Фер-Финн – «Страна белых людей». О лежавшей на западе Стране белых людей было известно в Исландии, на Оркнейских и Фарерских островах, в Гренландии. Но никто из писавших о ней в те времена ни на йоту не приблизился к разрешению загадки. И потом – почему земля Хвитрамманналанд, открытая Ари, носила название Большой Ирландии?

Прежде чем попытаться ответить на этот вопрос, вспомним, что ирландские монахи в VII–VIII вв. предприняли ряд дальних плаваний в северной части Атлантического океана. На новооткрытых островах устраивались небольшие монашеские общины. Известное «Плавание святого Брендана» упоминает, например, о том, как Брендан и его спутники обнаружили на одном из островов в Северной Атлантике монастырь с ирландскими монахами, давшими обет молчания.

Когда начались морские походы викингов (VIII в.), северные острова начали быстро пустеть: уединенные ирландские монастыри-колонии либо подвергались разграблению, либо монахи, не искушая

судьбы, сами уходили оттуда. Средневековый ирландский хронист Дикуил (IX в.) писал в 825 г.: «Среди океана к северу от Британии находятся другие острова, до которых при постоянном попутном ветре можно доплыть от северных островов Британии без остановок за двое суток... здесь около ста лет обитали отшельники, приплывшие из нашей собственной страны, Ирландии. И как острова эти прежде были безлюдными от сотворения мира, так и теперь не осталось на них отшельников по вине разбойничающих норманнов».

А вот «показания» другой стороны: исландский историк Ари Торгильссон Фроде (1067–1148) так повествует о прибытии первых викингов в Исландию: «В те времена Исландия от гор до берега была покрыта лесами, и жили там христиане, которых норвежцы называли папарами. Но позднее эти люди, не желая общаться с язычниками, ушли оттуда, оставив после себя ирландские книги, колокольчики и посохи; из этого видно, что они были ирландцами».

Сообщения норманнских авторов о плаваниях ирландцев к берегам Исландии, первое из которых датируется 795 г., позволяют поставить вопрос: что мешало этим же ирландцам в поисках новых земель уходить дальше к западу? Да ничего! Во всяком случае, викинги, попав из Исландии в Гренландию, и здесь нашли следы пребывания ирландских монахов: каменные жилища, фрагменты кожаных лодок и утварь. Но все же страна Хвитрамманналанд, она же Большая Ирландия, – это не Гренландия. Страна белых людей, куда попал Ари, сын Марса, все равно находится западнее.

В «Саге об Эйрике Рыжем» об этой земле говорится так:

«Плывя из Винланда при южном ветре, они попали в Маркланд. Там они встретили пять скрелингов (то есть эскимосов. – *Примеч. авт.*): одного бородатого мужчину, двух женщин и двух детей. Люди Карлсефни схватили мальчиков, остальные же скрелинги убежали и скрылись под землей. Мореплаватели увезли с собой обоих мальчиков, обучили своему языку и окрестили их. Мальчики... говорили, что против страны скрелингов лежит другая земля. Там жили люди, которые ходили в белых одеждах, громко кричали и носили шесты с привязанными к ним флагами. Полагали, что это была Страна белых людей, или Большая Ирландия».

Большая Ирландия, расположенная «против» Гренландии и населенная белыми людьми, которые ходят в белых одеждах,

совершают процессии с флагами и громко кричат... Что это? Ответ может быть только один: это – сведения о первой христианской колонии в Америке, основанной монахами-ирландцами в VIII в. или ранее!

Викинги в своём корабле. Фрагмент французского манускрипта. Около 1100 г.

О том, что страну Хвитрамманланд, называвшуюся также Большой Ирландией, населяли именно христиане, говорит тот факт, что, когда язычник-викинг Ари, сын Марса, попал в эту страну, его там немедленно окрестили. А весьма ясный и правдоподобный рассказ мальчиков-эскимосов о процессиях людей в белых одеждах с пением и с «флагами» (хоругвями) можно трактовать как ритуальные процессии (крестные ходы).

Мысль о том, что в Америке какое-то время (по-видимому, непродолжительное) существовала ирландская христианская колония, обсуждается учеными вот уже более 100 лет. Скорее всего, страна

Хвитрамманналанд располагалась на побережье Лабрадора или Ньюфаундленда. Известно, что в 1970-х гг. на побережье Ньюфаундленда, в бухте Сент-Лунэр, археологи обнаружили загадочные знаки, процарапанные металлическим предметом на валуне. Эти знаки напоминали буквы так называемого огамического письма, которым пользовались древние ирландцы.

Во всей этой истории неясным остается еще одно обстоятельство: почему Ари, сын Марса, так и не смог вернуться на родину? Ведь если доблестный викинг попал в плен к безоружным монахам, то вряд ли ему составило бы большого труда вырваться из их рук. Тем не менее Ари остался там навсегда, и кто-то из викингов (возможно, люди ярла Торфинна Сигурдссона с Оркнейских островов) даже видел его там: «Ари опознали в Стране белых людей, и уехать оттуда он не мог, но пользовался там большим уважением». А в саге об Эйрике Рыжем говорится о бородатом мужчине, которого викинги встретили в достигнутой ими Западной стране...

Как бы то ни было, судьбу Ари, сына Марса, мы уже никогда не узнаем – он навсегда остался в этой загадочной стране, уйдя вместе с ней в область легенд и преданий.

Путешествие в страну Винланд

В 1960-х гг., после того как норвежский археолог Хельге Ингстад обнаружил на северной оконечности Ньюфаундленда остатки норманнского поселения X – XI вв., окончательное признание получил тот факт, что викинги еще за 500 лет до Колумба достигли северо-восточного побережья Америки. Аргументы были настолько весомые, что осенью 1964 г. президент США Линдон Джонсон подписал закон о ежегодном праздновании 9 октября Дня Лейфа Эйрикссона. Тем самым норманнский мореплаватель был официально признан первооткрывателем Нового Света.

...После того как викинги прочно утвердились в Гренландии, им оставалось сделать последний шаг: достичь Америки. Норманнскую колонию отделял от гигантского континента лишь пролив Дейвиса, ширина которого в самом узком месте не превышала 200 миль. Пересечь его не составляло никакого труда для тех, кто смело отправлялся в 1000-километровые рейсы по бурному океану. Во время своих промысловых экспедиций вдоль западного побережья Гренландии норманны в ясные дни видели вдали высокие горы Баффиновой Земли...

Викинги жили в Гренландии около 500 лет. Могли ли они не побывать на американском побережье? «Мы были бы вправе это утверждать, даже если бы не располагали письменными источниками, – пишет Хельге Ингстад. – Но нам повезло, у нас есть источники, повествующие о плаваниях норманнов из Гренландии в неведомую страну на западе. Эти источники – исландские саги».

Саги называют этот Североамериканский континент Винландом (Хельге Ингстад установил, что это название следует переводить как «богатая страна», «плодородная страна», «земля лугов и пастбищ»). В исландских сагах сообщается о 6 плаваниях викингов в Америку. Первое совершил Бьярни, сын Херьюлфа, в 985 г. Правда, его поход оказался неудачным. После многодневных блужданий в океане он увидел к западу от Гренландии незнакомый низкий берег, поросший лесом. Не решившись высадиться, Бьярни навсегда лишил себя славы первооткрывателя Америки. Им стал Лейф, сын Эйрика Рыжего.

В 1000 г., расспросив Бьярни о виденной им земле и купив его выдавший виды, но еще крепкий корабль, Лейф Эйрикссон отправился на запад. Счастье улыбнулось ему – недаром Лейф вошел в историю как Лейф Счастливым.

В путешествие с Лейфом отправились 35 человек. «Они снарядили свой корабль и, когда все было готово, вышли в море и сначала достигли земли, которую видел Бьярни, – повествует сказание. – Они приблизились к этой земле, бросили якорь, спустили лодки и высадились на берег. Вся земля от берега до самых ледников напоминала сплошной плоский камень и показалась им совсем непривлекательной. Тут Лейф сказал: “С этой землей у нас получилось не так, как у Бьярни, ибо мы вступили на нее. Теперь я дам ей имя и назову ее Валунной Землей (Хеллуланд)”. После этого они вернулись на корабль, поплыли дальше и нашли другую землю. Они приблизились к ней, бросили якорь, спустили лодку и высадились на берег. Страна эта была плоской и лесистой. Повсюду простирались белые песчаные отмели, а берег полого спускался к морю. Тогда Лейф сказал: “Этой земле мы дадим подходящее имя и назовем ее Лесной Землей (Маркланд)”. Они тут же вернулись на свой корабль. Затем они два дня плыли на юго-запад при северо-восточном ветре и снова приблизились... к острову, расположенному севернее той земли, на которую они высадились. Вернувшись на корабль, они прошли проливом между островом и мысом, выдающимся к северу. Они стали обходить этот мыс с запада. Во время отлива морское дно обнажилось, их корабль сел на мель, а вода ушла далеко. Но им так не терпелось высадиться на берег, что они не стали ждать, пока море опять поднимет их корабль, а сразу же отправились на сушу.

Там была река, вытекавшая из озера. Когда прилив снова поднял их корабль, они сели в лодку, отправились к кораблю и отвели его вверх по реке в озеро. Там они бросили якорь, вынесли свои спальные мешки и разбили палатки. Они решили обосноваться там на зиму и соорудили большие дома. И в реке, и в озере было много такой крупной рыбы, какой они никогда прежде не видывали. В этой благословенной стране, по их мнению, не надо заготавливать на зиму корм для скота. Зимой там не бывает морозов и трава остается почти такой же зеленой, как летом. День и ночь не так различаются своей продолжительностью, как в Гренландии или Исландии...»

Памятник Лейфу Эрикссону. Рейкьявик, Исландия

После Лейфа в Винланде побывали его брат Торвальд – примерно в 1001–1003 гг., затем другой брат, Торстейн. Пятое путешествие осуществил богатый и знатный викинг Торфинн Карлсефни в 1005–1007 гг., а последнее – исландцы Хельги и Финнбоги, с которыми отправилась в далекий путь и сестра Лейфа Эрикссона – Фрейдис (примерно 1010–1020 гг.). Последняя экспедиция была самой неудачной: Фрейдис развязала кровавую усобицу внутри небольшого отряда колонистов. Таков был драматический финал норманнской колонии в Северной Америке...

В поисках ее следов Хельге Ингстад обследовал весь северо-восток США и часть Канады. Пять лет, с 1960 по 1964 г., длились археологические раскопки в Ланс-о-Мидоузе. В общей сложности находок оказалось не так уж и много, но они бесспорно доказывали, что обнаруженное поселение принадлежало викингам. Значит, средневековые саги оказались верны! Отважные скандинавские мореходы еще за пять веков до Колумба открыли Северную Америку и даже сделали попытку обосноваться на ее побережье. Однако их путешествия в Америку не имели никаких исторических последствий. Путешествия в Винланд были забыты к концу XIV в.

Загадка принца Мадога

Эта история получила широкое распространение во второй половине XVI в., когда Англия начала предъявлять свои претензии на земли Северной Америки, и продолжала сохранять популярность в последующие столетия. Действительно, сюжет истории был захватывающий: рассказывали, что в 1170 г. валлийский принц по имени Мадог ап Оуэн Гвинедд вместе со своим братом Риридом отправился в плавание через океан на запад и там открыл огромный, ранее неизвестный континент...

Об этом рассказывают пространные, хотя и не вполне ясные поэтические повествования валлийских бардов – Лливарха ап Лливелина (ок. 1173–1220) и Маредудда ап Риса (ок. 1450/60—1483). Согласно им, принц Мадог был сыном знаменитого короля Оуэна Гвинедда (Оуэна ап Грувудда), скончавшегося в 1170 г. После его смерти в Уэльсе началась жестокая междоусобная война. Не желая принимать в ней участия, Мадог и его брат покинули родину, и на нескольких кораблях, сопровождаемые небольшим числом приверженцев, взяли курс на запад. После долгого плавания они пристали к берегу незнакомой земли, отличавшейся плодородием и населенной необычными людьми, язык и нравы которых поразили валлийских мореплавателей (предполагается, что это могла быть Флорида). Высадившись на побережье, Мадог основал здесь колонию, оставив в ней сотню своих людей, а сам отправился в обратное плавание к берегам Уэльса, чтобы набрать новых поселенцев. Во второй трансокеанский рейс он вышел во главе эскадры из 10 кораблей, на борту которых находилось несколько сотен мужчин и женщин. Согласно фольклорной традиции больше из-за океана никто не возвращался, однако какие-то сведения о судьбе колонистов все же просочились в Уэльс. Рассказывали, что Мадог и его спутники достигли Миссисипи и долго путешествовали по внутренним речным путям Северной Америки, основывая колонии и сталкиваясь с различными индейскими племенами. Их путь завершился где-то на Среднем Западе США. Согласно поздней версии легенды, валлийцы начали вступать в браки с индейцами, в результате чего образовалось несколько смешанных этнических групп, в большей или меньшей

степени сохранивших в своем языке и культуре валлийские признаки. Спутникам Мадога и их потомкам приписывалась постройка некоторых искусственных сооружений в Алабаме и других местностях Среднего Запада, действительно не характерных для местного коренного населения.

Вероятное изображение принца Мадога

О говорящих по-валлийски индейцах сообщал миссионер Морган Джонс, в 1669 г. попавший в плен к индейцам тускарора. Позже некоторые путешественники также заявляли, что встречались с валлийскоговорящими индейцами. В настоящее время легенда об открытии Америки валлийцами признается большинством специалистов малодостоверной: в числе 13 сыновей Оуэна Гвинедда не было ни одного по имени Мадог, а в Америке не найдено никаких достоверных исторических или археологических доказательств присутствия здесь валлийцев. Скорее всего, легенда о Мадоге развилась

из средневековых преданий о морском плавании некоего валлийского героя, совершившего нечто значительное, но вряд ли добравшегося до Америки. В дальнейшем эта легенда вдохновляла несколько поколений поэтов, романистов и историков, создавших в итоге романтический образ валлийского принца – первооткрывателя Нового Света.

Фантастическое плавание братьев Дзено

В 1558 г. в Венеции была опубликована книга, в которой рассказывалось об удивительном плавании, совершенном неким рыцарем по имени Николо Дзено за полтора столетия до этого. В 1380 г. этот рыцарь «для завоевания славы и почета» построил и оснастил корабль и отправился на нем в дальнее плавание к берегам Англии и Фландрии. Буря отнесла корабль далеко на северо-запад, где он в итоге потерпел крушение у некоего острова Фрисланда, которым правил государь с труднопроизносимым именем Дзихнми. Николо Дзено поступил к нему на службу, а потом пригласил во Фрисланду еще и своего брата Антонио, отправив ему в Венецию письмо. Несколько лет братья провели на службе короля Фрисланды, совершая дальние походы и однажды добравшись до страны Эстланда, а в другой раз – до некоей «страны холода» Энгронеланд, где Николо Дзено заболел и вскоре после возвращения на Фрисланду скончался. Его брата король Дзихнми отправил с несколькими кораблями на запад. Пройдя около 1000 миль, они достигли страны Эстотиланд, пережили множество приключения, и в конце концов благополучно вернулись на Фрисланду, а в 1405 г. Антонио Дзено вновь оказался в Венеции...

Венеция. XVI в.

Почти сразу появления книги ее сенсационное содержание вызвало споры по поводу ее достоверности. Критики отмечали, что ни на океане, ни на суше нет и подобия земель, соответствующих описаниям Дзено. В то же время главные герои романа Николо и Антонио Дзено – не вымышленные лица, что подтверждается историческими документами. В 1385 г. Николо был участником плавания во Фландрию, однако в венецианских архивах о его необычайных приключениях ничего не сообщается: наоборот, документально доказано, что уже три года спустя, в ноябре 1388 г., Николо Дзено снова жил в Италии. В то же время «Книга Дзено» свидетельствует об отличном знании ее автором таких географических объектов, как Исландия и Гренландия, а также о знакомстве с североамериканскими индейцами. Эти необычные для 1558 г. знания способствовали тому, что «Книгу Дзено» считали описанием подлинного путешествия. Странные названия, встречающиеся в книге, большей частью можно легко связать с

существующими географическими наименованиями: так, во Фрисланде легко угадывается Исландия, Эстланда – искаженное название Шетландских островов, а Энгронеланд – Гренландии. Любопытно и то, что после выхода в свет «Книги Дзено» на различных европейских картах север Атлантики стал изображаться точно по приложенной к ней карте Николо Дзено. Мартин Фробишер во время все трех своих экспедиций (1576–1578 гг.) к берегам Гренландии имел при себе карту Дзено и утверждал, что она ему очень пригодилась и оказалась вполне надежной. Откуда авторы книги получили такие точные сведения – неизвестно, но вряд ли от Николо Дзено: скорее всего, этот мореплаватель все же никогда не бывал далее Фландрии.

Открытие Индии, которая оказалась Америкой

«Была полночь 11 октября 1492 года. Еще каких-нибудь два часа – и свершится событие, которому суждено изменить весь ход мировой истории. На кораблях никто полностью не осознавал этого, но буквально все, от адмирала до самого молодого юнги, пребывали в напряженном ожидании. Тому, кто первым увидит землю, обещана награда в десять тысяч мараведи, а теперь уже всем было ясно, что долгое плавание близится к концу... Сутки были на исходе, и в светлой звездной ночи три суденышка, подгоняемые попутным ветром, стремительно скользили вперед...»

Так американский историк Дж. Бейклесс описывает волнующий миг, предшествовавший открытию Америки Колумбом...

Христофор Колумб (Коломбо; испанцы звали его Кристобаль Колон) родился около 1451 г. в Генуе в семье ткача-шерстобита. Хотя прозаическое занятие отца и родни не имело отношения к дальним плаваниям, Колумба с детства властно влекло море. Еще в юности он отказался следовать по стопам отца. Он стал картографом. Приблизительно в возрасте 25 лет генуэзец попал в Португалию. Увлеченный смелыми начинаниями португальцев, которые стремились найти новый путь в Индию в обход Африки, он много размышлял об этом, изучая итальянские и португальские карты. Колумб был знаком с античными теориями шарообразности Земли и задумывался о возможности попасть в Индию, двигаясь не на восток, а на запад.

Колумб предложил свой смелый план королю Португалии, но тот отверг его. Тогда генуэзец пытался заинтересовать английского короля, но Генрих VII не пожелал тратить деньги на сомнительное предприятие. Наконец, Колумб обратил свой взор на Испанию. Он долго и безуспешно добивался встречи с королем Фердинандом Арагонским, который в это время осаждал последний оплот мавров – Гранаду. Отчаявшись, Колумб уже решил покинуть Испанию и отправиться во Францию, но в последний момент удача улыбнулась итальянцу: его согласилась принять королева Изабелла Кастильская.

Христофор Колумб

Изабелла, властная и решительная женщина, выслушала иностранца благосклонно. Его план сулил новую славу Испании и несметные богатства ее королям, если бы они сумели попасть в Индию и Китай раньше других христианских государей. В 1492 г. королевская чета, Фердинанд и Изабелла, подписала с Колумбом договор, согласно которому он назначался адмиралом и вице-королем всех земель, которые откроет и приобретет для испанской короны.

3 августа 1492 г. из порта Палос на атлантическом побережье Испании вышли три небольших каравеллы – «Санта-Мария», «Пинта» и «Нинья». Около 100 человек команды, самый минимум продовольствия и снаряжения. Во главе этой экспедиции стоял незаурядный человек, одержимый смелой мечтой – пересечь с востока на запад Атлантический океан и добраться до сказочно богатых царств Индии и Китая.

Два месяца тяжелейшего плавания по океанским просторам... Казалось, морской пустыне не будет конца. На исходе были запасы

продовольствия и пресной воды. Люди устали. Часами не сходявший с палубы адмирал все чаще слышал возгласы недовольства и угрозы со стороны матросов.

Однако все с борта кораблей замечали признаки близкой земли: птиц, прилетавших с запада и садившихся на мачты. Однажды дозорный увидел землю, и все предались веселью, но наутро она исчезла. Это был мираж, и команда вновь погрузилась в уныние. Между тем все признаки говорили о близости желанной земли: птицы, проплывающие зеленые ветки деревьев и палочки, явно оструганные рукой человека.

Колумб высаживается на берег маленького острова 12 октября 1492 г.

В ту ночь капитан Мартин Пинсон на «Пинте» шел впереди маленькой флотилии, а вахтенным на носу судна был матрос Родриго де Триана. Именно он и увидел первым землю, вернее, отблески призрачного лунного света на белых песчаных холмах. «Земля! Земля!»

– закричал Родриго. И через минуту гром орудийного выстрела возвестил о том, что Америка открыта.

На всех кораблях убрали паруса и стали с нетерпением ждать рассвета. Наконец он наступил, ясный и прохладный рассвет пятницы, 12 октября 1492 г. Первые лучи солнца осветили загадочно темневшую впереди землю.

С кораблей спустили шлюпки. Ступив на берег, адмирал поднял королевское знамя и объявил открытую землю владением Испании. Это был маленький островок, который Колумб окрестил Сан-Сальвадор – «Спаситель» (ныне Гуанахани, один из островов Багамского архипелага). Остров оказался обитаемым: его населяли веселые и добродушные люди со смуглой, красноватого оттенка кожей...

Первая встреча европейцев с американскими аборигенами. Первые, самые яркие впечатления о Новом Свете. Здесь все казалось необычным и новым: природа, растения, птицы, животные и даже люди. И хотя в то знаменательное утро 12 октября 1492 г. жизнь огромного Американского континента внешне ничем не была нарушена, появление трех каравелл в теплых водах у берегов Гуанахани означало, что история Америки вступила в новую, полную драматических событий эру.

Возвращение Колумба в Испанию в марте 1493 г. на двух уцелевших, но сильно потрепанных кораблях превратилось в подлинный триумф великого мореплавателя. Однако золота, пряностей, драгоценных камней – всего, к чему стремились участники экспедиций и те, кто их финансировал, – найти за океаном не удалось. А тем временем португальцы сделали последний рывок на своем пути в Индию: в 1498 г. Васко да Гама обогнул Африку и достиг желанной цели, вернувшись с богатым грузом пряностей. Это стало чувствительным ударом для Испании.

Золотой мираж Индии

Вернувшись в марте 1493 г. в Испанию, Колумб уже 24 сентября того же года вновь вышел в море. На этот раз в составе экспедиции насчитывалось 17 кораблей, а на их борту – около 2000 человек, многим из которых предстояло стать первыми испанскими поселенцами в Новом Свете. 22 ноября 1493 г. Колумб основал колонию на северо-западном побережье острова Эспаньола (ныне Гаити), где испанцы впервые нашли золото. Месторождение, однако, оказалось очень бедным, и спустя 3 года Бартоломе Колумб, брат великого мореплавателя, перенес колонию на южный берег острова, где был основан город Санто-Доминго.

Между тем Христофор Колумб упорно разыскивал Индию. 30 апреля 1494 г. он достиг Кубы, 5 мая открыл Ямайку. Курсируя вдоль берегов новооткрытых островов, Колумб – на основании сведений, почерпнутых из описания путешествия Марко Поло, – усиленно искал Малаккский полуостров. Но его надежда не оправдалась. 20 августа Колумб вернулся на Эспаньолу и, оставив губернатором колонии своего брата Бартоломе, отплыл в Испанию. А 10 апреля 1495 г. король Фердинанд и королева Изабелла опубликовали указ, разрешающий любому испанцу совершать путешествие в Индию, селиться там, исследовать и осваивать новые земли и торговать с аборигенами.

30 мая 1498 г. Колумб в третий раз отправился к берегам Индии – на этот раз с шестью кораблями. 31 июля он высадился на острове Тринидад, в течение первой половины августа исследовал побережье Венесуэлы, обнаружил устье реки Ориноко и описал открытые им земли как часть неизвестного нового континента, по-видимому, представляющего собой южную часть Китая. 19 августа Колумб прибыл на Эспаньолу. В колонии назревал бунт: многие поселенцы были недовольны, считая, что Колумб ввел их в заблуждение относительно богатств Нового Света. В октябре 1499 г. Колумб был вынужден обратиться к королю с просьбой назначить в колонию специального королевского уполномоченного, чтобы помочь ему в управлении.

Этим уполномоченным стал Франсиско Бобадиля, рыцарь ордена Калатрава; однако данные ему полномочия оказались значительно шире

тех, о чем просил Колумб. Прибыв в Санто-Доминго в августе 1500 г., он немедленно выдвинул против Колумба и его братьев Бартоломе и Диего обвинения в злоупотреблениях. Арестовав адмирала, Бобадилья отправил его в Испанию. Впервые Колумб пересекал океан в цепях...

В октябре 1500 г. арестованный Христофор Колумб высадился в Кадисе, а спустя два месяца его приняла в Альгамбре королевская чета. Тронутые несчастным видом адмирала и его слезами, их величества милостиво обошлись с Колумбом. Он был освобожден, но королева уже никогда не вернула ему прежних полномочий.

11 мая 1502 г. Колумб отправился в свой последний, четвертый рейс к берегам Америки на четырех небольших кораблях с экипажем в 150 человек. Целью этого плавания был поиск Малаккского пролива, ведущего в Индийский океан, – адмирал продолжал упрямо верить в то, что он нашел морской путь в Индию. Оставив Эспаньолу, он, после краткой остановки на Ямайке, 30 июля 1502 г. достиг побережья Центральной Америки. В течение двух месяцев корабли Колумба исследовали берега Гондураса, Никарагуа и Коста-Рики. 14 сентября адмирал высадился близ мыса Грасиас-а-Дьос (Никарагуа) и исследовал область, которой он дал название Серабора. Здесь Колумб наткнулся на многочисленные выходы золотой руды и, расспросив местных индейцев, установил, что драгоценный металл в больших количествах добывается в районе, лежащем далее на восток и носящем название Верагуа. Колумбу удалось собрать множество образцов золотой руды и получить приблизительное описание золотых копей.

Продолжая идти на юго-восток, Колумб достиг северного побережья Панамы и 2 ноября 1502 г. высадился на берег в районе лагуны Чикири. После двух недель отдыха и исследования окрестностей адмирал приказал поднять паруса и взять курс на Санто-Доминго, но спустя три дня из-за сильной бури был вынужден вернуться к побережью Панамы. Место своей второй высадки Колумб назвал Ретрете – «место отступления». Здесь он оставался до 5 декабря, пока море наконец не успокоилось, и сильно потрепанные за время долгого плавания корабли снова подняли паруса.

7 января 1503 г. испанцы достигли устья большой реки, которую индейцы называли Кебира и которую Колумб окрестил испанским названием Рио-Белен. Аборигены рассказывали смутные вещи – будто там, дальше к западу, земля кончается, и за ней снова расстилается

бездонное синее море... Можно ли выйти в это море на кораблях? Ведет ли туда какой-нибудь пролив или протока? Индейцы не знали. Всмотревшись в горизонт, адмирал видел на западе только голубеющие в туманной дымке горы.

Встреча испанцев с аборигенами

Колумб назвал эту горную цепь Сан-Кристоваль. Неужели там, на западе, лежит Индийский океан, на поиски которого он потратил столько долгих лет и положил столько сил? Неужели судьба вновь окажется к нему немилостивой и он не сможет найти пролив, ведущий к заветной Индии?

Колумб резко меняет свои планы и лихорадочно начинает искать проход к лежащему на западе океану. Он бесплодно рыщет вдоль побережья Панамы, пересекает залив Сан-Блас, лавируя между островами архипелага Мулато, в нескольких местах подходит к берегу – все напрасно... Панамский перешеек лежит между ним и Западным

океаном непреодолимым барьером. Прохода нет. Истрепанные долгим плаванием, изъеденные морским червем корабли еле держатся на воде. Пора возвращаться...

16 апреля 1503 г. Колумб взял курс на Эспаньолу.

Великий мореплаватель умер в Вальядолиде (Испания) 20 мая 1506 г. в полном забвении и нищете. Современники, что нередко случается в истории, не сумели по достоинству оценить истинное значение сделанных Колумбом открытий. Да и сам он так и не понял, что обнаружил новый континент, считая до конца жизни открытые им земли Индией. Лишь после экспедиций Бальбоа, Магеллана и Веспуччи стало очевидно, что за океаном лежит совершенно новая, неведомая земля. Но назовут ее Америкой (по имени Америго Веспуччи), а не Колумбией, как того требовала справедливость. Более благодарными к памяти Колумба оказались последующие поколения соотечественников. Значимость его открытий была подтверждена уже в 20—30-х гг. XVI в., когда после завоевания богатых царств ацтеков и инков в Европу хлынул широкий поток американского золота и серебра. То, к чему великий мореплаватель стремился всю свою жизнь, и то, что он так упорно искал в Западных Индиях, оказалось не утопией, не бредом безумца, а самой настоящей реальностью.

Пинсон идет по следам Колумба

Висенте Яньес Пинсон был одним из соратников Колумба: в качестве капитана каравеллы «Нинья» он сопровождал великого генуэзца в первом его плавании. А 1 декабря 1499 г. Пинсон вновь отправился за океан, на этот раз уже в качестве начальника экспедиции, в состав которой входили 4 корабля. От островов Зеленого Мыса Пинсон взял курс на юго-запад и первым из испанских мореплавателей пересек экватор. 26 января 1500 г., после двухнедельного перехода через океан, на горизонте неожиданно открылась земля – мыс Сан-Роки (у 5°30' ю. ш.). Пинсон высадился на берег страны, позднее названной Бразилией, и от имени испанской короны вступил во владение ею.

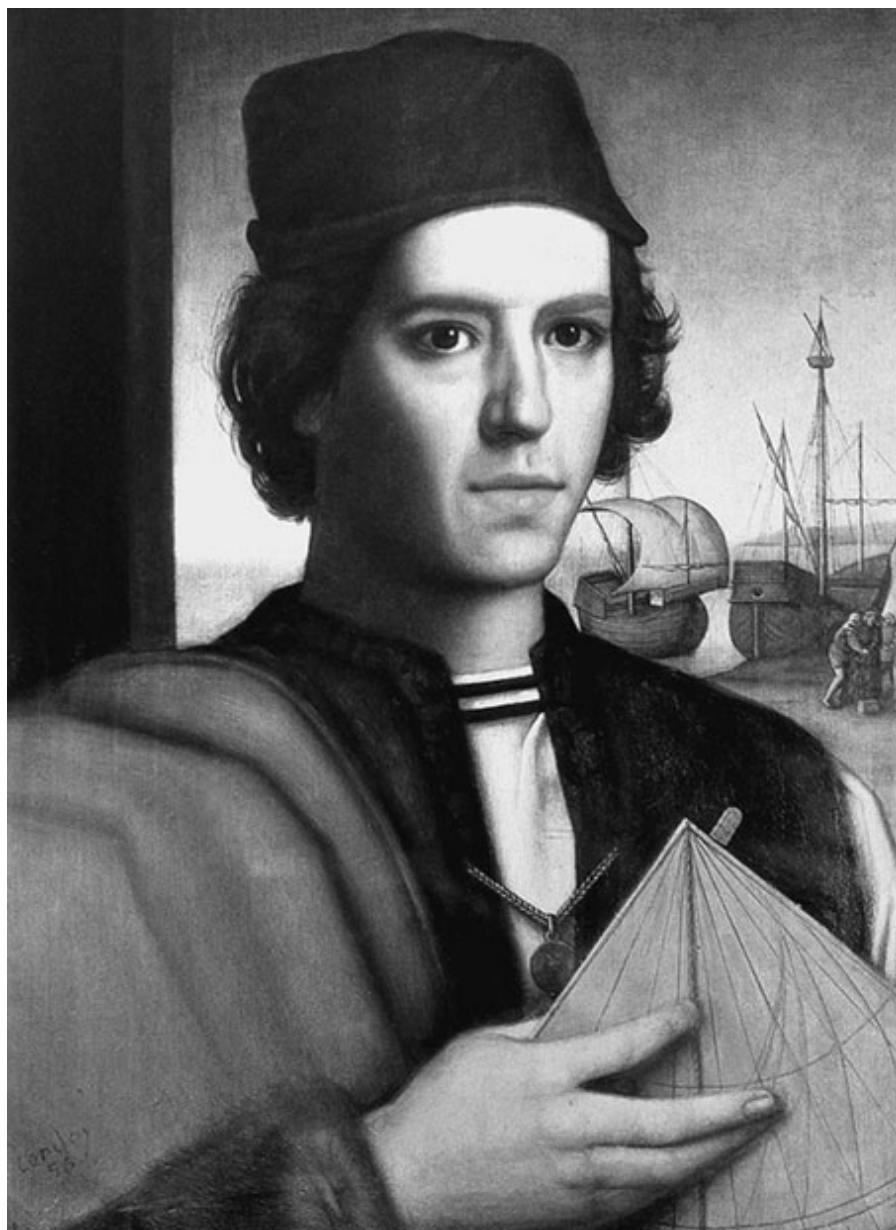
От мыса Сан-Роки флотилия двинулась на северо-запад. Дойдя до устья какой-то мелководной реки, Пинсон выслал вверх по ней четыре лодки. На берегу его люди столкнулись с вооруженными индейцами, начался бой. Восемь испанцев были убиты.

Продолжая путь на северо-запад, моряки через несколько дней потеряли из виду землю, но когда они зачерпнули забортную воду, то она оказалась годной для питья! Корабли немедленно повернули к берегу, однако достигли его, лишь пройдя около 200 километров. Так было открыто устье реки Пара (правый рукав Амазонки), а далее, у самого экватора, Пинсон обнаружил устье самой гигантской реки. Воды Амазонки превращали часть океана близ устья в «пресное море»; соленую воду моряки сумели обнаружить только на глубине около 12 метров.

Идя от устья Амазонки вдоль берега на северо-запад, Пинсон достиг Гвианы. Он проследил около 3000 километров побережья и решил, что такая протяженная береговая линия может принадлежать только континенту, который он принял за Азию. Затем Пинсон прошел еще дальше на северо-запад и в начале апреля обнаружил дельту другой великой южноамериканской реки – Ориноко. Отсюда флотилия направилась к Эспаньоле, следуя вдоль цепи Малых Антильских островов.

Сделав короткий привал на Эспаньоле, экспедиция направилась к Багамским островам, но на пути туда во время урагана погибли два

судна. Два уцелевших корабля 29 сентября 1500 г. вернулись в Испанию.

Висенте Яньес Пинсон

В 1505 г. Пинсон начал готовиться к новой трансокеанской экспедиции, целью которой должны были стать поиски к юго-западу от «полуострова Куба» морского прохода из Атлантического в «Восточный (Тихий или Индийский) океан». Прошло, однако, три года, прежде чем его намерения осуществились. Экспедиция на двух (по другим данным

– трех) кораблях вышла из устья Гвадалквивира в конце июля 1508 г. Спустя несколько месяцев корабли Пинсона были уже у южного побережья Кубы. Они прошли вдоль еще неизвестного западного участка кубинского берега между заливами Батабаньо и Корриентес и обогнули мыс Сан-Антонио. Убедившись, что далее берег круто поворачивает на северо-восток, экспедиция двинулась на юг. Корабли Пинсона достигли острова Гуанаха (Бонака), где в 1502 г. уже побывал Колумб, затем повернули на запад и вошли в Гондурасский залив. Здесь Пинсон открыл цепь островов Ислас и, дойдя до материкового берега, положил начало открытию полуострова Юкатан.

Так и не найдя морского прохода в «Восточный океан», корабли Пинсона повернули на север и прошли вдоль побережья Гондураса по крайней мере до 18° с. ш. В начале 1509 г. экспедиция повернула на юго-восток, к Дарьенскому заливу, а оттуда вдоль побережья Колумбии добралась до залива Пария. Относительно дальнейшего маршрута источники расходятся. По одной версии, исследования на этом закончились. Но по сведениям историка Антонио Эрреры, писавшего в конце XVI в., Пинсон от залива Пария отправился на юг и, пройдя вдоль побережья южноамериканского материка, достиг 40° ю. ш., то есть дошел до залива Байя-Бланка к юго-западу от Ла-Платы.

Три плавания Алонсо де Охеда

Испанский моряк Алонсо де Охеда стал одним из самых замечательных продолжателей открытий Колумба. Он сопровождал великого генуэзца во втором его плавании, а в 1499 г. снарядил собственную экспедицию в Новый Свет. В этом плавании принимал участие никому не известный в ту пору флорентийский торговец Америго Веспуччи.

Корабли Охеда подошли к берегам Нового Света районе нынешней Гвианы и двинулись вдоль побережья на запад. По пути Охеда завязывал дружественные отношения с туземцами, вел с ними торговый обмен. Миновав устье Ориноко, экспедиция вошла в глубокий, тихий, как озеро, залив Маракайбо. На его восточном берегу путешественники с удивлением увидели большие индейские поселения на сваях: с помостов к воде спускались легкие лестницы, по каналам и протокам между домами сновали каноэ... Испанцы назвали эту землю Венесуэла – маленькая Венеция. Имя это сохранилось и поныне. Охеда не нашел здесь ожидаемых драгоценностей, однако его плавание имело большое значение, поскольку он впервые разведал южноамериканское побережье от устья Амазонки до мыса Маракайбо.

В июне 1500 г. Охеда вернулся в Кадис, а в 1502 г. отправился в новое плавание. На этот раз его преследовали неудачи. В конце концов два его спутника арестовали Охеду, заковали в кандалы и, обвинив в противозаконных действиях, отвезли на остров Эспаньола. Лишь после долгих мытарств Охеде удалось оправдаться. Но эта неудача не сломила его. В ноябре 1509 г. он вновь отправился к берегам Южной Америки. В составе экспедиции, покинувшей под началом Охеда Эспаньолу, было около 300 человек, и среди них Франсиско Писарро, будущий завоеватель Перу. Экспедиция благополучно добралась до побережья Панамы, откуда Охеда с группой спутников отправился в глубь страны на поиски золота. Этот поход окончился катастрофой: ночью на небольшой испанский отряд, остановившийся на привал, неожиданно напали индейцы. 69 членов экспедиции погибли, лишь Охеде и еще одному солдату удалось спастись. Поодиночке они после тяжелых лишений достигли берега; упавшего без чувств Охеду лишь совершенно случайно нашли товарищи.

Домик туземцев

В результате этого плавания Охеда основал на берегу залива Ураба колонию Сан-Себастьян. Условия жизни первых колонистов были крайне тяжелые: они терпели голод и болезни, почти постоянно были вынуждены отражать набеги индейцев, и когда с Эспаньолы в Сан-Себастьян пришло первое судно, Охеда немедленно направился на нем за помощью, оставив вместо себя Франсиско Писарро. По дороге Охеда поссорился с капитаном корабля, и тот велел заковать его в цепи. Однако, когда разыгрался шторм, моряки освободили Охеду и поручили ему, как более опытному капитану, управление кораблем. Охеда привел разбитый бурей корабль к южному побережью Кубы. Здесь экипаж

высадился на берег и, преодолевая страшные трудности и терпя лишения, с большим трудом добрался до Гаваны. Это путешествие стало последним в карьере Охеды.

Несчастье Америго Веспуччи

Этому флорентийскому путешественнику (а может быть, и не путешественнику – некоторые исследователи считают, что Америго Веспуччи никогда не был в Америке) несказанно повезло (или не повезло): величайшее в мире географическое открытие оказалось совершенно случайно связано с его именем. Огромный континент в его честь сегодня называется Америкой, хотя открыл этот континент совсем не Америго...

С Колумбом Америго Веспуччи был хорошо знаком: он принимал участие в подготовке 2-й и 3-й экспедиций великого гегуэца, и сам Колумб считал его своим близким другом. В то же время Веспуччи был едва ли не тайным его соперником: из письма самого Веспуччи от 4 сентября 1504 г., адресованного флорентийцу Пьеро Содерини, известно, что он в 1497–1498 гг. совершил какое-то секретное плавание в Западное полушарие и достиг, как считается, берегов Центральной Америки. В 1499–1500 гг. на средства, полученные с помощью Веспуччи, испанец Алонсо Охеда организовал экспедицию к побережью современной Гвианы. Веспуччи также участвовал в этой экспедиции. В 1501 г. он перешел на службу к португальскому королю и до 1504 г. участвовал в одной, а может быть, и в двух португальских экспедициях к берегам Нового Света. Предполагается, что именно Веспуччи открыл устье Амазонки и первым обследовал северо-восточное побережье Бразилии. В 1504 г. он вернулся в Испанию. В 1505 г. ему было пожаловано кастильское подданство «за услуги, которые он оказал и еще окажет кастильской короне». Что делал Веспуччи в последующие два года, неясно: то ли опять плавал в Западное полушарие, то ли только снаряжал в Севилье корабли для этой цели...

В XVII–XVIII вв. почти все ученые склонялись к мнению, что Америго Веспуччи был сознательным обманщиком, стремившимся присвоить себе славу Колумба. До сих пор нет сколько-нибудь убедительных доказательств, что Веспуччи был капитаном какого-либо корабля. Неизвестно – за одним исключением, – какие обязанности он выполнял во время своих плаваний, и только в одном случае точно известно, под чьим начальством он плавал. Некоторые исследователи

сомневаются даже в том, действительно ли Веспуччи совершил путешествия, о которых он сам рассказывал. Александр Гумбольдт считал, что имя Америго Веспуччи появилось на карте случайно и в этом следует видеть не вину, а беду флорентийского мореплавателя: «Что касается имени великого континента, общепризнанного и освященного употреблением в течение многих веков, то оно представляет собой памятник человеческой несправедливости... Название “Америка” появилось... благодаря стечению обстоятельств... Стечение счастливых обстоятельств дало ему (Америго Веспуччи. – *Примеч. авт.*) славу, а эта слава в течение трех веков ложилась тяжким грузом на его память, так как давала повод к тому, чтобы чернить его характер. Такое положение очень редко в истории человеческих несчастий».

Америго Веспуччи

Так в результате этого «несчастливого случая» Америго Веспуччи дал свою имя заокеанскому континенту. Назвать вновь открытые земли по имени Америго Веспуччи предложил в 1507 г. немецкий картограф Мартин Вальдземюллер. На карте Яна Рейса 1508 г. названия «Америка» еще нет – недавно открытый материк называется Землей Святого Креста, или Новым Светом. Впервые название «Америка» появляется на глобусе Иоганна Шенера в 1511 г. Вначале оно было

принято только для Южной Америки, но в 1530-х гг. распространилось и на северную часть континента.

Наперегонки с Колумбом

В свое время слава венецианца Джованни Кабото (*англ.* Джон Кабот) соперничала со славой Колумба и Васко да Гамы, но в итоге ему суждено было остаться в тени своих более удачливых конкурентов. Хотя если бы он вернулся из своей последней экспедиции, кто знает, чье имя стояло бы первым в числе великих путешественников и первооткрывателей...

С юных лет Джованни Кабото совершал далекие путешествия. Почти одновременно с Колумбом ему пришла мысль о возможности достичь Индии с запада. Однако средств на организацию такой экспедиции у него не было, и заветная мечта до поры оставалась мечтой.

В 1484 или в 1490 г. Джованни Кабото и его сын Себастьян оставили Венецию и переселились в Англию, в Бристоль, где основали корабельную компанию. Так Джованни Кабото стал Джоном Каботом. В те годы Бристоль был оживленным океанским портом, откуда из года в год отправлялись корабли на поиски неведомых земель. Но заметных результатов эти экспедиции не давали.

Положение изменилось, когда Кабот получил от короля Генриха VIII официальное разрешение присоединять к Англии любые острова или материки, какие ему только удастся открыть. При этом ему было пожаловано исключительное право колонизации и торговли во вновь открытых землях. Подобно Колумбу, Кабот намеревался предпринять путешествие на запад, прежде всего, чтобы найти обозначенный на картах легендарный остров Бразил в Атлантике, а может быть, также достигнуть Восточной Азии.

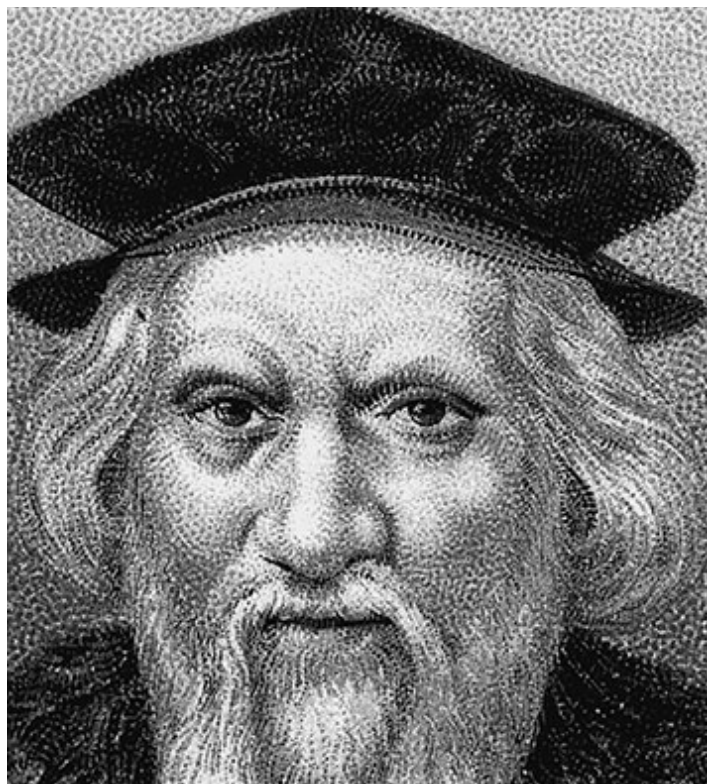
Первое плавание Кабота было неудачным. Корабли сбились с пути, команда взбунтовалась и потребовала возвращения домой. Между тем Бристоля достигли известия о первых открытиях Колумба. Размышляя над ними, Кабото пришел к выводу, что плавание в северо-западном направлении должно привести в «Катай» (Китай) и Индию гораздо быстрее, чем по пути, избранном Колумбом. В свое второе плавание он отправился 2 мая 1497 г. на небольшом судне «Мэтью». На втором корабле шел его сын, Себастьян Кабот.

Экспедиция отправилась Бристоля в северо-западном направлении. Джон Кабот явно искал путь в Индию через Северо-Западный проход. «Кабот направил свой путь так далеко к Северному полюсу, что в июне встретил огромные горы плавучего льда и увидел долгий день, – писал в 1533 г. в своем труде “Океаника” Петрус Англериус. – Он нашел в этом плавании свободную ото льда землю. Увидев перед собой такие огромные массы льда, Кабот был вынужден повернуть на запад и идти вдоль берега...» 24 июня экспедиция достигла североамериканского материка. Это было первое достоверное открытие Американского континента со времен норманнов. Впервые после норманнов нога европейца ступила на Американский континент. Вспомним, что Колумб в 1492–1497 гг. открыл лишь острова в Карибском море, и только 1 августа 1498 г. он в первый раз высадился на земле собственно американского материка.

Высадившись на берег близ острова Кэп-Бретон, члены экспедиции подняли два флага: британский и венецианский. Затем, обогнув Нью-Брансуик, корабли Кабота пришли к устью реки Святого Лаврентия. Подобно Колумбу, Кабот еще не имел ясности о том, что же за земля перед ним, и полагал, что это может быть Азия и что вот-вот он встретит подданных Великого хана...

Затем «Мэтью» прошел около 300 миль вдоль восточного побережья Северной Америки на юго-запад. Иногда моряки иногда высаживались на берег. Он почти везде был безлюден. Кое-где англичане видели силки, установленные кем-то для ловли дичи, и надрезы, сделанные на деревьях. Нет, это явно не была земля Великого хана. И здесь не было ни золота, ни серебра, ни жемчуга...

Из-за недостатка припасов Кабот повернул обратно и прибыл в Англию в том же 1497 г. после трех месяцев плавания.

Джованни Кабото

В Англии Кабота встретили с большим почетом. Правда, болезненно скупой Генрих VIII наградил мореплавателя мизерной премией всего в 10 фунтов стерлингов. Зато популярность Кабота была безмерна. Но раздавались и другие голоса. По мнению многих, экспедиция Кабота не оправдала себя. Она стоила больших средств и, в отличие от экспедиции Колумба, не доставила никаких прибылей и даже надежд на прибыли. Покрытые лесами, почти необитаемые берега новой земли никак не могли быть берегами Китая или Индии. И в течение нескольких десятилетий англичане не предпринимали новых попыток западным путем плыть к Восточной Азии.

Что же касается самого Кабота, то он, как и Колумб, полагал, что открыл дорогу в Восточную Азию. И в мае 1498 г. с небольшой флотилией он снова отправился в путь – продолжать свои открытия. Из этого плавания вернулся лишь один-единственный корабль – тот, который из-за повреждений был вынужден повернуть обратно. Остальные бесследно пропали.

Есть гипотеза, что Джон Кабот умер в пути. Но более вероятно, что он все же снова достиг американского побережья и, скорее всего,

повернул на север в поисках загадочного Северо-Западного прохода, ведущего к легендарным богатствам Индии. То, что такой путь существует, Джон Кабот предположил одним из первых и одним из первых попытался найти его в надежде, что он окажется для европейцев самой удобной морской дорогой в Азию.

Джованни да Вераццано в устье Гудзона

Джованни да Вераццано был выходцем из Флоренции. Он много путешествовал и в конце концов поселился во Франции. Есть предположение, что Вераццано и известный французский пират Жан Флорин (Флери) – одно и то же лицо. В 1523 г. этот пират ограбил испанский корабль с богатой мексиканской добычей. А в следующем году по странному совпадению от берегов Франции на поиски Китая отправляется флотилия из четырех кораблей во главе с Джованни да Вераццано.

Едва выйдя в море, корабли попали в сильнейший шторм, получили повреждения и вынуждены были вернуться к берегам Бретани. После починки судов Вераццано на одном из них отправился сперва на остров Мадейра, а оттуда далее на запад. Спасаясь от бури, Вераццано отклонился к северу от курса и достиг берегов Америки около 34° с. ш., то есть между мысом Фэйр и мысом Гаттерас в нынешней Северной Каролине. Низкая и очень протяженная песчаная коса отделяла корабль от видневшегося вдали материка, так что моряки долго не мог найти в ней прохода или хотя бы места, удобного для якорной стоянки. В поисках его Вераццано прошел сперва немного к югу, затем повернул к северу и таким образом достиг устья реки Гудзон, где моряки впервые увидели индейцев, встретивших их вполне дружелюбно. Потом экспедиция продолжила движение на север и добралась до Ньюфаундленда, который к тому времени уже был хорошо известен морякам из Бретани и Нормандии. Отсюда Вераццано вернулся во Францию.

Памятник Джованни да Вераццано

Открытия Вераццано оказались очень важными и были в дальнейшем использованы экспедицией Жака Картье. Позже открытые Вераццано реку и залив повторно открыл Генри Гудзон, именем которого они и были названы. Впрочем, американцы уже в наши дни постарались восстановить историческую справедливость и назвали именем Вераццано один из самых больших мостов в Нью-Йорке.

Жак Картье открывает Канаду

В 1534 г. французский король Франциск I решил, наконец, включиться в гонку за сокровищами Нового Света, к которым уже устремились испанцы, португальцы и англичане. Выбор его пал на Жака Картье – опытного моряка, прославившегося как удачливый капер. К тому времени французские рыбаки из Бретани и Нормандии освоили маршрут плавания к побережью Ньюфаундленда, и Картье решил идти по их стопам.

На двух кораблях с 60 матросами Картье вышел в море в апреле 1534 г. Из-за сплошного льда он не смог подойти к берегу Ньюфаундленда. Двинувшись вдоль кромки ледового поля на север, экспедиция достигла маленького острова, густо заселенного птицами. Моряки занялись охотой. Затем, несмотря на бурное море, они прошли проливом Бель-Иль между Ньюфаундлендом и Лабрадором и встали на якорь в маленькой бухте. Спустя несколько дней сюда, спасаясь от непогоды, пришел корабль с французскими рыбаками из Ла-Рошели. Это сильно снижало роль экспедиции Картье: получалось, что залив Святого Лаврентия был уже хорошо известен рыбакам, и королевская экспедиция не могла прибавить к этому ничего нового...

Картье отправился дальше и вскоре очутился в совершенно неизведанных краях. Узкий и длинный залив Шалёр показался ему проливом, ведущим напрямик в Индию, и он был очень разочарован, когда мнимый пролив оказался заливом. Здесь состоялась первая встреча французских моряков с индейцами.

Огибая остров Антикости, корабли Картье упорно шли на запад, надеясь найти пролив в Тихий океан. В августе погода испортилась. Было решено вернуться домой, чтобы не попасть в полосу осенних штормов у берегов Ньюфаундленда. 5 сентября французы вернулись в Сен-Мало. Им не удалось найти дорогу в Индию, зато они открыли «землю, простирающуюся на юго-запад, и полосу открытой воды, ведущую к западу на неизвестное расстояние». Это сообщение произвело большое впечатление на короля, и он поручил Картье продолжить исследования.

В 1535 г. Картье вновь отправился за океан. Он опять подошел к Ньюфаундленду, обогнул с севера остров Антикости и вошел в устье

реки. Индейцы сказали ему, что эта река называется Сэгенэй и что на ней добывается медь, что большая река, текущая с юго-запада, называется Ошелага (ныне река Святого Лаврентия) и течет она из страны, называемой Канада. Они подтвердили, что эта река в верхнем течении судоходна, и добавили, что никто еще не видел ее истоков.

Плывя по реке Святого Лаврентия, Картье добрался до живописного урочища, которое индейцы называли Стадакона (ныне здесь расположен город Квебек). Вождь местного племени встретил французов приветливо, но воспротивился их желанию пришвартовать свои корабли в устье реки Сен-Шарль, а дальше плыть в лодках. Тогда Картье приказал зарядить 12 пушек и выстрелить. Индейцы «были совершенно поражены залпом и подняли такой вой и визг, что можно было подумать, будто сам ад вытряхнул на землю свое содержимое».

После этого французы сели в шлюпки. Десять дней плыли они вверх по величественной реке, берега которой поросли живописными лесами. В начале октября экспедиция прибыла в индейское поселение Ошелага. Французы поднялись на гору, которую назвали Мон-Руаяль (Монреаль) – «Королевская гора». С ее вершины была видна плодородная долина, а за ней на юге – голубые холмы, похожие на сахарные головы, поднимавшиеся вдали среди равнины... Эта страна была прекрасна.

Жак Картье

Вернувшись к своим кораблям, путешественники построили поблизости форт и зазимовали в нем. Зима была долгая и суровая. Среди французов началась цинга. В феврале болезнь усилилась, из 110 человек 25 умерли; из остальных вряд ли можно было набрать десяток здоровых. На помощь пришли индейцы: они дали Картье лекарство, сделанное из листьев, почек и коры какого-то дерева. Это лекарство оказало чудесное действие, люди начали быстро выздоравливать.

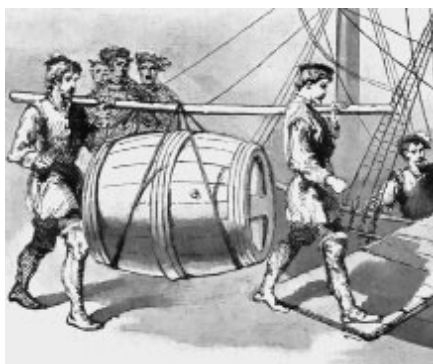
Весной французы вернулись на родину, а в мае 1541 г. Картье вновь вышел в море, на этот раз на 5 кораблях. Обосновавшись в 15 километрах выше Квебека, он продолжил исследование реки Святого Лаврентия. Зима прошла благополучно, а весной к берегам Ньюфаундленда пришли 3 корабля с группой первых колонистов. Франция становилась хозяйкой огромных территорий за океаном, но первооткрыватель Канады так и не дождался благодарности короля:

ведь Картье не привез ни золота, ни алмазов и не открыл пути в Индию...

Дорогами великих конкистадоров

Бальбоа открывает Тихий океан

Когда 35-летний Васко Нуньес де Бальбоа стал губернатором первой испанской колонии на Американском континенте – Золотой Кастилии (Панамы), в его распоряжении имелось лишь около трех сотен колонистов, из которых не больше половины могло держаться на ногах – здоровье остальных было подорвано лишениями и тропическими болезнями. Этих ничтожных сил для покорения огромной страны было явно недостаточно. Но Бальбоа и не собирался идти напролом. Умело пользуясь враждой между местными племенами, заключая союзы с одними, нападая на других, он сумел обеспечить процветание колонии. Наряду с этим Бальбоа неустанно искал сокровища. В письме королю Испании, датированном 20 января 1513 г., он высказывает мысль, что целью поисков должны стать «золотые города», по слухам, расположенные где-то на юге, откуда индейцы Панамы получают львиную долю своих золотых украшений, а также загадочный океан, лежащий где-то на западе. Может быть, именно через этот океан пролегает дорога в заветную Индию?

Снаряжение кораблей Бальбоа

Бальбоа подробно расспрашивал индейцев о том, каким путем короче и безопаснее всего можно добраться до другого моря. Наконец, 1 сентября 1513 г. Бальбоа вышел в дорогу во главе отряда из 190 человек. Панамский перешеек, который предстояло пересечь, чтобы добраться до берега неизвестного моря, имеет не более 60 миль в ширину, но на всем протяжении он перерезан цепями высоких гор, подножия которых поросли буйной тропической растительностью.

Первую часть пути экспедиция прошла морским путем, на бригантинах и каноэ. Высадившись 6 сентября на земле дружелюбных индейцев области Карета и получив от местного вождя Куарека указания относительно дальнейшего пути, испанцы отслужили мессу и, испросив у Бога благословения на дальнейший путь, двинулись дальше. 18 сентября экспедиция достигла резиденции другого индейского вождя, Понка. От него конкистадоры получили первые действительно достоверные сведения о большом море на юге. Понка показал выступающие на горизонте вершин гор и объяснил, что море откроется сразу после того, как испанцы минуют эту горную цепь. Он также подарил Бальбоа несколько очень любопытных, грубо сделанных золотых украшений, которые, по его словам, были доставлены в его страну с побережья «другого моря».

20 сентября отряд Бальбоа продолжил поход. Идти было невероятно тяжело: местность была сильно пересечена и изобиловала ручьями. В некоторых местах отряду пришлось прорубаться через непроходимые чащи, преодолевать вязкие болота с тучами moskitov. Ядовитые испарения болот, желтая лихорадка и дизентерия, свирепствовавшие в этих местах, изматывали силы и убивали энергию самых здоровых людей. За 4 дня испанцы смогли пройти всего около 30 миль. Но главное испытание ожидало их в конце этого утомительного пути: Порке, вождь горного индейского племени куракуа, вступил в жестокий бой с пришельцами. После кровавого сражения, в котором погибло около 600 индейцев во главе с вождем, испанцы овладели селением Куракуа, расположенным у подножия последней горы, закрывающей путь к Южному морю. 26 сентября, преодолев это последнее препятствие, около 10 часов утра Бальбоа и его спутники увидели на горизонте огромное океанское пространство...

Васко Нуньес де Бальбоа

Все опустились на колени. Священник экспедиции, отец Андрес Вара, пропел *Te Deum*. В память об историческом событии испанцы соорудили на этом месте деревянный крест, обложив его основание камнями. На кресте были вырезаны имена испанских королей.

29 сентября Бальбоа в сопровождении 26 человек из своего отряда и нескольких индейцев достиг заветного берега. Так как в этот день отмечался праздник святого архангела Михаила, испанцы окрестили бухту, где они впервые вышли на побережье Южного моря, заливом Сан-Мигель. С крестом в одной руке и со знаменем Леона и Кастилии в другой, Бальбоа вошел по колено в воду и торжественно объявил все открытые им земли и моря владением испанской короны.

Бальбоа жадно всматривался в бескрайнее пространство Южного океана. Где-то там, на юге, по словам индейцев, лежала таинственная страна Биру, сказочно богатая золотом. Из золота там даже делают орудия повседневного труда... Бальбоа был уверен, что речь идет о

легендарной империи Чипангу, о которой писал Марко Поло. Он все еще не мог поверить, что находится не в Азии, а в совершенно неизвестной европейцам земле, богатства которой тысячекратно превышают богатства Индии. Он не знал, что страна Биру – это не мифическая империя Чипангу, а грозная и могущественная индейская империя Тауантинсуйу, или Перу. Бальбоа так никогда и не увидел этой страны. Спустя несколько лет после его смерти на завоевание Перу отправится другой конкистадор – Франсиско Писарро.

Путешествие В поисках источника вечной молодости

В 1508 г. губернатором острова Пуэрто-Рико был назначен Хуан Понсе де Леон. От местных индейцев он услышал легенду об острове Бимини, где бьет источник вечной молодости. Восприняв эту новость совершенно всерьез – в эпоху Великих географических открытий реальностью становились порой самые фантастические легенды! – он обратился к королю с просьбой выдать ему патент на поиски острова Бимини. Это ходатайство было удовлетворено, и Понсе де Леон приступил к снаряжению трех кораблей и найму матросов. Рассказывают, что вера в источник вечной молодости была так велика, что в экспедицию принимали и стариков, и увечных: ведь после сравнительно короткого морского перехода они смогут омолодиться и вернуть утраченные силы!

3 марта 1513 г. флотилия отплыла на поиски чудесного острова. Корабли взяли курс на северо-запад, где располагалась южная группа островов Багамского архипелага, открытая еще первой экспедицией Колумба. Далее к северу простирались неведомые воды. Островов здесь было великое множество, но чудесный источник пока не попадался. 27 марта 1513 г., миновав северную группы Багамских островов, путешественники увидели землю. Понсе де Леон назвал эту страну Флоридой («Цветущая»), так как ее берега были покрыты великолепной растительностью.

Хуан Понсе де Леон

Две недели корабли шли на север, вдоль восточного берега Флориды. Испанцы высаживались во многих местах и перепробовали воду множества речек и родников, но все было напрасно: чудесный источник не попадался. У 30-й параллели Понсе де Леон в последний раз высадился на берег и провозгласил новооткрытую землю собственностью кастильской короны. Флорида стала первым испанским владением на Североамериканском континенте.

Статуя Хуана Понсе де Леона в Сент-Огастине, Флорида

Повернув на юг, экспедиция вновь прошла вдоль восточного побережья Флориды, исследовав его на протяжении 500 километров и открыв мыс Кеннеди (Канаверал) и цепь коралловых островов Флорида-Кис, образующих барьерный риф длиной 200 километров. Далее суда попали во встречный мощный поток теплого морского течения, которое шло в открытый океан между Флоридой и Багамскими островами. Гигантская «морская река» темно-синего цвета, резко отличающаяся от зеленовато-голубой воды океана, текла с запада и у

юго-восточной оконечности Флориды круто поворачивала на север. Это было Флоридское течение – начальный участок Гольфстрима. Впервые с этим течением столкнулась экспедиция Понсе де Леона.

Флотилия обогнула Флориду и прошла вдоль ее западного берега до 27,5° с. ш. На обратном пути экспедиция, продолжая поиски чудесного источника, открыла несколько островов в северной части Багамского архипелага.

В следующем году Понсе де Леон на двух кораблях вновь отправился к Флориде и высадился на берег. Последовала стычка с индейцами, в ходе которой начальник экспедиции был тяжело ранен. В том же году Понсе де Леон скончался. После этой неудачи испанцы долго не предпринимали новых попыток колонизации Флориды.

Хуан Солис в устье Ла-Платы

Хуан Диас де Солис принимал участие в экспедициях на Юкатан в 1506–1507 гг. и во второй экспедиции Висенте Пинсона в 1508 г., в ходе которой командовал одним из кораблей. Опытный моряк, он в 1512 г. после смерти Америго Веспуччи был назначен пилот-майором (главным навигатором) Испании. После того как до Европы дошла весть об открытии Тихого океана Васко Нуньесом де Бальбоа, Солис выдвинул план исследовательской экспедиции, призванной исследовать южную часть Американского континента, еще абсолютно неизвестную, и отыскать морской проход из Атлантического океана в Тихий.

8 октября 1515 г. три судна с общим экипажем в 70 человек, имея на борту запас продовольствия на 2,5 года, под командованием Солиса отправились от берегов Испании в далекое плавание. В конце года экспедиция достигла побережья Бразилии и двинулась на юг. Миновав 25-ю параллель, испанцы оказались в совершенно неведомых водах; земля, тянувшаяся на юг, насколько хватает глаз, также была абсолютно неисследована. Высадившись на берег, Солис объявил эту территорию (это была Бразилия) владением Испании. Эту процедуру он повторял еще несколько раз по мере того, как корабли продвигались на юг.

Хуан Диас де Солис. Каменный монумент

Пройдя вдоль берега Бразилии около 1000 километров, корабли Солиса в феврале 1516 г. достигли необозримого водного пространства с мутной и слабосоленой водой. Обогнув мыс, на котором ныне стоит столица Уругвая Монтевидео, и пройдя еще около 200 километров, Солис убедился, что в этом месте в океан впадают две большие реки – Уругвай и Парана. Их общее устье получило название Рио-де-ла-Плата.

Во главе небольшой поисковой партии, состоявшей из 2 офицеров и 7 солдат, Солис на лодках поднялся вверх по течению Ла-Платы.

Пройти далеко путешественникам не удалось: маленький отряд неожиданно подвергся нападению индейцев чарруа. Все члены экспедиции были убиты, за исключением одного моряка, который сумел добраться до побережья и сообщить своим товарищам, остававшихся на кораблях, о трагической судьбе Солиса. Руководство экспедицией принял на себя шуриин Солиса, Франсиско де Торрес. Он распорядился возвращаться в Испанию. На обратном пути один из кораблей потерпел крушение близ острова Санта-Катарина; уцелевшие моряки были позже спасены экспедицией Себастьяна Кабота.

Поход в страну Белого короля

Каким образом португалец Алежу Гарсия появился в Южной Америке, в точности неизвестно. Считается, что около 1523 г. был назначен начальником экспедиции, отправившейся к берегам Бразилии, и потерпел крушение у побережья материка. По другой версии, Гарсия – один из 18 оставшихся в живых членов экспедиции Хуана де Солиса. Ясно только, что в землях индейцев гуарани Гарсия оказался во многом случайно. Однако путешественник сумел здесь быстро освоиться. Он установил дружеские отношения с гуарани, изучил их язык. От индейцев он узнал волнующую легенду о том, что далеко на западе, в горах, располагается страна некоего белого короля, сказочно богатая серебром; по рассказам, этот король владел целой горой из серебра...

Сегодня большинство специалистов отождествляет Страну белого короля с империей инков, и это, скорее всего, действительно так. Самое удивительное – это то, что гора из серебра действительно существовала – на территории Боливии – и была найдена испанцами в 1544 г. Возле нее вырос город Потоси, на несколько веков ставший крупнейшим в мире центром добычи серебра...

Как бы то ни было, Гарсия решил завладеть сокровищами богатой страны. В 1524 г. он отправился на ее поиски во главе отряда из 2000 воинов-гуарани. Экспедиция перевалила горные хребты Сьерра-ду-Мар и Сьерра-Жерал, прошла через юго-восточную окраину Бразильского плоскогорья и, двинувшись на запад по долине реке Игуасу, достигла ее устья, пройдя более 1300 километров. Переправившись через реки Парана и Парагвай, Гарсия первым из европейцев пересек центральную часть Ла-Платской низменности, равнину Гран-Чако и дошел до предгорий Анд – до верхнего течения реки Пилькомайо. Общая протяженность пути, пройденного отрядом Гарсии по совершенно неизвестным территориям, составила около 2000 километров. Этот португальский путешественник стал первым исследователем внутренних районов Южноамериканского материка.

Корабль Алежу Гарсии во время урагана

Экспедиция благополучно вернулась домой, захватив в предгорных селениях инков неплохую добычу. Попытка Гарсии организовать новый поход сорвалась: гуарани отказались следовать за ним. В конце 1525 г. Гарсия был убит индейцами на реке Парагвай.

Упрямый Себастьян Кабот

В марте 1525 г. испанский король поручил венецианскому мореплавателю Себастьяну Каботу (*ит.* Кабото) возглавить экспедицию в Новый Свет, задачей которой являлось астрономически точное установление границ, определенных Тордесильяским договором 1494 г.: земли и моря к востоку от меридиана $49^{\circ}32'56''$ з. д. отходили Португалии, к западу – Испании. От берегов Бразилии экспедиция должна была проследовать ни много ни мало как к Молуккским островам (Юго-Восточная Азия) и распространить на них власть испанской короны (это задание ясно свидетельствует о том, что в эти годы Южная Америка все еще считалась если не частью Азии, то ее ближайшим соседом). Официальной задачей экспедиции провозглашалось «открытие Таршиша, Офира и Восточного Китая». При благоприятных обстоятельствах этот рейс, возможно, стал бы вторым кругосветным плаванием в истории человечества. Но все, увы, сложилось не так, как предполагалось...

Себастьян Кабот

3 апреля 1526 г. экспедиция на 4 кораблях, имея около 200 человек на борту, вышла в плавание от берегов Испании. Дойдя до устья Ла-Платы, Кабот получил первые сведения об успешном походе Алежу Гарсия к предгорьям Анд и о сокровищах империи инков. Слухи о сказочных богатствах, таящихся в глубине континента, сильно разволновали венецианца, так что он начисто забыл о поставленных перед ним задачах и вместо этого отдал команду высадиться на берег и отправить поисковую партию вверх по Ла-Плате. Это вызвало большое неодобрение у команды. За время плавания Кабот уже заработал себе нелестную репутацию, крайне неумело управляя эскадрой и посадив флагманский корабль на мель близ острова Санта-Катарина. Его решение относительно экспедиции на Ла-Плату вызвало открытое сопротивление старших офицеров: заместителя начальника экспедиции Мартина Мендеса, главного кормчего Мигеля Родаса и капитана одного из кораблей Франсиско Рохаса. Обвинив их в мятеже, Кабот

распорядился высадить их и нескольких других моряков на острове Санта-Катарина, после чего упрямо направился к берегам Уругвая.

В устье Ла-Платы Кабот провел около 5 месяцев, исследуя реку и прилегающие земли. При слиянии рек Уругвай и Сан-Сальвадор он заложил форт Сан-Сальвадор, ставший первым испанским поселением на территории современного Уругвая. Оставив здесь 2 своих больших корабля, он отправился вверх по реке Парана на бригантине и небольшой галере, построенной на острове Санта-Катарина. При слиянии Параны с рекой Рио-Каркаранья поисковая партия построила маленький форт Эспириту-Санто – первое испанское поселение в Аргентине. Попытка углубиться во внутренние районы континента не удалась: потеряв в стычке с индейцами 18 человек, экспедиция возвратилась в Сан-Сальвадор. Отсюда Кабот отослал одно судно назад в Испанию – оно должно было доставит королю его рапорт, обвинения против мятежников и просьбу о подкреплении. Весной 1529 г. упрямый венецианец вновь поднялся вверх по реке к форту Эспириту-Санто и обнаружил, что он сожжен и разрушен индейцами за время его отсутствия.

На совете, состоявшемся 6 августа 1529 г., руководители экспедиции приняли решение возвращаться в Испанию. Это возвращение нельзя было назвать триумфальным: Кабот прибыл в Севилью 22 июля 1530 г., имея в своем распоряжении всего 1 корабль и 24 человека команды. Он был немедленно предан суду. Королевский Совет по делам Индий обвинил венецианского мореплавателя в неповиновении, плохом управлении экспедицией и в фактической бессудной казни своих подчиненных; семьи погибших офицеров Мендеса, Родаса и Рохаса, в свою очередь, выдвинули иски против Кабота. В итоге он был приговорен к большому штрафу и двухлетнему изгнанию в Северную Африку. Позже срок изгнания было удвоен, однако известно, что в реальности Кабот никуда не уехал, а оставался на посту главного навигатора Испании до 1547 г., после чего уехал в Англию, где предложил свои услуги британской короне.

Такой Южную Америку увидел Кабот. Рисунок 1544 г.

Франсиско Эрнандес де Кордоба в стране майя

На рассвете 3 марта 1517 г. какой-то индеец увидел далеко в море, у самой линии горизонта, три темные точки, размеры которых быстро увеличивались. Вскоре они превратились в настоящие плавучие горы, увенчанные белыми шапками парусов. Индеец тут же бросился в город к вождю, чтобы рассказать об этом необыкновенном зрелище. А между тем парусники быстро приближались к побережью Юкатана. Находившиеся на их борту бородатые люди громко выражали свою радость при виде земли...

Это была экспедиция под командой Франсиско Эрнандеса де Кордобы. Она вышла из кубинского порта Ахаруко, держа курс к островам Гуанакес, но жестокий шторм отбросил корабли далеко в сторону. В утреннем тумане возникли очертания незнакомого побережья. Вскоре морякам удалось рассмотреть низкий, усеянный обломками скал берег. Всего в двух лигах от побережья раскинулся прекрасный город. Высокая стена окружала ряды ступенчатых пирамид, напоминающих дворцы...

Каравеллы подошли ближе к берегу. Между тем навстречу им вышли 10 больших лодок. На корме самой большой из них под навесом из пальмовых листьев сидела группа вождей. Их сопровождали воины, вооруженные копьями и щитами. Через несколько минут туземцы вскарабкались на борт флагманского судна. Индейцы держались довольно миролюбиво. Испанцы одарили их связками стеклянных бус.

Франсиско Эрнандес де Кордоба

На следующий день на берегу высадилась группа испанских моряков. Весь берег был усеян индейцами, вышедшими из города посмотреть на пришельцев. Ободренные мирным приемом испанцы последовали за вождями в глубь побережья. Внезапно воздух огласили громкие крики, и воины, скрывавшиеся в засаде, осыпали пришельцев тучей стрел. 15 испанцев было ранено. Увидев, что неприятель захвачен врасплох, десятки воинов майя с дикими криками выскочили из укрытий и бросились в бой...

Испанцы были поражены этим вероломством. Впрочем, замешательство в их рядах было недолгим: опытные солдаты быстро сумели организовать сопротивление. Залпы мушкетов привели нападавших в чувство: побросав свои дротики и дубинки, воины майя кинулись наутек.

Испанцы же, увидев таинственный город со зданиями, богато украшенными статуями змей, ягуаров и неведомых чудовищ, не могли побороть соблазна пойти дальше. Они вступили на небольшую площадь, окруженную тремя каменными храмами. Войдя в узкие двери одного из храмов, конкистадоры замерли, пораженные зрелищем, скрывшимся их взорам. До сих пор на территории Нового Света не встречалось подобных чудес!

У задней стены стоял каменный алтарь с причудливым рельефным резным орнаментом. Одни фигуры изображали пышно одетых вождей и жрецов, восседавших на тронах. Другие – животных или змей с человеческими головами, отдаленно похожих на кентавров. Повсюду по стенам вились змеи с головами драконов и ряды непонятных письмен. Деревянные сундуки были наполнены статуэтками животных и птиц, сделанными из меди и низкопробного золота...

Кордоба решил как можно больше узнать об этой стране, сулившей богатую добычу. Флотилия подняла якоря и вышла в море, покинув негостеприимный берег, названный испанцами мысом Каточе. В течение 15 дней корабли Кордобы шли вдоль побережья Юкатана. Поскольку запасы питьевой воды иссякали, испанцы высадились на берег вблизи еще одного города майя. Вновь их встречала делегация вождей, облаченных в богато украшенные мантии. И снова, как и в Каточе, здесь была устроена вероломная засада: вступив в город, испанцы оказались окруженными со всех сторон отрядами индейских воинов. Вперед выступили рабы, несшие связки сухого тростника. Десять жрецов, облаченных в белые мантии, с волосами, покрытыми сгустками человеческой крови, вышли из храма и начали окуривать испанцев дымом. «Знаками они дали нам понять, что мы должны покинуть их страну, прежде чем сгорят вязанки тростника на площади. В противном случае они нападут и перебьют нас», – вспоминал один из участников экспедиции, Берналь Диас. Сознвая серьезность положения, испанцы отступили к своим судам, сохраняя боевой порядок.

В течение нескольких недель корабли Кордобы продолжали исследовать западное побережье Юкатана. Когда испанцам вновь понадобилась вода, они высадились близ третьего города – Чампотона. Едва конкистадоры вытащили на берег шлюпки, как их тут же окружила толпа индейских воинов. Они образовали вокруг испанцев кольцо, оставив свободным лишь узкий проход к морю – единственный путь спасения для отряда Кордобы. Начался штурм. Под прикрытием тучи стрел, дротиков и камней легионы майя кинулись в бой. Около 80 испанцев получили тяжелые ранения, но огонь мушкетов и стальные мечи раз за разом гасили ярость индейских атак. Кордоба, получивший более 10 ран, собрал уцелевших людей и сделал отчаянную попытку пробиться к шлюпкам. Под ливнем стрел испанцы сумели достичь берега. Среди оставшихся в живых не было ни одного, кто бы не получил серьезных ранений. Два испанских солдата попали в плен к индейцам и были принесены в жертву кровавому богу войны...

Майянский воин нападает на одного из испанцев

Несмотря на все невзгоды, экспедиция Кордобы исследовала северный и западный берега Юкатана на протяжении 700 километров. На обратном пути одно судно пришлось сжечь, поскольку для управления кораблями не хватало рук – почти все моряки были ранены. Испанская флотилия поднялась на север, затем повернула на восток и, нигде в пути не встречая земли, за четверо суток достигла западного берега Флориды. Это было первое в морской истории пересечение Мексиканского залива. Выдержав на берегу Флориды стычку с индейцами, экспедиция вернулась на Кубу. Ее отважный руководитель умер от ран спустя 10 дней после возвращения.

Открытие Мексики

Экспедиция Кордобы вернулась от берегов страны майя ни с чем. Но ее уцелевшие участники принесли с собой рассказы о богатых городах с белокаменными храмами-пирамидами. Вдохновленный этими рассказами губернатор Кубы Диего Веласкес за свой счет организовал вторую экспедицию на Юкатан во главе со своим племянником Хуаном де Грихальвой. В начале апреля 1518 г. 4 каравеллы Грихальвы с 240 солдатами на борту отправились к берегам Юкатана.

Спустя 18 дней на горизонте открылась земля. Это был остров Косумель близ восточного побережья Юкатана. Здешние индейцы приняли испанцев значительно дружелюбнее, чем майя. От Косумеля эскадра направилась маршрутом Кордобы вдоль северного побережья Юкатана. Грихальву не в меньшей степени, чем его предшественника, захватило угасающее величие древней культуры майя. Повсюду испанцам попадались следы высокой цивилизации. Европейцев поражали размеры и прочность зданий, сложенных из камня на известковом растворе, совершенно не похожих на тростниковые хижины обитателей островов Карибского моря.

Жители города Чампотон встретили испанцев с прежней враждебностью. Однако на этот раз конкистадоры не питали иллюзий относительно их миролюбия и нанесли индейцам сокрушительное поражение. После ожесточенного сражения майя бежали из города, и испанцы ступили на его опустевшие улицы, мощенные белым камнем.

Идя от Чампотона вдоль побережья на запад, эскадра достигла устья реки Табаско. Грихальва решил исследовать ее. На двух баркасах во главе небольшой поисковой партии он двинулся вверх по течению реки. Едва они успели войти в ее устье, как оказались со всех сторон окруженными лодками, в которых находились вооруженные до зубов индейские воины. Впрочем, их вожди охотно пошли на переговоры, на всякий случай предупредив Грихальву, что у них имеется в полной боевой готовности более трех «хикипилей» воинов (каждый «хикипиль» насчитывал 8 тысяч человек). Грихальва пригласил их подняться на борт одной из каравелл, где вручил вождям в подарок связки бус. В ответ индейцы подарили испанцам несколько хлопчатобумажных плащей и рубах. Золота у них не было, однако в

глубине материка, «на закате солнца», по их словам, лежала богатая страна, обладающая несметными сокровищами. Они называли эту страну Мехико.

Хуан де Грихальва

О богатой стране под названием Мексика Грихальва в дальнейшем слышал еще не раз. Решив во что бы то ни стало добраться до нее, он отказался от своего первоначального плана исследовать реку Табаско и двинулся вдоль мексиканского побережья на север. На одном из

островов путешественники обнаружили каменные храмы с алтарями, залитыми кровью: на них совершались человеческие жертвоприношения. Вот что записал об этом очевидец: «На этих алтарях стояли отвратительные идолы. То были индейские боги, и не далее как ночью им принесли в жертву пять индейцев; тела их, растерзанные, с вскрытой грудью и обрубленными руками и ногами, валялись еще здесь; стены были залиты кровью».

Ацтекские воины в боевом облачении

Вскоре на горизонте показались покрытые снегами горы, увенчивающие Мексиканского плато. Но появление испанцев в этих водах не было чем-то неожиданным: на протяжении всего побережья то тут, то там можно было видеть отряды индейских воинов, устрашающе размахивающих копьями.

Грихальва не рискнул принять вызов. Обменяв у прибрежных индейцев свои товары на золото, он вернулся на Кубу. Покорение

Мексики выпало уже на долю его последователя — знаменитого Эрнандо Кортеса.

Дети Кецалькоатля

В один из солнечных дней 1519 г. посыльные ацтекского императора Монтесумы сообщили о странной группе чужестранцев, движущейся через горы. Разведчики ацтеков не спускали глаз с ползущей по горной дороге колонны из 400 солдат, семи орудий на конной тяге, 1300 индейских воинов и 1000 носильщиков. Во главе отряда на рослом жеребце ехал бородатый светлокожий человек в блестящих на солнце доспехах. Этим всадником был Эрнан Кортес...

За два года до этих событий Франсиско Эрнандес Кордоба впервые открыл и исследовал побережье полуострова Юкатан. Хуан Грихальва сделал еще более важное открытие: пройдя на север вдоль мексиканского побережья и вступив в контакт с туземным населением, он узнал, что эта обширная область находится во власти богатой империи, которую боялись и ненавидели все местные народы. Неужели эта империя и есть заветная Индия, которой безуспешно пытался достичь Колумб? Или, может быть, это Китай? Как бы то ни было, судьба давала в руки испанцев поистине исторический шанс. Губернатор Кубы Диего Веласкес мобилизовал все свои ресурсы, и 18 февраля 1519 г. флот в составе 11 кораблей, с семью сотнями солдат и матросов на борту, отправился от берегов Кубы к побережью Мексики. Командовал флотом Эрнан Кортес. Высадившись в Веракрусе и подробно расспросив местных жителей, он понял, что богатства загадочной империи огромны и что поработанные ею народы весьма недовольны владычеством ацтеков. И тогда Кортес без колебаний решил идти в глубь неизведанной страны.

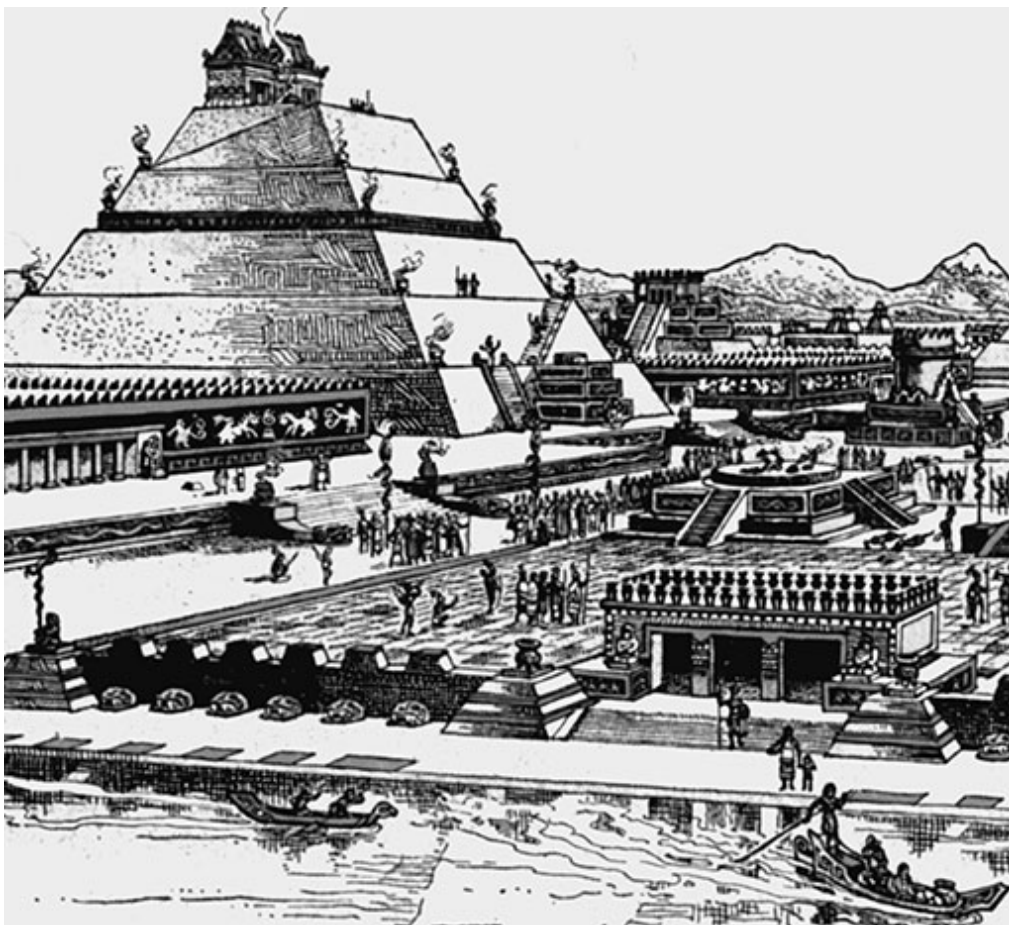

Первая встреча Кортеса и Монтесумы

Конкистадоры были радушно встречены местными жителями – индейцами тотонаками и тласкала. Они были уверены, что эти белокожие и бородатые чужаки – дети покинувшего их бога Кецалькоатля. Согласно легенде, Кецалькоатль – божество с белой кожей и с бородой – прибыл с востока. Он также сошел с корабля на берег в том же самом месте, где и Кортес. Познакомив индейцев с началами цивилизации, Кецалькоатль исчез, пообещав, что вместе со своими детьми обязательно вернется на корабле, который придет со стороны утренней зари. Индейцы всегда помнили его обещание, и при виде белокожих и бородатых воинов Кортеса решили, что древнее пророчество сбылось.

Другая причина гостеприимства индейцев крылась в зверских обычаях ацтеков, широко практиковавших человеческие

жертвоприношения. Подавляющее большинство жертв избиралось из числа представителей покоренных ацтеками племен. Индейцы тласкала и тотонаки давно стремились избавиться от господства кровожадных потомков Пернатого Змея. Более 2000 индейских воинов разных племен перешли на сторону испанцев, видя в них освободителей от ацтекского ига.

Теночтитлан

8 ноября 1519 г. отряд Кортеса вступил в Теночтитлан. Столица ацтеков представляла собой поистине сказочный город, своими богатствами стократно превосходящий «столицу Великого хана», которую безуспешно разыскивал бедняга Колумб. У ворот Теночтитлана испанцев встретила процессия, возглавляемая Монтесумой. Императора, облаченного в яркую хлопчатобумажную мантию, несли на носилках четыре знатных вельможи. Сойдя с носилок, он торжественно возложил на Кортеса ожерелье из золота и

драгоценных камней. Ответным даром испанца стало ожерелье из жемчуга и граненого стекла.

Монтесума и Кортес сумели найти общий язык, хотя каждый играл при этом в свою игру. Император надеялся откупиться от испанцев и в дальнейшем использовать их в своих интересах, Кортес рассчитывал не только овладеть богатствами Теночтитлана, но и стать во главе новой испанской колонии. Для этого ему в первую очередь предстояло разрешить спор с губернатором Кубы Диего Веласкесом. Завидуя успехам Кортеса, Веласкес отправил в Мексику военную экспедицию, которая должна была захватить знаменитого конкистадора и доставить его в Гавану. Оставив в Теночтитлане часть своих солдат, Кортес выступил в поход против людей Веласкеса. В отсутствие Кортеса в Теночтитлане вспыхнуло восстание. В этой критической ситуации Монтесума пришел на помощь испанцам и был убит восставшими. Положение спасло лишь возвращение Кортеса. Однако ацтеки продолжали атаковать испанцев. Кортес понял, что ему не устоять. В полночь 1 июля 1520 г. он отдал приказ отступить...

В первых числах июня 1521 г. отряд Кортеса, пополнившийся новыми бойцами и подкрепленный отрядами союзных индейских племен, снова подступил к Теночтитлану. Осада столицы ацтеков продолжалась около двух месяцев. 13 августа 1521 г., когда силы оборонявшихся были уже истощены, испанцы захватили на озере спасавшийся бегством челн, в котором оказались предводитель обороны Теночтитлана – последний ацтекский правитель Куаутемок, его жена и несколько знатных вельмож. С пленением Куаутемока завершилось сражение за Теночтитлан.

Педро де Альварадо: бросок на юг

Среди конкистадоров, покоривших империю ацтеков, Педро де Альварадо был одним из самых опытных и прославленных воинов. Неудивительно, что именно ему Эрнан Кортес поручил возглавить отряд, отправлявшийся в трудный и опасный поход на юго-восток, на поиски морского прохода из Мексиканского залива в Южное море (Тихий океан).

Памятник Педро де Альварадо

Экспедиция Альварадо отправилась в путь 25 июля 1524 г. В ее состав входили 120 кавалеристов, 300 пехотинцев и несколько сотен воинов союзных индейских племен чолула и тласкала. Миновав перешеек Теуантепек (его ширина составляет около 200 км), отряд Альварадо углубился в горные районы юго-востока Мексики, где им то и дело приходилось вступать в стычки с местными племенами. Первоначально Альварадо удалось заключить союз с индейцами цакчикель, оказав им помощь в борьбе с их извечными соперниками – индейцами киче, однако вскоре племена цакчикель повернули свое оружие против испанцев, и Альварадо пришлось воевать уже с ними. В июне 1524 г. экспедиция вступила на территорию Кускатлана (современный Сальвадор), где встретили ожесточенное сопротивление местных жителей. Объединенная индейская армия во главе с вождем по имени Атлакаль сумела нанести поражение испанцам и вынудила их отступить в горные области Гватемалы. Здесь Альварадо основал город Сантьяго де Гватемала (ныне Гватемала, столица одноименного государства) и, сделав его своей опорной базой, отправлял отсюда военные экспедиции на юг. В 1525 г. завоевание Кускатлана было завершено, и на покоренных землях основан город Сан-Сальвадор. В результате похода, продолжавшегося более года, Альварадо открыл и подчинил испанской короне горную область Чьяпас, расположенную в бассейне рек Грихальва и Усумасинта, Сальвадор и Южную Гватемалу. Было открыто и исследовано на протяжении около тысячи километров тихоокеанское побережье Центральной Америки от Теуантепекского залива до залива Фонсека.

Франсиско де Монтехо в дебрях Юкатана

Когда в 1527 г. Франсиско де Монтехо во главе флотилии из трех кораблей отправился к берегам Юкатана, он был уже опытным конкистадором. Впервые он появился в Америке в 1514 г.; в экспедиции Грихальвы (1518 г.) командовал одним из кораблей, в 1519 г. являлся правой рукой Кортеса и был отправлен им к королю Испании для передачи пятой части добычи и защиты прав Кортеса на владение Мексикой. Спустя 8 лет король предоставил Монтехо право на завоевание страны майя.

В середине 1527 г. корабли Монтехо покинули Испанию. Через несколько недель флотилия бросила якорь у острова Эспаньола (Гаити). Отсюда корабли направились к побережью Юкатана. Монтехо основал первый испанский город в стране майя – Саламанка-де-Шельха. Сделав его своей опорной базой, конкистадор двинулся со своим отрядом на север. Дважды ему преграждали путь армии майя, и дважды он наносил им жестокое поражение. За время своего похода Монтехо овладел десятками майянских городов. Он безуспешно искал в них золото, но находил только диковинные дворцы, храмы, статуи... На всем лежал отпечаток угасания.

В конце концов эпидемии, нехватка продовольствия и постоянные стычки с индейцами заставили Монтехо повернуть назад. В 1531 г. он вновь предпринял попытку включить обширные области Юкатанского полуострова в состав испанских владений. После трудного похода в глубь полуострова ему удалось захватить город Чичен-Ицу – древний культурный центр майя – и организовать здесь опорный пункт. Однако спустя 6 месяцев местные индейцы восстали. Гарнизон в Чичен-Ице был осажден, а другие испанские отряды отступили к побережью. Спустя некоторое время Монтехо вернулся с подкреплениями и основала новый опорный пункт на территории нынешнего мексиканского штата Кампече.

Франсиско де Монтехо

К 1540 г. почти вся Мексика, за исключением внутренних областей Юкатана, находилась уже под владычеством испанцев. В 1541 г. Монтехо начал последний поход, стремясь подавить последние очаги сопротивления майя. Отрядом из 500 человек, вступившим в дебри Юкатана, командовал его сын, Франсиско Монтехо-младший. Некоторые провинции без сопротивления покорились, но северные области отказалась принять условия капитуляции. После трудного похода сильно поредевший испанский отряд добрался до города Тихо, где майянские вожди собрали значительную армию. В решительном сражении испанцы разгромили легионы майя. Этот феноменальный триумф испанцев нанес смертельный удар индейскому сопротивлению. После того на сторону Монтехо перешел влиятельный индейский вождь Тутуль Шиу – правитель Мани, наиболее могущественной в то время

провинции Северного Юкатана, испанцам удалось покорить все провинции Юкатана.

Писарро и Альмагро ищут страну Биру

Знаменитому конкистадору Васко Нуньесу де Бальбоа так и не удалось добраться до сказочно богатой страны Биру (Перу). Покорить крупнейшее индейское государство Южной Америки выпало на долю Франсиско Писарро. Он прибыл в Америку в 1502 г., но удача долго отворачивалась от него. За 20 лет он сумел выслужить лишь небольшое поместье да репутацию отчаянного и опасного человека.

В ту пору до Панамы уже дошли слухи о сказочных сокровищах Теночтитлана, которыми с относительной легкостью завладел небольшой отряд конкистадоров во главе с Кортесом. «Если это мог сделать Кортес, то почему не смогу я?» – этот вопрос, вероятно, не раз задавали себе испанские поселенцы в Панаме. Задавал себе этот вопрос и Писарро. Он хорошо помнил рассказы индейцев о таинственных золотых странах Дабейба, Сину, Биру, лежащих где-то на юге.

Писарро находит себе сотоварища: низкорослого, молчаливого Диего де Альмагро, опытного и бесстрашного бойца. Священник Эрнандо де Луке, одаренный немалым коммерческим талантом, становится третьим членом компании: он ведает денежной стороной предприятия. Все трое отправились к нотариусу и подписали договор, которым взаимно обязались разделить между собой поровну все золото и вообще все, что найдут в стране, о которой они еще ничего не знали.

Не располагая большими средствами, компания могла нанять только сотню солдат и снарядить два корабля. Луке остался в Панаме, чтобы заготавливать провиант и защищать их общие интересы перед испанскими властями. А Писарро и Альмагро подняли паруса и вышли в свое первое плавание к берегам Перу. Шел 1524 г. от Рождества Христова. Приблизительно за 100 лет до этого инки – многочисленный индейский народ, говоривший на языках группы кечуа, – возглавили союз нескольких племен и подчинили себе соседние народы. К 1438 г. инки создали крупнейшее из всех индейских государств, когда-либо существовавших. Эта государство называлось Тауантинсуйу – «Земля четырех частей [света]». Столицей империи инков был город Куско, лежащий в высокогорной долине реки Урубамба.

Первая попытка достичь страны Биру закончилась неудачей: следуя вдоль побережья современной Колумбии, Писарро и Альмагро

дошли только до устья реки Сан-Хуан. В 1526 г. Писарро и Альмагро повторили попытку. Они снова высадились на берег близ устья реки Сан-Хуан и отправили на юг, в разведывательное плавание, корабль под командой Бартоломе Руиса. Тот продвинулся вдоль берега приблизительно на 800 километров, пересек экватор. Испанские моряки захватили в плен нескольких перуанцев, встреченных ими у побережья. Пленники подтвердили: далее на юг действительно лежит громадных размеров и неслыханно богатая золотом страна!

Франсиско Писарро

В 1527 г. Писарро и Альмагро в третий раз отправились к берегам Перу и вновь потерпели неудачу. Дойти до экватора им не удалось: кончился провиант. Писарро с частью людей разбил лагерь на прибрежном островке Гальо, а Альмагро отправился в Панаму за подкреплениями. Но губернатор Панамы Педро де лос Риос решительно воспротивился «безумным» попыткам Писарро и Альмагро

достичь «золотой страны». Он послал за Писарро и его людьми корабль с категорическим приказом немедленно вернуться в Панаму. Выслушав приказ губернатора, Писарро извлек меч из ножен, провел им черту на песке, и сказал, обращаясь к своим товарищам:

– Кастильцы! Путь на юг ведет к золотой стране и богатству, путь на север – к прежней нищете. Выбирайте. Я выбираю юг!

Последовать за Писарро отважились только 13 человек...

Приняв на борт тех, кто отказался продолжать дальнейший путь, корабль ушел. Писарро и его люди остались фактически брошенными на произвол судьбы. Они построили плот и перебрались на лежащий в 50 километрах от берега необитаемый остров Горгона. Семь месяцев провели они там, добывая пищу охотой на птиц и сбором съедобных моллюсков. За это время компаньоны Писарро снарядили еще один корабль, но губернатор не разрешил послать на нем ни солдат, ни припасов. Корабль должна была только доставить Писарро и его людей в Панаму.

Однако Писарро распорядился по-другому: по его приказу корабль двинулся в южном направлении. Спустя 20 дней перед испанцами открылся обширный, далеко вдающийся в сушу залив Гуаякиль. На берегу виднелись хорошо возделанные поля, а на южном берегу залива лежал большой индейский город Тумбес.

Кладка инкского укрепления

Этот город уже находился на землях, подвластных императорам Тауантинсуйу. Переводчики Писарро убедили местных жителей, что белые люди пришли к ним как друзья. В итоге Писарро и его люди увезли из Тумбеса не только золото и изумруды, но и запасы провизии, живых лам и нескольких индейцев, которым в дальнейшем предстояло стать переводчиками.

Желая убедиться в обширных размерах империи инков, Писарро продолжил плавание дальше на юг. Природа побережья резко изменилась: влажные леса сменились покрытыми скудной растительностью берегами. Вдали виднелись высокие горы. Но среди этих засушливых земель то и дело попадались настоящие земледельческие оазисы. С борта корабля испанцы видели искусственно орошаемые поля, расположенные террасами, малые и крупные селения, связанные мощеными дорогами. В окрестностях

селений паслись ламы. Высаживаясь на берег, люди Писарро выменивали у индейцев тонкие шерстяные ткани, золотые и серебряные сосуды. Сомневаться в существовании золотой страны Перу уже не было никаких оснований. Тем не менее, вернувшись в Панаму, Писарро не нашел понимания у губернатора Педро де лос Риоса. Он и слышать не хотел о новой экспедиции в Перу. И тогда Писарро отправился за океан – к самому королю...

Звездный час Франсиско Писарро

Писарро вернулся из Испании, облеченный высоким званием вице-короля Новой Кастилии (так была названа еще не завоеванная страна), с королевским патентом на завоевание Перу в руках и в сопровождении на вербованных в Испании солдат. В январе 1531 г. он вышел из Панамы на трех кораблях с отрядом в 180 человек. Первым делом экспедиция направилась в Тумбес, но здесь перед взорами испанцев открылась ужасающая картина: прекрасный город был разрушен. Вся огромная империя Тауантинсуйу, покой и благополучие которой, как казалось еще три года назад, ничто не могло поколебать, кипела, как разворошенный муравейник. Причиной тому стала междоусобная война, начавшаяся между законным наследником престола принцем Уаскаром и узурпатором Атауальпой, его братом. Атауальпа, командовавший отборными инкскими войсками, поднял мятеж против брата. Он сумел нанести Уаскару поражение и победоносно вступил в столицу страны Куско. Но огромное государство признавало своим правителем плененного Атауальпой Уаскара. Брат свергнутого Великого инки, Манко, сумел убежать из Куско и теперь разжигал пламя восстания против узурпатора...

Встреча Атауальпы и Винсенте де Вальверде

Понимая, что ситуация благоволит ему, Писарро решает идти на юг. 21 сентября 1532 г. его отряд – 62 кавалериста и 102 пехотинца, из которых только 23 имели огнестрельное оружие, – уходит в опасный поход в горы. Где-то там, в городе Кахамарка, расположенном на одном из притоков рек Мараньон, в это время находился узурпатор Атауальпа, окруженный своей 50-тысячной армией отборных воинов...

Отряд Писарро подошел к Кахамарке 15 ноября 1532 г.

Надменный правитель инков, «сын и наместник божественного Солнца», вряд ли снизошел бы до встречи с испанцами: в его глазах они были ничтожествами, чем-то вроде блох. Только настойчивость и дипломатический талант Франсиско Писарро позволили начать диалог, закончившийся, увы, ничем: Атауальпа не пожелал слушать монаха-

доминиканца Винсенте де Вальверде, говорившему ему о Боге-Отце, сотворившем мир, о Его едиnorodном сыне Иисусе Христе, который страдал за людей и умер на кресте... Но Атауальпа считал богом самого себя, и слова Вальверде вызвали у него только раздражение и гнев. Конфликт цивилизаций был неизбежен: эти люди жили в разных мирах и в прямом, и в переносном смысле слова. Пожалуй, их роднило только одно: неутолимая жажда золота...

Куско сегодня. Множество зданий города возведено на фундаменте инкских построек

Первые же выстрелы двух испанских пушек вызвали панику в рядах армии Атауальпы. Поражение «сыновей Солнца» было полным.

«Божество», восседавшее на носилках из чистого золота, в мгновение ока было свергнуто с пьедестала своего величия, превратившись в жалкого пленника.

Взяв в плен Атауальпу, Писарро направил в Куско трех своих людей, которые в первый же день захватили в святилищах инков около 100 центнеров золота. Потом в столицу Тауантинсуйу прибыл весь отряд Писарро. Общая сумма захваченной здесь испанцами добычи составила 588 226 песо золота и 164 558 марок серебра (одно песо соответствовало 46 граммам золота и стоило 450 марок. Серебряная марка была в несколько раз тяжелее золотого песо). Доля каждого из рядовых участников похода составила 4 тысячи песо золота и 70 марок серебра.

Остатки государства Тауантинсуйу просуществовали еще около полувека. Последним оплотом инков стали суровые неприступные горы в районе реки Урубамбы, где «сыновья Солнца» возвели несколько новых городов и крепостей. Удивительно то, что некоторые из этих горных убежищ так и остались неизвестны испанцам: одни из них были обнаружены лишь в XX столетии, а другие, как считается, не найдены до сих пор. Именно с этими затерянными городами молва связывает историю сокровищ инкских императоров, якобы спасенных инками от конкистадоров...

На поиски легендарной Сиволы

Нуньо Гусман завидовал Эрнану Кортесу: великий конкистадор не только снискал себе славу, войдя в историю в качестве завоевателя Мексики, но и сумел нажить огромное богатство, овладев сокровищами ацтекских вождей. Но что толку в бесплодных сетованиях? Можно сколько угодно шипеть на всех углах, что Кортесу «повезло», но не лучше ли самому совершить дела еще более великие и тем самым затмить славу соперника? Рассудив таким образом, Гусман поставил перед собой задачу: во что бы то ни стало отыскать легендарную Страну семи городов...

Эта легенда родилась в эпоху арабских завоеваний. Говорили, что, когда мавры вторглись на Пиренейский полуостров, группа христиан в поисках спасения погрузились вместе со скотом, имуществом и домашним скарбом на корабль и вышла из гавани Порту (Португалия) в открытое море. Ветер погнал беглецов на запад. После долгих скитаний они достигли земли под названием Антилия и поселились там, основав семь новых городов. Будто бы эту землю потом даже видели и посещали какие-то испанские и португальские моряки... По мере того как расширялись горизонты знания европейцев, Страну семи городов помещали сперва на острове посреди Атлантического океана, потом – на атлантическом побережье Америки, потом она начала уходить все дальше и дальше на запад... Испанские конкистадоры, покорившие Мексику, искали уже не остров Семи городов, а Страну семи городов, которая получила название Сивола.

Но где находится эта страна? Сопоставив все географические данные, которыми к тому времени располагали испанцы, Гусман решил, что нигде, кроме как на севере, ее не может быть: все прилегающие к Мексике территории к тому времени уже были разведаны. Он настойчиво расспрашивал индейцев: что за страны лежат к северу от жарких, безводных земель, начинающихся за рекой Рио-Гранде? Индейцы, увы, располагали о них только самыми неясными сведениями. Однако вскоре Гусману неслыханно повезло: один индеец-раб, происходивший откуда-то с севера, подтвердил его предположения. Он рассказал, что своими глазами видел эту сказочную страну, что богатством она превосходит Мексику, что серебро

добывают там чуть ли не на поверхности, а в городах целые улицы заняты лавками ювелиров, продающих золотые и серебряные изделия. Дорога туда идет через пустыню и занимает 40 дней...

Изображение Нуньо Гусмана в ацтекском кодексе «Теллериано-Ременсис», 1563 г.

В 1530 г. Гусман снаряжает экспедицию и отправляется на поиски Сиволы: у Кортеса была Мексика, у него будет нечто большее – Страна семи городов! Отряд Гусмана сопровождали около 1000 индейцев. Не очень ясно представляя себе маршрут путешествия, экспедиция

двинулась на северо-запад вдоль западных отрогов Мексиканского нагорья. Жаркий климат и пустыня очень быстро дали о себе знать. Воды нигде нельзя было найти, в отчаянии люди резали лошадей и пили их кровь. От нестерпимой жажды страдали даже самые выносливые индейцы. Дойдя до побережья Калифорнийского залива, солдаты отказались идти дальше. Пришлось поворачивать назад...

Этот поход не принес Гусману ни славы, ни богатства; вскоре он вообще попал в опалу, лишился всех титулов и званий. Однако интерес к Стране семи городов в среде конкистадоров не угасал еще долго.

Кабеса де Вака: семь лет среди индейцев

1 мая 1528 г. к побережью Флориды в районе залива Тампа подошла испанская эскадра в составе 5 кораблей, на борту которых находилось около 400 человек. Начальником экспедиции был Панфило Нарваэс – правая рука губернатора Кубы Диего Веласкеса, уже прославившийся к тому времени как завоеватель Кубы и соперник Эрнана Кортеса. Высадившись на берег, Нарваэс отправил корабли обратно на Кубу, а сам во главе своего отряда отправился в пеший поход на север. Конкистадоров манили неясные сведения о какой-то «золотой стране», полученные ими от пленных индейцев. Эта золотая страна и являлась главной целью экспедиции.

Сколь не был опытен Нарваэс, однако на этот раз он допустил крупную ошибку. Лишившись кораблей, экспедиция сразу утратила связь с внешним миром. Между тем никакого золота на севере не оказалось, хотя в его поисках Нарваэс и его люди дошли аж до 84-й параллели, до залива Апалачи. Идя по чужой, враждебной и совершенно незнакомой стране, экспедиция быстро истощила запасы продовольствия и лишилась трети своего состава. 25 июня Нарваэс приказал поворачивать назад. Добравшись до устья реки Пануко, впадающей в Мексиканский залив, испанцы решили построить несколько баркасов, чтобы добраться до них до Мексики: они были уверены, что эта страна находится где-то рядом, и не подозревали, что между ними и Мексикой лежит около 1500 миль совершенно безлюдного побережья...

Для того чтобы изготовить необходимые инструменты и гвозди, людям Нарваэса пришлось переплавить почти весь имевшийся в их распоряжении металл – стремена, шпоры, подковы и прочее. Лошадей (их имелось около 80) забили и пустили на мясо. 20 сентября пять кое-как сработанных суденышка, имея в совокупности 242 человека на борту, вышли из залива Апалачи и двинулись вдоль побережья на запад. В конце октября путешественники достигли устья великой реки Миссисипи. Здесь их встретила буря. Два баркаса (на борту одного из них находился Нарваэс) в поисках спасения вошли в устье Миссисипи и двинулись вверх по течению. Больше никто их никогда не видел. Три других суденышка ждала не менее ужасная судьба: все они были

разбиты штормом возле острова Галвестон. Около 40 человек спаслось. Потерпевшие кораблекрушение нашли дружелюбный прием у местных индейцев, которые, однако, жили чрезвычайно бедно и практически ничем не могли помочь испанцам, среди которых свирепствовали болезни и голод. К весне 1529 г. в живых осталось только 15 человек. В поисках спасения они рассеялись по побережью, но в итоге тоже погибли. Четверо – королевский финансовый инспектор Альваро Нуньес Кабеса де Вака, раб-бербер по имени Эстебанико и двое солдат, Андрес Дорантес де Каранка и Алонсо дель Кастильо Мальдонадо, – попали в плен к индейцам.

Вака и трое его путников во время своих скитаний

Племя, в руках которых оказались путешественники, было кочевым. Оно постоянно находилось в движении и не задерживалось долго на одном месте. За время скитаний Каранка и Мальдонадо умерли, Эстебанико был продан другому индейскому племени, и Кабеса де Вака остался один. 7 лет он провел в плену у индейцев. За время скитаний он познакомился с жизнью и бытом разных племен. Обладая некоторыми медицинскими познаниями, он лечил больных, чем заслужил признательность туземцев. В итоге ему удалось избавиться от

статуса раба и стать торговцем – одним из тех, кто поддерживал торговые связи между побережьем и глубинными районами континента. За 7 лет Кабеса де Вака исходил земли современных штатов Техас, Нью-Мексико и Аризона. В апреле 1536 г. он добрался до Калифорнийского залива, где встретился с испанским патрулем. По возвращении в Мехико де Ваку ожидал горячий прием. Еще бы: столько лет о нем не было ни слуху ни духу! За время своих странствий де Вака прошел обширные области юга Северной Америки, пересек Миссисипи и получил первые сведения об индейцах пуэбло. Его рассказы вдохновили испанцев на исследование северных земель.

Путешествие Франсиско Коронадо

В марте 1539 г. на поиски Сиволы отправился монах Марко де Ниса. Вернувшись, он рассказал, что видел таинственный город своими глазами, но войти не решился, так как боялся найти там свою смерть. На следующий год вице-король Новой Испании отправил на поиски Сиволы огромную экспедицию во главе с Франсиско Васкесом де Коронадо. В ее составе было 300 испанцев, 700 индейцев, сотни вьючных лошадей и мулов, целые гурты крупного и мелкого рогатого скота и свиней.

Экспедиция шла вдоль побережья, а с моря ее обеспечивал вспомогательный флот под командованием Эрнана Аларкона. Проводником при Коронадо состоял монах Марко де Ниса, тот самый, что уже видел легендарную страну. В долине реки Сан-Педро отряд расстался с сопровождавшими его кораблями и двинулся в глубь материка. С востока обогнули пустыню Хила и вышли к одноименной реке, через которую переправились на плотах. Пройдя затем в северо-восточном направлении через южные уступы плато Колорадо, отряд, наконец, достиг того района, где, по уверениям проводника, располагались Семь городов...

Когда конкистадоры увидели первый «город», разочарованию их не было предела: стоящее на скале селение было такой величины и вида, что солдаты с насмешкой говорили, что иной хутор в Новой Испании производит более солидное впечатление. Судя по внешнему виду его обитателей, одетых в хлопчатобумажные накидки и звериные шкуры, никаких сокровищ здесь ожидать не приходилось. Другие «прекрасные города», окружавшие это поселение, оказались еще меньше...

Только духовный сан защитил незадачливого проводника Марко де Ниса от расправы, но он не мог защитить его от презрения и насмешек. Однако легендарная Сивола, богатая серебром, возможно, все же была где-то рядом. Коронадо приказал главным силам двигаться в глубь материка вверх по долине реки Соноры. На побережье Калифорнийского залива был отряжен небольшой отряд: он должен был разыскать корабли и передать их командиру Эрнану Аларкону дальнейшие инструкции.

Франсиско Коронадо

Сам Коронадо еще некоторое время оставался в первом обнаруженном испанцами селении, которое конкистадоры окрестили Сиволой – в знак того, что надежды найти легендарную страну не потеряны. Отсюда во все стороны рассылались отряды для исследования страны. В одном индейском селении испанцы услышали о большой реке на севере. На поиски этой реки Коронадо отправил разведывательный отряд во главе с Гарсией Карденасом. Преодолев суровое горное плато, отряд Карденаса в изумлении остановился перед внезапно разверзшейся, повергающей в трепет бездной. Над красными

скальными отвесами парили орлы. Широкое ущелье глубиной почти в целую милю выглядело как видение из доисторического прошлого: беспорядочное нагромождение пластов земной коры красно-бурого, зеленого и бледно-желтого цвета. По дну ущелья мчала свои бурные воды река Колорадо... Так был открыт ныне всемирно известный Большой каньон – одно из чудес Америки.

Второй разведывательный отряд двинулся из Сиволы на восток и обнаружил множество индейских поселков, построенных на склонах гор. Один из таких поселков стоял близ реки, которая текла на юго-восток и впадала, как оказалось, в большую реку, текущую на юг; до этого все встреченные испанцами реки текли в западном направлении. Оказалось, что отряд вышел к водоразделу между системами двух великих рек: Колорадо, впадающей в Калифорнийский залив, и Рио-Гранде, несущей свои воды в Мексиканский залив.

Главные силы отряда Коронадо выступили на восток и, дойдя до большой реки Пекос (левый приток Рио-Гранде), остановились на зимовку. Здесь испанцы впервые услышали о «золотой стране» под названием Кивира...

Эту тайну конкистадорам открыл индеец-раб, родом из Флориды, которого испанцы встретили в одном приречном селении. Однажды попав в плен, он несколько раз переходил от одного племени к другому, пока, наконец, не оказался в тысячах километров от своей родины. Флоридец оказался толковым и надежным проводником и быстро завоевал доверие испанцев. Он рассказал, что на востоке течет огромная река шириной в целых две мили; в ней водятся рыбы величиной с доброго коня. Берега реки густо населены, по ней плавают большие челны, вмещающие по сорок гребцов... Так испанцы впервые узнали о Миссисипи.

Вторая часть рассказа оказалась еще интересней. На берегах этой великой реки, рассказывал флоридец, лежит богатая страна Кивира. Ее жители пользуются только золотой и серебряной посудой, носы их челнов украшают золотые орлы, а их вождь проводит свой полуденный отдых под ветвями огромного дерева, увешанного золотыми колокольчиками, и дремлет под их тихий перезвон...

Весной 1541 г. Коронадо отправился на поиски Кивиры. По сохранившимся документам можно лишь предположительно установить его путь. По одной версии, Коронадо, перейдя реку Пекос,

двигался в северо-восточном направлении. По другой версии, он шел по течению реки Пекос, обогнул с юга плато Льяно-Эстакадо, достиг верховьев реки Брасос, впадающей в Мексиканский залив, и повернул прямо на север.

Уже в начале своего пути на север отряд Коронадо вступил в безбрежные прерии. Здесь испанцы впервые увидели огромные стада бизонов. Через 10 дней после того, как они перешли реку Пекос, испанцы наткнулись на поселения людей, живших «наподобие арабов». Здешний индейцы жили в палатках, сделанных из дубленой кожи «коров» (бизонов), и все время кочевали вслед за стадами этих животных, а когда нуждались в пище, забивали их.

29 июня 1541 г., в день святых Петра и Павла, испанцы достигли большой реки, которую называли «Сан-Педро и Сан-Пабло». По-видимому, это был Арканзас (правый приток Миссисипи). Переправившись через нее, они оказались в стране Кивира. Это был благословенный край, покрытый невысокими холмами, изрезанный полноводными реками, свежая, зеленая, роскошная страна, «лучше которой не найти ни в Испании, ни во Франции, ни в Италии». Однако местные индейцы не имели никаких ценных вещей, даже их вожди носили только медные украшения. Приближалась осень, и Коронадо, опасаясь холодной зимы, повернул назад. Обратный путь к реке Пекос занял 40 дней. В погоне за миражом экспедиция Коронадо прошла несколько тысяч километров, открыв множество совершенно неизвестных ранее земель. По географическим результатам этот поход можно без всяких оговорок причислить к величайшим сухопутным экспедициям в истории открытия внутренних областей Северной Америки.

Эрнандо де Сото в погоне за миражом

В 1539 г. на западном побережье Флориды, в заливе Тампа, высадился большой – около 600 человек – испанский отряд во главе с Эрнандо де Сото. Экспедиция отправилась в глубь материка, на север, на поиски неизвестных стран, богатых золотом и серебром. Об их существовании ходили самые смутные, но дразнящие слухи: говорили, что где-то в глубине континента находится индейское царство, которое так богато, что его воины ходят в золотых шлемах.

К октябрю 1539 г. отряд Сото добрался до побережья Атлантического океана, повернул на запад, к морю, и остановился на зимовку близ залива Апалачи. В марте следующего года экспедиция отправилась далее на северо-восток: где-то там, по рассказам индейцев, располагалась страна, которой управляла женщина-вождь, собиравшая с окрестных племен дань золотом и тканями. Слухи эти отчасти подтвердились: на реке Саванна, впадающей в Атлантический океан, Сото сумел отыскать резиденцию женщины-вождя. Это был бедный индейский поселок, населенный полуголыми дикарями...

Эрнандо де Сота и его отряд ступают на незнакомую землю

Где же богатое индейское царство? Сото прошел вверх по долине Саванны и вступил в область Аппалачской горной системы. В декабре 1540 г. испанцы остановились на зимовку на берегу реки Язу, левого притока Миссисипи. Отсюда ранней весной 1541 г. Сото выступил в поход на север. Экспедиция добралась до реки Теннесси, потом повернула на запад и вышла на берег широкой реки, текущей с севера на юг. Это была Миссисипи, великая река Североамериканского континента.

Без тени сомнений Сото распорядился переправляться через реку: где-то там, на западе, должна лежать богатая золотом страна! Отряд двинулся в глубь Оклахомы; никаких следов желанной «золотой страны», однако, по-прежнему нигде не было. Почти год экспедиция Сото блуждала по равнинам к западу от Миссисипи, то отходя от реки далеко в сторону, то возвращаясь к ее берегам. Силы отряда таяли. Весной 1542 г. путешественники окончательно вернулись на Миссисипи. Во время плавания по реке на юг Эрнандо де Сото, обессиленный напряженным походом, продолжавшимся четыре года, скончался. Немногие из оставшихся в живых участников экспедиции в 1543 г. достигли Мексики. Хотя им так и не удалось отыскать «золотую страну», результаты этого беспримерного похода были огромны: европейцы впервые познакомились с обширнейшими областями Северной Америки.

Открытие Калифорнии

Легендарная Страна семи городов, она же Кивира, она же Сивола, еще долгое время оставалась целью поисковых партий, отправлявшихся на север. Наряду с этим неразрешенным оставался вопрос: существует ли пролив, соединяющий Атлантический океан с Тихим? Разрешить эти загадки вызвался Жуан Родригеш Кабрильо, португальский моряк, состоявший на испанской службе (испанцы звали его Хуан Кабрильо).

На двух небольших кораблях Кабрильо 27 июня 1542 г. вышел из порта Навидад на побережье Чили. Пройдя почти вдоль всего Южноамериканского континента, путешественники достигли полуострова Калифорния и двинулись дальше на север. 20 августа была пройдена 30-я параллель – крайний рубеж, достигнутый к тому времени европейскими путешественниками. Далее начинались совершенно неизвестные территории. Идя вдоль побережья современного штата Калифорния, путешественники 21 августа обнаружили бухту Сан-Кинтин, 28 сентября – залив Сан-Диего, в начале октября – залив Санта-Каталина, а севернее – пролив Санта-Барбара и острова Чаннел. Здесь Кабрильо высадился на берег и провозгласил эти земли владением Испании.

Памятник Жуану Кабрилью в Сан Диего, Калифорния

На самом островах Чаннел путешественники провели несколько дней. Острова и побережье материка были населены миролюбиво настроенными индейцами, но золота у них не было, и вообще слухи о «золотой стране» пока никак не подтверждались. Несмотря на

штормовую погоду, корабли 6 ноября снялись с якоря и продолжили путь к северу. В середине ноября был открыт залив Монтеррей.

Новый 1543 г. начался со смерти начальника экспедиции. Умирая, Кабрилью назначил своим преемником штурмана Бартоломе Феррело (Феррера), приказав ему вести корабли дальше на север. 19 января Феррело снялся с якоря, но потерял целый месяц на бесплодную борьбу с сильными встречными ветрами в проливе Санта-Барбара. 28 февраля он достиг устья реки Кламат, но дальше пройти не смог: сильнейший шторм вынудил повернуть корабли назад. Оба судна благополучно возвратились в Чили 14 апреля 1543 г. Экспедиция исследовала более 1600 километров тихоокеанского побережья Северной Америки, но не сделала никаких сенсационных открытий. Скорее, она сделала «закрытие»: начиная с этого времени легендарная Страна семи городов окончательно отходит в область легенд.

Через Анды в Чили

Народ арауканов, населявший территорию современного Чили, не создал высокой культуры, подобно инкам, майя или ацтекам, но отличался воинственностью и свободолюбием. Первый поход в страну арауканов предпринял Диего де Альмагро. Во главе целой армии – 570 испанцев и 15 тысяч индейцев – он выступил из Куско в июне 1535 г. и на протяжении полугода, в ледяную стужу, пробивался через андские перевалы, расположенные на высоте 4000 метров. Это был беспрецедентный поход, успех которого, однако, пришлось оплатить дорогой ценой: несколько тысяч индейцев погибли, экспедиция лишилась всех лошадей.

Вождь (лонко) арауканов с флагом племени и захваченной у испанцев лошадью

В марте 1536 г. отряд Альмагро достиг территории Чили. Стычки с местным населением начались почти сразу же: около сотни арауканов смело атаковали численно превосходивших их испанцев, нанеся им чувствительные потери. Поскольку «золотых городов» в Чили не обнаружилось, а местные индейцы оказались весьма воинственными, Альмагро решил вернуться в Перу.

Через несколько лет из Куско в Чили отправился другой конкистадор – Педро де Вальдивия. Перед ним стояла уже задача не

разведки, а колонизации страны. Вальдивия основал здесь несколько городов, включая столицу Чили, которую он окрестил Сантьяго-дель-Нуэво-Экстремо (ныне Сантьяго, или Сантьяго-де-Чили).

Арауканы продолжали донимать испанцев набегами. 11 сентября 1541 г., когда Вальдивия с частью своих сил отправился в поход на юг, индейцы неожиданно напали на Сантьяго, где оставался лишь небольшой испанский гарнизон. В критический момент донья Инес Суарес, возлюбленная Вальдивии, приказала убить пленных индейских вождей и бросить их отрубленные головы в атакующих арауканов. Это заставило индейцев отступить. Вальдивия отправил своего заместителя Монроя с шестью солдатами в Перу за помощью. Миновало два года, а никаких вестей от него не приходило. Что же случилось?

На севере Чили на отряд напали местные индейцы. 4 испанца были убиты, а Монрой и один из его солдат попали в плен. Они также должны были умереть, но заступничество жены вождя, которой понравился Монрой, спасло им жизнь. Вождь индейцев даже попросил Монроя научить его ездить верхом на коне. Во время одной из таких поездок оба посланца Вальдивии, ранив вождя, бежали и ценой невероятных лишений сумели добраться до Куско. Спустя 2 года Монрой смог, наконец, вернуться в Чили с подкреплениями. И хотя окончательно покорить арауканов, оттесненных на юг, не смогли ни испанцы, ни правительство Чилийской Республики, провозгласившей независимость в 1810 г., северные и центральные области страны после 1550 г. прочно вошли в сферу владений испанской короны.

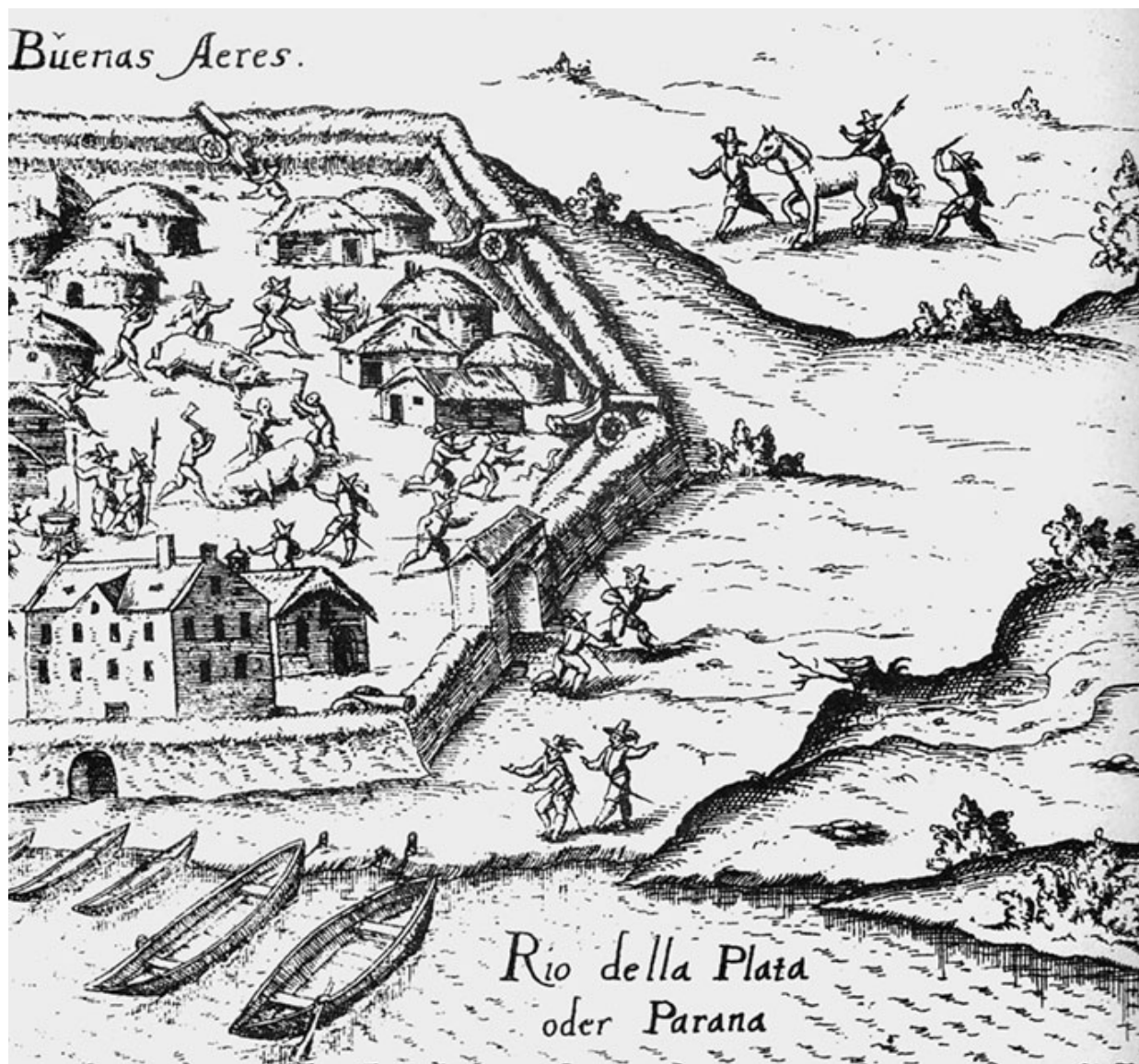
Борьба за Буэнос-Айрес

В 1534 г. губернатором испанской провинции Новая Андалусия (ныне это территория Центральной Аргентины) был назначен Педро де Мендоса. Король выдал ему патент на право завоевания и управление землями, лежащими в пределах 200 лиг от южной границы провинции Новое Толедо (современные Боливия, Парагвай и север Чили). Для решения этих задач в распоряжение Мендосы было передано 2000 солдат и 13 кораблей. В том же году флотилия вышла к берегам Нового Света, но ужасный шторм рассеял корабли неподалеку от побережья Бразилии. Тем не менее Мендосе удалось добраться до устья Ла-Платы. Поднявшись вверх по течению реки, Мендоса 2 февраля 1536 г. заложил город Буэнос-Айрес – будущую столицу Аргентины.

В устье Ла-Платы обитало довольно многочисленное индейское племя керанди. Туземцы встретили испанцев вполне миролюбиво, однако вскоре отношения между колонистами и местными жителями испортились. Возмущенный внезапной враждебностью, Мендоса отправил против керанди карательную экспедицию во главе со своим братом. В кровавой битве на реке Лухан индейцы потерпели поражение, однако испанцы понесли тяжелые потери, погиб и брат Мендосы.

Будущая столица Аргентины представляла собой в это время кучку хижин, окруженных стеной из самана толщиной 3 фута. Каждый раз, когда шел дождь, эта стена таяла и разваливалась, как снежная крепость весной. Другой проблемой колонистов был постоянный голод. Запасы провианта, привезенные из Испании, быстро подошли к концу, пополнить их за счет местных ресурсов не было никакой возможности из-за враждебности индейцев. Колонисты вынуждены были питаться крысами, мышами, змеями, ящерицами и даже собственной обувью, сделанной из сыромятной кожи. Между тем вокруг Буэнос-Айреса сжималось кольцо индейских воинов. Они вновь и вновь совершали набеги на город, почти полностью сожженный в результате этого. Мендоса, здоровье которого с каждым днем ухудшалось, решил отправиться в Испанию за подкреплениями, назначив своим заместителем Хуана де Айоласа. Во время обратного рейса к берегам Испании Мендоса умер.

Между тем Айолас с группой солдат отправился в опасное плавание вверх по реке Парана. Он сумел сломить вооруженное сопротивление индейцев гуарани, заключил с ними мирное соглашение. Затем Айолас пошел вверх по реке Парагвай; предполагается, что именно он отыскивал место, где спустя год был заложен город Асунсьон. После этого об его отряде не было ни слуху ни духу. Гарнизон Буэнос-Айреса, так и не дождавшись помощи, в 1541 г. был вынужден оставить город и уйти на берега реки Парагвай, где к тому времени появился новый опорный пункт испанцев.

Буэнос-Айрес вскоре после его основания. Рисунок 1567 г.

От Аргентины до Перу

Доминго Мартинес де Ирала был одним из сподвижников Педро де Мендосы, основателя Буэнос-Айреса. Именно Ирала положил начало испанским завоеваниям (а значит, и открытиям) в бассейне Ла-Платы.

В 1536 г. Хуан де Айолас открыл нижнее течение рек Парана и Парагвай, после чего бесследно исчез (как оказалось впоследствии, он и его спутники были убиты индейцами пайягуа). Отправившись на поиски пропавшего соратника, Ирала в 1537 г. прошел вверх по реке Пилькомайо на большое расстояние. После возвращения он основал город Асунсьон, теперешнюю столицу Парагвая, и в том же году предпринял большое путешествие по реке Парагвай, добравшись до устья реки Куяба (18° ю. ш.).

Используя Асунсьон в качестве базы, Ирала совершил еще несколько походов. В 1539–1542 гг. он уже в качестве губернатора провинций Рио-де-ла-Плата и Парагвай предпринял путешествие по реке Парана, пройдя по ней около 600 километров от водопада Сети-Кедас до устья реки Тиете. В 1544 г. местные племена восстали против испанцев и овладели Асунсьоном. Ирала организовал большой отряд из 300 испанцев и 1000–1500 верных ему индейцев и сумел отбить у повстанцев столицу провинции. В течение следующих четырех лет он совершал дальние походы, стремясь усмирить окрестные племена. В 1547 г. Ирала поднялся вверх по реке Парагвай до болот Ксарайес, затем повернул на запад и после труднейшего перехода через засушливую область Гран-Чако и Боливийское плато достиг истоков реки Пилькомайо, открыв, таким образом, сухопутную дорогу из Ла-Платы в Перу. Благодаря этой экспедиции испанские владения в Южной Америке были окончательно связаны между собой.

Ирал и его спутники пересекают районы сельвы

Кабеса де Вака в Парагвае

В 1540 г. испанский король назначил губернатором провинции Рио-де-ла-Плата известного путешественника Кабесу де Вака – участника погибшей экспедиции Нарваэса, прошедшего 7 лет в плену у индейцев Северной Америки. В 1541 г. де Вака во главе отряда из 400 человек высадился на небольшом островке Санта-Катарина у южного побережья Бразилии. Здесь он получил тревожное сообщение: испанский гарнизон в Буэнос-Айресе оставил город из-за непрекращающихся набегов индейцев и отступил в Асунсьон (ныне столица Парагвая), где продолжает подвергаться нападениям. Де Вака срочно двинул свою флотилию и часть сил к устью Ла-Платы, поставив им задачу восстановить разрушенный Буэнос-Айрес и помочь испанскому отряду, осажденному в Асунсьоне. Сам губернатор во главе оставшейся части отряда высадился на побережье Бразилии и двинулся на запад. Испанцы пересекли южную часть Бразильского нагорья и открыли реку Игуасу с ее знаменитым водопадом, затем добрались до реки Парана, исследовали ее среднее течение и пересекли междуречье Парана – Парагвай. 11 марта 1542 г. отряд вступил в Асунсьон. Во время этого похода по практически неизведанным землям де Вака проявил себя с самой лучшей стороны: он сумел установить дружеские отношения с индейцами, так что за все 4 месяца путешествия его отряд практически не имел потерь.

Бюст Кабеса де Вака в Остине, Техас

С сентября 1543 по апрель 1544 г. Кабеса де Вака прошел внутренние области Парагвая, поднявшись вверх по реке Парагвай около 500 миль. Он открыл и исследовал обширные области Южной Бразилии в районе плато Мату-Гросу. Деятельность неутомимого исследователя была прервана его соперником, бывшим губернатором Рио-де-ла-Платы Мартином Домингесом де Ирала. Тот обвинил де Вака во многих тяжких грехах, включая плохое управление колонией, арестовал его и отправил в Испанию. В 1545 г. король рассмотрел это дело и в итоге оправдал де Вака, однако тот уже никогда больше не вернулся в Новый Свет.

Эрнандо Сааведра ищет город Цезарей

Эрнандо Ариас де Сааведра (Эрнандариас) был первым уроженцем испанских колоний в Южной Америке, достигшим высоких административных постов. Сын испанского конкистадора, он родился в Асунсьоне (Парагвай), в 1596 г. стал вице-губернатором Ла-Платы, в следующем году – губернатором и три срока провел на этом посту. В качестве губернатора обширной провинции, включавшей в себя территории Северной Аргентины и Парагвая, он совершил несколько далеких походов в Уругвай, Бразилию и Патагонию. Одной из главной его целей являлся легендарный Город цезарей. Этот таинственный город, известный также под названиями Блуждающий город, Трапаланда (Трапананда) и Лин-Лин (Элелин), по слухам, располагался в уединенной долине где-то на границе Чили и Аргентины, надежно защищенный могучими хребтами Анд. О нем рассказывали самые невероятные вещи. Этот город будто бы основала группа людей европейского происхождения, некогда потерпевших кораблекрушение в Магеллановом проливе. Другие утверждали, что сюда бежали последние инки после разгрома империи Тауантинсуйу. Город этот был чрезвычайно богат, полон золота, серебра и алмазов. Утверждали, что он стоит между двумя горами – одна гора целиком из золота, другая – из алмазов...

Эту легенду впервые принесли участники плавания Себастьяна Кабота к устью Ла-Платы (1526–1530 гг.). Она туманила воображение Диего де Альмагро и Педро де Вальдивии, отправлявшихся на завоевание Чили (соответственно в 1535–1537 и 1540 гг.). Хуан де Гарай в 1580 г. отправился из Буэнос-Айреса на поиски легендарного города и бесславно сложил свою голову на берегах Ла-Платы...

Эрнандо Сааведра тоже решил попытать счастья и 1 ноября 1604 г. выступил в поход на юго-запад. В его отряде насчитывалось 130 испанских солдат и 600 индейских воинов, экспедицию сопровождали 70 повозок, запряженных волами и стадо из 600 быков, взятых с собой в качестве запаса мясной пищи. Перед путешественниками лежала огромная страна, протянувшаяся к югу от Ла-Платы до самой Огненной Земли. В те времена она была практически неизвестна европейцам, поэтому Сааведра, наряду с поисками Города цезарей, поставил перед

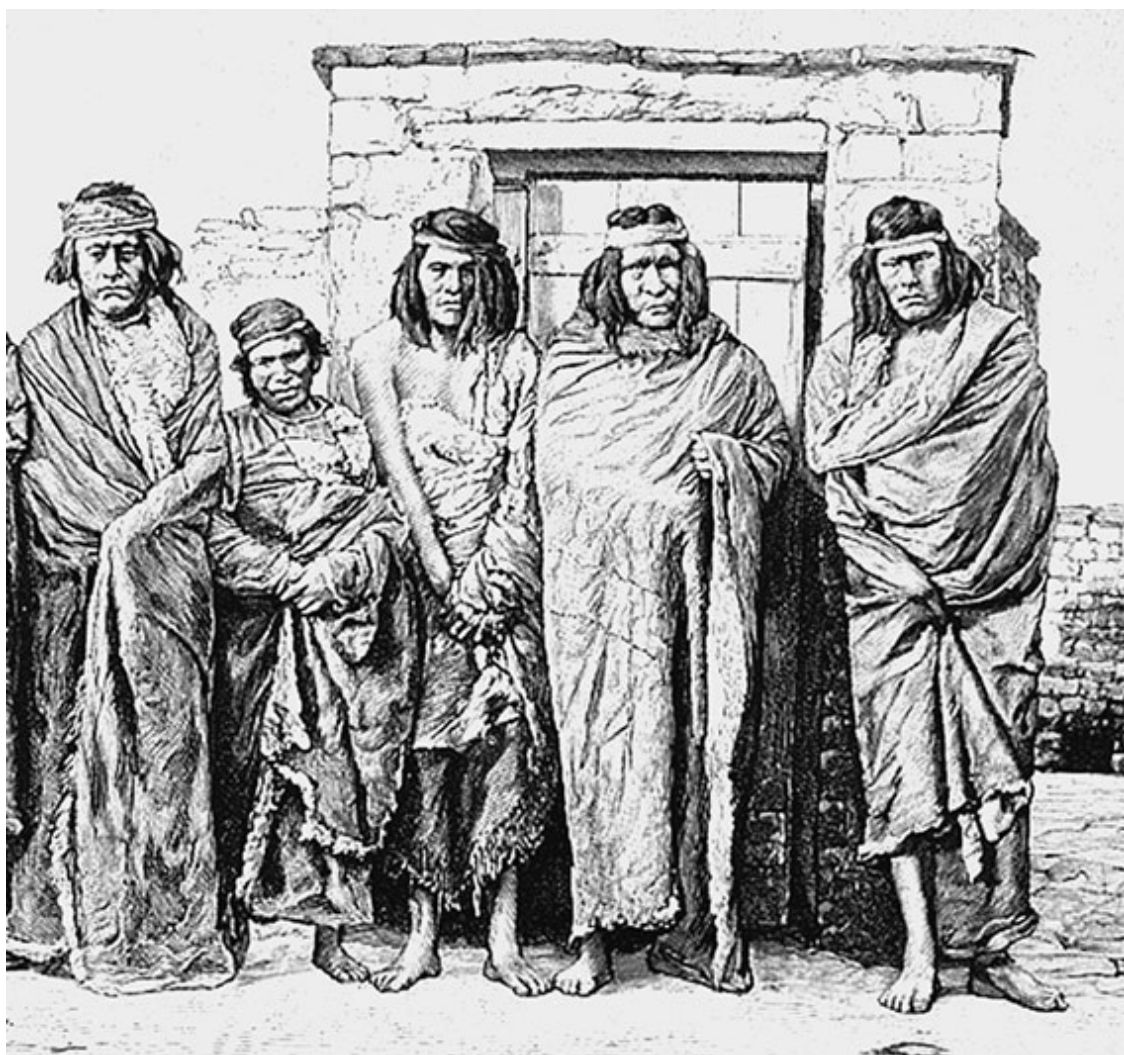
собой вполне реальную цель: исследовать неведомые земли и получить представление о системе внутренних речных путей Патагонии.

Эрнандо Ариас де Сааведра

Пройдя около 1000 километров, испанцы достигли междуречья Рио-Колорадо и Рио-Негро. Никакого Города цезарей и в помине не было, зато вокруг простирались плодородные земли, «текущие медом и молоком», а в речных долинах то тут, то там встречались соляные источники. Эта земля могла стать настоящим благословением для колонистов, но коренные жители не спешили отдавать ее в руки испанцев: индейцы техуэльче беспрестанно тревожили экспедицию набегами. Индейские воины по численности в 10 раз превосходили

отряд Сааведры. Наконец, разыгрался настоящий бой, в ходе которого губернатор попал в плен. Только чудом ему удалось бежать и, пройдя через множество испытаний, соединиться со своим отступающим отрядом. Вернувшись в Буэнос-Айрес, Сааведра начал войну с техуэльчами; никакого успеха она не принесла, став лишь еще одной бесплодной попыткой покорить коренных обитателей Патагонии.

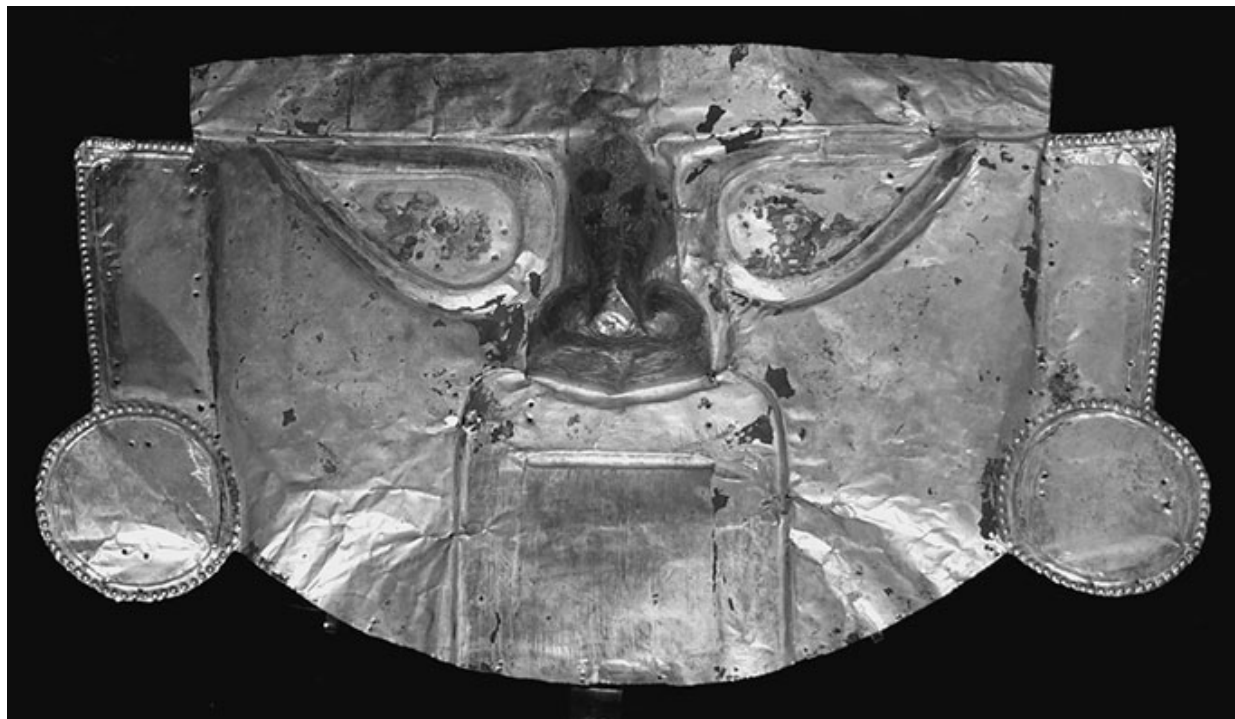

Группа патагонцев на фоне своего жилища

Легенда о стране Эльдорадо

На штурм Эльдорадо: с юга...

Индейцы Южной Америки верили, что золото впитало в себя энергию солнца. Индейские предания рассказывают, что сначала солнце было невзрачным, обыкновенным существом в человеческом облике, но потом его одели в золотые одежды и осыпали золотым песком; энергия золота придала человеку силу и могущество. Он стал Великим Солнцем. Подражая Великому Солнцу, вожди индейских племен, обитавших на территории современной Колумбии, также натирали свои тела золотым порошком, облачались в великолепные наряды, богато украшенные золотом, увешивали себя золотыми амулетами. Так появилась легенда об «Эль Дорадо» – «золотом человеке», величайшая легенда Конкисты. Страна «золотого короля», страна сказочных сокровищ, стала предметом вожделения целого сонма искателей сокровищ.

Золотая погребальная маска инков

В начале 1534 г. из Перу на север отправился отряд конкистадора Себастьяна де Белальказара в составе 120 пеших солдат и 80

всадников. Силы его были ничтожно малы, но дерзость и отвага безмерно велики: Белалькасар намеревался достичь богатого «королевства Киту» (ныне территория Эквадора), а затем дойти до легендарной страны Эльдorado. Белалькасар торопился: он знал, что на поиски Киту уже отправился отряд губернатора Гватемалы Педро де Альварадо.

Спустя полгода Белалькасар достиг долины реки Риобамба. Местный индейский вождь Руминьяуи собрал для отпора завоевателям около 12 тысяч воинов. В долине Тиокахас произошло решающее сражение, продолжавшееся целый день. Индейцы сражались отважно, и в какой-то момент испанцы дрогнули. И тут произошло неожиданное: в момент, когда Руминьяуи готовился нанести сокрушительный удар, неожиданно, впервые за много столетий, началось извержение вулкана Котопахи. Суеверные индейцы вспомнили старое пророчество, согласно которому их могуществу придет конец в тот день, когда Котопахи оживет. Ожидая всеобщей гибели, индейские воины в панике начали разбегаться, и через пару часов от войска Руминьяуи ничего не осталось. Спустя несколько дней конкистадоры вошли в опустевшую индейскую столицу Киту (ныне Кито). В поисках золота они обыскивали храмы, дома, кладбища, но все было тщетно... А между тем к Кито уже подходил отряд Педро де Альварадо. Свой поход он начал из бухты Каракес. В отличие от Белалькасара, Альварадо не располагал ни достаточной информацией, ни проводниками. Достигнув верховьев реки Дауле, он направился на восток, но заблудился в сельве. Когда он наконец достиг Кито, то его еще остававшиеся в живых солдаты походили на призраков – так они были истощены. И тут Альварадо ожидал главный удар: «королевство Киту» уже заняли солдаты Белалькасара...

При иных обстоятельствах между конкистадорами, возможно, произошла бы стычка. Но сработал инстинкт самосохранения: одни были слабы, другие – окружены враждебно настроенными индейцами, и ни тем ни другим не хотелось выяснять отношения между собой. 25 августа 1534 г. Белалькасар и Альварадо подписали мирное соглашение, после чего Альварадо отправился восвояси, а Белалькасар – на север. На этот раз его целью являлось Эльдorado...

Себастьян де Белалькасар

По слухам, эта страна лежала в самом сердце Колумбии, на высоте 2600 м над уровнем моря, в бассейне двух восточных притоков Магдалены – рек Богота и Согамосо. Ее стерегла «достигавшая небес» стена, воздвигнутая самой природой, – Анды. Перейдя границу Колумбии, Белалькасар овладел территорией Попаян. Здесь он основал город того же названия, а севернее, в долине реки Кауки, – еще один город, Кали. Два года Белалькасар медленно продвигался вниз по долине Кауки к северу. Наконец он перешел через Центральные

Кордильеры и вступил в долину реки Магдалены. Отряд продвигался очень медленно. По опыту своего похода (длившегося уже третий год) зная, что такое голод, экспедиция вела с собой целое стадо из 300 свиней. Эти «живые консервы» были незнакомы с дисциплиной и весьма задерживали продвижение. И когда Белалькасар добрался наконец до Боготы, то увидел лагерь испанских солдат! Белалькасар опоздал. Сколько раз он проклинал потом этих свиней, лишивших его сокровищ...

С севера...

Человека, опередившего Белалькасара, звали Гонсало Хименес де Кесада. За год до этого он во главе отряда, насчитывавшего около 900 испанцев, в сопровождении туземных носильщиков выступил из прибрежной испанской колонии Санта-Марта, расположенной на северо-восточном побережье Колумбии. Экспедиция должна была пройти вверх по течению реки Магдалены, перевалить через Анды и отыскать таинственную «золотую страну».

5 апреля 1536 г. экспедиция Кесады выступила в поход. Стояла жара, испанцы сильно страдали от жажды. К тому же почти сразу начались нападения индейцев: краснокожие воины появлялись внезапно, осыпая пришельцев градом стрел, и столь же внезапно исчезали. Испанцы пробирались через дремучие тропические леса, терпя невероятные лишения. В отряде появилось много больных, припасы таяли, людям приходилось есть ящериц, змей, летучих мышей.

Переждав в индейском селении на берегу реки Магдалены сезон дождей, экспедиция вновь двинулась в поход. В отряде оставалось менее 200 человек. Индеец-проводник уверял, что земля великого и могучего народа находится всего в нескольких днях пути. Он, однако, не учел, что полумертвые от усталости люди проходили за день куда меньшее расстояние... Наконец, горстка измученных, едва живых людей вышла на плоскогорье Кундинамарка. Перед ошеломленными испанцами открылась поистине чудесная страна. Они еще не знали, что это была страна муисков – одного из самых культурных индейских народов Колумбии. Большое впечатление на испанцев произвели деревянные храмы примитивной архитектуры, но покрытые золотыми пластинками. Над дверями многих хижин висели тонкие золотые диски и пластины. Колеблемые ветром, они издавали мелодичный перезвон. Конкистадорам, по их собственному признанию, еще никогда не доводилось слышать столь сладостной музыки. После долгих мытарств они, наконец, достигли заветной цели!

Здесь, на плато Кундинамарка, испанцы впервые услышали легенду об Эль Дорадо, «золотом человеке». Чтобы добыть несметные сокровища, рассказывали туземцы, надо идти на восток, к горным хребтам, в глубине которых таится священное озеро Гуатавита. Именно

там один из вождей муисков ежегодно передает богам подношения индейцев, опуская в воды озера золото и изумруды, а потом, покрыв свое тело золотым порошком, ныряет в озеро сам, чтобы присовокупить свой дар к пожертвованиям соплеменников...

21 апреля отряд Кесады вступил в Боготу, столицу страны муисков. Это было фантастическое, ни с чем не сравнимое зрелище. Город лежал на дне плоской равнины, окаймленной горными цепями. Тысячи глинобитных домов были обшиты снаружи циновками из отбеленной и покрашенной в самые разные цвета осоки. Дворцы и храмы Боготы привели испанцев в неопикуемый восторг: здесь не было ни одного дома или святилища, где бы не было золота или изумрудов!

Проведя в Боготе месяц, Кесада отправиться на север, в горы. В священном городе Согамосо испанцы увидели знаменитый храм Солнца, покрытый пластинами золота. Здесь же, в Согамосо, находились знаменитые изумрудные копи, где муиски на глазах у испанцев извлекали из земли крупные изумруды. Но золото в земле муисков не добывалось, и конкистадорам не сразу удалось узнать, откуда индейцы получают драгоценный металл. Туземцы говорили, что они торгуют золотом с другими племенами в обмен на соль.

В селении Гуаска в лагерь Кесады пришли два индейца, с ног до головы увешанных золотыми украшениями. Они объявили, что испанцев хочет приветствовать их повелитель, великий вождь Гуатавита. Кесада не замедлил принять приглашение. Он появился во владениях Гуатавиты в конце июня 1537 г. Испанцев ждала здесь роскошная встреча. Каждый из них получил в подарок великолепные, изящной работы золотые кубки и чаши, украшенные изумрудами. А после обильного угощения Гуатавита пригласил испанцев принять участие в празднике благодарения, который отмечал его народ.

Гонсало Хименес де Кесада

Выложенная из смеси глины, соломы и камня дорога привела гостей и пышную свиту Гуатавиты на берег глубокого озера, лежащего в кратере потухшего вулкана. Кесада спросил, как оно называется, и услышал в ответ, что имя озера, так же как и имя вождя, – Гуатавита... Кесаде так и не суждено было узнать о том, что судьба привела его к тому самому священному озеру, где купается, напудрив тело золотым песком, «золотой человек», владеющий страной Эльдorado, и что он находится в самом сердце этой «золотой страны». Мечта о стране Эльдorado так и осталась мечтой...

Его обратный путь лежал через Боготу, и здесь Кесада с удивлением узнал, что к городу с юга подходит отряд под

командованием Себастьяна де Белалькасара. И почти одновременно в окрестностях города появился еще один отряд – около полутора сотен совершенно изможденных, еле передвигавших ноги людей...

...И с востока

История третьего отряда, подошедшего к Боготе с северо-востока, была наиболее удивительной. Начнем с того, что он был не испанским, а... немецким!

В 1528 г. испанский король Карл I предоставил немецкому банкирскому дому Вельзеров патент на завоевание обширной территории Южной Америки между мысом Ла-Вела на западе и мысом Кодера на востоке, а также всех земель в глубине материка, расположенных между двумя этими пограничными мысами. В конце февраля 1529 г. первая немецкая экспедиция, возглавляемая Амброзием Эхингером, бросила якоря в Коро – городе, основанном испанцами примерно в 150 километрах к востоку от залива Маракайбо. Не найдя на побережье рабочей силы для постройки запланированных здесь поселений и разбивки плантаций, Эхингер отправился в глубь материка. От первых же встретившихся ему индейцев он узнал о «золотой стране» Эльдorado.

Эхингер долго не раздумывал. В 1531 г. он покинул Коро и во главе экспедиции, состоявшей из 200 немцев и испанцев и нескольких тысяч индейских носильщиков, двинулся на запад. Когда участники экспедиции вступили на территорию нынешней Колумбии, легенда о «стране золота» начала приобретать все более реальные очертания. От местных индейцев Эхингер получал золото – в обмен на всякие безделушки или просто в дар. Наконец, вдали показались заснеженные гребни Анд. Перевалив через самый высокий хребет, отряд Эхингера оказался в долине реки Магдалена – в сердце Колумбии. Здесь немцы столкнулись с вооруженным сопротивлением местных жителей. Теряя в бесконечных стычках людей, Эхингер почти добрался до цели – до границ княжества Гуатавита, где правил «золотой король», оставалось всего 30 километров!

Эхингер, однако, этого не знал. Озабоченный постоянными нападениями индейцев и предвидя впереди новые трудности, он решил повернуть назад. Обратный путь оказался еще более трудным. В середине 1533 г. отряд был окружен индейцами в горах Восточных Кордильер и разгромлен. Эхингер погиб, несколько уцелевших членов экспедиции с большим трудом в ноябре 1533 г. добрались до Коро.

Попытки разыскать Эльдorado на этом не прекратились. Уже в мае следующего года из Кoro отправилась новая экспедиция, возглавляемая Георгом Хоэрмутом. Но и этой партии не удастся добраться до страны «золотого короля»: достигнув главного хребта Анд, отряд не нашел тропы, которая позволила бы перевалить через неприступные горы. Хоэрмут искал этот перевал целых 4 (!) года. Солдаты голодали, страдали от невыносимой жары. Одежда их истлела, и они прикрывались звериными шкурами. В итоге Хоэрмут лишился более половины своего отряда и в мае 1538 г. бесславно вернулся в Кoro.

Встреча инкского клинка и испанской сабли

Пока Хоэрмут бродил у предгорий Анд, из Германии прибыл новый отряд немецких наемников во главе с Николасом Федерманном. В декабре 1536 г., выйдя из Коро, Федерманн двинулся по следам Хоэрмута. Маршрут его лежал несколько восточнее: он поднялся по долине реки Мета до ее истока, перевалил Восточные Кордильеры и неожиданно оказался в наиболее богатой, центральной области страны муисков. Удача эта, однако, стоила немцам весьма дорого: когда отряд Федерманна выбрался к Боготе, он насчитывал в своих рядах лишь около 160 человек – изможденных, полумертвых от голода и лишений.

Итак, в феврале 1539 г. под стенами Боготы неожиданно встретились целых три претендента на богатейшие земли муисков: Белалькасар, Кесада и Федерманн. По невероятному совпадению, в каждом из трех отрядов было по 160 человек. Кому из них достанутся сокровища страны Эльдорадо?

Открытие и закрытие Эльдорадо

Отряды всех трех претендентов на «золотую страну» были равны по численности, но заметно различались по качеству. Спор между их предводителями грозил перерасти в вооруженный конфликт, однако благодаря мудрости и осмотрительности Кесады этого не произошло. Он предложил, чтобы арбитром в споре стал испанский король. Дело, таким образом, откладывалось в долгий ящик.

В конце концов Белалькасар был назначен губернатором провинции Попайян (ныне один из штатов на юге современной Колумбии), а Федерманн в обмен на отказ от сомнительных прав своих хозяев на страну муисков получил довольно значительный выкуп. Что касается Кесады, то его заслуги были признаны и по достоинству оценены, он получил титул маршала королевства Новая Гранада и значительные денежные пожалования. Вскоре на открытых Кесадой землях уже хозяйничала целая армия прибывших из-за океана королевских чиновников, судей, сборщиков податей, торговцев, отряды конкистадоров один за одним уходили на поиски золотых рудников на севере Колумбии. У всех на устах было манящее слово «Эльдорадо»: открыв подлинное Эльдорадо, испанцы так и не поняли, что цель достигнута. Поиски «золотой страны» продолжались. Парадокс? Но подобных парадоксов немало в истории географических открытий: вспомним хотя бы Колумба, до конца дней считавшего, что он открыл путь в Индию.

Золотой плот муисков, найденный в Колумбии в 1856 г.

При всем своем незаурядном уме Гонсало Хименес де Кесада поддался охватившему всех гипнозу «золотой страны». Даже став правителем открытой им страны, он так до конца жизни и не понял, что правит настоящей страной Эльдорадо. Объяснить ему, что это всего-навсего заблуждение, было некому: культура муисков быстро распадалась под гнетом испанцев, а вождь Гуатавита – «золотой человек», «Эль Дорадо» – был убит в 1540 г., почти сразу же после отъезда Кесады в Испанию: конкистадоры заподозрили его в том, что он готовит мятеж. Тогда же погибли и многие другие вожди муисков.

До последних дней Кесада не оставлял надежд на открытие подлинного Эльдорадо. В 1568 г., в возрасте 60 лет, он снарядил новую экспедицию на поиски «золотой страны». Более чем за 30 лет до этого Диего де Ордас, участник экспедиции Кортеса, пробираясь со своим отрядом вверх по реке Ориноко, услышал об индейском племени, владеющем несметным количеством золота, которое жило где-то на восточных склонах Анд, вблизи большого озера, у реки Мета. По мнению Кесады, это и была заветная страна «золотого короля». Вместе с Кесадой в поход отправились 500 испанцев, среди которых были многие из его старых товарищей – участников первого похода в страну муисков, а также полторы тысячи индейцев-носильщиков.

Кесада вложил в это предприятие все свои средства и взял в долг значительные суммы, однако экспедиция завершилась полной неудачей. Отряд оказался в болотах бассейна реки Ориноко. Леса были совершенно непроходимы, а нестерпимая жара, тропические ливни и тучи насекомых превращали их в кромешный ад. Люди умирали один за другим, как и 32 года назад, когда Кесада искал дорогу в страну муисков. Когда экспедиция дошла до того места, где в Ориноко впадает река Гуавьяре, в живых оставалось лишь несколько десятков человек; индейцы-носильщики частью погибли, частью разбежались. Кесада был вынужден повернуть обратно.

Из-за этого похода Кесада совершенно разорился. Он вернулся в Боготу, не подозревая о том, что, не найдя легендарную страну, на самом деле возвращается в нее. Кесада умер в 1579 г. и до конца жизни так и не смог вернуть долг, оставшийся после экспедиции. Что же касается страны Эльдорадо, то легенда о ней не ушла в небытие вместе со смертью первооткрывателя страны муисков: миф, оторвавшись от почвы, на которой вырос, начал жить собственной жизнью, повинуюсь собственным внутренним законам. И на протяжении почти столетия на восточные склоны Анд, в дебри Ориноко и Амазонки одна за одной продолжали уходить экспедиции, зачарованные золотым миражом Эльдорадо.

Неугомонный немец

Немецкий рыцарь Филипп фон Гуттен в 1540 г. был назначен губернатором немецкой колонии в Венесуэле. С легендами о «золотой стране» он познакомился уже в первые месяцы после прибытия в Коро. А вскоре перед его глазами предстал и живой очевидец событий: испанец Педро де Лимпиас, участник экспедиции Николаса Федерманна. Вместе с немецкими конкистадорами Лимпиас проделал тяжелый путь в страну муисков, хлебнул немало горя и лишений и принес с собой в кармане малую толику сокровищ «золотой страны», а с ними – кучу рассказов об Эльдорадо, один другого фантастичней. Впрочем, на губернатора фон Гуттена эти рассказы произвели просто ошеломляющее впечатление.

Гуттен предложил Лимпиасу вместе отправиться на поиски «золотой страны». Испанец не возражал, и в июле 1541 г. новый губернатор выступил в поход. Выйдя из Коро и взяв курс на восток, корабли немецких конкистадоров прошли вдоль Карибского побережья до порта Бурбарато, где отряд фон Гуттена высадился на берег. Отсюда экспедиция отправилась в еще не исследованные области Венесуэлы. Лимпиас вел отряд прямо на юг, вдоль восточных склонов Анд, придерживаясь горной цепи, идущей в глубь дикой и малонаселенной страны. Дни проходили за днями, недели за неделями, но никаких признаков Эльдорадо не было. Отряд фон Гуттена безуспешно блуждал в сельве более года и в итоге вышел почти к тому же самому месту, откуда и начал свой путь. Казалось, судьба смеется над неугомонным немцем! Но возвращаться назад Филипп фон Гуттен не собирался. Он снова двинулся на юг. Теперь Педро де Лимпиас вел экспедицию иным маршрутом. Отряд переправился через реки Апуре, Араука, Капанаро, Мета. В начале 1543 г. Гуттен направил на юго-восток разведывательную партию во главе с Педро де Лимпиасом. Тот пересек верховья реки Гуавьяре, вышел к горе Отаре и спустился в бассейн реки Амазонки. В мае 1543 г. Лимпиас догнал основной отряд, пройдя точно на запад более 300 километров.

Переждав дождливый сезон 1543 г. в «бесплодной и ужасной местности», Гуттен двинулся далее к югу. От одного захваченного в плен индейца он услышал легенду об таинственных амазонках,

живущих на востоке, на берегу огромной реки. Есть ли у этих амазонок золото? Существует ли какая-либо связь между страной амазонок и страной Эльдорадо? Этого бестолковый индеец не мог объяснить.

Продолжая движение к югу, отряд пересек верховья реки Какета и вышел на Амазонскую низменность. Индейцы, встречавшиеся по пути, рассказывали о том, что дальше лежит некая «земля Омагуа». Столица этой страны украшена золотыми статуями богов, в центре высится золотой храм, а жилище правителя просто ломится от золотых украшений. Фон Гуттен и его люди воспрянули духом: желанная цель близко!

Наконец после долгого и тяжелого пути отряд оказался на возвышенном плато, с которого вдали можно было увидеть большой индейский город. Его дома располагались в строгом геометрическом порядке, прямые улицы разрезали город на ровные кварталы, а в центре, на площади, возвышалось какое-то большое здание, похожее на храм – правда, он, похоже, не был золотым... Однако добыча – если она и ожидала здесь немцев – не казалась легкой: на равнине возле города пришельцев уже поджидало огромное войско. Видимо, индейские разведчики давно следили за отрядом конкистадоров, и жители города успели подготовиться к встрече.

Реконструкция индейского быта. Южная Америка, 1980-е гг.

В воздухе запели первые стрелы. Индейские воины сражались с таким ожесточением, что немцам пришлось отступить; вскоре отступление превратилось в бегство. Филипп фон Гуттен был ранен, было ранено и убито множество его солдат. Индейские воины еще долго преследовали конкистадоров, безжалостно добивая оставших.

Теряя людей и последние силы, фон Гуттен бежал на север. В начале 1546 г. он и остатки его отряда вышли на землю «колонии

Вельзеров», оставив за спиной чудовищный по протяженности и затраченным усилиям путь: более 3500 километров! Возле города Баркисимето, когда карибский берег был уже совсем близок, экспедиция фон Гуттена встретилась с группой испанских колонистов, поднявших мятеж. Оpozнав в Филиппе фон Гуттена губернатора колонии, мятежники отрубили ему голову; такая же участь постигла и всех, кто еще оставался с ним...

В Эльдorado по Амазонке

В 1539 г. на поиски Эльдorado отправился Гонсало Писарро – сводный брат прославленного завоевателя Перу. С отрядом из 300 испанцев и 4000 индейцев-носильщиков он вышел из Кито и двинулся на восток. Где-то там, согласно господствовавшей в то время теории, и должна была находиться заветная страна «золотого короля».

С огромным трудом преодолев Восточные Кордильеры, Писарро разбил лагерь на склонах вулкана Сумако. Измученным людям требовался отдых; кроме того, начался сезон дождей. Потянулась бесконечная череда однообразных дождливых дней. Дожди шли, не переставая, в течение двух месяцев. Оружие и доспехи испанцев ржавели, одежда начала гнить. В отряде начался ропот, многие открыто выражали желание вернуться назад. И в это трудное время в лагерь Писарро неожиданно пришел небольшой испанский отряд во главе с Франсиско де Орельяной.

Во время перехода через Анды отряду Орельяны пришлось еще тяжелее, чем людям Писарро. Под его началом было всего-навсего 23 человека, и маршрут экспедиции пролегал по местам, уже разоренным испанцами, население которых кипело желанием мести. Стычки с индейцами случались едва ли не каждый день. При переходе через заснеженные хребты Кордильер многие индейцы-носильщики замерзли насмерть. Снаряжение, провиант и большую часть оружия пришлось бросить по дороге. Тем не менее в декабре 1541 г. Орельяна благополучно перевалил Восточные Кордильеры.

Сезон дождей уже подходил к концу. Было решено, что Писарро с небольшим отрядом выступит на разведку, а Орельяна с главными силами двинется за ним следом. Спустившись вниз вдоль реки Кока, испанцы вышли к полноводной реке Напо – притоку Амазонки. Ее берега были заболочены, покрыты непроходимыми лесами и практически безлюдны, однако сама река представляла собой удобную транспортную артерию. Предстояло только обзавестись судами.

Постройкой бригаантины руководил Франсиско Орельяна. На судно погрузили припасы и снаряжение, а также больных и раненых. Основные силы отряда шли по берегу, с огромным трудом преодолевая заросли тростника и непролазные топи. Люди страдали от жаркого

влажного климата, болели лихорадкой, умирали; те, кто еще оставались в живых, были до крайности истощены. Остатки провизии подходили к концу.

И тут, когда надежда на счастливое завершение похода уже почти угасла, встретившиеся на берегу реки аборигены рассказали Писарро и Орельяне, что ниже по течению, в десяти днях пути, лежит богатая золотом земля. Эльдorado? Да, вероятно, это была она – заветная страна «золотого короля». Но откуда истощенным до последней крайности людям взять силы на дорогу туда?

Гонсало Писарро

Франсиско Орельяна находит выход: он с небольшим отрядом спустится вниз по реке на бригантине, разведает местность и раздобудет продовольствие. Писарро согласен: другого выхода нет. И 26 декабря 1541 г. Орельяна во главе отряда из 56 человек на бригантине и

четыре каное уходит вниз по реке... Гонсало Писарро больше никогда так и не увидел своего лейтенанта.

Но что же случилось с Франсиско де Орельяной и его отрядом?

Покинув лагерь экспедиции, путешественники 5 января 1542 г. наткнулись на богом забытое индейское селение. Изголодавшиеся люди с жадностью накинулись на еду. Когда эйфория прошла, со всей неотвратимостью встал вопрос: что делать дальше? Где-то далеко оставались их товарищи, но как вернуться к ним? По суше дорог нет, а на то, чтобы подняться по быстрой реке против течения им пришлось бы идти на веслах целые месяцы... Орельяна предложил компромисс: давайте подождем оставшуюся позади партию в этом селении, а пока займемся постройкой более прочного судна. Оно потребуется, если придется плыть дальше по реке.

Дни проходили за днями. Новая бригантина уже была построена, а отряд Писарро так и не появлялся. На общем совете было решено: плывем дальше! На следующий день бригантина отчалила от берега.

12 февраля 1542 г. река Напо вынесла судно испанцев к месту, где соединялись три реки, и самая большая из них была «широка, как море». Это была Амазонка – самая многоводная река мира. Она неудержимо несла бригантину Орельяны на восток, и никто из находящихся на ее борту испанцев еще не знал о том, что волей судьбы им предстоит пересечь весь южноамериканский материк и первыми из европейцев воочию увидеть его необъятные размеры.

Река была так широка, что порой ее берега терялись в голубоватой дымке. Вбирая в себя все новые и новые притоки, она становилась все многоводнее и шире. Куда несет свои воды этот огромный поток, по сравнению с которым все реки Старого Света выглядят жалкими ручейками? Никто из людей Орельяны этого не знал. Они надеялись только на то, что рано или поздно эта река выведет их к морю.

Проходили дни, недели, месяцы. Казалось, что реке не будет конца. Иногда на ней разыгрывались штормы, ничуть не уступающие морским бурям. С середины реки оба ее берега порой выглядели только как туманные полосы. Когда бригантина приближалась к берегу, открывались бесчисленные протоки, окаймленные непроходимыми чащами девственного леса.

В конце июня испанцы неожиданно попали во владения амазонок – как можно иначе было назвать индейских женщин, которые

предводительствовали отрядами индейских воинов и смело бросались во главе их в бой? Встреча с «индейскими амазонками» произвела на испанцев такое впечатление, что Орельяна назвал великую реку, по которой плыла его бригантина, Амазонкой.

Оборот испанской монеты в 200 евро с изображением Франсиско Орельяна

После сражения с амазонками отряд Орельяны продолжил путешествие по великой реке, разделившейся на множество протоков. Некоторые из них были настолько широки, что скорее походили на морские проливы. Долгожданный океан, по-видимому, уже был где-то близко: в разное время суток можно было заметить влияние его приливов и отливов, уровень воды в реке периодически повышался и понижался. И вот, наконец, после долгого 172-дневного плавания перед испанцами открылась безбрежная гладь океана. Однако выйти в него оказалось не так-то легко. Встречный ветер относил бригантины назад, камни, заменявшие якоря, не могли удерживать суда на одном месте.

Лишь утром 26 августа путешественники сумели выйти в открытое море. Они двинулись на север, стараясь не терять из виду побережья – ведь ни компаса, ни навигационных инструментов и карт у испанцев не было. Можно только удивляться отчаянной смелости, с какой Орельяна и его спутники решились на это плавание. Однако за все время пути им неизменно сопутствовала удача.

11 сентября 1542 г. Орельяна достиг острова Кубагуа в Карибском море и сошел на берег близ испанского поселения Новый Кадис. На этом его поход закончился. Не найдя Эльдorado, Франсиско де Орельяна открыл Амазонку – самую большую реку мира и заслуженно приобрел славу великого путешественника: он первым в истории человечества пересек Южноамериканский континент с запада на восток, от океана до океана.

Лопе де Агирре, «князь Свободы»

В 1558 г. вице-король Перу дон Андрес Уртадо де Мендоса снарядил за счет королевской казны экспедицию, призванную, наконец, раскрыть тайну страны Эльдорадо. Возглавить ее было поручено дону Педро де Урсуа. Экспедиции предстояло на семи бригантинах пройти из Перу водным путем по реке Уальяга вниз по течению до реки Мараньон, которая, сливаясь с Укаяли, образует Амазонку, и плыть по ней через всю Южную Америку до побережья Атлантики, разыскивая по пути богатые золотом города. В составе отряда насчитывалось 300 испанцев и несколько сотен индейцев.

Достигнув берегов Уальяги, испанцы были вынуждены начать постройку бригантин под непрекращающимся дождем. Реки вздулись и вышли из берегов. В один злосчастный день почти готовые суда были унесены бурным течением и разбиты вдребезги. Материалов на постройку новых бригантин у конкистадоров не было. Тогда Урсуа принимает решение спускаться вниз по Амазонке на плотах.

26 сентября 1560 г. экспедиция начала свое тяжелое, полное опасностей плавание. Огромные, медлительные плоты оказались неважной заменой бригантинам. Маршрут проходил сначала по реке Уальяга, впадающей в Мараньон. Потом плоты вышли в русло Амазонки, открытой за 20 лет до этого Орельяной. В отряде зрело недовольство: золота у живущих в прибрежных селениях индейцев не было, и никаких признаков того, что где-то поблизости может лежать «золотая страна», тоже не наблюдалось. Многие начали поговаривать, что пора-де вернуться назад. Однако начальника экспедиции это мало волновало. Ропот недовольных он пытался пресекать абсурдно жестокими, несправедливыми наказаниями, которые еще больше ожесточали людей. Среди солдат зрел бунт. Лидером заговора стал Лопе де Агирре – маленький коренастый баск, ветеран Конкисты, опытный солдат...

Первый день нового 1561 г. стал последним в жизни начальника экспедиции. В его хижину ворвались заговорщики во главе с Лопе де Агирре. После короткой стычки дон Урсуа был убит. По предложению Лопе де Агирре новым начальником экспедиции и «губернатором

Эльдорадо» был избран 25-летний офицер Фернандо Гусман. Сам Лопе де Агирре принял на себя должность «полевого маршала».

На другой день лидеры мятежников собрались на совет, чтобы решить, что делать дальше. Многие выступали за то, чтобы продолжать поиски Эльдорадо. Лопе де Агирре горячо возражал: намного больше золота осталось позади нас, в Перу, говорил он, и намного лучше было бы не гнаться за призраком «золотой страны», а вернуться назад, поднять восстание, свергнуть власть вице-короля и получить полный доступ ко всем богатствам Перу. Однако большинство участников совета твердо верило в существование Эльдорадо и надеялось на успех. Призывы Агирре и его сторонников услышаны не были.

Все пять следующих дней экспедиция простояла на месте. Отряд раздирали противоречия. Постепенно чаша весов склонилась в пользу Лопе де Агирре. Его намерения обозначились окончательно: мятежный баск хотел оставить поиски Эльдорадо, возвратиться в Перу, объявить войну вице-королю и, в конце концов, провозгласить полную независимость колоний от испанской короны. План его был поразительно дерзок – если бы он осуществился, с удачей Агирре нельзя было бы сравнить даже самое смелое из всех завоеваний, совершенных конкистадорами в Новом Свете.

Что же он задумал? Лопе де Агирре предполагал пройти через весь материк до Атлантики и высадиться на остров Маргарита. Там следовало запастись боеприпасами и продовольствием. С острова Маргарита предстояло перебраться на Панамский перешеек, взять город Панаму и захватить суда, которые стоят в его гавани. В Панаме, наверное, нашлось бы немало недовольных властями. Их можно было увлечь за собой, чтобы осуществить последнюю часть плана: высадившись в Лиме, захватить вице-короля Перу и основать государство, не подвластное Испании.

Вместо громоздких, неуклюжих плотов мятежники начинают строить две бригантины – «Сантьяго» и «Виктория», по 360 тонн каждая. Однако в плавание к берегам Атлантики повстанцы отправились без Фернандо Гусмана: заподозрив молодого офицера в нелояльности, Агирре распорядился убить его. Отныне вся власть в отряде принадлежала мятежному баску.

Каким маршрутом следовали мятежники, до сих пор остается неясным. Возможно, что они плыли по Амазонке до Атлантического побережья, но если принять во внимание место их окончательного прибытия, то представляется более вероятным, что они проплыли вниз по Амазонке только до ее слияния с Риу-Негру, а затем проследовали вверх по течению последней до Ориноко и вышли в Карибское море.

Лопе де Агирре

Флотилия Агирре появилась в водах Атлантики 1 июля 1561 г. На то, чтобы добраться до острова Маргарита, потребовалось 17 дней. Губернатор лично вышел встречать необычных путешественников, прибывших из далекого Перу по Амазонке. Не подозревая, что имеет дело с мятежниками, он распорядился доставить им продовольствие и необходимые запасы. Пока Агирре разговаривал с губернатором, его солдаты разоружили гарнизон острова и захватили в плен всех высших должностных лиц. После этого весь остров был подвергнут грабежу. Около 50 человек, включая губернатора и офицеров гарнизона, были убиты.

Агирре и его люди направились к побережью Венесуэлы. Высадившись в небольшом приморском городке Бурбурута, «князь свободы» объявил войну Испании. Идя вдоль венесуэльского побережья на запад, отряд Агирре повсюду наводил ужас на королевских чиновников. Однако поддержка со стороны рабов, трудившихся на плантациях, и бедных идальго, страдавших от

произвола судей, оказалась самой минимальной. Мятежникам удалось захватить несколько городов, но в итоге путь им преградили королевские войска. 27 октября 1561 г. «князь свободы» пал в своем последнем бою.

Загадка страны Маноа

В 1574 г. на поиски Эльдорадо отправился крупный плантатор дон Педро Малавера де Сильва. Во главе небольшого отряда он высадился на побережье Гвианы – мало исследованной в ту пору страны, лежащей к юго-востоку от Венесуэлы. Здесь и завершился земной путь очередного энтузиаста поисков страны Эльдорадо и его спутников: все они погибли под стрелами воинственных карибов. Спасти удалось только одному солдату – Хуану Мартину де Альбухару.

В 1584 г. Альбухар неожиданно появился на острове Маргарита. Это было похоже на возвращение с того света: уже 10 лет от отряда де Сильвы не доходило никаких вестей, и всех его людей давно считали погибшими. В мгновение ока Альбухар оказался в центре всеобщего внимания. Интерес к старому солдату возрос еще более, когда он поведал историю своих удивительных приключений в джунглях Гвианы. Туземцы якобы взяли его в плен и отвели в «великий город Маноа», через который ему пришлось идти весь день до наступления ночи и весь следующий день от восхода до заката солнца, прежде чем его привели ко дворцу императора Инки. Тот любезно принял испанца и поселил его в своем дворце. После того как Альбухар прожил в Маноа 7 месяцев и стал понимать местный язык, Инка спросил его, хочет ли он вернуться на родину. Альбухар пожелал вернуться и был милостиво отпущен. Спустившись по Ориноко на каноэ, путешественник попал сначала на остров Тринидад, а затем перебрался на Маргариту...

Конечно, рассказ солдата следует считать выдумкой. Уже много позже исследователи на основании старинных хроник и документов сумели восстановить истинную историю Альбухара. Во время нападения карибов на отряд де Сильвы он сумел спастись в сельве. Проблуждав много дней в дебрях тропического леса, Альбухар вышел к какому-то индейскому селению. Индейцам этого племени еще не доводилось видеть белого человека. Они посчитали пришельца божеством, лесным духом, окружили его вниманием и заботой. По-видимому, они видели в нем некий талисман, залог удачи для племени, и потому не спускали с него глаз, опасаясь, что в один прекрасный день пришелец исчезнет так же таинственно, как и появился. Около 10 лет

Альбухар прожил среди индейцев. Его даже избрали вождем племени. С огромным трудом испанцу удалось сбежать от своих «верноподданных».

Появившись на острове Маргарита, Альбухар, по-видимому, решил, что подлинная история его приключений мало соответствует образу «восставшего из мертвых» и вряд ли бы показалась слушателям интересной. Так появился на свет причудливый, фантастический рассказ о стране Маноа, в которой благодарные слушатели Альбухара легко опознали легендарную страну Эльдорадо.

Одним из первых по следам Альбухара отправился дон Антонио де Беррио-и-Орунья, опытный солдат и предприимчивый колониальный администратор. 3 января 1584 г. он во главе отряда из 80 человек выступил в поход из Боготы на восток. Экспедиция принесла успех: в междуречье рек Меты и Вичады, в бассейне Ориноко, были обнаружены золотоносные месторождения. Мало кто из искателей Эльдорадо мог похвастаться подобной удачей!

На следующий год Беррио обследовал среднее течение Ориноко, добравшись до подножия Гвианского плоскогорья. Этим путем – длиной почти 1000 километров, по высокотравной саванне с пальмовым редколесьем, никто из европейцев еще не проходил. Встреченные на пути индейцы подтвердили: «подлинное» название Эльдорадо – Маноа. Эта страна лежит в горах к юго-востоку от Ориноко. Там расположено большое соленое озеро, называемое Парима, а на его берегу стоит утопающий в золоте город Маноа...

Фрагмент старой карты с изображением Маноа

Беррио обследовал часть западного побережья плоскогорья, круто поднимавшегося над поросшей тропическим лесом равниной. Никакого прохода в горы не было. Путешественники двинулись в обратный путь. Вернувшись в апреле 1585 г. в Боготу, Беррио был официально назначен губернатором Эльдорадо. Вторая экспедиция, продолжавшаяся ровно два года (март 1587 – март 1589 г.), также закончилась полной неудачей. Беррио обследовал практически все западное подножие Гвианского плоскогорья, но так и не смог подняться на него. 19 марта 1590 г. Беррио предпринимает третью попытку. В поисках прохода на Гвианское плоскогорье экспедиция прошла вдоль западных склонов плоскогорья вниз по Ориноко до устья реки Кучиверо. Здесь испанцы разбили лагерь – начинался сезон дождей. Переждав непогожие месяцы, Беррио во главе отряда в 50 человек двинулся вверх по долине реки Кучиверо. Перед его глазами распахнулось бескрайнее Гвианское плоскогорье...

Страна, куда попали испанцы, была безлюдна. Правда, вдали на горизонте поднимались дымы, и Беррио решил, что там, по-видимому, обитают многочисленные племена. Попасть в эти густонаселенные земли экспедиция не смогла: путь преградила быстрая горная река Вентуари, изобилующая порогами и текущая прямо на юг. Беррио и его люди погрузились на четыре каноэ, и река вынесла их в Ориноко. Испанцы оказались в исходной точке – в устье Кучиверо.

Каким же образом можно попасть в эту поистине заколдованную страну? Размышляя над своими неудачами, Беррио заключил: единственной надежной дорогой в центральную часть таинственного и неприступного плоскогорья может служить река Карони – правый приток Ориноко. Индейцы рассказывали ему, что Карони – очень «трудная» река, но все же Беррио решил еще раз попытать счастья. Испанцы отправились на каноэ вниз по Ориноко к устью реки Карони. Силы отряда таяли с каждым днем. Те, кто еще оставался в живых, страдали слепотой, вызванной трахомой. Штурмовать Гвианское плоскогорье с этими инвалидами было бесполезно...

На подготовку нового похода ушло еще 3 года. За это время «губернатор Эльдорадо» основал на Тринидаде колонию Сан-Хосе, которая должна была послужить базой для экспедиции. Были выстроены дома, укрепления, причалы. Солидная подготовка, казалось, гарантировала успех предприятия. Однако совершенно неожиданно на рейде Сан-Хосе появилась эскадра незнакомых кораблей. В подзорную трубу можно легко было разглядеть, что над этими кораблями реют отнюдь не испанские флаги. Это были англичане...

Авантюрист Ее величества

Сэр Уолтер Рейли был одной из знаковых фигур английской истории XVI столетия. Королева Елизавета I нашла в его лице верного слугу, храброго офицера и умного советника. Она поощряла самые безумные идеи и планы Рейли. А уж они-то у него имелись в избытке. Колонизация Нового Света была одной из его идей фикс. Рейли полагал унизительным то, что Британии закрыт доступ на Американский континент.

6 февраля 1595 г. пять английских кораблей вышли из Плимута и взяли курс к берегам Южной Америки. Рейли лично возглавил экспедицию. Он шел на поиски легендарной страны Эльдорадо, «страны золота»: никто не отыскал ее, а он найдет!

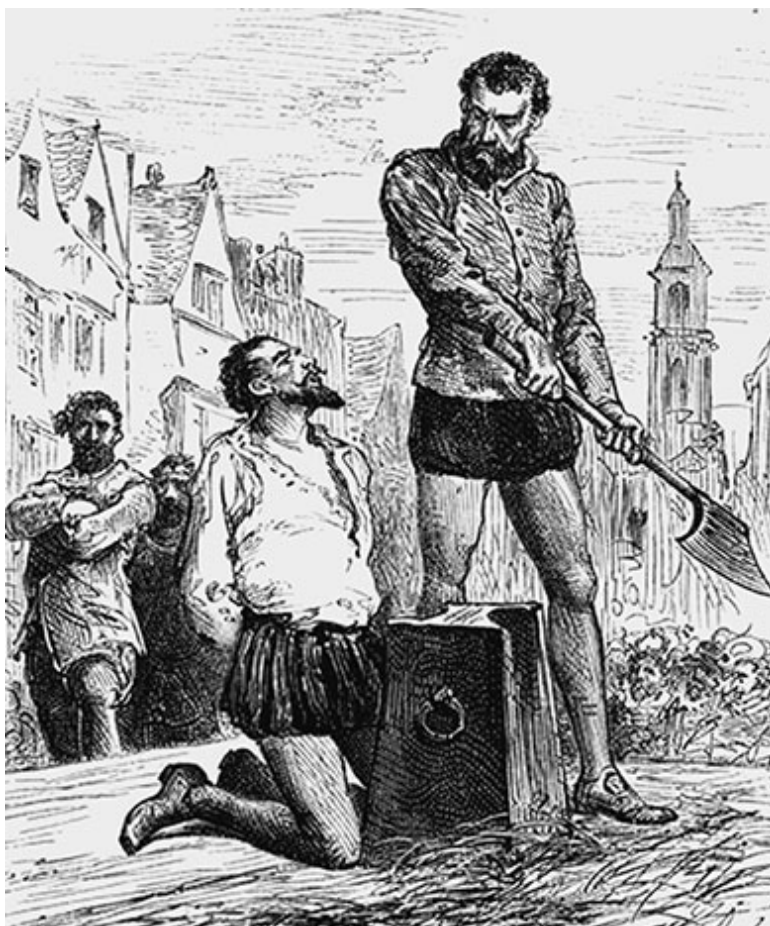

Сэр Уолтер Рейли

В марте корабли Рейли подошли к побережью острова Тринидад. Немногочисленный испанский гарнизон сложил оружие. Впрочем, Рейли тут же отпустил всех солдат на свободу, оставив в плену лишь «губернатора Эльдорадо» Антонио де Беррио. От пленного губернатора Рейли узнал новые подробности о стране, которую долгое время называли Эльдорадо, но «которая теперь известна под своим подлинным названием – Маноа».

Беррио оказал деятельную помощь в подготовке экспедиции в страну Маноа. Он указал, куда следует направить суда – к побережью Гвианы, вверх по реке Ориноко до впадения в нее реки Карони, чтобы потом пройти по Карони до самых ее верховьев. Легендарная страна лежала где-то там. Послушав совета, Рейли оставил свою прежнюю мысль подниматься вверх по течению реки на кораблях – в путь следовало отправляться только на лодках.

С большим трудом Рейли вместе с сотней спутников поднялся по Ориноко до устья Карони. В пути он провел немалую исследовательскую работу, составляя подробную карту местности и собирая сведения об окрестных реках, горах и населении. Земля, по которой шли англичане, была щедрa и приветлива. Возможно, желанное Эльдорадо действительно находилось где-то поблизости. Во всяком случае, Рейли и его спутникам то и дело мерещились золото, серебро и драгоценные камни.

Рейли перед казнью

Желанное озеро, на берегу которого стоит город Маноа, должно было появиться со дня на день. Вскоре, однако, начался сезон дождей. Вода в реке поднялась, течение стало еще более бурным и стремительным. Еще несколько дней Рейли упрямо продолжал идти вперед, но затем отдал приказ возвращаться...

Экспедиция вернулась на Тринидад. Отсюда корабли англичан прошли к берегам Венесуэлы; Рейли, чтобы как-то возместить моральный и материальный ущерб, разграбил несколько прибрежных испанских городов. В августе 1595 г. его корабли вернулись в Плимут. Из этого своего путешествия Уолтер Рейли привез в Англию клубни диковинного, неизвестного доселе европейцам растения. Вскоре оно распространилось по всей Европе и сегодня известно каждому: речь идет о картофеле.

В следующем году Уолтер Рейли выпустил в свет книгу о своем путешествии – «Открытие обширной, богатой и прекрасной империи

Гвиана». В ней он, в частности, повествовал об обширном золотом городе, «который испанцы называют Эльдорадо, а туземцы – Маноа». Не обошлось и без рассказа о «золотом человеке». Книга Уолтера Рейли стала сенсацией и открыла новую страницу в истории поисков Эльдорадо. Именно она сделала легенду о «золотой стране» известной всей Европе.

Королева Елизавета умерла 24 марта 1603 г. В тот же день на английский престол вступил Яков I Стюарт. А вскоре Лондон облетела весть о том, что сэр Уолтер Рейли заключен в Тауэр по обвинению в государственной измене...

13 долгих лет провел Рейли в Тауэре. И тут судьба сделала еще один крутой вираж. Король Яков отчаянно нуждался в деньгах. Рейли верно почуял момент и выдвинул перед королем план новой экспедиции в Гвиану. Он обещал привезти из путешествия столько драгоценных металлов, сколько уместится на его кораблях. Рейли отлично понимал: будет золото – его помилуют, не будет – приведут в исполнение отсроченный приговор.

В море вышли в марте 1617 г. Экспедиция прочесала все побережье Гвианы от Амазонки до Ориноко, но никакого золота не обнаружила. По слухам, отчаявшийся Рейли приказал своим подчиненным вернуться на Ориноко, где рассчитывал поднять восстание индейцев против испанских колонизаторов. Однако матросы отказались подчиниться приказам Рейли, и у него не оставалось иного выхода, как повернуть домой...

Рейли знал, что тотчас по прибытии в Англию он будет арестован. Так и случилось: он снова ввергнут в уже знакомую башню Тауэра... 29 октября 1618 г. сэр Уолтер Рейли был казнен.

Вслед за Конкистадорами

Вверх по Амазонке

В 1637 г. португальские власти были встревожены появлением в дельте Амазонки группы испанцев: 2 монаха-францисканца и 6 солдат из-за угроз со стороны индейцев вынуждены были покинуть свою миссию и отправиться на каноэ в опасное плавание по великой южноамериканской реке. В конце концов они достигли Форта-Пресепсиу (Белен). Хотя в это время Португалия была объединена с Испанией под общей властью короля Филиппа IV (это сохранялось до 1640 г.), в Южной Америке колониальные власти продолжали следить за соблюдением границ, установленных Тордесильяским договором. Внезапное появление испанцев в устье Амазонки заставило португальцев задаться вопросом: как далеко к востоку простираются испанские поселения на Амазонке?

В результате было принято решение организовать экспедицию для исследования речных путей, пересекающих континент. Руководителем ее был назначен Педру Тейшейра, не раз бывавший во внутренних областях страны и умевший хорошо ладить с туземцами. Местные индейцы называли его Куриуа-Кату – «добрый белый». Главным кормчим стал Бенту Акошта. В состав экспедиции входили 47 больших каноэ, на которых разместились 70 португальцев и около 1200 индейских воинов и негров-рабов.

В конце июля 1637 г. экспедиция Тейшейры начала путь вверх по Амазонке. Идти против сильного течения было нелегким делом. Акошта регулярно отправлял вперед небольшие партии, не только искавшие удобные якорные стоянки на самой реке, но и заходившие в устья ее крупных притоков, каждый раз затрачивая на их обследование 3–4 дня. Таким образом были открыты река Мадейра и устье реки Риу-Негру. Из рассказов местных индейцев путешественники сделали вывод, что Риу-Негру сообщается «...с одной стороны с рекой Амазонкой, с другой – с Северным морем (Атлантическим океаном) в виду острова Тринидад посредством потока, который, как полагают, есть знаменитое Ориноко».

Через 8 месяцев португальцы достигли первого испанского поселения на реке Рио-Кихос. Здесь Тейшейра разделил отряд, отправив 8 каноэ назад, в то время как остальные должны были

дождаться возвращения экспедиции. Отряд Тейшейры высадился на берег, миновал горные перевалы и в начале августа 1638 г. вышел к столице Эквадора Кито. Таким образом, Педру Тейшейра и его спутники стали первыми европейцами, прошедшими Амазонку на всем ее протяжении.

Памятник Педру Тейшейра в г. Кантаньеди, Португалия

Появление португальцев заставило всполошиться теперь уже испанские власти. Перед ними встал тот же вопрос: как далеко португальцы расселились на Амазонке? Основываясь на статьях Тордесильяского договора и результатах плавания Франсиско де Орельяны, испанцы считали эту реку своей. Тейшейра и его люди были задержаны на несколько недель в Кито, пока испанские власти решали, что с ними делать. В конце концов было решено отправить

путешественников восвояси, приставив к ним в качестве наблюдателей нескольких испанских священников во главе с отцом Кристобалем да Акунья. Они должны были сопровождать португальцев на протяжении всего обратного пути и после сообщить Королевскому Совету по делам Индий обо всем, что видели. 16 февраля 1639 г. португальская экспедиция выступила из Кито и прибыла в Белен 12 декабря того же года. Хотя отец Кристобаль и убеждал испанские власти не терять времени в деле освоения Амазонки, его советы оказались запоздалыми: в 1640 г. испано-португальская уния была расторгнута и Жуан IV провозглашен королем независимой Португалии, а в 1641 г. – и королем Бразилии.

Вокруг Бразилии

В мае 1648 г. из Сан-Паулу в глубинные районы Бразилии отправилась большая экспедиция – 200 португальцев и 1000 вооруженных индейцев – во главе с опытным путешественником Антониу Рапозу Таваришем. Маршрут отряда, пролежавший сперва через южные, а затем через восточные области страны, в точности не установлен. Видимо, первоначально путешественники проследовали вниз по реке Тиете, левому притоку реки Параны, до ее устья, по ней добрались до слияния с рекой Парагвай и оттуда пошли на север, к современному городу Корумба. Здесь экспедиция задержалась до апреля – мая 1649 г., пополняясь людьми. Из Корумбы отряд двинулся на север. Пройдя через заболоченные верховья реки Парагвай, экспедиция достигла реки Гуапоре, а затем другого притока Амазонки – Маморе. Обе эти реки были ранее неизвестны европейцам, так что Рапозу Тавариш и его спутники стали первооткрывателями, не только впервые проникшими в эту часть Амазонии, но и проследившими реку Маморе вплоть до ее устья на протяжении 1200 километров.

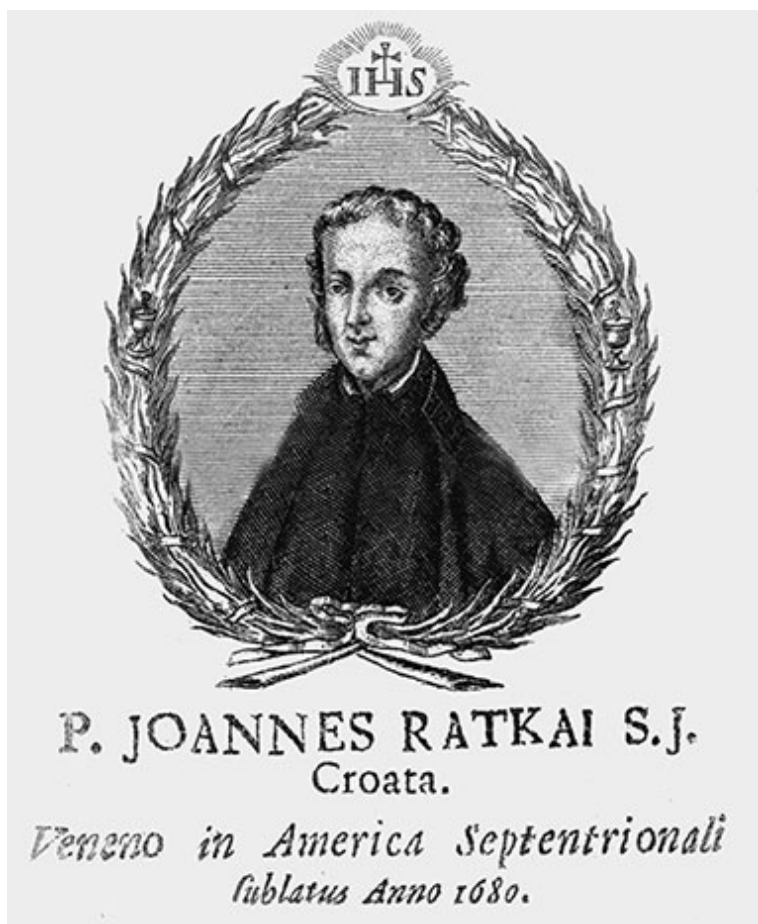
Вероятный портрет Антониу Рапозу Тавариша

Река медленно текла по плоской равнине через влажные тропические леса, пока, наконец, не привела экспедицию к Амазонке. Путешественники пошли вверх по ее течению до устья реки Напо и отсюда двинулись к андским перевалам путем, проторенным ранее отрядом Педру Тейшейры. Спустя 3 года после выхода из Сан-Паулу отряд Тавариша прибыл в Кито. Отсюда после кратковременного отдыха экспедиция направилась вниз по левым притокам верхней Амазонки. Выйдя на простор великой реки, путешественники добрались до ее устья, повернули на юг, пересекли Бразильское плоскогорье и в 1652 г. прибыли в Сан-Паулу, завершив тем самым кольцевой маршрут по центральной части Южной Америки протяженностью более 14 тысяч километров. Рассказывают, что за время этого трудного путешествия члены экспедиции настолько изменились внешне, что никто не мог узнать их. Путешествие Рапозу Тавариша имело далекоидущие последствия: благодаря им Португалия

смогла расширить территорию своих бразильских владений далеко за пределы, определенные Тордесильясским договором; по сути, в результате этой экспедиции сформировались современные границы Бразилии.

Хорватский барон в Мексике

Первым путешественником, отправившимся в Мексику из стран Балканского полуострова, был барон Иван Раткай – миссионер и автор путевых заметок. Он родился 22 мая 1647 г. в Великом Таборе – средневековом замке в хорватском Загорье. Окончив курс философских и юридических наук, Раткай вступил в орден иезуитов и некоторое время занимался преподаванием гуманитарных наук в Горице и Загребе. В 1678 г. он отправляется в Америку, а в 1680 г. в возрасте 33 лет прибывает в Мексику, где занимается миссионерской деятельностью среди индейцев племени тарахумаре. 26 декабря 1683 г. в городе Карикико в Мексике его настигает смерть (по некоторым документам, он умер уже в 1681 г., поэтому нельзя наверняка утверждать, провел ли он в Мексике один или три года). О своих путешествиях по Мексике барон рассказал в двух дошедших до наших дней письмах, написанных на латинском языке: первое датировано 16 ноября 1680 г., второе – 25 февраля 1681 г. Во времена австрийского императора Иосифа II архив австрийской иезуитской провинции был уничтожен, причем погибли и обе рукописи Раткай. Но все же эти письма сохранились в немецкой версии; в 1755 г. они были опубликованы в Вене, вызвав большой интерес у читающей публики.

Иван Раткай на титуле старинного издания

Снега Чимборасо

Француз Шарль-Мари де ла Кондамин стал одним из немногих исследователей, кому удалось в XVIII в. совершить путешествие по Южной Америке. По поручению Парижской академии наук он принял участие в геофизической экспедиции, отправившейся в 1736 г. в Эквадор. Здесь, на плоскогорье Кито, исследователи в 1736–1742 гг. занимались измерениями дуги меридиана. Эти измерения наряду с измерениями французского инженера Фрезье в Чили и Перу (1712–1714 гг.) дали точные основания для вычисления формы Земли.

На обратном пути Кондамин спустился вниз по Амазонке и выполнил первую достоверную карту реки, основанную на астрономических вычислениях. Кондамин прославился еще и тем, что стал первым, кто предпринял попытку взойти на вершину вулкана Чимборасо (6267 м). В те времена считалось, что это высочайшая вершина мира (в известном смысле это утверждение верно: сегодня установлено, что вершина Чимборасо – самая удаленная от центра Земли точка ее поверхности). Кондамину удалось достичь границы вечных снегов и даже пройти значительный путь по леднику. Но дальше отметки 5100 метров подняться не удалось: у путешественника появились признаки «горной болезни», мучило удушье, и Кондамину пришлось вернуться назад. После этой попытки, предпринятой в 1745 г., прошло не одно десятилетие, и никто больше не решался нарушить покой снегов Чимборасо. Только в 1880 г. Эдуарду Уимперу удалось покорить эту горную вершину.

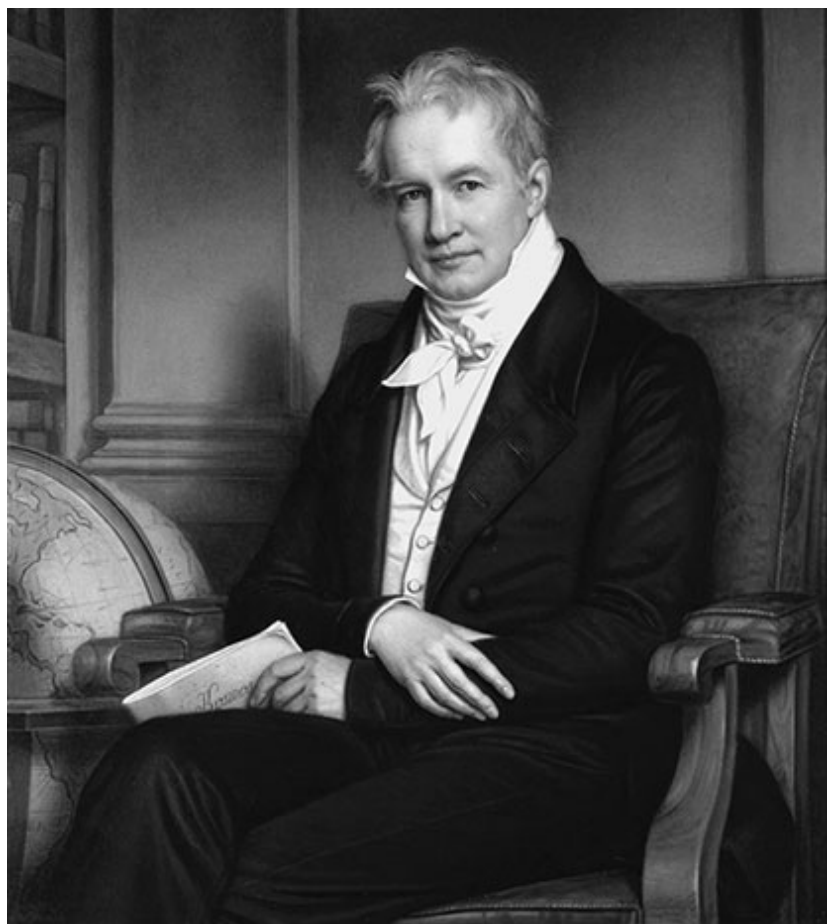

Вид на Чимборасо

Александр Гумбольдт: новое открытие Америки

16 июля 1799 г. на побережье Венесуэлы высадились немецкий естествоиспытатель Александр Гумбольдт и французский ботаник Эме Бонплан. Им предстояло совершить далекое путешествие по континенту, во многих отношениях еще остававшемуся загадкой для европейских ученых. Растительный и животный мир, геология и орография, климат – все или почти все не было исследовано, так что путешествие Гумбольдта и Бонплана часто называют вторым – научным – открытием Америки.

Венесуэла щедро распахнула перед учеными свой таинственный мир. Их путь лежал через бесконечные травянистые степи – льяносы, описанные Гумбольдтом в «Картинах природы». Ученые познакомились с гимнотами – электрическими угрями; поднявшись на индейской пироге по реке Апуре, достигли Ориноко, осмотрели ее водопады и добрались до того места, где от Ориноко отходит на юго-запад рукав Касикьяре, «не уступающий по ширине Рейну» и впадающий в Риу-Негру, приток Амазонки.

Александр Гумбольдт

Совершив исследовательскую поездку по Венесуэле, Гумбольдт и Бонплан отправились в ноябре 1800 г. на Кубу, а спустя несколько месяцев отплыли в Картахену (Колумбия). Пройдя по реке Магдалене, они направились в Боготу, а в сентябре 1801 г. – в Кито (Эквадор). Гумбольдта особенно интересовали андские вулканы. 23 июня 1802 г. он совершил восхождение на вулкан Чимборасо, дойдя до отметки 5881 метр – выше не поднимался еще ни один исследователь. В июле Гумбольдт и Бонплан отправились через Перуанские Анды к столице Перу Лиме. В Перу путешественники провели около года, изучая богатую природу этой части Америки. Гумбольдт поднимался на вулканы Пичинчу, Котопахи, Антизану и др.

В декабре 1802 – марте 1803 г. исследователи перешли морем к мексиканскому порту Акапулько и через три недели были в Мехико. В Мексике ученые провели около года, обойдя почти все провинции страны. Гумбольдт продолжал изучать вулканы, в том числе совершил

восхождение на Попокатепетль. Из Мексики путешественники направились в США и 3 августа 1804 г. после пятилетнего путешествия вернулись в Европу.

Экспедиция Гумбольдта и Бонплана положила начало научному исследованию Южной Америки. Хотя они и не открыли новых земель, но благодаря новым методам научного исследования, наблюдениям и сравнениям стали первооткрывателями новых миров. В Европу путешественники привезли богатые коллекции, из которых одна только ботаническая содержала 6 тысяч экземпляров растений, в том числе 3000 неизвестных до тех пор.

Путешествие зоолога и ботаника по Бразилии

Шпикс и Маурициус с аборигенами где-то в джунглях Бразилии

Немецкий зоолог Иоганн Шпикс и его коллега, ботаник Карл Маурициус волею судьбы вошли в числе наиболее выдающихся первооткрывателей глубинных районов Бразилии. Эта огромная страна еще и в XIX столетии во многих отношениях продолжала оставаться белым пятном. С 1817 г. Шпикс и Маурициус путешествовали по Бразильскому нагорью. От Рио-де-Жанейро они направились через Сан-Пауло в Ору-Прету, где побывали у индейцев короадос и посетили места добычи золота, знакомясь с работой старателей. Близ Дيامантины путешественники обследовали алмазные копи, затем повернули к реке Сан-Франсиску и пересекли провинцию Баия до одноименного города (ныне Салвадор). Оттуда Шпик и его спутник

возвратились к реке Сан-Франсиску и прошли штаты Пиауи и Мараньян до порта Сан-Луис. В результате этого путешествия была исследована большая часть внутренней Бразилии, и в особенности бассейн реки Сан-Франсиску. На заключительном этапе путешествия в 1819–1820 гг. Шпикс и Маурициус проплыли по Амазонке. Немецких натуралистов нельзя считать первооткрывателями неведомых земель, но они стали первыми учеными, сумевшими описать географические особенности обширных внутренних районов Бразилии, исследовать их флору и фауну. Из своего путешествия они привезли огромную коллекцию, ставшую основой современного Музея естественной истории в Мюнхене.

Русские в Бразилии

В 1803 г. немецкий натуралист Георг Лангсдорф, прославившийся своими экспедициями в Испанию и Португалию, был избран иностранным членом Петербургской академии наук. В том же году он присоединился к русской кругосветной экспедиции под руководством Крузенштерна, но в июне 1805 г. отделился от нее, побывал на Алеутских островах и Аляске и в 1808 г. через Сибирь вернулся в Петербург.

В 1821 г. Лангсдорф возглавил русскую экспедицию, впервые отправившуюся в далекую Бразилию. Это путешествие продолжалось 8 лет. Основные работы развернулись в 1826 г., когда участники экспедиции прошли от средней Параны до верхнего Парагвая в Мату-Гросу, затем через гряду Серра-ди-Маранжу и вверх по рекам Парагваю и Куябе до города Куябы. Здесь они провели почти год. В 1827 г. Лангсдорф разделил экспедицию на два отряда. Один возглавил ботаник Людвиг Ридель. Он в 1828 г. обогнул с запада Бразильское плоскогорье и от порта Белен добрался до Рио-де-Жанейро, пройдя по бразильским рекам более 6 тысяч километров. Лангсдорф и его спутник, астроном Нестор Рубцов перешли от Куябы на север к верховью реки Аринуса, которая вывела их на реку Журуэну, а та – на большую реку Тапажос, по которой путешественники спустились к Амазонке, пройдя около 2000 километров. Это было первое меридиональное пересечение западной части Бразильского плоскогорья европейскими учеными; на этом пути путешественникам пришлось преодолеть около 20 порогов и водопадов. На Тапажосе Лангсдорф и Рубцов заболели острой формой тропической малярии. Из-за этого путешественники смогли обработать и опубликовать лишь часть материала, собранного экспедицией; три рукописи пропали и не найдены до сих пор.

Тайна, скрытая сельвой

В 1839 г. американские исследователи Дж. Л. Стефенс и Ф. Казервуд, сопровождаемые проводниками-индейцами, отправились в сельву Юкатана на поиски заброшенных индейских городов. Путь им предстоял необычайно трудный. Местность, по которой шел маленький отряд, была разорена гражданской войной. В разграбленных деревнях невозможно было найти никакой провизии, кроме воды. Вокруг разливалось зеленое море сельвы. Мулы по брюхо проваливались в трясину, и, когда люди, пытаясь им помочь, слезали с коней, колючие растения до крови раздирали им кожу. Липкая влажная жара вызывала постоянное чувство усталости. Над болотами поднимались тучи назойливых москитов. Исцарапанные до крови, покрытые грязью и тиной, с воспаленными глазами, путешественники шли и шли вперед, но все чаще в душу закрадывались сомнения: неужели здесь, в этих джунглях, когда-то могли находиться каменные постройки?

Позже Стефенс честно признавался, что по мере того, как он углублялся в это зеленое царство, им все сильнее овладевало неверие. И тем не менее настойчивость исследователей увенчалась успехом: прорубая дорогу в зарослях, они неожиданно наткнулись на сложенную из четырехугольных каменных плит стену; рядом с ней они увидели множество ступеней, которые вели к террасе, настолько заросшей, что определить ее размеры было невозможно.

Следующей находкой стала высокая – около 4 метров – каменная стела с совершенно поразительной орнаментикой. Великолепие декора заставило путешественников в первый момент даже усомниться в том, сумеют ли они этот памятник описать. Четырехугольный обелиск был сплошь покрыт скульптурными изображениями, резко выделявшимися на фоне сочной зелени; в их выщербинах еще сохранились следы краски, некогда покрывавшей эти изваяния снизу доверху. На передней стороне выделялось рельефное изображение какого-то мужчины. Его лицу было придано торжественно-серьезное выражение, способное внушить страх. По бокам обелиск был испещрен загадочными иероглифами. За первой стелой последовали вторая, третья... В общей сложности Стефенс и Казервуд обнаружили 14 диковинных, украшенных скульптурами обелисков, один удивительнее другого.

Казервуд, автор великолепных зарисовок памятников Древнего Египта, пришел в замешательство. Хмурясь, он ощупывал каменные лица изваяний, таинственные иероглифы, причудливый орнамент, смотрел, как ложатся тени на великолепно изваянные рельефы, и качал головой... Мир образов, с которыми он столкнулся, был совершенно не похож на все то, с чем ему приходилось встречаться до сих пор. Этот мир был настолько далек от европейских представлений, образов, идей, что карандаш буквально отказывался повиноваться: не удавалось соблюсти пропорции, углы сдвигались. Используя в качестве материала камень, неизвестные скульпторы и художники создали уникальные образы – подобных им мировое искусство еще не знало.

Копан в наши дни

Через заросли путешественники пробились к загадочному строению, напоминавшему по форме пирамиду. Широкие ступени лестницы уходили из лесного сумрака ввысь, туда, где зеленели кроны деревьев, к террасе, которая находилась не менее чем в 30 метрах над землей. Сколько веков назад была построена эта пирамида? Какому народу принадлежали эти сооружения? В какую эпоху, с помощью каких орудий, по чьему поручению и в честь кого были изваяны все эти бесчисленные скульптуры? Одно представлялось несомненным: этот город построил сильный и могущественный народ...

Так был открыт Копан – первый из затерянных в сельве городов майя.

Открытие Стефенса стало толчком к открытию других затерянных в джунглях Юкатана городов майя. Вслед за временем первопроходцев пришло время ученых – археологи, историки, этнографы, искусствоведы стали постоянными гостями древних городов.

В дебрях Гвианы

Волею судьбы первым исследователем Британской Гвианы – единственной английской колонии в Южной Америке (ныне Гайана) – стал немец Роберт Герман Шомбургк. Именно ему Лондонское географическое общество предложило провести всестороннее исследование этой практически еще не изученной территории. Шомбургк взял себе в помощники младшего брата Рихарда (Ричарда), хорошо знакомого с ботаникой.

В 1835 г. братья отправились в глубь Британской Гвианы. В течение 4 лет они странствовали по ее неизведанным дебрям. Они проследили и нанесли на карту течение реки Эссекибо и установили, что в верхнем течении она принимает слева большой приток Рупунуни. За узкой лентой галерейного леса, окаймляющего берега этой реки, путешественникам открылась сухая саванна. Братья открыли горы Пакарайма и поднимающийся к западу от них горный массив Рорайма – его почти отвесные склоны возвышались на несколько сот метров над окружающим нагорьем (именно горы Рорайма стали прообразом «Затерянного мира» Конан Дойля). Пройдя на запад вдоль горной цепи Пакарайма и поднявшись по долине открытой ими реки Урарикуэры, Шомбургки вышли к верховьям Ориноко. Спустившись по этой реке и ее притокам до Риу-Негру, путешественники вернулись в Гвиану, пройдя за время своего 4-летних странствий около 5000 километров.

Роберт Герман Шомбургк

С 1840 по 1844 г. Роберт и Ричард Шомбургки совершили еще несколько путешествий по внутренним районам Гвианы, продолжая изучать речную сеть и рельеф страны. В 1841 г. они исследовали дельту Ориноко и произвели съемку рек, текущих к юго-востоку от нее по западной части Гвианской низменности, а в следующем году исследовали южную часть Гвианского нагорья. В 1843–1844 гг. братья пересекли с запада на восток юг Британской Гвианы, пройдя от верховьев реки Рупунуни к верховьям Корантейна, и произвели съемку этой реки, которая стала позднее границей между двумя Гвианами – Британской и Нидерландской (ныне Гайана и Суринам). Исследования Шомбургков позволили установить границы британских владений с соседними странами – Венесуэлой и Бразилией и решить все пограничные споры.

По рекам Бразилии

В 1860 г. вверх по реке Пурус совершил большое путешествие бразилец-мулат Мануэл Урбану. Результаты этой экспедиции стали известны английскому гидрографу Уильяму Чандлессу. Отправившись в 1864 г. по следам Урбану, он предпринял топографическую съемку всей реки Пурус вплоть до ее верховьев и установил, что она судоходна на расстоянии 3000 километров от устья, то есть почти на всем протяжении. Однако, по мнению Чандлесса, должны были пройти века, прежде чем на этих безлюдных берегах появятся колонисты: вся местность изобиловала кровососущими насекомыми. В то же время Чандлесс обнаружил здесь большое количество каучуконосов, в результате чего его пророчество было быстро опровергнуто: в бассейн Пуруса немедленно ринулись сотни предпринимателей.

В 1866 г. Чандлесс исследовал верхние притоки Пуруса, в том числе Акри (Акири), который также почти весь оказался судоходным. В том же году путешественник пытался отыскать водный путь от Акри на юго-восток, к реке Мадре-де-Дьос, но потерпел неудачу. В 1867 г. Чандлесс поднялся по реке Журуа (правому притоку Амазонки) на расстояние 1814 километров от устья, закартографировав ее почти на всем протяжении. Однако выше по течению, как рассказывали местные жители, обитало воинственное индейское племя, и, опасаясь нападения, путешественник повернул обратно.

В 1868 г. Чандлесс провел съемку порожиистой реки Кануман и ее притоков, а в 1869 г. поднялся по реке Мадейра до устья впадающей в нее реки Бени. На этом гидрографические работы Чандлесса завершились. За 9 лет (с 1860 по 1869 г.) он прошел на каноэ, плотах и парусных судах по практически не исследованным рекам Бразилии около 11 тысяч километров.

В Патагонии как дома

Переселившись в 1866 г. в Уругвай, отставной английский военный моряк Джордж Мастерс намеревался стать овцеводом, но ветер дальних странствий, увлекший однажды его в дальние плавания, не дал ему покоя и здесь. В 1869 г. Мастерс отправляется в путешествие по неизведанным внутренним районам Патагонии. По морю он добрался из Монтевидео в чилийский городок Пунта-Аренас, расположенный на побережье Магелланова пролива, и отсюда начал свой путь в глубины Южноамериканского континента. Отправившись из устья реки Рио-Чико (к тому времени еще никем не исследованной), Мастерс поднялся по ее долине до южной границы Большого Центрального плато, где впервые встретился с коренными патагонцами. Это были люди племени техуэльче – народа всадников, кочевавшего на север. Они очень дружелюбно отнеслись к чужеземцу. Мастерс присоединился к ним и вместе с техуэльчами пересек Центральную Патагонию до озера Науэль-Уапи, пройдя около 800 километров по прямой. Сколько он в действительности прошел и каким именно путем – неизвестно: в тех условиях путешественник не мог составить даже приблизительной карты маршрута.

Семья народа техуэльче

В начале 1870 г., достигнув верхней долины Лимая, техуэльчи повернули на восток. Неподалеку от моря Мастерс расстался с этим «честным, вежливым, приветливым и добродушным племенем» и закончил свое путешествие в Кармен-де-Патагонесе, пройдя, по его собственным расчетам, около 2000 километров. Он охотился вместе с индейцами, ел с ними одну пищу, спал в их шатрах – одним словом, был «как у себя дома». Так Мастерс и назвал свою книгу, опубликованную в Лондоне в 1871 г.

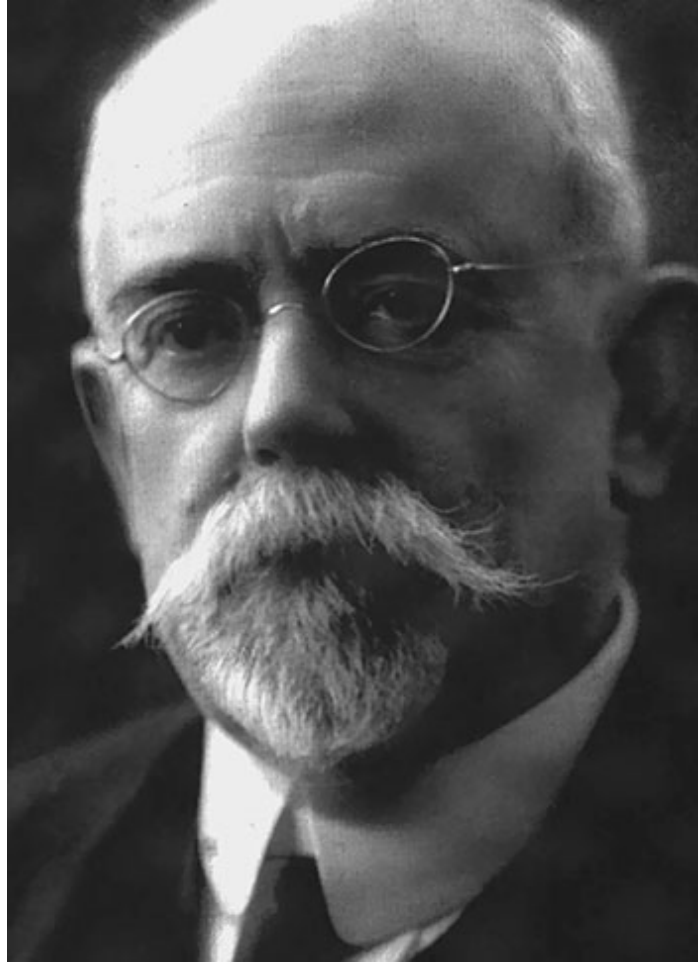
Вслед за Мастерсом в Патагонию двинулись топографы, геологи, ботаники и зоологи, превратившие эту ранее неведомую землю в хорошо изученную и вполне освоенную страну. Однако все проводившиеся позднее исследования Патагонии основывались на сведениях ее первопроходца – Джорджа Мастерса.

У подножия великого ледника

Аргентинский географ Франсиско Морено посвятил исследованию Патагонии всю свою жизнь. Свое первое путешествие в эту почти не исследованную область он совершил в 1874 г., пройдя вдоль морского побережья от реки Рио-Негро до реки Санта-Крус около 1200 километров, после чего и вернулся морем в Буэнос-Айрес. В следующем году Морено отправился в Анды. Он поднялся вверх по долине реки Лимая и вышел к его истоку – озеру Науэль-Уапи. К северу от него он открыл несколько небольших горных озер.

В 1877 г. Морено и его спутник, молодой аргентинский офицер Карлос-Мария Мояно, поднялись по реке Санта-Крус и вышли к ее истоку – озеру Лаго-Архентино. Перед ними открылось фантастическое зрелище: над водной гладью озера нависал огромный ледник, похожий на гигантскую ледяную стену... Так был открыт ныне знаменитый ледник Перито-Морено, получивший имя своего первооткрывателя – Франсиско Морено. Он берет начало в Андах на чилийско-аргентинской границе и перемещается со скоростью 600 метров в год. Протяженность ледника составляет 30 километров, площадь – около 275 квадратных километров. Каждые четыре года его край сползает в озеро Архентино, образует ледяную дамбу. Когда разница уровней воды по обе ее стороны достигает 30 метров, плотина не выдерживает давления, превращается в арку и рушится. Огромные куски льда падают в озеро с грохотом, слышным за несколько километров...

Пройдя вдоль берега озера на север, Морено и Мояно обнаружили, что с севера в него впадает короткая протока, служащая стоком для другого большого озера – Вьедма, питающегося ледником. А еще севернее Морено и Мояно наткнулись на длинное узкое озеро Сан-Мартин, как оказалось, имевшее сток в Тихий океан. Еще одним открытием стала гора Фиц-Рой. Местные индейцы называли ее Чалтен («курящаяся, дымящаяся») из-за того, что вершины этой горы почти всегда окружена туманом или облаками, создавая впечатление, что гора окутана дымом. Морено дал ей имя Роберта Фиц-Роя – руководителя кругосветной английской экспедиции на «Бигле», который в 1834 г. исследовал большую часть побережья Патагонии.

Франсиско Морено

В 1881 г. территория Патагонии была разделена между Чили и Аргентиной. Точную демаркацию границы удалось осуществить только благодаря исследованиям Франсиско Морено: она прошла по найденному им водоразделу между реками атлантического и тихоокеанского бассейнов. А открытый ученым ледник Перито-Морено – самый крупный в аргентинской зоне Патагонии – ныне внесен ЮНЕСКО в Список мирового наследия человечества.

От Анд до Атлантики

В свое первое большое путешествие Карлос-Мария Мояно отправился вместе с выдающимся ученым и путешественником Франсиско Морено в качестве его помощника и картографа. В 1877 г. они в течение 4 месяцев исследовали Патагонию и Чилийско-Аргентинские Анды, поднялись по реке Санта-Крус до ее истока – озера Лаго-Архентино, а затем открыли озера Вьедма и Сан-Мартин близ границы Чили и Аргентины.

Карлос-Мария Мояно

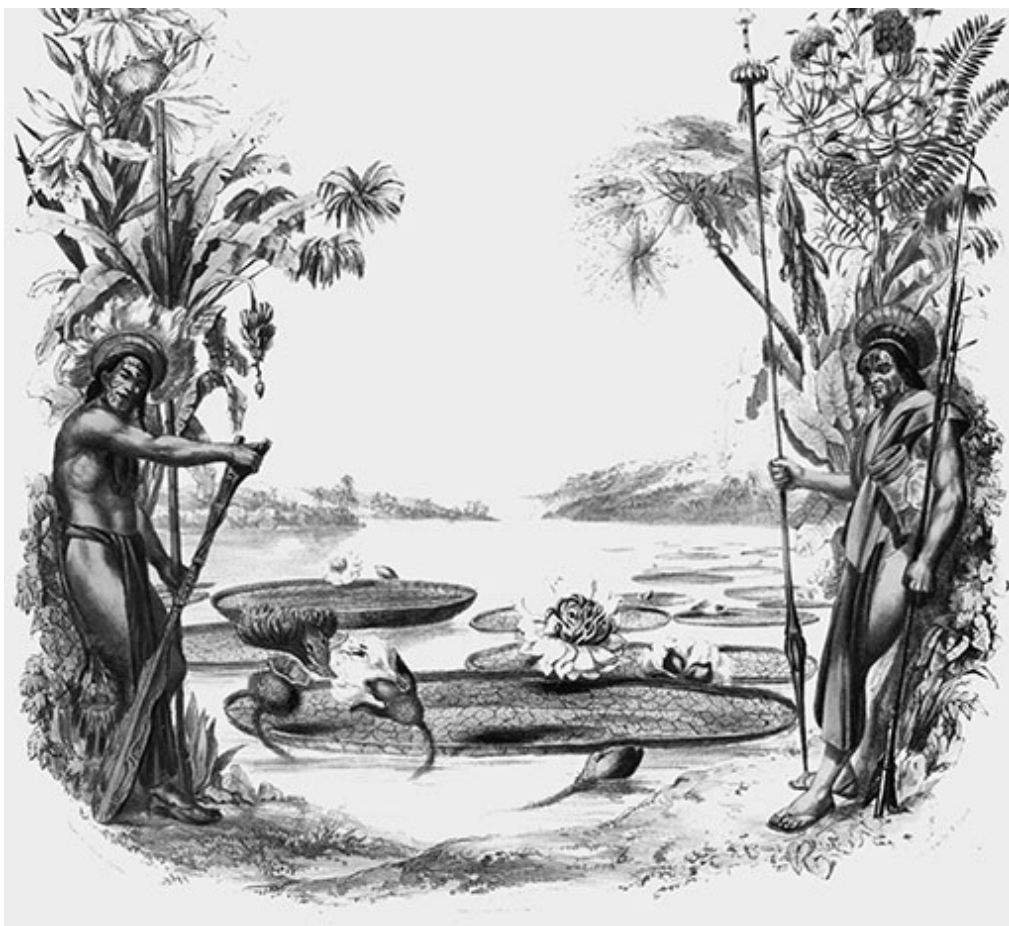
Свое следующее путешествие в 1878 г. Мояно уже совершил самостоятельно. Следуя через нижнее течение реки Сенгер в Центральной Патагонии, он установил гидрографическую картину

этого района, исследовав реку Рио-Чико до ее верховий и открыв озеро Кирога, а летом 1879–1880 гг. пересек всю Центральную Патагонию вдоль 44-й параллели в намерении повторить путь Джорджа Мастерса. Не дойдя до склонов Анд, путешественник повернул на север и обследовал всю предгорную полосу вплоть до 39-й параллели (ю. ш.). В следующем году Мояно поднялся по Рио-Чико почти до ее истока и, идя на север вдоль Патагонских Анд, на склоне горного массива Себальос (2748 м) открыл верховья Рио-Десеадо, а к северу от них – обширное ледниковое озеро Буэнос-Айрес (Хенераль-Каррера), расположенное на границе Чили и Аргентины и имеющее сток в Тихий океан. Идя далее на север, путешественник вступил в «приветливую область лесов и лугов, оазис Патагонии», в бассейн верхнего Сенгера, который собирает воды, стекающие с восточного склона Анд в полосе между 46° и 44° ю. ш. Оттуда он спустился по долине Сенгера до озер Мустерс и Колуэ-Уапи и по рекам Рио-Чико и Чубут вышел к побережью Атлантического океана. По материалам своих путешествий Мояно составил топографические карты Центральной Патагонии.

Жюль Крево: шесть лет в джунглях Амазонии

В 1876 г. Жюль Николая Крево, врач французского военно-морского флота, был командирован на службу в Гвиану. Так началась его шестилетняя южноамериканская одиссея.

В 1877 г. Крево отправился на границу с Суринамом – картографировать практически неизвестный в ту пору бассейн пограничной реки Марони. Это путешествие растянулось на полтора года. Крево открыл в восточной части Гвианского нагорья ранее неизвестный горный хребет Тумукумаки и, перевалив через него, оказался на берегах реки Жари, левого притока Амазонки. Эти территории были практически неизвестны европейцам. Крево стал их первооткрывателем. Он пересекал полноводные реки, поднимался в горы, пробирался через никому неведомые джунгли...

Мужчины-гвианцы на фоне Ориноко

В конце 1878 – начале 1879 г. Крево исследовал реку Ойяпок (пограничную между Французской Гвианой и Бразилией). В 1879 г. первооткрыватель распространил свою область на весь бассейн Амазонки. Он поднялся вверх по реке Путумайо (1580 км) почти до ее истоков, расположенных в Колумбийских Кордильерах, и составил ее точную карту. Затем он проследил все течение реки Жапура (Какета, 1928 км), левого притока Амазонки. В своем третьем путешествии (1880–1881 гг.) путешественник, отправившись из Боготы (Колумбия), поднялся вверх по реке Магдалене, перевалил через Кордильеры и, спустившись по реке Гуавьяре, достиг Ориноко. Во время этой экспедиции Крево закартографировал течение рек Гуавьяре, Инирида и Атабапо – трех левых притоков Ориноко.

В 1882 г. Крево отправился в свое последнее путешествие. Выйдя из Буэнос-Айреса, он направился к северу, намереваясь исследовать еще неизвестную часть реки Пилькомайо в области Гран-Чако. Это путешествие завершилось трагически: вместе с 19 спутниками Крево был убит на нижнем Пилькомайо индейцами тоба.

Восхождение на Аконкагуа

«Величайшая гора всех трех Америк», «небесный маяк в гордом одиночестве» – такие эпитеты нередко можно услышать в адрес горы Аконкагуа (6962 м), вершина которой в хорошую погоду видна даже с тихоокеанского побережья Чили. Она является высочайшей вершиной не только Южной Америки, но и всего Западного полушария.

Первая в истории попытка восхождения на Аконкагуа была предпринята в 1896 г. экспедицией англичанина Эдварда Фитцджеральда. В ее состав входили несколько швейцарских и итальянских альпинистов, имевших опыт покорения Альп, и группа местных индейцев-носильщиков. Последние оказались совсем неважными горовосходителями: дойдя приблизительно до высоты 6000 метров индейцы категорически отказались идти дальше. Стали ли тому причиной горная болезнь (на местном наречии – «пуна»), спор из-за оплаты их труда или просто страх перед высотой – неизвестно. Впрочем, один авторитетный альпинистский справочник отмечал, что местные носильщики «плохи, их альпинистские навыки не на высоте...» Как бы то ни было, дальше Фитцджеральд и его спутники пошли одни.

Вначале все складывалось благополучно. Однако высочайшая гора Западного полушария не собиралась легко сдаваться. Вскоре перед путешественниками встали ее крутые склоны. Трижды альпинисты начинали штурм вершины и трижды терпели неудачу. Но Фитцджеральд не собирался отступить. Во время четвертой попытки альпинистам оставалось пройти до вершины всего каких-то 300 метров, но истощение людей было настолько велико, что они вынуждены были вновь повернуть назад.

Маттиас Цурбригген

Наконец, 14 января 1897 г. один из членов экспедиции, швейцарский альпинист Маттиас Цурбригген, достиг вершины Аконкагуа. Несмотря на горную болезнь, упадок сил, тошноту, он сумел не только покорить гору, но и соорудить на ее «макушке» небольшую пирамидку из камней как доказательство факта восхождения. Спустя несколько дней на вершину Аконкагуа поднялись два других члена экспедиции.

Дороги братьев Селян

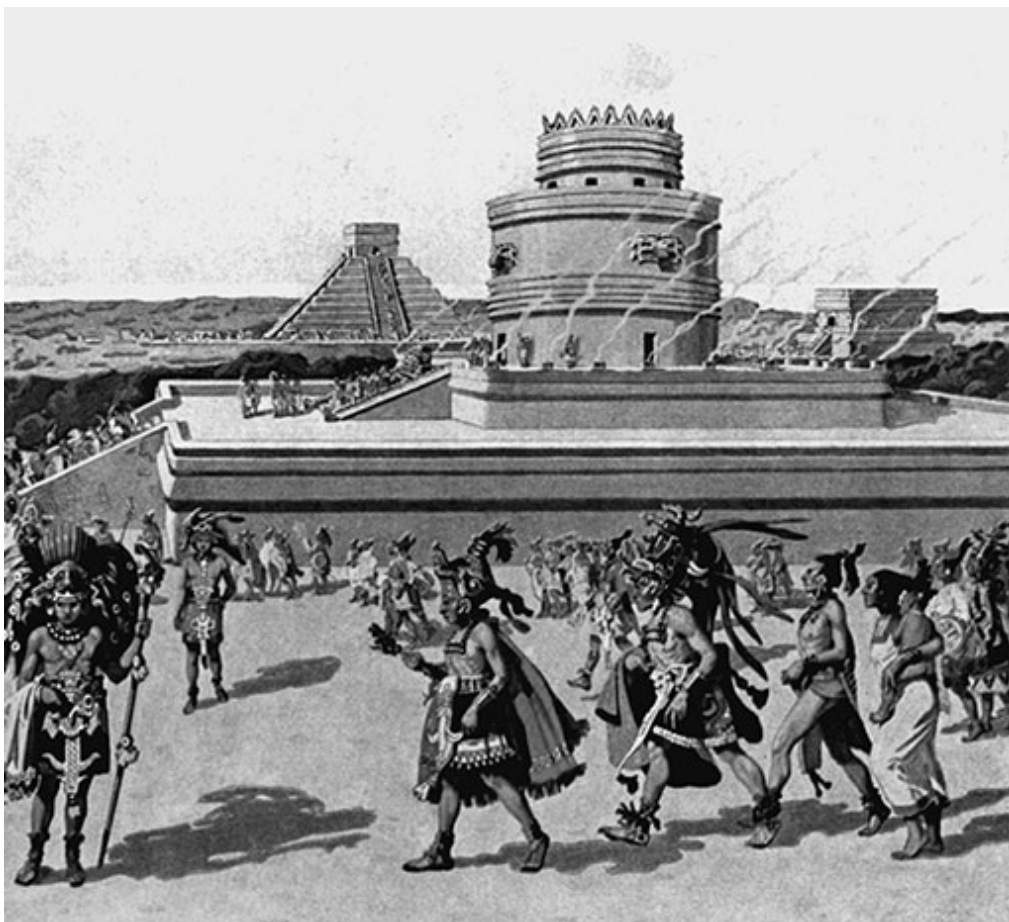
Еще в 1898 г. хорват Мирко Селян, уроженец Карловаца, получил европейскую известность, пройдя пешком от Санкт-Петербурга до Парижа всего за 110 дней. На следующий год он вместе с младшим братом Степаном отправился в путешествие вокруг света. Они посетили Александрию и Каир, поднялись по Нилу до Судана, побывали в Джибути и Адене и в конечном счете очутились в Харэре, а потом в Аддис-Абебе. Здесь братьям пришлось задержаться: император Эфиопии Менелик II предложил Мирко Селяну занять пост губернатора южной провинции. Находясь на этом посту, он вместе с братом совершил несколько рискованных поездок к озеру Рудольфа (Туркана), занимаясь геологическими, климатологическими и этнографическими исследованиями; во время этих поездок была основана колония Селянвилль. Мало кто сегодня помнит, что современные границы Эфиопии с Южным Суданом и Кенией установлены хорватскими исследователями – братьями Селян.

В 1903 г. братья Селян уезжают в Бразилию. Из Рио-де-Жанейро они отправляются в дальнейшее путешествие в Парагвай, закончив его в итоге на реке Парана в Аргентине. Эта экспедиция описана ими в книге «Водопад Гвайро», увидевшей свет в 1905 г. в Буэнос-Айресе. В том же 1905 г. братья отправились к водопадам Игуасу, а в начале 1906 г. пешком и на мулах пересекли Анды и появились в Чили. В Вальпараисо они начали подготовку новой экспедиции, намереваясь с юга добраться до Амазонки, правительство Бразилии не дало разрешения на это. Братья много путешествовали по Чили, исследовали пустыню Атакама и область Тарапака, найдя здесь богатые месторождения селитры, побывали в Перу, Мексике и в Калифорнии. В 1912 г. братья впервые расстались – и, как выяснилось, навсегда. Степан отправился в США в надежде найти средства на новые исследовательские проекты, а Мирко двинулся в тропические леса Бразилии, в бассейн реки Гуайябамба. Высказывались различные версии исчезновения путешественника, но истина так и не была установлена. После исчезновения старшего брата Степан еще какое-то время путешествовал в одиночку по Центральной Америке и даже получил диплом почетного члена Мексиканского географического

общества, но после 1917 г. навсегда поселился в Ору-Прету (Бразилия), где и умер в 1936 г.

На «ты» с индейцами майя

Немецкий географ и путешественник Карл Заппер положил начало новейшим географическим исследованиям Центральной Америки. Он был одним из наиболее выдающихся знатоков этого интересного региона; особенно широкую известность получили его вулканологические исследования.

Майя возле обсерватории в священном городе Чичен-Ица

Более 12 лет (1888–1900 гг.) Заппер почти непрерывно путешествовал по Гватемале, мексиканской провинции Чьяпас, полуострову Юкатан, Британскому Гондурасу, Гондурасу, Сальвадору, Никарагуа и Коста-Рике. Особый интерес вызывал у него многообразный мир вулканов западной части Центральной Америки.

Не меньше внимания Заппер уделял поискам древних городов майя и изучению языков местных индейских народов – как современных, так и древних. Ученый составил обширную карту археологических памятников страны майя и выдвинул предположение, что прародиной этого древнего народа следует считать горные районы Гватемалы и Чьяпаса. Именно здесь, по его мнению, сформировалась основа майянского языка. После 1900 г. Заппер еще три раза возвращался в Центральную Америку. Он побывал также на островах Вест-Индии, а в 1908 г. – в Тихом океане, в частности на островах Новая Ирландия и Бугенвиль.

Затерянный в мире

Записки полковника Перси Фосетта вполне могут быть поставлены рядом с романом Конан Дойля о приключениях профессора Челленджера и его друзей. Ведь Фосетт писал о подлинных «затерянных мирах», прежде чем навсегда исчез в одном из них...

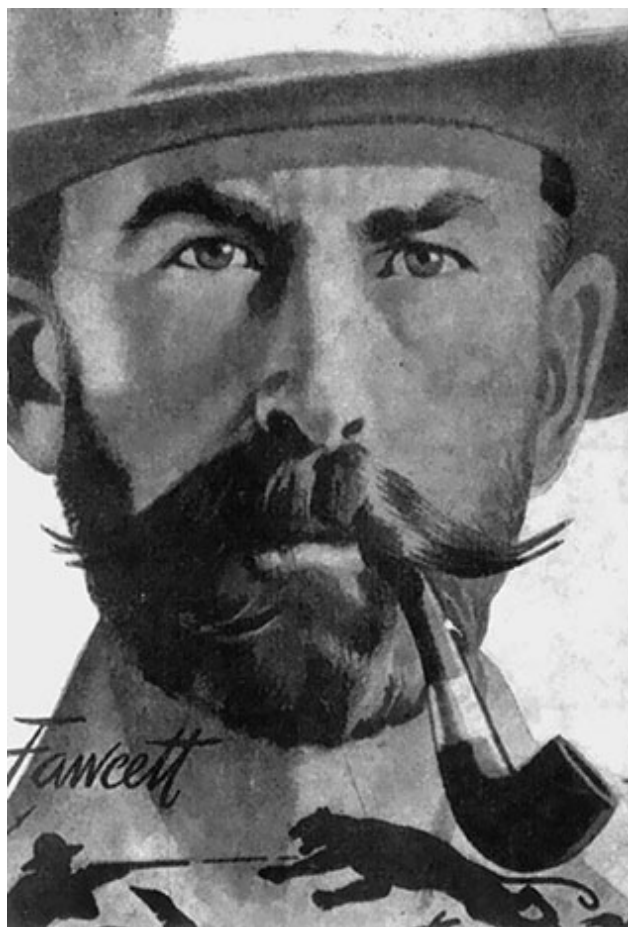
Все началось в 1906 г., когда правительство Боливии попросило Королевское географическое общество Великобритании прислать опытного топографа, чтобы установить точные границы на стыке трех стран – Боливии, Перу и Бразилии. Выбор пал на майора Перси Гаррисона Фосетта. Попутно Британское Королевское географическое общество предложило Фосетту собрать сведения об обитающих в тамошних местах народах.

Первая экспедиция Фосетта продолжалась 15 месяцев. Попав в особый мир, полный чудес и опасностей, Фосетт изведаль удушательный, насыщенный влагой воздух тропического леса и пронизывающий холод ночевок в горах. Из шести индейцев, сопровождавших его в этом походе, пятеро умерли вскоре после возвращения: сказались перенесенные лишения. Но, несмотря на нечеловеческие трудности, Перси Фосетту удалось успешно выполнить все работы. Он впервые исследовал и нанес на карту верхнюю часть реки Акри, открыл и заснял неизвестный прежде приток Акри – реку Явериху, исследовал верховья реки Абунан. О пережитом и увиденном Фосетт, по возвращении в Лондон, рассказал Артуру Конан Дойлю. Из этих бесед родилась знаменитая повесть «Затерянный мир», а Фосетт стал прототипом ее героя, профессора Челленджера.

Вторая экспедиция Фосетта началась в 1908 г. Тогда он уточнил истинное местоположение Верде, притока реки Гуапоре. Это было трудное путешествие: река оказалась крайне извилистой, путь вдоль нее занял больше времени, чем предполагалось, съестные припасы кончились...

В 1909 г. Фосетт снова направился к истокам реки Верде, на этот раз в сопровождении представителей властей Боливии и Бразилии, которые поставили пограничные знаки. Фосетту предложили заняться такими же работами и в пограничной зоне между Боливией и Перу. Однако для этого пришлось бы бросить службу в армии. Может быть,

год-два назад Фосетт еще испытывал бы колебания. Но теперь им все более овладевала мысль о поисках исчезнувших цивилизаций.

Перси Фосетт

Легенды и предания о таинственных заброшенных городах на территории Бразилии, которые собрал Фосетт, могли бы вскружить голову и человеку куда менее увлеченному. Это сегодня, когда с карты Южной Америки стерты последние белые пятна, его стремление искать в бразильской сельве следы древней цивилизации выглядит бесконечно наивным. Но в начале XX в. о «затерянных мирах» было известно так мало, что можно было поверить всему.

Местный житель Орландо Боас демонстрирует найденные им кости, якобы принадлежащие Фосетту. Снимок 1952 г.

Для снаряжения большой экспедиции у Фосетта не было денег. С ним отправились только его старший сын Джек, а также школьный товарищ Джека, Рэли Раймел. Несколько носильщиков из числа местных жителей должны были сопровождать экспедицию до определенного места. После этого путешественники предполагали втроем идти в неисследованные дебри Амазонии.

Экспедиция Перси Фосетта выступила в поход весной 1925 г. Сначала путь проходил по освоенным местам. Последнее письмо Фосетта, адресованное жене, заканчивалось словами: «Тебе нечего опасаться неудачи...» Это было последнее известие. Поисковыми партиями, направленным в сельву, удалось собрать несколько

отрывочных сведений о судьбе пропавшей экспедиции. Вождь одного из индейских племен утверждал, что он провожал трех белых людей до дальней реки, откуда они пошли на восток. Больше их никто не видел...

К истоку Ориноко

Попытки найти истоки реки Ориноко предпринимались неоднократно, но трудности путешествия по непроходимым тропическим лесам и опасность подвергнуться нападению воинственных индейцев отпугивали многих исследователей. В 1919 г. изучением рек юга Венесуэлы занялся американский гидрограф и путешественник Гамильтон Райс. С середины сентября по 13 декабря 1919 г. он на моторной лодке поднялся по реке Риу-Негру (притоку Амазонки) от устья до места впадения в нее реки Касикьяре, которая начинается как ответвление Ориноко и впадает в Риу-Негру, являясь тем самым естественным каналом между Ориноко и Амазонкой. Райс сумел пройти Касикьяре по всей ее длине (435 км), дойдя в итоге до Ориноко. В январе следующего года Райс в поисках истоков Ориноко добрался до самых верховьев этой великой реки, но, встретив враждебно настроенных индейцев, вынужден был отступить.

Гамильтон Райс

В августе 1924 г. Райс отправился на реку Риу-Бранку – крупнейший притока Риу-Негру и установил, что она отделена от бассейна Ориноко высокими горами Серра-Пакарайма. В этом районе путешественник обнаружил загадочное племя светлокожих индейцев. И все же, несмотря на то что экспедиция была очень хорошо оснащена (в ее распоряжении имелся даже гидросамолет), добраться до истоков Ориноко путешественники не смогли. Не принесли никаких результатов и экспедиции 1930 и 1944 гг. Только в 1951 г. франко-

венесуэльская экспедиция, возглавляемая Франсом Рискесом, сумела добиться успеха. В конце июля 1951 г. эта группа была доставлена самолетом в верховья Ориноко. Три месяца путешественники шли на лодках против течения, пройдя за эти дни всего 240 километров. Потом, оставив лодки из-за мелководья, исследователи пошли берегом, прорубая себе дорогу в тропическом лесу, и в конце ноября вышли к болоту, из которого берет начало Ориноко. Тем самым было установлено, что исток реки располагается не на западных склонах гор Сьерра-Парима, где его искали ранее, а почти в 100 километрах восточнее.

В поисках истоков Амазонки

Как это ни странно, но вплоть до конца XX в. проблема истоков Амазонки все еще была не разрешена окончательно. До 1950-х гг. главным рукавом Амазонки считали Мараньон. В 1953 г. исток определили на западном склоне горы Хуагра, а лет через десять переместили его к горе Минаската. Экспедиция под руководством Лорена Макинтайра, организованная журналом «National Geographic» в 1971 г., установила, что Амазонка берет свое начало у подножия горы Коквекорадо, а ее истоком следует считать реку Кархуасанта.

В 1996 г. на поиски истоков Амазонки в Перуанские Анды отправилась экспедиция польского путешественника Яцека Палкевича. На ее подготовку ушло более года; организована она была под эгидой Географических обществ Перу и России, Католического университета в Лиме и Гидрографического департамента военно-морского флота Перу. В состав экспедиции входили специалисты из Италии, Перу и России.

В Андах начались первые трудности. Резкие перепады ночных и дневных температур: мороз до -20° . Горная болезнь здесь в Андах наступает на большей высоте, чем обычно. Признаки ее, как и везде в горах, – тошнота, апатия... Ручеек, стекающий по склону горы Кеуиша в Перуанских Андах (5170 метров) удалось отыскать не сразу. Струйка воды, объединяясь попутно со множеством других ручьев, стекает в долину Апачета. Именно отсюда, как оказалось, берет свое начало великая южноамериканская река. Экспедиция изучила снимки, выполненные французским спутником, а также подсчитала величину стока вод основных ручьев, стекающих через долину Апачета. И вот после всех сопоставлений и замеров результат – объем воды в Апачете в два раза больше, чем в Кархуасанте! Маленькая речка, в которую сливаются эти ручьи, называется Льокета; она превращается в реку Хорнильос, затем в бурную Апуримак, переходящую в Укаяли. И только после встречи с Мараньоном рождается Амазонка. По уточненным данным, ее длина составляет 7100 километров, что на 400 километров больше Нила, который долгое время считался величайшей рекой мира.

Тот самый ручеек, дающий начало самой протяженной реке на планете

Следует, однако, отметить, что к тому же самому выводу на 11 лет раньше Палкевича пришла экспедиция другого польского путешественника – Петра Хмелинского, также организованная журналом «National Geographic». В 1985 г. участники этой экспедиции спустились на каяках от долины Апачета до устья Амазонки, став тем самым первыми в мире людьми, прошедшими «королеву рек» на ее полном протяжении. Хмелинский и его спутники установили, что Макинтайр ошибался, считая реку Кархуасанта самой протяженной из потоков, дающих начало Амазонке. Составленные ими карты совершенно отчетливо показали, что уходящая двумя рукавами далее к западу Апачета гораздо более протяженна. Таким образом, выводы экспедиции Палкевича не стали географическим открытием. В то же время эта экспедиция, располагая гораздо более широкими возможностями, впервые провела научное изучение истоков Амазонки, сделав ряд ценных гидрографических измерений. Как сегодня

установлено, Амазонка берет свое начало не в вечных снегах, покрывающих вершины Анд, – сегодня из-за климатических изменений эти снега исчезли почти полностью. Истоки Амазонки питаются многочисленными ручейками, фильтрующимися из вечной мерзлоты. Это не один какой-то ледник или озеро, а целая сеть мелких и совсем крошечных струек, постепенно сливающихся в одно целое.

Северная Америка

Плавание к «Тресковой земле»

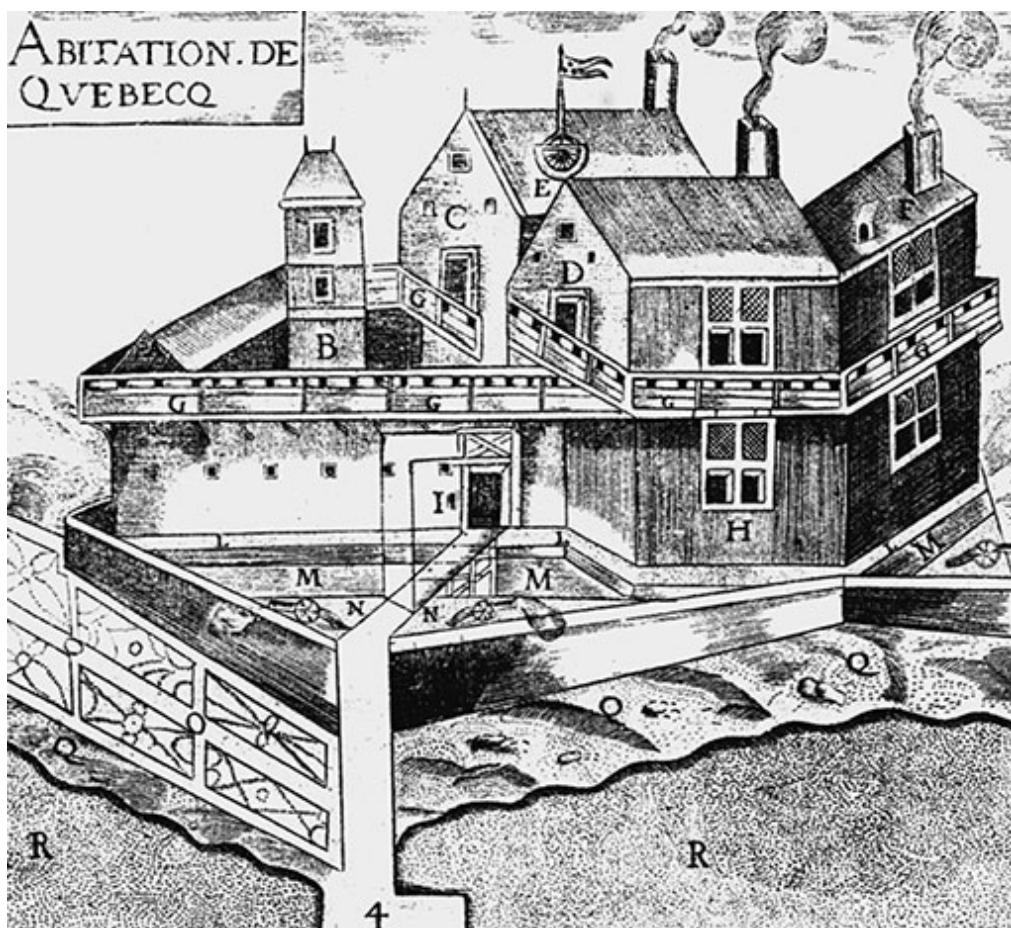
Португальские моряки очень рано начали совершать плавания к берегам «Тресковой земли», то есть к побережью Ньюфаундленда, Восточной Канады и Лабрадора; настолько рано, что именно португальцам порой приписывается открытие Америки. По некоторым сведениям, португальцы достигли «Тресковой земли» уже в 1470-х гг. Однако это никак не отразилось на знаниях европейцев об Американском континенте. «Тресковую землю» даже не удосужились нанести на карты; кроме того, считалось, что это не материк, а остров. И только открытия Колумба заставили португальцев подробнее исследовать «Тресковую землю». Начиная с 1500 г. плавания к берегам Ньюфаундленда и Лабрадора принимают исследовательский характер.

Наиболее масштабным оказалось путешествие португальского моряка Жуана Алвариша Фагундиша, предпринятое им около 1520 г. Он пересек Атлантику, прошел вдоль южных берегов острова Ньюфаундленд и открыл острова Сен-Пьер и Микелон, а также соседние мелкие островки. Затем обследовал восточный берег острова Кейп-Бретон, а к югу от него, близ южной границы мелководья, обнаружил длинный и узкий песчаный остров Сейбл.

Вернувшись в Португалию, Фагундиш добился от короля разрешения на организацию колонии на открытой им земле. Набрав группу колонистов, он летом 1523 г. высадился на восточном берегу острова Кейп-Бретон и основал здесь поселение. Колония, однако, просуществовала недолго: у португальцев началась вражда с индейцами. Кроме того, у берегов Кейп-Бретона появились корабли конкурентов – рыбаков из Бретани (Франция). Соперничество с ними еще более ухудшило положение маленькой португальской колонии. В поисках более спокойного пристанища Фагундиш прошел на юго-запад вдоль побережья полуострова Новая Шотландия и достиг залива Пенобскот, открыв и исследовав не менее тысячи километров побережья Северной Америки. Португальцы еще некоторое время ходили на лов трески в этот район, но в конце концов были вытеснены французскими рыбаками. К 1526 г. (а возможно, и раньше) первая после норманнов попытка европейцев обосноваться на североамериканской земле потерпела неудачу.

На берегах Онтарио

В начале XVII в. увеличивающийся приток пушнины из Канады заставил власти Франции всерьез задуматься о перспективах колонизации северо-восточной части Североамериканского континента. Для оценки этих перспектив в 1603 г. была организована специальная экспедиция. Руководство топографическими съемками новооткрытых территорий было возложено на военного инженера Самюэля Шамплейна.

Квебек в год его основания. 1608 г.

Все лето 1603 г. ушло на предварительную разведку. Шамплейн вошел в устье реки Святого Лаврентия, поднялся вверх по ее притоку Сагенею и остановился в одном из индейских селений. В следующем,

1604 г. Шамплейн приступил к исследованию полуострова Новая Шотландия. Высадившись на остров Кейп-Бретон, он обошел все побережье и противоположный материковый берег залива Фанди, где остановился на зимовку вместе с партией из 80 человек. Зимовка прошла очень тяжело: половина французов умерла от цинги. Летом 1605 г. Шамплейн продолжил исследования восточного побережья Северной Америки, и при этом он обнаружил две лучшие гавани в заливе Массачусетс – Бостонскую и Плимутскую. Но главное было еще впереди...

В 1608 г. Шамплейн основал на реке Святого Лаврентия город Квебек, ставший центром французских владений в Канаде, и приступил к исследованию внутренних областей Северной Америки. На большом челне он поднялся вверх по реке Святого Лаврентия до устья ее южного притока – реки Ришелье, а по нему – до большого озера, которое он назвал своим именем.

С 1609 по 1615 г. Шамплейн почти ежегодно плывал по реке Святого Лаврентия, собирая сведения о внутренних областях Северной Америки. И почти повсеместно он слышал от индейцев рассказы о каком-то «море», лежащим на западе, причем не очень далеко. Неужели это побережье Тихого океана? Летом 1615 г. Шамплейн вышел на челнах с десятью гребцами-индейцами на поиски «Западного моря». Идя на запад, они поднялись по реке Оттава до места, где в нее впадает с запада Маттава. Поднимаясь по этой реке, Шамплейн достиг озера Ниписсинг, а оттуда по реке Френч-Ривер – к большому озеру Гурон, входящему в систему Великих озер. Отсюда Шамплейн повернул на юго-восток и добрался до второго большого озера – Онтарио. Пройдя вдоль его северного берега на восток, он убедился, что именно из Онтарио вытекает река Святого Лаврентия. После стычки с ирокезами путешественник был вынужден вернуться в Квебек, пройдя в общей сложности около 1600 километров. Шамплейн первым из европейцев прошел по тому водному пути, который позднее стал главной дорогой торговцев мехами, направлявшихся в глубь материка.

Этьен Брюле: друг индейцев, враг индейцев

Когда Этьен Брюле в 1608 г. приехал в Канаду, ему только-только исполнилось 16 лет. Неизведанная, дикая страна властно овладела его душой. С 1610 г. он жил в лесах среди индейцев, охотился вместе с ними, переходил от одного племени к другому, скупая пушнину, научился свободно говорить на диалектах местных индейцев. Его знания и способности высоко оценил Самюэль Шамплейн, первопроходец и первый губернатор Французской Канады. Отправляясь летом 1615 г. в опасное путешествие на поиски «Западного моря», он пригласил Брюле с собой. Кроме них, в состав экспедиции входили 10 индейцев-гребцов. Путешественники достигли устья реки Оттавы, поднялись по ней до озера Ниписсинг, а оттуда по Френч-Ривер вышли к озеру Гурон. Здесь экспедиция разделилась. Шамплейн после трудного пути достиг озера Онтарио, вступил в схватку с ирокезами и был вынужден вернуться в Квебек. Между тем Брюле, расставшись со своим спутником, напрямик двинулся к Онтарио и достиг его раньше Шамплейна. В одиночку на челне он переправился через озеро. Узнав о схватке Шамплейна с ирокезами, Брюле бросился ему на помощь, собрав отряд из индейцев-гуронов, но к тому времени его спутник уже покинул поле сражения. Тогда Брюле повернул на юг. В поисках «Западного моря» он дошел до неизвестной большой реки, текущей среди поросших лесом невысоких гор. Это была Саскуэханна, самая длинная среди североамериканских рек, впадающих в Атлантический океан между устьем Святого Лаврентия и Миссисипи. Прорезая Аппалачское плато и Аллеганские горы, она течет на протяжении почти 1000 километров. Следуя вдоль ее русла, Брюле вышел на берег длинного и узкого морского залива, позже получившего название Чесапикского.

Поселение индейцев-гуронов

Перезимовав, Брюле весной 1617 г. отправился на север, в Квебек. По пути на него напали ирокезы. Путешественнику удалось спастись, но после нескольких дней блужданий по лесам он, чтобы не умереть с голоду, был вынужден положиться на милосердие своих врагов. Ирокезы не только накормили одинокого путешественника, но дали ему проводника до страны своих врагов – гуронов. У гуронов Брюле прожил два года и вернулся в Квебек только в 1619 г.

В дальнейшем Брюле много путешествовал в области Великих озер. В 1621 г. он отправился на разведку северного побережья озера Гурон, а спустя 7 лет первым из европейцев прошел вдоль восточного и

северного берегов озера Верхнее. Жизнь путешественника, целиком посвятившего себя странствиям по неизведанным землям Северо-Восточной Америки, оборвалась в 1633 г.: он был убит индейцами.

За грядой Аппалачских гор

Обосновавшись в начале XVII в. на побережье Вирджинии, английские колонисты не сразу обратили свои взоры в глубь континента. Одним из первых исследователей глубинных областей Северной Америки стал Авраам Вуд, комендант форта, построенного колонистами в 1646 г. на реке Джеймс. В конце августа 1650 г. он с пятью спутниками и проводником совершил небольшое путешествие по предгорной равнине Пидмонта протяженностью более 150 километров между реками Джеймс и Роанок. Осенью 1651 г. Вуд отправился в новый поход с целью разыскать на западе, по ту сторону гор, «воды, текущие в Южное море»: в то время считалось, что какое-то море – Тихий океан, а может быть, Мексиканский залив – доходит до западного подножия Аппалачских гор. Вуд прошел не очень далеко, но два участника его экспедиции, Томас Батс и Роберт Фаллам, предприняли гораздо более далекое путешествие. Они поднялись до верховьев Роанока и убедились, что северная из горных рек, составляющих Роанок, течет через седловину на гребне Голубого хребта. Седловина эта оказалась доступным горным проходом. Батс и Фаллам поднялись на вершину и увидели высокие горы: перед путешественниками простиралась центральные гряды Аппалачского массива. Пройдя несколько километров на запад, Батс и Фаллам увидели «Новую реку» (Нью-Ривер), которая текла со склонов гор, открывшихся перед ними. Теперь известно, что она принадлежит к системе Миссисипи, но Батс и Фаллам этого еще не знали. Однако они правильно решили, что перешли водораздел между реками, текущими на восток, к Атлантике, и какой-то другой речной системой. На водоразделе они нашли деревья, на корнях которых были сделаны углем какие-то условные отметки латинскими буквами – дело рук неизвестных первопроходцев.

В апреле 1673 г. Вуд отправил новую экспедицию: двум колонистам, Джеймсу Нидхему и Габриелю Артуру, вместе с восемью индейцами предстояло пройти далеко на юго-запад, за реку Роанок. Летом того же года они перевалили Голубой хребет и вышли к верховьям реки Теннесси, завершив таким образом исследование территорий, расположенных между Атлантическим океаном и

Аппалачскими горами. Далее на запад простирались совершенно неизведанные земли...

Вниз по великой реке

17 мая 1673 г. от залива Грин-Бей в глубь Североамериканского континента отправились двое французов: торговец пушниной Луи Жолье и священник-иезуит Жак Маркетт. Задача, которая была поставлена перед ними губернатором «Новой Франции», выглядела столь же традиционно, сколь и трудноразрешимо: им предстояло отыскать путь к «Западному морю», под которым понимался то ли Тихий океан, то ли Мексиканский залив. Оба путешественника были не новичками: они хорошо знали водные пути северо-восточной части Североамериканского континента и говорили на нескольких индейских наречиях. Отправившись в путь, они на каноэ спустились по реке Висконсин до ее устья и спустя месяц вошли в широкую реку, медленно текущую на юг. Жолье назвал ее рекой Кольбера (по имени Жана Батиста Кольбера, тогдашнего министра финансов Франции), но сегодня мы знаем ее под другим, более привычным названием – Миссисипи.

Первое время путешественники плыли через совершенно безлюдную местность. На берегах они видели только большие стада пасущихся бизонов. Ниже по течению стали встречаться поселения индейцев иллинойсов. От них путешественники узнали, что великая река Миссисипи начинается далеко на севере и течет на юг. Куда? Этого индейцы не знали. Путешественники все же надеялись, что она впадает в Калифорнийский залив...

Дни проходили за днями, сотни километров остались позади, но река не меняла своего южного направления. За страной иллинойсов в нее впадала с запада другая огромная река – бурная Миссури. Приняв этот огромный приток, Миссисипи продолжала течь на юг. Еще ниже в нее вливались воды другой огромной реки, теперь уже с восточной стороны, – Огайо.

Памятная доска, посвященная Луи Жолье и Жаку Маркетту. Чикаго, США

В начале июля 1673 г., миновав устье реки Арканзас, правого притока Миссисипи, Жолье и Маркетт узнали от индейцев, что отсюда до моря – 10 дней пути. Но что это за море? Несомненно, это не Тихий океан. Великая река, скорее всего, впадала в Мексиканский залив. Пройти до ее устья Жолье и Маркетт не решились: у моря начинались владения испанцев, и оказаться у них в руках путешественники опасались.

17 июля Жолье и Маркетт двинулись в обратный путь. Они поднялись по Миссисипи до устья реки Иллинойс, а по нему до озера Мичиган, у южного берега которого провели зиму 1674 г. Весной через

систему Великих озер они вышли в реку Святого Лаврентия. Значение их путешествия было велико: Жолье и Маркетт первыми прошли верхнее и среднее течения Миссисипи.

Смерть на Миссисипи

Рене Робер Кавелье де Ла Саль появился в Канаде («Новой Франции») в конце 1660-х гг. Он много путешествовал по северо-востоку континента, знакомился с нравами и обычаями индейцев, изучал их наречия, стал одним из первых европейцев, побывавших на реке Огайо. Неоднократно до него доходили слухи о «Западном море» (за которое принимали то Тихий океан, то Карибское море, а то некий неизвестный залив, который, по представлениям некоторых тогдашних картографов, глубоко вдавался на западе в североамериканский материк). Узнал Ла Саль и о большой реке, текущей от области Великих озер к югу. Индейцы называли ее Миссисипи – «отец вод». На этой реке уже побывали некоторые из европейских путешественников. Будучи уверенным, что Миссисипи впадает в Мексиканский залив, Ла Саль загорелся желанием пройти по великой реке до самого ее устья: открытие водного пути из Канады в Карибское море сулило большие выгоды.

По совету губернатора Новой Франции Ла Саль отправился во Францию и предложил свой план Людовику XIV. Выслушав путешественника, король поддержал его и распорядился оказать помощь в снаряжении экспедиции. 14 июля 1678 г. Ла Саль отправился обратно в Канаду. В середине августа следующего года он построил на озере Эри барку и отправился на ней по система Великих озер, намереваясь проникнуть в бассейн Миссисипи. Однако в пути его ждали неприятности: сперва из-за бури путешественники задержались на маршруте, потом возникли проблемы материального характера. Пытаясь разрешить их, Ла Саль отправил свою барку к Ниагаре за грузом пушнины, но судно потерпело крушение... В результате экспедиция задержалась в области Великих озер на целых два года. Только в декабре 1681 г. Ла Саль во главе отряда из 54 человек двинулся в далекий путь от озера Пеория. Спустившись на санях с привязанными к ним каноэ по замерзшей реке Иллинойс, путешественники в начале февраля следующего года достигли Миссисипи. Дождавшись, когда закончится ледоход, экспедиция двинулась вниз по великой реке. 9 апреля 1682 г. Ла Саль благополучно добрался до устья Миссисипи и вышел в Мексиканский залив.

Открытые им обширные территории он объявил владениями Франции и назвал Луизианой, в честь короля Людовика (Луи) XIV.

Рене Робер Кавелье де Ла Саль

Возвращение в Канаду вверх по течению Миссисипи отняло у Ла Саля больше года. Из Квебека он поспешил во Францию, где вновь предстал перед королем, и изложил ему свой план создания колонии в устье Миссисипи. Король одобрил это предложение и назначил Ла Саля губернатором Луизианы; под его власть должна была перейти огромная территория от озера Мичиган до Мексиканского залива. 24 июня 1684 г. Ла Саль во главе флотилии из 4 кораблей покинул берега Франции. Спустя 5 месяцев экспедиция достигла Флориды и вошла в Мексиканский залив. Ла Саль не сомневался, что устье Миссисипи должно лежать прямо к западу от Флориды; эта ошибка стала источником всех его дальнейших неудач.

Идя курсом на запад, французские корабли прошли устье Миссисипи. Ла Саль заметил ошибку (увы, поздно) и поспешил высадиться в бухте Галвестон (на побережье Техаса). Здесь он заложил временное поселение и отправил на поиски Миссисипи поисковые партии. Но великая река «пропала». Между тем отряд лишился двух своих кораблей, а два уцелевших из-за разногласий в руководстве экспедиции покинули колонистов и ушли назад во Францию. Чтобы избежать голодной смерти, Ла Саль распорядился посеять на берегу бухты хлеб, однако из-за обилия дождей он не взошел. Среди колонистов начались болезни, многие умерли. Осенью 1686 г. Ла Саль решает отправиться с оставшимися людьми к Великим озерам. Он намеревался достичь Миссисипи и затем подняться вверх по ее течению. 12 января 1687 г. Ла Саль во главе отряда из 30 измученных людей вышел на лодках в море. Среди его спутников зрело недовольство. Когда отряд уже находился недалеко от цели, Ла Саль был убит выстрелом из мушкета.

Генри Келси, «секретный» путешественник

Британская компания Гудзонова залива, созданная в 1670 г. с целью освоения природных богатств Канады, долгое время была вынуждена пользоваться услугами французских торговцев пушниной. Первым «собственным» торговым агентом компании, рискнувшим отправиться в далекое странствие по внутренним областям Канады, стал Генри Келси. Он поступил на службу в компанию в 1684 г., в возрасте 17 лет. Келси был буквально очарован жизнью индейцев, постоянно искал их общества, охотился и путешествовал вместе с ними. Очень скоро он выучил наречие индейцев кри и, возможно, наречие ассинибойнов. В 1688–1690 гг. Келси вместе со своим другом-индейцем совершил несколько дальних походов в земли, лежащие к северу от реки Черчилл. Летом 1689 г., во время одного из путешествий, он первым из европейцев увидел и описал мускусного быка (овцебыка).

Руководство Компании Гудзонова залива стремилось завязать отношения с индейцами, жившими во внутренних областях Североамериканского континента. Тем самым была бы расширена торговля компании и одновременно упрочено британское присутствие в Канаде; можно было бы не опасаться, что вся эта богатейшая страна попадет в руки французов. И в июне 1690 г. Келси по поручению компании отправляется из фактории Йорк, расположенной в устье реки Хейс, в далекую страну ассинибойнов, находившуюся в самом центре материка, к юго-западу от Гудзонова залива. Он должен был установить прочные контакты с индейскими племенами и приобщить их к торговле с Компанией Гудзонова залива.

Вместе с группой ассинибойнов Келси пошел сначала на юг, поднялся на челнах по реке Хейс до 55° с. ш. и оттуда, следуя на запад и юго-запад по стремительным порожистым рекам, «через тридцать три перевоза и пять озер», достиг северного берега озера Виннипег. В июле он вышел к реке Саскачеван. В этой стране Келси провел два года. Он установил добрые отношения с местными индейцами, уговорил их ежегодно ходить к Гудзонову заливу.

Генри Келси на юбилейном канадском долларе из серебра. 1990 г.

Осенью 1690 г. Келси присоединился к ассинибойнам, отправлявшимся на охоту в прерии, к юго-западу от Саскачевана, и первым из европейцев увидел и описал канадские прерии. Келси был буквально потрясен, увидев бескрайнюю равнину, где «нет ничего, кроме зверей и травы». Он видел здесь стада больших черных «буйволов» (канадских бизонов) и огромных медведей (гризли).

Перезимовав у ассинибойнов, Келси в июле 1691 г. отправился дальше на запад – «открывать и вовлекать в торговлю» дальние индейские племена. По его собственным подсчетам, в это лето он прошел около 1000 километров – главным образом пешком. Снова перезимовав в стране ассинибойнов, Келси летом 1692 г. вернулся к Гудзонову заливу в сопровождении большой группы индейцев из разных племен, выразивших желание завязать торговые отношения с европейцами.

Келси прослужил в Компании Гудзонова залива в течение еще 40 лет. Собранные им сведения о глубинных областях Канады были расценены как важная коммерческая тайна. О его деяниях долгое время ничего не было известно до тех пор, пока в начале XX столетия не был обнаружен журнал его путешествий.

По тундре в «чудесную страну»

В июне 1715 г. Компания Гудзонова залива направила из форта Йорк в глубинные районы Северной Канады своего служащего Уильяма Стюарта во главе отряда из 150 индейцев племени кри. Задача Стюарта состояла в примирении двух индейских племен – кри и чипевайанов – и установлении торговых контактов с племенами, обитающими в глубине континента. Пройдя за два месяца около 250 километров, отряд добрался до форта Черчилл, расположенного в устье одноименной реки. Отсюда Стюарт пошел на северо-запад и вступил на просторы бескрайней тундры, усеянной бесчисленными озерами. Открытая им страна была совершенно бесплодной, зато кишела полчищами насекомых. Обходя озера и озерки, переправляясь через множество рек и речек, Стюарт пересек тундру и через несколько дней пути попал, по его словам, в «чудесную для всякого зверья страну». Здесь жили индейцы чипевайаны. Стюарт остался здесь зимовать. Ему удалось установить мир между враждовавшими племенами, и в начале мая 1716 г. его отряд благополучно вернулся в форт Йорк. Путешествие Стюарта стало одним из рекордных по протяженности: по его собственной оценке, он прошел 1600 километров, а по оценкам современных географов – около 1100 километров. Точный маршрут Стюарта не установлен, но несомненно, что он первым проник в субарктическую область к юго-востоку от Большого Невольничьего озера.

Пьер Верандри и «белые индейцы»

Французскому торговцу и путешественнику Пьеру Готье де ла Верандри посчастливилось стать первооткрывателем Великих равнин Северной Америки. В 1730 г. он получил монополию на торговлю мехами в еще не освоенных западных областях Канады и за это взял на себя обязательство отыскать путь к «Южному морю» (Тихому океану). В 1731 г. Верандри отправился на запад во главе отряда из 50 человек. Много дней путешественники шли по широким безлесным равнинам, покрытым высокой травой. В этих краях не был еще никто из европейских путешественников. Можно понять удивление Верандри и его людей, когда они увидели на обширной равнине загадочные каменные столбы. Одни из них стояли вертикально, прислоненные друг к другу, другие лежали один на другом, образуя нечто вроде каменной стены. В один из столбов была вделана каменная табличка, покрытая загадочными знаками, похожими на письма. Французы выломали ее и позже доставили в Монреаль. А в декабре 1738 г. отряд Верандри ждала еще более удивительная встреча: выйдя через прерии к реке Миссури, французы повстречали индейское племя, среди которых было много светловолосых людей со вполне европейскими чертами лица...

Памятник Пьеру Верандри в Виннепеге, Канада

Этот народ называл себя манданами. Жили манданы в хорошо укрепленных поселках и занимались земледелием. Осматривая их жилища и знакомясь с бытом манданов, Верандри терялся в догадках: кто они? Почему строения манданов так похожи на жилища североευропейских народов? Более поздние исследователи полагали, что светлый цвет волос и голубые глаза манданов объясняются их смешением с норманнами, которые в XIV в. проникли в глубь Северной Америки...

Манданы рассказали Верандри о землях, лежащих к западу: выходя к морю там, увы, не было... Путешественники отправились к

озеру Манитоба, рассчитывая оттуда все же найти дорогу к «Западному морю». Однако поиски не принесли результатов. В 1743 г. Верандри вернулся в Монреаль, пройдя много сотен километров по неизведанным территориям вплоть до самых Скалистых гор.

В стране «черноногих»

В дальнейшее путешествие во внутренние области Канады Энтони Хендей, бывший контрабандист, а ныне торговый агент Компании Гудзонова залива, отправился по собственной инициативе. Присоединившись к группе индейцев ассинибойнов, он 26 июня 1754 г. выступил из фактории Йорк, поднялся по реке Хейс до озера Оксфорд, повернул на юго-запад и через Лосиное озеро вышел на нижний Саскачеван. Дойдя до слияния его северного и южного рукавов, Хендей поднялся по Южному Саскачевану почти до 52-й параллели, потом оставил каноэ и, идя пешком, пересек канадские прерии в западном направлении до подножия Скалистых гор. Здесь в верховьях реки Ред-Дир (на территории нынешней канадской провинции Альберта) обитало индейское племя «черноногих». Сами себя они называли сиксиками; европейцы прозвали их «черноногими», так как они обувались в мокасины, сшитые из черной замши. В стране «черноногих» Хендей провел всю зиму, вместе с индейцами промышляя пушного зверя. Он убеждал вождя завязать торговые контакты с Компанией Гудзонова залива, приглашал посетить факторию Йорк, но недоверчивый индеец отвечал уклончиво. Не добившись от него положительного ответа, Хендей в апреле 1755 г. погрузил добытую за зиму пушнину на лодки (для того чтобы перевезти весь груз, потребовалось около 70 каноэ) и пошел вниз по Норт-Саскачевану. 20 июня 1755 г. Хендей вернулся к Гудзонову заливу. Он проник так далеко на запад, как ни один европеец до него; он открыл канадские Скалистые горы, первый обследовал почти все крупные реки бассейна Саскачевана и описал индейские племена, жившие в этой стране.

Индейцы-ассинибойны с оружием

К океану по «медной реке»

В поисках новых областей, богатых пушниной, Компания Гудзонова залива постоянно отправляла в неизведанную глубь континента партии первопроходцев-разведчиков или нанимала на службу индейцев, хорошо знавших внутренние районы страны. Так до руководства компании дошли сведения о большой реке на севере континента, впадающей в море, на берегах которой имеются богатые залежи меди. На поиски этой реки в 1769 г. была отправлена экспедиция, которую возглавил Сэмюель Херн, бывший моряк. В состав партии входили 2 англичанина и несколько индейцев.

Путешествие оказалось сложным. Загадочная река лежала гораздо дальше, чем это можно было предположить. Пройдя около 200 миль, путешественники обнаружили, что запасы провизии почти иссякли. Индейские проводники покинули Херна и его товарищей, так что экспедиции пришлось возвращаться назад.

Но Херн не собирался сдаваться. В феврале 1770 г. он снова отправляется в путь, на этот раз в сопровождении 5 индейцев. Экспедиция прошла более 500 миль, прежде чем начавшиеся жестокие холода не заставили остановиться на зимовку. Путешественники страдали от морозов и голода; несмотря на охотничьи навыки индейцев, они по нескольку дней оставались без всякой еды, целую неделю им даже пришлось жевать старые кожи. Только в апреле Херн отправился в дальнейший путь. Опыт трудной зимовки заставил его завязать контакты с местными индейскими племенами в расчете на то, что вторую зиму ему придется провести у них, но переговоры кончились неудачей, и Херн решил идти дальше. 7 декабря он ушел из поселка индейцев и, направившись к западу, добрался до 60-й параллели. Здесь, на берегу неизвестной реки, он зазимовал, а весной соорудил каноэ и отправился вниз по течению реки, соединявшей ряд больших и малых озер. 13 июля 1771 г. он достиг «медной реки» Коппермайн. Все чаще стали попадаться стойбища эскимосов. Спускаясь по течению «медной реки», Херн выбрался на широкий разлив. Неужели путешественники достигли устья? Но вода была совершенно пресной... В реке, однако, резвилось множество тюленей, в хижинах эскимосов Херн в изобилии встречал китовый ус, появились

признаки прилива и отлива – в общем, все говорило за то, что впереди море. Вскоре в подзорную трубу Херн увидел огромное водное пространство, которое тянулось до самого горизонта, местами прерываясь островами. Сомнений не оставалось – это был океан...

Сэмюель Херн

Сэмюель Херн первым достиг Ледовитого океана, спустившись по рекам Северной Канады. 30 июня 1772 г. он вернулся в исходную точку своего путешествия, проведя в дороге в общей сложности год и пять месяцев.

Питер Понд в стране пушнины

Этот эксцентричный и жестокий человек (Питера Понда обвиняли в нескольких убийствах) начал свою карьеру солдатом в британской колониальной армии. 8 сентября 1760 г. он присутствовал при сдаче Монреаля – последнего опорного пункта французов в Канаде. После окончания англо-французской войны Питер Понд решил стать профессиональным моряком. Вернувшись из своего первого рейса в Вест-Индию в родной Милфорд, он узнал, что его мать умерла, а отец – торговец пушниной – отправился в далекое путешествие к озеру Мичиган. Понду пришлось взять на себя ответственность за многочисленную семью. Он прожил в Милфорде три года и позднее вспоминал, что это был самый долгий период в его жизни, когда он оставался на одном месте.

Решив идти по стопам отца, Понд в 1765 г. покинул Милфорд и в течение 6 лет странствовал по Среднему Западу Канады, занимаясь скупкой и продажей пушнины. В эти годы он познакомился со многими торговцами – Александром Генри, Саймоном Мактравишем, Томасом Уильямсом, братьями Томасом, Бенджамином и Джозефом Фробишерами, создавая вместе с ними различные товарищества, из которых позже выросла Северо-Западная компания, ставшая главным конкурентом Компании Гудзонова залива.

Успех Томаса Фробишера, достигшего в 1776 г. водораздела Атабаски, заставил других торговцев искать новые пути в том же направлении. Весной 1777 г. товарищество «Бенджамин и Джозеф Фробишеры, Мактравиш и К^о» поручило Понду совершить далекое путешествие в район Атабаски – в богатую пушниной страну, о которой до сих пор было известно только из рассказов индейцев. Отправившись на четырех каноэ по реке Черчилл, путешественник достиг озера, позже названного его именем – Питер-Понд, и обнаружил впадающую в него с северо-запада реку Мети. По ней и по открытым им рекам Клируотер и Атабаска Понд достиг озера Атабаска, став первым европейцем, проникшим на дальний северо-запад Канады. Открытия Понда связали бассейн великой северной реки Маккензи с реками, текущими в Гудзонов залив.

Понд перезимовал на реке Атабаска, приблизительно в 40 милях от озера, посещая стойбища индейцев кри и чипевайанов, уже давно торговавших с европейцами: ежегодно они на каноэ, нагруженных пушниной, по долгому и трудному речному маршруту спускались к форту Принца Уэльского. Индейцы были рады видеть в своей стране торговцев, появление которых избавляло их от необходимости дальнего путешествия. Они охотно принимали у себя Понда и его спутников и завязывали с ним торговые отношения, и вскоре путешественник стал обладателем такого количества пушнины, что четыре его каноэ были просто не в состоянии унести его. Излишки мехов Понд оставлял в сооруженных им по пути зимовьях. Весной 1779 г. Понд вернулся домой, завершив таким образом свое первое путешествие, растянувшееся на 2 года.

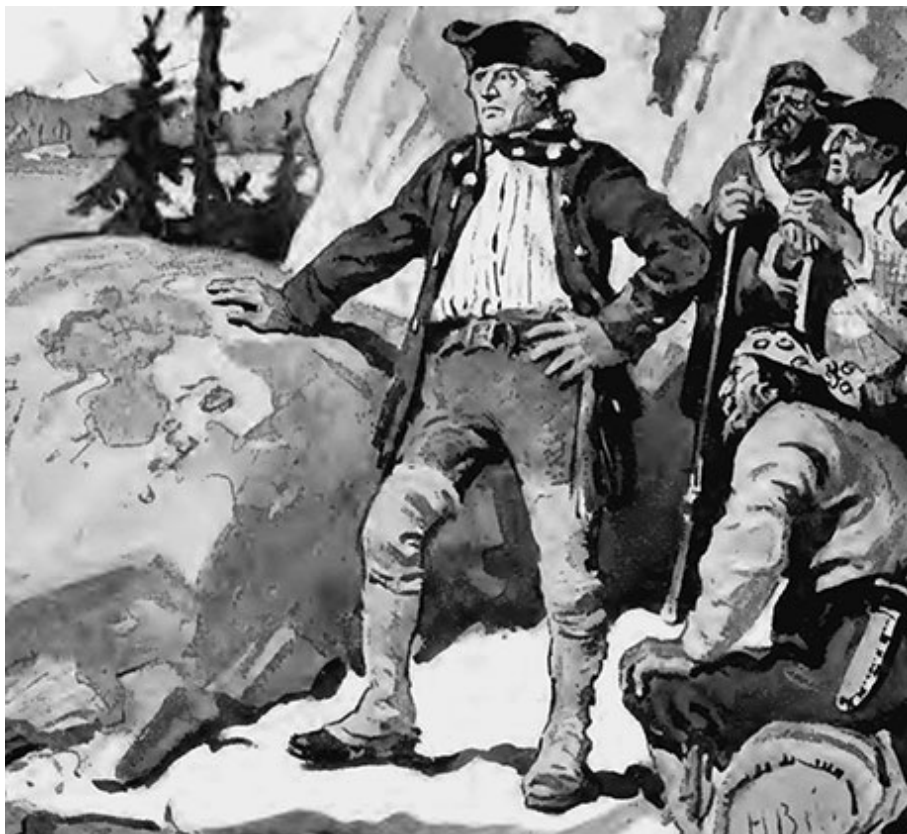
Успех Понда способствовал созданию Северо-Западной компании. Она окончательно сформировалась в 1783–1784 гг. и сразу вступила в острую конкуренцию с Компанией Гудзонова залива. Торговые агенты Северо-Западной компании шли путями, проторенными Пондом. Между тем сам путешественник летом 1783 г. отправился в новую экспедицию в совершенно неисследованные области, лежащие к северу от озера Атабаска. Он обнаружил Невольничью реку и первым спустился вниз по ее течению. Как далеко зашел Понд – неизвестно; возможно, он первым из европейцев достиг Большого Невольничья озера. Из своего путешествия Понд привез уникальную карту, составленную им на основе собственных исследований и сведений, полученных от индейцев, которую он в 1785 г. представил Конгрессу США. На этой карте с большей или меньшей точностью была показана вся система главных рек, лежащих к северу от Великих озер, и, в частности, впервые большая река, впадающая в Северный Ледовитый океан (который на карте Понда носит название «Воображаемое Ледяное море»). Результаты исследований Понда были встречены со скепсисом. Только четыре года спустя их подтвердил Александр Маккензи, открывший вторую по величине реку Северной Америки, названную его именем.

Два путешествия Александра Маккензи

В свое историческое путешествие Александр Маккензи – начальник торговой фактории Чипевайан, расположенной в устье реки Атабаска, – отправился в июне 1789 г. Он поставил себе целью выяснить, существует ли прямое водное сообщение между Большим Невольничьим озером и океаном (имелся в виду Тихий океан, как показывалось на некоторых картах того времени). С 12 спутниками на четырех лодках Маккензи вышел в дальний путь к Большому Невольничьему озеру и достиг его 9 июня. На поиски дальнейшего пути ушло очень много дней: северный берег Большого Невольничьего озера, особенно на северо-западе, был изрезан бухтами и заливами, глубоко вдающимися в сушу; каждая из таких бухт могла служить началом реки, текущей к далекому океану...

Лишь 29 июня экспедиция отыскала широкую реку, вытекающий из северо-западной части угла озера и несущую свои воды на запад. Двинувшись по ее течению и пройдя около 350 километров, путешественники достигли пункта, где река круто поворачивала на север и вступала в ущелье между двумя горными хребтами: с левой стороны ее теснили горы Маккензи, с правой – горы Франклина. Ниже по течению горную цепь справа прорывал полноводный приток, текущий с востока, – Маккензи не стал его исследовать, поскольку он выводил путешественников в сторону от главной цели. Наконец, река вырвалась из тисков гор на широкую равнину и растеклась по ней несколькими рукавами, образуя обширную дельту. Неужели впереди океан? 13 июля с одного из островов дельты путешественники увидели на западе полосу открытого моря (это было море Бофорта), а на востоке – забитый льдом залив. Утром следующего дня перед путешественниками открылась потрясающая картина: в море играли киты... Несомненно, это был океан. Только какой? Маккензи был убежден: Северный Ледовитый. Но исследовать побережье он не решился: провизия была на исходе, и 16 июля экспедиция повернула обратно. Свой поход Маккензи закончил 12 сентября 1789 г. в форте Чипевайан, пройдя за 102 дня около 5000 километров. В результате его путешествия была открыта крупнейшая река Канады и всего американского Севера протяженностью свыше 4,5 тысячи километров,

вытекающая из Большого Невольничьего озера и впадающая в море Бофорта. Эта река получила название Макензи – в честь ее первооткрывателя, в правдивости сообщений которого еще долгое время сомневались.

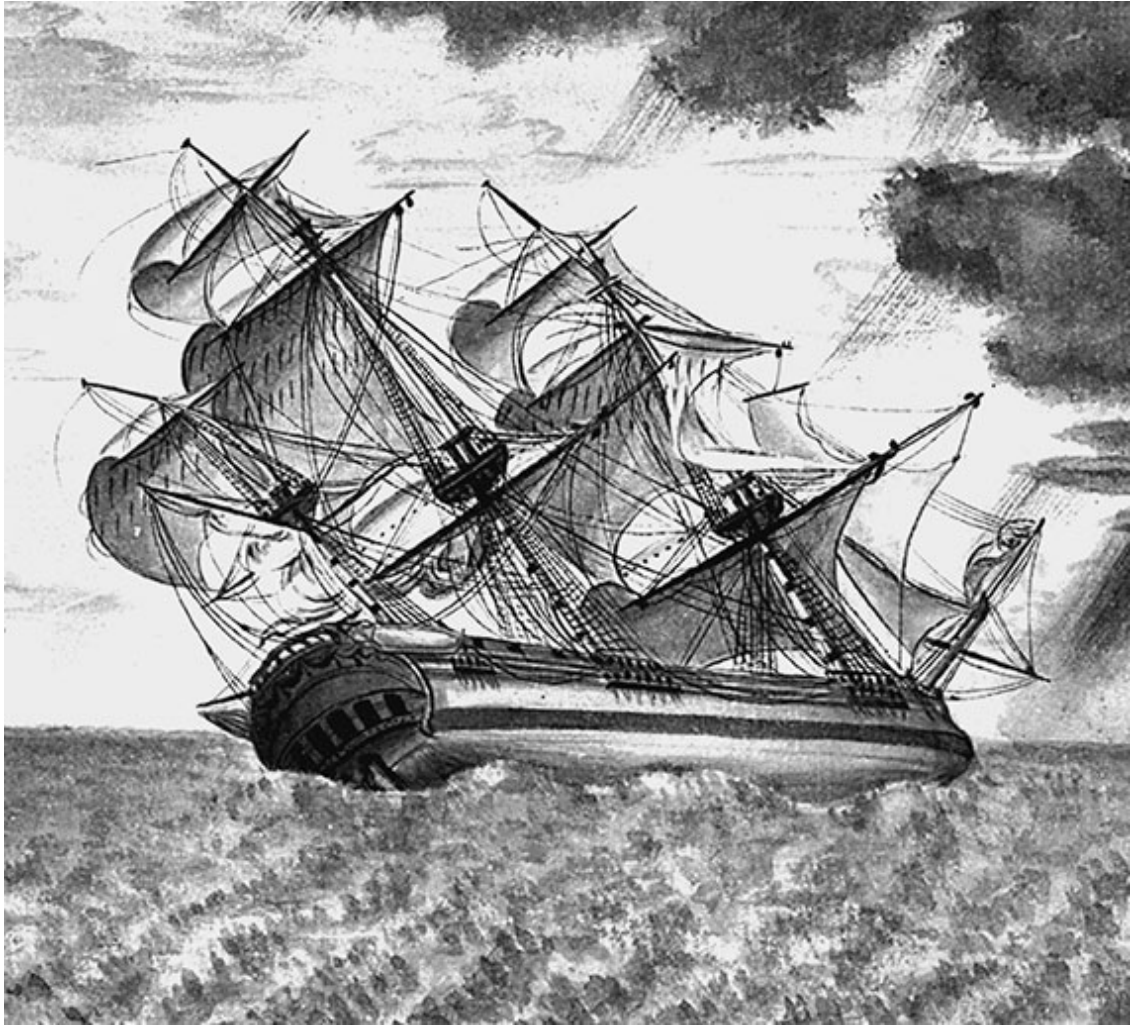
Александр Маккензи у берегов Тихого океана. Художник Чарльз Джефрис

В 1792–1793 гг. Макензи совершил еще одно, не менее трудное и не менее значительное путешествие. Отправившись вверх по реке Пис-Ривер через Скалистые горы и 28 июля 1793 г., испытав большие лишения, достиг побережья Тихого океана. Он первым в истории пересек весь североамериканский материк от Атлантического до Тихого океана, и притом в самой широкой его полосе – от залива Святого Лаврентия до залива Королевы Шарлотты. 24 августа 1793 г. Маккензи и его спутники уже разведанными путями вернулись в факторию на Пис-Ривер, где перезимовали, и в 1794 г. путешественники достигли Монреаля, совершив второе пересечение североамериканского материка (теперь уже с запада на восток).

Через два океана на Дальний Запад

В 1787 г. компания бостонских торговцев отправила на запад Северной Америки экспедицию за мехами. Путь был неблизкий: двум кораблям – «Леди Вашингтон» и «Колумбия» – предстояло идти в обход мыса Горн, вокруг всего огромного континента, открытого Колумбом. Только в сентябре 1788 г. экспедиция достигла своей цели – залива Нутка, куда обычно ходили на промысел суда из Бостона. Заготовив здесь большое количество пушнины, мореходы решили отправить один из кораблей – «Колумбию», которым командовал капитан Роберт Грей, – за чаем в Китай, а второй оставить продолжать заготовки. Выйдя из залива Нутка, Грей через Гавайские острова добрался до Кантона (Гуанчжоу), продал там пушнину, закупил чай и отправился в Бостон, однако не в обход мыса Горн, а вокруг Африки, через мыс Доброй Надежды. Он вернулся в Бостон в августе 1790 г., совершив таким образом первое кругосветное плавание под флагом США.

Спустя всего месяц Грей вновь вышел на «Колумбии» в море. Ему предстояло вернуться в залив Нутка и продолжить заготовку пушнины. Он достиг цели только к лету 1791 г. Промысловики остались зимовать на побережье Тихого океана. За время зимовки Грей построил небольшой парусный бот и в начале апреля 1792 г. отправил его к берегам Аляски на заготовку пушнины, а сам на «Колумбии» пошел вдоль американского берега на юг. Близ 46° с. ш. путешественник увидел линию белых бурунов и предположил, что за ними находится какая-то большая река. Попытка подойти к берегу не удалась из-за сильного встречного ветра и течения. Пришлось возвращаться назад. В начале мая Грей снова попытался обнаружить неизвестную реку. Дойдя до 47-й параллели, он открыл небольшой залив, позднее названный его именем (Грейс-Харбор), а 11 мая наконец увидел устье большой реки. Он назвал эту реку Колумбией – в честь своего корабля и, сойдя на берег, поднял близ устья реки флаг США: это была первая заявка Соединенных Штатов на ту часть тихоокеанского побережья, которая с первой четверти XIX в. стала называться Орегоном.

«Колумбия» во время шторма

Конец легендам: третье кругосветное плавание Джорджа Ванкувера

Когда в 1791 г. Джордж Ванкувер был назначен руководителем экспедиции, получившей задание исследовать тихоокеанское побережье Америки между 30° и 60° с. ш., он был уже опытным моряком: в 1772–1780 гг. под флагом знаменитого капитана Кука Ванкувер дважды обогнул земной шар. Новое плавание обещало быть не менее трудным. Покинув на двух кораблях Великобританию и обогнув мыс Доброй Надежды, экспедиция Ванкувера в сентябре 1791 г. достигла юго-западного побережья Австралии. Отсюда мореплаватель направился к Гавайям. В середине апреля 1792 г. Ванкувер подошел к американскому берегу и приступил к выполнению основного задания. Три года ему понадобилось на то, чтобы осуществить картографическую съемку тихоокеанского побережья Северной Америки от 39-й до 60-й параллели (с. ш.). И хотя в проделанной им громадной работе имелись значительные пробелы (что вполне понятно, если учесть чрезвычайную изрезанность берега на этом участке), Ванкувер добился выдающихся результатов.

Памятник Джорджу Ванкуверу. Виктория, Канада

Ванкувер окончательно развеял предположения о том, что Тихий океан соединяется с Атлантическим каким-то каналом, прорезающим Североамериканский континент. Корабли Ванкувера вошли в пролив Хуан-де-Фука и исследовали его глубоко врезающиеся в сушу длинные и узкие заливы и многочисленные острова, но никакого прохода на запад к Атлантическому океану, конечно же, не нашли. В проливе Хуан-де-Фука Ванкувер встретил испанскую гидрографическую экспедицию. Вместе с испанцами они открыли и описали другой, более широкий

пролив, отделяющий от материка большую землю, которую они решили назвать Ванкувер. Выйдя северными проливами в залив Королевы Шарлотты, а затем в открытый океан, Ванкувер окончательно разрушил и созданную Куком легенду о «великой реке Тернаген», позднее названной «рекой Кука», якобы впадающей с севера в залив Аляска: он удостоверился, что это – большой залив, который русские мореплаватели открыли еще до Кука и назвали Кенайской губой (ныне – залив Кука). В.М. Головнин по этому поводу писал в 1822 г.: «И если бы не Ванкувер, то и по сие время русским никто бы не поверил... а залив слыл бы ныне рекою...» Завершив картографирование побережья Америки до 60° с. ш., Ванкувер повел свои корабли обратно вдоль американских берегов, обогнул мыс Горн и в середине октября 1795 г. после четырехлетнего путешествия прибыл в Англию, завершив таким образом свое третье кругосветное плавание.

Через весь континент

В 1803 г. Франция продала США Луизиану – огромную территорию площадью около 2,3 миллиона квадратных километров, включавшую весь бассейн Миссисипи. Президент Томас Джефферсон, всю жизнь вынашивавший идею хозяйственного освоения Запада, как никто другой, понимал, какие перспективы это открывает для молодой нации. Для исследования бассейна Миссури и отыскания пути к Тихому океану президент организовал экспедицию, начальником которой назначил своего секретаря Мэриуотера Льюиса. Помощником Льюиса стал его товарищ по военной службе Уильям Кларк.

Отряд из 40 человек отправился в далекий путь из Вашингтона летом 1803 г. Спустившись вниз по реке Огайо и пройдя по Миссисипи до устья Миссури, путешественники остановилась на зимовку. Весной они снова двинулись в путь. В стране индейцев манданов к отряду присоединились индианка Сакаджавеа, в дальнейшем оказавшая большую помощь экспедиции. Поднявшись на лодках от устья Миссури до ее главного истока на расстояние более 4700 километров, экспедиция Льюиса и Кларка проследила все течение великой реки. Был пройден участок «Больших водопадов» (Грейт-Фолс) на Миссури, открыт горный хребет, позднее получивший имя Льюиса, а также крупные притоки Миссури.

Мэриуотер Льюис и Уильям Кларк в беседе с аборигенами

Главная цель экспедиции – Тихий океан – лежала впереди. Идя индейскими тропами, путешественники перевалили горный хребет Биттеррут, вышли к реке Клируотер (бассейн реки Колумбия) и через ущелья Каскадных гор 15 ноября 1805 г. достигли океана, пройдя через весь Североамериканский континент. Позади лежали 5000 километров пройденного пути...

Сакаджавеа на почтовой марке США

Но предстояло не менее трудное возвращение. На обратном пути Кларк, на время покинув Льюиса, прошел по течению реки Йеллоустон, крупнейшего притока Миссури. В октябре 1806 г. экспедиция вернулась к устью Миссури. Путешествие подошло к концу. Совершив свой беспрецедентный поход, Льюис и Кларк проложили путь переселенцам, которые нескончаемым потоком хлынули на Запад. Главным достижением экспедиции стало открытие новых земель, однако при этом были собраны многочисленные образы флоры, фауны и ископаемых останков, накоплен богатый этнографический материал. Многие растения, привезенные экспедицией, принадлежали к новым видам. Два из них назвали льюисией и кларкией – в знак признания заслуг двух первопроходцев.

Зебулон Пайк: через плен к успеху

В 1806 г. президент США Томас Джефферсон поручил капитану Зебулону Монтгомери Пайку возглавить экспедицию, отправлявшуюся в почти не изученные районы на юго-западе континента. Путешественникам предстояло исследовать и закартографировать южную часть Луизианы и отыскать истоки рек Ред-Ривер и Арканзас. Во главе отряда из 23 человек Пайк 15 июля 1806 г. отправился в путь от устья Миссури, прошел по южной части Великих равнин до верховьев Канзаса, а затем, идя по долине реки Арканзас, достиг отрогов Скалистых гор. 15 ноября путешественники увидели горный массив, увенчивавшийся могучим заснеженным пиком. Подняться на его вершину не удалось: идя по пояс в снегу, Пайк и его товарищи сумели преодолеть только половину пути, после чего вынуждены были вернуться назад. Гора, получившая позднее имя своего первооткрывателя (пик Пайка, 4300 м), осталась непокоренной. Рассказывают, что после неудачной попытки восхождения Пайк вообще усомнился в том, что кто-либо из людей сможет однажды покорить эту вершину (это пророчество, впрочем, не оправдалось).

Зебулон Пайк (слева) с помощником

Идя дальше на запад, экспедиция встретила на своем пути высокие горы (Передовой хребет Скалистых гор) и незнакомую реку (Саут-Платт, система Миссури), которую Пайк принял за исток реки Йеллоустон (который в действительности находится почти в 500 км к северо-востоку). Как мы теперь знаем, экспедиция сумела проникнуть в самую высокую часть Скалистых гор. На западе высилась гора Элберта (4399 м), на склонах которой, как обнаружил Пайк, брала свое начало река Арканзас.

Возле горы Элберта Пайк разделил свой отряд. Одна группа отправилась вниз по реке Арканзас для проведения топографической съемки, в итоге впервые проследив все ее течение (2410 км). Остальные во главе с Пайком двинулись далее на юг по межгорной котловине и вскоре вышли к верховьям реки Рио-Гранде. Местность эта была абсолютно незнакома. В бесплодных поисках истоков реки Ред-Ривер экспедиция заблудилась на западных склонах горного хребта Сангре де Кристо, и в итоге путешественникам пришлось построить здесь форт и зимовать в нем.

Весной экспедиция вновь отправилась в путь. Однако далеко уйти не удалось: 26 февраля 1807 г. Пайк и его спутники были арестованы испанским военным патрулем и препровождены в город Санта-Фе, тогдашнюю столицу мексиканского штата Чиуауа. Местный губернатор Сальседо заподозрил в путешественниках шпионов, однако никаких доказательств этого не нашлось, и в итоге Пайк и его люди оказались на свободе. В июле 1807 г. испанцы доставили их до границы с Луизианой, откуда члены экспедиции были отпущены на все четыре стороны. Пайк доставил на родину первые точные сведения о предгорных и горных районах нынешних штатов Колорадо и Нью-Мексико, вызвавшие большой интерес не только в США, но и Европе.

Десять тысяч километров по Америке

Весной 1807 г. топограф Дэвид Томпсон отправился от верховьев Саскачевана на запад. Перед ним стояло несколько задач: топографические съемки новооткрытых территорий, расширение района скупки пушнины, но самое главное – исследование загадочной реки Колумбия, устье которой обнаружил в 1792 г. Роберт Грей. Томпсон перевалил Скалистые горы и вышел к большой неизвестной реке, текущей на северо-запад (это была река Кутеней). По ней поднялся почти до верховьев и там перезимовал. Лето 1810 г. Томпсон снова посвятил поискам Колумбии, но безрезультатно. Когда наступила зима путешественник, обескураженный неудачей, повернул обратно в Центральную Канаду. По долине реки Кутеней он поднялся до верховьев Норт-Саскачевана и здесь решил предпринять еще одну попытку разрешить загадку реки Колумбия.

За высокой горой Колумбия (3743 м), близ которой берут начало реки Норт-Саскачеван и Атабаска, Томпсон открыл проход через Скалистые горы. «Перед нами, – записал он в дневнике 10 января 1811 г., – высилась крутая, засыпанная глубоким снегом гора, служившая, как видно, водоразделом между бассейнами Атлантического и Тихого океанов. Вид ее привел меня в состояние возбуждения и радости... передо мной открылся новый мир...» Далее к юго-западу открылась неизвестная река, которая текла на северо-запад. Томпсон предположил, что это и есть Колумбия. Но по совету индейцев он не пошел зимой вниз по незнакомой реке, а поднялся до истока Кутенея, оказавшегося притоком Колумбии. Отсюда, двигаясь на запад, он достиг того места на реке Колумбия, где к ней подходит хребет Кетл-Ривер, образуя мощные пороги. Обойдя их, путешественник добрался до американской фактории Астория, расположенной в устье Колумбии. «На следующий день, – записал Томпсон 16 июля 1811 г., – я в каноэ... достиг мыса, где река впадает в океан... Теперь я могу сказать, что полностью закончил съемку этой части Америки от моря до моря (от Гудзонова залива до Тихого океана)...» Затем Томпсон вернулся к порогам реки Кетл-Ривер, поднялся по Колумбии до ее притока Кану и закончил, таким образом, съемку реки от верховья до устья (длина реки Колумбия – 1953 км). За все время работы Томпсон прошел десятки

тысяч километров верхом, на нартах с собачьей упряжкой, пешком, в индейских челнах, причем зачастую по совершенно неразведанной территории. Его путевые записки, озаглавленные «Повесть Дэвида Томпсона о его исследованиях в Западной Америке», впервые были опубликованы лишь в 1916 г. И только тогда читающая публика с удивлением узнала о том, что скромный геодезист Дэвид Томпсон, оказывается, был одним из крупнейших исследователей всех времен и, пожалуй, самым крупным исследователем Нового Света.

По просторам Дальнего Запада

В первой четверти XIX в. гигантская территория к западу от Скалистых гор, между реками Колумбия и Колорадо, представляла собой почти сплошное белое пятно. Правда, еще в XVIII в. сюда время от времени заходили испанские исследовательские партии, однако собранные ими сведения были разрозненны, противоречивы и носили случайный характер. Начало систематическому исследованию Дальнего Запада США положили агенты различных частных компаний, промышлявших торговлей пушниной. Идя по пути, проложенному Льюисом и Кларком, они в 1820-х гг. пересекли Дальний Запад в разных направлениях, перевалили Каскадные горы, Сьерра-Неваду и Береговой хребет, достигли Большого Соленого озера и озера Юта и, наконец, вышли к побережью Тихого океана.

Одним из этих первопроходцев был Джедидайя Смит. В 1826–1827 гг. он совершил многокилометровое путешествие по бескрайним землям Дальнего Запада. Идя от Большого Соленого озера на юг, он достиг знаменитого Большого каньона, по пути нанеся на карту реку и озеро Севир, а также реку Верджин – правый приток Колорадо. Отсюда Смит вышел к Тихому океану. В то время Калифорния принадлежала Мексике, власти которой косо смотрели на деятельность иностранных – американских и русских – промысловиков. Не найдя с ними общего языка, Смит двинулся на север, в Калифорнийскую долину, затем перевалил Сьерра-Неваду и, идя на северо-восток, вернулся к Большому Соленому озеру.

Группа Смита пересекает южнокалифорнийскую пустыню Мохаве в 1826 г. Художник Фредерик Ремингтон

Спустя несколько месяцев Смит повторил свой маршрут, но от нижнего течения Колорадо вышел на побережье океана чуть севернее. Мексиканские власти вновь выдворили его из Калифорнии. Настойчивый Смит верхом отправился от залива Монтерей на север. Миновав Калифорнийскую долину, он, пройдя около 500 километров по практически не исследованному побережью нынешнего штата Орегон, достиг низовьев реки Колумбия. По результатам своих путешествий Смит составил карту, впервые дающую верное представление обо всем хребте Сьерра-Невада и Калифорнийской долине, обследованной им почти на всем ее протяжении (800 км). Однако журнал его путешествий и карта остались неопубликованными, так что о Смите надолго забыли. Лишь в 1953 г. выяснилось, что, хотя Смит и не пользовался геодезическими инструментами, составленная им карта представляет собой замечательное географическое достижение.

Пихты и золото

Шотландский естествоиспытатель и путешественник Дэвид Дуглас впервые оказался в Новом Свете в 1823 г. И вскоре ему пришлось по своему «открывать Америку»: Дуглас стал во главе экспедиции, отправившейся через весь континент к тихоокеанскому побережью, пересекая Дикий Запад. Шотландский ученый стал первым европейцем, исследовавшим растительный мир самых отдаленных и неизведанных районов США. В течение трех лет он собирал гербарии и семена открытых им цветов, кустарников, деревьев. Самым значительным его открытием стал новый вид пихты, которую позднее назвали в его честь – дугласией. Это гигантское (второе на планете после секвойи) хвойное дерево отличали не только размеры, но и гибкая и при этом прочная древесина. Позже эта порода появится на Балканах, в Карпатах и других горных регионах.

Говорили, что европейские лесоводы и цветоводы готовы были поставить памятник шотландцу за привезенные из-за океана растения и семена – почти 670 новых видов! Кстати, с именем Дугласа связано и знаменитое калифорнийское золото. Он одним из первых обнаружил крупинки этого металла в корнях ели и послал найденные образцы в Лондон. А когда через два десятка лет Калифорнию охватила «золотая лихорадка», ученые вспомнили об этом необычном открытии.

Вдохновленный успехом, Дуглас в 1829 г. отправился в новое путешествие. Он побывал в Калифорнии, на Аляске, а затем перебрался на Гавайи. В 1834 г. Дуглас совершил первое в истории восхождение на одну из пяти вулканических вершин Гавайев – Мауна-Кеа (4205 м над уровнем моря). Много дней спустя тело его нашли в западне, вырытой на склоне горы. Рядом лежал мертвый бык. Тайна гибели путешественника так и осталась неразгаданной.

Надгробье на могиле Дэвида Дугласа. Перт, Шотландия

По следам Джона Фримонта

«Наш след напоминал путь отступающей и разбитой армии: повсюду валялись седла и вьюки, одежда и павшие мулы. Метель совершенно парализовала нас и приостановила всякое дальнейшее продвижение. Мы находились на высоте 12 тысяч футов над уровнем моря. Вся местность на западе была засыпана глубоким снегом, мы не могли продвинуться ни на шаг вперед...»

Эти строки из письма Джона Чарлза Фримонта жене как нельзя лучше свидетельствуют о том, какие трудности приходилось испытывать первопроходцам Североамериканского континента. Фримонт пережил их сполна. Кадровый офицер, военный топограф, он прошел прекрасную школу еще в юности, в составе экспедиции Жана Николе исследуя отроги Аллеганских гор. В 1842–1845 гг. Фримонт вместе с топографом Карлом Пройсом предпринял три большие экспедиции: в Скалистые горы, в верховья реки Колорадо, к Большому Соленому озеру, рекам Колумбия и Сьерра-Невада. Эти экспедиции установили общие черты природы средней части США от Миссисипи до Тихого океана. Позже о них скажут, что «вдвоем в ходе трех экспедиций, изобилующих опасностями, насильственными смертями и важными открытиями, они сделали больше для исследования, составления карт и опубликования маршрутов на Дальний Запад, чем кто-либо иной».

Водружение Джоном Фримонтом американского флага на одной из вершин Скалистых гор

В 1848 г. Фримонт снова отправился в поход к Тихому океану. На этот раз его задачей являлся поиск удобного прохода для железной дороги в верховьях Рио-Гранде-дель-Норте. На пути путешественников лежали огромные завалы снега. Сильный холод (20° ниже нуля) и большая высота затрудняли дыхание. Начались кровотечения из носа. Люди не могли спать из-за грома снежных лавин, ревущих порывов ветра и больше всего из-за жалобного рева мулов. Запасы продовольствия были на исходе. Зубы выпадали, лица почернели. Любая царапина превращалась в гнойный нарыв. Даже на ровных участках экспедиция проходила не более двух миль в день. К 28 января 11 человек – более трети экспедиции – погибли. Но все закончилось как

в сказке: Фримонт остался жив, нашел золотоносную жилу стал миллионером, жители Сан-Франциско избрали его сенатором, он получил генеральский чин, его заслуги путешественника-первопроходца получили признание со стороны ряда зарубежных обществ.

В 1854 г. Фримонт еще раз предпринял научную экспедицию в Скалистые горы. Его исследования внесли большой вклад в познание глубинных областей Североамериканского континента. По разведанным им путям прошли толпы переселенцев на Дальний Запад.

Майкл Владимиров путешествует по Америке

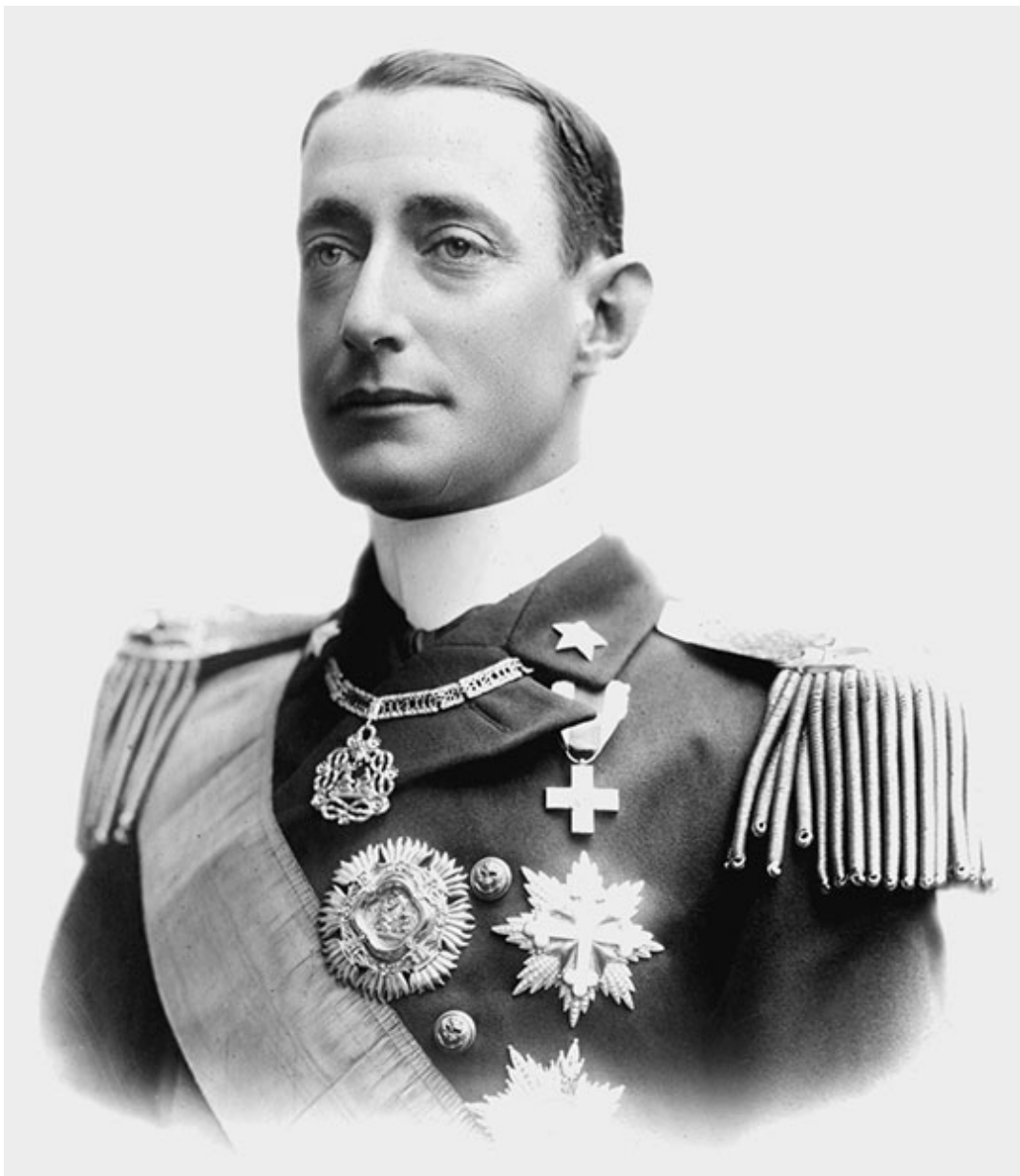
Летом 1872 г. молодой саратовский учитель Михаил Владимиров, подобно тысячам других своих современников-европейцев, отправился в Америку. Ехал он, однако, не с целью навсегда обосноваться в Новом Свете, а исключительно из желания увидеть огромный мир. Денег у него было очень мало – всего 300 рублей, зато он по самоучителю кое-как освоил английский язык и на всякий случай овладел ремеслами переплетчика и токаря. Впрочем, как токарь Майкл (так его окрестили в Америке) не состоялся: выточенные им изделия из дерева никто не покупал. Майкл подался на юг, во Флориду: там тепло и не надо тратить денег на зимнюю одежду. В поисках заработка рубил дрова, мостил дорогу, клал кирпичи, батрачил на ферме у негра. Окрестные белые фермеры с презрением относились к неудачнику. Впрочем, негр-хозяин тоже страдал расовыми предрассудками, и когда появился подходящий черный работник, уволил Майкла. Владимиров направился искать счастья в Новый Орлеан, но по дороге его обокрали. Так он расстался с последней ценной вещью – часами. Попутчики-бродяги с сочувствием восприняли его злоключения и обучили парня, как можно бесплатно, хотя и с риском ездить на поездах: на крышах, под лавками, на буферах, в пустых товарных вагонах. Однако гораздо чаще Владимирову приходилось идти пешком. В его дневнике нередки такие записи: «Прошли 20 км. Пытались найти ночлег, но нам все отказывали», «На моих ногах шесть мозолей, идти трудно. Прошли 25 миль», «Сделал 35 миль».

В Сан-Франциско удача улыбнулась Майклу: он нашел хорошую работу домашнего учителя в семье русских переселенцев, благодаря чему сумел заработать денег на возвращение домой. Несмотря на все трудности, в целом впечатление об Америке у Владимира осталось хорошее: его приятно удивили американские публичные библиотеки, демократичное общение между людьми и многое другое. Свои впечатления путешественник описал в книге «Русский среди американцев (мои личные впечатления как токаря, чернорабочего, плотника и путешественника)», опубликованной им по возвращении на родину в 1877 г. Владимиров собирался вторично побывать в США, чтобы дополнить написанное, но эта мечта не осуществилась.

Герцог Аброуццкий на горе Святого Ильи

Итальянский принц Луиджи Амедео Савойский, герцог Аброуццкий, был с молодости увлечен горами. Пламенная страсть с годами не только не утихла, но, как показало будущее, только разгоралась. К тому времени, когда герцог собрался покорить пик Святого Ильи на Североамериканском континенте, у него за плечами уже были десятки восхождений в Альпах. В 1897 г. герцог Аброуццкий организовал и возглавил свою первую большую исследовательскую альпинистскую экспедицию на Аляску: ему и его спутникам предстояло покорить гору Святого Ильи. В то время эта гора (сейчас ее высота определена в 5489 м) считалась самой высокой в Северной Америке. Американские альпинисты уже предприняли шесть попыток восхождения на этот грозный и опасный массив и сумели пройти маршрут до отметки 4200 метров. Итальянская экспедиция воспользовалась результатами их разведок.

Герцог Аброуццкий продуманно организовал экспедицию: с многочисленными проводниками и носильщиками, с устройством промежуточных лагерей. Около месяца ушло на разведку маршрута. Лежавшие на пути ледники Ньютона и Сьюарда оказались вполне проходимыми, хотя по льдам и снегам пришлось пробираться около полутора месяцев. И в конце концов, был достигнут успех: 31 июля вся команда в составе 10 человек достигла отметки 5488 метров – считалось, что это вершина Святого Ильи, но, как оказалось, это была не самая высокая точка одноименного горного массива.

Луиджи Амедео Савойский

Второе восхождение на гору Святого Ильи было совершено только в 1946 г., а всего в истории их было считаное количество. Восхождение команды герцога Абрुццкого было самым сложным, а его экспедиция – самой удачной.

Неизведанная Аляска

Смерть подштурмана Федорова

К началу XVIII столетия карта Америки еще зияла белыми пятнами. Никто не знал, как далеко простирается Американский континент к северо-западу и соединяется ли он с Азией. Между тем этот вопрос чрезвычайно интересовал мореплавателей и ученых. Что же касается плавания Семена Дежнева, который, возможно, когда-то прошел проливом между Азией и Америкой, то о нем никто не знал даже в Якутске, не говоря уже о Москве или Европе.

Подтверждение факта существования пролива между Азией и Америкой означало бы для России немалые выгоды. В 1725 г., за несколько недель до смерти, Петр I составил инструкцию для Первой Камчатской экспедиции. Ей предписывалось исследовать землю, «которая идет на норд, и по чаянию (понеже той земли конца не знают) кажется, что та земля – часть Америки. И для того искать, где она сошлась с Америкою...». Возглавить экспедицию было поручено Витусу Йонассену Берингу (1681–1741), датчанину, состоявшему на русской службе.

27 января 1725 г. Беринг с группой сподвижников отправился из Петербурга к берегам Охотского моря. В конце 1726 г. экспедиция достигла Охотска и в 1728 г. вышла на боте «Святой Гавриил» в плавание, во время которого на карту было положено северо-восточное побережье Азии. Экспедиция получила косвенные подтверждения существования пролива, отделяющего Азию от Америки, но самой Америки мореплаватели в этот раз не увидели.

Летом 1732 г. из Большерецкого острога на поиски «Большой земли», находящейся, как предполагали, к востоку от устья Анадыря, был отправлен бот «Святой Гавриил» под командой подштурмана Ивана Федорова. Он был тяжело болен и в командование вступил временно, не зная еще, однако, что это станет его последним назначением. В составе команды был опытный мореход Кондратий Мошков, участник плавания Беринга, уже знакомый с морским путем от Камчатки к Чукотскому полуострову. Самому капитан-командору Берингу, проплывавшему в 1728 г. по проливу, названному позже его именем, не удалось осмотреть американский берег. Это, однако, удалось сделать Ивану Федорову.

23 июля 1732 г. «Святой Гавриил», имея на борту 39 человек, вышел из устья реки Большой и 3 августа уже был у Анадырского носа (ныне мыс Чукотский). Отсюда Федоров отправился к тому из островов Диомида, который уже был открыт экспедицией Беринга в 1728 г. После многодневных поисков моряки 17 августа подошли, наконец, к небольшому острову (ныне остров Ратманова), где вступили в переговоры с эскимосами. С северной оконечности острова мореплаватели видели на востоке «Большую землю» – северо-западное побережья Аляски. Судя по карте, составленной уже позже, в 1743 г., М.П. Шпанбергом по журналу Федорова, «Святой Гавриил» подошел сначала к северному берегу полуострова Аляска, затем обогнул его западную оконечность (теперь мыс Принца Уэльского, крайняя западная точка американского материка). Возвращаясь на юг, Федоров открыл недалеко от американского берега, у 65-й параллели, еще один маленький остров (ныне остров Кинг). Данные о виденных им обоих берегах – азиатском и американском – Федоров внес в свой журнал, который уже в следующем году, после смерти тяжелобольного подштурмана, был отослан его соратниками в Охотск, а копия была доставлена в Петербург.

Витус Беринг. Пластическая реконструкция по черепу. Автор – профессор В.Н. Звягин

Последнее открытие Америки

4 июня 1741 г. из Петропавловской гавани на восток вышли пакетботы «Святой Петр», которым командовал Беринг, и «Святой Павел», возглавляемый А.И. Чириковым. Идя параллельными курсами, «Святой Петр» и «Святой Павел» спустя две недели из-за постоянных туманов потеряли друг друга. Дальнейший путь они продолжали врозь. «Святой Павел» достиг берегов Северной Америки и в октябре 1741 г. благополучно вернулся в Авачинскую бухту. Совсем иначе сложилась судьба пакетбота «Святой Петр».

Безуспешно проискав корабль Чирикова, Беринг повернул на северо-восток. «Святому Петру» пришлось идти вслепую, лишь по числению и координатной сетке, в неизведанном океане... Дойдя до широты $25^{\circ}41'$, пакетбот двинулся вдоль островов Алеутской гряды, о существовании которых моряки еще не подозревали.

17 июля на северо-востоке увидели высокие горы, покрытые снегом. Спустя 7 часов перед путешественниками открылась неизвестная земля. Это был остров Каяк у побережья Аляски. Путешественники назвали его островом Святого Ильи. Вечером 20 июля пакетбот бросил якорь у новооткрытой земли. В составе партии, высадившейся на берег, был немец Георг Вильгельм Стеллер (1709–1746), талантливый ученый. Пройдя с версту вдоль берега, Стеллер увидел следы людей: корыто, выдолбленные из куска ствола дерева, кости с остатками мяса. По срубленным деревьям Стеллер подметил, что топоры у туземцев были каменные или костяные. А вскоре ученый обнаружил землянку, крытую корой. Людей нигде не было, лишь в нескольких верстах над лесистым холмом вставал столб дыма.

Утром 21 июля Беринг приказал поднять якорь. Пакетбот двинулся на юго-запад. Из-за частых туманов и сильных ветров идти приходилось с осторожностью. 26 июля на широте 56° встретили землю – остров Кадьяк. 2 августа открыли остров, который назвали именем Архидиакона Стефана (о. Укамок). Пройдя еще немного, моряки увидели на горизонте высокие заснеженные горы – это была Аляска...

Идти дальше становилось все более затруднительно. 10 августа офицеры корабля на совете постановили: идти обратно в Петропавловск. Повернув назад, пакетбот продвигался очень медленно

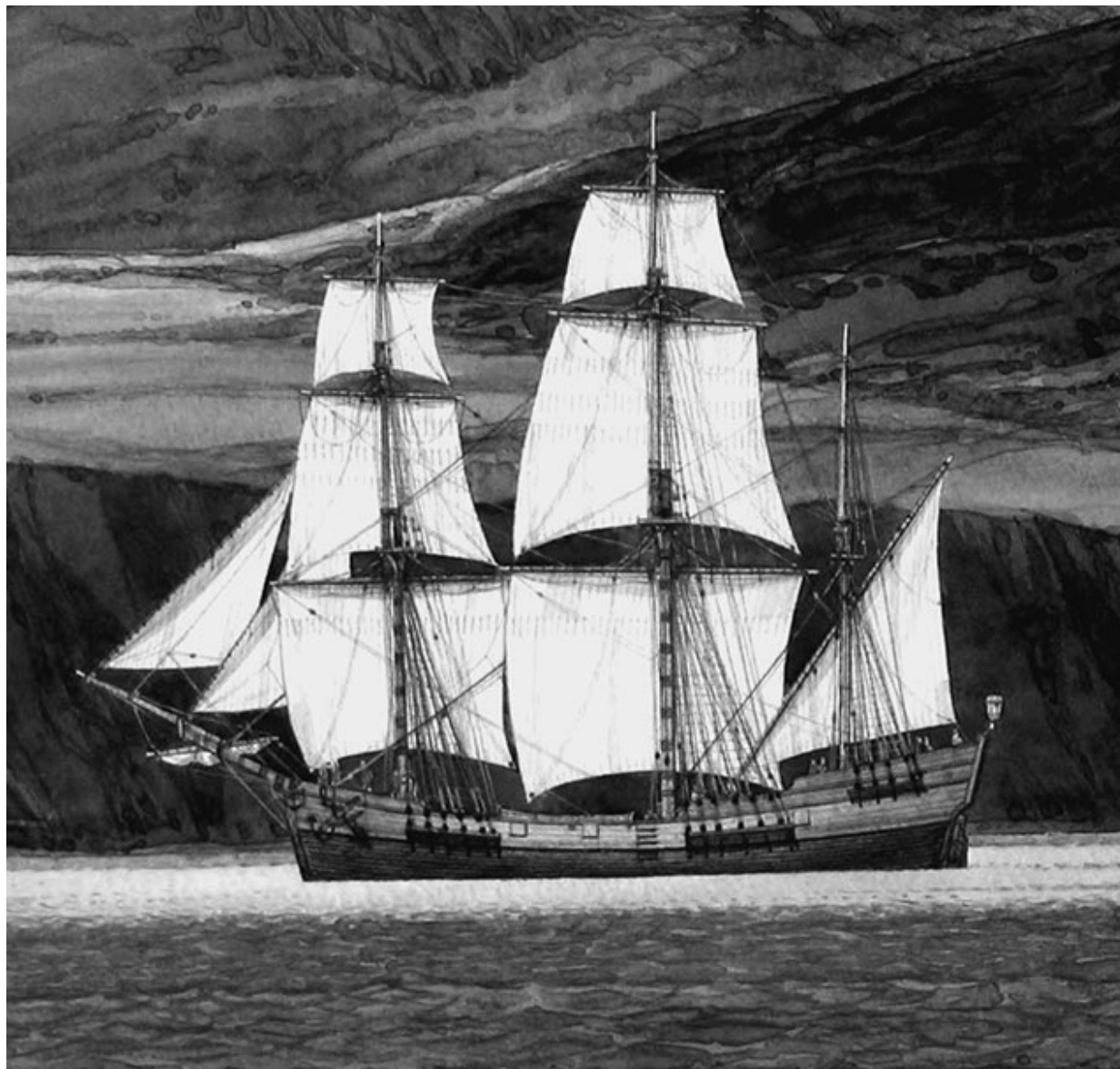
– непрерывно дули встречные западные ветры. Запасы питьевой воды на борту быстро таяли. 30 августа пакетбот стал на якорь у островов, названных Шумагинскими – здесь похоронили матроса Никиту Шумагина. Это была первая потеря экспедиции.

У Шумагинских островов простояли шесть дней, пополняя запасы воды. В первую же ночь на одном из соседних островков с борта «Святого Петра» видели огонь. А 4 сентября произошла первая встреча с алеутами...

6 сентября пакетбот снялся с якоря и вышел в море. «Святой Петр» шел на запад, вдоль цепи Алеутских островов, на некотором расстоянии к югу от них, но Беринг и его спутники этого не знали и считали, что плывут вдоль американского побережья. 24 сентября «Святой Петр» оказался близ острова Атка, который путешественники называли островом Святого Иоанна. Начинались осенние штормы. 27 сентября ветер достиг необычайной силы, волны перекатывались через палубу. Штурман Андреас Хессельберг, полвека плававший по всем морям и океанам, говорил, что ни разу в жизни не видал такой жестокой бури. В течение последующих трех недель не удалось продвинуться ни на милю к западу. Утром 30 сентября начался еще более сильный шторм, какой, по словам Стеллера, даже нельзя себе представить. Каждую минуту ждали гибели судна. Половина команды была больна и лежала, прочие же были без сил от ужасной качки.

1 октября шторм продолжался. Офицеры начали говорить о том, что следовало бы вернуться и поискать убежища в Америке. 2 октября начало стихать, но зыбь на море оставалась еще целые сутки. 8-го опять начался шторм. Он продолжался и 9-го, и 10-го. Старший офицер Свен Ваксель стал убеждать командора направить пакетбот к Америке, чтобы перезимовать там, но Беринг не дал на это согласия. 11 октября начало стихать. 12-го вечером снова начался шторм со снегом и дождем. Он продолжался более суток. За это время «Святой Петр» отнесло приблизительно на 80 миль к востоку. 25 октября, находясь на широте 51°, мореплаватели увидели на севере высокий безлесный остров, названный ими в честь Святого Маркиана (ныне о. Кыска). 28-го открыли остров Святого Стефана (Булдыр), а 29-го – остров Авраамия, самый восточный из островов Семичи. Отсюда беринговцы вновь повернули на запад.

Трудное плавание, непрекращающаяся штормовая погода и повальная болезнь привели к тому, что на пакетботе осталось лишь несколько человек, способных передвигаться и управлять парусами. Положение создалось отчаянное, и с каждым днем оно все более ухудшалось. Начиная с конца октября ежедневно один-два члена экипажа умирали. Снасти изорвались, сухарей почти не было, воды осталось очень мало.

Так выглядел один из парусников Витуса Беринга – «Святой Петр». Художник Джон Гарднер

Утром 5 ноября с борта пакетбота увидели землю. Ее приняли за Камчатку (на самом деле «Святой Петр» оказался в виду острова Беринга из группы Командорских островов). Когда выглянуло солнце, штурманы определили местонахождение судна: оно оказалось немного севернее Авачинской бухты. После долгих споров постановили идти к незнакомой земле «дабы сыскать якорное место для зимования». Якорь бросили у открытого каменистого берега, но канат лопнул, и пакетбот понесло к берегу. Каким-то чудом волны, подхватившие судно, перекинули его через каменистую гряду и поставили совершенно невредимым в спокойную лагуну у берега, на глубине четыре с половиной сажени. Это было вечером 6 ноября 1741 г.

Два дня – 7 и 8 ноября – на берег на единственной уцелевшей шлюпке перевозили больных моряков и размещали их в землянках, покрытых парусами. Изможденные люди продолжали умирать. В земле острова навечно остались лежать 14 членов экипажа «Святого Петра», в том числе капитан-командор Витус Йонассен Беринг, проживший после высадки всего месяц...

После смерти командора в командование вступил Свен Ваксель. К этому времени экспедиция лишилась пакетбота: во время сильного шторма «Святой Петр» выбросило на берег. Уцелевшим членам экипажа суждено было прожить 9 месяцев на довольно большом (1660 кв. км), но необитаемом и лишенном леса острове в землянках, сооруженных среди песчаных холмов. Зимовщики не оставляли надежды вернуться в Петропавловск. Однако осмотр судна показал, что пакетбот сильно поврежден, а починить его нельзя и нечем. Окончательное решение было отложено до весны, когда Ваксель надеялся разрешить загадку их местонахождения: что это – остров или «матерая земля»? И лишь весной боцман Алексей Иванов, отправленный на разведку, обогнул крайний северо-западный мыс и увидел, что «здешняя земля подлинный остров». В ясную погоду далеко на западе вырисовывались заснеженные вершины камчатских вулканов.

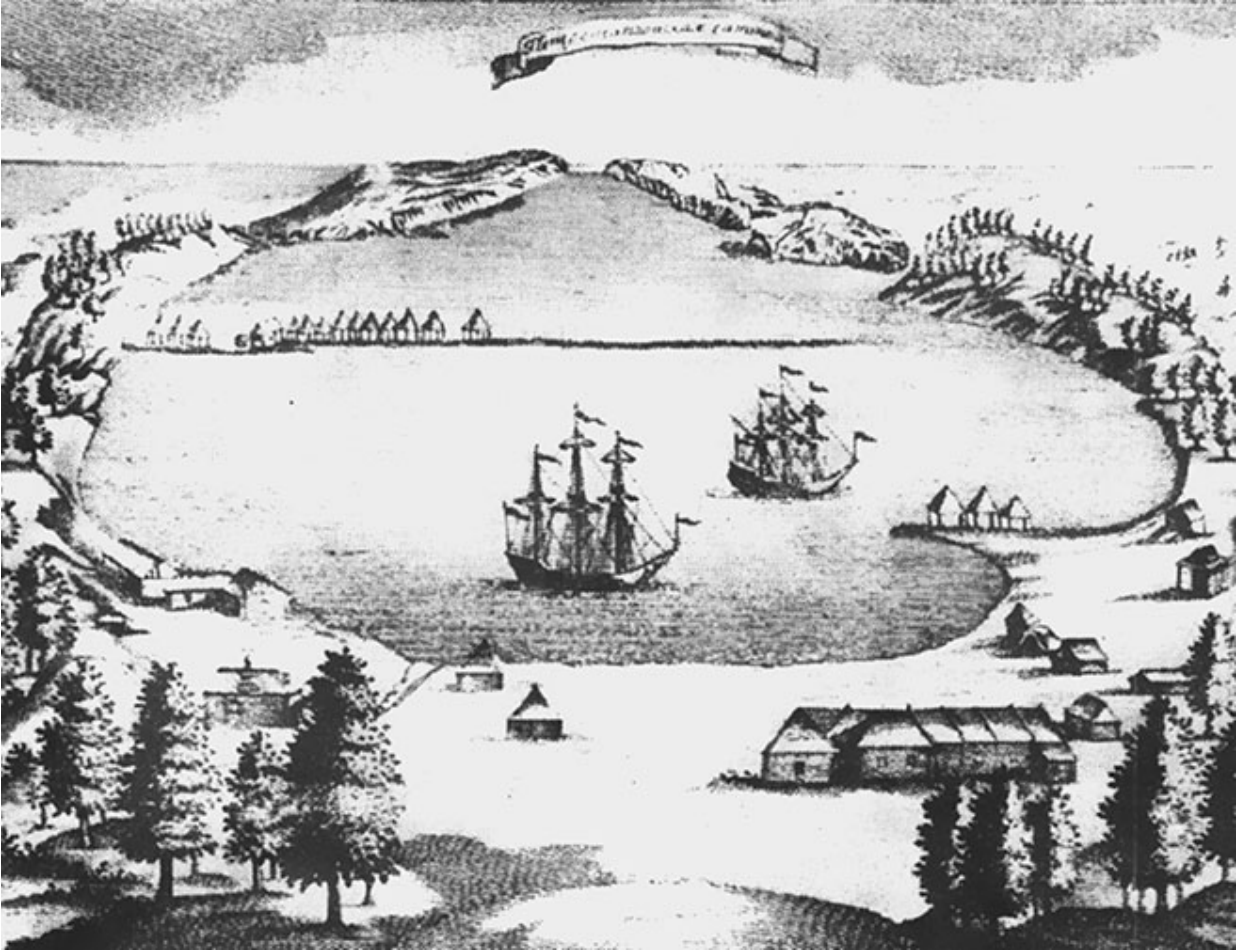
Как только позволила погода, моряки приступили к разборке пакетбота. 6 мая 1742 г. было заложено новое судно – гукер. 8 августа он был спущен на воду. 13 августа 1742 г. гукер, имея 46 человек на борту, вышел в море. Впереди у моряков были новые испытания. Уже через два дня они потеряли единственную оставшуюся шлюпку, были

вынуждены бороться с внезапной течью и освободиться от части балласта и корабельного груза. Утром 17-го путешественники увидели землю – это был мыс Кроноцкий, а 26 августа гукер вошел в Петропавловскую гавань. К тому времени «Святой Петр» уже считался погибшим вместе со всем экипажем...

Плавание лейтенанта Чирикова

22-летний лейтенант Алексей Чириков был с одобрения Петра I назначен в Первую Камчатскую экспедицию помощником Беринга. Несмотря на молодость, он считался хорошим моряком. Во Второй Камчатской экспедиции Чириков был уже правой рукой Беринга и вместе с ним в июне 1741 г. вышел в опасное плавание к неизведанным берегам Америки. Однако спустя две недели корабли экспедиции потеряли друг друга, и с этого момента судьбы Беринга и Чирикова разошлись навсегда...

Оставшись один, Чириков на «Святом Павле» поплыл на восток и в ночь с 15 на 16 июля (на полтора суток раньше Беринга) увидел землю. Это был один из островов, расположенных у южного побережья Аляски. Удобной для стоянки бухты здесь не оказалось, и Чириков повернул на север. Пройдя вдоль американского материка около 400 километров, «Святой Павел» бросил якорь у острова, названного позднее именем Чичагова. На берег высадилась партия вооруженных моряков – 11 человек. Напрасно прождав их возвращения, Чириков спустя неделю отправляет вторую партию – еще четверо. Никто так и не вернулся, все пропали без вести. Потеря 15 человек и двух шлюпок, без которых невозможно было высаживаться при мелководье на берег, поставили экспедицию в тяжелое положение. Чириков решил поднимать якоря...

Гавань Петропавловска. XVIII в.

Пройдя несколько десятков миль к северо-западу, с борта «Святого Павла» увидели покрытую снегом величественную гору Святого Ильи. Отсюда экспедиция повернула на запад. По пути были открыты полуостров Кенай и остров Кадьяк. У острова Адах произошла встреча с алеутами, подошедшими к судну на лодках. Между тем положение на судне с каждым днем ухудшалось: многие матросы были больны, не хватало пресной воды и продуктов. Несколько человек умерли от цинги. Заболел и Чириков, командование судном принял штурман Иван Елагин.

10 октября 1741 г. «Святой Павел» вошел в Петропавловскую гавань. Отправил рапорт о результатах своего путешествия (за время плавания вдоль американских берегов Чириков осмотрел, нанес на карту и описал почти 400 км побережья), Чириков в мае 1742 г. вновь отправился к берегам Америки: ему не давало покоя загадочное

исчезновения Беринга. На этот раз «Святой Павел» дошел только до островов Атту и из-за туманов и сильного ветра был вынужден повернуть назад. Следуя курсом к Авачинской губе, Чириков прошел мимо Командорских островов на расстоянии видимости, не предполагая, что на одном из них находятся люди со «Святого Петра». 1 июля 1742 г. «Святой Павел» возвратился в Петропавловск. Результатом плавания Чирикова стала первая карта побережья Аляски.

К берегам «острова Алякса»

К началу 1760-х гг. уже было известно, что между Командорскими островами и Америкой лежат по крайней мере две группы островов: Ближние с прилегающими к ним на востоке Крысьими островами и примыкающие к Америке Лисьи острова (включающие «остров Аляксу»). По поручению Екатерины II Адмиралтейств-коллегия отправила к этим островам (к которым относили и Аляску) экспедицию, целью которой было не только их описание островов, но и формальное закрепление их за российской короной. Начальником экспедиции был назначен Петр Креницын, его помощником – Михаил Левашов.

Экспедиция вышла из Охотска 10 октября 1766 г. на четырех разнотипных и разнокалиберных судах. Плавание началось на редкость неудачно. Уже на третий день, отойдя от Охотска всего лишь на несколько десятков километров, суда потеряли друг друга. В дальнейшем одно судно погибло (из 43 человек команды погибло 30), другие выброшены на берег и разбиты волнами, бот «Святой Гавриил» попросту сгнил... В итоге в плавание к берегам Америки от берегов Камчатки 23 июля 1768 г. вышли только два судна, основательно отремонтированные: галиот «Святая Екатерина» и гукор «Святой Павел».

Чета алеутов в национальных костюмах

Обогнув с юга остров Беринга, корабли направились на восток, но 11 августа из-за сильного ветра потеряли друг друга. «Святая Екатерина» 14 августа подошла к островам Алеутской гряды; на берегу одного из них моряки увидели алеута, который приветствовал их криком «Здорово!».

Михаил Левашев с борта «Святого Павла» 14 августа увидел на юге неизвестный остров, а на следующий день – еще три. 22 августа «Святой Павел» достиг острова Уналяска, где встретил «Святую

Екатерину». Суда запаслись свежей водой и отправились дальше. 25 августа экспедиция подошла к северному берегу Унимака (самого дальнего острова Алеутской гряды), а 1 сентября подошли к побережью Аляски. Два дня путешественники осматривали аляскинский берег, впервые в истории пройдя вдоль северного берега полуострова (правда, Креницын и Левашев приняли Аляску за остров). 5 сентября оба судна вновь разлучились и уже не встречались до весны следующего года.

«Святой Павел» 16 сентября подошел к Уналяске и остановился на зимовку в заливе, названном моряками Макушинским. Поблизости было много стойбищ алеутов, так что за время зимовки Левашев собрал обширную этнографическую коллекцию. В гораздо более тяжелых условиях протекала зимовка Креницына на Унимаке: в этом районе не было постоянного населения, лишь изредка сюда приходили на байдарках алеуты. Экипаж сильно страдал от цинги. За время зимовки умерло 60 человек, а 12 оставшихся в живых ослабели до крайности. Их спасло только появление «Святого Павла» в июне следующего года. Несмотря на большие человеческие жертвы и гибель трех судов, Адмиралтейств-коллегия не сочла экспедицию Креницына – Левашова неудачной. Географические результаты этого плавания использовались всеми позднейшими русскими и иностранными исследователями северо-восточной части Тихого океана.

В устье Медной реки

В сентябре 1779 г. в Охотск от берегов Аляски возвратился из семилетнего путешествия штурман Потап Зайков. Он привез с собой большой груз добытых в Америке мехов, оцененный в 300 с лишним тысяч рублей, полпуда самородной меди с Командорских островов и собственноручно вычерченную карту, на которой были показаны Охотск, камчатский берег, Командорские и Алеутские острова до самой Аляски. Из этой карты явственно следовало – и Зайков был в этом твердо убежден, – что Аляска представляет собой полуостров. Пожалуй, это было первое свидетельство подобного рода. Кроме того, на карте Зайкова наиболее верно были изображены Алеутские острова.

Летом 1783 г. Зайков вновь отправился к берегам Америки, на этот раз во главе целой экспедиции, в которой приняло участие около 300 человек на трех кораблях. Все три судна – «Святой Александр Невский», «Святой Михаил» и «Святой Николай» – были частными и принадлежали различным промышленникам, вложивших в это предприятие немалые средства в надежде на хорошую прибыль. 27 июля 1783 г. галиот Зайкова «Святой Александр Невский» вошел в небольшую бухту близ острова Каяк, на берегу которой промысловики обнаружили шалаши «американских жителей». Отсюда во все стороны Зайков разослал байдары для осмотра побережья. Вскоре стали поступать первые сведения: о встреченных туземцах – «шугачинском народе», о большой бухте с удобными якорными стоянками, о неизвестной реке, богатой рыбой-кижучем, на берегу которой живут «американцы».... Вскоре «американцы» появились близ стоянки русских промысловиков и вступили с ними в меновую торговлю.

Снявшись с якоря, Зайков перевел свой корабль в Чугацкий залив, окруженный лесистыми горами, с вершин которых спускались ледники. В течение более чем месяца разосланные во все стороны байдарщики исследовали побережье Северной Америки. Местами им встречались песчаные мели, трудно проходимые даже на байдарках. Встречи с «американцами» далеко не всегда были мирными: в вооруженных стычках с туземцами погибли 11 русских промышленников и женщина-алеутка, захваченная в качестве переводчика на острове Уналашка; еще около 20 человек получили ранения. Тем не менее экспедиции удалось

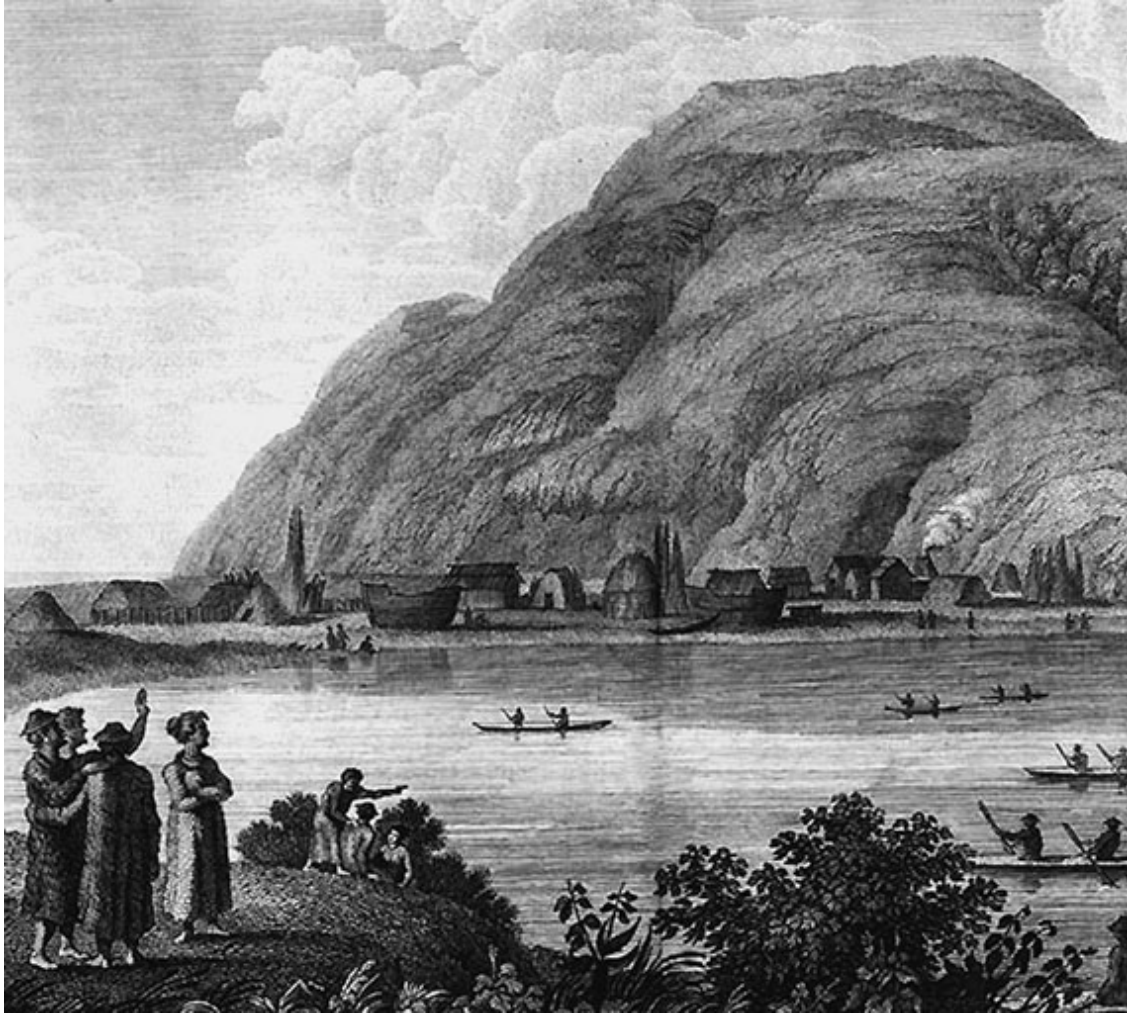
исследовать весь обширный Чугацкий залив и прилегающую к нему часть побережья Аляски. При этом было обнаружено устье «немалой реки», которую чугачи называли Иуллит. По сведениям «американцев», выше по течению реки располагались стойбища туземцев, добывавших самородную медь и менявших ее на различные товары. Зайков окрестил эту реку Медной. Между тем запасы провианта были на исходе: мореходы уже начинали голодать, среди них началась цинга. Пришлось вновь поднимать паруса и отправляться в обратный путь. Сведения о материковом побережье Северной Америки, полученные экспедицией, в немалой степени способствовали колонизации Аляски, начавшейся в последующие годы.

Америка Григория Шелехова

Иркутский купец Григорий Шелехов уже с 1776 г. начал отправлять свои корабли на промысел к берегам Аляски. Во время одного из плаваний штурман Прибылов открыл группу островов, названных его именем, и привез оттуда большой груз пушнины, добытой за два летних сезона. Вдохновленный этим успехом, Шелехов решил отправиться за море сам. В 1783 г. он построил в Охотске четыре галиота: «Святой Михаил», «Три Святителя», «Симеон Богоприимец» и «Анна Пророчица». На них разместилось около 200 человек. 16 августа 1783 г. шелеховские корабли двинулись к Курильским островам. Но целых два дня держался противный ветер, не позволивший галиотам приблизиться к земле. 12 сентября начался сильнейший шторм, продолжавшийся двое суток. Флотилия Шелехова была рассеяна; мореходы уже было утратили всякую надежду на спасение...

После жестокой бури «Три Святителя», «Симеон Богоприимец» и «Анна Пророчица» соединились близ острова Беринга. «Святой Михаил», на борту которого находилось около 60 человек, бесследно исчез. Шелехов решил ждать его прихода, так как заранее уговаривался со своими спутниками о встрече именно на Командорах. Экспедиции пришлось здесь зазимовать. Как и во времена Беринга, шелеховцы жили в земляных хижинах, засыпанных сверху глубоким снегом.

Летом 1784 г., так и не дождавшись «Михаила» (судно, очевидно, погибло со всем экипажем), флотилия подняла паруса и двинулась на запад. Первая остановка была на острове Кадьяк, где Шелехов заложил небольшую факторию, впоследствии ставшую первым постоянным русским поселением в Северной Америке. Сделав ее своей базой, Шелехов и его люди несколько раз выходили в плавание к берегам Аляски; в том же и следующем году было создано еще несколько промысловых пунктов на северо-западных берегах залива Аляска.

Вид селения купца Шелехова на острове Кадьяк

Шелехов не раз посылал на байдарках поисковые партии с целью исследовать северный берег залива. Один из отрядов осмотрел южный берег полуострова Аляска, проследовал широким проходом между материком и островом Кадьяк, позднее названным проливом Шелихова, побывал в заливах Кенайском (Кука) и Чугачском (Принс-Вильям). Второй отряд, под руководством Леонтия Нагаева, пытался установить контакты с жителями приморской полосы залива Аляска, но безрезультатно. Нагаев поднялся вверх по реке, названной впоследствии Медной (Коппер), так как на ее берегах нашли месторождение меди.

Отношения с аборигенами складывались сложно. Не раз промысловикам приходилось вступать в открытый бой с индейцами и

алеутами, а однажды Шелехову даже пришлось открыть артиллерийский огонь по туземцам.

В 1786 г. Шелехов отправился в обратный путь. По дороге он посетил Курильские острова, собрав подробные сведения о всей гряде. Вернувшись в Иркутск в 1787 г., Шелехов представил отчет генерал-губернатору о своем плавании. Записки о путешествиях Шелехова к северо-западному побережью Америки, неизвестном в ту пору европейцам, содержал столь ценные сведения и был так увлекательно написан, что, изданный впервые в 1791 г., он в течение последующих 20 лет переиздавался 9 раз, причем трижды на немецком языке и дважды на английском. А созданная Шелеховым промысловая компания была в 1799 г. (уже после его смерти) преобразована в Российско-Американскую компанию.

Начальник Аляски

Александр Баранов переселился в Сибирь в 1780 г., а до того купечествовал в столицах – в Москве и Петербурге. В 1790 г. он поступил на службу к Шелехову и на корабле «Три Святителя» отправился из Охотска к берегам Аляски. Близ острова Уналашка Баранов во время шторма потерял корабль и груз. Членам экипажа пришлось зимовать на малообитаемой земле. На следующий год Баранов со спутниками на двух больших байдарках прибыли на остров Кадьяк. Здесь под началом у Баранова оказалось две сотни русских промышленников. Он на байдарках обошел весь остров Кадьяк и составил его описание, проник в залив Кука, обогнул полуостров Кенай. Завершив беглое обследование западной части залива Аляска, Баранов приступил к организации новых поселений и к разработкам открытых русскими промышленниками месторождений каменного угля. В 1795 г. Баранов обследовал северный и восточный берега залива Аляска до острова Ситка (в архипелаге Александра).

Спустя несколько лет организованная в 1798 г. Российско-Американская компания назначила Баранова главным правителем Русской Америки. Тем не менее он не переставал путешествовать по морю и суше с исследовательскими целями. Так, в 1799 г. на трех судах он снова прошел от Кадьяка до Ситки, основал на этом острове Архангельский поселок, перезимовал в нем и вернулся обратно. Основанное им поселение в 1802 г. разрушили индейцы тлинкиты, но в 1808 г. Баранов перебрался с Кадьяка на Ситку, восстановил поселение, назвав его Ново-Архангельском и перевел сюда главную контору Российско-Американской компании. Ново-Архангельск оставался столицей Русской Америки вплоть до 1867 г., когда Аляска была продана Соединенным Штатам.

Александр Баранов

28 лет Баранов прослужил «начальником Аляски». В 1818 г. он покинул Ново-Архангельск на борту корабля «Кутузов» и отправился в Россию, до которой ему, однако, не суждено было добраться: он умер в 1819 г. у берегов острова Ява.

«Русские креолы» исследуют Аляску

В 1818 г. к побережью Аляски отправился смешанный отряд в составе русских, алеутов и «русских креолов» – так называли ту часть населения, которая происходила от браков местных жителей и русских промысловиков. К середине XIX в. в поселках тихоокеанского побережья Аляски таких насчитывалось уже около 2000. Подобные браки поощрялись русскими чиновниками – для создания «сословия колониальных граждан». «Колониальные граждане», родившиеся и выросшие в суровых условиях Аляски, нередко отваживались на самые рискованные путешествия. К числу таких смельчаков принадлежал и один из участников экспедиции, Андрей Климовский.

Возглавляли экспедицию два промысловика – Петр Корсаковский и Федор Колмаков. От острова Кадьяк путешественники прошли на байдарках прошли к южному побережью полуострова Аляска и пересекли его до Бристольского залива. Вдоль его северного берега они прошли до мыса Ньюэнхем, открыв по пути небольшие бухты и остров Гагемейстера. Корсаковский поднялся по речке Квичак и озеру Илиамна и оттуда направил отряд во главе с Еремеем Родионовым по рекам Хохолитне и Кускоквим. Летом следующего года Корсаковский и алеут Андрей Устюгов на байдаре обследовали американское побережье Берингова моря от мыса Ньюэнхем дальше на север, до устья реки Квикпак – в верхнем течении индейцы именовали ее Юконом; до 1863 г. не было твердого убеждения, что Квикпак и Юкон – одна и та же река. А Климовский между тем исследовал реку Медную (Коппер), впадающую в залив Аляска, и в ее верховьях в хребте, позднее названном горами Врангеля, открыл большой вулканический массив высотой 4939 метров со сползающими ледниками.

Путешествие Лаврентия Загоскина по рекам Аляски

Лейтенант флота Лаврентий Загоскин поступил на службу в декабре 1838 г. В октябре следующего года он уже был в Ново-Архангельске на Аляске. Два года Загоскин ходил командиром на различных судах компании, посещая Камчатку, Охотск, Калифорнию, различные пункты на побережье Аляски. В марте 1842 г. Загоскину было предложено возглавить экспедицию «для обозрения части материка Северо-Западной Америки». На бриге «Охотск» ему предстояло отправиться в Михайловский редут, а оттуда в пролив Коцебу, чтобы выяснить, каким путем происходил вывоз мехов из глубинных районов Аляски на Чукотку, а также разузнать об отдаленных местах и народах, «нравах и многолюдстве их», о направлении горных хребтов, глубине и протяженности рек и т. д.

4 мая 1842 г. «Охотск» покинул Ново-Архангельск. Спустя 2 месяца после посещения островов Шумагинских, Уналашки и Прибыловых бриг подошел к Михайловскому редуту, откуда началось сухопутное путешествие. Совершив двухнедельный поход вдоль побережья залива Нортон на север, Загоскин возвратился в Михайловский редут и начал подготовку к походу на реку Юкон (Квикпак). Небольшая партия – 6 человек – отправилась в путь 4 декабря 1842 г. Следуя вдоль русла замерзшей реки Уналаклик, Загоскин и его спутники направились в глубь материка. Идти пришлось в очень тяжелых условиях, температура упала ниже 30° С. 15 января 1843 г. экспедиция добралась до селения Нулато, ставшего опорной базой для дальнейших исследований реки Юкон. Отсюда путешественники в конце февраля 1843 г. совершили поход по притоку Юкона – реке Юннаке для выяснения кратчайшего пути к заливу Коцебу. Назад возвращались уже в мае, в половодье.

4 июня Загоскин отправился в новый поход вверх по Юкону. По мере продвижения вверх течение становилось все более стремительным, лодки приходилось тянуть бечевой. 30 июня дальнейший путь преградила порожистая гряда. Экспедиция вынуждена была повернуть назад.

Дом Лаврентия Загоскина в Рязани

В начале августа экспедиция покинула Нулато и направилась вниз по течению реки. 23 августа прибыли в Икогмют, ставший новой базой экспедиции. Отсюда путешественники в течение осени, весны и следующего лета совершили еще несколько походов, исследуя бассейн рек Юкон, Кускоквим и Иннок. 10 июня 1844 г. путешественники возвратились в Икогмют, а 21 июня экспедиция прибыла в Михайловский редут. «Мы находились в отсутствии год, 6 месяцев и 16 дней, – писал Загоскин, – и прошли в продолжение этого времени

пешком, на кожаных лодках около 5000 верст». За это время путешественники исследовали обширную территорию Аляски.

26 сентября путешественники вернулись в Ново-Архангельск, а 16 мая 1845 г. Загоскин отправился в Охотск. В конце 1845 г., после шестилетнего отсутствия, он прибыл в Петербург. Опубликованные им заметки о путешествии по Аляске под названием «Пешеходная опись части русских владений в Америке» и привезенные коллекции сразу привлекли к Загоскину внимание научного сообщества в России и за рубежом.

Вниз по Юкону

Течение великой северной реки Юкон (Квикпак) от моря и до устья Тананы открыли и исследовали русские первопроходцы, а заслуга открытия верховьев Юкона принадлежит англичанам – служащим Компании Гудзонова залива. Летом 1840 г. Роберт Кэмпбелл – торговец пушниной, промышлявший на плато Юкон, отправился от своей торговой фактории, расположенной у 61° с. ш. на северо-запад, и вскоре вышел на берег довольно большой реки, текущей в том же направлении. Кэмпбелл назвал ее Пелли. Спустившись на плоту и исследовав течение реки на расстоянии нескольких миль, Кэмпбелл оставил отметку на большом дереве, вырезав на его стволе название компании и дату открытия реки, и отправился в обратный путь с намерением прибыть сюда еще раз.

Это свое намерение Кэмпбелл осуществил в 1843 г. Он вновь отправился на реку Пелли, и на каноэ спустился вниз по течению до того места, где река впадала в текущий с юга большой поток, названный им рекой Льюис. Кэмпбелл не знал (это было установлено только в новейшие времена), что эта река в действительности представляет собой верхнее течение Юкона.

Роберт Кэмпбелл

В устье Пелли Кэмпбелл встретил индейцев, никогда не видевших белого человека, но державшихся вполне дружелюбно. Идти дальше путешественник не рискнул: его экипировка мало подходила для далекого плавания по реке. Однако спустя пять лет он вернулся в эти места и построил в месте впадения Пелли в «реку Льюис» небольшой форт. В 1851 г., спустившись вниз по реке до самого Полярного круга (до устья реки Поркьюпайн, правого притока Юкона), Кэмпбелл окончательно убедился, что открытая им могучая река в действительности представляет собой Юкон. Путешественник проследил нижнее и среднее течения реки Поркьюпайн до того места, где она круто меняет направление течения с южного на западное. Отсюда он двинулся в дальний пеший переход, и, преодолев горы Ричардсон в северной их части, вышел к нижнему течению реки Маккензи.

За год до последнего путешествия Кэмпбелла, в 1850 г., другие служащие Компании Гудзонова залива спустились по Юкону до реки Тананы, и таким образом к середине XIX в. была исследована не только главная река Аляски (кроме ее верховьев), но и все ее значительные притоки.

Через Аляску с юга на север

В апреле 1885 г. вверх по реке Коппер отправилась экспедиция, возглавляемая Генри Алленом, лейтенантом армии США. Перед ней стояла масштабная и сложная задача: отважным путешественникам предстояло пересечь всю Аляску с юга на север...

Дожди, рыхлый снег, плывущие по реке льдины вынуждали исследователей то идти по реке на каноэ, то по берегу на собаках. После пересечения гор Чугач Аллен двинулся вдоль реки Читина, восточного притока Коппера. В ее верховьях путешественники встретили самый радушный прием у вождя местного индейского племени. Аллен обследовал большую часть южного склона крупного вулканического массива (горы Врангеля), обнаружил действующий вулкан Блэкберн и исчислил его высоту. Вернувшись к реке Коппер, Аллен продолжил подъем по межгорному плато, пересекаемому ее правыми притоками. В начале июня отряд перевалил Аляскинский хребет и вышел к реке Танана. Идя на лодке, Аллен и его спутники менее чем за месяц спустились до впадения этой реки в Юкон, попутно производя геодезическую съемку и исследовав реку Танана почти на всем ее протяжении (960 км).

Лейтенант Генри Аллен

Жизнь членов экспедиции целиком зависела от охоты, а она не всегда была удачной, поэтому когда путешественники прибыли к устью Тананы, они почти умирали от голода. Дойдя по Юкону до селения Нулато, Аллен пополнил запасы провизии, закупил собак, нанял несколько проводников и носильщиков. В конце июля, поднявшись по Юкону, экспедиция прошла на север к левому притоку реки Коюкук. Идя вверх по этой реке на двух каноэ, отряд Аллена к началу августа достиг ее верховьев: несколько стекающих с гор рек и ручьев сливались в единый поток, устремлявшийся к Юкону по широкой заболоченной низменности, стиснутой горами. Лежавший на пути экспедиции хребет

с каменистыми россыпями и суровыми скалами Аллен назвал горами Эндикотт. Отряд углубился в горы примерно на 100 километров, а в начале августа повернул назад. Затем Аллен спустился по Юкону до Нулато и в сентябре по суше достиг залива Нортон.

Беспримерный поход через Аляску протяженностью более 2,5 тысячи километров выдвинул Аллена в ряды крупнейших исследователей Северной Америки. Во время своего путешествия исследователь составил удивительно точную карту, вплоть до конца XIX в. остававшуюся единственной надежной картой Аляски. Аллен первым исследовал горы Врангеля и часть Аляскинского хребта; большую ценность представляют также его этнографические заметки.

Гренландия

Эйрик Рыжий на побережье Гренландии

Первое письменное свидетельство о Гренландии относится к 1070 г. Но как могло случиться, что суровую бесплодную арктическую пустыню назвали Гренландией («Зеленой землей»)? Считается, что первооткрыватель этого острова, Эйрик Рыжий, дал ему это название для того, чтобы привлечь колонистов: «Он сказал, что люди захотят туда отправиться, если у страны будет красивое название».

Эйрик Рыжий. Исландская гравюра по дереву, 1688 г.

Скандинавы, жившие в Исландии, знали о существовании Гренландии еще до 982 г., но только в 982 г. Эйрик Рыжий предпринял первое путешествие в эту страны. Будучи еще молодым человеком, Эйрик отправился со своим отцом из Норвегии в Исландию в поисках лучшей жизни. Но когда они прибыли туда, оказалось, что все плодородные земли заняты, а на новоприбывших местные жители смотрят довольно неприветливо. Дважды Эйрику пришлось вступать в вооруженные поединки. В обоих случаях это, видимо, была самозащита, но оба раза его приговаривали к изгнанию: в первый раз на год, во второй – на три. Во время второго изгнания он решил отправиться на запад: ходили слухи, что где-то там располагается земля, которую издали видел в одном из своих путешествий исландец Гунбьерн, сын Ульфа Краке. Идя курсом на запад, Эйрик вышел к побережью Гренландии в районе центрального глетчера и отсюда пошел вдоль берега на юг. Первую зиму он провел на острове, который назвал своим именем. Весной Эйрик обнаружил на юго-восточном побережье Гренландии фьорд и на его берегу устроил себе жилище. Летом путешественник отправился к западному побережью. Вторую зиму он провел на крайнем юге Гренландии, а летом попытался проникнуть далеко на север, но был остановлен льдами. А когда три года изгнания прошли, Эйрик вернулся в Исландию для вербовки новых колонистов.

В 985 г. Эйрик вновь высадился в Гренландии (на южном побережье острова), на этот раз в сопровождении большого отряда колонистов, прибывших на 14 кораблях. Норманнская колония в Гренландии просуществовала как минимум 4 столетия и прекратила свое существование к середине XV в.

Шаг к Америке

Контакты Европы с норманнской колонией в Гренландии, и без того нечастые, к началу XV в. практически совсем прекратились. Многие географы XV столетия уже не знали, где находится Гренландия, а источники информации, которыми они пользовались, были путанными и противоречивыми. И все же Гренландия не была забыта. Путешествия для повторного открытия этой страны были неизбежны.

Первое из этих путешествий состоялось в 1472 или 1476 г. – в точности неизвестно. Неясно и то, кто его возглавлял. Считается, что этими людьми были Дидрик Пининг и Ханс Потхорст, два датских адмирала (в некоторых источниках их называют пиратами), в сопровождении кормчего Иоанна (Яна) Скольвуса (Скольва), которого источники считают то норвежцем, то немцем, то поляком. Куда именно направлялась эта экспедиция, также неизвестно. Однако нет сомнений в том, что она посетила Гренландию; возможно, что она сумела продвинуться и дальше, к Лабрадору и островам Канадского Арктического архипелага. Судя по обрывочным сведениям письменных источников, Пининг и Потхорст отправились в плавание по распоряжению датского короля Кристиана I «на поиски новых земель и островов на севере». Дойдя до небольшого скалистого островка Витсерк у побережья Гренландии (сегодняшние историки предполагают, что в действительности речь идет непосредственно о гренландском побережье), датчане установили на нем «морской знак» (очевидно, нечто вроде навигационного знака); по некоторым сведениям, Пининг и Потхорст даже какое-то время останавливались на побережье Гренландии на долговременную стоянку. Что касается Яна Скольва, то он двинулся дальше и, пройдя неизвестным проливом, добрался до лежащей на северо-западе земле, населенной «народом кви». В точности неизвестно, о какой земле идет речь; позднейшие исследователи связывают эту землю с Лабрадором, но в реальности речь может идти о Баффиновой земле, где Скольв, вероятно, повстречал стойбища эскимосов. В любом случае плавание Пининга и Потхорста завершилось не в Гренландии и стало одним из важных шагов на долгом пути к Америке.

«АПОСТОЛ ЭСКИМОСОВ»

В середине XVI в. Гренландия снова вернулась в поле зрения европейцев. Различные английские экспедиции, уходившие на поиски Северо-Западного прохода, основательно изучили ее берега по крайней мере до 75° с. ш. На протяжении XVII и XVIII столетий Гренландия являлась местом охоты на моржей и тюленей, известным китобоям всех национальностей. Но только в 1721 г. в результате плавания миссионера Ханса Эгеде над Гренландией был восстановлен датский суверенитет.

Тот самый «морской змей», встреченный Эгеде

Эгеде отправился в путешествие в надежде отыскать остатки потерянной и к тому времени уже полуполюгендарной скандинавской колонии, но, не обнаружив ее, остался проповедовать христианство среди эскимосов. В 1721 г. на корабле торговой компании, созданной при его участии, он прибыл на западное побережье Гренландии и основал там поселение Готхоб, ставшее в дальнейшем важной базой арктических исследований. Установив с эскимосами добрые отношения и сумев стать им полезным, он много путешествовал по побережью острова, распространяя среди местных племен христианство. Наряду с миссионерской деятельностью Эгеде положил много сил для развития хозяйственной деятельности, без чего существование колонии было бы бессмысленным. Обнаружив изобилие китов в гренландских водах, он основал корпорацию промышленников-китобоев. Будучи любознательным натуралистом, Эгеде оставил одно из первых задокументированных сообщений о так называемом «морском змее» – неопознанном крупном морском животном. После отъезда Эгеде в 1736 г. его дело продолжил его сын Пауль.

Через Гренландию к полюсу

Когда в 1868 г. Карл Кольдевей принял на себя руководство германской арктической экспедицией в Восточную Гренландию, он был уже известен как опытный полярник. Однако трудности, ждавшие его и его спутников в этом путешествии, превзошли все то, с чем Кольдевею пришлось столкнуться ранее.

Карл Кольдевей

В те годы многие географы были убеждены в том, что моря в приполярном пространстве свободны ото льда, что позволяет осуществлять плавание в высоких широтах. Сторонником этой теории был и немецкий географ А. Петерман, организовавший экспедицию в Арктику. Он полагал, что нужно только пробиться через ледовые поля к северу от Шпицбергена, а дальше путь будет свободен.

Руководствуясь указаниями Петермана, Кольдевей и его спутники отправились на паровой яхте «Германия» к берегам Гренландии. В районе 75-й параллели их встретили сплошные льды. После тщетных попыток пробиться на север «Германия» взяла курс на восток и в середине сентября добралась до Шпицбергена. Отсюда Кольдевей предпринял еще раз продвинуться на север, но сумел достичь только 81-й параллели. Надвигалась зима, и путешественники поспешили вернуться назад.

Во второе плавание к полюсу в 1869 г. Кольдевей отправился на двух кораблях: «Германия» и «Ганза». Экспедиция подошла к восточному побережью Гренландии. Несколько севернее 74-й параллели «Ганза» вмерзла в лед и, стиснутая льдами, была унесена на юг и затонула у $70^{\circ} 52'$ с. ш. 14 человек экипажа высадились на льдину и дрейфовали на ней 200 дней, пройдя за время дрейфа расстояние около 1500 километров. Когда льдина раскололась, экипаж на лодках добрался до станции Фридрихсталь в Южной Гренландии.

Тем временем «Германия» пробилась через льды к острову Сабин, где зазимовала. Один из членов экспедиции, Юлиус Пайер, отправился на санях вдоль восточного побережья Гренландии и нанес на карту его участок между 74-й и 77-й параллелями. Вернувшись в лагерь экспедиции, он сообщил, что к северу море сплошь покрыто льдами. Кольдевей, желая лично удостовериться в этом, отправился вместе с Пайером в новое путешествие по северу Гренландии. В этой поездке они открыли остров Сторе-Коллевей и достигли $76^{\circ}40'$ с. ш., однако море по-прежнему оставалось заковано в льды. Поняв бесперспективность дальнейших поисков, Кольдевей весной 1870 г. повел «Германию» на юг, в обратный путь.

Гибель во льдах

Альфред Вегенер прославился прежде всего как создатель теории дрейфа континентов, согласно которой материи, сложенные гранитом, свободно плавают по базальтовому подложиию, а горные системы образовались из складок материков. А начал он свою карьеру в 1906 г., участвуя в качестве метеоролога в экспедиции в Гренландию. В этой экспедиции, продолжавшейся почти два года, Вегенер чуть не погиб. В марте 1907 г. он вместе с тремя коллегами отправился в разведывательный поход на север острова. Спустя 2 месяца Вегенер оставил партию и вернулся на базу, в то время как его коллеги отправились дальше и бесследно пропали. Весной 1908 г. поисковая партия обнаружила останки одного из пропавших ученых. При нем находился дневник, из которого стало известно, что двое других умерли от голода и холода в ноябре 1907 г. (их тела отыскали лишь спустя 100 лет).

Несмотря на то что Вегенер на этот раз спасся лишь чудом, ученый без колебаний принимает приглашение своего друга Йохана Петера Коха и вместе с ним в 1912 г. отправляется во второе путешествие в Гренландию. План Коха выглядел самоубийственно: путешественникам предстояло пересечь Гренландию в самом широком ее месте, преодолев более 1000 километров. Внутренние области острова в то время оставались «терра инкогнита»: там никогда не бывали не только европейские исследователи, но и эскимосы. Впервые в истории Вегенер, Кох и двое их спутников отправляются в страну вечных льдов. Они зимуют при температуре -45° C, пробираются через ледяную пустыню. Весь переход занял два месяца. Всю поклажу путником пришлось тащить самим: все пони и собаки погибли еще в первой половине пути, во время подъема на купол ледника. Они вышли к морю не там, где рассчитывали. Побережье оказалось совершенно пустым, и только случайность – опять случайность! – позволила им быстро добраться до обитаемых мест.

Альфред Вегенер (слева) и Расмус Виллумсен

В 1930 г. Вегенер вновь отправляется в Гренландию, на этот раз в составе большой экспедиции. Путешественники разбивают лагерь на западном побережье острова, отправляют санную партию в глубь ледника. На расстоянии 400 километров от побережья сооружается станция Айсмитте: одинокая палатка и несколько приборов. На этой станции метеорологу Иоганнесу Георги и гляциологу Эрнсту Зорге предстоит провести целый год. Связь с ними с первых же дней стала головной болью для начальника экспедиции: привезенные с материка

аэросани оказались маломощными, плохая погода затрудняет движение собачьих упряжек, к тому же лед на пути полон трещин... Зимовщики оказались в трудной ситуации. 21 сентября 1930 г. с Западной станции отправляется спасательная партия на 15 упряжках – сам Вегенер, метеоролог Фриц Леве и 13 эскимосов. Из-за плохой погоды отряд движется медленно, за 7 дней удается пройти всего 62 километра. Эскимосы отказываются идти дальше. Путь продолжают Вегенер, Леве и эскимос Расмус Виллумсен. 30 октября они добираются до Айсмитте – и узнают, что зимовщики живы-здоровы: они переселились из палатки в снежную пещеру, которая держит тепло гораздо лучше палатки. Керосина до весны хватит, а вот провизии маловато. Кто-то должен вернуться на побережье... И уже на следующее утро Вегенер с Виллумсеном отправляются в обратный путь и... пропадают без вести. Лишь 12 мая 1931 г. на 189-м километре дороги от Западной станции до Айсмитте были обнаружены две воткнутые в снег лыжи и лыжная палка, а под ними, в толще снега, – тело Альфреда Вегенера. Тело его спутника найти не удалось. Следы говорят, что он, похоронив Вегенера и забрав его дневник, пошел дальше, но сбился с пути и пропал...

Снимок, полученный в ходе экспедиции в Гренландию в 1930 г.

Гренландские дороги Кнуда Расмуссена

Кнуд Расмуссен родился в Гренландии. Сын миссионера-датчанина и полудатчанки-полуэскимоски, он с детских лет сроднился с суровым северным краем. Когда его семья переехала в Данию, он знал эскимосский язык лучше датского, а читать и писать по-датски научился уже в школе. Занятия в университете мало увлекали его, он был человеком действия.

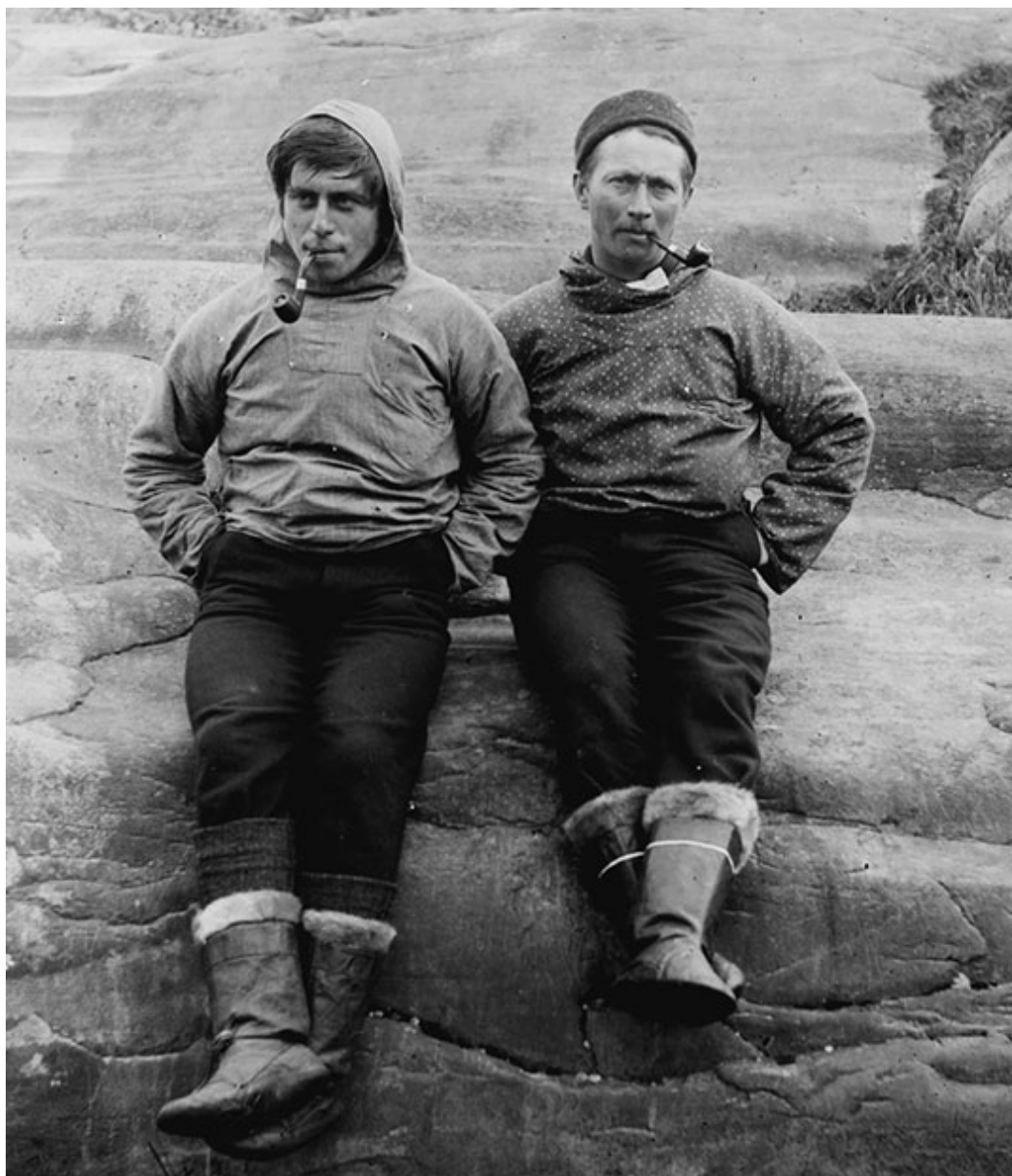
В свое первое путешествие в Гренландию Расмуссен отправился в составе «Датской литературной экспедиции». Ее возглавил датский журналист Л. Мюлиус-Эйриксен, который хотел ознакомиться с жизнью гренландцев, записать их сказания и легенды. В Данию путешественники вернулись в сентябре 1904 г., привезя с собой много материалов о жизни и обычаях эскимосов. Пройдя по льду через залив Мелвилл, путешественники открыли прямой путь из Западной Гренландии к острову Саундерс, к поселениям полярных эскимосов.

Летом 1905 г. Расмуссен снова отправился в Гренландию, на этот раз для того, чтобы изучить возможности разведения на западном побережье острова домашних оленей. В 1906–1908 гг. он снова работает на западном берегу Гренландии среди эскимосов, принимает участие в организации у мыса Йорк (на берегу залива Мелвилл) христианской миссии, а в 1910 г. при поддержке датских купцов создает там факторию для торговли с эскимосами и научную станцию «Туле». Она стала базой для дальнейших его экспедиций, поэтому все они носят название «экспедиций Туле».

Первое путешествие началось в 1912 г. Расмуссен вместе с картографом Петером Фрейхеном и двумя эскимосами выехал из Туле на четырех собачьих упряжках. За 26 дней путники пересекли гренландский ледниковый щит и вышли к Датскому фьорду на восточном побережье, а затем вернулись обратно. К северу от Датского фьорда Расмуссен нашел остатки эскимосского поселения, являвшегося самым северным постоянным поселением человека на Земле. Своим открытием Расмуссен положил начало исследованию древностей Гренландии.

1 апреля 1916 г. Расмуссен снова отправляется в Гренландию. По первоначальному замыслу Вторая экспедиция Туле должна была

выполнить одну из двух задач: нанести на карту залив Мелвилл или исследовать фьорды на крайнем севере Гренландии. Фактически участникам экспедиции удалось выполнить обе эти задачи. Были обнаружены остатки самой древней доевропейской эскимосской культуры Северо-Западной Гренландии; кроме того, экспедиция установила точные очертания залива Мелвилл, доказала существование ледников вблизи Земли Пири и открыла свободные ото льда земли около фьорда Сент-Джордж.

Кнуд Рамуссен (слева) и Гаральд Мольтке во время экспедиции

В Третьей экспедиции Туле Расмуссен не участвовал. Четвертая экспедиция (1919 г.) стала фольклорно-этнографической: Расмуссен посвятил это время собиранию эскимосских легенд и преданий и изучению обычаев, собрав уникальный материал.

В 1921 г. Расмуссен смог осуществить свою давнюю мечту: отправиться в путешествие вдоль северного побережья Америки. Оно продолжалось до 1924 г. С двумя эскимосами Расмуссен прошел 18 тысяч километров. Это было самое продолжительное санное путешествие из когда-либо предпринимавшихся в полярных странах. Две последующие экспедиции на восточное побережье Гренландии были проведены с применением средств современной техники, включая авиацию. Эти так называемые Шестая и Седьмая экспедиции Туле состоялись в 1931–1933 гг. Во время Седьмой экспедиции Расмуссен скончался.

Поиски Северо-Западного прохода

Мартин Фробишер и черные камни

Успехи испанцев в освоении Нового Света вновь возродили надежду достичь Тихого океана через Северо-Западный проход, несмотря на неудачную попытку, предпринятую в 1498 г. Джоном и Себастьяном Каботами. Одним из самых горячих сторонников этой идеи был английский моряк Мартин Фробишер, нашедший поддержку у графа Уорвика, влиятельного вельможи при дворе королевы Елизаветы. На собственные средства Уорвик снарядил экспедицию на поиски Северо-Западного прохода, возглавлять которую было поручено Фробишеру.

8 июня 1576 г. экспедиция на трех кораблях вышла из Дептфорда и направилась к берегам Нового Света. Дойдя до южной оконечности Гренландии, Фробишер встретил здесь сплошные плавучие льды и вынужден был повернуть к побережью Лабрадора. Отсюда экспедиция прошла в Гудзонов залив и, обойдя острова Соваж и Резолюшен, достигла залива, ныне называемого заливом Фробишера. Здесь путешественники высадились на берег и провозгласили эту непригодную землю владением Англии. Поскольку приближалась осень и наступали холода, Фробишер спешил вернуться домой. На открытом им берегу он нашел множество каких-то черных камней – «черной земли», в которые были вкраплены блестки желтоватого металла, похожего на золото, и доставил эти минералы в Англию. Продемонстрировав свои находки, Фробишер заверил королеву, что открытая им земля потенциально весьма богата, и добился распоряжения снарядить вторую экспедицию к берегам Канады.

31 мая 1577 г. Фробишер вновь отправился в плавание. Густые туманы и льды преградили ему дорогу в залив, открытый в предыдущее плавание. Поэтому Фробишер не смог пройти дальше, а вместо этого высадился на берег и вновь принялся искать черные камни с золотыми блестками. С этим грузом экспедиция вернулась в конце сентября в Англию. Попытки извлечь из «черной земли» золото оказались безрезультатны, однако королева все же надеялась на успех и распорядилась послать в Гудзонов залив новую, гораздо более масштабную экспедицию, с перспективой возможной колонизации

побережья. На этот раз в состав экспедиции входило 15 кораблей; возглавлял ее, разумеется, Фробишер.

Мартин Фробишер

Эскадра вышла в плавание 31 мая 1578 г. Подойдя ко входу в залив Фробишера, дальше корабли пройти не смогли: плавающие льды окружили их со всех сторон. Одна барка затонула, флагманский корабль Фробишера также сильно пострадал. Лавируя среди огромных льдин, суда вошли в широкий пролив, уходящий на запад. Неужели это и есть Северо-Западный проход? Фробишер сумел пройти вперед только около 100 километров, после чего был вынужден вернуться назад: далее ледовое поле стало непреодолимым. Высадившись на побережье Баффиновой Земли, англичане наскоро исправили повреждения и, выйдя в море, легли на обратный курс. Бури и ураганы сопровождали их вплоть до самого дома. Из этого рейса Фробишер вновь привез груз

«черных камней» – 1300 тонн, однако, как оказалось, они не содержали в себе ни одной крупинки золота...

«Существование прохода в высшей степени вероятно...»

В июне 1585 г. из Портсмута на поиски Северо-Западного прохода отправилась новая экспедиция, возглавляемая Джоном Девисом. 20 июля путешественники уже были в виду южной оконечности Гренландии. Девис охарактеризовал эту землю как «наиболее уродливую, утесистую и гористую из всех когда-либо виденных». Идя вдоль побережья Гренландии, экспедиция достигла залива Гилберта, где путешественники встретили эскимосов. Отсюда экспедиция повернула на северо-запад, пересекла пролив, получивший название пролива Девиса, и у 66°40' обнаружила неизвестную землю, совершенно свободную ото льда (это было побережье Баффиновой Земли в районе залива Камберленд). После недолгой стоянки Девис двинулся на юг, вдоль северного побережья залива Камберленд. Море было совершенно свободно ото льда, а сам залив путешественники сочли проливом, ведущим в Тихий океан. По воспоминаниям участников экспедиции, «вода в нем была такого же цвета, состава и качества, как в открытом океане, что сильно подняло нашу надежду». Однако ухудшившаяся погода не позволила завершить исследования, и Девису пришлось пуститься в обратный путь.

Второе свое путешествие Девис совершил в 1586 г. 7 мая он отплыл из Дартмута и в середине июня подошел к берегам Гренландии. На этот раз плавучие льды были многочисленнее, а плавание – опаснее. Более двух недель Девис исследовал заваленное льдами побережье «Зеленого острова», предпринимая походы в глубь страны. В десяти милях от берега путешественники нашли «отличную ровную местность с почвой и травой, как на английских торфяниковых пустошах». Взяв с собой проводника-эскимоса, англичане продолжали свое путешествие на север и к началу августа, несмотря на туманы и льды, достигли 66°33' с. ш., где нашли хорошую гавань. Отправившись отсюда на юг, они снова достигли залива Камберленд, породившего у англичан надежды на то, что им удастся пройти насквозь в другой океан. Продолжая путь на юг, экспедиция миновала Гудзонов пролив и подошла к северному побережью Лабрадора. Отсюда путешественники

отправились в обратный путь, так и не сделав никаких открытий; единственным приобретением стал большой груз тюленьих шкур. Хотя поиски и на этот раз не увенчались успехом, Девис был убежден, что Северо-Западный проход находится где-то рядом – рукой подать. «Существование прохода, – писал он, – в высшей степени вероятно и достигнуть его не трудно».

19 мая 1587 г. Девис отправился в свое третье путешествие. 30 июня он, идя вдоль побережья Гренландии, уже достиг $72^{\circ}12'$ с. ш. На севере и западе простиралось открытое море. Однако сильный встречный ветер, а затем и льды не позволили путешественникам пройти дальше на север, и Девис повернул на юг. К концу июля путешественники достигли пролива Фробишера. Дул сильный ветер, море было беспокойным. Дойдя до северо-восточного побережья Лабрадора и пройдя вдоль берега до 52° с. ш., Девис снова повернул назад. Хотя все три его плавания не дали положительного результата, заслуга этого английского моряка была очень велика: Девис проник на север дальше, чем кто-либо из его современников, и правильно определил место, где должен находиться Северо-Западный проход, хотя и не сумел отыскать его.

Имя на карте

17 апреля 1610 г. из Лондонского порта на поиски Северо-Западного прохода вышло небольшое судно «Дискавери», водоизмещением 55 тонн, с командой из 23 человек. Командовал судном Генри Гудзон, опытный моряк, уже трижды побывавший в Арктике. Эти экспедиции не сумели достичь больших результатов и принесли Гудзону нелестную славу: было известно, что он обладает тяжелым характером, плохо ладит с матросами и готов упорно стремиться к цели, не щадя никого и ничего. Эти черты его характера проявились и в этом путешествии: уже на переходе к Исландии среди команды поднялся ропот.

От Исландии Гудзон направился к восточному берегу Гренландии, обогнул ее южную оконечность и проследовал вдоль северного побережья Лабрадора. Не найдя прохода в Тихий океан у северного берега Земли Мета-Инкогнита – полуострова Баффиновой Земли, открытого Фробишером, он обогнул ее с юга и 5 июля вошел в пролив, названный позднее его именем. Гудзон предположил (как ранее до него Джон Девис), что наконец-то обнаружил путь в Китай.

Медленно, буквально на ощупь, Гудзон вел свое судно вдоль северного берега пролива, забитого льдами. 2 августа у 63°20' северной широты показалась земля, которую Гудзон принял сначала за выступ материка (на самом деле это был остров Солсбери). На следующий день судно обогнуло его, и в неярких лучах северного солнца перед моряками открылось спокойное море, свободное ото льда...

Генри Гудзон и его команда после бунта

Это был залив, который теперь носит имя Гудзонова. Но сам мореплаватель принял его за часть Тихого океана. Несколько недель судно шло вдоль побережья. За мысом Вулстенхолм берег круто повернул к югу. На западе далеко от материка в ясную погоду моряки увидели сушу и решили, что это противоположный берег широкого пролива, ведущего в Тихий океан (на самом деле это была цепь островов, протянувшихся вдоль западного берега Лабрадора). В конце сентября, пройдя на юг более 1200 километров, моряки вошли в залив Джеймса. У его южного берега судно было затерто льдами, так что экипажу «Дискавери» пришлось здесь зазимовать.

В середине июня следующего, 1611 г. судно спустили на воду и начали медленно продвигаться на север. Через неделю копившееся недовольство команды перешло в открытое возмущение: 22 июня бунтовщики бросили в лодку (по другим сведениям – высадили на одном из островов) Генри Гудзона, его сына-подростка, помощника

штурмана и еще 6 человек, верных капитану, и оставили их на произвол судьбы, без оружия и без продовольствия...

Штурман Роберт Байлот осенью 1611 г. с большими трудностями привел «Дискавери» обратно в Англию. Из всей команды корабля на родину вернулись 13 человек (по другим данным – 8). Спасательная экспедиция под руководством Томаса Баттона, посланная на поиски Гудзона и его товарищей, обследовала в 1612–1613 гг. восточное и западное побережья Гудзонова залива, но никаких следов мореплавателя не нашла.

На поиски Гудзона и... Северо-Западного прохода

Вера в существование Северо-Западного прохода в начале XVII в. была столь велика, что в Лондоне была даже основана купеческая компания, поставившая своей целью поиски морского пути из Атлантики в Тихий океан. На протяжении почти 10 лет она финансировала все исследовательские экспедиции, отправлявшиеся на поиски Северо-Западного прохода.

Открытие Гудзонова залива было расценено в Лондоне как новый важный шаг на пути к Тихому океану. Казалось, что стоит предпринять еще одно усилие – и дело будет в шляпе. В 1612 г. на поиски Северо-Западного прохода отправляется Томас Баттон. Компания выделила под его начало два корабля – «Резольюшен» и «Дискавери». Формальной целью экспедиции были заявлены поиски пропавшего Генри Гудзона, однако в инструкции, данной Баттону, прямо говорилось, что он должен выйти в Тихий океан на широте примерно 58°.

Томас Баттон

Летом 1612 г. Баттон достиг Гудзонова пролива. Продолжая путь на запад, он обнаружил неизвестную землю (это был о. Саутгемптон). Подойдя к западному побережью Гудзонова залива, он двинулся вдоль него на юг и, пройдя около 600 миль, открыл устье большой реки (Нельсон). Здесь побережье круто поворачивало на восток, и никаких признаков прохода к Тихому океану не усматривалось. В устье Нельсона корабли стали на зимовку, и хотя зима выдалась мягкой,

много моряков погибло из-за цинги. По этой причине один из двух кораблей пришлось бросить: для управления им не хватало людей.

В июне 1613 г. Баттон двинулся в обратном направлении вдоль западного берега Гудзонова залива. Он упрямо продолжал искать Северо-Западный проход. Пролив Рос-Уэлком, расположенный между островом Саутгемптон и западным побережьем Гудзонова залива, породил у Баттона некоторые надежды, но вскоре моряки с разочарованием убедились, что он ведет на север. Баттон окрестил этот пролив «Nec ultra» («Не дальше») и, огорченный, не стал его исследовать. 29 июля экспедиция повернула обратно, и 27 сентября прибыла в Англию. О пропавшем без вести Гудзоне никто и не вспомнил.

«Фантастические» открытия Роберта Байлота

15 марта 1615 г. на поиски Северо-Западного прохода вышла экспедиция Роберта Байлота, участника плавания Баттона. И корабль, которым командовал Байлот, тоже был ветераном полярных плаваний – все тот же «Дискавери». Штурманом экспедиции стал Уильям Баффин, относительно молодой, но опытный мореход, не раз плававший в Гренландском море.

В конце мая экспедиция подошла к южному побережью Баффиновой Земли. 10 июля перед путешественниками открылся остров Саутгемптон. Два дня «Дискавери» шел вдоль его восточного берега на северо-запад. У входа в пролив Фрозен-Стрейт судно было остановлено льдами. До конца июля Байлот пытался пробиться на север, но все попытки оказались тщетными. Пришлось возвращаться в Англию. Байлот был уверен, что стоял в шаге от разгадки тайны Северо-Западного прохода. «Нет сомнения, что проход все же существует, – писал он, – но я не уверен, что он идет по проливу, называемому Гудзоновым, и склонен думать, что нет...»

Эскимосское поселение на острове Баффинова Земля и иглу – традиционные жилища аборигенов

26 марта 1616 г. на том же «Дискавери» с командой из 17 человек Байлот вышел на поиски Северо-Западного прохода со стороны Девисова пролива. 5 июля они достигли 78° с. ш. – выдающееся достижение! Вплоть до середины XIX в. ни одно судно (не считая норманнов) не заходило так далеко на север в этой части Атлантики. Во второй раз после норманнов европейские моряки с «Дискавери» открыли западное побережье Гренландии между 72° и 76° с. ш., залив Мелвилл, полуостров Хейс и южный вход в пролив Смит, отделяющий Гренландию от острова Элсмир. Узкий пролив был забит льдом, и Байлот повернул на юг. Южнее острова Элсмир путешественники обнаружили вход в пролив Джонс, также заполненный льдами, а еще южнее открылся широкий, но опять-таки забитый льдом вход в пролив Ланкастер. Байлот уверенно держал курс на юго-восток, идя вдоль побережья обширного острова, получившего имя Уильяма Баффина,

штурмана экспедиции (Баффинова Земля). Впрочем, ни сам Баффин, ни Байлот так ни разу и не высадились на эту землю. Пройдя около 1000 миль, Байлот достиг полярного круга и отсюда повернул на юго-восток, к берегам Англии: команда корабля находилась уже на пределе физических сил, многие моряки болели цингой.

30 августа «Дискавери» вернулся в Англию, привезя с собой точные карты восточного и западного побережья обширного пролива между Гренландией и Канадой, получившего название моря Баффина, однако открытия Байлота показались каким-то ученым умам «фантастическими», и созданные им и Баффином карты были сданы в архив. Только в 1818 г. плавания Джона Росса подтвердили правоту первопроходцев.

Уильям Баффин закрывает Северо-Западный проход

Уильям Баффин имел большой опыт плавания в арктических водах: в 1612 и в 1615–1616 гг. он в качестве штурмана участвовал в экспедиция Халла, а затем Байлота, искавших Северо-Западный проход. Эти плавания убедили его в том, что этот проход может пролегать только через пролив Девиса. Именно сюда Баффин и отправился во время своего очередного плавания в Арктику летом 1616 г. На этот раз он сам был начальником экспедиции. В то лето ледовая обстановка в водах Канадского Арктического архипелага была вполне благоприятной, и Баффину удалось пройти далеко в глубь пролива Смита, отделяющего остров Элсмир от Гренландии. Однако дальше пролив оказался забит льдами, и Баффину пришлось повернуть назад. Он направился на юг, и открыл еще два пролива, ведущие на запад, которые назвал именами спонсоров экспедиции – лондонских купцов Джонса и Ланкастера. Но и по этим проливам далеко продвинуться не удалось из-за сложной ледовой обстановки. Баффин оценил результаты своего плавания пессимистически: он был убежден, что проливы Канадского Арктического архипелага попросту недоступны для мореплавания в любое время года. В одном из своих писем он сообщает о том, что «нет ни прохода, ни надежды на проход в северной части Девисова пролива». Поскольку в те времена вряд ли нашелся бы другой моряк, лучше Баффина знавший условия мореплавания в приполярных водах, омывающих северо-восток Канады, к мнению его прислушались, и поиски морского пути из Атлантики в Тихий океан были приостановлены, а «Компания по поискам Северо-Западного прохода» распущена. По иронии судьбы Баффин открыл именно те два пролива, которые и ведут к Атлантическому океану, однако он же надолго закрыл Северо-Западный проход.

Уильям Баффин

Последние тайны Гудзонова залива

В 1631 г. попытку отыскать Северо-Западный проход предпринял капитан Льюк Фокс. Это предприятие снаряжалось на средства бристольских и лондонских купцов, а также короля Карла I Стюарта. Экспедиции предстояло отыскать Северо-Западный проход со стороны Гудзонова залива, причем Фокс был настолько уверен в успехе, что даже заранее подписал контракт с британской Ост-Индской компанией на доставку перца из Малакки, а король Карла I дал ему письма к японскому императору.

Экспедиция отправилась в плавание в первых числах мая 1631 г. на двух кораблях. Одним судном командовал Фокс, другим – капитан Томас Джеймс, при этом каждому судну предписывалось следовать своим маршрутом.

Фокс, идя на северо-запад, в конце июля достиг острова Саутгемптон. Отсюда он прошел вдоль всего западного побережья Гудзонова залива и установил, что никакого пролива на юге не существует. Дойдя до устья реки Нельсон, за которым простирался еще не исследованный южный берег Гудзонова залива, Фокс встретился с Джеймсом и вскоре подошел к мысу Генриетты-Марии, где берег круто поворачивал к югу. «По всему западному берегу Гудзонова залива никакой надежды на открытие прохода нет», – резюмировал Фокс. Повернув на север, он пересек весь Гудзонов залив и вышел в Гудзонов пролив. Залив между Баффиновой Землей и материком, открытый в ходе этой экспедиции, позже был назван заливом Фокса, а южный пролив, соединяющий его с Гудзоновым заливом, – проливом Фокса. 31 октября 1631 г. экспедиция вернулась в Англию.

Плавание Томаса Джеймса протекало в более сложных условиях. В июле 1631 г. он вошел в Гудзонов залив, пересек его в юго-западном направлении до устья реки Черчилл, а затем прошел вдоль южного берега Гудзонова залива, до мыса Генриетты-Марии, где встретил Фокса. В сентябре, вновь расставшись с начальником экспедиции, Джеймс исследовал юго-восточную часть Гудзонова залива, открыв при этом несколько островов. Резко ухудшившиеся погодные условия – густой туман, льды – сделали своевременное возвращение путешественников в Британию невозможным. Пришлось оставаться на

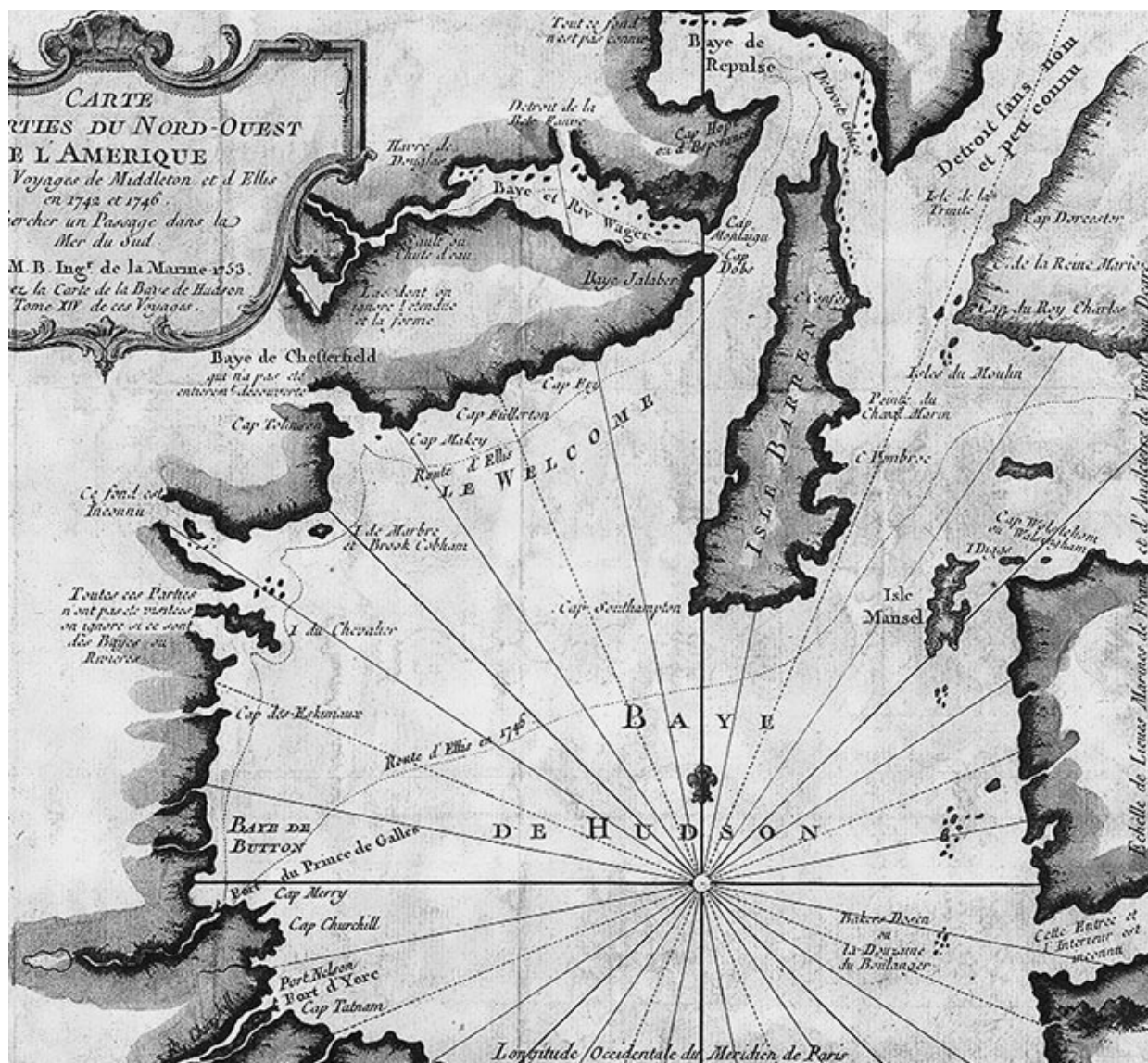
зимовку. Она оказалась очень тяжелой, много моряков умерло от цинги. Только в октябре следующего года Джеймс и оставшиеся в живых члены его команды прибыли в Бристоль. Результаты путешествия Фокса и Джеймса оказались весьма значительны: во-первых, английские моряки нанесли на карту все побережье Гудзонова залив, а во-вторых, было окончательно доказано, что Северо-Западный проход, если он существует, может располагаться только за полярным кругом, со стороны залива Фокса, оставшегося совершенно не исследованным вплоть до 20-х гг. XX в.

Пессимисты и оптимисты

В первой половине XVII в. интерес к Северо-Западному проходу начинает пропадать: ведь где бы он ни находился, в любом случае он был труднодостижим, в то время как путь в вожделенную Индию уже был хорошо известен и давным-давно освоен. Тем не менее попытки отыскать проход делались еще не раз. В 1741 г. очередную такую попытку предприняли два английских моряка, Кристофер Мидлтон и Уильям Мур. Идя по стопам Фокса и Джеймса, они стремились отыскать Северо-Западный проход со стороны Гудзонова залива.

В июле 1742 г. Мидлтон и Мур, перезимовав в устье реки Черчилл, двинулись вдоль западного берега Гудзонова залива. Удача, казалось, улыбается им: моряки обнаружили узкий и длинный канал, уходивший на запад. Это была похожая на фьорд бухта Уэйджер, протяженность которой составляет около 150 километров, но Мидлтон и Мур сперва приняли ее за Северо-Западный проход. Однако, обследовав бухту, путешественники убедились, что вода в ней почти пресная и, следовательно, пролива здесь нет.

Мидлтон и Мур продолжили путь на север и, дойдя к началу августа до полярного круга, обнаружили бухту Репалс; к юго-востоку от нее был виден пролив Фрозен-Стрейт, который, как оказалось, ведет обратно в Гудзонов залив. Разочарованным морякам пришлось возвращаться назад. Правда, они сделали ряд открытий, позволивших уточнить карту Гудзонова залива, но Северо-Западный проход так и не нашли. По мнению Мидлтона, никакого прохода в Тихий океан вообще нет – по крайней мере, из Гудзонова залива. В Англии, однако, иллюзии еще сохранялись. В 1745 г. британский парламент назначил премию в 20 тысяч фунтов стерлингов тому, кто откроет Северо-Западный проход «через Гудзонов пролив к Западному и Южному океанам Америки». Уильям Мур, не разделявший пессимизма Мидлтона, возглавил новую экспедицию в Гудзонов залив; в ее состав вошел и натуралист Генри Эллис, написавший позже отчет об этом плавании.

Одна из ранних карт залива

Экспедиция на двух судах покинула Лондон 20 мая 1746 г. На зимовку остановились в устье реки Нельсон, а летом 1747 г. пошли вдоль западного берега Гудзонова залива. Фортуна снова насмешливо подмигнула путешественникам: перед ними неожиданно открылся очень узкий проход, тянущийся в глубь материка в северо-западном направлении. Неужели это и есть желанная цель? Но это оказался всего-навсего залив Честерфилд, еще один фьорд на побережье Гудзонова залива...

Путешественники достигли бухты Уэйджер. Исследовав ее берега, а также пролив Рос-Уэлком, Мур и Эллис пришли к выводу, еще ранее

сделанному Мидлтоном: через пролив Рос-Уэлком выхода в Тихий океан нет. Оставалась, правда, надежда, что залив Честерфилд все же может быть проливом. В 1761 г. его обследовал капитан Уильям Кристофер. Он прошел по заливу около 150 километров, но из-за противных ветров отступил. В 1762 г. он вернулся, чтобы завершить исследования, и в конце июля дошел до крайней точки залива, за которым начиналось проточное озеро Бейкер. Так окончательно было доказано, что из Гудзонова залива нет прохода в Тихий океан.

Джон Росс в проливе Ланкастер

В 1818 г. секретарь британского Адмиралтейства Джон Барроу поднял вопрос о необходимости возобновления поисков Северо-Западного прохода. Будучи опытным моряком, Барроу понимал – и публично заявлял об этом, – что этот проход, если он и существует, вряд ли окажется проходимым для больших судов. Тем не менее он полагал, что эта географическая загадка в конце концов должна быть разрешена.

В 1818 г. британский парламент подтвердил свое давнее решение о назначении премии в 20 тысяч фунтов стерлингов за открытие Северо-Западного прохода. Британское Адмиралтейство, в свою очередь, организовало две арктические экспедиции, каждую на двух судах. Одна из них, руководимая Дэвидом Баханом, получила задание пройти восточнее Гренландии к Северному полюсу, а оттуда – в Тихий океан. Другая экспедиция, под начальством Джона Росса, отправилась на поиски Северо-Западного прохода.

Экспедиция Бахана многого не добилась: миновав Шпицберген, она достигла широты $80^{\circ} 30'$, встретила здесь сплошные льды и вернулась назад. Что касается Росса, то его путешествие сложилось гораздо более драматично.

Члены полярной экспедиции Джона Росса во время зимовки на полуострове Бутия

Корабли Росса вошли в море Баффина и 22 июня 1818 г. пересекли 70-ю параллель. 2 июля путь им преградила широкая полоса льда. Путешественники сумели отыскать в ней проход и продолжили движение к северу вдоль побережья Гренландии. В конце июля корабли Росса оказались в заливе, получившем название залива Мелвилл. Сильный шторм вынудил Росса встать на долгую стоянку в небольшой бухте у 76°. Лишь 16 августа корабли смогли вновь сняться с якоря. Идя на северо-запад, Росс спустя 3 дня достиг 77-й параллели. Далеко на севере он заметил два скалистых мыса, которые назвал в честь своих судов – Изабелла и Александр. Эти скалы отмечали вход в пролив Смит, блокированный льдом. Не имея возможности войти в него, Росс повернул на юго-запад, миновал пролив Джонс, также забитый льдом, и вошел в пролив Ланкастер. Пройдя по нему около 40 километров, Росс, не подозревая, что уже идет Северо-Западным проходом, решил повернуть назад: по его мнению (ошибочному), это был не пролив, а всего-навсего глубокий залив. 1 сентября корабли легли на обратный

курс. Путь на юг шел вдоль побережья Баффиновой Земли. На всем протяжении путешествия Росс вел топографическую съемку; его данные оставались основой для географических карт вплоть до первой аэрофотосъемки этих мест, произведенной в 1955 г.

В шаге от успеха

Капитан Уильям Парри в 1818 г. был участником плавания Джона Росса, а в следующем году он отправился в Арктику уже как глава новой экспедиции, перед которой была поставлена все та же задача: поиск Северо-Западного прохода. Главной своей целью Парри избрал пролив Ланкастер: интуиция Росса здесь обманула его, заставив повернуть назад, однако интуиция Парри подсказывала ему обратное решение. Вскоре два корабля экспедиции – «Гекла» и «Грайпер» – уже находились у входа в пролив. как и в прошлом году, вода в нем была свободна ото льда, и Парри смело повел свои парусники на запад, в лабиринт островов и полуостровов, разделенных узкими проливами и бухтами. Одна из таких бухт открылась Парри слева по борту. Он повернул свои корабли на юг и прошел в этом направлении около 200 километров, пока не убедился, что это всего-навсего узкий и длинный залив, отделяющий основной массив Баффиновой Земли от его западного полуострова Бродер. Следующий канал, также увиденный Парри слева по борту, был проливом Принс-Риджент, однако на этот раз Парри совершил противоположную ошибку: он принял его за залив, отделявший полуостров Бродер от неизвестной земли, видневшейся на западе. Парри назвал эту землю островом Сомерсет в честь английского графства, в котором он родился, и нанес на карту часть ее восточного берега. Затем Парри вернулся в пролив Ланкастер и, направившись на запад, открыл проливы Барроу и Вайкаунт-Мелвилл, вместе с проливом Ланкастер образующие Северо-Западный проход. Для того чтобы пройти его насквозь, Парри оставалось сделать последний шаг: миновать четвертый пролив, Мак-Клур. Однако этот шаг сделать мореплавателю не удалось.

К северу от открытых Парри проливов тянулась цепочка больших, ранее никем не виденных арктических островов: Девон, Корнуоллис, Батерст, Мелвилл (в 1835 г. они были включены в архипелаг Парри). Часть их побережья Парри нанес на карту. 4 сентября экспедиция достигла 110-го меридиана западной долготы – так далеко не продвигался еще ни один путешественник! Вскоре была достигнута крайняя западная точка путешествия – 112° 51' з. д. Таким образом, Парри первым в истории преодолел широтный участок Северо-

Западного прохода протяженностью около 1000 километров. До Северного Ледовитого океана оставалось всего 350 километров!

Оба судна экспедиции зазимовали на острове Мелвилл. Зимовка прошла вполне благополучно. Весной 1820 г. Парри совершил путешествие по суше, исследуя открытый им остров, оказавшийся довольно обширным. Между тем море не спешило освобождаться ото льда. Лишь 1 августа суда смогли сняться с якоря, однако пройти дальше к западу и преодолеть последний пролив им так и не удалось: дорогу им преградили сплошные льды. Парри не очень ясно представлял себе, какие земли и воды лежат впереди, но понимал – его экспедиция прошла большую часть Северо-Западного прохода, но дальше пройти не удастся – по крайней мере на этот раз. 26 августа «Гекла» и «Грайпер» повернули на восток. В Англию они вернулись в середине ноября 1820 г. Это опасное и сложное арктическое путешествие завершилось с минимальными потерями: из 94 участников экспедиции только один человек умер во время зимовки.

Капитан Уильям Парри

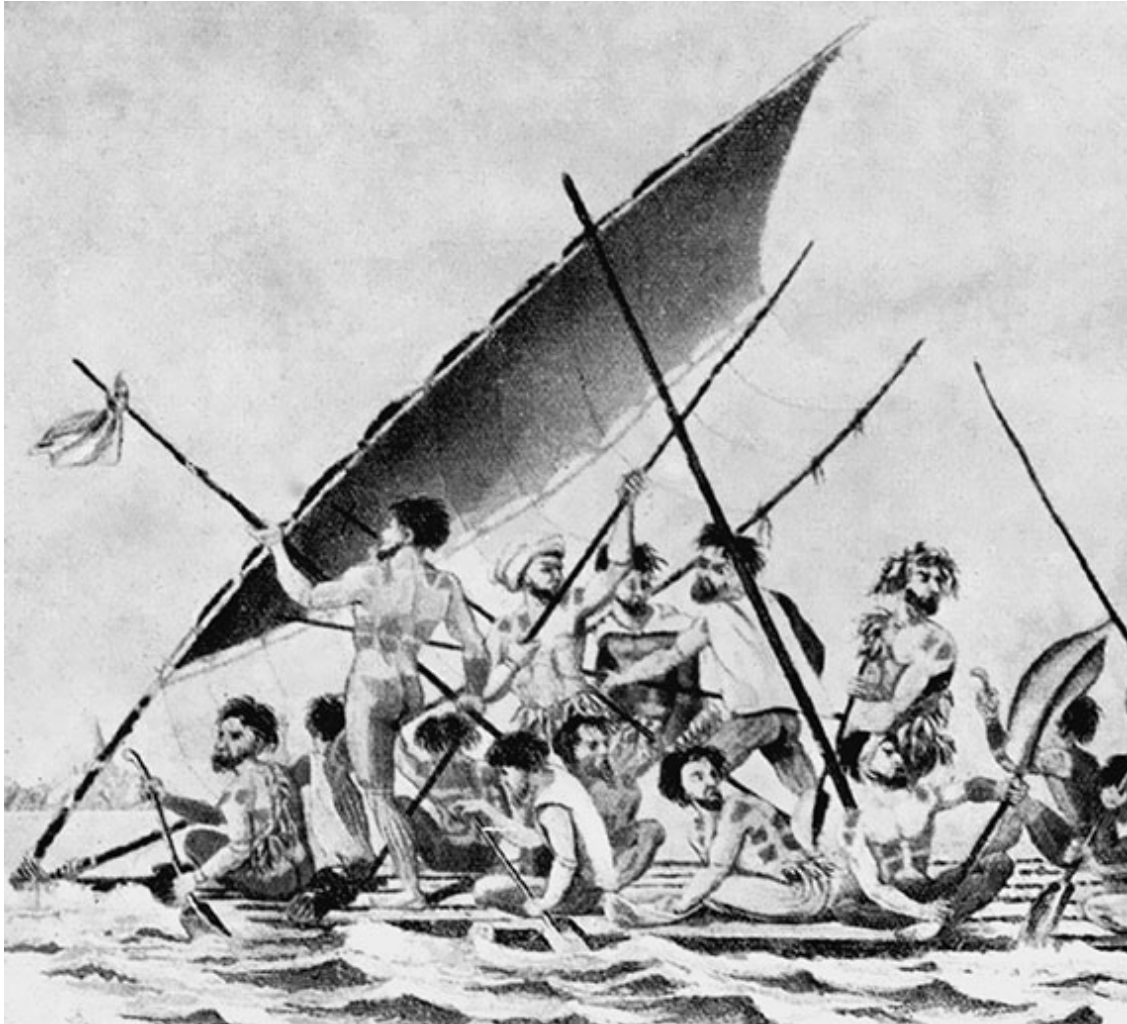
В мае 1821 г. Парри снова отправился на поиски Северо-Западного прохода. Два его корабля – «Гекла» и «Фьюри» – проследовали через залив Фокса вдоль северного берега острова Саутгемптон, рассчитывая, что за проливом Фрозен-Стрейт перед ними откроется море, но вместо этого попали в замкнутый со всех сторон залив Репалс. Осмотр побережья к востоку от залива не дал положительных результатов: предполагаемый здесь пролив также оказался извилистым узким заливом. Когда суда выбрались из этого тупика, было уже начало октября, и Парри был вынужден остановиться на зимовку. В отличие от предыдущего путешествия, эта зимовка протекала в непосредственной

близости от людей: рядом находилось эскимосское стойбище. От эскимосов путешественники получили верные сведения об окружающих островах и проливах. В начале июля 1822 г. экспедиция, руководствуясь этими сведениями, двинулась на север. Пройдя около 600 километров, Парри открыл залив Бутия (в который не смог войти из-за льдов) и окончательно установил, что Баффинова Земля – не часть материка, а огромный остров. Лето еще не закончилось, а корабли уже оказались в ледовом плену. Пришлось готовиться к новой зимовке. Весной следующего года Парри бросил в проливе Принс-Риджент обветшавший «Фьюри», а сам на «Гекле» со всеми членами экспедиции в октябре 1823 г. вернулся в Англию.

К Атлантике через Берингов пролив

В 1825 г. капитан Фредерик Уильям Бичи получил от британского Адмиралтейства задание отправиться на поиски Северо-Западного прохода со стороны Тихого океана и, отыскав его, пройти возможно дальше по нему, а затем вдоль северного берега Америки.

На корабле «Блоссом», отплывшем из Спитхеда 19 мая 1825 г., Бичи, обогнув 26 сентября мыс Горн, вошел в Тихий океан. 4 декабря путешественники повстречали неизвестный остров, сплошь покрытый зеленью. Это был знаменитый остров Питкерна, где нашли приют мятежники с «Баунти» и их потомки. Жители острова тепло встретили Бичи и его матросов, ставших первыми европейцами, которых они увидели с тех памятных дней мятежа. «Блоссом» пробыл здесь 18 дней. После Питкерна Бичи посетил острова Тимоэ, Гамбье (Мангарева), Гуд, Клермон-Тоннер, Серл, Уитсанди, Королевы Шарлотты, Техаи и Лансье, составляющие часть архипелага Туамоту. Во время этого плавания английские моряки выполнили огромную работу по «привязке» к карте ранее открытых островов Тихого океана и внесли много ценных поправок в географию Океании.

Аборигены на каноэ, встретившиеся Бичи возле Мангаревы

26 апреля Бичи достиг Гавайских островов, где сделал 10-дневную остановку, и направился в дальнейший путь к Берингову проливу. Полученные инструкции предписывали ему идти вдоль берега Америки, насколько позволит состояние льдов. Бичи, однако, сумел достичь только залива Коцебу. Дальше пройти не удалось: море было прочно сковано льдом. Используя зимнее время, Бичи посетил гавань Сан-Франциско, а 25 января 1827 г. снова стал на якорь в Гонолулу на Гавайских островах. В апреле путешественники уже были в Кантоне (Китай). Отсюда Бичи сделал рейс к архипелагу Рюкю – цепочке островов, соединяющих Японию с Тайванем, и к группе островов Бонин, составив карты этих архипелагов. Завершив эти работы, «Блоссом» вновь направился к северу. Метеорологические условия и на этот раз оказались неблагоприятными: путешественникам удалось

достичь только $70^{\circ} 40'$ с. ш. «Блоссом» оставался в этом районе до 6 октября, после чего Бичи решил вернуться в Англию. 21 октября экспедиция уже была в Спитхеде.

«Господь ввел их в тихую пристань»

Когда капитан Джон Франклин узнал о готовящейся экспедиции на поиски Северо-Западного прохода, он тотчас предложил свои услуги. В Адмиралтействе ему возразили:

– Вам уже почти шестьдесят! Мы имеем право не пустить вас!

Но Франклин настаивал и в марте 1845 г. был назначен начальником экспедиции. В его распоряжение поступили два корабля: «Эребус» и «Террор», приспособленные для плавания в полярных водах. Помимо парусной оснастки они имели паровые машины по 50 л. с. Капитаном «Террора» и заместителем начальника экспедиции был назначен опытный полярник Френсис Крозье, «Эребус» вел командор Фицджермс, отличный мореход. 19 мая 1845 г. корабли покинули Портсмут.

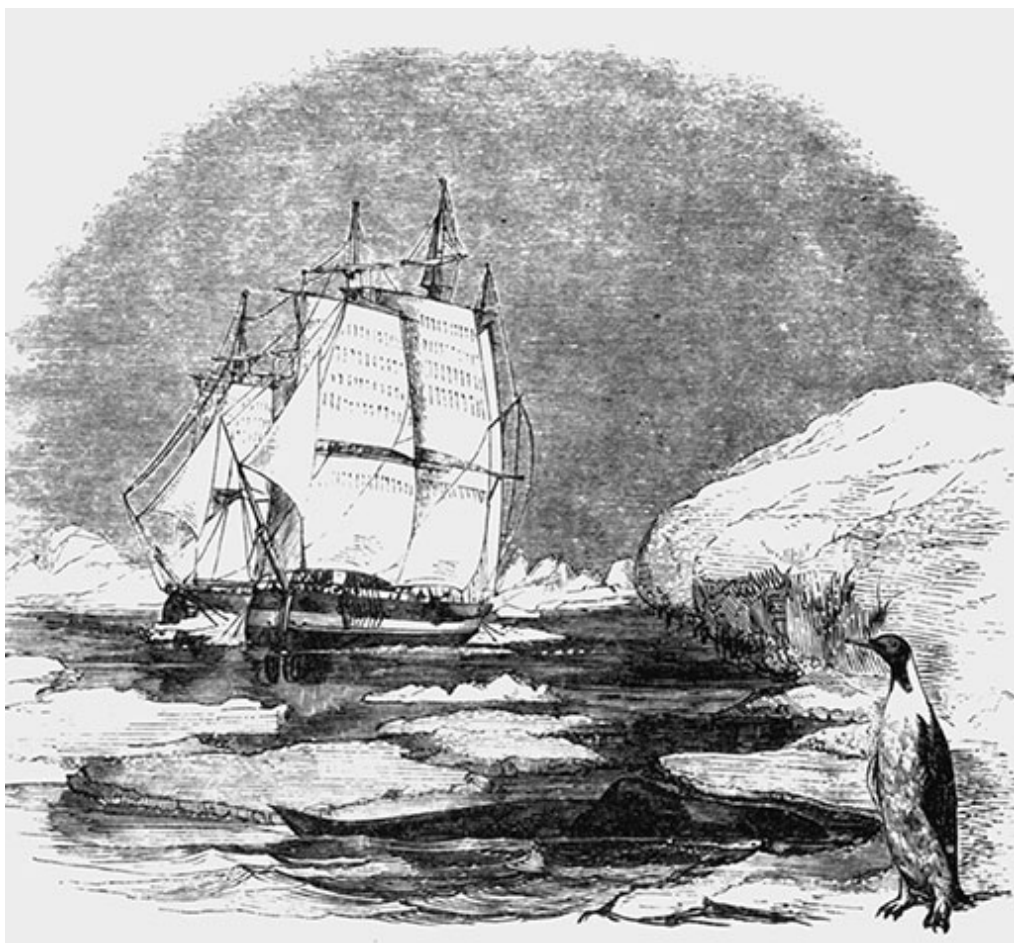
В июле «Эребус» и «Террор» подошли к острову Диско у побережья Гренландии. Догрузившись здесь продовольствием и углем, 14 июля 1845 г. экспедиция отправилась дальше. 26 июля «Эребус» и «Террор» видели китобои в заливе Мелвилл у западного побережья Гренландии. С этого времени о путешественниках не было никаких известий.

В 1848 г. в канадские полярные воды отправилась поисковая экспедиция. Два года спустя она вернулась ни с чем, сообщив только, что на севере сейчас «исключительно тяжелые ледовые условия». С 1848 по 1889 г. до 40 экспедиций вели поиски Франклина. В августе 1850 г. на мысе Рейли (остров Девон) были обнаружены остатки лагеря экспедиции. Затем последовали новые находки...

Постепенно вырисовывалась следующая картина.

Сперва Франклин попытался продвинуться проливом Веллингтона, но льды остановили его. Тогда экспедиция отправилась на юг между островами Батерст и Корнуоллис. Первая зимовка (1845/46 г.) прошла на острове Бичи в проливе Барроу. Экипажи кораблей сошли на берег, разбили лагерь. Зимовка прошла довольно сносно, хотя провизия начала портиться. Запасов продовольствия, которых, как считалось, должно было хватить на пять лет, не хватило даже на три года! Одной из причин гибели экспедиции стала алчность торгаша, снабдившего полярников недоброкачественными продуктами. И в решительный

момент, когда консервы должны были спасти людей от голодной смерти, оказалось, что в них – тухлое мясо, опилки и песок...

«Эребус» и «Террор» протискиваются сквозь антарктические льды

По весне, не теряя уверенности в успехе, Франклин повел свои корабли проливом Пиля. Однако вскоре на западе повстречались паковые льды. У северной оконечности Земли Кинг-Уильям «Эребус» и «Террор» вмерзли в лед. Так началась вторая зимовка. Весной огромные ледяные поля с вмерзшими в них кораблями пришли в движение. Вновь воскресла надежда выбраться на чистую воду. Но, вопреки ожиданиям, льды так и не вынесли корабли на открытое пространство, и, когда наступила новая зима, на «Эребусе» и «Терроре» уже всю свирепствовали голод и цинга. Часть уцелевших моряков добралась до материка, но до ближайшей станции Компании Гудзонова залива не смог дойти никто. Все участники экспедиции погибли от изнеможения, голода и холода. Сегодня Канадский Арктический

архипелаг – место величайшей в истории исследования Арктики трагедии – в память о Франклине и его спутниках называется архипелагом Франклина. А на берегу острова Бичи, где когда-то зимовали команды «Эребуса» и «Террора», на самом высоком месте стоит большая мраморная плита. Надпись на ней гласит:

«П а м я т и ФРАНКЛИНА, КРОЗЬЕ, ФИЦДЖЕМСА и всех их доблестных товарищей, офицеров и сослуживцев, пострадавших и погибших за дело науки и во славу Родины.

Этот памятник поставлен близ места, где они провели первую полярную зиму и откуда выступили в поход, чтобы преодолеть все препятствия или умереть.

Он свидетельствует о памяти и уважении их друзей и соотечественников и о скорби, утоляемой верою, той, которая в лице начальника экспедиции утратила преданного и горячо любимого супруга.

Господь ввел их в тихую пристань, где всем уготовано вечное спокойствие.

1855 г.».

Последние километры

В январе 1850 г. из Англии вокруг мыса Горн в Арктику отправились два корабля – «Энтерпрайз» и «Инвестигейтор». Им предстояло пройти через Берингов пролив, подойти с запада к острова Канадского Арктического архипелага и там попытаться отыскать следы пропавшей экспедиции Дж. Франклина. «Энтерпрайзом» командовал Ричард Колинсон, «Инвестигейтором» – Роберт Мак-Клур.

Оторвавшись от осторожного Колинсона, Мак-Клур повел свое судно через Берингов пролив в море Бофорта. До сентября он шел на восток путем, уже разведанным русскими и англичанами. В начале сентября Мак-Клур повернул на северо-восток, и перед ним открылась высокая зеленеющая земля. Это был остров Банкс. Обогнув его крайнюю северо-западную точку, мыс Принца Альберта, путешественники, следуя на северо-восток, увидели вдали землю, которую Мак-Клур окрестил именем Принца Патрика. Новооткрытые земли разделял пролив, идущий в восточном направлении. Несколько дней «Инвестигейтор» шел по нему до тех пор, пока его не остановили льды. Попавший в ледовый плен корабль был увлечен дрейфом на север, до $72^{\circ}50'$ с. ш. Здесь путешественники были вынуждены стать на зимовку.

Мак-Клур знал, что находится приблизительно в 100 километрах от пролива Вайкаунт-Мелвилл, но не имел точной информации о том, куда льды занесли его корабль: в пролив или в какой-то неизвестный залив? По его распоряжению на запад, восток и юг были отправлены на санях поисковые партии. Не утерпев, сам Мак-Клур тоже отправился на разведку с одной из таких партий и, пройдя через покрытое льдом водное пространство к острову Мелвилл, достиг «скалы Парри» – того самого пункта, до которого в 1819 г. добрался с востока Парри. Сам же Мак-Клур достиг этой точки с запада, пройдя через пролив, позже получивший имя первооткрывателя. Таким образом, Северо-Западный проход, который искали в течение нескольких столетий, был, наконец, найден!

«Энтерпрайз» и «Инвестигейтор» в ледяном плену

Экспедиция Мак-Клура прошла последний отрезок водного пути между Атлантическим и Северным Ледовитым океанами. Правда, к этому времени уже было ясно, что для судоходства он не имеет никакой практической ценности.

Еще полтора года провела экспедиция Мак-Клура в Арктике, в чрезвычайно сложной ледовой обстановке безуспешно пытаясь найти следы людей Франклина. Весной 1853 г., после второй зимовки, путешественники покинули свое судно, затертое льдами, и двинулся на санях к востоку. Встреча с экспедицией другого английского исследователя, Белчера, спасла людям Мак-Клура жизнь: к этому моменту они уже находились на пределе сил. В 1854 г. участники плавания вернулись на родину. Книга Мак-Клура «Открытие Северо-Западного прохода» до конца 1850-х гг. выдержала три издания.

В поисках пропавшей экспедиции

Фрэнсис Мак-Клинтон искал в Канадской Арктике не Северо-Западный проход. Он искал следы пропавшей экспедиции Франклина и с этой целью совершил целых четыре опасных путешествия, в каждом из которых его могла постичь судьба Франклина и его людей. Но Мак-Клинтон не собирался складывать оружие.

В свое первое путешествие к проливу Барроу он отправился в 1848 г. Следующим летом он снова оказался в лабиринте островов Канадского Арктического архипелага, ища путь к Земле Принца Уэльского. В этом путешествии, продолжавшемся 2 года, Мак-Клинтон первым из арктических исследователей перенял у эскимосов обычай ездить на санях, запряженных собаками. Он прошел на них путь в 1300 километров, и на острове Бичи обнаружил первый зимний лагерь Франклина.

В 1852–1854 гг. Мак-Клинтон участвовал в экспедиции Эдуарда Белчера, прошел на запад вплоть до островов Мелвилл и Принс-Патрик, где с тех пор один из мысов носит его имя. Свое четвертое путешествие (1857–1859 гг.) Мак-Клинтон предпринял на корабле «Фокс» по поручению вдовы Джона Франклина.

«Фокс» вышел из Абердина утром 1 июля 1857 г. В нескольких сотнях миль от Земли Кинг-Уильям «Фокс» встал на зимовку. Мак-Клинтон, заранее закупивший партию эскимосских ездовых собак, стал готовиться к пешему походу. 2 апреля 1858 г., разделившись на партии, одной из которых командовал сам Мак-Клинтон, а второй – лейтенант Уильям Хобсон, экспедиция продолжила поиски Франклина. Все убеждало англичан в том, что они напали на верный след: у кочевых эскимосов, попадавших им навстречу, обнаруживались все новые и новые предметы европейского происхождения – серебряная посуда, форменные пуговицы. Эти предметы, как утверждали эскимосы, были найдены дальше к югу, там, «где погибло когда-то от голода много белых людей».

Фрэнсис Мак-Клинток

На острове Кинг-Уильям Мак-Клинток обнаружил в снегу человеческий скелет с сохранившимися обрывками одежды, которая явно принадлежала европейцу. Пройдя еще дальше в глубь острова, Мак-Клинток и его люди наткнулись на занесенную снегом шлюпку с двумя скелетами и большим количеством полуистлевшей одежды. В шлюпке лежало два ружья (одно заряженное), пять пар часов, 15 серебряных ложек, 11 вилок, из них восемь – с гербом Франклина. Судя по всему, человек, чьи останки лежали на носу шлюпки, умер первым.

Участники экспедиции обнаруживают лодку со скелетами

Так спустя два года после начала своего путешествия Мак-Клинтон отыскал последний лагерь пропавшей экспедиции. Он обнаружил останки спутников Франклина, их имущество и предметы одежды, а также металлическую банку с запиской внутри. Из этой записки удалось узнать подробности о последних днях пропавшей экспедиции.

Драма «Полариса»

Хотя открытие Северо-Западного прохода и сняло завесу тайны с одной из величайших географических загадок, бассейн Канадского Арктического архипелага еще продолжал хранить немало тайн – их хватило даже на долю XX в., технически куда лучше оснащенного. Путешествия с исследовательскими целями продолжали с регулярностью совершаться в полярные районы этой части планеты и многие годы спустя после открытия Мак-Клура.

В июне 1871 г. на буксирном пароходе «Поларис», приспособленном для плавания во льдах, на север отправилась американская экспедиция во главе с Чарльзом Холлом. Путешественники без большого труда прошли пролив Смит, отделяющий Гренландию от острова Элсмир, и обнаружили неизвестный ранее залив, получивший имя Холла, а за ним – также неизвестный пролив, названный проливом Робсона. Пройдя этим проливом, «Поларис» впервые в истории оказался в море Линкольна, омывающем северное побережье Гренландии. Три дня продолжалось плавание, но 4 сентября моряки, встретив скопления льда, вынуждены были повернуть на юг. На зимовку остановились в заливе Холла; здесь руководитель экспедиции скончался.

Команда Чарльза Холла в поисках спасения

Пароход освободился из льдов только 3 июля. В заливе Кейна его снова затерли дрейфующие на юг льды, которые вынесли «Поларис» через пролив Смит в море Баффина. Ночью начался шторм, ледовое поле пришло в движение. Сдавленный льдами пароход приподнялся и лег бортом на льдину. Люди в панике начали сбрасывать на лед продукты, одежду, оружие; были немедленно спущены два вельбота. Неожиданно льдина разломилась, и пароход, на котором еще оставалась часть команды, исчез в темноте. На льдине площадью около одного квадратного километра осталось 19 человек, из них 9 эскимосов. Начался долгий дрейф, продолжавшийся 6,5 месяца, за время которого путешественники прошли более 2600 километров. Эскимосы сложили из снега несколько жилищ-иглу; пропитание моряки добывали, охотясь на тюленей. В апреле 1873 г. льдину вынесло в Атлантический океан; она начала быстро обламываться по краям и уменьшаться в размерах. Единственным средством спасения для путешественников служил вельбот (второй вельбот пришлось пустить на дрова). Когда льдина окончательно распалась, все 19 человек, с трудом разместившись в

вельботе, попытались найти спасение на другой льдине, но и та быстро разломалась. Так повторялось несколько раз. К счастью, в конце апреля гибнущих людей заметили с китобойного парохода и взяли их на борт. Как позднее оказалось, спаслись и люди, оставшиеся на борту «Полариса» (14 человек): они сумели посадить поврежденное судно на мель, высадились на берег неподалеку от стойбища эскимосов и благополучно перезимовали. В июне 1873 г. путешественники на двух самодельных лодках отправились вдоль побережья на юг, и через 20 дней их спасло китобойное судно.

Четыре зимы на острове Элсмир

Отправляясь в самое сердце еще не изведанной части Канадского Арктического архипелага, норвежец Отто Свердруп уже имел репутацию одного из самых опытных полярников того времени. Многолетний соратник Ф. Нансена, он во время дрейфа «Фрама» в 1893–1896 гг. был капитаном этого судна. И в плавание к берегам Западной Гренландии Свердруп тоже отправился на «Фраме»: он безгранично доверял этому кораблю, уже проверенному в самых суровых испытаниях.

В 1898 г. Свердруп вновь вышел в море на «Фраме», намереваясь пройти через пролив Смит у западного побережья Гренландии и далее насколько можно на север вдоль гренландского берега, но уже в проливе Смита путешественники вынуждены были остановиться на зимовку у острова Элсмир. Этот обширный остров в то время был почти не исследован, на карту – очень неточную – были нанесены лишь его восточное и северное побережья. Свердруп уже в сентябре 1899 г., совершая свой первый поход на лодке к западу от места зимовки, смог убедиться, что на карте много погрешностей. С наступлением зимы Свердруп с пятью спутниками снова отправился на запад на санях с собачьей упряжкой. Он дошел до 90-й параллели, где берег круто поворачивал на север. А в апреле 1899 г. путешественники достигли западного побережья острова Элсмир.

В следующем году из-за неблагоприятной ледовой обстановки Свердруп изменил свой первоначальный план, повернул на юг и вошел в пролив Джонс, в котором никто не плавал со времен Баффина. 1 сентября «Фрам» остановился на вторую зимовку в одном из фьордов южного берега Элсмира. Отсюда Свердруп со спутниками предпринимал санные путешествия. Был открыт и исследован расположенный к западу от острова Элсмир архипелаг площадью более 200 тысяч квадратных километров. Позже этот архипелаг получил имя Свердрупа.

Наступило лето 1900 г., но Свердруп и не думал повторить попытку обогнуть с севера Гренландию: его увлекло осознание того, что обширные территории к западу от Элсмира остаются белым пятном на карте. Не следовало отказываться от их исследования, к тому же так

удачно начатого. В августе, завершив разведку пролива Джонс, «Фрам» вышел из него в северо-западном направлении, но сразу же был остановлен тяжелыми льдами. Освободиться удалось только в середине сентября, однако движение было возможно только в обратном, юго-восточном направлении. «Фрам» вернулся в пролив Джонс и стал на третью зимовку в Гус-фьорде. Санные походы зимой 1900/01 г. привели к новым открытиям.

Фритьоф Нансен и Отто Сведруп (справа) на борту «Фрама»

В 1901 г. «Фраму» так и не удалось освободиться из ледового плена, и он остался в Гус-фьорде на четвертую зимовку. В 1902 г. экспедиция закончила исследование всего западного побережья Элсмира; за три года ее участники обошли все побережье острова, со всеми его многочисленными фьордами и полуостровами; именно в 1902 г. этот остров получил те очертания, которые мы видим теперь на картах.

Летом 1902 г. «Фрам» наконец вырвался из объятий льдов и после четырех с половиной лет отсутствия вернулся в Норвегию.

«Йоа» идет на запад

Хотя после плавания Мак-Клура последняя завеса тайны, окутывавшей Северо-Западный проход, была снята, еще одна задача оставалась неразрешенной: по всему маршруту этого Северного морского пути никто пока так и не прошел. Решить эту задачу взялся в те годы еще молодой и мало кому известный норвежец Руаль Амундсен.

Три года он готовился к этому путешествию, тщательно отбирая спутников, в конце концов остановившись на 6 кандидатурах. Все они были молоды – никому не было еще и тридцати, но знали и умели многое. Для плавания во льдах была приобретена небольшая парусно-моторная яхта «Йоа».

Экспедиция отправилась в путь в июне 1903 г. Амундсен намеревался пройти Северо-Западным проходом и попутно установить точное местонахождение Северного магнитного полюса. От западного побережья Гренландии пошел к острову Бичи, где провел ряд исследований, чтобы узнать, в каком направлении находится магнитный полюс. Магнитная стрелка указывала на полуостров Бутия. «Йоа» пошла через пролив Пиля и Франклина к северной оконечности острова Кинг-Вильям, обогнув его с восточной стороны, через проливы Джемс-Росс и Рей. Два раза путешественники едва не погибли: один раз от пожара в машинном отделении, а другой раз от сильной бури, которая чуть не разбила судно о скалистые рифы.

На зимовку встали в небольшой бухте на южном берегу острова Кинг-Вильям, получившей название гавани Йоа. Здесь путешественникам провели 2 года, занимаясь научными исследованиями и совершая разведывательные походы. 13 августа 1905 г. «Йоа» двинулась на запад, вдоль берега материка, оставляя к северу Канадский Арктический архипелаг. Амундсен намеревался пройти южным маршрутом, через пролив Симпсона, в отличие от других путешественников, которые большей частью старались пройти через архипелаг гораздо севернее. Южный путь через узкие каналы оказался свободен, в то время как широкие северные проливы постоянно были забиты льдом. 26 августа, миновав ряд мелководных, усеянных островами проливов, Амундсен и его спутники встретили

китобойное судно, пришедшее к северо-западным берегам Канады из Сан-Франциско. Амундсен уже мысленно поздравлял себя с успехом, полагая, что сможет войти в Тихий океан еще до наступления осени. Однако льды впереди внезапно сомкнулись, и 2 сентября «Йоа» вмерзла в пак у мыса Кинг. Началась третья зимовка. За это время Амундсен совершил дальний поход на собачьих упряжках, добравшись до форта Эгберт в долине Юкона. Отсюда он телеграфировал в Европу о своем успехе и о положении экспедиции, после чего вернулся к месту зимовки.

Оригинал парусника «Йоа» в Музее «Фрама» в Осло, Норвегия

В июле 1906 г. «Йоа» вновь тронулась в путь, вышла через Берингов пролив в Тихий океан и закончила плавание в Сан-Франциско. Впервые в истории пройдя Северо-Западным проходом, Амундсен блестяще выполнил задачу, над которой в течение 400 лет безуспешно бились его предшественники.

В годы войны

В июне 1940 г. из Ванкувера на моторной шхуне «Сент-Рок» с экипажем из 7 человек в плавание к высоким широтам отправился канадский полицейский офицер Генри Ларсен. Он намеревался разведать обстановку на Северном морском пути вокруг Америки, который в связи с начавшейся Второй мировой войной приобретал особое значение.

Миновав Берингов пролив, «Сент-Рок» вошла в море Бофорта и, следуя вдоль 72-й параллели, добрался до юго-западного побережья острова Виктория. Здесь, в заливе Уолкер, путешественникам пришлось остановиться на зимовку. Навигационный период в следующем, 1941 г. оказался коротким. Ларсен, убедившись в невозможности обогнуть остров Виктория с севера, пошел на восток, достиг полуострова Бутия и вдоль его западного берега прошел до залива Пасли. Здесь «Сент-Рок» встала на свою вторую зимовку.

Освободившись летом 1942 г. из льдов, шхуна направилась к проливу Ланкастер и через проливы Белло и Принс-Риджент вышла в Атлантику. В октябре 1942 г. «Сент-Рок» бросила якорь в Галифаксе (Новая Шотландия).

22 июля 1944 г. Ларсен отправился из Галифакса в обратный путь. Он намеревался пройти на «Сент-Роке» путем экспедиции Парри, через проливы Ланкастер, Барроу и Мелвилл, однако ледовая обстановка за проливом Барроу вынудила Ларсена идти в обход острова Байам-Мартин с севера. От южного берега острова Мелвилл «Сент-Рок» направилась к полуострову Принс-Альберт – северо-западному выступу острова Виктория. Оказалось, что пролив Принца Уэльского, отделяющий Викторию от соседнего острова Банкс, якобы практически всегда забитый льдами, на этот раз свободен от льда. Ларсен без помех провел «Сент-Рок» через этот пролив и 16 октября прибыл в Ванкувер. Впервые в истории Северо-Западный проход был пройден за одну навигацию, в рекордно короткий срок: 86 дней (считая со дня выхода из Галифакса). Впрочем, Ларсен был настроен скептически: «Наше плавание показало, что Северо-Западный проход можно пройти в один год, но не доказало, что это можно делать каждый год. Никто не может предсказать ледовую обстановку и навигационные условия в Арктике».

Действительно, вопрос о том, пригоден ли Северо-Западный проход для плавания современных крупнотоннажных грузовых судов, так и остался открытым. Только 10 лет спустя, в 1954 г., канадский дизель-электроход «Лабрадор», следуя маршрутом «Сент-Рока», сумел за одну навигацию пройти от Галифакса до тихоокеанского побережья Канады.

Поиски Северо-Восточного прохода

Путешествие в Биармию

Англосаксонская хроника короля Альфреда Великого (IX в.) рассказывает о первом известном плавании из Северного моря в Белое вокруг Скандинавии. Это плавание совершил норвежец по имени Отер между 870 и 880 гг., причем по собственной инициативе: однажды он «захотел установить, как далеко на север простирается суша и что [там] находится». Выйдя в море, Отер вдоль берега пошел по «Западному морю» на север. Три дня безлюдный берег был у него с правого борта, а открытое море – с левого. В этих водах обычно охотились китобои. Отер продолжал свой путь на север еще 3 дня, пока не добрался до того места, где берег поворачивал на восток. Дождавшись попутного ветра, путешественник поплыл вдоль берега сперва на юго-восток, а потом на юг. Побережье, постоянно видневшееся справа по борту было почти пустынно, лишь время от времени Отеру попадались становища финнов, промышлявших рыбу, птицу и зверя. Спустя 9 дней корабль Отера вошел в устье большой реки. Здесь жили люди, язык которых был похож на финский. Они занимались хлебопашеством и охотой, а их страна называлась Биармией. Отер купил у них несколько моржовых бивней, которые привез в дар своему королю. Из разговоров с местными жителями он также получил множество сведений о Биармии и соседних землях.

В рассказе Отера об этом плавании нет ни одного географического названия, за исключением названия страны – Биармия. Это название фигурирует и во многих других средневековых источниках и скандинавских сагах. Под ним обычно понимается Пермь, или Великая Пермь: обширная территория от Северной Двины до Камы, населенная угро-финским народом коми (пермяками). Что же касается маршрута плавания Отера, то он устанавливается довольно точно: он проходил вокруг Скандинавии и Кольского полуострова и завершился в устье Северной Двины – в районе современного Архангельска, откуда Отер отправился в обратный путь. Из «Хроники Альфреда Великого» следует, что этот норвежский мореход был едва ли не первым жителем Западной Европы, попавшим в Белое море, однако современные исследователи относятся к этой точке зрения скептически: известно, что еще в VIII в., то есть за 100 лет до Отера, Биармия поддерживала

торговые связи с северной частью Скандинавии. Однако рассказ о плавании Отера по Северному Ледовитому океану и Белому морю стал самым ранним из дошедших до нас свидетельств о морских путешествиях норманнов к берегам далеких земель, лежащих на северо-востоке Европейского континента.

Территория Биармии на одной из самых ранних и достоверных исторических карт Северной Европы, составленной Олафом Магнусом в 1539 г.

Экспедиция Уиллоуби и Ченслера

В середине XV в. из-за завоевания турками стран Юго-Восточной Европы и Ближнего Востока европейские купцы утратили возможность пользоваться прежними сухопутными торговыми путями в Индию. Это и стало причиной активных поисков морских путей в эту страну – через Атлантику, вокруг Африки, через проливы Канадского Арктического архипелага (Северо-Западный проход), а также в обход огромного Евразийского континента с севера – через так называемый Северо-Восточный проход. О существовании этого прохода, впрочем, никому ничего не было известно; скандинавы, первыми открывшие морской путь из Северного моря в моря Северного Ледовитого океана, далее Белого моря не продвинулись.

Иван IV Грозный принимает Ченслера

В то время как испанцы осваивали Новый Свет, а португальцы «пробивали» себе морской путь вокруг Африки в Индию, английские купцы попытались отыскать Северо-Восточный проход. В 1548 г. в Лондоне для этой цели было основано «Общество для открытия стран, земель, островов, государств и владений, неведомых и даже доселе морским путем не посещаемых». А в мае 1553 г. в северные широты отправилась первая организованная этим обществом экспедиция, во главе которой стояли Хью Уиллоуби и Ричард Ченслер. В их распоряжении имелось 3 корабля, на борту которых находилось 105 человек.

Выйдя из устья Темзы, путешественники в августе достигли норвежского острова Сенья. В ночь на 3 августа поднялась буря;

в результате корабль Ченслера отбил от флотилии и далее продолжал плавание в одиночку.

Уиллоуби, идя курсом на восток, 14 августа увидел на широте 72° неизвестную землю (по-видимому, юго-западное побережье Новой Земли). Попытка обогнуть ее с севера не удалась. Экспедиция повернула на юг. 21 августа Уиллоуби отметил, что море становится мельче, но берега при этом видно не было. Чтобы избежать опасной встречи с мелями, он отвел свои корабли в открытое море и четыре недели шел на запад. Миновав остров Колгуев и полуостров Канин, экспедиция прошла вдоль Мурманского берега, и 18 сентября оба судна бросили якоря в Нокуевой губе, намереваясь здесь перезимовать. Вокруг на многие версты не было ни людей, ни жилья, так что о судьбе английских моряков стало известно только зимой следующего, 1554 г., когда русские поморы обнаружили в устье реки Варзины два судна, превратившиеся в братские могилы: все 63 человека погибли – «замерзли до смерти». Их останки, а также взятое с кораблей имущество и судовые документы были переданы в 1555 г. английскому торговому агенту в Москве.

Что касается Ченслера, то его корабль, напрасно прождав Уиллоуби у мыса Нордкап, пошел на восток, вошел в Белое море и 24 августа 1553 г. уже был в устье Северной Двины. Холмогорские власти послали в Москву весть о прибытии англичан, но Ченслер, не дождавшись ответа, настоял на том, чтобы его отправили санным путем в Москву. На полпути он встретил гонца, который передал ему царское приглашение. Иван IV с большой пышностью принял Ченслера и пообещал английским купцам всемерное содействие в торговле с Москвой. После этого Ченслер благополучно вернулся в Англию и в дальнейшем стал одним из организаторов англо-русской торговли.

Барроу и Лошак

В 1556 г. на поиски Северо-Восточного прохода на небольшом судне «Серчтрифт» отправился английский моряк Стивен Барроу. Он намеревался достичь устья Оби, откуда, как предполагалось, можно было по реке или морским путем добраться до Китая. 9 июня 1556 г. Барроу вошел в устье Колы. Здесь путешественники встретили три десятка поморских ладей. Кормчий по имени Гавриил рассказал англичанам, что они собираются идти на Печору для ловли семги и моржей, и предложил путешественникам присоединиться к их партии, обещая предупредить Барроу о мелях на пути. 22 июня «Серчтрифт» вышел в море вместе с русскими ладьями. 15 июля Барроу уже был в устье Печоры. Простояв здесь несколько дней, он вышел в открытое море, намереваясь идти к устью Оби. Пять дней Барроу шел на восток, пока не подошел к неизвестному острову у юго-западного побережья Новой Земли, где нашел хорошую стоянку. Здесь англичане также встретили несколько поморских ладей. Кольский помор по имени Лошак объяснил Барроу, что тот уклонился в сторону от «дороги, которая ведет на Обь» и что суша, к которой он подошел, называется Новая Земля («Нова Зембла»). 6 августа Лошак расстался с Барроу. Оставшись одни, англичане вновь попытались пробиться на восток, но безуспешно. 22 августа Барроу повернул обратно, «потеряв всякую надежду в этом году на какие-нибудь новые открытия на востоке». Экспедиция перезимовала в Холмогорах и весной 1557 г. отправилась в обратную дорогу, по пути выполнив описание Мурманского берега.

«История Китая» в Ледяной гавани

Первые попытки достичь Северного полюса были связаны с устойчивым заблуждением: очень долго сохранялась уверенность в том, что в районе Северного полюса существует свободное ото льда морское пространство, через которое можно проложить путь в Тихий океан и на восток Азии – в Китай и Индию. Поиск этого пути был главным стимулом первых устремлений к полюсу. Не случайно Виллема Баренца в его плавании на север сопровождала книга «История Китая»: он верил, что путь в Китай пролегает через околополюсный район...

В конце XVI столетия голландское правительство назначило премию тому, кто первым пройдет Северным морским путем из Европы в Индию. И в 1596 г. из Амстердама на поиски Северо-Восточного прохода вышли два корабля. Одним из них командовал Ян Корнелисзон де Рийп, другим – Яков ван Хемскерк. Штурманом на корабле Хемскерка был Виллем Баренц – опытный моряк, уже дважды побывавший в северных морях. Вскоре он стал фактическим командиром корабля.

Яков ван Хемскерк

Миновав мыс Нордкап, голландцы повернули на северо-восток. 29 июня на горизонте замаячили контуры обширной гористой земли, которую моряки приняли за часть Гренландии. Горы, покрытые льдом, поднимались от самой воды. Голландцы назвали эту страну Шпицбергом, что значит «горы с острыми пиками». Здесь пути Рийпа и Баренца разошлись. Баренц направился на восток, к Новой Земле, за которой, как он считал, лежал морской путь в Азию...

Пройдя через море, которое ныне носит название Баренцева, корабль достиг северной оконечности Новой Земли, которую Баренц окрестил Ледяным мысом, – отсюда далее на восток начинались сплошные ледовые поля. Попытка пробиться вдоль побережья Новой Земли на юг успеха не принесла. Судно рыскало из стороны в сторону среди сжимавшихся разводий, и наконец крепко вмерзло в ледяное поле. Пришлось высаживаться на берег. Так началась одна из первых в истории мореплавания арктических зимовок.

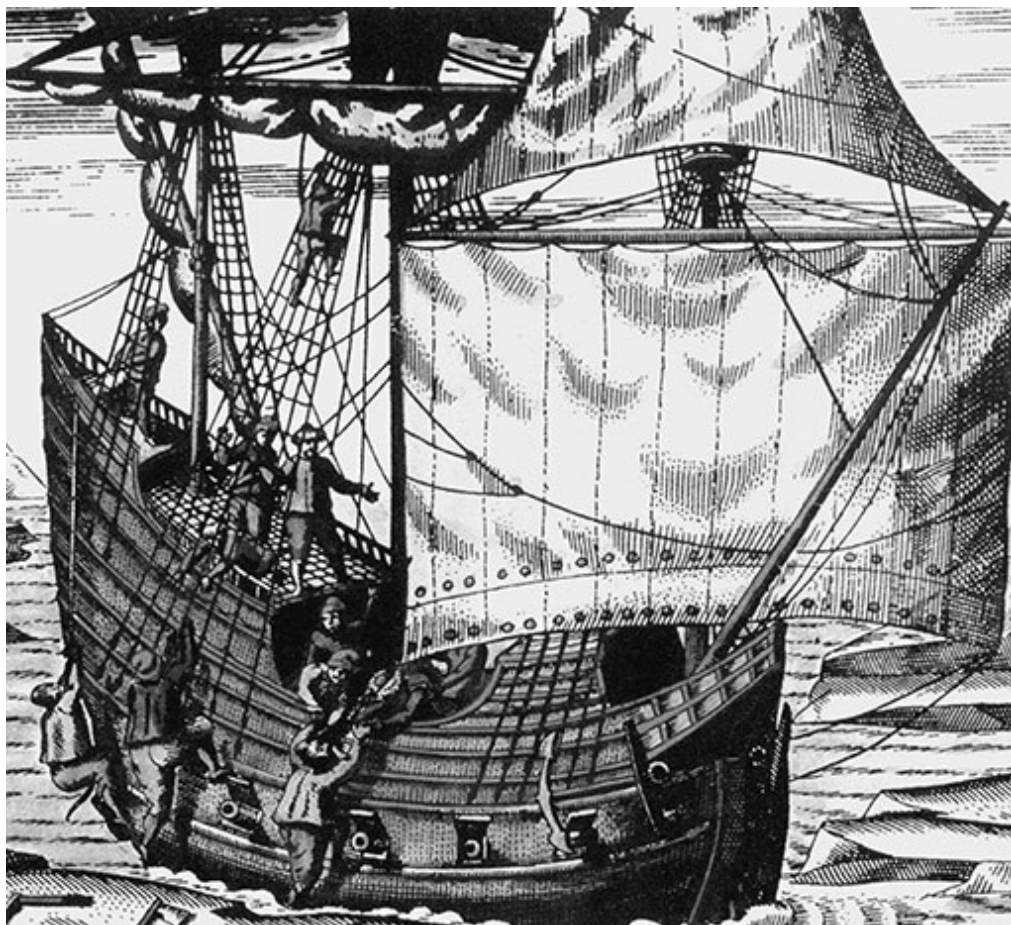
Место высадки голландские моряки называли Ледяной гаванью. Они совершенно не были подготовлены к этой зимовке, не имели никакого снаряжения, и им пришлось использовать лишь подручные материалы и инструменты, оказавшиеся на борту. Первым делом требовалось соорудить жилище. Остров был лишен растительности, но, к счастью, морякам удалось найти скопление плавника, принесенного течением с сибирских берегов. Под руководством корабельного плотника они напилили досок и сколотили довольно прочный домик с дверью и с очагом посередине. Трубу на крыше смастерили из бочек. Стены проконопачили по всем правилам кораблестроения, но все же, когда начались зимние вьюги, в них оказались многочисленные щели. Крышу устроили из паруса, натянутого на деревянную раму и для тепла засыпанного слоем песка. Укутанная снегом, эта крыша прекрасно прослужила зимовщикам вплоть до весенних оттепелей.

Началась долгая полярная ночь. Метели намели огромные сугробы вокруг избушки зимовщиков. Моряки проводили время за шитьем грубой меховой одежды, выходя из дому лишь для того, чтобы осмотреть капканы или набрать плавника для очага. У них были часы с маятником, которые они заботливо заводили, чтобы среди вечной ночи не потерять счет времени. Но наступили такие сильные морозы, что часы замерзли и остановились. В дальнейшем время и числа зимовщики определяли наугад. В тот день, когда, по их расчетам, должен был наступить Новый год, они устроили праздничный пир, на котором ели оладьи и гренки, смоченные в вине. В остальные дни им приходилось питаться главным образом мясом песцов. Многие заболели цингой, и серьезнее всех – сам Баренц.

Зимовщики надеялись, что весной им удастся освободить корабль из ледяного плена, но когда началось таяние льдов, судно отнесло от берега, местами льдины проломив борта. Единственной надеждой оставались спасательные шлюпки, которые еще осенью были перенесены на берег. В середине июня моряки спустили лодки на воду и погрузили в них остатки продовольствия. Баренц был уже так болен, что его пришлось перенести на руках. Уже в дороге, 20 июня 1597 г., он умер.

Шлюпки шли по узкому каналу, образовавшемуся между берегом и ледяным полем. Они обогнули Ледяной мыс и двинулись на юг вдоль берегов Новой Земли. Плавание в утлых суденышках оказалось очень

трудным. Приходилось непрерывно вычерпывать воду, временами льдины забивали проход, и нужно было ждать, пока они разойдутся. Все же голландцы упорно продвигались вперед и в конце концов достигли материка. Это побережье номинально принадлежало в ту пору России, но было абсолютно необитаемо. Только в Коле измученные путешественники впервые увидели людей, получили приют и помощь.

Корабль Виллема Баренца в Карском море у Новой Земли, август 1596 г.

По прибытии в Колу они узнали от поморов, что поблизости находится голландское судно. Это был корабль Рийпа! Весной он вышел на поиски Баренца и остановился в Коле, где и принял на борт всех оставшихся в живых членов экспедиции...

В 1871 г. капитан норвежской зверобойной шхуны Эллинг Карлсен обогнул с севера Новую Землю и на ее восточном берегу, в Ледяной гавани, нашел лагерь Баренца. За 300 лет он почти не подвергся разрушению: по-прежнему здесь стояла избушка голландцев, нары

оказывали очаг, на стене висели навсегда остановившиеся часы, в углу стояла бочка-ванна, на столе лежала «История Китая» – трогательное воспоминание о тяжелой зимовке и мужественных людях, сумевших бросить вызов Арктике.

Путешествие к северным народам

В марте 1653 г. в Варангер-фьорд на побережье Норвегии вошли три корабля, сильно потрепанные штормом. Это была датская торговая экспедиция, направлявшаяся к северным берегам Московии. В числе ее участников был француз Пьер Мартин де Ламартиньер, принявший участие в плавании в качестве судового врача.

Из-за сильных повреждений, полученных кораблями, путешественникам пришлось задержаться в Варангер-фьорде на целых 2 месяца. Пока корабельщики ремонтировали суда, Ламартиньер, горя желанием познакомиться с малоизвестной страной, с тремя спутниками отправился в глубь Скандинавского полуострова. Через горы и тундру они на оленях проехали сотни километров, добравшись до Колы и попутно познакомившись с жизнью и бытом лапландцев. Ламартиньер стал первым европейцем, подробно описавшим нравы и обычаи этого северного народа.

Вернувшись в Варангер-фьорд, путешественники вышли в открытое море. Плавание на восток заняло около 10 дней. Флотилия достигла острова Борандай (Варандей, или Песяков), расположенного к востоку от Печорской губы. Отсюда датчане отправились на материк, «в маленький городок Печору» (как пишет в своих записках Ламартиньер), где приобрели много мехов. В начале июня путешественники на оленях отправились в глубь материка, «в Сибирь». Преодолев перевал в горах Полярного или Приполярного Урала, датчане добрались до какой-то промысловой фактории, где были приветливо приняты русскими звероловами, промышленявшими пушного зверя. После короткого отдыха, закупив меха, Ламартиньер и его спутники отправились в страну ненцев. Ламартиньер с большим интересом знакомился с этим народом, сравнивая этих обитателей Севера с уже известными ему лапландцами: «Самоеды еще коренастее, чем лапландцы... лицо плоское, курносое... цвет его землистый, и на лице нет никакой растительности...»

Семья самоедов

Погрузившись на корабли, экспедиция вышла в море и отправилась к уже известному острову Борандай, а оттуда – к Новой Земле. Попытка пройти дальше на восток, в Карское море, не удалась. Корабли датчан вынуждены были пристать к острову Вайгач, где путешественников ждала малоприятная встреча с агрессивно настроенными белыми медведями. В конце августа корабли взяли курс на запад, к Гренландии, однако начавшийся шторм отнес их к берегам Исландии, где любознательный Ламартиньер смог осмотреть гейзеры и вулкан Геклу. В октябре 1653 г. флотилия вернулась в Данию.

Трудный путь к Оби

Трудности в деле поисков Северо-Восточного прохода в известной мере были связаны с тем, что огромное пространство Севера России и прилегающих к нему морей, по сути, представляло собой сплошное белое пятно. В мае 1732 г. петербургский Сенат издал указ о начале грандиозного предприятия, получившего название Великой Северной экспедиции. Отряды экспедиции прошли морем и сушей практически все северное побережье России от Архангельска до Колымы, были предприняты плавания к берегам Японии, Курильским и Алеутским островам и побережью Северной Америки (последнее выпало на долю В. Беринга и А. Чирикова).

Руководство западным отрядом Великой Северной экспедиции, перед которым стояла задача картографирования побережья между устьями Печоры и Оби, в 1736 г. было возложено на Степана Малыгина. В его распоряжение было выделено 2 поморских коча и два бота – «Первый» и «Второй», построенные в Архангельске. 27 мая 1736 г. Малыгин вышел на одном из кочей из Пустозерского острога вниз по Печоре. Погода не благоприятствовала плаванию: снасти и паруса обледеневали, управлять ими было невозможно. С большим трудом 22 июля коч подошел к острову Матвеева. Узнав от встреченных здесь поморов, далее на восток лежит сплошной лед, Малыгин решил стать на якорь и ожидать улучшения условий плавания. В это время к острову Матвеева пришли из Архангельска боты «Первый» и «Второй». 7 августа все три судна направились на восток и уже на следующий день стали на якорь у острова Вайгач. Ледовые условия в Карском море в тот год были крайне неблагоприятны. Идя медленно, с долгими остановками, 11 сентября корабли достигли устья реки Кары. Далее до самого горизонта простирался сплошной ледяной покров. Малыгин вынужден был отказаться от первоначального плана – идти к восточным берегам Ямала и решил зазимовать в устье Кары. В целях экономии продовольствия он сам с большей частью экипажа переехал на оленях в Обдорск (ныне Салехард), а на месте зимовки осталось 12 человек.

Макет-реконструкция сибирского коча начала XVII в. (2008 г., автор С.А. Кухтерин)

С наступлением весны экипажи вернулись к месту зимовки и начали готовиться к дальнейшему плаванию. 4 июля суда вышли в море и 9 июля достигли Байдарацкой губы. Сильный встречный ветер, течения и частые туманы надолго задержали Малыгина в этом районе. Только 16 августа отряд смог продолжать путь на восток и через сутки, обогнув Ямал, вошел в Обскую губу. 11 сентября Малыгин достиг устья Оби. 1 октября суда прибыли в Березов и стали на зимовку. За время плавания отряд Малыгина описал и нанес на карту все побережье от

Югорского Шара до устья Оби, определил широты нескольких пунктов, произвел наблюдения над состоянием льдов, течениями, приливами и земным магнетизмом, определил судоходность впадающих в Карское море и в Обскую губу рек, измерил глубину моря и Обской губы и собрал много других полезных сведений. Большая их часть до сих пор не утратила своего значения.

От Оби до Енисея

Отрядом Великой Северной экспедиции, занимавшимся описанием побережья Северного Ледовитого океана между устьями Оби и Енисея, руководил гидрограф Дмитрий Овцын. В его распоряжении имелись двухмачтовый шлюп «Тобол» и несколько небольших плоскодонных дощаников для перевозки продовольственных запасов.

Спустившись по Тоболу, Иртышу и Оби в Обскую губу, Овцын обследовал ее, подробно описал и нанес на карту. Потом экспедиция проследовала вдоль южного и юго-восточного берегов Обской губы, затем перешла в бассейн реки Турухан и осенью 1735 г. прибыл в Туруханск на Енисее. Во время более чем 1000-километрового пути была проведена детальная съемка местности, сохранявшая свою актуальность в течение 200 последующих лет.

Зимой 1737 г. отряд Овцына отправился на север от Туруханска, прошел по левому берегу Енисея до устья и выполнил съемку побережья Енисейского залива и Юрацкой губы на протяжении 500 километров. Другая группа отряда нанесла в 1737 г. на карту почти все восточное побережье Обской губы, часть западного побережья Гыданского полуострова и южное побережье Гыданской губы. Итогом явилась первая карта обследованной территории площадью около 150 тысяч квадратных километров, составленная по результатам инструментальной съемки.

В конце августа 1737 г. Овцын кромки достиг тяжелых льдов в Карском море и вынужден был повернуть на юго-восток и через пролив, носящий теперь имя Овцына (между островами Оленьим и Сибирякова), вышел в Енисейский залив. Таким образом, были завершены работы по съемке одного из тяжелых в ледовом отношении участков побережья Северного Ледовитого океана. На всех морских картах почти на протяжении полтора столетия последующих лет береговая линия от устья Оби до устья Енисея обозначалась такой, какой была показана Овцыным.

Семейный подвиг Прончищевых

Третьим отрядом экспедиции, в задачу которого входило исследование и описание побережья Северного Ледовитого океана от устья Лены до Хатангского залива, командовал лейтенант Василий Прончищев. В его отряде было 50 человек, в том числе штурман С. Челюскин, а также жена Прончищева Татьяна.

Могила четы Прончищевых у реки Оленек

На небольшом шлюпе «Якутск» отряд Прончищева в июне 1735 г. вышел из Якутска вниз по Лене и в начале августа достиг Северного Ледовитого океана. Дойдя до устья реки Оленек, путешественники вынуждены были остановиться на зимовку. Только 3 августа 1736 г. «Якутск» смог вновь выйти в море. Пробиваясь через плотные льды,

судно дошло до устья реки Хатанга, откуда предстояло начать описание побережья. Идя на север вдоль побережья Таймыра, путешественники открыли небольшую бухту (ныне бухта Прончищевой) и несколько островов. Вскоре погода начала портиться. Лавируя во льдах, «Якутск» прошел на север еще некоторое расстояние. К этому времени Прончищев был уже тяжело болен. Льды грозили затереть судно, поэтому решено было повернуть обратно. С величайшим трудом, идя то на веслах, то под парусами, мореходы в конце августа 1736 г. пришли в устье реки Оленек. Здесь Прончищев скончался, а спустя несколько дней умерла его жена. Позднее выяснилось, что корабль Прончищева, на долю которого выпала работа на одном из самых трудных участков побережья Северного Ледовитого океана, сумел установить своего рода рекорд плавания в высоких широтах; в следующий раз здесь удалось побывать только Э. Норденшельду на паровом судне «Вега» спустя 142 года.

На краю континента

Штурман Семен Челюскин принял командование шлюпом «Якутск» в августе 1736 г., после смерти Прончищева. Преемником Прончищева был назначен Харитон Лаптев. по его поручению Челюскин отправился на Таймыр – осуществлять съемку побережья.

Челюскин выехал из Туруханска 4 декабря 1741 г. В конце февраля 1742 г. он уже был у устья Хатанги. Отсюда он двинулся вдоль берега на север, за день проходя по 20–40 верст и задерживаясь только по причине плохой погоды. Идти пришлось по совершенно пустынному, безлюдному берегу, все более удаляясь от зимовий. Людям угрожали стихия, цинга, снежная слепота, недостаток провианта. 1 мая отряд достиг мыса Фаддея. За ним побережье материка продолжало тянуться на север. Пройдя от устья реки Пясины до устья Нижней Таймыры, 8 мая Челюскин добрался до незнакомого мыса, от которого берег явно поворачивал на юг; это обстоятельство он отметил в своем журнале: «Северный мыс окончился и земля лежит от запада к югу». Он еще не знал, что стоит на крайней северной точке огромного Евразийского континента.

Челюскин назвал этот пункт Северо-Восточным мысом. Задерживаться здесь он не мог – слишком скудны были запасы провианта. Отдохнув всего несколько часов, путешественники отправились дальше, теперь уже на юго-запад, к устью Нижней Таймыры. Благодаря усилиям Челюскина и Харитона Лаптева все побережье полуострова Таймыр было нанесено на карту, причем опись самой северной части полуострова Таймыр, выполненная Челюскиным, стала самым трудным этапом работ Великой Северной экспедиции. В последующие годы даже высказывались сомнения в том, действительно ли Челюскин достиг Северо-Восточного мыса. Однако время все расставило на свои места, и ныне самая северная точка Евразийского континента носит имя отважного моряка и исследователя Семена Челюскина.

Хартион Лаптев на Таймыре

Харитону Лаптеву в ходе Великой Северной экспедиции пришлось продолжить дело В. Прончищева, то есть исследовать и описать побережье Северного Ледовитого океана от устья реки Лены до Хатангского залива. В июле 1739 г. под его руководством бот «Якутск» вышел из устья реки Лены в море. Обогнув с севера остров Большой Бегичев, бот вошел в Хатангский залив. Отсюда путешественники стали продвигаться, лавируя среди льдов, на север достигли мыса Фаддея, но дальше пройти оказалось невозможно. Лаптев решил вернуться и зимовать в Хатангском заливе. Во время зимовки была проведена сухопутная съемка берегов полуострова Таймыр. Эти походы утвердили Х. Лаптева в мысли, что надежнее всего проводить опись берегов по суше, но он все же решил предпринять еще одну попытку прорваться через льды морем в устье Енисея. В течение первых суток после выхода из Хатангского залива судно довольно далеко продвинулось на север. Однако переменявшийся вскоре ветер стал нагонять лед, и вскоре судно было затерто ими. Команда, выгрузив запасы продовольствия на льдину, покинула «Якутск», который вместе со льдами вскоре унесло в море. Лаптев принял решение возвращаться на Хатангу.

Перезимовав в Туруханске, экспедиция Лаптева в начале 1742 г. разбившись на отдельные партии на собачьих упряжках вновь отправилась на Таймыр. Одна партия должна была работать между устьями Хатанги и Таймыры, вторая – от устья Пясины на восток до встречи с третьей партией, двигавшейся от устья Таймыры на запад. Исследователи провели съемку большого и труднодоступного участка Таймырского полуострова. Впервые были получены общегеографические сведения об этом крае: по метеорологии, приливам, льдам, магнетизму, фауне, флоре, по этнографии. К концу лета 1742 г. экспедиция закончила работу, и Лаптев уехал с отчетом в Петербург.

Тысячи миль Дмитрия Лаптева

Четвертому (Ленско-Камчатскому) отряду Великой Северной экспедиции предстояло описать побережье к востоку от устья Лены до пролива, ведущего в Тихий океан, «если таковой существует» (о том, что некий Семен Дежнев якобы когда-то прошел этим проливом, никто не знал вплоть до XX столетия; не знал этого и сам Дежнев). Работы отряда были начаты летом 1735 г. под руководством шведа Питера Ласинуса, но уже в декабре того же года он умер, и начальником отряда был назначен лейтенант Дмитрий Лаптев (двоюродный брат Х. Лаптева). На трех плоскодонных дощаниках Лаптев спустился по Лене до ее устья, перегрузил снаряжение и провиант на бот «Иркутск» и летом 1736 г. вышел в море на восток. Встретив на пути сплошные льды, экспедиция была вынуждена вернуться в устье Лены. Весной 1739 г. Лаптев прибыл в Якутск и стал готовить новую экспедицию. Вскоре «Иркутск» вновь вышел в море. В конце августа бот прошел между островом Большой Ляховский и материком в Восточно-Сибирское море, достиг устья Индигирки, но наступившие морозы зажали его в ледяной плен. Лаптев решил встать на зимовку, во время которой путешественникам удалось предпринять съемки берегов Индигирки и Яны. К декабрю 1739 г. экспедицией Лаптева была составлена карта огромного района от Лены до Алазеи.

В июне 1740 г. «Иркутск» освободился из ледового плена и двинулся дальше на восток. За мысом мысу Большой Баранов путь снова преградили мощные льды. Лаптев вынужден был повернуть судно обратно и стать на зимовку у Нижнеколымского острога. Отсюда исследовательские партии отправлялись для изучения и описания территорий, расположенных между нижними течениями реки Колымы и ее притока Большой Анюй, а также в бассейне реки Анадырь. В июне 1741 г. экспедиция снова вышла в море. На этот раз впереди бота плыли две лодки, которые отыскивали проходы между льдами, но опять из-за сложной ледовой обстановки «Иркутску» не удалось обогнуть мыс Большой Баранов. Тогда Лаптев принял решение закончить морскую часть экспедиции и вернуться в Нижнеколымск. Дальнейшие исследования уже велись на суше. Отряд Лаптева на собачьих и оленьих упряжках выступил из Нижнеколымска и в середине ноября

прибыл в Анадырский острог. По пути исследователями были описаны бассейн рек Большой Анюй и Анадырь. Зимой Лаптев выполнил съемку территории от реки Анадырь до Пенжинской губы, а летом 1742 г. описал реку Анадырь до самого устья. В конце 1743 г., после семи лет работы на севере, Д. Лаптев вернулся в Петербург. Его вклад в исследование побережья Ледовитого океана был огромен: из всего обследованного побережья Великой Северной экспедицией (от Печоры до мыса Большой Баранов) треть была нанесена на карту отрядом Лаптева.

Отчаянная попытка Никиты Шалаурова

Сложный и тяжелый маршрут с Лены на Камчатку через якутское бездорожье и бурное Охотское море вновь и вновь заставлял многие умы возвращаться к вопросу о морском пути из Северного Ледовитого океана в Тихий в обход Чукотского полуострова. В 1755 г. отыскать этот путь вызвался отыскать якутский промышленник Никита Шалауров. Его поддержали власти Якутска. В ноябре 1755 г. Шалаурову официально был вручен «ордер», определявший задачи предстоящего плавания: выяснение возможности прохода из Северного Ледовитого океана в Тихий, открытие новых земель, а также описание Чукотского полуострова.

Шалауров отправился в плавание из Якутска в конце лета 1757 г. Путь к Северному Ледовитому океану оказался труден: экспедиции пришлось трижды вставать на зимовку, снаряженное на собственные средства Шалаурова судно едва не сгорело, а приказ о передаче в его распоряжение бота «Иркутск» так и не был выполнен. Лишь в конце июля 1761 г. Шалауров вышел в море. Плавание на восток проходило медленно: за 2 месяца экспедиция продвинулась лишь до мыса Святой Нос, где ее остановили льды. Всю первую половину сентября судно преодолевало ледовый барьер в проливе Дмитрия Лаптева. Вскоре удалось выбраться на свободную от льдин воду и 18 сентября достичь устья реки Колымы. Зимовала экспедиция в Нижнеколымске.

Якутск на гравюре XVIII в.

21 июня 1762 г. Шалауров предпринял еще одну попытку пробиться на восток, но из-за встречного ветра лишь в конце августа подошел к Шелагскому мысу. Моряки выполнили опись побережья моря Лаптевых и Восточно-Сибирского моря от устья реки Яны, причем впервые нанесли на карту 600 километров побережья от мыса Большой Баранов до Шелагского мыса. Далее к востоку Шалауров продвинуться не смог: кончились продукты, усилились восточные ветры, да и время было позднее. На Колыму мореходы вернулись 11 сентября.

В середине июля 1764 г. Шалауров вновь отправился морем на восток и, обогнув Шелагский мыс, попал в тяжелые льды, раздавившие судно у устья реки Веркунь (Пегтымель). Команде удалось выбраться на берег. Часть людей осталась в построенной у реки избушке, другая попыталась пройти вверх по реке. Никто из членов экспедиции не спасся: обе группы погибли от голода и холода.

Несостоявшаяся встреча

Успехи российских исследователей Севера в XVIII в. привели, в частности, к тому, что в их руки надолго перешла инициатива в деле поисков Северо-Восточного прохода. В 1763 г. М.В. Ломоносов выдвигает план освоения морского пути из Европы в Тихий океан. По его мнению, летом в 500–700 верстах от побережья Северный Ледовитый океан должен быть свободен от тяжелых льдов, так что суда где-то на широте Шпицбергена могут поворачивать на восток и идти через весь Полярный бассейн через Берингов пролив до Камчатки. В 1764 г. задание «учинить поиск морского проходу Северным океаном в Камчатку» получила экспедиция во главе с В.Я. Чичаговым; предполагалось, что в Тихом океане она встретится с экспедицией П.К. Креницына. Вера в успех плавания была так высока, что руководители обеих экспедиций получили даже специальные опознавательные сигналы и пароли.

Василий Яковлевич Чичагов

В мае 1765 г. три судна, специально построенные для плавания в ледовой обстановке, под командованием Чичагова вышли из Колы на север. В начале августа они, находясь северо-западнее Шпицбергена, достигли $80^{\circ}26'$ с. ш. Вопреки мнению Ломоносова, вместо открытого моря экспедицию здесь ждали тяжелые льды. Пришлось ложиться на обратный курс... В 1766 г. Чичагов повторил попытку, но лишь немного улучшил свой прошлогодний результат – продвинулся до $80^{\circ}30'$ с. ш., но опять вынужден был отступить перед сплошными ледовыми полями... Задача, поставленная Ломоносовым, оказалась невыполнима. Как оказалось впоследствии, маршрут Северо-Восточного прохода лежал не в высоких широтах, а гораздо южнее, вдоль побережья Сибири.

Тайна острова Котельный

В 1808 г. в Якутск прибыла экспедиция М. Геденштрома, которой предстояло исследовать недавно открытые Новосибирские острова. 4 февраля 1809 г. Геденштром уже был в Усть-Янске, где познакомился с местным промышленником Яковом Санниковым. Это был смелый и любознательный человек, вся жизнь которого прошла в странствиях по бескрайним просторам Севера. В 1800 г. Санников перешел с материка на остров Столбовой, а через 5 лет первым ступил на неизвестную землю, которая позже получила название острова Фаддеевского. Затем при участии Санникова была открыта «Большая земля», получившая название Новой Сибири; вскоре стало ясно, что это не материк, а просто группа островов.

2 марта 1810 г. экспедиция Геденштрома направилась на север. К ней присоединился и Яков Санников. Путешественники на нартах перешли в устье Индигирки, а оттуда – на восточный берег Новой Сибири. Санников пересек Новую Сибирь с юга на север. Осенью 1810 г. на острове Котельном, на его северо-западном берегу, путешественник нашел старую могилу. Рядом с ней лежали узкие нарты. На могиле был поставлен небольшой деревянный крест, на котором виднелась неразборчиво вырезанная надпись. Возле креста лежали копья и две железные стрелы. Недалеко от могилы Санников обнаружил четырехугольное зимовье. Характер постройки говорил о том, что она срублена русскими людьми. А с берега острова Котельный, далеко на северо-западе, примерно в 70 верстах, Санников увидел «высокие каменные горы»...

На основании этого рассказа Санникова Геденштром обозначил в верхнем правом углу своей карты берег неведомой суши, на которой написал: «Земля, виденная Санниковым». Геденштром полагал, что виденный Санниковым берег соединяется с Америкой. Между тем Санников продолжал исследовать берега острова Котельного. В глубинных его районах путешественники нашли «в великом множестве» кости быков, лошадей, буйволов и овец. Значит, в древности на Новосибирских островах был более мягкий климат! Санников обнаружил также «многие признаки» жилищ юкагиров, которые, согласно преданию, бежали на какие-то северные острова от

эпидемии оспы 150 лет назад. В устье реки Царевой путешественник нашел ветхое днище судна, сделанное из соснового и кедрового дерева. Швы его были проконопачены смоленой мочалой. А на западном берегу путешественники встретили китовые кости. Это, как писал Геденштром, доказывало, что «от Котельного острова к северу простирается беспрепятственно обширный Ледовитый океан, не покрывающийся льдом, как Ледовитое море при матерой земле Сибири, где никогда китов или костей их не видывали».

15 января 1812 г. Яков Санников вернулся в Иркутск. На этом завершились первые поиски Северного континента, предпринятые Россией в начале XIX в. Авторитет Санникова был высок: всем было известно, что им еще раньше были сделаны крупные географические открытия, что придавало его сообщениям большую убедительность. «Землю Санникова» искали более 100 лет, лишь в 1930-х гг. было окончательно доказано, что такой земли нет. Вероятно, Санников видел «ледяной остров».

Через Берингов пролив

Задача отыскать Северо-Восточный проход была поставлена русским правительством перед экспедицией М.Н. Васильева, отправившейся в начале июля 1819 г. вокруг Африки в Тихий океан на двух шлюпах – «Открытие» и «Благонамеренный». В середине мая 1820 г. в Тихом океане корабли расстались: Васильев на «Открытии» пошел в Петропавловск, а «Благонамеренный» под командой Г. Шишмарева – к острову Уналашка (Алеутские острова). Соединились они вновь в залива Коцебу в середине июля того же года. Отсюда оба корабля двинулись на север, но тихоходный «Благонамеренный» по пути отстал, в то время как Васильев на «Открытии» дошел до $71^{\circ} 06' \text{ с. ш.}$ Дальнейшему продвижению к север помешали сплошные льды. На обратном пути корабли зашли в Петропавловск, а в ноябре прибыли в Сан-Франциско.

Реверс юбилейной монеты, посвященной шлюпам «Открытие» и «Благонамеренный», 1819 г.

Весной 1821 г. экспедиция вновь направилась на север. Он острова Уналашка М. Васильев двинулся на северо-восток, к мысу Ньюэнхем (Берингово море), и 11 июля 1821 г. открыл остров Нунивак (через два дня этот остров независимо от Васильева обнаружили капитаны двух судов Российско-Американской компании – В. Хромченко и А. Этолин). Выйдя через Берингов пролив в Чукотское море, оба шлюпа вновь расстались и далее действовали порознь. М. Васильев прошел вдоль американского берега до мыса Айси-Кейп, но из-за тяжелых льдов повернул обратно. Г. Шишмарев к концу июля с величайшими усилиями сумел достичь $70^{\circ} 13'$ с. ш. и также был вынужден отступить. Совершив в итоге кругосветное плавание, оба судна в начале августа 1822 г. вернулись в Кронштадт.

Четыре плавания Федора Литке

В 1821 г. к Новой Земли в первый раз отправилась гидрографическая экспедиция, целью которой являлось описание этого берегов этого обширного северного архипелага. Возглавил экспедицию 23-летний лейтенант Федор Литке. К тому времени Новая Земля уже на протяжении двух веков регулярно посещалась поморами, но географические представления о ней по-прежнему оставались самые туманные. Достаточно сказать, что Литке несколько раз проходил мимо пролива Маточкин Шар, не заметив его – так несовершенны были карты того времени. Что касается поморов, то добиться от них толку было невозможно – их представления о навигации базировались на каких-то иных принципах, несовместимых с научными.

Портрет Федора Петровича Литке

В 1821 г. экспедиции не удалось добиться многого: условия плавания у побережья Новой Земли оказались чрезвычайно тяжелыми. Массивные ледяные поля не позволяли приблизиться к берегу, так что Литке пришлось ограничиться составлением приблизительной карты видневшегося на горизонте побережья. Оставалась надежда, что ледовая обстановка в этом районе не всегда бывает такой неблагоприятной и что в следующем году может появиться возможность подойти к берегу. Так и случилось. Второе плавание Литке принесло гораздо больше результатов, так что начальник экспедиции был досрочно произведен в капитан-лейтенанты.

Летом 1823 г. Литке вышел в третий рейс к берегам Новой Земли. Постепенно продвигаясь все дальше и дальше к северу, он наносил на карту никому до того не известное побережье. За мысом Желания, северной оконечностью Новой Земли, простиралось забитое льдами Карское море. Возвращаясь на юг, Литке определил координаты Маточкина Шара. Во время своего третьего путешествия Литке описал южный берег Новой Земли и осуществил съемку острова Колгуева. Но ни в третьем, ни в четвертом путешествии ему не удалось пробиться через льды Карского моря и достичь его восточного побережья.

На горизонте – Земля Санникова

Поиски Северо-Восточного прохода вплоть до первой трети XIX в. затруднялись тем, что моря и побережье материка, расположенные к северу и северо-востоку от устья Лены, были практически не изучены. В 1819 г. «для поисков и описания земель», лежащих к северу от рек Яна и Колыма, на северо-восток Сибири отправились сразу две экспедиции: Колымская во главе с Фердинандом Врангелем, и Янская, руководимая Петром Анжу. Янская экспедиция должна была описать Новосибирские острова и выяснить, не продолжается ли Новая Сибирь «далее и нет ли еще близ ее других земель».

В конце июня 1820 г. обе экспедиции отправились вниз по Лене и 25 июля достигли Якутска. Здесь пути отрядов разошлись. Отряд Анжу продолжил путь вниз по Лене. Путешественники благополучно добрались до Усть-Янска и в марте 1821 г. двинулись на оленях в путь к устью Лены, откуда взяли курс на северо-восток к острову Столбовому. Достигнув южного берега острова Котельный, экспедиция разделилась на две партии. Одна должна была заняться описанием острова Фаддеевского, другая – острова Котельного. С побережья именно этого острова промышленник Яков Санников за несколько лет до этого увидел на северо-востоке загадочную землю. Анжу пытался отыскать ее, но безуспешно: вокруг не было ничего, кроме нагромождения ледяных глыб.

12 апреля оба отряда соединились и после непродолжительного отдыха отправились на север. Анжу намеревался достичь острова Новая Сибирь и оттуда попытаться еще раз предпринять поиски Земли Санникова. Пройдя по льду через пролив Благовещенский, Анжу и его спутники вышли к мысу Рябому на северо-восточной стороне острова. Море было покрыто сплошным льдом. Это обнадежило Анжу: он решил отправиться прямо по льду в ту сторону, где предположительно могла находиться Земля Санникова. Экспедиции удалось пройти в северо-восточном направлении от острова Новая Сибирь около 25 верст. Никаких признаков земли, однако, не наблюдалось, и Анжу распорядился поворачивать назад. 8 мая 1821 г. экспедиция вернулась в Усть-Янск.

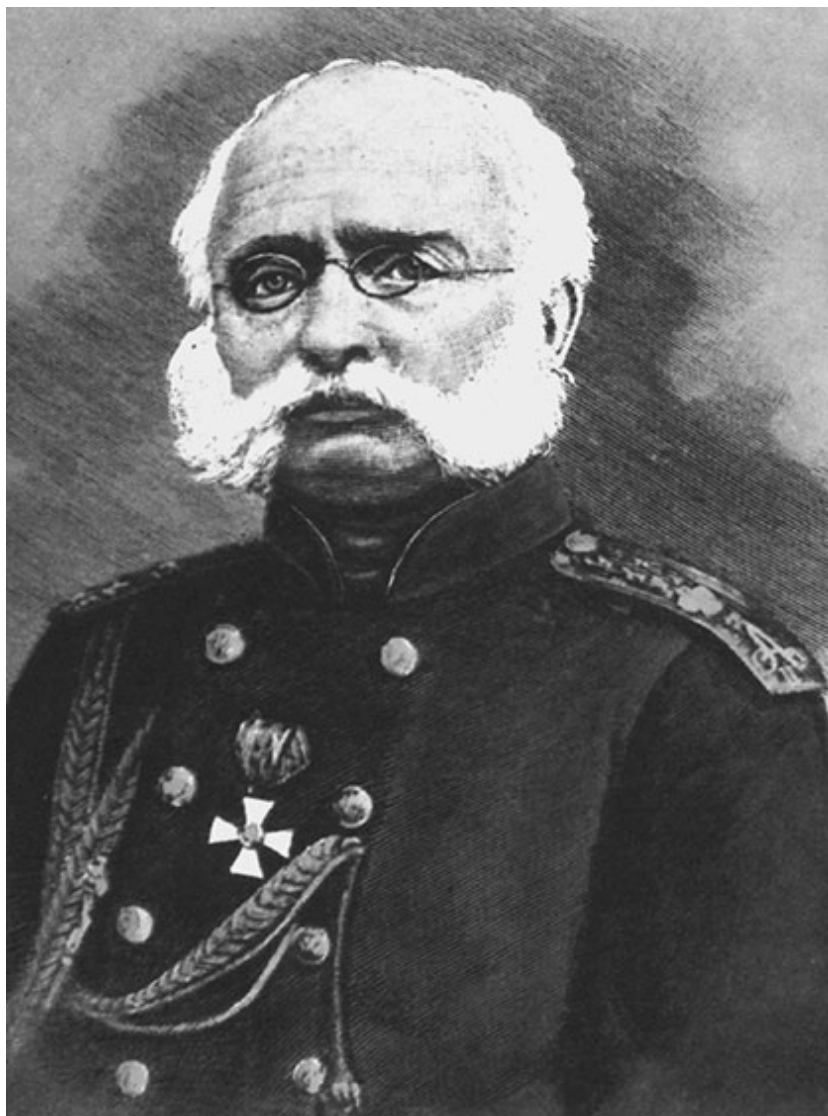
Осень и зиму Анжу провел в подготовке к новому походу. На этот раз целью экспедиции стали Новосибирские острова и области, расположенные к северу от них. 28 февраля отряд Анжу вышел в путь на 12 нартах, запряженных 156 собаками. Запасы продовольствия взяты на два месяца.

На этот раз поход увенчался открытием: путешественники обнаружили неизвестный остров. Правда, располагался он не там, где надлежало быть Земле Санникова. Острову было присвоено имя естествоиспытателя Алексея Фигурина. В попытке отыскать землю Санникова путешественники, идя по припайному льду, продвинулись на север так далеко, насколько это было возможно, однако, сколько ни всматривались они в горизонт, никаких признаков земли не видели. Экспедиция повернула к острову Котельному, а в конце марта перебралась на остров Фаддеевский и занялась обследованием его западного и южного берегов. После этого Анжу еще раз безуспешно попытался пройти к Земле Санникова и, не добившись успеха, направился в Нижнеколымск, где встретился с отрядом Врангеля.

Мираж «матерой земли»

Отряд Фердинанда Врангеля, отправившийся в Северо-Восточную Сибирь вместе с экспедицией Анжу, имел задание осмотреть берег Северного Ледовитого океана от Большого Баранова Камня до мыса Шелагского, к северу от которого находилась, как предполагалось, «матерая земля», обитаемая «дикими людьми»; возможно, эта земля представляла собой перешеек, соединяющий Азию с Америкой.

В качестве базы для своих действий Врангель избрал Нижнеколымск. 19 февраля 1821 г. экспедиция вышла отсюда на 8 нартах с собачьими упряжками. 24 февраля отряд миновал Большой Баранов Камень, за которым начинались совершенно неизведанные территории. 1 марта экспедиция достигла острова Сабадей (Айон) в Чаунской губе, а на следующий день с берегового утеса путешественники увидели в море неизвестную землю. День 3 марта провели на льду Чаунской губы, а вечером Врангель и его спутники увидели на востоке очертания невысоких куполообразных гор. Это был мыс Шелагский. Казалось, он находится на расстоянии одного дневного перехода от места стоянки. Путь к нему, однако, оказался самым тяжелым испытанием для экспедиции.

Фердинанд Петрович Врангель

7 марта отряд отправился в обратный путь. По пути Врангель открыл ранее неизвестный мыс, названный именем Матюшкина, и небольшой остров Роутан (Араутан). 28 апреля экспедиция вернулась в Нижнеколымск, так и не увидев «матерой земли». Тем не менее путешествие Врангеля позволило установить, что море далеко от берегов Сибири даже зимой не только не сковано вечным льдом, а даже не покрыто сплошным ледяным покровом. Это открывало новые перспективы в деле поисков Северо-Восточного прохода.

Перезимовав в Нижнеколымске, 13 марта следующего, 1822 г. Врангель вновь отправился к Баранову Камню. На этот раз он намеревался выйти на границу припайного льда и, держась вдоль нее,

идти на восток, до меридиана Шелагского мыса, в надежде собрать сведения о «предполагаемом существовании земли к северу». Путь через торосы был труден и опасен. Путешественники постоянно отмечали признаки близкой земли: следы лисы, дерево, примерзшее ко льду... Все это вселяло надежды. О земле на севере Врангель расспрашивал и местных чукчей. Они отвечали, что с прибрежных скал Северного мыса в летнее время иногда бывают видны покрытые снегом горы. Но путь на север Врангелю преградило море... Когда начальник отряда принял решение повернуть назад, он находился примерно в 30 милях от острова, ныне носящего его имя. А «земля на севере», оказавшаяся, правда, не материком, а островом, была открыта лишь 45 лет спустя американским мореплавателем Томасом Лонгом и названа именем Врангеля.

«Вега» идет на восток

Свою карьеру полярного путешественника Нильс Норденшельд начал в 1870 г. с путешествия в Гренландию. Потом он еще несколько раз возвращался на «Зеленый остров», а также побывал на Шпицбергене. А вскоре, увлекшись идеей поисков Северо-Восточного прохода, он приобрел небольшое судно и отправился к устью Енисея. Здесь он отыскал на маленьком островке удобную гавань и назвал ее Порт-Диксон – в честь спонсора своей экспедиции. Эта путешествие было всего лишь предварительной разведкой. Оно убедило Норденшельда в том, что преодоление Северо-Восточного прохода – дело вполне возможное.

Вернувшись в Швецию, Норденшельд снарядил большой пароход «Вега» и в начале лета 1878 г. вышел в дальний путь из Гетеборга. Экспедиция была организована на редкость тщательно. Сопровождаемая пароходом «Лена», «Вега» обогнула Норвегию, пересекла Баренцево море и через пролив Югорский Шар вошла в Карское море. 19 августа пароходы обогнули мыс Челюскин, после чего «Лена», как и намечалось с самого начала, повернула к реке Лена.

Нильс Норденшельд

Ледовая обстановка в Северном Ледовитом океане в тот год была благоприятной, хотя встреч с туманами, ветрами и льдами, особенно во время обхода полуострова Таймыр, «Вега» не избежала. В целом путешествие протекало успешно, и Норденшельд надеялся пройти через Берингов пролив раньше, чем море замерзнет, и таким образом пройти Северо-Восточным проходом за одну летнюю навигацию. Пароход уже шел вдоль побережья Чукотки, когда условия плавания начали быстро ухудшаться. Попав к востоку от устья Колымы в тяжелую ледовую обстановку, Норденшельд и его спутники были вынуждены зазимовать в Колючинской губе на северном побережье Чукотки, не дойдя до Берингова пролива всего лишь 300 километров. 289 дней путешественники провели в ледовом плену. Только 18 июля 1879 г. «Вега» смогла отправиться в дальнейший путь. Пройдя через Берингов пролив, Норденшельд повернул к берегам Аляски, потом посетил остров Беринга и Японию, а затем отправился вокруг Азии в

Швецию. Не потеряв никого из своих спутников, шведский исследователь и путешественник за полтора года преодолел путь, отыскать который человечество стремилось на протяжении 350 лет. Успех Норденшельда заставил поверить, что Северо-Восточным проходом можно пройти даже за один летний сезон; появились надежды на возможность использования Северо-Восточного прохода в качестве большой торговой дороги Севера.

«Мы можем ждать спасения лишь от чуда...»

Осенью 1878 г. весь мир ждал, что «Вега» Норденшельда вот-вот выйдет из Берингова пролива и появится на просторах Тихого океана, и когда этого не произошло, толки пошли самые разнообразные: живы ли отважные путешественники? Если да, то, несомненно, они нуждаются в помощи...

Весной 1879 г. из Сан-Франциско на поиски Норденшельда на паровой яхте «Жаннетта» вышла спасательная экспедиция. Ее организовал Джеймс Гордон Беннет, издатель газеты «Нью-Йорк геральд» – тот самый, кто финансировал путешествие Стэнли в Африку. Помимо поисков Норденшельда, «Жаннетта» должна была попытаться достичь Северного полюса. Возглавил экспедицию Джордж Вашингтон Де-Лонг.

Де Лонг и его команда после утраты «Жаннетты»

Выйдя из Сан-Франциско, «Жаннетта» прошла через Берингов пролив и двинулась к Колючинской губе. Здесь Де-Лонг узнал, что 18 июля «Вега» наконец смогла освободиться из ледового плена и благополучно вышла в Берингово море. Первая задача экспедиции, таким образом, отпадала. Оставалась вторая. И Де-Лонг взял курс на север, намереваясь достигнуть полюса. Он сумел подняться до широты 72° . 5 сентября судно вмерзло в лед близ острова Геральд (к северо-востоку от о. Врангеля).

Двадцать один месяц «Жаннетта» дрейфовала в северо-западном направлении. Льды сжимали корпус судна так, что «Жаннетта» кренилась на борт и трещала, грозя вот-вот пойти ко дну. 17 мая 1881 г.

экипаж впервые увидел землю. Это был небольшой островок, ранее не известный. Де-Лонг назвал его островом Жаннетты.

24 мая с борта корабля увидели другой остров. Де-Лонг дал ему имя остров Беннета – в честь издателя «Нью-Йорк геральд». 3 июня экспедиция обнаружила еще один неизвестный остров. Путешественники назвали его Генриетта и подняли на нем американский флаг. Эти три острова, открытые американскими моряками в северо-восточной части Новосибирского архипелага, позднее были названы островами Де-Лонга.

Между тем ледовая обстановка ухудшалась. Плохо приспособленная для долгого плавания во льдах «Жаннетта», к тому же уже почти два года находившаяся в полярных водах, начала ложиться на борт, и утром 13 июня раздавленное льдами судно пошло ко дну. Экипаж – 33 человека – высадился на лед. К счастью, удалось спасти шлюпки, сани, ездовых собак и провиант. Де-Лонг решил двинуться на юг, чтобы достичь сибирского побережья.

В конце июля Де-Лонг и его спутники находились на широте 77° 42'. На горизонте показалась земля. Но это, увы, был не долгожданный материк, а небольшой пустынный островок Семеновский. Он был сложен из ископаемого льда, и впоследствии, к середине XX в., полностью растаял. К югу от острова море было свободно ото льда. Разместившись в трех лодках, утром 12 сентября путешественники двинулись к сибирскому берегу, до которого им предстояло преодолеть по морю 140 километров. В одной лодке находился сам Де-Лонг с 13 матросами. Второй лодкой командовал лейтенант Чипп, третья находилась под командованием инженера Мелвилла. Первый день пути прошел благополучно. Но вечером поднялся сильный ветер, крепчавший с каждой минутой. В темноте гонимые бурей лодки потеряли друг друга.

Монумент в честь Де-Лонга в США

Группа Мелвилла 14 сентября достигла устья Лены и, поднявшись вверх по реке, остановилась в покинутом зимовье. Через несколько дней якуты обнаружили обессиленных моряков и пришли им на помощь. Спустя две недели Мелвилл прибыл в селение Булун. Здесь он встретил двух матросов из группы Де-Лонга, посланных начальником экспедиции на разведку. Люди были в состоянии полного истощения – они прошли пешком около 250 километров.

Необходимо было немедленно отправляться на поиски Де-Лонга и его товарищей. Мелвилл собрал местных жителей с санями и собаками и направился на север. После долгих поисков он нашел многочисленные следы стоянок, но ничего не узнал ни о судьбе Де-Лонга, ни о группе лейтенанта Чиппа. Зимние метели помешали дальнейшему продвижению вперед...

На поиски пропавших путешественников отправилось несколько поисковых партий. Спасатели прошли вдоль всего восточно-сибирского побережья. Но тела пропавших без вести были найдены лишь спустя пять месяцев, в марте 1882 г. Рядом с телом Де-Лонга лежал его

дневник, повествующий о невероятно тяжелых испытаниях, выпавших на долю моряков. До самого последнего момента почерк начальника экспедиции оставался безукоризненно четким: «Мы можем ждать спасения лишь от чуда – более никакого исхода я не вижу...»

Судьба лейтенанта Чиппа и его людей так и осталась неизвестной.

В поисках Земли Санникова

В начале XIX в. промышленник Яков Санников с северного берега о. Котельного – одного из группы Новосибирских островов – увидел в 70 верстах от него неизвестную землю. Но Санникову не удалось самому достичь ее. Авторитет Санникова как первооткрывателя был высок, так что никто не усомнился в том, что виденная им земля существует. Но никому так и не удавалось достичь ее.

Цель отыскать эту землю поставил себе Эдуард Васильевич Толль. В 1885 г. он принимал участие в полярной экспедиции под руководством А.А. Бунге. Во главе отдельного отряда Толль обследовал острова Большой Ляховский, Землю Бунге, Фаддеевский и западный берег острова Новая Сибирь. Во время этого путешествия он впервые увидел ту самую землю, которую когда-то описал Яков Санников. Это случилось 13 августа 1886 г. По мнению Толля, загадочная земля отстояла на 150–200 километров к северу от Новосибирских островов. Он был убежден, что экспедиция Де-Лонга, открывшая острова Беннета, Жаннетты и Генриетты, вплотную приблизилась к тайне Земли Санникова.

21 июня 1900 г. из Кронштадта вышла паровая шхуна с парусной оснасткой «Заря», на борту которой находилась научная экспедиция, возглавляемая Толлем. За два года плавания ей предстояло пройти вокруг Таймыра, изучить Новосибирские острова и исследовать прилегающую акваторию Северного Ледовитого океана. Но главной целью являлись поиски Земли Санникова.

«Заря» благополучно прошла Баренцево и Карское моря, зашла в Диксон, а оттуда двинулась к мысу Челюскин. Толль надеялся зазимовать на восточном берегу Таймыра, но погода внесла свои поправки: зимовать пришлось у западного входа в Таймырский пролив. Весной 1901 г. Толль взял курс на остров Беннета, расположенный к северу от архипелага Новосибирских островов. Где-то к северо-западу от него лежала Земля Санникова...

В навигацию 1901 г. «Заре» удалось подойти к острову Беннета на 12 миль. Дальше начинались тяжелые льды. Перезимовав у о. Котельный, Толль летом 1902 г. снова попытался пробиться к острову Беннета и снова потерпел неудачу. Запасы угля на шхуне иссякали.

Следующим летом «Заря» должна была уходить во Владивосток, а цели экспедиции так и не были достигнуты. И тогда Толль решается на отчаянный шаг. Оставив «Зарю», он отправляется в санно-шлюпочный поход к острову Беннета, чтобы оттуда идти к Земле Санникова...

Вместе с Толлем пошли астроном и физик Ф.Г. Зееберг и два опытных промысловика – эвен Николай Дьяконов и якут Василий Горохов. 3 июня 1902 г. четверка отважных двинулась в путь. Больше этих людей никто никогда не видел.

Групповой снимок участников экспедиции на борту «Зари». Эдуард Толль третий во втором ряду слева

Перед уходом Толль оставил капитану «Зари» Ф.Л. Матисену распоряжение: после вскрытия моря шхуна должна была идти к мысу Эмма на острове Беннета, где планировалась их встреча. Однако выполнить волю начальника экспедиции «Заря» не смогла из-за

трудных ледовых условий, хотя Матисен предпринимал героические усилия. «Заря» повернула на юг...

Весной следующего года на поиски Толля отправилась спасательная экспедиция, которую возглавил лейтенант А.В. Колчак – будущий адмирал и Верховный правитель России. В течение 8 месяцев, ежеминутно подвергаясь смертельным опасностям, Колчак и его спутники искали следы пропавшей экспедиции. В марте 1903 г. на острове Новая Сибирь им удалось обнаружить последнюю стоянку Толля и его спутников перед их уходом на остров Беннета. К деревянному столбу была прикреплена консервная банка, внутри которой лежала записка, написанная рукой Толля: «...Отправляемся дальше 12 июля днем. Все благополучно».

17 августа 1903 г. спасатели во главе с Колчаком высадились на острове Беннета. Едва вельбот подошел к берегу, как один из участников экспедиции подцепил багром лежавший на прибрежной отмели блестящий предмет – это была крышка от алюминиевого котелка. Еще не дойдя до мыса Эмма, участники спасательной экспедиции наткнулись на новые следы пропавшей экспедиции. А на самом мысе Эмма спасатели нашли стеклянную бутылку, в которой лежали три записки. Из них спасателям узнали, что Толль с товарищами провели на острове Беннета по крайней мере 98 дней и что они собирались здесь зимовать в построенной ими избе. Вскоре отыскалась и изба: она до половины была заполнена снегом, который смерзся, превратившись в ледяную глыбу. Когда спасатели попробовали расколоть лед, из-под груды камней появился на свет обшитый парусиной ящик, в котором лежал еще один документ. Это был отчет Толля на имя президента Российской академии наук. К нему была приложена короткая записка: «Отправимся сегодня на юг. Провизии имеем на 14–20 дней. Все здоровы. Э. Толль. 26.X – 8.XI.1902 г.».

Как следовало из найденных записок, на острове Новая Сибирь у Толля имелся запасной склад продовольствия. Дошел ли Толль до него? Колчак и его спутники пустились по следам пропавшей экспедиции. Склад провизии оказался нетронутым. Эдуард Толль и три его спутника исчезли при переходе от острова Беннета к острову Новая Сибирь...

«Таймыр» и «Вайгач»: точка поставлена

В 1910–1913 гг. на Дальнем Востоке и в Чукотском и Восточно-Сибирском морях работала русская гидрографическая экспедиция. Используя в качестве базы Владивосток, путешественники на двух ледокольных пароходах «Таймыр» и «Вайгач» исследовали побережье Чукотки, острова Врангеля, Новосибирские и Медвежьи, занимались поисками Земли Санникова (плавания «Таймыра» и «Вайгача» окончательно доказали, что этой земли не существует). В августе 1913 г. экспедиция сделала важное географическое открытие: к северу от побережья Таймыра был обнаружен обширный, ранее неизвестный архипелаг, получивший название Северной Земли.

24 июня 1914 г. «Таймыр» и «Вайгач» снова вышли в море, на этот раз с целью пройти Северным морским путем с востока на запад. Руководил экспедицией офицер-гидрограф Борис Вилькицкий. В последних числах августа пароходы достигли Таймыра, 1 сентября обогнули мыс Челюскин и подошли к южному побережью Северной Земли. Далее к западу лежали непроходимые льды. 5 сентября пароходы стали на зимовку западнее мыса Челюскин, на расстоянии 16 миль один от другого. На «Таймыре» было 50 человек экипажа, на «Вайгаче» – 48; оба парохода имели повреждения корпусов и винтов. По счастью, еще в начале сентября удалось связаться по радио с судном «Эклипс» известного норвежского полярного путешественника Отто Свердрупа, которое, как оказалось, зимует у мыса Вильда, в 150 милях к западу от места стоянки «Вайгача»; по просьбе русского правительства «Эклипс» вел поиски пропавших экспедиций Седова, Брусилова и Русанова. Через «Эклипс» и радиостанцию в проливе Югорский Шар Вилькицкому удалось установить радиосвязь с Главным гидрографическим управлением в Петрограде.

26 июля 1915 г. льды в районе зимовки ледокольных пароходов ослабли, что позволило возобновить плавание. 8 августа «Таймыр» и «Вайгач» снова начали движение на запад и спустя 11 дней добрались до острова Диксон, где к тому времени уже действовала полярная станция. Отсюда путешественники взяли курс на близкий уже Архангельск. 3 сентября 1915 г. первое сквозное плавание Северо-Восточным проходом с востока на запад было завершено.

В дело вступает Амундсен

Став знаменитым полярным исследователем, Руаль Амундсен не отказался от идеи побывать на Северном полюсе. Он решил осуществить дрейф через Арктический бассейн. Для этой цели было построено парусно-моторное судно «Мод». Состав экспедиции, как всегда, был немногочисленным: 9 человек вместе с Амундсеном; четверо из них уже принимали участие в предыдущих экспедициях норвежского путешественника. 24 июня 1918 г. «Мод» вышла в море и, обогнув северную оконечность Скандинавского полуострова, двинулась на восток. Спустя месяц после начала плавания экспедиция достигла Югорского Шара. Здесь она пополнилась еще одним членом: русским радистом Геннадием Олонкиным.

Ледовая обстановка в том году была неблагоприятной. Весь август ушел на то, чтобы пройти через льды Карского моря. 9 сентября «Мод» обогнула мыс Челюскин. За ним судно встретило совершенно непроходимые льды, и 13 сентября путешественники были вынуждены остановиться на зимовку у восточного побережья Таймыра.

Зимовка оказалась трудной и долгой, хотя члены экспедиции и заполняли время активной исследовательской работой. Наступившее лето не принесло никаких перемен: ледовая обстановка даже в летние месяцы не улучшилась. Пришлось взрывать лед. Только 12 сентября 1919 г. судно вновь оказалось на чистой воде. В день окончания зимовки два члена экипажа – Пауль Кнудсен и Петер Тессем – покинули корабль и пешком отправились к Диксону, расположенному в 800 километрах к востоку. Мотивы их ухода неясны; похоже, они связаны с ухудшившейся моральной обстановкой на судне. Оба полярника погибли в пути, и останки их были найдены спустя несколько лет.

Через 11 дней «Мод» снова оказалась в ледовом плену – на этот раз у острова Айон в Чаунской бухте у северо-западного побережья Чукотки. Маломощная радиостанция судна во время зимовки у Таймыра не поддерживала связи даже с Диксоном, а здесь путешественники вообще оказались в изоляции. Амундсен послал 3 человек в Нижнеколымск, но телеграфа там не оказалось. В Среднеколымске радиостанция не действовала. санная партия

отправилась в Анадырь. Сдав там депеши и дождавшись ответных телеграмм, отряд вернулся на «Мод», потратив на это путешествие больше полугода.

Между тем моральный климат на судне продолжал ухудшаться. В начале июля 1920 г. лед вскрылся, и Амундсен решил идти в Ном на Аляске. Спустя 2 недели «Мод» обогнула мыс Дежнева. Северо-Восточный проход был пройден!

Руал Амундсен за штурвалом

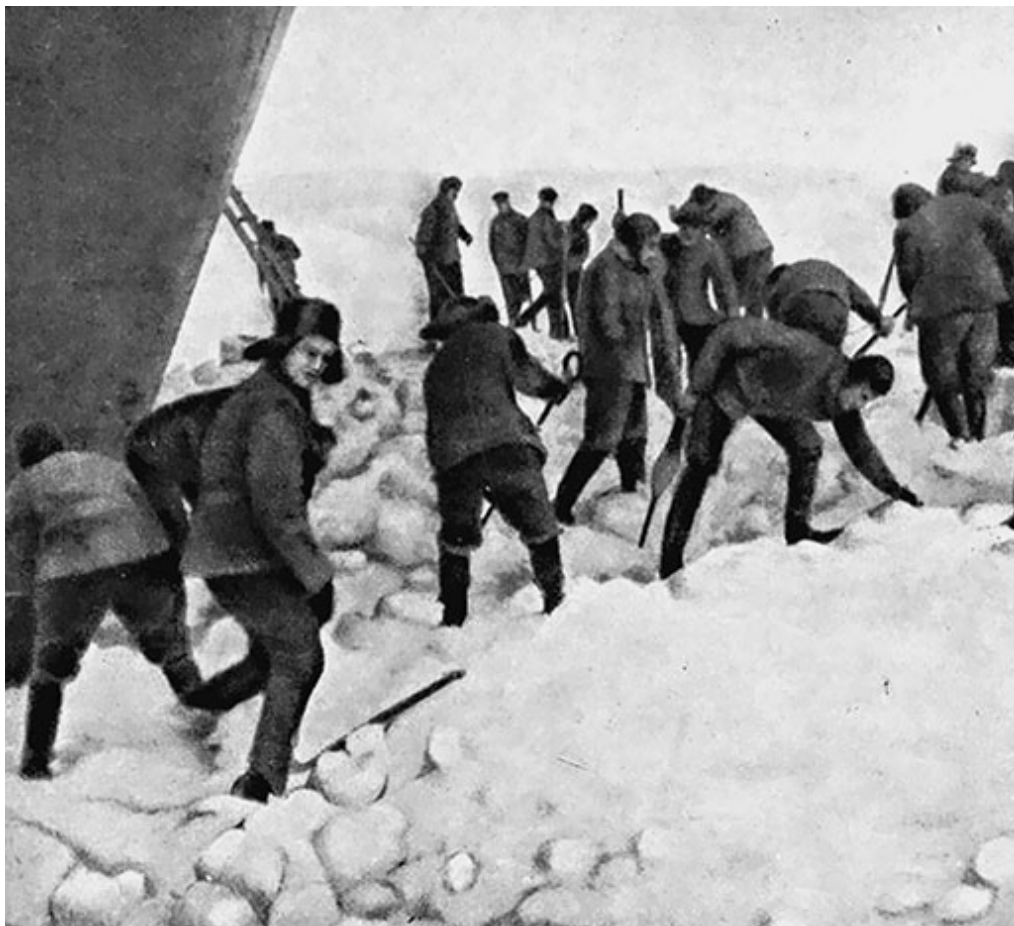
27 июля «Мод» прибыла в Ном. Здесь 4 команды оставили судно. На борту «Мод» осталось всего 4 человека, включая Амундсена. Продолжать плавание с такой маленькой командой было опасно, но Амундсен вновь выходит в море. К северу от Берингова пролива ледовая обстановка резко ухудшилась. Огибая мыс Сердце-Камень, «Мод» сломала гребной винт, льды прижали судно к берегу, и экспедиции пришлось в третий раз становиться на зимовку – на этот раз у побережья Чукотки, в 110 километрах от Берингова пролива. По соседству с «Мод» располагалось стойбище чукчей, так что путешественники не чувствовали себя одинокими. Когда наступила весенняя оттепель, Амундсен отвел «Мод» в Сиэтл на Аляске и поставил ее на ремонт, а сам покинул судно. Заключительный этап плавания «Мод» совершала уже без Амундсена. В 1922–1925 гг. экспедиция дрейфовала в водах Чукотского и Восточно-Сибирского морей. Льды вынесли судно к Новосибирским островам, а не к Северному полюсу, как рассчитывали норвежцы. Задуманный Амундсеном трансполярный дрейф не удался. Летом 1925 г. экспедиция вернулась в Ном.

Эпопея «Челюскина»

Летом 1932 г. пароход «Александр Сибиряков» впервые за одну навигацию прошел Северным морским путем. Многие рассматривали это плавание как несомненный триумф, однако скептики считали, что «Сибирякову» просто повезло: в тот год ледовая обстановка в Арктике оказалась благоприятной. В любое другое время пароходы не в состоянии без сопровождения ледоколов проходить Северным морским путем. Тем не менее 17 декабря 1932 г. на должность начальника Главсевморпути – организации, существующей еще лишь на бумаге, – назначается О.Ю. Шмидт, один из организаторов и участников плавания на «Сибирякове». В его распоряжение передается только что построенный пароход «Лена», спешно переименованный в «Челюскин» (в честь подштурмана Семена Челюскина, участника Великой Северной экспедиции XVIII в.). Это судно мало годилось для плавания в северных широтах (приемная комиссия, в состав которой входил знаменитый русский кораблестроитель академик А.Н. Крылов, отмечала, что оно «совершенно непригодно к ледовому плаванию»), однако именно на нем Шмидт отправляется в новый поход по Северному морскому пути...

10 августа 1933 г. – для Арктики недопустимо поздно – «Челюскин» вышел из Мурманска. На его борту 112 человек: экипаж, члены научной экспедиции, зимовщики, направлявшиеся на остров Врангеля, целая творческая группа – журналисты, писатели, кинооператоры, фотограф. Уже было известно, что южная часть Карского моря до пролива Вилькицкого покрыта тяжелым льдом. А впереди еще море Лаптевых, Восточно-Сибирское, Чукотское...

Неприспособленность «Челюскина» к плаваниям в Арктике стала очевидна в первые дни. Ледовая обстановка с каждым днем становилась все более и более трудной. В Восточно-Сибирском море пароход прочно увяз во льдах. Ледяные глыбы сдавливали корпус судна так сильно, что заклепки, по свидетельству очевидцев, вылетали со звуком, напоминавшим пулеметную стрельбу. В судовом журнале почти ежедневно вносятся записи о лопнувших шпангоутах, сломанных заклепках, потерянной лопасти винта...

Работы экипажа по отколу льда

Льды, сковавшие судно, медленно несли его на восток — к Берингову проливу. В начале ноября пароход достиг острова Диомида. До чистой воды оставалось всего 700–800 метров. Все были уверены, что «Челюскин» вот-вот вырвется из ледового плена. Но Арктика коварна. Направление дрейфа переменялось, и судно понесло назад в Чукотское море. Началась зимовка...

Три месяца прошли на вмерзшем в ледовое поле судне относительно спокойно. Команда занималась мелким ремонтом, ученые вели наблюдения. Весело встретили новый, 1934 г. А в ночь с 12 на 13 февраля началась подвижка льдов...

В полдень 13 февраля корпус «Челюскина» закрипел, по левому борту появилась трещина. В 13 часов 30 минут сильным напором левый борт разорвало на большом протяжении от носового трюма до машинного отделения. Лопнули трубы паропровода, в трюм и машинное отделение хлынула вода... В 15 часов 30 минут «Челюскин»

затонул. На льдине осталось 104 человека, среди них 10 женщин и 2 ребенка. В темноте, на трескучем морозе, люди спешно ставили брезентовые палатки. Спустя несколько часов радисту Э. Кренкелю удалось связаться с Москвой и сообщить о кораблекрушении. На следующий день в лагерь Шмидта пришла радиограмма о том, что спасательная операция началась.

Два месяца – с 13 февраля по 13 апреля 1934 г. – челюскинцы вели борьбу за спасение. Спасательная операция началась уже на следующий день после гибели парохода. Из Владивостока к лагерю челюскинцев устремились суда «Смоленск», «Сталинград» и «Совет», с запада – ледокол «Красин». Однако основная нагрузка по спасению людей легла на плечи летчиков. Стоит отметить, что полет в условиях Крайнего Севера и сейчас является делом непростым, а в то время он был без преувеличения равен подвигу.

К началу марта на мысе Ванкарем на Чукотке и в Номе на Аляске были готовы самолеты для вывоза экипажа «Челюскина». Массовая эвакуация людей началась в апреле. За две недели летчики совершили 24 рейса. Последними покинули ледовый лагерь капитан Воронин и радист Кренкель. Произошло это 13 апреля 1934 г. – ровно через два месяца после гибели «Челюскина». К этому времени вся страна уже знала о приключениях челюскинцев, их встречали как героев. В честь челюскинцев устроили прием в Кремле, все они были награждены орденами, а семь летчиков полярной авиации – Анатолий Ляпидевский, Маврикий Слепнев, Василий Молоков, Николай Каманин, Михаил Водопьянов и Иван Доронин – стали первыми Героями Советского Союза.

В Арктике

На земле Франца-Иосифа

В 1871 г. топограф Юлиус Пайер и военный моряк Карл Вейпрехт возглавили австро-венгерскую полярную экспедицию на пароходе «Тегетгоф». 29 августа 1872 г. корабль вмерз во льды у северо-западного берега Новой Земли и дрейфовал 372 дня в северном направлении. 30 августа 1873 г., несмотря на затянутый дымкой горизонт, моряки увидели на северо-западе сперва скалы, а потом, когда туман окончательно рассеялся, перед ними предстала сверкающая ледниками горная страна. Новооткрытую сушу Пайер назвал Землей Франца-Иосифа, в честь тогдашнего австрийского императора.

Высадиться на берег морякам не удалось: течение относило льды, в которые вмерз «Тегетгоф», к югу. Лишь в конце октября, став на зимовку, путешественники ступили на землю, оказавшуюся маленьким островом (о. Вильчека). 10–16 марта 1874 г., при жестоких морозах, доходивших до -50°C , Пайер с шестью спутниками на собачьих упряжках совершил короткую вылазку от места зимовки и обнаружил лежащий к северо-западу остров Галля. Спустя неделю 7 человек во главе с Пайером вышли в поход на север. Тяжелые сани людям приходилось тащить вместе с собаками. Пробиваясь через метели, обходя многочисленные трещины во льду, путешественники 26 марта обнаружили остров Сальм. Отсюда Пайер и его спутники пошли на север вдоль открытого ими Австрийского пролива, отделяющего восточную группу островов архипелага от центральной. В начале апреля Пайер, оставив четырех человек, с двумя спутниками прошел еще дальше на север, добрался до острова Рудольфа, обогнул его с запада и вышел к мысу Флигели – крайней северной точке архипелага. Дальше к северу, как ему показалось, располагались еще 2 острова, названные им «Землей Петермана» и «Землей Короля Оскара» (на самом деле это были скопления торосов). На обратном пути отряд пересек высокий остров Винер-Нейштадт.

Картина «Назад дороги нет!» Юлиуса Пайера. Написана им под впечатлением от экспедиции

Вернувшись в начале мая в лагерь экспедиции, Пайер спустя несколько дней вновь уходит в дальний поход, горя желанием исследовать открытый им архипелаг. Пройдя около 50 километров на северо-запад, он открыл остров Мак-Клинтока. Всего же за время зимовки на Земле Франца-Иосифа Пайер прошел более 850 километров, нанеся на карту ряд островов. Между тем надежды на то, что «Тегетгоф» сможет освободиться из ледового плена, окончательно развеялись. 30 мая 1874 г. путешественники покинули пароход и после трехмесячного перехода, везя с собой поставленные на сани шлюпки, достигли кромки льда. Идя на веслах, экспедиция добралась до побережья Новой Земли, где встретила русских промысловиков. Спустя два года увидела свет книга Юлиуса Пайера «Австро-венгерская северная полярная экспедиция», из которой мир впервые узнал о

существовании близ Северного полюса ранее неизвестного арктического архипелага.

Во льдах на «Фраме»

Со времен первых плаваний в морях Арктики многокилометровые ледяные поля считались главным врагом путешественников. Первым, кто по-новому посмотрел на эту проблему, стал норвежец Фритьоф Нансен. Его план заключался в том, чтобы построить специальное судно, которое благодаря своей форме смогло бы пересечь Северный Ледовитый океан вместе с дрейфующим льдом. Нансен был уверен, что с помощью льда можно достичь и главной цели многих исследователей Арктики – Северного полюса. Для этого надо было пройти Северо-Восточным проходом вдоль берегов Сибири, в Карском море дать кораблю вмерзнуть в ледяное поле и дрейфовать на нем вместе со льдами к Северному полюсу. Если же льды не пройдут через самый полюс, то корабль можно покинуть и дойти до полюса пешком, а потом вернуться по льду на Шпицберген...

Встреча Нансена и Джексона. Постановочная фотография, сделанная через несколько часов после их действительной встречи

«Прекрасно разработанный план самоубийства!» – таков был вердикт ведущих авторитетов той поры. Но Нансен смотрел на дело иначе. Талантливый конструктор-кораблестроитель Колин Архер помог ему построить «Фрам» – судно, отлично приспособленное для плавания во льдах. Экспедиция отправилась в путь в июне 1893 г. Нансен обогнул мыс Челюскин, продвинулся на восток и 22 сентября 1893 г. у $78^{\circ}50'$ с. ш. и $133^{\circ}37'$ в. д. завел «Фрам» во льды. 21 сентября 1893 г. «Фрам» вмерз в льды и начал дрейфовать через Центральную Арктику. Оказалось, что он прекрасно выдерживает давление льдов: когда оно усиливалось, «Фрам» вытеснялся наверх, а когда ослабевало, садился своим плоским килем на воду.

Дрейф продолжался полтора года. Судно двигалось со льдами, медленно направляясь к северу. И все же становилось ясно, что экспедиции не удастся пройти через полюс. 14 марта 1895 г., когда корабль находился у 84-й параллели, Нансен решает идти на штурм полюса...

Попрощавшись с «Фрамом», они вдвоем с Фредериком Ялмаром Йохансеном на двух собачьих упряжках уходят на север. Это было первое путешествие по бескрайнему ледяному полю, медленно дрейфующему по водам Северного Ледовитого океана. Нансен не надеялся найти обратный путь к «Фраму». Он твердо решил возвращаться через Шпицберген. Путь по льду был очень тяжелым. К 8 апреля Нансен и Йохансен достигли широты 86°14'. Это была самая северная точка, к тому времени достигнутая человеком. Настал момент, когда они были вынуждены повернуть назад и взять курс на Землю Франца-Иосифа.

После множества злоключений путешественники достигли группы неизвестных им островов. Здесь, в заброшенном зимовье – хижине, наполовину вырытой в земле, наполовину сложенной из камня, – они провели всю зиму, питаясь медвежьим мясом. Весной путешественники прошли на юг и встретились с экспедицией Фредерика Джексона. Нансена и его спутника едва можно было узнать: оба обросли бородами, одежда изнасилась и покрылась слоем грязи, лица обветрились...

На судне Джексона путешественники в августе прибыли в Норвегию, где узнали, что «Фрам» тоже благополучно достиг родных берегов! Оказалось, что после ухода Нансена «Фрам» продолжал дрейфовать на северо-запад и достиг широты 85°57'. Дальше ледовое поле повернуло на юго-запад, как и предсказывал Нансен, и к северу от Шпицбергена корабль благополучно освободился из ледового плена.

Тысяча дней в Арктике

В 1894 г. на острове Нортбрук, входящем в архипелаг Земли Франца-Иосифа, высадились экспедиция Фредерика Джексона, снаряженная на средства лондонского Королевского географического общества. Перед ней стояла задача исследования Земли Франца-Иосифа. На мысе Флора путешественники организовали постоянный лагерь, послуживший им базой во время всего 3-летнего пребывания на архипелаге. Весной 1895 г. Джексон пересек архипелаг в северном направлении и обнаружил 9 ранее неизвестных небольших островов. Он закартографировал Австрийский пролив, открыл и прошел весь Британский канал, доказав, что Земля Георга (2740 кв. км) является крупнейшим островом Земли Франца-Иосифа. Весной 1896 г. Джексон и его спутники обследовали центральную островную группу Земли Франца-Иосифа, которую ошибочно приняли за один остров, а в июне того же года спасли от верной смерти Фритьофа Нансена и Фредерика Йохансена, покинувших дрейфующий вместе со льдами «Фрам» и пытавшихся достичь Северного полюса.

Фредерик Джексон в полярной одежде. Портрет работы Лесли Варда, 1897 г.

В следующем, 1896 г. Джексон на северном берегу Земли Георга открыли полуостров, получивший имя одного из членов экспедиции, – Армитидж, большой залив (ныне залив Географов), ледниковый купол и у 81° с. ш. – остров Артура. В общей сложности Джексон прошел по островам архипелага более 1140 миль. Свою приключения он описал в книге «Тысяча дней в Арктике», опубликованной в 1899 г.

Вильяльмур Стефансон покоряет Арктику

В свое первое большое путешествие по Арктической Канаде Вильяльмур Стефансон отправился в 1906 г. В течение года он исследовал жизнь и быт эскимосских племен в окрестностях близ устья реки Маккензи. Ранней весной 1908 г. Стефансон вместе с натуралистом Родолфом Андерсоном вновь отправился на север. Предполагалось, что экспедиция продлится один год, однако она растянулась на долгие пять лет. Стефансон и Андерсон прошли Северную Канаду от мыса Барроу (Аляска) на западе до Земли Виктории на востоке. Они зимовали в стойбищах эскимосов, вместе с ними охотились и ловили рыбу. А весной 1913 г. Стефансон вновь отправляется в далекое путешествие на север, на этот раз во главе Канадской арктической экспедиции, с целью исследования побережья Ледовитого океана и моря Бофорта. Экспедиция вышла в море на трех кораблях, а затем разделилась на несколько отрядов. Стефансон возглавлял географический отряд, базировавшийся на судне «Карлук». В конце августа у северных берегов Аляски судно легло в дрейф, который закончился ледовым пленом – «Карлук» вмерз в лед в бухте Харрисон. Стефансон во главе партии из 5 человек отправился на охоту на близлежащий остров (до него пришлось два дня добираться по ледяным торосам). На следующий день они увидели, как зажатый льдами «Карлук» медленно уносит в восточном направлении. Спустя еще день корабль исчез из вида. Позднее выяснилось, что «Карлук» затонул. Стефансону и его спутникам пришлось возвращаться на основную базу экспедиции пешком. На то, чтобы добраться от мыса Мартин (северо-восточная Аляска) до острова Банкс – частью по льду, частью на дрейфующей льдине – отряду понадобилось 93 дня. Это было тяжелое, полное опасностей путешествие. На острове Банкс Стефансон и его товарищи перезимовали и в 1915 г. отправились на север через пролив Мак-Клур к острову Принс-Патрик. К западу от этой земли, где путешественникам пришлось провести следующую полярную зиму, Стефансон открыл новые острова. Когда путешественники вернулись в лагерь экспедиции, их уже считали погибшими...

Вильяльмур Стефансон

Всего же Стефансон провел на севере 10 полярных зим и 13 летних сезонов. Более пяти лет он прожил в Арктике непрерывно, совершая далекие путешествия. По обширности исследованного им арктического пространства Стефансон превзошел всех своих предшественников.

Северный полюс: незаконченный спор

«Стремление к достижению полюса у меня настолько велико, что, по всей вероятности, я живу только для этого», – писал американец Роберт Пири. Двадцать три года своей жизни отдал он, офицер американского флота, ставший в конце жизни адмиралом, осуществлению этой одной-единственной цели.

Пять раз шел Роберт Пири к вершине планеты и пять раз вынужден был поворачивать обратно. Во время одной из экспедиций он отморозил ноги, 8 пальцев пришлось ампутировать. Но ни этот несчастный случай, ни многочисленные неудачи не смогли сломить упорства путешественника.

На рубеже столетий попытки достичь Северного полюса предпринимались с земли (а точнее, с воды) и воздуха. В 1895 г. Фритьоф Нансен достиг широты $86^{\circ}14'$. Спустя пять лет участники итальянской экспедиции де Абруцци дошли до $86^{\circ}34'$. Роберт Пири 21 апреля 1905 г. после 160 дней тяжелейшего похода устанавливает новый рекорд – $87^{\circ}06'$! Но полюс по-прежнему не покорен. И спустя три года Пири снова на севере. Он идет к северной оконечности Земли Гранта на корабле «Рузвельт». Отсюда, с мыса Колумбия, 1 марта 1909 г. его партия – 24 человека, 133 собаки, запряженные в 15 саней, – уходит к полюсу. До цели – 766 километров...

Отряд разделен на шесть групп. Постепенно все лишние отсылаются назад. Остаются пятеро – Пири, четыре эскимоса и негр-врач Мэтью Хенсон. Они идут на пяти упряжках с 40 собаками. 6 апреля 1909 г. полюс достигнут. Спустя 5 месяцев Пири возвращается на Землю Элсмира и отправляет победную телеграмму президенту США Уильяму Тафту: «Звезды и полосы вбиты в полюс!» «Звезды и полосы» – это американский флаг, который Пири водрузил на полюсе.

«Звезды и полосы вбиты в полюс!» – Пири и его спутники покоряют Север

Пири не знал, что за 5 дней до этого с Шетландских островов ушла другая телеграмма – от американского полярного путешественника Фредерика Кука. В ней он утверждал, что еще 21 апреля 1908 г., то есть почти за год до Пири, он побывал на Северном полюсе вместе с двумя эскимосами...

Экспедиция Кука была организована ничуть не хуже, чем экспедиция Пири, и, может быть, даже более продуманно. В конце зимы 1908 г. во главе отряда из 11 человек Кук уходит на собачьих упряжках на запад, через острова Элсмир и Аксель-Хейберг, где организует промежуточные продовольственные склады. 16 марта 1908 г. вместе с двумя эскимосами на двух нартах, запряженных собаками, Кук выступает в опасный поход. Каждый шаг давался с невероятным трудом. На подходе к полюсу один из эскимосов свалился без сил: «Лучше умереть. Дальше идти невозможно». И все же 21 апреля 1908 г. Кук ступил на самую северную точку планеты...

Возвращение оказалось еще более тяжелым: путешественники буквально умирали от голода, шли в забвении, в беспомощности. В середине июня выяснилось, что дрейфующие льды отнесли их на 185 километров к западу от острова Аксель-Хейберг, где находились продовольственные склады. После длительного перехода через льды маленький отряд наконец добрался до острова Амунд-Рингнес. Здесь зазимовали. Лишь в апреле 1909 г. они достигли эскимосского поселения Эта, где впервые за долгое время встретили людей. Путь от Эты до Упернавика составил еще 700 миль. Отсюда в конце июня Кук отплыл на датском судне в Европу. Об успехе Пири он узнал на банкете в Копенгагене, устроенном в честь покорителя полюса: «Услышав новость, я не почувствовал... ни зависти, ни досады. Я думал лишь о Пири, о долгих и тяжелых годах, и я был рад за него. У меня не было ощущения соперничества. Я верил, что Пири решил в своем походе, кроме тщеславной, и большие научные задачи».

Казалось, Кук и Пири с полным основанием поделят между собой честь и славу первооткрывателей. Но вместо этого началась настоящая война. Впрочем, исчерпывающих доказательств достижения полюса не смогли представить ни Кук, ни Пири. Кроме того, было установлено, что «полюсные» фотографии, представленные Пири как доказательство его победы, сделаны не на полюсе. Во-вторых, не может не вызывать удивление скорость его передвижения по дрейфующим льдам: несложный расчет показывает, что для того, чтобы успеть за 18 дней достичь полюса и вернуться к мысу Колумбия, Пири должен был проходить по 50 километров в сутки! Это совершенно невероятно. В то же время, анализируя записи Фредерика Кука, исследователи приходят к выводу: в апреле 1908 г. он был если не на самом полюсе, то в непосредственной близости от него.

Роберт Пири. Фото 1909 г.

Споры между сторонниками Пири и Кука не утихают до сих пор. И хотя в наши дни Кук вполне реабилитирован, до сих пор первооткрывателем Северного полюса считается Роберт Пири. Впрочем, это, скорее, уже дань традиции...

Отчаянная попытка Георгия Седова

1913 г. стал роковым для русского полярного мореплавания: ушли на север и исчезли экспедиции Брусилова и Русанова, плохо подготовленные и еще хуже руководимые. Этой судьбы едва не избежала и экспедиция Георгия Седова, хотя сам начальник экспедиции заплатил своей жизнью за стремление достичь Северного полюса...

Седов выдвинул проект путешествия к Северному полюсу в 1912 г. Экспедиция организовывалась на частные пожертвования и по качеству подготовки мало в чем отличалась от экспедиций Брусилова и Русанова; ее начальник был горяч и энергичен, но малоопытен, условия плавания в высоких широтах были ему практически неизвестны.

В августе 1912 г. Седов и его спутники на судне «Святой Фока» вышли из Архангельска. У берегов Новой Земли путешественники попали в сложную ледовую обстановку и вынуждены были зазимовать. В 1913 г. экспедиция достигла Земли Франца-Иосифа. Здесь корабль был вновь затерт льдами. Во время второй зимовки у острова Гукера Седов и большая часть команды заболели цингой. Несмотря на плохое самочувствие, 15 февраля 1914 г. Седов с двумя спутниками на собаках двинулся к Северному полюсу. В пути, неподалеку от острова Рудольфа, Седов умер. Спутники похоронили его на этом острове, положив вместе с ним в могилу российский флаг, который Седов мечтал водрузить на полюсе, а сами вернулись на корабль. Только в 1915 г. «Святой Фока» смог отправиться в обратное плавание.

Команда Георгия Седова на палубе «Святого Фоки»

Дрейф папанинцев

В мае 1937 г. на льду в районе Северного полюса сели 4 советских самолета, доставившие сюда четырех исследователей и около 10 тонн грузов для организации первой в мире дрейфующей научной станции «Северный полюс». Разгрузившись, самолеты 6 июня улетели. На льдине осталась четверка полярников – П.П. Ширшов, Е.К. Федоров, Э.Т. Кренкель, И.Д. Папанин. Их ближайшее будущее не внушало опасений: считалось, что средняя скорость дрейфа в направлении Атлантического океана составляет около 1–2 мили в сутки и через 10–12 месяцев льдина (ее размеры – 5 километров в длину и 3 километра в ширину) отойдет к югу примерно до 83–81° с. ш. Здесь предполагалось снять зимовщиков самолетами.

Днем и ночью полярники вели научные исследования, и почти каждый день приносил новые открытия. Вскоре, однако, обнаружилось, что льдина, на которой располагался лагерь исследователей, неуклонно дрейфует на юго-запад, причем значительно быстрее, чем ожидалось. Ситуация становилась тревожной.

Почтовый конверт, посвященный началу работы полярной станции «Северный полюс»

Описав небольшую петлю на 84° с. ш., льдина снова устремилась на юг. Вскоре ее вынесло в Гренландское море. Положение полярников становилось угрожающим: льдина начала трескаться и крошиться, неуклонно сокращаясь в размерах. Вокруг – сплошное крошево битого льда, самолету сесть негде, единственное судно, которое способно пробиться через льды – ледокол «Ермак» – стоит на ремонте...

В первые дни нового, 1938 г. глубина берега Гренландии были уже видны невооруженным глазом. 11 января 1938 г. на спасение папанинцев уходит маленький пароход «Мурманец», но пробиться к дрейфующей станции ему оказалось не под силу. 3 февраля снимается с якоря пароход «Таймыр», 7-го – «Мурман»... К этому времени льдина с полярниками уже превратилась в обломок шириной не более 30 метров, рассеченный несколькими трещинами...

10 февраля радиостанция «Таймыра» устанавливает связь со станцией. 19 февраля «Таймыр» и «Мурманом» стали на якорь у кромки ледового пояса в 1,5 километра от лагеря полярников. За 3,5 часа эвакуация людей с практически распавшейся льдины завершилась, и оба судна взяли курс на Большую землю. Дрейф папанинцев продолжался 274 дня, за это время льдина прошла около 2100 километров.

По просторам России

Ермак в Сибири

Поход Ермака и завоевание горсткой казаков громадных пространств Западной Сибири произвело большое впечатление на современников. Подвиги Ермака «как все необыкновенное, чрезвычайное, сильно действуя на воображение людей, произвели многие басни, которые смешались в преданиях с истиною», – писал Н.М. Карамзин.

В 1579 г., находясь на службе у купцов Строгановых, скупавших меха за Уралом, Ермак двинулся со своим сравнительно небольшим отрядом «на умирание» – в то, что этой горстке людей удастся покорить могущественное Сибирское ханство мало кто верил. Между тем еще задолго до похода казаков «сибирские волхвы» предсказывали хану Кучуму «о скором падении его державы от нашествия христиан». Кучум, однако, имел твердую душу и не смутился пророчествами. Отряд Ермака пробивался вперед с тяжелыми боями.

Казаки дивились обычаям местных жителей. Здесь почитали священные камни. В одном из вогульских городков, Ташаткане, находился священный камень, который «спал с неба». Он был больше «воза с санями, на вид багровый». Жители считали, что временами от него «восходит стужа, дождь и снег».

Ермак с интересом посещал языческие мольбища – «богомерзкие и нечестивые капища» – и в трудных для него обстоятельствах даже обращался за советом к шаманам. В Чандыре казаки присутствовали при камлании – «великом болванском молении». По знаку шамана подручные крепко связали ему руки и воткнули длинный нож «в брюхо сквозь». Через некоторое время шаман велел развязать себя, выдернул нож и, набрав полную пригоршню крови, льющейся из раны, стал пить ее и мазать себе лицо. Чтобы усилить впечатление, «шейтанщик» подозвал казаков и, откинув шкуру, показал им живот без каких-либо следов кровавой раны.

Чандырский жрец уверенно предсказал Ермаку победу над Кучумом. «И о том, – пишет летописец, – идольское пророчество сбылось». Ермак спросил колдуна, суждено ли ему пройти «за горы в Русь». Шаман покачал головой: «Дальше пойдешь – на Русь не вернешься. Иди назад, на Карачино озеро зимовать». Ермак все же

выбрал дорогу вперед. Ему удалось разгромить Кучума, захватить его столицу Искер и подчинить русскому царю племена и территорию до Иртыша.

Портрет Ермака из собрания Иркутского областного художественного музея им. В.П. Сукачева. Неизвестный художник начала XVIII века

Ермаковы казаки пытались разыскать и знаменитого сибирского идола – «Золотую бабу». Слухи об этом «великом кумире» проникли на Русь еще в конце XIV в. Казаки Ермака впервые узнали о «Золотом идоле» от чуваша, перебежавшего в их стан при осаде одного из татарских городищ. Вторично они услышали о «Золотой бабе», когда попали в Белогорье на Оби, где располагалось самое почитаемое остяками капище и где регулярно совершалось «жрение». Казаки спрашивали остяков о «Золотой бабе» и выяснили, что здесь, на Белогорье, «у них молбище большее богине древней». А когда прославленный атаман погиб, сюда, в Белогорское святилище,

принесли и положили к ногам «Золотой бабы» снятый с погибшего Ермака панцирь, по преданию, ставший причиной его гибели.

Русские знакомятся с Китаем

До присоединения Сибири в России ничего не знали о Китае, но продвижение русских к берегам Тихого океана приблизило границы России к Китайской империи. В 1615 г. из Тобольска были снаряжены первые русские послы к монгольскому Алтын-хану, правившему княжеством, которое граничило с Россией. Атаману Василию Тюменцу, возглавившему это посольство, было поручено завязать отношения с ханом, а заодно собрать подробные сведения о Китае, разузнать, «где китайское государство и как богато».

Тюменец завязал отношения с Алтын-ханом и вернулся в Тобольск с ханскими посланцами. Вскоре он отправился в Москву, где в Посольском приказе с его слов был записан рассказ о первом путешествии русских в монгольские земли. В 1618 г. из Тобольска выехали новые послы, теперь уже в Китай. Через монгольские степи до китайских границ их сопровождали люди Алтын-хана. Возглавлял посольство томский казак Иван Петлин. По дороге он с любопытством присматривался к жизни монголов. Очень удивляли его буддийские храмы.

Наконец, путешественники прибыли в Китай. Первый китайский город, куда они попали, был таможенный пропускной пункт Калган. Отсюда русское посольство через неделю пути добралось до Пекина, который Иван Петлин описал довольно подробно. Он рассказал и о том, с кем торгуют китайцы, куда вывозят свои товары из Пекина сухим и водным путями, что покупают у соседей, как одеваются, какие в Пекине улицы и дома.

Буддийские ламы во время службы

Почти два месяца прожили послы в столице Китая. Потом, получив от китайских властей письмо к русскому царю, они двинулись в обратный путь.

В донесении, записанном в Посольском приказе, Иван Петлин подробно изложил все свои наблюдения и передал составленную им «Роспись Китайскому государству и Лобинскому [монгольскому] и иным государствам жилым и кочевым, и улусам и великой Оби, и рекам и дорогам». Итоги обоих посольств привели московские власти к решению, что торговля с Монголией и Китаем особых прибылей русским не сулит, ибо «государства те дальние и торговым людям ходити от них в наши государства далеко».

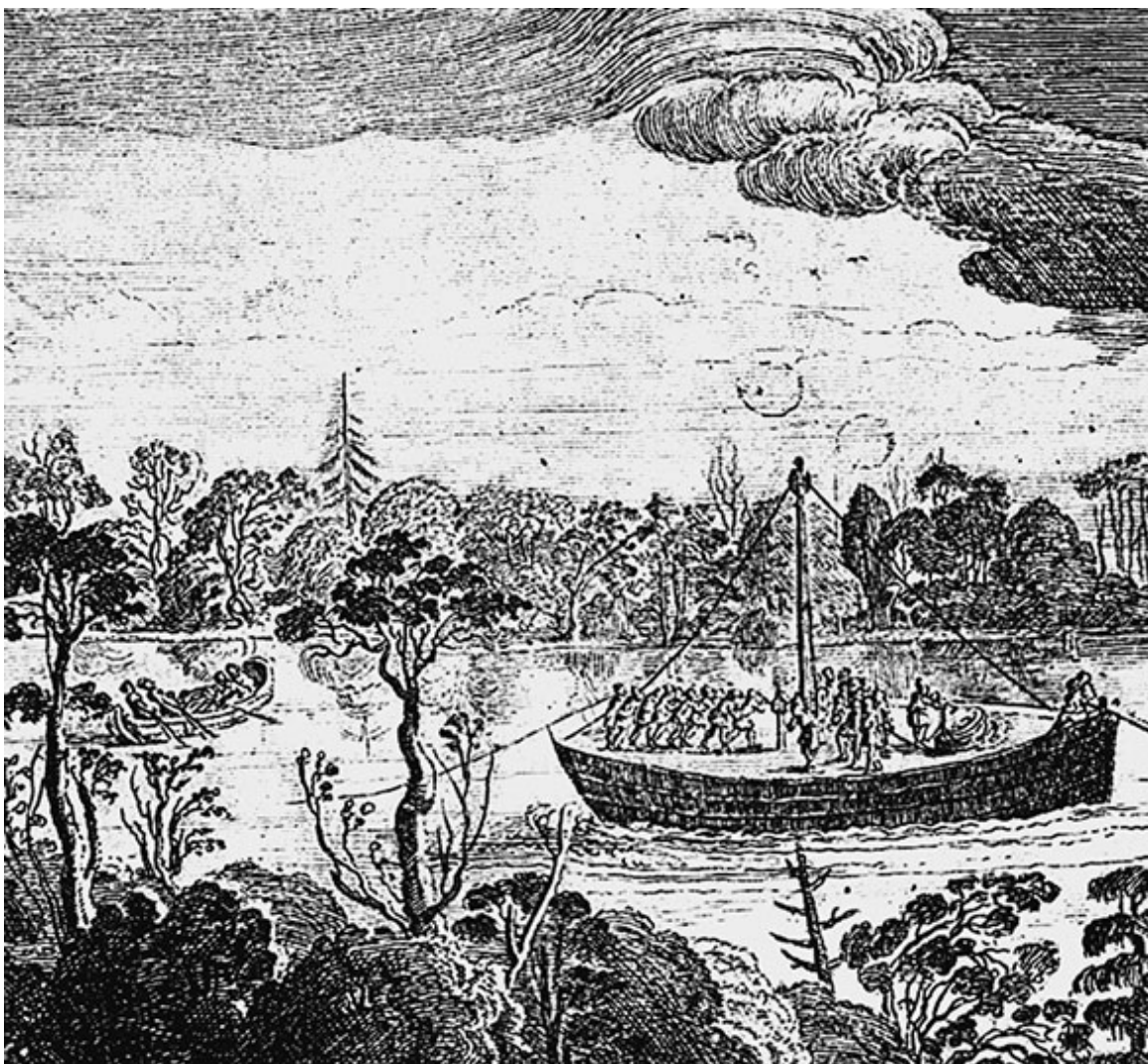
Вверх по Угрюм-реке

Рассказывают, что среди «гулящих людей», наводнивших в начале XVII в. «златокипящую» Мангазею, выделялся некий Демид (по другим сведениям – Иван) Пянда, он же – Пенда, владевший неведомо откуда добытыми средствами. Собрав небольшую ватагу таких же гуляк, Пянда отправился скупать пушнину в Туруханск, стоящий на нижнем Енисее, против устья Нижней Тунгуски, прославленной В. Шишковым в знаменитом романе «Угрюм-река». Сюда для обмена пушнины на русские товары приходили кочевые эвенки и якуты. Они рассказывали, что к Нижней Тунгуске на востоке подходит другая река, на которой живет «много народов», и называется она Елюенэ, что по-эвенкийски означает «Большая река». Русские стали называть эту реку Леной.

В начале лета 1620 г. Пянда и его люди построили несколько стругов и двинулись вверх по Нижней Тунгуске. Широкая река текла в высоких, покрытых лесом берегах, и с севера и юга в нее впадали таежные реки. В двух-трех местах пришлось преодолевать небольшие пороги, но в общем струги шли сравнительно быстро, пока не достигли того места, где долина Нижней Тунгуски суживается и круто меняет направление на юг. В этом месте у порогов их задержал затор плавника. Путешественники решили, что это тунгусы преградили им путь срубленными деревьями. Отряд поспешил высадиться на берег, опасаясь неожиданного нападения. По приказу Пянды было построено укрепленное зимовье, остатки которого сохранялись еще в середине XVIII в. и которое местные жители называли Нижним Пяндиным. За время зимовки тунгусы часто совершали на путешественников набеги.

Летом 1621 г. отряд Пянды сумел подняться вверх по реке лишь на несколько десятков километров. Ватага зазимовала в местечке, названном Верхнее Пяндино. В 1622 г., когда река вскрылась, отряд Пянды поднялся по ней еще на несколько сот километров и здесь в третий раз остановился на зимовку. Отсюда уже было недалеко до Чечуйского волока, через который вел путь на верхнюю Лену. Весной 1623 г. отряд Пянды перетащил свои струги на Лену и двинулся вниз по реке. Несколько дней плыли на северо-восток. Ниже устья Витима река стала шире, течение спокойнее. Усеянная островами Лена текла здесь в

пологих берегах. Приняв с юга еще один большой приток – Олекму, Лена снова изменилась – берега стали обрывистыми, скалистыми, иногда почти отвесными. Пянда поднимался по Лене до тех пор, пока его легким судам не стало угрожать сильное течение. Высадившись на берег, отряд пошел на запад через степи, населенные скотоводами-бурятами, и достиг еще одной большой реки – Ангары, текущей прямо на север. Построив несколько карбасов, отряд Пянды пошел вниз по этой реке...

Русский струг на сибирской реке

За 3,5 года Пянда прошел речными путями около 8 тысяч километров. Он поднялся по Нижней Тунгуске, открыл Чечуйский волок, в течение одного лета прошел вниз и верх по Лене около 4000

километров, обнаружил удобный путь от верхней Лены к Ангаре... Однако было ли все это? Подлинные записки Пянды, или их копии, или хотя бы ссылки на них неизвестны. Весь этот рассказ основан исключительно на устных преданиях, собранных в Енисейском крае и Якутии историком Г. Миллером спустя более чем 100 лет – в середине XVIII в. А устные предания, тем более услышанные и записанные через три поколения, увы, очень ненадежный источник. В этом смысле они мало чем отличаются от романа «Угрюм-река», тоже вроде бы основанного на исторических событиях...

На берегу Тихого океана

В январе 1636 г. небольшой отряд под началом атамана Дмитрия Копылова вышел из Томска на разведку бассейна Лены. Поднявшись по Алдану до устья реки Мая, партия разделилась. Одна группа во главе с Иваном Москвитиным направилась на восток и, перевалив через горы, неожиданно оказалась на берегу неведомого моря. Ни Москвитин, ни его спутники не знали, что они первыми из европейцев оказались на тихоокеанском побережье Азии и что перед ними расстилается море, которое скоро назовут Охотским...

На реке Улье, где жили ламуты (эвены), Москвитин поставил зимовье. От местных жителей он узнал о густонаселенной реке на севере и, не откладывая до весны, выслал 1 октября на речной «посудине» группу казаков; через три дня они добрались до этой реки, получившей название Охота – так русские переименовали эвенкское слово «акат», то есть река. Оттуда казаки прошли морем дальше на восток, обнаружили устья нескольких небольших рек, осмотрев более 500 километров северного берега Охотского моря, и открыли Тауйскую губу.

На Охотском берегу Москвитин и его люди провели 2 года, совершая походы на север и на юг. В общей сложности они прошли вдоль побережья около 1,2 тысячи километров. Москвитин даже составил весьма описание этой территории, известное как «Роспись рекам и имяна людям, на которой реке которые люди живут...». Она содержит описание пути его группы с Алдана и Май на реку Улью и к морю, подробный перечень притоков Май и соседних с Ульей рек. Здесь же содержится и упоминание об Амуре (Мамуре).

Спустя 2 года Москвитин вернулся в Якутск, открыв путь к Тихому океану, однако прошло еще немало лет, прежде чем этим путем пошли первые промысловые и исследовательские партии.

Закрытое открытие Василия Пояркова

В июне 1643 г. якутский воевода Матвей Головин, прельщенный слухами о богатствах Даурии, отправил в Забайкалье разведывательный отряд в составе 133 человек под началом «письменного головы» Василия Пояркова, выдав им большой запас товаров для торговли с местными жителями. Выйдя из Якутска, отряд поднялся по Лене до устья Алдана, спустился по нему вниз до устья реки Учур и, преодолев порожистую реку Гонам, остановился на зимовку. Впрочем, Поярков не сумел усидеть на месте: спустя две недели, он двинулся в дальнейший путь на лыжах с основным составом экспедиции, оставив в остроге небольшую часть людей с условием, что те догонят их на пути. Груз путешественники везли на нартах. Перевалив по глубокому снегу через Становой хребет, Поярков и его люди дошли до одного из притоков Зеи и занялись постройкой судов. Весной 1644 г. путешественники вышли с Зеи. Местные жители-дауры сначала доброжелательно встретили пришельцев, но когда те принялись требовать «ясака», отношения обострились. 10 казаков погибли в схватке с даурами, оставшиеся в живых голодали; от голода и болезней умерли 40 человек. Уцелевшие были спасены от гибели только благодаря приходу их товарищей, оставленных Поярковым в остроге за Становым хребтом.

Предполагаемый портрет Василия Пояркова

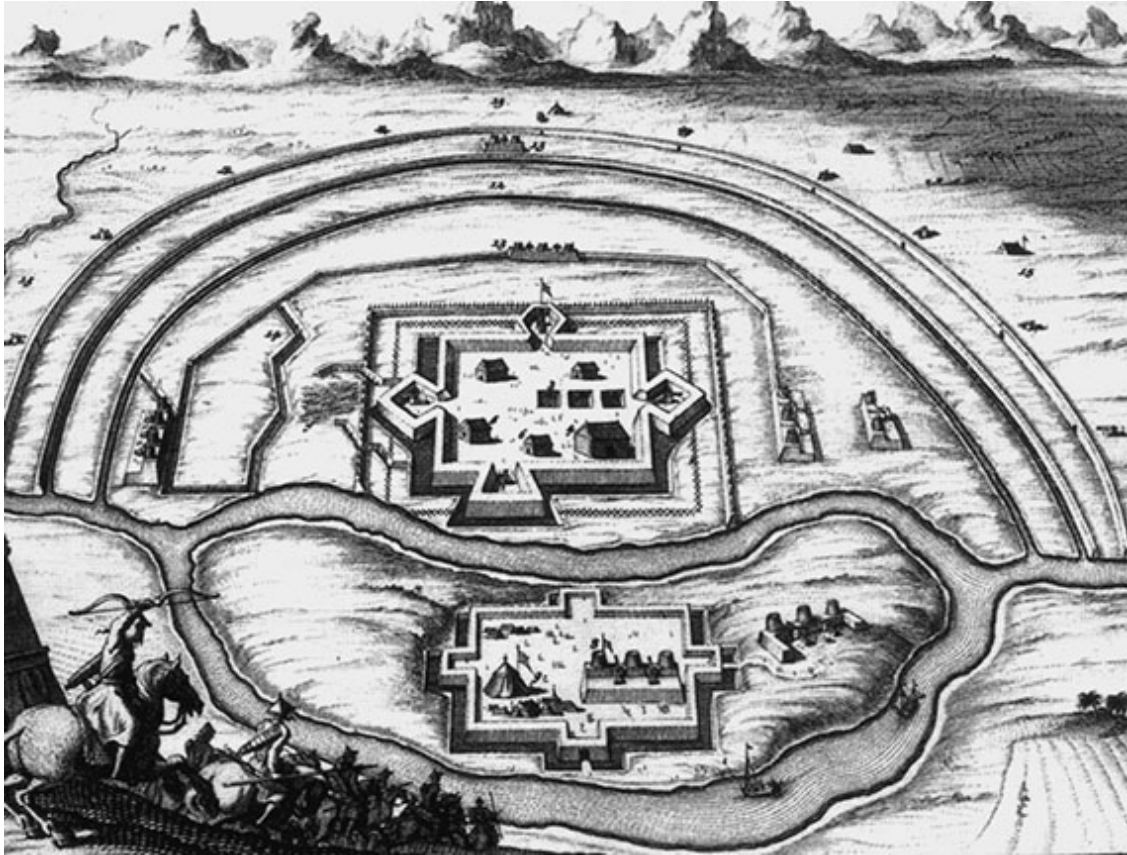
Воссоединившись, отряд спустился вниз по Зее и через несколько дней достиг Амура. Поярков послал 25 человек на разведку, из которой вернулись только двое: остальные были убиты гиляками. Такое начало не сулило ничего хорошего, но Поярков все же рискнул идти вниз по реке. Спустя месяц казаки остановились на зимовку в устье Амура. Продовольствия не было, кормились тем, что удалось добыть или выменять у гиляков. От них казаки получили некоторые сведения об острове Сахалин, богатом пушниной, где живут «волосатые люди» (айны). В конце мая 1645 г., когда река освободилась ото льда, Поярков вышел в Амурский лиман и повернул на север. Морское плавание на дощаниках продолжалось три месяца. Экспедиция шла вдоль побережья Охотского моря, держась как можно ближе к берегу. На море было беспокойно. Суденышки мотались по волнам, потом их прибило к какому-то острову и, наконец, выбросило на берег материка. Уцелевшие люди (от отряда осталось около 50 человек) добрались до устья реки

Ульи (близ современного Охотска). Здесь отряд встал на третью зимовку, а ранней весной следующего года двинулся вверх по реке. Выйдя через хребет Джугджур к реке Мая, впадающей в Алдан, казаки спустились по ней и Алдану к Лене и в середине июня 1646 г. были уже в Якутске. За 3 года Поярков и его спутники прошли около 8 тысяч километров. Они совершили первое исторически доказанное плавание по Охотскому морю и первыми увидели устье Амура, однако этот факт не имел никаких последствий. Ни в России, ни в Европе о нем так и не узнали, так что реальным первооткрывателем устья Амура стал Геннадий Невельский, совершивший свое плавание спустя 300 лет после Пояркова.

Беспокойный Амур

Ерофей Хабаров отправился в «Даурскую землю», наслушавшись от казаков Пояркова рассказов о богатствах Приамурья. Летом 1649 г. во главе отряда из 70 человек он отправился в поход. Поднявшись вверх по Лене до устья Олекмы, партия пошла вверх по этой реке, но в устье Тунгира вынуждена была остановиться на зимовку. В январе 1650 г. Хабаров и его люди вновь двинулись на юг, вверх по Тунгиру. На нартах они перевалили отроги Олекминского хребта и в начале марта добрались до верховьев реки Урка, впадающей в Амур. Дауры, уже знавшие, что ничего хорошего от пришельцев ждать не приходится, покинули свой город, окруженный рвом и частоколом с башнями. Здесь насчитывалось сотни домов – каждый на 50 и более человек, светлых, с широкими окнами, затянутыми промасленной бумагой. В хозяйственных ямах казаки Хабарова нашли большие хлебные запасы.

Попытка пройти дальше встретила сопротивление дауров. Хабаров не решился пробиваться вперед с малочисленной группой людей и вернулся в Якутск. Здесь он подал воеводе обстоятельный отчет. По его словам, Амур богат рыбой, а окрестные леса – пушным зверем. Эти сообщения заинтересовали воеводу. Он дал Хабарову 27 служилых людей с тремя пушками, запасом свинца и пороха; кроме того, к отряду пристало еще 110 «охочих» людей из числа разных гуляк. В общей сложности набралось около 160 человек (считая с теми, кто уже ходил с Хабаровым в первый поход). С этим отрядом Хабаров в середине лета 1650 г. выступил из Якутска. Идя уже знакомой дорогой, к осени он дошел до Амура. В укрепленном городке Албазин его ждала группа оставленных им казаков. Используя Албазин в качестве опорного пункта, Хабаров начал нападать на близлежащие селения дауров. Весной следующего года, отправив часть казаков с добычей в Якутск, Хабаров отправился вниз по Амуру.

Вид на крепость Албазин

Через несколько дней русские доплыли до городка даурского князя Гайгудара. Все селения вокруг были сожжены самими даурами, а их жители укрылись за деревянными стенами крепости. Хабаров потребовал выплаты ясака, но князь отказался. Тогда казаки взяли городок приступом, убив до 600 человек. После этого Хабаров двинулся дальше по Амуру; слухи о его жестокостях бежали далеко впереди него. От устья Буреи начинались земли, населенные гогулами – народом, родственным маньчжурам. Они жили разбросанно и не могли противостоять казакам. В конце сентября экспедиция достигла земли нанайцев. Хабаров остановился в одном из их селений – Ачане и отсюда отправил половину своих казаков вверх по реке за рыбой. Тогда нанайцы напали на пришельцев, но потерпели поражение и отступили, потеряв убитыми более 100 человек. Хабаров укрепил селение и остался в нем на зимовку. Отсюда его казаки совершали набеги на нанайцев и собирали ясак. Весной к стенам городка подступили крупные силы маньчжур. Завязался бой, в котором победу вновь

одержали казаки. Но, несмотря на этот успех, Хабаров уже не решился плыть дальше и повернул назад. Обосновавшись в устье Зеи, он принялся высылать отряды вверх и вниз по Амуру для сбора ясака. В результате весь левый берег Амура опустел: местные жители, спасаясь от насилия, перешли на правый берег, в Маньчжурию. Жестокость Хабарова вызвала возмущение даже среди казаков. Произошел бунт, результатом которого стали отстранение Хабарова от командования отрядом, его арест и отправка в Москву.

Памятник Ерофею Хабарову в Хабаровске

Федор Байков в Ханбалыке

В 1654 г. царь Алексей Михайлович распорядился отправить в Китай новое посольство, во главе которого поставлен был московский служилый человек, боярский сын Федор Исакович Байков. Поздней осенью Байков приехал в Тобольск. Он вез подарки китайскому императору и послание от русского царя. Кроме того, ему было выдано 50 тысяч рублей на закупку товаров для обмена их в Китае «на тамошние шелковые товары и на серебро, золото, жемчуг и на камень».

Послы получили строгие и точные указания, как держать себя в Китае, чего избегать и о чем разузнать. Байкову было предписано во всем вести себя так, «чтобы царской чести не порушить», а царскую грамоту отдать только богдыхану в собственные руки. Это была первая попытка московских царей завязать и документально закрепить связи с Китаем. В грамоте отмечалось, что до того у русского правительства «николи ссылок не бывало», и поэтому Москва запрашивала, как полагается именовать китайского императора, чтобы в дальнейшем «ваше царево имянование и титло... писати во всем по вашему цареву достоинству».

Федор Байков был уполномочен вести устные переговоры с императором Китая. Кроме того, ему поручалось выяснить, чем и как лучше торговать с Китаем, а также разузнать: «коль сильно государство китайское народом, казною, войсками и городами», «есть ли у них с кем война и для какой причины», каковы в Китае урожаи, как кратчайшим путем проехать в Китай из России, какие народы населяют земли на этом пути... Кое-что Байкову разведать удалось – например, цены на некоторые товары. Узнал он и о том, что в Китае «хлеб родится пшеница и ячмень, и пшено, и просо, и овес, и горох дважды в лето. А ржи не видал». Но более серьезные поручения Байкову выполнить не удалось: согласно китайским порядкам, иностранных послов держали почти взаперти, под строгим надзором.

Более 3 лет заняло путешествие русских послов в Пекин и обратно. Политических результатов посольство не достигло, связи установить не удалось, обмен грамотами не состоялся. Но оно не было

бесполезным, потому что подробный отчет, записанный со слов Байкова, принес новые сведения о пути в Китай и о самом Китае.

Забайкальские приключения Петра Бекетова

В июне 1652 г. енисейский воевода отправил в Забайкалье сотню казаков во главе с Петром Бекетовым. По Енисею и Ангаре отряд прошел к Братскому острогу, а оттуда к устью Селенги, где казакам пришлось стать на зимовку. Вся весна и начало лета 1653 г. ушли на разведование дальнейшего пути. В начале июля Бекетов пошел вверх по реке Хилок, но добрался до ее истоков только в первых числах октября. Бекетов торопился нагнать упущенное время: невзирая на холодное время года, отряд перевалил через Яблоновый хребет, на реке Ингода казаки спешно начали строить плоты, но наступившая зима вынудила их все же отложить поход на следующий год. В мае 1654 г., когда Ингода освободилась ото льда, Бекетов спустился по ней, вышел на Шилку и против устья реки Нерчи поставил острог. Но обосноваться здесь казакам не удалось: эвенки сожгли посеянные хлеба, так что отряду из-за нехватки продовольствия пришлось уходить.

Памятник Петру Бекетову в Чите. Скульптор А.М. Миронов

Бекетов спустился по Шилке до ее слияния с Ононом и первым из европейцев прошел из Забайкалья на Амур. Пройдя по течению Амура до устья Зеи (900 км), его отряд соединился с казаками Онуфрия Степанова, назначенного «приказным человеком Даурской земли». Объединенный отряд, насчитывавший около 500 человек, зимовал в Кумарском остроге, поставленном Хабаровым примерно в 250 километрах выше устья Зеи. В марте 1655 г. острог окружила большая толпа маньчжур – около 1000 человек. Осада длилась около трех недель – до 15 апреля, прежде чем казакам удалось отбиться. Объединенные отряды Степанова и Бекетова двинулись вниз по Амуру. Где-то неподалеку от его устья они срубили еще один острог, где остались на вторую зимовку. Весной 1656 г. Степанов со своими людьми ушел на реку Уссури (позже он и большая часть его отряда погибла в схватке с маньчжурами). Бекетов же со своими казаками в августе 1656 г. двинулся вверх по Амуру и через Нерчинск вернулся в Енисейск.

Впервые в истории Амур был пройден почти на всем его протяжении, от слияния Шилки и Аргуни и почти до устья (2824 километра).

Путешествие ученого грека в Китай

В 1675 г. из Москвы в Пекин выехало посольство во главе с Николаем Спафарием-Милеску, ученым греком из Молдавии, находившимся на русской службе. На протяжении всего пути Спафарий вел подробные записи. Его интересовало буквально все: географические особенности, природа, быт местного населения тех областей, через которые он проезжал. Одним из первых Спафарий дал подробное и в общем верное описание среднего течения Оби, Иртыша, Ангары. Ему принадлежит первое в географической литературе подробное описание Байкала: «Байкальское море неведомое есть ни у старых, ни у нынешних земноописателей, потому что иные мелкие озера и болота описуют, а про Байкал, который большая великая пучина есть, никакого упоминания нет...» По мнению путешественника, Байкал может называться морем «потому... что объезжать его кругом нельзя... что величина его в длину и ширину и в глубину велика есть. А озером может называться оттого, что в нем вода пресная, а не соленая, и земно-описатели те озера, хотя и великие, но в которых вода несоленая, не называют морем...» О размерах Байкала он пишет так: «... длина его парусом бежать большим судном дней до десяти, и по двенадцати, и больше, какое погодье, а ширина его – где шире, а где уже, меньше суток не перебегают. Глубина его великая, потому что многожды мерили сажень по сто и больше, а дна не сыщут, и то чинится от того, что кругом Байкала везде лежат горы превысокие, на которых и летнею порою снег не тает. А в середине Байкальского (озера) есть остров великий, который именуется Олхон. Тот остров стоит посреди в длину озера, кругом имеет больше ста верст... В Байкал впадают большие реки, мелкие и иные многие, а по краю, на берегу, везде камень и пристанища. немного, наипаче на левой стороне, едучи от реки Ангары, и оттого разбивают суда часто. А рыбы в Байкале всякой много, и осетры, и сиги и иные всякие, и зверя нерпа в нем есть же много. Только жилья немного около Байкала, oprичь немногих тунгусов, которые питаются рыбой, потому что близ Байкала пашенных мест нет, и живут по рекам в зимовьях промышленные люди зимою. А лес около Байкала есть, кедровник большой, и на нем орехов много, и иной лес

есть. А вода в нем зело чистая, что дно виднеется многие сажени в воде, и к питию зело здрава, потому что вода пресна».

Николай Спафарий-Милеску

В своих записках Спафарий дал и первое описание Амура, считая его крупнейшей рекой не только Сибири, но и всего мира.

В Китае Спафарий пробыл 3 с половиной месяца. Он всерьез занялся изучением китайского языка, что позволило ему собрать много ценных сведений не только о Китае, но и о соседних странах. И хотя посольство Спафария не привело к тем результатам, которых ожидало московское правительство, его путешествие расширило познания русских о Китае. Книга, написанная им, имела большое значение как первый серьезный русский источник для ознакомления с этой страной.

Открытие Владимира Атласова

В 1695 г. якутский воевода назначил казачьего пятидесятника Владимира Атласова приказчиком в один из отдаленных острогов Анадырского края с наказом «изыскивать новые земли». Выступив во главе небольшого отряда в поход, Атласов прибыл в Анадырь в апреле 1696 г. Из рассказов бывалых казаков Атласов узнал, что где-то южнее расположена богатая пушниной страна. Для проверки этих сведений Атласов выслал небольшой отряд, который достиг Камчатки, спустился до реки Тигиль, впадающей в Охотское море, и, убедившись в правильности слухов, вернулся в Анадырь.

В начале 1697 г. Атласов с отрядом в 125 человек – русских и юкагигов – выступил в поход на оленях. Преодолевая многочисленные реки, болота и лесистые горы, он достиг реки Камчатки, где заложил Верхне-Камчатский острог. Оставив здесь небольшой отряд, Атласов вернулся в Анадырь, а затем в Якутск, куда прибыл поздней весной 1700 г., доложив о приведении Камчатки «под высокую государеву руку». Из Якутска воевода направил Атласова с привезенными им дорогими мехами в Москву. С собой Атласов вез и загадочного человека, которого русские казаки встретили в плену у камчадалов. Атласов привез его в Якутск, а затем в Москву, где пленник был представлен Петру I. Этот человек, которого первоначально сочли «индейцем», оказался жителем острова Хонсю. Так при царском дворе впервые увидели японца и из первых рук узнали о существовании Японии. Немалую ценность представляли и личные записи Атласова, в которых он подробно описал территориальное расселение камчадалов, их численность, внешний облик, религиозные обряды, быт, хозяйство, оружие и способы борьбы. «Скаска» Атласова содержали первые сведения о рельефе и климате Камчатки, о ее флоре и фауне, о морях, омывающих полуостров, и об их ледовом режиме. В них также содержались некоторые данные о Курильских островах, довольно обстоятельные известия о Японии и краткая информация о «Большой Земле» на северо-западе (Америке). В Москве высоко оценили значение похода Атласова: по существу, именно он принес первые достоверные сведения о Камчатке. Эти сведения открывали новые пути на восток и юго-восток, к Курильским островам, в Японию и Америку.

Мессершмидт в Сибири

В 1716 г. немецкий натуралист Даниил Готлиб Мессершмидт был приглашен в Россию Петром I для изучения «всех трех царств естества» Сибири и в 1720 г. отправился в путешествие по далеким окраинам Российской империи. В марте 1721 г. он выехал на санях из Тобольска вверх по Иртышу до устья Тары, и, миновав Барабинскую степь и переправившись через Обь, добрался до Томска. В июле на трех каяках Мессершмидт поднялся по Томи, причем в одном из береговых обнажений нашел скелет мамонта. Через Кузнецкий Алатау и северную часть Абаканского хребта он достиг реки Абакан, откуда направился в Красноярск. Весной 1722 г. путешественник на плотах спустился по реке Большой Кемчуг до реки Чулым, затем исследовал низовье Абакана и верхний Енисей. В октябре Мессершмидт вернулся в Красноярск, по дороге едва не утонув в Енисее; часть его багажа погибла.

Спуск лодки на реку

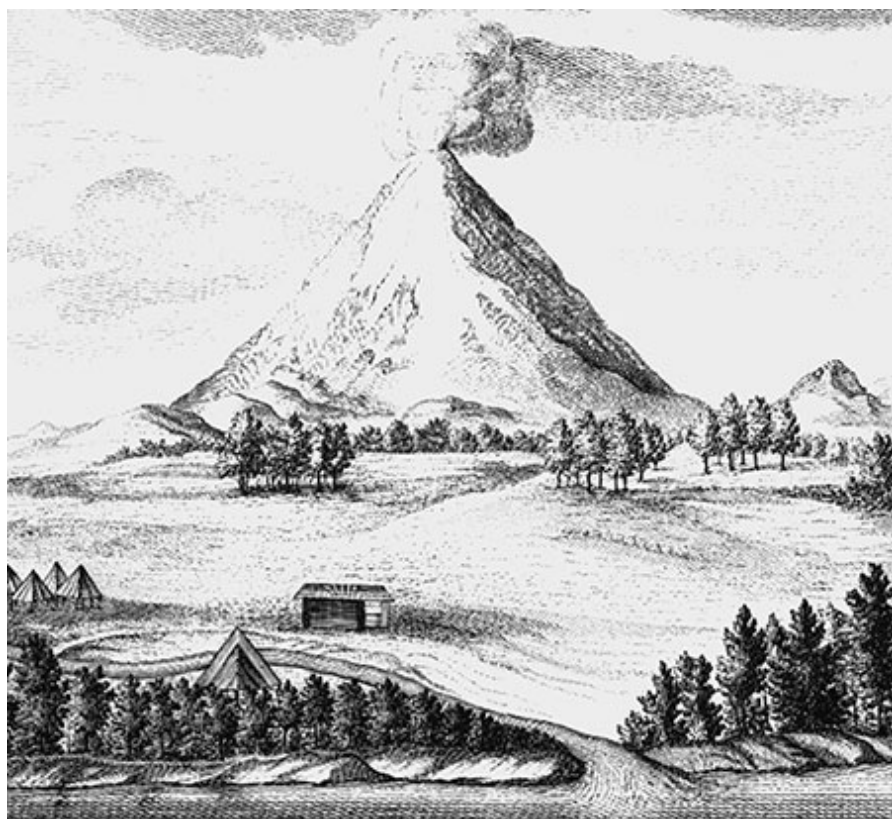
Летом 1723 г. Мессершмидт проплыл по Енисею до Туруханска и поднялся по Нижней Тунгуске до верховьев. В этом районе путешественник обнаружил пласты каменного угля. 16 сентября Мессершмидт пересел на подводы и через 4 дня достиг реки Лены. Поднявшись на лодках к ее верховьям, он убедился, что показанное на картах обозначение верхнего течения Лены совершенно не соответствует действительности.

Перезимовав в Иркутске, в марте 1724 г. Мессершмидт по санному пути проехал берегом Байкала к устью Селенги. Затем пересек Забайкалье до Нерчинска, откуда в середине августа направился на юго-восток к озеру Далайнор (Хулунчи) «по совершенно ровной степи, в которой... до самого горизонта не видно ни холмика, ни дерева, ни кустика». У Далайнора переводчики и проводники сбежали от Мессершмидта; он заблудился, двинулся на северо-запад по голой холмистой степи, но был задержан монгольским отрядом. Через две

недели его отпустили, и по рекам Онону и Ингоде путешественник достиг Читы, а в апреле 1725 г. вернулся в Иркутск. Дорога из Иркутска в Енисейск заняла около 3 недель. Во время плавания по Ангаре Мессершмидт провел топографическую съемку всего течения реки и описал все ангарские пороги. В середине августа Мессершмидт из Енисейска добрался до Оби, а в марте 1727 г. вернулся в Петербург, закончив свое 7-летнее путешествие, положившее начало научному исследованию Сибири.

«Колумб» Камчатки

В августе 1733 г. Степан Крашенинников был включен в состав Камчатской экспедиции, в задачу которой входило исследование малоизвестных районов Сибири. Он побывал в Тобольске, на Алтае, в Забайкалье, Иркутске, Якутске, плывал по Енисею, Баргузину, Лене, Витиму. В 1737 г. Крашенинников из Якутска отправился на Камчатку. Во время шторма его судно едва не погибло, а потом село на мель недалеко от устья реки Большой, откуда экспедиция на лодках поднялась вверх до Большерецкого острога. Здесь Крашенинников провел около четырех лет – с октября 1737 по июнь 1741 г. Все свое время посвящал научным исследованиям, путешествуя по полуострову. К тому времени единственными сведениями о Камчатке наука была обязана В. Атласову, который в 1697–1699 гг. совершил поход на Камчатку. Но эти данные носили разрозненный и случайный характер.

«Камчатская огнедышущая Гора». Иллюстрация из работы С. Крашенинникова «Описание Земли Камчатки»

Первый свой поход в глубь Камчатки Крашенинников совершил в январе 1738 г. По пути к Авачинской сопке он исследовал горячие минеральные источники. Из-за глубокого снега и густых лесных зарослей ему не удалось подъехать к сопке и совершить восхождение на нее. Тем не менее по расспросам местных жителей он смог составить описание этой величественной огнедышащей горы. Весной 1738 г. направился на юг Камчатки, где исследовал горячие источники в долине реки Озерной. Он подолгу задерживался в селениях местных жителей – камчадалов (ительменов), коряков и др. Расспрашивал об их жизни, наблюдал за работой, обрядами, бытом.

Осенью 1739 г. Крашенинников снова отправляется в далекое путешествие по полуострову. На лодке он поднимается вверх по реке Быстрой, с верховья ее перебирается к верховьям реки Камчатки и по ней опять плывет до Нижне-Камчатского острога. Отсюда в январе 1740 г. Крашенинников пошел на собачьих нартах по берегу океана к северу, намереваясь совершить круговой маршрут. От устья реки Караги путешественник пересек перешеек Камчатского полуострова, проехал по западному побережью до реки Тигиль и оттуда 14 февраля 1740 г. прибыл в Нижне-Камчатский острог. А в июне 1741 г. Крашенинников навсегда покинул Камчатку. Обратный его путь в Петербург продолжался около полутора лет. Последние годы жизни Крашенинников посвятил написанию капитального труда «Описание Земли Камчатки».

Герхард Миллер, «отец этнографии»

Академик Герхард Фридрих Миллер был руководителем и вдохновителем двух крупнейших российских экспедиций по изучению Сибири, предпринятых во второй трети XVIII в. Он и сам провел в Сибири почти 10 лет – с 1733 по 1743 г., проехав десятки тысяч верст от Тобольска и Березова до Якутска и Нерчинска. Миллер посетил все крупнейшие города Сибири и Урала, все уральские и сибирские уезды, обследовал местные архивы – открыв, между прочим, сибирскую летопись Ремезова, собрал невероятное количество материалов по истории, экономике, географии, археологии, этнографии и языкам сибирских народов.

Этнографические исследования являлись любимым делом Миллера. По существу, именно он стал «отцом» этой науки, заявив, что этнография является самостоятельной отраслью научных знаний. Он впервые предпринял попытку комплексного сравнительного изучения этнической истории, языков, материальной и духовной культуры коренных народов Сибири. Особенный интерес вызывали у него «лесные» народы – эвенки и эвены. Миллер сумел разглядеть в этих «кочевниках тайги», долгое время служивших объектом грубой эксплуатации со стороны русских промышленников, то, в чем им напрочь отказывали «цивилизованные» люди: природную доброту, сострадание к сородичам, неспособность наносить сознательные обиды. Такое отношение Миллера к сибирским аборигенам шло вразрез с привычными взглядами той эпохи. Его не разделяли даже ближайšie соратники ученого. И.Г. Гмелин, постоянный спутник Миллера в путешествиях по Сибири, пренебрежительно писал: «Наконец, что касается нравов этих тунгусов, то они являются нечистоплотным, неотесанным и грубым народом. У них нет больших пороков, но, как я полагаю, скорее из-за недостатка возможностей для этого, нежели из-за природного отвращения к ним». Составленные Миллером словари языков и диалектов народов Сибири и сейчас являются важнейшим источником научных знаний, причем в ряде случаев – единственным.

Герхард Миллер

Академик Паллас пересекает Россию

В 1768 г. Петербургская академия наук организовала 5 географических экспедиций, работавших по общей программе. Они изучали различные районы России. Три экспедиции именовались оренбургскими (по своей базе), а две астраханскими. Немецкий натуралист Петр Симон Паллас был назначен начальником 1-й оренбургской экспедиции.

В середине лета Паллас добрался до Оренбурга, откуда отправился на исследование Прикаспийской низменности. Он описал и нанес на карту устье Яика (Урала), а поздней осенью вернулся в Уфу, где провел зиму. Весной 1770 г. Паллас отправился на восток, дошел до реки Сима, притока Белой, описал карстовый характер ее верховий и обследовал ряд пещер. У реки Катав, притока реки Юрюзань, перед ним на юге, за небольшими отрогами, открылись высокие горы. Переправившись через Юрюзань, Паллас пересек Южный Урал и описал систему озер у излучины верхнего Миасса. К северу от Екатеринбурга, в истоках Туры, Паллас осмотрел знаменитое железорудное месторождение – гору Благодать, «усеянную соснами». За лето 1770 г. он проследил восточный склон Уральских гор на протяжении почти 700 километров.

Петр Симон Паллас

В начале осени Паллас прекратил работу из-за болезни глаз: «сияние света причиняло нестерпимую боль». Зимовал он в Челябинске. В начале лета 1771 г. Паллас пересек Ишимскую степь, достиг Омска, поднялся по Иртышу до Семипалатинска, откуда вступил в Северо-Западный Алтай. В начале марта 1772 г. Паллас двинулся на юго-восток, в Забайкалье, по льду пересек Байкал. В низовьях Селенги путешественника поразили «страшные горы и леса... где Селенга хребет пробивает». По рекам Селенге и Чикою Паллас проследовал на юг, к богатому купеческому городу Кяхте. В начале апреля, вернувшись в низовья Селенги, он направился в Даурию, пройдя на восток вверх по долине реки Уды и через истоки реки Хилка – к Чите. Из Читы Паллас прошел на юго-восток, к монгольской границе, исследовал небольшой горный массив Адун-Чолон, знаменитый своими минералами, и в начале июня вернулся в Читу. Перевалив хребет Цаган-Дабан, путешественник добрался до Гусиного озера, крупнейшего в

Забайкалье, сделал его описание и 20 июня вернулся в Селенгинск. На обратном пути в Европейскую часть России Паллас изучал Минусинскую котловину, отметил множество старинных могил и памятников, описав наиболее интересные и сделав раскопки некоторых могильников. Осенью 1773 г. путешественник уже был в Царицыне.

Иван Лепехин на Урале и Белом море

Летом 1768 г. из Санкт-Петербурга в разные районы России – на Волгу, Кавказ, Урал – выехало несколько экспедиций, организованных Академией наук. Одной из этих партий руководил молодой адъютант Академии наук Иван Лепехин. Маршрут экспедиции пролегал через Владимир и поволжские города в Астрахань и Гурьев. Весной 1769 г. экспедиция обследовала юг Приволжской возвышенности, а потом двинулась вверх по реке Яик (Урал). Пройдя Яицкий городок, путешественники прибыли в Оренбург, а оттуда, следуя на север, дошли до реки Белой. Зимой Лепехин и его спутники провели в небольшом городке Табынске. Отсюда путешественникам предстояло начать исследование Уральских гор.

В путешествие по Уралу экспедиция отправилась 11 мая 1770 г. Двигались медленно, поскольку Лепехина интересовало все: соляные источники, выходы каменного угля, замечательные природные объекты, в том числе пещеры, и в частности Капова (Лепехин составил довольно подробное ее описание). Дальнейший путь экспедиции проходил вдоль реки Белой к горе Ирмель, одной из самых высоких на Южном Урале. Посетив ряд рудников, описав и нанеся на карту истоки рек Яик, Миасс и Уя, ряд зауральских озер и горных вершин, экспедиция направилась к Миасскому хребту, но начавшиеся дожди заставили Лепехина повернуть к Чебаркульской крепости. Отряд побывал на Каслинском и Кыштымском заводах и, наконец, прибыл в Екатеринбург. Отсюда Лепехин отправился на реку Чусовую. 10 августа 1770 г. путешественник приехал в Кунгур и уже на следующий день отправился осматривать знаменитую Кунгурскую пещеру.

Из Кунгура путь Лепехина лежал в Красноуфимск. Он побывал на окрестных заводах – Симском, Катав-Ивановском, Юрюзанском, потом отправился в горы Южного Урала. 4 сентября 1770 г. путешественник возвратился в Екатеринбург. Зимой он провел в Тюмени, а весной следующего года отправился в район Верхотурья и Конжаковского Камня.

Иван Лепехин

Перевалив через Уральские горы, путешественник приехал в Соликамск. Следуя дальше на запад, он добрался до Вятки, пересек Северные Увалы, добрался до устья Сысолы и по Вычегде и Северной Двине прибыл в Архангельск. Летом 1772 г., идя на баркасе вдоль берега Белого моря, Лепехин описал остров Мудьюг и Соловецкие острова, и вдоль Карельского берега вышел к Кандалакшской губе. Закончив исследования, ученый в октябре 1772 г. возвратился в Архангельск, а затем в Санкт-Петербург. Свои странствия путешественник описал в четырехтомном сочинении под названием «Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства».

На подступах к Уралу

Весной 1769 г. академик Паллас поручил своему спутнику по академической экспедиции Николаю Рычкову обследовать лесостепь и степи Заволжья и среднего течения Камы. Летом 1769 г. Рычков отправился из Симбирска на восток по «безлесным и необитаемым местам», дойдя в итоге до реки Шешмы, притока Камы. Поднявшись по Каме до устья реки Ик, он проследил ее почти до истоков, берущих начало «из довольно высоких гор». Не доходя до истоков Ика, Рычков свернул к западу, прошел через центральную часть возвышенности и описал верховья рек Сок и Кинель, отметив «высокие каменные горы» ее правого берега – Кинельские яры. Летом 1770 г. Рычков обследовал часть реки Белой, ее приток Танып и «нагорную сторону» Камы – Сарапульскую возвышенность. По Каме он спустился до ее устья, добрался до устья реки Чепцы, впадающей слева в Вятку, и проследил почти всю Чепцу, не дойдя примерно 70 километров до ее начала. Затем от средней Чепцы прошел около 15 километров на север к истокам Вятки: «Собрав множество речек, течет Вятка близ Чепцы около 400 верст...»

В конце августа Рычков от истоков Вятки перебрался в верховья Камы: «Истоки Камы... выходят из пологого увала. Воды... с приятным шумом текут сперва на запад до самой подошвы увала, потом поворачивают к полуночи... в лесистую долину. [Собрав]... неописанное множество болотных и ключевых вод, Кама вскоре становится глубокой и судоходной». Рычков описал еще две реки Камского бассейна – Обву и большую часть Колвы. Зимовал путешественник в Челябинске. Весной 1771 г. его вызвали в Орск, а летом с военным караваном он прошел по степи до реки Ишим. В походе исследователь заболел и был вынужден вернуться в Оренбург. Материалы путешествий Рычкова опубликованы в 1770–1772 гг. Хотя он очень бегло описал район верховьев Камы и Вятки, тем не менее он стал первым научным исследователем Верхнекамской возвышенности.

«Минералогические путешествия» Эрика Лаксмана

Уроженец Финляндии, Эрик Лаксман служил в Петербурге учителем естественной истории и ботаники. Поглощенный страстью к далеким путешествиям, он отправился в Сибирь в качестве корреспондента Академии наук. 15 марта 1764 г. Лаксман приехал в Барнаул. Он много ездил по окрестностям: посетил селитряные пещеры близ Бийска, на реке Чулым нашел каменный уголь. Дальнейший путь Лаксмана лежал на озеро Байкал. Сюда он приехал поздней осенью 1766 г. Лаксман первым описал горячие минеральных источников в устье Турки, исследовал их химический состав, а также нанес на карту их местонахождение. Летом 1767 г. Лаксман побывал в Алтайских горах. Видимо, он был первым путешественником, приехавшим сюда с научной целью. В начале 1769 г. Лаксман был уже в Москве. Он мечтал еще раз побывать в любимившейся ему Сибири, и эта мечта сбылась в 1781 г., когда Лаксмана назначили на должность помощника главного командира Нерчинских заводов.

Эрик Лаксман

В Нерчинск он прибыл в апреле 1781 г. Принятая им должность требовала частых и длительных поездок: в обязанности Лаксмана входил поиск новых месторождений драгоценных и поделочных камней для нужд царского двора. Территория Нерчинского заводского округа в ту пору простиралась на 550 километров с севера на юг и на 500 километров с запада на восток, так что Лаксман с лихвой мог удовлетворить свою страсть к путешествиям. Далекое поездки щедро вознаградили исследователя интересными и редкими находками: на реках Аргунь, Онон, Ингода и Витим им были найдены замечательные экземпляры бериллов и аквамаринов, на реке Аргунь – оникс, на реке Чита – прекрасные штуфы порфира. В 1784 г. Лаксман получил официальную должность «минералогического путешественника» при Кабинете его величества. В общей сложности Лаксман провел в Сибири более 10 лет – с 1781 по 1791 г.

По морю и посуху

Английский моряк Джозеф Биллингс был участником третьего кругосветного плавания Дж. Кука. Поступив на русскую службу, он в 1785 г. возглавил экспедицию, отправившуюся по указу Екатерины II исследовать и описывать далекие моря, лежащие на северо-востоке Сибири, и их побережье. Из устья Колымы экспедиция вначале направилась на восток, но, встретив непроходимые льды, повернула на запад. Описывать морские берега приходилось используя байдары – небольшие лодки, обтянутые моржовой кожей. У мыса Большой Баранов участники экспедиции обнаружили и исследовали древние жилища морских зверобоев – это были первые предпринятые с научной целью археологические исследования древностей арктической зоны. В 1788 г. на построенных в Охотске судах экспедиция отправилась вдоль побережья Охотского моря, ведя его съемку, а на следующий год пошла к Алеутским островам, попутно открыв острова Шумагинские. Еще через год была проведена съемка американского берега Берингова пролива «сухим путем на оленях». Далее Биллингс отправился исследовать Чукотский полуостров – сухим путем и на байдарках. Разобраться в сложной орографии (рельефе) Чукотского нагорья он не сумел, но отметил в своем отчете «горы удивительной вышины». По возвращении в Петербург Биллингс написал обширный отчет об экспедиции; его маршрутная съемка послужила основой всех карт Чукотки вплоть до 30-х гг. XX столетия. Но материалы путешествий Биллингса так и не были опубликованы.

Первый русский китаист

В 1806 г. в Китай отправилась русская духовная миссия, которую возглавлял Иакинф Бичурин. Человек широких взглядов, он еще в молодости стремился к научной деятельности и, можно полагать, в душе был не слишком религиозен. Бичурин рассматривал назначение в Китай не как неотвратимое несчастье, обрушившееся на его голову, наоборот, он ехал туда с большой охотой и живым интересом. По прибытии в Пекин сразу, под руководством учителя-китайца принялся за изучение китайского языка. Не замыкаясь в стенах подворья, отведенного миссии, Бичурин старался возможно больше общаться с китайцами, знакомясь с их бытом и обычаями, приобретая навыки в живой речи.

Встреча Пушкина и Бичурина в Петербурге. Художник Н.В. Овчинников, 1995 г.

После нескольких лет упорных занятий он смог приступить к переводу на русский язык китайских исторических сочинений. Переводы Бичурина послужили материалом не только для его собственной исследовательской работы, но и для многих живших уже позже него русских востоковедов, историков, этнографов, даже тех, кто не знал китайского языка. Ему принадлежит целый ряд трудов о Китае (в том числе и переводов), многие из которых до нашего времени не потеряли своего значения.

По обвинению архимандрита Петра Каменского, который сменил его в Пекине, Бичурин был лишен сана и сослан в Валаамский

монастырь. После длительных и настойчивых хлопот друзей он был переведен в Петербург, в Александро-Невскую лавру, и одновременно зачислен переводчиком в Азиатский департамент Министерства иностранных дел. В Петербурге Бичурин подготовил к печати часть своих переводов и написал ряд исследований о Китае и смежных с ним странах.

Через тундру

В 1837 г. ботаник Александр Шренк отправился на север изучать флору Печорского края. Добравшись по Печоре до устья ее притока Усы, в начале июля он двинулся к Полярному кругу и достиг гряды, протягивающейся от Усть-Цильмы к Большеземельскому хребту: «... заостренные в виде плоского конуса или длинные кургановидные возвышения; холмы с крутыми скатами и плоскими вершинами, разделенные узкими или... обширными долинами». Шренк прошел по этой моренной гряде (вернее, грядам) на северо-восток, через область со множеством мелких озер до низменности реки Коротаихи, впадающей в Баренцево море у Югорского полуострова. В начале августа путешественник увидел цепь с каменистыми вершинами, резко отличающуюся от высоких частей Большеземельской тундры. Это был Пай-Хой, горная цепь с широкими пологими склонами – северо-западная ветвь Урала. Далее Шренк прошел по приморской низменности к Югорскому Шару, переправился на остров Вайгач, где «среди туманов северной дали виднеются некоторые возвышения, представляющие ряд холмов», и правильно решил, что этот «Морской Урал» является продолжением материкового Урала до Карских Ворот. Сопоставив свои наблюдения, Шренк заключил, что существуют две географические области: Северный Урал с «темным, труднопроходимым хвойным лесом и топкими болотами», и Полярный Урал, вытянутый «вне пределов лесов» в северо-восточном направлении. У его подножия «вечномерзлая почва и нет поэтому топких болот». Это было первое указание на наличие вечной мерзлоты на северо-востоке Европы.

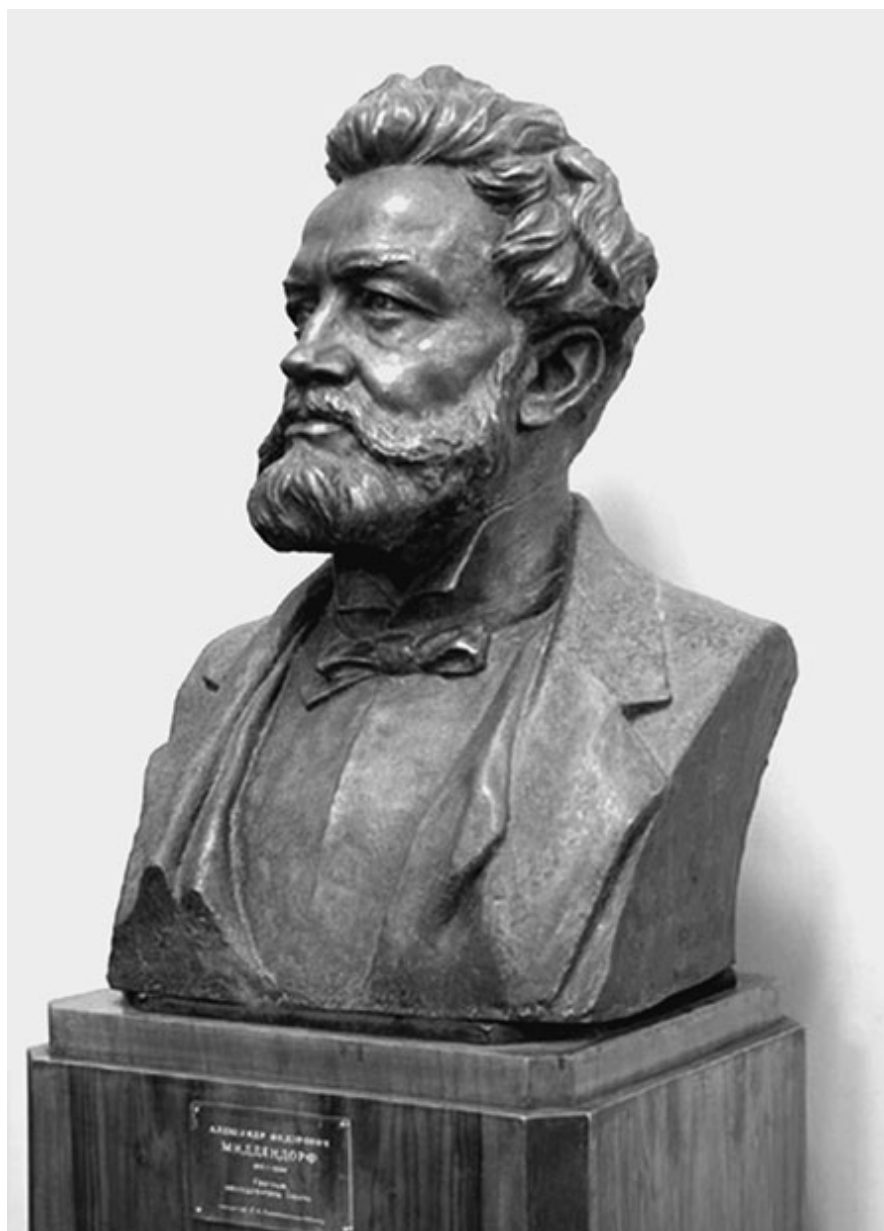
Через Большеземельскую тундру Шренк прошел на запад к низовью Печоры. Наступил сентябрь, и он вынужден был спешить. Путешествие закончилось в октябре 1837 г. в Мезени. Книга Шренка «Путешествие к северо-востоку Европейской России» (1855) опровергла представление современников о тундре как о заболоченной местности; ученый доказал, что «тундра не имеет недостатка в сухой и даже песчаной холмистой почве».

Тридцать тысяч километров по Сибири

В 1842 г. Академия наук снарядила в Сибирь экспедицию под руководством Александра Миддендорфа, перед которой были поставлены весьма сложные задачи. Достаточно сказать, что полем ее деятельности был избран полуостров Таймыр, куда и в наши дни добраться бывает непросто. В начале 1843 г. партия прибыла в Туруханск. Отсюда путешественники двинулись на собачьих упряжках по льду Енисея до низовьев реки Боганиды (система Хатанги). Пройдя отсюда «по Большой низовой тундре» к северу, они в июле достигли реки Верхней Таймыры. Почти все лето ушло на исследование этой реки и озера Таймыр. Миддендорф установил, что левый берег Таймырской долины с севера ограничивается скалистыми горами Бырранга. Спустившись на лодке по реке до озера Таймыр, Миддендорф пересек его и достиг истока Нижней Таймыры. Отсюда через ущелье в горах Бырранга он прошел по реке до Таймырской губы Карского моря, а на Нижней Таймыре отыскал скелет мамонта. Тем же путем экспедиция вернулась к озеру Таймыр, которое уже начало покрываться льдом.

В начале 1844 г. Миддендорф направился в Красноярск, оттуда в Иркутск, перешел на Лену и по этой реке спустился до Якутска. Отсюда путешественники вьючным путем пошли к верховьям реки Уда, спустились по ней на байдаре к Удской губе Охотского моря и двинулись на восток вдоль побережья. От устья реки Тугура решили идти в глубь материка на оленях. Следуя по долине реки вверх, путешественники открыли хребет Магу, западнее его – другой, позднее названный Тугурским, потом перешли на реку Нимелен, и оттуда достигли хребта Дуссе-Алинь, который, как писал Миддендорф, «на всем своем протяжении узок, высок и усажен коническими вершинами». В конце января 1845 г. экспедиция вышла к Амуру; общая протяженность маршрута, пройденного Миддендорфом и его спутниками, составила около 30 тыс. км. Результатом этого путешествия явилось описание юго-западного берега Охотского моря и Шантарских островов. Миддендорф доставил первые гидрографические сведения о южных склонах Станового хребта и стал первым его исследователем. Он доставил первые точные геологические

сведения о Приморье и бассейне Амура, первым определил южную границу распространения вечной мерзлоты в Восточной Сибири, а в своей книге «Путешествие на север и восток Сибири», опубликованной в 1860–1877 гг., впервые разработал классификацию тундр, приведя доказательства зонального распределения растительности на этой территории.

Бронзовый бюст А.Ф. Миддендорфа. Скульптор Л.К. Клименкова-Краузе

В горах Западного Саяна

Известный русский путешественник XIX в. Петр Чихачев начинал свою карьеру в Азиатском департаменте Коллегии иностранных дел, служил в русском посольстве в Константинополе, но в 1836 г. оставил службу и решил посвятить себя научным исследованиям. В 1842 г. Чихачев командирован на Алтай и в Саяны – в области, в ту пору еще очень мало известные. Вскоре экспедиция достигла Катуня – красивейшей реки Алтая. Ее пересекает единственный путь, ведущий из Бийска на реку Чую. Ближайшей задачей экспедиции было выйти к устью реки Чуи, а затем по Чуйской долине добраться до ее истоков. Следующей задачей стало исследование истоков реки Чулышмана. Затем Чихачев направился по долине реки Джалду к реке Башкаус. Поднимаясь вверх по реке Чульча, он достиг одноименного озера, вблизи которого обнаружил исток Большого Абакана – крупнейшего притока Енисея. Идя на север, Чихачев открыл юго-западную часть Абаканского хребта и истоки Малого Абакана, отделенного от Большого коротким хребтом Карлыган.

Идя от верховьев реки Чульча на восток через холмистую и болотистую местность со множеством озер, Чихачев проник в Урянхайский край (Тува), став первым европейским исследователем этой страны. Затем путешественник повернул к северу и обнаружил горное озеро Кара-Холь, укрывшееся среди громадных гор. Продолжая свой путь к северу, Чихачев спустился в долину текущего на северо-восток Кантегира (левый приток Енисея). С перевала он увидел «целый океан гор со слегка округленными контурами, покрытых лесом» и постепенно понижавшихся. Перевалив эту горную цепь, он достиг реки Абакан. Так Петр Чихачев впервые пересек Западный Саян, собрав важные сведения об этой горной стране. По материалам своего путешествия Чихачев составил орографическую и геологическую карты Алтая и Западного Саяна.

Русский флаг в устье Амура

Поход Пояркова по Амуру, предпринятый в 1660-х гг., не оставил никаких следов в анналах географических открытий. Даже в 1-й пол. XIX в. мореплаватели и картографы были убеждены, что устье Амура несудоходно, как несудоходен и Татарский пролив, который в то время считался заливом. Эти «белые пятна» с карты стер Геннадий Невельский.

21 августа 1848 г. Невельский покинул Кронштадт на транспорте «Байкал». Путь его лежал через Рио-де-Жанейро, мыс Горн, Вальпарайсо и Гавайские острова в Петропавловск, куда «Байкал» прибыл 12 мая 1849 г. 30 мая Невельский повел «Байкал» к Амурскому лиману. От восточного побережья Сахалина он направился к мысу Головачева, откуда и началось исследование Амурского лимана. Оно велось одновременно и с транспорта и со шлюпок, в двух направлениях – к устью Амура и вдоль западного берега Сахалина. лейтенант Казакевич, командовавший первой группой, первым увидел устье великой реки. Оба берега в этом месте были густо населены: поднимаясь вверх по Амуру, русские моряки повсюду видели стойбища гилияков. Оказалось, что Сахалин отделяется от материка проливом шириною в 4 мили, а устье Амура судоходно и имеет два выхода – на север в Охотское море и на юг в Татарский пролив. 1 августа 1850 г. Невельский поднял на мыс Куегда русский флаг.

Геннадий Невельский на почтовой марке СССР

Спустя год Невельский вновь прибыл к устью Амура, чтобы продолжать исследование неизвестного края и начать его освоение. 23 мая 1851 г. было сделано еще одно открытие: на берегу Татарского пролива русские моряки обнаружили удобную бухту, получившую название гавани императора Николая (Императорская Гавань, ныне Советская Гавань). Тем самым было окончательно развеяно мнение, будто бы на всем протяжении побережья от залива Де-Кастри до корейской границы нет не только бухт, но и удобных якорных стоянок, почему берег этот считался опасным и недоступным. Важность открытий Амурской экспедиции была несомненной; они фактически открыли для России путь на Дальний Восток.

Тайны якутской равнины

Первым предприятием созданного в 1851 г. Сибирского отдела Русского географического общества стала Вилюйская экспедиция, получившая задание исследовать долину Вилюя и районов, лежащих к северу. Возглавил ее эстонский натуралист Ричард Маак; в помощь ему был придан военный топограф Александр Зондгаген.

В конце 1853 г. Зондгаген первым отправился в путь. Ему предстояло осуществить съемку нижнего Вилюя. Пройдя по реке Чона (правый приток Вилюя) до ее устья, он весной 1854 г. вышел на лодке в Вилюй, сняв долину реки до города Вилюйска, но из-за холодов вынужден был прервать работу и уйти в Якутск, где встретился с Мааком и остальными членами экспедиции. Отсюда отряд двинулся к устью Вилюя, идя сперва волоком на лодке с бечевою, а потом на лошадях. Дойдя до реки Ханья, путешественники заключили, что левобережье Вилюя (Центрально-Якутская равнина) представляет собой «усеянную множеством озер низменность». Следуя курсом на север через плоскую возвышенность, отряд все чаще начал встречать «мрачные, большею частью голые утесы». В конце сентября путешественники добрались до реки Оленек и отсюда через ее верхние правые притоки пошли на юго-запад к верховью Вилюя. Невысокие горы и сопки, разделявшие бассейны Оленька и Вилюя, выглядели подобно руинам городов, оставленных неведомым народом: они имели вид «развалин старых замков... колонн, обелисков или пирамид, как будто нарочно построенных». Миновав их, отряд вышел на плоскую возвышенность, разделенную пологими скатами (Вилюйское плато); эта возвышенность была покрыта «уродливым кустарником и местами почти непроходимым хвойным лесом».

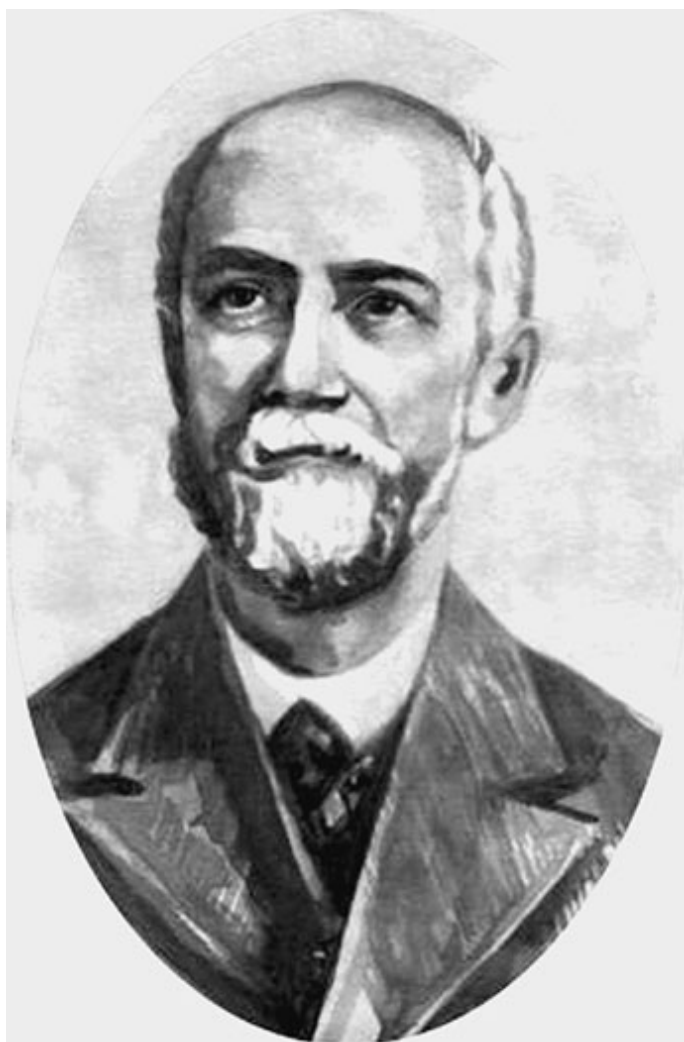

Ричард Маак

В конце октября путешественники достигли верхнего Вилюя, уже покрывавшегося льдом. Начались сильные морозы, по глубокому снегу Маак и его спутники преодолевали за сутки 11–16 километров. Дни и ночи приходилось проводить под открытым небом. С трудом проследив все изгибы Вилюя, путешественники решили идти прямо на юго-запад. В ноябре, перевалив высокий скалистый хребет, они достигли реки Улахан-Вава (приток Вилюя) и в конце декабря вышли к устью Чоны. В январе 1855 г. отряд пришел в селение Сунтар и оттуда через Олекминск добрался до Иркутска. Маак, Зондгаген и их спутники стали первыми исследователями центрального региона Восточной Сибири.

С геологическим молотком по Сибири

Современники видели в горном инженер-красноярце Иннокентии Лопатине «редкий у нас тип исследователя природы, не прикованного ни к какому учреждению, ни к какому служебному месту». За короткий срок – чуть более 4 лет – он сумел обойти и объездить громадные пространства Восточной Сибири. В 1865 г. по поручению Географического общества Иннокентий Лопатин работал в Забайкалье. Маршрут его экспедиции пролегал по труднодоступной местности, где еще никогда не ступала нога исследователя. За полгода (май – сентябрь) Лопатин вместе с топографом И.А. Кондратьевым пересек регион в нескольких местах, изучил и нанес на карту верхнее течение Витима с его многочисленными притоками, обнаружил южнее истоков следы древних вулканов и составил первую геологическую карту местности. Это путешествие сделало имя Лопатина известным в научных кругах.

Иннокентий Лопатин

На следующий год Лопатин по заданию Сибирского отдела Географического общества отправляется в Туруханск. Ему предстоит совершить первое геологическое исследование Енисейской губы и низовьев Енисея. Путешествуя то на лодке, то на оленях, Лопатин нашел здесь месторождения меди и каменного угля, на Курейке исследовал Графитовый рудник. Следующая поездка Лопатина – на Сахалин. За полтора года пройдено более 1600 верст, найдены месторождения угля, сделаны подробные описания многих районов острова... Только пошатнувшееся здоровье исследователя (Лопатин умер очень рано) не позволило ему проложить новые маршруты по неисследованным областям столь любимой им Сибири.

Ян Черский и тайна Байкала

Ян Черский стал известным географом и исследователем Сибири после того, как за участие в польском восстании 1863 г. его сослали в Омск. По поручению Иркутского отдела Русского географического общества он в 1873–1874 гг. исследовал Китайские и Тункинские Гольцы и другие районы Восточных Саян. В мае 1877 г. Черский отправился на Байкал. Он поставил себе целью разгадать загадку происхождения озера. На основании своих исследований Черский убедился, что Байкал был когда-то проточным озером. При этом Ангара была значительно большей рекой, чем в настоящее время, а Байкальская котловина является результатом продолжительного процесса оседания, который продолжается по сей день. Работа Черского, подкрепленная геологической картой и найденными им ископаемыми, опровергла тезис Гумбольдта о том, что когда-то Байкал был заливом Северного Ледовитого океана, и вызвала большой интерес научного мира; за свои труды путешественник был награжден золотой медалью. По ходатайству Географического общества Черский был амнистирован и переехал в Петербург. В это время Академия наук рассматривала проект экспедиции в малоисследованные области Восточной Сибири, надеясь отыскать останки мамонтов. Черский предложил избрать районом поисков бассейны Яны, Индигирки и Колымы. Академия наук согласилась с проектом, и летом 1891 г. Черский отправился в Верхнеколымск. В этой экспедиции здоровье путешественника резко ухудшилось, и 25 июня 1895 г. Черский умер. Последним его открытием стал огромный горный хребет – по сути, обширная горная страна протяженностью более 1000 километров при ширине в 150–200 километров – параллельный Верхоянскому, описание которого было впоследствии сделано С.В. Обручевым. По предложению Обручева этот хребет был назван в честь его первооткрывателя – Яна Черского.

«Кавказ подо мною. Один в вышине...»

Военный топограф Андрей Пастухов несколько лет прослужил на Кавказе, занимаясь топографической съемкой в самых труднодоступных его районах. Служба эта была нелегкой и опасной, но в душе Пастухова воинский долг соединялся с чисто человеческой любознательностью и даже с азартом. Непокоренные вершины Кавказа манили его. В 1889 г. он совершил восхождение на Казбек с топографической съемкой, а в 1890 г. рискнул совершить восхождение на Эльбрус. До Пастухова на вершине этой горы побывал только проводник экспедиции 1829 г. по фамилии Хаширов, в то время как остальным членам отряда – а среди них были и представители Академии наук, и местные проводники – сделать это не удалось. Второе восхождение Пастухова на Эльбрус в сопровождении проводника Агбая состоялось в 1897 г. и было не лишено драматичности. Вот как это выглядело со слов самого Пастухова: «...Метель и буря усилились. Все чаще и чаще стали проваливаться в замаскированные трещины. Наконец, сильно утомившись и потеряв всякую надежду выбраться из лабиринта трещин, решили зарыться в снег и ожидать окончания метели. При этом Агбай, вздыхая все повторял: “Пропал, пропал будет!”»

Могила Андрея Пастухова на вершине горы Машук в Пятигорске

На счету Пастухова были и другие восхождения, причем каждый раз – с топографическими задачами. Трижды он поднимался на Арарат, исследовал вершину Арагаца, район Ушбы, взошел на Шагдаг. Пастухов сделал также ряд ценных биогеографических наблюдений, нашел следы древнего оледенения в районе Эльбруса. О своих восхождениях на величайшие вершины Кавказа путешественник рассказал на заседании Русского географического общества в Петербурге и на страницах научных журналов.

В дебрях Уссурийского края

Вплоть до конца XIX в. Дальний Восток оставался малоизвестной и малонаселенной окраиной России. Без большого преувеличения можно сказать, что одним из первых «Колумбов», открывших этот затерянный уголок дикой природы для всего остального мира, стал знаменитый русский путешественник Владимир Арсеньев.

В 1906 г. Арсеньев организовал первую крупную экспедицию на Сихотэ-Алинь. В этом, как и в двух последующих путешествиях, его сопровождал проводник-нанаец (гольд) Дерсу-Узала, охотник-следопыт, для которого в тайге не было тайн. Он многому научил Арсеньева, а однажды на озере Ханка во время жестокой пурги спас его.

Ежедневно вел Арсеньев топографическую съемку, делал замеры высот. Записи в его походном дневнике исключительно разнообразны: сведения о погоде, пересказ старинной легенды, услышанной от встреченного удэгейца или нанайца, подсчет расстояний между отдельными пунктами... Наблюдений так много, они так разносторонни и интересны, что, когда путешественник обработает их и напечатает, Приморье начала XX столетия словно оживет на страницах его книг.

Владимир Арсеньев и Дерсу-Узала

В 1906–1910 гг. Арсеньев совершает три большие экспедиции по Сихотэ-Алиню. Он прошел вдоль побережья от залива Ольги до устья реки Заболоченной, составил подробную карту района с нанесением рельефа и всех населенных пунктов, включая одиночные жилища. На долю участников экспедиции выпало много испытаний: проливные муссонные дожди, нехватка продовольствия, сильный шторм, который унес лодку со снаряжением... Во время третьей экспедиции Арсеньев и его спутники едва не погибли: их лодка разбилась о камни, а с ней погибло все имущество экспедиции: запасы продуктов, инструменты и оружие. Спас путешественников вспомогательный отряд, заранее высланный в Императорскую Гавань. В этом ходе экспедиция Арсеньева прошел с маршрутной съемкой более 2000 километров. Круг интересов путешественника к тому времени расширился, и на первое

место выдвинулись этнографические проблемы – жизнь и обычаи малых народностей Приамурья и Приморья. Благодаря этим путешествиям имя скромного армейского офицера Владимира Арсеньева стало широко известно среди ученых – географов, этнографов и геологов.

На Дальнем Востоке

От Китая к «островам Армянина»

Добравшись в начале XVI в. до Индии и Молуккских островов, португальцы со временем начали осваивать и моря, расположенные к востоку и северу. Они открыли берега Юго-Восточной Азии. В 1513 г. португальский купец Жоржи Алвариш на китайской джонке совершил плавание в Кантон (ныне Гуанчжоу), став первым европейцем Нового времени, достигшим берегов Китая по морю. В 1517 г. в Кантон пришла португальская эскадра с посольством к китайскому императору. Несмотря на то что эта дипломатическая миссия потерпела неудачу, португальские моряки сумели совершить большое исследовательское путешествие вдоль берегов Китая. Кормчий Жоржи Машкареньяш, отправившись из Кантона в разведывательное плавание на северо-восток, прошел через Тайваньский пролив и добрался до Фучжоу, после чего благополучно вернулся в Малакку. В 1520 г. португальцы основали первую европейскую колонию у берегов Южного Китая – в Макао (Аомынь). Отсюда португальские корабли начали совершать плавания к Японским островам.

Около 1535 г. португальское судно, шедшее к тихоокеанским берегам Японии, было отнесено сильным штормом на восток (по крайней мере, так считали моряки). Когда океан утих, они увидели два острова, населенные людьми, которые говорили на языке, отличном от китайского и японского; эти острова располагались где-то между 35-й и 40-й параллелями (с. ш.). Находившийся на борту корабля купец-армянин сумел завязать с туземцами торговые отношения, в результате чего приобрел у островитян шелк и серебро. В память об этом португальцы назвали новооткрытую землю островами Армянина. Несмотря на то что другие мореплаватели, идя по следам этой экспедиции, не раз пытались отыскать в океане к востоку от Японии «серебряные острова», больше никому это сделать не удалось. Современные исследователи считают, на самом деле «острова Армянина» располагались у северо-восточного побережья острова Хонсю: разговорная речь здешних жителей действительно отличалась от диалекта Южного Хонсю.

Голландцы на Сахалине

В 1643 г. правитель Нидерландской Индии Ван-Димен отправил к берегам Японии на поиски «серебряных островов» экспедицию во главе с Мартином Герритсзоном де Фризом. Под его началом было 2 корабля: «Кастрикум», которым командовал сам Фриз, и «Брескенс» под началом капитана Хендрика Корнелисзона Схепа. 3 февраля 1643 г. экспедиция отправилась из Батавии к берегам Японии. 20 мая голландцы достигли первого японского острова – Хатидзе (из архипелага Нампо). На следующий день разразилась буря, и корабли потеряли друг друга. Все дальнейшее плавание они совершали отдельно друг от друга.

Фриз повел свой корабль вдоль восточного берега Хонсю и 6 июня подошел к мысу Эримо (юг о. Хоккайдо), где европейские моряки впервые встретились с коренными обитателями дальневосточных островов – айнами. Следуя дальше на северо-восток, Фриз 13 июня подошел к Малой Курильской гряде. Айны, населявшие эти небольшие, плоские и низменные островки, встретили голландцев вполне дружелюбно и указали им путь на северо-восток, к большому острову Такотекан (Шикотан). Держа курс на север, голландские моряки обнаружили проход между островами Кунашир и Итуруп, но из-за сильного встречного ветра не смогли войти в него. 20 июня «Кастрикум» бросил якорь в проливе между островами Итуруп и Уруп. Фриз был уверен, что расположенный к юго-западу от пролива остров Итуруп является северо-восточным полуостровом Хоккайдо, а лежащий к северо-востоку остров Уруп представляет собой уже побережье Северной Америки. В таком виде он и изобразил их на карте.

Выйдя в Охотское море и держа курс на север, Фриз достиг 48-й параллели (с. ш.), потом повернул на юг и подошел к северо-западной оконечности о. Кунашир, где простоял 8 дней. Затем голландцы предприняли новую попытку добраться до берегов Сибири. Днем 14 июля «Кастрикум» подошел к побережью Сахалина и бросил якорь в заливе Анива, на берегу которого находился поселок айнов. Здесь европейцы впервые в истории высадились на берег острова.

Спустя пять дней путешественники обогнули юго-восточную оконечность Сахалина и пошли вдоль береговой линии острова.

Встречный ветер не дал им пройти далее на север, но и без того общая протяженность побережья, исследованного голландцами, составила около 800 километров. Повернув на юго-восток, путешественники 5 августа вышли в Тихий океан. Зайдя ненадолго на остров Хоккайдо для пополнения запасов продовольствия и ремонта, Фриз попытался пройти на юг в поисках «серебряных островов»; вместо этого он открыл и описал теплое течение Куро-Сиво – «Гольфстрим Тихого океана».

Мужчины племени айнов

Хендрик Схеп на «Брескенсе» оказался менее удачлив: потеряв из виду корабль Фриза, он пошел на север вдоль восточных берегов Хонсю и Хоккайдо и добрался до Курильских островов, приняв их за часть Америки. Не решившись обследовать новую страну, Схеп повернул назад и высадился на побережье Хоккайдо, где вместе с 9 матросами попал в плен к японцам. Плавание «Кастрикума» и «Брескенса» имело важные результаты, хотя представление о землях, лежащих к северу от Хоккайдо, у голландцев сложилось ошибочное: они решили, что видели берег Америки и что между Японией и побережьем Азии (Татарии) располагается некая большая земля. Это заблуждение было развеяно только в результате плавания Беринга и Чирикова в 1741–1742 гг.

Японский вояж Энгельберта Кемпфера

В составе шведской торговой миссии, отправившейся в 1683 г. по Волге в Персию через Москву, Астрахань и Каспийское море, находился немецкий врач и натуралист Энгельберт Кемпфер. Вместе со своими спутниками он добрался в 1684 г. до Исфахана. Проведя около года в Персии, Кемпфер в 1685 г. поступил на службу в Нидерландскую Ост-Индскую компанию и совершил несколько плаваний на ее судах, побывав в Южной Аравии, в Индии, на островах Цейлон, Суматра и Ява и в странах Индокитая. А в сентябре 1690 г. после длительного и опасного плавания Кемпфер попал в Японию. Здесь он провел 2 года, собрав богатый материал о природе, истории, быте и общественном строе этой страны. Кроме записей, Кемпфер сделал многочисленные зарисовки с натуры и собрал обширные естественно-научные коллекции. В 1693 г. Кемпфер возвратился в Европу, а в 1727 г. в Лондоне вышла в свет его книга «История Японии». Долгое время она служила для европейцев основным источником сведений об этой далекой стране.

Engelbert Kämpfers

Medi. D. M. und Hochgräf. Zippischen Leibmedicus

G e s c h i c h t e
und
B e s c h r e i b u n g
v o n
J a p a n

Aus den Originalhandschriften des Verfassers
herausgegeben

von

Christian Wilhelm Dohm.

Der Camera- und Finanzwissenschaften, wie auch der Statistik am Hochfürstl. Collegio Carolino in
Cassel, Prof. Ord. der Hochfürstl. hessischen Societät des Ackerbaues und der Künste, des Königl.
historischen Instituts in Göttingen und der Chur-Bayerischen Gesellschaft der sitlichen und
Landwirthschaftlichen Wissenschaften Mitglied.

Erster Band.

Mit Kupfern und Charten.

Leipzig, im Verlage der Neverschen Buchhandlung, 1777.

Титульный лист книги Кемпфера, посвященной Японии

Злоключения Василия Головнина

В июле 1807 г. из Кронштадта в кругосветное плавание отправился шлюп «Диана» под командой Василия Головнина. Экспедиция должна была выполнить географические и гидрографические описи и съемки в Тихом океане, а также доставить корабельное снаряжение в Охотский порт и Петропавловск. 18 апреля 1808 г. «Диана» подошла к мысу Доброй Надежды и через два дня вошла в Кейптаунскую бухту. Здесь русских моряков ожидал неприятный сюрприз: командующий английской эскадрой объявил Головнину о том, что Англия и Россия находятся в состоянии войны. Согласно условиям Тильзитского мира с Наполеоном (1807) Россия присоединилась континентальной блокаде Англии, осуществлявшейся наполеоновской Францией. Англия, разумеется, расценила этот шаг как недружественный и в ответ начала захватывать российские корабли. Не избежала этой судьбы и «Диана». Почти 13 месяцев оставались русские моряки в Кейптаунском порту. Наконец, воспользовавшись удобным случаем, во время сильного шторма Головнину удалось вывести «Диану» из Кейптауна, лавируя между стоящими в гавани английскими кораблями. Обогнув с юга Австралию и Тасманию, через 51 день плавания корабль прибыл на Новые Гебриды. 23 сентября на горизонте открылся полуостров Камчатка, и через два дня шлюп вошел в гавань Петропавловска-Камчатского.

Летом 1810 г. Головнин отправился в плавание к американским берегам, чтобы доставить продовольствие в поселения Российско-американской компании, а в 1811 г. мореплаватель получил задание нанести на карту Курильские и Шантарские острова.

Во время исследования Кунашир Головнин вместе с шестью высадившимися с ним на берег матросами был захвачен японцами в плен и доставлен на Хоккайдо. Два года и три месяца моряки провели в заключении. Однажды они попытались бежать, сделав подкоп, но вскоре были пойманы и вновь водворены в тюрьму. Только в 1813 г. Головнин был освобожден из плена и вернулся на Камчатку, а в 1814 г. через Сибирь прибыл в Санкт-Петербург. О своем пребывании в Японии Головнин рассказал в книге «Записки флота капитана Головнина о приключениях его в плену у японцев» (1816).

Переведенная на многие европейские языки, эта книга пользовалась большой популярностью у читателей.

Василий Головнин

«Шпион» открывает Японию

В 1822 г. немецкий натуралист Филипп Франц Зибольд поступил врачом на службу в Голландскую Ост-Индскую компанию и в 1823 г. вместе с голландской торговой миссией прибыл в Нагасаки. За 8 лет пребывания в стране, в ту пору практически закрытой для европейцев, Зибольд совершил несколько путешествий, побывал в городах Симоносеки, Осака и Киото, сделав ценные наблюдения и собрав множество интересных сведений. В 1830 г. Зибольду удалось получить от придворного императорского астронома копию японской географической карты. За это его обвинили в шпионаже и выслали из Японии. Ученому пришлось вернуться в Европу. Однако в 1859–1862 гг. Зибольд вновь смог посетить Японию и продолжить свои исследования. Результатом его деятельности стала обширная этнографическая коллекция, собранная в различных регионах страны. В 1862 г. Зибольд возвратился в Вюрцбург. Его исследования составили основу знаний европейских ученых о Японии вплоть до того времени, когда страна стала открытой для иностранцев (1867 г.) и новые европейские путешественники положили начало современному изучению Японских островов. Велика заслуга Зибольда также и в том, что он ознакомил Японию с европейской наукой.

Бюст Филиппа Франца Зибольда

Последнее открытие Японии

Вплоть до середины XIX в. Япония оставалась закрытой для иностранцев страной. Правда, формально существовал порт Нагасаки – один-единственный! – куда разрешалось заходить иностранным кораблям, но этими кораблями могли быть только голландские либо китайские; судам под флагами других стран вход в бухту Нагасаки был запрещен. Попытки завязать отношения с Японией предпринимались посланцами разных государств неоднократно, однако все они были безрезультатны. «Открыть» Японию внешнему миру удалось только американскому моряку Мэтью Перри.

Готовясь к дальнему рейсу к берегам почти неизвестной остальному миру страны, Перри перечитал почти всю доступную по теме Японии литературу. Особенно полезными оказалась его переписка с известным путешественником Филиппом Зибольдом, прожившим несколько лет в Японии. В 1852 г. Перри во главе эскадры из 10 кораблей, в состав которой входили 3 паровых фрегата, отправился из Норфолка (Вирджиния) в далекий путь. Корабли Перри пересекли Атлантический и Индийский океаны и 8 июля 1853 г. вошли в гавань Урага близ города Эдо (современный Токио). Японские власти потребовали от американцев немедленно покинуть гавань и идти в Нагасаки, однако на Перри эти требования не произвели никакого впечатления. Наоборот, вид американских паровых кораблей, оснащенных самой современной по тем временам артиллерией, обладавшей большой разрушительной силой, произвел большое впечатление на японцев. Сигнальные выстрелы американских пушек вызвали настоящий переполох среди жителей Эдо. Привыкшие столетиями жить в изоляции, японцы были поражены уровнем иностранных технологий: оказывается, пока они топтались на месте, мир за пределами их островов развивался немыслимыми темпами... В итоге Перри не составило большого труда убедить заносчивых, но подавленных посланцев сегуна принять письмо американского президента.

14 июля 1853 г. Перри отправился в обратный рейс к берегам Китая, пообещав возвратиться за ответом. В феврале 1854 г. его эскадра вновь появилась у берегов Японии. К этому времени японские власти

после долгих споров все же подготовили соглашение, воплотившее все основные требования, содержащиеся в письме президента США. 31 марта 1854 г. Перри от лица Америки подписал исторический договор Канагава, фактически открывавший Японию внешнему миру. На обратном пути американские моряки бросили якорь у берегов Формозы (Тайвань). Перри и его спутники в течение 10 дней исследовали экономический потенциал этого острова, и, в частности, месторождения угля. По мнению Перри, Формоза вполне могла бы стать удобной базой на морском пути в Японию, тем самым позволив США противостоять монополизации главных торговых маршрутов европейцами, однако американский президент отклонил его предложение. Впрочем, «открыватель Японии» был щедро вознагражден: Конгресс США предоставил Перри премию в размере 20 тысяч долларов. Часть этих средств путешественник потратил на то, чтобы издать свой трехтомный труд, повествующий о далеком плавании к берегам Японии, нравах и быте ее населения.

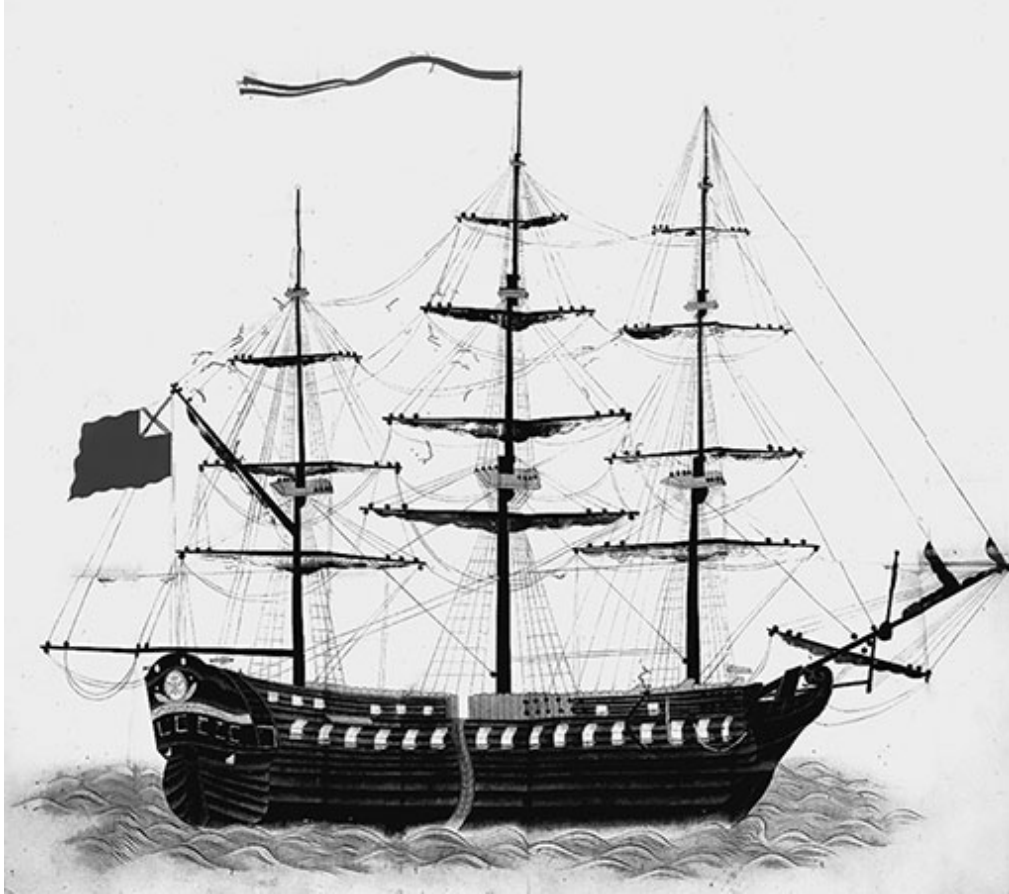
Таким Мэтью Перри был запечатлен японским каллиграфом

«Паллада», «Диана», «Хэда»...

7 февраля 1852 г. из Кронштадта в далекий путь к берегам Японии отправился фрегат «Паллада», на борту которого находилась русская дипломатическая миссия во главе с вице-адмиралом Е.В. Путятиным. Маршрут плавания пролегал вокруг Африки, через Индийский океан; на борту «Паллады» находился в качестве секретаря Путятин известный писатель И.А. Гончаров, оставивший записки об этом путешествии.

21 августа 1853 г. «Паллада» прибыла в Нагасаки. Начавшиеся после долгих проволочек переговоры приняли затяжной характер, так что Путятину пришлось на некоторое время оставить берега Японии и пойти сначала на Филиппины, затем в Корею, а оттуда – к Татарскому проливу. Во время этого плавания было впервые подробно изучено на протяжении почти 1500 километров формально принадлежавшее России дальневосточное побережье, открыты заливы Посьета, Ольги, острова Римского-Корсакова.

11 июля 1854 г. на Дальний Восток прибыл фрегат «Диана», на борту которого экспедиция Путятин вновь направилась в Японию для продолжения переговоров. 22 ноября «Диана» пришла в японский порт Симода. Пока Путятин вел переговоры, произошло землетрясение, и обрушившиеся на берег волны цунами причинили «Диане» серьезные повреждения. В январе 1855 г., когда фрегат транспортировали в бухту Хэда для ремонта, «Диана» затонула.

«Диана» на японской картине. Художник указал даже кормовой флаг Российского флота

Между тем Путятин подписал от имени российского правительства первый русско-японский договор, и моряки занялись постройкой нового корабля. Строительные работы, развернувшиеся в бухте Хэда, позволили японцам впервые в истории на практике познакомиться с техникой европейского судостроения. За работой наблюдали два японских чиновника, которые записывали все действия русских моряков и зарисовывали все детали; точно так же поступали и японские корабельных дел мастера, которых императорское правительство прислало на помощь потерпевшим бедствие путешественникам. Спустя 2,5 месяца шхуна под названием «Хэда» была спущена на воду, и 26 апреля Путятин с частью команды покинул Японию; 8 июня шхуна уже бросила якорь в Амурском лимане.

Обретение «матрешки»

В 1850-х гг. русские корабли начали все чаще заходить в японские порты для установления деловых и торговых контактов со Страной восходящего солнца. Моряки фрегата «Аскольд» в Нагасаки даже помогли тушить пожар, возникший в порту, после чего дело дошло до беспрецедентного для тогдашних времен приглашения русских в японские дома.

В 1861 г. в порт Хакодате зашел русский корвет «Посредник» под командованием капитана Ивана Бирилева. Японский губернатор обратился к русским морякам с просьбой помочь в освоении купленного у голландцев судна. Бирилев выделил в помощь японцам офицера и 5 матросов. Несмотря на языковые трудности, задача была выполнена. Кроме благодарности, русские моряки получили от японских властей разные подарки: ткани, лакированные шкатулки... Вообще при контактах с японцами нередко происходил обмен различными поделками – тем, что со временем стало именоваться сувенирами. Таким путем в Россию попала и ныне знаменитая «русская матрешка» – японская дарума. Только выглядела эта кукла-неваляшка несколько иначе: японцы вытачивали ее в виде сплошного деревянного болванчика, а в России даруму стали изготавливать полой внутри.

Современные японские куклы-дарума

От Амударьи до Новой Гвинеи

От Каспия до Хивы: трагедия князя Черкасского

В 1714 г. Петр I поручил гвардии капитан-поручику Александру Бековичу-Черкасскому, кабардинскому князю, воспитанному в России, составить точную карту Каспия. Во главе отряда в 1,5 тысячи человек Черкасскому предстояло следовать от Астрахани «возле левого берегу [морем]... и делать карту как берегу морскому, так и рекам и пристанищам». В апреле 1715 г. Черкасский во главе эскадры из 20 бригантин вышел в море. Он прошел вдоль всего северного и восточного побережий Каспийского моря, обнаружил и описал залив Кара-Богаз-Гол, посетил «Красные Воды» (Красноводский залив; это название дано Черкасским), где опросил местных туркмен и, не совсем правильно поняв их, сделал вывод, что Амударья сравнительно недавно впадала в Каспийское море. Черкасский даже отыскивал ее якобы прежнее устье, а его разведчики принесли сведения, будто бы хивинцы где-то запрудили реку и в результате она потекла в Аральское море. На самом деле рассказ о недавнем заграждении течения Амударьи основывался на местной легенде, но это стало ясно только впоследствии.

В Астрахань Черкасский вернулся в конце октября. Узнав о том, что Амударья будто бы впадала в Каспий и что по этой реке можно дойти до Индии, Петр I решил, что ему удастся снова повернуть Амударью в Каспийское море. Он приказал Черкасскому немедленно организовать и возглавить большую – свыше 6 тысяч человек – экспедицию, построить крепость на берегу Каспия – в том месте, где прежде было устье Амударьи, оставить там гарнизон, а самому с основными силами пройти вдоль старого русла реки, осмотреть плотину, заградившую ее течение, и определить, можно ли снова направить ее воды в Каспийское море.

Для перевозки войска была построена специальная флотилия, насчитывавшая почти 100 судов. 15 сентября 1716 г. Черкасский вышел из устья Волги и 9 октября прибыл к полуострову Тюб-Караган. Идя вдоль восточного побережья Каспийского моря, он заложил три крепости, а из Красноводского залива отправил к хивинскому хану трех

человек с сообщением, что намерен идти в Хиву, но эти посланцы не возвратились. Черкасский отвел свои суда в Астрахань, решив вести свой отряд в Хиву оттуда. В его распоряжении оставалось около 3000 человек (остальные были распределены по гарнизонам новопостроенных крепостей на восточном берегу Каспия). Часть войска сухим путем направилась к устью Яика, в Гурьев. Черкасский же с другой частью перешел туда морем в июне 1717 г. Из Гурьева объединенный отряд двинулся на восток, на плотах переправился через Эмбу, пересек плато Устюрт в самый разгар лета, сильно страдая от жары и жажды. В 100 верстах от Хивы хан во главе большого отряда пытался остановить русских, но был отбит, отошел к городу и вступил в переговоры. Черкасский согласился на предложение хана по частям впустить отряд в город, с тем чтобы русские солдаты были расквартированы там небольшими группами. В результате по приказу хана хивинцы напали на русских и перебили их всех. Убит был и князь Черкасский.

Памятник экспедиции Бековича-Черкасского в туркменском посёлке Кызыл Су находится в плачевном состоянии

Иван Унковский в сердце Азии

В феврале 1722 г. артиллерии капитан Иван Унковский был отправлен Петром I с дипломатической миссией к правителю Ойратского (Джунгарского) ханства. Попутно Унковскому было поручено «разыскание» речных путей из Сибири в Среднюю Азию. В состав отряда вошли геодезист и несколько специалистов горного дела для поисков золота, что придало посольству характер научной экспедиции. 11 апреля 1722 г. Унковский прибыл в Тобольск и отсюда на дощаниках пошел вверх по Иртышу до Семипалатинска. Увязая в снегу, посольский караван перевалил через горный хребет Тарбагатай. 25 октября отряд Унковского прошел через Джунгарские Ворота: «по обе стороны превеликие каменные горы... и во многих местах в утесе яко стена руками человеческими построена». В начале ноября путешественники вышли в широкую сухую степь, представлявшую собой часть Джунгарской равнины. За горным хребтом Канзога (Борохоро), на реке Или, располагалась резиденция хана. Здесь посольство провело зиму, а затем около полугода – с конца марта 1723 г. по середину сентября – кочевало вместе с ханом по широкой долине реки Или. Унковский безуспешно пытался убедить хана перейти в российское подданство, но ничего не добился и 18 сентября двинулся в обратный путь, повторив в основном прежний маршрут и достигнув в конце октября Иртыша. Географические сведения, собранные миссией Унковского, послужили основой для составления карты обширного, ранее практически неизвестного европейцам региона. Карта дает представление о хребте Тарбагатай, об озерах Алаколь и Эби-Нур, о Джунгарских Воротах, северной части Восточного Тянь-Шаня. На карту нанесены два озера Балгуш (Балхаш), река Или, показанная почти на всем протяжении, восточная часть озера Иссык-Куль, а далеко на юге – несколько рек Кашгарской равнины: Тарим, Яркенд и Керия. Таким образом, материалы миссии Унковского дали первое достоверное представление о восточных районах Казахстана и части Западного Китая.

На плоскогорье Декан

Чарлз Рейнолдс впервые оказался в Индии в 1777 г. 14-летним подростком. Спустя несколько лет он уже участвовал в англо-маратхских войнах, трижды был ранен. В марте 1785 г. Рейнолдс вместе с английским посольством отправился к радже княжества Гвалиор (ныне часть территории штата Мадхья-Прадеш). Во время этого путешествия перед ним впервые открылись внутренние области Индостана. Маршрут Рейнолдса и его спутников пролегал на северо-восток от Камбейского залива, через малоизученное плато Малва. Рейнолдс нанес на карту ее истоки, а также установил истинное направление ее течения и течения нескольких других рек; его исследования полностью изменили географические представления о центральной части Индостана, поскольку ранее предполагалось, что часть здешних рек течет на юг (в реальности же – на север).

В последующие годы Рейнолдс в качестве военного топографа совершил несколько путешествий по Южной Индии. В 1786 г. он, выйдя из Бомбея, поднялся на плоскогорье Декан и прошел около 400 километров на юг вдоль склонов Западных Гат. Спустя год путешественник совершил долгий и трудный переход от Камбейского до Нагпура, а оттуда – в расположенный в 470 километрах южнее Хайдарабад. В конце года Рейнолдс вышел к устью реки Кришна и, следуя вдоль берега моря на юг, дошел до Мадраса. Возвратившись в Хайдарабад, путешественник спустя некоторое время вновь отправляется в дорогу – на этот раз на северо-запад, через верхнее течение реки Годавари к Камбейскому заливу.

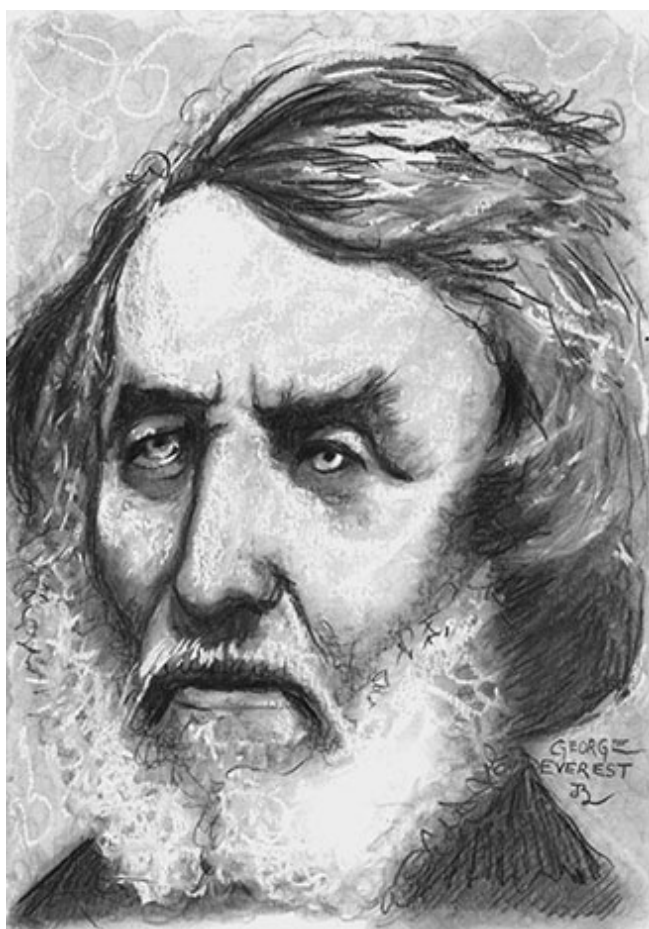
В апреле 1790 г., когда вспыхнула третья англо-майсурская война, Рейнолдс был послан из Бомбея на юг и на протяжении 2 лет вел топографическую съемку Западных Гат. После заключения мира Рейнолдс, воспользовавшись благоприятной обстановкой, выполнил еще съемку плоскогорья Декан. Благодаря 8-летним трудам путешественника на карту были нанесены обширнейшие пространства внутренних областей Индии.

В предгорьях Гималаев

Целых три года (1815–1818 гг.) английский военный топограф Джон Ходжсон и его коллега Джеймс Херберт потратили на то, чтобы осуществить съемку обширной горной области на севере Индии, на границе с Непалом. Отсюда берут свое начало многие реки, стекавшие на равнины Северо-Восточной Индии, и в их числе Ганг. Ходжсон и Херберт сумели пройти вдоль верховий Ганга и отыскать исток этой великой реки, образующейся в результате слияния рек Алакнанде и Бхагиратхи. Путешественники прошли вверх по течению обеих этих рек, открыли истоки реки Джамны – крупнейшего притока Ганга, берущего начало на южных склонах хребта Заскар. Они открыли и исследовали южную часть хребта Заскар, над боковыми отрогами которого вздымались огромные горные пики, средняя высота которых составляла, по вычислениям Ходжсона и Херберта, от 6,4 до 6,9 тысячи метров. По результатам этого путешествия Херберт сделал первую попытку дать общий обзор Гималаев на основании собранных им материалов и сообщений более ранних путешественников.

Джордж Эверест и «третий полюс»

У знаменитой горы Джомолунгма – «третьего полюса» Земли – много названий. У местного населения она известна под именами Чомо-Канкар – «Царица снежной белизны» – и Сагарматха. Английские военные топографы первоначально именовали ее просто как пик № 15. И лишь много позже ее окрестили Эверестом – в честь скромного топографа Джорджа Эвереста...

Джордж Эверест. Карандашный рисунок неизвестного автора

К середине XIX в. топографическая съемка обширных территорий Индии была в основном закончена. Началась обработка собранных материалов, которых набралось великое множество. Только в 1852 г. дело дошло до результатов съемок северных территорий, изобилующих

горными хребтами и вершинами. Тогда и выяснилось, что пик № 15 является самой высокой вершиной планеты. Начальник британской топографической службы нарек ее в честь своего коллеги, несколько лет проработавшего в Индии в качестве геодезиста. Результаты измерений Джомолунгмы несколько раз ставились под сомнение, за высшую точку Земли принимали Макалу, Гауризанкар, другие гималайские вершины, но в итоге все сомнения отпали. А за горой со временем все-таки утвердилось ее местное название – Джомолунгма.

Каменное чудо в джунглях

О том, что в джунглях северо-запада Камбоджи скрываются остатки гигантских каменных сооружений, в Европе впервые узнали от испанского миссионера Марсело Рибандейро. В 1601 г., блуждая в джунглях близ озера Тонлесап, он неожиданно натолкнулся на развалины огромного древнего храма. Но ведь традиции кхмеров не позволяли строить каменные здания! В поисках ответа на загадку Рибандейро обратился к местным жителям и королевским чиновникам. Они знали о циклопических постройках в глубине джунглей, но объяснить их происхождение не могли, вместо этого рассказав миссионеру множество легенд и преданий. Все это только укрепило Рибандейро во мнении, что увиденные им постройки принадлежат цивилизации, не имеющей никакого отношения к кхмерам.

Открытие Рибандейро сенсации в Европе не вызвало, и о его находке вспомнили только два с половиной столетия спустя, после выхода в свет в 1868 г. книги французского путешественника Анри Муо «Путешествие в королевства Сиама, Камбоджи, Лаоса и другие области Центрального Индокитая».

...Углубившись в джунгли в нескольких километрах от города Сиемреап, Муо неожиданно заблудился. Несколько дней – без пищи, страдая от приступов малярии, – он бродил в бесконечных лесных дебрях, пытаясь найти обратную дорогу. 22 января 1861 г., когда уже начали таять последние надежды, лес неожиданно расступился, и Муо вышел на широкую, залитую солнечным светом поляну...

Вид на Ангкор-Ват, Камбоджа

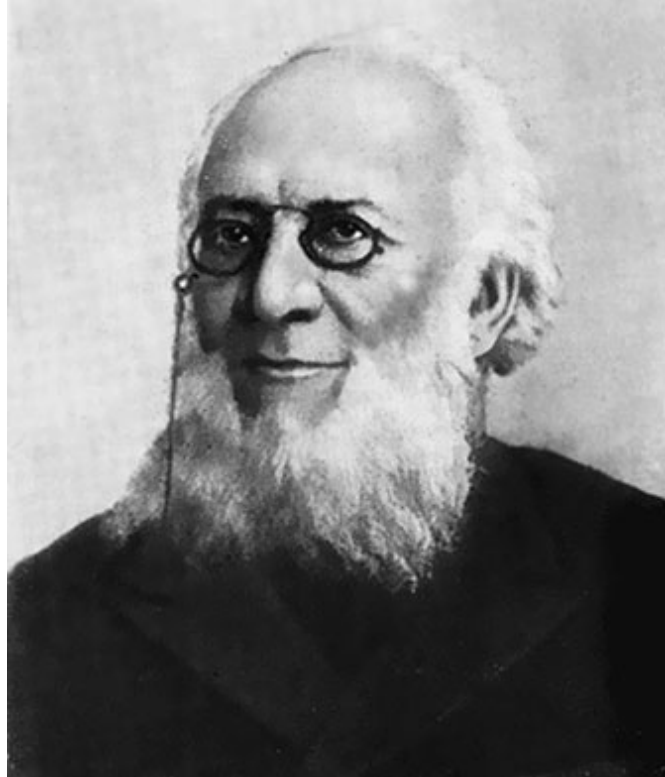
В первое мгновение Муо подумал, что у него от долгих скитаний начались галлюцинации: прямо перед ним, освещенные розовыми лучами заходящего солнца, над бескрайними джунглями возвышались три стройные башни, напоминавшие бутоны лотоса. Их изящные силуэты отчетливо вырисовывались на фоне закатного неба. И только когда его ладонь коснулась шероховатого прохладного камня, Муо поверил в реальность этой внезапно выросшей из лесных зарослей каменной сказки... Так был открыт Ангкор-Ват – крупнейший в мире храм, именем которого впоследствии была названа целая эпоха в истории Камбоджи – эпоха Ангкорской цивилизации.

Через Восточный Саян

В 1855 г. из Иркутска в большое путешествие по Восточной Сибири отправилась экспедиция Русского географического общества во главе с астрономом Людвигом Шварцем. В ее состав отряда вошли военные топографы, в задачу которых входило составление точной и подробной карты. В июле – августе 1857 г. Шварц совершил переход к устью Витима и поднялся по нему примерно на 660 километров до Делюн-Оронского порога, но не смог преодолеть его и вернулся на Лену. В июне следующего года Шварц из Минусинска через село Шушенское вышел к верховью реки Оя (приток Енисея). Здесь он обнаружил Ойский хребет – горную цепь, гребень которой «был усажен огромными камнями, глыбами и столбами». Идя на восток вдоль горного хребта Ергаки, путешественник достиг истоков быстрой и порожистой реки Ус (приток Енисея), близ которого открыл еще два горных хребта: Араданский, а ниже по течению – Мирской. Топографы экспедиции выполнили первую съемку Восточного Саяна, нанесли на карту Витимское плоскогорье, несколько высоких хребтов в Становом нагорье, Олекмо-Чарском плоскогорье и в Приамурье, почти все течение Витима и Зеи и ряд мелких притоков, реки Киренгу, Баргузин и Верхнюю Ангару. На основании собранных материалов Шварц составил карту Забайкалья и Амурского края, долгое время служившую единственной основой для дальнейших исследований этих обширных областей Юго-Восточной Сибири.

Открытие Тянь-Шаня

Свыше 40 лет (с 1873 по 1914 г.) Петр Семенов возглавлял Русское географическое общество. При его участии и поддержке было организовано множество экспедиций в разные районы планеты, выпущено многотомное «Полное географическое описание нашего отечества». Он и сам не раз совершал далекие путешествия. Весной 1856 г. Семенов отправился на Тянь-Шань. Выйдя в путь из Семипалатинска, путешественник добрался до Балхаша, к юго-востоку от которого увидел «ослепительно блестящую... вечными снегами», простирающуюся на юго-запад цепь высоких гор, которую он назвал Джунгарским Алатау. За этим хребтом начиналась «низкая и жаркая» долина реки Или. Миновав ее, он достиг города Верный (Алма-Ата), откуда совершил два похода к озеру Иссык-Куль. Зимой 1856/57 г. Семенов провел в Барнауле, а летом 1857 г. отправился из Верного на восток. Он прошел по северному склону Заилийского Алатау, достиг верхнего течения Чарына – притока реки Или и, поднявшись на перевал Терской-Ала-Тоо первым из европейцев увидел вершину Хан-Тенгри. Перед путешественником «возвышался самый величественный из когда-либо виденных мной горных хребтов. Он весь, сверху донизу, состоял из снежных исполинов... Как раз посередине... возвышалась одна, резко... отделяющаяся по своей колоссальной высоте белоснежная остроконечная пирамида...».

Петр Семенов

На склонах Тенгри-Тага Семенов открыл и исследовал гигантский ледник, самый большой на Тянь-Шане, которому позже дадут его имя. Неподалеку путешественники повстречали кочкаров – горных баранов с массивными рогами. Зоологи считали, что кочкары полностью вымерли. В конце сентября 1857 г. Семенов вернулся в Семипалатинск. Результаты его экспедиции оказались весьма значительными: фактически путешественник положил начало открытию и исследованию Тянь-Шаня. В память об этом в год 50-летнего юбилея путешествия Семенов получил почетную приставку к своей фамилии – Тянь-Шанский.

Через Каракорум навстречу смерти

В 1854 г. баварские натуралисты, братья Адольф, Герман и Роберт Шлагинтвейты, состоявшие на службе британской Ост-Индской компании, отправились в труднейшее путешествие в горы Центральной Азии – в Гималаи, Каракорум и Куньлунь. Путешествия в этих горных суровых краях были опасны не только из-за суровых естественных условий, обвалов и лавин и, скорее, даже не столько из-за них. Местные правители весьма подозрительно относились к иностранцам, существовали даже целые районы, куда доступ чужим людям был запрещен под страхом смерти. Тем не менее исследователям удалось добиться многого. Пройдя по восточным склонам Каракорума и северо-западному Тибету, они провели ряд измерений магнитного поля Земли и, перевалив через Каракорум, установили, что это самостоятельная горная система, не связанная с Куньлуном. В начале 1857 г. Герман и Роберт вернулись назад, а Адольф на свой страх и риск отправился в Кашгарию и Южную Джунгарию. Близ Кашгара путешественник был схвачен слугами Вали-хана, эмира Кашгарии, обвинен в шпионаже в пользу китайцев и зверски казнен: 26 августа 1857 г. ему отрубили голову. Весть о трагической гибели Адольфа Шлагинтвейта пришла в Европу через Россию: ее доставил российский путешественник Чокан Валиханов.

Братья Шлагинтвейт

Купец Алихан в Восточном Туркестане

Карьера Чокана Валиханова, русского офицера казахского происхождения, оказалась очень короткой – он умер в возрасте 30 лет, однако еще при жизни он снискал славу одного из самых смелых и ярких исследователей Центральной Азии. Свое первое путешествие – в Джунгарию и Кульджу – Валиханов совершил в 1856 г. Спустя два года Валиханов отправляется в свое самое рискованное и самое знаменитое путешествие в Кашгар. Китайцы в то время не допускали иностранцев в Восточный Туркестан. Тогда под именем купца Алихана Валиханов присоединился к каравану кокандских купцов. Караван пересек Тяньшаньские сырты, верховья реки Нарын и достиг китайской границы. В горах уже шел снег, и погода доставляла немало хлопот путникам. Пройдя на юг «по бесплодным местности, покрытой изредка колючей травой... и изрытой логами», караван в октябре достиг Кашгара. С частью каравана Валиханов проник еще дальше на юг – до Яркенда. По собственным наблюдениям и расспросам он выяснил, что Кашгария имеет характер песчаной пустыни, окруженной с трех сторон горными хребтами – Тянь-Шанем, Кашгарским хребтом и Куньлунем. С восточной стороны она замыкается пустыней Гоби, где в песках теряется множество рек, стекающих с гор.

Чокан Валиханов

В марте 1859 г. Валиханов двинулся с караваном в обратный путь, причем вторично пересек Центральный Тянь-Шань. По материалам своих путешествий он составил первое научное историко-географическое и этнографическое описание Восточного Туркестана, высоко оцененное его современниками.

В горах Памира

Первым путешествием Алексея Федченко стала научная экскурсия по соленым озерам Южной России, в которой он сопровождал своего старшего брата. С этого времени он начинает заниматься энтомологией. В 1868 г. Федченко отправляется в Зеравшанскую долину. 24 апреля экспедиция выступила из Самарканда в сторону гор Актау (часть Нуратинского хребта) и 12 мая достигла селения Джам. Федченко оно показалось «международным рынком»: сюда съезжались купцы из Бухары, Шахрисабза, Ферганы и других далеких городов. Отсюда путешественники повернули на восток и вышли в долину Зеравшана, направляясь к Пенджикенту. Из Пенджикента Федченко поднялся по долине Зеравшана до селения Даштыказы, а затем правым берегом реки вернулись в Самарканд, привезя с собой обширное собрание научных материалов.

Алексей Федченко

2 мая 1870 г. Федченко вновь отправляется в Туркестан, намереваясь достичь истоков Зеравшана. Экспедиция двинулась вниз по реке Матчи (Верхний Зеравшан), затем вышла в долину Фандарьи (левый приток Зеравшана). Дорога лепилась по узким карнизам и висячим мостикам – оврингам, свисающим над рекой. В Ягнобе путешественники встретились с людьми, говорящими не на таджикском, а на своем, особом языке – это были потомки древних согдийцев. Отсюда экспедиция двинулась в обратный путь прежним маршрутом.

Федченко неудержимо влекла обширная горная страна на юго-востоке, где еще не побывал ни один европеец. Удобнее всего было сюда пробираться из района восточнее Коканда. Федченко это знал, однако сначала он отправился к Исфаре. В истоках Исфары путешественник обнаружил обширный ледник, которому дал имя своего учителя – Щуровского. Отсюда Федченко поднялся на заветный

гребень Алайского хребта. Перед его глазами засверкал снегами хребет, служивший «северной границей Памирской выси». По праву первооткрывателя Федченко назвал этот хребет Заалайским, а его вершину (7134 м) – именем Кауфмана (ныне пик Ленина). Итоги его путешествия в горы Памира оказались настолько значительными, что привлекли внимание международных научных обществ.

Четыре похода Николая Пржевальского

В 1866 г. молодой русский офицер Николай Пржевальский по своему желанию перевелся на Дальний Восток, горя стремлением заняться исследованиями Уссурийского края. Но затем его внимание целиком переключилось на Центральную Азию. В 1870 г. Русское географическое общество организовало экспедицию в глубинные районы континента, начальником которой был назначен Пржевальский. Выйдя в путь из Кяхты, Пржевальский первым из европейцев проник в глубинную область Северного Тибета, к верховьям Хуанхэ и Янцзы. Он вернулся в Кяхту в сентябре 1873 г., не достигнув, однако, столицы Тибета – Лхасы.

Во втором путешествии, последовавшем через 3 года, Пржевальский прошел через Тянь-Шань в Восточный Туркестан и оказался в бассейне Тарима. Здесь он открыл блуждающее озеро Лобнор, представляющее собой фактически огромное тростниковое болото. По описанию Пржевальского, озеро имело в длину 100 километров и в ширину от 20 до 22 километров. Феномен этого водоема представляет собой редчайшее явление природы, что связано с неустойчивым режимом реки Тарим и ее притоков. На берегах этого озера Пржевальский оказался вторым из европейцев после Марко Поло! Одновременно с Лобнором была открыта громадная, покрытая снегом северная цепь Куньлуня – Алтын-Таг.

В марте 1879 г. Пржевальский отправился в третье путешествие. Он планировал проникнуть в самое сердце Тибета, в его столицу Лхасу. Выйдя в путь от озера Зайсан, он пересек Джунгарскую Гоби, но в 250 километрах от Лхасы тибетские власти заставили путешественника повернуть обратно. Тогда Пржевальский направился к истокам реки Хуанхэ, исследовал ее верхнее течение, а потом через Гоби и города Ургу и Кяхту возвратился в Оренбург.

Памятник у могилы Н.М. Пржевальского в г. Пристань-Пржевальск, Киргизия. Фото Александра Залесского

В ноябре 1883 г. началось четвертое путешествие Пржевальского. От Кяхты прошел через Гоби в Ланьчжоу и продолжил исследования гор Куньлунь. Потом через верховья Янцзы добрался до Лобнора, где повторно изучал это озеро и нанес на карту его меняющиеся берега. По северному склону хребта Алтын-Тага, Хотан и Аксу он вышел к Караколу, что недалеко от озера Иссык-Куль. Благодаря путешествиям Пржевальского на карте появились неизвестные до того времени

районы бассейна Тарима и Северного Тибета, были разведаны обширные области Центральной Азии. Кроме того, путешественник обнаружил ранее неизвестный вид дикого верблюда и названную в его честь дикую лошадь.

Монголия, Китай, Тибет...

16 мая 1876 г. Михаил Певцов выехал из Зайсана в свое первое путешествие по Джунгарии. От города Булун-Тохоя до Гучена – а это 500 километров – путь пролегал по совершенно неизвестной местности. В Булун-Тохое Певцов даже не смог найти проводника и получить сколько-нибудь обстоятельные сведения о предстоящем пути. Несмотря на короткий срок, экспедиция выполнила большие исследования, значительно расширившие сведения о Джунгарии.

Весной 1878 г. Певцов вновь отправился в путь. Он шел с караваном купцов из Бийска, направлявшимся через Кобдо в китайский город Кукухото (провинция Шаньси). Целью Певцова являлось исследование Северо-Западной Монголии. Путешествие по Монголии и Китаю продолжалось 13 месяцев. Из города Кобдо экспедиция направилась на юго-восток через монастырь Нарбаньжи и южные отроги Хангая по караванному пути протяженностью около 430 километров. Певцов прошел до излучины реки Дзабхана, обследовал ее среднее течение и двинулся далее на юго-восток по южному склону Хангайского хребта. На этом пути исследователь открыл и описал длинную (около 500 км) и узкую бессточную впадину между Хангаем и Алтаем, назвав ее Долиной Озер. Дальнейший путь каравана пролегал по окраине Долины Озер вдоль восточной части Гобийского Алтая. Установив направление и протяженность (более 500 км) этой горной системы, Певцов в основном завершил открытие всей системы Монгольского Алтая. Главным результатом экспедиции явилось определение главнейших черт орографии и гидрографии северо-западной части Центральной Азии. На основании маршрутной съемки Михаил Певцов составил принципиально новые карты Центральной Азии.

После смерти в 1888 г. Пржевальского, готовившегося к своей новой экспедиции в Тибет, Певцов был назначен ему на смену. В апреле 1889 г. путешественник прибыл в Каракол (Пржевальск) и принял начальство над отрядом. Предполагалось, что экспедиция пробудет в пути 2 года. Главной ее задачей являлось исследование горных стран, окаймляющих с севера Тибетское нагорье. Отряд вышел в путь 13 мая 1889 г. Путешественники побывали в Яркендском оазисе, о котором Певцов сообщает много интересных сведений, и 22 октября достигли маленького городка Ния, где перекрещивались важнейшие караванные пути Центрального Тибета. Здесь путешественники провели 5 зимних месяцев. Чтобы вернуться из Тибета в Зайсан, экспедиции предстояло пройти около 2000 километров. На протяжении всего этого пути Певцов и его спутники собирали различные материалы и вели наблюдения, в том числе астрономические; научные исследования и топографическую съемку порой приходилось вести в 40-градусный

мороз при сильных северных ветрах и песчаных буранах. Путь в 650 километров из Урумчи до Зайсана Певцов описал первым из европейцев.

3 января 1891 г. двухгодичное путешествие Певцова завершилось. О своих впечатлениях и наблюдениях путешественник рассказал в книге «Труды Тибетской экспедиции 1889–1890 гг.».

Барон Рихтгофен в Китае

Барон Фердинанд фон Рихтгофен начинал свою научную деятельность как геолог. За 10 лет он объездил весь мир: работал в Альпах и Карпатах, посетил Цейлон, Японию, Тайвань, Филиппины, острова Сулавеси (Целебес) и Ява. Из Бангкока, столицы Сиама (Таиланд), Рихтгофен предпринял сухопутное путешествие в Моулмейн у Бенгальского залива, затем отправился в Сан-Франциско, работал геологом в Калифорнии и в горах Сьерра-Невада. Его исследованиям суждено было не только обогатить геологические знания, но и географическую науку.

В 1868–1872 гг. Рихтгофен занимался исследованиями в Китае, где совершил в общей сложности 7 путешествий, не останавливаясь ни перед какими трудностями и препятствиями. Он побывал в 13 из 18 китайских провинций. Благодаря ему большая часть Китая была открыта для науки. Именно в Китае Рихтгофен из геолога превратился в географа. Во время своих поездок по стране он собрал огромный материал, позволивший установить разнообразные внутренние связи между геологическим строением, рельефом, климатом, растительностью, животным миром, а также заселенностью, хозяйственной жизнью и культурой. Благодаря его всесторонним исследованиям Китай стал известен, пожалуй, лучше, чем какая-либо другая из неевропейских стран. Особенное внимание Рихтгофена привлекали лессовые ландшафты Северного Китая, лессовые террасы Хуанхэ, Шаньдунские горы и богатое бухтами побережье Юго-Восточного Китая.

В 1875 г. ученый вернулся в Германию. Большой авторитет Рихтгофена среди географов и путешественников позволил ему стать президентом Географического общества в Берлине.

Монгольские дороги Григория Потанина

В 1876 г. из пограничного города Зайсан вышла экспедиция Русского географического общества под руководством Григория Потанина, целью которой являлось исследование обширной горной страны на западе Монголии. Идя на юго-восток вдоль северных склонов Монгольского Алтая, путешественники в июле 1876 г. подошли к монастырю Шара-Сумэ. Здесь произошел нелепый конфликт: членов экспедиции обвинили в осквернении святынь и бросили в тюрьму. Уладить проблему удалось после того, как Потанин согласился сдать все имевшееся у путешественников оружие. Это было небезопасно, поскольку экспедиции предстояло идти по практически неизведанным землям, но другого выхода не было.

Григорий Потанин

Отправившись в путь, экспедиция пересекла Джунгарскую Гоби, обнаружив при этом горные хребты Мэчин-Ула и Карлыктаг – самые восточные отроги Тянь-Шаня. Перевалив их, она прошла в оазис Хами, двинулась на северо-восток и пересекла Джунгарскую Гоби и Монгольский Алтай, установив независимость горных систем Алтая и Тянь-Шаня. Перейдя через реку Дзабхан, путешественники перевалили хребет Хангай, пересекли бассейн верхней Селенги и добрались до южного берега озера Хубсугул. Пройдя отсюда на запад, они достигли обширного горько-соленого озера Убсу-Нур – самого большого в Монголии. Здесь экспедиция разделилась: одна группа во главе с Потаниным направилась на юг через котловину Больших озер в Кобдо, а другая, продолжая маршрут по 50-й параллели, исследовала горные хребты между западной частью Монгольского Алтая и Танну-Ола. Обе группы воссоединились в городе Кобдо, где путешественники провели зиму, а весной 1877 г. экспедиция выступила на юг через пустыню Гоби. Потанин и его спутники побывали на озере Косогол, в буддийском монастыре Улангком, стоявшем на берегу озера Убса, потом возвратились в Кобдо и оттуда прошли в Кош-Агач на Русском Алтае. Путь отряда завершился в Бийске в начале 1878 г. В 1881 г. Русское географическое общество издало труд Потанина «Очерки Северо-Западной Монголии. Результаты путешествия, исполненного в 1876–1877 гг.».

У Больших озер и в Туве

На протяжении практически всей второй половины XIX в. Центральная Азия находилась под неослабным вниманием русских путешественников и ученых. В июне 1879 г. в район Больших монгольских озер отправилась новая экспедиция под началом Григория Потанина. Выступив из Кош-Агача на восток, путешественники вступили в котловину, где расположены озера Хиргис-Нур, Хара-Нур и Хара-Ус-Нур, и впервые установили, что эти озера связаны речной системой и располагаются на широких плоских равнинах – ступенях, понижающихся с юга на север, однако самое большое озеро Монголии, Убсу-Нур, не имеет связи с остальными.

В конце сентября экспедиция спустилась в центральную часть Тувинской котловины – в долину реки Улуг-Хем (система верхнего Енисея) и, продвигаясь на восток, проследила ее более чем на 100 километров и на столько же – долину реки Малый Енисей (Ка-Хем). Пройдя 200-километровый маршрут по Тувинской котловине, экспедиция точно нанесла на карту очертания главного хребта и его северных отрогов, а также уточнила местоположение верховьев Енисея. Путешественники пересекли хребет Сангилен и, повернув на восток, вышли к западному берегу озера Хубсугул, вдоль которого простирается хребет Баян-Ула с высотами более 3000 метров. Путешествие закончилось в Иркутске.

Поход в страну тангутов

В 1884 г. Русское географическое общество организовало экспедицию в северные районы Китая, возглавить которую было поручено Григорию Потанину. Путешественники вышли в дальний путь из Пекина и двинулись по Императорской дороге через Великую Китайскую равнину. Через 7 дней пути отряд повернул на запад и вскоре достиг северо-западного ответвления Великой Китайской стены. Весной 1885 г. путешественники перебрались в Синин, двинулись на юг и через горную безлесную область верхнего течения реки Хуанхэ, юго-восточные отроги Куньлуня и восточные склоны Сино-Тибетских гор достигли верховьев реки Миньцзян (северный приток Янцзы). Через горные цепи системы Циньлин путешественники вернулись в Ланьчжоу, где зазимовали. В апреле 1886 г. экспедиция прошла на запад к озеру Кукунор, повернула оттуда на север и дошла до истоков реки Жошуй. Проследив все ее течение вплоть до низовьев (около 900 км), Потанин и его спутники добрались до бессточного озера Гашун-Нур и нанесли его на карту. Двигаясь далее на север через Гоби, экспедиция пересекла Гобийский Алтай, по пути открыв четыре его южных невысоких отрога и тем самым исправив ранее составленные карты. Итоги этого путешествия описаны в книге Потанина «Тангутско-Тибетская окраина Китая и Центральная Монголия» (1893).

Через пустыни и горы

Всеволод Роборовский участвовал в двух последних экспедициях Пржевальского, а в 1893 г. сам возглавил отряд, отправлявшийся в Восточный Тянь-Шань. Это путешествие продолжалось около 30 месяцев. Выйдя в июне 1893 г. из Пржевальска, экспедиция добралась до межгорной котловины Большой Юлдус, где еще не бывал никто из европейцев. Следующую остановку путешественники сделали у Турфанской впадины, которую Роборовский впервые описал с присущей ему научной тщательностью. Потом был трудный переход через каменистую и практически бесплодную пустыню Хами: под ногами щебень и песок, порывы ветра поднимают тучи белесой пыли, за которыми не видно горизонта; лишь изредка попадались голые кустики, на которые с жадностью набрасывались голодные верблюды... Перезимовав в городе Сачжоу, путешественники снова вышли в поход. И снова на их пути лежала пустыня, на этот раз – Западный Наньшань. Нигде ни дерева, ни травинки... Какой резкий контраст составляют с этими скалистыми склонами горы Восточного Наньшаня! Благодаря приходящим сюда из Китая влажным муссонным ветрам они изобилуют водой, покрыты зелеными лесами. Лето 1894 г. экспедиция провела в разъездах по Наньшаню, затем отправилась в Сычуань. Путь туда лежал вдоль еще неисследованной северо-восточной окраины Тибетского нагорья. Большая высота – 4500 метров, жестокий холод, ураганные ветры... До Сычуани оставалось около 300 километров, когда Роборовский почувствовал себя крайне плохо. В ночь на 28 января 1895 г. начальника экспедиции разбил паралич. Несколько оправившись, Роборовский приказал поворачивать назад. Возвращались по возможности новыми тропами, но направление маршрута – через Сачжоу и Турфан – в основном осталось прежним. В пределы России экспедиция возвратилась 21 ноября 1895 г., пройдя громадное расстояние в 17 тысяч километров. Это было последнее путешествие Роборовского – болезнь навсегда приковала его к дому.

Покорение «властелина неба»

Готфрид Мерцбахер начинал свою карьеру обыкновенным купцом. Кто бы мог подумать, что этот торговец однажды станет заслуженным профессором, известным путешественником и альпинистом! Свои первые восхождения Мерцбахер совершал в родных Австрийских Альпах. Потом были Кавказ, Персия, Индия и, наконец, Тянь-Шань. В горах Тянь-Шаня путешественник провел более 6 лет. Приехав сюда в 1902 г., он поставил себе целью во что бы то ни стало покорить знаменитую вершину Хан-Тенгри – «Властелин неба». Путь к ней оказался долог и труден. В одном из ущелий Мерцбахера и его спутников встретила непреодолимая преграда – двухкилометровая стена. Пришлось искать другой путь, который едва не стоил отважным путешественникам жизни: экспедицию накрыла снежная лавина. Она потащила людей вниз по склону и увлекла в ледяную трещину на склоне; эта трещина в итоге и спасла их.

В следующем году Мерцбахер вновь отправляется к Хан-Тенгри. Через ледники и каменные осыпи экспедиция выходит к ледяному потоку Иныльчека, двумя огромными языками спускающемуся с вершины горного хребта. По какому из двух ущелий идти – северному или южному? Выбрали северное. До «Властелина неба» оставался всего один переход, но путь неожиданно преградило большое озеро с крутыми берегами; на поверхности воды плавали целые айсберги (позже это озеро было названо именем Мерцбахера). Пришлось возвращаться назад.

Наконец, взобравшись на одну из вершин, удалось выбрать верное направление. Носильщики идти дальше отказались. Ценой невероятных усилий Мерцбахер и его спутники совершают один дневной переход, второй... Вершину Хан-Тенгри они увидели внезапно: «Властелин неба» открылся им во всем своем величии из-за скал, заступивших дорогу. Впрочем, это препятствие путешественники преодолели без большого труда.

Горцы-сваны. Рисунок, сделанный в ходе кавказских экспедиций Готфрида Мерцбахера

Могучая вершина (ее высота достигает почти 7000 м) стояла в гордом одиночестве. До Мерцбахера считалось, что эта гора является своеобразным «узлом» хребтов Тянь-Шаня, однако теперь становилось ясно, что это вполне самостоятельный горный массив.

Мерцбахер горел желанием покорить Хан-Тенгри. Его настойчивость граничила с одержимостью. Спутники отказались сопровождать его дальше. Мерцбахер пошел вперед один и едва не погиб, оказавшись один, ослабленный горной болезнью и физическим истощением. Он оторвался от главной базы, остался без продуктов. Ну судьба была к нему благосклонна: он все же сумел добраться до лагеря экспедиции. Позже, уже на склоне лет рассказывая о своих приключениях, он признался, что поход к вершине Хан-Тенгри стал для него самым трудным испытанием.

Открытие Тибета

Без малого полвека шведский исследователь Свен Гедин посвятил путешествиям по малоизвестным или совсем неизвестным (в ту пору) европейцам областям Центральной Азии. Свои первых походы он совершал по Ирану и Русскому Туркестану. В 1894 г. Гедин отправился в Памир. Он дважды пересек безводную пустыню Такла-Макан, добрался до «блуждающего» озера Лобнор, перевалил через горный хребет Куньлунь, долгое время служивший естественной границей Поднебесной империи, и, пройдя через Северный Тибет, в 1897 г. добрался до Пекина.

Свен Гедин (в центре) среди тибетцев

В 1899 г. Гедин отправился в новый поход. На этот раз его целью являлось озеро Лобнор, на берегах которого путешественник уже побывал во время своего первого путешествия. Спустившись до озера по реке Тарим, Гедин какое-то время провел на его берегах, изучая колебания уровня воды. Попутно исследователь открыл руины древнего города Лулан. От берегов Лобнора Гедин отправился в Тибет, намереваясь посетить Лхасу, однако в этот священный город его не допустили, и тогда путешественник через горный перевал Каракорум вернулся в 1902 г. в Кашгар.

В 1905 г. Гедин опять идет в Тибет. Отправившись в дальний путь из Персии, он миновал солончаковую пустыню Кевир и через горные перевалы добрался до северо-западных областей Тибета. Побывать в Лхасе ему опять не удалось. Гедин пошел дальше на восток, исследовал верховья реки Цзангпо (Брахмапутра) и открыл Трансгималайский хребет (эти горы позже стали называться также горами Гедина). В 1909 г. путешественник вернулся в Стокгольм. В дальнейшем Гедин еще много путешествовал, обошел в буквальном смысле этого слова весь мир, а в 1927 г. вновь отправился в Центральную Азию. Во главе большой экспедиции, в состав которой входили шведские, немецкие и китайские ученые, он в 1927–1935 гг. побывал в Монголии, пустыне Гоби и Китайском Туркестане. Путешествия Гедина открыли для европейцев обширные области Центральной Азии, и прежде всего ранее малознакомый Тибет.

За стенами Лхасы

Ученый-бурят Гонбочжаб Цыбиков, выпускник Петербургского университета, стал одним из первых путешественников, посетивших загадочный Тибет. Осенью 1898 г. ему в руки попало описание путешествия в Тибет и Непал Мичжэд-Дорчжэ. Познакомившись с этой книгой, Цыбиков загорелся желанием отправиться в Тибет. Он отправился в далекий путь в 1899 г. под видом ламы-паломника. Цыбиков хорошо знал, чем рискует: Тибет, и в особенности его духовная и административная столица Лхаса, был закрыт для иностранцев, и путешественники, пытавшиеся попасть в Лхасу, могли запросто расстаться с жизнью. Однако Цыбиков надеялся на то, что его восточная внешность, владение бурятским и тибетским языками и знание местных обычаев помогут ему надежно «замаскироваться». Действительно, замысел его удался вполне: путешественник не только сумел попасть в «запретный город» Лхасу, но и побывать во дворце Потала и получить аудиенцию у далай-ламы. За время своего трехлетнего путешествия (собственно, в Тибете Цыбиков провел 888 дней) путешественник собрал богатый материал о природе, жизни и быте тибетцев и даже сумел сделать около 200 фотографий, ставших уникальными (фотографировать приходилось во многих случаях скрытно). Он побывал во многих тибетских монастырях, познакомился с древними буддийскими рукописями. О своем путешествии Цыбиков рассказал в книге «Буддист-паломник у святынь Тибета», изданной в 1919 г. Русским географическим обществом.

Потала, Лхаса

Мертвый город и гробница Чингисхана

Петр Козлов в 1881 г. был одним из участников четвертой экспедиции Пржевальского, потом участвовал в походах М. Певцова и В. Роборовского по Центральной Азии, а в 1899 г. сам возглавил экспедицию Русского географического общества по исследованию Восточного и Внутреннего Тибета, Центрального и Монгольского Алтая. Путешествие продолжалось около 3 лет. Экспедиция прошла вдоль Монгольского Алтая к озеру Орог-Нур, побывала у истоков великих китайских рек Хуанхэ и Янцзы, впервые посетила и исследовала верховья Меконга. На обратном пути, описав озеро Кукунор, путешественники пересекли пустыни Алашань и Гоби и 9 декабря 1901 г. достигли Кяхты. К тому времени уже распространились слухи о гибели Козлова и его спутников, поскольку 2 года от них не было никаких вестей.

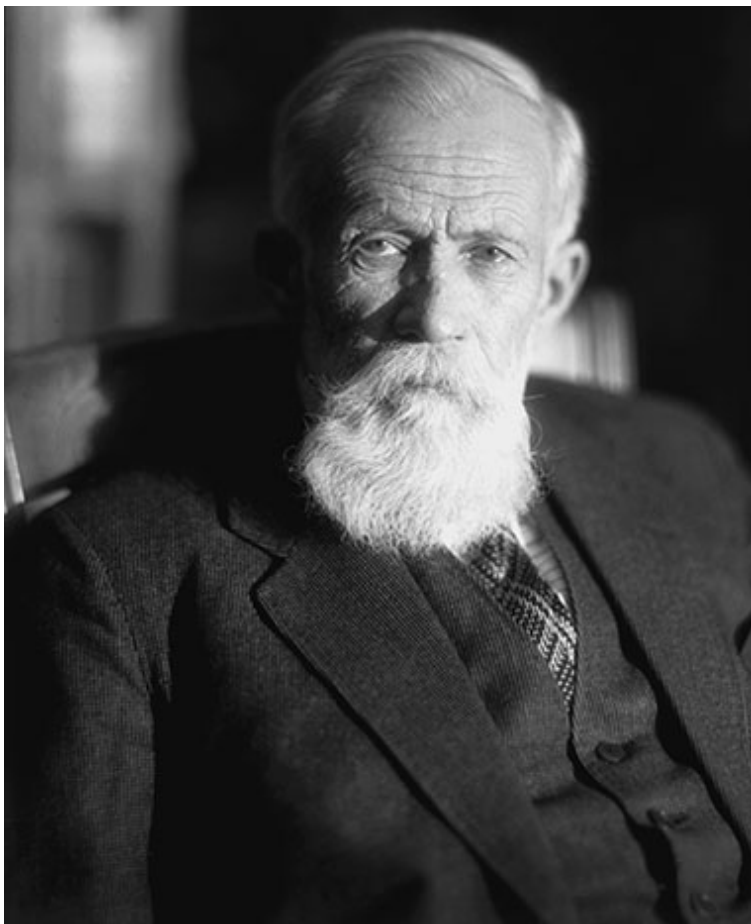
10 ноября 1907 г. Козлов отправляется в Монголо-Сычуаньскую экспедицию. Следуя от Кяхты через пустыню Гоби, путешественники перевалили Гобийский Алтай и вышли к озеру Сого-Нур. Повернув на юг, Козлов подошел к занесенным песками развалинам древнего города Хара-Хото, столицы Тангутского государства, погибшего под ударами Чингисхана в 1226 г. Во время раскопок, предпринятых Козловым, здесь были найдены книги, металлические и бумажные деньги, украшения, предметы домашней утвари. От Хара-Хото экспедиция двинулась на юго-восток, пересекла пустыню Алашань и, повернув на юго-запад, оказалась в верхней излучине Хуанхэ, откуда начинался путь в высокогорную страну Амдо. Козлов и его спутники оказались первыми, кто проник сюда. Весной 1909 г. экспедиция прибыла в Ланьчжоу, а оттуда прежним маршрутом вернулась в Кяхту, завершив путешествие в середине 1909 г.

В 1923 г. Козлов возглавил экспедицию в Монголию. Путешественники исследовали верхний бассейн реки Селенги и провели раскопки древних курганов в горах Ноин-Ула. На вершине Ихэ-Бодо в Монгольском Алтае, на высоте около 3000 метров, экспедиция открыла древний ханский мавзолей. Но самое удивительное из открытий удалось сделать в горах Восточного Хангая, где была найдена усыпальница тринадцати поколений потомков Чингисхана. В

общей сложности Козлов прошел в путешествиях более 40 тысяч километров и написал ряд книг о своих приключениях – «Монголия и Кам», «По Монголии и до границ Тибета», «Тибет и Далай-лама», «Монголия, Амдо и мертвый город Хара-Хото».

Двести тысяч километров Владимира Обручева

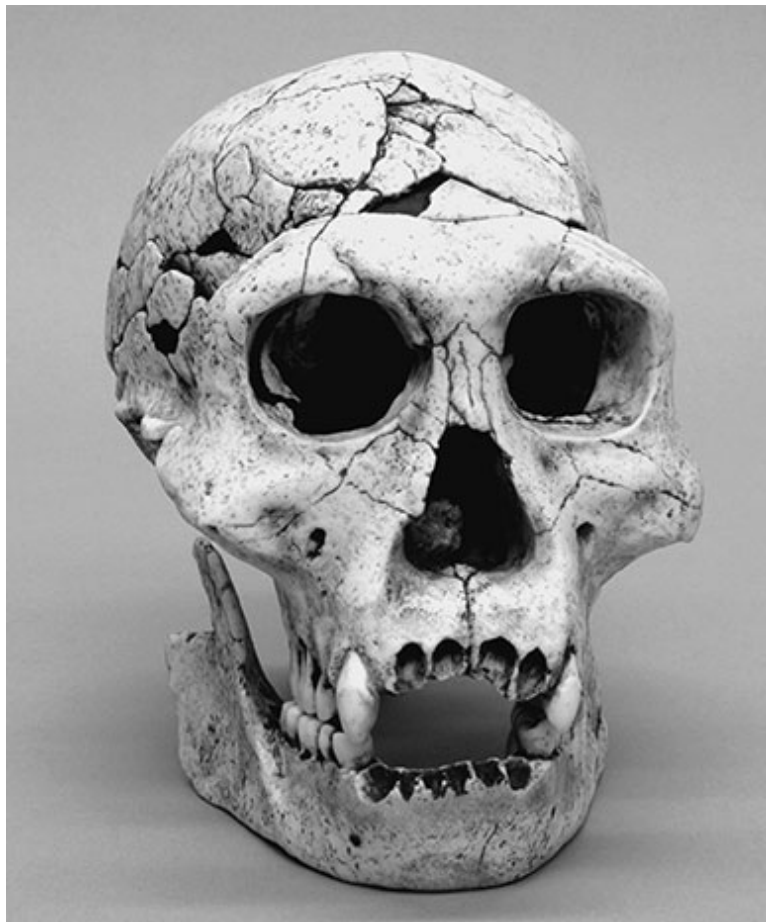
Владимир Обручев с головой окунулся в дальние странствия сразу после окончания Петербургского горного института. Он побывал в Средней Азии, проводил геологические исследования в Западном и Южном Прибайкалье, на Оке, Лене, в Олекмо-Витимском золотоносном районе, участвовал в экспедициях в Монголию, Центральную Азию и Северный Китай. В общей сложности он прошагал в своих путешествиях около 200 тысяч километров, составил карты Восточной и Центральной Монголии, Северного Китая, горных систем Наньшаня, Циньлиня, плато Ордос, предгорий Восточного Тянь-Шаня. Он в равной мере был «своим» и среди геологов, и среди географов. Именем Обручева были названы минерал, 28 видов и родов окаменелостей, ряд геологических объектов на берегу Байкала, Саянах и Алтае, степь в Туркмении, вулканы в Забайкалье и Камчатке, ледники в Монгольском Алтае и Полярном Урале, горных хребет в Туве и вершина в Бурятии, река в бассейне Енисея, пик в хребте Сайлюгем... Не менее известен Владимир Обручев и своими сочинениями, как научными, так и научно-популярными и художественными, – «Центральная Азия. Северный Китай и Наньшань», «Пограничная Даурия», «Избранные работы по географии Азии» и др. На них воспитывалось не одно поколение путешественников. Рассказывал он на страницах своих книг о природе разных стран и о замечательных путешественниках («От Кяхты до Кульджи», «Мои путешествия по Сибири», «Путешествия Потанина», «В серой Сибири»). А его приключенческие произведения («Плутония: Несбыточные путешествия в недра Земли», «Земля Санникова», «Золотоискатели в пустыне», «В дебрях Центральной Азии (записки кладоискателя)») пробуждали у читателей всех возрастов зов дальних стран.

Владимир Обручев

Тейяр де Шарден и загадка происхождения человека

Французский теолог, философ и естествоиспытатель Пьер Тейяр де Шарден на протяжении всей своей жизни почти беспрестанно находился в путешествиях. Он побывал в Азии, Африке, Америке и Европе и редко (за исключением военных лет) оставался на одном континенте хотя бы два года подряд. 1923 г. был решающим для его научной карьеры: именно тогда он впервые посетил Китай, где находился до 1948 г., несколько раз ненадолго возвращаясь во Францию. В 1928 и 1929 гг. он совершил путешествие по Эфиопию и Сомали, а позднее побывал в Индии, Бирме и Индонезии. В 1951 и 1953 гг. Шарден совершил две непродолжительные, но очень важные поездки на юг Африки.

Череп вида *homo erectus*

Несмотря на то что научные интересы Тейяра де Шардена касались главным образом происхождения человека, эта сфера научной деятельности составляет лишь небольшую часть его трудов, которые преимущественно посвящены геологии Китая, а также – в меньшей степени – других районов Азии. В качестве сотрудника Геологической службы Китая, куда он был назначен в 1929 г., Тейяр де Шарден совершил множество поездок и побывал почти во всех районах этой страны. Тейяру также было суждено сыграть важную роль в раскопках, проводимых в районе Чжоукуодяня неподалеку от Пекина: в 1929 г. он обнаружил здесь первый череп *homo erectus* (человек прямоходящий), или синантропа.

В 1931 г., вернувшись из США, Тейяр де Шарден в качестве геолога принял участие во французской экспедиции Хаардта-Ситроена, которая в исключительно трудных условиях впервые проложила автомобильный маршрут через Азию от Бейрута до Пекина, пройдя 12 115 километров пути. После этого Тейяр еще в течение полугода путешествовал по северным районам Китая. и в пустыне Гоби.

Джузеппе Туччи в Тибете

Джузеппе Туччи уже в середине 1920-х гг. считался одним из крупнейших востоковедов Италии. Он владел китайским и тибетским языками, долго жил в Индии и много путешествовал по этой стране. В 1929 г. Туччи, будучи преподавателем Калькуттского университета, впервые соприкоснулся с жизнью тибетцев во время путешествия в горы Ладакх. Потом были поездки в Сринагар, Лех, Лахул, Гарток. В 1930-х гг. Туччи организовал 9 научных экспедиций в Западный и Центральный Тибет, во время которых изучал религию, историю и искусство страны, посетил ее древнюю столицу Сакья, добирался до подножия священной для буддистов горы Кайлас (6414 м). После перерыва, вызванного Второй мировой войной, Туччи возобновил свои исследования. Во время экспедиции 1948 г. к нему присоединился будущий покоритель Эвереста – Тенцинг Норгей, живо описавший их совместное путешествие в своей книге «Тигр снегов». Это была последняя экспедиция Туччи в Тибет. В 1952 и 1954 гг. он приезжал в Непал, где занимался изучением религии бонпо – предшественницы буддизма. В 1955 г. Туччи побывал в Пакистане, где организовал археологические изыскания в долине Сват – контактной зоне трех мировых религий – христианства, буддизма и ислама. Затем приступил к раскопкам в Афганистане и Иране, которые после его смерти в 1984 г. продолжили его ученики. Под конец жизни, уже прикованный к постели, Туччи с энтузиазмом вспоминал о своих походах по горным тропам Тибета, делился планами новых экспедиций, как будто впереди у него были еще долгие годы...

Джузеппе Туччи

Топографы у пика Победы

Имя военного топографа Павла Рапасова прославила ныне широко известная вершина Центрального Тянь-Шаня. До него в этот покрытый ледниками труднодоступный район пытались добраться множество экспедиций, но он по-прежнему оставался белым пятном. Только в 1943 г., когда в войне с фашистами наступил перелом, советское правительство сумело направить сюда группу военных топографов и геодезистов под руководством Павла Рапасова. В помощь им было выделено несколько самолетов, однако из-за непогоды полеты велись редко и на большой высоте с кислородными приборами. Посадочных площадок, понятно, в горах не было. Разреженность атмосферы, непогода, разливы горных речек задерживали продвижение экспедиции. В районе ледника Иныльчек топографы оказались отрезанными от основной базы. Работать приходилось, пробираясь по скалистым гребням, через ледниковые трещины, по коварным снежным мостам, с признаками гипоксии (горной болезни). «Накануне грозы, града, снегопадов, – писал Рапасов, – воздух становился настолько наэлектризованным, что люди и приборы становились как бы своеобразными “терменвоксами”». (Так назывался электромзыкальный инструмент 1930-х гг.)

Экспедиция все же смогла определить очертания Иныльчека (протяженность этого ледника составляет 57 километров). После обработки собранных материалов удалось выявить и высочайшую точку Тянь-Шаня: нашлась та загадочная вершина, которая пряталась так долго то за облаками, то за соседними пиками. Ее обнаружили у границы с Китаем, на хребте Кок-Шаал-Тау. По праву первооткрывателей топографы вначале ее назвали пиком Военных Топографов, но потом, поняв всю значительность высоты – 7439 метров над уровнем моря! – переименовали в пик Победы.

Высоты братьев Абалаковых

Братья Абалаковы – старший Виталий и младший Евгений – шли рядом с самого детства, с красноярских Столбов – своего первого юношеского многонедельного похода. Казалось, и судьба будет у них одна, но жизнь распорядилась иначе. Только по случайности они не пошли вместе в 1933 г. на пик Сталина (позже пик Коммунизма, ныне пик Самани, 7495 м). В тот раз до вершины дошел один лишь Евгений Абалаков. Потом было восхождение на Хан-Тенгри. Начиналось оно блестяще, а завершилось, увы, весьма драматически. На вершину «Властелина неба» альпинисты взобрались, можно сказать, стремительно. Но при спуске разбился и получил тяжелые ранения Леонид Гутман, сильно обморозился швейцарец Лоренц Саладин – другой участник этого восхождения. Виталий Абалаков тоже едва не погиб; часть стопы и пальцы на руках ему пришлось ампутировать. Руководителю экспедиции, Евгению Абалакову, к тому времени уже заслужившему титул «альпиниста номер один», пришлось выслушивать упреки в увлечении «альпинизмом смертников»... И все же за спиной Евгения осталось более 50 покоренных вершин, и в том числе около 30 из них – первовосхождения, прежде чем смерть не настигла его – увы, не в горах, а в спокойной московской квартире... Покорять в 1956 г. пик Победы (7439 м) в Тянь-Шань отправился уже один Виталий.

Братья Абалаковы

Эту вершину называли «невидимкой». Ее открыли в 1943 г. военные топографы и окрестили пиком Победы в надежде на скорую победу над нацистами. Но из-за плохой видимости и труднодоступности района очертания пика еще много лет спустя оставались не совсем ясными. Все же было понятно, что эта гора выше знаменитой Хан-Тенгри на 444 метра. За год до Абалакова, в 1955 г., на пик Победы уже пытались взойти две экспедиции – узбекская и казахская. Соперничая друг с другом, они отправились в поход без серьезной подготовки, в результате из 12 участников казахской группы 11 погибло. Узбекская экспедиция также не достигла цели. Отряд альпинистов, возглавляемый В. Абалаковым, шел на штурм пика Победы, учитывая неудачный опыт их предшественников. И высочайшая вершина Тянь-Шаня сдалась: вся группа в полном составе во главе с ее руководителем достигла высшей точки.

На штурм Чогори

К тому времени, когда итальянский профессор Ардито Дезио задумал покорить вершину Чогори в Каракоруме (8610 м), ему было уже 56 лет. Произошло это в 1954 г. Он обладал огромным опытом восхождений, участвовал во множестве сложных экспедиций, но возраст все же мог стать серьезной помехой для задуманного.

Каракорум не был для Дезио чем-то неизвестным: он уже не раз бывал в этих горах. И к походу на Чогори он готовился самым тщательным образом, вникая в каждую мелочь. Путешественников сопровождало беспрецедентное количество носильщиков – более 700. Однако и путь им предстоял непростой: не зря вершина Чогори начиная с первых лет XX в. успешно сопротивлялась всем попыткам покорить ее.

Первые трудности начались еще до того, как экспедиция ступила на длинный-предлинный язык ледника Балторо. Дальше идти оказалось еще сложнее. Казалось, леднику не будет конца. Повернув на север, путешественники вышли на плато Конкордия, откуда открывался вид сразу на четыре горы-восемьмитысячника. И среди них – Чогори. Вид этой могучей вершины, по словам Дезио, произвел неизгладимое впечатление на его спутников.

Команда Ардито Децио на Каракорумском перевале. 1929 г.

Путь к вершине был невероятно труден. Пришлось преодолевать еще один ледник, потом карабкаться по почти что отвесным скалам, пережидать непогоду в палатках и снежных пещерах, разбитых на крохотных пятачках, переправлять грузы и людей через глубокие трещины... Не все смогли выдержать этот путь. В конце концов с Децио осталось только двое. Именно этой маленькой группке суждено было впервые в истории взойти на вершину Чогори.

Подняв на вершине горы итальянский флаг, экспедиция двинулась в обратный путь. силы людей были на пределе, Децио и его товарищи всерьез опасались, что их может попросту не хватить. Спуск оказался не менее сложным, чем подъем: путешественники несколько раз лишь чудом не свалились в пропасть. Почти утратив ориентацию, пробираясь через лабиринт скал и едва заметных в темноте трещин, они кричали в надежде, что их услышат товарищи, но ветер заглушал их крики.

Неожиданно в темноте тускло блеснул огонек палатки... Покорители
Чогори были спасены.

О муравьях, добывающих золото

«Есть и другие индийцы – они живут севернее, рядом с городом Каспатиросом, и в районе Пактика... Это самое воинствующее из индийских племен. Именно оно и добывает золото в одной пустыне, где водятся огромные муравьи: они больше, чем лиса, но меньше, чем собака... Огромные муравьи роют ходы под землей и выбрасывают на поверхность песок, совершенно так же, как и наши муравьи, на которых они очень похожи внешне. Только песок этот золотоносный. Именно за ними и ходят индийцы в пустыню...»

Этот рассказ «отца истории» Геродота давно привлекал внимание ученых, но разгадать его загадку смог только неутомимый французский путешественник Мишель Пессель. Не менее важным оказался и собранный им в ходе путешествия материал о народности минаро – древних обитателях Гималаев.

Еще во Франции Пессель изучил тибетский язык, руководствуясь помощью тибетцев-эмигрантов. Активное знание этого языка во многом предопределило успех его экспедиций в Непал в 1964 г., в Бутан в 1968 г. и, наконец, в Заскар в 1976 г. Как-то между прочим туземец-проводник обмолвился, что его родители в свое время ходили на высокогорное плато Дансар собирать золотоносный песок, вырытый сурками-«золотодобытчиками». «Муравьи» Геродота оказались в действительности байбаками – азиатской разновидностью сурков. Они обитают на высокогорьях, роют глубокие норы, а землю выбрасывают рядом с выходом. Пессель не раз видел эти многочисленные песчаные холмики высотой около метра. Если учесть, что песок происходит из золотоносного слоя, то каждый холмик содержит в себе маленькое состояние. Окраска зверьков темно-бурая, и они действительно «мельче собаки и крупнее лисы». Геродотовы «муравьи» сбивали с толку исследователей и своей легендарной агрессивностью. Но, как установил Пессель, это один из атрибутов историй о таинственных странах и несметных сокровищах.

Горное селенье в Заскаре

Почему ранее путешественники не смогли обнаружить ни истоков легенды, ни высокогорного плато Дансар? Пессель обратил внимание на островерхие пики, расположенные вокруг. Плато Дансар и прилегающие территории остаются одними из наиболее труднодоступных мест на Земле. Вот почему минаро смогли выжить здесь, сохраниться и остаться непобежденными. Их не тревожили не только захватчики, но и путешественники. Да и золото свое горцы умели беречь. «Многие смельчаки исходили континент вдоль и поперек в поисках страны “золота муравьев”, страны-легенды, и все напрасно, – подводил итоги Пессель. – Оглядываясь мысленно на открытое наконец нами в Гималайских горах Эльдорадо, я понимаю, что истинным богатством его жителей было не золото, а их чудесные мифы и сказания».

Вокруг Африки в Индию

«Сколь необычное дело им предстояло совершить...»

В мае 1291 г. пал последний оплот крестоносцев на Ближнем Востоке – крепость Сен-Жан д'Акр (Акка). Тем самым был положен конец эпохе крестовых походов. Одновременно оборвались торговые связи Европы с Индией через Ближний Восток.

Предприимчивые венецианские и генуэзские купцы принялись немедленно искать новые торговые пути, ведущие на Восток. Главная задача, задача отыскания прямого морского пути в Индию, встала в этот период особенно остро. Разрешить ее удалось только Васко да Гаме спустя два столетия. А пока венецианцы смогли добиться определенных преимуществ в связях с Востоком, и в ответ на это в Генуе группа торговцев начала готовить небывалый, неслыханный по дерзости морской поход вокруг Африки в далекую Индию...

«Тедизио Дория, Уголино Вивальди и его брат с некоторыми другими гражданами Генуи начали готовиться к путешествию, которое прежде никто другой не пытался предпринять, – сообщается в “Анналах” Якоба Аури. – Это удивляло не только очевидцев, но и тех, кто об этом слышал».

Выйдя из Генуи, корабли братьев Вивальди миновали Геркулесовы столбы (Гибралтар) и вышли в Атлантический океан, следуя вдоль африканского побережья. В последний раз их видели у мыса Джуби, у побережья Марокко. Более никаких сведений о братьях Вивальди в Европу не поступало. Экспедиция бесследно пропала, и все неоднократные попытки выяснить ее судьбу не привели к положительным результатам.

В 1315 г. Корлеоне Вивальди, сын пропавшего без вести Уголино, принял энергичные меры для выяснения судьбы своих родственников. Убежденный, что отцу и дяде удалось обогнуть Африку, он отправился на их поиски не в Западную, а в Восточную Африку и добрался до Сомали. Другой отпрыск семейства Вивальди, Бенедетто, даже пустился в опасный путь в далекую Индию, влекомый надеждой узнать что-нибудь о пропавшем отце, но и эта попытка оказалась тщетной. Однако почти невероятно, что оба корабля Вивальди достигли своей

цели – Индии. Гораздо правдоподобнее, что экспедиция погибла еще где-то на западном побережье Африки. Этому мнению придерживалось большинство исследователей, шедших по следам братьев Вивальди.

С именами братьев Вивальди многие средневековые географы связывали открытие Канарских островов. Эта точка зрения довольно спорна. Отметим еще, что европейские географы были так потрясены самим фактом дерзкого плавания братьев Вивальди в Индию, что впоследствии приписывали им и открытие Азорских островов, и южной оконечности Африки, и Индии, и даже Америки! Нет никаких оснований считать эти утверждения достоверными. Достоверно, увы, только одно – за мысом Джуби все следы отважных братьев теряются...

...В 1455 г. генуэзец Антонио Узодимаре совершил плавание к берегам Гамбии и привез в Европу сенсационное известие: следы пропавшей экспедиции найдены!

«Я нашел здесь одного земляка, – писал Узодимаре. – Как я полагаю, он один из потомков людей с тех галер Вивальди, которые отплыли 170 лет назад. Он сказал мне это сам... кроме него, никого из тех потомков в живых не осталось». По словам Узодимаре, галеры братьев Вивальди дошли вдоль берегов Африки до Гвинеи. Здесь одно судно село на мель, но другое двинулось дальше и дошло до «эфиопского государства Мена», где генуэзские моряки были взяты в плен. Далее относительно правдоподобный рассказ Узодимаре приобретает фантастический характер: «государство Мена», оказывается, было не чем иным, как пресловутым райским «царством пресвитера Иоанна». Этот фантастический характер сообщения Узодимаре заставил позднейших исследователей выплеснуть вместе с водой и ребенка – они напрочь отказались признавать рассказ Узодимаре за достоверный. Хотя если разобраться – что такого странного он рассказал? «Сухой остаток» его сообщения – это то, что галеры Вивальди потерпели крушение у берегов Западной Африки, а участники экспедиции были взяты в плен «эфиопами», то есть неграми.

С этим мнением совпадают и воззрения многих европейских географов Средневековья и Нового времени. Француз Гравье, а за ним его соотечественник Ла-Ронсьер полагали, что один корабль Вивальди погиб где-то у побережья Сенегала, а второй – в устье реки Сенегал. Впрочем, итальянец Ринальдо Каддео утверждал, что братьям Вивальди, вероятно, удалось обогнуть Африку с юга. Свое

предположение он обосновывает поразительно правильным изображением очертаний африканского материка на ряде карт, составленных после 1300 г. Но если никто из экспедиции братьев Вивальди не вернулся, откуда тогда очертания Африки стали известны европейцам? И не случайно, может быть, Дж. Боккаччо, например, считал (около 1300 г.) возможность плавания вокруг Африки чем-то само собой разумеющимся, когда писал: «Западное (Атлантическое) море является частью Эфиопского». На современном языке это означает, что Атлантический океан является частью Индийского.

Вид на порт Генуи, откуда вышли корабли братьев Вивальди

А факт, что сын Вивальди отправился искать отца на побережье Восточной Африки, – разве это не говорит о том, что Корлеоне знал, что экспедиция пойдет вокруг материка?

Как бы то ни было, бесспорным является то, что после 1291 г. (года плавания Вивальди) никогда уже больше не сомневались в том, что Африку можно обогнуть с юга. Отчаянно смелое плавание братьев Вивальди было, как считают исследователи, «преждевременным и рискованным предприятием, которое потерпело неудачу». Но они первыми из европейцев Средневековья попытались открыть морской путь в Индию вокруг Африки и заслужили этим вечную славу.

Мираж Золотой реки

«В день Святого Лаврентия, 10 августа 1346 г., судно Жакме Феррера вышло в плавание к Золотой реке». Эта надпись на карте, помещенной в Атласе Медичи от 1351 г., – практически все, что мы знаем о загадочной экспедиции каталонского моряка Жакме Феррера. Другие источники добавляют немного: известно, например, что Феррер вышел в путь с острова Майорка. Плавание Феррера во многом являлось знаковым событием для средневековой Европы: это была одна из первых попыток достичь тех неведомых земель, слухи о которых все чаще и чаще приходили в Европу и которые в итоге дали толчок эпохе Великих географических открытий.

Одной из этих будоражающих воображение легенд было давнее предание о Золотой реке. О ней рассказывал еще Геродот. По его словам, жители Карфагена вели торговлю золотом с жителями атлантического побережья Африки, расположенного южнее Марокко. Позднее арабский географ Идриси сообщил, что купцы из Магриба ездят за золотом вдоль побережья Атлантического океана в какой-то пункт, расположенный в четырех днях пути от марокканского города Сафи. Достигнув реки Уэд-Дра, в древности известной под именем Ликсос, купцы сворачивали в ее долину и попадали по ней в таинственные золотоносные области, расположенные где-то в глубине Африки. По этой причине река Уэд-Дра также получила наименование Золотой, хотя на ней никогда не добывали золота. На Каталонской карте мира (1375 г.) стоит пометка, поясняющая роль Золотой реки: «Долина Дера (Уэд-Дра). Через эту область проходят купцы, направляющиеся в страну негров». Там, в глубине материка, лежала сказочно богатая золотом империя Мали, путь к которой знали только мусульманские купцы. Христианам в эту страну ход был закрыт: еще в 1050 г. правители Мали приняли ислам, и с тех пор их двери были открыты только для купцов-единоверцев. И тогда в среде португальских, а затем испанских и итальянских моряков поползли слухи о том, что где-то на побережье Африки, если плыть вдоль него к югу, расположено устье той самой золотоносной реки – Рио-де-Оро, – которая течет через земли богатого африканского правителя и несет вместе с илом золотой песок и самородки. Слухи ширились, обрастая все новыми подробностями, и,

наконец, в 1346 г. от берегов Майорки отчалило судно каталонского моряка Жакме Феррера. Он вел свой корабль на поиски заветной Золотой реки... Стоит отметить, что каталонцы в те времена являлись вторыми, после итальянцев, признанными мореходами Европы, добившимися больших успехов в области навигации. Так что экспедиция Феррера опиралась на длительный опыт кораблевождения и имела все шансы на блестящие результаты.

Неизвестно, достиг ли Феррер Золотой реки. Полное отсутствие каких-либо упоминаний о плавании Феррера в позднейших хрониках позволяет сделать вывод о том, что либо результаты этой экспедиции были плачевны и о них даже не стоило говорить, либо ее участники пропали без вести. Второе предположение более вероятно. А название Золотой реки до сих пор сохраняется на географических картах: спустя много лет после исчезновения Феррера португальские и испанские моряки называли этим именем небольшой залив у побережья Вилья-Сиснерос, действительно, напоминающий устье реки. Только золота здесь никакого не оказалось. Но тем не менее эта пустынная, безотрадная местность, почти не имеющая никакой ценности, носит гордое название Рио-де-Оро – «Золотая река» – как напоминание об еще одном географическом заблуждении Средневековья.

Жил Эанниш огибает мыс Бохадор

На протяжении 12 лет португальский принц Генрих Мореплаватель (1394–1460) отправлял экспедицию за экспедицией к побережью Западной Африки в надежде отыскать морской путь в далекую Индию, и всякий раз эти экспедиции бесславно возвращались назад. Главным препятствием на их пути служил далеко вдающийся в море мыс Бохадор, расположенный на побережье Западной Сахары, у 26-й параллели. Это место пользовалось у моряков самой дурной славой. Рассказывали, что за этим мысом начинаются совершенно ужасные места, совсем необитаемые и непригодные для жизни, где стоит невыносимая жара. Побережье там выжжено солнцем, занесено песками и буквально кишит змеями, море мелкое и несудоходное, а течение при этом столь сильное, что корабль, который обогнет мыс, уже никогда не вернется назад... Убеждение в непреодолимости этого препятствия было столь распространено, что многие считали мыс Бохадор чуть ли не «пределом мира», установленным по произволению небес. В прежние времена, однако, находились смельчаки, отваживавшиеся обойти «проклятый мыс» (это произошло, например, во время канарской экспедиции Жана Бетанкура в 1402 г.), и привезенные ими глухие сведения о землях, лежащих к югу, подогревали интерес принца Генриха.

Генрих Мореплаватель

В 1433 г. принц снарядил в плавание к мысу Бохадор судно, капитаном которого он назначил своего щитоносца Жила Эанниша. Охваченный тем же страхом, что и другие, Эанниш сумел дойти только до Канарских островов, после чего поспешил вернуться назад. После этого Генрих имел с ним долгий разговор, увещевая Эанниша приложить все усилия и объясняя, что даже если ему во время этого плавания ничего более совершить не удастся, то и содеянного будет достаточно... На следующий год Генрих вновь отправил Эанниша в плавание, строго-настрого приказав ему во что бы то ни стало обогнуть мыс.

Как пишет хронист, «инфант был человеком весьма авторитетным, и его мнение, как бы мягко оно ни было выражено, производило большое впечатление на серьезных людей». Жил Эанниш отправился в плавание, достиг мыса Бохадор, пренебрегая всеми опасностями, благополучно обогнул «предел мира» и обнаружил, что дело обстояло

совсем не так, как изображалось по слухам. Он отважился даже пройти несколько южнее «проклятого мыса», а затем вернулся в Лиссабон в целости и сохранности, был с почетом принят инфантом и удостоен почестей и даров. Благополучное преодоление мыса Бохадор имело особенно важное значение потому, что оно укрепило веру португальцев в свое навигационное искусство. Так была разрушена самая непреодолимая преграда, мешавшая осуществлению исследовательских замыслов принца. Но страх перед неведомой далью преодолевался медленно. Мистический ужас, который вселял в души людей «пояс жарких земель», полностью развеялся только в 1446 г., когда еще южнее, у мыса Зеленого, вместо ожидаемой бесконечной пустыни снова появилась зеленая растительность. Это открыло португальцам путь к Гвинейскому заливу.

Африка открывает первые тайны

Встреча венецианца Альвизе Кадамосто с португальским принцем Генрихом Мореплавателем произошла при обстоятельствах случайных и оказалась судьбоносной. «Я был молод, – вспоминал Кадамосто, – мог прекрасно переносить трудности, страстно желал поглядеть на мир и увидеть то, что еще не видал наш народ, а также рассчитывал приобрести почести и богатство».

Очарованный личностью принца – неутомимого исследователя новых земель и соблазненный перспективой щедрого вознаграждения, Кадамосто поступил на службу к Генриху Мореплавателю и 22 марта 1455 г. вышел в море на поиски полуполегендарной реки, поднявшись по которой можно попасть во владения таинственного «священника Иоанна», правителя «Африканской Индии» (Эфиопии). А уж оттуда рукой подать до Индии настоящей – так, по крайней мере, рассуждали тогдашние европейские географы.

Памятная монета с изображением прославленного португальца, принца Генриха Мореплавателя

Кадамосто направил свой корабль сперва к Канарским островам, а затем пошел вдоль африканского побережья, скрупулезно записывая все сведения о ветрах, течениях, местах высадки и встречах с местными жителями. Пройдя острова Зеленого мыса, корабли Кадамосто достигли страны народа джадофо. Дружелюбно встреченный туземцами, венецианец вспоминает о том, с каким удивлением негры рассматривали белого человека: и мужчины и женщины подходили поглядеть на меня, будто на чудо... Моя одежда удивляла их не меньше, чем белая кожа... некоторые трогали меня за плечи и за руки и терли меня слюной, чтобы узнать, не выкрашен ли я белой краской или это действительно мое тело, и, убедившись, что это так, раскрывали от удивления рты».

Кадамосто достиг устья реки Гамбия, но сумел подняться по ней только на несколько миль: население здесь было более агрессивно, начались непрерывные вооруженные стычки. Пришлось повернуть

обратно. На следующий год венецианец на двух кораблях снова вышел в путь. Это второе плавание ознаменовалось важным открытием: у западного побережья Африки был обнаружен архипелаг Зеленого Мыса. Это произошло 25 июля 1482 г. и стало самым важным результатом плаваний Кадамосто. Более удачным оказалась и попытка подняться вверх по реке Гамбия, хотя ни «священника Иоанна», ни золота, о котором рассказывали мусульманские купцы, найти не удалось. Из своего плавания Кадамосто привез массу всяческих диковинок, включая засоленную слоновью ногу, и множество богатых впечатлений, талантливо описанных им в мемуарах. Кадамосто подробно рассказывает обо всем, что видел в пути: о необычайно длинных туземных веслах с круглыми лопастями, об одежде туземцев, о татуировках и способах охоты на слонов, о бегемотах и гигантских летучих мышах и о многих других диковинах, которые ему довелось увидеть.

В 1482 г., спустя три года после смерти принца Генриха, путешественник вернулся в Венецию. Дом, где он жил, до сих пор стоит на Большом канале, около моста Риальто. На нем можно увидеть памятную доску с надписью: «Здесь родился Альвизе да Кадамосто. Он открыл острова Зеленого Мыса и показал португальцам путь в Индию».

Вверх по Гамбии

По пути во владения таинственного «священника Иоанна», открытому Кадамосто, спустя два года попытался пройти португалец Диогу Гомиш. Рассчитывая попасть в Эфиопию («Африканскую Индию»), участники экспедиции даже захватили с собой в качестве переводчика какого-то выходца из Абиссинии по имени Иаков. Выполняя поручение принца Генриха Мореплавателя, Гомиш в 1457 г. на трех каравеллах отплыл от берегов Португалии, достиг устья реки Гамбия и смело двинулся вверх по течению. Ему удалось достичь Кантора, большого торгового поселка на реке, и завязать отношения с местными жителями. От них он узнал о стране золота, лежащей в глубине материка (речь шла об африканской империи Мали). В эту страну «приходят за золотом караваны верблюдов и дромадеров с товарами из Карфагена и Туниса, Феса и Каира, а также из всех сарацинских стран». Другие, еще более важные сведения касались земель, расположенных к югу от реки Гамбия. По словам местных жителей, далеко на юг простираются горы под названием Сьерра-Леоне, со склонов которых стекает множество больших и малых рек, одни из них текут на запад, а другие – на восток. Из этих рассказов Гомиш с удовлетворением заключил, что Африканский континент тянется далее на юг... Он назвал эти пока не исследованные земли «Южной Эфиопией», и это название продержалось на картах до 1480-х гг. Почти до этого же времени сохранялось заблуждение, что побережье этой страны (которую вскоре стали называть Гвинеей) является югом Африканского континента. А надежда попасть по течению Гамбии в вожделенные страны – «золотую империю» Мали и «Африканскую Индию», расположенные в глубине Черного континента, – продержалась еще ряд десятилетий.

Португальская почтовая марка, выпущенная в честь Диогу Гомиша

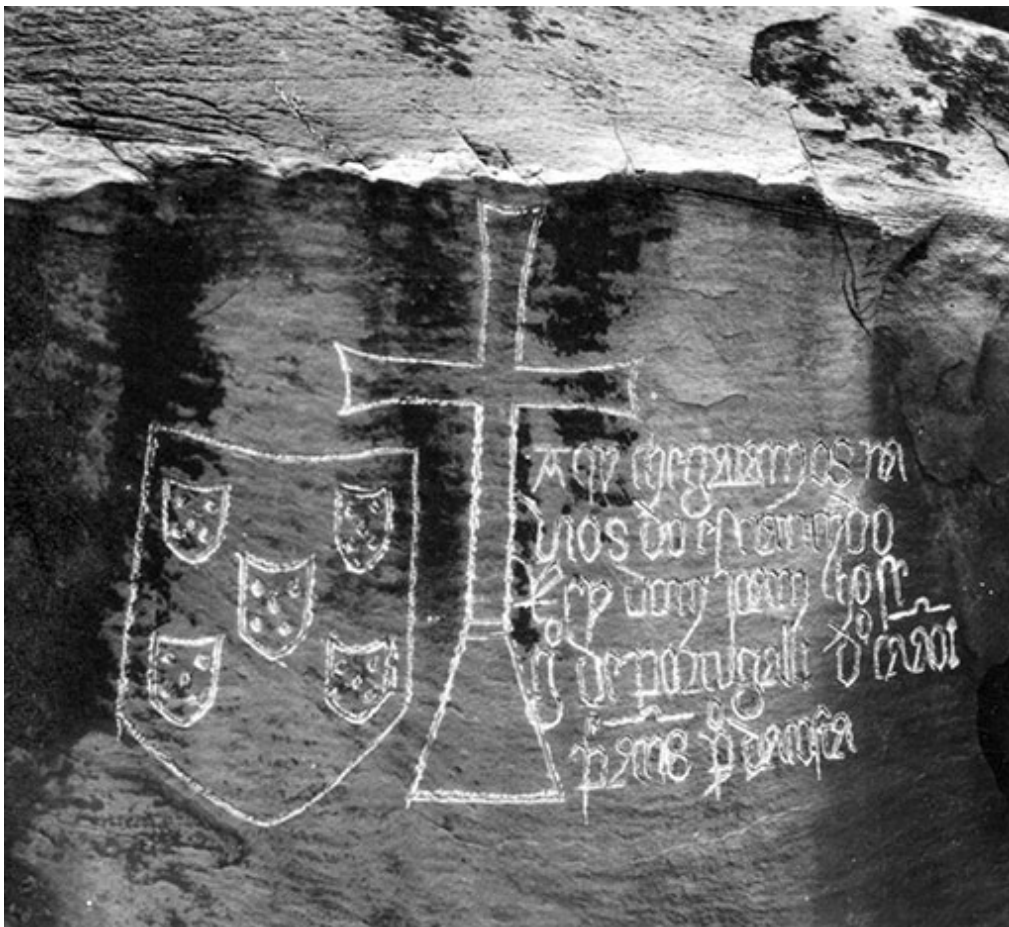
От Гвинеи до Намибии

Одна экспедиция за другой уходила к берегам Западной Африки, выполняя волю португальского принца Генриха Мореплавателя: во что бы то ни стало достичь «Африканской Индии». Завет принца стремились исполнить и его последователи. Шаг за шагом осваивали португальцы все новые и новые мили африканского побережья, успехи чередовались с неудачами, рвение исследователей то затухало, то разгоралось вновь. Решающий прорыв связан с именем Диогу Кана.

В декабре 1481 г. большой флот вышел к берегам Гвинеи, где португальцам предстояло основать базу для дальнейшего продвижения на юг. Выполнив это поручение короля, командующий флотом Диогу Кан смело двинулся дальше – сперва на восток, а потом на юг. Ему удалось пройти вдоль всего побережья Гвинейского залива, достичь устья Конго и подойти к берегам Анголы, где он завязал связи с местным народом «эфиопов» и услышал новые рассказы о великом вожде «Африканской Индии», живущем где-то в глубинах континента. Казалось, что желанная цель невероятно близка, но возможности экспедиции уже были исчерпаны. Отметив крайнюю точку своего продвижения – мыс Санта-Мария – каменным столбом с высеченным на нем португальским гербом, Диогу Кан вернулся в Лиссабон, привезя своему королю титул «повелителя Гвинеи». Король не остался в долгу – он посвятил отважного мореплавателя в рыцари и назначил ему огромное по тем временам годовое жалованье. При королевском дворе ликовали: до Индии уже рукой подать! Именно это обстоятельство заставило короля отказаться от предложения Колумба, как раз в это время появившегося в Лиссабоне с предложением достичь Индии кратчайшим путем – через Атлантику...

Осенью 1484 г. Диогу Кан на двух кораблях вновь вышел в море. Король дал ему приказ: «Зайти за столбы, которые поставил в Африке Геркулес, и по возможности все время держать курс на полдень и на восход солнца». Пройдя вдоль всего побережья Анголы, Кан открыл неизвестный ранее юго-западный берег Африки и добрался до мыса Кросс в Намибии. Отсюда корабли экспедиции неожиданно повернули назад и в 1486 г. вернулись в Лиссабон, увы – без своего капитана. Точная судьба Диогу Кана неизвестна – по-видимому, он скончался во

время плавания. За два рейса к берегам Африки отважный моряк открыл и исследовал около 1450 миль береговой линии, тем самым подтолкнув к решительным действиям своих великих последователей – Бартоломеу Диаша и Васко да Гаму. По мнению американского исследователя Дж. Бейкера, именно на долю Диогу Кана «выпала честь открытия африканского морского побережья, что являлось большим достижением».

Камень с рисунком и надписью, сделанными Диогу Каном

Добрая надежда

Бартоломеу Диаш был одним из лучших португальских моряков того времени. Король ожидал от него столь многого, что даже заочно наградил его «с учетом услуг, которых мы от него ожидаем». Именно на Диаша была возложена обязанность завершить труды, начатые Диогу Каном.

Как только корабли Диогу Кана, потерявшие своего капитана, возвратились на родину, король Жуан II распорядился немедленно снарядить новую экспедицию. Во главе ее он поставил Диаша. В августе 1487 г. два (по другим сведениям – три) корабля под его началом вышли в море и двинулись курсом на юг. Их путь был нелегок. Пройдя мыс Кросс, маленькая флотилия оказалась в совершенно неизведанных водах. Миновав 29-ю параллель, корабли Диаша были вынуждены в течение 13 дней с зарифленными парусами бороться с сильным встречным ветром и штормом. Португальцев отнесло далеко на запад, и когда шторм наконец утих, они были вынуждены взять курс на восток, чтобы найти потерянные из виду берега Африки. День проходил за днем, а земля все не появлялась. Моряки были удивлены: куда же исчез огромный континент, простирающийся на многие сотни миль с севера на юг? Обеспокоенный Диаш приказал повернуть на север. Наконец, впереди показалась долгожданная земля, и 3 февраля 1488 г. португальские корабли бросили якоря в бухте, которую они назвали Ангра-душ-Вакейруш – бухта Коровьих Пастухов, из-за обилия видневшихся на берегу стад, которых пасли негры-пастухи. Завязать с ними отношения не удалось, однако португальцы заметили, что берег неизвестной земли тянется не с севера на юг, а с запада на восток. Неужели они прошли оконечность Африки? Диаш решительно двинулся на восток. Побережье все круче и круче поворачивало к северу, и вскоре португальцы достигли бухты Алгоа (там, где сейчас располагается столица Мозамбика – Мапуту). Диаш открыл путь в Индийский океан и ясно осознавал это открытие. Однако идти дальше не было никакой возможности: ресурсы экспедиции были исчерпаны, матросы находились на грани бунта. С тяжелым сердцем Диаш отдал приказ повернуть назад.

Корабли европейцев у мыса Доброй Надежды

На обратном пути португальцы обогнули острый, далеко вдававшийся в море мыс, обозначавший южную оконечность Африки, не доступный на протяжении стольких столетий. По пути на восток моряки, унесенные в море штормом, обогнули этот мыс, даже не заметив его. В память о перенесенных испытаниях Диаш назвал это место мысом Бурь, а позднее король Жуан II переименовал его в мыс Доброй Надежды – в ознаменование того, что отныне появилась надежда найти долгожданный путь в Индию.

Пройдя на 2300 километров дальше, чем Диогу Кан, Бартоломеу Диаш оказался на пороге великого открытия. Спустя 10 лет его труд завершил другой великий мореплаватель – Васко да Гама. А плавание Диаша породило только великую надежду, в память о которой и был

назван знаменитый мыс. По злой иронии судьбы именно вблизи этого мыса Диаш спустя 14 лет нашел свою смерть: его корабль, шедший в составе эскадры Педро Альвареша Кабрала в Индию, погиб здесь во время жестокого шторма.

Из Европы в Индию и обратно

Осуществить мечту нескольких поколений мореплавателей – достичь далекой Индии – посчастливилось португальскому моряку по имени Васко да Гама. Именно ему король, вдохновленный открытиями Диогу Кана и Бартоломео Диаша, летом 1497 г. поручил отправиться во главе эскадры из четырех кораблей к далеким берегам сказочной страны.

Утром 8 июля корабли вышли из гавани Лиссабона. Через 12 дней они достигли островов Зеленого Мыса. До 10° с. ш. корабли португальцев держались у берега, но затем повернули в открытое море, описав огромную дугу в южной части Атлантического океана и пройдя на расстоянии 1000 километров от Южной Америки. Взяв курс на восток, 7 ноября эскадра бросила якоря в бухте Санта-Елена (Юго-Западная Африка). Пройдя отсюда вдоль побережья Африканского континента, в конце ноября корабли обогнули мыс Доброй Надежды. В устье Замбези они получили первые сведения о больших торговых городах, расположенных к северу отсюда. В апреле корабли миновали берега Мозамбика и достигли сперва Великой Килвы, за затем Момбасы и Малинди – оживленных гаваней на побережье Восточной Африки, откуда начинался большой морской торговый путь в Аравию и Индию. Общепринятым языком местных торговцев был арабский, что неудивительно – арабские купцы торговали с побережьем Восточной Африки на протяжении нескольких столетий. В Малинди португальцы наняли арабского штурмана, который взялся провести их в Индию. Но им пришлось очень долго ждать попутного муссона. Выйдя наконец в море, корабли Васко да Гамы сначала шли вдоль берегов Сомали, а потом при устойчивом попутном ветре взяли курс на северо-восток. 20 мая 1498 г., спустя 10 месяцев и 14 дней плавания, португальцы вошли в гавань Каликута (ныне – Кожикоде). Мечта многих поколений европейцев сбылась: морской путь в Индию был открыт! Это произошло всего шесть лет спустя после того, как Колумб, отправившись на запад, открыл неведомую землю, которую счел Индией, но которая оказалась Америкой...

Васко да Гама прибывает в Каликут (Кожикоде), Индия. 20 мая 1498 г.

Обратный путь в Португалию пролегал почти по тому же маршруту, каким Васко да Гама добирался до Каликута. Спустя 26 месяцев после начала своего путешествия корабли Васко да Гамы бросили якорь в устье реки Тежу, и отважный путешественник представил глазам восхищенных соотечественников большой груз золота и серебра, привезенный из далекой страны. Надо ли говорить, что его возвращение стало национальным триумфом, а сам Васко да Гама был щедро награжден королем? По следам Васко да Гамы пошли новые поколения европейских мореплавателей – сперва португальских, потом голландских, английских, французских... Границы ойкумены

расширились до невероятных размеров, а сказочная Индия, долгое время служившая источником легенд, в одночасье стала реальностью.

Из Португалии в Индию через... Америку

Весной 1500 г. из Португалии в Индию отправился большой – целых 13 кораблей – флот. В составе экспедиции насчитывалось около полутора тысяч матросов и солдат, а одним из кораблей командовал прославленный мореплаватель Бартоломеу Диаш. Однако возглавил экспедицию не он, а 33-летний придворный Педру Алвареш Кабрал, которому прочили большое будущее. Ожидалось, что в случае успеха карьера молодого вельможи резко пойдет вверх.

Экспедиции предстояло идти тем же маршрутом, каким уже прошел Васко да Гама. Войдя в Гвинейский залив, Кабрал, следуя инструкциям первопроходца, повел корабли на запад, в обход встречных ветров, дующих у африканского берега. Однако корабли Кабрала взяли на запад слишком далеко и совершенно неожиданно для себя оказались у берегов Бразилии. Стало ли это открытие результатом слепого случая или результатом тайного плана, сейчас уже и не скажешь. Сам Кабрал уверял, что его корабли просто отнесло от правильного курса, и в этих словах нет ничего невероятного: ветры и течения в средней части Атлантического океана действительно часто увлекают парусные суда на запад. А если вдобавок к ним присоединился шторм, то вполне можно допустить, что португальцев против их воли отнесло к берегам Бразилии. С другой стороны, существуют свидетельства того, что португальцы догадывались, а может быть, и знали наверняка о существовании земли за океаном (приблизительно там, где находится Южноамериканский континент), и потому Кабрал сознательно пустился на ее поиски. Как бы то ни было, 24 апреля 1500 г. корабли португальцев подошли к побережью Бразилии. Высадившись на берег, Кабрал окрестил открытую им землю Землей Истинного Креста и провозгласил ее владением португальской короны.

Несколько ранее Кабрала испанский мореплаватель Висенте Яньес Пинсон уже достиг бразильского берега, но начальник португальской экспедиции об этом не знал. Вполне сознавая важное значение сделанного им открытия, Кабрал отрядил в Лиссабон один из своих кораблей, чтобы известить короля. Между тем экспедиция, проведя 10 дней у берегов Бразилии, вновь взяла курс на юго-восток и направилась

к мысу Доброй Надежды. Здесь португальцев поджидал ужасный шторм. Он унес на морское дно четыре корабля, включая тот, которым командовал Бартоломеу Диаш. Вырвавшись из объятий стихии, оставшиеся корабли Кабрала благополучно добрались до Индии...

Педру Алвареш Кабралвступает во владение Бразилией. Иллюстрация XIX в.

Вернувшись в Лиссабон в 1501 г., эта вторая индийская экспедиция португальцев привезла большой груз золота и пряностей, однако по не вполне ясным причинам ее руководитель вскоре попал в опалу. Трудно

с достоверностью сказать, что именно не понравилось королю, ведь плавание Кабрала в целом можно считать удачным: несмотря на потерю четырех кораблей, были не только установлены прочные торговые связи с Индией, но и открыт новый огромный континент, богатства которого оказались несравнимы с богатствами прежней «страны чудес».

Африка

Ансельм д'Изальгие на Нигере

В конце XIV в. в Тулузе жил дворянин по имени Ансельм д'Изальгие. По складу ума и характера это был выдающийся естествоиспытатель; современники называли его «великим исследователем природы». В поисках новых чудес природы Изальгие отважно отправлялся в далекие путешествия. Всю свою юность он провел в странствиях. Побывав во многих странах Европы и Азии, Изальгие в 1402 г. отправился в Африку. Он сумел пересечь Сахару – подвиг выдающийся, и не только для того времени! – и добраться до Нигера, до города Каго (Гао). Здесь, «в царстве негров», путешественник прожил более 5 лет. Он даже женился на юной негритянке по имени Салуказаис, и хотя Изальгие был христианином, а она мусульманкой, это не стало препятствием для брака.

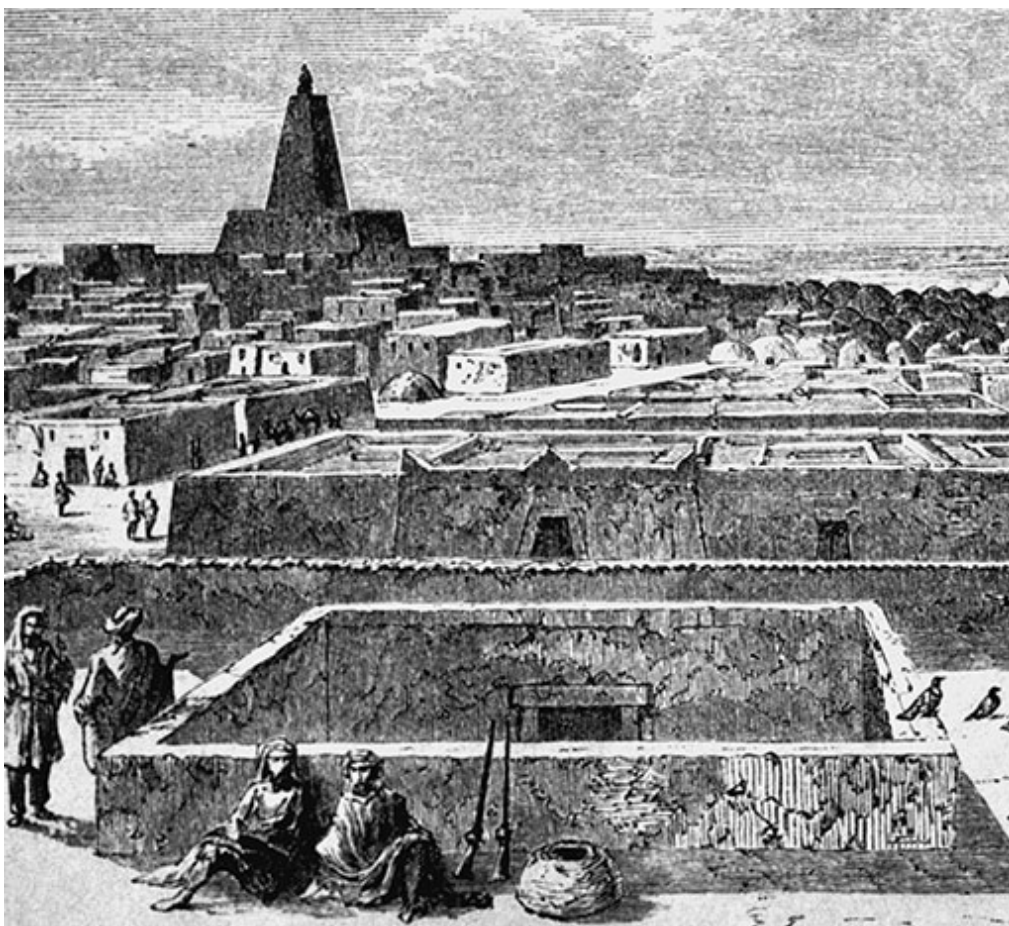
Живя в Каго, Изальгие продолжал свою исследовательскую и литературную работу, причем в таких спокойных условиях, «как будто находился на родной земле». Только тоска по далекой родине вынудила его, наконец, в 1410 г. расстаться с этой страной. Кроме того, Изальгие не оставлял желания обратить свою супругу в христианскую веру, а во Франции это было сделать, разумеется, легче, чем в Африке. Расставание с городом Каго происходило непросто: местный правитель очень ценил европейского ученого и не хотел его отпускать, а жене Изальгие было тяжело расставаться со своими родителями. В итоге путешественнику пришлось тайно покинуть город, увозя с собой жену, дочь и слуг.

Обратный путь выдался нелегким. Миновав бесплодные пространства Сахары, Изальгие и его спутники вышли к берегу моря и погрузились на корабль, идущий во Францию. На судно напали пираты. Пойдя на abordаж, они ворвались на палубу корабля и принялись хватать всех без разбора. Капитан сумел организовать отпор, но часть пассажиров и членов экипажа оказалась в плену. В их числе были и жена и дочь Изальгие, которых пираты захватили прямо на глазах путешественника. Спасти свою семью Изальгие удалось лишь благодаря исключительно счастливому сечению обстоятельств: пиратское судно потерпело крушение на отмели, и жена Изальгие вместе с дочерью и другими пленниками на лодке перебрались на

почти пустынный остров. Как раз в этот момент к острову подошел корабль, на борту которого находился Изальгие: капитан судна рассчитывал здесь сделать стоянку для ремонта. Таким образом семейство воссоединилось и смогло продолжить свое плавание к берегам Франции, в итоге благополучно вернувшись в Тулузу. По итогам своего путешествия Изальгие написал книгу, рукопись которой долгое время хранилась в знаменитой библиотеке Иезуитской коллегии в Лионе, но в годы кровавой французской революции безвозвратно исчезла – скорее всего, погибла вместе с другими уникальными книгами, уничтоженными во имя «идеалов просвещения».

В сердце Сахары

Установить точное имя и происхождение этого европейца, который в середине XV в. проник далеко в глубь Западной Сахары, не представляется возможным. Звали его то ли Антуан Мальфант, то ли Антонио Мальфанте, поэтому французские ученые считают его своим соотечественником, а итальянские – генуэзцем. Более вероятно итальянская фамилия Мальфанте, поскольку именно так подписано его письмо, отправленное из Туэто (Туата) генуэзцу Джованни Марионо в 1447 г.

Тимбукту середины XIX в.

Мы ничего не знаем о путешествии Мальфанте, кроме того, о чем сказано в его письме. Вероятно, он был купцом. Преследуя торговые

цели, Мальфанте проник в глубь Черного континента, идя с караваном купцов-мусульман по торговому пути, начинающемуся у Средиземного моря. Достигнув оазиса Туат, Мальфанте завязал отношения с местным вождем Сиди-Яхья бен-Садира, взявшим иностранного купца под свое покровительство. Мальфанте довольно долго прожил в оазисе Туат, но дальше на юг не пошел. Правда, в своем письме он рассказывает о Нигере, об африканском государстве Мали и о прославленном городе Тимбукту, но только с чужих слов. О дальнейшей судьбе путешественника ничего не известно – вероятно, он благополучно вернулся на родину. Сегодня Мальфанте рассматривают как зачинателя европейской торговли в глубинных областях Африки, но, возможно, он был не единственным ее инициатором. Любопытно и то, что Мальфанте на долгие годы остался единственным европейцем, побывавшим в оазисе Туат: во второй раз это удалось только Герхардту Рольфсу в 1864 г., спустя 400 лет после Мальфанте.

Инок Варсонофий открывает Египет

Монах одного из киевских монастырей, известный под именем «инок Варсонофий», вероятно, был одним из наиболее предприимчивых путешественников середины XV в. Надо отметить, что время для своих путешествий он избрал не самое лучшее: Турецкая империя окончательно поглотила остатки Византии, по Балканам разливалась волна турецкого нашествия, на Средиземном море европейские рыцари отчаянно сдерживали натиск завоевателей с Востока. Но времена, как известно, не выбирают и при неблагоприятном стечении обстоятельств умирают... Однако иноку Варсонофию повезло: совершив два трудных путешествия на Восток, он вернулся из них абсолютно невредимым.

Вид на монастырь Святой Екатерины на Синае

В 1456 г. Варсонофий совершил паломничество к святым местам Палестины и благополучно вернулся на родину. В своем втором странствии он поставил перед собой задачу побывать в Египте. По-видимому, Варсонофий стал первым выходцем из земель Киевской Руси, открывшим Египет для своих соотечественников.

Отправившись из Киева в 1461 г., он добрался до Молдавии, спустился вниз по Днестру до Аккермана (ныне Белгород-Днестровский), пересек Черное море и высадился в Константинополе, где в это время уже хозяйничали турки. Из Константинополя Варсонофий морем отправился на Крит, потом перебрался на Кипр, а затем через Сирию добрался до Египта. Сперва он попал в Дамият (современный Думьят) и оттуда вверх по Нилу отправился в «град Егупет», то есть в Каир. В Каире Варсонофий пробыл 6 недель. За это время он довольно подробно познакомился с городом и его окрестностями. Более всего поразил путешественника Нил. В своих путевых заметках Варсонофий восхищенно называет его «златоструйным»; в его глазах это была «река из рая».

Варсонофий видел на Ниле «лютого зверя» – крокодила. Его очень заинтересовали финиковые пальмы, на которых, по его словам, «растет мед дивин». В заметках Варсонофия встречается и упоминание о египетских пирамидах; подобно другим своим современникам, он полагал, что это «житницы Иосифа». Гораздо большее внимание путешественник уделил местам, связанным с земной жизнью Иисусу Христа (собственно, это и было главной целью его странствия):

«Подале от города, на расстоянии двух с половиной миль, находится источник святой воды, который называется Васлом. Сюда приходил Господь наш Иисус Христос из города Иерусалима с Пречистой Девой Марией, со своей матерью, и с Иосифом, его хранителем. На северной стороне от города находится святое место, где обитал Господь, скрываясь от Ирода царя». Во время своего «хожения» Варсонофий посетил также Синай, побывал в монастыре Святой Екатерины и совершил восхождение на гору Моисея.

Тимбукту – таинственный город в песках

Затерянный в песках Сахары город Тимбукту (Томбукту) известен во всем мире как один из крупнейших культурно-исторических центров Африки. Его называют «городом трехсот тридцати трех святых», «жемчужиной Мали», «королевой пустыни», «Багдадом Черного континента». Средневековый арабский географ Ибн-Халдун именовал Тимбукту «гаванью в пустыне», европейские купцы – «городом золота».

Возвышение города, основанного на пересечении пяти караванных путей, что вели через Сахару от побережья Северной Африки, началось около тысячи лет назад, на рубеже XI – XII вв. В Средние века Тимбукту являлся узлом всей транссахарской торговли. Наивысшего расцвета эта торговля достигла к 1300 г. Караваны купцов непрерывно тянулись в Тимбукту, ибо он, как писал португальский географ начала XVI в. Валентин Фернандиш, «есть складочный пункт всего золота, что обменивается на соль как в восточном, так и в западном направлениях».

Стены Тимбукту в наши дни

Европейским купцам было хорошо известно, что ловкие берберские торговцы продают в Тимбукту большое количество европейских тканей; они с вождением взирали на привозимые в порты Средиземноморья товары из Тимбукту. Увы, но этот «Багдад Африки» оставался для европейцев наглухо закрытым: арабские купцы из Андалусии и Магриба прочно держали в своих руках все нити караванной торговли через Сахару. Впрочем, по сообщению Раймунда Луллия (ок. 1283 г.), какой-то отважный испанец все-таки побывал в Тимбукту и от него в Италию и Испанию попали первые известия об этом таинственном и сказочно богатом городе в песках. Говорили также о некоем итальянском путешественнике, который в середине XIV столетия попал в Тимбукту из Туниса. Однако достоверно известно имя только одного европейца, в Средние века побывавшего в Тимбукту. Это был уроженец Флоренции Бенедетто Деи. В 1469 г. он посетил это «поселение в королевстве берберов, в самых жарких областях земли»,

где «много занимаются торговлей и продают грубое сукно, саржу и рубчатые материи, которые изготовляют в Ломбардии».

О Бенедетто Деи мы знаем мало. Неизвестно, откуда он пришел в Тимбукту – скорее всего, из Туниса.

Спустя 14 лет, в 1483 г., в Тимбукту побывало посольство португальского короля Жуана II, причем семь из восьми его членов не выдержали здешнего нездорового климата и скончались. После этого на долгие четыре века над Тимбукту опустился «железный занавес» – ни один христианин не мог попасть в этот город.

Долгая дорога Педру ди Ковильяна

В 1487 г. король Португалии Жуан II отправил на восток своего дворянина Педру ди Ковильяна, хорошо знавшего арабский язык, поставив ему задачу достичь Индии по суше. Отправившись в мае этого же года в путь, Ковильян через Неаполь добрался до острова Родос, а оттуда в одежде сирийского купца – в Египет. Весной 1488 г. путешественник присоединился к каравану, отправлявшемуся в порт Торо (Кусейр) на Красном море, погрузился там на арабское судно и приплыл в Аден. Отсюда Ковильян на другом арабском судне направился в Индию. Он побывал в Каннануре, Каликуте и Гоа, а затем, обогнув с юга Аравийский полуостров, в конце 1489 г. на арабском судне прошел от Сомали вдоль Восточной Африки до Мозамбика. Здесь от арабских моряков он узнал о том, что к западу от Африканского континента лежит огромный «Остров Луны», длина береговой линии которого составляет 300 лиг, то есть около 1800 километров (несомненно, речь шла о Мадагаскаре). Через портовые города на побережье Восточной Африке – Софалу, Килву, Момбасу и Малинди – Ковильян вернулся в Аден, вновь пересек Красное море и в начале 1491 г. прибыл в Каир. Здесь его уже ждали посланники португальского короля. Из переданного ими письма Ковильян узнал, что ему предписывается отправиться в новое путешествие: на этот раз в Эфиопию, «страну священника Иоанна»...

Памятник Педру ди Ковильяну в Каштелу-Бранку, Португалия

Вновь путешественник возвращается на побережье Красного моря. Добравшись до Адена, Ковильян он услышал о прославленном городе Ормузе и загорелся желанием увидеть его. На арабском корабле, идущем вдоль побережья Аравии, он достиг своей цели, и, как оказалось, путешествие его оказалось не напрасным: в Ормузе Ковильян узнал от арабских моряков много ценных сведений о морском пути из Персии в Индию. Его, однако, ждала Эфиопия. Ковильян добрался до «царства священника Иоанна» в 1492 или в 1493 г. (точная дата не установлена). Его приняли гостеприимно, но на родину не отпустили. Император пожаловал посланцу португальского короля обширные поместья, Ковильян даже вынужден был жениться (хотя у него были жена и дети в Португалии). Он оставался в Эфиопии до 1520 г., когда в эту страну прибыл португальский посол Родригу ди Лима. Священник посольства Франсишку Алвариш записал рассказ Ковильяна о его странствиях. Насколько можно теперь судить,

Ковильян стал единственным до Васко да Гамы европейцем, которому удалось побывать в Восточной Африке и пройти так же далеко на юг, как это сделал в XIV в. Гильом Адан. Кроме того, Ковильян был первым португальцем, побывавшим в Индии. Сведения, собранные путешественником, были использованы при подготовке инструкций для экспедиции Васко да Гамы.

Антониу Фернандиш в «стране золота»

В 1505 г. в Софале (на побережье Мозамбика) был заложен португальский военный форт, ставший важной базой на морском пути в Индию и одновременно опорным пунктом для проникновения в глубинные районы Африки. Вскоре португальцам стало известно о существовании золотоносной страны Макаланга (Макаранга). Этой страной правит император-момотапа, его столица называется Зимбабве и находится примерно в 24 днях пути от Софалы... А в 1514 г. португальцу Антониу Фернандишу удалось повидать «страну золота» своими глазами.

Фернандиш побывал в «золотой стране» дважды. В своем первом путешествии он проследовал от Софалы до правого притока Замбези – реки Мазоз и вскоре прибыл в резиденцию момотапы, которая находилась на реке Умзенгедзи (Мусенгези). Отсюда Фернандиш совершил два небольших похода на юго-запад, где встретил бушменов. Обратившись в Софалу он вернулся более коротким путем – по водоразделу рек Замбези и Сави.

Спустя несколько месяцев Фернандиш отправился во второе путешествие. Добравшись до ставки момотапы и передав ему дары португальских властей, он двинулся к верховьям правого притока Сави – Лунди, вдоль него – к Сави и через область уже знакомой ему реку Бузи вернулся в Софалу. По неизведанным землям путешественник прошел свыше 500 километров и доставил сравнительно точные известия о незнакомом до той поры европейцам большом африканском государстве, о циклопических каменных постройках его столицы, о торговых путях, ведущих во внутренние районы, и о расположении важнейших золотых рудников. Португальский путешественник открыл множество рек, первым из европейцев побывал в горах Большого Уступа – приподнятого края внутреннего плоскогорья Южной Африки – и первым проник в водораздельную область между реками Замбези, Сави и Лимпопо, ныне известную под названием плато Матабеле. Однако никаких карт своих путешествий Фернандиш не оставил, так что в XIX в. ту же территорию европейским исследователям пришлось открывать заново....

Мавр сделал свое дело...

Ал-Хасан ибн-Мухаммед ал-Ваззан аз-Зайяти ал-Фаси был уроженцем Гранады и, как многие его соотечественники, был вынужден бежать в Марокко после того, как кастильские рыцари захватили последние оплоты мавров на юге Испании. Он получил хорошее образование, отличался редкой наблюдательностью и весьма широкими взглядами, знал множество языков. Это знание языков немало помогало аз-Зайяти во время его далеких странствий. Он сумел побывать на всех трех континентах Старого Света – в Азии, Европе и Африке, на востоке дошел до Армении, Азербайджана и Персии, на юго-востоке – до Мекки, на юге – до стран Западного Судана.

Первое знакомство с Африкой южнее Сахары началось для аз-Зайяти в 1511 г., когда он отправился со своим дядей в Тимбукту по поручению марокканского султана. Позднее он путешествовал самостоятельно, побывал в Мали и на севере Нигерии. В своих записках путешественник дает подробное описание Тимбукту и других крупных торговых городов, сообщает множество интереснейших сведений о разных странах и народах. Вернувшись на север, аз-Зайяти предпринял путешествие в Мекку, Египет и Стамбул, а на обратном пути был захвачен сицилийскими пиратами и подарен в качестве раба римскому папе Льву X. Папа, известный покровитель искусств и литературы, крестил образованного мавра, дав ему имя Иоанна-Льва; из-за своего происхождения и блестящего знания Африки он получил прозвание Льва Африканского. О своих странствиях Лев Африканский рассказал в объемистой книге, впервые увидевшей свет в Венеции в 1550 г. в дальнейшем она неоднократно переиздавалась. Вся Европа читала ее с захлеб: образованный мавр, повидавший далекие страны, сумел рассказать более чем о 400 географических пунктах, большинство из которых не было известно в христианском мире даже по названию!

В конце жизни Лев Африканский вернулся в Северную Африку, в Тунис, где и умер в 1552 г.

Радзивилл спускается в гробницу

Князя Николай Кшиштоф Радзивилл, польский аристократ и вельможа при дворе королей Сигизмунда II Августа и Стефана Батория, совершил свое путешествие в Египет в 1582–1584 гг. Вернувшись в Европу, он написал на основе своих путевых заметок «Похождение», завоевавшее необыкновенную популярность. И надо сказать, вполне справедливо: мало кто из путешественников того времени может похвастаться таким обилием интереснейших сведений о Египте, вдобавок преподнесенных необычайно живо и занимательно. Радзивилл объехал едва ли не всю долину Нила от Александрии до Каира. Он побывал внутри пирамиды Хеопса, бродил среди величественных развалин античной Александрии, по веревке спускался в древнеегипетскую гробницу... В общем, материала для записок путешественник получил в избытке.

В Александрии на Радзивилла сильное впечатление произвели, конечно же, колонна Помпея, обелиск Клеопатры и руины древних, «зело украшенных» дворцов. В Каире он совершил поездку на западный берег Нила, где некогда стоял древний Мемфис. Здесь же высились могучие пирамиды. По подсчетам Радзивилла, в это время их сохранялось 17, из которых три были «большие». Любопытный путешественник побывал даже внутри и на вершине Великой пирамиды. Внутри он осмотрел две камеры, в одной из которых был заключен саркофаг. Радзивилла чрезвычайно поразили огромные каменные блоки, из которых сложена Великая пирамида: по его измерениям, каждый такой блок имел 3 локтя в ширину и длину и более полутора локтей в высоту. До вершины пирамиды он добрался за полтора часа и обнаружил там квадратную площадку со стороной в 10 локтей, то есть примерно 6 метров.

Радзивилл рассказывает и о двух других гигантских пирамидах, а также о Большом сфинксе. Неподалеку еще можно было увидеть две огромные поваленные статуи, каждая в 20 локтей высоты. Речь идет о двух статуях Рамсеса II: одна из них находится там до сих пор, а другая ныне украшает привокзальную площадь в Каире. Радзивилл посетил также несколько древнеегипетских гробниц, расположенных близ пирамид, и в одной из них спустился по веревке в шахту. Его рассказ об

увиденных мумиях крайне интересен, а кроме того, он, видимо, одним из первых европейских путешественников увидел и описал (причем довольно точно) погребальные статуэтки-ушебти, которых было много в гробницах. Из записок Радзивилла читатель мог получить также представление о природе Египта, его наиболее характерных растениях и животных.

В октябре 1584 г. Радзивилл уехал из Александрии, и в море судно попало в страшный шторм. Суеверные пассажиры увидели причину шторма в двух мумиях, которые путешественник вез с собой, и заставили выбросить их за борт. «Похождение» Радзивилла, изобилующее интереснейшими историко-этнографическими и географическими подробностями, получило широкое распространение в Европе. В первой четверти XVII в. оно было переведено на русский язык. Другой перевод на русский язык «Похождения» Н.-К. Радзивилла был напечатан в Петербурге в 1787 г.

«Лютый зверь коркодил»

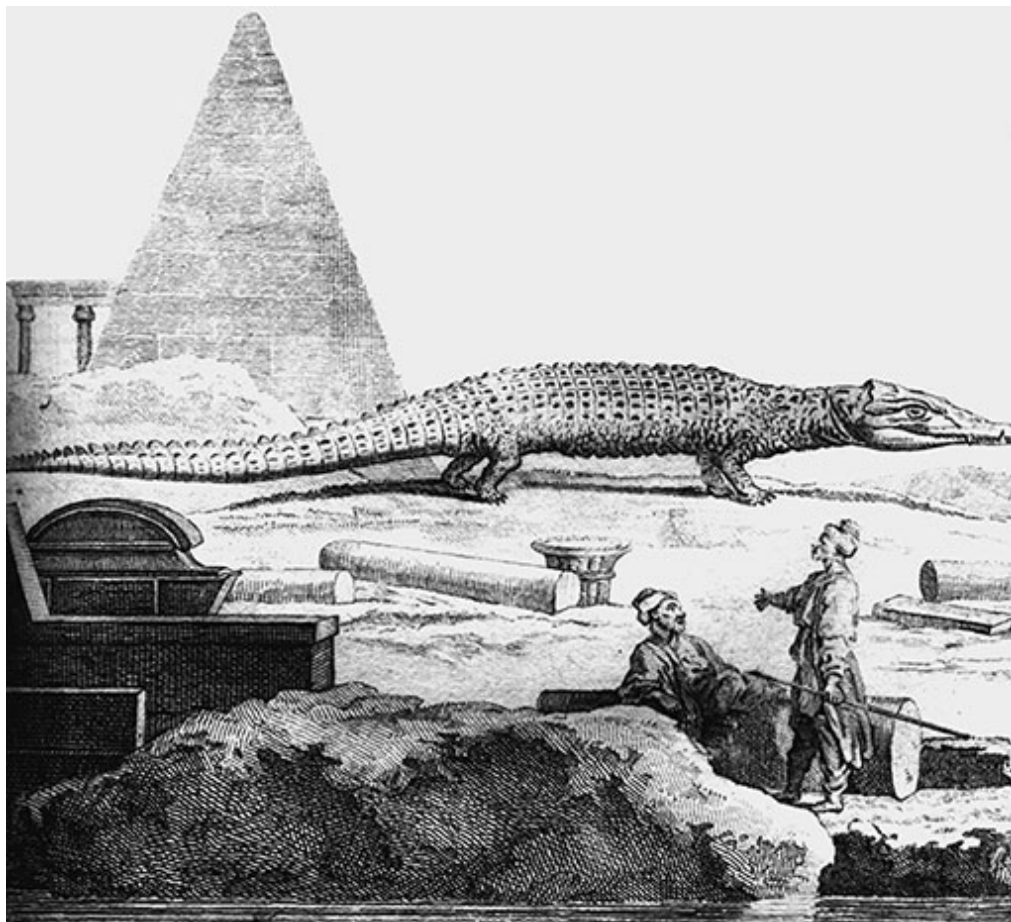
Торговый человек из Казани Василий Гагара, уроженец Плеса на Волге, в 1634 г. отправился в далекое путешествие на Восток – в паломничество по святым местам. Впрочем, судя по путевым заметкам Гагары, гораздо больше его интересовали жизнь и природа дальних стран.

Целью своей Гагара избрал Египет. Путь паломника лежал через Тбилиси, Ереван, Ардаган, Каре, Алеппо, Дамаск, Иерусалим, жаркие пустыни Синая: «Ко Египту идучи, путь истомен: песчаное море, и тем путем человеку идти нельзя солнечного ради жжения и жажды водной...»

В конце декабря 1635 г. Гагара оказался в Египте. Внимание путешественника не могли не привлечь знаменитые пирамиды. «Во Египте, – пишет Гагара, – за рекою Нилом, а по-гречески Геон, сделаны палаты весьма велики и страшны, аки горы сильные. А стоят на горе; а сделаны четверугольно, а верхи у них как башни...» Подобно другим своим современникам, Гагара верил в то, что, во-первых, пирамиды построены евреями во время их пребывания в Египте и, во-вторых, что по своему назначению они являлись житницами. По поводу последнего он пишет: «А вход у тех палат сделан по стене, чтобы можно человеку идти со пшеницею, одному вверх идти, а другому насупротив».

Гагаре удалось побывать около Фаюмского озера. Там он увидел устрашившее его зрелище – обветренные от песка мумии какого-то древнего некрополя. «Близ того озера, – описывает он, – выходят из земли кости человекьи... головы, и руки, и ноги, и ребра шевелятся, подобно живым, и головы с волосами бывают снаружи поверх земли...» В Эль-Матарие путешественник видел знаменитый Гелиопольский обелиск, воздвигнутый в XX в. до н. э., и оставил его описание: «Камень четверуголен, верх остр, вышина 12 сажень, а кругом 4 сажени, турки называют его Фараоновым копьем». Поразила Гагара и природа долины Нила, и его животный мир. Путешественник подробно описывает крокодила («коркодила») – «лютого зверя»: «В то реке есть зверь, именуемый коркодил, живет в той реке в воде; голова у него что у сома, а ноги аки у человека, и естество также, а хвост у того зверя аки у сома, а по виду тот зверь аки змея ехидна... и если

настигнет человека, то съедает до смерти. А рот у того зверя как у лягушки, а кожа на нем аки рыба чешуя, а величиною крокодил сажени с две».

Нильский крокодил. Европейская гравюра

Целых «два года и три недели» (1635–1637 гг.) провел Василий Гагара в Египте. Он сумел даже побывать в Нубии, где тогда еще оставалось христианское население и сохранялись христианские святыни. Только в таком смысле можно понять слова Гагары, что он исходил в Африке «и Коптскую, и Эфиопскую земли». Обрато путешественник возвращался через Болгарию и Молдавию и в мае 1637 г. прибыл в Москву.

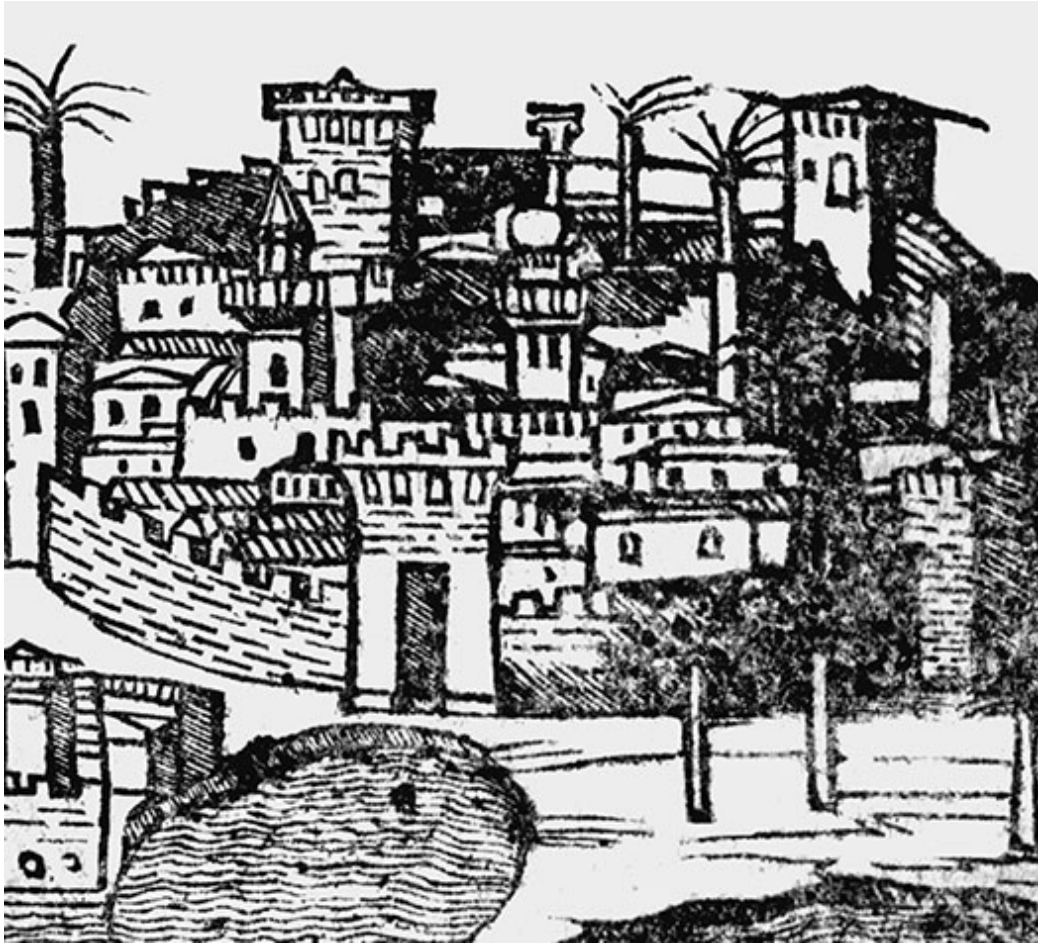
Арсений Суханов в Александрии и Каире

Причины, по которым Арсений Суханов отправился в далекое путешествие на Восток, были исключительно служебные: ему, чиновнику не слишком высокого ранга, но образованному и к тому же состоящему в монашеском звании, было поручено собрать сведения о положении греческой церкви на Востоке. Но, будучи человеком любознательным и наблюдательным, он вышел далеко за рамки этой задачи.

Суханов отправился в путь из Москвы в феврале 1651 г. Конечной целью путешественника был Египет. В дороге Суханов вел путевой дневник, из которого в конечном счете родился его «Проскинитарий» («Поклонник»), содержащий интересные заметки о городах, в которых он побывал, и их достопримечательностях, о нравах жителей и природных условиях.

Немало места в «Проскинитарии» уделено Египту, что неудивительно – в этой экзотической стране русские путешественники были большой редкостью. Суханов прибыл в Александрию в середине августа 1651 г. Древний город поразил его воображение. Хотя во времена Суханова бывшая столица Египта переживала не лучшие времена, повсюду еще были видны остатки прежнего великолепия. «Александрия, – пишет Суханов, – град пречудный; нет такого другого града, который бы, как он, был украшен; а ныне пуст... центр города весь пустой, палаты все обвалились».

Из древних памятников Александрии на Суханова наибольшее впечатление произвели знаменитые александрийские обелиски – так называемые «иглы Клеопатры». «Внутри града Александрии без числа много стоит колонн каменных высоких и средних, и мелких мраморных, из единого камня выточенных... и стоит столб дивный, из единого камня иссечен; четверогранный, в высоту сажен с двенадцать, а на нем письмена вырезаны кругом от низа и до верха, неведомо какие: сабли, луки, рыбы, головы человечьи, руки, ноги, топоры, а каких и не разобрать... А другой столб недалече от того, такой же слово в слово, качеством и количеством, только повалился, лежит на боку. Говорят, что эти два столба поставлены над гробом храброго воина царя Александра Македонского».

Александрия. Рисунок второй половины XVII в.

Не могла не поразить Суханова и колонна Помпея, которая и сейчас украшает Александрию. В «Проскинитарии» можно найти и ее подробное описание: «За городом на поле, от города сажен с 300 или больше, был некий двор великий; здание большое, палаты стоят дивны, иные целы, а иные развалились. Тут же стоит столб дивнее всех столбов, в высоту сажен 15; кругом как бы токарною работою выточен, из одного камня, порфиновый цветом, стоит как стопочка, не покривился никуда». Но, конечно, самое большое впечатление на путешественника произвели пирамиды – «фараоновы столпы, яко горы деланные».

Суханов с интересом наблюдал жизнь большого и многолюдного Каира, который он сравнивает с «Царьградом» – Константинополем. Не остался без внимания и могучий Нил, разлив которого путешественник

наблюдал в Розетте (на севере Египта). Путешествуя по Египту, Суханов не раз встречался с экзотическими представителями местного животного мира, вызывавшими у путешественника удивление и восхищение. В своем «Проскинитарии» Суханов оставил яркие зарисовки «струфокамила» – страуса – и «лютого зверя» крокодила.

В 1653 г. А. Суханов снова побывал на Востоке, на этот раз с целью приобретения книг. Из этой поездки он привез в Москву 498 рукописных и печатных книг. Интересно, что в конце жизни этот просвещенный путешественник управлял Печатным двором в Москве, служившим центром русского книгопечатания.

От Латвии до Гамбии

В XVII в. сравнительно небольшое Курляндское герцогство играло заметную роль в европейских делах. Герцог Якоб Кетлер (1642–1682) сумел создать значительный торговый и военный флот, из балтийских портов Виндава (Вентспилс) и Либавя (Лиепая) его корабли ходили во Францию, Испанию, Португалию, с начала 1640-х гг. – в Вест-Индию, а в 1652 г. достигли берегов Бразилии. Курляндский герцог стремился войти в круг ведущих европейских морских держав, и одним из важных шагов на этом пути стало организованное им плавание к берегам Гамбии с целью организации там колонии. Курляндия располагала для этой цели значительными ресурсами: в 1651 г. герцог Якоб Кетлер, по его собственным словам, был готов отправить на поиски новых земель 40 больших военных судов и 24 тысячи матросов и солдат. Для привлечения колонистов герцог опубликовал указ об освобождении от крепостной зависимости всех тех, кто пожелает отправиться за море.

Якоб Кетлер

25 октября 1651 г. экспедиция высадилась на побережье Гамбии. Вместе с солдатами и матросами в Африку прибыло немало ремесленников и крестьян. Колонисты построили форт на островке в устье реки Гамбия, купленном у местного вождя, а позднее территория колонии увеличилась за счет участков на материке. Между Вентспилсом и Гамбией начали регулярно ходить торговые суда. Колонисты нашли на территории Гамбии золотой песок, а в здешних реках – жемчуг. Предприятие обещало стать весьма прибыльным! Однако курляндская колония в Гамбии просуществовала недолго. Герцог Якоб Кетлер вступил в войну со Швецией, проиграл ее и в 1658 г. оказался в плену, где пробыл два года. За это время его африканские владения попали в руки английской Вест-Индской компании. Потом пришли французы, потом голландцы... Оттесненные на материк колонисты вооружили африканцев и с их помощью отвоевали свой форт, но в 1660 г. в устье Гамбии вновь появились

английские корабли, и на этом короткая история курляндской колонии в Гамбии завершилась. А развалины старого форта в устье Гамбии можно видеть до сих пор...

Армянские путешественники пересекают Африку

XIII–XVI вв. были для Эфиопии годами тяжелейших испытаний. Бесконечные мусульманские вторжения с севера поставили эту христианскую страну на грань гибели. Османская империя, распространившаяся почти до размеров бывшего Арабского халифата, присоединила к себе Египет, турки проникли на побережье Красного моря и заняли важнейший порт Массауа, через который осуществлялась связь Эфиопии с внешним миром. Только в XVII в. в истерзанной стране наступил относительный мир. В этот период расширились связи Эфиопии с христианским миром; особенно частыми гостями при дворе эфиопских императоров были армяне, приезжавшие сюда с самыми различными миссиями.

К временам правления императора Иясу I (1682–1704) относится необычное путешествие, совершенное двумя выходцами из Армении – архимандритом Аствацатуром и Аветиком Багдасарьяном, чтецом из Тигранакерта. Последний оставил записки с описанием этого странствия. Два армянских клирика, добравшись через мусульманские страны до Эфиопии, много путешествовали по стране, побывали в ее главных провинциях и в окраинных областях, а потом отправились в Восточный Судан, где в то время еще оставались островки христианского населения и действующие церкви. В своих записках Аветик Багдасарьян рассказывает о кочевых племенах Нубийской пустыни, о жизни и быте различных африканских народов, их внешнем виде, одежде, обычаях, религии, о городах и торговых путях. Аветик и Аствацатур пересекли Дарфур и вступили на территорию современной Республики Чад, куда европейцы проникли лишь в XIX в. Нельзя исключать, что армянские путешественники побывали на берегах озера Чад или, по крайней мере, получили какие-то сведения о нем.

Далее их путь лежал в пустынные области Западной Африки. Основываясь на прозвище архимандрита Аствацатура – Тымбук, или Томбук, – некоторые исследователи полагают, что путешественники сумели добраться до легендарного города Тимбукту, ставшего конечным пунктом их странствия. К сожалению, это предположение

бездоказательно, хотя и очень любопытно: ведь в те годы Тимбукту являлся закрытым городом, куда не могла ступить нога «иноверца»!

Вероятно, из Тимбукту Аствацатур и Аветик через Сахару направились в Марокко. Таким образом, они сумели пересечь Северную Африку от побережья Красного моря до Атлантического океана, побывав в местах, куда европейцы добрались только в XIX в. К сожалению, интереснейшие записки Аветика Багдасарьяна не получили заслуженного признания и на долгие годы остались забытыми.

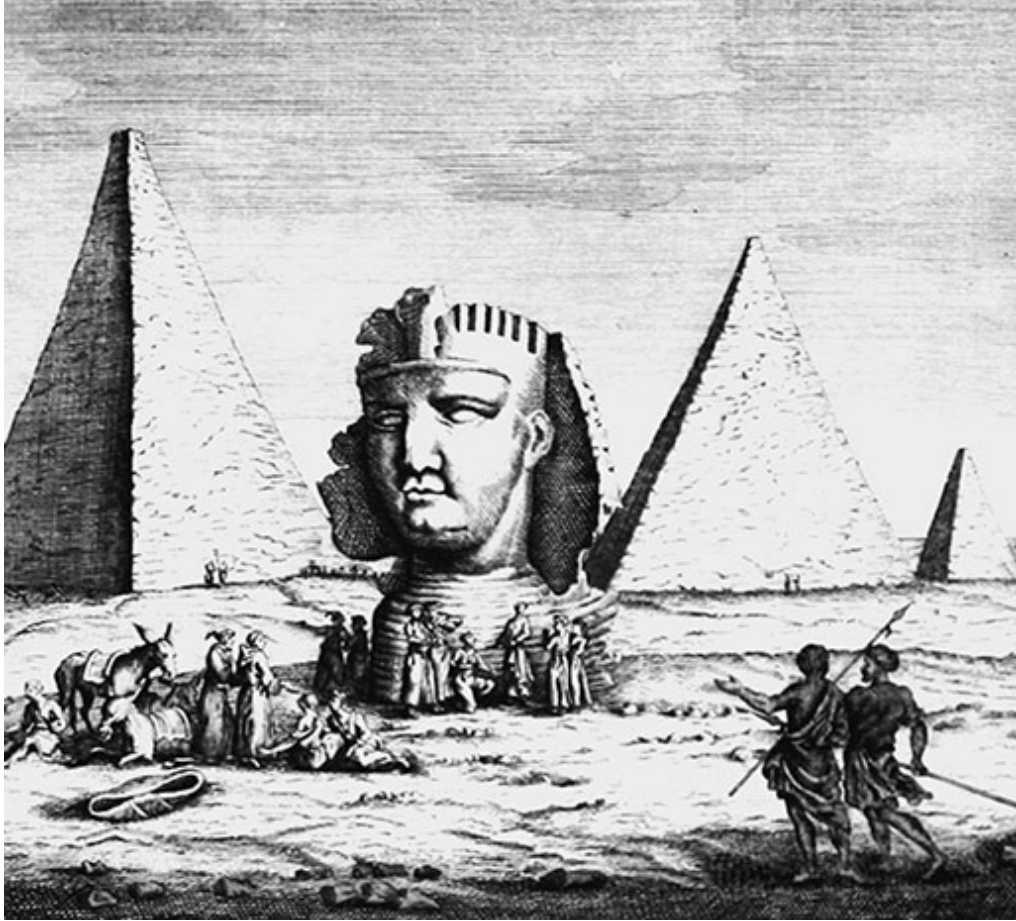
Василий Григорович-Барский в «граде Александрии»

Василий Григорович-Барский был сыном небогатого киевского торговца и не имел средств для далеких путешествий, но жажда увидеть чужие страны преодолела все препятствия. В юности Василий Барский учился в Киевской академии. В 1723 г. молодой студент отправляется в путешествие, которому суждено было продлиться четверть века! Желая продолжить образование за границей и повидать чужие страны, Барский через Закарпатье, Венгрию, Австрию, Словению пешком дошел до Италии, обошел всю эту страну, в Венеции изучал греческий язык. Он странствовал без денег, живя подаянием и останавливаясь на ночлег в богадельнях и гостиницах для паломников. В марте 1725 г. в Венеции Барскому удалось устроиться на корабль, который плыл в Грецию, а оттуда он попал на Ближний Восток. В течение 22 лет путешественник странствовал по Сирии, Палестине, Египту, затем в течение нескольких лет в Ливане продолжил занятия литературным греческим языком, а на Кипре уже сам преподавал латинский язык. В Антиохии Барский стал монахом, потом жил в Константинополе и вернулся в Украину через Болгарию и Румынию. За время скитаний путешественнику довелось пережить морские штормы и землетрясение, в Палестине его дважды ограбили до нитки; случалось, что он целыми днями голодал и не имел крова над головой. Все это не мешало ему, однако, тщательно записывать свои наблюдения и впечатления.

Зная греческий, латинский, арабский, а также – до известной степени – итальянский и турецкий языки, Барский свободно общался с местным населением, получая сведения, которые не могли собрать другие путешественники. Примкнув к каравану мусульманских паломников, он посетил знаменитую мечеть Омейядов в Дамаске, в ту пору закрытую для европейцев. В Египте Барский видел и описал обелиск Клеопатры и колонну Помпея. Наибольшее впечатление на него произвели загадочные колоссальные сооружения Баальбека в Ливане: циклопический храм и терраса из гигантских каменных плит. Василий Барский подробно описывает Нижний Египет, несколько раз

упоминает в своих записках Абиссинию, хотя до Эфиопии он, судя по всему, не добрался. Впрочем, слово «эфиопы» не сходит с его уст, но так он называет арабов-бедуинов.

В Египет Григорович-Барский впервые попал морским путем в июле 1727 г. После кратковременного пребывания в Абукире и Рашиде он отправился в Каир, где прожил более 8 месяцев. Среди его записей можно обнаружить много интересных сведений о достопримечательностях Каира, его улицах и базарах, о Ниле. Разумеется, он с восторгом пишет о «рукотворных горах» – пирамидах. В 1730 г. Барский снова попадает в Египет, и на этот раз задерживается в Александрии «ради видения достойных в ней вещей ветхих». В его путевых записках есть даже особая глава «О граде Александрии», в которой содержится подробнейшее описание древнего города и его памятников. Особенно поразили путешественника иероглифические знаки, вырезанные на поверхности александрийских обелисков. Сравнивая их с письменами других народов, он указывает, что они не похожи ни на еврейские, ни на греческие, ни на латинские буквы. Его воспроизведение некоторых знаков на одной из сторон обелиска настолько точно, что современные египтологи могут эту надпись прочитать.

Таким предстал Египет Василию Григоровичу-Барскому

В 1747 г. путешественник вернулся в Киев, но прожил в родном городе всего лишь один месяц: он умер, так и не успев вступить в должность преподавателя греческого языка в Киевской академии. Барский подробно описал свои путешествия в книге под названием «Пешеходца Василия Григоровича-Барского-Плаки-Албова, уроженца Киевского, монаха антиохийского, путешествие к святым местам, в Европе, Азии и Африке находящимся, предпринятое в 1723 и оконченное в 1747 году, им самим писанное». Эта книга была издана в 1778 г. по распоряжению князя Г.А. Потемкина-Таврического и к 1819 г. выдержала шесть изданий.

Петер Кольб в стране готтентотов

В первой половине XVII в. голландцы, освоившие морской маршрут в Индию вокруг южной оконечности Африки, предприняли попытку надежно закрепиться в районе мыса Доброй Надежды, что сулило немалые выгоды. Голландские переселенцы обосновались у Столовой бухты и в 1652 г. заложили здесь поселение, из которого в дальнейшем вырос город Капстад (Кейптаун), ставшей базой не только для кораблей, совершавших далекий рейс из Европы в Индию, но и для экспедиций, отправлявшихся в глубь Черного континента.

В 1705 году в Капстад прибыл немецкий ученый Петер Кольб, поступивший на службу в голландскую Ост-Индскую компанию. Он стал одним из первых исследователей Южной Африки. Совершая на протяжении шести лет одно за другим путешествия в глубинные районы страны, он изучил и описал жизнь и быт скотоводческого народа нама (готтентоты), живших на большой территории от Капской колонии до реки Грейт-Кей на восточном побережье. Стада коров и овец служили им для того, чтобы обеспечивать себя молочными продуктами; мясо для пропитания добывалось охотой. Готтентоты плавил руду и изготавливали оружие. Они использовали труд рабов, захваченных в плен во время многочисленных войн. Их дома, похожие на пчелиные ульи, сооружались по периметру круглой площади, куда с наступлением темноты загоняли скот. Голландцы называли эти поселения краалями.

Воин племени готтентотов

Кольб первым составил словарь языка нама. Некоторые авторы позже критиковали его за откровенную склонность к пересказу легендарных сведений, но не могли умалить несомненные достижения путешественника. Особенно ценны гравюры, приведенные в книге Кольба. Они на удивление достоверны – например, среди них можно было впервые увидеть точное изображение африканского носорога (раньше в сценах из африканской жизни обычно изображали индийских носорогов).

В поисках «длинноволосых людей»

До середины XVIII в. поисковые партии исследовали все приморские области Южной Африки. Идти же на север отваживались немногие: здесь простиралось жаркое полупустынное плато, где лишь изредка можно было встретить бродячих охотников-бушменов. Только в 1682–1683 гг. шведский путешественник Олаф Берг предпринял две экспедиции на север. Его целью были загадочные «Медные горы», по слухам, сказочно богатые медью. Поиски Берга окончились неудачей – чем дальше экспедиция пробиралась к северу, тем более бесплодной становилась местность...

Без малого 100 лет больше никто не отваживался пробиться на север. Лишь в 1760 г. фермер и охотник Якоб Кутзе вновь попытался сделать это. Отправившись от мыса Доброй Надежды на север, он с большими трудностями пересек засушливое пустынное плато, известное под названием Малый Намакваленд, и первым из европейцев добрался до большой реки, о существовании которой никто не подозревал. Кутзе так и назвал ее – Большая река, хотя сегодня она известна нам под названием Оранжевая. Кутзе прошел вдоль ее русла около 80 километров, потом переправился через реку и первым из европейцев оказался на территории Намибии. Здесь он повстречал готтентотов. Африканцы рассказали путешественнику о том, что в шести днях пути к северу отсюда живут странные длинноволосые люди, носящие льняные одежды...

Рассказ Кутзе об этом приключении возбудил живейший интерес у властей Капской колонии, и в середине августа 1761 г. на поиски загадочных людей отправилась большая экспедиция во главе с правительственным комиссаром Хендриком Хопом. Кутзе был включен в ее состав в качестве проводника. Добравшись к октябрю до реки Оранжевой, путешественники переправились через нее и оказались на обширном и пустынном плато Большой Намакваленд. Дойдя до северной оконечности гор Карасберг и даже перевалив через них, путешественники повернули назад: дальше на севере лежала совершенно иссушенная страна с пересохшими реками. Никаких следов «длинноволосых людей» не было и в помине. В апреле 1762 г. экспедиция вернулась к мысу Доброй Надежды.

Андреас Спаррман: жизнь среди бушменов

Шведский натуралист Андреас Спаррман, до этого уже путешествовавший по Восточной Азии, приехал в Южную Африку в середине 1760-х гг., заинтересовавшись сведениями о здешних народах – готтентотах и бушменах, – облик и быт которых заметно отличались от других африканских племен. Особенно интересовали Спаррмана бушмены, представлявшие собой реликт древних обитателей Африки. Благодаря путешествию Спаррмана во внутренние районы Южной Африки наука получила первую обширную информацию о бушменах.

Когда Спаррман приехал в Капскую колонию, голландские поселенцы видели в бушменах только похитителей скота и отстреливали их, словно зайцев, распространяя о них рассказы как о тупоумном и свирепом народе. «Между тем ни готтентоты, ни эти бушмены, ни оседлые племена не расположены к насилию», – был убежден Спаррман. Описывая бедную материальную культуру этого народа, шведский ученый не скрывал своего сочувствия: «В состоянии дикости бушмены, без сомнения, пребывают длительное время; в этом состоянии они, видимо, существовали всегда, как и другие дикие племена... Но такое их нынешнее плачевное положение существует с того времени, как европейцы присвоили себе право на эту часть света и устроили здесь охоту за рабами».

Андреас Спаррман

Бушмены вели совершенно первобытную жизнь, занимались охотой и собирательством, кочуя группами от 50 до 150 человек. Во время сухого сезона они разделялись на отдельные семьи. Кроме копий, метательных булав, луков и стрел с каменными или металлическими (как правило, отравленными) наконечниками, выменянными у готтентотов или банту, у них почти не было другого оружия или домашнего скарба. Несколько корзин, мешков из шкур, а также страусиные яйца, используемые для хранения питьевой воды, составляли почти все их имущество на временных стоянках, которые они защищали от ветра сплетенными ветками. При этом духовная культура бушменов стояла на несколько порядков выше материальной: их наскальные рисунки, их ярко выраженная любовь к музыке и чарующие сказки и легенды говорят о необычном мышлении и воображении этого народа. То, что люди, существование которых почти исключительно определялось длившейся сутками охотой или

утомительными поисками клубней и корней, имеют такую всеохватывающую склонность к искусству, приоткрывает одну из тайн появления на свет современного человека.

Путешествие Спармана в Южной Африке не было долгим: в 1768 г. участники экспедиции Дж. Кука, отправившейся в кругосветное плавание, встретили шведского ученого в Кейптауне и уговорили его принять участие в плавании. Так закончилось его пребывание в Капской области, которое обогатило не только ботанику и зоологию, но и этнографию.

Романтическое путешествие Джеймса Брюса в Эфиопию

За восемь лет (1762–1769 гг.) шотландец Джеймс Брюс объездил все южные страны Средиземноморья и прибрежные области Красного моря. В 1769 г. он рискнул отправиться в еще более дальнее и трудное путешествие на поиски истоков Нила. Через порт Массауа, расположенный на побережье Красного моря, он углубился во внутренние районы Абиссинии и вскоре добрался до Гондэра. Этот город, основанный в 1635 г. императором Фасилидасом, являлся столицей Эфиопии на протяжении 250 лет (до 1886 г.). Место для закладки Гондэра было выбрано чрезвычайно удачно на вершине горного хребта, защищающего подступы к городу со всех направлений. Территория императорской резиденции со всеми постройками занимала около 10 тысяч квадратных метров. Во всем ансамбле особенно выделялся знаменитый дворец императрицы Мынтывваб, построенный в 1730-х гг. Три года (1769–1771 гг.) Брюс прожил в этом дворце, совершая экспедиции в совершенно неисследованные области Абиссинского нагорья. Во время этих походов Брюс открыл озеро Тана (1770 г.) – исток Голубого Нила, который путешественник считал главным рукавом Большого Нила. Пребывание Брюса в Гондэре оказалось связано с романтической историей любви шотландского путешественника и прекрасной Эсфирь, жены могущественного Михаэля Сыхуля, тогдашнего фактического правителя Эфиопии. Михаэль Сыхуль был великим воином, никогда не знавшим поражения в бою, и Брюс чудом избежал смерти от его рук. В 1772 г. путешественник через Нубию благополучно возвратился в Европу, и его книга «Путешествия для открытия истоков Нила в 1768–1773 гг.» произвела много шума в научном мире. Современники считали ее малодостоверной, однако она содержала такой обширный материал, что Брюс по праву может быть признан первым исследователем Эфиопии.

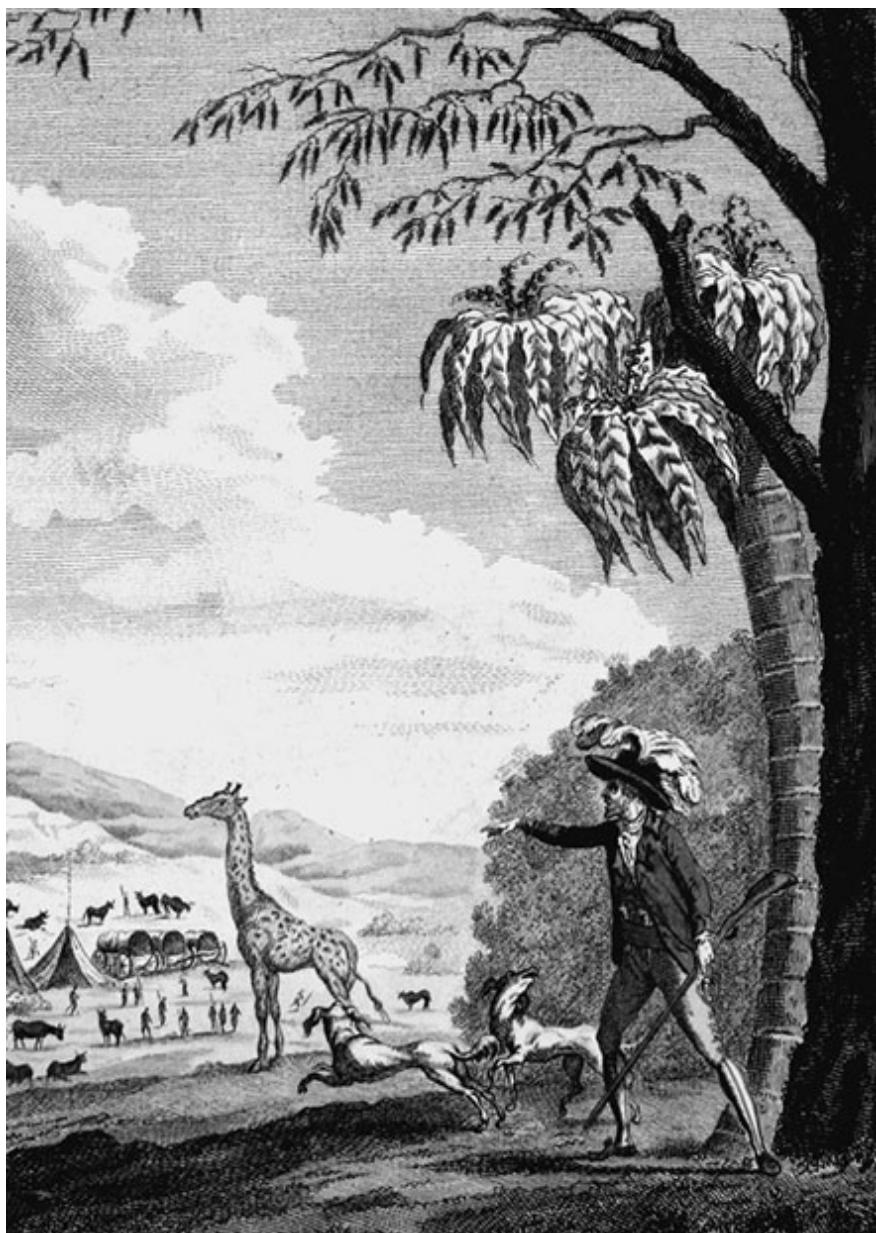
Джеймс Брюс

За птицами

Франсуа Левайяна с молодых лет увлекала орнитология. Стремясь обогатить науку новыми сногшибательными открытиями, он обратил свой взор к Африке. На этот континенте еще ни разу не побывал ни один специалист-орнитолог, так почему бы ему не стать первым?

29 марта 1781 г. Левайян высадился на африканский берег близ мыса Доброй Надежды. Он еще не очень ясно представлял себе маршрут будущего путешествия, но понимал, что должен держаться вдали от селений и дорог, забираться в самую глушь, так как только там сможет встретить новые виды птиц, не известные ученым.

18 декабря 1781 г. Левайян в сопровождении пяти африканцев-готтентотов отправился в свое первое путешествие. Он шел на восток, держась на некотором расстоянии от моря. Сделав недолгую остановку на берегах реки Дуйвен-Хок, Левайян добрался до земель, населенных народом хуани: это название на языке готтентотов означает: «человек, переполненный медом». На каждом шагу здесь можно было видеть рои пчел. Путешественник и его спутники шагали по сплошному ковру цветов, воздух был напоен их ароматом. Однако весь этот район до самого моря был уже заселен колонистами; они разводили скот, делали масло, рубили строевой лес и собирали мед, доставляемый ими в Кейптаун.

Фронтиспис одной из оригинальных работ Франсуа Леваяйна

Миновав последний пост Ост-Индской компании, Леваяйн стал лагерем в местности, оказавшейся настоящим птичьим раем: здесь тысячами летали турако и другие редкие птицы. Однако вскоре начались проливные дожди. Они очень мешали охоте и чуть не поставили путешественников перед угрозой голодной смерти. Леваяйн отправился в обратный путь. Со многими приключениями он миновал Снежные горы, равнины Карру, берега Буйволово́й реки и 2 апреля 1783 г. вернулся в Кейптаун. Его первое путешествие оказалось

настолько успешным, что Левайян решил организовать второе и 15 июня 1783 г. вновь отправился в путь...

В результате двух путешествий по Южной Африке Левайяну удалось исследовать огромную территорию между тропиком Козерога и юго-восточным побережьем Африки и собрать обширную коллекцию чучел редких птиц; кроме того, Левайян прославился тем, что привез в Европу первого жирафа.

Фридрих Хорнеман в стране пустынь

В 1796 г. немецкий ученый Фридрих Конрад Хорнеман, поступивший на службу в Британское Африканское общество, получил задание отправиться в путешествие, чтобы установить, существует ли связь между Нилом и Нигером. Это была очень трудная и опасная задача. Хорнеман решил, что безопаснее всего будет путешествовать, переодевшись мусульманским купцом. В качестве переводчика он взял с собой своего соотечественника Иосифа Фрейденбурга, который за несколько лет до этого принял ислам, совершил три паломничества в Мекку и свободно говорил на нескольких диалектах турецкого и арабского языков.

5 сентября 1798 г. путешественник покинул Каир с купеческим караваном, направлявшимся в оазис Сива, расположенный в пустыне к западу от Каира. В древности здесь находился знаменитый храм с оракулом Юпитера Амона. Проведя в Сиве около недели, Хорнеман 29 сентября направился дальше – в оазис Шиаху. Здесь местные жители, заподозрив в Хорнемане европейца и христианина, обвинили его в том, что он проник в их страну в качестве шпиона. Путешественника повели на допрос. Хорнеман спасся только благодаря захваченному с собой Корану, который принялся без запинки читать перед своими судьями.

Спустя месяц караван, миновав города Ауджила и Зуила, вступил на территорию области Феццан. 17 ноября путешественники прибыли в оазис Мурзук, столицу Феццана. Отсюда Хорнеман отправил в Лондон обширное донесение с описанием своих приключений и упоминанием о том, что он собирается еще раз побывать в Феццане и прислать новые сведения об этой области. О дальнейшей судьбе экспедиции известно очень мало. Спутник Хорнемана, Фрейденбург, умер в Мурзуке. Сам Хорнеман заболел лихорадкой и был вынужден пробыть в Мурзуке гораздо дольше, чем рассчитывал. Едва оправившись от болезни, он добрался до Триполи. 1 декабря 1799 г. Хорнеман снова направился в Мурзук, откуда 7 апреля 1800 г. ушел с караваном на юг, в область Борну, лежащую к западу от озера Чад. Из этого путешествия он не вернулся. Позднее было установлено, что путешественник все же достиг среднего Нигера, однако вскоре умер от дизентерии. Возможно,

Хорнеман первым из европейцев достиг озера Чад, но никаких доказательств этому не сохранилось.

«Бедный белый человек...»

В начале 1790-х гг. Лондонское Африканское общество подыскивало кандидата, желающего отправиться на поиски истоков Нигера. Предприятие обещало быть опасным – незадолго до этого майор Хаутон был убит на Нигере дикими племенами. И тогда было решено принять предложение молодого шотландского врача Мунго Парка, сообщившего о своем желании отправиться в Африку...

22 мая 1795 г. Парк отплыл из Портсмута. 21 июня судно бросило якорь у побережья Гамбии, а 2 декабря 1795 г. Парк отправился в свой первый поход. 18 февраля экспедиция достигла деревни Симбинга, лежавшей в глубоком ущелье. Отсюда покойный майор Хаутон отправил свое последнее письмо. Весь край был охвачен войной и мятежом. Но Парк твердо придерживался избранного маршрута – собственно, другого выбора у него и не было, дорога назад была отрезана. 27 февраля, в самый разгар военных действий, Парк отправился в путь. Злоключения начались практически сразу – в деревню, где путники остановились на ночлег, ворвались вооруженные мавры... Парк оказался в плену. Об этом он впоследствии вспоминал с ужасом и говорил, что «никогда не переживал в своей жизни более тяжелых дней».

День проходил за днем, а Парк ничего не знал о своей дальнейшей судьбе. До него доходили слухи, что его хотят убить или выколоть ему глаза. Кормили пленника плохо. Парк очень ослабел от голода и лихорадки. Между тем война продолжалась и уже вплотную приблизилась к границам владений мавров. Не желая испытывать судьбу, хозяева Парка двинулись на север. Кругом простиралась песчаная пустыня. 27 июня, когда их путь уже был близок к завершению, пришло известие о том, что противник где-то рядом. Воспользовавшись начавшейся паникой, Парк бежал. Спустя неделю он добрался до небольшого селения, жители которого предоставили ему кров.

За всеми этими бурными событиями Парк не забывал о главной цели своего путешествия – Нигере. Он знал, что река уже недалеко. Наконец-то Парк оказался так близко к цели путешествия! Дороги были забиты пешеходами, спешившими со своими товарами на рынок в

город Сегу – столицу страны Бамбара. Приближаясь к городу, Парк озирался во все стороны, ища взором реку. Вдруг кто-то воскликнул: «Смотри, вода!» Это был Нигер.

То, что река течет на восток, не удивило путешественника. Хотя, отправляясь из Европы, он не был в этом уверен и, как большинство тогдашних ученых, даже был склонен придерживаться противоположного мнения. Однако во время странствий по Африке у него сложилось ясное понимание того, что река все-таки течет на восток. Так, благодаря мужеству шотландского путешественника была решена загадка великой западноафриканской реки.

Парк выяснил не только это. Он убедился также в том, что ни Сенегал, ни Гамбия не соединяются с Нигером и что, следовательно, не в этих районах надо искать его истоки.

Портрет Мунго Парка

Манса – правитель страны Бамбара – не спешил принимать неизвестно откуда взявшегося чужестранца, и путешественника приютила одна старая женщина. У нее часто собирались родственницы и соседки; они пряли хлопок и пели. Парк с удивлением услышал в одной из песен рассказ о себе самом:

Ветры дули, дожди лили,
Бедный белый человек,
Слабый и изможденный,
Пришел и сел под наше дерево.

У него нет матери, которая принесла бы ему молока,
Нет жены, которая смолола бы зерна.

«Давайте пожалеем белого человека, – подхватил хор. – Давайте пожалеем белого человека, у которого нет матери, которая принесла бы ему молока!»

Странное желание европейского путешественника увидеть Нигер вызывало подозрения. В окружении мансы все были убеждены, что Парк послан британским правительством для сбора информации, которая позволит англичанам забрать в свои руки всю торговлю в Западном Судане. Однако Парку было позволено продолжать путешествие. У местного жителя он достал лодку и в течение восьми дней плыл на восток, голодный и больной. Между тем наступил разгар сезона дождей, река вздулась и затопила низкие берега. 30 июля 1796 г. путешественник решил повернуть обратно. 19 апреля 1797 г., после двухлетнего отсутствия, Парк прибыл на побережье Гамбии, где его с радостью встретили друзья: о судьбе путешественника ходили самые противоречивые слухи. Говорили, что Парк убит маврами.

Камалия – деревня близ реки Нигер, которую достиг Мунго Парк

Значение первого путешествия Мунго Парка трудно переоценить. Один, без помощников, практически без средств, Парк проник в глубь Западной Африки на 1100 миль и побывал в местах, куда еще не ступал и, уж во всяком случае, откуда не возвращался до него ни один европеец. Он впервые побывал на Нигере, установил направление его течения, обследовал берега реки на протяжении 1090 миль и доказал, что Нигер – отдельная река, несущая свои воды с запада на восток, как и утверждали древние географы, а не с востока на запад, как считал ал-Идриси. Это было крупное географическое открытие. Однако Парк не ответил на другой вопрос: куда впадает Нигер? Его открытие как будто бы воскрешало утверждения географов древности о слиянии Нигера и Нила. Действительно, если воды Нигера текут с запада на восток, не могут ли они где-то в не исследованных еще центральных областях Африки сливаться с водами Нила?

Парк обратился к Африканскому обществу с предложением продолжить исследование Нигера. Его предложение было принято. Эта вторая экспедиция стоила отважному путешественнику жизни: в ноябре 1806 г. он трагически погиб.

Смерть на озере Мофо

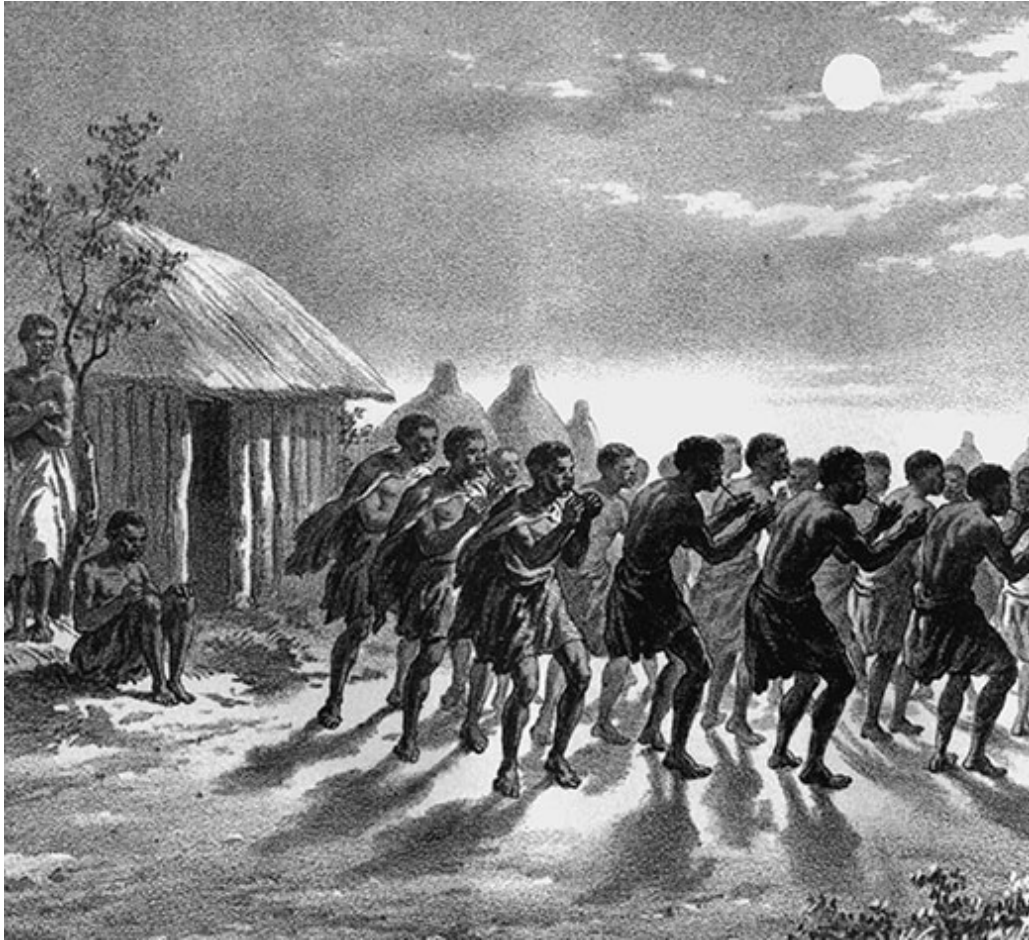
В 1798 г. португальский топограф Франсишку Ласерда отправился с побережья Мозамбика в глубь континента. Цель его путешествия неизвестна; возможно, он просто намеревался исследовать новые края. Ласерду сопровождал довольно внушительный отряд солдат и носильщиков, но цели экспедиции были все же мирные. Первой остановкой на пути Ласерды стал город Лунда в стране Казембе. Этот город располагался на восточном берегу некоего озера под названием Мофо. Правитель Казембе славился своим миролюбием, гуманностью и мудростью. Воспользовавшись гостеприимством правителя, Ласерда пробыл у него около 12 дней, а затем решил продолжить путешествие. Однако через день или два по выходе из Лунды он умер – вероятно, под воздействием нездорового климата. Африканский вождь собрал дневники и прочие бумаги португальского путешественника и приказал доставить их вместе с его останками на Мозамбикское побережье. Но в пути на караван было совершено нападение, и тело Ласерды так и осталось лежать в африканской земле. Что касается путевых записей, то его племянник, принимавший участие в экспедиции, привез их в Европу. Эти записки не изданы до сих пор, а между тем подлинный рассказ об экспедиции Ласерды, прошедшей по местам, которых европейцы вновь достигли лишь во второй половине XIX в., представлял бы чрезвычайно большой интерес, поскольку многие географические названия в рассказе Ласерды не совпадают с теми, какие известны теперь в тех краях, и заставляют задуматься о том, как далеко забрел в своих странствиях португальский путешественник.

Барельеф памятника, посвященного Франсишку Ласерде. Азорские острова, Португалия

Генрих Лихтенштейн, друг бечуанов

Немецкий этнограф, врач и путешественник Генрих Лихтенштейн вошел в историю как основатель Берлинского зоопарка, однако не менее прославился он и своими походами по Южной Африке. В 1802 г. Лихтенштейн приехал в Кейптаун. Некоторое время он служил домашним врачом губернатора Капской колонии, а в 1804 г. переквалифицировался в военного врача. До 1806 г. в Южной Африке шла война между бурами (потомками голландских переселенцев) и англичанами, однако для коренных жителей этих мест – бушменов, готтентотов, кафров и бечуанов (тсвана) это событие мало что означало: просто власть одних белых людей сменялась на власть других. Во время своих походов Лихтенштейн с большим интересом изучал быт африканцев. Он имел возможность с близкого расстояния наблюдать жизнь бечуанов, обитавших в больших поселках, окруженных ухоженными полями, и владевшими большими стадами крупного рогатого скота: «Их главное занятие – скотоводство. Уход за скотом здесь занятие исключительно мужское; молоко, сыворотка и сыр – любимая пища... Наряду с крупным рогатым скотом особое предпочтение отдается козам; они употребляют в пищу молоко и мясо козлят, но в первую очередь это животное ценится ими из-за шкуры, из которой они делают очень хорошую кожу. Их поля хорошо обработаны и тщательно огорожены, на них, помимо кафрского проса, растут еще два сорта бобовых, тыквы и арбузы. Земледелие – занятие женщин. Их орудия труда – железные мотыги и лопаты из твердого дерева; урожай заботливо собирается и хранится для пропитания в холодное время года... Меня охватило глубокое чувство радости, что судьба позволила мне раньше многих других познакомиться с этими особенными людьми, народом более чем необразованным, чье бытие так долго было чуждо любым наукам и которых я с каждым часом все больше любил и все выше ценил».

Мужчины племени бечуанов в танце

Когда британские войска в 1806 г. окончательно завоевали Капскую колонию, Лихтенштейн покинул Южную Африку.

У порогов Конго

Диогу Кан, обнаруживший в 1485 г. устье великой африканской реки Конго, вряд ли подозревал, что его открытие долгие века не получит никакого дальнейшего развития. Несмотря на то что в устье Конго со временем появилось несколько европейских факторий, никто из путешественников не отваживался углубиться по этой реке во внутренние области Черного континента. Во многом благодаря этому вплоть до конца XVIII в. сохранялось заблуждение, что Конго – это нижнее течение Нигера. В 1793 г. британский моряк Джордж Максвелл выдвинул проект исследования Конго на речных судах, которые предлагал перетащить посуху в обход водопадов и порогов, образующих непреодолимое препятствие для судоходства в 150 километрах от устья реки. Этот проект привлек внимание британского Адмиралтейства, но только в 1815 г. на берега Конго отправилась большая исследовательская экспедиция под руководством капитана Джеймса Такки.

В начале июля 1816 г. экспедиционные суда – «Конго» и «Доротей» вошли в устье Конго. Поднявшись по реке до первых порогов, Такки во главе небольшого отряда двинулся вверх течению – пешком, а там, где возможно, – на небольших пирогах. Несколько дней путешественники пробирались вдоль сплошного каскада порогов и водопадов, в общей сложности пройдя около 260 километров от устья реки. Встреченные по пути туземцы сообщили: пороги заканчиваются в 10 днях пути, и далее река разделяется на два рукава, огибая большой остров; еще же выше, в 20 днях плавания от этого острова, она вытекает многочисленными потоками из «большого болота или озера грязи».

Такки горел желанием идти дальше, но негры-носильщики, сопровождавшие отряд, категорически отказались продолжать путь. Впрочем, силы всех участников похода, оказавшегося непредвиденно трудным, были на исходе. Больные и измученные, Такки и его спутники вернулись к своим кораблям, а 4 октября 1816 г. отважный первопроходец Конго скончался. Причиной его смерти, как и гибели многих других членов экспедиции, вероятнее всего, стала желтая лихорадка.

Английскому путешественнику удалось проследить лишь небольшой участок нижнего течения великой африканской реки. Тем не менее экспедиция Такки доставила первые научные сведения о рельефе, гидрографии, геологическом строении и растительном мире области Нижнего Конго и позволила сделать верный вывод о том, что бассейн Конго располагается по обе стороны экватора.

Барон Брамбеус в Нубии

Осип Сенковский был известен читающей русской публике первой половины XIX в. под псевдонимами Барон Брамбеус, турецкий критик Тютюнджи-оглу и другими, печатаясь в «Библиотеке для чтения», «Полярной звезде» и других столичных изданиях. Мало кто знал, что этот публицист и беллетрист одновременно является ученым-востоковедом, знатоком 20 восточных и европейских языков и профессором Петербургского университета. Еще в 1818 г. 18-летним юношей Сенковский отправился в длительное путешествие в Турцию, Грецию и Ливан. Три года молодой путешественник провел в Египте, изучая арабский и коптский языки (позже он был признан лучшим русским арабистом того времени), а весной 1821 г. в сопровождении слуги-мальтийца отправился на юг, в Нубию. И Сенковский, и его слуга были одеты по-восточному и говорили между собой по-арабски, маскируясь под мусульман. Поднимаясь вверх по Нилу, путешественник старался не пропустить ни одного памятника древности, которыми так изобилует долина великой африканской реки. Большой интерес вызывал у него и повседневный быт современных жителей Нубии:

«Молодые люди и все вообще мужчины ходят нагие и носят только передники из белого полотна, связываемые шнурком на спине... Черты лица нубийцев довольно правильны; они весьма отличаются от поколения негров, хотя многие из них похожи на обезьян. Среди народа, не употребляющего одежду, люди получают новые понятия о красоте человеческого тела... Нубиец принимает без всякого намерения во всех своих движениях и положениях тела вид величавости и благородства самой природы, которых и лучшие наших художники едва могут постигнуть».

Осип Сенковский

Трудно сказать, как далеко на юг прошел Сенковский; принято считать, что крайней точкой его путешествия стала область Дар-Махас в Северной Нубии. Свои записки об экспедиции в Судан он озаглавил как «Отрывки из путешествий по Египту, Нубии и Верхней Эфиопии». Под Верхней Эфиопией, возможно, подразумевался район Хартума. Напечатанные в 1822 г. на французском и русском языках записки Сенковского имели большое научное значение. Русские читатели впервые познакомились с почти совершенно неизвестным им Суданом, его природой и обитателями. Позднее в знаменитом журнале Сенковского «Библиотека для чтения» появилась его «Нубийская повесть Эксамбул», в которой нашли отражение путевые впечатления писателя.

Трудный путь к Нигеру

В 1822 г. шотландец Хью Клаппертон по поручению Британского Африканского общества отправился во внутренние области Западной Африки. Перед ним стояла задача, которую так и не сумели разрешить его предшественники: определить правильное направление течения реки Нигер. Вместе с Клаппертоном шли еще два британских исследователя: Диксон Денем и Уолтер Аудни.

Хью Клаппертон

Маленький отряд выступил из Триполи и, идя на юг древними караванными тропами, пересек Центральную Сахару. В начале февраля 1823 г., пройдя более 2000 километров, путешественники увидели великое озеро Чад. Осмотрев его западное побережье, они убедились,

что даже самая значительная из впадающих в озеро рек слишком маловодна, чтобы являться нижним течением Нигера.

На берегу Чада экспедиция разделилась. Денем продолжил исследование озера и открыл впадающую в него с юга большую реку Шари. Клаппертон и Аудни 14 декабря 1823 г. отправились дальше на запад. В пути Аудни заболел и скончался. Клаппертону пришлось в одиночку продолжать путешествие. 20 января 1824 г. он вошел в большой город Кано, место пересечения торговых путей в стране народа хауса (север современной Нигерии). Отсюда путешественник двинулся на юг и вскоре близ города Сокото достиг желанной цели – Нигера. Клаппертон установил, что Нигер не течет постоянно на восток, а сперва поворачивает на юго-восток, а затем устремляется на юг. По всей видимости, великая река впадала в Гвинейский залив где-то у Лагоса – так, по крайней мере, полагал Клаппертон. 3 мая путешественник отправился в обратный путь и 8 июля добрался до городка Кукава близ озера Чад, где его уже ждал Денем. В 1824 г. оба путешественника через Сахару вернулись в Триполи. Они стали первыми европейцами нового времени, пересекшими Сахару и своими глазами увидевшими озеро Чад. Путешественники не только подтвердили факт существования большого озера к югу от великой пустыни, но и определили его географические координаты.

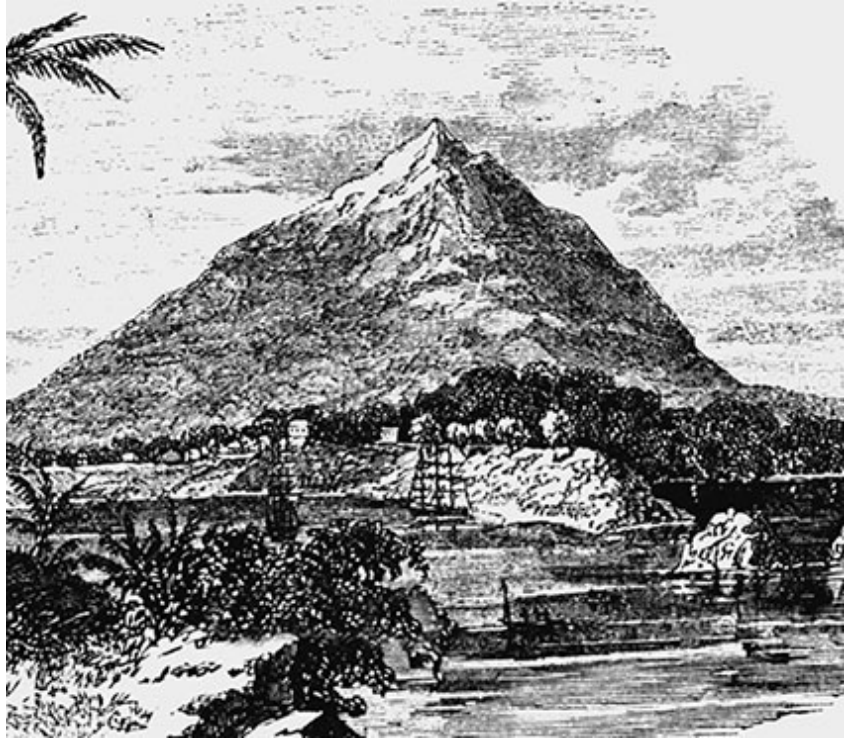
Спустя год Клаппертон отправился в свое второе путешествие. Ему не терпелось проверить свою теорию о том, что устье Нигера следует искать на побережье Гвинейского залива. 26 ноября 1825 г. экспедиция Клаппертонна высадилась на Невольничьем берегу в районе Лагоса. Путешественники добрались до реки Бенин и углубилась во внутренние области континента. Идя то по речным путям, то по сухопутным, Клаппертон добрался до уже знакомого ему города Сокото, но на этот раз – с юга. Таким образом, путешественник связал свой новый маршрут, начавшийся от берегов Гвинейского залива, с предыдущим, проложенным со стороны Средиземного моря. Клаппертон сумел не только пересечь всю Западную Африку, но и исследовать большую часть реки Нигер в его среднем течении, чего ранее не удавалось ни одному исследователю. Однако известить о своих открытиях научный мир Европы путешественник не успел: 11 апреля 1827 г. близ Сокото он скончался от тяжелой болезни. Записки

Клаппертона доставил в Европу в 1828 г. его слуга и помощник Ричард Лендер.

Цена открытия – жизнь

Клаппертон не поставил точку в разрешении проблемы Нигера: он не успел проследить нижнее течение этой реки до устья. Лондонское географическое общество назначило специальную премию тому, кто разгадает последнюю загадку Нигера. Человеком, взявшимся за это непростое дело, стал Ричард Лендер, бывший слуга и спутник Клаппертона. Человек без серьезного образования, он был талантливым самоучкой: в 1829–1830 гг. вышла в свет его двухтомная работа «Материалы последней африканской экспедиции Клаппертона», в которой бывший слуга проявил себя как незаурядный ученый-исследователь. Так что именно ему, продолжателю дела Клаппертона, было поручено возглавить новую экспедицию на Нигер.

Со своим братом Джоном в марте 1830 г. Лендер высадился на Невольничьем берегу и направился к среднему Нигеру. 17 июня путешественники увидели город Бусу. Оказалось, что он стоит на суше, а не на острове посреди Нигера, как это утверждал Клаппертон. Отсюда путешественники прошли берегом реки, минуя порожистый участок, а затем погрузились в лодку и отправились вниз по Нигеру. Великая река несла свои воды сперва на восток, но потом повернула на юго-восток. Течение было таким быстрым, что лодка двигалась со скоростью 4–5 миль в час. Ширина Нигера все время колебалась, то сужаясь до 2 миль, то расширяясь почти вчетверо – до 8 миль и более. Миновав 8-ю параллель (с. ш.), путешественники увидели слева полноводный поток, впадающий в Нигер. Это была река Бенуэ, о которой до этого не знал ни один европеец. Лендер, разумеется, не мог предполагать, что эта река является крупнейшим притоком Нигера, но его заинтересовало направление ее течения: Бенуэ текла с востока... Не связана ли она с Нилом? Путешественники не смогли определить, как далеко расположены ее истоки (что неудивительно: протяженность Бенуэ составляет 1300 километров!), однако Лендер все же сделал правильный вывод: эта река не связана с Нилом. Забегая вперед, скажем, что в Европе ему не поверили, и безуспешные поиски места слияния Бенуэ с Нилом продолжались еще много лет.

Вид на остров Фернандо-По

Путешественники вернулись на Нигер. Ниже Бенуэ великая река превратилась в очень широкий и глубокий поток. Километров на сто ниже Нигер разлился по плоской, все более расширявшейся к югу равнине, а еще через 200 километров от главного русла реки стали отделяться рукава: здесь начиналась обширная дельта Нигера, по площади не уступающая дельте Нила. Вскоре путешественники увидели вдали море...

Братья Лендер окончательно доказали, что Нигер, текущий у Тимбукту на восток, не связан с бассейном Нила, а впадает в Гвинейский залив. Одна из великих загадок Африканского континента была разгадана.

В 1833 г. Ричард Лендер в третий раз отправился на Нигер на двух небольших пароходах с командой около 50 человек. Он поднялся по Нигеру до Бенуэ, а по этой реке – на 150 километров выше ее устья. Экспедицию преследовали неудачи, от болезней скончалась большая часть моряков. С уцелевшими людьми Лендер спустился к морю, но по пути путешественник был тяжело ранен в стычке с местными жителями. Лендеру все же удалось добраться до острова Фернандо-По, где путешественник умер от ран в начале февраля 1834 г.

Александр Гордон Ленг: подвиг и гибель

Вплоть до XIX в. затерянный в песках Сахары город Тимбукту оставался тайной для европейцев. Того, кто откроет эту тайну, ждали большие денежные премии, учрежденные географическими обществами Англии и Франции. Оставались неясными даже название реки, на которой стоит город (речь идет о Нигере). Высказывались предположения, что такой рекой может быть либо Сенегал, либо Гамбия. Не исключалась возможность того, что эта таинственная река пересекает почти весь материк, начинаясь где-то недалеко от истоков Нила или даже соединяясь с Нилом (по крайней мере, так было показано на карте мира средневекового арабского географа Идриси).

В 1825 г. на поиски Тимбукту отправился шотландец Александр Гордон Ленг. Он уже обладал определенными знаниями о внутренних областях Африки, поскольку служил офицером в Сьерра-Леоне и принимал участие в колониальной войне на Золотом Берегу. В июле 1825 г. Ленг женился на дочери британского консула в Триполи, а через два дня после этого события отправился в опасное путешествие через Сахару.

Пройдя от Триполи до северной окраины Феццана, экспедиция двинулась на запад незнакомым для европейцев путем – через оазисы Гадамес и Айн-Салах. В пути Ленгу не удалось избежать ни лихорадки, ни разбойничьих нападений туарегов. Один из членов экспедиции был убит, сам Ленг ранен. Вскоре эпидемия дизентерии унесла в могилу всех остальных спутников Ленга. Несмотря ни на что, путешественнику удалось завершить труднейший и опаснейший переход через Сахару и 13 августа 1826 г. добраться до Тимбукту. Он стал первым европейцем, побывавшим в этом городе после Бенедетто Деи (1469 г.).

В Тимбукту Ленг постепенно оправился от ран. Благодаря рекомендательным письмам, привезенным из Триполи, путешественник пользовался поддержкой со стороны местных властей. Ленг сумел осмотреть не только город, но и побывать на великой реке Джалиба (Нигер). Он решил возвращаться в Европу не через Великую пустыню, а западным путем – через города Дженне и Сегу, а затем через Сенегал, где располагались французские военные посты. В письме британскому

консулу в Триполи, датированном 21 сентября 1826 г., Ленг сообщал, что намеревается двинуться к Сегу. Это было единственное письмо, написанное им из Тимбукту, и последнее, которое было от него получено.

Аборигены, встреченные Ленгом на пути в Тимбукту

В отличие от других путешественников, Ленг открыто исповедовал свою христианскую веру и, не таясь, занимался исследовательской работой. Возможно, именно поэтому мы никогда не узнаем, что же он выяснил: в конце сентября 1826 г. – уже после того, как Ленг покинул Тимбукту, – этого честного и открытого человека задушили фанатичные мусульмане. Все материалы экспедиции пропали.

Рене Кайе в Тимбукту

Рене Огюст Кайе с юных лет был охвачен желанием первым из европейцев побывать в Тимбукту, сказочном торговом городе на Нигере. В 16-летнем возрасте Кайе в качестве слуги впервые попал в Сенегал. Узнав о британской экспедиции, которая искала следы пропавшего без вести Мунго Парка, он последовал за ней. Это его предприятие окончилось неудачей, что, однако, ничуть не ослабило энергии Кайе. Страсть к путешествиям и непреклонная воля побудили его принять решение найти Тимбукту – город, воплотивший в себе все чудеса Африки. Весной 1827 г. Кайе, располагая значительной суммой денег, изучив арабский язык и мусульманский образ жизни, присоединился к каравану, следовавшему на восток. Он ловко избегал всяческих недоразумений, выдавая себя за египтянина, захваченного в плен и увезенного во Францию, а теперь через Тимбукту якобы возвращавшегося на родину. Эта хитрость оградила его от враждебности местного населения, но не спасла от изнурительных переходов, лихорадки и цинги. Прошел целый год, прежде чем Кайе через плоскогорье Фута-Джаллон и области верхнего Нигера добрался до огромной реки, которую африканцы называли Джолиба. Это был Нигер.

Вид на Тимбукту. Рисунок, сделанный в ходе экспедиции Рене Кайе

Спустившись вниз по Нигеру на лодке, Кайе достиг своей цели. То, что он увидел 20 апреля 1828 г., стало настоящим потрясением: перед ним, окруженные бледно-желтым песком, до самого горизонта простирались глиняные дома и мечети таинственного Тимбукту. Над ними – бледно-розовое небо...

Крепостная стена Тимбукту, образующая треугольник, тянулась, вероятно, мили на три. Дома в городе были большие, но низкие и сложены из круглого кирпича. Улицы широки и чисты. В городе насчитывалось семь мечетей с высокими кирпичными башенками, откуда муэдзины сзывали правоверных на молитву.

Проведя в Тимбукту лишь четыре дня, Кайе услышал о выходящем в Марокко караване. Так как следующий караван отправлялся только через три месяца, путешественник, опасаясь разоблачения, присоединился к купцам. Они отправились в путь 4 мая 1828 г. Никто из мусульманских купцов не заметил, что среди них затесался

загорелый до черноты странник в лохмотьях, надрывно кашлявший и пытавшийся облегчить свои страдания бормотанием сур Корана, и что этот человек тайком производит измерения с помощью компаса, а на полосках запачканной бумаги ведет какие-то записи...

Сильно натерпевшись от зноя и восточного ветра, тучами вздымавшего пески, Кайе через пять дней достиг Аравана. Этот город служил перевалочным пунктом для торговцев солью, которую везли из Тауденни на берега Джолибы. С севера сюда прибывали караваны, доставлявшие европейские товары; здешние купцы меняли их на слоновую кость, золото, рабов, воск, мед и суданские ткани.

Дверь дома, в котором некоторое время жил Рене Кайе. Тимбукту, Мали

19 мая 1828 г. караван вышел из Аравана и двинулся в Марокко. Изнуряющая жара, муки жажды, лишения, усталость и рана, полученная при падении с верблюда, – все это было для Кайе не так тягостно, как насмешки и оскорбления и постоянные обиды, которые ему приходилось выносить от мавров. Они без конца издевались над привычками и неловкостью Кайе; его били, бросали в него камнями, едва он поворачивался спиной.

2 августа караван прибыл в Фес. Кайе был изнурен долгим переходом, во время которого он питался одними финиками, и вынужден был просить милостыню. Чаще всего ему не давали ничего и прогоняли прочь. Из Феса он вместе с купцами добрался до Рабата, а оттуда уехал в Танжер. В сентябре 1828 г. изможденный, усталый Кайе предстал перед французским консулом в Танжере. Тот отнесся к нему как к родному сыну и, переодев матросом, велел отвезти его на французский корвет. Вскоре Кайе высадился в Тулоне...

Ученый мир был поражен, узнав, что в Европу вернулся молодой француз, побывавший в Тимбукту. Проявив исключительную силу воли, он один, без всяких средств, без поддержки правительства, не состоя ни в каком научном обществе, добился успеха и представил миру в совершенно новом свете обширную часть африканского материка.

С астролябией по Эфиопскому нагорью

Чарлз Тилстон Бик отправился в 1840 г. во внутренние районы Эфиопии, выполняя задание Лондонского Королевского географического общества. Его путешествие было тесно связано с проблемой истоков Нила, разрешить которую пытались несколько поколений европейских путешественников. Свой путь Бик начал от залива Таджур на Красном море. Миновав бессточное соленое озеро Ассаль, лежащее ниже уровня моря, он углубился во внутренние районы Эфиопского нагорья. Здесь, на западе Эфиопии, располагалась провинция Годжам, когда-то являвшаяся автономным княжеством и во времена Бика еще сохранявшая свою относительную самостоятельность. Целый год Бик провел в Годжаме. Он обошел эту провинцию во всех направлениях и впервые после Джеймса Брюса побывал у истоков Голубого Нила, окончательно рассеяв сомнения по их поводу, все еще остававшиеся у географов. Путешествия Бика позволили ему определить положение водораздела между Нилом и рекой Аваш, составить схематическую карту плато Годжам и огибающего его участка Голубого Нила, уточнить географические представления об уже известной европейцам северной части Эфиопского нагорья. С помощью астрономических приборов Бик сумел впервые вычислить координаты более чем 70 пунктов в Эфиопии и измерить их высоту над уровнем моря. Вернувшись в Европу, ученый опубликовал около десятка статей и брошюр, а также книгу о своих путешествиях по Абиссинии. И хотя больше побывать в Эфиопии ему не довелось, до самых своих последних дней путешественник интересовался проблемой истоков Белого Нила и принимал активное участие в научном обсуждении этого вопроса.

Снега Килиманджаро

Первое упоминание о горе Килиманджаро, высочайшей вершине Африки, можно найти в знаменитой «Географии» Птолемея. Однако прежде чем европейцы увидели легендарную вершину воочию, минуло семь столетий.

Первооткрывателем Килиманджаро стал немецкий миссионер и исследователь Иоханнес Ребманн. Вместе со своим другом и коллегой Иоганном Людвигом Крапфом Ребманн приехал в Восточную Африку в 1846 г. Обосновавшись в Момбасе, они начали совершать дальние походы с миссионерскими целями в глубинные области Кении. Работать Ребманну и Крапфу приходилось в очень трудных условиях: далеко не везде вожди местных племен позволяли им свободно разговаривать со своими людьми, поскольку в то время в Восточной Африке уже чувствовалась, по словам Крапфа, «сильная волна ислама». Требовалось преодолеть множество предубеждений против христианства.

Постепенно область миссионерской деятельности Ребманна и Крапфа расширялась. Они стали первыми европейцами, проникшими далеко в глубь Африканского континента с побережья Индийского океана. В 1848 г. Ребманн начал вести дневник и продолжал делать записи в нем вплоть до последних дней своей жизни. Именно в этом дневнике мы находим волнующие строки о том, как была обнаружена величайшая гора Африки...

16 октября 1847 г. Ребманн и Крапф отправились в горы Касигаи. Их сопровождали 8 африканцев во главе с местным вождем по имени Бвана Кхери. Во время этой экспедиции путешественникам предстояло организовать несколько миссионерских пунктов в этой области. Путешествие оказалось успешным, и миссионеры возвратились в Момбасу 27 октября, привезя с собой первые сведения о великой горе Черного континента...

Вид на Килиманджаро. Работа неизвестного художника

О Килиманджаро Ребманну и Крапфу рассказали их спутники-африканцы, принадлежавшие к местной народности джагга (чага). По их словам, неподалеку от горного массива Касигаи в небо уходит могучий кряж, вершина которого «достигает облаков» и «увенчана серебром». Каким «серебром»? Миссионеры не могли понять этой метафоры. Они не могли даже представить себе, что здесь, практически на экваторе, могут существовать снег и лед...

Однако Ребманн и Крапф были не только миссионерами, но и исследователями. Сообщение африканцев чрезвычайно заинтересовало их. Крапф обратился к губернатору Момбасы с просьбой об организации экспедиции в страну джагга. Однако принять участие в этом походе сам Крапф не смог: в путешествие отправился один Ребманн в сопровождении вождя Бвана Кхери.

Ребманн вышел из Момбасы 27 апреля 1848 г. Спустя две недели он и его проводник уже были в пределах видимости горы. Ребманн с

изумлением рассматривал белоснежную вершину Килиманджаро: что это? Снег? Лед? Не может быть!

Он спросил Бвану Кхери: что тот думает по этому поводу? Африканец в точности не знал, но был уверен, что это «холод». Сомнений не оставалось: все-таки это снег или лед. В любом случае это то, чего, по тогдашним представлениям, не могло быть! Вершину гигантской горы покрывают вечные снега, не тающие даже здесь, на экваторе! 10 ноября 1848 г. Ребманн записывает в своем дневнике: «Этим утром мы различали гору Джагга более отчетливо, чем когда-либо; около десяти часов мне показалось, что я видел великолепное белое облако. Мой проводник назвал эту белизну, которую я видел, просто “baridi”, холод; но мне было совершенно ясно, однако, что это не могло быть ничто иное, как снег».

Ребманн первоначально называл увиденную им вершину «гора Джагга» по названию местного племени, обитающего у подножия и на склонах великой горы. Позже он узнал от африканцев, что на языке народа джагга (чага) эта гора называется «Килема-Киаро», то есть «Неприступная» или «Недосягаемая». Так родилось и вошло во все современные языки название высочайшей горы Африки – Килиманджаро...

В следующем, 1849 г., 3 декабря, Ребманн и Крапф открыли вторую величайшую вершину Африки – гору Кения. На этом их исследования не остановились: они посетили несколько практически неисследованных областей Центральной и Восточной Африки, включая район великих африканских озер. Между тем известие о том, что на экваторе обнаружена огромная гора, вершина которой покрыта снегом, было встречено в Европе с глубоким недоверием. Большая часть научного сообщества попросту отвергла его: опять «глупые поповские сказки»! Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда! Лондонское географическое общество «авторитетно» заявляло, что в таких широтах существование снега невозможно, и презрительно называло сообщение Ребманна «галлюцинацией больного малярией миссионера» (при этом галлюцинации больного Дарвина воспринимались и до сих пор воспринимаются некоторыми «учеными» всерьез). В течение следующих 12 лет об открытии Ребманна старались не вспоминать, хотя именно путешествия двух немецких миссионеров вызвали всплеск интереса к внутренним областям Восточной Африки.

Экспедиция во главе с бароном Карлом Клаусом фон дер Декеном, отправившаяся в Танганьики в 1861 г. и работавшая там на протяжении 4 лет, полностью подтвердила сообщение Ребманна. Сегодня именем выдающегося путешественника назван ледник Ребманна, расположенный близ вершины великой горы и являющийся остатком некогда огромного ледникового покрова, который когда-то увенчивал макушку Килиманджаро.

Егор Ковалевский: за золотом во Внутреннюю Африку

В 1847 г. в Египет отправилась группа русских горных инженеров и штейгеров. По просьбе египетского паши им предстояло организовать промышленную добычу золота в Верхнем Судане. Возглавил миссию горный инженер Егор Ковалевский.

Егор Ковалевский

К концу 1847 г. экспедиция уже была в Каире. Отсюда 20 января 1848 г. путешественники отправились на пароходе вверх по Нилу. На пятый день они достигли Асуана, откуда плавание продолжилось уже на парусных барках – дахабиях. Пройти через пороги Нила выше города Короско было невозможно, поэтому было решено идти через Большую Нубийскую пустыню караванным путем. 20 февраля путешественники уже были в Хартуме, где сливались Белый и Голубой Нил. Отсюда экспедиция двинулась на юг, в золотоносные области

Судана. День за днем дахабии плывут на юго-восток. Наконец, маленькая флотилия достигла городка Россейрес. Погрузив снаряжение на вьючных животных, партия направилась к подножию гор Коссана – конечной цели путешествия. Русским специалистам предстояло отыскать месторождения золота, организовать его добычу и построить фабрику для его промывки и очистки.

Отряд шел вдоль наполовину пересохшего притока этой реки – Тумату. Поиски золота здесь привели к положительным результатам. Совместно с двумя египетскими техническими специалистами, за год до этого побывавшими на Урале, русские инженеры приступили к организации промышленной золотодобычи. При этом Ковалевский находил время проводить разнообразные научные исследования: изучал геологию края, собирал фольклорные, исторические и естественно-научные сведения. К этому времени в Европе уже знали, что Голубой Нил начинается в горах Эфиопии. Перед отъездом из Каира Ковалевский слышал, что путешественникам братьям Аббади удалось найти истоки Белого Нила, причем недалеко от истоков Голубого. Ковалевскому это показалось странным. Но если братья Аббади правы, тогда по пересохшему руслу реки Тумат можно от лагеря золотоискателей дойти до истока великой реки!

У Ковалевского рождается план совершить экспедицию в верховья реки Тумат, куда еще никогда не ступала нога европейца. 13 марта поисковая партия в сопровождении отряда египетских солдат выступила в поход. В пути Ковалевский продолжал свои геологические и географические изыскания и даже открыл новый золотоносный район. Все больше путешественник убеждался в том, что на картах неверно обозначены истоки Нила. На основании личных наблюдений Ковалевский сделал вывод, что главной рекой является не Голубой Нил, а Белый и истоки его следует искать намного южнее (эта гипотеза в дальнейшем подтвердилась).

Достигнув края Абиссинского нагорья, экспедиция повернула назад. Вернувшись в Россию, Ковалевский опубликовал в 1849 г. книгу под названием «Путешествие во Внутреннюю Африку», выдержавшую несколько изданий.

Генрих Барт: десять тысяч километров по Сахаре

В свое первое большое путешествие немецкий исследователь Генрих Барт отправился в 1845 г. За два года он побывал в Испании, странах североафриканского побережья, Египте и Малой Азии. В ноябре 1849 г. Барт присоединился к английской экспедиции под руководством Ричардсона, отправлявшейся из Триполи в Западный Судан. Третьим ее участником стал немецкий геолог и астроном Адольф Офервег.

Генрих Барт

23 марта 1850 г. экспедиция вместе с соляным караваном выступила через пески Сахары в направлении оазиса Мурзук. После непродолжительной остановки здесь путешественники повернули на запад, к пустынной нагорью Ахаггар, расположенному в сердце великой пустыни. Здесь, на скалах Тассилин-Аджер, Барт изучал рисунки древних обитателей Сахары. В январе 1851 г., достигнув северной границы области Борну, экспедиция разделилась, чтобы разными путями достичь Кукавы (Куки), резиденции правителя этой

страны, расположенной поблизости от озера Чад. Ричардсон двинулся прямым путем на Кукаву, однако в пути скончался, не достигнув цели. Офервег занялся исследованиями берегов озера Чад, очертания которого были нанесены на карту Денемом в 1823 г. Барт, следуя маршрутом, уже проложенным Клаппертоном и Лендером, добрался до Сокото и прошел дальше на юг. 18 июня 1851 г. путешественник уже стоял на берегу реки Бенуэ. Она текла откуда-то с востока, впадая в Нигер. Не является ли эта река главной магистралью Внутренней Африки? У Барта пока не было ответа на этот вопрос. Отложив решение загадки, он повернул назад, в Кукаву, где встретился с Офервегом. В том же году оба путешественника исследовали область Канем, расположенную северо-восточнее озера Чад. Позже Офервег занялся изучением юго-западных районов Борну, а затем вернулся на берега Чада. В сентябре 1852 г. малярия оборвала жизнь и этого члена экспедиции.

Барт остался один. Снова и снова он возвращался в Кукаву и опять уходил в далекие исследовательские путешествия. Путешественник мечтал посетить «королеву пустыни» Тимбукту. 12 июня 1853 г. после долгой поездки верхом, показавшейся ему бесконечной, он достиг Нигера и 7 сентября вступил в Тимбукту, став таким образом третьим после Ленга и Кайе европейским исследователем, достигшим легендарного города. Более 7 месяцев провел Барт в Тимбукту. «Королева пустыни» уже давно потеряла блеск былого величия, однако путешественник сумел собрать в этом древнем городе бесценные этнологические, исторические и лингвистические материалы.

8 апреля 1854 г. Барт отправился в обратный путь в Кукаву. На этот раз он пошел вдоль Нигера и по пути нанес на карту значительный участок среднего течения этой реки. В Кане, на севере современной Нигерии, путешественнику пришлось надолго задержаться, поскольку его средства оказались на исходе. Лишь в ноябре он смог продолжать путь. Из Кукавы он совершил второй переход через Сахару – на этот раз с юга на север – и 27 августа 1855 г. вернулся в Триполи, который покинул 6 лет назад. К этому времени Барта и его спутников давно уже считали пропавшим без вести.

За 6 лет Генрих Барт прошел по Сахаре и Западному Судану более 20 тысяч километров. Он установил, что Сахара – это не однообразное песчаное море, а отличающаяся различными природными условиями

страна, состоящая из песчаных, каменистых или покрытых гравием равнин, разрушенных древних гор и благодатных оазисов. Барт детально описал обитающие на просторах великой пустыни народы и племена. Эти описания благодаря их точности и достоверности до сих пор являются важным научным источником, а их автор принадлежит к числу самых выдающихся первооткрывателей Африки.

По рекам Южного Судана

Первые достоверные сведения о Бахр-эль-Газале – крупнейшем левом притоке Белого Нила, до того известном лишь в самом устье, доставил в 1856 г. итальянский путешественник Брен-Ролле, служивший консулом Сардинии в Восточном Судане. Он поднялся по Бахр-эль-Газалю, или Нам-Аиту, как его именовали местные жители, до озера, позднее получившего название озера Рек. Однако уже после смерти Брен-Ролле выяснилось, что приоритет открытия Бахр-эль-Газала принадлежит не ему, а англичанину Джону Питрику.

Горный инженер Питрик поступил в 1845 г. на службу к египетскому правителю Мухаммеду Али, а затем поселился в Хартуме и занялся торговлей гуммиарабиком и слоновой костью, для чего неоднократно посещал суданское плато Кордофан, а позднее перенес свою коммерческую деятельность дальше на юг. В 1853 г. Питрик, с трудом разыскав среди густых тростниковых зарослей вход из Белого Нила в Бахр-эль-Газаль, поднялся по этой реке до того же озера Рек, что и Брен-Ролле тремя годами позже. В последующие годы он регулярно совершал плавания по Бахр-эль-Газалю и основал на его берегах несколько факторий. В поисках слоновой кости он много путешествовал в области между реками Джур и Тондж. Он первым из европейцев встретился с каннибалами азанде, или ньям-ньям, как их называли соседние племена. Наиболее значительное путешествие Питрик предпринял в 1857–1858 гг. Отплыв из Хартума вверх по Белому Нилу, он прошел около 300 километров по его правому притоку Собату до места, где эта река разделялась на три рукава; вернувшись затем на Нил, Питрик поднялся по Бахр-эль-Газалю до озера Рек и отсюда пешком пошел в южном направлении, в гористую страну Мундо, располагавшуюся почти у самого экватора.

О путешествиях Питрика стало впервые известно после его возвращения в Англию в 1859 г. А в 1861 г. была опубликована его книга «Египет, Судан и Центральная Африка», в которых автор рассказывал о своих многолетних странствиях. Специалисты с некоторым недоверием отнеслись к сообщениям Питрика: в произведенном им расчете протяженности пути были обнаружены

существенные неточности, по исправлении которых маршрут путешественника пришлось значительно укоротить.

Путешествие в страну людоедов

Итальянец Карло Пьяджа не был ученым. Охотник и искатель приключений, он появился в Южном Судане во второй половине 1850-х гг. В 1856 г. Пьяджа совершил плавание по Белому Нилу от Хартума до Гондокоро, а в следующем году возглавил отряд охотников на слонов. Возмущенный зверским обращением белых торговцев с местным населением, Пьяджа вернулся на родину, где преподнес собранные им этнографические коллекции в дар Флорентийскому музею естественной истории. Вскоре Пьяджа снова отправился в Африку, в бассейн Бахрель-Газалья: его неудержимо влекли слухи о загадочных «хвостатых людях», которые дошли до него во время первого путешествия, и он загорелся желанием разгадать эту загадку.

В ноябре 1863 г. Пьяджа примкнул к одному из караванов, отправлявшемуся в страну «людоедов» азанде (ням-ням) для закупки слоновой кости. В первом же селении азанде он нашел самый радушный прием у местного вождя. В дальнейший путь Пьяджа отправился в одиночку, пользуясь гостеприимством то одного, то другого вождя «людоедов». Его маршруты в основном пролегли через область, расположенную по обе стороны верхнего течения реки Джура (Суэ) и в верхнем течении реки Тонджа, однако в одном из походов он ушел далеко на юг и добрался до верховий небольшой реки, текущей на запад (вероятно, это была река Бвере). Пьяджа предположил (и совершенно справедливо!), что она является притоком какой-то другой, текущей в том же направлении, но гораздо более крупной реки, о которой ему рассказывали местные жители. Речь, несомненно, шла о реке Уэле – одном из крупнейших притоков Конго. Попытка путешественника отыскать эту большую реку не удалась из-за междоусобной войны, вспыхнувшей в стране азанде. Так или иначе, Пьяджа стал первым европейцем, попавшим из области Верхнего Нила в бассейн Конго.

Карло Пьяджа

Пробыв у азанде больше года, Пьяджа дождался прибытия очередного каравана и в начале марта 1865 г. двинулся с ним в обратный путь. Вернувшись в Италию, он передал все свои материалы Итальянскому географическому обществу. В 1868 г. они были опубликованы. Наибольший интерес у современников вызвали рассказы Пьяджи о «людоедах» ньям-ньям (азанде), с которыми он первым из европейцев близко познакомился. Пьяджа опроверг сильно преувеличенные представления о людоедстве, якобы распространенном среди азанде, а также небылицы о «хвостатых людях», которыми сам когда-то так увлекался...

Цель – озеро Нгами

В 1850 г. английский путешественник и писатель Френсис Гэлтон и молодой шведский ученый Карл Юхан Андерсон отправились в неизведанные области Южной Африки в надежде отыскать полулегендарное озеро Нгами (на территории современной Ботсваны), которое за год до этого видел Ливингстон. Выйдя в свой поход в сентябре 1850 г. от Китовой бухты вверх по долине реки Свакоп, путешественники прошли далеко на север, до горы Оматако. Отсюда, по-прежнему идя на север, а затем на северо-запад, вдоль безводного карстового плато Отави, Гэлтон и Андерсон открыли обширную бессточную солончаковую впадину Этоша. Во время сезона дождей она превращалась в большой мелководный водоем. Далее к северу лежала страна народа овамбо (Овамболенд). Гэлтон и Андерсон стали первыми из европейцев, вступившими на ее территорию. Отсюда путешественники намеревались добраться до конечной цели своей экспедиции – озера Нгами, однако продолжать путь было невозможно: лежавшие на их пути земли были поражены сильнейшей засухой, реки и ручьи пересохли, колодцы иссякли. Гэлтон и Андерсон были вынуждены повернуть назад...

Френсис Гэлтон

Они вернулись на побережье Китовой бухты в начале декабря 1851 г. Результаты экспедиции были более скромными, чем те, каких к тому времени добился Ливингстон, но тоже значительными: съемка маршрутов, астрономические определения координат, измерения высот, естественно-исторические и этнографические наблюдения пролили яркий свет на обширную область, бывшую до того совершенно неизвестной. Спустя месяц после возвращения Гэлтон отплыл в Европу, а Андерсон начал готовиться к новой попытке достичь озера Нгами. На то, чтобы снарядить экспедицию целиком на собственные средства, ему потребовалось около года. Вернувшись морем в январе 1853 г. в Китовую бухту, Андерсон приступил к осуществлению своего плана, на этот раз увенчавшегося полным успехом. Андерсен не только достиг желанной цели, но и проплыл по озеру Нгами на пироге и составил первую его полную карту (Ливингстон видел только часть озера). Это озеро оказалось бессточным; питали его только воды реки

Окаванго. С юга к озеру подступала пустыня Калахари, а на юго-востоке и востоке простирались обширные болота. Во время путешествия Андерсену удалось собрать богатые зоологические коллекции. По возвращении в Европу в 1854 г. путешественник выпустил в свет двухтомный труд «Нгами»; наряду с географическими описаниями и картами особый интерес представляли содержащиеся в книге картины животного мира Южной Африки.

Бертон и Спик в области Великих озер

Ричард Фрэнсис Бертон начинал свою карьеру офицером в Индии. Тогда же начались его путешествия, порой отчаянно опасные. В 1853 г. он под видом афганца прошел через Каир в Медину и Мекку, в 1854 г., переодевшись арабским купцом – от Зейлы до город Харэр (Эфиопия), в который он вступил первым из европейцев Нового времени. Считается, что именно Бертон положил начало географическому изучению Африканского Рога.

В 1855 г. Бертон и его спутник Джон Хеннинг Спик пытались проникнуть в глубь Сомали, но подверглись нападению туземцев, и оба были тяжело ранены копьями. Едва выздоровев, Бертон предлагает Лондонскому географическому обществу проект новой экспедиции в Африку – на этот раз в совершенно неисследованные восточные районы, расположенные вблизи экватора. Вместе с ним в путешествие отправляется Спик.

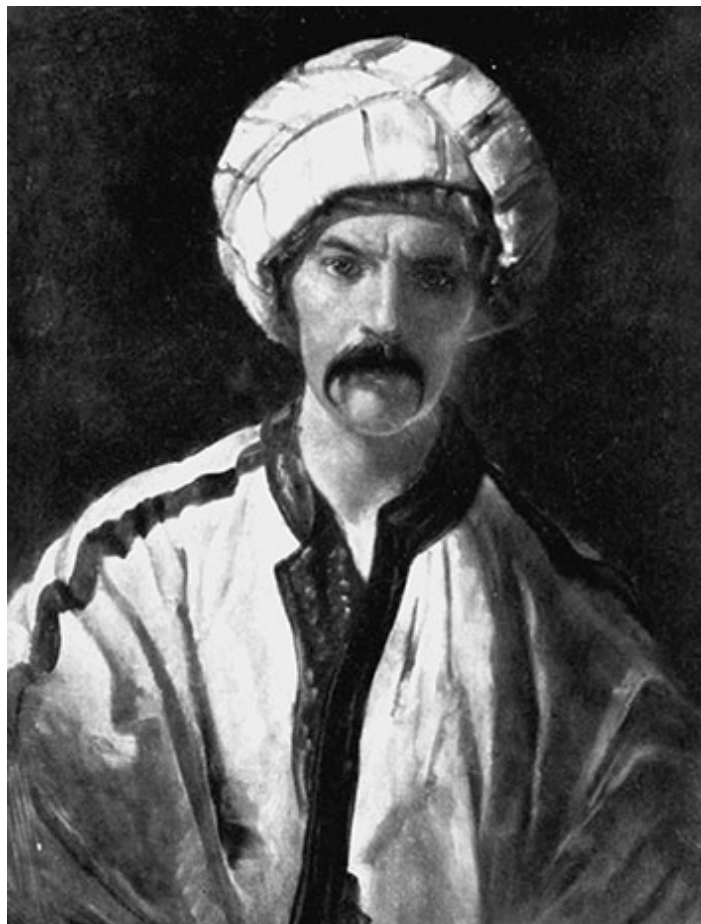
В декабре 1856 г. путешественники прибыли на Занзибар. Переждав на побережье дождливый сезон, Бертон и Спик 26 июня 1857 г. отправились в глубь материка. Идя вдоль реки Кингани (Руву), путешественники пересекли область Узарамо, перевалили через хребет Рубехо и очутились на обширном плоскогорье, покрытом скудной травянистой и кустарниковой растительностью. Далее лежала влажная и лесистая страна Униамвези. 7 ноября путешественники добрались до главного хозяйственного центра этой страны – селение Табору. Отсюда Бертон и Спик вдоль реки Малагараси добрались до огромного озера Танганьика, на берегах которого еще не был ни один европеец.

Поскольку Бертон из-за болезни был очень слаб, в первое плавание по озеру отправился Спик. Он в одиночку пересек озеро, побывал на расположенном у его западного берега острове Касенге и исследовал небольшой участок восточного побережья. Местные жители рассказали путешественнику о реке под названием Рузизи, вытекающей из озера на севере. Может быть, это Нил? Неужели здесь, в Танганьике, и находятся истоки величайшей реки Африки? Чтобы удостовериться в этом, Бертон и Спик отправляются в новое плавание. В конце апреля они добрались до северной оконечности Танганьики, где их ждало разочарование: река Рузизи действительно существует, однако она

впадает в озеро, а не вытекает из него... Путешественникам ничего не оставалось, как двинуться в обратный путь.

На обратном пути, в Таборе, Бертона опять свалил жесточайший приступ малярии. И тогда Спик в одиночку отправился на поиски озера Ньянза, или Укереве. По рассказам местных жителей, оно располагалось где-то севернее Танганьики. 30 июля 1858 г. перед путешественником открылось огромное, бескрайнее водное пространство – настоящее море в сердце Африки!

Спик назвал это озеро Викторией, в честь правящей британской королевы. Он предположил, что именно из этого озера берет свое начало Нил: в пользу этого говорили свидетельства местных жителей. Они рассказывали о том, что на севере из озера вытекает большая река. Спик горел желанием проверить эти сведения, но в Таборе его ждал больной Бертон, и путешественник вынужден был повернуть назад. 2 февраля 1859 г. Спик и Бертон возвратились на побережье. Результаты их экспедиции были грандиозны: впервые научные мир Европы узнал о существовании области Великих африканских озер. На двух из них – Танганьике и Виктории – путешественники побывали лично, а о третьем, Ньясе, получили только устные сведения. Однако уже в сентябре 1859 г. на этом озере побывал Давид Ливингстон. Бертон и Спик слышали также о еще одном озере, расположенном к юго-востоку от Танганьики, – Руква. Их путешествие стало также первым подробным знакомством европейцев с Восточно-Африканской рифтовой системой.

Ричард Фрэнсис Бертон в арабском одеянии

«С Нилом все в порядке»

Джон Хеннинг Спик служил офицером в британской колониальной армии в Индии, где и познакомился с Ричардом Бертоном, на долгие годы став постоянным спутником в экспедициях. 30 июля 1858 г. Спик совершил одно из величайших открытий в истории освоения Африки: он обнаружил озеро Виктория, второе по величине озеро в мире. Спик правильно решил, что именно отсюда берет свое начало Белый Нил, однако между ним и Бертоном разгорелся ожесточенный спор о том, которое из двух озер – Танганьiku или Викторию – следует считать истоком Нила. Так Бертон стал одним из главных научных противников Спика. Между тем открытие Спика вызвало огромный резонанс в Европе: все решили, что путешественник наконец разгадал загадку Нила. Поскольку во всей этой истории все же оставалось много неясного, Королевское географическое общество предложило Спику возглавить новую экспедицию. Она должна была отыскать истоки великой африканской реки и спуститься по Нилу вниз, тем самым связав маршрут Бертона и Спика с маршрутами исследователей, продвигавшихся по долине Нила с севера.

В августе 1860 г. Спик и его помощник Джеймс Грант прибыли на Занзибар и отсюда отправились в далекий путь к Великим озерам. Добравшись в январе 1861 г. уже знакомым Спику путем до Табора, они направились на север – в Уганду. Попутно путешественники открыли реку Кагера – крупнейший приток озера Виктория. Таким образом, Спику принадлежит честь открытия не только великого озера, но и впадающей в него большой реки, которую в настоящее время принято считать главным истоком Нила.

Спик в резиденции местного правителя

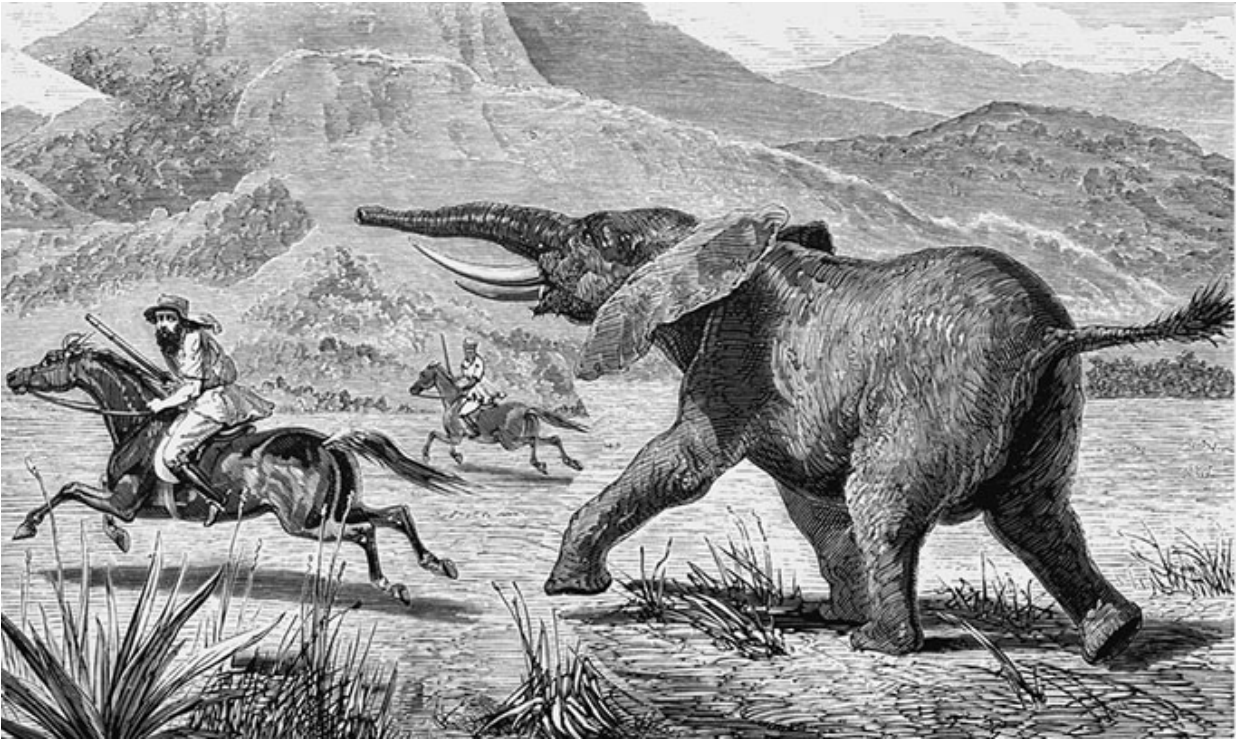
В феврале 1862 г. путешественники прибыли в резиденцию правителя Уганды (Буганди). Здесь Спику стало известно о вытекающей из озера Виктория реке, которую местные жители называли Кивирой и которая, по убеждению исследователя, не могла быть ничем иным, как Нилом. Расставшись с Грантом, который пошел на северо-запад, в Униоро, Спик обошел южный и западный берега Виктории, и 21 июля вышел к Кивире. «Наконец-то я стоял на берегу Нила», – записывал он в своем дневнике. Неделей позже, пройдя вверх по течению этой реки, он увидел место ее зарождения: узкую горловину, через которую из озера вырывался мощный поток, падая с уступа небольшим водопадом. Следуя частью непосредственно по течению, частью вблизи этой реки, Спик соединился с Грантом и в 1863 г. прибыл в Гондокоро на верхнем Ниле. До этого места течение Нила было уже разведано путешественниками с севера. Добравшись до Александрии, Спик известил мир о своем открытии лаконичной телеграммой: «С Нилом все в порядке». Загадка истоков Нила была разрешена.

Сэмюэл Бейкер открывает озеро Альберт

Страсть к далеким путешествиям родилась в сердце Сэмюэла Уайта Бейкера на Цейлоне, где он прожил долгое время, охотясь и совершая экспедиции в малоисследованные уголки острова. В апреле 1861 г. он, вдохновленный успехами Бертона и Спика, отправился в Африку на поиски истоков Нила. Свои планы Бейкер не обнародовал. «У меня не хватало смелости, – признавался он впоследствии, – заявить гласно о моем намерении, но я твердо решил или разрешить эту трудную задачу, или умереть». В этом опасном путешествии Бейкера сопровождала его жена.

Бейкер знал, что как раз в это время Спик с побережья Восточной Африки отправился на поиски истоков Нила, и решил пойти ему навстречу с севера. Поднявшись вверх по Атбаре – притоку Нила в Восточном Судане, путешественник прошел через Северную Эфиопию к Голубому Нилу и по нему в июле 1862 г. добрался до Хартума. Отсюда в декабре 1862 г. экспедиция отправилась вверх по течению Белого Нила. В селение Гондокоро Бейкер прибыл за две недели до того, как сюда с юга пришли Спик и Грант, уже овеянные славой первооткрывателей истоков Нила. От них Бейкер узнал о существовании другого, еще неизвестного озера, по-видимому, также входящего в систему Нила. Этого озера еще никто из европейцев не видел, Спик с Грантом знали о нем только со слов местного населения. Поняв, что и на его долю еще остался кусочек славы, Бейкер 26 марта 1863 г. выступил из Гондокоро, следуя курсом на восток. В горах Лотуко – северных отрогах Восточно-Африканского плоскогорья – экспедиции пришлось надолго задержаться, переживая сезон дождей. Только в начале января 1864 г. Бейкер двинулся на юг и в конце месяца вышел к истокам Нила недалеко от порогов Карума. Здесь туземцы указали экспедиции путь к загадочному озеру, о котором говорили Спик и Грант и которое местные жители называли Мвутан-Нзиге. 14 марта 1864 г. путешественники уже стояли на его берегу. «Подобное морю ртуту, – рассказывает Бейкер, – далеко внизу лежало огромное водное пространство – безграничная гладь, уходящая на юг и юго-запад, сверкая на полуденном солнце; на западе же, на расстоянии пятидесяти

или шестидесяти миль, синие горы вздымались из глубин озера на высоту около 7000 футов над его уровнем».

Сэмуэл Бейкер спасается от разъярённого африканского слона

Новооткрытое озеро Бейкер назвал озером Альберт, в честь мужа королевы Виктории. Экспедиция исследовала его северный берег до впадения реки Виктория-Нил, а затем прошла вверх по Виктории-Нилу, где Бейкер открыл 40-метровый водопад Мерчисона – самый большой на Ниле. В ноябре 1864 г. экспедиция выступила в обратный путь и в феврале следующего года вышла к Бахр-эль-Джебелю. В мае 1865 г. Бейкер был уже в Хартуме.

Книга Бейкера о его путешествии – «Альберт-Ньянза, великий водоем Нила, и исследования истоков Нила», вышедшая в свет в Лондоне в 1866 г., была по достоинству оценена современниками. Главным результатом этого путешествия было, разумеется, открытие озера Альберт. Бейкер не только первым из европейцев побывал на этом озере, но и правильно определил его ключевое положение в системе Верхнего Нила.

Ботаник в стране каннибалов

Предметом научных интересов Георга Августа Швейнфурта являлась ботаника, причем особым образом – ботаника Нильского региона. В свое первое путешествие по Африке с целью исследования ее биологического разнообразия Швейнфурт отправился в 1863 г., за 3 года побывав в Египте, Восточном Судане, на побережье Красного моря и на севере Эфиопии. В 1868 г. Берлинская академия наук отправила Швейнфурта в новую экспедицию, главной целью которой должно было стать ботаническое исследование бассейна Бахр-эль-Газала.

5 января 1869 г. путешественник отправился из Хартума вверх по Нилу. Путь его лежал в страну азанде (ням-ням). Швейнфурт добрался до нее лишь через год, в январе 1870 г. Вышедшие ему навстречу туземцы выглядели довольно угрожающе: в одной руке копье или сабля причудливой формы, в другой руке щит, бедра обмотаны обезьяньими шкурами, волосы заплетены в длинные косы, грудь и лоб украшают шнурки с нанизанными на них зубами убитых врагов... Азанде имели устойчивую репутацию людоедов, и Швейнфурт за время своего недолгого пребывания среди них действительно стал свидетелем фактов каннибализма, хотя рассказы о кровожадности этого народа, несомненно, были преувеличены: в своих записках Швейнфурт характеризует азанде как отважных охотников, искусных кузнецов, гончаров и резчиков по дереву, а также как любителей пения и развлечений.

Идя дальше на юг, Швейнфурт в марте 1870 г. оказался в стране, населенной народом мангбету, где путешественника принял верховный вождь Мунза. В то время племенной союз мангбету находился на вершине своего могущества, и Швейнфурт стал одним из немногих европейцев – свидетелями этого расцвета. Спустя менее десятилетия страна, благосостояние которой основывалось на торговле слоновой костью, медью и продовольствием, была разорена и присоединена к египетской Экваториальной провинции.

Вождь Мунза в своей хижине

По-прежнему держа курс на юг, Швейнфурт пересек нильско-конголезский водораздел и вышел к текущей на запад реке Мбруоле (Бвере). Отсюда было уже недалеко до реки Уэле (бассейн Конго), которую ученый избрал конечной целью своего путешествия. 19 марта 1870 г. эта цель была достигнута. На берегах Уэле Швейнфурт прожил в течение всего 1870 г., совершая путешествия в неисследованные дебри Центральной Африки. Во время одного из таких походов он обнаружил неизвестное дотопе племя пигмеев акка. В декабре 1870 г. ученого постигла беда: селение, в котором он жил, почти целиком сгорело в огне пожара, и в этом пожаре погибли дневники Швейнфурта за все дни путешествия, научные записи, богатейшие естественно-научные и этнографические коллекции... Весь труд двух лет обратился в прах. Тем не менее путешественник не пал духом. Еще полгода он провел на берегах Уэле и только в конце июня 1871 г. двинулся в обратный путь. 21 июля он был уже в Хартуме, а в начале октября – в

Александрии. Великолепная память позволила Швейнфурту восстановить многие события его путешествия. В результате на свет родился двухтомный труд «В сердце Африки», изданный в Лейпциге в 1874 г. и сразу завоевавший признание читателей.

Карл Маух в долине Замбези

Карл Маух начинал свою карьеру домашним учителем. Именно преподавательская деятельность возбудила в нем страсть к далеким путешествиям. Два года (1863–1865 гг.) он странствовал по южным морям, пока в 1865 г. не высадился в Дурбане, на побережье Южной Африки. С 1865 г. он путешествовал по Трансваалю и соседним областям между Лимпопо и Замбези. На протяжении полутора лет (с мая 1866 по январь 1867 г.) неизменным спутником Мауха являлся английский охотник Хартли, вместе с которым они прошли вдоль и поперек страну народа матабеле. Отправившись из Трансвааля на север, путешественники достигли верховьев реки Умниати, правого притока Замбези. Маух установил, что водораздел между двумя этими реками представляет собой ровное плато, а не высокие горы, как считалось ранее. Во время путешествия в страну матабеле Маух собрал богатые естественно-исторические коллекции, продажа которых дала ему средства, необходимые для снаряжения новой экспедиции.

В марте 1867 г. Маух снова вместе с Хартли отправляется в путешествие по стране матабеле, но на этот раз экспедиции удается пройти далеко на север. Наибольшее внимание Маух уделил геологическим исследованиям, благодаря чему сумел открыть на территории Южной Родезии богатые золотые россыпи; это принесло ему славу, но, увы, не богатство.

В 1868 г. Маух предпринимает первое самостоятельное путешествие – и снова в бассейн Замбези. Пройдя Трансвааль с севера на юг, Маух переправился через Лимпопо и, следуя вдоль течения реки Бубие, добрался до южной границы страны матабеле. Здесь до путешественника дошли тревожные новости: верховный вождь матабеле умер, началась междоусобица. И все же надо было идти вперед! Однако, вступив в страну матабеле, Маух попадает в плен к туземцам. Вскоре, правда, его освободили, и в октябре 1868 г. путешественник благополучно добрался до миссионеров в Иньяте. Междоусобица вопрепятствовала его планам исследовать области, лежащие к северу от Замбези. Поэтому Маух ограничился тем, что в январе 1869 г. еще раз побывал в верховьях реки Умниати, после чего вернулся в Трансвааль.

В 1871 г., во время своего последнего путешествия, Маух сделал открытие, обессмертившее его имя: он обнаружил и исследовал руины Великого Зимбабве – грандиозный археологический комплекс в юго-восточной части Южной Родезии. Правда, их четыре годами ранее видел немецкий охотник Адам Рендерс, но известность они получили благодаря Мауху. Путешественник предполагал, что нашел легендарную страну Офир царя Соломона. В 1872 г. Маух вернулся в Германию. Хотя он и заслужил почетное место в ряду исследователей Африки, имя его вскоре было надолго предано забвению.

Тропой Ливингстона

Давид Ливингстон появился в Южной Африке в 1840 г., приехав сюда в качестве миссионера. В 1849 г. он первым из европейцев пересек пустыню Калахари с юга на север. Оказалось, что за Калахари лежат плодородные саванны, изобилующие дичью, а не выжженная солнцем пустыня. Эта страна была совершенно неисследована. Ливингстон ожидал невероятных открытий – и они последовали почти немедленно. В 1851 г. путешественник вышел к реке Замбези – одной из величайших рек Африки. Может быть, этот могучий поток – приток Нила или Конго?

11 ноября 1853 г. Ливингстон начал плавание вверх по Замбези. Путешественники плыли в лодках вниз по извилистой реке. В декабре реку пришлось оставить – надежды на не слишком утомительный переход разбились о стремнины и пороги. К тому же начался сезон дождей. В феврале 1854 г. Ливингстон поднялся к водоразделу, за которым все потоки текли уже не в южном направлении, а в северном. Идя на северо-запад, отряд пересек долины нескольких крупных рек – Касаи, Чиумбе, Лвашимо, Чикапы, Квилу. В начале апреля, перевалив через горы Тала-Мугонго, экспедиция вышла в бассейн реки Кванзы. Это была уже территория Анголы. Совершенно обессиленный, измученный малярией, в конце мая 1854 г. Ливингстон достигает побережья Атлантического океана...

Давид Ливингстон

Обратный путь занял 11 месяцев. Теперь Ливингстону предстояло проследить течение Замбези вплоть до Индийского океана. В поход отправились в октябре 1855 г. Полноводная Замбези змеилась через лесные чащи. 18 ноября путешественник увидел поразительное зрелище: русло реки вдруг как будто обрывалось, и миллионы тонн воды одной клокочущей массой обрушивались в бездну... Это был водопад Виктория – величайшее из творений природы.

Дальнейший путь вниз по реке привел Ливингстона к устью ее левого притока Лвангвы, за которым начинались места, уже известные европейцам. 20 мая 1856 г. экспедиция вышла к Индийскому океану. Впервые в истории европейский исследователь пересек Африканский континент!

В мае 1858 г. Ливингстон вновь возвращается на Замбези. На небольшом пароходике, доставленном в разобранном виде из Англии, он уходит вверх по реке, открывает Шире – северный приток Замбези.

Местные жители говорили, что Шире вытекает из огромного озера, но путь к нему преградили водопады. Экспедиция вынуждена была повернуть назад.

Через четыре месяца Ливингстон вновь уходит к верховьям реки Шире. 16 сентября 1859 г. его экспедиция выходит к огромному озеру Ньяса. В сентябре 1861 г. Ливингстон вновь побывал на озере Ньяса и прошел на север по его западному берегу. Далеко проникнуть не удалось – помешало враждебное отношение местных жителей.

В январе 1866 г. Ливингстон вновь ступил на африканскую землю. Войдя под полог тропического леса, путешественник... пропал на несколько лет. Никто не знал, что в это время, сопровождаемый многочисленным караваном носильщиков, Ливингстон успел обогнул озеро Ньяса с юга и запада, а затем, взяв направление на северо-запад, перебраться через крупные реки Лвангву и Чамбеши, разделенные горным кряжем Мучинга. 1 апреля 1867 г. Ливингстон достиг южного побережья озера Танганьика, одного из крупнейших в Африке. Его лазурную гладь окружали буйные тропические леса, зелень которых резко контрастировала с серыми и красными песчаниковыми скалами. За озером начинались уже совсем неисследованные места.

Весь переход от побережья до Танганьики был полон трудностей и неудач. Ливингстон страдал от малярии и так ослабел и исхудал, что, по его собственным словам, «превратился в мешок с костями». Большую часть пути его пришлось нести на койке.

8 ноября 1867 г. Ливингстон обнаружил озеро Мверу, а 18 июля 1868 г. – озеро Бангвеулу. В конце марта 1871 г. путешественник вышел к реке Луалабе. Он не представлял себе, к какой системе – Нила или Конго – принадлежит эта большая река. Было ясно лишь, что поток движется на север. Повернув обратно к Танганьике, совершенно истощенный Ливингстон достиг селения Уджиджи и 23 октября 1871 г. остановился здесь на отдых.

В Европе Ливингстон считался пропавшим без вести. На его поиски было отправлено несколько экспедиций. Одну из них возглавил Генри Стэнли. 10 ноября 1871 г. его партия вошла в Уджиджи, где встретила измотанного малярией Ливингстона... Путешественник отказался вернуться вместе со Стэнли в Европу, так как хотел закончить исследование Луалабы. Его крайне интересовал вопрос об истоках

Нила. И в 1873 г., как только позволили силы, Ливингстон вновь отправляется к Луалабе.

Он шел вдоль юго-восточного берега Танганьики и вокруг его южной оконечности. Утомительные походы окончательно подорвали здоровье путешественника. Его последняя остановка была в селении Читамбо, к югу от озера Бангвеулу. Утром 1 мая 1873 г. слуги Ливингстона нашли его мертвым, лежащим на полу...

Тысячи африканских дней Генри Стэнли

Британский журналист и путешественник Генри Мортон Стэнли, прославившийся как один из крупнейших исследователей Африки, впервые попал на Черный континент в 1867 г. в качестве корреспондента американской газеты «Нью-Йорк геральд». В то время это было одно из ведущих изданий в мире, во многом – благодаря его владельцу Д.Г. Беннету, на собственные средства организовывавшему самые рискованные экспедиции и стремившемуся к тому, чтобы его корреспонденты присутствовали при самых важных событиях во всех концах света. Неудивительно, что «Нью-Йорк геральд» имела самый большой в Америке тираж!

Генри Мортон Стэнли в Африке

В 1869 г. по заданию Беннета Стэнли побывал на открытии Суэцкого канала, а затем отправился на поиски пропавшего без вести Ливингстона. В январе 1871 г. журналист прибыл на Занзибар. Прямая дорога к озеру Танганьика оказалась отрезанной из-за восстания местного населения против арабских работорговцев, поэтому экспедиции пришлось сделать большой крюк к югу. 10 ноября 1871 г. в селении Уджиджи Стэнли встретился с Ливингстоном. Путешественники вдвоем на лодках исследовали северную оконечность озера Танганьика, после чего отправились в обратный путь к побережью Индийского океана. Свои приключения Стэнли описал в книге «Как я нашел Ливингстона», имевшей большой успех.

При поддержке «Нью-Йорк геральд» и лондонской газеты «Дейли телеграф» Стэнли начал готовиться к новому путешествию. Своей задачей он поставил окончательное разрешение проблемы истоков Нила и Конго. В ноябре 1874 г. путешественник во главе отряда из более чем 300 носильщиков, несущих, помимо снаряжение, небольшое сборно-разборное речное судно, отправился в путь от побережья Восточной Африки. Путь экспедиции, пролегавший через малоисследованные области, оказался чрезвычайно тяжелым. До озера дошло менее половины людей; остальные умерли от болезней, погибли в стычках с местным населением или просто сбежали. 27 февраля 1875 г. Стэнли достиг озера Виктория. Во время почти двухмесячного плавания по этому самому большому водоему Африки путешественник окончательно установил его береговую линию. Отправившись далее на запад, Стэнли открыл озеро Эдуарда, а в середине 1876 г. за 51 день объехал озеро Танганьика, также установив его точные контуры.

В сентябре Стэнли двинулся от Танганьики вниз по долине реки Лвама. Эта река оказалась притоком Луалабы. До Стэнли на Луалабе уже побывали другие путешественники, но они так и не сумели установить, куда она течет. Одни ученые считали эту реку верхним течением Конго, другие – верховьями Нила. В поисках ответа на загадку Стэнли решил спуститься вниз по Луалабе и 5 ноября 1876 г. начал свое полное приключений плавание. За это время ему пришлось выдержать не менее 30 вооруженных стычек с местным населением, члены экспедиции страдали от лихорадки, в речных быстринах и на порогах было потеряно несколько лодок. Ниже водопадов, названных его именем, Стэнли узнал, что местные жители называют эту реку не

Луалабой, а Икуту-я-Конго. Последние сомнения в том, что Луалаба и Конго – одна и та же река, отпали. Описав гигантскую дугу через всю центральную часть Африки, Стэнли 8 августа 1877 г. вышел в Атлантический океан – спустя 999 дней после того, как оставил Занзибар. За это время экспедиция прошла около 11,5 тысячи километров. Последняя неисследованная водная артерия Африки, Конго, была разведана на всем ее протяжении. Стэнли описал этот свой 1000-дневный поход в книге «Через черный материк».

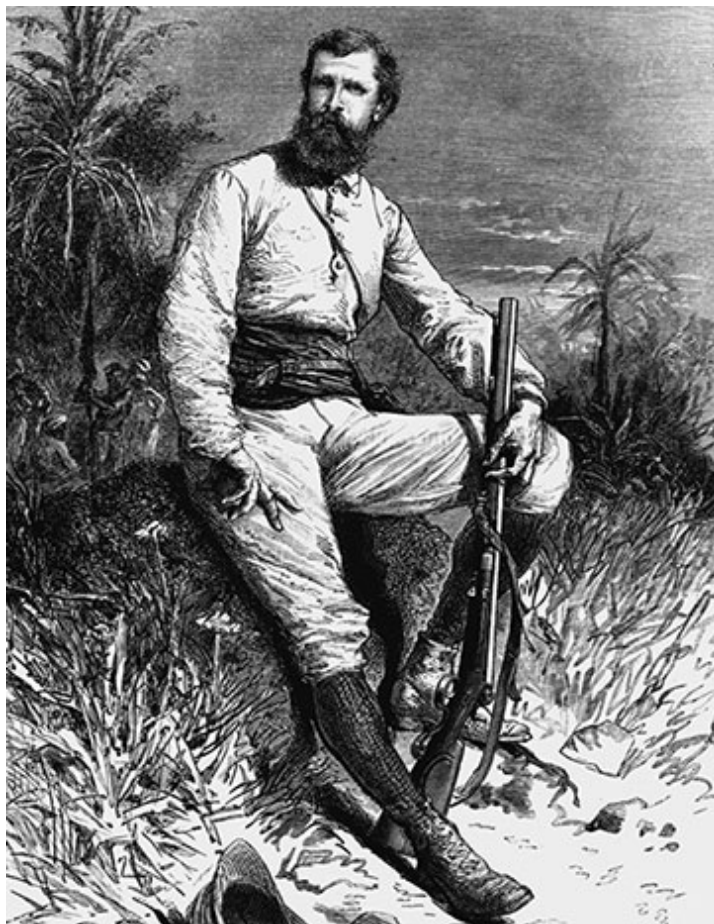
Встреча Стэнли и Ливингстона

В 1879–1884 гг. Стэнли много путешествовал по Конго, а в 1887 г. вновь отправился в путь, чтобы вторично пересечь Центральную Африку. Ему предстояло спасти Эмина-пашу, губернатора Экваториальной провинции Судана, который оказался отрезанным от Египта махдистским восстанием. Поход Стэнли стал первым в истории европейских исследований Африки пешим пересечением «великого леса Конго» – области первобытных джунглей между излучиной Конго и Великими африканскими озерами. Свое путешествие Стэнли начал в

марте 1887 г. во главе отряда из 620 человек. Топором и ножом экспедиция прокладывала себе путь через влажные тропические леса, более 100 человек погибло от изнурения и в стычках с местными племенами. Во время этого похода было завершено открытие третьего по высоте горного массива Африки – Рувензори (5109 м); в 1876 г. Стэнли уже видел его, но только издали. Путешественник не сомневался, что открыл те самые «Лунные горы», о которых некогда писал Птолемей. 29 апреля 1888 г. на озере Альберт встретился с Эмин-пашой и вместе с ним в конце 1889 г. добрался до побережья Индийского океана. Результатом этого последнего путешествия Стэнли стала книга «Через неведомый материк», переведенная на многие языки мира.

Поперек Африки

Шотландец Верни Ловетт Камерон наряду с Ливингстоном и Стэнли прославил свое имя как один из выдающихся исследователей бассейна Конго. Он начинал свою карьеру морским офицером и был уже опытным путешественником, когда в 1872 г. ему поручили руководство экспедицией, направлявшейся на поиски Ливингстона, пропавшего где-то в Центральной Африке. 24 марта 1873 г. отряд Камерона выступил из Багамойо (Восточная Африка). 4 августа, после долгих поисков, экспедиция повстречала маленькую группу людей, несших тяжелые носилки. Это были слуги Ливингстона. Они несли тело знаменитого путешественника, скончавшегося за три месяца до этого, стремясь оставить его на побережье. Спасать, увы, было уже некого... Дав людям Ливингстона двух своих провожатых, Камерон решил продолжать свой путь, на этот раз уже с исследовательскими целями. 21 февраля 1874 г. он добрался до озера Танганьика, обошел его южную часть и открыл реку Лукугу, связывающую это озеро с великой рекой Конго. Это было очень важное открытие: тем самым Камерону удалось доказать, что Танганьика принадлежит не к водной системе Нила, а к бассейну Конго. Стремясь до конца разгадать загадку, Камерон отправился к реке Луалаба (верхнее течение Конго), но местные арабские торговцы помешали ему (как до этого Ливингстону) спуститься вниз по реке. Но Камерон с помощью определения высот уже установил, что мнение, будто бы Луалаба принадлежит к бассейну Верхнего Нила, неверно.

Верни Камерон

Повернув на юго-запад, Камерон вступил в совершенно неизвестные европейцам области южных притоков Конго и водораздела Замбези и, пройдя около 5800 километров, в ноябре 1875 г. прибыл в Бенгелу на побережье Анголы. Впервые в истории Экваториальная Африка была пересечена с востока на запад. На всем протяжении этого трансконтинентального путешествия, описанного им в двухтомной книге «Через Африку» (Лондон, 1877), Камерон определил точное местоположение несколько сотен географических пунктов и провел почти 4000 измерений высот, чем были заложены основы для составления точной карты Экваториальной Африки.

Путешествия венгерского моряка по Анголе

Венгр Ласло Мадьяр с детства мечтал о море. Он окончил мореходное училище и несколько лет служил во флоте – сперва австрийском, потом аргентинском и бразильском. Во время плаваний он несколько раз побывал на западном побережье Африки, а однажды даже сумел проникнуть в ее внутренние районы, поднявшись на барке вверх по реке Конго. Дикая природа Черного континента настолько захватила Мадьяра, что раде нее он пожертвовал своей карьерой морского офицера, навсегда связав свою жизнь с Африкой.

В конце 1848 г. Мадьяр приехал в Анголу и в январе 1849 г. отправился в глубь страны, в Бие. Здесь он женился на дочери одного из местных вождей, получив в приданое за ней множество рабов; эти африканцы в дальнейшем стали его постоянными спутниками в путешествиях.

В свой первый дальний поход по Африке Мадьяр отправился в 1850 г. Идя на восток, он переправился через реку Кванза, затем вдоль водораздела Касаи – Замбези добрался до реки Касаи и, следуя вдоль ее течения, прошел далеко на север. Путешествие продолжалось около года, после чего Мадьяр вернулся в Бие.

В 1852 г. путешественник предпринял новую экспедицию, на этот раз на юг. Переправившись через реку Кунене, в то время еще малоизученную, он углубился в область обширных иссушенных равнин на ее левобережье и достиг северо-западной окраины Калахари. В 1853 г. Мадьяр снова побывал на Кунене, исследуя эту реку в ее среднем течении. За семь лет венгерский путешественник исходил все внутренние районы Анголы, добираясь до самых труднодоступных и абсолютно неисследованных мест. Далеко не все его маршруты сегодня известны.

Вспыхнувшая в Бие междоусобица заставила Мадьяра в 1857 г. вместе с семьей переселиться на побережье. Обосновавшись в бухте Лусира, он не прекращал исследовательской деятельности и за несколько лет успел обойти все южные приморские области Анголы. В 1858 г. Мадьяр прислал в Венгерскую академию наук рукопись первого тома своих трудов под названием «Путешествия по Южной Африке с 1849 по 1857 год». Эта книга увидела свет в 1859 г., но второй том так и

не был получен. Значительно позже стало известно, что путешественник умер в ноябре 1864 г., в возрасте 47 лет.

Среди горилл и пигмеев

Для Поля Шайю Африка была родиной: сын французского колониста, он провел свои юные годы в Габоне, привыкнув к африканскому климату и приобретя неплохое знание местных языков. В 1852 г. 17-летний Шайю отправился на учебу в США (впоследствии он принял американское гражданство). В Америке он опубликовал ряд статей о Габоне, успешно выступил с докладом в Академии естественных наук и в итоге добился того, что это учреждение согласилось финансировать его путешествие в Африку.

В 1856 г. Шайю отправился в долгое путешествие по Габону. Какое-то время он жил на побережье лагуны Фернан-Вас, используя ее как базу для исследовательских походов, а в 1858 г. поднялся по реке Рембо-Овенга до самых истоков, перевалил через водораздельную гряду и достиг реки Нгуние – притока большой реки Огове, в то время малоизученной. По открытой им реке он проплыл на лодке сотни миль, проследив значительный участок ее среднего течения. На протяжении всего маршрута путешественник пополнял свои естественно-научные коллекции, которые в итоге стали почти неподъемными. С этим грузом Шайю вернулся на океанское побережье и 1 июня 1859 г. на попутном паруснике покинул Африку.

Поль Шайю вместе с аборигенами сплавляется по реке

В свое второе путешествие Шайю отправился в 1865 г. Проникнув в глубь горного массива на территории Габона, он первым из европейцев встретился с пигмеями. Это были люди из племени обонго. Они не знали земледелия и жили только охотой и собирательством. От пигмеев Шайю узнал, что далее на востоке лежит большая река. Что это – Конго или, может быть, какой-то из ее притоков. В действительности это была река Огове, но путешественник так и не добрался до нее. В сентябре 1865 г. он вернулся на свою базу у Фернан-Васа и вскоре отплыл в Англию, навсегда расставшись с Черным континентом. Свои путешествия Шайю описал в книге «Путешествия и приключения в Экваториальной Африке», где впервые подробно рассказал о гориллах. Этот его рассказ многим показался неправдоподобным, на путешественника обрушился шквал язвительной критики; утверждали даже, что Шайю никогда не видел этих обезьян живыми и все его рассказы – плод чистого вымысла. Эти утверждения были совершенно несправедливы: сейчас мы знаем, что, хотя рассказ Шайю о гориллах кое в чем и отстает от истины, в целом он абсолютно правдив. Более

того, несмотря на некоторые преувеличения, его описание горилл оставалось самым достоверным на протяжении целых 100 лет.

Лимпопо, Лимпопо, Лимпопо...

С верховьями великой африканской реки Лимпопо европейцы познакомились еще в начале XIX в., устье же ее долго оставалось неизвестным. Только в 1855–1856 гг. португальский путешественник Жуакин ди Санта Рита Монтанья, священник, побывав в южной части Мозамбикской низменности, вплотную приблизился к разгадке этой тайны. Его наблюдения позволили ученым предположить, что устье Лимпопо должно находиться между портом Иньямбане и бухтой Делагоа.

Окончательно решил проблему Лимпопо английский путешественник Сент-Винсент Эрскин. Он отправился в Мозамбик в 1868 г., намереваясь принять участие в третьей экспедиции Карла Мауха, но, встретившись с немецким путешественником, изменил свои планы и, вместо того чтобы отправиться с ним на север, двинулся на северо-восток. Спустившись с Драконовых гор в долину реки Олифантс, Эрскин прошел вдоль нее до места ее впадения в Лимпопо и затем проследил течение реки Лимпопо до самого ее устья. Путешественник сумел исследовать не только Лимпопо, но и обширную территорию мозамбикского побережья к югу от бухты Софала, которая до тех пор была известна европейцам только понаслышке. А между тем Эрскин в 1871–1875 гг. трижды побывал в этой области, пройдя ее вдоль и поперек и обследовав нижнее течение реки Сави (Саби), которое до той поры обозначалось на картах весьма приближенно.

Русский в Магрибе

Петр Чихачев был одним из самых разносторонних русских путешественников XIX в. Он побывал в Малой Азии, Армении, Курдистане, в Восточной Фракии, Франции, Италии, Испании, Португалии, путешествовал по Палестине, Ливийской пустыне и Синаю, посетил даже далекий Урянхайский край (Тува) и покорил Саянский хребет. Он побывал в местах, где еще не ступала нога человека, опубликовал более 20 работ по геологии, палеонтологии и гидрографии. 25 сентября 1877 г. Чихачев отправился из Парижа в новое путешествие для изучения Северной Африки. Алжир, Тунис, Марокко, Египет и другие места Северной Африки он впервые посетил еще в 1835 г., в период своей работы в русском посольстве в Константинополе. Новое его путешествие началось с Испании. Из портового города Картахена Чихачев на пароходе отправился к берегам Северной Африки. Семь месяцев он путешествовал по Алжиру, после чего 25 мая 1878 г. отправился на пароходе в Тунис. После 10-дневного знакомства с городом Тунисом Чихачев приступил к исследованию его окрестностей. Прежде всего он отправился в горы Загуан, расположенные в 40 километрах южнее Туниса. Здесь сохранился великолепный акведук, сооруженный 18 веков назад императором Андрианом с целью подвести воду к Карфагену из источников, расположенных в 130 километрах от города. Завершив знакомство с горным массивом Загуан, путешественник направился к развалинам древнего города Утика, расположенного на полпути из Туниса в Бизерту. 4 июня Чихачев побывал у целебных источников Хаммам-Эль-Энер, расположенных у подножия горного массива Джебель-Бу-Курнеин, а на следующий день приступил к изучению развалин древнего Карфагена. 9 июня 1878 г., после почти годичного пребывания в Северной Африке, Чихачев отправился пароходом из Туниса в Неаполь, а оттуда во Флоренцию.

Петр Чихачев на рисунке К. Брюллова

Пятнадцать лет в Сахаре

С 19 лет Герхардт Рольфс был солдатом разных армий – прусской, австрийской, а потом французской. Служа в рядах французского Иностранного легиона в Алжире, он выучил арабский язык и настолько освоил местные обычаи, что после отчисления из легиона в 1861 г. смог проникнуть под видом мусульманина в Марокко, куда в то время не пускали иностранцев, и поступить на службу к марокканскому султану. Служба эта продолжалась около года, и за это время Рольфс много ездил по стране, побывал в Танжере, Фесе, Марракеше и других городах. В 1862 г. путешественник прошел по Атлантическому побережью с севера Марокко до устья реки Уэд-Сус, а отсюда через Высокий Атлас добрался до оазиса Тафилельт, где до него из европейцев был лишь Кайе, однако во время этого путешествия Рольфс был тяжело ранен в стычке с туземцами.

Герхардт Рольфс

В 1863–1864 гг. Рольфс вторично перешел Высокий Атлас, первым из европейцев Нового времени побывал в оазисе Туат и через Гадамес вернулся в Триполи. Благодаря этим путешествиям он стал лучшим в Европе знатоком Марокко. Но подлинная слава пришла к Рольфсу после большого путешествия по Африке в 1865–1867 гг.

Из Триполи путешественник отправился через Сахару к озеру Чад, новыми, неизведанными путями дошел до реки Бенуэ, спустился по ней до ее впадения в Нигер. Затем сухопутным путем через западную часть Нигерии он добирается до Ибадана и заканчивает свое путешествие в Лагосе в 1867 г. Таким образом Рольфс впервые за один раз пересек всю Африку от Средиземного моря до Гвинейского залива.

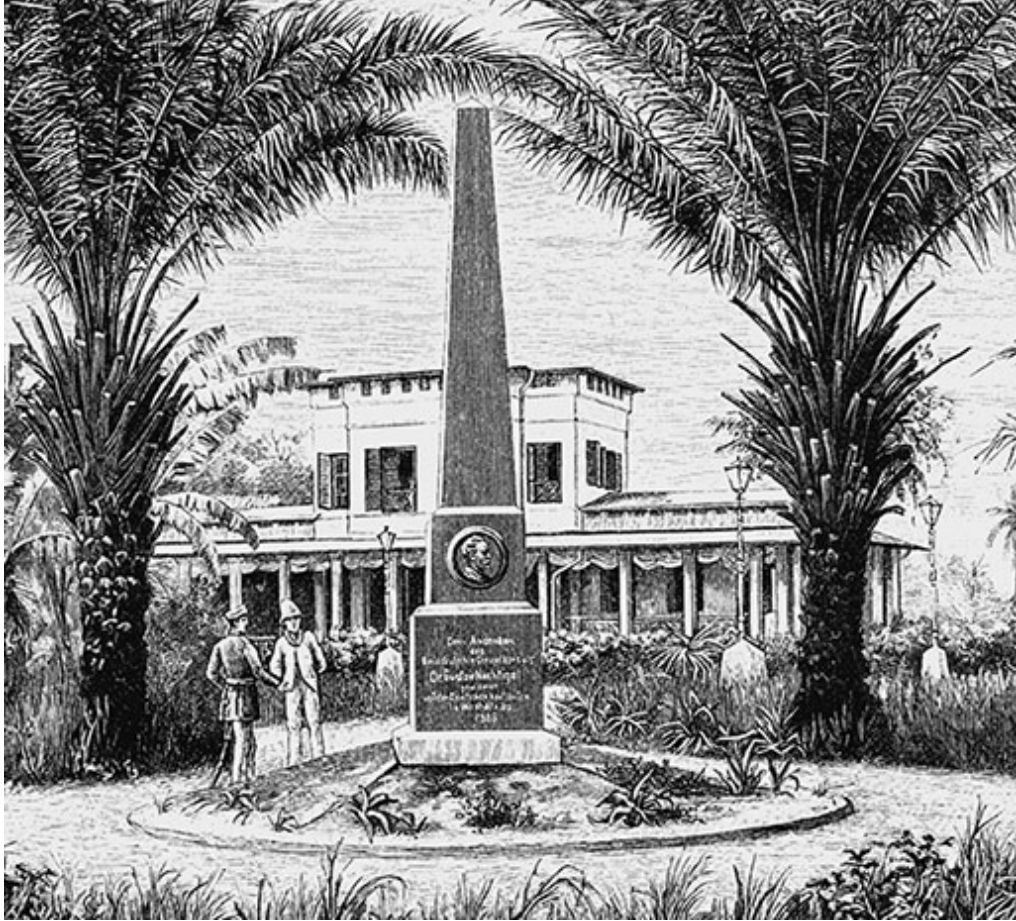
В последующие годы Рольфс продолжал странствовать по Сахаре. В 1868–1869 гг. он пересекает северную часть Ливийской пустыни от Триполи до Александрии, в 1873–1874 гг. побывал в Египте, в Западной пустыне, посетив оазисы Дахла, Фарафра и Бахария. В 1878 г. Рольфс дальше, чем кто бы то ни было до него, проник в Ливийскую пустыню и достиг легендарных оазисов Куфра, где еще ни разу не ступала нога европейца. Здесь Рольфса постигла неудача: вблизи оазисов Куфра его ограбили, в результате чего путешественник был вынужден возвратиться в Бенгази.

Более 15 лет Герхард Рольфс провел в непрерывных скитаниях по глубинным районам Сахары и Судана, многие из которых стали известны европейцам только благодаря его отваге и предприимчивости. В 1885 г. он окончательно вернулся в Германию. Из всех немецких исследователей Африки Рольфс дольше всех прожил на Черном континенте и охватил своими путешествиями самые обширные его области.

Густав Нахтигаль в глубинах Африки

Густав Нахтигаль начинал свою карьеру военным врачом. В 1860-х гг. из-за болезни легких ему пришлось переселиться из Германии в Алжир, а оттуда в Тунис. Здесь он продолжил свою медицинскую практику в качестве придворного врача тунисского бея. Находясь на этой службе, он совершил несколько поездок в глубинные районы страны. Но коренным образом судьбу Нахтигалья изменила встреча с известным немецким путешественником Герхардтом Рольфсом. От Рольфса Нахтигаль узнал, что прусский король Вильгельм I отправляет подарки правителю африканской страны Борну, расположенной вблизи далекого озера Чад, и без колебаний вызвался доставить эти дары адресату, невзирая на все трудности, которые ему предстояло преодолеть...

В январе 1869 г. Нахтигаль отважно отправился из Триполи через Сахару в Феццан. Он даже не предполагал, что его путешествие растянется на целых 6 лет! Первые затруднения начались уже после того, как Нахтигаль достиг оазиса Мурзук. Здесь ему пришлось 4 месяца ждать попутного каравана. Впрочем, путешественник не терял зря времени: за это время он сумел побывать в горах Тибести, став первым европейцем, исследовавшим этот массив.

Место захоронения Густава Нахтигалья в г. Дуала, Камерун

От Мурзука Нахтигаль выступил с караваном на юг, к озеру Чад. Он пересек Сахару и добрался до селения Кукава (Кука), столицы области Борну. Вручив местному султану королевские подарки и завершив тем самым официальную часть своего путешествия, Нахтигаль продолжил свою исследовательскую деятельность. Три года он прожил в стране Борну, совершая отсюда дальние походы в неисследованные районы Африки. За это время он несколько раз побывал на озере Чад, исследуя его берега. В 1871 г. путешественник побывал в областях Канем и Борку, расположенных к северо-востоку от озера, а в 1872 г. – в области Багирми, лежащей к юго-востоку. Но более всего интересовала Нахтигалья малоизвестная страна Вадаи, доступ в которую европейцам был заказан.

В 1873 г. Нахтигаль узнал, что в Вадаи сменился правитель и новый султан не настроен столь враждебно к чужеземцам, как его предшественник. Путешественник решил попытать счастья и

отправился в эту совершенно неисследованную страну, рассчитывая вернуться в Европу через Восточный Судан. Он благополучно добрался до города Абеше – столицы Вадаи, открыв по пути озеро Фитри и впадающую в него реку Бата. Почти год Нахтигаль провел в Вадаи. Отсюда он отправился на восток, пересек плато Дарфур, в августе 1874 г. достиг Эль-Обейда, и отсюда по Нилу спустился до Хартума. В ноябре 1875 г. путешественник был уже в Каире. Результаты шестилетних странствия Нахтигалья оказались весьма впечатляющими: им были исследованы нагорье Тибести, многие ранее неизвестные районы Центральной Сахары, побережье озера Чад, правый берег реки Шари на территории султаната Багирми, нагорье Вадаи и плато Кордофан. Триумфальное возвращение Нахтигалья в Берлин ознаменовалось его избранием председателем германского Африканского общества, а в 1879–1889 гг. был опубликован трехтомный труд «Сахара и Судан», в котором путешественник рассказал миру о своих открытиях и приключениях.

К истокам Белого Нила

Длительные поиски истоков Нила завершились открытием озера Виктория и целой системы озер и рек, расположенных у истоков величайшей реки Черного континента. Правда, многое в этой системы еще оставалось нясным. Предстояло, в частности, выяснить, связан ли Белый Нил с озером Альберт. Решение этой географической проблемы представляло одновременно и большой практический интерес, поскольку тем самым решался вопрос о возможности водного сообщения между Египтом и внутренними областями Экваториальной Африки. Для этих целей на Нил еще в 1871 г. был загодя доставлен небольшой пароход.

Попытки отыскать водный путь к озеру Альберт предпринимались несколько раз, но все они были безрезультатны. Удачным оказалось только путешествие Ромоло Джесси, итальянца на английской службе. В 1876 г. он на двух лодках поднялся вверх по Белому Нилу и добрался до места, где эта река вытекает из озера Альберт. На исследованном Джесси участке Белый Нил оказался широкой, глубокой и вполне судоходной рекой с быстрым течением. Войдя в озеро Альберт, Джесси первым из европейцев совершил по нему круговое плавание и, к немалому своему удивлению, обнаружил, что оно значительно меньше, чем считалось до этого. Правда, Джесси не удалось добраться до южной оконечности озера: путь его лодкам преградило мелководье с густыми зарослями водных растений. Тем не менее было очевидно, что южный берег совсем близок: с высоты мачты Джесси смог различить позади зарослей твердую землю – широкую зеленеющую равнину, уходящую на юг между двумя параллельными горными хребтами. Плавание Джесси показало также, что у озера Альберт нет никакого другого стока, кроме Белого Нила.

Ромоло Джесси

Выводы, сделанные Джесси в отношении истинных размеров озера Альберт, были восприняты картографами скептически. Однако уже через год сведения итальянского путешественника целиком подтвердил американский полковник А.М. Мейсон, также исследовавший этот африканский регион.

Русский путешественник у людоедов НЬЯМ-НЬЯМ

Вильгельм Юнкер родился в Петербурге в семье банкира – немца по происхождению. Образование он получил в Германии. Встреча с известным исследователем Африки Нахтигалем вызвала у Юнкера горячее желание проникнуть в глубь Черного континента...

В свою первую экспедицию Юнкер отправился в 1876 г. Добравшись из Суэца морем до Суакина – морских ворот Судана, 18 дней путешественник шел с караваном вдоль русла реки Барака, совсем пересохшей. И вот, наконец, Кассала – главный город области Така, богатой диким зверьем. Именно здесь комплектовались коллекции европейских зоопарков. Отсюда через Кедареф (Гедареф) по совершенно пустынной местности пролегла дорога до Хартума. В Хартуме Юнкер поднялся на борт парохода «Сафия» и отправился вверх по Нилу. Рождество справляли в Ладо, столице Экваториальной провинции. А 22 января Юнкер вместе с торговым караваном отправляется в страну Макарака.

В селении Кабаенди он знакомится с братом азандийского вождя Индиммы – Рингио. Юнкер ищет гору Багинзе, которую хочет нанести на карту. Но Рингио – то ли по незнанию, то ли по злему умыслу – указывает Юнкеру неправильную дорогу к горе. 290 километров пути пройдены зря. Начинаются дожди. Запасы провианта кончаются. Проводники разбежались. Юнкер остается один в дикой стране.

Видя тяжелое положение путешественника, Рингио предлагает Юнкеру лично проводить его к горе Багинзе. Вдвоем они добираются до нее, Юнкер наносит гору на карту и после трехмесячного отсутствия он возвращается в Ладо. В ноябре 1877 г. путешественник участвует в военном походе в страну Калика. В качестве экспоната для антропологической коллекции ему перепадает череп одного из африканских вождей. Благодаря участию в этом походе Юнкер впервые пересекает водораздел Нила и Конго. Впервые он увидел реку Кибби – истоки Уэле. Первое путешествие в верховья Нила закончено. Юнкер возвращается в Хартум. Он уже знал цель своего следующего путешествия: нужно разрешить загадку, куда впадает Уэле...

Подготовка к экспедиции занимает минимум времени. Юнкер выбирает в помощники немца Бондорфа. Встретив новый, 1879 г., они отправляются на пароходе «Исмаилия» вверх по Нилу. Через 8 дней пароход доползает наконец до городка Мешре. Далее Юнкер с Бондорфом плывут на лодке-«душегубке» в страну негров-динка. Отсюда путешественник хочет отправиться в землю мангбатту к югу от Уэле, потом в Дем-Солиман с тем, чтобы попасть оттуда напрямиком в страну негров азанде и к «людоедам» ньям-ньям. Для встречи с их вождем Ндоруме, не любившим нубийцев, Юнкер одел своих спутников в русские рубахи и шаровары. Ндоруме подарки пришлись по вкусу. Он разрешает Юнкеру устроить в своей деревне базу для будущих экспедиций.

Вильгельм Юнкер

В течение 1881 г. Юнкер подробно исследует земли азанде и мангбалле, подолгу гостя у этих народов. В декабре 1881 г. в одиночку

отправляется в земли людоедов абармбо. Здесь он впервые знакомится с пигмеями. Для негров абармбо они служат вместо дичи: их ловят, убивают и едят. В конце апреля 1882 г. Юнкер решает идти на юг до реки Непоко. Этот поход дается ему непросто: началась чесотка, тело покрылось язвами, в том числе руки и ноги. Путешественника несут на носилках-гамаке. Путь к реке Непоко лежит через болота. Вокруг – огромное количество крокодилов: кажется, что они населяют каждую лужу. 6 мая 1882 г. Юнкер выходит к Непоко.

10 января 1883 г. путешественник вновь отправляется к реке Уэле. Впереди еще три года странствий. Только 26 ноября 1887 г. он снова увидел море. Тысячи километров пути остались позади...

Юнкер вернулся в Европу практически с пустыми руками – собранные им коллекции погибли. Но путешественник сумел сохранить главное – дневники. Он исследовал водораздел Конго и Нила, выправил карту речной системы Уэле-Макуа. Никто из русских путешественников не сумел прожить в Африке дольше, чем он.

В стране великих озер

На плечи 22-летнего Джозефа Томсона совершенно неожиданно легла тяжелая ответственность: когда экспедиция Лондонского Королевского географического общества 28 июня 1879 г. еще только вышла из Дар-эс-Салама, ее руководитель скончался, и молодому геологу-шотландцу пришлось принимать бразды правления... А между тем перед исследователями стояла нелегкая задача: им предстояло проникнуть в область Великих африканских озер и прояснить загадки этого все еще мало исследованного района, представляющего собой настоящий лабиринт гор, рек и водоемов разной величины. И хотя здесь уже побывало немало экспедиций, многие проблемы оставались неразрешенными. Существует ли связь между крупнейшими африканскими озерами: Танганьикой, Ньяса и Викторией? Стекают ли воды Танганьики в Конго, или имеется связь этого озера с бассейном Нила? Есть ли у озера Ньяса сток на севере, или оно связано с рекой Замбези, впадающей в Индийский океан? Правда, в апреле 1879 г. был обнаружен сток из озера Танганьика в реку Конго; была установлена и связь озера Ньяса с Замбези. Но вопросы тем не менее оставались...

Томпсон взял курс на озеро Ньяса. Перевалив через открытые им невысокие горы Кипенгере, он вышел к северному берегу озера, безуспешно разыскивая сток на север. Но все встреченные им реки и речки текли на юг; стока на север не было.

Памятник Джозефу Томсону

По совершенно неисследованному гористому перешейку между озерами Ньяса и Танганьика Томсон вышел к южной оконечности Танганьики. Жившие в этой области племена были настроены крайне враждебно. Путь путешественнику на запад был прегражден. Тогда Томсон направился на северо-восток: по дороге он слышал рассказы о том, что где-то в этом районе находится большой водоем. Действительно, Томсону удалось обнаружить мелководное соленое озеро Руква, расположенное в большой тектонической впадине. Уровень воды в озере целиком зависел от уровня осадков: в дождливые годы площадь его зеркала порой достигала 4,5 тысяч квадратных километров, а в засушливые периоды оно почти полностью пересыхало. Установив, что озера Руква и Танганьика не связаны между собой, Томсон повернул на восток и, идя напрямую через саванны, в июле 1880 г. добрался до побережья Индийского океана.

В дебрях Анголы и Конго

Немец Пауль Погге впервые приехал в Южную Африку в 1865 г., рассчитывая поохотиться в Натале. Как и многие его современники, он увлекся загадками Черного континента и в 1874 г. присоединился к экспедиции орнитолога Александра Хомейера в Касангу. Вместе с ним он совершил путешествие вверх по течению реки Кванза в Анголе. В свое второе путешествие в Анголу в 1875 г. Погге отправился уже в одиночку. Он вдоль и поперек исходил страну Лунда, подолгу жил среди африканцев и с каждым месяцем все дальше и дальше продвигался в глубинные районы Африки. Его путешествие становилось все труднее и опаснее; наконец, перед Погге встало так много препятствий, что он вынужден был вернуться обратно на побережье. Как бы то ни было, странствие его не было напрасным: Погге сумел открыть и исследовать обширные области бассейна реки Конго, до того совершенно неизвестные европейцам.

Осенью 1880 г. Погге в сопровождении другого немецкого путешественника, Германа Виссмана, во главе экспедиции, снаряженной Африканским обществом, вновь отправился из Луанды в глубинные районы Анголы. Через Маланже (Маланге) путешественники вышли к реке Касаи – крупнейшему левому притоку Конго – и на долгое время остановились на реке Лулуа, проживая в резиденции местного вождя. 17 апреля 1882 г. Погге добрался до реки Конго (в районе Ньянгве), где расстался с Виссманом и повернул назад, к западному побережью. Обратный путь занял два года и проходил в чрезвычайно трудных условиях. У Погге закончились товары, предназначенные для обмена, с помощью которых он находил общий язык с африканцами. Путешественник страдал от приступов лихорадки и невыносимого климата. Только 28 февраля 1884 г. Погге, совершенно истощенный, добрался до Луанды и через несколько дней умер.

В лабиринте рек

В 1880 г. германское Африканское общество отправило в Анголу экспедицию во главе с известным путешественником Паулем Погге. Спутником его стал 27-летний Герман Вильгельм фон Виссман. Пройдя по сложному маршруту, большая часть которого пролегла через области, дотоле неизвестные европейцам, экспедиция добралась до верховий Конго. Здесь путешественники разделились: Погге повернул назад, а Виссман пошел на восток, к Танганьике, а оттуда – к побережью Индийского океана, которого он достиг в ноябре 1882 г.

Пауль Погге

Вернувшись на родину, Виссман начал готовить новую экспедицию, целью которой должно было явиться исследование реки

Касаи. Ныне известно, что эта река является крупнейшим левым притоком Конго, но в те времена о ней имелись самые смутные представления. Проект Виссмана был поддержан бельгийским королем Леопольдом II. В январе 1884 г. экспедиция высадилась в Луанде. С двумя спутниками, Куртом Франсуа и Людвигом Вольфом, Виссман двинулся на восток, пересекая бесчисленные реки бассейна Касаи, текущие к северу. К концу лета путешественники добрались до Касаи. Пройдя вверх по долине реки, Виссман открыл водопад, названный им именем Погге, своего товарища по первой экспедиции.

В ноябре 1884 г. Виссман достиг реки Лулуа – правого притока Касаи. В долине этой реки располагалась резиденция вождя местного племени, который радушно принимал у себя Погге и Виссмана во время их предыдущей совместной экспедиции. Точно так же вождь принял путешественника и в этот раз. Виссман оставался у него до конца мая 1885 г., после чего отправился вниз по Лулуа. Вскоре он достиг места слияния Лулуа с Касаи и начал спуск по этой огромной реке. Плавание затрудняли многочисленные мели. Миновав в середине июня устье Санкуру – крупнейшего правого притока Касаи, путешественники обнаружили, что река все больше отклоняется на запад, в направлении Конго. Неужели Касаи, эта великая река, является всего-навсего притоком другой, величайшей реки? Это предположение оказалось истиной: в первых числах июля путешественники добрались до места впадения Касаи в Конго. Это путешествие имело чрезвычайно важные результаты. Немецким исследователям удалось выявить всю схему гидрографической системы Касаи, установить судоходность этой реки, верно нанести на карту один из самых запутанных в мире речных лабиринтов и выяснить, что Касаи впадает в Конго.

В апреле 1886 г. Виссман вместе с Вольфом поднялся от устья Конго до Касаи, а потом до реки Санкуру, чтобы обследовать другой большой приток Конго – Ломами. Но земли, через которые пришлось идти путешественникам, были так разорены и опустошены охотниками за рабами и эпидемиями, что Виссману пришлось повернуть на юг. Через озеро Ньяса и реку Шире Виссман вышел к низовьям Замбези и в августе 1887 г. закончил свое второе пересечение Африки на берегу Мозамбикского пролива. В 1901 г. путешественник опубликовал свою книгу «В джунглях Африки и Азии. Приключения охотника»,

завоевавшую огромную популярность в Германии и не раз переиздававшуюся.

К вершине горы Камерун

В Африке Стефан Шольц-Рогозинский, русский флотский офицер польского происхождения, впервые побывал 22-летним мичманом, совершая кругосветное плавание на крейсере «Генерал-адмирал» в 1879–1880 гг. Загадочный и прекрасный Черный континент буквально заморозил молодого моряка. Он вернулся в Кронштадт, горя желанием стать первооткрывателем тайн Африки. Областью своих исследований он избрал Камерун, в то время одну из самых малоизученных стран западной Экваториальной Африки. Покровительство его предприятию оказало Русское географическое общество, хотя средства на экспедицию Рогозинскому пришлось собирать самому. Вместе с ним в Африку отправились еще четверо спутников, все поляки (двое позже отстали от экспедиции). В самом конце 1882 г. путешественники отплыли из Гавра (Франция), и вскоре уже судно бросило якорь в порту Санта-Исабель на острове Фернандо-По (Гвинейский залив). Отсюда путешественники перебрались на континент, избрав своей базой окрестности современного города Виктория (Камерун).

Польская почтовая марка, выпущенная в честь Стефана Шольц-Рогозинского

Главной целью путешественников являлся знаменитый вулкан Камерун. На лодках они поднялись вверх по реке Мунго, а затем, идя пешком, открыли большой водопад. В пути Рогозинский поранил ногу. «В глухих лесах слоны так изобилуют, – писал путешественник, – что походы в них всегда опасны... я вернулся с такими израненными ногами, что раны до сих пор гноятся. Здесь очень тяжело».

Местное население встречало путешественников с неизменным дружелюбием. Правда, сначала, как вспоминал Рогозинский, африканцы «в великой панике» бежали при виде неведомых белых людей, но потом все же становились их друзьями. За все время члены экспедиции ни разу не столкнулись со случаями враждебного отношения.

Но вот, наконец, цель экспедиции – вулкан Камерун. Восхождение на его вершину стало кульминационным пунктом всего путешествия. Обратный путь пролегал вдоль восточных склонов вулкана. Силы путешественников к этому времени уже были на исходе: Рогозинского

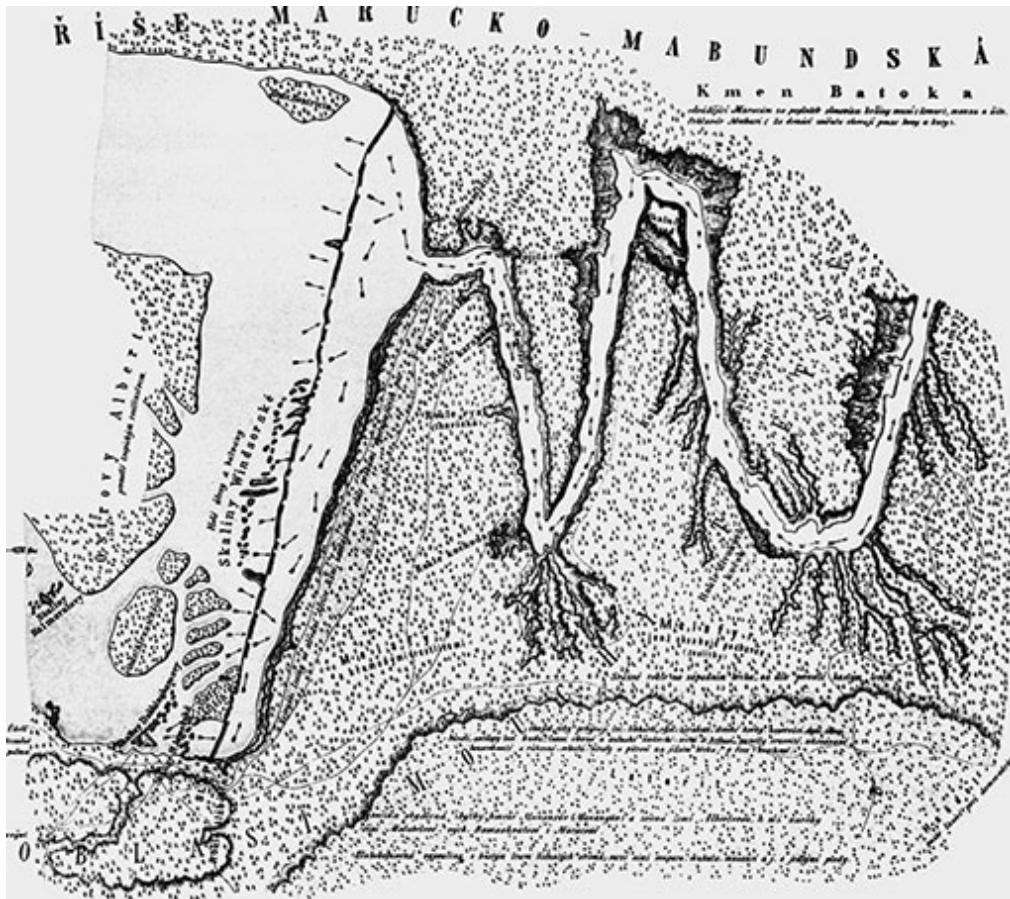
продолжали мучить полученные раны, один из его спутников, Клеменс Томчек, умер от тропической лихорадки. На базу свою они вернулись только к началу нового, 1884 г.

Спустя несколько лет Рогозинский вернулся в Африку – на этот раз вместе со своей женой Хеленой. Он снова поселился на острове Фернандо-По и прожил там около пяти лет. Материалы, собранные Рогозинским, позднее использовал знаменитый географ Э. Реклю при подготовке своего известного труда «Земля и люди».

Странствия Эмиля Голуба

В 1872 г. в южноафриканский город Кимберли, прославившийся своими знаменитыми на весь мир алмазными копиями, приехал чешский врач Эмиль Голуб. Занятия медициной не мешали его страсти к путешествиям и исследованиям неоткрытых земель. На собственные средства Голуб сумел организовать три экспедиции в глубинные области Южной Африки. Маршруты двух первых его путешествий пролегли через Трансвааль и страну бечуанов (Бечуаналенд; ныне Ботсвана). В своем третьем путешествии в 1875 г. Голуб поставил перед собой более масштабную задачу: он попытался достичь истоков Замбези. В Сешеке, столице государства банту, где уже побывал Ливингстон, он был дружественно принят местным правителем по имени Сепопо. Благодаря его поддержке Голуб смог благополучно пересечь всю эту обширную территорию, однако до истоков Замбези ему добраться не удалось, поскольку в пути он заболел лихорадкой. Правда, ему удалось исследовать область истоков реки Лимпопо. В 1879 г. больной Голуб возвратился на родину, однако в 1883 г. снова отправился в Африку. На этот раз он задумал осуществить совершенно небывалое путешествие: пересечь весь Черный континент с юга на север, от Кейптауна до Каира.

Отправившись в 1887 г. в далекий путь в сопровождении жены и 6 африканцев, Голуб со многими трудностями и лишениями достиг среднего течения Замбези и вступил в совершенно неизвестную до того времени землю народа машукулумбе, расположенную в верховьях реки Кафуэ. Здесь в результате несчастного случая экспедиция лишилась всего своего снаряжения, и путешествие пришлось прекратить...

Карта реки Замбези, составленная Эмилем Голубом

Хотя Голуб странствовал большей частью в уже открытых к тому времени областях Африки, он внес существенный вклад в их познание. Во время третьего своего путешествия он открыл новые земли в междуречье Замбези и Луалаба-Конго и собрал богатые естественно-научные и этнографические коллекции.

Походы Оскара Ленца

Немецкий путешественник Оскар Ленц впервые отправился в Африку в 1874 г. Три года он странствовал по дебрям Экваториальной Африки, в областях Муни и Огове, откуда привез в Берлин богатые этнографические коллекции. В 1879 г., переодевшись турецким военным врачом, Ленц отправился в далекий и опасный путь от Танжера через западную Сахару и не изученные в то время районы марокканского Атласа в Тимбукту, в котором до него побывали только Ленг, Кайе и Барт. Отсюда он первым из европейцев двинулся на запад, к Сенегалу, причем побывал в еще неизвестных областях Западной Сахары и Западного Судана.

Оскар Ленц

В 1885 г. Ленц снова отправился в Экваториальную Африку, намереваясь от водопадов Стэнли, что на реке Конго, проникнуть в экваториальные провинции Судана и прийти на помощь европейцам, оказавшимся отрезанным от Египта в результате восстания Махди. Этот замысел не удался. Ленц прошел вверх по течению Конго до Ньянгве и Касонго, в те времена являвшихся главными опорными пунктами арабских охотников за слоновой костью и работоторговцев, но дальше его не пропустили, и он вынужден был направиться на восток. Через озера Танганьика и Ньяса, следуя вниз по рекам Шире и Замбези, Ленц достиг восточного побережья Африки у Келимане, пройдя, таким образом, весь Африканский континент с запада на восток.

От Килиманджаро к озеру Рудольфа

Венгерский граф Шамуэль Телеки отправился в путешествие по Восточной Африке на собственные средства, но отнюдь не для удовлетворения собственного любопытства. Целью его являлось исследование гор Восточной Африки. Своим спутником Телеки избрал морского офицера Людвиг фон Хенеля.

Отправившись в путь в январе 1887 г., Телеки и Хенель взяли курс к главной вершине Африки – вулкану Килиманджаро (5895 м). Им удалось подняться на его главный конус – Кибо, но высшей точки горы они не достигли. Затем путешественники попытались покорить вторую по высоте вершину Черного континента – гору Кения (5199 м). В октябре 1887 г. Телеки совершил первое в истории европейских исследований Африки восхождение на Кению. Правда, до ее вершины Телеки не добрался: путешественнику удалось подняться только до границы вечных снегов.

Спустившись к озеру Баринго, путешественники направились дальше на север и 6 марта 1888 г. вышли к большому, вытянутому в меридиональном направлении озеру с солоноватой водой. Местные жители называли его Бассо-Нарок («Темная вода»). Телеки присвоил ему имя наследного принца Австро-Венгрии – эрцгерцога Рудольфа^[1], а вулкан у южной оконечности озера получил имя самого Телеки.

Шамуэль Телеки

Идя вдоль озера, Телеки и Хенель спустя месяц достигли его северной оконечности, установив, что оно его длина составляет около 300 километров при ширине от 24 до 50 километров. Они открыли впадающую в озеро с севера большую реку, которую туземцы называли Няням; путешественники же пришли к выводу, что это река Омо, уже известная европейцам в своем верхнем течении. Обойти озеро Рудольфа вокруг Телеки не удалось: жившие здесь племена галла отказались пропустить путешественников через свои земли. Пришлось поворачивать назад... В октябре 1888 г. Телеки и Хенель достигли побережья Индийского океана. Главным и наиболее впечатляющим результатом их путешествия стало открытие озера Рудольфа – четвертого по величине из Великих озер Восточной Африки, о котором до этого ходили лишь смутные слухи. Результаты экспедиции Телеки оказались исключительно важны и для познания геологической структуры африканского материка.

Покорить Килиманджаро!

Когда Ганс Майер прибыл в Африку, он уже был известен как опытный путешественник. За его плечами были поездки в Юго-Восточную Азию, на Филиппины, в Северную Америку. В свое первое африканское путешествие он отправился в 1886 г. Из Кейптауна через Кимберли, Трансвааль, Наталь, Мозамбик и Занзибар он добрался до Танганьики, где попытался подняться на Килиманджаро, высочайшую вершину Африки. На высоте 5500 метров Майер достиг границы льдов, после чего ему пришлось вернуться из-за отсутствия альпинистского снаряжения.

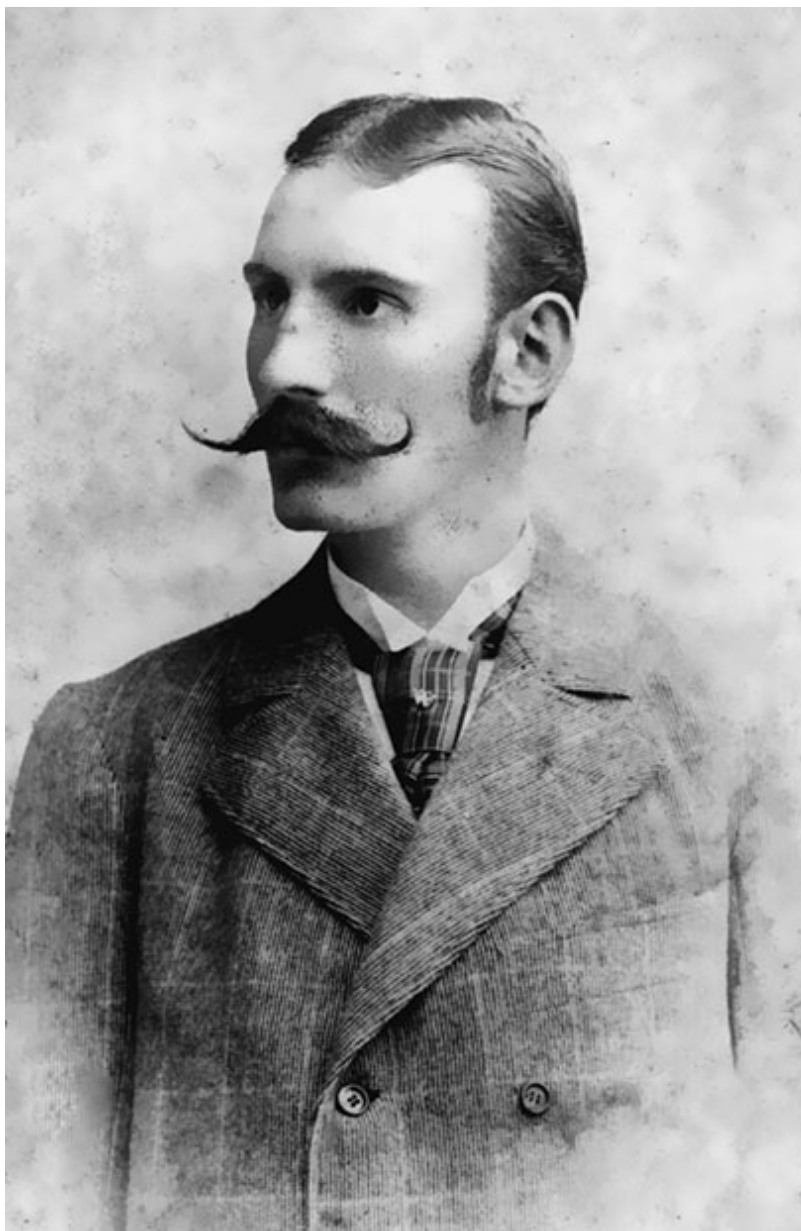
В 1888 г. Майер вместе с другим немецким путешественником, Оскаром Бауманом, попытался вновь покорить Килиманджаро. Однако препятствием на их пути стало восстание местных племен. Не успев дойти до цели, путешественники вынуждены были повернуть обратно, но на пути попали в руки повстанцев, и только за очень большой выкуп их освободили. Упорный Майер отправился к Килиманджаро в третий раз, теперь в сопровождении австрийского альпиниста Людвиг Пуртшеллера. 6 октября 1889 г. экспедиция впервые в истории достигла, наконец, кратера Кибо (5895 м). Высочайший пик Африки был покорен!

Побывав на Канарских островах, Майер в 1894 г. совместно с художником Эрнстом Платцем в четвертый раз отправился на Килиманджаро. Обойдя весь горный массив и обследовав его ледники, он завершил изучение высочайшей горы Африки. Экспедиции на Килиманджаро побудили Майера всерьез заняться вулканологией. В дальнейшем он много путешествовал, побывал в Эквадоре, где поднимался на вулканы Чимборасо, Котопахи и Антисана. В 1911 г. он снова отправился в Восточную Африку, путешествовал по Руанде и Бурунди и совершил восхождение на вулканы Карисимби и Нирагонго.

Драгутин Лерман – губернатор Конго

В Боснии и Герцеговине, в маленьком городке Крешево, на старом кладбище стоит невзрачный памятник из серого камня. Имя на нем давным-давно стерлось. Только немногие из стариков, пожалуй, помнят, что здесь лежит Драгутин Лерман, хорват из города Пожега, человек, который добрую часть своей жизни провел в Африке, исследовал неведомые земли, а позднее приехал сюда, в Крешево, чтобы разыскивать руды, и здесь же скончался.

Еще мальчиком Драгутин Лерман мечтал побывать в дальних краях. В 1879 г., 16-летний юноша отправился в Загреб, а оттуда пешком через Европу – в Гамбург, чтобы сесть на какой-нибудь заокеанский корабль, идущий в Америку. В Гамбурге ему это сделать не удалось, и он переправился в Англию, но не нашел денег для путешествия через Атлантику и вернулся в Гамбург и снова пешком – на родину. Здесь он познакомился с кадетом военно-морского училища Лукшичем, который готовился к путешествию в Африку. Лерман загорелся отправиться вместе с ним. Оба друга поехали в Брюссель, где знаменитый Стэнли зачислил их в состав готовившейся экспедиции в Конго.

Драгутин Лерман

8 ноября 1882 г. экспедиция Стэнли, состоявшая из 14 членов, отправилась из Антверпена в Конго. В Африке Лукшич заболел и вскоре умер. Лерман же пешком обошел Конго с севера на юг и с запада на восток. Побывал он и в области Великих озер Танганьики. За все время своего пребывания в Африке (1882–1896 гг.) Лерман вел дневник и посылал отрывки из него своему другу Юлию Кемпфу, который впоследствии издал их под названием «Письма из Африки». Из этих писем мы узнаем, как Лерман пробирался в дебри Конго, вел

переговоры с африканскими вождями, спускался по рекам на лодках, страдая от лихорадки... Собранный им богатая этнографическая коллекция ныне хранится в Этнографическому музею в Загребе.

Пиком карьеры Лермана стало его назначение на пост губернатора Восточного Конго. Впрочем, скоро служба путешественника подошла к концу, и он вернулся в Европу – в Крешево, чтобы заняться исследованием рудных богатств этого горного края.

Через страну масаев к истокам Нила

Свое знакомство с Африкой Оскар Бауман, выпускник Венского университета, начал в 1885 г. в качестве участника австрийской экспедиции Оскара Ленца, отправившейся в бассейн реки Конго. Это первое знакомство едва не стоило ему жизни: во время путешествия Бауман тяжело заболел и вынужден был прервать путешествие.

В 1888 г. Бауман вновь отправился в Африку. Вместе с Гансом Мейером, стремившимся покорить Килиманджаро, он исследовал горы Усамбара (северо-запад Танзании) и попал в плен к восставшим туземцам, но это приключение благополучно завершилось. В 1890 г. вновь отправился в горы Усамбара, на этот раз в одиночку, и около года путешествует по этой горной стране, исследуя ее и лежащий далее к северо-западу горный массив Паре.

Свое самое большое путешествие Бауман предпринял в 1892–1893 гг. Перед ним стояла задача разведать наиболее короткий путь от Танги (Северо-Восточная Танзания) к озеру Виктория, который мог бы послужить трассой для прокладки железной дороги. В январе 1892 г. Бауман отправился в далекий путь. Он дошел до массива Килиманджаро и отсюда двинулся на запад через степные районы, населенные воинственным племенем масаев. В начале марта путешественник обнаружил соленое озеро Маньяра, самое южное в цепи озер Восточно-Африканского рифта; это озеро было известно европейцам только по слухам. К северо-западу от него открылась огромная вулканическая кальдера Нгоронгоро. За ним Бауман нашел еще одно ранее неизвестное озеро – Эяси. По-прежнему держа курс на северо-запад, путешественник пересек плато Серенгети и вышел к юго-восточному берегу великого африканского озера Виктория. В течение всего августа 1892 г. он шел вдоль его южного побережья на запад и первым из европейцев ступил на земли современной Руанды. По пути Бауман открыл и нанес на карту реку Кагера и два ее рукава – Рувуву и Аканьяру, а третий рукав, Ньяварунгу, обозначил схематично, руководствуясь сведениями местного населения. От истоков реки Рувуву путешественник повернул на юг, к озеру Танганьика. Отсюда он отправился в обратный путь, следуя по течению реки Малагараси, впадающей в Танганьику. Через Лунные горы и земли масаев Бауман возвратился на побережье индийского океана. Результатом его путешествия стали превосходные карты и богатейшие этнографические и естественноисторические коллекции, включавшие в себя оружие, орудия труда, украшения, музыкальные инструменты и предметы быта местного населения. Эта коллекция в дальнейшем пополнила собрание Венского музея этнологии. О своих приключениях Бауман рассказал в книге «Через страну масаев к истокам Нила», впервые опубликованной в Берлине в 1894 г. и переведенной на многие европейские языки.

Приключения гусара-схимника

В известном романе И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» можно найти сатирический рассказ о гусаре-схимнике, участнике войн в Абиссинии (Эфиопии), позже постригшемся в монахи, удалившемся от мира и жившем в гробу. У этого персонажа имеется свой реальный прототип. Речь идет о поручике лейб-гусарского полка Александре Булатовиче, на долю которого выпали самые невероятные приключения в Африке.

Лицевая сторона газеты «Искры». Выпуск № 9 от 2 марта 1914 г. был посвящён Александру Булатовичу

Выпускник Царскосельского лицея, Булатович вел в Петербурге обычную жизнь гвардейского офицера. Он был великолепным

наездником, неоднократно получал первые призы на скачках, прославился как искусный фехтовальщик. Когда Булатович в 1896 г. отправился в Эфиопию с отрядом русского Красного Креста, это объясняли жадой приключений. Однако в действительности он искал не просто новых впечатлений, а новой, более возвышенной жизни, чем та, которую он вел в Петербурге.

В конце марта отряд высадился в Джибути. Пока его спутники собирались в дорогу, Булатович вызвался доставить в Харэр правителю Восточной Эфиопии известие о прибытии санитарного отряда. Сев на верблюда (впервые в жизни!), наездник достиг Харэра спустя 90 часов почти непрерывной езды, преодолев за это время 350 километров по горам и пустынным степям. Это был настоящий рекорд!

Эфиопия овладела сердцем молодого офицера. Булатович жаждал увидеть глубинные районы страны. Начальник санитарного отряда разрешил ему предпринять поездку в центральные и западные провинции Эфиопии. В эту экспедицию Булатович отправился верхом на коне, в сопровождении нескольких слуг. Абиссиния раскрылась перед ним во всем неповторимом многообразии: каменистые пустыни, горы, плодородные плато, глубокие долины рек с пышной растительностью и, наконец, река Баро на крайнем западе страны, несущая свои воды в жаркие низменности Судана... Начав свое путешествие в октябре 1896 г., Булатович завершил его в феврале следующего года. В мае 1897 г. он возвращается в Петербург и в том же году издает свою первую книгу «От Энтото до реки Баро». Написанная на основе путевых дневников, эта книга представляла собой несомненный вклад в географическую науку, тем более что некоторые районы Эфиопии Булатович посетил первым из европейцев.

В январе 1898 г. путешественник возвращается в Абиссинию. Во главе небольшого отряда он отправляется на юго-запад, в область Каффа, где обосновался Уолде-Гиоргис, родственник императора Менелика. Каффа, до недавнего времени полунезависимое княжество, только недавно вошла в состав Эфиопии. До сих пор ни один иностранец, кроме посла иной державы, не имел права вступать в ее пределы. В Европе Каффу называли африканским Тибетом; она была недоступной и таинственной. Булатович первым из европейцев получил возможность проехать всю эту область из конца в конец, свободно передвигаться по ее территории, производить научные наблюдения,

собирать естественнонаучные и этнографические коллекции. Все впечатления путешественник аккуратно записывал в путевом дневнике.

Между тем Эфиопия переживала бурный период своей истории. На южных и западных границах страны полыхала война. При дворе императора и в рядах эфиопской армии находилось множество иностранных военных советников – русских и французских. Булатович вошел в их число. Уже знакомый путешественнику Уолде-Гиоргис, командовавший одним из корпусов, предложил Булатовичу должность своего советника и одновременно начальника передового отряда, обязанностью которого были разведка и определение географического положения войск на марше. Эта должность позволяла Булатовичу первым вступать на еще неизвестные территории и получать уникальные сведения. Вместе с тем путешественник подвергался огромной опасности. Однажды он, занятый определением координат с помощью астрономических приборов, оказался в самой гуще внезапно вспыхнувшего боя, в другой раз отделился от армии и заблудился на территории, занятой врагом, а однажды едва не был растоптан слоном. Три с половиной месяца провел Булатович в походе с эфиопскими войсками, пройдя с ними 8 тысяч километров. За это время он пережил больше приключений, чем иной путешественник за целую жизнь. Первым из европейцев Булатович побывал в области Гимирра, населенной народом особой этнической группы. Он стал одним из первых исследователей нилотских племен, обитавших на юго-западе Эфиопии. Путешественник изучал геологию и гидрологию территорий, на которых побывал, собрал ценные этнографические и минералогические коллекции, много фотографировал и непрерывно вел дневник. Он установил, что река Омо – вторая по величине в Эфиопии – не является притоком Нила, и нанес на карту один из основных притоков Белого Нила – реку Собат.

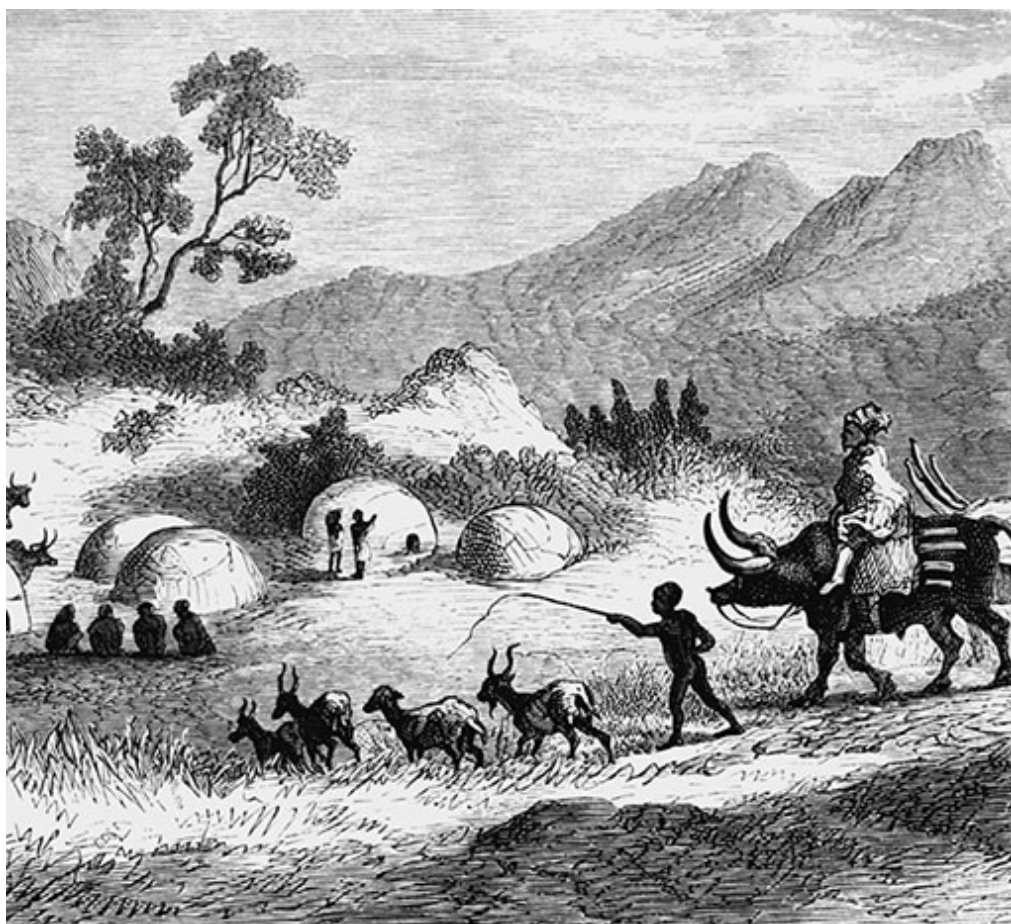
В июле 1898 г. Булатович покидает Эфиопию. Он вернулся в Петербург, овеянный славой и романтическим ореолом. Его записки «С войсками Менелика II», опубликованные в начале 1900 г., стали одной из самых увлекательных книг об Африке, когда-либо написанных на русском языке, и пользовались оглушительным успехом.

Неутомимый путешественник еще дважды сумел побывать в Эфиопии. Но в 1903 г. Булатович оставил военную службу и постригся в монахи. Путь его духовных исканий оказался очень непростым, дело

дошло до открытого конфликта с церковными и светскими властями. В 1914 г. Булатович отправился на фронт в качестве полкового священника, весной 1915 г. попал в плен, но с группой товарищей сумел бежать из лагеря военнопленных. О последних годах жизни путешественника известно очень мало. Умер он в 1919 г.

В поисках затерянного города

8 марта 1886 г. перед членами Лондонского Королевского географического общества выступил вернувшийся из путешествия по Южной Африке американец Джиларми Фарини. Он рассказывал о находке в пустыне Калахари полуразрушенного, засыпанного песками города...

Африканская деревенька близ пустыни Калахари

Фарини и его спутники отправились в Кейптаун в январе 1885 г. Из Кейптауна Фарини доехал поездом до Кимберли. Там он приобрел фургон и мулов. Дойдя до реки Оранжевой, он двинулся в Калахари. В местечке Вилхерхоут-Дрифт Фарини повернул на север. Маленький отряд шел к озеру Нгами. Год выдался на редкость влажным, и

Калахари напоминала цветущий сад. По высохшему руслу реки Нособ экспедиция дошла до места слияния ее с таким же высохшим притоком Аоуб и повернула на север. Спустя три дня Фарини и его спутники достигли холмов Кай-Кай. Здесь они свернули в сторону от русла и пошли на северо-восток через пустыню. Через три дня экспедиция оказалась у лесного массива Кгунг, а отсюда двинулась на юг. На другой день впереди показалась высокая горная вершина. Проводник сказал, что это холмы Кай-Кай. Но когда они к ней подошли ближе, оказалось, что никто этой горы прежде не видел и ничего о ней не слышал. И вот тут-то Фарини и обнаружил руины загадочного города...

...О находке Фарини долгое время никто не вспоминал. Лишь в 1923 г. к затерянному городу вновь проснулся интерес. В течение последующих 30 лет в пустыне побывало более 25 экспедиций. Загадочный город искали на автомобилях и с самолетов. Никаких следов древнего города найдено не было.

Между тем слухи о затерянном городе продолжали множиться. К началу 1960-х гг. исследователи могли с уверенностью заявить: у них накопилось множество различных свидетельств о существовании города в Калахари. В апреле 1964 г. на его поиски отправился доктор Джон Клемент, член Южноафриканского археологического общества. Его экспедиция добралась до Эйердоппис, группы скал в окрестностях Ритфонтейна. «Местность в нас вселяла надежды: она была расположена как раз там, где мы предполагали, и очень напоминала описания Фарини», – писал Клемент. Причудливые скалы удивительно напоминали руины огромного рукотворного строения. Клемент был уверен, что «это и есть возможное решение загадки затерянного города, которая мучила Южную Африку и остальной мир многие годы...». То, что в Эйердоппис увидел Клемент, полностью подтвердило его предположения:

«Форму большого овального амфитеатра, примерно в треть мили в ширину и в милю в длину, едва ли можно было с чем-то спутать. В некоторых местах было поразительное сходство с двойной стеной, построенной из больших, блестящих черных камней. Не нужно обладать особенно большим воображением, чтобы принять отдельные камни за прямоугольные строительные блоки. На одной-двух скалах были желобки, напоминающие рифленую поверхность колонн, а на

некоторых можно было увидеть какое-то подобие раствора, а пара были похожи на бассейн».

Таким образом, «затерянный город» оказался причудливым геологическим образованием. В 1964 г., сразу вслед за Клементом, к скалам Эйердоппис отправился профессор Дж. Н. Хальдеман. Он согласился с выводами Клемента: «Как все легенды, легенда о затерянном городе умрет еще нескоро... Но, может, это и хорошо, ибо всегда немного грустно, когда рушится легенда».

У истоков Белого Нила

В отличие от Голубого Нила, Белый Нил значительно дольше хранил в тайне место своего «рождения». В свое время родилось даже крылатое выражение «искать истоки Нила», означавшее неразрешимость какого-либо предприятия. И тем не менее над нильской загадкой продолжали биться многие путешественники XIX в. Однако точку в разрешении этой проблемы удалось поставить лишь в 1930-х гг., когда к разгадке тайны запутанной речной сети между озерами Виктория, Танганьика и Киву приступил немецкий ученый Буркхард Вальдекер. За несколько лет он пересек эту область во многих направлениях. Наконец, в 1938 г. на пустынном плоскогорье у 4° ю. ш. и 30° в. д., на территории современного государства Бурунди, Вальдекер обнаружил родники Казумо, дающие начало тоненькому ручейку, который, сбегая по склону, постепенно превращается в поток, а затем в полноводную реку Рувуву – главный приток Кагеры, впадающей в озеро Виктория. Эти родники, как оказалось, и являются началом великой африканской реки. Благодаря открытию Вальдекера наконец представилась возможность определить общую длину Нила (6500 км – по довоенным материалам и 6671 км – по последним данным). А у обнаруженных им родников Вальдекер соорудил небольшую пирамиду из камней в память об исследователях, внесших вклад в разрешение проблемы истоков Нила.

Мадагаскар

Луиш Мариану: с крестом и с записной книжкой

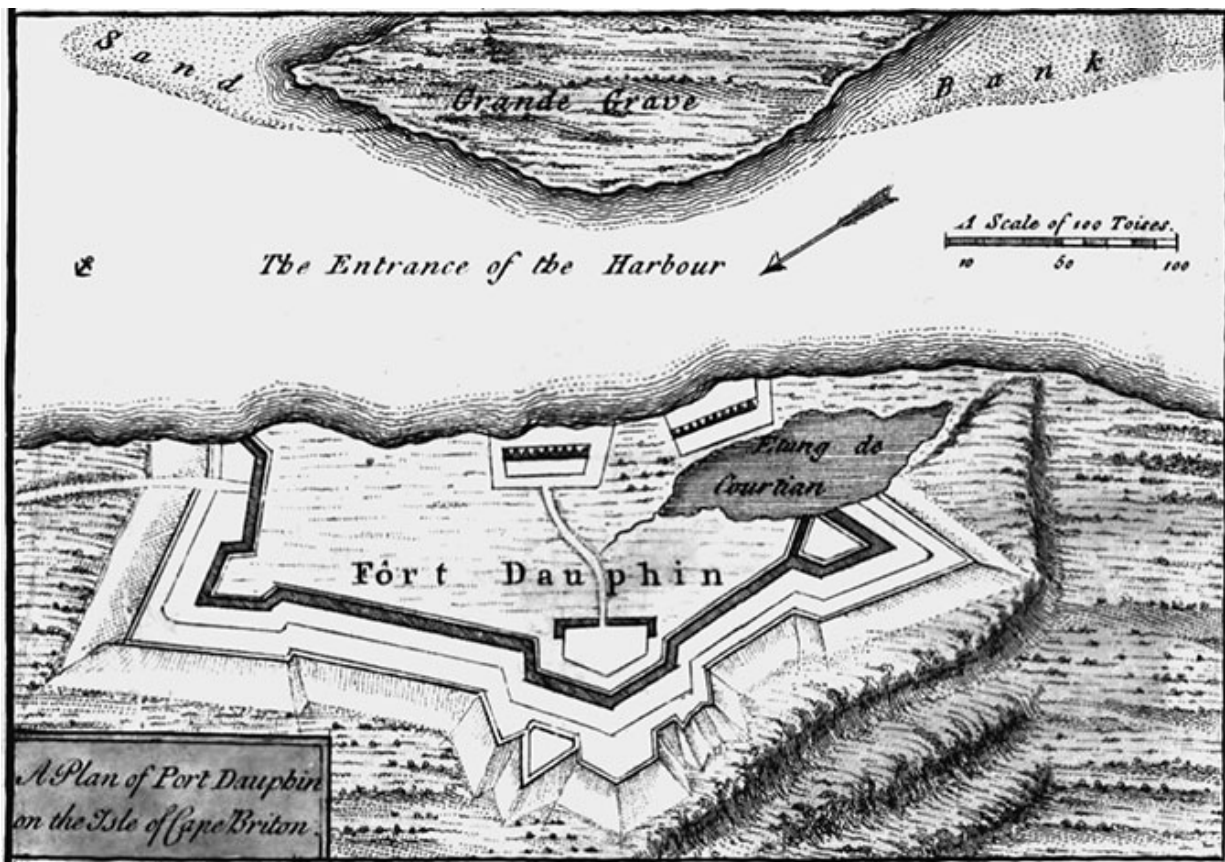
В начале XVII в. португальцы, обследовав почти все побережье Мадагаскара (кроме части западного берега протяженностью около 700 км) предприняли попытку освоения его внутренних областей. В 1613–1619 гг. в глубине острова побывали несколько партий различного характера. При этом серьезных попыток миссионерской деятельности среди туземцев Мадагаскара португальцы почти не предпринимали. Только в 1613 г. два священника-иезуита начали проповедь Евангелия в южных областях острова. Руководил миссией отец Луиш Мариану (Луис Мариано), уроженец итальянского города Брешиа. В 1613 г., прибыв на Мадагаскар из Гоа, он отправился в свой первый далекий поход. С несколькими спутниками отец Мариану прошел вдоль западного берега острова от бухты Бомбетука до крайнего юго-запада, побывав в совершенно неизвестных европейцам местах. Затем по изменности южной оконечности Мадагаскара миссионеры отправились на восток, к бухте Галионов, где обнаружили следы португальских моряков, потерпевших здесь кораблекрушение в 1527 г. Горя жаждой деятельности, Мариану и его спутники выстроили на острове первую христианскую церковь и воздвигли два больших креста. Не получив, однако, поддержки со стороны португальских властей, они вынуждены были вернуться на Гоа, захватив с собой 14-летнего сына местного малагасийского царька. Молодого туземца окрестили под именем Дону Андреа; под надзором отца Мариану он изучил португальский язык и основы христианского вероучения. В 1616 г. португальцы вернули его на родину. Вместе с ним на Мадагаскар отправился и отец Мариану. На этот раз он провел на острове 11 месяцев, в одиночку странствуя по западному побережью, а в 1619 г. на борту торгового судна отправился в Мозамбик. Луиш Мариану оставил записки о своих приключениях, ставшие сегодня важным источником информации о ранней истории Мадагаскара. Мариану первым сообщил о светлокожих жителях «царства Оува», то есть о мерина – представителях основной этнической группы малагасийцев, населяющей центральные плато острова. Кроме того,

Мариану стал основоположником одной из наиболее вероятных гипотез заселения Мадагаскара. «Первые жители острова... пришли – одни из Малакки (Индонезии), другие из Кафрарии (Восточной Африки), а позднее прибыли в северо-западный район мавры из Индии или Аравии – задолго до португальцев. В языке и обычаях туземцев находят следы этих различных народов». Владея двумя африканскими наречиями – языком народа банту (кафров) и малагасийским, – Мариану сообщал о том, что весь западный берег Мадагаскара – от бухты Бомбетука до реки Цирибихина – был заселен африканцами «кафрского языка».

Этьен де Флакур на «Великом острове Мадагаскар»

В начале XVII в. португальцы – тогдашние фактические хозяева Индийского океана – не проявляли большого интереса к Мадагаскару, лишь время от времени предпринимая экспедиции на этот остров. Гораздо активнее вели себя французы. Созданная в 1642 г. французская Ост-Индская компания получила право монопольной торговли на Мадагаскаре. На следующий год на юго-западном побережье острова была крепость Форт-Дофин, ставшая важной французской базой на морском пути в Индию.

В 1648 г. комендантом крепости и одновременно представителем французской Ост-Индской компании на острове был назначен Этьен де Флакур. Он занимал этот пост в течение семи лет (1648–1655 гг.), и за это время совершил несколько далеких путешествий в глубь острова и вдоль его побережья, изучая его природу, ресурсы и коренных жителей. Особое место в его наблюдениях занимала экзотическая фауна Мадагаскара. В своих записках, которые местами выглядят как справочник по криптозоологии, Флакур сообщает о гигантской птице «тре-тре-тре-тре» или «вурумпатрана» (вуромпатра), которая «живет в лесах и прячется от людей», о загадочном животном «мангарисаоки», у которого «круглая, как у лошади, ступня и очень длинные уши: когда оно спускается с гор, то с трудом видит путь перед собой, так как уши ниспадают на глаза». И если «птица вуромпатра» сегодня угадывается довольно легко – речь идет об эпиорнисе, ныне вымершей «слоновой птице», достигавшей 3 метров в высоту, – то многие другие сообщения Флакура не разгаданы до сих пор. В 1658 г. Флакур опубликовал собранные им сведения в книге «История Великого острова Мадагаскара». Это книга на протяжении двух веков оставалась для европейцев основным источником естественнонаучных сведений о далеком острове.

Форт-Дофин в середине XVIII в.

Роберт Друри: пятнадцать лет в плену

Английский моряк Роберт Друри попал на Мадагаскар в 1702 г., будучи еще 15-летним гардемаринном, и не по своей воле: корабль, на котором он возвращался из Индии в Англию, потерпел кораблекрушение у южной оконечности острова. Местный правитель Андрианкириндра сперва оказал морякам прекрасный прием, но потом перевел их на положение пленников. Англичане попытались бежать. Захватив короля в качестве заложника, моряки отправились на восток, в надежде достичь побережья, преследуемые 2000 разъяренных туземцев. В итоге островитяне все же настигли их, и почти все моряки – около 160 человек – были убиты. Мальгаши пощадили только четверых, самых молодых, в том числе и Роберта Друри. Их обратили в рабство, и в течение следующих 10 лет Друри сделал «блестящую» карьеру: сперва он был подпаском, потом пастухом и, в конце концов, занял должность королевского мясника.

В это время вспыхнула война: король народа антендруи, хозяин Друри, враждовал с правителем соседнего племени махафали. Внешний военный конфликт перерос в междоусобицу среди племенной верхушки антендруи: королевские братья, дяди и кузены кинулись резать друг друга. Спасти положение удалось только послу короля Фихеренаны, правившего соседним народом сакалава: он убедил хозяев Друри на время прекратить междоусобицу и совместно напасть на земли махафали. Этот посол стал первым, кто заинтересовался судьбой английского моряка: увидев белого раба, он долго разговаривал с ним и в конце концов пообещал, что если Друри сможет убежать к сакалава, то король Фихеренана поможет ему покинуть Мадагаскар на первом же британском судне. Сообщником Друри стал принц Андрианафарана, один из противников короля антендруи. Они сбежали к гостеприимным сакалава, но, как оказалось, принц вовсе не собирается расставаться с белым рабом. Тогда Друри сбежал и от него...

Идя на север, он в одиночку пересек страну народа бара, достиг реки Онилахи и, идя вниз по течению, добрался до залива Сан-Августин, расположенного на западном побережье Мадагаскара. Казалось, спасение уже близко, но Друри снова оказался в плену. Его новые хозяева были союзниками антендруи и противниками махафали.

Вновь началась война... Друри пришлось искать убежище далее на севере – на этот раз при дворе короля Андриаманетриариво, правителя народа мехабе. Этот король вместе со своим братом, правителем народа бойна, создали обширное королевство, доминировавшее над большей частью острова. При королевском дворе частыми гостями были европейские моряки и торговцы, так что именно здесь Друри впервые за 15 лет смог увидеть соотечественников. К этому времени он уже почти начисто забыл английский язык...

Кое-как Друри накорябал письмо к отцу в Англию, которое согласился переправить в Европу один из торговцев. Это письмо произвело эффект разорвавшейся бомбы, ведь на родине моряка уже давно считали мертвым. И вскоре благодаря хлопотам отца к берегам Мадагаскара отправился корабль «Месселедж», капитан которого, помимо прочего, имел поручение доставить Друри домой, в Англию (главной целью рейса являлась покупка рабов в королевстве бойна).

Малагасийки с рыболовными корзинами

9 сентября 1717 г., после 16 лет отсутствия, Роберт Друри вернулся в Англию. И тогда он возвратился на Мадагаскар, чтобы стать там работоторговцем. Говорят, какое-то время он даже был пиратом, но закончил свою жизнь Друри вполне мирно: он служил швейцаром и часто посещал лондонскую кофейню «У Старого Тома», рассказывая посетителям о своих приключениях. А в 1729 г. в свет вышла захватывающая книга «Мадагаскар, или Дневник Роберта Друри», в которой описывались 15 лет жизни Друри в плену на острове. Автором

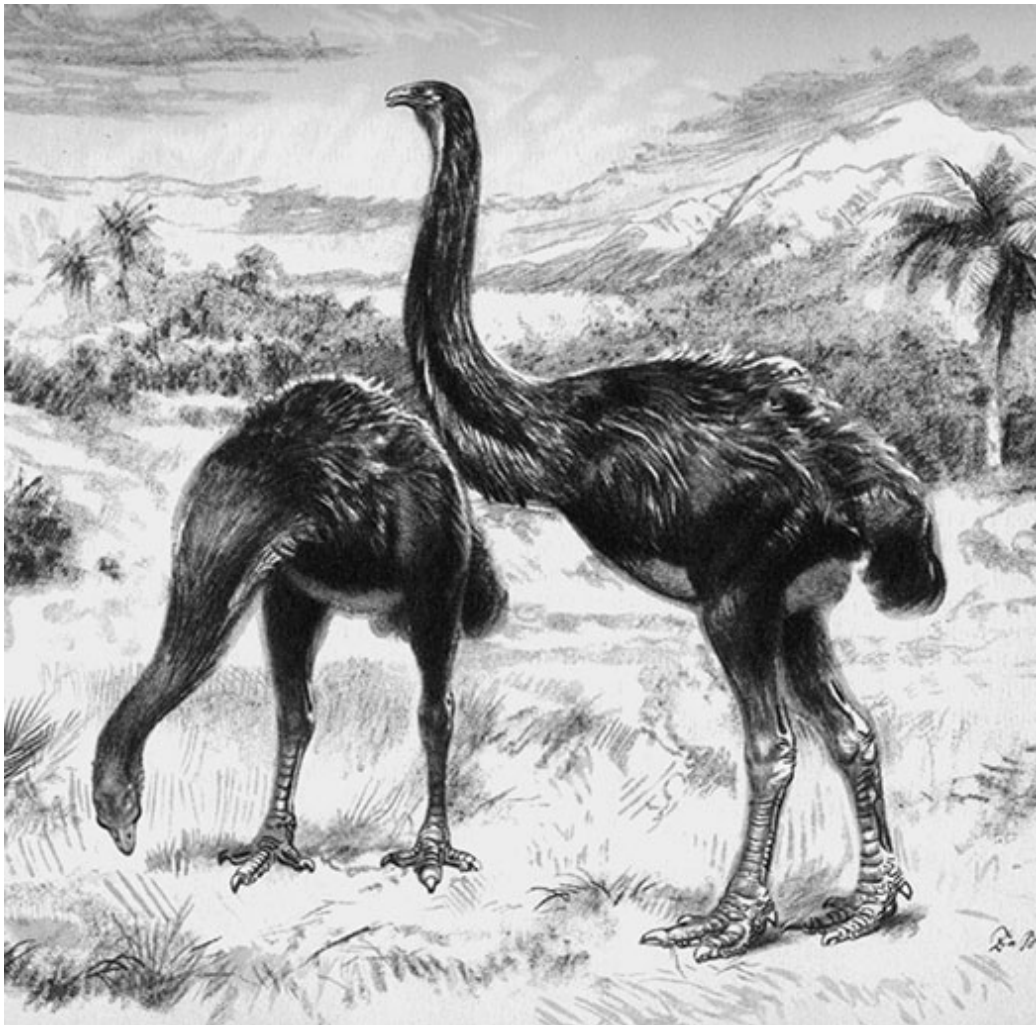
ее был не кто иной, как Даниэль Дефо, создатель знаменитого «Робинзона». На этом основании многие позднейшие исследователи считали всю историю Друри придуманной, а самого моряка – чисто литературным персонажем. Однако современные историки доказали, что множество деталей в книге подлинны и что сама эта история представляет собой один из самых старых письменных источников по истории Мадагаскара. А в 1996 г. Майк Паркер Пирсон, археолог из Шеффилдского университета, отправившись по следам Роберта Друри, сумел отыскать не только место крушение его судна (его массивные железные якоря до сих пор лежат на коралловом рифе у южной оконечности Мадагаскара), но и остатки деревни, в которой Друри прожил около 10 лет пленником.

Никола Мэер в дебрях Мадагаскара

До середины XVIII в. европейцы не предпринимали никаких попыток исследовать внутренние районы Мадагаскара, имея о них самое смутное представление. Настоящим первооткрывателем глубинных территорий острова стал французский колонист Никола Мэер. Владея языком мальгашей, он обошел восточное побережье острова от устья реки Мангуру до крайнего севера и часть северо-западного берега до острова Нуси-Бе. Мэер первым из европейцев побывал в области «бедуинов Мадагаскара» – воинственного народа цимихети, жившего севернее реки Манингури и совершавшего набеги на соседнее царство сакалавов. В 1774 г. Мэер от бухты Антонжиль поднялся к верховьям реки Суфия, впадающей в Мозамбикский пролив, и проследил почти все ее течение. Вступив на земли сакалавов, Мэер добрался до бухты Бомбетука, но правитель местного племени отказался принять белого путешественника, и Мэер вернулся назад, таким образом дважды пройдя весь остров с востока на запад и с запада на восток. Спустя три года, отправившись от устья реки Мангуру, Мэер поднялся до устья ее верхнего правого притока и по нему первым из европейцев проник в самый центр острова – на так называемое Высокое плато. Оттуда он прошел на север в Антананариву, столицу королевства Имерина, где прожил в течение месяца и завязал дружеские отношения с правителем этой страны. В 1785 г. путешественник вернулся в Антананариву в разгар междоусобной войны и, став на сторону короля Имерины, даже принял участие в одном из сражений. Мэер правильно сумел оценить роль Имерины: именно правителям этого королевства в конце концов удалось объединить все земли Мадагаскара в единое государство. А сведения, собранные Мэером, вплоть до конца XIX в. оставались практически единственным надежным источником информации о центральных областях Мадагаскара.

В поисках яйца эпиорниса

В 1834 г. научный мир Европы был взбудоражен находкой на Мадагаскаре осколков яйца гигантской птицы, получившей название «эпиорнис». Об этой птице писал еще Э. де Флакур в 1658 г., но лишь теперь его сведения, к которым многие относились как к легенде, получили подтверждение. В 1851 г. яйца эпиорниса были доставлены в Парижскую академию наук. Признав важность находки, специалисты начали готовить экспедицию на Мадагаскар для подробного исследования все еще мало изученной природы острова, но состоялась она только спустя полтора десятилетия.

Вероятный вид представителя эпиорнисовых

Поисковую партию, отправившуюся в 1865 г. во внутренние области Мадагаскара, возглавил французский натуралист Альфред Грандидье. Четыре года – с 1865 по 1869 г. – он провел на острове, очарованный его экзотической природой, а позже еще не раз возвращался сюда. Грандидье интересовало все: фауна, флора, климат, быт местного населения. Во время своих исследований он трижды пересек остров в разных направлениях, пройдя 3000 километров по его внутренним областям и 2500 километров – вдоль побережья. Ему удалось найти полный скелет гигантской вымершей птицы и доказать, что эпиорнис был окончательно истреблен совсем недавно (на рубеже XVII–XVIII вв.) охотниками-малагасийцами и, может быть, даже в большей степени – крокодилами. Впрочем, исследования Грандидье вышли далеко за рамки проблемы эпиорниса. Этого исследователя заслуженно называют «отцом географии Мадагаскара». Им было проведено 1,5 тысячи теодолитных измерений, вычислены координаты 28 крупных населенных пунктов. Грандидье определил основные особенности орографии и гидрографии Мадагаскара, характер распределения тропических лесов и других типов растительности на острове. Все это позволило ему уже в 1871 г. опубликовать первую обзорную карту Мадагаскара. Многие из того, что мы знаем о мадагаскарском животном мире, стало известно также благодаря энтузиазму Альфреда Грандидье.

Исследования ученого привлекали внимание французского правительства к Мадагаскару, и в конце 1890 г. остров был захвачен Францией.

На Зеленом континенте и вокруг него

Секретное открытие Австралии

Америку открыл Колумб, а Австралию – капитан Кук. Оба этих утверждения давно и многократно оспорены, однако, как бы то ни было, эти открытия стали рубежами в истории обоих континентов: именно со времен Колумба Америка прочно вошла в пределы человеческой ойкумены, именно со времен Кука Австралия стала частью остального мира. Доколумбовы контакты Старого Света с Америкой, несомненно, существовали, однако они не оказали сколь-нибудь заметного влияния на народы, жившие по обе стороны Атлантики. Еще в меньшей степени подобное влияние сказалось на Австралии, хотя задолго до того, как 20 апреля 1770 г. нога капитана Кука ступила на берег Зеленого континента, здесь уже не раз высаживались мореплаватели из Старого Света.

Кто же открыл Австралию?

В 1992 г. правительство австралийского штата Виктория предложило награду в размере 250 тысяч долларов тому, кто сможет предоставить доказательства физического существования португальской каравеллы, потерпевшей кораблекрушение близ Уорнамбула более четырех столетий назад, известное из рассказов местного населения как «корабль из красного дерева». Погребенная под толщей летучих песков, она на протяжении уже почти 100 лет остается неуловимой для археологов. И, несмотря на все усилия, никому до сих пор не удается разгадать эту волнующую тайну...

Первые сведения о загадочной каравелле относятся к 1836 году. С годами, по мере того как побережье Южной Австралии осваивалось белыми переселенцами, появлялись новые свидетельства о «корабле из красного дерева». Уже в наше время исследователи отыскивали в архивах более 30 письменных отчетов очевидцев, видевших загадочное судно в 1840—1880-х гг. Его видели с моря экипажи китобойных судов; жители Уорнамбула неоднократно находили на прибрежном песке старинные испанские и португальские монеты (в последний раз – в 1997 г.).

С 1890 г. сотни поисковых партий обшаривали побережье между Порт-Фэри и Уорнамбулом в поисках «корабля из красного дерева». Все усилия, увы, были напрасны: таинственное судно как сквозь землю провалилось. Вернее всего, оно провалилось сквозь землю почти в

буквальном смысле, засыпанное летучими песками. Высота дюн в этих местах достигает десятков метров, и остатки судна, по-видимому, сегодня погребены под толщей постоянно перемещающегося песка. Поиски их сопряжены с огромными трудностями. А между тем повторное обнаружение «корабля из красного дерева» станет неопровержимым свидетельством того, что португальские моряки исследовали восточное побережье Австралии еще за два с половиной столетия до Кука.

В 1506 г. флот А. Албукерки захватил Малакку, и португальцы надолго обосновались в Индонезии. В ноябре того же года экспедиция Антониу Абреу исследовала и нанесла на карту цепочку южных индонезийских островов от Бали до Тимора. Отсюда до Австралии оставалось пройти всего каких-нибудь 500 миль. По сравнению с расстоянием от Явы до Лиссабона – сушая ерунда! Преодолеть его не составляло никакого труда, и оно было преодолено...

Это случилось в 1522 г. Лавры первооткрывателя Зеленого континента принадлежат португальскому мореплавателю Криштовану Мендонсе. Неизвестно, произошло это намеренно или случайно. Неизвестны и подробности этого плавания. Единственным материальным свидетельством, дошедшим до нас, стали каронады – небольшие бронзовые пушки с отчеканенным на них изображением португальской короны. Они были найдены в 1916 г. на берегу залива Робак (Западная Австралия) и датируются началом XVI столетия.

Фрагмент первой карты Австралии. 1547 г.

Неясен и маршрут плавания. Мендонса, несомненно, побывал у северного побережья Австралии. Не исключено, что он попытался обогнуть неизвестную землю и (первым из европейцев и за 250 лет до капитана Кука!) прошел вдоль восточного берега континента.

Криштован Мендонса имел под своей командой три каравеллы. Из путешествия вернулись лишь две, судьба третьей осталась невыясненной. Австралийский историк Кеннет Макинтайр в своей книге «Секретное открытие Австралии» особо подчеркивает, что на так называемой «Карте дофина», увидевшей свет 14 лет спустя после плавания Мендонсы, изображены контуры ранее незнакомой европейцам земли, которая может интерпретироваться как часть австралийской береговой линии. Поворачивая на запад, эта линия

обрывается в районе нынешнего Мельбурна (на карту нанесены залив Порт-Филипп и устье реки Ярра). Не свидетельствует ли это о том, что Мендонса, возможно, дошел до этих мест и повернул назад после того, как потерял на мелях возле Уорнамбула одну из своих каравелл?

Начиная с 1510-х гг. испанцы и португальцы начали тщательно секретить всю информацию о новых географических открытиях, опасаясь, что она раньше времени попадет в руки конкурентов. По всей вероятности, то же самое произошло с открытием Мендонсы: португальцы нанесли исследованное им побережье на свои засекреченные карты, которые лишь частично дошли до наших дней. Какие-то сведения об открытии Мендонсы все же просочились в Европу, и уже на французской «Карте дофина», составленной около 1530 г., по-видимому, по португальским источникам, к югу от Явы показана «Великая Ява». Очертания ее напоминают северо-западный выступ Австралии. Эта же «Великая Ява» изображена на серии карт, составленных в 1542–1553 гг. по португальским материалам картографами из Дьеппа (Франция).

Виллем Янсзон делает первый шаг

В 1602 г. голландцы разбили португальский флот в морском сражении у Бантама (Ява) и окончательно утвердились в Индонезии. Основанная в том же году Голландская Ост-Индская компания получила исключительное право торговли в Южных морях и всю полноту административной и судебной власти на этих территориях, включая те, которые еще предстояло открыть. В отличие от испанцев и португальцев, голландцы были в здешних краях новичками. Они совершенно ничего не знали о землях, открытых их предшественниками, и капитанам Ост-Индской компании приходилось начинать, что называется, с чистого листа.

Плавая в восточной части Индийского океана между 30-й и 40-й параллелями, голландцы часто подходили к берегам большой, неизвестной им земли. Иногда они высаживались на нее, но находили лишь безжизненную пустыню и мелкие малочисленные группы бродячих охотников-аборигенов. 28 ноября 1605 г. из Бантама на корабле «Дюфкен» к загадочной земле отправился капитан Виллем Янсзон.

Обойдя с севера острова Кай и Ару, он достиг южного побережья Новой Гвинеи, совершенно незнакомого голландцам. Янсзон назвал его «Болотистой землей» и проследил береговую линию на протяжении 400 километров. Обогнув затем остров Колепом, Янсзон повернул на юго-восток, пересек центральную часть Арафурского моря и неожиданно увидел неизвестный берег. Это была Австралия. В западной части полуострова Кейп-Йорк, близ устья небольшой речки, в мае 1606 г. голландцы произвели первую документально подтвержденную высадку европейцев на Австралийском континенте.

Виллем Янсзон

Янсзон вел свой корабль вдоль плоского пустынного берега. Хотя неизвестная земля, как убедились голландцы, тянулась и дальше на юг, 6 июня 1606 г. у мыса Кервер («Поворот») «Дюфкен» повернул на 180° и двинулся в обратный путь. Во время высадки в заливе Альбатрос голландцы впервые вступили в контакт с австралийскими аборигенами. Все произошло «в лучших традициях» ранних европейских путешественников: немедленно завязался бой, с обеих сторон погибло несколько человек.

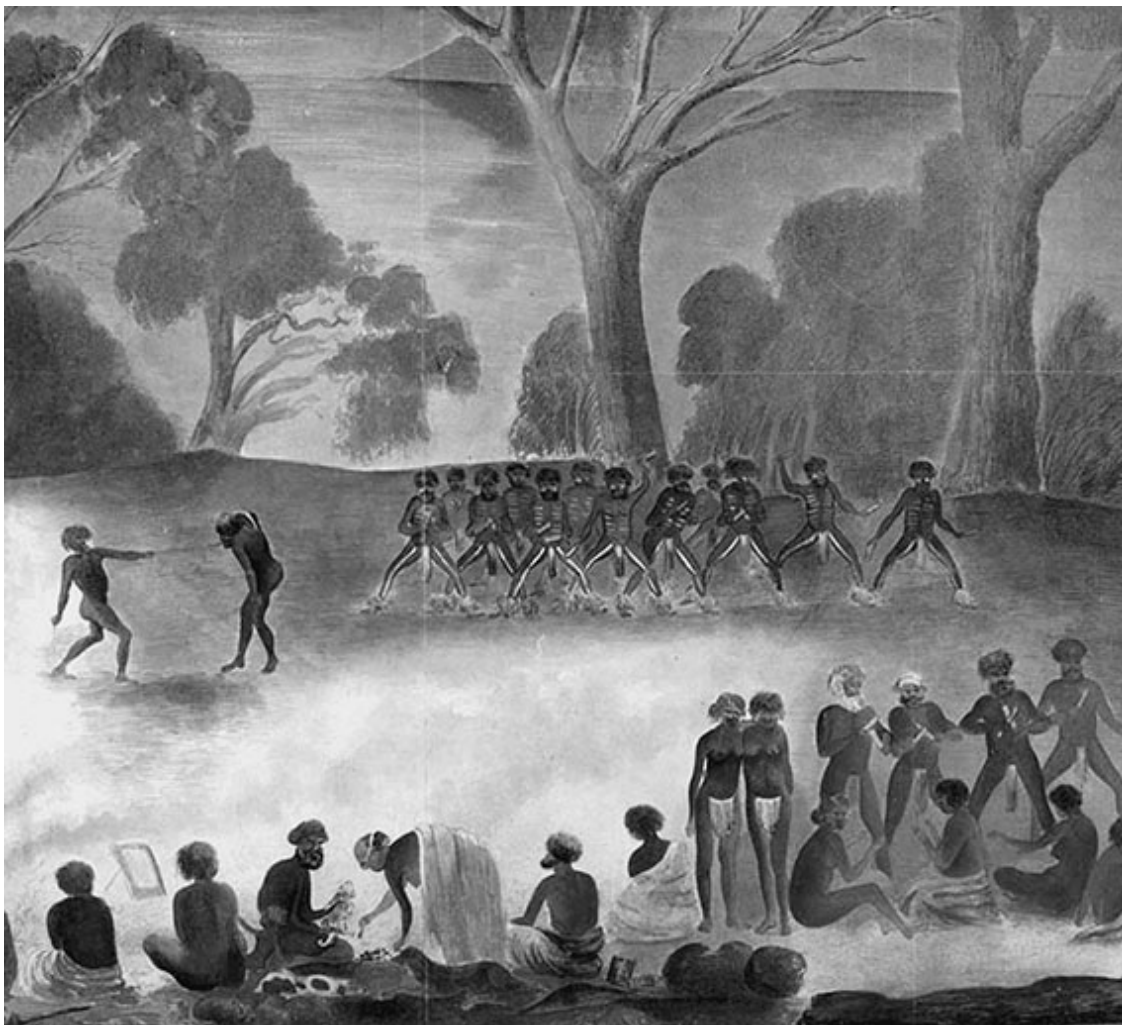
Продолжая движение к северу, моряки проследили и нанесли на карту побережье полуострова Кейп-Йорк почти до его северной оконечности. Общая протяженность исследованного побережья Австралии, которую Янсзон окрестил Новой Голландией, составила около 350 километров. Впрочем, сам Янсзон так никогда и не понял, что именно он открыл: о существовании Торрессова пролива голландцы не подозревали, так что плавание «Дюфкена» подтвердило мнение, будто Новая Гвинея является полуостровом Большого Южного материка.

Плоская земля на горизонте

В конце декабря 1618 г. от побережья Голландии в далекие Южные моря отправилась эскадра в составе 10 кораблей под командой Фредерика Хаутмана. Уже в Атлантике шторм рассеял корабли. Только два из них – флагманский «Дордрехт» и «Амстердам» – продолжили путь и вместе пересекли Индийский океан. Вечером 19 июля 1619 г. на горизонте показалась пустынная земля. Это было западное побережье Австралии (в районе современного города Перт). Несколько дней голландцы пытались произвести высадку, но сильный прибой срывал их планы. Потеряв надежду, они отошли от берега и двинулись на север в поисках удобной якорной стоянки. Плоское безотрадное побережье, видневшееся на горизонте, было изрезано небольшими бухтами и не обнаруживало никаких признаков человека. 29 июля голландские корабли вновь подошли к берегу, но на этот раз высадке помешала плохая погода. 2 августа моряки вновь увидели землю, простирающуюся далеко к северу. Хаутман заключил, что все побережье, которое они проследили, представляет собой «единый непрерывный материковый берег». Еще не зная, что перед ними лежит огромный континент, голландцы окрестили это побережье Землей Дедела – в честь Якоба Дедела, одного из руководителей Ост-Индской компании, находившегося на борту «Амстердама». 19 августа оба корабля прибыли на Яву.

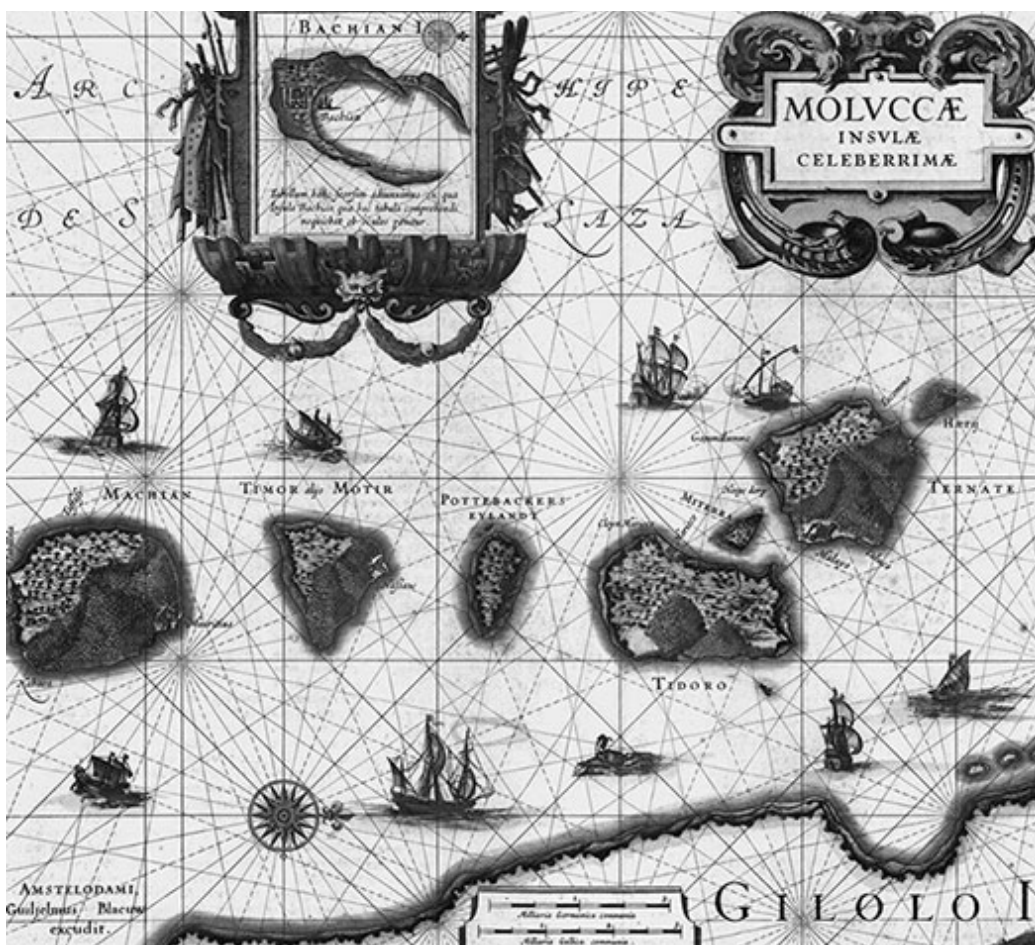
Открытие Арnhemленда

Крушение английского корабля «Трайэл», произошедшее 25 мая 1622 г. на рифах близ островов Монте-Белло и Барроу, показало, что полная неизученность вод, омывающих побережье Северо-Западной и Северной Австралии, грозит большими опасностями. Руководство Голландской Ост-Индской компании приняло решение исследовать океан к югу от Явы и проследить южный берег Новой Гвинеи. Для выполнения этой задачи из Батавии в январе 1623 г. на двух кораблях – «Пера» и «Арnhem» – отправилась экспедиция Яна Карстенса. Более недели голландские моряки шли вдоль южного побережья Новой Гвинеи. Утром 16 февраля Карстенс увидел вдали высокий горный хребет (это была западная часть гор Маоке, поднимающихся на высоту до 5000 м). На вершинах гор во многих местах лежал снег. У европейских моряков это вызвало большое удивление: менее всего они ожидали увидеть снег так близко к линии экватора (а в Европе их рассказам попросту не поверили!). Спустя пять дней группа голландцев высадилась на берег, чтобы пополнить запасы. Местное население было настроено очень враждебно. В результате стычки с папуасами погибли 10 моряков, в том числе капитан «Арnhem», еще семь получили ранения.

Корробори – церемониальные танцы австралийских аборигенов

20 марта экспедиция достигла юго-западной оконечности Новой Гвинеи. Погода ухудшилась, начался шторм. 28 марта Карстенс отправил штурмана Арента Леува на шлюпке с 12 матросами, поручив им исследовать видневшийся вдали берег. На следующий день шлюпка вернулась: как рассказал Леув, море к востоку становится все мельче, а в отдалении видна земля, «пустынная и безлюдная с уродливыми... деревьями». Карстенс решил, что они попали в какой-то мелкий залив, и назвал его Сухой бухтой. Между тем идти вдоль берега становилось опасно: мели и рифы стали попадаться все чаще. Все дело едва не закончилось крушением. Счастливым образом избежав столкновения с обширным коралловым рифом, голландцы повернули в открытое море.

Карта Молуккских островов. 1643 г.

12 апреля на горизонте вновь показалась земля. Это была Австралия. Две недели корабли Карстенса шли на юг вдоль западного берега полуострова Кейп-Йорк, несколько раз высаживаясь на сушу – в устьях рек и в бухтах. Встретившиеся им аборигены держались довольно мирно и производили впечатление «бедных и жалких людей»; одного аборигена Карстенс захватил на борт и позднее доставил на Яву. Плоский и низменный берег Северо-Западной Австралии Карстенс характеризует в своем отчете как «самый бесплодный на Земле». Голландцы даже не смогли отыскать здесь в достаточной количестве пресной воды. Кроме того, флагманский корабль экспедиции «Пера» был поврежден. Карстенс поручил Колстеру, капитану «Арнхема», завершить исследование побережья, а сам повернул на север и благополучно добрался до Молуккских островов. Между тем Колстер, двигаясь на юг, сумел достичь залива Карпентария. Воспользовавшись попутным юго-восточным муссоном, он повернул отсюда на северо-

запад и, следуя этим курсом, открыл большой полуостров, позднее названный в честь его судна полуостровом Арnhemленд.

От Австралии до Явы на шлюпке

Обосновавшись на островах Индонезии, голландцы стали использовать для связи с мысом Доброй Надежды так называемый маршрут Браувера – более длинный, но отнимавший меньше времени. В 1611 г. по этому маршруту впервые прошел капитан Хендрик Браувер. В последующие годы, следуя маршрутом Браувера, голландские корабли нередко оказывались дальше к востоку, неизменно натываясь на побережье неизвестной большой земли. Так в разное время и в разных районах голландцы исследовали большие участки северного, западного и южного побережья Австралии.

Последний пробел в представлениях о береговой линии Западной Австралии – между $28^{\circ}30'$ и 27° ю. ш. – заполнил капитан Франс Пелсерт. Его корабль «Батавия» 4 июня 1629 г. разбился у скал Хаутмена (у $28^{\circ}30'$ ю. ш.). Большинство членов команды и пассажиров спаслось и добралось до безжизненных островков неподалеку. 9 июня Пелсерт и его спутники в поисках продовольствия и питьевой воды на шлюпке отправились к большой земле, скалистой и неприветливой. Стараясь найти удобное место для высадки на сушу, моряки шли вдоль побережья на север. Наконец, 14 июня им удалось выйти на сушу, но тщетно разыскивали они источники воды – нигде не попадалось даже ее следа (в этом районе дожди не выпадают неделями). Страна была совершенно голой и плоской, ее оживляли лишь высокие термитники, а однажды голландцы впервые увидели кенгуру. В напрасных поисках воды они достигли Северо-Западного мыса (у 22° ю. ш.), проследив около 250 километров неизвестного ранее побережья. Отсюда Пелсерт и его спутники отправились на Яву, куда благополучно прибыли 7 июля, попутно доказав, что расстояние от Явы до Австралии вполне преодолимо даже для шлюпок!

Плавание Тасмана: новые открытия и новые загадки

К началу 1640-х гг. голландцы знали и нанесли на карты следующие части Австралии: на севере – западный берег полуострова Кейп-Йорк, выступ Арнхемленда, все западное побережье материка и западную часть его южного берега. Однако по-прежнему не было ясности в том, что же представляет собой эта загадочная земля: отдельный континент или гигантский выступ еще неоткрытого Большого Южного материка? А прагматичных директоров Ост-Индской компании волновал еще и другой вопрос: какова потенциальная польза от этих новооткрытых земель? Каковы их коммерческие перспективы?

Ответить на эти вопросы должна была экспедиция голландского мореплавателя Абея Тасмана, вышедшая в 1642 г. из Батавии на двух небольших кораблях «Хемскерк» и «Зехан». Тасман, конечно, не встретил никакого материка и лишь 24 ноября с борта «Зехана» увидели высокий берег, названный Землей Ван-Димена (ныне Тасмания). Тасман так и не понял, остров ли это или южный выступ Австралии, и Земля Ван-Димена считалась полуостровом еще более полутора столетий, пока не был пройден Бассов пролив. Отправившись далее на юго-восток, Тасман открыл Новую Зеландию, и на этом экспедиция практически завершилась, оставив массу нерешенных проблем. Хотя Тасман доказал, что Австралия (Новая Голландия) не является частью Южного материка, но что она представляет собой в реальности – гигантский архипелаг или единый материк? – так и осталось загадкой. Лишь к началу XIX в. выяснилось, что во время плавания 1642–1643 гг. Тасман даже близко не подходил к подлинной Австралии, что Земля Ван-Димена – это остров Тасмания, что Новая Гвинея – это тоже остров (это, впрочем, уже давно знали испанцы) и что Новая Зеландия не является частью Южного материка.

«Хемскерк» Абеля Тасмана

В 1645 году губернатор Батавии Ван-Димен отправил Тасмана в новую экспедицию к берегам Австралии. Ей было поручено установить: является ли Новая Голландия единым материком? Три корабля Тасмана провели съемку южного берега Новой Гвинеи на протяжении 750 километров и завершили открытие залива Карпентария, обойдя его восточный и впервые южный и западный берега. Опытные моряки, голландцы так и не заметили входа в Торресов пролив, и все побережье залива Карпентария показано на составленной по результатам исследований карте как непрерывная линия: никакого прохода на юг, к Большому Австралийскому заливу и Земле Ван-Димена (Тасмании) нет. Всего экспедиция исследовала и нанесла на карту около 5,5 тысячи километров побережья и установила, что все земли, ранее обнаруженные голландцами, представляют собой части единого материка – Новой Голландии. Однако ничего заслуживающего внимания с точки зрения коммерции на этом материке

Тасман не нашел, и после 1644 г. голландцы полностью охладели к Зеленому континенту.

Ученый пират у берегов Австралии

В 1691 г. в Лондон из кругосветного плавания возвратился моряк по имени Уильям Дампир – человек хотя и опытный, но с довольно темным прошлым; было известно, что одно время он даже плывал с пиратами и был высажен командой на каком-то безлюдном острове. Свое приключения он подробно описал в дневнике, который вел с 1674 г., и, вернувшись в Англию, опубликовал его в 1697 г. под названием «Плавание вокруг света». Книга имела оглушительный успех. Автор, однако, проявил себя не только как увлекательный рассказчик, но и как наблюдательный и опытный моряк, сообщивший немало новых сведений «о пассатах, бризах, штормах, временах года, приливах и течениях жаркого пояса всего света». Британское Адмиралтейство по достоинству оценило познания и опыт Дампира и предложило ему возглавить экспедицию к берегам далекой Новой Голландии (Австралии).

На корабле «Робак» Дампир 14 января 1699 г. вышел в море. Первоначально он рассчитывал идти в обход мыса Горн, через Тихий океан, но по пути он справедливо решил, что в июне – июле, в разгар зимы, не имеет смысла забираться в столь высокие широты, и повернул на восток – к мысу Доброй Надежды. Подойдя к западному побережью Австралии где-то у 28-й параллели, «Робак» направился вдоль побережья на север. Дампир обследовал обширный залив, названный им заливом Шарк, открыл архипелаг, который назвал своим именем. Пустынный берег континента, который позже назовут Зеленым, выглядел более чем непривлекательно: плоские песчаные холмы, чахлый кустарник, почти полное безводье. Между тем запасы пресной воды на борту «Робака» подходили к концу, пополнить их не было возможности, и Дампир был вынужден отвести свой корабль на остров Тимор. Отсюда он прошел к северным берегам Новой Гвинеи и через открытый им пролив между северо-западным выступом Новой Гвинеи и островом Вайгео направился на восток. Здесь он обнаружил ряд крупных островов (архипелаг Бисмарка), ошибочно приняв их за один большой остров, который Дампир назвал Новой Британией. На этом исследования было решено прекратить. От берегов Новой Британии Дампир повернул в Батавию и оттуда направился вокруг мыса Доброй

Надежды в Англию. Но 22 февраля 1701 г. у побережья острова Вознесения «Робак» потерпел крушение. Покидая гибнущий корабль, Дампир сумел спасти свои дневники и собранный в Австралии гербарий. Пять недель путешественники провели на этом пустынном острове, питаясь черепахами и прогорклым рисом, пока наконец попутный английский корабль не спас их. В Лондоне Дампир был отдан под суд якобы «за жестокое обращение с матросами», но начавшаяся война положила затеянному процессу конец. Дампир выхлопотал себе каперское свидетельство, снарядил два корабля и в 1703 г. отправился в Тихий океан на пиратский промысел... Ученый пират обогатил мир не только своими увлекательными описаниями западного побережья Австралии, но и впервые доставил в Европу образцы австралийской флоры, а также одним из первых дал описание кенгуру. В своих записках Дампир сообщает многие интересные сведения об природе Австралии, рассказывает о своих встречах с аборигенами, но никаких последствий его плавания не имели – за исключением, пожалуй, того, что Джонатан Свифт, вдохновленный мемуарами Дампира, написал свои знаменитые «Путешествия Гулливера».

Уильям Дампир

Кто назвал Австралию Австралией?

Восемь лет своей жизни Мэтью Флиндерс посвятил изучению Австралии. И хотя полностью реализовать свои планы ему не удалось, современные ученые оценивают деятельность Флиндерса столь же высоко, как исследования и открытия Кука.

В Австралии Флиндерс, в ту пору 21-летний, появился в 1795 г. Вместе с Джоном Бассом он исследовал и картографировал юго-восточное побережье Зеленого континента, а в 1798 г. на шхуне «Норфолк» обошел вокруг Тасмании, обнаружив пролив, отделяющий ее от Австралии (ныне – Бассов пролив), и нанеся на карту еще никому неизвестный северный берег острова. Флиндерс открыл остров Уотерхаус и архипелаг Хантер, обследовал весь западный берег Тасмании и ряд бухт на ее восточном побережье. Результатом этого плавания стала карта, на которой Тасмания впервые показана как остров. В 1799 г. Флиндерс на том же «Норфолке» вместе с Бассом обследовал участок восточного побережья Австралии и нанес на карту залив Херви, глубоко врезающийся в сушу севернее современного Брисбена.

Мэтью Флиндерс

В следующем своем путешествии (с конца 1801 по 1802 г.) Флиндерс на корабле «Инвестигейтор» прошел вдоль всего южного побережья Австралии. На $35^{\circ}50'$ южной широты, за мысом Катастрофы (здесь разбилась одна из шлюпок «Инвестигейтора»), он обнаружил разрыв в линии берега, который оказался входом в обширный залив. Флиндерс прошел в глубь этого залива (он назвал его заливом Спенсер), нанес на карту его западный и восточный берега и открыл за узким и длинным полуостровом Йорк еще один залив, который назван был заливом Сент-Винсент. Эти открытия имели важное значение: на южном побережье Австралии были обнаружены глубоко вдающиеся в сушу бухты с обширными и удобными гаванями. Впоследствии в заливе Сент-Винсент был основан город Аделаида – столица Южной Австралии.

В июле 1802 г. Флиндерс, выйдя из Порт-Джексона, исследовал все восточное побережье Австралии вплоть до мыса Йорк, нанес на карту

Большой Барьерный риф, а затем прошел в залив Карпентария и в самой глубине его открыл группы островов Уэлсли и Сэр-Эдуард-Пелью. Во время этого путешествия Флиндерс окончательно доказал, что Карпентария – это залив, глубоко врезаемый в материк. Кроме того, севернее острова Принца Уэльского Флиндерс открыл проход, оказавшийся гораздо безопаснее пролива Эндевор, которым в 1770 г. Кук прошел из Кораллового моря к берегам Новой Гвинеи. Таким образом, в 1802 г. Мэтью Флиндерс завершил исследование всего австралийского побережья. Пора было возвращаться на родину, но Зеленый континент не сразу отпустил путешественника...

В июле 1803 г. Флиндерс отправился из Порт-Джексона в Англию. Однако корабль, на котором он плыл в качестве пассажира, разбился у Большого Барьерного рифа. Пройдя на шлюпке 800 миль, Флиндерс добрался до Порт-Джексона, снарядил там судно и поспешил вернуться к месту кораблекрушения, чтобы спасти тех, кто остался в живых (уцелевшие члены экипажа и пассажиры нашли приют на каком-то островке). И вот новая попытка покинуть Австралию... На пути в Европу корабль, на борту которого находился Флиндерс, зашел на остров Маврикий – французскую колонию в Индийском океане. Никто из путешественников не знал, что наполеоновская Франция уже вступила в войну с Англией. В итоге Флиндерс, как офицер английского военно-морского флота, был арестован и провел в плену на Маврикии 6 с половиной лет. Только в конце 1810 г. ему удалось вернуться в Англию. А в 1814 г. увидела свет его книга «Путешествие к Terra Australia», в которой Флиндерс предложил именовать пятый континент Австралией – в память о легендарной Южной Земле, Terra Australia Incognita, разыскивавшейся на протяжении многих столетий; это название вскоре вытеснило общепринятое до того времени название «Новая Голландия».

Крестный путь капитана Бодена

В 1788 г. английский капитан Филипп, доставив на побережье Австралии первую партию ссыльных, положил начало колонизации Зеленого континента. Между тем французы, извечные соперники англичан, также поспешили направить исследовательскую экспедицию к берегам Австралии, организовав ее с большим размахом. Единственное, о чем забыли подумать, так это о достаточных запасах провизии. На протяжении всего путешествия экипажам кораблей пришлось питаться самой отвратительной пищей, которая подорвала здоровье даже самых крепких людей...

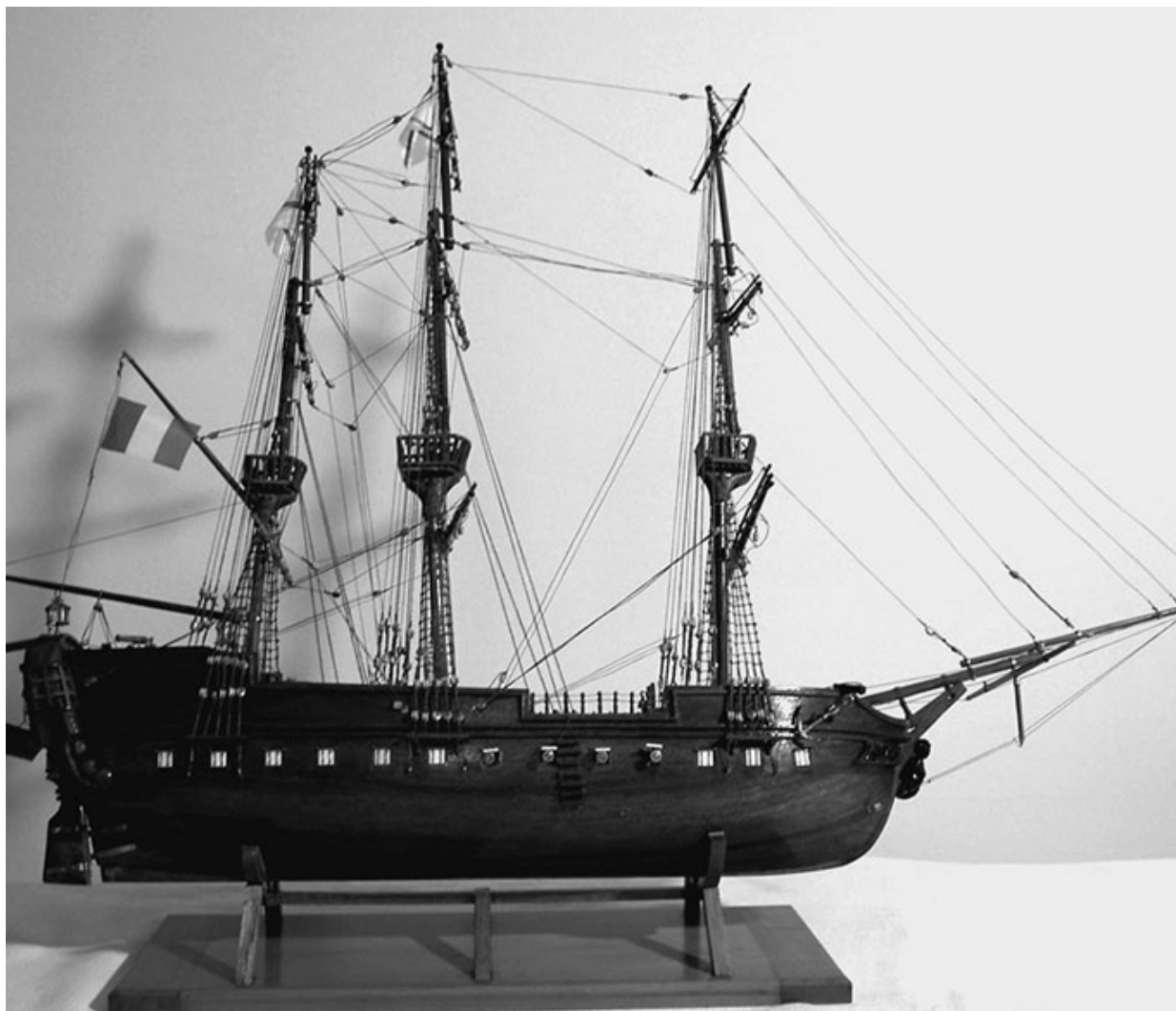
Шарль Никола Боден

Возглавил экспедицию капитан Шарль Никола Боден. 19 октября 1800 г. он на двух кораблях – «Географ» и «Натуралист» – вышел из Гавра и после кратковременной стоянки на острове Маврикий 27 мая 1801 г. достиг берегов Новой Голландии. Дело сразу пошло из рук вон плохо. Испортилась погода: дожди, ветры, туман; среди матросов начала распространяться цинга, запасы провизии и воды быстро иссякали. Вдобавок оба корабля почти сразу потеряли друг друга и вслепую начали бороздить неизведанные воды у незнакомого материка. Боден на «Географе» прошел вдоль всего северо-западного побережья Австралии, завершив свой путь открытием группы островов, названных архипелагом Бонапарта – в честь императора французов. Увидев эти бесплодные острова, император вряд ли обрадовался бы. «Во время плавания среди этих многочисленных островов, – говорится в отчете, – ничто не радует взора; земля голая, знойное небо всегда чисто и безоблачно... Казалось, человек избегает здешних неприветливых мест; во всяком случае, мы нигде не видели ни человеческих следов, ни поселений. Мореплаватель, напуганный пустынным ландшафтом, подвергающийся бесконечным опасностям, приходит в изумление и отводит усталый взгляд от зловещих берегов; а вспомнив о том, что эти негостеприимные острова расположены поблизости от огромных азиатских архипелагов, щедро наделенных природой, он почти отказывается понять, как может существовать такое полное бесплодие рядом с таким изобилием».

Отсюда Бодену повернул к острову Тимор. «Географ» добрался сюда 22 августа, а спустя месяц у берегов Тимора появился и истрепанный бурями «Натуралист». Несмотря на тяжелое состояние экспедиции, Боден все же решает дерзко изменить план плавания, выработанный Парижской академией наук, и 18 ноября 1801 г. отправляется к Земле Ван-Димена (Тасмания). Двухмесячное плавание было тяжелым, на кораблях вновь вспыхнула цинга. Дойдя до Тасмании, французам пришлось сделать длительную остановку. Они провели здесь почти месяц. За это время были исследованы северо-восточное и восточное побережья острова.

После стоянки на Тасмании Боден направился вдоль юго-западного берега Австралии. В пути «Географ» и «Натуралист» снова потеряли друг друга. Между тем в Южном полушарии наступила зима, а с ней – время свирепых штормов. Цинга беспощадно косила экипаж

«Географа», более половины матросов были не в состоянии исполнять свои обязанности. После кратковременной стоянки в бухте Адвенчер Боден решает идти в Порт-Джексон – английскую колонию, единственный населенный пункт на всем континенте, – где надеялся получить врачебную помощь. Как оказалось, здесь уже нашел прибежище потерявшийся «Натуралист». Поколебавшись, Боден решает отправить его во Францию вместе с отчетами о плавании и с собранными коллекциями. А вместо «Натуралиста» он купил в Порт-Джексоне небольшое судно «Казуарина».

Макет судна «География»

18 ноября 1802 г. «Географ» и «Казуарина» вышли из Порт-Джексона. Отправившись на юг, Боден исследовал острова Кинга и

Гунтерн, северо-западную часть Тасмании и 3 мая 1803 г., обогнув Австралию, вернулся на остров Тимор. Отсюда, совершенно больной и измученный тяжелым плаванием, он повел свою экспедицию в обратное плавание к берегам Франции. 16 сентября 1803 г., дойдя до острова Маврикий, Боден скончался. В дальнейший путь «Географ» отправился уже без него. Экспедиция вернулась во Францию в марте 1804 г., привезя богатые естественно-научные коллекции. Важное научное значение имели географические и гидрографические труды экспедиции.

Два путешествия Чарлза Стёрта

Начавшаяся в 1820-х гг. интенсивная колонизация Зеленого континента вызвала целую волну путешествий в глубинные районы Австралии. Огромный материк был открыт, но неисследован. В какой степени он пригоден для хозяйственного освоения? Что таится на его огромных, совершенно неизведанных просторах? На все эти вопросы должны были ответить экспедиции, одна за одной отправлявшиеся в далекие, полные опасностей путешествия...

Одним из первых исследователей глубинных районов Австралии стал Чарлз Стёрт. Его первое путешествие было вызвано стремлением проследить течение вновь открытых рек и отыскать землю, пригодную для пастбищ. В 1828 г. Стёрт во главе маленькой поисковой партии отправился вдоль почти пересохшего русла реки Маккуори. Засуха в том году была настолько сильна, что на выгоревшей земле почти не оставалось следов растительности. 1 января 1829 г. путешественники обнаружили реку Боган, которая текла на северо-запад, и спустились по ней до места ее впадения в большую реку, которую Стёрт назвал рекой Дарлинг – в честь губернатора Нового Южного Уэльса. Вода в ней оказалась соленой. Река текла через солончаковую пустыню, где лишь местами сохранялись островки пожелтевшей травы. Однако Стёрт был убежден, что эта безрадостная местность отнюдь не сплошная пустыня. Ведь и там, и здесь он встречал аборигенов, а берега реки Дарлинг хранили следы былых половодий.

Стёрт возвратился в Сидней и после короткой передышки снова отправился в путь, на этот раз на юго-запад. Конец 1829 г. выдался дождливым. По реке Маррамбиджи Стёрт и его спутники за неделю спустились до того места, где она впадала в Муррей. Вниз по Муррею путешественники плыли 8 дней. Там, где Муррей резко изгибался к западу, Стёрт обнаружил, что с севера в эту реку впадает та самая река Дарлинг, которую он открыл в прошлом году. И здесь вода в Дарлинге была уже не соленой, а пресной!

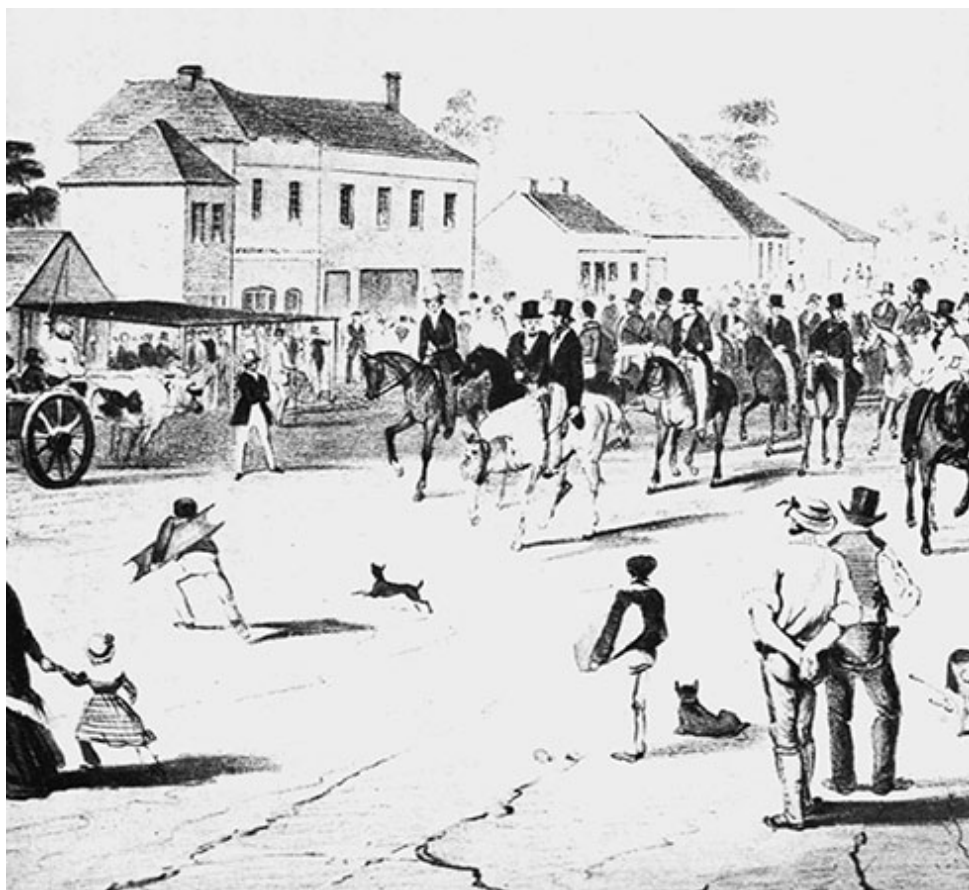
Путешественники добрались до самого устья Муррея. Как оказалось, эта великая австралийская река впадает в мелководный лиман. За ним простиралась бухта Энкауинтер, которую ранее открыл Мэтью Флиндерс. Но выйти из Муррея в море было почти невозможно:

устье реки стискивали песчаные отмели, очень узкий и извилистый канал был доступен лишь небольшим судам, и то только в тихую погоду. Стёрт направился в обратный путь вверх по течению Муррея и Маррамбиджи. 1700 миль он и его спутники прошли на веслах, преодолевая сильное течение. Обратная дорога отняла у них три с лишним месяца, и только в мае 1830 г. изыскатели возвратились в Сидней. Стёрт был разочарован итогами путешествия: «Если бы окружающая местность соответствовала этой достойной реке!.. Но, увы, мы вынуждены считаться с тем, что земли вдоль ее берегов, по мере того как мы шли вниз, становились все более бесплодными и негостеприимными». И все же значение путешествий Стёрта было огромно. Он обследовал территорию, по площади вдвое превышающую Англию, и установил, что значительная ее часть вполне пригодна для заселения.

В начале 1840-х гг. Стёрт разработал план нового масштабного путешествия – на этот раз в центральную часть Австралии. Он исходил из предположения, что там есть пресная вода. К этому выводу Стёрт пришел, наблюдая за птицами, которые в летнее время совершали перелеты из южных районов Австралии на север. Стёрт считал, что где-то в срединной части материка лежат плодородные земли и, может быть, даже имеется большое внутреннее озеро.

В начале 1844 г. Стёрт, выйдя из Аделаиды, направился на северо-восток. Поднявшись вверх по реке Дарлинг до озера Менинди, он повернул на северо-запад, пересек Барьерный хребет и вдоль его западных склонов пошел на север. Здесь путешественников ждала бесплодная пустыня, усеянная обломками камней. Она тянулась на север, насколько хватало глаз. Воды не было, стоял невыносимый зной. Двигаясь дальше на северо-запад, экспедиция попала в «самую настоящую» пустыню – песчаную, с грядами барханов. Только обнаруженный путешественниками оазис с пресной водой не дал им погибнуть от жажды. Здесь, в оазисе, который они назвали Роки-Глен, путешественники провели целых полгода. Лишь в конце июля, когда, наконец, пошли дожди, Стёрт рискнул отправиться дальше на северо-запад. Местность по-прежнему оставалась дикой и безрадостной; песчаную пустыню сменила каменная. Она уходила в самое сердце материка, и конца ей не было видно. 8 сентября 1845 г. экспедиция

достигла срединной точки Австралийского континента. Никакого озера здесь не было – во все стороны простиралась безжизненная пустыня...

Капитан Стёрт покидает Аделаиду. 1844 г.

Стёрт отправился в обратный путь. Люди страдали от жажды, их валила с ног жестокая цинга. В середине ноября они добрались до оазиса Роки-Глен, а затем, преодолев еще 270 миль, вышли к берегам Дарлинга. 19 января 1846 года Стёрт и его спутники возвратились в Аделаиду. Их путешествие во внутренние области Австралии стало настоящим подвигом и позволило разрешить многие загадки Зеленого континента.

Счастливая Австралия Томаса Митчелла

Томас Митчелл стал путешественником, что называется, по долгу службы. В 1827 г. он прибыл в Сидней и вскоре стал начальником топографической службы Нового Южного Уэльса. Несколько раз он отправлялся с изыскательскими партиями в глубинные районы Австралии, бродил по нехоженным горам, спускался по неисследованным рекам, вступал в вооруженные стычки с аборигенами. Одно из самых известных и значительных своих путешествий первопроходец совершил в 1836 г. Отправившись вниз по рекам Лахлан и Маррамбиджи, он достиг великой австралийской реки Муррей. 8 июля 1836 г. он обнаружил ранее неизвестный левый приток Муррея. Путешественник окрестил эту реку Лондоном. Заинтересовавшись своим открытием, Митчелл двинулся вверх по Лондону и вскоре вышел на обширное водораздельное плато, пересекаемое двумя полноводными реками. Как оказалось, они впадали в море западнее Мельбурна. В отличие от засушливых и малопродуктивных земель, лежащих к северу, открытая Митчеллом страна была настоящей «землей обетованной»: она могла принять и обеспечить пропитанием и водой сколько угодно колонистов. «Наконец-то, – писал Митчелл, – мы открыли страну, которая завтра же может принять в свое лоно цивилизованного человека...» Открытые им земли на юго-востоке материка Митчелл назвал Счастливой Австралией – в честь «Счастливой Аравии» древности.

Шотландский исследователь Австралии Томас Ливингстон Митчелл

В результате этого путешествия была исследована вся юго-восточная часть материка, которая ныне входит в состав австралийского штата Виктория. А обратный маршрут Митчелла от бухты Портленд к Сиднею – так называемая линия Митчелла – со временем стал трассой сквозной скотопрогонной дороги, связавшей богатейшие сельскохозяйственные угодья Юго-Восточной Австралии.

В 1845 г. Митчелл отправился в новое большое путешествие. Его не оставляла надежда, что к северу от 29-й параллели внутренние области Австралии пересекает большая река, которая течет на северо-запад и впадает в залив Карпентария. Поиски этой реки он и решил предпринять к западу от Водораздельного хребта.

В долине реки Мараноа Митчелл оставил большую часть снаряжения и налегке направился на север. Он дошел до большой реки Уоррего, которая текла, однако, не на северо-запад, а на юго-запад и явно относилась к бассейну Дарлинга. Однако 15 ноября 1845 г.

Митчелл действительно открыл довольно большую реку, текущую на северо-запад. Он назвал ее Викторией – в честь английской королевы. С этим известием путешественник поспешил вернуться в Сидней. «Моя затаенная мечта, – писал Митчелл, – наконец сбылась». Он был убежден, что отыскал реку, текущую из Внутренней Австралии в залив Карпентария. Однако вскоре его постигло разочарование: экспедиции, пошедшие по его следам, сумели установить, что река Виктория все же принадлежит к бассейну Муррея: хотя в верхнем своем течении действительно течет на северо-запад, но затем резко поворачивает на юг...

На вершине Зеленого континента

Проехать по всем маршрутам скитаний знаменитого польского путешественника Павла Стшелецки было бы немислимо. Он обошел, объездил, проплыл без преувеличения – полмира. Однако австралийское его путешествие явилось наиболее значительным.

...В Сиднее Стшелецки высадился в апреле 1839 г. Здесь он долго не задержался – путешественника влекли нехоженые тропы. Голубые горы, с которых начал свой маршрут Стшелецки, не вполне оправдывали свое романтическое название: хребты, хоть и не очень высокие, в некоторых местах были труднопроходимы. Горная цепь простиралась почти на 300 километров в глубь материка, но представлялась такой запутанной, что казалось, долины здесь вовсе наглухо замкнуты, а реки не имеют ни устья, ни истоков. Хотя за плечами Стшелецки был переход через Анды на головокружительных высотах, а здесь горы были пониже, риск оказался все равно велик. «Запутавшись в бесконечном лабиринте подземных ущелий горы Гей и реки Грос, я не в состоянии был выбраться из него, и только через несколько дней непрерывной усталости, голода и опасностей мне удалось выйти оттуда», – вспоминает путешественник. И все же он взошел на гору Гей. А через несколько дней – и на более высокую безымянную вершину. И на правах первовосходителя нарек ее Адиной – именем своей возлюбленной.

Польская юбилейная монета с изображением Павла Стшелецки

В Австралийских Альпах уже успели побывать другие путешественники, но немало открытий осталось и на долю Стшелецки. Он провел геодезические съемки, собрал образцы пород, проник в глухие, неисследованные уголки. Пройдя юго-западные отроги, через могучие рощи эвкалиптов и заросли австралийских акаций, он вышел к заливу Уэстерн-Порт, сделав важное заключение о перспективах использования исследованных земель в будущем.

Другие области Австралии оказались менее пригодными для освоения. Они были слишком жаркими и сухими – около половины территории страны занимали пустыни и полупустыни. Здесь выпадало в восемь раз меньше осадков, чем, к примеру, в Южной Америке. Пятый континент оказался самым «сухим» на нашей планете. Не

случайно, наверное, одну из вершин в Австралии первые поселенцы нарекли горой Безнадежности.

В поисках воды и пастбищ для скота люди поднимались в горы. Поиски Ч. Стёрта, Д. Бакстера, Ф. Грегори и других путешественников увенчались открытием новых перевалов, хребтов, долин, озер. Но только экспедиции под руководством Павла Стшелецки удалось в 1840 г. проникнуть на плато Морано к истокам Муррея, самой протяженной реки материка (ее длина 1632 км). Достаточно полноводная и даже пригодная для судоходства в нижнем течении, в верховьях она извилисто петляла среди межгорий, а то и вовсе теряла след в засушливую пору. Это был единственный район на всей материке, где снег сохранялся на протяжении всего года. И в этом, можно сказать, самом снежном месте материка и открыл Стшелецки самую высокую вершину континента.

Во время своего полугодового похода 15 февраля 1840 г. он задержался в пути ради события, которое потом вошло в историю географических открытий. Вот что написал Стшелецки своим близким в Польшу в связи с этой «задержкой»: «Величественную вершину, на которую до меня никто не поднимался, с ее вечными снегами и безмолвием, и я использовал, чтобы увековечить на этом материке в памяти грядущих поколений дорогое имя, почитаемое каждым поляком – каждым другом свободы... В чужом краю, на чужой земле... я назвал ее горой Костюшко».

Ныне на вершину горы Костюшко проложены многочисленные пешеходные и даже вьючные тропы. А вот Стшелецки пришлось добираться туда с немалыми трудностями – он был первым белым человеком, нога которого коснулась этих незнакомых гор. Острый пик горы, покрытый снегами и господствовавший над окружающими вершинами, показался ему самым удобным местом для геодезических измерений. Великолепие открывшейся с вершины горы картины поразило Стшелецки. Отсюда можно охватить взглядом площадь около 18 тысяч квадратных километров. Вдали, на востоке, с расстояния почти 80 километров, в дымке виднеется морское побережье. У ног путешественников расстилаются ленты зелени, прерываемые крутыми каньонами долины реки Муррей и ее притока Маррамбиджи.

Но, даже несмотря на явное видимое превосходство горы Костюшко, Стшелецки все же спутал ее с соседней вершиной. Может,

поднялся туман, может, усталость дала о себе знать или угол зрения был неподходящим, но за высочайшую на Австралийском континенте была принята другая вершина. Без заблуждений и ошибок, видимо, редко происходят открытия. Несколько десятков лет спустя в эти места попал австралийский зоолог Ленденфельдт. Он уточнил высоту и ту вершину, на которой побывал Стшелецки, назвал в честь австралийского инженера-геодезиста горой Тоунсенда, а гору Костюшко переименовал в гору Мюллера, по имени германского естествоиспытателя. И все же эти недоразумения не помешали утверждению за польским географом звания видного исследователя Австралии. Установив, что измерения Ленденфельда точны, высочайшую вершину материка все же назвали горой Костюшко, а наименование Тоунсенд оставили за соседней вершиной.

Путешествие овцевода Эйра

После основания Аделаиды в Южную Австралию хлынул поток колонистов. Начались поиски новых земель, пригодных для хозяйственного освоения, и в первую очередь для овцеводства. Фермеры были настолько заинтересованы в этом, что были готовы финансировать любое опасное предприятие, лишь бы оно принесло полезные плоды. И когда Эдуард Джон Эйр вызвался отправиться в экспедицию для поисков новых пастбищных земель, овцеводы Южной Австралии без колебаний и больших затруднений сумели в складчину собрать значительную сумму для этой цели.

Эйр тоже был овцеводом. Его ферма располагалась в 250 километрах к северу от Аделаиды, на самом краю освоенных земель, и служила базой еще для его первых путешествий во внутренние области Австралии. Он прекрасно знал (и сразу предупредил об этом фермеров-пайщиков), что к северу и западу от Аделаиды искать пастбищные угодья бесполезно. Однако именно в этих направлениях следовало вести поиски сквозных путей к западным и северным берегам Австралии.

Эйр (справа) и Вайли. Скульптура современного автора

В июне 1840 г. Эйр покинул Аделаиду и направился вдоль хребта Флиндерс, однако путь ему преградили соленые озера и болота. Тогда Эйр принял решение возвратиться к южному берегу и оттуда направиться вдоль побережья Большого Австралийского залива к западному побережью Австралии. 25 февраля 1841 г. маленькая поисковая партия в составе пяти человек отправилась от бухты Фаулерс-Бей на запад. Эйра сопровождал его приятель Джеймс Бакстер и три аборигена; поклажу везли на лошадях. Экспедиции предстояло пройти свыше 3000 километров. Кругом, насколько хватало глаз, простиралась унылая равнина, местами поросшая чахлым кустарником. В конце марта иссякли запасы воды; путешественникам пришлось утолять жажду утренней росой, которую трое аборигенов собирали весьма хитроумным способом. К концу марта положение стало совсем бедственным: часть лошадей пала, люди и уцелевшие животные устали и ослабели.

Беда случилась в конце апреля: в отсутствие Эйра двое аборигенов убили Бакстера и ушли, забрав все запасы продовольствия. Третий абориген, юноша по имени Вайли, остался с Эйром и тем самым спас жизнь путешественнику: без его умения находить воду и охотничьей сноровки овцевод погиб бы в этой раскаленной пустыне. Среди полного безводья они шли вдвоем на протяжении целого месяца и лишь 30 мая повстречали «очень красивое озеро умеренной величины с пресной водой... Это был первый водоем, который мы встретили на нашем пути от бухты Фаулерс-Бей на расстоянии около 1700 миль».

2 июня Эйр с высокой скалы увидел в море корабль. Это было французское китобойное судно «Миссисипи». На корабле заметили сигналы путешественников, и Эйр и Вайли были взяты на борт. Капитан «Миссисипи» был готов доставить их в любой порт Южной Австралии, но Эйр твердо решил во что бы то ни стало дойти до бухты Кинг-Джордж посуху. Так Эйр и Вайли снова оказались на берегу. 14 июня они отправились в путь и в июле добрались до Олбани, пройдя по бесплодной прибрежной равнине более 3500 километров. Никаких пастбищ Эйр не нашел, тем самым немало разочаровав овцеводов, зато впервые в истории пересек Южную Австралию от залива Фаулерс-Бей до залива Кинг-Джордж. Географы оценили его поход как один из наиболее выдающихся подвигов в истории изучения Австралии.

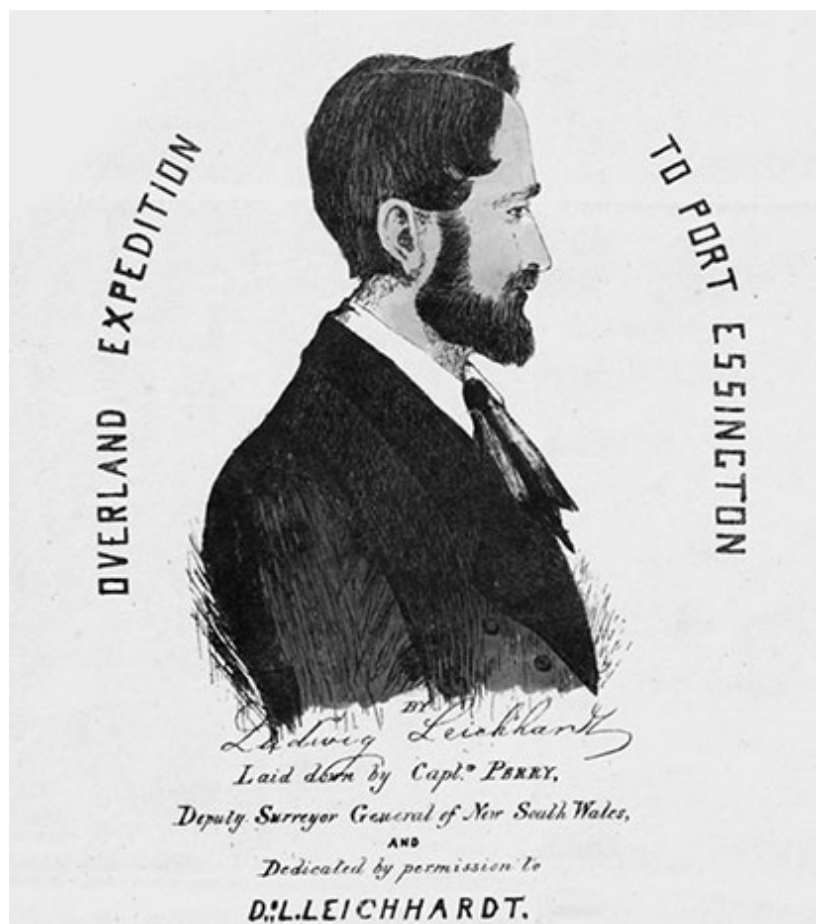
Где-то в Австралии...

Еще в юности Людвиг Лейхгардт зачитывался книгами о путешествиях, мечтал стать исследователем, первопроходцем. Его влекла далекая и загадочная Австралия – материк, в ту пору только-только начинавший осваиваться европейцами...

В 1844 г. Лейхгардт возглавил экспедицию, которой предстояло, отправившись из Брисбена, пройти через всю Северо-Восточную Австралию к гавани Порт-Эссингтон и по пути обследовать южное побережье залива Карпентария. За 14 месяцев и 17 дней Лейхгардт и его спутники прошли около 4,5 тысячи километров и пересекли весь северо-восток Австралии. Лейхгардт стал первым исследователем огромных регионов, позднее названных Квинслендом и Северной территорией. Семь участников экспедиции морем возвратились в Сидней, куда прибыли 25 марта 1846 г. Лейхгардта чествовали как национального героя. Два географических общества, Лондонское и Парижское, наградили его золотыми медалями. В Сиднее и Брисбене строились планы освоения открытых Лейхгардтом земель.

В декабре 1846 г. Лейхгардт отправился во второе путешествие. От равнины Дарлинг-Даунс он прошел на север около 500 километров, но затем по не вполне ясным причинам вынужден был возвратиться в Сидней. Участники этой экспедиции остались недовольными друг другом: некоторые из них обвиняли Лейхгардта в заносчивости, в том, что по вине Лейхгардта экспедиция осталась без провианта и медикаментов.

Стремясь восстановить свою репутацию, Лейхгардт в начале 1848 г. приступил к организации третьей экспедиции. Замысел ее был грандиозен: Лейхгардт намеревался пересечь весь Австралийский материк! За два с половиной – три года он предполагал пройти весь континент с востока на запад – сначала направиться на север, к каменистой пустыне, обойти ее с севера по местам, где не должно быть неодолимых трудностей с водой, а потом, уже где-то под Южным тропиком, двинуться прямо на запад.

Людвиг Лейхгардт

Тщательная подготовка к экспедиции велась два года. Старт похода был дан на скотоводческой ферме Макферсон, расположенной на одном из притоков реки Кондамайн. В последний день перед выходом Лейхгардт писал другу в Сидней: «Когда я думаю о том, сколь счастливо мы до сей поры продвигались вперед, во мне просыпается надежда на то, что Всевышний даст мне возможность довести до благополучного конца дело всей моей жизни».

Ранним утром 4 апреля 1848 г. Лейхгардт и шесть его спутников (среди которых было два темнокожих аборигена) направились на север с караваном, в котором насчитывалось 77 лошадей и быков.

Экспедиция исчезла бесследно...

Их хватились не сразу, а лишь спустя почти три года. Впрочем, Лейхгардт и рассчитывал пересечь континент за три года. Его ждали на севере, ждали на западном побережье, но ни он, ни его спутники не подавали никаких вестей. В 1852 г. к реке Кондамайн отправилась

первая поисковая партия. Затем другая, третья... Поиски Лейхгардта и его товарищей продолжались 17 лет. Только через несколько лет некто Андре Хум, вольный бродяга, принес весть о том, что неподалеку от реки Муллиган он несколько месяцев прожил рядом с Адольфом Классеном – одним из членов пропавшей экспедиции Лейхгардта!

Хум не знал тогда, что судьба пропавшей экспедиции волнует едва ли не весь мир, и ни о чем Классена не расспрашивал. Странно, правда, что и сам Классен ничего ему не рассказывал: либо не доверял бродяге, либо чего-то опасался...

Поддержанный общественностью и властями, Хум снова отправился в те места, где он видел Классена, но по дороге погиб, застигнутый в пути сильнейшей засухой. И только спустя много лет подтвердилось невероятное: Классен в самом деле почти 30 лет прожил у аборигенов в тех местах, о которых говорил Хум! Они стерегли его как зеницу ока и ни на шаг не отпускали от себя. Приблизительно в 1876 г. аборигены убили Классена – он узнал, что милях в двадцати от стойбища проходят какие-то белые люди, и попытался бежать...

С этим человеком окончательно ушла в небытие тайна исчезновения экспедиции Людвига Лейхгардта.

В поисках пропавшей экспедиции

Прозаическая должность землемера в Австралии первой половины XIX в. превращалась порой в самую что ни на есть романтическую профессию. Не избежал этого превращения и Август Чарлз Грегори. В 1846 г. ему было поручено провести топографические и географические исследования засушливых и пустынных областей Западной Австралии. Из района города Перт Грегори через озеро Браун направился к горе Джексон, затем на запад к озеру Мур. Он подробно исследовал территорию между реками Суон и Эрроусмит, а потом направился дальше на север и произвел съемки обширной прибрежной полосы, а также реки Мерчисон. Из-за труднодоступности местности Грегори не смог достигнуть залива Шарк (бухта Хейфиш) и вернулся назад. Это путешествие заняло у него в общей сложности 3 года. Еще более важное значение имели путешествия Грегори в Северной Австралии, где он с несколькими спутниками в 1855–1856 гг. исследовал реку Виктория. От ее среднего течения путешественник пересек полуостров Арнхемленд и прошел вдоль южного побережья залива Карпентария до залива Мортон близ Брисбена.

В 1858 г. Грегори было поручено отыскать следы пропавшего без вести путешественника Лейхгардта. От залива Мортон Грегори двинулся на запад и на реке Барку напал на след пропавшей экспедиции. Идя вверх по этой реке и по ее правому притоку – реке Томсон, Грегори обнаружил небольшое озеро, которое принял за восточный край озера Эйр. В безуспешных поисках Лейхгардта Грегори обшарил весь бассейн реки Барку, дошел до места впадения Стшелецки-Крик в озеро Бланш, но никаких признаков пропавшей экспедиции больше нигде не было видно. Результатами этого похода Грегори стали только новые географические сведения о внутренних районах Австралии.

Цена жизни – девять часов

В летописи исследований Земли вряд ли отыщется путешествие, сравнимое по трагизму с экспедицией Берка, предпринятой в 1860 г. В истории этой беспримерной эпопеи многое продолжает оставаться загадочным и неясным, начиная от побудительных мотивов, логики действий и кончая обстоятельствами гибели ее участников.

В середине XIX в. обширные внутренние территории Австралии все еще оставались белым пятном. И руководители Мельбурнского Королевского географического общества поставили перед собой масштабную цель – сделать то, что не удалось сделать Лейхгардту, пересечь этот таинственный континент, разведать наиболее удобный путь к северной оконечности материка. Все участники экспедиции прошли строгий отбор, начальником ее был назначен Роберт О'Хара Берк. И 20 августа 1860 г. 16 отважных людей – все с самым скромным опытом путешествий – отправляются в неизвестность...

Трудности росли по мере того, как отряд продвигался к северу. Вместе с трудностями росло и недовольство некоторых членов экспедиции. Когда партия достигла реки Дарлинг, где пролегла граница освоенных земель, в ней уже царил полный разлад. В итоге Берк разделил отряд на две группы. С первой, состоящей из восьми человек, он отправился вперед. Остальные шесть человек остались на месте, чтобы организовать склад припасов невдалеке от Менинди и в ожидании подкреплений. Как только придут повозки, они должны были пуститься по следам передового отряда.

Отряд Берка двигался на север к болоту Торовато. Отсюда Берк отправил проводника Уильяма Райта обратно в Менинди с инструкцией «собрать людей и следовать за мной». 11 ноября отряд Берка вышел к речке Уилсон, одному из рукавов Куперс-Крик. В ее нижнем течении они разбили лагерь под номером 65, ставший впоследствии ключевым пунктом на всем маршруте. Здесь Берк вновь решил разделить свой отряд. С тремя самыми надежными членами экспедиции – Уилсом, Кингом и Греем – он намеревался в быстром темпе «проскочить» полконтинента. Начальником над остающимися людьми он назначил Уильяма Брейха. Впоследствии Брейх утверждал, что ему было

приказано ждать три месяца, если раньше не кончатся продукты, и после этого возвращаться в Менинди.

16 декабря отряд Берка тронулся в путь. Он шел на запад вдоль течения Куперс-Крик. Потом повернул на северо-запад по направлению к каменистой пустыне Стюарт. Через четыре дня вышли к речке Дайамантина и двинулись вдоль нее на север. Новый, 1861 г. Берк, Уилс, Кинг и Грей встретили в 80-м по счету лагере, к юго-востоку от озера Мачате. Южный тропик пересекли 7 января. Они шли на север вдоль 140-го меридиана, проходя в день по 12 часов. Впереди открылся хребет Селуин – холмистый кряж до тысячи футов высотой. Поднявшись на его высшую точку, Берк решил идти прямо по гребню. Новые лагеря экспедиции появлялись на маршруте каждый день: 101, 102, 103, 104, 105-й... Можно только догадываться, как бы поступил Берк, если бы знал, что Райт с повозками и поклажей только в эти дни вышел из Менинди...

В последнем, 119-м лагере речные и озерные воды были солеными – океанский прилив уже давал о себе знать. Берк и Уилс пробивались вперед на лошади, но увязли в трясине. Им долго пришлось выбираться, выталкивать животное на твердую почву. Затем они вышли на тропу, наткнулись на туземцев, убежавших от них, потом встретили других, указавших им путь к морю, и наконец 11 февраля 1861 г. цель была достигнута. Экспедиция вышла на берег залива Карпентария. Берк со своими людьми выполнил поставленную перед ними задачу и оказался первым, кто пересек Австралийский континент с юга на север. За шесть месяцев был преодолен путь в 1650 миль. Теперь им оставалось дойти обратно.

Берк, Уилс и Кинг на обратном пути с залива Карпентария

Между тем все запасы провизии кончились, а верблюды, использовавшиеся для перевозки вещей экспедиции, убиты и съедены. Первым не выдержал Грей – 17 апреля он скончался. Люди были вконец обессилены, и для того, чтобы выкопать неглубокую могилу в болотистой почве близ озера Кунги, им потребовался целый день. До Куперс-Крик, где располагался лагерь № 65, оставалось еще 70 миль...

А в это время люди в лагере № 65 пережили лишения не меньшие, чем группа Берка. Прождав сверх положенного срока целый месяц, Брейх решил снимать лагерь и двигаться в обратный путь. На всякий случай, если вернется Берк, он закопал на месте лагеря вяленое мясо, муку, сахар, овсяную крупу, рис, вырезав на дереве краткую надпись: «Копать 3 фута СЗ». 21 апреля 1861 г., как только рассвело, Брейх повел свой небольшой отряд по высохшему руслу. Спустя всего 9 (!) часов Берк, Уилс и Кинг, шатаясь от изнеможения, вышли на место недавней стоянки... Фантастическое невезение!

А Брейх тем временем продолжал свой путь вверх по Куперс-Крик на юго-восток. За озером Буду он повстречал караван Райта. Пока объединенный отряд отдыхал, Брейх и Райт, взяв трех крепких лошадей, быстрым темпом двинулись к Куперс-Крик. У них теплилась слабая надежда на то, что, может быть, за это время Берк все-таки вернулся. Берк действительно побывал в лагере № 65, раскопал тайник и ушел... Злой рок словно ополчился на путешественников!

Брейх и Райт сумели дойти до Мельбурна, и вскоре поисковые партии ринулись на поиски группы Берка. Но только 15 сентября им удалось найти единственного оставшегося в живых члена экспедиции – Джона Кинга, тяжело больного, буквально сожженного солнцем. Как оказалось, откопав тайник и прочитав записку, из которой следовало, что Брейх свернул лагерь утром того же дня, Берк, Уилс и Кинг решили, что уже не смогут нагнать ушедших, и повернули на юго-запад, к горе Безнадежности, где кочевали племена аборигенов. Целый месяц прошел в попытках пробиться через пустыню. Первым погиб Уилс, спустя два дня – Берк. Перед смертью он пытался застрелиться, но уже настолько обессилел, что даже не смог поднять револьвер. Так, с револьвером в руке, Берк и умер утром 1 июля. Кингу повезло – он сумел добраться до аборигенов.

Останки Берка и Уилса были перевезены в Мельбурн. А в государственной библиотеке австралийского штата Виктория ныне хранятся записные книжки Уилса и последние, нечеткие записи Берка, сделанные слабеющей рукой путешественника...

Трудный путь на север

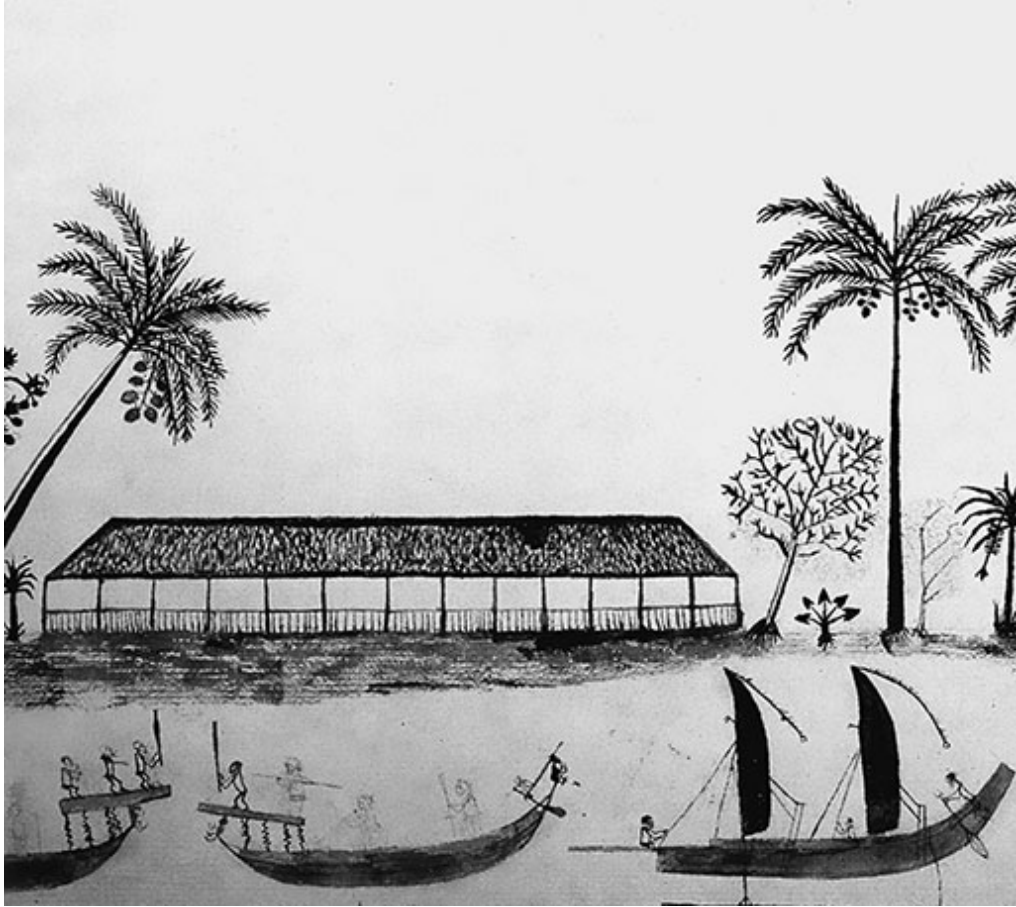
Два года (1858–1859 гг.) Джон Макдауэл Стюарт бродил по Южной Австралии, исследуя ее внутренние районы. Он побывал на озерах Торренс, Эйр и Гарднер и открыл горную цепь, позже названную его именем. Выйдя к морю и следуя вдоль побережья, Стюарт возвратился в Аделаиду. А в следующем году, взяв лишь двух спутников, он отправился в новую, весьма рискованную экспедицию, намереваясь пересечь весь Зеленый континент с севера на юг через совершенно неисследованную область от озера Эйр до полуострова Арнхемленд. Путешественники перешли через горы Макдоннелл, намереваясь достичь реки Виктория, но жара и засухливость страны вынудили Стюарта отказаться от этого замысла. Экспедиция повернула к заливу Карпентария, но и на этом маршруте препятствием стали недостаток воды и враждебность аборигенов. Пришлось поворачивать обратно.

В 1861 г. Стюарт с теми же спутниками вновь попытался пересечь континент. Он дошел до горной цепи Ашбертон, однако за ней к северу, насколько хватало глаз, простиралась абсолютно безводная равнина, идти через которую было равносильно самоубийству. Опять неудача... Спустя год Стюарт вновь отправляется в путь от западного берега озера Эйр. На этот раз ему удалось отыскать дорогу через северную часть низменности к реке Ропер и достичь северного побережья Австралии вблизи залива Ван-Димена, где путешественник обнаружил вполне пригодную для освоения область, населенную аборигенами. Обратный маршрут путь Стюарт лежал несколько западнее. В конце 1862 г. путешественники, совершенно обессиленные, дошли до Аделаиды. Успешное пересечение материка Стюартом имело очень важные последствия для освоения Внутренней Австралии. Практически вдоль его маршрута, который проходил мимо пастбищ и речных долин, в 1870–1872 гг. был построен первый трансконтинентальный телеграф от Порт-Огасты на юге до Дарвина на севере.

Океания

Полинезийские экспедиции

На бальсовом плоту «Кон-Тики», построенном в соответствии с древними образцами, Тур Хейердал совершил плавание от берегов Перу к островам Полинезии, намереваясь доказать возможность сообщений между Южной Америкой и островами Тихого океана. Однако этот эксперимент, закончившийся вполне благополучно, ничего не доказал, да и не мог доказать, поскольку в реальности дело обстояло совершенно иначе: не южноамериканские индейцы плавали на острова Полинезии, а полинезийцы посещали побережье Южной Америки. Невзирая на господствующие ветры и течения, полинезийские мореходы упорно шли на восток – туда, где восходит солнце. Не напрасно известный полинезийский этнограф Питер Бак (Те Ранги Хироа) назвал своих предков «мореплавателями солнечного восхода». Причин для плаваний у полинезийцев было, вероятно, множество – недостаток пресной воды, засуха, перенаселенность, войны и т. д. Покинув сушу, эти люди научились жить гармонии с океаном. Они научились определять направления ветров и морских течений по едва уловимым признакам: полету птиц, цвету облаков, чувствовали близость берега. Они научились прокладывать курс по звездам. Из бамбука, веревок и раковин изготовили самые первые в мире навигационные карты – по этим «картам-палкам», совершенно непонятным для посторонних, они безошибочно ориентировались среди бескрайних океанских просторов. А накапливавшийся с годами опыт предыдущих поколений, передававшийся из уст в уста, служил полинезийским кормчим надежным теоретическим подспорьем, позволявшим отправляться в новые океанские странствования.

Полинезийские каноэ

В легендах и мифах полинезийцев сохранилось множество припоминаний о плаваниях их предков к далеким землям на востоке. Так, на Маркизских островах рассказывают легенде об огромной лодке-катамаране «Кахуа», которую построили люди с острова Хива-Оа. Лодка была так велика, что вычерпывающие воду моряки не могли дотянуться со своими черпаками даже до прорезей в бортах. Две ее секции соединялись дощатой платформой, на которой стоял навес из пальмовых листьев. Под ним хранились запасы пищи. Эта лодка сначала поплыла на северо-запад, чтобы посетить остров Нуку-Хива, а затем повернула на восток и после долгого плавания пришла к побережью страны, которую полинезийцы называли Те-Фити. Какое-то время полинезийские моряки пробыли на новой земле, а потом, оставив здесь часть своих людей, вернулись на остров Хива-Оа...

Коренные обитатели американского континента так похожи на полинезийцев

Единственной сушей, лежащей к востоку от Маркизских островов, может быть только Южная Америка, и страной Те-Фити следует считать побережье Эквадора или Перу.

А жители острова Раротонга рассказывают о том, как с острова Раиатеа (о-ва Общества) однажды отправилась на восток большая морская экспедиция во главе с вождем Мауи Марумамао. Каное полинезийцев прошли мимо острова Рапа-Нуи (Пасхи), а затем долго плыли в восточном направлении, пока не добрались до «страны горных хребтов». Здесь вождь Мауи умер, и его сын Киу, возглавив экспедицию, пошел на запад, к островам Полинезии...

Что это за «страна горных хребтов», лежащая к востоку от острова Пасхи? Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что речь здесь

идет о Чили или Перу.

Можно привести и другие интересные сведения о контактах полинезийцев с жителями Южной Америки – как фольклорные, так и археологические. Сегодня вряд ли приходится сомневаться в том, что задолго до открытий Колумба отважные полинезийские мореплаватели неоднократно пересекали величайший океан планеты и высаживались на южноамериканском побережье.

«Теперь я отбываю и никогда не вернусь!»

Новая Зеландия, вероятно, была последним местом в мире, которое заселил человек. Легенды рассказывают, что около 950 г. полинезийский мореплаватель Купе, ориентируясь по полетам птиц, звездам и цвету облаков, пришел на своем каноэ «Мата-хоу-руа» к берегам неведомой земли. Он назвал эту открытую им страну Аотеароа – Земля Длинного Белого Облака. Пожив здесь некоторое время, Купе вернулся на свою родину – легендарный остров Гавайки, сказав на прощание: «Ка hoki nei au, e kore au e hoki anganui mai!» («Теперь я отбываю и никогда не вернусь!»).

Купе рассказал о своем открытии сородичам и оставил им наставления, как найти Землю Длинного Белого Облака. Несколько столетий спустя, около 1350 г., полинезийцы с Гавайки отправились на Аотеароа. Они сели в 7 океанских каноэ, способных нести не только людей, но и грузы, и после долгого плавания по бурному морю пришли к побережью Южного острова, который они назвали Те Вайпунаму. Впрочем, большинство из них впоследствии переселилось на Северный остров – Те-ика-о-Мауи. От этих пришельцев из Полинезии и произошел народ маори.

Представитель маори

В полной изоляции от внешнего мира маори прожили почти 300 лет. Они занимались охотой, рыбной ловлей, собирательством. Главным объектом охоты являлась гигантская бескрылая птица моа. Но население быстро увеличивалось, и вскоре ресурсы архипелага оказались исчерпанными. Птицы моа были полностью истреблены, главным предметом промысла стали ловля рыбы и сбор моллюсков. Важное место в рационе островитян занимал сладкий картофель – кумара, плантации которого к приходу европейцев занимали около 40 % территории островов. Но недостаток высокобелковой пищи ощущался все острее, и маори начали... поедать друг друга. Длительная изоляция маори от внешнего мира сыграла с этим народом злую шутку: оказавшись за «железном занавесе» (роль «железного занавеса» в этом случае сыграли огромные океанские пространства), маори в буквальном смысле слова одичали. На островах вспыхнули межплеменные войны. Все воевали против всех, деревни пришлось

укреплять рвами и палисадами. На этом фоне прибытие первых европейцев воспринималось лишь как появление источника новой пищи...

Что было дальше, уже известно. Неизвестными остаются лишь те страницы истории Новой Зеландии, которые связаны с ранними европейскими плаваниями к этим островам, и с загадочным народом мориори, который будто бы населял Новую Зеландию до прихода сюда маори...

Кто открыл Новую Зеландию?

Кто все-таки открыл Новую Зеландию? Споры по этому поводу вспыхнули с новой силой после того, как в 1990-х гг. в гавани Веллингтона был найден старинный испанский шлем. Позднее в западной части полуострова Поту была сделана еще одна неожиданная находка: ветер разметал песчаную дюну, и на поверхности оказались... скелеты двух испанских солдат в шлемах, нагрудных латах и с остатками кожаных ботинок на ногах. К сожалению, полицейские передали эти останки местному маорийскому вождю, и их дальнейшая судьба неизвестна. Еще имеются сведения, что туземцы племени Нгати-Ватуа поклоняются какому-то старинному стальному мечу, но этого меча, кажется, никто из белых людей не видел.

Эти странные находки говорят в пользу того, что испанские, а возможно, и португальские мореплаватели побывали в Новой Зеландии еще в XVI столетии. На старых португальских картах в этой области Тихого океана действительно помещена какая-то земля. Может быть, слухи о Южном континенте – Terra Australis Incognita – были не так уж необоснованны? И что за таинственные «португальские карты» использовал в своем плавании капитан Кук? На этих картах нынешний пролив Кука между Северным и Южным островами Новой Зеландии был обозначен как «Португальский проход», а многие места на восточном побережье имели португальские названия... Между тем ни о каких ранних плаваниях португальцев и испанцев к берегам Новой Зеландии история вроде бы не знает!

Стоит сказать и о любопытном бронзовом колокольчике, найденном миссионером Коленсо на берегу Южного острова. Этот колокольчик эксперты определили как... тамильский, то есть происходящий с юга Индии!

А вот еще одна загадка: один из китайских императоров приказал сжечь свой флот, вернувшийся из далекого плавания с сообщением об открытии далеко на юге двух островов, населенных кровожадными дикарями. Такая строгая мера, по его мнению, должна была отбить у его подданных желание плавать к этим островам. Между тем некоторые специфически китайские растения как будто бы найдены на севере

Новой Зеландии, а некоторые из северных маори имеют черты лица, напоминающие азиатские...

Памятник Джеймсу Куку в г. Крайстчерч, Новая Зеландия

Загадкой является и само происхождение названия «Новая Зеландия». Как мы знаем, Абель Тасман окрестил открытую им в 1642 г. землю Staten Landt – «Земля штатов». Между тем имя Nova Zeelandia или Nieuw Zeeland, впервые появляется на картах около 1645 г. Кто из мореплавателей в 1642–1645 гг. успел еще раз побывать у

берегов архипелага и заново окрестить его? Как бы то ни было, голландцы, похоже, были не первыми из европейцев, кто побывал в Новой Зеландии. О судьбе первооткрывателей можно только догадываться. Вероятно, не зря маори сразу враждебно встретили европейцев – какой-то опыт общения с белыми людьми у них уже, возможно, к тому времени был. Но если даже испанцы и португальцы и посещали когда-то Новую Зеландию, то в любом случае не к ним относится определение «мориори». Так назывался загадочный народ, который предки маори встретили на островах архипелага...

Португальцы встречаются с папуасами

Португальский моряк Жоржи Минезиш, назначенный в 1526 г. на пост губернатора Молукка, стал одним из первых исследователей островов Тихого океана – правда, не совсем по своей воле. В августе 1526 г. он следовал к месту службы вдоль берегов Северного Калимантана (Борнео), но ветры и течения отнесли его корабль на юго-восток, к какой-то неизвестной земле, расположенной немного южнее экватора. Собственноручные записки Минезиша не сохранились, однако сведения португальских хроник позволяют предположить, что он достиг северо-восточной оконечности острова Новая Гвинея. Здесь, в гавани Верзижа, судно находилось несколько месяцев – с конца 1526 до начала 1527 г. Не исключено, что за это время Минезишу удалось обследовать побережье острова к востоку. Португальцы первыми из европейцев вступили в контакт с папуасами, а открытую ими землю назвали «Островом папуасов» (ныне Новая Гвинея). Когда подул попутный ветер, Минезиш прошел вдоль берегов полуострова Чендравских в обратном направлении около 500 километров и в мае 1527 г. достиг Тернате. В дальнейшем португальские моряки очень редко появлялись у берегов Новой Гвинеи, и все же открытие Минезиша распахнуло перед европейцами путь в Тихий океан, к берегам Австралии и Новой Зеландии.

Корабли европейцев у острова Тернате

Тихоокеанское плавание Андреса Урданеты

Знаменитый мореплаватель Фернандо Магеллан достиг Филиппин в 1521 г. во время своего исторического кругосветного плавания. Именно он открыл для европейцев эти далекие тихоокеанские острова, хотя к тому времени Филиппины уже были хорошо известны морякам и торговцами из стран Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока. Между 1565 и 1569 гг. испанский первопроходец Мигель де Легаспи завоевал открытый Магелланом архипелаг, назвав его Филиппинами – в честь испанского монарха Филиппа II. Филиппинские острова стали главным владением Испании в Тихом океане. Более трех столетий – до 1898 г. – они принадлежали Испании. Испанская эпоха на Тихом океане длилась целых 250 лет и ознаменовалась, помимо прочего, созданием первого в истории регулярного морского сообщения, соединившего берега величайшего в мире океана, которое обеспечивалось знаменитыми «манильскими галеонами».

Андрес Урданета

История трансокеанских плаваний «манильских галеонов» восходит к 1564 г., когда Мигель Лопес Легаспи, идя по стопам Магеллана, вознамерился установить регулярные торговые связи между Новой Испанией (Мексикой) и Китаем. По существу, этот шаг ознаменовал завершение открытий Колумба: испанцам наконец-таки удалось достичь заветной «империи великого хана», где когда-то побывал отважный венецианец Марко Поло!

21 ноября 1564 г. Легаспи во главе маленькой флотилии из четырех судов отправился с западного побережья Мексики в далекий 9000-мильный путь к берегам Филиппин. В числе участников этого плавания был Андрес Урданета, совершивший в 1525 г. плавание к Молуккским островам. 13 февраля 1565 г. экспедиция достигла первого филиппинского острова – Самар, а 27 апреля стала на якорь у острова Себу, где Легаспи основал первое испанское поселение на Филиппинах, назвав его Сан-Мигель. Цель была достигнута, но перед испанцами

встал довольно щекотливый вопрос: а как им, собственно говоря, возвращаться назад? Господствующие в этих широтах ветры и течения не позволяли сделать этого никоим образом...

На маленьком 40-тонном паруснике «Сан-Лукас» Урданета отправился на разведку. Ему пришлось идти почти до Японских островов, поднявшись на 36° к северу, прежде чем паруса «Сан-Лукаса» поймали устойчивый западный ветер, в итоге принесший судно к побережью Калифорнии возле мыса Мендосино. Отсюда Урданета взял курс на юг и 8 октября 1565 г. прибыл в Акапулько. Таким образом, Андрес Урданета, пройдя 12 тысяч миль и потеряв при этом 14 человек экипажа, обнаружил самый безопасный и наиболее эффективный маршрут для парусных судов, возвращающихся в Америку с Филиппин.

Путешествие в страну Офир

19 ноября 1567 г. из перуанского порта Кальяо на двух кораблях вышла на запад экспедиция Альваро Менданьи. Целью ее было открытие новых земель в Южных морях. Подобно Магеллану, Менданья пересек Тихий океан, не встретив ни одного клочка земли. Лишь 15 января 1568 г. у 7° ю. ш. был открыт небольшой коралловый остров (вероятно, из северной группы о-вов Эллис). Менданья двинулся дальше на запад и 7 февраля 1568 г. подошел к большому гористому острову, окруженному барьером из коралловых рифов. Он был населен темнокожими туземцами. Менданья решил, что нашел легендарную страну Офир, откуда получал золото библейский царь Соломон, и назвал открытый им архипелаг Соломоновыми островами.

Исследовав несколько крупных островов архипелага, испанцы в августе 1568 г. взяли курс к берегам Южной Америки. Борясь со встречными ветрами, моряки были вынуждены пересечь экватор и подняться за Северный тропик. Они сильно страдали от голода и цинги. 17 сентября корабли прошли Маршалловы острова, а в январе 1569 г. достигли побережья Мексики. Результаты плавания не произвели большого впечатления на колониальные власти (рассказам моряков, попросту говоря, не поверили), и только спустя 25 лет Менданье удалось снарядить новую экспедицию к Соломоновым островам. 16 июня 1595 г. флотилия из 5 кораблей отплыла от перуанских берегов на запад.

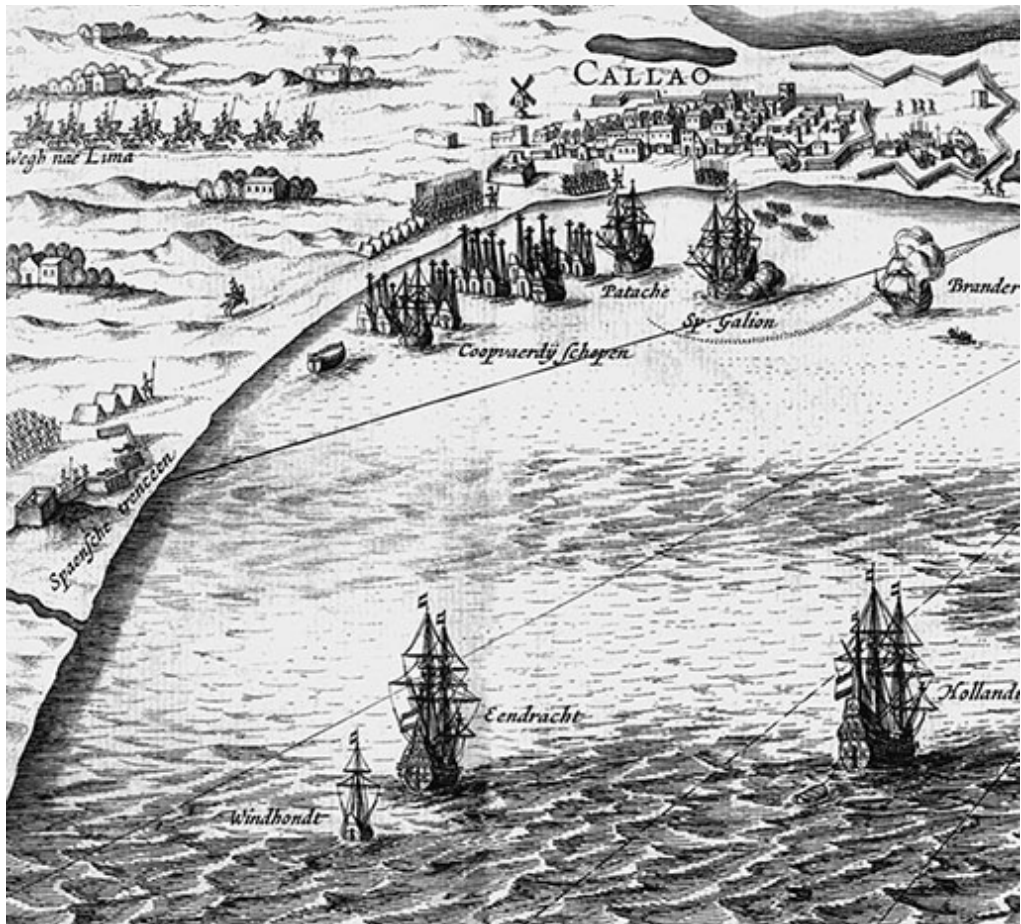
Альваро Менданья

Менданья отправился в рейс тяжело больным, так что руководство экспедицией фактически перешло к его жене Исабель Баррето. Обнаружив по пути несколько островов и атоллов и потеряв во время шторма один корабль, экспедиция 7 сентября подошла к группе вулканических островов. Их природа и жители очень напоминали Соломоновы. Менданья назвал этот архипелаг Санта-Крус (Святого Креста). Сегодня мы знаем, что эти острова находятся приблизительно на 5° восточнее Соломоновых островов, но Менданья так и не смог отыскать свою страну Офир. Начальник экспедиции умер 18 октября 1595 г. В обратный путь флотилию вел опытный кормчий-португалец, которого на испанской службе звали Педро Фернандес де Кирос. Через 2,5 года, 11 декабря 1598 г., Кирос привел два уцелевших корабля экспедиции в Акапулько. Плавание к Соломоновым островам стало настоящим подвигом: испанские корабли преодолели около 17 тысяч миль по абсолютно незнакомым водам и совершили множество

географических открытий. Результаты плаваний Менданьи были засекречены испанскими властями. Эту тайну удалось сохранить на два столетия, так что в конце XVIII в. европейским (а точнее, французским) морякам пришлось открывать Соломоновы острова заново.

У врат Нового Иерусалима

Во время второй испанской экспедиции к Соломоновым островам Педро Фернандес де Кирос был главным кормчим, а в декабре 1605 г. пришел его черед возглавить флотилию, уходящую на запад. Три корабля под началом Кироса вышли из Кальяо (Перу) с намерением отыскать новые земли в Южных морях. В начале февраля Кирос подошел к островам Туамоту и около трех недель переходил от одного атолла к другому, положив начало открытию этого обширного архипелага. Пройдя далее на запад, Кирос достиг 10° ю. ш., намереваясь отыскать на этой параллели потерянные Соломоновы острова. Несмотря на ропот команды, он упорно продолжал идти на запад. Наконец 7 апреля показался обитаемый островок, как оказалось – из группы островов Санта-Крус. Испанцы получили здесь все, в чем нуждались: пресную воду, дрова, свежие фрукты и кокосовые орехи. Местный вождь сообщил им, что далее к югу лежит «большая земля». Кирос повел корабли на юг. 27 апреля испанцы действительно увидели землю – остров Эспириту-Санто, один из группы Новых Гебрид. Кирос, правда, этого не знал и решил, что открыл Южный материк. Испанцы торжественно заложили на острове первую колонию – Новый Иерусалим. В гавани Нового Иерусалима корабли простояли пять недель, а на шестую неделю флагманский корабль с Киросом на борту исчез. Позже сам Кирос рассказывал, что штормовой ветер унес его в открытый океан и он не смог вернуться, однако есть версия, что начальник экспедиции тайно ушел от своих товарищей, намереваясь первым сообщить королю об открытии Южного материка и добиться прав на управление им. Есть и третья версия: два других корабля сами ушли от начальника экспедиции, и тот после долгих поисков был вынужден один идти к берегам Мексики. Как бы то ни было, 23 декабря 1606 г. Кирос прибыл в Акапулько. Расчеты его не оправдались: открытая им земля оказалась не материком, а всего-навсего группой островов. Хотя и достаточно больших...

Выход кораблей из Кальяо. Рисунок 1626 г.

Бегство навстречу славе

Темная история расставания Кироса со своими соратниками в гавани Нового Иерусалима завершилась тем, что каждый из участников конфликта (если таковой был) пошел своей дорогой. Кирос направился в Кальяо, а капитаны двух других кораблей, Луис Ваэс Торрес и Диего Прадо-и-Товар, простояв в бухте Сантьяго-и-Сан-Фелипе в бесплодном ожидании начальника экспедиции около 2 недель, решили распечатать пакет, в котором содержались инструкции на случай гибели Кироса. Эти инструкции предписывали следовать в поисках новых земель до 20° ю. ш. и, если ничего не будет обнаружено, идти в Манилу. Торрес и Прадо обследовали открытую землю, обойдя ее кругом, и, убедившись, что это не Южный материк, а просто обширный архипелаг, направились к Новой Гвинее. 20 июля 1606 г. корабли достигли ее юго-восточной оконечности и двинулись дальше вдоль южного побережья острова. Они шли в водах Кораллового моря, усеянного мелями и рифами, обходя бесчисленные мелкие островки и преодолевая встречные ветры и течения. В начале сентября Торрес, ставший во главе экспедиции, пришел к выводу, что дальше идти нельзя из-за мелей и встречных течений. Он распорядился повернуть на юго-запад и повел корабли в открытое море. 3 октября 1606 г. испанцы сделали открытие огромной важности: они обнаружили остров Принца Уэльского, лежащий у полуострова Кейп-Йорк – самой северной оконечности Австралии. Пройдя проливом Эндевор, между островом Принца Уэльского и полуостровом Кейп-Йорк, корабли повернули на северо-запад и снова подошли к берегам Новой Гвинее. «В этой стране, – писал Торрес, – я впервые увидел и железо, и китайские колокола, утвердившие нас в уверенности, что мы находимся вблизи Молуккских островов».

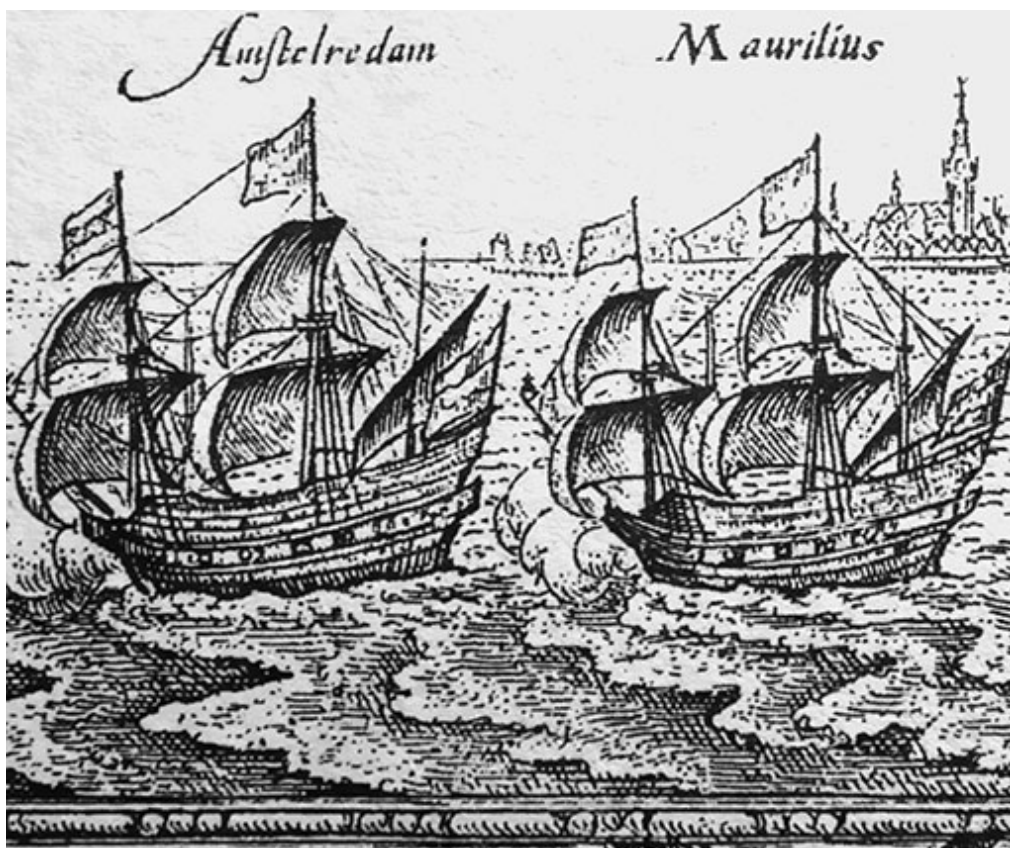

Педро Фернандес де Кирос

Взяв курс на северо-восток, Торрес через Молуккские острова направился к Маниле, куда и прибыл весной 1607 г. Трудно сказать, открыл ли Торрес Австралию, но несомненно, что он был первым европейцем, прошедшим через пролив, отделяющий Зеленый континент от Новой Гвинеи и впоследствии названный его именем. Он доказал, что Новая Гвинея, северный берег которой уже был известен португальцам и испанцам, – не часть Южного материка, а огромный остров. Правда, об этом открытии мир узнал лишь спустя 160 лет: испанские власти засекретили эти, как и многие другие, сведения, так что пролив между Австралией и Новой Гвинеей был «потерян» на долгие времена. Только в 1762 г., когда английский десант высадился в Маниле и захватил правительственный архив, мир смог узнать об испанских открытиях в Тихом океане.

Голландский путь в Ост-Индию

В начале 1590-х гг. голландский моряк Корнелис Хаутман из-за долгов оказался в лиссабонской тюрьме. Среди его товарищей по заключению было немало опытных мореходов-португальцев, побывавших и в Индии, и на Молукках. От них Хаутман получил множество сведений о морских путях на Восток – сведений, которые обычно хранились в глубокой тайне. На волю Хаутман вышел обогащенный знаниями, которые не купишь ни за какие деньги. И вскоре он уже стоял во главе эскадры из 4 кораблей, снаряженной на средства голландской торговой компании «Общество дальних стран», в будущем получившей название Ост-Индской.

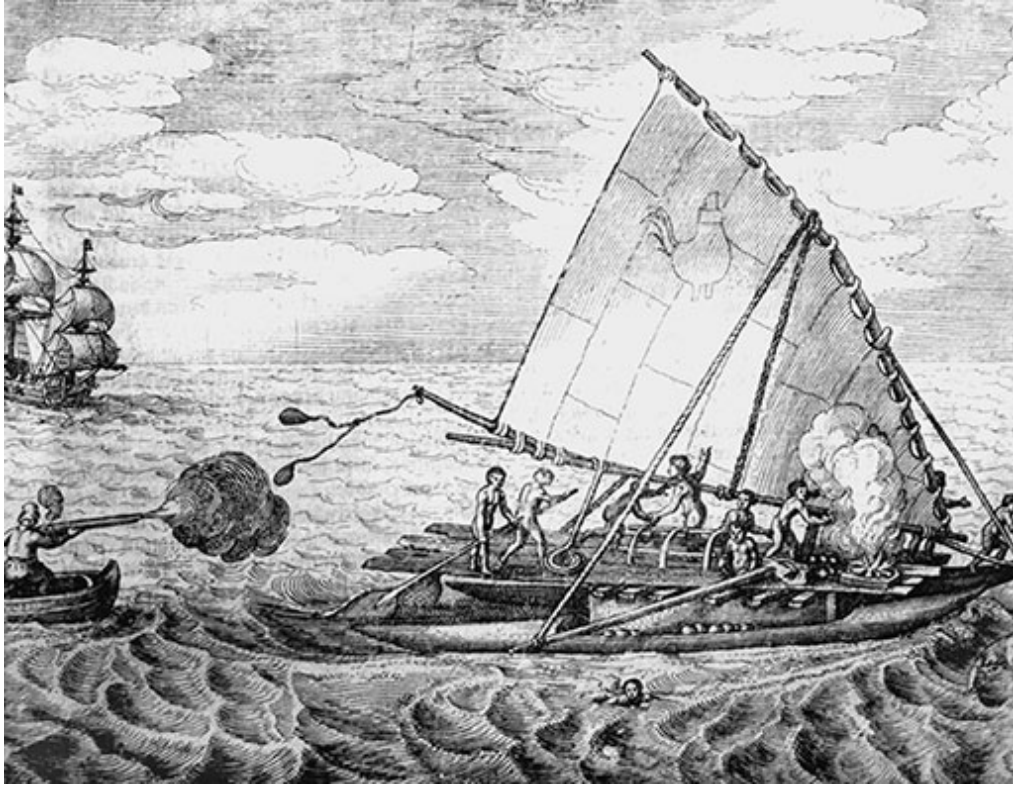
Флот Хаутмана берет курс на Индийский океан

В 1595 г. четыре корабля Хаутмана покинули Голландию. Семнадцать месяцев понадобилось голландцам, чтобы достичь

Суматры, откуда флотилия проследовала к Яве. Хаутман не дошел до Молукк, но ему удалось закупить на Яве большой груз ценных товаров. В 1598 г. Хаутман вернулся на родину, потеряв в пути два корабля. Результаты его путешествия оказались судьбоносны: португальская монополия на торговлю с Ост-Индией отныне прекращала свое существование, голландские купцы вступили в непосредственный контакт с малайскими правителями. Путь для голландских кораблей в Южные моря был открыт.

Вокруг мыса Горн

В 1615 г. группа голландских купцов из города Хорн (Горн) снарядила в Южные моря экспедицию на двух кораблях, руководить которой был назначен опытный капитан Виллем Схаутен. Плавание через Атлантику прошло без приключений, но у берегов Южной Америки один из кораблей сгорел. Его команда перешла на второе судно – «Эндрахт». В середине января 1616 г. Схаутен провел корабль на юг. 24 января (в Южном полушарии это была середина лета) с борта «Эндрахта» увидели гористый берег – юго-восточный выступ Огненной Земли, а на востоке – другой берег, также высокий. Обе земли разделялись проливом, воды которого буквально кишели огромными китами; чтобы избежать столкновения с ними, голландцам пришлось маневрировать. Миновав пролив и выйдя в открытый океан, Схаутен понял, что открыл новый, ранее неизвестный путь вокруг Южной Америки. К вечеру на горизонте опять открылась земля. Она вся состояла из высоких, покрытых снегом гор и кончалась острым выступом, который Схаутен назвал мысом Горн – в честь города Хорн.

Голландцы атакуют лодку аборигенов с «Эндрахта» и шлюпок

Выйдя в Тихий океан, Схаутен взял курс на северо-запад и, пройдя через архипелаг Туамоту, 24 июня подошел к большой группе островов, которую 250 лет спустя назовут архипелагом Бисмарка. Пройдя вдоль цепочки мелких островков, протянувшихся вдоль неведомого берега большой земли (это был длинный и узкий остров Новая Ирландия), «Эндрахт» через два дня достиг северного побережья берега Новой Гвинеи. Открыв несколько небольших вулканических островов, а у экватора – архипелаг Схаутен, голландские моряки проследовали к Молуккам, где уже имелись голландские торговые фактории. По возвращении в Амстердам Схаутен опубликовал свой «Дневник, или Описание удивительного путешествия», в дальнейшем выдержавший около 40 изданий.

Стычка в Заливе Убийц

13 августа 1642 г. из порта Батавия (ныне Джакарта) вышли два небольших голландских судна – «Хемскерк» и «Зехан». Над флагманским «Хемскерком» развевался вымпел начальника экспедиции – капитана Абеля Янсзона Тасмана, состоявшего на службе у Голландской Ост-Индской компании.

Инструкция, полученная Тасманом от генерал-губернатора Нидерландской Ост-Индии Ван-Димена и руководства Ост-Индской компании, ставила перед экспедицией ответственную задачу: ей предстояло найти таинственный и, возможно, сказочно богатый Южный континент, который манил мореплавателей на протяжении столетий. Авторы инструкции даже предусмотрели встречу с обитателями неведомого континента, подробнейшим образом предписав Тасману, как вести себя в этом случае.

Достигнув Маврикия, Тасман повернул на юг, а затем взял курс на восток, борясь с западными штормовыми ветрами и снежными шквалами. Он, конечно, не встретил никакого материка, и лишь 24 ноября с борта «Хемскерка» увидели высокий берег. Новооткрытую землю Тасман назвал Землей Ван-Димена (ныне Тасмания). 2 декабря, обойдя полуостров, носящий ныне имя Тасмана, мореходы впервые высадились на берег. Их удивила высота и мощь деревьев с ароматной смолой – так европейцы впервые познакомились с эвкалиптами.

Абель Тасман

От Земли Ван-Димена корабли Тасмана двинулись на восток. 13 декабря 1642 г., после девятидневного плавания через акваторию, позже названную Тасмановым морем, голландцы увидели землю. Величественные снежные вершины сияли в солнечных лучах...

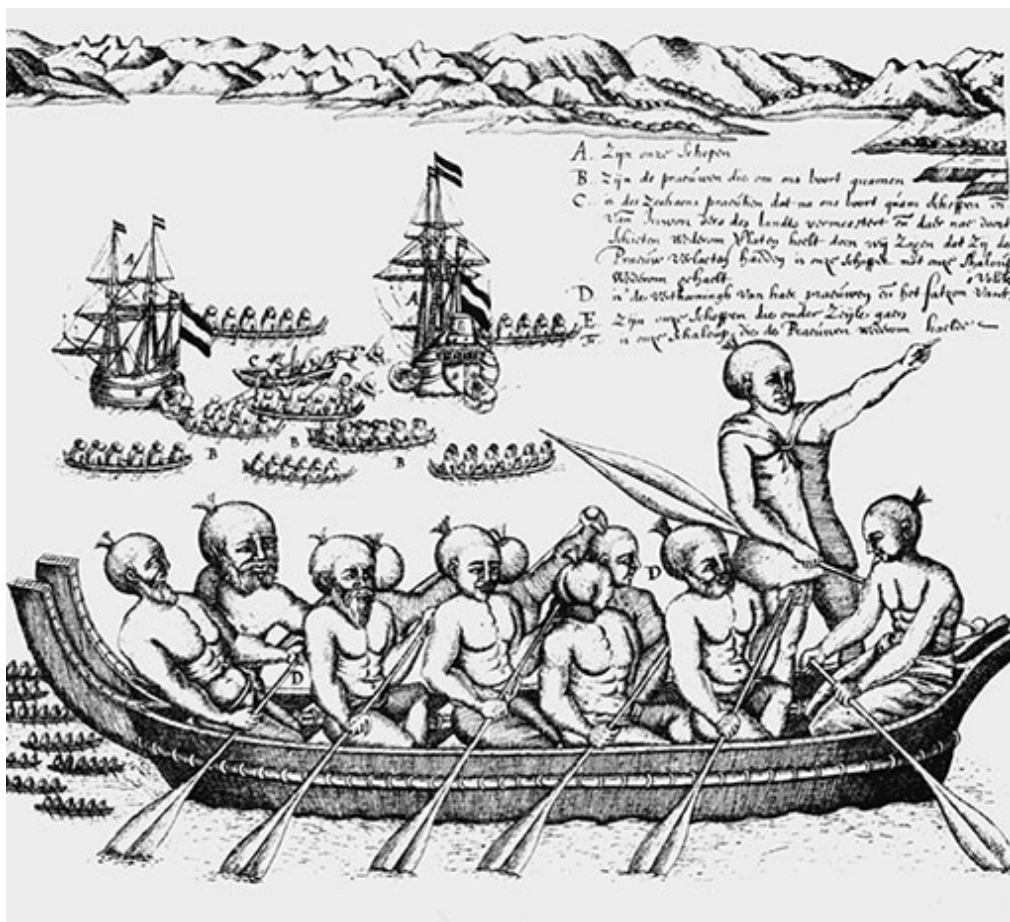
Так была открыта Новая Зеландия.

Тасман назвал увиденную им землю Staten Landt – «Земля [Голландских] штатов». Ночью на берегу были замечены огни. Утром голландцы увидели два каноэ, шедшие от берега. Подойдя ближе, люди с каноэ принялись что-то выкрикивать, голландцы кричали им в ответ, но ни моряки, ни аборигены не могли понять друг друга. Спустя некоторое время каноэ развернулись и ушли в сторону берега.

На следующее утро к кораблям пришло еще одно каноэ. Аборигены снова пытались вступить с голландцами в контакт, но безрезультатно. Поскольку туземцы, казалось, выглядели

дружественными, после небольшого совета на борту «Хемскерка» голландцы решили подойти к берегу так близко, насколько это возможно.

Тем временем к голландским судам подошли еще семь каноэ. Капитан «Зехана», присутствовавший на совете у Тасмана, немедленно отправил на свой корабль шлюпку с посыльным, чтобы тот предупредил младших офицеров быть начеку. Передав приказ, посыльный уже возвращался обратно на «Хемскерк», как вдруг одно из каноэ стремительно ринулось наперерез. В мгновение ока посыльный и два гребца-матроса пали, сраженные стрелами... Трое уцелевших моряков из всех сил гребли к «Хемскерку». Им удалось благополучно достичь корабля. Каноэ аборигенов тем временем уже скрылись за уступом берега.

Каноэ маори и корабли Абея Тасмана в заливе Убийц

Голландские корабли немедленно подняли якоря и начали ставить паруса. Вдалеке показались 22 каноэ, наполненные туземцами. Еще 11 уже стремительно шли в сторону голландцев. Подпустив их поближе, Тасман приказал открыть огонь. Залпом двух пушек было убито несколько туземцев. Каноэ развернулись и быстро пошли к берегу. В память об инциденте Тасман назвал залив, где произошли эти события, заливом Убийц.

С этой первой встречи европейцев с маори – коренными жителями Новой Зеландии – за последними прочно закрепилась репутация коварных убийц, а позднее еще, как выяснилось, и людоедов. Практически каждая встреча европейских мореплавателей и маори заканчивалась кровопролитием. Залив Убийц еще раз подтвердил свое мрачное название, когда на его берегу погибли 25 французских моряков из экспедиции Н. Марион-Дюфреса (1714–1772). Пришлось сражаться с маори и знаменитому капитану Джеймсу Куку (1728–1779). Именно после его плаваний Новая Зеландия стала широко известна в мире.

Здравствуй, Робинзон!

2 августа 1708 г. из Бристоля вышли два парусных корабля с «парными» названиями – «Герцог» и «Герцогиня» – под общей командой капитана Вуда Роджерса. Знаменитый «морской король» Дампир, совершивший за свою морскую карьеру три кругосветных путешествия, был старшим штурманом экспедиции. Спустившись вдоль берегов Бразилии на юг до Фолклендских островов, корабли Роджерса, обогнув мыс Горн, направились к островам Хуан-Фернандес, где моряки намеревались запастись пресной водой и съестными припасами. Когда корабли приблизились к архипелагу, мореплаватели заметили на берегу одного из островов большой огонь. Первоначально Роджерс решил, что где-нибудь в соседней бухте укрываются испанские или французские суда. На остров была послана шлюпка с матросами, и они, вернувшись, привезли с собою человека, одетого в козьи шкуры и казавшегося совершенным дикарем. Как выяснилось, это был шотландский моряк Александр Селкирк, который, поссорившись с капитаном, 4 года назад был высажен на этот пустынный остров. Он и зажег костер, встревоживший Роджерса. Селкирк рассказал, что он прожил все это время в полном одиночестве. Его высадили на берег, дав ружье, порох и пули, табак, котел, нож, топор, Библию и необходимое белье. Селкирк питался кореньями и мясом диких коз, которых много водилось на острове. Когда вышел порох, охотился на коз с палкой, сшил себе одежду и обувь из козьих шкур, употребляя вместо иглы гвоздь. В продолжение 4 лет, которые он провел на острове, он до того разучился говорить, что его с большим трудом понимали. Роджерс взял Селкирка с собой на корабль и доставил на родину. Приключения Селкирка послужили знаменитому писателю Даниелю Дефо основой для романа «Робинзон Крузо».

Александр Селкирк на своем острове

Встреча с каменными истуканами

В августе 1721 г. на поиски Южного материка в Тихий океан отправилась голландская флотилия из трех судов под командой Якоба Роггевена. Добравшись в середине января 1722 г. до мыса Горн, Роггевен три недели пытался преодолеть встречные западные ветры и все это время наблюдал крупные айсберги, шедшие с юга. Из этого он справедливо заключил, что где-то неподалеку должен располагаться Южный материк, «где царит всеобщий холод» (действительно, Антарктида располагается в 600 км юго-восточнее этого места). Идти в «страну всеобщего холода» голландцы не рискнули и взяли курс на северо-запад. 5 апреля 1722 г., в Пасхальное воскресенье, Роггевен открыл в восточной части Тихого океана одинокий остров, которые он окрестил островом Пасхи (местные жители называли его Рапа-Нуи). Здесь моряки увидели поразительное зрелище: десятки огромных каменных статуй шеренгами стояли на огромных каменных платформах, множество других таких же статуй беспорядочно лежало тут и там... Но самое удивительное – это то, что остров, отделенный от любой другой суши тысячами миль океана, оказался обитаем!

Европейцы рядом с каменными идолами острова Пасхи

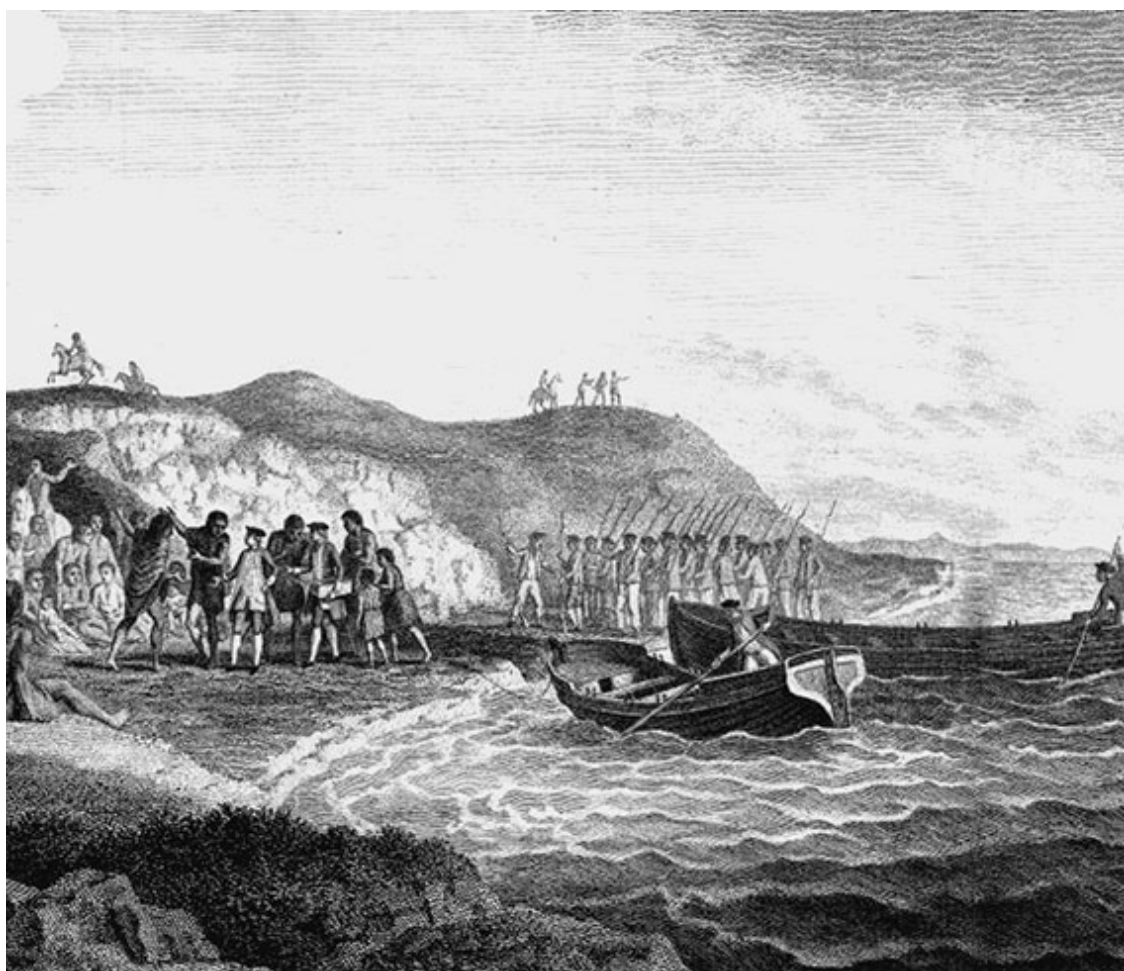
На страницах журнала Якоба Роггевена явственно отразилось смятение, охватившее голландского мореплавателя. Пытаясь понять, каким образом люди, не имеющие никаких средств для океанских путешествий, оказались на этом удаленном острове, Роггевен выдвигает одну за другой несколько противоречивых версий. Сначала он спрашивает себя: а не мог ли доставить их сюда какой-нибудь испанский корабль? И тут же сам себе возражает: на острове нет никаких следов присутствия европейцев! Тогда Роггевен предположил, что островитяне могут быть «прямыми потомками Адама», которые «естественно размножались здесь из поколения в поколение», и, наконец, решил, что «человеческое понимание бессильно постичь», как эти люди оказались на острове...

Кроме статуй, ничего ценного на острове голландцы не нашли: эта земля была крайне скудна. Отправившись в дальнейший путь, Роггевен

оказался в западной части архипелага Туамоту, где один из его кораблей потерпел крушение. Роггевен открыл восточную группу островов Самоа, потом взял курс на Новую Гвинею, обогнул ее с севера и в середине декабря 1722 г. прибыл в Батавию. Экспедиция в целом оказалась неудачной, и имя Роггевена прославило только открытие острова Пасхи. Европейские обыватели были поражены захватывающей тайной далекого клочка земли, которая и спустя столетия продолжает волновать воображение впечатлительной публики.

Приключения Джона Байрона

Можно предположить, что знаменитый английский поэт и путешественник Джордж Гордон Байрон перенял беспокойный характер и страсть к путешествиям своего деда – военного моряка Джона Байрона, однажды совершившего самое удачное в XVIII в. кругосветное путешествие, причем с исключительно исследовательскими целями.

Высадка Байрона и его приближенных у Магелланова пролива

В 1764 г. Джон Байрон был послан на двух кораблях на поиски земель, «на которые до сих пор не ступала нога европейца». До конца октября плавание шло без происшествий, корабли миновали побережье

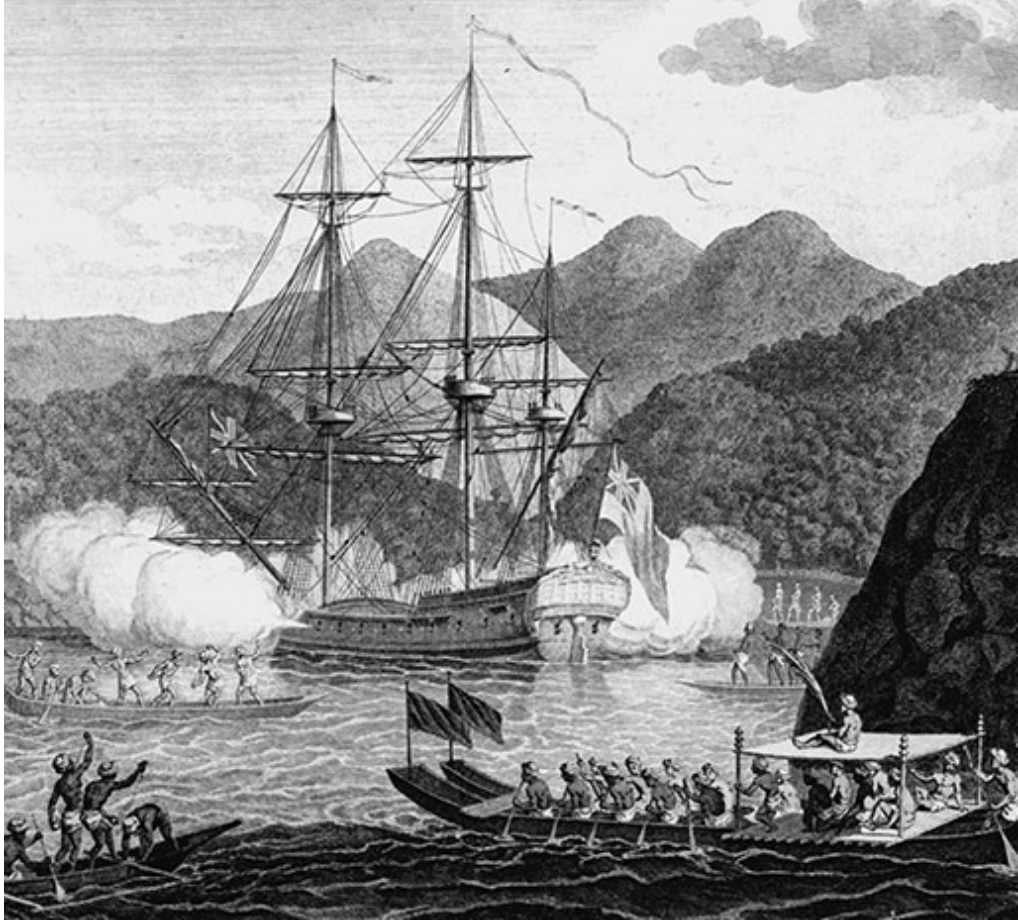
Бразилии и держали курс на юг. Однако начавшийся шторм, перешедший в ужасную бурю, серьезно спутал планы моряков и заставил их искать укрытие в одной из многочисленных бухт, прорезающих побережье южной части Аргентины. Когда буря утихла, Байрон вновь вышел в море. В январе 1765 г., следуя курсом на восток, экспедиция открыла Фолклендские острова. Байрон высадился на острове Западный Фолкленд и объявил его владением британской короны.

Отсюда корабли направились к Огненной Земле. Байрон несколько раз высаживался здесь на берег, наблюдая за бытом огнеземельцев, которых он описывает как «самые жалкие человеческие создания», каких ему приходилось видеть. В середине февраля 1765 г. корабли вышли в Тихий океан и в июне прошли через архипелаг Туамоту. Байрон посетил острова Кука, открыл несколько атоллов из групп Токелау и Гилберта; один из них ныне носит имя мореплавателя. Пройдя через Маршалловы, Марианские и Филиппинские острова, Байрон достиг Суматры, прошел вдоль ее берега и 28 ноября бросил якорь в Батавии. 10 февраля после 48-дневного перехода английские моряки увидели берега Африки, и тремя днями позже корабли бросили якорь в Столовой бухте. 9 мая 1766 г. Байрон завершил свое плавание в Лондонском порту, обойдя вокруг света за 23 месяца.

С астролябией и картой

В августе 1766 г. на поиски новых земель в Тихом океане отправились из Англии корабли «Дельфин» и «Своллоу» по началом Сэмюеля Уоллиса. В апреле 1767 г., у выхода из Магелланова пролива, корабли во время шторма потеряли друг друга. Уоллис, решив, что второе судно погибло, на своем «Дельфине» пошел к острову Пасхи. В июне моряки исследовали и впервые нанесли на карту центральную часть архипелага Туамоту, а 17 июня Уоллис открыл большой вулканический остров Таити и несколько других, меньшего размера. Это было самое значительное открытие, совершенное в Океании после Тасмана. Всю группу обнаруженных им островов Уоллис назвал архипелагом Общества – в честь Лондонского Королевского общества (Академия наук).

На Таити Уоллис провел около месяца. Следуя дальше курсом на север, моряки столкнулись с большой опасностью: корабль дал течь. Тем не менее Уоллис, смело идя вперед, пересек экватор, открыл еще несколько островов и атоллов, в том числе в группе Маршалловых островов, затем через Молукки прошел в Индийский океан, обогнул мыс Доброй Надежды и прибыл в Лондон в мае 1768 г. Во время этого плавания Уоллис впервые сумел вычислить географические координаты ряда островов Океании, применяя новый способ определения долготы, основанный на наблюдениях угловых расстояний между Луной и звездами.

«Дельфин» под натиском таитян

Путешествие через водную пустыню

Бывший капитан французской Ост-Индской компании, 52-летний Жан-Франсуа Мари де Сюрвиль отправился в Океанию на средства и по заданию своих торговых компаньонов, сумевших наскрести средства на покупку небольшого корабля «Сент Жан-Батист». Целью путешествия являлась торговля с жителями тихоокеанских островов и открытие новых земель к западу от побережья Перу. 2 июня 1769 г. корабль Сюрвиля вышел из Пондишерри (Индия), пересек Индийский океан, Южно-Китайское море и, обогнув Филиппины, направился на юго-восток. В начале октября Сюрвиль подошел к острову Новая Ирландия. Следуя вдоль цепочки Соломоновых островов, французы в начале ноября обогнули восточную оконечность острова Сан-Кристобаль – последнего «звена» архипелага. Следуя курсом на юг, «Сент Жан-Батист» 12 декабря оказался в виду незнакомой земли. Это был Северный остров Новой Зеландии. Сюрвиль медленно двинулся вдоль побережья на север. Он не знал, что в это же самое время к острову с противоположной стороны подошла английская экспедиция, возглавляемая Дж. Куком...

Вождь маори глазами европейцев. Рисунок XVIII в.

В середине декабря французы обогнули северную оконечность острова, так и не встретившись с англичанами, и зашли в залив, открытый Куком и названный Даутлесс-Бей. Здесь у французов произошла вооруженная стычка с маори. От берегов Новой Зеландии Сюрвиль взял курс к берегам Южной Америки, намереваясь пройти через абсолютно неисследованную южную часть Тихого океана в надежде на открытие Южного континента или иных неведомых земель. Почти три месяца «Сент Жан-Батист» шел через настоящую водную

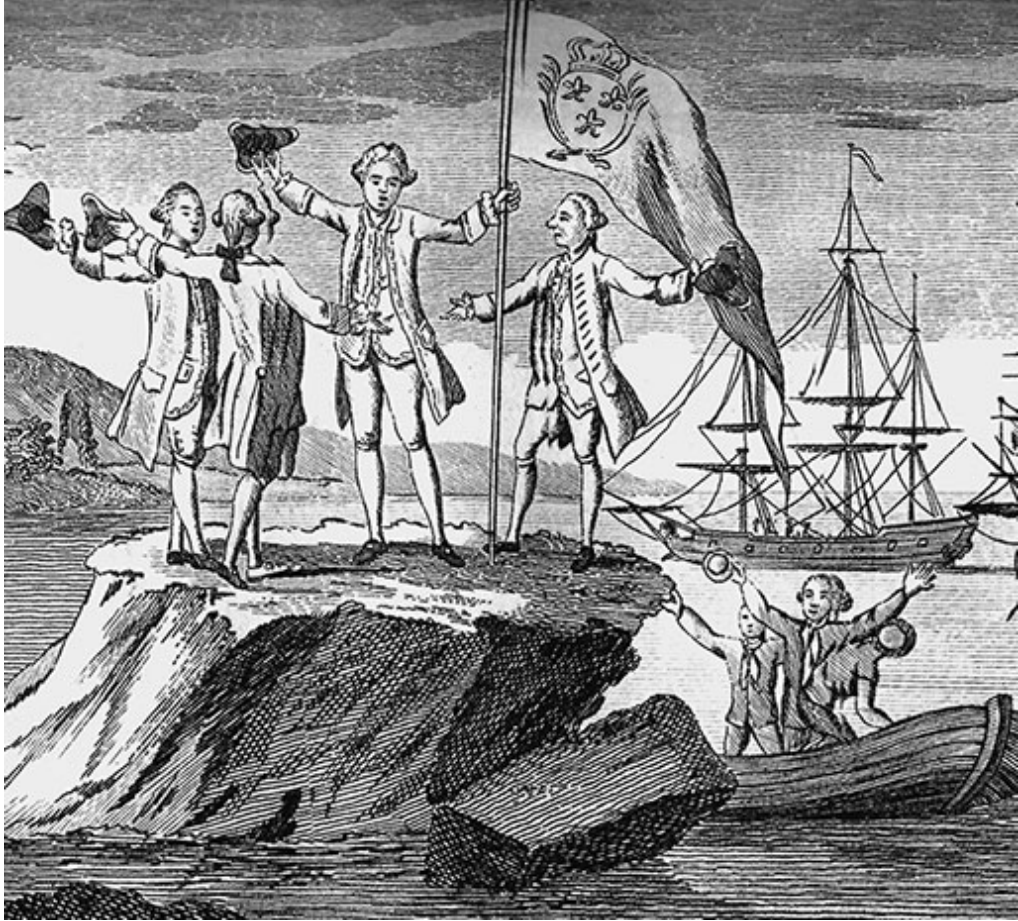
пустыню, выдерживая курс в пределах от 34-й до 40-й параллели ю. ш., и на протяжении почти 9 тысяч километров не встретил ни клочка земли. В начале апреля Сюрвиль достиг южноамериканского побережья, впервые в истории пройдя весь Тихий океан в южных широтах с запада на восток.

Новые старые дороги Луи Бугенвиля

В 1766 г. Луи Антуан де Бугенвиль возглавил первую французскую кругосветную экспедицию, отправившуюся в дальний путь на двух кораблях. Миновав Магелланов пролив, путешественники вышли в Тихий океан, и спустя несколько недель, в ясное солнечное утро, перед моряками предстал цветущий остров Таити. Здесь экспедиция остановилась на стоянку. Отправляясь в дальнейший путь, Бугенвиль захватил с собой таитянина Аотуру, пожелавшего поехать во Францию. Туземец хорошо ориентировался в океане по звездам, быстро освоил французский язык и оказал немалую помощь экспедиции. Между тем корабли Бугенвиля подошли к островам Самоа, которые моряки назвали архипелагом Мореплавателей. Дальнейший путь экспедиции лежал к Новым Гебридам – Бугенвиль шел тем путем, которым за два столетия до этого уже прошли первые испанские исследователи Океании. Исследовав Новые Гебриды, Бугенвиль исправил давнюю ошибку: он установил, что это просто группа островов, а не часть Южного материка, как это было принято считать со времен Педро Фернандеса де Кироса. Проливом, позднее названным его именем, Бугенвиль вышел в Коралловое море, направился к Новой Гвинее и открыл – повторно после Луиса Торреса – группу атоллов и небольших островов, дав этому архипелагу название Луизиада – в честь французского короля Людовика (Луи) XV. К северо-востоку были вторично открыты Соломоновы острова, обнаруженные в 1568 г. испанцем Альваро Менданьей. После посещения островов Шуазель и одного из Соломоновых островов (названного впоследствии его именем) Бугенвиль, обогнув мыс Доброй Надежды, в 1769 г. возвратился на родину. Эта экспедиция оказалась не только выдающейся по географическим результатам, но и одной из самых счастливых кругосветок XVIII в.: из 340 человек команды двух кораблей, несмотря на цингу, за время плавания погибли только девять.

Луи де Бугенвиль

Бугенвиль водружает флаг вблизи пролива Магеллана

Навстречу смерти

Французский военный моряк Никола Марион-Дюфрен давно мечтал побывать в неисследованных областях Тихого океана и даже – чем черт не шутит! – сделать какое-нибудь выдающееся открытие. Повод к тому представился после того, как на остров Маврикий (Иль-де-Франс) экспедиция Бугенвиля привезла таитянина Аотуру. Марион-Дюфрен вызвался на собственном судне вернуть туземца на его родину. Попутно моряк намеревался заняться поисками таинственного Южного континента. Получив поддержку губернатора и еще одно судно под свое начало, Дюфрен 18 октября 1771 г. отправился в путешествие. В пути несчастный таитянин, ради которого затевалось все дело, заболел оспой и умер. Таким образом, тема Таити отпала сама собой, и Марион-Дюфрен, получив свободу передвижения, решил отправиться на исследование южной части океана. Дойдя до мыса Доброй Надежды, он повернул свои корабли на юг, намереваясь посетить мыс Обрезания, открытый Буве де Лозье в 1739 г. Погода стояла холодная, шел снег. Два дня спустя мореплаватели увидели небольшой остров, названный ими Землей Надежды. 24 января в этом же районе было открыто еще несколько островов – холодных, пустынных... Дюфрен так и назвал их.

Дойдя до 90-го меридиана, Дюфрен направился к Тасмании, и вскоре его корабли бросили якоря в заливе Фридриха-Генриха. После недолгой стоянки Дюфрен решил идти к Новой Зеландии. Здесь французские моряки вступили в стычку с маори, в результате которой Марион-Дюфрен и еще два десятка французов погибли. Каннибалы устроили кровавое пиршество на их костях, а уцелевшие моряки поспешили покинуть негостеприимный берег...

Монумент на месте гибели Марион-Дюфрена

Три плавания Джеймса Кука

26 августа 1768 г. из Плимута в далекие Южные моря на барке «Индевор» отправился капитан Джеймс Кук, с именем которого связаны наиболее значительные открытия в Тихом океане. Можно без всякого преувеличения сказать, что лишь после плаваний Кука Австралия и Океания вошли в пределы человеческой ойкумены. Имя Кука вполне достойно стоять рядом с именем Христофора Колумба.

«Индевор» обогнул мыс Горн и стал на якорь у острова Таити, где экспедиция наблюдала прохождение Венеры через солнечный диск. Закончив наблюдение, Кук поднял якорь, и, посетив острова Товарищества, направился к Новой Зеландии, обогнул оба ее острова, окончательно установив, что этот архипелаг не является частью материка. Береговую линию протяженностью более 3800 километров Кук добросовестно нанес на карту.

От Новой Зеландии «Индевор» пошел на запад. 19 апреля 1770 г. он приблизился к берегам Австралии (Новой Голландии) и направился на север. Исследовав побережье Зеленого континента на протяжении 3000 миль, 28 апреля Кук совершил высадку в Ботаническом заливе. Новая Голландия была переименована им в Новый Южный Уэльс. «Бесхозный» до того материк стал владением британской короны.

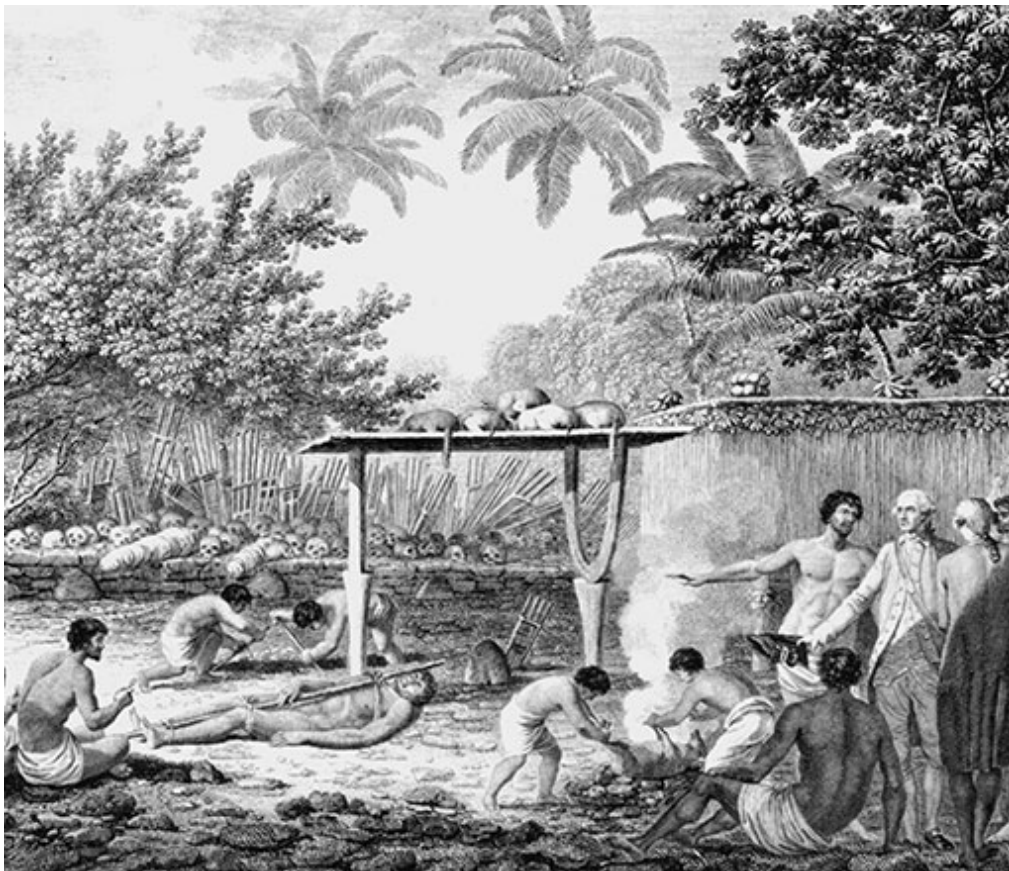

«Индевор» уходит в плавание

«Индевор» шел вдоль пустынных берегов Австралии, часто замечая дымки на берегу, но лишь изредка встречая туземцев. Все было благополучно до 10 июня, когда «Индевор» вышел из бухты к северу от мыса Грефтон и наткнулся на коралловый риф. Только самоотверженные действия экипажа спасли корабль и позволили ввести его в устье какой-то речки, где он был поставлен на ремонт. После починки «Индевор» благополучно достиг берегов Новой Гвинеи, а потом Батавии, откуда отправился в Англию.

В 1772 г. в Южные моря отправилась вторая экспедиция на двух кораблях: кораблем «Резольюшен» командовал Кук, а «Эдвенчер» – Фюрно. Обогнув мыс Доброй Надежды, корабли взяли курс на юго-восток и в январе 1773 г. пересекли Южный полярный круг. Повернув снова на юг и затем на восток, Кук окончательно пришел к убеждению,

что Великого Южного материка, о котором говорили географы, не существует. Покинув полярные воды и описав дугу в южной части океана, «Резольюшен» подошел к островам Эспириту-Санто, которые Кук переименовал в Новые Гебриды. Отсюда он двинулся на юго-запад и открыл большой остров, названный им Новой Каледонией. Назад возвращались мимо Новой Зеландии и мыса Горн. Во время этой экспедиции, длившейся три года, Кук прошел 84 тысячи километров.

Капитан Кук и его соратники, становятся свидетелями человеческого жертвоприношения на Таити

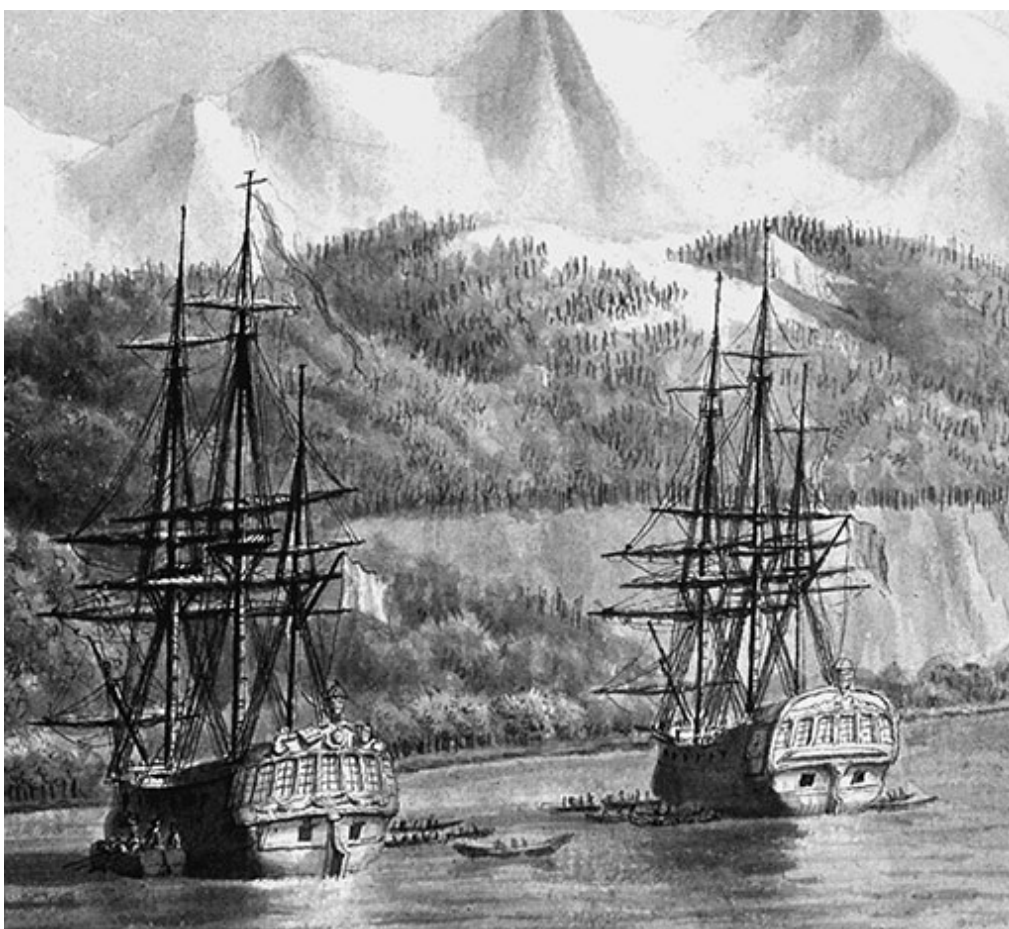
Уже в следующем году Кук организовал третью экспедицию, намереваясь отыскать Северный проход из Тихого океана в Атлантический. На этот раз он командовал двумя кораблями: «Резольюшен» и «Дискавери». Корабли прошли по маршруту от мыса Доброй Надежды до Новой Зеландии, островов Тонга и островов Товарищества. Плывая затем на север, Кук вновь открыл обнаруженные некогда испанцами и потом забытые Гавайские острова. В поисках

Северо-Западного прохода он прошел вдоль берегов Америки до ее северо-западной оконечности – мыса Барроу. Проход в Атлантику Куку найти не удалось, и корабли вернулись назад, на Гавайские острова. Здесь у моряков произошла стычка с туземцами, в результате которой Кук погиб. 21 февраля на закате солнца «Резольюшен» с приспущенными флагами отдал салют своему погибшему командиру. Под гром пушек останки великого моряка были опущены в морскую пучину.

Три плавания Кука (1768–1771, 1772–1775 и 1776–1780 гг.) открыли новый этап в истории освоения Океании европейцами.

«Нет ли вестей от Лаперуза?»

После гибели капитана Кука французское правительство, ревниво следившее за удачами англичан, решило захватить пальму первенства в исследованиях Тихого океана. Маршрут кругосветного плавания, предписанный Жану Франсуа де Гало де Лаперузу, превосходил все, что было известно до той поры. Все плавание предполагалось завершить в четыре года.

«Буссоль» и «Астролябия»

1 августа 1785 г. Лаперуз вышел из Бреста с двумя фрегатами – «Буссолью» и «Астролябией». За 14 месяцев корабли обогнули мыс Горн, проплыли вдоль всего американского берега до горы Святого Ильи и прибыли в Монтеррей. Весной 1787 г. Лаперуз начал

обследовать берега Восточной Азии, постепенно продвигаясь на север. Утром 7 июля с борта «Буссоли» заметили полосу гористой суши. Вскоре на море пал густой туман, и французы, считая, что перед ними побережье Хоккайдо, двигались на север практически наугад. Через 5 дней оба фрегата бросили якорь в удобной бухте. Из объяснений местных жителей Лаперуз понял, что находится на острове, который называется Сахалин.

Корабли продолжили плавание к северу по Татарскому проливу (название дано Лаперузом) и достигли входа в узкий пролив, ведущий в Охотское море, позже названный именем адмирала Г.И. Невельского. Пройдя вдоль берега Сахалина на юг, Лаперуз проследил более 700 километров побережья острова вплоть до южной оконечности, названной им мысом Крильон. После кратковременной стоянки у мыса Крильон Лаперуз вышел из Японского моря в открытый океан проливом, впоследствии получившим его имя, затем прошел вдоль дуги Курильских островов и 7 сентября 1787 г. прибыл в гавань Петропавловска-Камчатского.

От берегов Камчатки оба фрегата ушли в Южное полушарие. 26 января 1788 г. Лаперуз прибыл в Австралию, откуда отправил свое последнее письмо. Он писал, что собирается посетить острова Меланезии, в том числе Санта-Крус, обогнуть Австралию и идти к острову Маврикий. Больше никаких известий о Лаперузе не было. В 1791 г. на его поиски отправилась экспедиция под начальством Жозефа Д'Антраксто. В течение двух лет она искала следы Лаперуза, но так и не нашла. Мысль о пропавшей экспедиции не оставляла короля Франции Людовика XVI даже в день казни. Садясь в повозку, которая должна была доставить его на казнь, король спросил своего палача:

– Нет ли вестей от Лаперуза?

Вестей не было...

Только 34 года спустя английский фрегат «Поиск» обнаружил на уединенном острове Ваникоро (из группы островов Санта-Крус) следы пропавшей экспедиции. Насколько можно было понять из рассказов туземцев, корабли Лаперуза в сильный шторм разбились о рифы. Часть команды благополучно добралась до берега. Эти люди построили деревянную крепость и большую лодку. Часть людей села в лодку и уплыла, а те, кто не поместился, остались их ждать, но за ними никто не вернулся. Французы много лет прожили на острове. Они умирали от

болезней, воевали и мирились с туземцами. Когда у них кончились боеприпасы, туземцы взяли их в плен, ограбили, и оставили жить в своих деревнях. Последний из спутников Лаперуза умер всего за несколько лет до того, как фрегат «Поиск» посетил Ваникоро.

Жан Франсуа де Гало де Лаперуз

По следам пропавшей экспедиции

В конце сентября 1791 г. из Франции на поиски пропавшей экспедиции Лаперуза были отправлены корабли «Решерш» и «Эсперанс» под командой контр-адмирала Жозефа Д'Антраксто. В январе 1792 г. Д'Антраксто прибыл в Кейптуан, где напал на след пропавшей экспедиции: ему сообщили, что какой-то английский капитан видел с борта своего корабля на одном из островов Адмиралтейства людей во французских мундирах, но не имел возможности высадиться. Д'Антраксто решил идти к островам Адмиралтейства вокруг Тасмании. Попутно он закартографировал все юго-восточное побережье этого острова. Подойдя 16 июня к почти не исследованной Новой Каледонии, Д'Антраксто нанес на карту ее юго-западное побережье и отсюда пошел к Соломоновым островам. Он переходил от острова к острову, миновал Новую Ирландию, острова Адмиралтейства, потом направился на Амбоину (Индонезия), оттуда вновь вернулся в Океанию, вновь зашел на Новую Каледонию, на Соломоновы острова, посетил архипелаг Луизиады и побережье Новой Гвинеи, заново открыл уже открытые Тасманом острова Вити, а затем снова повернул на север. Нигде не было никаких следов пропавшей экспедиции. Однажды Д'Антраксто оказался в шаге от успеха: когда его корабли посетили архипелаг Санта-Крус, далеко на юго-востоке на горизонте был хорошо виден еще один, неизвестный остров. Д'Антраксто нанес его на карту, но подходить к нему не стал, а между тем это был тот самый остров Ваникоро, на котором нашли спасение потерпевшие крушение моряки Лаперуза...

Жозеф Д'Антрасто

Во время дальнейшего плавания Д'Антрасто, уже несколько месяцев страдавший изнурительной лихорадкой, умер. И хотя его экспедиция так и не нашла Лаперуза, плавание «Решерша» и «Эсперансы» принесло много новых сведений о Южных морях и островах Океании.

За бобрами

В 1788 г. капитан французского торгового флота Этьен Маршан, возвращаясь из Бенгалии, встретился на острове Святой Елены с английским капитаном Портлоком. Из разговора с ним Маршан узнал, что на западном побережье Северной Америки меха, в особенности морских бобров, очень дешевы, а в Китае за них можно получить немалую цену; в то же время в Китае можно купить товары, пользующиеся спросом в Европе. Решив воспользоваться случаем и проверить выгодную сделку, Маршан 14 декабря 1790 г. вышел из Марселя на корабле «Солид», держа курс на мыс Горн. Он благополучно обогнул Огненную Землю, вошел в Тихий океан и направился к Маркизским островам. 12 июня 1791 г. «Солид» уже был в виду острова Фату-Хива. Переходя от острова к острову, Маршан открыл неизвестный ранее архипелаг; самый большой из его островов был назван в честь мореплавателя. Вскоре было открыто еще несколько островов, после чего «Солид» взял курс к американскому берегу. 7 августа, через 242 дня плавания, корабль бросил якорь в бухте Гуадалупе. Здесь Маршан приобрел большое количество шкурок морского бобра, и спустя три недели вновь вышел в море. Следуя вдоль побережья, французы покупали на стоянках все новые и новые меха. Наконец, пришло время поворачивать к берегам Китая, чтобы распродать там груз. Наилучший путь лежал через Гавайские острова. 5 октября французы увидели вершины гор Мауна-Лоа и Мауна-Кеа. На приобретение провизии ушло 4 дня, после чего Маршан продолжил свой путь. Однако, прибыв 28 ноября в Макао, он узнал неприятные новости: китайское правительство запретило ввоз мехов в порты южной части страны. Маршану ничего не оставалось, как идти к острову Маврикий, а оттуда в Марсель... Коммерческие результаты плавания оказались довольно плачевны, зато Маршан и его помощники сумели побывать в до того совершенно неизвестных водах, открыть новые острова и составить очень точные карты, которыми в дальнейшем смогли воспользоваться другие путешественники.

Аборигены Маркизских островов с деревянным идолом. Фото конца XIX в.

Трижды вокруг света

Жюль Себастьян Дюмон-Дюрвиль был одним из самых выдающихся путешественников первой половины XIX в. Трудно измерить всю протяженность его маршрутов; достаточно только сказать, что он трижды обошел вокруг света; кроме того, именно ему принадлежит честь открытия знаменитой Венеры Милосской.

Жюль Дюмон-Дюрвиль

В свое первое кругосветное плавание Дюрвиль отправился в 1822 г. Во время этого путешествия он посвятил много времени изучению островов Новая Гвинея, Новая Британия, Гилберта, Маршалловых и Туамоту. За три года плавания он собрал большую энтомологическую коллекцию и огромный гербарий.

Со второй экспедицией на судне «Астролябия» (1826–1828 гг.) Дюмон-Дюрвиль вновь посетил эти острова, а также Новую Зеландию, Фиджи и Марианские острова. Именно Дюрвиль смог отыскать место гибели несчастной экспедиции Лаперуза. Путешественник посетил также Новые Гебриды, Новую Каледонию и Новую Британию. От Новой Британии он прошел к Молуккским островам вдоль северного побережья Новой Гвинеи и нанес на карту более 2000 километров береговой линии. В апреле 1828 г. Дюрвиль прошел через Каролинский архипелаг к Сулавеси и, минуя мыс Доброй Надежды, возвратился в Марсель в марте 1829 г.

В 1837 г. на двух кораблях – «Астролябия» и «Зеле» – Дюрвиль отправился в свое третье кругосветное путешествие. На этот раз главной целью экспедиции была не Океания, а Антарктика, хотя Дюмон-Дюрвиль сумел сделать новые открытия и в Новой Гвинее. В марте – апреле 1839 г. он прошел с запада на восток вдоль юго-западного берега этого острова. В начале марта, следуя в непосредственной близости от берега, путешественник увидел в глубине острова высокие горы, которые он назвал хребтом Шарля Луи. В 1840 г. Дюрвиль обследовал южную часть архипелага Луизиада и нанес на карту горы Астролябии. В северной части Торресова пролива он открыл проход Мове. Утром 7 ноября 1840 г. изрядно потрепанные «Астролябия» и «Зеле» бросили якорь на внутреннем рейде Тулона. Путешествие продолжалось 38 месяцев. Его результатом стали многочисленные открытия, совершенные в Антарктике и вписавшие новые страницы в исследование земель, лежащих за Южным полярным кругом.

С острова на остров

В течение четырех лет – с 1848 по 1852 г. – английский натуралист Альфред Рассел Уоллес путешествовал по Бразилии, ведя исследования в труднодоступных амазонских джунглях, преодолевая многочисленные естественные препятствия и враждебное отношение индейских племен. В 1852 г. из-за ухудшения состояния здоровья путешественник вынужден был вернуться на родину; на обратном пути из-за пожара на судне погибли все собранные им с таким трудом коллекции и дневники. Но неудача не обескуражила Уоллеса: в 1854 г. он отправляется в свое ставшее знаменитым путешествие по Малайскому архипелагу.

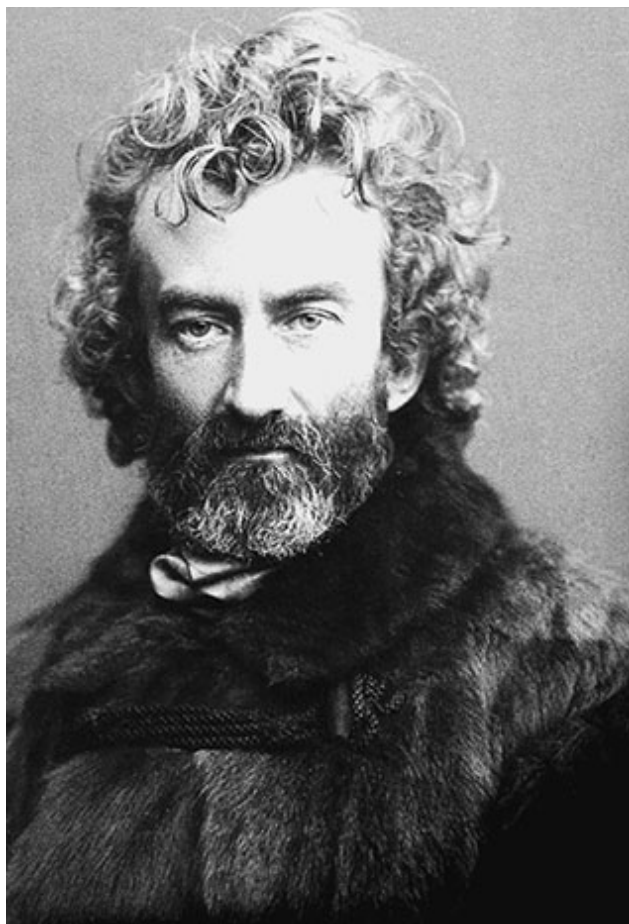
Альфред Рассел Уоллес

Исследование островов Индонезии, по существу, началось лишь с середины XIX столетия, хотя они были открыты еще в XVI в. и с тех пор регулярно посещались европейскими судами. До 1860 г. Уоллес странствовал с острова на остров от Малакки до Ириана (Новая Гвинея). Он установил, что морской пролив между островами Бали и Ломбок (Уоллесова линия) образует отчетливую границу, разделяющую в геологическом, ботанико-географическом и зоогеографическом отношении западную, азиатскую и восточную, австралийскую части Малайских островов. Позднее Уоллес, основываясь на этих исследованиях, разделил всю землю на зоогеографические области. Ценные этнографические и лингвистические исследования дополнили результаты этого путешествия.

«Человек с Луны»

20 сентября 1871 г. на северо-восточном берегу Новой Гвинеи – в заливе Астролябия, близ селения Бонго – высадился русский ученый и путешественник Николай Миклухо-Маклай. На берегу ручья, у моря, корабельные плотники срубили «дом Маклая». Здесь вместе с двумя слугами – шведом Ульманом и полинезийцем Боем – ему отныне предстояло жить...

Больше года прожил русский путешественник в хижине на берегу океана. Он всюду был желанным гостем. Миклухо-Маклай ознакомился с бытом, обычаями, хозяйством, культурой и повседневным жизненным укладом папуасов, начал собирать коллекцию папуасских черепов, накопил бесценные наблюдения об искусстве и промыслах папуасов. Миклухо-Маклай посадил в землю Новой Гвинеи семена культурных растений – тыкву, бобы, кукурузу. Около его хижины прижились плодовые деревья. Многие папуасы сами приходили на его огород за семенами. Миклухо-Маклай заметил, что папуасы ценили в первую очередь те новые для них предметы, из которых они могли извлечь прямую пользу: так, они довольно быстро приспособили для бритья бутылочное стекло взамен привычных осколков кремня.

Николай Миклухо-Маклай

Миклухо-Маклай казался папуасам настолько необычным, что они окрестили его «Караан-тамо» – «человек с Луны». Они верили, что при желании Маклай способен прекратить дождь, а если рассердится, то может поджечь море. Однажды путешественник специально разыграл туземцев: подлил в блюдце со спиртом немного воды и зажег спирт. Рассказы о подобных чудесах переходили из деревни в деревню.

В декабре 1872 г. в залив Астролябия вошел клипер «Изумруд». Наступил час прощания. Во время плавания на «Изумруде» Миклухо-Маклай получил возможность изучить народы Молуккских островов. 22 марта 1873 г. путешественник вместе с проводником в рыбацкой лодке пересек обширный Манильский залив. После ночлега в прибрежной деревне он поднялся в Лимайские горы и на краю лесной поляны наткнулся на ряд наклонных пальмовых щитов. Под ними укрывались от зноя и непогоды чернокожие пигмеи-негритосы. Рост их

не превышал полутора метров. Больше двух дней провел Миклухо-Маклай среди этого бродячего народа.

В июне 1876 г. путешественник вновь оказался на Новой Гвинее, на памятном берегу Маклая. В этот раз ученый прожил здесь 14 с половиной месяцев. Вновь и вновь неутомимый путешественник поднимался в горы, углублялся в джунгли, пересекал быстрые реки. Из горных деревень он приносил оружие, утварь, предметы быта папуасов и... новые приступы лихорадки.

В 1877 г. Миклухо-Маклай вернулся в Сингапур совершенно больным. Его сопровождала почти мировая слава и... огромные долги. Письма в Русское географическое общество, содержащие просьбы о помощи, остались без ответа. Единственную реальную помощь ученому оказал Австралийский музей. При его поддержке Миклухо-Маклай отправляется в новое путешествие – в самом сердце Меланезии, в места, куда еще не отваживались проникнуть европейские исследователи. На рассвете 29 марта 1879 г. он на шхуне «Сэди Ф. Келлер» покинул порт Джексон. Впереди были 160 дней плавания по бурному морю, 237 дней, проведенных на берегах далеких островов, где ученый стал свидетелем случаев каннибализма. Из «страны людоедов» ученый увез много новых зарисовок, записок, антропометрических измерений и составленный им словарь местного языка.

В 1882 г. Миклухо-Маклай вернулся в Петербург. А в начале февраля 1883 г. он отплывает к берегам Новой Гвинеи. В третий раз путешественник увидел знакомую ему бухту. Его добрые приятели стали стариками, многие умерли, дети и юноши выросли...

В апреле 1886 г. Миклухо-Маклай вернулся в Россию. Он предложил царю основать русское поселение на берегу Маклая, но Александр III вынес вердикт: «Отказать». Последние годы жизни путешественника были заполнены работой над дневниками шести его путешествий.

Морскими дорогами Кука

В 1993 г. в австралийском порту Фримантл был спущен на воду корабль «Его величества барк “Индевор”». Это событие стало не частным делом энтузиастов, а масштабным общественным проектом с государственной поддержкой. Австралийский моряк и кораблестроитель Джон Лонгли построил точную копию «Индевора» – знаменитого корабля Дж. Кука – и теперь намеревался совершить кругосветное плавание по следам великого мореплавателя. Австралийцы и новозеландцы знают и любят свою недолгую историю, а началась она началась именно с Кука – два столетия назад. Это предприятие стало еще и путешествием во времени: и капитан, и экипаж были одеты и экипированы в точности как в XVIII в.

Джон Лонгли

На корабле Кука было 96 членов экипажа и 4 пассажира; так было и на копии «Индевора». Как и его «предок», в кругосветное путешествие «Индевор II» отправился под парусами, без каких-либо современных новшеств. Обогнув Австралию и Новую Зеландию, барк направился в южноафриканские порты Дурбан, Порт-Элизабет и Кейптуан, затем пошел к берегам Англии. Посетив Грейт-Ярмут, Уитби – город, где Кук провел много лет, порты Шотландии, включая Эдинбург и Абердин, а также Портсмут, судно взяло курс к берегам

Америки. На то, чтобы пройти по следам Кука, его последователям потребовалось почти 4 года. Завершилось путешествие в 1997 г.

Антарктика

Земля в океане

О том, что где-то у Южного полюса нашей планеты располагается обширный материк – Terra Australis Incognita – рассказы ходили еще со времен Птолемея, однако его систематические поиски начались только в эпоху Великих географических открытий. Покуда на повестке дня стояло освоение богатств Америки, Индии и Юго-Восточной Азии, загадка далекого Южного материка на время была отложена, но на рубеже XVII–XVIII вв. интерес к нему начал возрастать. В 1730-х гг. наибольшее упорство в поисках проявляли французские мореплаватели, вдохновляемые руководством Ост-Индской компании. Первым французом, исследовавшим южные полярные моря, был капитан Буве де Лозье. Он отправился в плавание в 1738 г. на двух судах французской Ост-Индской компании «Орел» и «Мария». Следуя от берегов Бразилии на юго-восток, Буве 1 января 1739 г. увидел неизвестную землю. Ее выдающуюся в море часть он назвал мысом Обрезания. Земля была покрыта высокими горами и со всех сторон окружена льдами, не позволявшими близко подойти к берегу. После нескольких безуспешных попыток высадиться Буве был вынужден повернуть обратно к северу. Экипажи кораблей были сильно утомлены плаванием, среди матросов свирепствовала цинга. 28 февраля Буве подошел к мысу Доброй Надежды. О своем путешествии он впоследствии писал: «Мы прошли от 1200 до 1500 миль по неисследованным до этого времени морям. В течение целых семидесяти дней почти непрерывно стояли туманы; почти ежедневно шел град или снег. Наш экипаж состоял из людей, привыкших к теплоте климату, и притом был недостаточно снабжен теплой одеждой; вследствие этого холод казался матросам невыносимым; они часто обмораживали себе руки и ноги. Между тем работы на кораблях было много; то и дело приходилось переставлять паруса и производить промеры. Один из матросов “Орла”, посланный на мачту, чтобы спустить рею малого марсея, совершенно окоченел от холода и, потеряв сознание, остался на марсе; его с большим трудом удалось снять оттуда...»

Буве де Лозье

Сегодня известно, что мыс Обрезания является выступом вулканического острова Буве, покрытого ледниками. Что касается географов того времени, то их мнения о «Земле Буве» разделились: одни считали ее частью Южного материка, другие – ледяным островом. Во второй половине XVIII в. поиски «Земли Буве» и других мифических земель в южных морях привели к открытию островов Кергелен и Южной Георгии.

Таинственный Южный материк

В середине января 1772 г. с острова Маврикий на поиски Южного материка на двух кораблях отправилась французская экспедиция под руководством Ива-Жозефа Кергелена. В пути суда потеряли друг друга. Корабль, управляемый Франсуа Сент-Аллуарном, пошел на юго-восток и в итоге дошел до юго-западной оконечности Австралии, где повернул назад и в августе благополучно вернулся на Маврикий. Между тем Кергелен продолжал идти на юг. В начале февраля моряки заметили птиц, летящих на восток. Кергелен распорядился повернуть в том же направлении, и утром 13 февраля перед путешественниками открылась обширная земля, простиравшаяся к югу. Радости французов не было предела: они решили, что перед ними часть Южного материка. В действительности же это был остров, впоследствии названный именем Кергелена.

Охота европейцев на пингвинов на острове Кергелен

Море было беспокойным. Только когда ветер ненадолго стих, моряки сумели направить к берегу шлюпку. Высадка, однако, не удалась: вновь разыгрался шторм, и Кергелен повел свой корабль на северо-запад. 16 марта он уже был у берегов Маврикия. Описывая свой поход, Кергелен выразил убежденность, что, возможно, открыл центральную часть Южного материка, в то время как его предшественники Абель Тасман и Фрэнсис Дрейк видели оконечности этого континента. Широта, на которой расположен материк, позволяет надеяться на то, что он обитаем и его население занимается производством сельскохозяйственных продуктов... Убежденность Кергелена была столь велика, что французское правительство решило снарядить новую экспедицию для колонизации «Южной Франции». Руководство ею было возложено, разумеется, на Кергелена.

На двух судах Кергелен отправился на юг. 14 декабря 1773 г. перед ним вновь предстала таинственная земля, покрытая снегом и окутанная туманом. Но Кергелен напрасно искал удобное для якорной стоянки место: туман не расходилась, шел сильный снег, шквальный ветер не давал подойти к берегу. 18 января французские корабли легли на обратный курс.

Открытие Антарктиды

В 1770-х гг. капитан Кук первым достиг южных полярных морей, но, натолкнувшись на сплошные льды, дальше пройти не смог. Плавания в приполярной антарктической зоне почти на полвека прекратились, и первыми в этих водах появились российские моряки.

В 1819 г. в «Южное Ледовитое море» отправилась русская экспедиция, в задачу которой входили «новые поиски в Южном Ледовитом море, покушение как можно далее проникнуть к югу и, наконец, вообще открытия, долженствующие расширить круг географических знаний». Возглавил ее Фаддей Беллинсгаузен, получивший под свое начало шлюпы «Восток» и «Мирный». 29 августа корабли взяли курс в Атлантический океан. 2 ноября корабли бросили якорь на рейде Рио-де-Жанейро и после 20-дневного отдыха пошли на юг. 8 декабря они пересекли 45-ю параллель. Утром 15 декабря показались вершины острова Южная Георгия. Отсюда путешественники взяли курс на юго-восток. Температура воздуха понизилась. На четвертые сутки плавания от Южной Георгии встретился первый айсберг.

Днем 29 декабря на юго-западе открылся высокий, покрытый снегом и окруженный льдами остров Сандерса. Отсюда далее к югу море было затянато льдами. Моряки пробивались через них 5 дней, пока 4 января Беллинсгаузен не взял курс на северо-восток, а затем на восток. Он упорно искал проход на юг. 15 января «Восток» и «Мирный» пересекли Южный полярный круг. 16 января, находясь чуть южнее 69-й параллели, моряки заметили полосу бугристых льдов, простиравшуюся с востока на запад. Это была Антарктида, но Беллинсгаузен и его спутники не сразу поняли, что перед ними земля, – мешали туман и снег. В течение четырех суток шлюпы плыли вдоль ледяного барьера. К исходу января «Восток» и «Мирный» выбрались на чистую воду. 2 февраля Беллинсгаузен отдал распоряжение вновь повернуть на юг, и вечером следующего дня шлюпы в третий раз пересекли Южный полярный круг. Вновь перед ними вновь предстали ледяные берега Южного материка. Беллинсгаузен был твердо убежден в том, что перед ними земля, и его спутники придерживались того же мнения.

Памятник Ф.Ф. Беллинсгаузену в Кронштадте

4 марта 1820 г. Беллинсгаузен повернул к берегам Австралии. В дальнейшем шлюпы совершили также плавание в тропической части Тихого океана. Были проведены съемки архипелага Туамоту, открыты острова Волконского, Чичагова и др. В октябре 1820 г. экспедиция вновь направилась к Антарктиде. Корабли обогнули Южный материк со стороны Тихого океана, были открыты острова Петра I, Шихова, Мордвинова, Земля Александра I, уточнены координаты некоторых

ранее открытых островов. 5 августа 1821 г. экспедиция возвратилась в Кронштадт.

На горизонте – неведомая земля

В 1830 г. в антарктические воды отправилась экспедиция, снаряженная лондонской торговой компанией братьев Эндерби (один из ее владельцев, Чарлз Эндерби, был в числе основателей Лондонского географического общества). Начальником экспедиции назначили опытного моряка, капитана Джона Биско. Два корабля экспедиции – флагманский бриг «Туле» и одномачтовая яхта «Лайвли» – зашли сначала на Южные Сандвичевы острова. Отсюда начальник экспедиции повел корабли на восток. В конце января 1831 г. они пересекли Южный полярный круг и пошли в восточном направлении, то приближаясь к кромке плавучих льдов, то удаляясь от нее. 28 февраля вблизи 50° в. д. моряки увидели черные вершины гор, поднимающиеся над снежным покровом. Биско пытался подойти к незнакомой земле, но этому помешал сильнейший шторм, бушевавший целых 5 дней. Корабли растеряли друг друга и дальше действовали порознь. Когда буря утихла, Биско еще раз попытался подойти к берегам гористой земли, но высадиться на нее так и не смог: шлюпки были повреждены штормом. По мнению Биско, открытый берег являлся островом. Моряки окрестили его «островом Эндерби». На самом деле это был огромный полуостров Антарктиды, который впоследствии получил название Земли Эндерби.

На судне уже распространялась цинга, многие моряки были тяжело больны, так что Биско решил идти в Тасманию. 10 мая 1831 г. «Туле» прибыл в Хобарт. Спустя 4 месяца сюда же пришла яхта «Лайвли». Ее экипаж почти полностью погиб от цинги, в живых оставались только капитан, один матрос и юнга.

В начале 1832 г., после ремонта, корабли продолжили плавание. В районе 80° з. д. они пересекли полярный круг. 14 февраля моряки увидели к северо-востоку от Земли Александра I остров с вершиной, уходящей в облака. Они назвали его именем королевы Адельиды. Отсюда корабли пошли на север. 17 и 18 февраля был открыт архипелаг, получивший название островов Биско. Далеко на горизонте, за островами, виднелись горы. По предположению Биско, они находились на Антарктическом континенте, который, однако, еще предстояло достичь...

Экспедиция вернулась в Лондон в январе 1833 г.

Перед ледяным барьером

Джеймс Кларк Росс принимал участие в семи английских арктических экспедициях, во время одной из которых сумел точно определить тогдашнее положение Северного магнитного полюса. Но более всего он прославился своим путешествием в Антарктику.

В 1839 г. Росс возглавил экспедицию, которая должна была установить местоположение Южного магнитного полюса. В этом путешествии на кораблях «Эребус» и «Террор» Росс открыл путь в Антарктиду, которым после него пользовались многие исследователи и который до сих пор считается самым удобным. Правда, путь к желанной цели кораблям преградили сплошные льды, но Росс решительно пошел вперед, ломая ледяное поле, и его смелость была вознаграждена: корабли вышли на широкое пространство открытой воды. Росс исследовал море, позднее названное в его честь, и открыл в южной части Земли Виктории горы Эребус и Террор – в честь кораблей, которые принесли его в этот удивительный уголок мира.

Джеймс Кларк Росс

Росс настолько близко подошел к Южному магнитному полюсу, что смог приблизительно определить его местоположение. Дальше путь на юг преградила колоссальная ледяная стена около 750 километров в длину и от 45 до 75 метров в высоту. Это был край исполинского ледника, сползавшего в море. Впоследствии этот ледник назвали Барьером Росса.

В январе 1841 г. Росс достиг 78-й параллели, но преодолеть барьер ему так и не удалось. Он не нашел также ни одного подходящего места

для зимовки. Тогда Росс снова повернул на север, пробился через льды и привел свои корабли к острову Тасмания.

Росс еще дважды пытался достичь Южного магнитного полюса. В 1842 г. он вновь отправился в приполярные воды, но на этот раз подошел к берегам Антарктиды на 2200 километров восточнее, чем во время первой экспедиции. Ледовые условия не благоприятствовали плаванию, корабли Росса продвигались очень медленно. Тем не менее ему удалось продвинуться на юг гораздо дальше, чем в первый раз. В общей сложности плавание Росса в полярных водах продолжалось 4 года. Эти путешествия способствовали формированию ясных представлений об антарктической области.

Пятнадцать месяцев в Антарктике

Экспедиция на корабле «Бельжика», отправившаяся в 1897 г. в Антарктику под руководством бельгийского морского офицера Адриана Жерлаша де Гомери, известна прежде всего тем, что в ней на правах рядовых членов участвовали будущие великие путешественники Руаль Амундсен и Фредерик Кук.

Выйдя в путь из Антверпена, «Бельжика» в январе 1898 г. достигла побережья Земли Грэма, пересекла Южный полярный круг, обогнула Южные Шетландские острова и вскоре оказывается в виду Земли Александра I. Жерлаш пытается проложить курс на запад, но все больше и больше к концу февраля плавание уже напоминает блуждание в ледовом лабиринте. 10 марта 1898 г. судно окончательно вмерзло в лед. Целый год «Бельжика» дрейфовала в высоких широтах вблизи берегов Антарктиды, однако увидеть материк с борта корабля морякам ни разу не удалось. Впрочем, за время дрейфа был открыт архипелаг Палмера, а благодаря постоянным наблюдениям были получены первые данные о климате в антарктической околополярной области.

Зимовка была очень тяжелой. Запасов пищи имелось достаточно, но рацион питания был подобран неправильно, так что экипаж сильно страдал от цинги (ее избежали только Кук и Амундсен, охотившиеся на тюленей). На борту не было теплой одежды (Амундсену пришлось сшить ее из шерстяных одеял), в жилых помещениях корабля царил холод, остро не хватало керосина для освещения, так что в каютах царила темнота. За время полярной ночи два матроса сошли с ума. В ходе зимовки между Жерлашем и Амундсеном произошел серьезный конфликт.

Адриан Жерлаш де Гомери на фоне «Бельжики»

В середине февраля 1899 г. лед начал трескаться. По настоянию Кука матросы вручную прорубили 900-метровый канал, чтобы освободить судно и вывести его на чистую воду. Жерлаш записывал в журнале: «С чувством радости и облегчения, которое нельзя выразить словами, мы вышли в чистое море после 13-месячного плена». «Бельжика» вернулась в Антверпен 5 ноября 1899 г. Экспедиция оказалась весьма значительной по научным результатам и открытиям. О своем дрейфе у берегов Антарктиды Жерлаш де Гомери рассказал в книге «Путешествие “Бельжики”. Пятнадцать месяцев в Антарктике».

Борьба за Южный полюс

Совершив свое историческое плавание Северо-Западным проходом, Руаль Амундсен намеревался покорить Северный полюс, но пока шла подготовка экспедиции, Кук и Пири в сентябре 1909 г. почти одновременно заявили, что Северный полюс покорен. Амундсен решил: раз так, надо идти на Южный. 14 января 1911 г. экспедиция высадилась в Антарктиде, в Китовой бухте. Отсюда Амундсен начал готовиться к походу на полюс...

Англичанин Роберт Скотт впервые увидел берега Антарктиды в 1902 г. 2 ноября 1902 г. Скотт, Уилсон и Шеклтон отправились на трех собачьих упряжках к полюсу. Они достигли $82^{\circ}15'$ ю. ш., когда путь преградил ледяной обрыв. Пришлось возвращаться.

Летом 1909 г. из Антарктиды возвратился Эрнст Генри Шеклтон. Его экспедиция дошла до широты $88^{\circ}23'$. До полюса оставалось 179 километров. В июне 1910 г. Скотт вновь отправляется в Антарктику. Он должен пройти эти последние километры!

База Скотта – на мысе Эванс в проливе Мак-Мердо. База Амундсена – на шельфовом леднике Росса. Скотт записывает в дневнике: «Не подлежит сомнению, что план Амундсена является серьезной угрозой нашему. Амундсен находится на 60 миль ближе к полюсу, чем мы». У Амундсена – 120 эскимосских собак. У Скотта – трое моторных саней, 19 низкорослых, но выносливых маньчжурских лошадок и 35 собак. На то, чтобы пройти разведывательными маршрутами и заложить продовольственные склады на всем пути к полюсу обоим экспедициям потребовалось более года.

Члены экспедиции Роберта Скотта на Южном полюсе

Амундсен устраивает склады через каждый градус широты. Последний – на 82-м градусе. К полюсу он пойдет на собаках – это не только тяговая сила, но и источник пропитания.

Скотту сперва придется идти через шельфовый ледник Росса – 700 километров. Между параллелями $83^{\circ}30'$ и $85^{\circ}30'$ – трудный подъем на высоту 3000 метров по рассеченному трещинами леднику Бирдмора. Дальше, до самого полюса, – высокогорное ледяное плато. Всего предстоит пройти около 3000 километров – за 145 суток, как считает Скотт. Мотосани доставят грузы на широту $80^{\circ}30'$. Лошади и собаки смогут довести большую часть грузов до ледника Бирдмора.

20 октября 1911 г. к полюсу уходит Амундсен. 2 ноября стартует Скотт. Кто придет первым?

...Не один раз проваливались нарты Амундсена в трещины ледников. Туман, метель, ураганный ветер, мороз -50° – все было. Но

ежедневная норма пути – от 30 до 37 километров – выполнялась неукоснительно, за исключением нескольких дней, когда погода была особенно невыносимой или слишком уж много возникало препятствий. 7 ноября достигнута широта 82°. Впереди начала вырисовываться горная цепь, вершины которой вздымались до 4500 метров. На 85-й параллели местность круто пошла вверх. Начинаясь подъем. Здесь Амундсен устроил главный склад продовольствия. С собой он взял запасов на 60 дней. За этот срок Амундсен рассчитывал дойти до полюса и вернуться сюда, к главному складу.

Вот они уже на плато. Побит рекорд Шеклтона – 88°23'. До полюса – 180 километров! Погода стала лучше: температура около –25°C, но главное – тише стал ветер. Пятеро норвежцев идут через ледяную пустыню. В упряжках еще оставались по четыре собаки.

15 декабря 1911 г. экспедиция достигла Южного полюса. Первооткрыватели подняли норвежский флаг. 18 декабря Амундсен отправился в обратный путь и спустя 39 дней его партия благополучно вернулась на базу. Весь поход занял 99 суток.

18 января 1912 г. из снежной пелены к Южному полюсу вышла партия Роберта Скотта. Англичанин бессильно схватился руками за флагшток, на котором реял норвежский флаг, и глухо застонал. Они опоздали...

«Норвежцы нас опередили, – записывает Скотт в своем дневнике. – Они первыми достигли полюса. Ужасное разочарование!»

Скотт и его товарищи водрузили на полюсе английский флаг, но настроение было отнюдь не победным. Впереди – 1500 километров, а у Отса обморожены ноги, у Уилсона снежная слепота, Эванс сильно порезал руку при переделке саней, у него обморожены пальцы рук и нос... Запаса продуктов на очередном складе хватает лишь на то, чтобы дойти до следующего. День-другой задержки, и весь отряд окажется на грани гибели...

Трагическую развязку ускорил ужасный ураган, разразившийся в тот момент, когда путешественники были в 18 километрах от последнего склада с запасами. Тела Скотта и его товарищей навечно остались лежать в толще ледника. «Мой триумф омрачен мыслью о его трагедии, – писал Амундсен. – Никто лучше меня не может воздать должное героической отваге наших мужественных английских соперников... Мужества, твердости, силы им было не занимать».

Зимовка в «снежной дыре»

В состав экспедиции Р. Скотта входили две партии – Северная и Южная. Финал Скотта в походе к Южному полюсу, как известно, был трагичен. Судьба Северной партии тоже сложилась достаточно драматично.

Роберт Скотт

Партия в составе 6 человек под руководством Раймонда Пристли проводила работы на северном и северо-восточном участках побережья Земли Виктории. По их окончании полярников должен был забрать на борт корабль – тот же самый, с которого Северная партия высадилась на антарктическое побережье, но он не пришел. Нужно было самостоятельно добираться до экспедиционной базы. Путешественники шли пешком, волоча за собой сани с продовольствием и лагерным оборудованием. Зима застала их на берегу неизвестного залива, в совершенно пустынном месте. В снегу вырыли пещеру для жилья. Продукты на исходе, не оставалось даже соли. Закончилось топливо, почти вышел запас спичек. Но полярники не отчаялись. Они заготовили запас тюленьего и пингвиньего мяса, вместо соли использовали морскую воду, а в качестве топлива и для освещения использовали тюлений жир. Из-за нехватки спичек пришлось круглосуточно поддерживать огонь, но температура в пещере все равно не поднималась выше нуля. В своей книге «Антарктическая одиссея» Р. Пристли писал: «В этой истории много необычного, и мы полагаем, что оправдали свое существование на белом свете хотя бы тем, что доказали: партия, отрезанная от своей базы, фактически лишенная источников питания, может прожить на одних лишь скудных ресурсах... Никому не хотелось бы вновь оказаться в таком положении... Лишения и тяготы лишь научили нас воспринимать простые блага обычной жизни как изысканные удовольствия. Сплотившее нас чувство товарищества помогло переносить трудности и радоваться радостям... Ведь, наверное, никому никогда не было дано так хорошо познать своего ближнего, как нашей шестерке, которая семь месяцев прожила в самой настоящей “снежной дыре”».

Эта зима стала для путешественников самым настоящим экзаменом на выживаемость, и они выдержали его. О Пристли и его товарищах сегодня напоминают названия: ледник Кемпбелла, Пристли, горные вершины Диксон, Браунинг, Левик и Эбботт.

Неудача Эрнста Шеклтона

Эрнст Генри Шеклтон в 1901–1902 гг. сопровождал Роберта Скотта в его неудачной попытке достичь Южного полюса, но из-за болезни был вынужден вернуться в Англию. Мысль о новом походе к Южному полюсу не оставляла Шеклтона. В 1907 г. он выступил с проектом новой экспедиции, и 10 марта 1908 г. в сопровождении 4 спутников уже стоял на вершине горы Эребус (3794 м). В конце октября (в Южном полушарии в это время наступила весна) Шеклтон начал поход к Южному полюсу, однако, не дойдя 180 километров до цели, отряд вынужден был повернуть обратно из-за нехватки припасов и непогоды. Во время этого похода было открыто несколько горных хребтов (в том числе Куин-Александра) общей протяженностью более 900 километров, обрамляющих с юга и запада шельфовый ледник Росса.

Эрнст Шеклтон

В июне 1909 г. Шеклтон и его спутники вернулись в Англию, где их встретили как национальных героев. Однако, сколь ни значительны были достижения Шеклтона и Скотта, первыми Южного полюса достигли все-таки норвежцы. Требовался подвиг, способный затмить достижение Амундсена. И тогда Шеклтон выступил с идеей трансантарктической экспедиции.

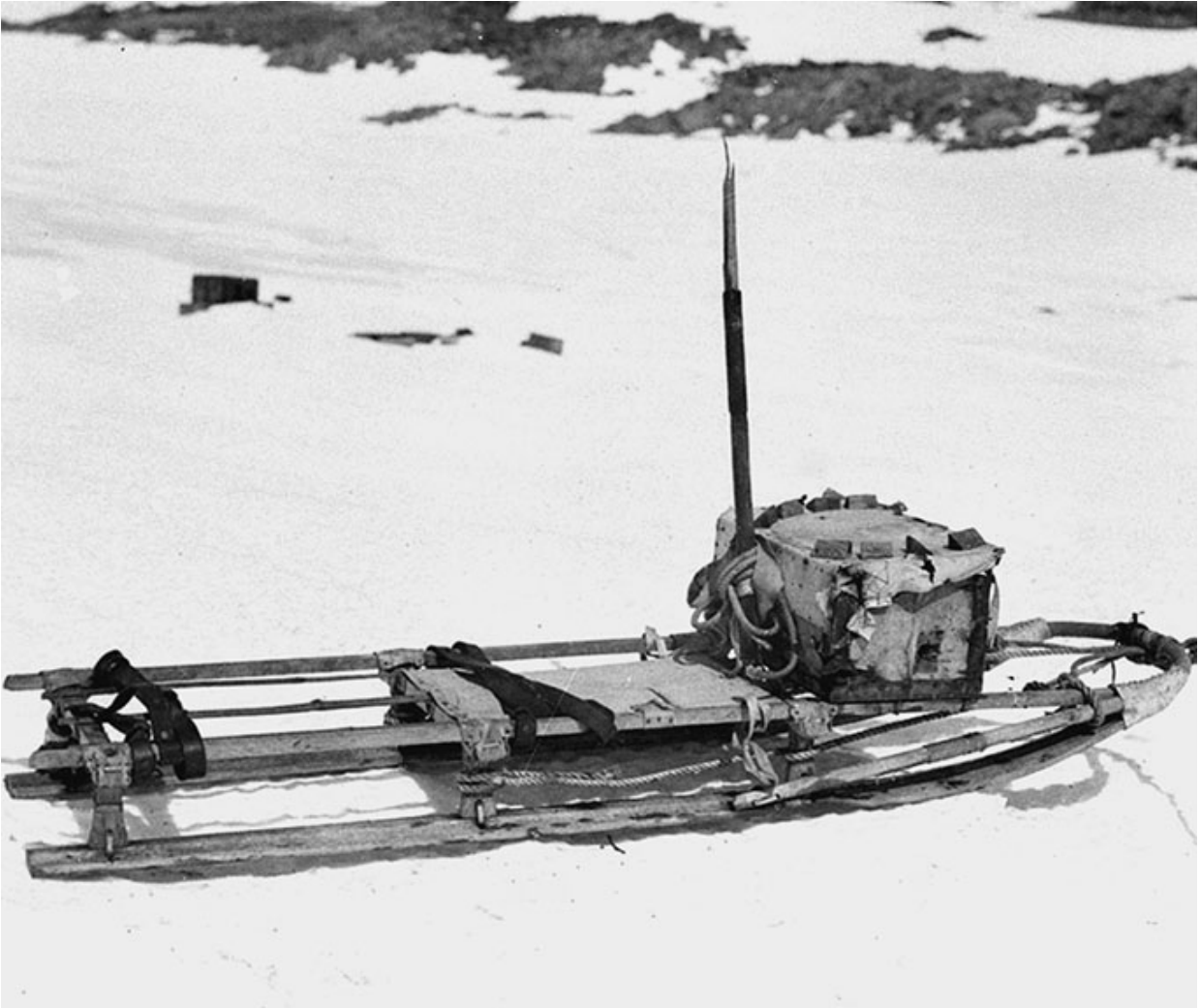
Шлюпка отчаливает с острова Мордвинова за помощью

Он вновь отправился к берегам Антарктиды на парусно-моторной шхуне «Эндьюрэнс». Все с самого начала пошло не так. Сперва отплытие «Эндьюрэнса» чуть не сорвала начавшаяся Первая мировая война. Потом пришлось бороться со льдами; эта борьба закончилась поражением: в октябре 1915 г. «Эндьюрэнс» был раздавлен льдами и затонул. Люди высадились на лед, разбили лагерь. Пока хватало продуктов, спасенных с погибшего судна, и пока удавалось охотиться на тюленей, жизнь на льдине была довольно сносной. Однако с приближением зимы положение экспедиции ухудшилось. 15 апреля 1916 г. Шеклтон и его спутники добрались до острова Мордвинова (Элефант). Надежды на помощь извне не было, следовало полагаться лишь на самих себя. Перед начальником экспедиции встала дилемма: либо отправить на остров Южная Георгия, где находился поселок китобоев, шлюпку с опытными людьми, чтобы они добились присылки на остров спасательной экспедиции, либо всем оставаться в лагере. Шеклтон избрал первый, наиболее трудный вариант, и сам взялся его осуществить. Ему удалось добраться до Южной Георгии, а потом

вернуться, разыскать и забрать оставшихся членов своего отряда. Несмотря на все неудачи, экспедиция в целом сделала немало полезного для науки, пополнив знания о метеорологическом и ледовом режимах, глубинах морей Уэдделла и Росса.

Пешком через ледяную пустыню

Дуглас Моусон впервые побывал в Антарктиде в составе экспедиции Шеклтона. Вернувшись в Австралию, он решил организовать в Антарктиду свою собственную экспедицию. Главной ее целью было исследование Земли Уилкса. В начале декабря 1911 г. Моусон во главе англо-австралийской исследовательской экспедиции отправился из Тасмании в Антарктиду. В январе 1912 г. он высадился на Земле Адели у залива Коммонуэлт и остался там на зимовку. Как оказалось, Моусон выбрал для зимовки район, отличавшийся самым суровым климатом на Земле. И все же экспедиция сумела не только перезимовать здесь дважды, но и обследовать на лыжах и санях весьма протяженные (до 500 км) участки побережья по обе стороны от базы.

Сани, которыми пользовался Моусон и его спутники во время переходов

10 ноября 1912 г. Моусон с двумя спутниками отправился в поход на собачьих упряжках, держа курс на восток от бухты Коммонуэлт. Они открыли берег Георга V с ледниками Мерц и Ниннис. Самым восточным объектом, обнаруженным группой, оказался шельфовый ледник Джозеф Кук. Поход был весьма трудным, оба спутника Моусона погибли от лишений. Путешественник остался один посреди ледяной пустыни. До базы оставалось еще около 200 километров. Изнемогая от усталости, больной, голодный, он продолжал идти на запад, волоча за собой сани. В конце января Моусон наткнулся на сложенный из снежных глыб гурий, под которым спасательный отряд сложил запас продуктов. Это помогло ему добраться до базы. Несмотря на все трудности и потери, экспедиция Моусона нанесла на карту огромную

(около 4000 км) дугу антарктического побережья, связав воедино открытия предшественников и свои собственные и выявив более сотни новых географических объектов.

Ричард Бэрд в Антарктиде

Ричард Бэрд провел в Антарктиде больше времени, чем кто-либо из его предшественников. Еще в январе 1929 г. он, офицер военно-морского флота США, впервые оказался на побережье Ледового континента. Экспедиция, отправившаяся в путь под его руководством, была оснащена 4 самолетами. Именно на них Бэрд намеревался осуществить большую часть своей программы исследований.

Подойдя к восточному краю барьера Росса, Бэрд высадился в Китовой бухте и организовал здесь базовый лагерь под названием Литтл-Америка («Маленькая Америка»). Вскоре он вылетел на восток к Земле Эдуарда VII. Начавшаяся пурга вынудила самолет повернуть к югу и вскоре на горизонте нарисовалась покрытая снегом группа низких пиков и цепей, названная Бэрдом горами Рокфеллера. Однако обследовать их не удалось: горючего хватило лишь на обратный путь. В середине февраля, вновь пролетев над этим хребтом, Бэрд открыл высокое ледниковое плато, которое назвал Землей Мэри Бэрд – в честь своей жены.

Ричард Бэрд в одном из домиков Литтл-Америки

28—29 ноября 1929 г. Бэрд совершил полет от Литтл-Америки до Южного полюса (1,3 тысячи км). На этом маршруте он обнаружил группу широко разбросанных гор, поднимающихся над Полярным плато, а южнее – значительное скопление вершин и пиков (горы Хейс). Во время второго полета 5 декабря Бэрд открыл шельфовый ледник Салзбергер и одноименный залив, а в 200 километрах восточнее – большую горную цепь Эдсел-Форд и еще один залив (Пол-Блок), забитый льдом. Съемки, выполненные с самолета, охватили около 0,5 млн квадратных километров ранее неизведанных пространств Антарктиды.

Базой второй антарктической экспедиции Бэрда (1933–1935 гг.) снова стала Литтл-Америка. Еще на пути к ней Бэрд отправился от полярного круга на восток для изучения побережья Земли Мэри Бэрд. Результатом этого маршрута, завершившегося в середине января 1934 г., было открытие «Кладбища дьявола» – огромного ледового

языка, ежеминутно выбрасывавшего в море гигантские ледяные глыбы; только за одни сутки Бэрд и его спутники насчитали около 8 тысяч айсбергов.

Совершив ряд полетов над Антарктидой, Бэрд и его летчики осмотрели около 0,5 млн квадратных километров ранее неисследованной территории. В конце марта Бэрд вылетел на самолете на юг для проведения рискованного эксперимента – зимовки в одиночестве. В 200 километрах от Литтл-Америки он организовал метеорологический пост и остался на нем один. Некоторое время он регулярно поддерживал связь по радио с товарищами, но через несколько месяцев из-за неисправности вентиляционной трубы отравился угарным газом и едва не погиб. В начале августа к нему прибыла спасательная партия из трех человек. Они нашли Бэрда сильно истощенным, ослабевшим и измученным. Все четверо провели на посту еще два месяца и, когда Бэрд достаточно окреп, вернулись на базу.

Ричард Бэрд (слева) со своим помощником Флойдом Беннетом перед полетом

В 1939–1941 гг. в Антарктиде работала третья экспедиция, возглавляемая Бэрдом. Воздушным рекогносцировкам мешала сильная облачность. Лишь 26 января Бэрд смог совершить первую дальнюю разведку, открыв с самолета высокий берег Хоббса с устьями двух крупных ледников. Полет 24 февраля принес новые открытия: Бэрд проследил и нанес на карту 400 километров береговой линии, а далее к востоку перед ним открылась покрытая льдом бухта – залив Пайн-Айленд. На следующий день пилоты исследовали с воздуха еще 200 километров неведомого прежде берега Антарктиды.

В 1946–1947 гг. Бэрд руководил четвертой антарктической экспедицией, ставшей крупнейшей в истории Ледового континента: число ее участников превышало 4700 человек. Главный отряд под руководством Бэрда по-прежнему базировался в Литтл-Америке, второй был послан на запад, третий – на восток от основной базы. В этот раз Бэрд во второй раз летал к Южному полюсу; всего же за 64 полета удалось сфотографировать около 18 тысяч километров побережья континента, то есть 60 % всей береговой линии. В результате общие очертания Антарктиды приобрели на картах ту форму, которая в основном сохранилась до наших дней.

Над Антарктидой

Освоение Антарктики в воздухе началось в 1928 г. Одним из пионеров авиapolетов в небе Антарктиды стал Линкольн Элсуорт. Его имя особенно широко стало известно во всем мире в 1935 г., когда он со своим напарником осуществил грандиозный для того времени первый трансантарктический перелет. Элсуорту в это время было уже 53 года, но он по-прежнему оставался в тени, несмотря на свою славу опытного авиатора. И вот теперь пришел его звездный час.

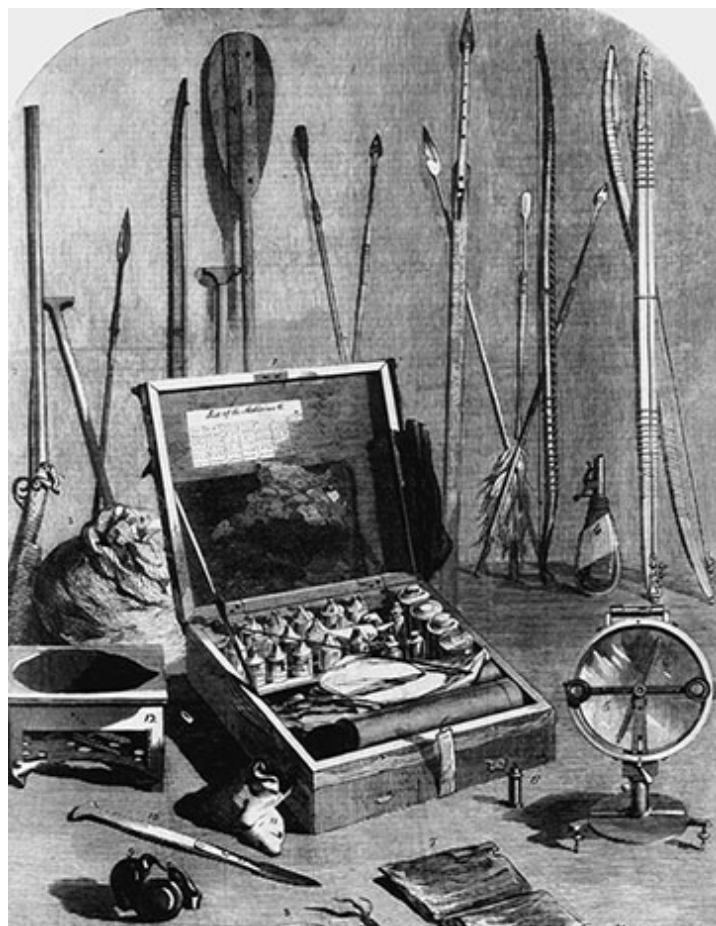
В 1933–1935 гг. Элсуорт уже предпринял две неудачные попытки перелета через Антарктиду. В ноябре 1935 г. он вместе с пилотом Гербертом Холлик-Кеньоном вновь отправляется в путь. Впереди по маршруту полета лежала обширная горная страна. Во время перелета Элсуорт и Холлик-Кеньон открыли неизвестный ранее горный хребет Этернити, протянувшийся вдоль восточного края Антарктического полуострова. В общей сложности перелет продолжался 12 дней (с двумя посадками, в том числе и на шельфовый ледник Росса). Когда топливо уже было на исходе, самолет Элсуорта приземлился близ лагеря Литтл-Америка, заложенного Ричардом Бэрдом. В это время здесь уже никого не было. Рация вышла из строя, так что пилоты не имели возможности сообщить о своем местонахождении. Без малого два месяца Элсуорт и Холлик-Кеньон провели в опустевшем лагере, а между тем в «большом мире» они были объявлены без вести пропавшими, и на их поиски от берегов Новой Зеландии в Антарктику отправилось британское исследовательское судно «Дискавери». Только 16 января 1936 г. пилоты были спасены. Горный массив, над которым когда-то пролетал их самолет, ныне носит название гор Элсуорта. Здесь расположена высочайшая вершина Антарктиды – гора Винсон (5140 м).

Линкольн Элсуорт на фоне своего самолета

Две зимы на Земле Грэма

Австралиец Джон Раймилл с молодых лет готовился стать полярным исследователем. Он совершал сложные горные восхождения в Швейцарских и Французских Альпах, учился летному мастерству у пилотов британской авиастроительной корпорации «Де Хэвилленд», слушал лекции в Полярном исследовательском центре имени Скотта в Кембридже... В 1931 г. Раймилл был включен в состав британской арктической экспедиции, направлявшейся на север Гренландии, – это было его первое знакомство с миром льда и вечного холода и первый опыт управления самолетом в полярных условиях. А в 1935 г. Раймилл уже возглавил антарктическую экспедицию, отправившуюся на шхуне «Пенола» к земле Грэма и в море Уэдделла. Весь экипаж шхуны, за исключением капитана и механика, состоял из ученых. На борту судна имелись небольшой одномоторный самолет и 50 ездовых канадских собак. В конце января 1935 г. «Пенола» достигла западного побережья Антарктического полуострова и зазимовала в одном из его заливов. На берегу полярники построили ангар для самолета и 28 февраля 1935 г. совершили первый разведывательный полет, исследуя путь, по которому предстояло пойти сухопутным отрядам.

Стандартный набор предметов полярного исследователя

В августе (в Южном полушарии это конец зимы) несколько исследовательских партий отправились исследовать западную оконечность Земли Грэма (Антарктический полуостров). Между тем шхуна освободилась из ледового плена и вышла в море. Было решено построить новую базу на острове Дебенем. Отсюда было совершено еще несколько полетов с целью исследования Земли Грэма, а полевые отряды в течение зимы (июнь – август 1936 г.) закончили исследование побережья полуострова. Летом путешественники на собачьих упряжках добрались до северного берега Земли Александра I, прошли дальше на юг и обнаружили шельфовые ледники Уорда и короля Георга VI (последний отделяет Землю Александра I от Антарктического полуострова). 5 февраля 1937 г. исследователи благополучно вернулись на базу. В общей сложности экспедиция Раймилла исследовала и провела съемку более 700 километров западного побережья Антарктического полуострова (Земли Грэма) и прилегающих островов.

Были собраны богатые геологические коллекции и доказано, что Земли Грэма представляет собой длинный и узкий полуостров, а не группу островов. За открытия в Антарктиде Раймилл был награжден медалями Британской полярной службы, Лондонского Королевского географического общества и Американского географического общества.

Под крылом – Ледовый континент

Почти одновременно с Бэрдом в Антарктиде работала другая американская исследовательская экспедиция, которую возглавлял Финн Ронне. К островку в заливе Маргерит, ставшему основной базой экспедиции, партия прибыла в начале марта 1947 г. В течение зимы участники готовились к полевому сезону, намереваясь предпринять несколько полетов на самолете в глубь материка и вдоль его береговой линии. Весной Ронне организовал другую базу – на восточном берегу Антарктического полуострова, но из-за плохой погоды первую воздушную рекогносцировку удалось совершить лишь в начале ноября. Во время этого полета была осмотрена южная часть ледника Ларсена. 21 ноября Ронне и пилот Джеймс Ласситер отправились в длительный полет на юг. Они проследили около 300 километров западной границы шельфового ледника, позднее названного ледником Ронне, обнаружили небольшой полуостров Додсона и нанесли на карту снежное плато Йерг. Долетев почти до 76-й параллели, Ронне повернул обратно. Он установил, что далее к югу поверхность материка постепенно поднимается и, следовательно, предполагаемая связь между морями Уэдделла и Росса исключена.

Семейная чета Ронне

12 декабря Ронне вместе с Ласситером вновь отправился на воздушную разведку. Он намеревался продолжить изучение «своего» ледника. Открыв еще 400 километров ледниковой границы и обнаружив у 45-го меридиана залив Гулд, пилоты вынуждены были вернуться назад из-за сильной облачности. Обследованное во время полетов побережье континента он назвал Землей Эдит Ронне – по имени своей жены, участницы экспедиции.

Дорогами легендарных авантюристов

Плавание «Золотой лани»

В середине XVI в. в Атлантике появились английские пираты, охотившиеся за испанскими судами, идущими из Нового Света. В числе моряков, занявшихся разбоем, оказался и Фрэнсис Дрейк. В 1572 г. он совершил набег на Панамский перешеек, разгромил караван с золотом и серебром и на захваченных испанских судах благополучно вернулся в Англию.

В 1577 г. Дрейк задумал совершить нападение на тихоокеанские берега Испанской Америки. В дальний поход отправилось пять небольших кораблей. Путешествие через океан заняло 54 дня. В апреле 1578 г. англичане подошли к побережью Аргентины. Здесь Дрейк переименовал свой корабль «Пеликан» в «Золотую лань». 20 августа корабли вошли в Магелланов пролив. Спустя два дня, когда экспедиция была уже в Тихом океане, началась сильнейшая буря. Ветер разбросал корабли и погнал их на юг; одно судно пропало без вести, другое сумело войти в Магелланов пролив и позже вернулось в Англию. «Золотая лань» осталась одна и, взяв курс на север, пошла к чилийскому побережью. 5 декабря в гавани Вальпараисо Дрейк захватил испанский галеон «Капитан». Груз его состоял из 37 тысяч золотых дукатов и 2000 бочонков вина, на его борту Дрейк нашел и секретные карты Америки.

«Золотая лань» в порту Дептфорда. 1581 г.

Двигаясь на север вдоль тихоокеанского побережья, Дрейк нигде не встречал сопротивления: испанцы не ждали здесь нападений. «Золотая лань» высаживала десанты и грабила испанские колонии. Дрейк искал груженный серебром галеон, который, по слухам, отошел от побережья Перу. Идя по его следам, «Золотая лань» поднималась к северу, продолжая грабить по пути торговые суда. Наконец 1 марта 1579 г. на горизонте появился долгожданный «серебряный» галеон. Он оказался настоящей плавучей сокровищницей: захваченный груз в 100 раз превышал затраты на снаряжение экспедиции Дрейка.

Сэр Фрэнсис Дрейк

Но как достичь Британии? Испанские военные корабли уже искали пиратов вдоль всего побережья, Магелланов пролив был заперт. Дрейк был готов обогнуть Северную Америку, пройдя Северо-Западным проходом из Тихого океана в Атлантический, чего еще не делал ни один человек. Поднявшись до 48° с. ш., Дрейк остановился в удобной бухте (позже названной заливом Дрейка), чтобы привести в порядок корабль и решить, что делать дальше. Наконец, после долгих сомнений было решено идти на запад – через Тихий океан.

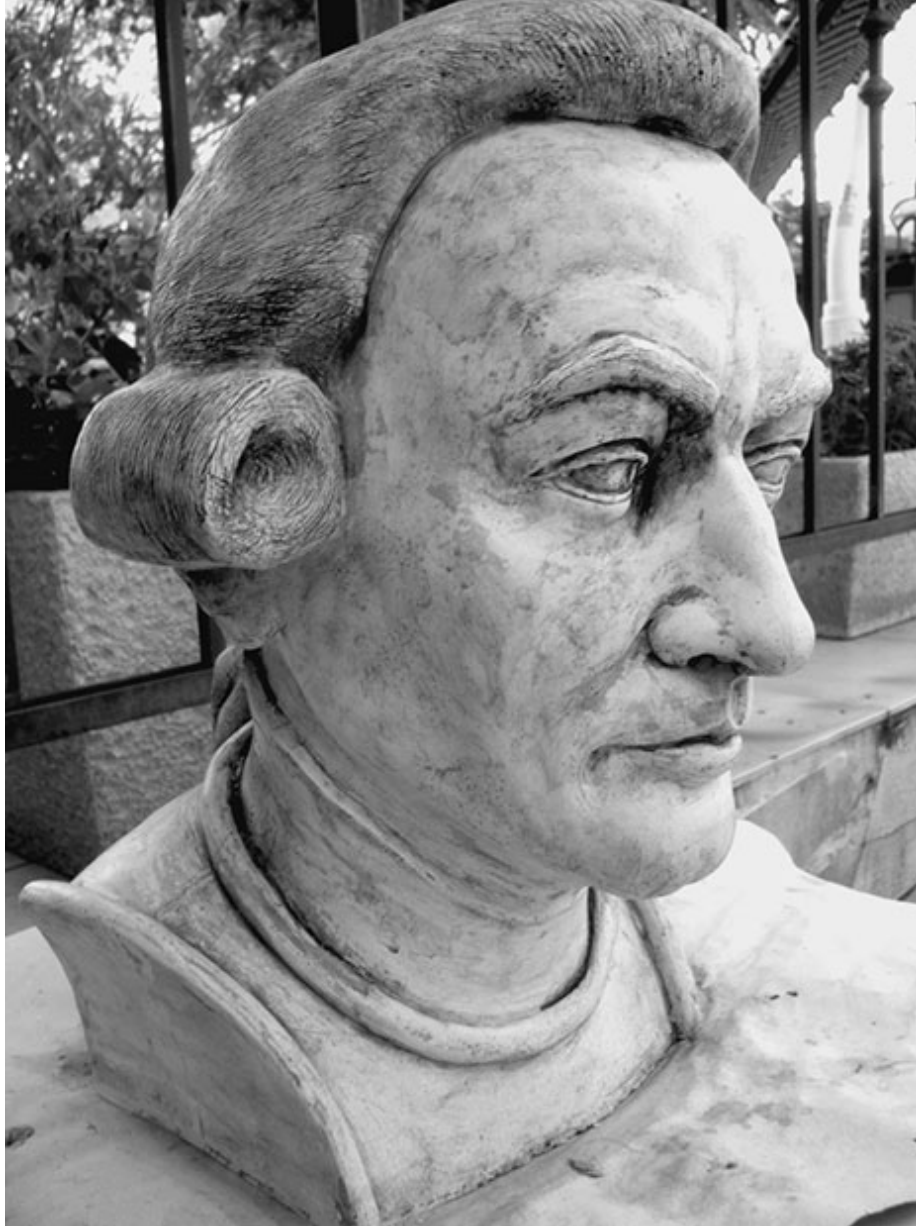
Через три месяца «Золотая лань» достигла Марианских островов, еще через полтора месяца – Молуккских. Следующая остановка была на Яве. Отсюда Дрейк пустился напрямик через Индийский океан, стараясь держаться в стороне от торговых путей и избегая встреч с испанскими и португальскими военными кораблями. Обогнув мыс Доброй Надежды, 26 сентября 1580 г. «Золотая лань» бросила якорь в

Плимуте, проведя в море 2 года, 10 месяцев и 11 дней. Плавание Дрейка стало вторым в истории кругосветным путешествием.

Одиссея большеерецкого острожника

О бароне Бенеvском написаны десятки книг, сотни статей, есть даже посвященная ему опера. Он связал свое имя с историей многих стран Европы, Азии, Африки, Америки. В столице сегодняшней Малагасийской Республики есть улица Бенеvского: он – часть истории Мадагаскара...

Барон Мауриций Август Бенеvский, выходец из венгерского аристократического рода, был одним из тех талантливых искателей приключений, каких немало повидала Европа XVIII столетия. В 14 лет он стал солдатом, воевал под знаменами многих монархов. В 1768 г. вступил в армию польских конфедератов, в одном из сражений попал в русский плен и после многих злоключений оказался в ссылке на Камчатке, в Большеерецком остроге. Здесь он познакомился с несколькими ссыльными русскими офицерами, отчаянными сорвиголовами. Составился заговор. Избрав своим знаменем великого князя Павла Петровича (будущего Павла I) и присягнув «законному государю», острожники подняли мятеж и, спустившись на плотках к морю, погрузились в Чекавинской гавани на галиот «Святой Петр». Отбив кувалдами и ломami вмерзшее в лед судно, вышли в открытое море. На маленьком корабле водоизмещением в 250 тонн поместилось 42 человека.

Бюст барона Беневского

Выйдя из Большерецка, галиот пошел на юг вдоль Курильской гряды. В начале июля беглецы, испытав все муки долгого плавания, достигли берегов Японии. Высадиться им здесь не дали, но воду и рис на борт доставили. Галиот пошел дальше на юг, к островам Рюкю, где беглецы наконец смогли отремонтировать истрепанный дальним плаванием корабль.

Через Макао Беневский и его друзья добрались до Парижа. Их приняли радушно: известия о дерзком побеге с Камчатки и почти что

кругосветном путешествии большеберцовых острожников обсуждались во всех столицах Европы. На Беневского смотрели как на героя. В Париже был нужен человек, способный организовать колонию на Мадагаскаре, и отважный Беневский годился для этого как нельзя более.

В феврале 1774 г. Беневский во главе полка волонтеров высадился на Мадагаскаре. Он основал крепость Луисберг, установил добрые отношения с туземными вождями, начал строить дороги, закладывать плантации, где произрастали злаки, сахарная свекла, хлопчатник... Успехи его были столь велики, что делегация мальгашских вождей даже явилась к нему с просьбой принять титул «короля Мадагаскара».

Беневский отправился в Париж, где представил свой проект овладения Мадагаскаром силами местной знати. Фактически он предлагал Франции установить протекторат над Мадагаскаром при признании его главой этого острова. Но проект не встретил понимания, и Беневский остался не у дел. Он уехал в Австрию, вступил в армию и отправился на войну с Фридрихом Прусским. Потом вернулся в Париж – его неумолимо тянули к себе море, приключения, далекий Мадагаскар. Но здесь, как и прежде, наткнулся на стену непонимания. На счастье Беневского, в это время в Париже находился знаменитый американский ученый и политический деятель Бенджамен Франклин. Северо-Американские Штаты вели борьбу за независимость, и помощь опытного и отважного вояки была как нельзя кстати. Барон отправился в Америку во главе отряда из 300 добровольцев. Но воевать ему не пришлось: 19 октября 1781 г. английские войска капитулировали.

В апреле 1783 г. Беневский вернулся во Францию. Мысль о возвращении на Мадагаскар не давала ему покоя. Он купил корабль, загрузил его товарами и продовольствием и 25 октября 1784 г. вышел в море. Высадившись на северо-западном берегу острова, Беневский начал строить крепость Мавритания, разрабатывать залежи серебра; он заложил новые плантации и вскоре уже собирал богатые урожаи. В официальной переписке он именовал себя «Мауриций Август, милостью Божией король Мадагаскара».

Французские колониальные власти считали, что Беневский полон опасных замыслов. К форту Мавритания двинулся карательный отряд. Завязался бой, и одна из первых же пуль пробила грудь Беневского... Удивительный каприз судьбы: в этой стычке не погиб никто, кроме 45-летнего «короля Мадагаскара».

Мятеж на «Баунти»

Трехмачтовое судно «Баунти» вышло из Спитхеда (Англия) 23 декабря 1787 г. Командовал им Уильям Блай, человек решительный и смелый, хорошо знавший южные моря. Ему было поручено непростое задание: обойдя мыс Горн, «Баунти» должен был добраться до Таити, погрузить там на борт саженцы хлебного дерева и опять в обход Южной Америки доставить их на Антильские острова.

Иллюстрация событий на «Баунти» 28 апреля 1789 г.

26 октября 1788 г., пробыв в пути 10 месяцев и преодолев 48 750 километров, «Баунти» бросил якорь в бухте Матаваи. Пребывание на Таити затянулось на 5 месяцев. То были блаженные дни. Необычная природа, мягкий климат, гостеприимные туземцы и любвеобильные

таитянки пленили моряков. В апреле 1789 г. корабль вышел в открытое море. Многие моряки покидали Таити с явным неудовольствием, и спустя три недели на «Баунти» вспыхнул мятеж. Судьба Блая решилась быстро: он и еще 18 человек, отказавшихся присоединиться к мятежу, были посажены в баркас и отпущены на все четыре стороны. Их ждала верная смерть...

Зная, что на родину им нет возврата, мятежники решили найти какой-нибудь уединенный, расположенный вдали от морских путей остров. Захватив с собой 12 женщин-таитянок и шестерых мужчин, они 22 сентября 1789 г. подняли паруса и ушли в открытое море...

Прошло полтора года. Утром 23 марта 1792 г. в бухте Матаваи бросил якорь военный корабль «Пандора», посланный британским Адмиралтейством на поиски «Баунти». На Таити англичане застали 14 членов экипажа мятежного корабля, которые все это время наслаждались мирной жизнью. Все они были арестованы. На обратном пути «Пандора» напоролась на скалу, погибли 35 членов экипажа и четверо арестантов, но остальные спаслись и были доставлены в Англию. Их судили, и лишь на суде мятежникам стало известно, что капитан Блай и его спутники остались живы! За 42 дня, умирая от жажды и голода, на утлом баркасе они прошли расстояние в 6700 километров и достигли острова Тимор, откуда благополучно вернулись в Англию. Это беспримерное плавание сделало Блая настоящим героем. Но куда исчез «Баунти» и главные виновники мятежа? Их так и не сумели найти...

...Покинув Таити, «Баунти» взял курс на юг и после двух месяцев странствий бросил якорь у берегов острова Питкэрн. Он лежал вдали от торговых путей, здесь не было удобных стоянок для судов, так что здесь их вряд ли могли найти! Девять белых моряков и 18 полинезийцев, мужчин и женщин, сошли на берег. Чтобы окончательно отрезать пути к отступлению, корабль было решено сжечь. Весь остров поделили на 9 участков – по числу европейцев. Таитянам земли не досталось. Всех женщин тоже забрали себе белые люди. Аборигены затаили злобу...

Выждав удобный момент, туземцы убили пять англичан. Четыре других моряка спаслись лишь чудом. Несколько дней они скрывались в горах, но им помогли женщины-таитянки: храня верность своим белым мужьям, они прикончили всех полинезийцев. Трое из четырех моряков

после этого прожили недолго. К 1799 г. на острове остался всего один мятежник – матрос Александр Смит, принявший имя Джон Адамс. С годами он превратился в почтенного патриарха, окруженного десятью женами и 25 детьми. Он учил детей грамоте и читал им вслух Библию, наказывая свято соблюдать евангельские заповеди. В этом почти райском состоянии его и застали моряки американского промыслового судна «Топаз», бросившего якорь у побережья Питкэрна 6 февраля 1808 г.

Мореплаватели-одиночки

Один через Атлантику

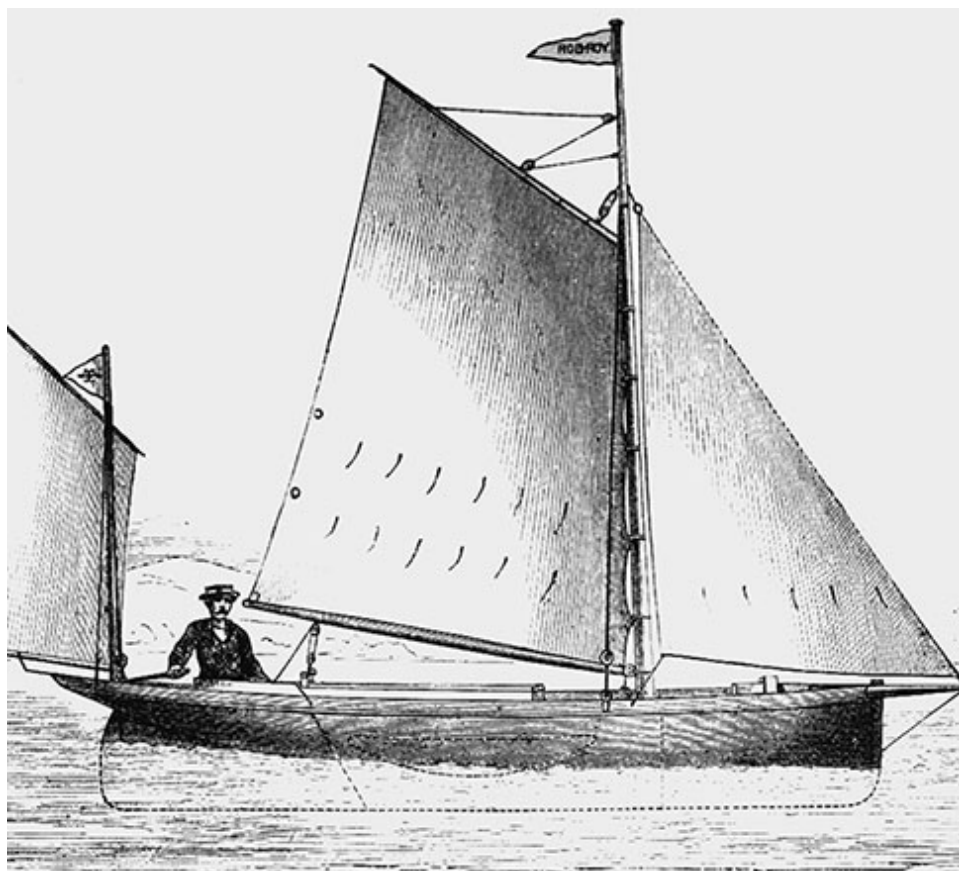
Свой дерзкий замысел в одиночку пересечь под парусом Атлантический океан Альфред Енсен – 27-летний датчанин, осевший в Новой Англии, – впервые обнародовал в декабре 1875 г. У Енсена, несмотря на относительную молодость, уже была репутация бесстрашного моряка, выходившего в океан в любую погоду. Местные рыбаки считали его способным на многое, но и они сочли, что мысль о плавании в одиночку через океан граничит с безумием.

Енсен, однако, сдаваться не собирался. Он приступил к постройке парусного бота-дори, которому дал имя «Сентенниэл» («Столетие») – в честь столетия независимости Соединенных Штатов. Бот был изготовлен из дуба и канадской сосны, длина его составляла 6 метров, ширина – 1,7 метра. Четырехметровая мачта несла гафельное вооружение с площадью парусов около 15 квадратных метров. Бот имел палубный настил, под которым размещались различные запасы и вещи, необходимые для плавания.

16 июня Енсен вышел из порта Глостер и направился на северо-восток. В Саг-Харборе, что на побережье Новой Шотландии, он окончательно завершил оснащение парусника и 25 июня 1876 г. вновь вышел в море, держа курс на восток. Ему предстояло пройти 2500 миль по просторам Атлантики. Енсен погрузил на «Сентенниэл» запас провианта и пресной воды на три месяца. Были при нем и компас, и секстант, и хронометр, и морские карты, и даже лаг, но в глубине души считал, что смог бы пересечь океан, полагаясь только на свой опыт и простые методы рыбацкой навигации.

Первая неделя плавания была невероятно тяжелой. Пять дней бот находился во власти жестокого шторма. Пять дней и ночей моряк провел без сна, с трудом удерживая парусник носом против волны. Лишь на шестые сутки ветер переменился и принял направление, благоприятное для плавания. Теперь «Сентенниэл» шел со скоростью до пяти узлов. Однако вскоре погода опять резко испортилась, один шквал следовал за другим. Однако «Сентенниэл» упрямо продвигался на восток. 7 июля, когда Енсен находился на $41^{\circ}50'$ с. ш. и $54^{\circ}00'$ з. д., его заметили с английского барка, следовавшего из Мексики в

Ливерпуль. Англичане предложили помощь, но мореплаватель отказался от нее.

Одинокое плавание в океане

Прошел месяц плавания в открытом океане. По мере приближения к Европе корабли стали встречаться все чаще. Теперь Енсону время ему приходилось постоянно быть начеку, особенно ночью, чтобы избежать столкновения с каким-либо кораблем – в те времена далеко не все суда были оснащены ходовыми огнями. Ранним утром 2 августа, на 39-й день плавания, когда Енсен находился в 300 милях от ирландского островка Клир-Айленд, внезапно налетел шторм. Первый же яростный порыв ветра сбросил Енсена за борт. Его спас страховочный конец, которым он привязал себя к мачте. Парусник лег на борт и зачерпнул немало воды. Откачав воду, измученный и промокший Енсен дождался окончания шторма, и когда океан, наконец, успокоился, моряк поставил уцелевшую мачту и паруса. Но во время шторма был потерян основной парус, весь запас пресной воды и продуктов.

7 августа к «Сентенниэлу» подошел американский двухмачтовый бриг «Альфредон», направлявшийся из Ливерпуля в Балтимор. На этот раз отважный мореплаватель скрепя сердце согласился пополнить свои запасы свежим хлебом и пресной водой.

9 августа «Сентенниэл» вошел в пролив Святого Георга. Корабли встречались на его пути так часто, что Енсен не мог позволить себе хотя бы на минуту сомкнуть глаза. После 46 дней борьбы с океаном моряк впервые сошел на берег в районе мыса Сент-Дейвидс. Отдохнув здесь два дня, он продолжил свой рейс до Ливерпуля и самостоятельно вошел в порт, отказавшись от услуг буксира и лоцмана. А спустя несколько недель Енсен вернулся в Глостер. Своим рейсом через океан он не только отметил столетие независимости Соединенных Штатов, но и открыл эру одиночных трансатлантических плаваний.

На грани жизни и смерти

30-летний Бернард Джилбой, американец ирландского происхождения, стал вторым после А. Енсена, кто решился совершить одиночное океанское плавание под парусом. Поскольку Атлантика была уже покорена, Джилбой обратил свой взор на Тихий океан...

Джилбой был опытным моряком, за плечами у него было почти 10 лет службы на торговых судах. План одиночного путешествия из Северной Америки в Австралию через весь Тихий океан без заходов в порты созрел у него в начале 1880-х гг. По расчетам путешественника, протяженность пути должна была составить 7 тысяч миль. «Пасифик», яхта Джилбоя, обладала хорошей остойчивостью и, имея небольшую осадку, развивала высокую скорость, особенно при полном ветре. Предполагая (как оказалось, излишне оптимистично), что весь рейс займет четыре месяца, Джилбой погрузил на борт лишь 250 килограммов продуктов и 600 литров воды.

18 августа 1882 г. «Пасифик» вышел из Сан-Франциско. Через две недели плавания яхта вошла в пассатную зону и под полными парусами быстро двинулась на юго-запад. Однако ветер не был достаточно силен, так что суточные переходы не превышали 80 миль. К середине октября Джилбой заметил, что его запасы продовольствия истощаются. Обеспокоенный моряк решил ограничить питание до двух раз в сутки. В начале ноября «Пасифик» пересек экватор. На 90-й день плавания «Пасифик» был замечен с борта проходящей шхуны. Шкипер пригласил Джилбоя к себе и снабдил продуктами, в том числе овощами. В этот день яхта находилась всего в 100 милях северо-западнее Маркизских островов, что подтверждало точность расчетов Джилбоя. Продвигаясь вместе с пассатным течением на запад, «Пасифик» в первых числах декабря подошел к островам Кука. Искушение сойти на берег после почти четырех месяцев, проведенных в море, было велико, но мореплавателю справился с соблазном.

13 декабря яхта пересекала 180-й меридиан. До Австралии осталось 1,5 тысячи миль. Джилбой планировал преодолеть этот путь за месяц, но действительность спутала его планы. Подгоняемый пассатом, «Пасифик» шел с хорошей скоростью, но внезапно шальная волна развернула парусник, а другая волна тут же опрокинула его. С

невероятным усилием моряку удалось взобраться на судно и вернуть его в нормальное положение. Всю ночь Джилбой вычерпывал воду, а с наступлением рассвета перед ним открылась печальная картина: как оказалось, в результате аварии «Пасифик» потерял грот-мачту с парусом, руль, компас, хронометр... Джилбой лишился значительной части провианта, оставшиеся продукты были подмочены и залиты керосином.

Моряк стойко встретил этот удар судьбы. Руль он заменил уцелевшим веслом, бизань переставил на место грот-мачты, кое-что подлатал и продолжил плавание на запад. Но через два дня корпус яхты был пробит меч-рыбой...

Джилбой с трудом боролся с течью, постоянно откачивая воду. «Пасифик» миновал Фиджи и Новую Каледонию, идя в пределах видимости этих островов, но встречные ветры не позволили яхте, практически лишенной управления, приблизиться к берегу... Силы уже начали покидать моряка. Вконец измученный, лишенный способности управлять лодкой, Джилбой находился на грани голодной смерти. 29 января 1883 г. он, размахивая флагом и стреляя из револьвера, сумел привлечь к себе внимание проходившей мимо шхуны «Альфред Виттери». До побережья Австралии оставалось всего 40 миль, но продолжать плавание Джилбой был уже не в силах. За 164 дня плавания он прошел свыше 6,5 тысячи миль...

Шхуна доставила путешественника в порт, где его сразу отправили в госпиталь: путешественник находился в состоянии сильного физического и нервного истощения (за время рейса Джилбой потерял в весе 13 кг). Много дней ему пришлось провести на больничной койке.

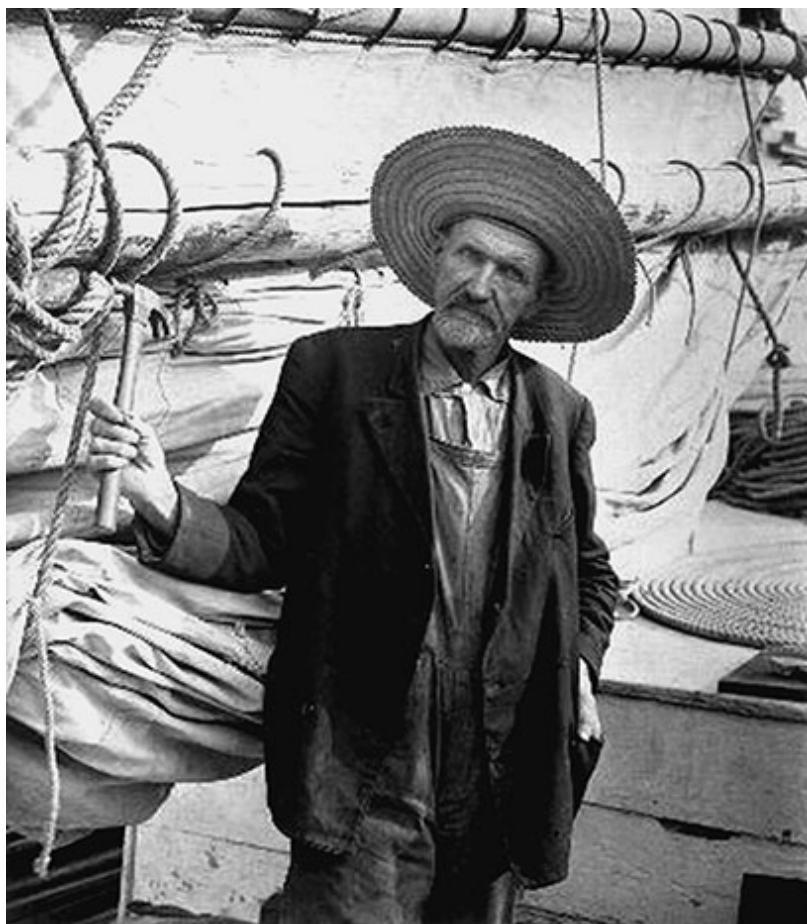
Бернард Джилбой на своем «Пасифике»

После выздоровления Джилбой вернулся в Сан-Франциско. В море он уже больше не выходил, проработав остаток жизни простым вагоновожатым трамвая.

Кругосветное плавание Джошуа Слокама

Начав службу простым матросом, Джошуа Слокам упорно стремился к вершинам, пока не стал капитаном дальнего плавания. В течение многих лет он плавал на крупных парусных кораблях. Выйдя в отставку, Слокам не мог расстаться с морем: купив отслуживший свой срок парусный шлюп, он капитально отремонтировал его, буквально перебрал по шпангоуту, и вновь спустил на воду, дав шлюпу наименование «Спрей» («Брызги»). Именно на нем Слокам задумал отправиться в фантастическое путешествие: в одиночку обогнуть весь земной шар...

7 мая 1895 г. Слокам вышел в море из порта Глостер. Полтора месяца «Спрей» совершал каботажное плавание вдоль побережья североамериканского материка, а 2 июля покинул Ярмут – последний порт на американском берегу – и двинулся на восток.

Отважный Джошуа Слокам на фоне яхты «Спрей»

После месячного плавания парусник попал в штилевую зону близ экватора, но потом пробился в район юго-восточного пассата. У берегов Бразилии судно Слокама попало в серьезную переделку: яхта слишком близко подошла к побережью и ночью села на мель. Пытаясь на крохотной корабельной шлюпке завести якорь, путешественник оказался на краю гибели: захлестнутая водой, шлюпка перевернулась. Слокам был отличным моряком, но плавать не умел, что было в порядке вещей в те времена. С помощью местных жителей ему все же удалось перетащить яхту на глубокую воду и двинуться дальше на юг.

Обогнув мыс Горн, «Спрей» оказался в Тихом океане. Вскоре на горизонте выросли вершины островов Хуан-Фернандес, и на следующий день его уже встречали жители этого затерянного в океане клочка суши... В Мельбурне (Австралия) Слокам в целях пополнения своей изрядно оскудевшей кассы позволил многочисленным желающим осматривать свое судно за 6 пенсов с каждого посетителя. На острове

Маврикий Слокам задержался на три дня. Еще более продолжительную остановку он сделал в Кейптауне: поскольку в районе мыса Доброй Надежды свирепствовали зимние штормы, путешественник не спешил с отплытием, посвятив немало времени знакомству с городом и чтению лекций. 27 июня 1898 г. «Спрей» наконец достиг американского побережья. Так закончилось первое в истории одиночное кругосветное плавание. Оно заняло 3 года, 2 месяца и 2 дня. Во время рейса за исключением желудочных колик, 50-летний моряк не жаловался на здоровье, прибавил полкило в весе, а по возвращении домой друзья нашли его даже помолодевшим. Рейс «Спрея» принес ему широкую известность и признание. Во многом этому способствовала и его книга. Но вскоре великий мореплаватель вновь, уже в возрасте 65 лет, поднял паруса «Спрея». Никто не знает точно, каковы были его намерения. Последний человек, повстречавший яхту Слокама, на вопрос, куда он плывет, получил ответ: «Далеко». С тех пор его больше никто не видел...

Через Атлантический океан... без пальцев

Американец Говард Блэкберн дважды сумел доказать, что Атлантический океан можно пересечь даже в том случае, если руки лишены пальцев. С 13 лет он плавал по Атлантике и Тихому океану. Жизнь не баловала его, и он привык переносить трудности. Зимой 1883 г. Блэкберн, в то время занимавшийся промыслом палтуса у побережья Ньюфаундленда, попал вдвоем с товарищем в опасную переделку: оказавшись зимой в открытом бурном море, они пять дней и ночей шли на веслах, преодолев более 50 миль. Его напарник умер от холода и истощения, сам Блэкберн отморозил руки. Его железный организм вынес чудовищное испытание, но за это пришлось заплатить потерей пальцев обеих рук, пяти пальцев ноги и пятки. В родном городе Глостере моряка встречали как героя. Но горячий темперамент не позволил Блэкберну долго оставаться на одном месте. Вскоре он вместе с группой золотоискателей отправился на Аляску. Вернулся на костылях, не добыв ни грамма золота... А затем, полный веры в свои силы, загорелся мыслью о плавании в одиночку по маршруту от Глостера на Североамериканском континенте до Глостера на побережье Великобритании.

Утром 18 июня 1899 г. Блэкберн на паруснике «Грейт Вестерн» вышел в море. У него были запасы продовольствия на 100 дней пути, 250 литров пресной воды, спиртные напитки и табак, комплект морских навигационных карт и компас. Несмотря на тяжелое увечье, моряку удавалось в одиночку управлять судном. Вместо румпеля было установлено рулевое колесо. Шкоты и фалы он выбирал, обвивая их вокруг локтей или, если они были под большой нагрузкой, вокруг туловища. А в случае необходимости даже помогал себе зубами.

Говард Блэкберн за штурвалом. Работа неизвестного художника

На второй день после выхода в море у моряка началась горячка, Блэкберн слег. Однако умеренный западный ветер медленно, но постоянно и верно нес «Грейт Вестерн» по волнам вперед. Боли постепенно утихли, возвратились силы и вера в достижение цели. Ухудшение погоды парусник переносил легко, что доказывало его отличную мореходность и незаурядные способности шкипера. Утром 16 августа прямо по курсу моряк заметил очертания островов Силли – форпоста британского полуострова Корнуэлл. К вечеру следующего дня «Грейт Вестерн» вошел в Бристольский залив. После 62-дневного плавания Блэкберна приветствовали тысячи жителей Глостера, городские власти устроили в его честь прием. Спустя несколько лет Блэкберн совершил свое второе путешествие через Атлантику на паруснике «Грейт Рипаблик» от Глостера (США) до Лиссабона.

Пешком вокруг света

Утром 27 сентября 1898 г. улицы Риги были необычайно оживлены: горожане встречали своего соотечественника Константина Ренгартена, завершавшего кругосветное пешее путешествие...

Ренгартен с молодых лет мечтал совершить кругосветное плавание. Однако врачи были единодушны: с его здоровьем и думать нечего стать моряком. Вот тогда и родилась мысль обойти планету пешком.

На подготовку к путешествию ушло 10 лет. 15 августа 1894 г. Ренгартен отправляется в небывалый путь. Вместе с ним вызвался идти Николай Грейнерт. За 8 дней они рассчитывали дойти до Двинска (Даугавпилс). Далее путь лежал на Витебск, Смоленск, Орел, Ростов-на-Дону, в декабре путешественники надеялись достичь персидской границы. Но в их планы внесла свои коррективы природа. На Украине начались затяжные дожди, и в Харькове Грейнерт оставил своего товарища. В одиночку Ренгартен проходит через Кавказ и у подножия Арарата пересекает границу Российской империи. 71 день пути по Персии проходил «при самых тяжелых условиях». Сильные холода сменились почти 50-градусной жарой. А где только не приходится ночевать – в сараях, хлевах...

Снова перейдя русскую границу, Ренгартен через пустыни и оазисы Туркестана направляется в Томск. От Байкала он поворачивает на юг, намереваясь пересечь «самую дикую страну Азии» – пустыню Гоби. 36 дней, проведенных в пустыне, кажутся ему «одною темною безотрадною ночью». На полпути умер мул, который тащил запасы провизии. Пришлось искать пропитание у кочевников, не знающих ни хлеба, ни соли.

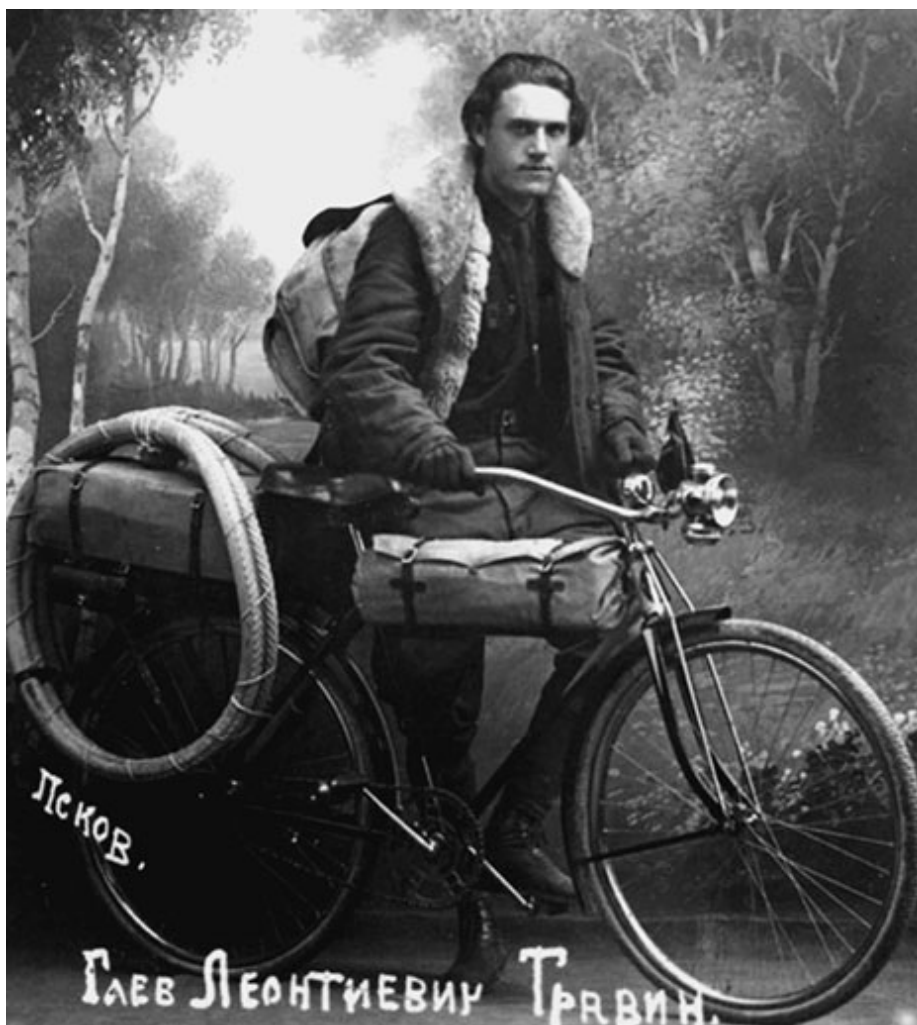
Первый китайский город, лежавший на пути путешественника, – Калган (Чжанцзякоу). Дойдя до берегов океана, Ренгартен пароходом направляется в Японию, которую он обходит за четыре месяца. Затем переход через Тихий океан – и он в Сиэтле. Странствия по Соединенным Штатам заняли около двух лет. Пешеход посетил Сан-Франциско, город мормонов Солт-Лейк-Сити, Канзас-Сити, Чикаго, Буффало, Нью-Йорк... В Европу Ренгартена доставляет пароход «Ля-Бургонь».

Сойдя с борта корабля в Гавре, Ренгартен идет на запад, в Бретань, и от самой западной точки Франции направляется на восток. Позади остаются Париж, Верден, Мец. В Германии его путешествие становится сенсацией: сочувственные статьи, масса слушателей на его лекциях в Штутгарте, Мюнхене, Дрездене, Берлине... На русской границе в честь Ренгартена воздвигнута триумфальная арка, дети встречают его цветами. Жители Либавы (Лиепая), Митавы (Елгава) выходили встречать путешественника далеко за черту города. И вот, наконец, триумфальное возвращение в Ригу... За 4 года 1 месяц и 12 дней Ренгартен прошел 26 877 километров.

На «железном олене» через вечную мерзлоту

Беспрецедентный, поистине героический поход, совершенный в 1928–1931 гг. велосипедистом Глебом Травиным, занимает особое место в истории путешествий.

Идея отправиться в далекий путь на велосипеде родилась у Травина после того, как в мае 1923 г. в его родном Пскове побывал голландец Адольф де Грут, совершавший велопробег по маршруту Антверпен – Германия – Скандинавские страны – СССР – Персия – Северная Африка – Испания – Франция – Антверпен. Увлечшись велоспортом, Травин приобрел подержанную машину и, исколесив на ней окрестности Пскова, начал подумывать о дальнем походе. За границу, понятное дело, его не выпустили бы. Но что, если... проехать на велосипеде по всему периметру сухопутных и морских границ Советского Союза?

Глеб Травин и его велосипед

Реализовать этот план Травину было суждено лишь спустя несколько лет. Наконец, 10 октября 1928 г. он отправляется на пароходе во Владивосток, откуда начинает свое легендарное путешествие. Невероятные трудности ждали его на пути: холода Сибири, которую он преодолел зимой 1928–1929 гг., жара Средней Азии, жестокая пурга и полярная ночь арктического побережья...

Он не искал ни славы, ни личных выгод – за все время путешествия Травина ни в одной газете не было сообщения о его спортивном подвиге. Нет, только ради познания самого себя, ради желания увидеть мир во всем его разнообразии он отправился в это беспрецедентное путешествие. Совершить его мог только очень организованный человек, стремящийся преодолеть невозможное. Распорядок дня оставался неизменным все три года путешествия: 8—

12 часов хода каждые сутки, прием пищи два раза – утром и вечером. Этот строгий режим неукоснительно соблюдался даже на севере.

В тайге, Арктике, в пустыне он не раз попадал в экстремальные ситуации. Со многими обстоятельствами ему приходилось сталкиваться впервые. Долгое время преследовал его ужас от встречи с коброй в Средней Азии: «Ноги нажимали на педали изо всех сил, а мне казалось, что велосипед прирос к земле...»

Недалеко от побережья Новой Земли Травин ночью вмерз в лед: из трещины выступила вода и замерзла вместе со снегом, который укрывал спящего велосипедиста. В Большеземельской тундре на него напал песец. На Таймырском полуострове, переезжая в октябре 1930 г. реку Пяси́ну, Травин провалился под лед, и только большая физическая сила и воля к жизни помогли ему выбраться из полыньи и доползти до берега. Но все эти препятствия, риск на пределе человеческих возможностей не заставили Травина отступить от цели.

На всем маршруте путешествия Травин встречался с жителями разных городов и поселков, охотниками севера, с командами кораблей «Ленин», «Володарский», «Малыгин», работавшими в морях Северного Ледовитого океана. Он рассказывал им о своем путешествии, популяризировал велотуризм. 6 июля 1931 г. Травин достиг крайней восточной точки Советского Союза – мыса Дежнева, а 3 октября закончил свой маршрут в бухте Провидения, откуда на пароходе отправился в Петропавловск-Камчатский.

В одиночку по Южным морям

Эрвин Вебер, польский мореплаватель-одиночка, прославился прежде всего своим путешествием через Тихий океан, совершенным в 1930-х гг. А началось все в марте 1933 г., когда Вебер, отправившийся в Полинезию на борту пассажирского судна в поисках выгодной работы, высадился на Таити. Красота острова очаровала его, однако рассказы о процветании в далеких колониях оказались не более чем слухами. Пришлось перебиваться случайными заработками. Именно в это время Вебер, практически лишившийся средств, задумывает построить собственную яхту и отправиться в одиночное плавание по океану. Решающую роль сыграла его встреча с французским путешественником Алленом Жербо, как раз в это время прибывшим на Таити на своей яхте. Замыслы Вебера обрели плоть и кровь, когда он увидел выставленную для продажи небольшую, но прочную яхту. Он отказался от первоначального плана постройки судна и, воспользовавшись денежной поддержкой родителей, купил эту яхту, назвав ее «Фарис» («Смелчак»). Несколько переделав ее и приспособив для нужд океанского плавания, 29 февраля 1936 г. Вебер покинул Папэте, подняв на мачте «Фариса» польский флаг. Целью его путешествия было посещение возможно большего числа островов южной части Тихого океана.

Первый этап пути к острову Хуахине составлял менее 100 миль, и «Фарис» прошел его за два дня без особых приключений. После двухдневной стоянки здесь мореплаватель отправился в дальнейший путь. Через острова Раиатеа и Тахаа он дошел до атолла Бора-Бора, пережив по пути несколько грозных шквалов. 21 марта «Фарис» снова вышел в море. Теперь целью Вебера были находящиеся в 500 милях острова Кука. На этом этапе и яхта, и мореход подверглись первым серьезным испытаниям: шторм довольно жестоко потрепал судно. Спустя неделю после выхода из Бора-Бора «Фарис» миновал островок Митиаро, форпост архипелага Кука, и 3 апреля, после 13 дней плавания, бросил якорь у острова Раротонга. Здесь Вебер задержался надолго: ремонт яхты, а попутно и знакомство с жизнью полинезийцев заняли у него четыре месяца. 31 июля, запасшись радиоприемником, позволявшим принимать сигналы точного времени, Вебер направляется

к атоллу Палмерстон. Путь в 300 миль занял 10 дней. Причиной задержки стал шторм, во время которого «Фарис» держался на плавучем якорю. На Палмерстоне завершился первый этап путешествий польского моряка-одиночки по Тихому океану. За 25 дней он проплыл около 1000 миль.

20 августа «Фарис» двинулся к расположенным в 500 милях островам Самоа. Теперь Вебер был уже не один: с ним на борту находился Джимми – сын местного вождя. Яхта, подгоняемая пассатом, быстро достигла Восточного Самоа. Затем через острова Тонга и Фиджи Вебер пошел к Новой Зеландии. После тяжелого перехода в сложных погодных условиях «Фарис» достиг Окленда, за 22 дня преодолев 1200 миль.

В начале мая 1938 г. Вебер снова вышел в одиночку в океан. На этот раз «Фарис» взял курс на острова Тонга. Держа курс на северо-восток, моряк за 10 дней прошел 500 миль. Однако в ночь 18 мая налетел шторм. Ветер усиливался, вспенивая огромные волны. Во время сильной качки разбился хронометр, моряк лишился возможности определять свое местоположение. Измученный Вебер решил вернуться в Новую Зеландию. Идя навстречу ветрам, не раз переходившим в шторм, «Фарис» возвратился в Окленд.

Навстречу рекорду

Людвиг Шлимбах с детства мечтал о море. В первое свое плавание он отправился в 16 лет, в дальнейшем много плавал на парусных судах и совершил несколько кругосветных путешествий. Выйдя в отставку, 60-летний Шлимбах занялся парусным спортом. На небольших яхтах несколько раз пересекал Атлантический океан и однажды загорелся мечтой пересечь океан в одиночку и при этом установить рекорд скорости.

19 июня 1937 г. на небольшой яхте «Стортебеккер III» – 10,2 метра в длину, 2,6 метра в ширину – Шлимбах вышел из Лиссабона и взял курс на запад. Через неделю, когда было пройдено 750 миль, погода начала портиться, резко усилился ветер. Несмотря на сильную качку, яхта упорно шла запад. Однако затем началась полоса штиля. «Стортебеккер III» едва продвигался на несколько миль в сутки. 30 июня в густом тумане Шлимбах заметил силуэт острова Сан-Мигель и поспешил пристать к берегу. В тот же день после полудня он снова отправился в путь, взяв курс на Нью-Йорк. Свежий ветер наполнял паруса, море было довольно беспокойным. 11 июля выпал первый за время рейса дождь. Правда, моряк не испытывал необходимости в воде, поскольку предусмотрительно взял на борт резервный запас.

На яхте во время шторма

По-прежнему сильно штормило. 15 июля сила ветра превысила 8 баллов, моряку подолгу приходилось возиться со снастями. Но на другой день неожиданно опять наступил штиль, и яхта почти неподвижно застыла среди океанского простора...

Резкие колебания погоды сопровождали Шлимбаха на протяжении почти всего плавания: штили сменялись штормовыми ветрами, достигавшими 8–9 баллов, что вынуждало постоянно работать с парусами. И все же «Стортебеккер III» упорно продвигался вперед. 6 августа яхта миновала Бермудские острова. До Нью-Йорка оставалось 670 миль. Шлимбах знал, что из-за штилей его рейс затянулся и что близится период ураганов. Поэтому, неустанно маневрируя парусами, стремился использовать любой порыв ветра.

15 августа на борту яхты Шлимбах заметил яркую бабочку – предвестницу близкой суши. В тот же день пришлось пережить самое значительное за весь рейс приключение: неожиданно «Стортебеккер III» сильно начал раскачиваться, и рядом с яхтой вынырнул огромный кит, который, впрочем, быстро удалился, не причинив судну ни малейшего вреда...

17 августа, последний день плавания, выдался дождливым и ветреным. Сквозь грозу, в порывах сильного ветра и потоках проливного дождя яхта приближалась к американскому берегу, показались плавучие маяки Скотленд и Амброз. Утром следующего дня Шлимбах завершил свой рейс. За кормой его яхты остались 3,5 тысячи миль, пройденные за 58 дней.

На плоту через Тихий океан

Трудно перечислить все профессии, которыми владел Уильям Уиллис: он охотился на Аляске, был лесорубом, фельдшером, строителем, докером, дорожным мастером и даже автором нескольких сборников стихов... С детства он сроднился с морем и уже в 15 лет принял участие в океанском плавании на паруснике. Позже, вдохновленный рейсом Тура Хейердала на «Кон-Тики», Уиллис загорелся мечтой также совершить плавание на плоту через океан, причем не ради приключений и рекордов, а в качестве эксперимента. Он надеялся, что приобретенные им в этом плавании опыт и наблюдения смогут пригодиться при разработке рекомендаций для потерпевших кораблекрушение. Свое путешествие Уиллис твердо решил предпринять в одиночку (многие сочли это полным безрассудством, ведь путешественнику к тому времени уже исполнилось 60 лет!).

Уиллис отправился в Эквадор. Здесь он построил 10-метровый плот из семи огромных стволов бальсового дерева, дав ему имя «Семь сестричек»; пробный выход в море показал хорошие мореходные качества плота.

Своим конечным пунктом Уиллис избрал не Австралию, как намечал первоначально, а острова Самоа. Старт плаванию был дан 22 июня 1954 г. из перуанского порта Кальяо. Плот вывели в океан на буксире, после чего Уиллис остался один. Впереди лежали 6 тысяч миль пути.

Уильям Уиллис готовит свой плот к плаванию

Первые дни оказались самыми тяжелыми. Все силы Уиллиса уходили на борьбу с океаном и освоение премудрости управления бальсовым плотом. В эти дни моряк почти не спал и не ел. Он произвел множество улучшений в такелаже, и, наконец, ему удалось вырваться из плена Перуанского течения, увлекавшего его на север. Спустя месяц произошел случай, который едва не поставил точку в его путешествии: во время ловли рыбы Уиллис поскользнулся на мокрой палубе и упал в воду. А между тем все последние дни его плот сопровождала огромная акула... Оказавшийся в воде Уиллис хорошо запомнил ее оскаленную пасть. К счастью, моряк успел ухватиться за леску, привязанную к бальсовому стволу, и подтянуться к плоту.

Для связи с миром у путешественника имелась рация. На протяжении всего путешествия она работала безотказно, однако, как потом выяснилось, ни одно из его сообщений принято не было, так что Уиллиса сочли пропавшим. Еще через какое-то время моряк сделал

тревожное открытие: бидоны с пресной водой были почти пусты. Очевидно, соленая вода разъела жесть. Положение не было полностью трагическим: воды оставалось еще 15 литров, и в крайнем случае Уиллис мог рассчитывать на дождевую воду или на высадку на каком-нибудь из промежуточных островов. Но путешественник ясно осознавал весь драматизм ситуации: что он увидит раньше – желанные острова Самоа или пустое дно банки с пресной водой?

Уиллис начинает пить морскую воду и ловит каждый порыв пассата, приближающего его к суше... 14 октября он отправляет в эфир последнее сообщение (оно также не было услышано) и начинает переносить в спасательную шлюпку наиболее ценные вещи, намереваясь покинуть тяжелый громоздкий плот и идти к берегам Самоа на веслах. Но неожиданно на горизонте показалось патрульное судно... На следующий день плот был отбуксирован в Паго-Паго, столицу Восточного Самоа, где моряку была оказана восторженная встреча. Под овации островитян Уиллис сошел на берег, проведя в море 115 дней. За это время его плот прошел 6700 миль.

Ален Бомбар: за бортом по доброй воле

Еще во время учебы на медицинском факультете Ален Бомбар заинтересовался проблемами выживания в экстремальных условиях. В плавание Бомбар отправился, чтобы на собственном опыте доказать, что человек: не утонет, пользуясь надувным плотом; не умрет от голода и не заболит цингой, если будет питаться планктоном и сырой рыбой; не умрет от жажды, если будет пить выжатый из рыбы сок и в течение 5–6 дней – морскую воду.

В свое одиночное плавание Бомбар вышел в 1952 г. Свою лодку он гордо назвал «Еретик». Это была резиновая плоскодонка длиной 4,65 метра и шириной 1,9 метра, с деревянной кормой и легким деревянным настилом на дне. Ветер надувал четырехугольный парус размерами 1,5 × 2 метра. Выдвижные кили, весла, мачта, тали и прочее оснащение – все было предельно простым.

В первую же ночь, недалеко от канарского берега, Бомбар попал в шторм. На резиновой лодке активно сопротивляться волнам при всем желании было невозможно. Можно было только вычерпывать воду. Черпак взять с собой он не догадался, поэтому использовал шляпу; быстро обессилел, потерял сознание и очнулся... в воде. Лодка полностью наполнилась водой, на поверхности остались лишь резиновые поплавки. Бомбар вычерпывал эту воду два часа: каждый раз новая вода сводила на нет всю его работу.

Ален Бомбар

Едва шторм утих, случилась новая беда – лопнул парус. Бомбар заменил его запасным, но через полчаса налетевший шквал сорвал этот новый парус и унес куда-то за горизонт. Пришлось Бомбару зашивать старый, да так и идти под ним все оставшиеся 60 дней.

Ни удочек, ни сетей он с собой не взял, а решил сделать из подручных средств, как и положено потерпевшему кораблекрушение. Привязал к концу весла нож, загнул кончик – получился гарпун. Когда он загарпунил первую дораду, то добыл и первые рыболовные крючки, которые сделал из рыбьих костей.

Несмотря на предупреждения биологов, Бомбар обнаружил, что в открытом океане очень много рыбы, причем все ее виды, в отличие от прибрежных, съедобны в сыром виде. Ловил Бомбар и птиц, которых тоже ел сырыми. Ел и планктон, считая его верным средством от цинги. Около недели пил морскую воду, а все остальное время – выжатый из рыбы сок. Если поблизости не было акул, Бомбар купался, но купание не помогало избавиться от многочисленных гнойников на теле. От воды

и постоянно влажной одежды тело зудело, кожа разбухла и отваливалась лентами.

Наконец Бомбар подошел к берегам Барбадоса. В конце плавания он стал случайным свидетелем трагедии – на его глазах рыбацкий баркас вместе с пятью рыбаками был потоплен гигантской прибойной волной. Океан словно показал путешественнику, что отпустил его, а мог бы и погубить... Бомбар понял, что вырвал свою жизнь у океана. И хотя он оказался за бортом по своей воле, он доказал, что любой потерпевший кораблекрушение может выжить два месяца без пищи и пресной воды.

В одиночку вокруг света

Новозеландец Фрэнсис Чичестер стал яхтсменом только в 52 года. Впрочем, всемирная слава пришла к нему гораздо раньше, когда он, в ту пору 30-летний, в 1931 г. осуществил первый в мире одиночный перелет на гидроплане из Новой Зеландии в Австралию, а затем из Новой Зеландии в Японию. В 1953 г. Чичестер отправился на яхте в Голландию и в последующие годы принял участие в двух десятках морских регат. В 1959 г. он принял участие в одиночных трансатлантических гонках и пришел к финишу первым. В океанской гонке 1962 г. Чичестер намеревался достичь Америки за 30 дней, но это ему не удалось – расчетный срок оказался превышенным на три дня. Зато в 1964 г. Чичестер выполнил свое намерение, пройдя путь от Плимута до Ньюпорта за 29 суток 23 часа 55 минут.

Следующих трансатлантических гонок нужно было ждать четыре года. Чичестер считал, что это слишком долго. Подготовка к новому плаванию длилась два года. Путешественник намеревался ни много ни мало как обойти на яхте вокруг света. Построенное для этой цели судно «Джипси-Мот IV» по размерам оказалось больше, чем того желал Чичестер: оно имело длину 16,18 метра, ширину 3,2 метра и осадку 2,37 метра, площадь комплекта парусов составляла 80 квадратных метров. Обслуживание столь большой яхты в одиночку было делом нелегким.

Старт «Джипси-Мот IV» состоялся в Плимуте 28 августа 1966 г. В конце первой недели плавания Чичестер достиг Мадейры. В последующие 12 недель он уже не видел суши. После 37 дней плавания через Атлантический океан на 25° ю. ш. Чичестер изменил курс на восточный и на 50-й день пути оказался в нескольких сотнях миль от мыса Доброй Надежды. Большая часть Индийского океана была уже позади, когда на яхте испортилось автоматическое рулевое устройство. Отремонтировать его было невозможно, и в последующие 27 дней Чичестеру удерживал яхту на курсе, приспособив для этой цели малый стаксель, соединив его шкоты с румпелем. Австралийское побережье мореплавателю увидел на 97-й день путешествия, но шторм в Бассовом проливе задержал его на целых 10 дней. Лишь 12 декабря 1966 г., через 107 дней плавания, Чичестер бросил якорь в порту Сиднея. За свой

подвиг он был произведен королевой Великобритании в рыцари, а яхта «Джипси-Мот IV» стала музейным экспонатом и стоит сегодня в сухом доке рядом со всемирно известным клипером «Катти Сарк» и флагманским кораблем Нельсона «Виктория».

Сегодня яхта «Джипси-Мот IV» нуждается в реставрации. Гринвич, Англия

Впрочем, Чичестер не остановился на достигнутом. Он построил яхту «Джипси-Мот V», чтобы отправиться еще в один одиночный рейс через Атлантику: от берегов Гвинеи-Бисау до порта Сан-Хуан-дель-Норте в Никарагуа. «Джипси-Мот V» была несколько больше своей

предшественницы: ее длина составляла 12,8 метра, парусность – 214 квадратных метров.

Чичестер покинул порт Бисау 14 января 1971 г. Условия плавания оказались очень трудными. Несмотря на все усилия и максимальное использование парусов и погодных условий, яхта вошла в порт Сан-Хуан-дель-Норте лишь в полночь 4 февраля 1971 г. Вместо предполагаемых 20 дней плавание длилось на 36 часов дольше. И все же это было прекрасным достижением 70-летнего яхтсмена-одиночки.

На всех полюсах мира

Путешественниками рождаются или становятся? Опыт выдающегося японского путешественника Наоми Уэмуры свидетельствует в пользу второго. В бытность студентом университета он являлся предметом насмешек: даже по туристской тропе на Фудзияму не мог подняться. Но вдруг в нем словно что-то пробудилось... Начались ежедневные тренировки духа, а затем не заставило себя ждать и тело. Прошло каких-то 6 лет, и Наоми Уэмура стал первым, кому удалось покорить высочайшие вершины – «полюса» – всех пяти континентов. В 1970 г. он в составе японской экспедиции поднялся на Эверест. Он в одиночку спустился на плоту по Амазонке, преодолев 6 тысяч километров. Путешествуя по Японии, за 52 дня прошел 3 тысячи километров. Затем отправился в Гренландию, долго жил с эскимосами, научился управляться с собачьей упряжкой, а потом в одиночку совершил 12 000-километровое путешествие вдоль побережья Гренландии, Канады и Аляски.

Наоми Уэмура на одном из полюсов земли

Поверив в свои силы, Уэмура рискнул в одиночку покорить Северный полюс. Он отправился в новое опасное путешествие 5 марта 1978 г. Путешественник намеревался достичь полюса в середине апреля, но путь оказался гораздо более труден, чем он предполагал. До желанной цели Уэмура добрался только 29 апреля. На обратном пути путешественник, по-прежнему в одиночку, пересек Гренландию с севера на юг. 22 августа 1978 г. он завершил свою одиссею, растянувшуюся почти на полгода.

Покорив Северный полюс, Уэмура обратил свой взор к Южному. Он намеревался пересечь ледниковый щит шестого континента – как обычно, на собачьей упряжке и в одиночку – и взойти на самую высокую вершину Антарктиды – пик Винсон (5140 м). Одним из этапов подготовки к этому масштабному путешествию должно было стать зимнее восхождение на Мак-Кинли, высочайшую гору Северной Америки (6194 м). Уэмура начал штурмовать ее 1 февраля 1984 г. и 12

февраля, в свой день рождения, достиг вершины. 13 февраля путешественник в последний раз вышел на связь, сообщил, что находится на высоте 5500 метров и через два дня собирается спуститься в базовый лагерь. Больше никаких известий о нем не было. В горах целую неделю бушевала пурга, только 20 февраля спасатели вышли на поиски. Тело Наоми Уэмуры так и не нашли – только дневник, оставленный им в пещере на высоте 4300 метров. Дневник заканчивался краткой записью: «Я собираюсь покорить Мак-Кинли...»

Через два полюса

2 марта 1994 г. 32-летний норвежский путешественник Борге Оусланд вышел в одиночный поход к Северному полюсу. О том, как что ему пришлось испытать во время этого путешествия, лучше всего дают представление строки из его дневника: «Вертолет высадил меня на острове Северная Земля. В самом северном уголке Азии, на забытом богом клочке... Расстояние до Северного полюса – 973 км... Я на лыжах, за спиной на тросике – сани, их вес – 125 кг. Запас еды на 68 дней... Крупные льдины напирают друг на друга, громоздятся десятиметровыми стенами. По много раз в день я перетаскиваю свои сани через такие преграды... Обхожу трещины. Опаснее, когда они слегка замерзают, покрываются тонким слоем льда. Если я провалюсь, меня могут спасти сани: они плавают в воде. Однако потом, чтобы высушить одежду над примусом, мне придется истратить весь запас бензина... Среди враждебного однообразия мельчайшее происшествие становится событием. Первый медвежий след. Полыньи и медведи опаснее всего. Револьвер держу наготове... Один только сигнал по рации, и меня на вертолете забрали бы отсюда – но тогда я жалел бы об этом весь остаток жизни... Уже три недели заклеиваю щеки и нос пластырем и надеваю сверху шерстяную маску – но холод все сильнее... 46-й день. Душевные силы сдают. Того и гляди, вернусь домой... 52-й день. Северный полюс! Не могу поверить, что я у цели. От радости у меня ныло сердце. Я сделал это!.. Я стал первым человеком, который в одиночку без поддержки добрался до Северного полюса».

Борге Оусланд

Борге Оусланд проделал свой поход на лыжах и без всякой внешней поддержки. На то, чтобы преодолеть расстояние от мыса Арктический в архипелаге Северная Земля до Северного полюса, ему потребовалось 52 дня. А спустя два года Оусланд отправился уже в Южное полушарие – в Антарктиду – и в одиночку прошел этот покрытый льдом континент от края и до края, покорив Южный полюс и установив несколько рекордов. Южного полюса он достиг за 35 суток, при температуре -56° . Для того чтобы облегчить себе задачу, Оусланд сконструировал парус, похожий на парашют, который запускал в воздух, когда ветер дул в попутную ему сторону, и парус тащил его за

собой с довольно большой скоростью. Всего же неутомимый норвежец за 64 дня одолел 2845 километров.

Путешественники поневоле

Спасительный плот

В ночь на 23 ноября 1942 г. германская подводная лодка U-172 торпедировала британское торговое судно «Бенломонд». Это произошло приблизительно в 750 милях к востоку от устья Амазонки. Из 54 членов экипажа и пассажиров в живых остался только Линь Пэн, стюард-китаец. Он успел надеть спасательный жилет и оказаться за бортом за несколько секунд до того, как на судне взорвались котлы и оно мгновенно пошло ко дну.

Спустя два часа после катастрофы Линь Пэну опять фантастически повезло: он увидел качавшийся на волнах спасательный плотик – один из тех, что находились на борту погибшего корабля. Вскользнув на него, моряк обнаружил, что весь положенный по штату неприкосновенный запас – несколько пачек сухарей, 40-литровая канистра с водой, шоколад, сахар, а также электрический фонарик, две дымовые шашки и несколько фальшфейеров – абсолютно цел. По четырем углам плотика были установлены штанги, на которые был натянут брезентовый навес, защищавший от солнца и отчасти от дождя. Линь Пэну он показался целым домом! Молодой китаец очень плохо плавал и во время шторма привязывал себя к плоту тросом, чтобы его не унесло в море...

Линь Пэн и его плавсредство

Продукты и вода из неприкосновенного запаса быстро подошли к концу. Лин Пэн собирал дождевую воду, используя брезентовый навес, и ловил рыбу, соорудив для этих целей из деталей электрического фонарика примитивный самолов. Ему даже удалось сделать небольшой запас вяленой рыбы, но налетевший шторм лишил моряка всех запасов и едва не погубил его самого. Только спустя несколько дней Линь Пэн сумел поймать случайную птицу. Голодный, страдающий от жажды, он жадно пил ее кровь.

Дважды он был в шаге от спасения: сперва поблизости прошло транспортное судно, потом в небе появилась эскадрилья американских патрульных самолетов. С самолетов тоже заметили Линь Пэна и даже сбросили ему сигнальный буй, но новый шторм отнес плот далеко от этого места. Еще один раз Линь Пэн увидел неподалеку немецкую подводную лодку, идущую в надводном положении. Немцы занимались пристрелкой пулеметов и не обратили на плотик никакого внимания.

5 апреля 1943 г. Линь Пэн обнаружил, что находится близ устья какой-то реки: он понял это по изменившемуся цвету воды. В этот же день его спасли бразильские рыбаки: как оказалось, плотик принесло в устье Амазонки. Линь Пэн провел в океане 133 дня.

Сорок девять дней на «Т-36»

В ночь на 17 января 1960 г. во время урагана сорвало с якоря самоходную баржу, стоявшую у одного из островов Курильской гряды. Штормом ее унесло в океан. На барже были четыре солдата: младший сержант Асхат Зиганшин, рядовые Филипп Поплавский, Анатолий Крючковский и Иван Федотов. 49 суток им пришлось дрейфовать в Тихом океане почти без воды и пищи...

Тот самый «Карсардж», взявший на борт советских моряков

Зиганшин, Крючковский, Поплавский и Федотов моряками не были, а занимались разгрузкой судов. Большие корабли не могли подойти близко к причалу из-за дна, усеянного камнями, поэтому все перегружали на баржи, а те уже доставляли грузы на берег. В тот день команде Зиганшина было приказано спустить баржу на воду – ожидали прибытия очередного транспорта.

Ночью подул шквалистый ветер. Он достигал 50 м/с. В считанные секунды поднялись огромные волны. Баржу оторвало от швартовочной мачты и швыряло по волнам, как щепку. Опасаясь, что судно выбросит на камни, Зиганшин распорядился запустить двигатель. Очередной шквал повредил рацию, связь с берегом прервалась. 13 часов экипаж баржи «Т-36» боролся со штормом, пока не кончилось горючее. Постепенно судно стало выносить в открытый океан. Волной смыло за борт бочонок с маслом для двигателя, ящики с углем для печки. Погас сигнальный огонь на мачте...

И вот они уже одни, среди студеных волн и непроглядной тьмы. Судно покрылось толстой коркой льда, одежда задубела на холоде. Зиганшин и Федотов стояли за рулем, подменяя друг друга. Поплавский и Крючковский боролись с водой, затопившей машинное отделение. По пояс в воде, в кромешной темноте они искали пробоину. А когда ее в конце концов удалось обнаружить и заделать, пришлось еще двое суток откачивать воду. Лишь на четвертые сутки дрейфа экипажу «Т-36» удалось немного поспать.

Потянулись томительные дни, наполненные тревогой. Они еще надеялись, что их все же прибьет к берегу, к какому-нибудь островку. Не сомневались они и в том, что их уже ищут...

Так оно и было на самом деле! Их искали. Но баржа «Т-36» вместе с экипажем бесследно исчезла. Солдаты не знали, что их судно, выйдя из холодного течения Оясио, было подхвачено одним из потоков теплого течения Куроисио, которое японские рыбаки не без основания называют «течением смерти». Редко кому удавалось вырваться из его плена.

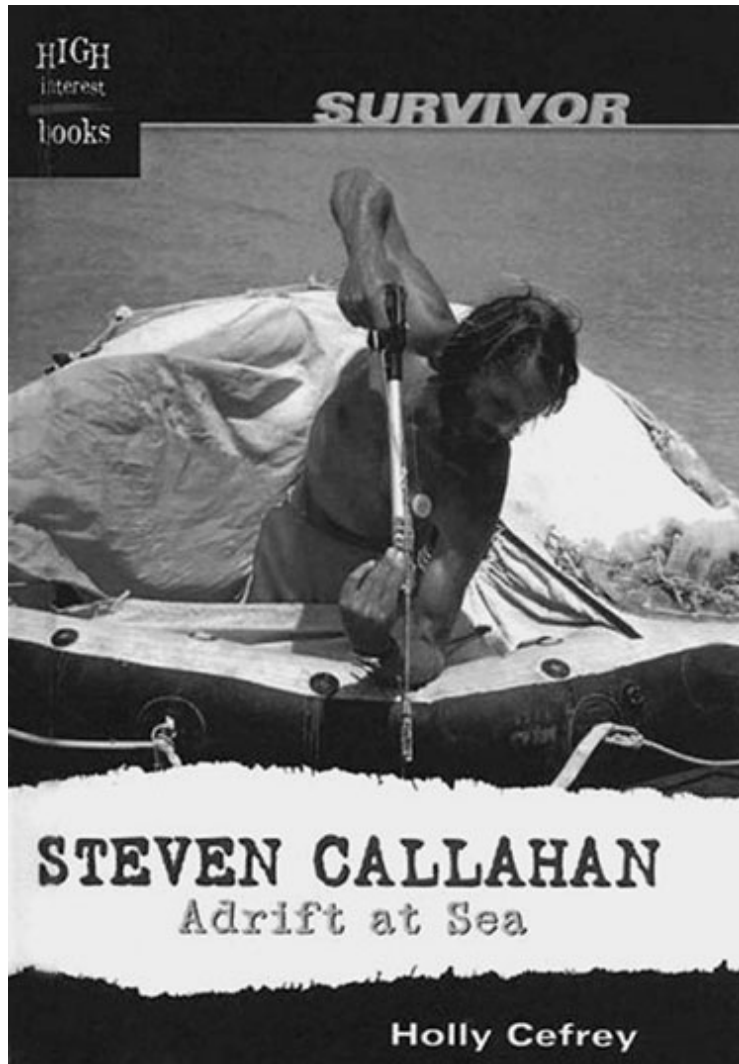
Запас продовольствия и воды на борту был мизерный: две банки консервов, банка жира, буханка хлеба, два ведра картошки и бачок с пресной водой на двое суток. Став путешественниками поневоле, они голодали, страдали от жажды. Когда кончилась пресная вода, пытались собирать дождевую. Мастерили из консервной банки блесны, из

гвоздей – рыболовные крючки, но рыба не ловилась. Кожа от сапог, ремни – все пошло в общий котел.

Три раза они видели вдалеке пароходы, но никто не заметил сигналов с баржи, терпящей бедствие. В последние дни начались галлюцинации. Слышалось, будто где-то рядом разговаривают люди, гудят машины... Помощь пришла лишь 7 марта. Моряки американского авианосца «Карсардж» сняли с баржи четырех истощенных советских солдат, проведенных в море 49 суток почти без пищи и воды.

Затерянный в океане

Старт трансатлантической гонки яхтсменов-одиночек, в январе 1982 г. отправившихся из Великобритании к острову Антигуа, не предвещал, казалось бы, ничего чрезвычайного. Но все же Стивену Каллахэну, одному из участников этой гонки, крупно не повезло: 4 февраля, уже миновав Канарские острова, его яхта «Наполеон Соло» потерпела крушение во время жестокого шторма. Между тем до ближайшей земли было около 450 миль. Трагедия произошла столь внезапно, а судно затонуло так быстро, что у американского яхтсмена даже не было времени подать сигнал SOS. Единственное, что он успел, – это спустить на воду надувной спасательный плотик. На этом крохотном плоту ему предстояло провести в океане два с лишним месяца...

Обложка авторской книги Стивена Каллахэна «В дрейфе: Семьдесят шесть дней в плену у моря»

Из имущества у него были навигационные карты, гарпунное ружье, несколько солнечных опреснителей воды и спальный мешок. За долгие 10 недель одиночного дрейфа Стивен пережил все: отчаяние, голод, жажду. «Временами хотелось разрыдаться, упасть на дно плотика и забыться – навсегда, – вспоминал он. – Но разум брал свое и требовал: не скули, не плачь, воспрянь духом, ты должен выжить».

Попав в зону Южного Пассатного течения, плот чрезвычайно медленно продвигался вперед. Океан нельзя было назвать совершенно пустынным: за все время дрейфа Каллахэн девять раз видел на горизонте корабли, однако никто так и не заметил маленький, прыгающий на волнах плотик. Однажды сильная волна опрокинула

плот, и Каллахэн чудом остался жив, в другой раз на него напала акула. Основной пищей моряку служили рыбы, которых он ел сырыми или слегка подвяленными на солнце. Солнечные опреснители первое время позволяли получать около полулитра пресной воды в сутки, удавалось также собирать дождевую воду...

На 75-й день дрейфа (это было 20 апреля 1982 г.) Каллахэн увидел на горизонте луч маяка. На утро следующего дня к югу от него открылся большой гористый остров, обильно покрытый зеленью. Как оказалось, это был остров Мари-Галант, расположенный у побережья Гваделупы: маленький спасательный плотик пересек весь Атлантический океан, пройдя около 1800 миль. Спустя пару часов Каллахэна подобрала рыбаки. Моряк был невероятно истощен, его тело покрывали многочисленные язвы... 76 дней Стивен Каллахэн провел один на один с океаном, поставив своего рода рекорд в истории противостояния человека и стихии.

Десятимесячный дрейф мексиканских рыбаков

28 октября 2005 г. три мексиканских рыбака – Сальвадор Ордоньес, Хесус Видана и Лусио Рендон – вышли в море из маленького прибрежного поселка Бока-дель-Асадеро на ловлю акул. В их распоряжении была лодка 8-метровой длины с подвесным мотором. Около полудня рыбакам удалось подсесть крупную акулу. Она потянула за собой лодку с невероятной силой. Увлечшись борьбой, рыбаки не заметили приближения шторма, а когда спохватились, было уже поздно. Буря бушевала более суток. Когда, наконец, утром третьего дня над океаном вошло солнце, рыбаки поняли, что потеряли всякую ориентацию: кругом простиралась безбрежная водная гладь. Кроме того, они израсходовали весь бензин, и теперь у них оставались только весла...

Три спасенных мексиканских моряка

Течение увлекало их все дальше в океан. День проходил за днем. Люди пытались ловить рыбу, но удача сопутствовала им не всегда; однажды им пришлось голодать 15 дней подряд. Пойманную рыбу ели сырой; сырой съели и пойманную чайку. Дождевую воду собирали брезентом и пили ее понемногу – тоже не каждый день. Несколько раз рыбаки видели проходящие вдали суда, кричали им, махали руками, но их так и не заметили. Только на 271-й день дрейфа рыбаков спас тайваньский траулер. Это произошло в районе Маршалловых островов, в 8000 километров от побережья Мексики. Рыбаки были страшно удивлены: им-то казалось, что они находятся где-то поблизости от родных берегов. Счет времени они тоже давно потеряли, по их мнению, они пробыли в море около 3 месяцев. Все трое пострадали от солнечных ожогов, но в целом их здоровье оказалось удовлетворительным. Дома их уже не ждали: все были уверены, что рыбаки погибли...

Точки экстрима

Подводная одиссея Жака-Ива Кусто

Знаменитый французский исследователь подводного мира Жак-Ив Кусто был пионером во многих областях. Еще до войны Кусто изобрел очки для подводного плавания. Это открытие вдохновило его. А что, если создать аппарат, с помощью которого можно находиться под водой длительное время, без всякой связи с поверхностью? Так рождается на свет первый прототип «кислородного устройства». «Погружение на 25 футов с кислородным аппаратом было самым безмятежным ощущением из всех, которые я испытал в воде. В безмолвии и одиночестве, словно загипнотизированный, я был принят морем», – вспоминал Кусто. Однако на глубине 13,7 метра у Кусто начались судороги. Он сбросил пояс с грузом и потерял сознание. К счастью, его бездыханное тело всплыло на поверхность и Кусто спасли. После этого в течение нескольких недель у него болели шейные мускулы. Это не остановило его – Кусто предпринял новую попытку, но, увы, с тем же финалом.

Жак-Ив Кусто

Во время войны, в 1942 г., Кусто совместно с инженером Эмилем Ганьяном осуществил свою давнюю мечту: изобрел акваланг, легкоодолазный дыхательный аппарат, который дает ныряльщикам долгое время оставаться под водой. После войны Кусто основал и возглавил группу по подводным исследованиям. В 1950 г. он купил списанный британский миноносец «Калипсо», переоборудовал его в плавучую исследовательскую лабораторию и начал свою ныне знаменитую одиссею. Если другие мореплаватели открывали в основном поверхность океана, то Кусто открыл его глубины. На

«Калипсо» Кусто и его команда не раз совершали кругосветные путешествия, исследовали морскую флору и фауну, делали уникальные киносъёмки и фотографии.

В начале 1950-х гг. на Красное море Кусто снял на глубине 150 футов первый подводный цветной фильм. Зрителей потрясли сцены свободного плавания под водой, общения с безмолвными и таинственными обитателями глубин.

Увлечение Кусто подводным плаванием и исследованиями океанских глубин натолкнуло его и на другие открытия: он изобрел «подводное блюдо» – маленькую, маневренную подводную лодку, несколько видов видеокамер для подводной съёмки. В начале 1960-х гг. Кусто провел ряд исследований континентального шельфа в подводных лабораториях. Во время экспериментов, носивших название «Коншельф», люди продолжительное время жили и работали под водой, на большой глубине.

В 1957 г. Жак-Ив Кусто стал директором знаменитого Океанографического музея Монако. Его фильмы на протяжении многих лет смотрели люди всего мира. Лицо этого худого загорелого старика стало столь же знакомым, как лица самых знаменитых политиков и поп-звезд.

Вокруг света на грузовике

Иржи Ганзелка и Мирослав Зикмунд, два чехословацких инженера, познакомились еще до войны – в 1938 г. Уже во время своей первой встречи они заговорили о далеких путешествиях – как оказалось, оба мечтали совершить плавание вокруг света под парусом. Однако планам этим помешала осуществиться война. Только после войны Ганзелка и Зикмунд смогли осуществить свой замысел, отправившись в кругосветное путешествие, причем, не на паруснике, а на... грузовике.

Мирослав Зикмунд (слева) и Иржи Ганзелка

Стартовав в 1947 г. из Праги на грузовом автомобиле «Татра», они рассчитывали не только продемонстрировать всему миру высокие технические возможности чехословацких автомобилей и организовать

их сбыт за рубежом. Они стремились «смотреть на мир глазами своих читателей и слушателей и рассказать им о своих переживаниях, наблюдениях, познаниях, опыте и приключениях. Показать им чужие края в неприкрашенном виде и прислушаться к мнениям иностранцев о нашей родине». Эта задача была выполнена более чем успешно.

Путешествие на грузовике растянулось на несколько лет (с небольшими перерывами). Во время первой поездки (1947–1950 гг.) Ганзелка и Зикмунд объехали почти всю Африку, Южную и Центральную Америку. Во время второго путешествия, которое длилось пять лет (с 1959 по 1964 г.), путешественники проехали через Турцию, Ирак, Индию, Китай, Корею в Японию и вернулись в Прагу через Советский Союз. Десятки стран, более 100 тысяч километров пути за плечами... Вдохновленные успехом, путешественники собирались объехать весь мир. Их книги были переведены на 11 языков, их широко издавали в СССР, их полюбили миллионы читателей в разных странах мира. Имена автомобильных путешественников получили известность не только в Чехословакии, но и далеко за ее пределами. Ганзелка и Зикмунд сняли несколько фильмов и сделали тысячи репортажей для чехословацкого радио. Но когда в 1968 г. советские танки вошли в Прагу, Ганзелка и Зикмунд активно выступили на стороне чешских патриотов, и на этом их карьера путешественников и публицистов закончилась. Ганзелка и Зикмунд были уволены с работы, их преследовали, их книги больше не печатались. Только после «бархатной» революции 1989 г. постаревшие Зикмунд и Ганзелка снова стали появляться на экранах телевизоров, а в музее чешского города Злин открылась экспозиция «Через пять частей света с инженерами Ганзелкой и Зикмундом».

Восхождение на Эверест

Гигантской зазубренной дугой окаймляют Гималаи высочайшее в мире Тибетское нагорье, отделяя Индию от Центральной Азии. Эта могучая горная цепь напоминает грандиозную окаменевшую волну. Гребень этой волны составляют снежные вершины Больших Гималаев, среди которых – десять из четырнадцати самых больших гор нашей планеты, вознесшихся на 8 и более километров. Среди них – высочайшая вершина мира. В Непале ее называют Сагарматха – «Властелин неба», а в Тибете – Джомолунгма («Богиня – мать мира»). Ну и, конечно, не счесть эпитетов, которым награждали эту гору в разные времена: величайшая, высочайшая, непревзойденнейшая, правофланговая гигантов, вершина вершин. И наконец, «третий полюс».

Только в 1852 г. английские топографы установили ее точную высоту. И оказалось, что «пик XV» – самая высокая гора на планете – 8848 метров! Позже горе присвоили имя начальника топографической службы Индии майора Джорджа Эвереста.

С середины XIX в. началась эпоха альпинистских восхождений в Гималаях. За полсотни лет состоялось около 20 восхождений. Непал, с территории которого наиболее доступны горные гиганты, долгое время не пропускал через свои границы иностранцев. Поэтому первые альпинисты поднимались на Эверест по северным склонам, со стороны Тибета. Этот путь не позволил никому превысить уровень 8000 метров.

В 1922 г. группа английских альпинистов поднялись на высоту 8326 метров, но семеро сопровождавших их шерпов погибли под снежной лавиной. Следующая экспедиция, отправившаяся в Гималаи в 1924 г., казалось, была близка к цели. Вершина рядом – рукой подать. С высоты 8572 метра Джордж Мэллори и Эндрю Ирвинг двинулись вперед и скрылись за облаками. Больше их никто не видел...

Прошло еще полвека. Были новые попытки, новые отступления и новые жертвы. В 1952 г. всего 250 метров не дошел до вершины швейцарец Раймон Ламбер, сопровождаемый молодым шерпом Тенцингом Норгеем. Но 29 мая 1953 г. после десятков неудачных попыток покорить Эверест мечта альпинистов всего мира (да что там

альпинистов – многих и многих людей всей планеты!) наконец осуществилась.

Экспедицию, в которой участвовало 350 человек, организовало Королевское географическое общество Англии и Объединенный гималайский комитет Королевского альпинистского клуба, возглавлял ее англичанин, полковник Джон Хант. 28 мая он поднялся с последней «пятеркой» до лагеря на высоту 8500 метров. На следующий день рано утром двое – новозеландец Эдмунд Хиллари и шерп Тенцинг Норгей – пошли на штурм последних сотен метров...

Эдмунд Хиллари и Тенцинг Норгей

29 мая 1953 г. в 11 часов 30 минут Эверест был покорен. Над горой взвились флаги ООН, Непала, Новой Зеландии и Великобритании. Все газеты мира обошла фотография: Хиллари стоит с взлохмаченными ветром волосами, лицо обожжено солнцем, на лице – улыбка во весь

рот. Рядом с ним Норгей. Кажется, он улыбается еще шире. Они стоят на вершине мира.

В бездне

Самую загадочную и недоступную точку нашей планеты – Марианскую впадину – называют «четвертым полюсом Земли». Эта «утроба Геи» располагается в западной части Тихого океана и простирается в длину на 2926 километров, а в ширину – на 80 километров. На расстоянии 320 километров к югу от острова Гуам (Марианский архипелаг) находится самая глубокая точка Марианской впадины и всей планеты – 11 022 метра.

На протяжении многих десятилетий люди стремились покорить Северный и Южный полюсы Земли, восходили на Эверест – величайший пик мира, но достичь дна Марианской бездны не удавалось никому. Лишь в 1960 г. два отчаянных смельчака – офицер военно-морских сил США Дон Уолш и швейцарский исследователь Жак Пикар – отважились бросить вызов бездне. Защищенные бронированными, 12-сантиметровой толщины, стенками батискафа «Триест», они сумели опуститься на глубину 10 915 метров!

Батискаф «Триест-2», на борту которого они находились, был оснащен многочисленными научно-исследовательскими приборами. На его борту находились глубиномер, термометр-самописец, прибор для измерения скорости и направления течений, фотоаппараты с электронной фотовспышкой, подводный акустический телефон и многое другое. К корпусу была прикреплена специальная модель часов Rolex. Они выдержали испытание, показывая точное время на протяжении всего спуска и подъема.

И вот мрак бездны пронзил луч прожектора с батискафа. В его свете прожектора взорам подводных пилотов открылся призрачный мир, в котором обычно царит обволакивающее, глухое безмолвие и вечная ночь. Сгорбившись и прижавшись друг к другу в тесном стальном шаре, с любопытством разглядывали они сквозь толстые конусы иллюминаторов тот необычный мир, который не доводилось видеть еще никому из людей. Глубиномер показывал отметку 10 916 метров...

Дон Уолш (слева) и Жак Пикар на крыше батискафа

Исследователи воочию смогли убедиться в том, что, несмотря на огромное давление (1100 атм.), даже самые глубинные слои океана населены живыми организмами! На самом дне Марианской впадины Пикар наблюдал существо, которое он назвал «плоская рыба». Экипаж «Триеста» измерил температуру (+3,0°C) и радиоактивность воды у самого дна впадины. Погружение продолжалось около 5 часов. Пикар и Уолш оставались в точке максимального погружения лишь 20 минут, а затем поспешили вернуться на поверхность. Подъем занял еще три часа.

Плавание «Кон-Тики»

В июле 1947 г. на рифы атолла Раоиа (архипелаг Туамоту) был выброшен плот «Кон-Тики», сооруженный из бальсового дерева подобно тому как строили свои плоты древние обитатели перуанского побережья. Горстку храбрецов, отправившихся на этом плоту в опасное 101-дневное плавание, возглавлял молодой норвежский этнограф-любитель Тур Хейердал. Своим плаванием он хотел продемонстрировать, каким образом индейцы Южной Америки могли в древности достигать островов Полинезии...

Теория Хейердала возрождала давнюю гипотезу о южноамериканском происхождении полинезийцев. Эта теория была не нова и к тому времени уже давно признана ошибочной. Никто из специалистов не принимал Хейердала всерьез. И тогда норвежец решает построить плот по образцу плотов древних перуанцев и совершить на нем 2000-мильный переход от берегов Перу до островов Восточной Полинезии, чтобы доказать правоту своих идей.

Задумав путешествие-реконструкцию, Хейердал не был оригинален: этот тип исторического моделирования был уже хорошо известен. Еще в 1893 г. 13 норвежцев на копии норманнского драккара достигли берегов Северной Америки. Разница заключалась в том, что все реконструкторы берут за основу исторический факт и стремятся его проверить; Хейердал же взял за основу умозрительную идею и попытался ее доказать...

«Кон-Тики» в открытом океане

8 апреля 1947 г. портовый буксир вытянул «Кон-Тики» из гавани Кальяо (Перу) в открытый океан, и путешествие началось. Первые дни плавания оказались самыми тяжелыми. Трое суток члены экипажа боролись с высокими волнами, с ветром, парусом и тяжелым рулевым веслом. Постепенно из новичков они превратились в настоящих моряков. Спустя неделю они уже знали, как управлять плотом.

Хейердал и его товарищи взяли с собой в плавание те же припасы, которыми, по их мнению, могли располагать древние мореплаватели: сушеное мясо, батат, бутылочные тыквы, кокосовые орехи, стволы бамбука, наполненные пресной водой. Да и океан не давал умереть с голоду: летающие рыбы время от времени сами выпрыгивали на палубу «Кон-Тики». Путешественники включили в свой рацион и планктон, который они научились вылавливать специальной сетью.

Главные драматические события ждали «Кон-Тики» в конце пути. Подойдя к архипелагу Туамоту, плот не сумел пристать ни у первого

острова, возникшего на их пути, ни у следующего: рифы, подобно баррикаде, окружали эти клочки суши. Отчаяние охватило мореплавателей. А ветер нес плот прямо на рифы! Экипаж «Кон-Тики» начал готовиться к неизбежной катастрофе...

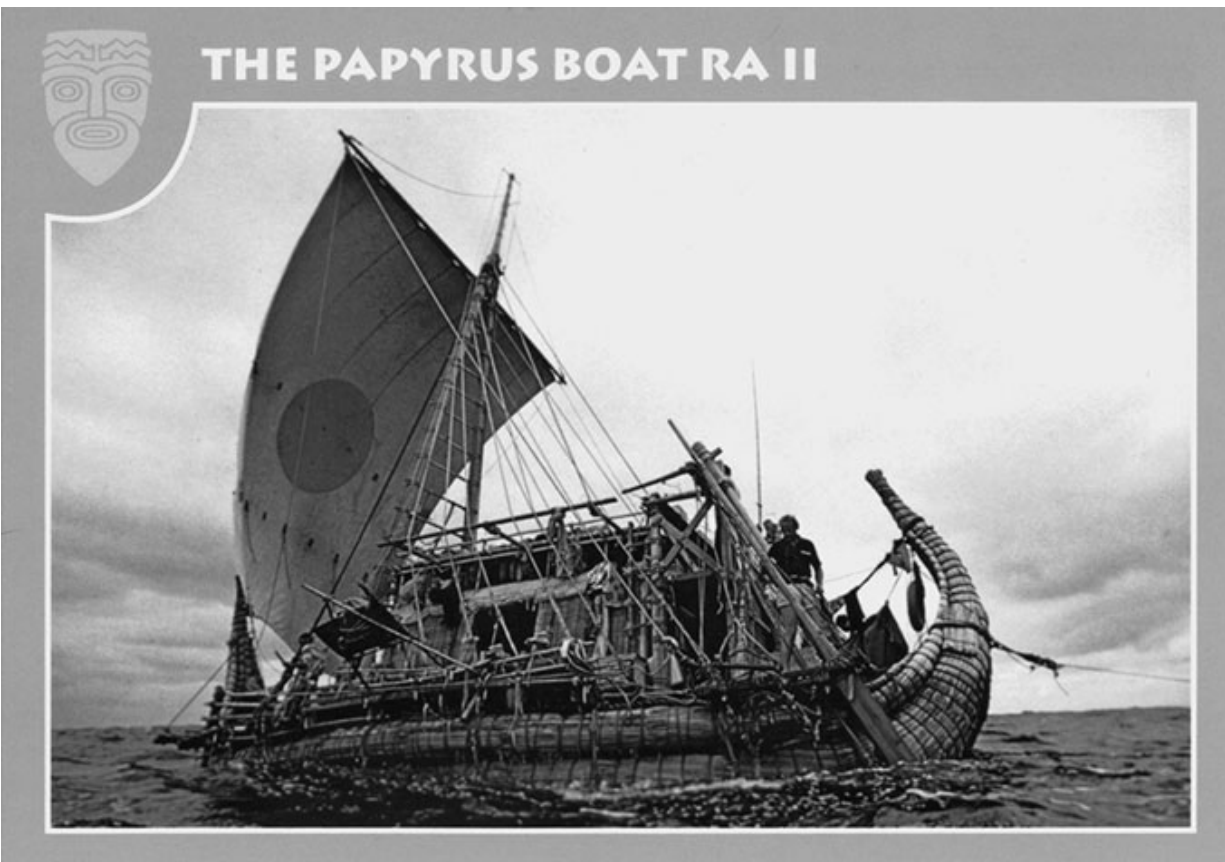
«Кон-Тики» прочно сел на риф. Плот был основательно разбит, однако все члены экипажа остались живы, и на 101-й день плавания, оставив за кормой 4300 морских миль, мореплаватели ступили на землю. Эксперимент Хейердала подтвердил теоретическую возможность сообщений между Южной Америкой и Полинезией в древности, но не мог доказать факт существования подобных сообщений. Результаты позднейших исследований подтвердили происхождение полинезийцев с западного побережья Тихого океана, а не из Америки, как утверждал Хейердал. Но есть все основания полагать, что задолго до Колумба между жителями Полинезии и Южной Америки действительно существовали связи! Только инициаторами их выступили не индейцы, а... полинезийцы. Именно они, прекрасные кораблестроители и мореходы, первыми пересекли Тихий океан.

«Ра» пересекает Атлантику

В 1969 г. мировую печать облетело сенсационное сообщение: 55-летний герой «Кон-Тики», знаменитый норвежский путешественник Тур Хейердал вновь решил отправиться в далекое плавание, на этот раз на папирусной ладье «Ра» – точной копии древнеегипетского судна. Вместе с интернациональным экипажем из семи человек он хотел пересечь всю Атлантику с востока на запад, чтобы доказать надежность кораблей эпохи фараонов.

У Хейердала не было никаких доказательств, подтверждавших факт плаваний египтян через Атлантику. Однако норвежского путешественника увлекла эта проблема. Он решает построить лодку из папируса. «Зачем? – спрашивает он себя. – Что я хотел доказать? Да ничего, ровным счетом ничего. Я хотел только выяснить, можно ли на такой лодке выходить в море. Выяснить, не может ли она дойти до Америки».

Папирусную лодку длиной 15 и шириной 5 метров строили африканские рыбаки с берегов озера Чад. Готовое судно на борту грузового парохода доставили в марокканский порт Сафи, и в мае 1969 г. лодка, нареченная «Ра» в честь древнеегипетского бога солнца, вышла в открытый океан. На ее борту – интернациональная команда из семи человек. Первая неделя плавания была самой трудной: сильный ветер, волнение, шторм. Сломаны оба рулевых весла, спущен парус, сломалась рея... Есть от чего прийти в отчаяние! Экипаж делает все возможное и невозможное в этих условиях – ремонтирует рулевые весла, спасает парус, устанавливает гребные весла, заново укладывает груз.

«Ра II». Норвежская почтовая открытка. 1970 г.

Берега Африки давно скрылись из вида: Канарское течение несло папирусную ладью на запад. Время от времени аквалангисты осматривали днище. Через две недели плавания обследование показало, что лодка начинает разваливаться. Никакие меры не помогали. Хейердалу пришлось принимать трудное решение. «Пора прекращать эксперимент», – сказал он своим спутникам.

Менее чем через год Хейердал снова вышел в Атлантику на новой папирусной лодке – «Ра II». На сей раз лодку вязали индейцы с берегов озера Титикака, где испокон веков существует традиция строить камышовые лодки. Костяк команды остался прежний. За 57 дней «Ра II» прошла более 6100 километров от берегов Африки до острова Барбадос. Этот смелый эксперимент имел большое познавательное значение. Хейердал показал возможность существования связей между Древним Египтом и доколумбовой Америкой, но, увы, возможность чисто умозрительную. Сам же факт плавания папирусной ладьи от

берегов Африки к берегам Америки ничего не доказывает и ничего не меняет...

Тысячи километров «Тигриси»

Моделируя пути древних мореплавателей, пройдя их гипотетическими трассами в Тихом и Атлантическом океанах, Тур Хейердал обратил свой взгляд и на «океан нагретых вод», как называют северную часть Индийского океана. Этим регионом он интересовался давно. Морские пути вдоль побережья Персидского залива и Ирана связывали древнейшие цивилизации Двуречья и Индии. Где, как не здесь, можно было познакомиться с практикой древних мореплавателей?

...Осень 1977 г. В иракском порту Эль-Курна кипит работа. Местные арабы и индейцы с озера Титикака строят камышовую ладью по образцу камышовых лодок древних шумеров. «Тигрис» – так нарекли ладью, повторяющую конструкцию древнего шумерского судна «магур», – вышел в Персидский залив и взял курс на остров Бахрейн. Его путь лежал через Ормузский пролив и Индийский океан к берега Пакистана, а оттуда – к восточному побережью Африки.

Экипаж «Тигриси» побывал на Бахрейне, в легендарной «стране Дилмун». Следующая остановка была в Омане. Когда-то Оман занимал ключевую позицию в торговых связях этого региона: здесь добывалась медная руда. В Пакистане Хейердал побывал на руинах Мохенджо-Даро – столицы цивилизации долины Инда. Его интересовали морские связи этой культуры с Бахрейном и Месопотамией: «Плававшая между Месопотамией, Бахрейном и долиной Инда – путь, только что пройденный нами, – древние торговцы могли перевозить тонны груза и провианта, будучи избавленными от трудностей и опасностей сухопутного транспорта через пустыни, горы и земли враждебных племен». Из Карачи, крупнейшего порта Пакистана, дальнейший путь «Тигриси» лежал к берегам Восточной Африки. Он не был легок, но мореплаватели преодолели его. Однако у входа в Красное море им пришлось остановиться: их встретили военные корабли и военные самолеты. Приют «Тигрису» и его экипажу смогла предоставить только маленькая Республика Джибути.

Тур Хейердал

Более четырех месяцев нес нелегкие вахты интернациональный экипаж из 11 человек. К 8 марта 1978 г. за кормой камышовой ладьи осталось 6000 километров. «Тигрис» находился еще в прекрасном состоянии, когда Хейердал в знак протеста против бесчеловечности войн решил превратить его в пылающий факел. В ООН он направил послание с такими словами: «Наша планета больше камышовых бунтов, которые пронесли нас через моря, и все же достаточно мала, чтобы подвергнуться такому же риску, если живущие на ней люди не осознают неотложной необходимости в разумном сотрудничестве, чтобы нас и нашу общую цивилизацию не постигла участь тонущего корабля».

«Тигрис» пылал ярко и долго...

Исчезновение Майкла Рокфеллера

Несмотря на дикость такого явления, как каннибализм, во второй половине XX в. оно еще встречалось в самых разных уголках земного шара. Так, в горах Яввия, расположенных в индонезийской части Новой Гвинеи, в середине XX в. было обнаружено племя асмаат – каннибалов, находящихся на первобытной стадии развития и долгое время отказывавшихся от контактов с внешним миром.

Люди из племени дани показали одну из охотничьих троп асмаат членам этнографической экспедиции, в состав которой входил Майкл Рокфеллер – сын Нельсона Рокфеллера, тогдашнего мэра Нью-Йорка. 19 ноября 1961 г. экспедиция в составе трех человек отправилась в путь на моторной лодке из маленького порта Агац. Ее целью являлся сбор этнографических материалов для Нью-Йорского музея первобытного искусства, одним из учредителей которого был Майкл Рокфеллер.

На подходе к цели лодка попала в шторм. Сильный ветер перевернул утлое суденышко, и участникам экспедиции пришлось выбираться на берег вплавь. Спутники Майкла Рокфеллера видели, как он отчаянно греб к берегу, используя в качестве спасательного средства пустой бачок из-под бензина. Но потом он внезапно куда-то исчез...

Майкл Рокфеллер, ставший жертвой каннибалов

Добравшиеся до берега двое его спутников безуспешно пытались разыскать молодого ученого и, не найдя, оповестили о катастрофе местные власти. Отец Майкла Рокфеллера, спешно прилетевший из США, организовал несколько поисковых групп, но все усилия были напрасными. Пришлось смириться с мыслью, что молодой ученый утонул...

Несколько лет спустя итальянский исследователь Новой Гвинеи обнаружил новые свидетельства происшествия. Он изучал причины эпидемии холеры, унесшей жизни многих членов племени асма. Старый колдун поведал ему, что болезнь принес дух могущественного белого воина, которого несколько лун назад их соплеменник Аям убил и съел вместе с другими мужчинами. Доказательством происшедшего служил череп, сохраненный как реликвия. Колдун рассказал, что молодой Аям сам хотел стать главой племени и, по верованиям асма, вместе с мясом белого человека к нему должны были перейти его сила

и мудрость. Однако случилось так, что Аям не только не стал мудрым, но и навлек на племя немилость белого духа, который принялся мешать воинам в охоте, а женщинам – в рождении здоровых детей... Тогда асमत убили несчастного Аяма, разрезали его тело на мелкие куски бамбуковыми ножами и, поджарив на углях, съели. А жители маленького поселка, расположенного в долине Бальем, быстро распродали коллекцию, собранную и оставленную здесь антропологом Майклом Рокфеллером – ожерелья из ракушек, головные уборы из перьев, кабаньи клыки, грубо украшенные насечками и орнаментами, ритуальные идолы – полуметровые обрубки бревен, которым рука местного мастера придавала удивительные черты, соответствующие религиозным представлениям племени асमत...

Юлия и Дончо Папазовы: две души в одной лодке

Надо ли говорить, насколько отличается обыкновенная лодка от яхты? Однако именно на такой лодке болгарские исследователи Юлия и Дончо Папазовы сумели обойти весь земной шар, посвятив большую часть своей жизни изучению человеческих возможностей в экстремальных ситуациях. Эта кругосветная одиссея принесла Папазовым мировую известность.

У Дончо Папазова уже был до этого опыт: в 1970 г. он провел один на один с морем 14 суток в маленькой рыбацкой лодке, питаясь планктоном. Спустя два года они вдвоем с женой Юлией пересекли на шлюпке Черное море от Варны до Сочи. А 8 мая 1974 г. чета Папазовых отправилась на лодке через Атлантический океан.

«Джу» – так называли они свою лодочку – представляла собой бескилевую спасательную шлюпку длиной 8 метров, с палубой до середины и невысокой – всего 40 сантиметров – рубкой. Парусное вооружение – грот и стаксель. Навигационное оборудование самое примитивное. На борту – радиостанция на аккумуляторах и ручной электрогенератор. Основной вид питания – зоопланктон...

Серьезное испытание ждало путешественников почти сразу за Гибралтаром. Буря, не прекращавшаяся восемь дней, не давала экипажу «Джу» глаз сомкнуть. Лодку постоянно заливало водой. 16 августа 1974 г. «Джу» вошла в порт Сантьяго-де-Куба, лишь по счастливой случайности разминувшись с тайфуном, шедшим к берегам Америки...

Дончо Папазов под мачтами «Джу»

Два года спустя – новое плавание, на этот раз через Тихий океан. Лодка, получившая название «Джу V», достигала в длину 8,5 метра. Рубка более удобная и функциональная, оборудована коротковолновой радиостанцией. Серьезным неудобством, как и в первом плавании, являлась необходимость постоянно нести вахту у руля – автоматического управления не было. Пищевой режим прежний: в основе – планктон, но в рацион путешественников были внесены некоторые добавления, в частности сушеные фрукты.

«Джу V» вышла из Кальяо (Перу) 17 марта 1976 г. Беды начались уже на первом отрезке пути, от Перу к Маркизским островам (8700 км). Сперва оказалась повреждена антенна радиостанции, и «Джу» осталась без связи. Потом сломалось перо руля. Наконец, когда «Джу» уже находилась в тысяче миль от Кальяо, налетевшая буря сокрушила мачту... Невероятно, но Дончо и Юлия сумели справиться с двумя последними проблемами. Они соорудили новый румпель из остатков

старого и подняли над лодкой новую мачту, изготовленную из гика грот-паруса. 10 мая «Джу» благополучно достигла острова Хива-Оа. Это выглядело настоящим чудом...

Исключительно трудным и мучительным оказалось маневрирование у островов Самоа и Апия – попав в безветрие в полосу сильного течения, лодка постоянно подвергалась угрозе разбиться на рифах. Наконец, 3 августа достигнута цель – Фиджи. За 140 дней пройдено 14 800 километров.

Следующую экспедицию неутомимые супруги предприняли кругосветную, но теперь уже не в шлюпке, а на яхте, так как взяли с собой 5-летнюю дочку Яну. Яхта под названием «Тивия» водоизмещением 10 тонн имела длину 13,65 метра, ширину – 9, 6 метра, и была, помимо парусов, оснащена дизельным двигателем.

29 апреля 1979 г. «Тивия» вышла из болгарского порта Созопол и, обогнув за 777 дней земной шар, 14 июня 1981 г. вернулась домой. Судно успешно прошло четыре самые трудные для парусников места на нашей планете: Торресов пролив, Индийский океан, мыс Доброй Надежды и район «волн-убийц» близ мыса Игольного. На протяжении всего плавания экипаж яхты выполнял различные научные программы и вел наблюдения.

Папазовых называли «космонавтами океана». И это не просто сравнение. В океане и космосе сходны не только условия, но психические реакции людей. Совместимость двух людей, вынужденных длительное время находиться не только в тесном контакте, но и в ограниченном, замкнутом пространстве, является немаловажным испытанием не только характеров...

В небесах

Гибель «Орла»

Можно ли добраться до Северного полюса на воздушном шаре? Когда Соломон Август Андре, 40-летний шведский инженер, объявил о таком проекте, скептиков и противников нашлось гораздо больше, чем энтузиастов. Но Андре твердо верил в успех. После долгих споров и колебаний Шведская академия наук одобрила проект Андре. Воздушный шар объемом 4800 кубических метров и диаметром 20,5 метра был заказан во Франции. Желаящих отправиться к Северному полюсу было хоть отбавляй. Андре остановил выбор на своем старом друге докторе Нильсе Экхольме, а также 26-летнем ученом Нильсе Стриндберге.

Ранним июньским утром 1896 г. из Гетеборга вышло грузовое судно «Вирго». Спустя две недели оно бросило якорь у побережья Шпицбергена. Здесь, в небольшой бухте, Андре подыскал место для постройки ангара.

В начале июля шар, получивший гордое имя «Орел», был наполнен водородом. Андре, Стриндберг и Френкель придирчиво проверяли его швы. Худшие опасения подтверждались: утечка газа превышала критический уровень. Однако аэронавты свято верили в свою звезду.

Утром 11 июля 1897 г. все было готово к полету. Андре, Стриндберг и Френкель заняли свои места в гондоле. Андре взял в полет почтовых голубей. Через определенные промежутки времени он намеревался выпускать их, отправляя очередное сообщение. В 13 часов 46 минут «Орел» поднялся на стометровую высоту и полетел на северо-восток... Прошла неделя. Затем месяц. Никаких известий о путешественниках не было. Экипажи кораблей, находившихся в приполярных водах, зорко вглядывались в небо, надеясь, что «Орел» вот-вот покажется в облаках...

20 августа 1897 г. на рею норвежского промыслового судна «Алькен», находившегося между северным мысом Шпицбергена и архипелагом Семь Островов, сел почтовый голубь. Он нес на себе записку:

«От полярной экспедиции Андре... 13 июля, 12 часов 30 минут дня. Широта 82° 2', долгота 15° 5'. Благополучно продвигаемся на

восток, уклоняясь на 10° к югу. На борту все благополучно. Это третья голубиная почта. *Андре*».

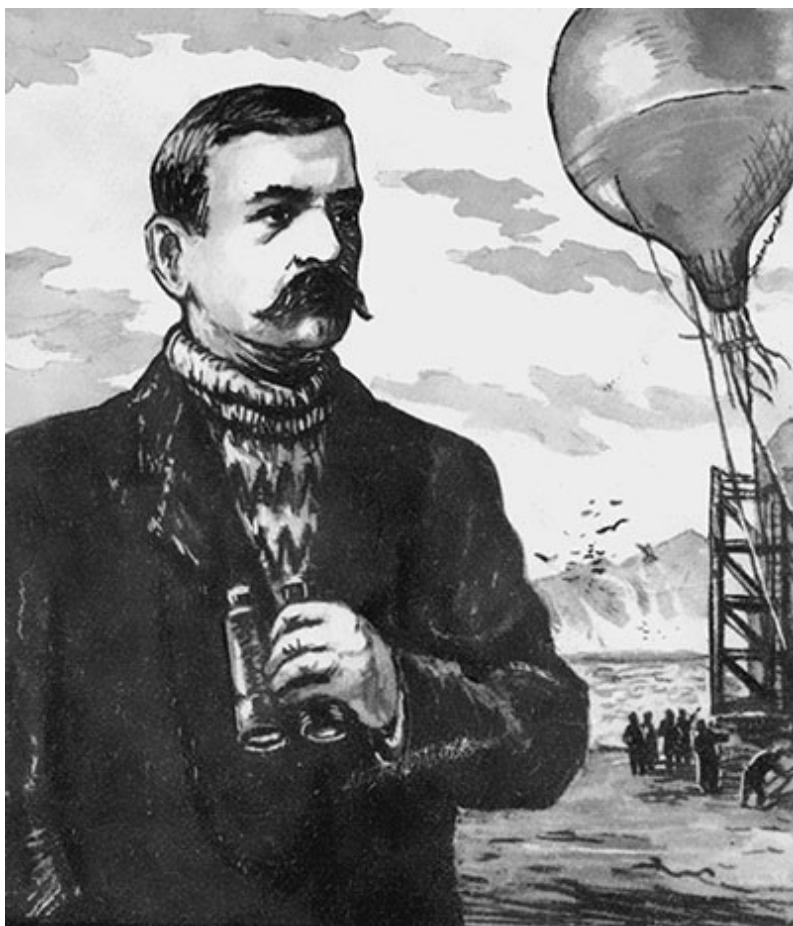
Год спустя, 14 мая 1899 г., к западному берегу Исландии течение прибило пробковый буй. Внутри его находилась записка с текстом:

«Брошен из шара Андре 11 июля 1897 года в 10 часов 55 минут вечера по Гринвичу под 82° северной широты и 25° восточной долготы. Мы летим на высоте 600 метров. Все благополучно. *Андре, Стриндберг, Френкель*».

27 августа 1900 г. еще один пробковый буй был выброшен морем на берег норвежской провинции Финмаркен. В находившейся в нем записке говорилось: «Буй № 4, выброшен из шара первым, 11 июля в 10 часов вечера по Гринвичу. Наш полет идет хорошо. Мы находимся на высоте около двухсот пятидесяти метров над очень неровным льдом. Погода великолепная. Настроение бодрое. *Андре, Стриндберг, Френкель*».

...Спустя 9 лет Северный полюс был покорен, а еще через 5 лет началась Первая мировая война. Чудовищная трагедия окончательно затмила в памяти людей историю с пропавшей экспедицией Андре. И когда в 1930 г. на острове Белом были неожиданно найдены стоянка погибшей экспедиции и останки ее членов, то это событие стало для большинства заново открытой страницей истории покорения Северного полюса. На остров Белый была немедленно снаряжена экспедиция.

Лето 1930 г. в полярных широтах выдалось необычайно теплым. Снег и лед на острове почти полностью растаяли, на свет появились даже самые мелкие предметы. Специалисты бережно высушили страницы дневников и записных книжек. Особой осторожности требовала обработка фотопластинок. Сопоставляя уцелевшие записи, изучая фотографии, исследователям удалось установить, что произошло после того, как «Орел» навсегда скрылся из глаз наблюдателей 11 июля 1897 г.

Соломон Август Андре на фоне «Орла»

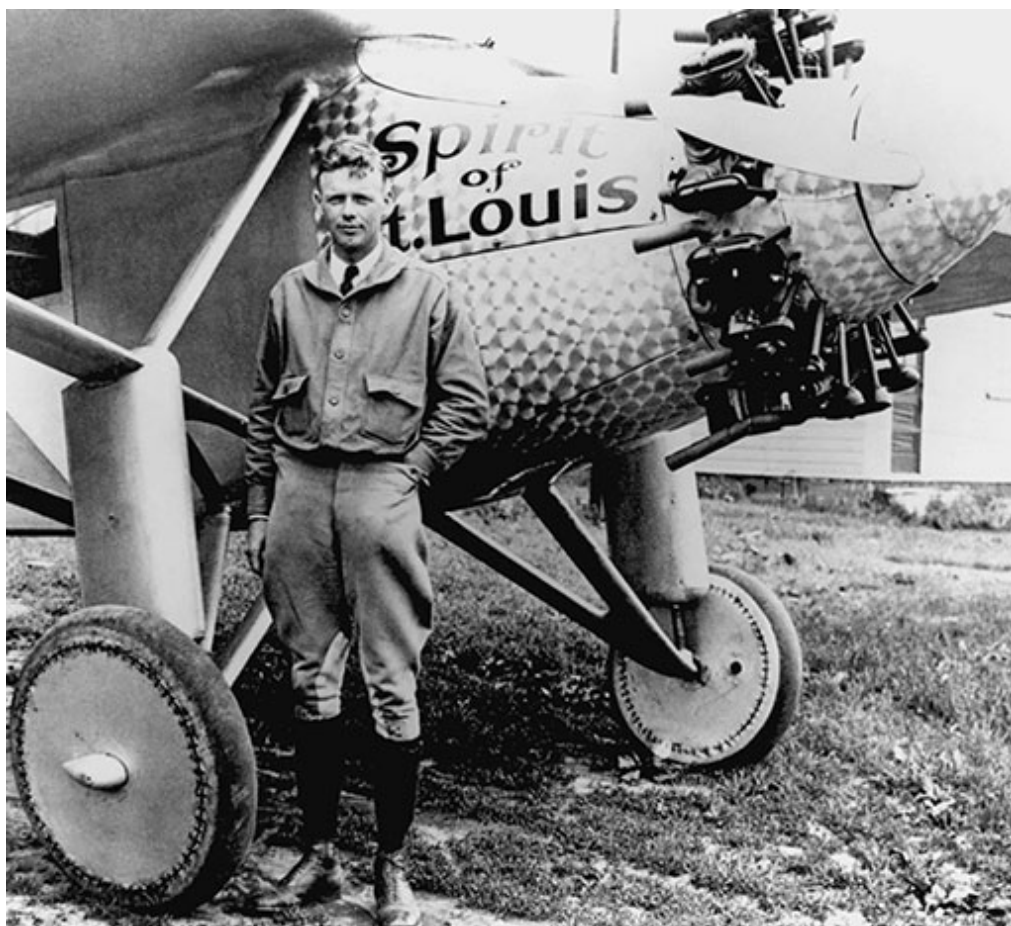
...Потеряв из виду Шпицберген, шар, подгоняемый ветром, летел к северо-востоку. Уже к вечеру он начал снижаться, воздухоплаватели стали выбрасывать балласт. На вторые сутки полета шар попал в полосу тумана, начался дождь. Под тяжестью осаждающейся влаги летательный аппарат отяжелел и стал опускаться все ниже и ниже. Гондола начала ударяться об лед. Утром 14 июля стало ясно, что дальнейший полет невозможен. Андре открыл клапаны воздушного шара. Летательный аппарат начал опускаться, и некоторое время спустя воздухоплаватели высадились на лед. Стриндберг определил координаты: $82^{\circ} 56'$ с. ш., $29^{\circ} 52'$ в. д. До ближайшей суши – около 350 километров. Решили идти на восток, к Земле Франца-Иосифа. 16 сентября Андре увидел на западе землю. Определив свое местонахождение, воздухоплаватели установили, что это остров Белый.

О том, что произошло с путешественниками на острове Белом, достоверно ничего не известно. Все последующие события можно

восстановить только гипотетически. Остались тайной время и обстоятельства гибели экипажа «Орла». Ясно только, что Стриндберг погиб первым; останки Андре и Френкеля лежали вместе, в одной палатке. Скорее всего, они умерли не от голода или холода: в лагере оставалось достаточное количество запасов продовольствия, боеприпасов, спичек и топлива. Есть предположение, что их засыпал снежный обвал – над тем местом, где была найдена палатка, нависал ледовый щит, покрытый мощным слоем снега. Высказывалась гипотеза о том, что они отравились во время сна угарным газом от работавшего примуса. Но не исключено, что справедлива версия, которую выдвинул в 1952 г. датский медик доктор Адам Трайд: экипаж «Орла» мог погибнуть от трихинеллеза. Этой болезнью обычно страдают животные – моржи, тюлени и белые медведи. Бывают, однако, и случаи поражения этой болезнью людей, питавшихся мясом больных животных. Впрочем, и это только гипотеза. А о том, что в действительности произошло на острове Белом, уже никто никогда не узнает.

Перелет через Атлантику Чарлза Линдберга

Маленький фанерный самолетик затерялся в небе над Атлантическим океаном. Переднее стекло пилотской кабины закрывали баки с бензином; чтобы посмотреть вперед, пилоту приходилось открывать боковое стекло и выглядывать из окошка. Впрочем, выглядывал он редко: знал, что над всем океанским простором не встретит ни одного другого аэроплана. «Точка невозврата» осталась позади. Мотор монотонно гудел уже девятнадцатый час...

Чарлз Линдберг и его самолет

Готовиться к перелету через Атлантику Чарлз Линдберг начал в конце 1926 г. Несколько бизнесменов из Сент-Луиса взяли на себя финансировать подготовку перелета. Одномоторный самолет «Спирит

оф Сент-Луис» («Дух Сент-Луиса») построила малоизвестной фирмой «Райан Эйрлайнз» из Сан-Диего (Калифорния). То, что Линдберг выбрал одномоторный самолет, выглядело безрассудством, но летчик с присущей ему лаконичностью объяснил: при трех моторах проблемы утраиваются.

Встретившись с конструктором самолета Дональдом Хейлом, Линдберг совместно с ним разработал программу его переделки для трансатлантического перелета. Для размещения 1600 литров топлива пришлось увеличить размах крыла. Фюзеляжный топливный бак, находившийся за кабиной у самолета-прототипа, переместили за двигатель перед кабиной, в результате чего летчик лишился обзора спереди. Передняя часть крыла обшита фанерой, а остальная, включая элероны, – полотном. В средней части крыла между лонжеронами размещались еще три топливных бака. Кабина лишилась всего, без чего можно было обойтись в полете. Борьба за каждый грамм веса привела к тому, что самолет потерял практически все оборудование. Из всех навигационных приборов Линдберг взял только компас.

20 мая 1927 г. в 7 часов 52 минуты местного времени Линдберг стартовал с летного поля Рузвельт-Филд (штат Нью-Йорк). После взлета его некоторое время сопровождал самолет с фотоаппаратами, но вскоре «Спирит оф Сент-Луис» остался один. В 16 часов самолет пролетел над мысом Брайтон, а три часа спустя – над последней точкой Американского континента.

Первые часы полета Линдберг летел на очень малой высоте и, вырабатывая топливо, только постепенно набирал ее. К тому моменту, когда «Дух Сент-Луиса» поглотил густой туман над Атлантикой, ему удалось набрать высоту 3000 метров. В 11 часов 30 минут в разрыве тумана с парохода, находящегося на расстоянии 200 морских миль от Британских островов, заметили самолет Линдберга, о чем немедленно узнал по радио весь мир. Около 13 часов Линдберг неожиданно для себя заснул за штурвалом – сказались напряжение последних трех суток. Очнувшись, он решил, что сбился с курса, и тут, к своей неопишуемой радости, увидел внизу рыбацье судно. Он понял, что земля близко, но в какой она стороне? Пилот снизился и, описав над суденышком круг, завопил что есть мочи: «В какой стороне Ирландия?» Его не расслышали... Впрочем, до Ирландии уже было рукой подать.

21 мая в 14 часов 50 минут станция наблюдения на острове Валентия сообщила о пролете самолета Линдберга. В 19 часов 40 минут «Дух Сент-Луиса» пролетел над английским портом Плимут и вскоре появился над континентальной Европой. Когда самолет миновал французский порт Шербур, газетчики на улицах Парижа уже выкрикивали: «Возможно, успех близок!» Толпы парижан ринулись в аэропорт Ле-Бурже. Дороги к летному полю были запружены автомобилями и автобусами. В 8 часов вечера, на летном поле собралась толпа в 150 тысяч человек. Вдруг в свете прожекторов в небе появился маленький белый самолетик. Толпа опрокинула ограждения и растеклась по летному полю: «Линдберг, Линдберг!»

Благополучно преодолев расстояние в 5800 километров, Линдберг приземлился на аэродроме Ле-Бурже в 22 часа 24 минуты. Весь перелет занял 33 часа 22 минуты, но на землю Линдбергу ступить не удавалось еще добрых полчаса – восторженная толпа несла его на руках под несмолкавшие овации. По впечатлению, произведенному на публику, полет Линдберга можно сравнить только с полетом на Луну. Он изменил мир: всем показалось, что старушка Земля в одночасье сразу стала меньше.

К Северному полюсу на дирижабле^[2]

Утром 10 апреля 1926 г. из Рима стартовал дирижабль «Норвегия». Делая по пути остановки в Пулхеме, Осло, Ленинграде и в Вадсе, воздушный корабль благополучно перелетел Баренцево море и приземлился в Кингсбее (Шпицберген). 11 мая «Норвегия» начал свой исторический полет к Аляске через Северный полюс...

Состав экспедиции был интернациональным, как и ее руководство. Во главе рискованного предприятия стояли Руаль Амундсен, знаменитый норвежский путешественник; американский миллионер Линкольн Элсуорт, прославившийся своими антарктическими экспедициями; итальянский военный инженер Умберто Нобиле. Союз опытного в полярных делах северянина и не менее опытного в воздухоплавательных делах темпераментного южанина, скрепленный финансовой поддержкой честолюбивого американца, послужил главным залогом того, что такая экспедиция состоялась.

И вот Северный полюс уже совсем близко... «По мере того как дирижабль приближался к заветной черте, о которой мы столько мечтали, на борту возрастало возбуждение, никто не разговаривал, но лица у всех были взволнованы и радостны...» – вспоминал Умберто Нобиле. 2 мая в 1 час 30 минут дирижабль появился над полюсом. Воздушный корабль сделал круг, поочередно сбросив три флага: норвежский, американский и итальянский. В момент, когда древко норвежского флага воткнулось в лед Северного полюса, Амундсен молча и крепко пожал руку своему соотечественнику, члену экипажа «Норвегии» Оскару Вистингу. Слова действительно были излишни: эти люди 14 декабря 1911 г. вместе побывали и на Южном полюсе.

«Норвегия» парит над Арктикой. 1926 г.

С борта «Норвегии» немедленно были отправлены радиogramмы, известившие мир о том, что цель достигнута. После этого радиостанция дирижабля неожиданно замолчала. Она так и не заработала до самого конца путешествия ни на прием, ни на передачу. На протяжении трех суток все терялись в догадках по поводу судьбы «Норвегии», а между тем путешественники продолжали свой полет, впервые в истории пролетая над абсолютно неисследованными северными районами. Путь их составил более 2000 миль. Между тем погода значительно ухудшилась, экипаж был вымотан. Нобиле только усилием воли заставлял себя держаться на ногах. Как предполагалось, местом приземления дирижабля должен был стать Ном – городок на юго-западе полуострова Сьюард (Аляска). Но сильный ветер и густой туман заставили путешественников изменить маршрут. Дирижабль приземлился дирижабль у ближайшей по курсу эскимосской деревушки Теллер 14 мая в 8 часов. Первый и вообще единственный в истории

трансарктический перелет на дирижабле был завершен. Он вписал блестящую страницу в историю воздухоплавания и полярных исследований и стал одним из величайших событий XX в.

С Чкаловым через полюс

Рассказывают, что когда Чкалова спросили, почему он и его друзья избрали для сверхдальних маршрутов одномоторный самолет – ведь это же сто процентов риска! – летчик ответил: «Зато четыре мотора – это четыреста процентов риска!»

Первая попытка совершить беспосадочный перелет из СССР через Северный полюс в Америку была предпринята в августе 1935 г. Через несколько часов после вылета экипаж самолета АНТ-25 – С.А. Леваневский, Г.Ф. Байдуков и В.И. Левченко – был вынужден развернуть машину обратно – из единственного двигателя интенсивно потекло масло. Вернувшись в Москву, Леваневский говорил, что на одномоторном самолете перелететь через Арктику невозможно. Однако второй пилот, Г.Ф. Байдуков, верил в надежность АНТ-25. Он увлек идеей трансарктического перелета штурмана А.В. Белякова, а потом они, по их собственному выражению, «нашли себе командира» – Валерия Чкалова. В 1936 г. экипаж Чкалов – Байдуков – Беляков совершил на АНТ-25 беспосадочный перелет из Москвы через Северный Ледовитый океан и Петропавловск-Камчатский на остров Удд. За этот перелет пилоты и штурман получили звания Героя Советского Союза. На очереди был полюс, за ним – Америка. И 18 июня 1937 г. в 4 часа 5 минут самолет АНТ-25 с экипажем Чкалова поднялся со Щелковского аэродрома.

Самолет летел вдоль 38-го меридиана на север. Через пять часов обнаруживается утечка масла из двигателя. Чкалов принимает волевое решение: назад не поворачивать! И спустя некоторое время утечка ослабевает. Самолет идет в густой облачности на высоте 2600 метров, начинается обледенение крыльев и фюзеляжа. Чкалов, пытаясь избавиться ото льда, сначала набирает высоту 3000 метров, а затем поднимается еще выше – до 4250 метров. На такой высоте нужен кислород, а его запаса на борту хватит всего на девять часов! К 11 часам вечера Чкалов обнаруживает новую неприятность: расход топлива примерно на 300 литров превышает расчетный...

Встреча Сталина с Чкаловым, Байдуковым и Беляковым на Щёлковском аэродроме.
10 августа 1936 г.

В 4 часа 15 минут утра 19 июня полярники на станции «Северный полюс-1» слышат звук мотора пролетающего над Северным полюсом самолета. Чкалов ведет машину на юг вдоль 133-го меридиана западной долготы. Ближе к полудню на пути самолета снова возникает густая облачность, сопровождающаяся обледенением. Чкалов поднимает самолет до 4850 метров, затем до 5500 метров. Но запас кислорода подходит к концу, и приходится вновь снижаться до 3000 метров.

В 16 часов 16 минут внизу открывается арктическое побережье Канады. Самолет летит в направлении Большого Медвежьего озера. Еще четыре часа полета – и на горизонте появляются вершины канадских Скалистых гор. Нужно набирать высоту. Чкалов прикидывает: на оставшемся горючем до Сан-Франциско не долетишь! Более четверти пути АНТ-25 находился в экстремальных условиях: из-за обледенения фюзеляжа двигатель работал на пределе своих возможностей. К концу 64-часового перелета летчики более всего страдали от кислородного голодания. Самые последние запасы кислорода командир экипажа Чкалов и штурман Беляков отдали второму пилоту Байдукову, который в одиночку повел самолет на высоте 6100 метров, ориентируясь лишь по вершинам Скалистых гор.

Израсходовав почти все топливо, АНТ-25 приземлился на военном аэродроме Баркас в окрестностях американского города Ванкувер (штат Вашингтон).

Самолет Чкалова пролетел расстояние 9130 километров за 63 часа 25 минут. Впервые в мировой практике был успешно пройден трансполярный маршрут, совершен первый в истории беспосадочный перелет из Москвы в США. Экипаж Чкалова установил национальный рекорд дальности полета по прямой, но мировой рекорд побить не удалось – это сделал уже экипаж другого АНТ-25 во главе с М.М. Грозовым.

Тайна арктической катастрофы

Сигизмунд Леваневский любил и умел летать. Не раз он попадал в трудные переделки и неизменно с честью выходил из них. Он много летал в Заполярье, вел разведку на трассе Северного морского пути. В душе пилота зрел дерзкий замысел: проложить беспосадочный маршрут из Москвы через Северный полюс в Соединенные Штаты Америки.

Летом 1935 г. Леваневский вместе со вторым пилотом Г.Ф. Байдуковым и штурманом В.И. Левченко на самолете АНТ-25 взлетел с подмосковного аэродрома и взял курс на Северный полюс. Так начался первый в истории планеты трансарктический перелет. Но над Баренцевым морем возникли неполадки с маслопроводом, пришлось возвращаться... Спустя год Чкалов, Байдуков и Беляков совершили на АНТ-25 беспосадочный перелет по маршруту Москва – Дальний Восток. Еще через год на той же машине они воплотили в жизнь мечту Леваневского, менее чем за трое суток перелетев из Москвы в США через Северный полюс. Спустя три недели такой же успешный полет на АНТ-25 осуществили М.М. Громов, А.Б. Юмашев и С.А. Данилин.

Леваневский был неудержим в желании лететь. Он остановил свой выбор на тяжелом четырехмоторном дальнем бомбардировщике, созданном авиаконструктором В.Ф. Болховитиновым. На этой машине уже были установлены четыре мировых рекорда скорости и грузоподъемности. 12 августа 1937 г. в 18 часов 15 минут самолет Н-209, ведомый Леваневским, поднялся в воздух. В состав экипажа, помимо командира, входили второй пилот Н.Г. Кастанаев, штурман В.И. Левченко, радист Н.Я. Галковский, механики Г.Т. Побежимов и Н.Н. Годовиков. Леваневский рассчитывал пролететь над Северным полюсом и приземлиться в Фэрбенксе на Аляске. До Северного полюса Н-209 должен был лететь маршрутом, которым уже прошли Чкалов и Громов: Архангельск – Баренцево море – остров Рудольфа на Земле Франца-Иосифа. Затем Леваневскому предстояло пройти вдоль 148-го меридиана западной долготы, над районом Полюса недоступности, и приземлиться на Аляске.

Сигизмунд Леваневский

Над Баренцевым морем самолет Леваневского вошел в зону мощной облачности. Экипажу пришлось поднять машину на высоту до 6000 метров и надеть кислородные маски. Встречный ветер усилился и перешел в ураганный. Моторы работали в форсированном режиме, с большим перерасходом топлива, но скорость с каждым часом падала. Надежды Леваневского на то, что ветер изменит свое направление, не оправдались. С каждым часом самолет продвигался вперед все медленнее и отставал от графика полета уже на четыре с лишним часа. 4000 километров до полюса Н-209 преодолел почти за 20 часов. А половина всего топлива была уже израсходована...

Через 19 часов 30 минут после старта с борта Н-209 пришла радиограмма: «Пролетаем полюс. Высота – 6100 метров. Температура – минус 35 градусов. Ветер местами 100 километров в час. Все в порядке». Позади было больше половины маршрута. Но спустя несколько часов радиостанция в Тикси приняла тревожное сообщение:

«Отказал правый крайний мотор из-за неисправности маслосистемы. Идем на трех моторах. Очень тяжело. Идем в сплошной облачности. Высота – 4600 метров...» Окончание радиogramмы потонуло в треске радиопомех. Связь оборвалась, и борт Н-209 замолчал навсегда...

Многомесячные поиски в Северном Ледовитом океане, на побережьях Таймыра, Чукотки и Аляски не дали никаких результатов, хотя неподтвердившихся сведений об обнаружении остатков самолета, его груза или следов передвижения экипажа было немало. В мае 1938 г. вышло постановление советского правительства о прекращении поисков. Что произошло с экипажем Н-209, осталось загадкой...

Амелия Эрхарт: воздушная одиссея с трагическим финалом

По натуре и по призванию Амелия Эрхарт была рекордсменкой. Она дважды пересекала по воздуху территорию США от океана до океана, совершила беспосадочный перелет из Мехико в Нью-Йорк, первой из женщин-пилотов поднялась на высоту более 6000 метров. Ее давняя мечта перелететь через Атлантический океан сбылась в июне 1928 г. Эрхарт летела вместе со вторым пилотом Штульцем и бортмехаником Гордоном. Это был первый перелет женщины через Атлантику. Но для Амелии Эрхарт он стал лишь подготовкой к главному событию – перелету через Атлантический океан в одиночку. Произошло это в мае 1932 г. Отважная летчица поднялась в воздух на одномоторном самолете «Локхид Вега» и спустя 13,5 часа была уже в Англии.

Слава летчицы росла. А ее уже манил другой океан – Тихий. Теперь она задалась целью выполнить перелет, и тоже в одиночку, с Гавайских островов в Калифорнию, на расстояние без малого в 4000 километров. Этот полет прошел благополучно, а между тем подобная попытка стоила жизни десяти американским летчикам, и лишь австралийцу Кингсфорду Смиту осенью 1933 г. впервые удалось преодолеть этот маршрут.

Амелия Эрхарт – первая женщина, покорившая Атлантический океан по воздуху

Что же дальше? Конечно же, кругосветное путешествие. Эрхарт не сомневалась, что такой перелет ей по силам, хотя и сознавала всю его сложность. В полет она отправилась 18 марта 1937 г., взяв старт из Окленда. Вместе с Эрхарт летели еще два летчика. Первая посадка – на Гавайях. Но при взлете тяжело нагруженная машина скапотировала на нос. Пришлось возвращаться обратно. Досадная неудача лишь укрепила намерение Амелии Эрхарт облететь вокруг планеты. На этот раз она решила направить свою машину не в западном, а в восточном направлении. Новый маршрут из Майами был проложен через Пуэрто-Рико, бразильский порт Натал, потом – бросок через Атлантику в Сенегал, дальше – Египет, Индия, Сиам и северная оконечность Австралии, затем Новая Гвинея, остров Хауленд и, наконец, финиш в США. В экипаж двухмоторного «Локхида-12А» входили два человека – сама Амелия Эрхарт и штурман Фред Нунеп, опытный навигатор. Стараясь максимально увеличить запас горючего, летчики отказались

от спасательных средств, оружия, сигнальных ракет. Они стартовали 1 июня 1937 г. Только через месяц, со множеством промежуточных посадок, добрались до небольшого острова Лез у Новой Гвинеи. Отсюда Амелия Эрхарт писала мужу: «Все пространство мира осталось за нами, кроме последнего рубежа – океана». 2 июля Эрхарт и ее спутник снова поднялись в воздух. Поздно ночью, со 2 на 3 июля, Амелия Эрхарт впервые вышла в эфир: «Облачно. Погода ухудшается... Лобовой ветер». Слышимость была отвратительной, и некоторые слова разобрать не удалось. Около 8 утра с борта «Локхида» поступило тревожное сообщение: «Горючего осталось на тридцать минут. Высота 300 метров». Через 45 минут Амелия Эрхарт срывающимся голосом назвала свои координаты и прокричала: «Нас сносит на север!» Это были последние ее слова.

Предполагалось, что в случае приводнения опустевшие баки «Локхида» удержат самолет некоторое время на плаву. Но обнаружить его так и не удалось. Поиски продолжались более двух недель и в середине июля были прекращены. Тайна гибели Амелии Эрхарт и Фреда Нунепа не прояснилась до сих пор.

Заблудившийся Корригэн

Одинадцать лет, начиная с того дня, когда Чарлз Линдберг в одиночку преодолел Атлантику, Корригэн мечтал совершить такой же полет. Он давно уже подготовился к нему, но после гибели Амелии Эрхарт дальние полеты в одиночку поощряться перестали. Даже для беспосадочного полета из Калифорнии в Нью-Йорк и обратно разрешение пришлось добывать при помощи хитроумных уловок. Если бы этот полет не удался, Корригэн сохранил бы свою затею в тайне. Но теперь, после удачного трансконтинентального перелета, он не скрывал своих планов, и охотно давал интервью журналистам, рассказывая о своей мечте покорить Атлантику.

Между тем Корригэну предстоял обратный рейс из Нью-Йорка в Лос-Анджелес. Его самолет, старый моноплан «Кертисс-Робин», имел полтонны перегрузки за счет добавочных баков с горючим, но зато мог лететь без посадки около 30 часов со средней скоростью 100 миль в час. Рассвет едва забрезжил, когда Корригэн вывел свой самолет на взлетную полосу. На высоте 500 футов земля исчезла из глаз под завесой тумана. Корригэн положил самолет на правое крыло, собираясь совершить разворот на 180 градусов и направиться на запад. Глянув на компас, он вдруг с ужасом заметил, что тот не действует. К счастью, в кабине был еще один авиакомпас – на полу, прямо у ног летчика. Перед стартом Корригэн установил его курсовые линии на запад. Теперь оставалось только одно – продолжать маневр, пока параллельные линии на этом втором компасе не займут соответствующие позиции. Когда это произошло, Корригэн решил, что он лег на курс, и выпрямил самолет, упорно продолжая набирать высоту. Земля по-прежнему была скрыта туманом. Только много часов спустя стало ясно, что Корригэн неправильно определил показания компаса и теперь летел в противоположном направлении, с запада на восток...

Дуглас Корригэн

С земли многие видели его самолет, время от времени вынырывающий из тумана. Некоторые из работников аэродрома Флойд-Беннет заподозрили неладное: им вспомнилось, что Корригэн неоднократно добивался разрешения на трансокеанский полет. Наверное, он только для отвода глаз говорил о возвращении в Лос-Анджелес, а сам отправился в запрещенный полет через океан! Но друзья летчика отвергали эти подозрения: в самолете Корригэна не было рации, он не знал прогноза погоды для Атлантики, не имел никаких карт, кроме карты США. Он не взял в дорогу никакого продовольствия, кроме нескольких пакетиков инжира и пары плиток шоколада, не взял теплой одежды, воды, папирос. Даже паспорта с собой не взял. Кроме того, его самолет совершенно не годился для трансатлантического перелета. В Нью-Йорк он прилетел с протекающим бензобаком и не снял его, опасаясь, что ремонт слишком

затянется – решил рискнуть. Уж наверняка он не пошел бы на такой риск, если бы собирался лететь через океан...

Между тем самолет Корригэна набрал высоту и пошел прямо на восток. Ветер был западный, и поэтому на перелет до Европы требовалось немногим больше горючего, чем на полет в Лос-Анджелес. Скорость полета несколько превышала 100 миль в час. В разрыве туч внизу промелькнул город, который Корригэн ошибочно принял за Балтимор. Если бы тучи и туман не застилали береговую линию, он бы сообразил, что летит над Бостоном и держит курс в открытое море.

Корригэн летел между двумя плотными слоями облаков. Он ничего не видел ни внизу, ни вверху – оставалось только сверять курс по компасу. Лишь через 10 часов полета в просвете облаков снова мелькнула земля. То, что успел увидеть Корригэн, не встревожило его: в этот момент он пролетал над северной оконечностью Ньюфаундленда. А потом внимание Корригэна переключилось на совсем иное: летчик увидел, что через трещину в баке вытекает бензин. Он уже плескался на полу кабины, и башмаки у Корригэна промокли насквозь. На такой высоте в самолете было и без того холодно, а быстро испаряющийся бензин просто превращал кабину в холодильник. Дело было плохо! Пока бензина вытекло не так уж много, но Корригэн видел, что течь увеличивается. Он утешал себя мыслью, что в случае необходимости как-нибудь удастся сесть, только бы пожар не вспыхнул!

Спустя 12 часов полета Корригэн рассчитал, что находится над Мемфисом. Два часа позже он подумал, что, должно быть, пролетает над Литл-Роком. Плотные, непроницаемые слои облаков заслоняли солнце и скрывали волны океана, катящиеся на 6000 футов ниже самолета. Наступала ночь. Корригэн думал, что уже приближается к горной цепи, на которой лежит город Эль-Пасо. Время от времени возникали просветы в облаках, и тогда он пытался разглядеть огни города, белую ленту шоссе или поблескивающие извилины реки. Но, ничего не увидев, особо не удивлялся. Гораздо больше беспокоила его течь в баке: уровень жидкости на полу уже достиг дюйма. Он не знал, сколько горючего осталось. Ему угрожала вынужденная посадка в темноте и, возможно, в горах, и разлившийся по кабине бензин мог вызвать пожар. Надо было любой ценой избавиться от него. Корригэн

отверткой пробил отверстие в деревянном полу, и кабина вскоре высохла.

Вскоре впереди возникли нагромождения кучевых облаков. Самолет Корригэна был не в силах подняться выше этих громад. Пришлось пробиваться сквозь облака, полагаясь только на показания приборов. Видимость упала до нуля, дождь заливал обтекатели, просачивался сквозь колпак кабины. Порывистый ветер швырял самолет то вверх, то вниз. Немного погодя дождь сменился мокрым снегом. Спустившись до высоты 3500 футов, Корригэн остолбенел, увидев, что летит над водой! Летчик решил, что пересек весь Североамериканский континент, сам того не заметив, и теперь находится над Тихим океаном. Он обвел взглядом горизонт: суши нигде не было. Что делать? Корригэн не знал, сколько у него осталось горючего, но понимал, что надо как можно скорее добраться до суши. Готовясь к развороту назад, он взглянул на компас у своих ног. При дневном свете он был виден гораздо отчетливей, и Корригэн понял, что летит в противоположном направлении и находится теперь где-то над безбрежной пустыней Атлантики!

Корригэн не знал, что его самолет подгоняют попутные западные ветры и что он находится уже недалеко от Ирландии... Через несколько минут он увидел впереди небольшой траулер. Значит, прямо впереди должна быть земля! И действительно, вскоре Корригэн увидел зеленые холмы Ирландии. Пролетев 27 часов, он совершив посадку в Дублине, против своей воли совершив полет над Атлантикой...

Элджин Лонг: история человека, одержимого мечтой

Элджин Лонг всю жизнь был одержим мечтой: совершить небывалый авиаперелет, вписать еще одну героическую страницу в историю покорения человеком «пятого океана», но к тому времени, когда он пришел в авиацию, эра пионеров, подобных Линдбергу, давно миновала. Пришлось довольствоваться профессией штурмана, а затем пилота коммерческих авиалиний. Больше года Элджин Лонг летал в Арктике, получив бесценный опыт. Именно в это время у него рождается дерзкий план: совершить невиданный полет в одиночку вокруг земного шара через два полюса. И 5 ноября 1971 г. его двухмоторный реактивный самолет «Кроссрудз» стартовал из международного аэропорта Сан-Франциско.

После пятичасового отдыха в Фэрбенксе Лонг отправился в ночной полет через Северный полюс. Еще на подходе к Аляске отказала обогревательная система, механики в Фэрбенксе не смогли найти неисправность, и в кабине стоял страшный холод. Чтобы не замерзнуть, Лонгу перед вылетом пришлось натянуть на себя целых три комбинезона, и это чуть не стало причиной катастрофы: включив автопилот, летчик отправился в хвост самолета, где хранились его личные вещи, снаряжение и запасы продуктов, и намертво застрял там в узком проходе между запасными баками с горючим. Не сразу поняв, в чем причина, Лонг в течение 20 минут пытался выбраться из сжавших его тисков... А впереди его ждал еще один сюрприз: когда «Кроссрудз» миновал мыс Барроу, прервалась радиосвязь с Землей.

Элджин Лонг в кабине самолета

Новая опасность ждала его на самом длинном отрезке маршрута – от Лондона до столицы Ганы Аккры. Глубокой ночью, когда «Кроссрудз» перевалил через Атласские горы, из строя вышла противообледенительная система. Летчик снизился до 10 тысяч футов и над Сахарой попал в густую мглу: видимо, внизу бушевала песчаная буря. Обледеневшая машина в любой момент могла потерять управление. Лонг все же принимает решение продолжать полет, и судьба смилостивилась над ним: на рассвете песчаная буря улеглась, мгла исчезла. Без особых приключений Лонг добрался до Аккры, 15 ноября он пересек экватор и взял курс на бразильский город Ресифе. Оттуда после небольшого отдыха вылетел по маршруту Рио-де-Жанейро – Пунта-Аренас (южная оконечность Чили). Впереди лежал самый трудный отрезок полета: Лонгу предстояло первым в одиночку пересечь Антарктиду над Южным полюсом. Прогноз погоду по курсу

был самый неутешительный: ураганный ветер до 70 миль в час; снежные заряды; видимость – ноль; температура – 50° ниже нуля...

В кипящей белой мгле самолет Лонга упорно пробивался к Южному полюсу. Первой подвела отопительная система, и температура в кабине сразу же упала до –45°С. Правда, на этот раз летчик предусмотрительно надел утепленный комбинезон с автономным подогревом. Однако кислородная маска из мягкого пластика быстро превратилась в жесткий и ломкий ледяной каркас, обжигавший лицо. Видимости не было, навигационная система работала при температуре на 10° ниже рекомендованного минимума, а на пути к станции Мак-Мёрдо предстояло пройти над горным хребтом Куин-Мод высотой 15 тысяч футов. Из-за переохлаждения приборы могли давать неверные показания. И все же Лонгу удалось вслепую проскочить между горными пиками и благополучно приземлиться на полярной станции Мак-Мёрдо. Отсюда Лонг совершил перелет до Гонолулу. Он уже валился с ног от усталости. Между тем его ждало новое испытание: на пути к Сан-Франциско вместо попутного ветра, как предвещал накануне прогноз, его ждал сильный встречный ветер. Требовалось дополнительное горючее, но в Гонолулу подходящего сорта не было. С трудом удалось разыскать всего полтора галлона, которых вместе с имевшимся на борту запасом должно было хватить буквально впритык. Чтобы не заснуть в полете, Лонг завел будильник, и тот каждые 10 минут подавал сигнал, помогая удержать слипающиеся веки. Горючего оставалось совсем мало: по расчетам, его хватит лишь до 15 часов 30 минут, а посадка в Сан-Франциско была намечена на 16 часов! Лонг, перепроверив расчеты, решил, что компьютер ошибается, а если нет, то остаток пути он проделает вплавь. Надежда его сбылась: 3 декабря 1971 г. самолет благополучно приземлился в Сан-Франциско. Мечта Лонга сбылась: он облетел в одиночку вокруг земного шара, покрыв расстояние в 38 896 миль. Международная авиационная федерация зарегистрировала три рекорда, которые установил Лонг в ходе перелета:

- самый быстрый одиночный полет вокруг земного шара через оба полюса;
- самый быстрый одиночный полет от полюса до полюса;
- самый быстрый одиночный полет от экватора до полюса и обратно к экватору.

И это не считая, конечно, самого дальнего одиночного перелета в истории авиации.

Воздушная кругосветка Стива Фоссета

До 40 лет Фоссет был известен исключительно в деловых кругах. Однако в 1985 г., видимо, заскучав от достижений в бизнесе, миллионер решил переплыть Ла-Манш. Это был просто вызов самому себе – и с четвертого раза он сделал это. В течение следующих 8 лет Фоссет занимался разными экстремальными видами спорта, вроде марафонских гонок на лыжах по горам Колорадо или гонок на собачьих упряжках по заснеженной Аляске. В 1993 г. он попробовал заняться автогонками, причем опять на дальние расстояния, а затем начал плавать на скоростных яхтах. В 1993 г. Фоссет поставил мировой рекорд скоростного плавания на яхте – за 44 часа он обогнул Ирландию. С этого момента Фоссет начинает всерьез заниматься этим видом спорта. Он сконструировал катамаран Play Station и совершил еще 24 рекордных заплыва. Самым знаменитым из них считается кругосветка 2004 г., когда Стив Фоссет и его команда проплыли вокруг земного шара на 6 дней быстрее, чем предыдущие рекордсмены (уже через год это достижение было улучшено другими спортсменами).

С 1995 г. Стив Фоссет лелеял заветную мечту: он хотел первым поставить небывалый рекорд, который навсегда останется в истории человечества. Он принялся изучать историю различных спортивных достижений и нашел то, что искал! Удивительно, что за всю историю воздухоплавания еще ни один человек в мире не совершал кругосветного перелета на воздушном шаре. Это было то, что нужно! Фоссет знал, что преодолеет любые трудности такого полета – без сна, нормальной еды, при пониженной температуре и в разреженном воздухе.

Для того чтобы сконструировать аппарат, способный облететь вокруг света, Фоссет нанял команду экспертов, в которую входили люди, установившие рекорды дальности полетов на воздушных шарах. В 1996 г. он совершил первую попытку беспосадочного кругосветного перелета на воздушном шаре. Эта попытка окончилась неудачей – стартовав в Южной Дакоте, шар смог долететь лишь до Канады. Настойчивый Фоссет отправился во второй, в третий, четвертый полеты... Со второй попытки его шар долетел от Миссури до Индии, с третьей полет – до России, четвертый полет чуть было не закончился

гибелью миллионера, когда его шар попал в шторм и начал стремительно терять высоту над Австралией... Фоссет совершил пятую безуспешную попытку и лишь на шестой раз все-таки добился своего! В 2002 г., стартовав из Австралии, Фоссет через 14 дней, 19 часов и 50 минут вернулся в исходную точку. Он стал первым в мире воздухоплавателем, облетевшим на воздушном шаре вокруг света.

Литературные путешествия

Поэт-скиталец

О детских годах Ли Бо (701–762), выдающегося китайского поэта эпохи Тан, известно очень немного. Детство и юность Ли Бо провел на крайнем западе Китая, в провинции Сычуань. До 15 лет он жил дома, много читал, любил длительные прогулки, в 15 лет написал свои первые стихи. жажда свободы всегда жила в нем. Юношей он познакомился с одним отшельником и несколько лет провел с ним в горах Миншань – приручал птиц, играл на лютне, писал стихи.

В 20 лет Ли Бо познакомился с крупным ученым того времени – Су Тинем, который признал в нем талант, но посоветовал ему больше и глубже узнать жизнь. Ли Бо начинает путешествовать – сперва по родной провинции Сычуань. Он поднимается на горы Эмей, Дайтяньшань, на самый высокий пик гор Ушань. Потом его потянуло в новые места; ему захотелось побывать на «всех знаменитых горах Китая», увидеть незнакомые реки и озера. В 25 лет Ли Бо уезжает из Сычуани, чтобы никогда уже не вернуться в родные места. Начинаются годы странствий. В своих скитаниях он встречается даосских отшельников Сыма Чен-чжэня и Юань Дань-цю и бродит с ними по стране. Поселившись в Шацю (провинция Шаньдун), Ли Бо живет в горах с пятью друзьями-отшельниками. В народе их называют: «шесть отшельников Бамбуковой речки». Но снова тяга к странствиям овладевает Ли Бо, и он отправляется в путь – на джонке, а чаще всего пешком.

Ли Бо и Ду Фу во время странствий

Между тем слухи о таланте Ли Бо доходят до императорского двора. Наставник наследных принцев, поэт Хэ Чжи-чжан рассказывает императору Сюаньцзану о талантливом поэте; сестра императора тоже узнает о стихах Ли Бо и хочет его видеть. Император приглашает Ли Бо к своему двору. Мечты поэта сбываются, он едет в столицу танского Китая, в город Чаньань (ныне Сиань). Император осыпал великого поэта-скитальца милостями, он часто удостаивал Ли Бо беседой, поручал ему писать указы, ввел его в состав академии... Но такая жизнь быстро надоела поэту. Три года в Чаньани – это слишком много. Надо уезжать, бежать в горы, где можно свободно бродить и писать стихи не по заказу, а по вдохновению...

Ли Бо покидает столицу. Он едет в провинцию Хэнань, и здесь, в городе Лояне, встречает поэта Ду Фу. С этого времени возникает тесная дружба двух величайших поэтов Китая. Вместе они отправляются по бурной реке Хуанхэ к горе Ванушань, чтобы встретиться с даосским

отшельником Хуа Гайцзюнем, но, прибыв на гору, узнают, что тот уже умер. Приехав в город Кайфын, они встречают поэта Гао Ши, бродят вместе с ним по живописным окрестностям, читают стихи, беседуют.

В 746 г. Ду Фу решает отправиться в столицу, и друзья расстаются, чтобы никогда уже больше не встретиться. Ли Бо снова начинает свои одинокие странствия. В 756 г. он вступает в ряды армии наследного принца Лина, сражавшуюся с мятежниками, изгнанными императора Сюаньцзана, попадает в плен, проводит томительные дни в темнице... Смертную казнь ему заменили на ссылку: 58-летний поэт отправляется в далекую провинцию Гуйчжоу. В 759 г., воспользовавшись амнистией, Ли Бо уезжает в провинцию Аньхой, к своему родственнику Ли Янбину. Здесь спустя 3 года поэт-скиталец скончался. Рассказывают, что, сидя в лодке, Ли Бо потянулся к отражению луны в воде и утонул...

У самой моей постели легла от луны дорожка.
А может быть, это иней? Я сам хорошо не знаю.
Я голову поднимаю – гляжу на луну в окошко,
Я голову опускаю – и родину вспоминаю.
Ли Бо

Дорогами Дон Кихота

Мигель Сервантес де Сааведра происходил из благородного древнего рода и с детства слышал рассказы о славных подвигах предков. Вероятно, именно поэтому юноша, вступая в жизнь, избрал своей целью военное поприще. Не найдя себе применения в Испании, он отправился в Италию и в 1571 г. уже был в составе военно-морской экспедиции, отправлявшейся против турок. В морском сражении при Лепанто 7 октября 1571 г. Сервантес сражался храбро, был ранен четыре раза, причем одна из полученных ран искалечила ему руку. До 1575 г. он оставался на юге Италии, оправляясь от ран, и, когда силы вернулись к нему, решил вернуться в Испанию. 26 сентября 1575 г. корабль, на котором плыл Сервантес, был захвачен турецкими пиратами. Пленников отвезли в Алжир, где будущий писатель провел 5 лет. Пребывание в плену запомнилось его товарищам по несчастью тем, что Сервантес неизменно сохранял присутствие духа, поддерживал и укреплял своих собратьев, завоевав среди них немалый авторитет. Это, однако, имело и обратный эффект: турки неоднократно угрожали Сервантесу смертной казнью, некоторое время он провел на галерах. Только в сентябре 1580 г. родственники смогли выкупить его из плена.

Дон Кихот и Санчо Панса. Гравюра Гюстава Доре

Следующие 3 года Сервантес снова провел в военных походах на юге Испании и в Португалии, но военная служба становится для него непосильной, и он выходит в отставку. С этого времени начинается его литературная деятельность. Заработка она, правда, не приносила, поэтому для добывания насущного хлеба будущий автор «Дон Кихота» поступает в интендантскую службу; ему поручают закупать провиант для Непобедимой армады и для кораблей, уходящих в Вест-Индию (говорят, что Сервантес и сам собирался уплыть в Америку), но, будучи человеком непрактичным и неспособным ко всякого рода бухгалтерии, Сервантес постоянно попадает в разные неприятные истории. Однако он не прекращает своей литературной деятельности; его скитания по Испании дают писателю материал для новых книг. В конце концов, Сервантес оказался в тюрьме. В заключении он пишет свой знаменитый

роман о приключениях рыцаря Печального образа, обессмертивший его имя...

В 1604 г. выходит в свет первая часть «Дон Кихота», имевшая громадный успех в Испании и за границей. С этих пор до самой смерти литературная деятельность Сервантеса не прекращалась.

Французский драматург в Лапландии

Жана-Франсуа Реньяра сегодня называют самым выдающимся после Мольера драматургом-сатириком XVII столетия. Впрочем, он прославился не только своими пьесами, но и записками о путешествиях и приключениях, которых у Реньяра было немало. От своего отца, успешного торговца, Реньяр унаследовал большое состояние, которое он увеличил, удачно играя в азартные игры. Имея деньги, молодой человек решил отправиться в дальнейшее путешествие, намереваясь полюбоваться красотами Италии, но в 1678 г. на обратном пути 22-летний Реньяр попал в плен к алжирским пиратам, был продан в Алжире в рабство и увезен в Константинополь, где несчастного путешественника выкупил французский консул. Эта история, однако, не устрасила Реньяра. Он продолжал путешествовать. В 1681 г. Реньяр отправился через Бельгию и Голландию сперва в Данию, а потом в Швецию, где путешественник был принят при дворах королей: датского Кристиана V и шведского Карла XI, а потом двинулся на север – в Лапландию. От города Торнио, что на северном берегу Ботнического залива, он прошел вверх по реке Торниойоки в глубь страны саамов, и, преодолев около 400 километров, достиг озера Турнетреск – истока реки Турнеэльва, окруженного высокими безлесными горами. Реньяр поднялся на одну из гор, «по высоте превосходящую все остальные», и с ее вершины увидел «все пространство Лапландии и море до северного мыса...». В середине сентября, «миновав более сорока водопадов», Реньяр вернулся к Ботническому заливу и через Польшу, Венгрию и Германию добрался до Франции. Его путевые очерки «Путешествие в Лапландию» были опубликованы лишь в 1731 г. Меткие наблюдения Реньяра, его описание дикой природы Севера и образа жизни саамов, их языческих обычаев, склонности к алкоголю и довольно неприглядного быта вызвали большой интерес у читающей публики. Современные шведские ученые считают Реньяра одним из выдающихся исследователей крайнего севера их страны.

Жан-Франсуа Реньяр

Даниель Дефо и Робинзон Крузо

...«С самого раннего детства я больше всего на свете любил море. Я завидовал каждому матросу, отправлявшемуся в дальнее плавание. По целым часам я простаивал на морском берегу и не отрывая глаз рассматривал корабли, проходившие мимо. Моим родителям это очень не нравилось».

Этими словами Даниель Дефо начинает свою знаменитую книгу о Робинзоне Крузо. Очень возможно, что в них отразились юношеские впечатления самого писателя, жизнь которого прошла весьма бурно, хотя в далеком путешествии он побывал всего-навсего один раз в жизни. У будущего писателя были большие амбиции: он был замешан едва ли не во всех коммерческих и политических предприятиях своего времени, занимался торговлей различным товаром и редко вылезал из долгов. Однажды он разбогател и даже купил себе корабль, но в 1692 г. его арестовали за неуплату. Освободившись из тюрьмы, Дефо отправился в путешествие, которое продолжалось около 3 лет. После своего освобождения Дефо путешествовал по Европе и Шотландии, совершил морское плавание в Португалию. В 1695 г. он вернулся в Англию и больше уже не покидал Англию. В 1719 г. увидел свет его роман «Робинзона Крузо», принесший писателю всемирную славу. Он был написан на основе реальных событий; очевидно, что Дефо пользовался при этом и своими собственными впечатлениями: чего стоит, например, одна только фраза из «Робинзона»: «Вы сами на себе испытали, как опасно путешествовать по морю». В основу романа была положена история шотландского матроса Александра Селкирка, который прожил на необитаемом острове в полном одиночестве 4 года и 4 месяца (1705–1709 гг.), пока его не подобрал проходивший мимо корабль, однако при чтении романа возникает ощущение, что порой автор видит в образе Робинзона самого себя. Ободренный успехом «Робинзона», Дефо написал еще множество книг о путешествиях и приключениях: «Морской разбойник», «Путешествие вокруг света», «Полковник Джек» и т. д.

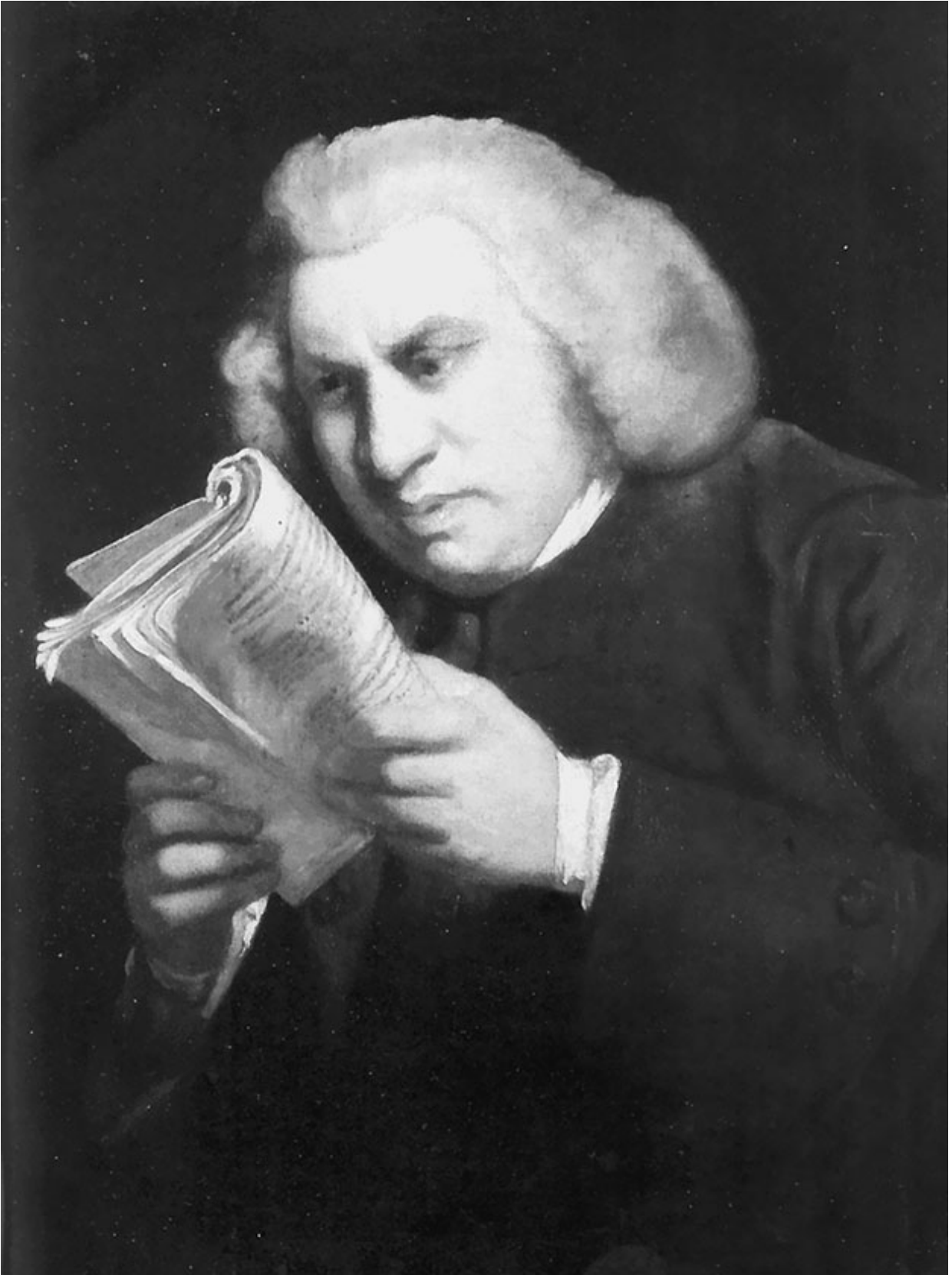

Робинзон Крузо и его спутник Пятница на острове

Рассказы о далеких островах

Джеймс Босуэлл большую часть своей жизни провел в Лондоне. Он был дипломированным юристом и занимался адвокатской практикой, но истинным его призванием стала литература. В 1763 г., приехав из Эдинбурга на учебу в Лондон, Босуэлл познакомился с Сэмюэлем Джонсоном. Они очень быстро подружились. С тяжелым сердцем Босуэлл расставался со своим новым другом, отправляясь в августе того же года в Утрехтский университет для продолжения занятий правом...

Проведя год в Голландии, Босуэлл отправился в путешествие по Германии, Швейцарии, Италии и Франции, где познакомился с Вольтером и Руссо. По рекомендации последнего он отправился в довольно рискованное путешествие на остров Корсика, народ которого под руководством знаменитого Паскуале ди Паоли поднялся на восстание против Генуи. Результатом пребывания среди корсиканских повстанцев стала книга «Рассказ о Корсике», принесящая Босуэллу шумную литературную славу.

Джеймс Босуэлл

Вернувшись в Лондон, Босуэлл в 1773 г. вместе с Джонсоном отправляется в совместное путешествие в Шотландию и на Гебридские острова. Впечатления от этой поездки Босуэлл описал в очерке под названием «Дневник путешествия на Гебриды», который опубликовал только после смерти своего друга и спутника по путешествию в 1784 г. Успех «Дневника...» вдохновил его на биографию Джонсона. Объемистый двухтомный труд «Жизнь Сэмюэла Джонсона» увидел свет 16 мая 1791 г., в 28-ю годовщину знакомства Босуэлла с Джонсоном. Сегодня специалисты относят эту книгу к числу наиболее значительных биографических сочинений в западноевропейской литературе. А открытие в 1920-х гг. ранее неизвестных рукописей Босуэлла, включая его юношеский дневник, заставила литературоведов по-новому посмотреть на творчество Босуэлла и признать в нем блестящего мастера дневниковой прозы.

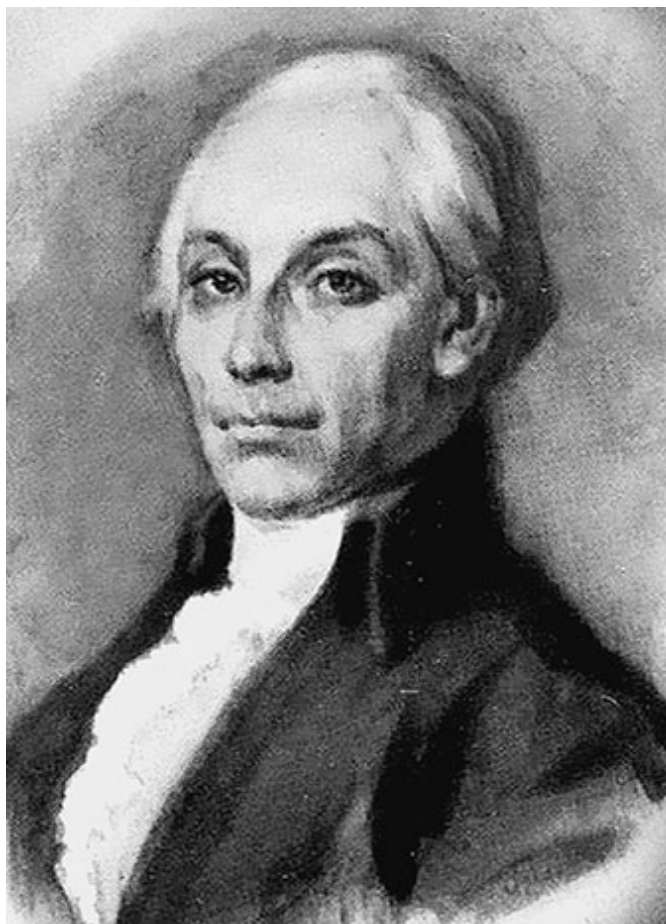
Путешествие из Петербурга в Москву

«Бунтовщик хуже Пугачева!» – заключила Екатерина II, прочитав «вольнодумную» книгу Александра Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву». Что ж, писатель порой действительно может быть опасен для правящего режима, несмотря на то что за его спиной нет армии восставших и расправиться с ним не составляет большого труда. Еще в 1773 г., когда в России началась крестьянская война, Радищев одним из первых заявил: «Самодержавство есть наипротивнейшее человеческому естеству состояние». И эту мысль он последовательно развил в главной и самой известной своей книге.

«Путешествие из Петербурга в Москву» Радищев написал в форме дорожных заметок некоего интеллектуала, путешествующего по российской провинции. Но этот путешественник, несомненно, не Радищев, хотя его взгляды автор разделяет вполне и именно личные наблюдения автора лежат в основе «Путешествия...». Книга эта менее всего представляет собой рассказ о дорожных впечатлениях. В романах XVIII в. жанр путешествия нередко использовался как наиболее удобная форма, позволяющая показать эволюцию героя и постепенное обретение им истины.

В книге Радищева главный герой едет по большому Петербургскому тракту, соединяющему две русские столицы, внимательно наблюдая народную жизнь, разговаривает с ямщиками, дворовыми, рекрутами, сострадая им и испытывая глубокую скорбь от того состояния, в которое погружена современная ему Россия: «Я взглянул окрест меня, душа моя страданиями человечества уязвлена стала». Путешественник уверен, что «бедствия человека происходят от человека, и часто от того только, что он взирает непрямо на окружающие его предметы», и предлагает читателю научиться видеть истину и взирать на мир «прямо». Этот «прямой» взгляд, по мнению путешественника, позволяет увидеть довольно простые, но важные истины: власти не заботятся о благе народа, крепостное рабство превратилось в удавку на шее России, а казенная церковь освящает этот ненавистный порядок вещей. Собственно говоря, в этом и заключается вся фабула книги. Однако Радищев-автор идет дальше: он высказывает ряд мыслей относительно путей изменения русской действительности,

однако ни одна из возможностей им не абсолютизируется, за читателем остается право думать и выбирать. Единственное, в чем автор тверд, так это в требовании «совершенного уничтожения рабства»: Радищев настаивал на том, чтобы земля была отобрана у помещиков и отдана «делателю ее» – крестьянину.

Александр Радищев

Дальнейшая судьба Радищева известна. Что же касается русского общества, то ему потребовалось еще более полувека, чтобы хотя бы отчасти осознать справедливость высказываний Радищева. Крепостное право было отменено в 1861 г., а запрет с мятежной книги был снят только после революции 1905 г.

После Радищева жанр путешествия в русской литературе прочно был связан с образом и темой России.

Искания Шатобриана

Путешествия, говорят, излечивают от тоски и сомнений, однако с Франсуа Рене Шатобрианом подобного исцеления не произошло – слишком тревожным было его время. В 1789 г. он, 23-летний лейтенант Наваррского полка, стал свидетелем штурма Бастилии и разнузданных убийств ни в чем не повинных людей. Возмущенный этими преступлениями, но так и не решившись примкнуть к сопротивлению, он уехал в США, где провел пять месяцев – с июля по декабрь 1791 г., путешествуя по дебрям Северной Америки. Шатобриан даже намеревался отыскать Северо-Западный проход, ведущий вдоль северных берегов Американского континента из Тихого океана в Атлантический, но из этого ничего не получилось. Правда, возвратясь в Европу, он привез с собой объемистую кипу путевых заметок, среди которых были и наброски опубликованных 10 лет спустя «Атала» и «Рене». Две эти небольшие повести стали ранними вестниками нового литературного направления – романтизма. Но главным итогом его трехлетних поездок по Новому Свету стала книга очерков «Американские путешествия» – эмоциональное описание необычной страны и характера ее народа.

Франсуа Рене Шатобриан

Известие об аресте Людовика XVI побудило Шатобриана вернуться во Францию. В начале 1792 г. он примкнул к армии роялистов, участвовал в одном из сражений, был ранен и в 8 лет находился в эмиграции в Англии. Во Францию он вернулся в 1800 г. под именем швейцарского гражданина Ля Саня и с прусским паспортом. Уже в следующем году увидела свет его повесть «Атала», сразу завоевавшая признание публики. Действие повести разворачивалось на фоне экзотической жизни коренных обитателей Америки. Поступив на государственную службу, Шатобриан не ладил с Наполеоном: никакого гения он в нем не увидел – только мясника, бестрепетно торгующего «пушечным мясом» (эта фраза Шатобриана стала крылатой). После казни герцога Энгиенского Шатобриан оставил службу. В этот период вышла в свет его эпопея «Мученики» (1809), повествующая о преследованиях христиан во времена императора Диоклетиана. В поисках материала для этой книги Шатобриан

предпринял поездку в Грецию и на Ближний Восток, побывал в Афинах, Риме, Иерусалиме, рассказав о своих приключениях в книге «Путешествие из Парижа в Иерусалим» (1811). После падения Наполеона Шатобриан вернулся на государственную службу, был министром иностранных дел Франции, но в середине 1820-х гг. окончательно удалился от общественной жизни. Заметки, сделанные еще в Америке, он переработал в роман «Натчезы» (1826), продолживший его рассказы о жизни индейцев. Он скончался 4 июля 1848 г. и, согласно его желанию, был погребен на одинокой морской скале среди океана.

Смерть «Чайльд Гарольда»

Очень может быть, что страсть к путешествиям Джордж Гордон Байрон унаследовал от знаменитого мореплавателя Джона Байрона: мать будущего поэта, Кэтрин Гордон, была второй женой прославленного моряка. Однако в свое первое путешествие Байрон отправился не по зову сердца, а по вполне прозаической причине: в Лондоне он наделал долгов на несколько тысяч фунтов и был вынужден бежать от кредиторов. В июле 1809 г. Байрон со своим другом Хобхаусом отправились морем в Лиссабон, высадившись на берег, пересекли Испанию, из Гибралтара морем добрались до Албании, где нанесли визит знаменитому янинскому правителю Али-паше Тепелени, поднявшему мятеж против турок, а оттуда добрались до Афины. Здесь они провели зиму. Весной следующего года по пути в Константинополь Байрон переплыл Дарданеллы, чем потом немало гордился. Следующую зиму путешественники снова провел в Афинах.

Фронтиспис поэмы «Паломничество Чайльд Гарольда» издания 1825–1826 г.

В Англию Байрон возвратился в июле 1811 г. Он привез с собой рукопись автобиографической поэмы «Паломничество Чайльд Гарольда», публикация которой в одночасье прославила имя Байрона. В главном герое поэмы видели самого автора, вернувшегося с Востока в ореоле романтических легенд; поговаривали даже, что Байрон занимался пиратством. На волне этого успеха поэт создал цикл «Восточных поэм». В 1816 г. Байрон вновь был вынужден покинуть Англию. Он поселился в Швейцарии на берегу Женевского озера, где написал «Шильонского узника». С 1817 г. поэт жил в Италии: в Венеции, Пизе, Генуе, Равенне. Устав от бесцельного существования, Байрон с готовностью отозвался на предложение помочь Греции в войне за независимость. На собственные средства снарядив корабль, летом 1823 г. он высадился на острове Кефалония, а в начале следующего года присоединился к отряду князя Маврокордато в Месолонгионе, приняв под свое командование отряд повстанцев. В

конце зимы он сильно простудился, болезнь не прекращалась, а только обострялась, и 19 апреля 1824 г. Барон скончался.

Путешествия Анри Стендаля, солдата и туриста

Анри Мари Бейль, позднее ставший известный всему миру как Анри Стендаль, приехал в Париж через несколько дней после переворота 18-го брюмера, когда молодой генерал Бонапарт захватил власть в свои руки. На волне общего энтузиазма Стендаль вступает в армию и отправляется к месту службы в Италию. С 1805 г. Стендаль служит в военном интендантстве, непрерывно разъезжая по Европе вслед за армией Наполеона. В 1806 г. он вступает вместе с французскими войсками в Берлин, в 1809 г. – в Вену, а в 1812 г. отправляется в русский поход. Вместе с солдатами Великой армии Стендаль побывал в Могилеве, Смоленске, Москве, пережил ужасы зимнего отступления французской армии из России. После падения Наполеона и реставрации Бурбонов Стендаль уезжает в Италию. Он поселяется в Милане и живет здесь почти безвыездно около 7 лет. Пребывание в Италии оставило глубокий след в творчестве Стендаля. Эта страна вдохновила его на целый ряд произведений, включая наиболее известный его роман «Пармская обитель». Отдал Стендаль и дань популярному в его время жанру путешествия. Когда один из издателей в 1836 г. предложил ему написать серию путевых очерков по Франции, 53-летний писатель не мешкая отправился в путь. В одиночку или вместе со своим старым другом Проспером Мериме, служившим тогда инспектором исторических памятников, Стендаль совершил несколько поездок по французской провинции. Для написания задуманных очерков ему пришлось использовать и рассказы друзей, и газетные сообщения, и специальные труды по истории и археологии – к ним в это время у публики пробудился особый интерес. Но главным, конечно, были впечатления, полученные в поездках. Так через 2 года появились «Записки туриста». Они представляли собой форму путевых записей: в таком виде автору было легче выразить свое отношение к порядкам, царившим в ту пору во Франции. Так что «Записки туриста» в известном смысле были небеспристрастны.

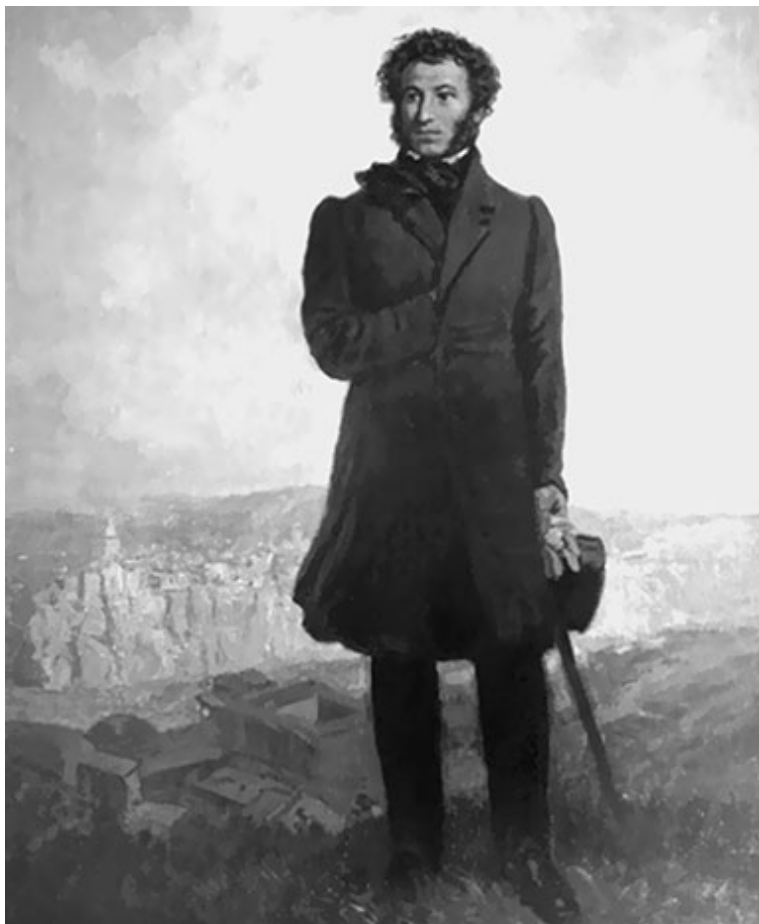
Анри Стендаль

Пушкин на Кавказе

Александр Пушкин много путешествовал. «С детских лет путешествия были моей любимой мечтой», – писал он в одном из писем. Известно, что порой Пушкин даже работал в дороге; во всяком случае, некоторые его стихотворения помечены словом «дорога», а другие – названиями мест, где он был только проездом. В свое первое большое путешествие поэт отправился в мае 1820 г., и, увы, не по своей воле: фактически это была ссылка. Пушкина выслали из Петербурга с назначением в канцелярию наместника Бессарабии генерала Инзова.

Спустя 12 дней, преодолев 1600 верст, Пушкин добрался до Екатеринослава, где в ту пору находилась канцелярия наместника, и, искупавшись в Днепре, простудился и заболел «лихорадкой». Как раз в это время в городе находилась семья генерала Н.Н. Раевского, ехавшая на Кавказские воды. Сын Раевского, Николай Раевский-младший, предложил поэту присоединиться к ним, и Пушкин с большой радостью принял это приглашение. Два месяца он провел на Северном Кавказе. Впечатления от этой поездки остались в его памяти на всю жизнь, постоянно «прорываясь» в творчестве поэта. Вместе с Раевскими Пушкин побывал и в Крыму, а потом через Симферополь и Одессу добрался до Кишинева – места своей новой службы. Это первое большое путешествие поэта в общей сложности заняло 4 с половиной месяца и дало много новых импульсов для его творчества.

Новая встреча Пушкина с Кавказом произошла в 1829 г. Взяв подорожную до Тифлиса, поэт через Калугу и Белев доехал до Орла, где навестил отставного генерала А.П. Ермолова, героя Отечественной войны 1812 г. и бывшего наместника Кавказа, а затем, проехав через калмыцкие степи и Георгиевск, двинулся по Военно-Грузинской дороге через Владикавказ в Тифлис. Пробыв в Тифлисе около 2 недель, поэт на свой страх и риск отправился в действующую армию. Он нагнал части уже за Карсом и шел с войсками до самого Эрзерума (Арзрума), причем попытался принять непосредственное участие в военных действиях. 27 июня поэт стал свидетелем взятия Эрзерума; в его книге «Путешествие в Арзрум» впервые в русской литературе дано описание этого турецкого города.

Пушкин в Тифлисе. Художник И.А. Вепхвадзе

Из-за угрозы эпидемии чумы Пушкин был вынужден спешно оставить Эрзерум. На обратном пути он на несколько дней задержался в Тифлисе, затем в Минеральных Водах и 20 сентября того же года прибыл в Москву. «Путешествие в Арзрум» Это заняло в общей сложности полгода, за это время Пушкин преодолел 7 тысяч километров. В дороге поэт вел путевые записи, услышанного, фиксировал свои впечатления, размышления, все увиденное и услышанное, делал зарисовки. На основе этих заметок им был написан очерк «Путешествие в Арзрум», увидевший свет в 1836 г.

Сфинксы и «Ветка Палестины»

Можно с уверенностью сказать, что увлечение Востоком пришло к молодому Андрею Муравьеву в Крыму. Свои крымские стихи он читал Александру Пушкину, который и сам в душе был горячим поборником далеких путешествий. В Русско-турецкую войну 1828–1829 гг. Муравьев вместе с армией прошагал от Молдавии до Адрианополя и все свободное время тратил на изучение языков. Побывал в Стамбуле, где завязал несколько важных знакомств. Так родилось решение ехать в Египет. Вскоре он уже в Александрии. Здесь воображение путешественника поразило вид выставленных на продажу сфинксов, привезенных греческим археологом Атанаси из храмовой столицы древнего Египта – «стовратных» Фив. Муравьев загорелся желанием купить эти статуи, полагая, что они украсят собой «град Святого Петра». Он составил подробное описание сфинксов, приложил к нему собственный рисунок и отправил эти бумаги в Петербург. Президент Академии художеств А.Н. Оленин поддержал это предложение, сумел заинтересовать им царя, и в итоге сфинксы были куплены за 64 тысячи рублей. Ныне они украшают пристань перед Академией художеств в Петербурге.

Следующая остановка путешественника была в Каире. «Нельзя не плениться сею живою картиною Востока, иногда неприятной в частях, но всегда привлекательною в целом, ибо с юных лет воображение устремляет нас в сей чудный край, как бы на родину солнца, где все должно сиять особенным блеском, где мы привыкли черпать поэзию в речах людей, в их первобытных, неизменных нравах, в самой их дикости, которая нам, избежавшим оной, уже кажется новостью и предметом занимательности... Для любителей Востока, напитанных его волшебными сказками, неоцененное сокровище Каир, в нем нет примеси европейской, каждая черта напоминает край и век халифов, ибо ничто не изменилось наружно». Муравьев посетил монастырь Святого Георгия и патриаршее подворье в Каире, где был принят коптским патриархом Египта. Его допустили в архив патриархии, где путешественник увидел дарственные грамоты царей Алексея Михайловича и Петра I и императрицы Анны Иоанновны.

Из Египта путь Муравьева лежал в Иерусалим. Он прибыл сюда 23 марта 1830 г. и встретил Пасху в храме Гроба Господня. Путешественник посетил также Вифлеем и посвятил ему целую главу своей книги. Обратный путь его в Одессу лежал через Кипр и Смирну. В 1830 г. Муравьев заканчивает двухтомное «Путешествие по святым местам Востока», которое современники единодушно причислили к лучшим образцам географической литературы первой трети XIX в. За 8 лет книга выдержала четыре издания! В этом труде А.Н. Муравьев описал не только свои личные впечатления, но также привел множество исторических фактов и воспоминаний своих предшественников. Говорят, что, вдохновленный этой книгой, Михаил Лермонтов именно в доме Муравьева написал свою знаменитую «Ветку Палестины».

«Черкес» Александр Дюма

За свою богатую событиями жизнь знаменитый французский писатель Александр Дюма совершил несколько путешествий, и каждый раз – не совсем по своей воле. Его первой поездке в Швейцарию предшествовали бурные события Июньской революции в Париже, в которой Дюма принял самое деятельное участие. Ему угрожал арест, и в июле 1832 г. по совету друзей писатель покинул Францию и направился в Швейцарию, где провел несколько месяцев. Это путешествие оказалось весьма плодотворным. Дюма встречался с разными интересными людьми, работал в библиотеках, много общался с местными жителями, посещал места исторических событий. Три месяца странствий в Альпах, среди рек, озер и лугов, вылились в «Впечатления от путешествия в Швейцарию».

Вновь писателю пришлось покинуть Париж в 1851 г., после бонапартистского переворота. Дюма уехал в Брюссель, а в 1858 г. по приглашению графа Кушелева-Безбородко отправился в далекую Россию. Он провел здесь почти 2 года, посетил Петербург и Москву, побывал в Карелии и на острове Валаам, а затем через по Волге, через Нижний Новгород, Казань, Саратов, Царицын и Астрахань добрался до Кавказа. Дюма побывал на Кавказской линии и от крепости Кизляр совершил путешествие по Чечне и Дагестану, добравшись в итоге до Дербента. Власти позаботились о безопасности французского писателя – на протяжении всего этого пути его сопровождал отряд казаков, но Дюма в своих записках постарался представить эту поездку гораздо более опасной, чем она была на самом деле: «Дорога привела меня в столицу Грузии через Темир-Хан-Шуру, Дербент, Баку и Шемаху, т. е. через те самые места, по которым, как правило, никто не ездит из-за трудностей и особенно опасностей».

Александр Дюма

Из Дербента Дюма через Баку добрался до Тифлиса. Его путешествие по России завершилось в Поти, где писатель поднялся на борт корабля «Великий князь Константин». В Трапезунде путешественник перебрался на французский корабль «Сюлли» и после 6-дневной стоянки в Константинополе достиг Афин, где сел на пассажирское судно, идущее в Марсель. 9 марта 1859 г. путешественник сошел на французский берег, облаченный в черкеску с газырями и папаху, с шашкой на боку... О своем путешествии в Россию Дюма рассказал в книге «Из Парижа в Астрахань».

С Жюлем Верном вокруг света

Современники были убеждены, что их кумир, знаменитый Жюль Верн, лично побывал во всех тех путешествиях, о которых он рассказывал в своих книгах, завоевавших огромную популярность во всем мире. Рассказывают, что, когда писатель однажды пришел на прием к министру иностранных дел Франции, секретарь министра сказал: «Садитесь, пожалуйста, месье Верн. После стольких путешествий вы, наверное, очень устали...»

Всю жизнь Жюль Верн мечтал отправиться в кругосветное плавание. Одиннадцатилетним подростком он сбежал из дома, чтобы отправиться в Вест-Индию на трехмачтовой шхуне «Корали». Шхуна уже вышла в плавание, когда отец будущего писателя догнал ее на паровом катере и буквально в последний момент снял сына с борта. Наказание было суровым...

Через несколько лет начинающий литератор Жюль Верн знакомится в Париже со старым морским волком Жаком Араго, целыми днями слушая рассказы о его похождениях. Вдохновленный ими, Жюль Верн пишет рассказ «Первые корабли мексиканского флота», ставший началом его литературной деятельности. А в свое первое путешествие – на Британские острова – писатель отправился в 1859 г. Он побывал в Эдинбурге, на Гебридских островах, в Ливерпуле и Лондоне. Спустя год писатель отправляется в новое путешествие – на этот раз в Скандинавию.

Жюль Верн

В 1863 г. увидел свет первый роман Жюль Верна из цикла «Необыкновенные путешествия» – «Пять недель на воздушном шаре». Его успех вдохновил писателя; он решил и впредь работать в этом жанре. Конечно, Жюль Верн не совершал всех тех путешествий, о которых он писал, но его нельзя назвать и «кабинетным» писателем. Он много путешествовал, хотя совершить кругосветное путешествие ему так и не удалось. В 1867 г. писатель пересек Атлантический океан на пароходе «Грейт-Истерн», побывал в Нью-Йорке и на Ниагарском водопаде. За год до этого Жюль Верн поселился в небольшом рыбацком поселке Кротуа, где приобрел маленькую яхту «Сен-Мишель». На ней, а потом на двух других яхтах, последовательно сменявших друг друга, – «Сен-Мишель II» и «Сен-Жозеф», Жюль Верн совершил несколько плаваний по Северному и Средиземному морям. Он посетил Англию, Шотландию, Голландию, Германию, Данию, Лиссабон, Танжер, Гибралтар, Алжир, Италию, порой подвергаясь серьезным

опасностям: однажды у берегов Мальты, например, его яхту едва не выбросило ураганным ветром на скалы. Многие впечатления от этих плаваний впоследствии легли в основу его романов из серии «Необыкновенных путешествий». В 1886 г. писатель был тяжело ранен своим душевнобольным родственником, и с этого времени ему пришлось навсегда расстаться с мыслью о странствиях. О кругосветном путешествии Жюль Верн рассказал только в своих романах...

Томас Майн Рид: между правдой и вымыслом

Молодой ирландец Томас Майн Рид, как многие его современники, отправился в странствия по миру, движимый желанием не только увидеть новые страны, но и набраться опыта, найти дело по душе, выбиться в люди. В середине XIX в. самым подходящим местом для этого была, конечно, Америка. Майн Риду пришлось немало попутешествовать и сменить множество профессий. Несколько лет подряд он охотился на просторах Дальнего Запада от Миссури до Скалистых гор, вел торговлю с индейцами, в 1846–1848 гг., уже будучи журналистом, участвовал в войне США с Мексикой, получил тяжелое ранение в ногу. Впечатления, полученные Майн Ридом в годы военных походов, позже легли в основу его первого романа «Вольные стрелки» (1850).

В 1848 г. Майн Рид уехал в Европу, намереваясь принять участие в революционном движении сначала в Баварии, а затем в Венгрии, но к тому времени, когда он добрался до этих мест все революции закончились. Майн Рид оседает в Лондоне и решает посвятить себя литературе. Его приключенческие романы вскоре завоевывают мировую известность. Большинству читателей было и невдомек, что Майн Рид хотя и много путешествовал, но никогда не был ни в Южной Африке, ни в джунглях Амазонки, ни на Ямайке, ни на острове Борнео, ни в горах Тибета. А ведь именно в этих местах развиваются действия многих его романов! Однако ему были знакомы Канада и северо-запад США, он немало попутешествовал по американскому Юго-Западу и Дальнему Западу, отлично знал Мексику. Почерпнутые во время этих путешествий знания, собственный опыт он широко использовал при написании многих своих (особенно ранних) романов.

В 1867 г. 49-летний Майн Рид решает вторично попытать счастья в Америке, но, так и не добившись успеха, спустя 3 года возвращается в Англию – на этот раз навсегда.

Герман Мелвилл в южных морях

Отец Германа Мелвилла умер, когда будущему писателю было всего 12 лет. Вместе с отцом ушли в небытие и мечты о хорошем образовании. В 13 лет Мелвилл уже работал, до совершеннолетия перепробовал несколько профессий, а в 1841 г. отправился в южные моря на борту китобойного судна «Акушнет». На одном из островов Полинезии он, не выдержав придирок боцмана, сбежал с корабля и оказался в плену у туземцев из племени тайпи, пользовавшихся самой дурной репутацией: их считали каннибалами. Спустя месяц сумел сбежать с острова на австралийском китобойном судне «Люси Энн», принял участие в матросском бунте, вместе с другими матросами оказался в тюрьме, бежал, на острове Эймео вновь завербовался на китобойное судно, но через несколько месяцев на Гавайских островах был списан с корабля, бродяжничал, в 1843 г. поступил матросом на военный фрегат «Соединенные Штаты», зашедший в Гонолулу, и, плавая на этом фрегате, побывал в Вальпараисо, Кальяо, Лиме, Рио-де-Жанейро... Домой Мелвилл вернулся в 1844 г. – без гроша в кармане, но зато с огромным запасом впечатлений. Спустя 2 года выходит в свет его первая книга «Тайпи» – увлекательный рассказ о приключениях автора в плену у каннибалов. Книга эта имела огромный успех, настолько вдохновивший автора, что он написал продолжение. В последующие годы Мелвиллом были опубликованы автобиографические повести «Ому» (1847), «Редберн» (1849), «Белый бушлат» (1850), воспринимавшиеся читателями прежде всего как путевые очерки, хотя по содержанию они были, конечно же, гораздо глубже.

Иллюстрация к самому известному произведению Г. Мелвилла

В 1860 г. Мелвилл совершил кругосветное путешествие, но в дальнейшем был вынужден почти 20 лет прослужить на таможне – литературная деятельность не приносила никаких доходов. Слава классика мировой литературы пришла к Мелвиллу после смерти. Его лучший роман «Моби Дик», написанный под впечатлением китобойной экспедиции в южные моря, считается шедевром американской и мировой литературы.

Марк Твен: «Путешествия губительны для предрассудков...»

Марк Твен был убежден, что путешествия позволяют человеку шире мыслить, избавляют от национальной замкнутости и национального чванства: «Путешествия губительны для предрассудков, фанатизма и ограниченности, вот почему они так остро необходимы многим и многим у нас в Америке. Тот, кто весь свой век прозябает в одном каком-нибудь уголке мира, никогда не научится терпимости, не сумеет широко и здраво смотреть на жизнь». Он сам с молодых лет с большой охотой странствовал по миру. Юный Сэмюэль Ленгхорн Клеменс (таково настоящее имя писателя) устроился помощником лоцмана на пароход, ходивший по Миссисипи, и сам псевдоним Марк Твен, под которым он позже стал известен всему миру, заимствован им: возглас «Марк твен!» (*англ.* «mark twain», буквально – «метка 2 сажени») означал, что достигнута минимальная глубина, пригодная для прохождения речных судов.

Марк Твен на палубе судна

В 1861 г. из-за начавшейся Гражданской войны Марк Твен был вынужден оставить Миссисипи и уехал на запад, в Неваду, где переквалифицировался в старатели и начал работать на серебряных рудниках. Разбогатеть ему не удалось, зато здесь он начал свою литературную деятельность. В 1864 г. он перебрался в Сан-Франциско, а весной 1866 г. отправился на Гавайи с заданием писать письма о своих приключениях. По возвращении в Сан-Франциско эти письма ждал оглушительный успех. В июне 1867 г. Марк в качестве

корреспондента газет «Альга Калифорния» и «Нью-Йорк трибюн» отправляется в Европу и на Ближний Восток. Это путешествие длилось 5 месяцев. Помимо многих европейских городов – Парижа, Рима, Помпеи, Венеции, Неаполя, Флоренции – Марк Твен побывал в Одессе и Крыму, а также на Ближнем Востоке – в Дамаске, Иерусалиме, Вифлееме, Каире и Александрии. Все увиденное им Марк Твен описал в 53 письмах, отправленных им в американские газеты. В 1869 г. эти очерки составили книгу «Простак за границей, или Путь новых паломников». В 1880 г. увидела свет еще одна книга путевых впечатлений писателя – «Пешком по Европе», написанная Марком Твеном на основе впечатлений от длительной пешеходной экскурсии по Германии и Швейцарии. В ней остались запечатлены яркие картины природы и множество любопытных бытовых сценок и метких наблюдений за нравами местных жителей. А в 1898 г. вышла книга, написанная по материалам путешествия вдоль экватора, которое Марк Твен предпринял за год до этого.

Остров сокровищ Роберта Льюиса Стивенсона

Знаменитый шотландец Роберт Льюис Стивенсон отправился в дальние путешествия не по своей воле, хотя он с ранних лет мечтал о них. В конце концов эти путешествия определили его место жительства, продлили на значительное время его полноценную жизнь при смертельном недуге, послужили фоном для нескольких написанных им книг, а во время одного из странствий он встретил свою спутницу жизни...

В 1873–1879 гг. Стивенсон жил во Франции, перебиваясь на скудные заработки молодого литератора. В этот период он совершил путешествие на байдарке по рекам Франции, описанное в его первой книге «Путешествие в глубь страны», и пеший поход, описанный в «Путешествии с ослом в Севенны». В Севеннах Стивенсон встретил Френсис Матильду Осборн, американскую художницу-любительницу; расставшись с мужем, она с детьми жила в Европе. Стивенсон был ею очарован: интеллектуалка, умеющая при этом быть и прачкой, и фермершей; прелестная остроумная женщина, умеющая стрелять из револьвера; прекрасная художница, знающая толк в литературе... Отправившись в США, влюбленные 19 мая 1880 г. сочетались браком в Сан-Франциско. Их совместная жизнь была отмечена неусыпной заботой Фанни о болезненном муже.

Надгробье над могилой Р.Л. Стивенсона. Самоа

У Стивенсона были слабые легкие и бронхи. В 1880 г. писателю был поставлен диагноз – туберкулез. В поисках целительного климата он посетил Швейцарию, юг Франции, Борнмут (Англия) и Саранак-Лейк в штате Нью-Йорк. По этой же причине Стивенсон с женой, матерью и пасынком отправился на яхте «Каско» в южные области Тихого океана. После шестимесячного пребывания на Гавайских островах они посетили Маркизские острова, острова Туамоту, Таити, Микронезию и Австралию и в итоге приобрели участок земли на острове Уполу в архипелаге Самоа, решив надолго обосноваться в тропиках. Климат этого острова оказался благотворным для здоровья

писателя. На склоне горы Ваза был расчищен участок и построен большой дом. Здесь были написаны лучшие книги Стивенсона: «Остров сокровищ», «Странная история доктора Джекила и мистера Хайда», «Похищенный», «Владелец Баллантрэ», «Берег Фалеза» – один из лучших рассказов, когда-либо созданных о южных морях. В 1894 г. у 44-летнего Стивенсона произошло кровоизлияние в мозг. Писателя похоронили на вершине горы Ваза, а на его надгробном памятнике были высечены заранее написанные им строки «Реквиема».

Жизнь среди индейцев

Отправившись в 1878 г. в свое первое путешествие по северу США, юный Джеймс Уиллард Шульц был ошеломлен: «Никогда я не видел более прекрасной страны, чем эти обширные солнечные прерии и величественные горы». На своем пути Шульц встречал индейцев – до этого он читал о них только в книгах, и их вольная кочевая жизнь казалась ему волнующей экзотикой. Добравшись до штата Монтана, он поселился в одной из самых отдаленных торговых факторий, вместе с канадскими охотниками-трапперами совершал походы по окрестностям, посещал индейские поселения, знакомясь с бытом и нравами индейцев. Дело кончилось тем, что Шульц окончательно перебрался жить в индейское стойбище. Он поселился у племени «черноногих» в их резервации в провинции Альберта (Канада) и прожил с ними более 15 лет. Шульц даже женился на индианке; родившийся от этого брака сын Шульца воспитывался как индеец. Шульц в совершенстве овладел языком «черноногих»; много времени он проводил со стариками, слушая их рассказы, записывая предания и легенды.

Североамериканский индеец на фоне традиционного жилища – типи. Фото, сделанное самим Джеймсом Шульцем в 1931 г.

В 1903 г. жена Шульца умерла. После этого он навсегда покинул резервацию и вернулся в мир «белых людей». Одна за другой начинают выходить его книги об индейцах – «Моя жизнь среди индейцев», «Глашатай бизонов», «С индейцами в Скалистых горах», «Синопа – маленький индеец», «Ошибка Одинокого Бизона», «Ловец орлов», «Сын племени навахов», «Кража шкуры белого бизона», «Большое знахарство Короткого Лука» – всего более 40 художественных произведений. Шульц стремился рассказать об индейцах – «моем народе» – все, что знал. Герои его книг не похожи на тех индейцев, которых мы встречаем на страницах книг Фенимора Купера, Густава Эмара и Майн Рида. Эти писатели в своих книгах обычно рисуют индейцев либо злодеями, либо романтическими «детьми природы». У Шульца индейцы – живые люди, страдающие и радующиеся, со всеми достоинствами и недостатками обычных людей; язык его книг близок образному языку индейцев.

Бегство Артюра Рембо

Артюр Рембо с детских лет жаждал свободы. В 15 лет он впервые убежал из родительского дома в Шарлевиле и добрался до Парижа, где его задержала полиция. Потом был новый побег. На этот раз он сумел достичь Бельгии, но мать опять с помощью полиции возвратила сына домой. Через несколько месяцев он уже снова был вдали от дома – в Париже. Всю свою дальнейшую жизнь Рембо будет куда-то стремиться... А началось все с этих самых побегов из дома.

В 1871 г., попав в Париж, он участвовал в событиях Парижской коммуны. Вернувшись в том же году в Шарлевиле, Рембо посылает свои первые стихи Полю Верлену, в ту пору уже известному поэту, после чего получает приглашение в столицу. Вместе с Верленом Рембо путешествовал по Франции и Бельгии, довольно долго жил в Лондоне, потом вновь отправился в дорогу, странствовал по Германии, Швейцарии, Италии, разъезжал с бродячим цирком, торговал безделушками на базарах, пытался косить траву в голландских селах и, наконец, записался волонтером в голландскую колониальную армию, но по прибытии на Яву дезертировал. Вернувшись в Старый Свет, Рембо побывал в Египте, на Кипре, где какое-то время работал на каменоломнях, потом поступил на службу в качестве торгового агента фирмы «Вианне, Барде и К^о» и поселился в Адене, начисто отказавшись от всех прежних мечтаний. Истинный поэт бросает поэзию и превращается в торговца слоновой костью и кофе, словно бы стараясь убежать от литературной славы, которая, однако, шла за ним по пятам.

Юный Артю́р Рембо

Рембо побывал на Занзибаре, потом переселился в Абиссинию, где прожил свыше 10 лет, совершая торговые экспедиции в глубь страны. Он принялся копить деньги, чтобы со временем начать «солидную» жизнь, но именно это время к нему как поэту приходит широкое признание. Друзья в Париже издали его стихи, Верлен написал о нем яркую статью. Он, однако, ничего не хотел знать об этом и о своем литературном прошлом отзывался пренебрежительно.

В феврале 1891 г. Рембо, упав с лошади, тяжело заболел и был вынужден вернуться в Европу для лечения. В ноябре того же года поэт умер в Марсельском госпитале мучительной смертью.

«Сквозь Черчерские дикие горы...»

Николай Гумилев вряд ли знал о том, что в абиссинском Харэре, куда он так стремился попасть, 10 долгих и мучительных лет прожил другой поэт – Артюр Рембо. Судьбы двух поэтов по непонятному совпадению пересеклись в крошечной точке великого континента – в Харэре, хотя и с разницей в 20 лет. Но Рембо ехал в Африку, чтобы покончить с поэзией и начать жизнь «конкистадора»; Гумилев же – для того, чтобы «в новой обстановке найти новые слова».

Гумилев побывал в Африке четырежды. Черный континент манил к себе поэта еще с детства. Первый раз он побывал в Африке в 1908 г., посетив Египет. Потом были три поездки в Восточную Африку – Джибути, Сомали, Абиссинию. Третье, и последнее, свое путешествие в 1913 г. Гумилев совершил в качестве руководителя экспедиции Академии наук. В качестве помощника с ним отправился его племянник Н.Л. Сверчков. Маршрут экспедиции пролегал от порта Джибути в Харэр, один из самых древних городов Эфиопии, а оттуда с караваном по юго-западу страны. В пути исследователи должны были «делать снимки, собирать этнографические коллекции, записывать песни и легенды, собирать зоологические коллекции».

Николай Гумилев

Через Одессу Гумилев добрался до Стамбула, где познакомился с турецким консулом Мозар-беем, ехавшим в Харэр. В дальнейший путь они отправились вместе. Из порта Джибути путешественники должны были отправиться в глубь страны по железной дороге, но, пройдя 260 километров, поезд остановился из-за того, что дожди размыли полотно. Гумилев, Мозар-бей и Сверчков раздобыли у рабочих ручную дрезину и ехали на ней 80 километров. Приехав в Дыре-Дауа, экспедиция отправилась с караваном в Харэр. В этом городе путешественники провели более 2 недель. Из Харэра караван Гумилева снова двинулся к Дыре-Дауа, а оттуда на запад, в сторону Черчерских гор, затем к реке Уаби. Большая часть пути шла по высокогорью, на высоте от 1500 до 2500 километров над уровнем моря и даже выше. Здесь температура воздуха была терпимой, но при спусках в долины жара становилась невыносимой. Запасы пропитания пополняли охотой, а вот воды порой не хватало. Гумилева трепала лихорадка.

Восемь дней от Харрара я вел караван
Сквозь Черчерские дикие горы
И седых на деревьях стрелял обезьян,
Засыпал средь корней сикоморы.

Вконец измученные путешественники спустились в долину Дера, откуда благополучно добрались до Харэра. В середине августа Гумилев уже был в Джибути. В Россию поэт вернулся в сентябре 1913 г.

Снежная тропа Джека Лондона

Детство Джека Лондона не было радужным. Но, несмотря на тяжелые материальные условия, он с раннего возраста пристрастился к чтению. Уже в юности в нем проявилась и страсть к путешествиям: окончив школу, будущий писатель на сэкономленные деньги купил старый ялик, на котором плавал по заливу Сан-Франциско, не боясь даже сильных ветров. Потом он промышлял «устричным пиратством», то есть браконьерствовал на устричных отмелях, а потом служил на патрульном судне, воюя с такими же браконьерами, каким он сам был еще недавно. В 1893 г. Джек Лондон нанялся матросом на парусную шхуну и отправился к берегам Японии и в Берингово море охотиться на котиков и, вернувшись спустя 7 месяцев домой, написал свой первый очерк «Тайфун у берегов Японии». На конкурсе этот очерк получил первую премию и был опубликован в одной из калифорнийских газет. В судьбе Джека Лондона это ничего не изменило: он по-прежнему кое-как перебивался, работал на джутовой фабрике и, узнав о готовящемся массовом походе безработных на Вашингтон, вступает в ряды этой «армии». Вместе с тысячами других участников похода он прошел и проехал сотни километров, но до Вашингтона так и не добрался. Отбившись в пути, будущий писатель скитался по стране в поисках заработка, месяц провел в тюрьме за бродяжничество. Наконец, удача, кажется, улыбнулась ему: из газет Джек Лондон узнал, что на Аляске нашли золото, и туда сразу же хлынул поток старателей. Недолго думая, он весной 1887 г. вместе со своим шурином Шепардом отправляется на поиски золота. От Сан-Франциско они морем добрались до Скагуэя, откуда предстоял нелегкий переход через Чилкутский перевал: снаряжение и провиант нужно было переправлять на себе. Шестидесятилетнего Шепарда это устрашило, но Джек Лондон был готов преодолеть любые препятствия. С тремя такими же искателями счастья ему предстояло переправить 8000 фунтов поклажи на многие сотни миль вверх по реке Юкон, и здесь путешественнику весьмагодились его физическая сила и знание морского дела. Но добраться до цели так и не удалось: Джеку Лондону и его друзьям пришлось зазимовать в 70 милях от Доусона. Заболев цингой, писатель вынужден был возвратиться в Сан-Франциско. Золота он так и не нашел, зато

встретил героев своих будущих рассказов – простых мужественных людей, идущих через «белое безмолвие» и преодолевающих трудности «снежной тропы». Эти рассказы принесли Джеку Лондону всемирную популярность.

Джек Лондон с супругой на борту «Снарка»

Став уже признанным автором, Джек Лондон вместе с женой отправился в далекое плавание на яхте «Снарк». Об этом путешествии по Тихому океану к Соломоновым островам и обратно Джек Лондон рассказал в книге «Путешествие на «Снарке»» (1911). Оно заняло почти 2 года. Яхта прошла многие тысячи миль, путешественники побывали на десятках островов, и, что самое важное, во время путешествия Джек Лондон написал лучшее свое произведение – автобиографический роман «Мартин Иден», предсказав собственную трагическую развязку. Писатель ушел из жизни, едва лишь перешагнув через порог своего 40-летия...

Эрнест Хемингуэй: на войне и без войны

На годы жизни Эрнеста Хемингуэя пришлось несколько войн. Можно ли считать его участие в этих европейских конфликтах путешествиями? В известном смысле, наверное, да. Во всяком случае, время, проведенное на Итальянском фронте Первой мировой войны, в осажденном Мадриде конца 1930-х и с французскими партизанами в Нормандии в 1944 г., не было для него бесплодным: участие в этих событиях позволило Хемингуэю написать самые известные свои книги. Однако свои путешествия будущий писатель начал еще задолго до фронтового опыта, когда вместе с отцом, врачом по профессии, отправлялся на охоту, рыбалку или в индейские резервации. В 1921 г. Хемингуэй уехал в Париж. Годы, проведенные в этом городе, стали счастливым временем, которое много лет спустя отразится в его книге «Праздник, который всегда с тобой». В начале 1930 г. писатель вернулся в США, поселился в Ки-Уэсте на крайнем юге Флориды и на собственном катере «Билар» начал выходить в море к берегам Кубы и Багамских островов. В 1933 г. Хемингуэй, заядлый охотник, отправился на длительное сафари в Африку – это было его давней мечтой. Он разбил лагерь в районе озера Танганьика, откуда совершал дальние охотничьи экспедиции, но в середине января 1934 г. заболел и был вынужден вернуться назад.

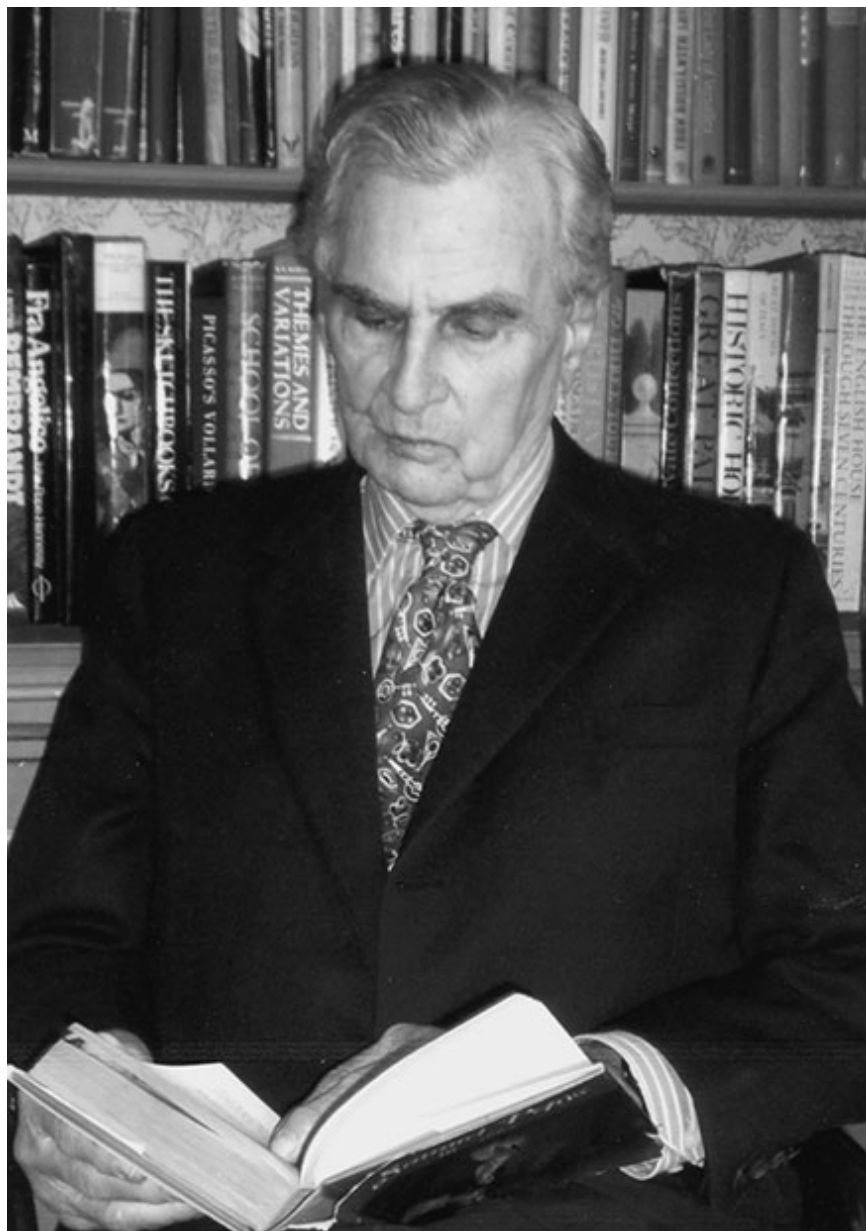
Во время охоты в Африке

После войны в Испании Хемингуэй переехал на Кубу. Он прожил здесь около 20 лет, с перерывом на время войны: в 1944 г. писатель присоединился к войскам союзников в Нормандии. До 1960 г. он жил в собственном доме неподалеку от Гаваны. Отсюда он во второй раз ездил на сафари в Африку, где пережил немало приключений: крушение самолета, пожар в саванне... Это было последней большой поездкой Хемингуэя: в 1960 г. писатель вынужден был вернуться в США.

В Стамбул пешком

Патрик Майкл Ли Фермор прожил долгую жизнь, прославился как писатель, ученый и герой Второй мировой войны, сыгравший большую роль в греческом движении Сопротивления. А первая слава пришла к нему еще в начале 1930-х гг., когда 18-летний Фермор решил отбыть в путешествие пешком через всю Европу, от Хук-ван-Холланда в Голландии до Константинополя (Стамбул) в Турции.

Он отправился в путь 8 декабря 1833 г. Багаж его, сложенный в рюкзак, состоял из нескольких пар белья, двух книжек – сборника стихов английских поэтов и «Оды» Горация – и рекомендательных писем к важным персонам, с которыми ему предстояло встретиться по пути. Последнее было нелишней предосторожностью, поскольку время было тревожное: в Германии к власти уже пришел Гитлер. Денег у молодого человека практически не было; правда, по пути он, будучи в крупных городах, иногда наведывался на почту, чтобы получить от матери денежный перевод «до востребования» – в Мюнхене, например, он таким образом получил 5 фунтов... И все же это была новая жизнь. Свобода!

Патрик Фермор в свой 94-й день рождения

Он ночевал в сараях и в хижинах пастухов, порой пользовался гостеприимством провинциальных аристократов или бургомистров маленьких немецких городов, частенько останавливался на ночлег в монастырях, попадавшихся на его пути. Крестьяне угощали его хлебом, яйцами, сыром и яблоками, потчевали пивом и шнапсом. Благодаря щедрости людей, с которыми путешественник встречался на своем пути, Фермор не испытывал нужды ни в чем. Впрочем, он избрал такой

способ передвижения не из-за бедности, а по собственному выбору, стремясь приобрести опыт, познать жизнь во всем ее разнообразии...

В день путешественник проходил 15–18 миль. Вот и Дунай – скорее зеленый, чем голубой. Путь от Вены до Будапешта он прошагал за 2 недели. Дальше лежали равнины Венгрии, потом Балканские горы... 1 января 1935 г. Фермор пришел в Константинополь, преодолев около 1400 миль. Отдохнув, путешественник вновь отправился в дорогу – на этот раз в Грецию. Здесь, в Афинах, он встретился с румынской художницей Бэлашей Кантакузино, которая стала его женой. Молодожены поселились на острове Порос, где она рисовала, а он писал. А писать было о чем! Первые публикации Фермора заставили читающую публику заговорить о молодом таланте. Потом была война... К путешествию, совершенному им в молодости, Фермор вернулся спустя много лет, опубликовав на основе своих путевых заметок две книги – «Время даров» (1977) и «Между лесом и водой» (1986). То, что писатель обратился к этой теме лишь много лет спустя, возможно, только пошло его книгам на пользу: повествование, насыщенное историческими, географическими, лингвистическими и этнографическими сведениями, ведется от имени опытного рассказчика, за плечами которого не только 1400 миль, пройденных до Стамбула, но и целая жизнь...

Уилфред Тесиджер, король пустыни

Уилфред Тесиджер родился в Аддис-Абебе: его отец занимал пост британского посла в Эфиопии. Послу учебы в Англии ему снова пришлось вернуться в Африку: император Эфиопии Хайле Селассие лично пригласил молодого выпускника Оксфорда на свою коронацию. Так в 1930 г. уроженец Аддис-Абебы вновь оказался в этом городе. А в 1933 г. Тесиджер во главе экспедиции, финансируемой Королевским географическим обществом, отправился к верховьям реки Аваш. Во время этого путешествия Тесиджер первым из европейцев вступил на земли султаната Аусса (на севере Эфиопии) и побывал на берегах озера Аббе, откуда повел экспедицию на восток, к заливу Таджура. Впоследствии, в 1935 г., Тесиджер служил в колониальной администрации в Дарфуре и на Верхнем Ниле, с началом Второй мировой войны сражался с итальянцами в Эфиопии и в Северной Африке. А в 1945 г. он уже был в Аравии: организация по борьбе с саранчой направила его в южные пустынные районы этого полуострова изучать природу здешних мест. Перед путешественником открылись бескрайние пески Руб-эль-Хали – обширной пустыни, протянувшейся через весь юг Аравийского полуострова и подступающей к его юго-западному, южному и восточному побережьям...

Уилфред Тесиджер в арабской одежде

Почти 5 лет, с 1945 по 1949 г., Тесиджер путешествовал по югу Аравии. Он прославился тем, что дважды пересек Пустую Четверть – «пустыню пустынь», одно из самых гиблых мест на земле. Это огромное безводное пространство, занимающее юго-восточную четверть Аравийского полуострова, представляет собой безжизненный песчаный океан; даже пустыня Сахара по сравнению с ним может показаться цветущим садом. Английский путешественник стал одним из первых европейцев, побывавших в этих местах. Позже Тесиджер

писал: «Ни один побывавший здесь не останется таким, каким был прежде. Через всю жизнь он пронесет в душе печать пустыни, печать, выжженную огнем. А также настойчивое желание, глубина и интенсивность которого зависит от характера данной личности, снова вернуться в засыпанные песком пространства». О своих странствиях в пустыне путешественник рассказал в книге «Арабские пески» (1959). После этого Тесиджер побывал еще во многих странах и областях – Ираке, Иране, Курдистане, Западной Африке, Пакистане и Кении, написал книгу об обитателях низовий Тигра и Евфрата – «Болотные арабы» (1964), но все же более всего он прославился как покоритель пустыни Руб-эль-Хали.

Приключения Эрика Ньюби

Джордж Эрик Ньюби, как и его отец, многие годы работал в той сфере, которая, вообще говоря, исключает всякие далекие путешествия, связанные с опасностью и риском, а именно – в мире моды. Однако жизнь его оказалась очень беспокойной – во многом благодаря беспокойному характеру этого человека.

Еще подростком он убежал из дома, намереваясь наняться юнгой на какой-нибудь корабль и уйти в море, но был пойман и водворен в отчий дом. Его любовь к морю на время нашла себе выход в увлечении греблей. Даже в день своей свадьбы Ньюби отправился в плавание по Темзе вместе со своим шафером и так увлекся, что опоздал на пароход, который должен был доставить молодоженов на материк: свой медовый месяц они планировали провести в Париже...

В 1938 г. Ньюби на финском паруснике «Мошулу» участвовал в так называемой «пшеничной гонке» – традиционной регате грузовых парусных кораблей, маршрут которой пролегал из Австралии в Европу вокруг мыса Горн. Это плавание Ньюби впоследствии описал в своей книге «Последняя пшеничная гонка», хотя гонка 1938 г. была не последней: после этого состоялись еще две подобные регаты, последняя – в 1949 г. Очевидно, писатель имел в виду последнюю предвоенную гонку, поскольку в следующем году началась Вторая мировая война, в которой Ньюби принял самое активное участие. В августе 1942 г. он в составе группы британских «коммандос» высадился на побережье Сицилии. Эта операция потерпела неудачу, а Ньюби попал в плен. Его отправили в лагерь для военнопленных в Фонтанеллато близ Пармы, откуда он с группой других британских солдат сумел бежать и скрыться в Апеннинских горах. Спасти беглецу помогла местная жительница-словенка. После войны она стала женой Ньюби и его спутницей во многих путешествиях. Эти события отражены в книге Ньюби «Любовь и война в Апеннинах».

Эрик Ньюби

Демобилизовавшись в 1945 г., Ньюби какое-то время работал торговым агентом в ателье мод, но жажда далеких странствий не оставляла его, и в 1956 г. он вместе со своим другом Хью Чарлессом отправляется в Гиндукуш на покорение одной из самых труднодоступных вершин в Нуристанских горах – горы Мир Самир (6060 м). Идея эта выглядела безрассудной хотя бы потому, что весь опыт горных восхождений Ньюби исчерпывался короткими прогулками по горам Уэльса. К этому следует добавить и тот факт, что за 50 последних лет в Нуристане не было ни одного европейца. Более месяца путешественники с приключениями пробирались по горам и горным долинам. На Верхнем Панджере произошла встреча, живо напомнившая встречу Ливингстона и Стэнли: Ньюби и Чарлесс встретились с Уилфредом Тесиджером, «королем Аравийской

пустыни», как раз в то время пешком совершавшим путешествие по Афганистану. О своих приключениях Ньюби рассказал в книге «Короткая прогулка по Гиндукушу», сделавшей его имя популярным во всем мире.

Позднее Ньюби еще не раз пускался в рискованные путешествия. В 1963 г. он впервые в истории прошел на веслах по всему Гангу, от верховьев до устья – 1200 миль! – а затем также впервые в истории Ньюби спустился по реке Уокуэйоукастик – притоку реки Мусс в канадской провинции Онтарио. В результате этих путешествий родились новые книги; ныне имя Ньюби стоит в числе лучших авторов, работавших в жанре путешествий.

Маленькая женщина в большом мире

Эта маленькая хрупкая женщина прославилась не только как писательница, но и как одна из самых выдающихся путешественниц XX столетия. Впрочем, одно непосредственно связано с другим: без ее путешествий не было бы книг, а на далекие странствия ее толкнуло желание увидеть мир и рассказать о нем людям.

Путешествия британской писательницы Фрейи Старк начались в ноябре 1927 г. Освоив арабский язык в школе востоковедения в Лондоне, она избрала маршрутом своего путешествия Ближний Восток. Путешественница не блистала здоровьем, у нее было слабое сердце, но она рассудила, что умереть с равным успехом можно и дома в постели, не увидев всех красот и опасностей мира (к слову сказать, это решение оказалось правильным: Фрейя Старк дожила до 100 лет). Сев на корабль, направлявшийся от берегов Италии в Бейрут, Фрейя Старк добралась до Ливана. Оттуда ее путь лежал в Ирак, в ту пору являвшийся британским протекторатом, где путешественница получила поддержку британского верховного комиссара. В 1928–1931 гг. Фрейя Старк совершила три опасных похода в совершенно дикие и неисследованные области Западного Ирана, где еще никогда не ступала нога европейца, установила местонахождение легендарной Долины Ассасинов – средневековой секты фанатиков-убийц и отыскала древнюю крепость Аламут – бывшую «столицу» ассасинов. Впоследствии ее исследования послужили основой для составления карты этого района. О своих приключениях Фрейя Старк рассказала в книге «Долина Ассасинов» (1934).

Фрейя Старк в преклонные годы

В середине 1930-х гг. Фрейя Старк совершила еще более опасное путешествие в пустынные районы Южной Аравии, проникнув туда через Хадрамаут. Она стала первой европейской женщиной, пересекшей Аравийскую пустыню, и посетила места, где до нее отважилась побывать только небольшая горстка европейских исследователей. Богатые впечатления от путешествия по Аравии отразились в книгах Фрейи Старк «Южные ворота Аравии: путешествие в Хадрамаут» (1936), «Вглядываясь в Хадрамаут» (1938) и «Зима в Аравии» (1940). В годы Второй мировой войны писательница работала в британском министерстве информации и внесла свой вклад в создание пропагандистской сети «Братство Свободы», нацеленной на то, чтобы убедить арабов поддержать союзников или, по крайней мере, оставаться нейтральными.

Свои первые послевоенные путешествия Фрейя Старк совершила по Турции. Она прошла путем Александра Македонского от Карию до

Киликии, выпустила несколько книг путевых заметок – «Поиски Ионии» (1954), «Ликийский берег» (1956), «Дорога Александра» (1958), потом побывала в Афганистане и в 1970 г. опубликовала книгу об этой стране «Минарет Джам: путешествие в Афганистан». Тонкий наблюдатель и интересный рассказчик, Фрейя Старк стала одним из самых популярных авторов книг об увлекательных путешествиях.

Русский дневник Джона Стейнбека

Джон Стейнбек родился в Калифорнии, в маленьком городке. Он проводил лето, работая на близлежащих ранчо, много путешествовал по округе, знакомясь с местными лесами, полями и фермами. Писательский успех пришел к нему в 1935 г., а спустя 5 лет Стейнбек с друзьями отправляется в морское путешествие вокруг Калифорнийского залива для сбора биологических образцов. Впечатления от этой поездки позже вошли в книгу «Море Кортеса». В 1943 г. Стейнбек в качестве военного корреспондента отправляется в Европу. Он участвовал в боях в Северной Африке, был ранен, вернулся домой, а летом 1947 г. отправился в уникальное для того времени путешествие по СССР: «Ежедневно в газетах появляются тысячи слов о России... все это пишут люди, которые в России не были, а их источники информации далеко не безупречны. И нам вдруг пришло в голову, что в России есть много такого, о чем вообще не пишут, и именно это интересовало нас больше всего. Что там люди носят? Что у них на ужин? Бывают ли там вечеринки? Что они едят? Как русские любят, как умирают? О чем они говорят? Танцуют, поют, играют ли они? Ходят ли их дети в школу? Нам показалось, что было бы неплохо выяснить это и написать обо всем этом... Мы условились о следующем: не лезть на рожон и постараться, с одной стороны, не очень хвалить русских, с другой – не слишком их критиковать. Это будет просто честный репортаж: без комментариев, без выводов о том, что мы недостаточно хорошо знаем, и без раздражения на бюрократические препоны. Мы знали, что будет много такого, чего нам не понять, что нам не понравится, и что будет много неудобств. Так происходит всегда в любой чужой стране. Но мы решили, что если и будем что-нибудь критиковать, то лишь после того, как сами это увидим, а не до того».

Джон Стейнбек

В сопровождении фотографа Роберта Капа Стейнбек посетил Москву, Киев, Тбилиси, Батуми и Сталинград. Это было поистине открытие страны: два американца стали первыми со времен коммунистической революции путешественниками с Запада, побывавшими во многих уголках советской провинции. По результатам этой поездки в 1948 г. на свет появилась книга «Русский дневник». Ее ждала непростая судьба: в эпоху «холодной войны» в Америке книгу сочли чересчур «просоветской», а в СССР – «антисоветской». В

сущности, обе эти точки зрения стали признанием того факта, что книга Стейнбека получилась объективной. Признанием этого стало и присуждение писателю в 1962 г. Нобелевской премии, в том числе и за «Русский дневник». А злосчастная книга была впервые издана в СССР только в 1990 г.

Человек «Оленьего края»

До 28 лет Фарли Моуэт был известен как уважаемый и авторитетный доктор юридических наук. Но в самый разгар юридической карьеры он почувствовал другое призвание и поступил на биологический факультет университета в Торонто. Возможно, на это решение повлияли юношеские впечатления Моуэта, его поездка на север с дядей-орнитологом, предпринятая в 1935 г. Окончив университет в 1949 г., Моуэт начал работать в Службе изучения животного мира Канады, по заданию которой в конце 1950-х гг. отправился в тундру для изучения волков. Эта экспедиция, давшая весьма интересные результаты, позже послужила материалом для книги Фарли Моуэта «Не кричи: “Волки!”».

После этого начались его обстоятельные путешествия по канадскому Северу и Аляске; дважды (в 1966–1969 гг.) он побывал в Сибири, исколесив ее от Магадана до Новосибирска и от Ледовитого океана до Байкала, объехав на автомашине, на собачьих упряжках, облетев на вертолетах и самолетах более 45 тысяч километров. В итоге на свет появилось более 20 книг, основанных на материалах и впечатлениях от поездок по северу страны в 1960—1970-х гг.: «Канадский Север», «Люди Оленьего края», «Кит на закланье», «Уводящий по снегу», «Следы на снегу» и др. В творчестве писателя отразились глубокое знание природы и людей родного края и желание улучшить их «взаимоотношения». Главным объектом интереса Моуэта стала жизнь эскимосов и индейцев Севера. Современные путешественники и покорители ледовых пространств Севера многому научились у северных народов. Кроме знаменитых собачьих упряжек эскимосы, как известно, изобрели ряд других полезнейших вещей: закрытую «мужскую» охотничью байдарку – каяк, глухую меховую одежду – парку, поворотный гарпун, открытую кожаную «женскую» лодку – умиак, не говоря уже об иглу – жилище из снега, когда плиты укладываются так, что каждая верхняя выступает над нижней, пока не получается купол-полушарие. Есть примеры сооружения снежных хижин в 12 метров диаметром! Поселившиеся на Севере европейцы переняли и еще одно из индейских изобретений – снегоступы, широкие плетеные лыжи в форме теннисных ракеток. Не менее важна

отмеченная Моуэтом и культура взаимоотношений в суровых природных условиях у тех же эскимосов: стремление понять другого, а затем уже действовать; помочь умирающему, страдающему, а потом уже судить его поступки. В новеллах о давнем и недавнем прошлом эскимосского народа Моуэт передает тесную связь мирозерцания эскимосов и природы их сурового края. Большинство новелл писателя имеет документальную основу.

notes

Примечания

1

Ныне озеро Рудольфа переименовано в озеро Туркана.

По материалам М. Павлушенко.